

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856223 2

(VESTNIK)

QCA

ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТѢРѢТУРѢ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1892.

Стр.

I.—АНГЛОМАНИЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО во Франціи XVIII-го вѣка. — Очерки. — I. III. — М. М. Ковалевскаго	5
II.—ВЪ ГЛУХОМЪ МѢСТЕЧКѢ. — Разсказъ. — II. Наумова	36
III.—ПИСЬМА С. П. ВОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ. — 1877 г. — 43-48.	93
IV.—ИЗЪ ТЕННИСОНА. — I. Двѣ сестры, баллада. — II. Лэди Клара Веръ-де-Веръ. — О. Михайловой.	123
V.—ГАМБЕТТА. — Первое десятилѣтіе французской республики. — Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta. — Е. И. Утина	136
VI.—ДЖЕРАРДЪ. — Романъ въ двухъ частяхъ, м-сь Бреддонъ. — Часть вторая: VII. XI. — Съ англійскаго. — А. Э.	180
VII.—НАША КОЛОНИЗАЦІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ. — Русскіе поселки въ Туркестанѣ. — Н. А. Дингельштедта	231
VIII.—НОВЫЯ ДВИЖЕНІЯ СРЕДИ РУССКИХЪ ГАЛИЧАНЪ. — Р. Я.	258
IX.—ВНѢШНІЯ УСЛОВІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. — Очерки исторіи русской цензуры (1700 — 1863 г.), А. М. Скабичевскаго. — А. В-нъ	280
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Микель Анджело. — II. Паревонъ. — Д. Мережковскаго	328
XI.—ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. — Очеркъ. — Л. Э. Слонимскаго.	332
XII.—ХРОНИКА — Мнимыя и дѣйствительныя мѣры въ подъемъ народнаго благосостоянія. — Вл. С. Солоньева.	353
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Отголоски, не соответствующіе звуку. — Жалобы "Гражданина" на зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора. — Рѣчь г. Дерожинскаго и запретъ на крестьянское пивовареніе. — Вопросы о назначеніи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. — Два способа производства городскихъ выборовъ	362
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Особенности французской политической жизни и вопросъ о Кальвинскѣ. — Стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Кармѣ. — Соціальныя вопросы во Франціи. — Внутреннія дѣла въ Италіи и Австро-Венгріи	382
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, Н. Покровскаго. — Очерки исторіи русской цензуры, А. М. Скабичевскаго. — Британскія статьи, изд. М. Н. Чернышевскаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры	398
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Ferdinand de Hénaut, par P. Laffitte. — II. Triple alliance et Alsace-Lorraine, par J. Heimweh. — Л. С.	412
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ прошлагоднаго неурожая. — Письмо госпожи Сфровой о селѣ Судосевѣ. — Земство и школа грамотности. — Школа или мѣры къ увеличенію "престѣжа" власти? — Интересный процессъ. — Характеристика двухъ газетъ	418
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ Комиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ въ Москвѣ. — II. Отъ Сиб. Общества архитекторовъ въ Сиб. о перломъ създѣ русскихъ зодчихъ. — III. Уставъ Сиб. Общества пособія потерпѣвшимъ отъ пожарнаго бѣдствія въ С.-Петербурѣ	454
XIX.—БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Кредитъ для земствъ и городовъ, М. Я. Герценштейна. — Жизнь животныхъ, А. Э. Врэма, Т. I. — Исторія западной Европы въ новое время, Н. И. Карьела, т. II. — Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки, Дж. Уинсора. — Суворовъ, Н. А. Орлова. — Записная книга на 1893 г., изд. К. Риккера.	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1893 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

№ 1. — ТОМЪ СССХХII. — 1/2 НОЯБРЯ, 1892.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

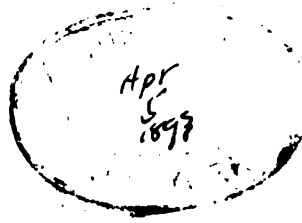
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

15462

(2008)

АНГЛОМАНИЯ и АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО

ВО

ФРАНЦИИ XVIII-го ВѢКА.

ОЧЕРКИ.

I.

Англоманія французовъ прошлаго вѣка сказалась въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, начиная отъ предпочтенія, оказываемаго англійскимъ сукнамъ и англійской системѣ разбитія парковъ и оканчивая стремленіемъ заимствовать англійскія учрежденія, перенести на почву Франціи англійскую конституцію съ ея наслѣдственнымъ перствомъ и мнимымъ равновѣсіемъ властей.

Интересно было бы, однако, прослѣдить, въ какой мѣрѣ увлеченіе, напр., англійскими сукнами, которое наказы 89-го года такъ часто ставятъ въ вину современникамъ, обвиняя ихъ — *hominibus dictu* — въ отсутствіи патріотизма, въ измѣнѣ интересамъ націи, — въ какой мѣрѣ это увлеченіе было продуктомъ пустой моды, или оно отвѣчало вѣрной оцѣнѣ несомнѣнныхъ преимуществъ англійскихъ суконъ надъ французскими?

Исторія быстрого распространенія англійскихъ ситцевъ, несмотря на суровость законодательства, грозившаго пеней въ 1.000 ливровъ всякому, кто дерзнетъ облачиться въ нихъ, также представляла бы не мало серьезныхъ подробностей. Любопытно было бы сопоставить суровость, съ которою законодательство предписывало „обрывать ситцевыя юбки у дамъ“, — съ терпимостью и

даже явнымъ покровительствомъ, какое эта чужеземная мода находила при самомъ дворѣ. Вкусъ герцогини Помпадуръ и привитая ею мода одержали верхъ надъ интересами откупщиковъ, и Гриммъ въ своей перепискѣ съ Екатериной В. могъ снова отмѣтить тотъ фактъ, что побѣда всегда остается на сторонѣ женщины.

Немаловажную роль играетъ въ біографіи такихъ выдающихся людей, какъ Монтескьё, открытая агитація въ пользу замѣны французскихъ садовъ съ ихъ прямолинейными дорожками и стриженными деревьями—англійскими парками съ обширными полянами, цѣлымъ лабиринтомъ тропинъ и мудрымъ правиломъ, что искусство не всегда украшаетъ природу, и что дубы и каштаны не нуждаются въ ножницахъ. Одною изъ серьезнѣйшихъ сторонъ французской англomanіи—надо признать желаніе французовъ прошлаго вѣка уподобиться своимъ сосѣдямъ въ смыслѣ болѣе раціональнаго устройства земледѣлія. Этой цѣли должны были отвѣчать тогда безчисленныя сельскія общества, разсѣянные по всей Франціи, но которыя, если вѣрить Артуру Юнгу, болѣе болтали о пользѣ улучшеній, нежели принимали мѣры въ ихъ осуществленію. Много говорилось въ нихъ о вредѣ чиншевого владѣнія и необходимости замѣны наслѣдственной аренды крестьянъ и полоничества срочнымъ фермерствомъ, о неудобствахъ, какія общинныя угодья, пустоши и пастбища представляютъ для всякой попытки ввести болѣе интенсивное хозяйство и т. п. Не все то, однако, что было задумано въ этихъ кружкахъ, пошло на пользу народному благосостоянію, и англійская мода огораживаній и общинныхъ раздѣловъ отразилась, въ концѣ концовъ, весьма невыгодно на обезземеленіи сельскаго люда путемъ такъ называемыхъ „округленій“.

Тѣ же наказы свидѣлствуютъ, что, благодаря успѣхамъ фермерства, огораживанію пустоши и захвату такъ называемыхъ „communes“ (т.-е. общинныхъ земель), батрачество сдѣлалось во Франціи весьма обычнымъ явленіемъ задолго до того, когда учредительному собранію и конвенту пришло на мысль нанести послѣдній ударъ средневѣковому порядку землевладѣнія—запрещеніемъ наслѣдственныхъ рентъ и обязательнымъ раздѣломъ общинныхъ выгоновъ и лѣсовъ.

Англomanія наложила такимъ образомъ свою печать на вкусы, привычки, моду—и рядомъ съ этимъ—на болѣе серьезныя проявленія общественности, изъ которыхъ, разумѣется, важнѣйшее слѣдуетъ признать сферу соціальныхъ и политическихъ интересовъ. Трудно объять всѣ его проявленія въ тѣхъ ограничен-

ныхъ размѣрахъ, какіе представляетъ журнальная статья. По необходимости приходится сдѣлать выборъ и сѣзуть свою задачу. Такъ поступаю въ данномъ случаѣ и я, предлагая читателямъ исключительно очерки того вліянія, какое увлеченіе англійской конституціей, или вѣрнѣе—тѣмъ, что думали найти въ ней, оказало на политическія реформы прошлаго столѣтія и въ частности на учредительную дѣятельность національнаго собранія.

Несравненно болѣе односторонне было воздѣйствіе на Францію американскихъ порядковъ. Въ такой новой странѣ, какъ Соединенные-Штаты, нельзя было, конечно, заимствовать ни улучшенныхъ пріемовъ хозяйства, ни предметовъ моды и роскоши. Но было чему поучиться въ другой области—области соціальной и политической.

Мы постараемся указать, въ какой мѣрѣ французы прошлаго столѣтія обязаны американцамъ своимъ стремленіемъ къ „опрощенію“ и нивелированію, какъ воспользовались они даннымъ Американскою урокомъ если не имущественнаго, то гражданскаго равенства. Мы зададимся также вопросомъ, насколько религіозная терпимость, отсутствіе господствующей церкви, тѣсная связь народа съ землей и преобладаніе мелкой собственности—остановили на себѣ вниманіе того новаго поколѣнія государственныхъ людей, которое въ лицѣ Лафайета, Ларошфука, Бриссо и другихъ, прошло предварительный искусъ въ спартанской обстановкѣ американской гражданственности.

Мы остановимся наконецъ на вопросѣ о впечатлѣніи, какое на людей 89-го года произвело господство въ Соединенныхъ-Штатахъ избирательной системы при замѣщеніи должностей—широкое право голосованія, строгое отдѣленіе законодательства и исполненія, выборный характеръ суда, однимъ словомъ—вся та система самопомощи и самоуправленія, которая хотя и заимствована была американцами изъ Англіи, но нашла въ демократическихъ условіяхъ ихъ жизни несравненно болѣе благодарную для себя почву.

Но прежде, чѣмъ говорить о той печати, какую англоманія и американофильство наложили на тѣ новые общественные и государственные порядки, созданіемъ которыхъ задалась Франція прошлаго вѣка,—намъ необходимо разсѣять одно недоумѣніе. Чтѣ, спрашивается, вызвало мысль о заимствованіи, и не было ли возможности самостоятельнаго переразвитія тѣхъ основъ, которыя заимствованы были новой Франціей ея *ancien régime*—„старымъ порядкомъ“.

II.

Членамъ учредительнаго собранія не разъ дѣлался упрекъ въ томъ, что ихъ политическое созданіе—конституція 91 года—не имѣетъ корней въ прошломъ. Со стороны англичанина, для котораго давно сдѣлалось истиной, что учрежденія не выдумываются, а растутъ, такой упрекъ легко объяснимъ. Неудивительно поэтому, если въ своихъ знаменитыхъ „Разсужденіяхъ“ о французской революціи Бёркъ ставитъ обвиненіе въ безпочвенности краеугольнымъ камнемъ своей критики ¹⁾. Столь же понятнымъ кажется намъ отрицательное отношеніе защитниковъ „старого порядка“ къ конституціи, задача которой—не оставить камня на камнѣ отъ этого порядка. Но если возможность подобнаго упрека вполне оправдывалась дѣйствительностью, то остается еще рѣшить, въ какой мѣрѣ учредительное собраніе могло избѣжать его. Спрашивается: возможно ли было ему ограничить свою дѣятельность реформою современнаго государственнаго строя во Франціи, положить въ основу своего законодательства уже прежде существовавшую въ странѣ конституцію; справедливо ли, наконецъ, что подобная конституція дѣйствительно существовала? На эти вопросы въ разное время давались разные рѣшенія. Но для насъ они значенія не имѣютъ, какъ вызванные не столько безпристрастнымъ исканіемъ истины, сколько духомъ партіи. Намъ необходимо поэтому рассмотреть снова эти вопросы, и рассмотреть ихъ исторически. Съ этой именно точки зрѣнія обычные рѣшенія и покажутся односторонними, заключающими въ себѣ не мало преувеличеній и недомолвокъ.

Имѣла ли старая Франція конституцію?—спросимъ мы прежде всего себя.—Несомнѣнно имѣла, въ такой же мѣрѣ, въ какой имѣла ее тогда Англія, Швеція, Савойя, Польша и др. И говоря это, я хочу сказать, что право народнаго представительства—вотировать налоги и давать совѣты правительству по вопросамъ законодательства и управленія—было въ такой же степени признано во

¹⁾ „Ваши вольности,—пишетъ Бёркъ въ своемъ обращеніи къ французамъ,—не отиѣнены; одно пользованіе ими приостановлено. Ваша конституція подверглась, правда, многимъ искаженіямъ; но вы все еще сохранили стѣни этого вѣкогда величественнаго зданія. Его основы были крѣпки. Вамъ слѣдовало строить на нихъ, брать ихъ вашимъ фундаментомъ. Конституція ваша не была закончена; ее упразднили раньше, чѣмъ она успѣла развиться; но въ вашихъ рукахъ все же имѣлись всѣ элементы возможнаго хорошаго государственнаго порядка“ (*Réflexions sur la Révolution de France*, французское изданіе 1791 г., стр. 66).

Франція не только въ XIV и XV, но и въ XVI столѣтіи, въ какой оно считалось одновременно установленнымъ въ любой изъ сословныхъ монархій запада. Но отъ этой конституціи, сдѣлавшейся въ Англіи колыбелью современнаго парламентскаго строя, Франція XVII и XVIII столѣтія удержала только обломки. Генеральные штаты перестали созываться съ 1614 года; провинціальныя собирались изрѣдка, и то въ нѣкоторыхъ немногихъ мѣстностяхъ, выговорившихъ себѣ эту привилегію еще въ эпоху присоединенія къ французской коронѣ. Только одни парламенты—эти нѣкогда могущественнѣйшіе союзники королевской власти—остались на стражѣ старинныхъ вольностей. Ихъ право заявлять недовольство новыми эдиктами (право ремонстраціи) и, смотря по желанію, вносить ихъ въ свои протоколы или отказывать правительству въ ихъ внесеніи, — вотъ все, что Франція XVIII столѣтія удержала отъ старинной системы монархіи, хотя и ограниченной сословіями, но плохо уравнишенной. Трудно было бы Бодэну узнать въ деспотизмѣ министровъ и безмолвіи нѣкогда могущественныхъ общественныхъ группъ—черты той монархіи, подчиненной законамъ и умѣряемой духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей, монархіи, которую въ XVI вѣкѣ Бодэнъ выставилъ въ образецъ законодателямъ и философамъ. Говоря о предстоящей отмінѣ парламентовъ, американскій посолъ Джефферсонъ справедливо могъ замѣтить, что послѣдствіемъ того будетъ полное упроченіе деспотіи. „Я полагаю,—прибавлялъ онъ въ письмѣ отъ 24-го іюня 1788 года,—что и въ настоящее время Франція въ теоріи приближается къ этому типу. Но на практикѣ произволъ ограниченъ въ ней тѣмъ уваженіемъ, какое внушаетъ правительству общественное мнѣніе. Это не мѣшаетъ французамъ повторять вслѣдъ за Монтескьё, что верховные суды, духовенство и дворянство—являются своего рода барьеромъ для всякаго рода захватовъ власти, какъ со стороны короля, такъ и со стороны народа. Не трудно было бы, однако, доказать, что эти предполагаемые барьеры сильны только возможностью апеллировать къ общественному мнѣнію. Сами по себѣ ни эти посредствующія тѣла, ни народъ, не въ состояніи противопоставить какую-либо законную преграду волѣ монарха“¹⁾. Но если политическій строй Франціи XVIII вѣка сохранялъ лишь немногіе слѣды той конституціи, какую Бодэнъ изобразилъ намъ въ своемъ трактатѣ „De republica“, то какая возможность, спрашивается, обвинять дѣятелей 89-го года въ томъ, что, созидая новые полити-

¹⁾ Jefferson to M-r Cutting. Paris, July 24, 1788 (The writings of Thomas Jefferson, 1858, t. II, p. 436).

ческіе порядки, они отрѣшили себя отъ всякой связи съ прошлымъ ¹⁾. Вѣдь все, что осталось отъ этого прошлаго, было вмѣшательство судебныхъ палатъ въ законодательство и управленіе — вмѣшательство, которое прямо противорѣчило господствующей въ то время теоріи раздѣленія властей. Не о сохраненіи, а, наоборотъ, объ устраненіи подобнаго вмѣшательства должны были думать тѣ, кто, подобно членамъ учредительнаго собранія, ставилъ себя цѣлью привести въ соотвѣтствіе политическія учрежденія съ требованіями разума и науки. Провинціальныя штаты и парламенты могли, самое большее, сослужить новой Франціи ту службу, о которой говоритъ Мабли въ своемъ мнимомъ діалогѣ съ милордомъ Стэнгопомъ, — они должны были сдѣлаться якоремъ спасенія для погибающихъ вольностей. „Вамъ необходимо держаться ихъ всѣми силами, — училъ либеральный лордъ: — при ихъ содѣйствіи вы все еще можете не пойти ко дну... Ихъ нельзя задушить сразу, какъ душатъ въ деспотическомъ государствѣ зазнавагося визиря или пашу. Сколько бы ихъ привилегіи ни противорѣчили здравымъ принципамъ политики, какъ бы мало они ни отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія законодатель предъявляетъ къ совершенному образу правленія, ихъ упраздненіе было бы новой побѣдой для произвола“ ²⁾. Эти слова Мабли оказались, какъ извѣстно, пророческими.

Борьба съ парламентами и ихъ временное упраздненіе были послѣднимъ торжествомъ абсолютизма. Такъ смотрѣлъ на это и одинъ изъ современниковъ, знаменитый Джефферсонъ, говорившій, въ письмѣ отъ 24-го іюля 1788 года, объ отмѣнѣ верховныхъ судовъ и о предстоящемъ открытіи *соиг plenière*, какъ о несомнѣнныхъ признакахъ обращенія французской монархіи въ чистую

¹⁾ Если въ цѣломъ Франція не имѣла конституціи, то того же нельзя сказать объ отдѣльных ея провинціяхъ. Бретань, Артуа, Провансъ, Лангедокъ, Наварра и Беарнъ, Дофинъ и другія, подъ именемъ провинціальныхъ вольностей и привилегій сохранили многіе слѣды средневѣковой ограниченной сословіями монархіи. Беря на откупъ у правительства сумму слѣдующихъ съ нихъ налоговъ, ихъ штаты располагали возможностью избрать ту или другую форму обложенія, распределяли подати по собственному усмотрѣнію, внося большую равновѣрность въ разверстку или, наоборотъ, усиливала денежныя тягости средняго сословія и освобождая отъ нихъ дворянъ и духовныхъ. Составъ штатовъ существенно мѣнялъ и на ихъ налоговую политику. Въ Бретани, гдѣ высшія сословія имѣли численное господство, все бремя податей падало почти исключительно на среднее сословіе. Другое дѣло въ Дофинѣ, гдѣ буржуазія имѣла двойное представительство.

²⁾ *Des droits et des devoirs du citoyen* (стр. 408, т. XI полнаго собранія сочиненій, первое изданіе 1794 и 1795).

деспотию ¹⁾. Но, прибавляетъ онъ, общественное мнѣніе благоприятно свободѣ, и французы несомнѣнно быстрыми шагами приближаются въ моменту установленія конституціи. Событія оправдали эти предсказанія. Парижскій парламентъ первый поднялъ голосъ въ пользу политической свободы и потребовалъ созыва генеральныхъ штатовъ ²⁾.

Но если дѣятели 89-го года были поставлены въ невозможность положить въ основу составляемой ими конституціи существующіе во Франціи политическіе порядки, то имъ, очевидно, не оставалось другого исхода, какъ руководствоваться требованіями теоріи или слѣдовать иностраннымъ образцамъ. Они не могли, подобно американцамъ, ограничиться одной надстройкой, увѣнчать зданіе, фундаментъ котораго положенъ былъ вѣками раньше, — первыми англійскими колонистами, пересадившими въ Новый Свѣтъ учрежденія своей родины. Только незнакомство съ дѣйствительнымъ характеромъ того, что привыкли называть старымъ порядкомъ, вызываетъ въ американцѣ Моррисѣ, въ первые мѣсяцы его пребыванія въ Парижѣ, недоумѣніе, — какъ могутъ французы устремлять свои взоры то на Филадельфію, то на Лондонъ, и думать постоянно о заимствованіи. Это кажется ему тѣмъ болѣе страннымъ, что, по его мнѣнію, вполне согласному съ тѣмъ, какого придерживались и въ самой Франціи даже такіе глубокіе революціонеры, какъ Маблі ³⁾, — учрежденія прочны только подъ условіемъ полного соотвѣтствія съ нравами, привычками и всѣмъ жизненнымъ строемъ націи. Но какъ объяснить послѣ этого, что тотъ же Моррисъ въ другомъ мѣстѣ своего дневника настаиваетъ

¹⁾ Jefferson's Works. To M-r Cutting. Paris. July, 24, 1788 (The writings of Thomas Jefferson, т. II, 1853, стр. 486).

²⁾ Тотъ же Джефферсонъ объясняетъ, правда, этотъ шагъ личными мотивами и говоритъ, что парламентъ не считалъ возможнымъ добиться инымъ путемъ своего восстановленія. „Теперь, — пишетъ онъ 4-го декабря 1784 года, — когда цѣль его достигнута, парламентъ уже начинаетъ предвидѣть тѣ опасности, какими грозитъ его политическимъ преимуществамъ восстановленіе народнаго представительства. Слухъ идетъ о томъ, что штаты не оставятъ за нимъ другихъ правъ, кромя тѣхъ, которыя непосредственно связаны съ судебною властью. И въ виду этого парламентъ уже пускается въ интриги и готовъ оспаривать законность предстоящаго собранія, разъ оно окажется ему враждебнымъ“. Ibid., стр. 534.

³⁾ Эту мысль Маблі между прочимъ проводитъ въ своихъ извѣстныхъ разговорахъ съ Фокіономъ (второй и третій разговоры). Здѣсь мы находимъ такого рода сужденіе: „Къ чему послужила бы наилучшая конституція людямъ испорченнымъ? Необходимо первоначально заняться исправленіемъ нравовъ“ (т. X полного собранія сѣщеній). Срав. съ этимъ мѣстомъ разсужденіе Морриса о томъ, что американская конституція не годится для французовъ, такъ какъ нравы этой націи совсѣмъ иныя. Diary and letters of governor Morris (т. I, стр. 69—70).

на необходимости отиѣнить парламенты и другіе верховные суды, т.-е., занести руку на единственные удѣлѣвшіе слѣды того либеральнаго прошлаго, съ которымъ, по его мнѣнію, французамъ слѣдовало бы связать свою новую конституцію ¹⁾? Не въ меньшее противорѣчіе впадаетъ и другой изъ современниковъ, венеціанскій дипломатъ Антоніо Капелло, когда упрекаетъ дѣятелей 89-го года въ англоманію, одностороннемъ увлеченіи политической метафизикой, и въ то же время признаетъ, что во Франціи стараго порядка не было того, что въ строгомъ смыслѣ слова можно назвать конституціей, т.-е. установленной закономъ системы взаимодѣйствія властей ²⁾.

Итакъ, англоманія и американофильство, преклоненіе передъ политическими теоріями, въ которыхъ современники и потомство обвиняютъ творцовъ конституціи 91-го года,—на самомъ дѣлѣ были не болѣе, какъ естественнымъ послѣдствіемъ того хаоса политическихъ учреждений, въ который повергли Францію стараго порядка постепенные захваты абсолютизма. Дѣятели 89-го года были беспочвенны не потому, что имъ непонятна была тѣсная связь учреждений и нравовъ, новыхъ политическихъ созданій и историческаго права, а потому, что у нихъ дѣйствительно не было и не могло быть почвы подъ ногами,—другими словами, потому что зданіе политической свободы не могло быть построено на хаосѣ абсолютизма.

III.

Намъ предстоитъ теперь рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ справедливо само обвиненіе членовъ учредительнаго собранія въ раболѣпін передъ теоріями и иностранными образцами. Одно то обстоятельство, что ихъ одинаково упрекаютъ, одни—въ копированіи англійскихъ порядковъ, другіе—въ томъ, что они не дали Франціи „образцовой“ британской конституціи,—одно уже это способно породить сомнѣніе въ основательности обвиненія. Въ самомъ дѣлѣ, если повѣрить Луи Блану и писателямъ его школы, то неуспѣхъ конституціи 91-го года лежитъ въ непригодности для французовъ перенесенныхъ изъ Англіи учреждений; если же положиться на мнѣніе писателей-доктринеровъ, современниковъ и предшественниковъ Бенжамена Констана, то недостатокъ конституціи 91-го года лежитъ именно въ томъ, что она не надѣлила Францію этими учрежде-

¹⁾ Ibid., т. I.

²⁾ См. депеши Капелло къ венеціанскому сенату за лѣто 1789 года (государственный архивъ въ Венеціи).

ніями. Всего наивнѣе высказываетъ это соболѣзнованіе одинъ изъ первыхъ по времени историковъ французской революціи, Франсуа Пажесъ, говоря: „Учредительное собраніе сдѣлало ту непрости-тельную ошибку, что не ввело у насъ англійской конституціи. Эта конституція обезпечила бы благополучіе современнаго поко-лѣнія и устранила бы наступленіе тѣхъ бѣдствій, которыя одно время поставили на карту дѣло революціи. Заимствуй Франція изъ Англіи систему двухъ палатъ, эмиграція дворянства сдѣлалась бы немыслимой, и тѣмъ самымъ устранена была бы важнѣйшая причина раздирающей Францію междоусобной войны“ ¹⁾.

Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ конституція 1791 года является снимкомъ съ англійскаго образца, далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Необходимо прежде всего выяснитъ себѣ, какъ понимали англійскую конституцію дѣя-тели 89-го года, и въ какой мѣрѣ ихъ пониманіе отвѣчало дѣйстви-тельности. Для сужденія по этому предмету слѣдуетъ познако-миться съ тѣми источниками, изъ которыхъ французы конца во-семнадцатаго вѣка черпали свои свѣденія объ „англійской сво-бодѣ“; ихъ показанія на этотъ счетъ необходимо сопоставить за-тѣмъ съ тою картиною, какая сама собою возникаетъ въ умѣ при изученіи политическаго строя Англіи при первыхъ трехъ правителяхъ ганноверской династіи. Правда, многіе изъ тѣхъ, кого революція выдвинула во Франціи, имѣли случай не разъ посѣтить Англію. Мирабо, Этьенъ Дюмонъ, маркизъ Казо, Би-рднѣ, Бриссо ²⁾, господинъ и г-жа Роланъ, Банваль дезъ-Иссаръ,

¹⁾ См. *Histoire secrète de la révolution française*, par François Pagès, т. I, изд. 1797 года, стр. 412 и 418.

²⁾ Въ воспоминаніяхъ Этьена Дюмона говорится между прочимъ о томъ, что во время своей побѣды въ Лондонѣ, въ 1784 году, Мирабо сблизился съ Ромилли, трактатъ котораго о порядкѣ преній въ англійской палатѣ общинъ, въ переводѣ Дюмона, былъ предложенъ въ послѣдствіи народнымъ трибуномъ національному собранію и вы-звалъ съ его стороны извѣстный отвѣтъ: „мы не хотимъ быть англичанами“ (см. *Souvenirs de Dumont*, стр. 6).

Этьенъ Дюмонъ, родомъ женевецъ, задолго до революціи переселился въ Анг-лію, гдѣ сблизился со многими депутатами лѣвой. Близость съ Ромилли, чтеніе Де-юмыа, почти ежедневные разговоры о политикѣ—произвели на Дюмона ожидаемое дѣйствіе и въ своихъ воспоминаніяхъ, возвращаясь къ эпохѣ, когда онъ, въ сообще-ствѣ съ Кляверомъ, Рейбакомъ, Дюверомъ и Пеленкомъ, сотрудничалъ въ состав-леніи рѣчей Мирабо, онъ говоритъ: „всѣ мы имѣли въ головѣ англійскую консти-туцію. Дѣленіе представительства на двѣ палаты казалось намъ необходимымъ. Безъ этого, думали мы, національное собраніе не будетъ имѣть удержу“ (*ibid.*, стр. 78).

Маркизъ де-Казо, принадлежавшій къ французской семьѣ, благодаря рожденію въ отомедшей къ Англіи колоніи, считался англійскимъ подданнымъ. На его из-вѣстномъ памфлетѣ: „Простота идеи конституціи“ (*De la simplicité de l'idée d'une*

Андре Шенье и мн. друг. могли почерпнуть свои свѣденія объ англійскихъ порядкахъ не изъ однихъ только чтеній, но и путемъ непосредственнаго наблюденія¹⁾. Но, читая произнесенныя ими рѣчи и изданныя ими памфлеты и журнальныя статьи, легко убѣдиться въ томъ, что всѣ они смотрятъ на Англію съ одной и той же точки зрѣнія, отмѣчаютъ однѣ и тѣ же стороны въ ея политическихъ порядкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтѣ видятъ они въ ней, какъ не торжество принципа раздѣленія властей? За что хвалятъ они ее, какъ не за то, что она сумѣла сохранить независимость законодательства отъ управления? Правда, англичане достигли этого не вполне, такъ какъ удержали за королемъ абсолютное „вѣто“,—но зато, съ другой стороны, они поняли весь вредъ, всю опасность, какая грозитъ свободѣ при предоставленіи исполнительной власти права законода-

constitution. Paris, 1789), значитъ, что его авторъ—членъ лондонскаго королевскаго общества.

Бриссо, какъ значитъ въ всѣхъ его біографіяхъ, не исключая и той, которая написана была его позднѣйшимъ политическимъ единомышленникомъ Петіономъ (см. мемуары Бюво и Петіона Добана, приложение), нѣкоторое время держалъ пансіонъ въ Англіи и изъ Англіи два раза предпринималъ поѣздки въ Америку.

Что касается до Бирона, то его пребываніе въ Англіи ознаменовано было делами, повешшими къ задержанію его въ Лондонѣ въ 1792 г. Его обширныя связи въ средѣ либеральной партіи облегчили Талейрану его въ общемъ неудачную миссію—отвратить Англію отъ вооруженнаго вмѣшательства во французскія дѣла (см. *La mission de Talleyrand à Londres en 1792, par Pallain.*

4) Г-жа Роланъ посѣтила Англію въ сообществѣ своего мужа въ 1784 году; она оставила довольно интересныя записки о своемъ путешествіи, въ которыхъ попадаются нерѣдко разсужденія и объ особенностяхъ англійской конституціи. Такъ, напримѣръ, она обращаетъ вниманіе на то, что въ Англіи дворянства, подобнаго французскому, не существуетъ, и нѣтъ тѣхъ податныхъ привилегій, которыя угнетаютъ французскую націю. Она замѣчаетъ также, что число пэровъ не опредѣлено закономъ, и что помимо тѣхъ старшихъ сыновей, которые наследуютъ въ палатѣ лордовъ, въ силу рожденія, многіе признаются въ составъ ея непосредственно королемъ. О самихъ англичанахъ мадамъ Роланъ въ „Разсужденіи о свободѣ“ 1778 г., написанномъ до путешествія въ Англію, пишетъ слѣдующее: „Говорятъ, что они свободны, и я думаю, это вѣрно, если сравнивать ихъ съ сосѣдами и большинствомъ народовъ Европы (за исключеніемъ швейцарцевъ); но занятіе торговлей и страсть къ нажитію, богатство и роскошь, испортили ихъ нравы, незамѣтно подкапываются подъ ихъ конституцію и упраздняютъ отчасти обезпечиваемыя ею выгоды“. Очевидно, эти мысли навѣяны на мадамъ Роланъ чтеніемъ сочиненій Маблі, который, приблизительно, говоритъ то же объ англичанахъ и въ своемъ трактатѣ объ изученіи исторіи, и въ своемъ сочиненіи о правахъ и обязанностяхъ гражданъ. Близкій пріятель Бриссо и госпожи Роланъ, Банкаль дезъ-Иссаръ, явившійся въ Англію съ ихъ рекомендаціями, провелъ въ ней конецъ 1790 и первую половину 91 года (см. *Le conventionnel Bancel des Issarts, par Francisque Mège*, стр. 29, 1787. Paris; января 91 г., стр. 314 и 315. О пребываніи Андре Шенье въ Англію см. *Oeuvres en prose, par Louis Molland*; письма къ отцу изъ Лондона, отъ ноября 89 г., и *Voyage en Angletterre 1784 г.*, т. III. *Oeuvres, an VIII*, стр. 235.

тельнаго почина, и соответственно надѣлили этимъ правомъ однихъ членовъ парламента ¹⁾. Прекрасно также поступили они, предоставивъ судебной власти право постановки рѣшеній. Чтобы установить равновѣсіе между властями и сдѣлать невозможнымъ нарушение законовъ министрами, они передали палатамъ право обвинять и судить ихъ. Вполнѣ разумно поступили они также, предоставивъ судебную власть выборнымъ изъ народа присяжнымъ. Этимъ путемъ они добились отдѣленія судебной власти какъ отъ исполнительной, такъ и отъ законодательной. Но въ этомъ направленіи можно пойти и дальше, предоставивъ народному выбору рѣшить вопросъ о томъ, кому засѣдать на судейскихъ скамьяхъ. Свобода личности во всѣхъ ея проявленіяхъ — также прекрасное приобрѣтеніе, но и она достигнута въ Англіи, благодаря торжеству того же принципа раздѣленія властей. Англичане лично свободны; они пользуются религіозной терпимостью и не стѣснены въ выраженіи своихъ мыслей въ печати потому только, что администраціи не позволено вмѣшиваться въ то, что составляетъ сферу судебной власти — произвольно задерживать лицъ подозрительныхъ, предупреждать злоупотребленія печатнымъ станкомъ съ помощью цензуры и препятствовать распространенію въ обществѣ ложныхъ вѣрованій и дурной морали съ помощью административнаго контроля за сектантами.

Англичане свободны, потому что сѣумѣли не только обособить и упрочить независимость каждой изъ трехъ властей, но и потому, что каждой изъ имѣющихся въ ихъ странѣ общественныхъ силъ они выдѣлили ея область вліянія и господства. Съ этою цѣлью они сохранили за короной ея прерогативу, за лордами — ихъ право участія въ законодательномъ контролѣ, за общинами — инициативу реформъ и завѣдываніе налоговымъ обложеніемъ. Каждой общественной силѣ, какъ и каждой власти, предоставлена приблизительно равная доля воздѣйствія. Каждая можетъ служить поэтому противовѣсомъ остальнымъ, каждая въ состояніи воспротивиться малѣйшему захвату власти, дѣлаемому въ ея ущербъ. Изъ этой возможности взаимнаго контроля и взаимнаго сдерживанія возникаетъ та уравниловка и гармонія, при которой правительство не въ силахъ направить свою дѣятельность въ ущербъ подданнымъ и служить къ подавленію ихъ политической свободы.

Такимъ образомъ, система политическаго равновѣсія — таково

¹⁾ Это право потому только сосредоточено въ Англіи въ рукахъ членовъ палаты, что тѣ же депутаты, входя въ составъ кабинета, являются одновременно и органами исполнительной власти.

последнее слово англійской политической мудрости и дѣйствительный источникъ англійской свободы.

Насколько изложенная доктрина выражаетъ собою ту точку зрѣнія, съ какою дѣятели 1789 г. смотрѣли на англійскіе порядки, въ этомъ легко убѣдиться, если сопоставить все то, что объ этихъ порядкахъ сказано было наиболѣе сочувствующими имъ депутатами. Во главѣ ихъ надо поставить Мунье съ его проектомъ конституціи, въ основу котораго положено раздѣленіе народнаго представительства на двѣ палаты, абсолютное „вѣто“ короля, обособленіе исполнительной власти отъ законодательной и передача ея въ руки монарха, наконецъ—отдѣленіе суда отъ администраціи, благодаря принципу несмѣняемости судей и запрещенію королю вмѣшиваться въ ходъ правосудія.

Близость проекта къ англійскимъ порядкамъ такъ, какъ ихъ понимали въ то время, была указана еще Мале дю-Панъ ¹⁾. Этотъ талантливый журналистъ высказалъ такое горячее сочувствіе тѣмъ принципамъ англійской свободы, выразителемъ которыхъ явился Мунье, что одного этого факта было достаточно, чтобы привлечь на него ненависть демагоговъ, собиравшихся въ Пале-Рояльскомъ саду. Въ то самое время, когда Мунье попадалъ въ списки людей, которыми бретонскій клубъ, этотъ зародышъ будущаго клуба якобинцевъ, отказывалъ въ довѣріи, защитникъ его идей становился жертвою уличной толпы, вламывавшейся въ его квартиру ²⁾.

Что въ пониманіи англійскихъ порядковъ не было существенной разницы по крайней мѣрѣ въ средѣ „умѣренныхъ“—право утверждать это даетъ намъ Малуэ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ довѣрителямъ, въ письмѣ, которымъ онъ пытался оправдать свою оппозицію большинству учредительнаго собранія. Въ этомъ интересномъ документѣ прямо высказывается сожалѣніе, что Людовикъ XVI самъ не предложилъ генеральнымъ штатамъ проекта конституціи согласной съ англійской, и нѣсколько далѣе объясняются тѣ принципы, какіе должна была бы, по мнѣнію автора, содержать въ себѣ эта конституція. „Я поклялся, — пишетъ онъ, — защищать ея основы и думаю, что онѣ одинаково должны быть

¹⁾ Рѣчь, какую Мунье произнесъ въ защиту этого проекта, внесеннаго имъ, какъ извѣстно, въ собраніе отъ имени конституціоннаго комитета, воспроизведена въ существенныхъ чертахъ въ сочиненіи „*Considérations sur le gouvernement de la France*“, вышедшемъ изъ-подъ пера того же автора. О близкомъ знакомствѣ Мунье съ англійскими порядками и его постоянной корреспонденціи объ англійскихъ дѣлахъ съ вѣкомъ *Mister Byng*—можно найти интересныя подробности въ недавней работѣ графа d'Hérisson, озаглавленной: *Les Girouettes politiques.—Un Constituant*. Paris. 1892, стр. 16 и слѣд.

²⁾ Ibid, стр. 54.

святы для всѣхъ гражданъ. Эти основы слѣдующія: раздѣленіе властей, предоставленіе націей законодательныхъ функцій въ руки ея представителей, королевская санкція, монархическій образъ правленія, король верховный глава исполнительной власти, личная свобода, разумѣя подъ нею и свободу мнѣній, свобода, достигаемая подчиненіемъ гражданъ владычеству однихъ законовъ и примѣняющихъ ихъ судовъ, отвѣтственность правительственныхъ агентовъ передъ законодательными палатами". Еще опредѣленнѣе высказываетъ Малуэ свое одобреніе англійскихъ порядковъ и выѣстъ съ тѣмъ самый способъ ихъ пониманія, когда говоритъ, что „всѣ хитросплетенія, клонящіяся къ ограниченію исполнительной власти, только подвергаютъ опасности самую конституцію. Единственную гарантію противъ произвола онъ видитъ въ уравниваніи исполнительной власти властью законодательной. Все, что хотятъ установить внѣ этой системы противовѣсовъ, дѣйствуетъ только разлагающимъ образомъ на принципы, на тотъ устой, на которыхъ покоится самая конституція" ¹⁾. Въ свою очередь Мирабо, высказываясь противъ англійской системы раздѣла представительства между лордами и общинами, спѣшитъ заявить о своей преданности началу взаимной независимости властей. Чтобы обезпечить ее королю, главѣ исполненія, онъ желаетъ надѣлать его абсолютнымъ вѣто. Оно одно можетъ оградить Францію отъ деспотизма національнаго собранія ²⁾.

И въ рядахъ противниковъ, въ средѣ того триумvirата (Дюпоръ, Барнавъ и Шарль Ламетъ), который долгое время велъ за собой собраніе, въ оппозиціи монархической политики Мирабо, англійская конституція истолковывалась также какъ система раздѣленія и равновѣсія властей. Александръ Ламетъ, стоявшій такъ близко къ этому триумvirату, говоритъ въ своей „Исторіи" учредительнаго собранія, что среди депутатовъ было не мало выдающихся умовъ, ставившихъ себѣ идеаломъ англійскую конституцію „на томъ основаніи, что она сохраняетъ между властями необходимое равновѣсіе". „Большой ошибкой,—говоритъ онъ,—было принятіе системы единой нераздѣльной камеры: деспотизмъ неизбѣ-

¹⁾ Lettre á mes commettants. См. Mémoires de Malouet, Paris. 1874, t. II, p. 69, 73, и 83.

²⁾ „Je crois le veto du roi tellement nécessaire que j'aimerais mieux vivre à Constantinople, qu'en France, s'il ne l'avait pas. Oui, je le déclare, je ne connais rien de plus terrible que l'aristocratie souveraine de six cents personnes, qui demain pourraient se rendre inamovibles après demain héréditaires et finiraient comme les aristocrates de tous les pays du monde par tout envahir".

женъ всюду, гдѣ частный человѣкъ или сообщество лицъ будетъ имѣть право считать свою волю закономъ“ ¹⁾).

Перечисляя въ свою очередь, къ чему стремились сторонники англійской конституціи, Федереръ, выдающійся членъ радикальнаго меньшинства, говоритъ, что они требовали обособленія властей и раздѣленія народнаго представительства на двѣ палаты ²⁾. Даже Рабо-Сентъ-Этьенъ—далеко не защитникъ англійскихъ вольностей—соглашается въ томъ, что свобода находить въ Англіи существенную гарантію въ томъ, что каждая изъ властей имѣетъ возможность сдерживать остальныя. „Въ этой системѣ,—говоритъ онъ,—такъ превосходно изложенной Монтескьё, все тѣсно связано между собой, и раздѣленіе народнаго представительства между пэрами и общинами, и право „veto“ или запрета, какимъ надѣлена каждая изъ двухъ вѣтвей законодательной власти наравнѣ съ королемъ главою власти исполнительной“ ³⁾).

Наконецъ даже открытые противники, въ родѣ Кондорсэ, Клавира и Бриссо, видятъ въ англійской конституціи прежде всего систему равновѣсія властей и, сомнѣваясь въ ея пригодности служить интересамъ политической свободы, думаютъ, что эта послѣдняя достигается въ Англіи—не благодаря конституціи, а въ силу такихъ побочныхъ причинъ, какъ отсутствіе постоянного войска, судъ присяжныхъ, свобода печати, и прежде всего благодаря силѣ и значенію, какое въ этой странѣ имѣетъ общественное мнѣніе. „Вмѣсто того, чтобы признать, что дѣйствительною причиною британской свободы,—пишетъ Кондорсэ,—является отсутствіе цензуры, право ассоціацій, актъ habeas corpus, судопроизводство съ присяжными, публичность слѣдствія въ дѣлахъ, затрогивающихъ личныя права, уваженіе къ самой буквѣ закона и та поддержка, которую всѣмъ этимъ принципамъ даетъ общественное мнѣніе,—обыкновенно приписываютъ благо свободы, какою пользуются англичане, самому характеру ихъ конституціи, тому мнимому равновѣсію властей, которому Кондорсэ, какъ послѣдователь Тюрго и всей школы физиократовъ, не придаетъ серьезнаго значенія. Только соединеніемъ въ рукахъ англійскаго парламента многихъ исполнительныхъ функцій (благодаря выбору министровъ изъ его среды) объясняется въ глазахъ Кондорсэ необходимость раздѣла представленныхъ ему функцій между двумя палатами. Безъ такого

¹⁾ Histoire de l'assemblée constituante, par M. Alex. Lameth. Томъ I, изд. 1828 года, стр. 123 и 126.

²⁾ L'esprit de la révolution de 1789, изд. 1831, стр. 57.

³⁾ Précis de l'histoire de la révolution française (Nouvelle édition, 1822). Question de droit public, стр. 398 и 399.

раздѣла соединеніе законодательства и исполненія въ однѣхъ рукахъ повело бы въ Англіи, думаетъ онъ, къ полнѣйшему деспотизму народной представительной камеры ¹⁾. Такимъ образомъ для Кондорсе сущность англійской конституціи сводится опять-таки не къ чему иному, какъ къ системѣ раздѣленія властей и ихъ политическаго противовѣса. Только вмѣсто того, чтобы преклоняться предъ нею, какъ дѣлало это большинство его современниковъ, онъ пытается доказать ея бесполезность и объясняетъ присутствіе ея въ Англіи специальными причинами. Дюмонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что, за-одно съ Бриссо, Сіэйсомъ, Гара и Дюпоромъ, Кондорсе и въ своихъ бесѣдахъ высказывался неизмѣнно противъ англійской конституціи. Въ ихъ разговорахъ постоянно возвращалась фраза: „вотъ чтò погубило Англію“ ²⁾.

Въ глазахъ всѣхъ ихъ одинаково—эта погибель означала сохраненіе революціей 1688 года наслѣдственнаго пэрства и столь же наслѣдственной королевской власти, которая съ помощью цивилиста и благодаря подкупу легко могла поставить большинство депутатовъ общинъ въ положеніе скромныхъ служителей короны ³⁾. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы Бриссо отрицалъ всякое значеніе за примѣромъ Англіи. Въ предисловіи къ первому изданію его путешествія въ Америку, написанному въ 1787 году, мы нахо-

¹⁾ См. *Lettres d'un bourgeois de New Heaven à un citoyen de Virginie sur l'inutilité de partager le pouv. législat. entre plusieurs corps. Oeuvres complètes. T. 12, (éd. 1814), письмо четвертое, стр. 107.*

²⁾ Дюмонъ, *Souvenirs*, стр. 165.

³⁾ Всего далѣе идетъ въ своихъ нападкахъ на несовершенство англійской системы представительства Маратъ, лично посѣтившій Англію. Еще въ первомъ изъ его политическихъ памфлетовъ въ „Цѣпляхъ рабства“, написанныхъ имъ еще въ 1774 г., онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры къ исправленію недостатковъ англійской конституціи: 1) отнять у короны возможность вліять на выборы; 2) отнять право назначенія новыхъ пэровъ королевства; 3) путемъ основного закона удалить изъ парламента всѣхъ и каждого изъ гражданъ, кто занимаетъ какое-либо мѣсто по назначенію отъ короля. Нападки на англійскіе порядки повторяются снова Маратомъ въ открытомъ письмѣ на имя генеральныхъ штатовъ, отъ 23-го августа 1889 года. Самое это посланіе озаглавлено: „Картина недостатковъ англійской конституціи, назначеніе которой предопратитъ нашихъ депутатовъ отъ подводныхъ камней при устройствѣ ими правительственной машины. Недостатки, которые рано или поздно поведутъ къ потерѣ англичанами свободы,—тѣ самые, которые помѣшаютъ ея установленію въ нашей средѣ. „Когда нѣсколько времени спустя Мунъ внесъ свой проектъ конституціи, въ которомъ шла рѣчь объ устройствѣ палаты пэровъ и о передачѣ королю абсолютнаго вѣсто, Маратъ въ своемъ патріотическомъ „*Moniteur*“ возсталъ противъ тѣхъ, „которые, несмотря на чистоту своихъ намѣреній, лишены знаній и не внушаютъ довѣрія своими тенденціями. Они славословятъ свои труды относятся къ нимъ съ пошлыми довольствомъ. Несчастные! если-бъ они знали, какія бѣдствія они готовятъ“ (Marat, *l'Ami du peuple*, par Alfred Bougeard. 1865, томъ I, стр. 157).

димъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто, по вопросу: сколько пользы принесла не разъ начертанная картина англійской конституціи и вытекающихъ изъ нея послѣдствій. Бриссо спѣшитъ объяснить, въ чемъ именно должна заключаться эта польза. „Нечего,—говоритъ онъ,—и думать о буквальномъ подражаніи; но деспотизмъ научится, благодаря ей, уважать права человѣка, столь ясно сознаваемые и такъ прочно установленныя ею“¹⁾.

Едва-ли кто относился съ болѣею критикой къ ходячему представленію объ англійской конституціи, какъ уже упомянутый нами маркизъ Казо. Но и онъ видитъ ея особенность въ „вѣчной зависти и трехъ законодательныхъ veto (короля, народа и общинъ), которыя, благодаря подкупу, сводятся, какъ думаетъ онъ, на практикѣ всего къ двумъ—дѣйствующаго за-одно съ королемъ и поддерживаемаго большинствомъ обѣихъ сторонъ министерства, съ одной стороны,—и стремящейся низвергнуть это министерство оппозиціи — съ другой“. Но не въ этомъ соперничествѣ видитъ Казо источникъ англійской свободы, а въ отсутствіи цензуры, въ ежегодномъ вотированіи субсидій, въ возможности ежечаснаго измѣненія законовъ, въ невозможности произвольнаго задержанія, въ тайнѣ частной корреспонденціи и тому подобное²⁾.

Извѣстный публицистъ іезуитъ Черутти, памфлетамъ котораго суждено было играть такую выдающуюся роль въ дѣлѣ возбужденія общественнаго мнѣнія и выясненія среднему сословію его ближайшихъ задачъ и тѣхъ путей, которыми онъ можетъ добиться конституціи³⁾, перешедши на сторону тѣхъ, кто, подобно Мирабо, требовалъ единства народнаго представительства,—въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ свое первоначальное отношеніе къ англійской конституціи. „Поклонникъ существующаго въ этой странѣ политическаго равновѣсія, я тѣмъ не менѣе находилъ связанныя съ нимъ колебанія нѣсколько замедляющими ходъ политической машины и не всегда безопасными для внутренняго мира и спокойствія, но эти недостатки искупались на мой взглядъ тѣмъ счастливымъ импульсомъ, какой сами эти колебанія сообщали общественному мнѣнію. Три одинаково жизненныхъ противодѣйствія становятся—такъ казалось мнѣ—тремя энергическими опорами, и

¹⁾ Nouveau voyage dans les états unis de l'Amérique septentrionale fait en 1788, par I. P. Brissot (Warnille) citoyen français (Paris, chez Buisson, Avril. 1791), томъ III (Introduction mise en tête de la première édition de 1787).

²⁾ Я разужью въ частности его Mémoire pour le peuple français, первое изд. 1788 года. (Перепечатано въ журналѣ „La Révolution française“ за 1868 г.).

³⁾ De la simplicité de l'idée d'une constitution (Paris 1789), par le Marquis de Cazaut. Стр. 125, 155, 180, 111, 114 и 115.

тѣмъ яростнѣе была борьба, тѣмъ разъ достигнутое рѣшеніе казалось мнѣ болѣе сознательнымъ и прочнымъ. Глубокое впечатлѣніе производила на меня посредствующая и умѣряющая дѣятельность палаты лордовъ, которая нерѣдко предупреждаетъ неизбѣжное столкновеніе монархической власти съ властью народа. Мнѣ казалось необходимымъ присутствіе медиаторовъ въ этомъ національномъ спорѣ, — медиаторовъ, способныхъ внести въ него свѣтъ истины и положить ему необходимыя границы. Наконецъ, я находилъ нѣчто величественное и даже божественное въ этой комбинаціи трехъ властей, при которой интересъ народа неизмѣнно остается наиболѣе священнымъ и неприкосновеннымъ. Привитіе во Франціи этого чуднаго древа, подъ сѣнью котораго поковтся англійская свобода, не казалось мнѣ невозможнымъ¹⁾.

Тотъ же Черутти писалъ въ болѣе раннемъ по времени памфлетѣ: „Англійскій сенатъ, составленный изъ двухъ святилищъ, — одного, соединяющаго въ себѣ главы націи, другого, въ которомъ засѣдаютъ его представители, — сенатъ, въ которомъ все, выдающееся по заслугамъ (*toutes les dignités*), стоитъ въ первыхъ рядахъ, чтобы быть поближе къ престолу, который онъ призванъ охранять, а все, что представляетъ собою собственность, — на второмъ, чтобы быть поближе къ поддерживаемому ими равенству, — есть единственное въ мірѣ учрежденіе, счумѣвшее достигнуть равновѣсія въ дѣлѣ законодательства. Это равновѣсіе было бы неполнымъ и легко зависѣло бы отъ случая, если бы рука монарха не направляла вѣсы, привлекая попеременно къ себѣ ту или другую сторону ихъ изъ опасенія, чтобы вѣсы не склонились въ сторону оппозиціи. Полное равновѣсіе, — прибавляетъ Черутти, — такъ же немыслимо между властями, какъ и между государствами Европы, но всѣ усилія закона должны быть направлены къ его поддержанію“²⁾.

Мы думаемъ, что сдѣланныхъ выписокъ достаточно для установленія того факта, что точка зрѣнія, съ какой депутаты національнаго собранія и наиболѣе выдающіеся публицисты конца XVIII-го вѣка смотрѣли на англійскій политическій строй, не зависѣла ни отъ ихъ принадлежности къ той или другой партіи, ни отъ большей или меньшей возможности, какую они имѣли узнать эти порядки путемъ непосредственнаго наблюденія. Но какъ, спрашивается, объяснить это сходство, чтобы не сказать

¹⁾ *Observations rapides sur la lettre de M. de Calonne au Roi, par M. Cerutti. Paris, 1789, стр. 44 и 45.*

²⁾ *Mémoire pour le peuple français, par Cerutti; первое изданіе 1788 года. Печатаемо въ „Révolution française“, 1888.*

тождество? Очевидно, тѣмъ, что всѣ они придерживались однихъ и тѣхъ же авторитетовъ и видѣли въ англійскихъ учрежденіяхъ только тѣ стороны, на которыя указано было этими авторитетами. Но кто же были они? Въ трактатѣ „О конституціяхъ важнѣйшихъ государствъ Европы“, составленномъ Де-ла-Круа, въ самый годъ изданія конституціи 1791 года, перечисляются тѣ писатели, у которыхъ современники могли почерпнуть свѣденія объ англійской конституціи. Во главѣ ихъ, разумѣется, стоитъ Монтескьё, но рядомъ съ нимъ упоминаются также Делольмъ, Блекстонъ, Мабли и Линкольнъ, авторъ переведенныхъ на французскій языкъ „Писемъ земледѣльца изъ Нью-Джерсе“. Едва ли нужно останавливаться продолжительно на той мысли, что Делольмъ и Блекстонъ всецѣло проникнуты тѣми воззрѣніями на характеръ англійской конституціи, изложеніе которыхъ можно найти въ одиннадцатой книгѣ „Духа законовъ“. Правда, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Делольмъ ¹⁾ утверждаетъ, что дѣйствительная природа правительствъ, источникъ авторитета и свободы—не всегда ясно сознаваемы были Монтескьё, и что въ частности его наблюденія надъ Англіей были слишкомъ общи и поверхностны ²⁾. Но это не мѣшаетъ тому, что при изложеніи самихъ началъ англійской конституціи Делольмъ сознательно или безсознательно подводитъ ихъ подъ теорію раздѣленія и равновѣсія властей. Очень характерны въ этомъ отношеніи слѣдующія мѣста его книги: „Мы постарались показать, — говоритъ онъ, — въ первой главѣ второй части, какую возможность имѣютъ отдѣльныя власти въ Англіи уравнивать другъ друга. Ихъ дѣйствіе и воздѣйствіе является источникомъ той конституціонной свободы, какою пользуются англичане, и сущность которой лежитъ въ этомъ равновѣсіи“ ³⁾. Чтобы воспрепятствовать узурпаціи со стороны законодательныхъ палатъ, „конституція, — говоритъ Делольмъ, — установила противовѣсъ, и этимъ противовѣсомъ является королевская власть. Чтобы сдѣлать возможнымъ осуществленіе королемъ этой функціи, конституція надѣлила его правомъ пересмотра рѣшеній, принятыхъ законодательной властью (veto), а также правомъ распускать

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ своихъ замѣтокъ о путешествіи въ Англію 1-го іюля 1884 г. господа Роланъ, говоря о появленіи второго изданія книги Делольма, высказываетъ надежду, что она не замедлитъ быть переведенной на франц. яз., подобно первому, которое она прочла нѣсколько лѣтъ назадъ. „Сочиненіе Делольма, — пишетъ она, — окружено такимъ уваженіемъ, что сами англичане нерѣдко цитируютъ его въ debataхъ парламента. См. Voyage en Angleterre, 1-er Juillet 1784, въ III т.; Oeuvre de J. M. Ph. Roland, Paris, an VIII, стр. 272.

²⁾ Constitution de l'Angleterre, томъ II новаго изданія 1822, стр. 228.

³⁾ Ibid. Томъ I, стр. 265.

палаты. Съ этою же цѣлью она перенесла на него всю полноту исполнительной власти" ¹⁾). Единство исполнительной власти такъ же необходимо для прочности конституціи, какъ и раздѣленіе власти законодательной. Англичане сознали эту истину; они поняли, что дѣлежъ власти исполнительной имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ междоусобную войну и торжество сильнѣйшаго; тогда какъ такого послѣдствія отнюдь нельзя ждать отъ раздѣла законодательныхъ функций. Напротивъ того, подобный раздѣлъ необходимъ, такъ какъ единая палата не въ силахъ ограничить сама себя. Такое ограниченіе такъ же немыслимо, какъ немыслимо было для Архимеда найти точку опоры и привести землю въ движеніе ²⁾). Раздѣли они законодательную власть только между палатами—невозможность узурпаціи со стороны законодателей была бы менѣе обезпечена, нежели теперь, когда „veto“ принадлежитъ королю. Палатамъ все же легче достигнуть соглашенія между собою и дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ. Такимъ образомъ, „veto“ короля—гарантія тому, что въ конституцію не внесено будетъ перемѣнъ ³⁾). Опять-таки въ интересахъ равновѣсія, —думаетъ Делольмъ,—англичане предоставили инициативу законовъ всецѣло палатамъ и удержали за королемъ только право отвергнуть проводимыя имъ реформы, но отнюдь не вносить въ нихъ измѣненія ⁴⁾). Делольмъ не разъ возвращается къ той мысли, что невозможность присвоенія палатами функций власти исполнительной—такая же существенная гарантія англійской свободы, какъ и невозможность для короля иной роли въ дѣлѣ законодательства, кромѣ той, какая принадлежитъ тормазу ⁵⁾). Нѣтъ основанія, полагаетъ онъ, опасаться захватовъ со стороны королевской власти, такъ какъ для ихъ предупрежденія конституція надѣлила палату народныхъ представителей исключительнымъ правомъ предлагать финансовыя билли, устанавливать и отмѣнять налоги ⁶⁾). Только сосредоточеніе всей исполнительной власти въ рукахъ короля дѣлаетъ возможнымъ передачу націи и ея представителямъ законодательныхъ функций безъ малѣйшаго ущерба для свободы ⁷⁾).

Я не стану налагать взглядовъ Блекстона на англійскую конституцію, какъ я сдѣлалъ это по отношенію къ Делольму, по-

¹⁾ Ibid., стр. 272, 273.

²⁾ Ibid., стр. 292.

³⁾ Ibid., стр. 293, 295.

⁴⁾ Ibid., стр. 306, 307 и 311 (томъ I).

⁵⁾ Ibid., томъ II (стр. 2, 3, 126, 164).

⁶⁾ Ibid., стр. 283.

⁷⁾ Ibid., стр. 243.

тому что „комментаріи“ этого извѣстнаго юриста, какъ написанные по-англійски, доступны были только весьма немногимъ во Франціи. Насколько эти комментаріи отражаютъ на себѣ вліяніе идей Монтескьё, можно судить по тому, что Бёркъ, ученіе котораго объ англійской конституціи всецѣло опирается на Блекстона, видѣть въ ней то же торжество принциповъ раздѣленія и равновѣсія властей, какое думали открыть въ ней Монтескьё и Делольмъ. Извѣстно, какое вліяніе имѣли на общественную мысль во Франціи разсужденія Бёрка, и интересно поэтому отмѣтить тотъ фактъ, что и этотъ писатель, поставленный, очевидно, въ наилучшія условія для изученія особенностей англійскихъ порядковъ, тѣмъ не менѣе не могъ дать о нихъ французамъ другого понятія, кромѣ того, какое составлено было ими равнѣ на основаніи сочиненій ихъ собственныхъ публицистовъ. Полемизируя съ членами революціоннаго клуба въ Лондонѣ и его фактическимъ руководителемъ Прайсомъ, Бёркъ старается доказать, что англичане, вопреки утвержденію его противника, не приобрѣли революціей 1688 года ни „права выбора тѣхъ, кто ими управляетъ, ни свободы низлагать ихъ, и что исполнительная власть остается у нихъ независимой отъ палатъ ¹⁾).

Если мы въ настоящую минуту спросимъ себя, въ какой мѣрѣ ходячее въ XVIII вѣкѣ представленіе объ англійской конституціи отвѣчало дѣйствительности, и если независимо отъ какихъ бы то ни было теорій мы попытаемся отвѣтить на вопросъ, какими путями въ Англіи была достигнута политическая свобода и какое въ частности значеніе имѣли для народныхъ вольностей пережитыя ею въ XVII вѣкѣ революціи,—то намъ придется сказать, что не въ обособленіи и независимости исполнительной власти отъ законодательной, а въ подчиненіи ея народному представительству лежитъ дѣйствительный источникъ англійской политической свободы и торжество принциповъ 1688 года. Это главенство законодательной власти надъ исполнительной, которое провозглашается впервые открыто Локкомъ, достигнуто было далеко не сразу и различными путями. Восходя къ эпохѣ Плантагенетовъ, ко временамъ Іоанна Безземельнаго и Генриха III, мы находимъ формальный договоръ короля съ подданными, которымъ выговорена свобода ихъ личности и право представительства. Это—Великая Хартія вольностей, частое подтвержденіе которой преемниками Іоанна само уже указываетъ на столь же частыя ея нарушенія. Представительство становится совершившимся фак-

¹⁾ *Réflexions sur la révolution de France* (изд. 1791 года, стр. 25).

томъ, только съ момента допущенія въ Большой Совѣтъ“ короля депутатовъ отъ городовъ, наравнѣ съ депутатами отъ графствъ, а свобода личности, въ смыслѣ невозможности произвольнаго задержанія—только съ установленія обвинительныхъ и судебныхъ присяжныхъ; и то, и другое нововведеніе не ведетъ еще къ существенному ограниченію самодержавія. Власть англійскихъ королей остается прежней до момента утвержденія Эдуардомъ I знаменитаго статута „*de tallagio non concedendo*“.

Этотъ статутъ предъявляетъ требованіе, чтобы налоги не были взимаемы впредь безъ согласія народнаго представительства. Право общинъ и лордовъ ходатайствовать о реформахъ, преимущество общее имъ съ высшими сословіями континента, переходитъ въ право непосредственнаго законодательнаго почина не ранѣе XV-го столѣтія. Эта побѣда достигается косвенными путями и имѣетъ своимъ источникомъ уже приобрѣтенную вольность давать или отказывать правительству въ денежныхъ средствахъ. Помимо закона, путемъ одной парламентской практики, устанавливается обычай вотивовать бюджетъ въ концѣ сессіи послѣ принятія королей внесенныхъ членами парламента биллей. Общины не ранѣе соглашались на „субсидіи“, какъ послѣ обращенія ихъ биллей въ законъ, другими словами, говоря языкомъ Монтескьё,—послѣ того, какъ исполнительная власть и ея глава, король, откажется отъ мысли затормозить ходъ законодательной власти съ помощью принадлежащаго ему „*veto*“. Въ XVI и первой половинѣ XVII-го вѣка, благодаря разнообразнымъ причинамъ, корень которыхъ лежитъ въ социальномъ и религіозномъ переворотѣ, монархическая власть временно усиливается въ Англіи; королевскіе регламенты, въ виду раболѣпія палатъ, приобрѣтаютъ силу законовъ. Законы остаются безъ примѣненія, такъ какъ король присваиваетъ себѣ право приостанавливать ихъ дѣйствіе и освобождать виновныхъ въ ихъ нарушеніи отъ законной отвѣтственности (*suspending and dispensing power*). Король и его министры стремятся къ установленію постоянной арміи и постояннаго независимаго отъ воли палатъ налога на ея содержаніе. Карлъ I и его ближайшій помощникъ, Стаффордъ, дѣйствуютъ въ этомъ направленіи совершенно такъ же, какъ столѣтіями раньше дѣйствовалъ во Франціи Карлъ VII, создавая „*taille royale*“—прямой налогъ для покрытія военныхъ издержекъ—и заводя на средства, доставляемые этимъ налогомъ, постоянное войско.

Еще на одну вольность,—вольность столь же древнюю, какъ и право самообложенія,—заносить свою руку Стюарты. Не отрицая въ принципѣ суда присяжныхъ, они изъегаютъ изъ его вѣ-

денія рядъ дѣлъ, именно тѣ, которыя касаются печати, права выбора религіознаго культа и свободы отъ личнаго ареста. Два раза англійскій народъ поставленъ въ необходимость открытаго разрыва съ посягнувшей на его вольности династіей, и два раза онъ выходитъ побѣдителемъ изъ этого столеновенія между старымъ порядкомъ, опирающимся на законы и конституціи, и новымъ, не имѣющимъ другого источника кромѣ произвола министровъ. Первымъ дѣломъ побѣдителя было занести въ новую писанную конституцію (билль о правахъ) принципиальное рѣшеніе тѣхъ спорныхъ пунктовъ, изъ-за которыхъ загорѣлась удачно кончившаяся борьба. „Король и министры не будутъ впредь, — значитъ въ этомъ биллѣ, — отмѣнять дѣйствія законовъ и освобождать кого-либо отъ ихъ примѣненія“. Свобода отъ личнаго задержанія, выговоренная еще Великой Хартіей и вновь подтвержденная Карломъ II въ знаменитомъ актѣ „*habeas corpus*“, дѣлается отнынѣ дѣйствующимъ правомъ, такъ какъ король лишенъ возможности поручать разбирательство извѣстныхъ дѣлъ членамъ своего совѣта (звѣздной палатѣ) и обязанъ предоставить ихъ на разбирательство присяжныхъ. Особымъ биллемъ (*Mutiny Act*) рѣшенъ и спорный вопросъ о постоянной арміи и налогѣ. Король остается военачальникомъ, но число войскъ и средства на ихъ содержаніе ежегодно вотируются парламентомъ. Чего не въ состояніи достигнуть никакіе билли и соглашенія, то устанавливается само собой путемъ жизненной практики. Со временъ Анны глава исполнительной власти почти не пользуется признаваемымъ за нимъ конституціею правомъ отказывать въ утвержденіи прошедшимъ черезъ обѣ палаты биллемъ. Чтò еще важнѣе — онъ выбираетъ своихъ министровъ изъ среды парламента, ввѣряя имъ каждый разъ руководительство дѣлами страны. Самый выборъ его обусловливается тѣмъ, какая изъ двухъ правящихъ партій — тори или виговъ — пользуется большинствомъ голосовъ въ средѣ народнаго представительства. А это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ для парламента дѣятельный контроль за управленіемъ, помимо обращенія къ тому крайнему средству, какимъ является обвиненіе и судъ надъ министрами. Стоитъ парламенту высказаться большинствомъ голосовъ противъ предлагаемой ему министерствомъ мѣры — и министерство выходитъ въ отставку. Программа оппозиціи становится въ такомъ случаѣ программой правительства, и въ новое министерство вступаютъ руководившіе ею вожаки. Правда, эта практика устанавливается далеко не сразу. Въ правленіе Вильгельма и Маріи король остается собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Георгъ III не разъ удерживаетъ на мини-

стерских скамьяхъ лицъ, потерявшихъ довѣріе большинства. Коалиціонныя министерства, въ составъ которыхъ входятъ одновременно вожаки враждебныхъ парламентскихъ группъ, находящіе поддержку въ искусственномъ нерѣдко большинствѣ, затемняютъ не разъ дѣйствительный характеръ того отношенія, какое со времени революціи 1688 года установилось между законодательною и исполнительною властью.

Современная система кабинета съ характеризующими ее признаками: зависимости министерства не отъ одного короля, но и отъ большинства членовъ палатъ, главенства премьера и опредѣленія имъ по собственному выбору личнаго состава министерства, наконецъ, существующая между его членами солидарность или, то то же, полное соглашеніе по важнѣйшимъ вопросамъ политики внутренней и внѣшней,—все это не создано закономъ, а установилось вопреки закону. Актъ о престолонаслѣдіи (act of settlement) не только не знаетъ кабинета, но еще заключаетъ въ себѣ постановленія, которыя, повидимому, идутъ прямо съ нимъ въ разрѣзъ. Онъ говоритъ, что король не будетъ имѣть другихъ совѣтниковъ, кромѣ членовъ его „privy council“ или тайнаго совѣта. Но эти члены не входятъ необходимо въ составъ палатъ, а наоборотъ, представляютъ изъ себя нѣчто совершенно независимое отъ народнаго представительства, такъ какъ назначеніе ихъ всецѣло зависитъ отъ одного короля. Съ того момента, когда парламентъ расширилъ сферу своего контроля и вмѣшательства на всѣ области внѣшней и внутренней политики, пришлось отказаться отъ мысли управлять страной съ помощью лицъ, не имѣющихъ никакого непосредственнаго вліянія въ его стѣнахъ,—другими словами, пришлось нарушить постановленіе акта о престолонаслѣдіи и ввѣрить управленіе страной не членамъ тайнаго совѣта, а лидеру или вожаку господствующей партіи и избраннымъ имъ помощникамъ. Въ правленіе первыхъ двухъ Георговъ, Вальполь, не желая уступить мѣсто своимъ политическимъ противникамъ съ помощью почти открытаго подкупа, искусственно поддерживалъ благоприятное ему большинство. Даже въ правленіе Георга III, въ ближайшее тридцатилѣтіе, предшествовавшее французской революціи, продолжала держаться въ Англіи школа политическихъ дѣятелей и мыслителей, которые, слѣдуя буквѣ закона, требовали для короля полной свободы въ составленіи кабинета и видѣли въ каждомъ отдѣльномъ министрѣ королевскаго служителя, отвѣтственность котораго не выходитъ за предѣлы вѣренной ему вѣтви управленія и не налагаетъ на него обязанности солидарной дѣятельности съ товарищами. Такихъ взглядовъ

придерживался Картеретъ, Болингброкъ, Пулътнъ, отчасти также Шельборнъ. Для торіевъ, долгое время устраненныхъ отъ дѣлъ, благодаря торжеству въ обществѣ и парламентѣ принциповъ второй англійской революціи и поддерживавшихъ ихъ виговъ, мысль о независимости короля отъ палаты въ дѣлѣ выбора министровъ являлась одновременно и жизненнымъ принципомъ, и якоремъ спасенія. Докторъ Джонсонъ открыто проводилъ тотъ взглядъ, что въ усиленіи королевской власти лежитъ единственное средство борьбы противъ развращающей націю системы подкупа, на которой, по его словамъ, опиралось численное преобладаніе и политическое торжество виговъ. Поставленный въ необходимость выбора премьера изъ вожаковъ восторжествовавшей партіи, Георгъ III въ то же время не отказывалъ себѣ въ удовольствіи конспирировать противъ собственныхъ министровъ съ помощью особой партіи такъ называемыхъ „королевскихъ друзей“, получавшихъ отъ него непосредственно свои инструкціи. Ихъ голосъ оставлялъ министерство нерѣдко въ меньшинствѣ.

Мысль о томъ, что члены кабинета должны подчиняться въ направленіи своей политики взглядамъ премьера, и самая необходимость существованія въ рядахъ министерства такого премьера или главы—отрицались не разъ еще въ первой половинѣ столѣтія, и въ протестѣ, представленномъ частью палаты лордовъ въ 1741 году, ставилось Вальполю въ особую вину присвоеніе себѣ такого поста. Глава министерства,—заявляли они,—неизвѣстенъ англійскому законодательству и противорѣчитъ конституціи ¹⁾. Не кто другой, какъ лордъ Норсъ, фактическій глава кабинета въ эпоху первыхъ столкновеній съ американскими колоніями, отрицалъ за собой подобный титулъ и связанныя съ нимъ права ²⁾.

Вопросъ о необходимости солидарной дѣятельности между членами кабинета оставался еще открытымъ вопросомъ въ 1792 году, когда одинъ изъ министровъ, канцлеръ Терло, сдѣлалъ открытое нападеніе на предложенный главою кабинета Питтомъ проектъ погашенія государственнаго долга. На этотъ разъ вопросъ рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ Георгъ III, которому Питтъ грозилъ отставкой, не замедлилъ уволить несогласнаго съ премьеромъ канцлера ³⁾. При всемъ томъ практика послѣдовательной смѣны министерствъ сообразно торжеству той или другой изъ двухъ борющихся партій—виговъ

¹⁾ Thorold Rogers, *Protests of the Lords*, т. II, стр. 10.

²⁾ См. письмо дочери лорда Норса къ лорду Бруму (въ Brougham's *Statesmen of the time of George III*. Appendix).

³⁾ Lecky. *A history of England in the XVIII-th century*, т. V, стр. 28.

и торіевъ—уже въ 1784 году являлась настолько установившейся, что англійскій дипломатъ Блэндъ Борджесъ привѣтствовалъ окончательное торжество Питта въ этомъ году, говоря, что оно положило конецъ той печальной необходимости, которая не разъ заставляла Георга III ввѣрять управленіе страню ненавидимому имъ Фоксу.—„Руки короля,—прибавляетъ онъ,—были связаны въ теченіе многихъ лѣтъ; ему не оставалось другого выбора, какъ между Питтомъ и Фоксомъ, такъ какъ эти два политическихъ дѣятеля раздѣлили между собой страну и палату общинъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, уже во второй половинѣ XVII вѣка послѣдовательная смѣна политическихъ партій въ управленіи страню создала между королемъ, парламентомъ и министерствомъ отношенія довольно близкія къ тому парламентскому режиму, полное осуществленіе котораго выпало въ удѣлъ нашему времени. Ученіе англійскихъ юристовъ, съ Кокомъ во главѣ, о всемогуществѣ парламента, не знаящемъ другихъ предѣловъ, кромѣ законовъ природы²⁾, съ каждымъ днемъ приходило все въ большее и большее соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, такъ какъ палатамъ постепенно удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ не только заботы о законодательствѣ, но и верховное завѣдываніе въ лицѣ вышедшаго изъ ихъ среды кабинета, всей внѣшней и внутренней политикой, т.-е. тѣмъ самымъ, что Монтескье и Делольмъ считали исключительною сферою независимой отъ законодательства исполнительной власти. Ученіе Монтескье о томъ, что смѣшеніе въ однѣхъ рукахъ различныхъ правительственныхъ функцій является угрозою для свободы, раздѣляется англичанами лишь настолько, насколько это необходимо въ интересахъ строгаго правосудія. Они отрицаютъ поэтому право лицъ, издающихъ законы, быть его исполнителями, думая, не безъ основанія, что въ противномъ случаѣ законы нерѣдко будутъ издаваемы *ad hoc*, противъ того или другого частнаго лица. Сознаніе этой опасности и побудило ихъ отмѣнить „биллемъ о правахъ“ 1689-го года тотъ процессуальный порядокъ, которымъ совѣтникъ Карла I Стаффордъ приведенъ былъ къ эшафоту. Парламентъ не въ правѣ болѣе издать билля of attainder,—другими словами, закона, которымъ извѣстный актъ, какъ совершенный извѣстнымъ лицомъ,

¹⁾ Этотъ отрывокъ изъ бумагъ Bland Burgess—подсекретаря по внѣшнимъ сношеніямъ—относится къ 1791 г. Онъ приведенъ Лекки на 23 стр. 5-го тома его „*History of England in XVIII century*“.

²⁾ „Парламентъ все можетъ сдѣлать; онъ не въ силахъ только обратить мужчину въ женщину, и женщину въ мужчину“.

признается преступленіемъ и подлежитъ опредѣляемому на этотъ случай наказанію. Но онъ не доводитъ преданности теоріи до того, чтобы отказать одной изъ законодательныхъ палатъ—палатъ лордовъ—въ правѣ суда надъ министрами. Неудобство сдѣлаться судьей въ собственномъ дѣлѣ избѣгается въ данномъ случаѣ тѣмъ, что судящая министровъ палата—не та, которой предоставлено право ихъ обвиненія:—судятъ лорды, но обвиняютъ общины.

Свобода, достигаемая въ сферѣ политическихъ правъ господствомъ парламентской системы правленія или, что то же, торжествомъ начала самоуправленія общества, достигается по отношенію къ публичнымъ правамъ гражданъ подчиненіемъ администраціи суду. Нѣтъ такого правительственнаго акта, который бы нельзя было обжаловать въ Англіи передъ судьями, разъ этимъ актомъ задѣваются права частнаго лица. Свобода личности, неприкосновенность собственности, вѣротерпимость, тайна писемъ и свобода печати не имѣютъ иной гарантіи, кромѣ той, какую даетъ имъ независимость приговора взятыхъ изъ народа присяжныхъ. Само собою ясно, что этотъ порядокъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ обособленіемъ судебной власти отъ исполнительной, какое Монтескьё и, по его слѣдамъ, дѣятели учредительнаго собранія во Франціи тщетно отыскивали въ англійской конституціи.

Какъ мало сознаваемы были большинствомъ дѣятелей 89-го года эти основы парламентскаго режима и правового государства, торжеству которыхъ англичане XVIII вѣка обязаны были своей политической свободой, въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія той обширной памфлетной литературы, которая наводнила собою страну въ періодъ времени отъ перваго собранія нотаблей до созыва генеральныхъ штатовъ. Въ то время какъ Сіэйсъ объявлялъ „готической“, т.-е. носящей на себѣ печать среднихъ вѣковъ, англійскую систему пэри, а Лафайетъ предсказывалъ Монлозье ближайшее упраздненіе палаты лордовъ въ Англіи ¹⁾, Кондорсэ и Бриссо, по словамъ Дюмона, распространялись въ соболѣзнованіи объ „утратѣ Англіей ея политической свободы“, и горячій даже приверженецъ „британскихъ учреждений“, Бергассъ, обнаруживалъ полное непониманіе ихъ тайныхъ пружинъ, „предостерегая депутатовъ національнаго собранія отъ опасности того, что называютъ въ Англіи оппозиціей“. Только подкупностью англійскаго парламента объяснялъ, неизвѣстно почему, Бергассъ—сущест-

¹⁾ См. Mémoires de Montlosieu, томъ I, стр. 218.

ствование двух борющихся между собой партій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это противоположеніе правительственнаго большинства и меньшинства оппозиціи, эта постоянная смѣна у кормила правленія вожаковъ торіевъ и виговъ, сообразно численному преобладанію тѣхъ и другихъ, и составляетъ собою, какъ мы видѣли, дѣйствительную основу англійскаго режима и достигаемаго при его посредствѣ начала самоуправленія общества ¹⁾. Въ своей монографіи объ ораторахъ учредительнаго собранія, профессоръ Оларъ справедливо настаиваетъ на той мысли, что ни одинъ изъ руководящихъ дѣятелей 89-го года не стремился къ образованію вокругъ себя въ средѣ депутатовъ численной партіи, и что сознаніе той тѣсной связи, какая существуетъ между парламентской жизнью и постояннымъ соперничествомъ раздѣляющихъ парламентъ и націю политическихъ группъ, было настолько чуждо дѣятелямъ 89-го года, что Мирабо и Барнавъ, напримѣръ, считали нужнымъ настаивать, что желаніе окружить себя большимъ или меньшимъ числомъ приверженцевъ имъ чуждо. Слѣдующія выдержки изъ сочиненій Кондорсэ также могутъ служить доказательствомъ полнаго непониманія большинствомъ французовъ прошлаго вѣка дѣйствительныхъ основъ англійской политической жизни. „Въ Англіи,—пишетъ этотъ приверженецъ идей фізіократовъ,—существуютъ оба вида деспотизма—прямой и косвенный. Прямой въ томъ смыслѣ, что право отрицанія (*droit négatif*), признанное за королемъ и пэрами, не оставляетъ народу никакого легальнаго средства къ отиѣнѣ дурного закона. Источникъ же косвеннаго деспотизма лежитъ въ томъ, что палата общинъ въ дѣйствительности не представляетъ собою народа, и такимъ образомъ не отвѣчаетъ своему назначенію“. По мнѣнію Кондорсэ, это „аристократическое тѣло, которое направляютъ по произволу сорокъ или пятьдесятъ человекъ,—частью министры, частью пэры, частью простые комонэры“. Англійскій парламентъ въ глазахъ Кондорсэ является орудіемъ не одной деспотіи, но и анархіи. „Нѣкоторые писатели,—говоритъ онъ,—сочли возможнымъ назвать свободой ту анархію, которая происходитъ отъ раздора между властями; они провозгласили равновѣсіемъ то

¹⁾ Вотъ подлинный переводъ того, что въ своемъ „Мемуарѣ о генеральныхъ штатахъ“, появившемся въ 1789 году, пишетъ Бергассъ объ англійской оппозиціи: „Политическое броженіе не можетъ существовать въ народѣ иначе, какъ подъ условіемъ нравственной порчи. Только благодаря тому, что по своему составу парламентъ доступенъ подкупу, англійская нація представляетъ собою зрѣлище двухъ постоянно враждующихъ между собою партій“. (См. *Mémoire de M. Bergasse sur les Etats-Généraux fixés au 27 avril 1789*, стр. 38 и 39).

состояніе инерціи и полного безсилія дѣлать добро или зло, до какого эти власти доведены системой своего постоянного и взаимнаго противодѣйствія. Но чтобы ихъ опровергнуть, достаточно сослаться на то, что рабъ, подчиненный двумъ соперничающимъ владыкамъ, не перестаетъ отъ этого быть рабомъ“¹⁾.

Еслибы прибавить къ сказанному, что ни въ одномъ изъ своихъ политическихъ памфлетовъ Черутти, Рабо-Сентъ-Этьенъ и Сі-эйсъ не обмолвились ни словомъ о роли партій въ направленіи англійской политической жизни, о составленіи королемъ министерства изъ членовъ численнаго большинства, о солидарности между министрами, объ ихъ политической отвѣтственности, отличной отъ судебной и выражающейся въ выходѣ ихъ въ отставку въ моментъ перехода большинства на сторону оппозиціи,—то намъ не трудно будетъ признать, что сторонники и противники англійской конституціи одинаково смотрѣли на нее только сквозь призму теоріи раздѣленія властей и политическаго равновѣсія. Они не видѣли въ ней самаго существеннаго, ни тѣхъ элементовъ самодѣятельности общества, ни тѣхъ началъ правового государства, источникъ которыхъ лежитъ въ контролѣ законодательства и суда за дѣйствіями исполнительной власти. Сіэйсъ, по словамъ хорошо знавшаго его Дюмона, видѣлъ въ англійской конституціи не болѣе какъ „шарлатанство“, придуманное для того, чтобы пустить народу пыль въ глаза. Всякое вліяніе короны казалось ему источникомъ продажности, а всякая оппозиція — закулисной борьбою министерскихъ переднихъ²⁾.

Но и самъ Дюмонъ, принадлежавшій къ числу наиболѣе горячихъ англомановъ, видѣлъ въ прославляемой имъ конституціи только тѣ достоинства, какія связаны были съ устраненіемъ ею слишкомъ рѣзкихъ треній между властями и установленіи между ними взаимной зависимости и соподчиненія³⁾. Неудивительно, поэтому, если онъ отнесся съ полнымъ отрицаніемъ къ тому изъ современниковъ, который первый вздумалъ познакомить французовъ съ тѣмъ фактомъ, что справедливый въ теоріи противовѣсъ законодательной, исполнительной и судебной власти на практикѣ сво-

¹⁾ Idées sur le despotisme (Condorcet, Oeuvres, изд. 1804-го года, т. XII (Mélanges polit., t. 2), стр. 207 и 209.

²⁾ Toute influence de la couronne était à ses yeux de la vénalité, toute opposition n'était qu'un manège d'antichambre (Souvenirs, стр. 52).

³⁾ „Il me parut,—пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—que Sieyes n'écoutait avec assez de pitié quand je lui représentais les modifications de ce système, les ménagements réciproques, les freins pour ainsi dire cachés, la dépendance voilée, mais réelle des trois parties qui constituent la législation (Souvenirs, ibid.).

дятся въ Англіи къ соперничеству правительства и оппозиціи, — правительства, въ которому принадлежитъ большинство обѣихъ палатъ и руководящее имъ министерство, и оппозиціи, составленной изъ меньшинства тѣхъ же палатъ. Я имѣю въ виду уже упомянутого мною маркиза Казо. Дюмонъ говоритъ о его памфлетѣ, что никто не въ состояніи былъ ни прочесть его до конца, ни понять того, что желалъ развить въ немъ авторъ. Повидимому, Мирабо составлялъ исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ въ его рѣчь о королевскомъ вѣто включены были, по словамъ того же Дюмона, цѣлыя страницы изъ этого памфлета. И это показаніе недавно было проверено и признано вполне отвѣчающимъ истинѣ профессоромъ Оларомъ, позволившимъ себѣ по этому случаю обвинить Мирабо въ литературномъ плагиатѣ ¹⁾. Нельзя сказать, чтобы Казо не имѣлъ предшественниковъ, и чтобы никто раньше не отмѣтилъ установившагося путемъ практики подчиненія въ Англіи исполнительной власти, т.-е. короля и министровъ—законодательной, т.-е. парламенту,—обстоятельство, сдѣлавшее возможнымъ контроль парламента надъ внутренней и вѣншей политикой, политическую отвѣтственность министровъ предъ палатами, правительство партій и систему кабинета. За цѣлыхъ полъ-столѣтія до появленія „Духа законовъ“ Локкъ уже видѣлъ въ Англіи осуществленіе своего идеала фактическаго подчиненія исполнительной власти законодательной. Изъ французскихъ политическихъ писателей Мабли также указывалъ на необходимость проверять свидѣтельство Монтескье о равновѣсіи власти въ Англіи показаніями Локка ²⁾.

¹⁾ См. *Souvenirs*, par Etienne Dumont, стр. 152. Aulard, *Les orateurs de la Constituante* (стр. 166), въ которыхъ авторъ ссылается на мемуаръ, напечатанный имъ въ мемуарахъ академіи въ Бордо и озаглавленный: „Un plagiate de Mirabeau“.

²⁾ Въ своемъ трактатѣ объ изученіи политики (томъ VIII, *Oeuvres*) Мабли говоритъ: „Я желалъ бы, чтобы каждый съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ, и нѣсколько разъ прочелъ, трактатъ Локка о гражданскомъ правительствѣ. Надо сдѣлать изъ него свое достоинство и настолько проныкнуться его принципами, чтобы имѣть возможность отнестись критически къ тѣмъ ошибкамъ, которыхъ самъ авторъ не избѣжалъ, благодаря тому презрѣнному уваженію, какимъ англичане окружаютъ свое правительство. Внимательное изученіе Локка предостережетъ читателя отъ многихъ заблужденій, въ какія можетъ ввести его чтеніе Грота или Пуффендорфа (*De l'étude de la Politique*, Collection complète des *Oeuvres* de l'abbé de Mably, томъ XIII (à Paris, l'an III de la République) (1794 à 1795), стр. 143, 144).

Въ другомъ трактатѣ (*De l'étude de l'Histoire*) Мабли также старается показать, что ученіе Монтескье о равновѣсіи властей, яко бы достигнутомъ въ англійской конституціи, не отвѣчаетъ дѣйствительности. Томъ XII, стр. 230.

Изъ двухъ сочиненій, составившихъ извѣстность Монтескье, Мабли ставитъ выше трактатъ о причинахъ величія и паденія римлянъ, хвала автора за тотъ духъ

Въ переведенныхъ на французскій языкъ „Письмахъ земледѣльца изъ Нью-Джерсе“ также высказывается сомнѣніе въ томъ, чтобы источникомъ англійской свободы было начало равновѣсія властей. Это равновѣсіе, — думаетъ ихъ авторъ, — на самомъ дѣлѣ никогда не существовало, и по всей вѣроятности немислимо и въ будущемъ. Англичане достигли свободы несравненно простѣйшимъ способомъ: съ помощью народнаго представительства и суда присяжныхъ ¹⁾. Замѣчательно, однако, что ни тотъ, ни другой писатель не говоритъ еще ничего ни о правительственной партіи, ни о системѣ кабинета ²⁾. Казо первый сдѣлалъ попытку доказать, что столкновеніе властей въ Англіи, способное парализовать всякую политическую дѣятельность, немислимо, благодаря тому обстоятельству, что прямыми и косвенными путями, не исключая и подкупа, министерство всегда располагаетъ большинствомъ въ обоихъ палатахъ. Такимъ образомъ, тѣ три veto, которыя обыкновенно находятся въ англійской конституціи, въ дѣйствительности сводятся, — говоритъ Казо, — къ двумъ: къ неотчуждаемому вѣто народа, которое раскрываетъ монарху глаза на неразуміе или коварство предложенныхъ ему министрами мѣръ, и къ священному вѣто монарха, который защищаетъ народъ отъ произвола палатъ, претендующихъ быть выразителями его воли, но далеко не всегда отвѣчающихъ на дѣлѣ этой претензіи. Казо поясняетъ далѣе свою

свободы, которыми дышетъ его книга. Наоборотъ, „Духъ законовъ“ кажется ему сочиненіемъ, пренеполненнымъ ошибокъ.

¹⁾ Стр. 30, 37 (*Examen du gouvernement d'Angleterre, comparé aux constitutions des états-unis* (изд. 1789).

²⁾ Любопытно, напримѣръ, что Маблі, считавшій неотлагательнымъ назначеніе министровъ депутатами (см. *L'abbé de Mably moraliste et politique*, M. W. Guergier. Paris, 1886 г., стр. 173), не замѣчаетъ, что предлагаемый имъ порядокъ существуетъ въ Англіи: „Сколь несчастны англичане, — пишетъ онъ, — благодаря тому, что не выбираютъ сами совѣтниковъ и министровъ короля“. Французская революція сдѣлалась совершившимся фактомъ, прежде чѣмъ Барнаву пришло на мысль сдѣлать слѣдующее характерное заявленіе: „я не знаю, хорошо ли я уведомленъ о томъ, что дѣлается въ Англіи, такъ какъ самъ не видѣлъ этого всего собственными глазами. Но если справедливо, что министерское большинство служитъ не столько интересамъ той или другой власти, сколько той и другой административной программѣ, что она настолько связана общественнымъ мнѣніемъ и интересами самосохраненія, что не прочь отказаться отъ министерства, еслибъ оно вздумало напасть на конституцію, если справедливо, что такъ часто упоминаемая продажность на самомъ дѣлѣ сводится только къ искусному распредѣленію должностей между приверженцами, безъ чего не можетъ обойтись ни одно правительство, то надо будетъ признать, что англійскіе порядки разрѣшаютъ великую задачу всѣхъ политическихъ учреждений, обеспечивая неизбѣжность конституціи и дѣлая возможнымъ существованіе дѣятельнаго правительства (*Barpave, Oeuvres publ. par Béranger de la Drôme*. 1843. Томъ I, стр. 74).

мысль, предполагая два противоположных случая—иниціативы законовъ министерствомъ и предложенія ихъ оппозиціей. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ, одинаково онъ видитъ только противоположеніе между правительствомъ съ одной стороны и оппозиціи—съ другой. Министры дѣлаютъ палатамъ только тѣ предложенія, какія первоначально одобрены были монархомъ. Вѣто въ такомъ случаѣ можетъ только послѣдовать со стороны оппозиціи, которая явится такимъ образомъ агентомъ народа. Предполагая противоположный случай представленія законодательнаго проекта оппозиціи, Казо говоритъ, что и на этотъ разъ можетъ идти рѣчь только объ одномъ вѣто со стороны министерства, дѣйствующаго за-одно съ королемъ и опирающагося на большинство въ палатахъ. Такимъ образомъ,—заканчиваетъ онъ,—тѣ три участника законодательной власти, какими въ Англіи являются король, лорды и общины, располагаютъ на практикѣ, всего-на-все, двумя вѣто, изъ которыхъ одно падаетъ само собою въ моментъ предложенія закона принявшими на себя инициативу правительствомъ или оппозиціей ¹⁾.

Не даромъ Мирабо говорилъ о Казо, какъ о лучшемъ знатокѣ англійскихъ порядковъ. При всемъ несовершенствѣ формы, онъ, можетъ быть, больше другихъ содѣйствовалъ выясненію въ глазахъ великаго трибуна того значенія, какое для упроченія порядка и свободы имѣетъ передача функцій исполненія въ руки взятаго изъ среды собранія и поддерживаемаго большинствомъ солидарнаго министерства. Въ средѣ учредительнаго собранія Мирабо одинъ явился провозвѣстникомъ этой идеи; и та дружная оппозиція, какую встрѣтило его предложеніе дать министрамъ доступъ въ среду палаты и не устранять отъ министерскихъ постовъ депутатовъ собранія, оппозиція, не кончившаяся съ его смертію и продолжавшая преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто, подобно Барнаву, Дюпору, Ламету и Андрэ, высказывался въ пользу подобной реформы, какъ нельзя лучше доказываетъ непониманіе большинствомъ дѣйствительныхъ основъ англійской свободы.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

¹⁾ De la simplicité de l'idée d'une constitution (Paris, 1789), стр. 111, 114, 115.

ВЪ ГЛУХОМЪ МѢСТЕЧКѢ

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается В. Г. Короленко.)

I.

— Такъ-то, братецъ, вы еще жалуетесь, а посмотрите на меня, какъ я живу! Каждый день—одно и то же. Вотъ, мы не видались нѣсколько лѣтъ: вы, конечно, перемѣнились, вы этакъ, знаете, жили, общество всякое, взгляды тамъ разные, новости,— а я все тутъ! И наизусть знаю, какъ для меня пройдетъ день: сейчасъ придутъ мнѣ докладывать, я буду подписывать, потомъ кричать, потомъ поѣду по дѣламъ, а дѣла-то мои... эхъ!

Лаврентій Ардаліоновичъ отодвинулъ ногою стоявшій около него стулъ и, засучивъ рукава своего халата, началъ бриться. Было около девяти часовъ утра.

Лаврентій Ардаліоновичъ Алексѣевъ былъ полицейскимъ надзирателемъ мѣстечка Николаевки, въ которомъ еврейское население преобладало надъ другими національностями,—и находился въ этой должности около тридцати лѣтъ. Высокаго роста, съ сѣдыми усами, стройный, онъ производилъ впечатлѣніе еще бодрого служаки, несмотря на свои 65 лѣтъ. Говорилъ онъ басомъ, держался съ особеннымъ достоинствомъ и былъ грозою для всѣхъ обывателей мѣстечка. Но служба его не удовлетворяла и дѣлала его не въ мѣру раздражительнымъ. То придирки исправника, то непріятныя порученія, наконецъ долгое пребываніе въ гниломъ захолюстѣ и полное одиночество,—все это превратило его, дворянина Алексѣева, въ „угрюмое старое чудовище“. Что касается

исправника, то тотъ былъ „вполнѣ бюрократъ“, „человѣкъ, нисколько не уважающій людей низшей полицейской іерархіи“, „анахронизмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи“,—говаривалъ Алексѣевъ. А развѣ можно при такихъ условіяхъ чувствовать себя хорошо человѣку чуткому, у котораго есть еще душа и нервы? Мудрено ли, что все ему надоѣло, начиная со службы со всѣми сослуживцами и подчиненными?— „Бррр!“—воскликнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, рассказывая мнѣ о нихъ. Да, Лаврентій Ардаліоновичъ не безъ основанія былъ особенно дурно настроенъ въ это утро, жалуясь на свою судьбу. Его радостное лицо при видѣ меня (я пріѣхалъ въ Николаевку послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія) смѣнилось въ концѣ мрачнымъ и недовольнымъ, когда онъ сталъ говорить о себѣ...

Алексѣевъ продолжалъ бриться, а я принялся разсматривать его комнату, въ которой не нашелъ почти перемѣнъ. Тѣ же столы, стулья, кровать, только надъ письменнымъ столомъ висѣла новая картина, изображающая пріемную князя по „Губернскимъ Очеркамъ“ Н. Щедрина. Лаврентій Ардаліоновичъ очень любилъ сочиненія Щедрина, изъ которыхъ онъ приводилъ часто цитаты, какъ бы въ доказательство того, что онъ выше своей среды и знаетъ ей настоящую цѣну.

— Въ мѣстечкѣ Мыколаевки... — началъ-было докладывать на-распѣвъ появившійся вдругъ урядникъ; но Лаврентій Ардаліоновичъ не далъ ему докончить и, указывая на него бритвой, произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ не угодно ли!... Курица подохла, что-ли, или жиры накуралесили?—спросилъ онъ урядника.—Убрать!—приказалъ онъ, подавая ему бритву, щеточку и мыло.

Урядникъ вышелъ съ принадлежностями бритья, а Лаврентій Ардаліоновичъ сталъ облачаться въ свою форменную одежду. Ему прислуживалъ вызванный имъ по звонку десятскій, который за неудачно поданный сапогъ или рукавъ мундира удостоивался званія то осла, то болвана. Окончивъ свой туалетъ, надзиратель присѣлъ къ столу, недалеко отъ меня.

— Ну, рассказывайте, Яковъ Григорьевичъ, чтѣ вы подѣлывали, гдѣ бывали. Мы столько лѣтъ не видались, что я, право, отъ души радъ вашему пріѣзду. Чтѣ васъ привлекло къ намъ?

— Поселиться здѣсь думаю, Лаврентій Ардаліоновичъ...

— Здѣсь?!.. Ну, ужъ это что-то такое, чего я и не пойму! Извините меня: чтѣ вамъ здѣсь интересно? Какая здѣсь пища уму, да еще молодому? Да я бы, будь моя воля, пѣшкомъ бы удралъ отсюда, право...

— Школу хочу здѣсь открыть, да и къ своимъ присмотрѣться... все-таки жизнь вѣдь и это...

— Жизнь-то жизнь... впрочемъ, я тутъ ничего не разберу, это не по моей части. Ну, когда-нибудь еще поговоримъ, а теперь я займусь немного. Кагайловъ!

Вошелъ урядникъ.

— Почту!—приказалъ надзиратель.

Кагайловъ положилъ на столъ нѣсколько запечатанныхъ пакетовъ. Лаврентій Ардаліоновичъ принялся вскрывать ихъ, но при этомъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи потѣшиться надъ вытянувшимся передъ нимъ урядникомъ:

— Вотъ онъ и есть настоящій жидоморъ! Вы у него спросите, какова здѣсь жизнь; знатокъ—я вамъ скажу—онъ мѣстныхъ типовъ...

Лицо Кагайлова было неподвижно, точно не о немъ шла рѣчь: его больше всего, повидимому, интересовала почта.

— „Объявить“!—читалъ Лаврентій Ардаліоновичъ,—ну, объявить... это неважно. „Минскому мѣщанину Хацкелю Лейбову Ициксону“... Ага, пошелъ уже... начинаются прелести... „По обвиненію въ проживательствѣ по чужому паспорту“... Кагайловъ, слышите?

Кагайловъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ.

— „Имѣю честь“... гмъ, а я—удовольствіе, и очень пріятное. — Остальное онъ дочиталъ про себя.—„Предлагаю вашему благородію немедленно“...—Лаврентій Ардаліоновичъ, прочитавши и эту бумагу про себя, скомкалъ и бросилъ ее на другой конецъ стола.

— Кагайловъ, сколько здѣсь жидовскихъ хедеровъ? — спросилъ онъ урядника.

— Четыре.

— Безъ разрѣшенія?

— Такъ точно!

— Извольте-ка радоваться!—разсвирѣпѣлъ Лаврентій Ардаліоновичъ:—да еще и за нихъ отвѣчай! А я и забылъ объ ихъ существованіи, чортъ бы ихъ побралъ! Составить протоколы!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ??—передразнилъ онъ урядника.—Всѣмъ вѣдь тоже нельзя,—бормоталъ онъ въ раздумьѣ:—поднимутъ гевальтъ... А никому не составить послѣ этого (онъ указалъ на скомканную имъ бумагу)—невозможно...

— Кому прикажете?

— Себѣ!—вдругъ закричалъ Лаврентій Ардаліоновичъ:—себѣ,

за отсутствіе всякой сообразительности. Ну, хоть бы капля соображенія: стоитъ, вотъ, хлопаетъ глазами! Извольте уходить по дѣламъ!

Онъ махнулъ рукою вслѣдъ уходившему уряднику и обратился ко мнѣ:

— Не угодно ли: „немедленно“! Легко написать! А поди-ка исполни! Зайдешь—обступать тебя жиденята, иной затрясется, какъ въ лихорадкѣ, Ривка его начнетъ выть, да еще, на бѣду, беременная... Каменный я что-ли? А въ чемъ дѣло, я васъ спрашиваю? Учить вѣдь жидъ тамъ по своему, аферы здѣсь никакой, хлѣба хочеть... Андрей!

Десятскій прибѣжалъ и выстроился.

— Дуракъ!

— Прикажете заложить?

— Да-съ, прикажу... пошелъ вонъ!.. Того и глади, еще паспорта, какъ водится, не окажется,—вотъ тебѣ и „сугубое“. Да-съ, душу возвышающее занятіе, я вамъ доложу, эта возня съ жидовскими увертками... А тутъ еще люди нарочно пріѣзжаютъ изъ культурныхъ центровъ. Что-жъ, полюбуйтесь на насъ... Да, вотъ, кстати!—крикнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, очутившись раньше меня на улицѣ:—Какъ тебя тамъ, эй, Шлѣмка, чортъ бы тебя побралъ, пошелъ сюда! Полюбуйтесь, — сказалъ онъ мнѣ,—хоть этимъ экземпляротъ! изучайте! а у меня онъ сидитъ уже вотъ гдѣ!

И онъ указалъ рукою на свой затылокъ.

Изъ-за угла улицы показалась фигура еврея, лѣтъ 45—50, въ черномъ длиннополомъ сюртукѣ, съ черными маленькими пейсами, съ очками на носу, съ тонкими ногами, обутыми въ сапоги съ рыжими голенищами, въ которыхъ были засунуты панталоны. Услыхавъ начальственный окрикъ, онъ ускорилъ свою походку и, дѣлая маленькіе шаги, замахалъ толстой палкой съ загнутымъ верхнимъ концомъ; еще на довольно значительномъ разстояніи отъ надзирателя Шлѣмка снялъ съ головы свой картузъ и очутился въ засаленной ермолкѣ. Одна нога его была короче другой, на лѣвомъ глазу—бѣльмо. Черная, длинная, клинообразная борода рѣзко отбѣняла блѣдное лицо; очевидно, страдая одышкой, еврей пыхтѣлъ и, приблизившись къ намъ, постарался изобразить любезную улыбку, которая не вязалась съ его запуганнымъ и непривлекательнымъ видомъ.

— Чучело!—привѣтствовалъ его Лаврентій Ардаліоновичъ:—ишь ты джентельменъ! Фу, ты, Боже мой!

Надзиратель не зналъ, какъ сильнѣе выразить свое отвра-

щеніе къ Шлёмкѣ, а Шлёмка смотрѣлъ вопросительно то на него, то на меня. Въ его глазахъ выражалось желаніе не разсердиться какъ-нибудь начальства и поскорѣе убраться. По всему было видно, что они съ надзирателемъ старые знакомые, что Шлёмкѣ не въ-первѣй выслушивать подобныхъ клички; напротивъ, ему было бы, пожалуй, странно, если бы надзиратель обошелся съ нимъ какъ съ человѣкомъ, какъ съ „ребѣ Шлойме“, наприимѣръ, а не со Шлёмкой.

Лицо Шлемы было очень типичное; это было лицо талмудиста-философа, черпающаго свои воззрѣнія и всю мудрость изъ талмуда, агадъ ¹⁾ и поученій. Его маленькіе глазки были задумчивы; онъ слегка морщилъ лобъ, какъ бы уносясь мысленно въ область преданій и поученій, которыя онъ призываетъ на помощь въ трудныя минуты, чтобы не потеряться въ лабиринтѣ житейскихъ мелочей.

— Ишь, чучело чортово! Да и плутовать, я вамъ скажу, — посмотрите только на рожу...

Я посмотрѣлъ на эту „рожу“, но увидѣлъ въ ней вовсе не плутоватость. Шлёмка улыбался слабой снисходительной улыбкой. Лаврентій Ардаліоновичъ, конечно, не могъ допустить и мысли, что передъ нимъ — глубокій философъ, относящій и его, надзирателя, и свою съ нимъ встрѣчу, и всѣ его насмѣшки, какъ частности, къ нѣкоторой общей философской схемѣ. Но это было именно такъ. Въ улыбкѣ Шлемки, въ легкихъ морщинахъ, мгновенно собравшихся на лбу, я прочиталъ сожалѣніе философа къ бѣдному человѣку, который грѣшитъ по глупости. Такъ, вѣроятно, улыбался знаменитый раввинъ, ребе Гилель, когда его оскорбляли. Ребе Гилель, одинъ изъ творцовъ талмуда, славился тѣмъ, что никто не могъ его разсердить; онъ всегда съ грустью отвѣчалъ оскорблявшему его: „что тебѣ угодно, сынъ мой? Не сердись, прошу!“ Чудовищнымъ показалась бы Лаврентію Ардаліоновичу самая мысль о томъ, что Шлёмка снисходитъ къ нему, Шлёмка съ пейсами и, можетъ стать, безъ паспорта! И однако оно было именно такъ.

— У тебя есть еще хедеръ?

Шлёмка какъ бы очнулся: передъ нимъ была дѣйствительность; онъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Рожа, вѣдь тебя спрашиваютъ!

Шлёмка смотрѣлъ умоляюще. Я зналъ, что мое вмѣшатель-

¹⁾ Преланія.

ство въ подобныя минуты, когда Лаврентій Ардаліоновичъ былъ золъ, ни къ чему не поведетъ, и въ свою очередь молчалъ.

— Ну, не смѣшно ли? и онъ хитритъ! Ахъ, ты, чучело гороховое! Ты у меня безъ шутокъ; слышишь ли, что говорятъ тебѣ? Мнѣ не до шутокъ со всякимъ уродомъ. Разгони жиденятъ своихъ, а то я велю составить протоколъ и передать его судебному слѣдователю. Ступай, ступай... нечего... пошелъ!

Шлѣмка пробормоталъ что-то неслышно и поплелся, оглядываясь назадъ и не рѣшаясь надѣть свой картузъ; послѣднее онъ себѣ позволилъ, когда уже былъ довольно далеко отъ насъ.

— Ну, что, вѣдь прелесть?—спросилъ меня Лаврентій Ардаліоновичъ:—вы довольны субъектомъ?

— Очень доволенъ!—отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Вы это серьезно? Ну, помогай вамъ Богъ, а я не доюсь до пониманія прелестей этого типа... Что дѣлать? Однако у меня дѣла, и болтать не приходится... До свиданья!

II.

Я долго бродилъ по улицамъ Николаевки, гдѣ каждый уголокъ былъ мнѣ знакомъ по старымъ воспоминаніямъ, всматриваясь въ лица обывателей, съ которыми въ недалекомъ будущемъ предстояло мнѣ сблизиться, знакомился кое съ кѣмъ и усталый возвратился къ себѣ. И все время образъ Шлѣмы не давалъ мнѣ покоя: „Что это за человекъ?—думалъ я:—чѣмъ онъ живетъ, кому улыбается естественно открытой улыбкой, и почему мнѣ кажется, что я, какъ будто, встрѣчалъ его раньше?“

Понемногу мои воспоминанія прояснились: да, я дѣйствительно зналъ Шлѣму. Это было еще въ дни моего дѣтства...

Какъ-то разъ въ субботу, послѣ обѣда, когда старшіе, по обычаю, пошли отдыхать, я забрался во дворъ синагоги. Обойдя ее, я замѣтилъ у задней стѣны отворенную дверь отдѣленія для женщинъ и, остановившись, услышалъ тихое жужжаніе слабого женскаго голоса. Я взобрался на ступеньки, сталъ у порога и разглядѣлъ между скамейками сгорбленную спину старухи, читавшей что-то стоя. Когда я подошелъ ближе, старуха повернула ко мнѣ доброе старческое лицо.

— Иди сюда, сынокъ, иди ко мнѣ!—ласково позвала она. Я повиновался.

— Чей ты?—спросила она, погладивъ меня по щекѣ.

Я назвалъ имя моего отца.

— Вотъ какъ! Куда же ты, котикъ, идешь?

— Гуляю, бабушка. А ты что дѣлаешь?

— Молюсь, сынокъ, молюсь; сегодня суббота, и я читаю псалмы.

— Развѣ женщинамъ это нужно?

— Отчего же нѣтъ? Богъ всѣхъ услышитъ. Всевышній да спасетъ тебя: ты умный мальчикъ.

— Бабушка, а отчего ты не дома?

— Нѣтъ, сынокъ, я дома.

— Гдѣ же ты живешь?

— А вотъ за этой дверью я всегда сплю и ѣмъ, а здѣсь молюсь и учу дѣвочекъ. Славныя дѣвочки, сынокъ; спасибо старостѣ синагоги: онъ позволилъ мнѣ жить здѣсь.

— А у тебя есть дѣти?

— Есть сынъ и внуки, дай Богъ имъ здоровья. Сынъ мой — пусть Всевышній осчастливить его! — имѣетъ хорошее дѣло. У него большое семейство, я ихъ стѣсняю, а тутъ мнѣ лучше.

— Какъ же онъ отпускаетъ тебя?

— И-и, сынокъ, зачѣмъ такъ говорить! Не надо осуждать, никого нельзя осуждать, не надо, миленькій. Ты хорошій мальчикъ, у тебя такое мягкое сердце.

У меня показались слезы, — такъ трогалъ меня ея голосъ, убогое платьѣ и нищенскій видъ.

— Бабушка, а кто же тебѣ ѣсть приносить?

— Птичка моя дорогая, какой ты добрый бухеръ ¹⁾! Благословенъ Всевышній! — имѣю все. Не печаль меня своимъ жалобнымъ голоскомъ, иди, котикъ, ты мнѣ мѣшаешь.

И она опять принялась молиться. Но я не могъ уйти; мнѣ захотѣлось приласкаться къ ней, слушать ее. Что-то хорошее, теплое и жалостное закопошилось въ моемъ десятилѣтнемъ сердцѣ.

— Бабушка, какъ ты хорошо молишься... Вѣдь я понимаю, что ты читаешь.

Она засуетилась и испуганно подошла ко мнѣ.

— Болячка на меня за то, что я огорчила дѣтское сердце! — воскликнула она, съ страстной нѣжностью глядя на меня по головѣ и щекамъ. — Что съ тобой, сынокъ, не плачь! Пусть мнѣ достанется за каждую твою дорогую восточку, за твое сладкое лицо, дитя мое! Это псалмы, псалмы царя Давида; онъ плакалъ передъ Господомъ, изливалъ передъ Нимъ свое сердце. Ну, и

¹⁾ Молодецъ.

я, старая дура, не выдержу порой, тоже заплачу передъ Богомъ...

— Отчего никто не молится такъ, какъ ты?.. А что же ты дѣлаешь всегда?

— Молюсь, сынъ мой, всегда молюсь, мой умный сыночекъ! А еще Богъ поддержиляетъ меня, даетъ мнѣ силы благословлять Его, помогать, чѣмъ могу, несчастнымъ, бѣднымъ дѣточкамъ, у которыхъ ѣсть нечего, — пусть Господь не накажетъ за эти слова! Хожу, когда надо, по богачамъ, когда случатся умирающіе, больные, которымъ никто не помогаетъ — пусть это не зачтется никому на томъ свѣтѣ! Сдѣлаю что-нибудь, такъ и душѣ легче. Грѣхъ роптать, грѣхъ, сынъ мой!.. Боже мой, да чтѣ съ тобою?

— Бабушка, ты добрая! Я бы хотѣлъ у тебя учиться! — скажи я въ сильномъ волненіи.

— Чтѣ ты, птичка моя, чему я тебя, глупая, научу? Развѣ женщины учатъ мальчиковъ? У тебя такой хорошей отецъ, онъ можетъ найти для тебя такого учителя, что Богъ и люди, какъ говорится, позавидуютъ тебѣ. Вотъ *ребѣ Шлойме* — пусть Господь продлитъ его лѣта. Это хорошо, что ты хочешь учиться, будешь хорошимъ евреемъ, а то много, сынъ мой, злыхъ людей — пусть Господь не накажетъ за эти слова!..

И она продолжала гладить мои волосы и шептала слова какой-то молитвы...

Послѣ я узналъ, что старуху звали Ханой. У нея былъ богатый сынъ, но злая, ненавидѣвшая ее невѣстка выгнала ее изъ дому и даже запретила приходить любоваться внуками. Хана добывала себѣ хлѣбъ тѣмъ, что обучала дѣвочекъ молитвамъ. Изъ своего мѣсячнаго дохода въ 9—10 рублей она умудрялась жертвовать еще на бѣдныхъ. Нѣсколько разъ уже она набирала себѣ на саванъ, который набожные евреи запасаютъ при жизни, чтобы всегда быть готовыми къ смерти. Но если умирала какая-нибудь бѣдная еврейка, которую не на что было похоронить, — Хана отдавала съ благословеніями свой похоронный уборъ и принималась готовить новый.

— Дай Богъ, чтобы вы долго жили! — говорила она хлопотавшему о погребеніи умершей, — за то, что даете бѣдной старухѣ возможность сдѣлать доброе дѣло.

Питалась она хлѣбомъ и водою, хлопотала о приданомъ для бѣдныхъ дѣвушекъ, лекарствахъ для больныхъ и въ свободное время молилась. Она никогда не сердилась, не отзывалась дурно о другихъ и никому не позволяла злословить въ своемъ присут-

ствіи. Бывало, когда уличные мальчишки, завидя ее, начнутъ ее дразнить: „Хана горбатая, Хана беззубая, тебя сынъ выгналъ, ай-ай-ай!“ — она только обернется и скажетъ: „Дѣточки мои, что вы говорите? Пусть Богъ не накажетъ васъ за эти слова! Что я вамъ сдѣлала? Мнѣ ничего, но вамъ, дѣтки, грѣшно: старую женщину не слѣдуетъ вамъ обижать!..“

Вотъ отъ кого я слышалъ въ первый разъ имя ребе Шлойме, который предсталъ передъ надзирателемъ въ видѣ урода Шлѣмки. Хана произносила это имя съ благоговѣніемъ...

Приближался закатъ солнца. На улицахъ улеглась пыль; воздухъ становился мягче; городъ затихъ; блѣдный еще мѣсяцъ, будто улыбаясь, подымался изъ-за деревьевъ. Недалеко отъ дома, въ которомъ я жилъ, на площади, старый мельникъ „Хвилипъ“ завелъ свою вѣтряную мельницу и отъ удовольствія затанулъ „пісню“, которая такъ гармонировала съ настроеніемъ природы, меланхолическимъ и незлобивымъ. Пѣсня становилась все громче, крылья вертілись все живѣе подъ дыханіемъ вечерняго вѣтра, темнѣющая площадь, оживляясь, пронизывалась мелодіей, и даже деревья отъ удовольствія важно помахивали вершинами...

„Ой, у полі могла...
Зъ вітромъ говорила...“

Кто-то постучался у моихъ дверей... Я отворилъ и увидѣлъ передъ собою блѣднаго, усталаго Шлѣму.

— Я имѣю къ вамъ просьбу; я думаю, что вы это сдѣлаете для меня! — произнесъ онъ растерянно, снявъ съ головы свой картузь. Голосъ его дрожалъ робкой мольбой...

— Да зайдите, пожалуйста, въ комнату! — попросилъ я; но Шлѣма посмотрѣлъ на это какъ на лишнюю формальность, могущую только отнять лишнее время.

— Что за важность! — произнесъ онъ нерѣшительно: — не такое великое несчастіе, если я и здѣсь постою.

— Но я не могу васъ такъ слушать!

Шлѣмка лѣнливо перешагнулъ черезъ порогъ, держа въ одной рукѣ картузь, въ другой палку, и остановился въ недоумѣніи. Я предложилъ ему сѣсть. Онъ нѣхотя повиновался, причемъ вынулъ красный ситцевый платокъ, которымъ вытеръ себѣ лобъ, и положилъ картузь на столъ.

— Какъ хорошо теперь на улицѣ, около мельницы! — сказалъ я, чтобы начать разговоръ.

Шлѣма пожалъ плечами и кивнулъ головой.

— Да, да! — сказалъ онъ съ пренебреженіемъ. Затѣмъ вся его фигура какъ-то уменьшилась; онъ робко взялъ картузъ и, какъ бы поднимаясь, чтобы уйти, произнесъ опять:

— Вы можете сдѣлать для меня доброе дѣло: вѣдь вы еврей... хотя... и въ другомъ видѣ, но все-таки еврей и навѣрное не желаете зла другому еврею. Упросите пана или сами, или черезъ Розенфельда (это еще лучше!), не трогать меня. Розенфельдъ, какъ богатъ, и вы, какъ знакомый пана, навѣрное его уговорите...

— Хорошо, ребѣ Шлойме, — улыбнулся я: — я постараюсь. Но затѣмъ вы спѣшите? Садитесь, пожалуйста, я хочу немного поговорить съ вами. Я до вашего прихода думалъ о васъ; мнѣ хочется познакомиться съ вами поближе, — вѣдь мы будемъ жить въ одномъ мѣстѣ. Не уходите!

Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то любопытствомъ и, опустившись на стулъ, пожимая снова плечами, пробормоталъ:

— Чтò тутъ знакомиться! мы и такъ знакомы.

— Скажите мнѣ: откуда вы, ребѣ Шлойме?

— Мало ли откуда! Не все ли равно! Есть о чемъ беспокоиться и говорить!

— Но вѣдь вы не здѣсь родились?

— Что за важность!

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать, а между тѣмъ мнѣ такъ пріятно съ вами: вы напоминаете мнѣ мое дѣтство, Хану... которую я очень любилъ!

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ: — вы ее знали?

— Чтò, она жива еще?

— Ну, а если жива, такъ что же?

— Какъ чтò! Мнѣ хотѣлось бы видѣть ее и всѣхъ старыхъ знакомыхъ. Я пріѣхалъ только сегодня на разсвѣтѣ...

Шлѣмка слегка забарабанилъ пальцами по столу.

— Вы, значить, учились до сихъ поръ? — спросилъ онъ.

— Да, учился.

— У насъ все *это* есть, — сказалъ онъ со вздохомъ: — нѣтъ новаго подъ солнцемъ, какъ сказалъ премудрый Соломонъ.

— Много у васъ дѣтей въ хедерѣ?

— Въ моемъ хедерѣ? Богъ знаетъ! пусть они живутъ долго; еврейскія дѣти, ихъ нельзя, по закону, считать.

— Какъ же вы знаете свои доходы, наконецъ?

— Э, глупости! У насъ сказано: „не будь работникомъ за

плату, работай не ради платы!" Вотъ такъ, этими самыми словами и сказано.

— А хорошіе у васъ ученики? вы довольны ими?

— Есть разные, только всѣ шалуны: все бы имъ играть да бѣгать. Въ наше время мальчики съ пяти лѣтъ учились по цѣлымъ днямъ и по вечерамъ... Ну и выходили-таки головы, острые мозги: раввины, рѣзники, судьи по духовнымъ дѣламъ.

Онъ опустил голову.

— Все отъ Бога!—продолжалъ онъ уныло.

— Нѣтъ, вы уже черезъ-чуръ требовательны: дѣтамъ нужно давать побольше свободы, имъ нужно рѣзвиться. Вотъ вы, извините меня: въ васъ нѣтъ жизни, вы слишкомъ замучены. Не оттого ли, что съ дѣтства васъ жали и лишали свободы?

— Можетъ быть, — лѣниво отвѣтилъ онъ: — а впрочемъ... извините и вы меня,—началъ онъ болѣе энергично:—я думаю, что вы меня извините... Я васъ спрошу объ одной маленькой глупости: вотъ вы уже образованы,—объясните мнѣ посредствомъ вашей физики, химии и алгебры, зачѣмъ еврейскимъ дѣтямъ свобода? Къ чему имъ рѣзвиться и гдѣ? Га! какой въ этомъ смыслъ? Я понимаю: я у себя дома, чувствую себя свободно, никто не плюетъ мнѣ въ лицо, не бросаетъ въ меня, для потѣхи, камнями—тогда мнѣ понятно. (Онъ взялъ свою бороду въ кулакъ и глаза его приняли сосредоточенное выраженіе.) Если мнѣ маленькому мальчишкѣ кричать „жидъ“, когда я стараюсь перебѣжать улицу, чтобы попасть въ хедеръ, то если я съ дѣтства привыкну къ свободѣ—по вашему—и стану держать себя независимо... (онъ освободилъ бороду и, пригвѣвая извѣстнымъ образомъ при постройкѣ своего силлогизма, сталъ медленно водить кулакомъ вправо и лѣво)... то какой видъ это будетъ имѣть для нихъ? Га! У насъ въ талмудѣ сказано: бѣдность украшаетъ Израиля. Еврей долженъ ходить съ опущенной головой, не лѣзть на глаза, помнить, что онъ чужой, что онъ не дома,—это разъ навсегда! Вотъ, еслибъ всѣ евреи не лѣзли въ ихъ школы, и не было бы зависти, а еврейскимъ дѣтямъ была бы польза: они учились бы тому, чему учились ихъ предки, знали бы свое дѣло. Такъ пока выходить по моему глупому разуму, а дальше, можетъ быть, оно и не такъ. Но меня это не задѣваетъ! Я иду себѣ своимъ ходомъ и больше ничего!

— Ну, хорошо, пусть такъ: мы не сговоримся. Однако, что же думать: гдѣ по вашему выходъ?

— Чтѣ думать?—ѣдко улыбнулся онъ:—ничего не думать! То-то и есть...—Онъ помолчалъ немного.—Вы учились талмуду?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ Богъ съ вами, такъ и быть, поговорю съ вами еще. Вотъ садитесь поближе ко мнѣ и выслушайте хорошую исторію изъ талмуда: она вамъ пригодится.

Я усѣлся около него, а онъ снова вытащилъ свой красный платокъ, опять вытеръ лобъ и, зашлянувъ, съ удовольствіемъ началъ:

— Слушайте только хорошенько и вы увидите, что и у насъ есть тоже малость хорошаго. Мы не гонимся за алгеброй, — она, положимъ, тоже мудрость, но это: „жуй и плюй!“ Мы углублены въ мудрость предковъ: въ ней нѣтъ дна. Прошу васъ, слушайте со вниманіемъ, вы вѣдь сами меня затронули. Хорошо, что вы мнѣ это припомнили. Былъ у насъ давнымъ-давно великій раввинъ „Нухимъ и это“. Такъ его звали. Почему его такъ звали? Вѣдь вопросъ: отчего *это*... „Нухимъ и это“? Пусть будетъ „Нухимъ“, зачѣмъ еще „и это“? Имѣйте же время. Какое бы несчастье съ нимъ ни случилось, онъ всегда говорилъ: „и это къ лучшему“. Теперь вы понимаете? Поймите же! Однажды онъ внезапно ослѣпъ, и у него отнялись руки и ноги, и лежалъ онъ въ ветхой избушкѣ и все повторялъ про себя: „И это къ лучшему!“ Ну, имѣетъ ли это смыслъ? Погодите же. Вотъ онъ слышитъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ около него учениковъ сѣтуетъ на то, что учитель можетъ погибнуть въ лачугѣ, потому что она во всякую минуту можетъ обрушиться. Тогда ребе Нухимъ говоритъ: „Не бойтесь; пока я лежу здѣсь, изба будетъ цѣла“. Когда ученики его услышали это, то одинъ изъ нихъ спрашиваетъ его: „Ребе, если ты такой великій чудотворецъ, почему же ты не сдѣлаешь... не сдѣлаешь, что бы ты“...

Онъ остановился, по обыкновенію евреевъ предоставляя слушателямъ угадывать слѣдующія слова разсказа...

— Выздоровѣлъ! — подхватилъ я.

— Выздоровѣлъ? — повторилъ онъ: — га, вы слушаете? На это ребе Нухимъ отвѣтилъ: „Это я самъ накликалъ на себя болѣзнь. Горе мнѣ, что согрѣшилъ! Шелъ я однажды съ запасомъ ѣды и питья; пришлось мнѣ перейти черезъ мостъ. Вижу: по ту сторону моста лежитъ умирающій нищій и знаками просить ѣсть. Я поспѣшилъ къ нему; но когда я очутился возлѣ него, онъ былъ уже мертвъ. Тогда я, въ большомъ горѣ, заплакалъ и возмолвилъ: глаза мои, видѣвшіе умирающаго брата, умершаго потому, что я не поспѣлъ въ-время, да ослѣпнуть! Руки мои, не подавшія въ-время помощи, да отнимутся, ноги мои также. Вотъ какъ это было“. Ученики его заплакали и воскликнули: „Горе намъ, до-

рогой учитель, что съ тобой это случилось!" Но ребе Нухимъ—память праведника благословенна!—отвѣтилъ имъ: „Горе, великое горе мнѣ было бы, если бы со мной *это не случилось!*"... Теперь, если у васъ хорошая голова, вы должны понять вкусъ всего разсказа!

Глаза Шлёмки горѣли; онъ все вытиралъ свой лобъ и смотрѣлъ на меня побѣдоносно.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ я:—я понялъ вкусъ разсказа. Скажите мнѣ, ребе Шлойме, откуда вы? Гдѣ вы жили, чѣмъ занимались и много ли вытерпѣли?

— Чтѣ мнѣ разсказывать вамъ, мой любезный братъ! — началъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, со вздохомъ, ласковымъ тономъ, который меня чрезвычайно тронулъ:—я таки-довольно натерпѣлся. „Насильно ты родишься, насильно живешь, насильно умираешь“. Это въ талмудѣ. Вѣдь я, какъ говорится, тоже мясо и кровь. Грѣшу, но говорю вамъ объ этомъ, потому что вы сильно просите.—Гдѣ я родился? А если я родился въ ковенской губерніи, такъ что? Что изъ этого выйдетъ?—Чѣмъ я занимался? Чѣмъ я могу заниматься? Я былъ то учителемъ, то судьей, то проповѣдникомъ,—но развѣ даютъ жить? Былъ я въ Кіевѣ, училъ дѣтей; надо же, чтобы еврейскія дѣти знали свой законъ. Кто его знаетъ?—если бы его хорошо исполняли, благо было бы, ибо сказано: „и изъ Сіона выйдетъ наука, и Божье слово изъ Іерусалима“. Меня оттуда выгнали. Куда мнѣ идти? Ну, я васъ спрашиваю: у меня шестеро дѣтей, жена и старикъ-отецъ (миръ да снизойдетъ на него!)—надо намъ жить, или нѣтъ? Какъ по вашему? Ну что! Я попробовалъ спрятаться въ другомъ кварталѣ—меня тамъ поймали, побили меня и со всей моей бѣдностью, чтѣ только имѣлъ, выгнали изъ города. А что церемониться!.. Когда я былъ еще молодымъ, другія заботы: военщина. Это было лѣтъ 35 тому назадъ. Слушай, такой ходъ: я съ четырехъ лѣтъ учился и таки всѣмъ сердцемъ былъ углубленъ въ ученье. Когда мнѣ стало двадцать лѣтъ, я уже вышелъ на маленькую дорогу, могу уже быть, что называется у насъ, хотъ „кусочкомъ чловѣка“: сказать проповѣдь, разрѣшить трудный вопросъ въ талмудѣ, въ библии,—все, чтѣ необходимо въ еврействѣ, вѣдь безъ этого нельзя,—такъ нѣ: поди служить въ солдаты!.. Слушай, какой умъ: я по-русски не понималъ ни слова. Гдѣ мы жили? Жили въ глуши, въ старой банѣ была школа; тамъ я выросъ, занимался съ учителями по днямъ и ночамъ. Учителя! Что же это за люди? Люди, которые знали весь талмудъ,—хотъ разбуди ихъ въ полночь, такъ они тебѣ цѣлыя страницы наизусть,—и безъ алгэбры, и даже безъ

физики тоже! Ну, оставимъ это! Что же дальше?.. Га! Гдѣ я остановился? Да, такъ я долженъ служить, не перебивайте же меня! Притомъ, еще совсѣмъ красивая вещь: я единственный сынъ у своихъ родителей,—что же это за право? Тотъ, которому надо было служить по закону, заплатилъ еврейскому шульцу, а онъ велѣлъ схватить меня. Тогда хватали, были особые ловчіе... хорошій свѣтъ былъ тогда! Ну, мы это оставимъ. Я убѣждалъ, спрятался, прятался по чердакамъ, въ прихожихъ синагогъ, и слава Богу, до сихъ поръ ничего... Чтѣ еще? Много ли я вытерпѣлъ? Пустое! это еще ничего, но чтѣ же дальше будетъ? Былъ я въ Варшавѣ, тоже училъ дѣтей. Жить мнѣ тамъ почему-то давали,—можетъ быть потому, что упросили полицію, а можетъ быть, тамъ всѣмъ позволяется жить,—развѣ разберешь?.. Учениковъ было мало, но все хорошіе, одинъ изъ нихъ—геній, съ нимъ заниматься—таки-просто ввусъ рай. Разъ сидимъ, учимся, — вдругъ стукъ, шумъ... Вижу: толпа мужиковъ, пьяные, рвутся къ намъ. Дѣти разбѣжались, а я съ семействомъ заперся въ чуланѣ. Стекла наши перебили, мебель разломали, взяли перину моей жены и выпустили изъ нея пухъ, потомъ взялись за книги. Я видѣлъ это черезъ щельку. Тутъ я выскочилъ. Они стали топтать книги ногами; а когда я началъ ихъ упрашивать, кричать, меня выбросили въ окно, я себѣ ногу сломалъ,—вотъ, до сихъ поръ хромаю... Да чтѣ! А вы говорите: „еврейскимъ дѣтямъ свободу, рѣзвиться!..“ Ну, ну, красивый видѣ!.. Но о чемъ мы говоримъ? Развѣ есть, о чемъ говорить? Пустыя дѣла. Вотъ, если бы я былъ такимъ богачемъ, какъ у насъ Абрамъ Розенфельдъ, совсѣмъ другое было бы: я бы дѣлалъ все, чтѣ хочу, настроилъ бы шкѣль, больницу... Да чтѣ! просто думать о такомъ, чтѣ, какъ говорится, можетъ случиться въ три недѣли подъ Варшавой—вѣдь тоже не планъ. Но теперь всѣ кричать вокругъ тебя (таковъ ужъ свѣтъ!): дай свой „страхъ!“

Послѣднія слова онъ произнесъ по древне-еврейски.

— То-есть, какъ страхъ?

Шлѣмка оживился, и съ его лица исчезли малѣйшіе слѣды горя.

— Вотъ то-то и есть, этого вы не знаете, а тутъ есть смыслъ. У насъ есть счетъ по буквамъ. Иногда слово нужно понимать не такъ, какъ оно значить, а какъ значить слово съ одинаковой суммой буквъ. Это называется *бематри*. „Свой страхъ“ поэтому значить — „деньги“.

Онъ улыбнулся, наслаждаясь своимъ недоумѣніемъ.

— Но это пустяки!—продолжалъ онъ:—вотъ, когда-нибудь,

хоть въ эту субботу, придите въ синагогу... Я буду говорить; вы увидите, что значить *бегиматри* и многое другое. Въ талмудѣ и библіи надо уметь въ трудныхъ случаяхъ обращаться съ тѣми и другими способами. Это очень интересно, тутъ есть умъ, можно все забыть, всѣ ваши неумѣстные вопросы. Впрочемъ, я не люблю вникать въ такія тонкости: *отчего мнѣ плохо*, или: какое теперь время!.. Да какое мнѣ до этого дѣло? Мудрецы были у насъ... Да, такъ, пожалуйста, попросите пана надзирателя—пусть онъ меня не трогаетъ.

Онъ всталъ и, опираясь на палку, направился къ двери и на порогѣ, не глядя на меня, сказалъ:

— Мнѣ некогда; я еще долженъ просмотрѣть одну книгу. И онъ вышелъ.

Посѣщеніе Шлѣмы взволновало меня. Мнѣ сильно захотѣлось помочь ему, уговорить Лаврентія Ардаліоновича. Розенфельдъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ скорѣе другихъ повліять на надзирателя, и я рѣшилъ немедленно отправиться къ нему.

Вдругъ окно, выходившее на улицу, раскрылось и въ немъ показалась опять голова Шлѣмы. Онъ наскоро ощупалъ свой носъ двумя пальцами правой руки и, сіяя довольствомъ и даже торжествомъ, спросилъ:

— Что, по вашему, необходимо: молитва, постъ или благотворительность?.. Ага, это уже не по вашимъ силамъ, тутъ ужъ вы ничего не понимаете! Еслибы я вамъ объяснилъ это, вы бы поняли тогда, что такое на свѣтѣ мудрость. Ну, да что!

Я не успѣлъ ему еще ничего отвѣтить, какъ онъ, махнувъ безнадежно рукой, сталъ быстро удаляться, вертя своей палкой; я могъ только разслышать произнесенное имъ съ желчью слово: „алгебра!“

— Ребе Шлойме, на одну минуту, прошу васъ!—крикнулъ я ему.

Онъ остановился.

— Объясните, пожалуйста, что вы хотѣли сказать?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья:—вы въ этомъ ничего не чувствуете. Если ужъ очень хотите, придите или въ синагогу, или ко мнѣ. Мнѣ еще нужно просмотрѣть книгу—и молиться, кажется, тоже надо. Спокойной ночи!

III.

Въ выкрашенной масляными красками столовой, вокругъ большого четырехугольнаго стола, семейство Абрама Давидовича Розенфельда сидѣло за чаемъ. Дѣти, въ грязныхъ рубахахъ и полуоборванныхъ платьяхъ, пили „въ прикуску“, прихлебывая изъ блюдечекъ, и глазами сравнивали величину данныхъ имъ кусочковъ сахару. „Ага, у меня больше, а что!“—говорила шопотомъ маленькая дѣвочка, повидимому любимица хозяйки. Въ отвѣтъ на это сидѣвшій возлѣ нея мальчикъ ущипнулъ ее за руку.

— Эй, вы, свиньи, тише тамъ!—усмирилъ Абрамъ Давидовичъ расходившихся дѣтей, умолившихъ при его грозномъ окрибѣ.

Абрамъ Давидовичъ сидѣлъ, положи руки на столъ; въ одной онъ держалъ стаканъ, а другую изогнулъ подъ прямымъ угломъ, держа между пальцами ея толстый янтарный мундштукъ. Слабый свѣтъ висячей лампы придавалъ богатырской фигурѣ хозяина, отъ котораго вѣяло сытымъ самодовольствомъ и презрѣньемъ ко всему, какой-то мрачный оттѣнокъ. Рядомъ съ хозяиномъ помѣщалась его жена, Эсѣрь, и семнадцатилѣтняя дочь, Рахиль.

Когда я вошелъ, меня тотчасъ же обступили дѣти; одинъ мальчикъ, ковыряя предо мною въ носу, загородилъ мнѣ дорогу къ столу, и только послѣ крика Абрама Давидовича: „Аронъ, тебя сколько разъ надо учить порядочности и вѣжливости, болванъ!“—я могъ приблизиться къ Розенфельду и позвать его руку.

— Здравствуйте, здравствуйте!—привѣтствовалъ меня Абрамъ Давидовичъ.—Вотъ хорошо, что вы пришли. Образованному человеку мы всегда рады. Эсѣрь, ты узнаешь, кто это?

— Что тутъ не узнать? Я знаю, кто:—отвѣтила Эсѣрь, какъ будто оскорбленная тѣмъ, что ее считаютъ неспособной узнать человека, да еще меня; но потомъ, почувствовавъ нѣкоторую неловкость, она спросила, стараясь быть любезной:

— Вы, можетъ быть, хотите чаю?

— Больного спрашиваютъ, здоровому дають!—замѣтилъ Абрамъ Давидовичъ.

Эсѣри сдѣлалось совсѣмъ неловко; она быстро налила мнѣ стаканъ жидкаго чаю и придвинула ко мнѣ сахарницу.

— Пейте, развѣ я жалѣю! Берите сахаръ. Вы можете пить въ накладку, ничего: вы насъ не обидите.

Она съ видомъ жертвы подперла голову рукою и обратила свой взоръ въ другую сторону, какъ бы ища тамъ защиты отъ претерпѣваемой несправедливости.

— Я къ вамъ съ просьбой, Абрамъ Давидовичъ!—сказалъ я.

— А съ какою именно?—спросилъ онъ, нахмурия брови.

— Аврумъ!—прервала хозяйка, повернувъ голову въ сторону мужа:— ты хочешь услышать что-нибудь лучшее? Уже, слава Богу, съ завтрашняго дня мясо будетъ дороже цѣлой копѣйкой на фунтъ.

— Ну, что же дѣлать!—успокоилъ ее Розенфельдъ и опять обратился ко мнѣ:—Въ чемъ же состоитъ ваша просьба?

Эсєрь злобно посмотрѣла на него.

— А что, развѣ тебя что-нибудь задѣваетъ?—вознегодовала она:—тебя ничто не задѣваетъ. У тебя цѣлая рѣка денегъ. Тебя ничто не трогаетъ, ты знаешь только свою мельницу, до остального тебѣ дѣла нѣтъ. Вонъ, иди цѣлуйся съ машинистомъ, онъ соскучился по тебѣ.

Всѣмъ сдѣлалось какъ-то жутко: Розенфельдъ усиленно глоталъ дымъ; дѣти робко переглядывались; барышня водила пальцемъ по блюдечку, опустивъ глаза.

— Рахиль, знаешь что?—началъ Абрамъ Давидовичъ, желая загладить рѣзвость жены:—сыграй намъ что-нибудь!

— Ахъ, папа, что же я сыграю!—отвѣтила дѣвушка, съ краской въ лицѣ и съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Ты уже не знаешь что!—опять не выдержала Эсєрь:—она уже ничего не знаетъ. Развѣ ее учили? Развѣ мы въ состояніи ее учить? Что ей такое, если мы тратимъ на нее свою кровь, чтобы она была похожа на прочихъ порядочныхъ дѣвушекъ! Когда не нужно, тогда она пищитъ, хоть убѣги изъ комнаты.

— Сыграй мнѣ мое любимое!—попросилъ Розенфельдъ.

Дѣвушка подошла къ стоявшему въ углу столовой фортепьяно, отыскала нужныя ноты и начала играть.

— Это рапсодія извѣстнаго композитора Листа!—пояснить мнѣ Розенфельдъ, когда раздались пискливые аккорды. Что-то бурное, плаксивое, съ хриплыми звуками, пронеслось мимо ушей моихъ; фортепьяно шумѣло, стонало; Розенфельдъ самодовольно улыбался, усиленно курилъ; бѣдная Рахиль волновалась, напрягала свои силы, зацѣпляла ненужныя клавиши, и когда кончилась эта пытка, мнѣ казалось, что она, какъ и я, почувствовала себя вырвавшейся на свободу.

— Молодецъ!—похвалилъ Абрамъ Давидовичъ.—А? какъ по вашему? Правда, у меня вкусъ недуренъ? Ну, однако, вамъ не дали окончить. Что вы хотѣли мнѣ сказать?

— Я хотѣлъ попросить васъ помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ,—отвѣтилъ я.—Я познакомился сегодня съ учителемъ Шлюйме.

— Шлѣма-меламедъ ¹⁾? Важное лицо, какъ всѣ меламеды.

— Но дѣло не въ этомъ. Онъ теперь въ ужасномъ положеніи. (Хозяйка сладко зѣвнула и отослала дѣтей спать.) Полицейскій надзиратель велѣлъ составить о немъ протоколъ за содержаніе школы, а у него семья; онъ останется безъ хлѣба. Необходимо оказать ему помощь.

— Ну!—вскричала Эсфирь:—Аврумъ, знаешь, чтѣ? Послушай, чтѣ мнѣ запало въ голову! Огдай Шлѣмѣ мельницу, или брось всѣ свои дѣла и иди хлопотать за него... Нѣтъ, кажется, лучше будетъ гораздо, если я пойду спать, а вы можете рассказывать другъ другу сказки!

И не простившись со мною, она вышла въ другую комнату.

— Чѣмъ же вы можете ему содѣйствовать?—спросилъ меня Розенфельдъ.

— Я-то ничѣмъ, но вы бы могли это сдѣлать.

— Напримѣръ, какъ?

— Васъ надзиратель, вѣроятно, послушаетъ, вы можете его убѣдить, какъ хорошій его знакомый.

— Нѣтъ,—рѣшительно отрѣзалъ онъ:—я въ такія дѣла не желаю вмѣшиваться. Съ какой стати? Чтѣ мнѣ за дѣло до какого-то Шлѣмки? Зачѣмъ мнѣ заботиться о другихъ? Мало ли, чтѣ со мною можетъ случиться, а я буду себѣ портить изъ-за какого-то меламеда! Намъ нужно жить тихо, не вмѣшиваться ни во что, копить, копить,—единственное, чтѣ остается намъ для защиты собственной шкуры. А теперь, вы извините меня за откровенность: мнѣ необходимо завтра встать очень рано. Заходите, пожалуйста, почаще.

Онъ подалъ мнѣ руку и проводилъ меня до корридора.

Было около полуночи. Я сидѣлъ у окна въ своей комнатѣ и не могъ заснуть, хотя я чувствовалъ сильную усталость. Въ раскрытыя окна врывался западный вѣтеръ, приносявшій съ собою шумъ листьевъ... Я зналъ, чьи это деревья; я зналъ, что старый мельникъ все сидитъ подъ своей мельницей. Все было мнѣ знакомо: вѣдь это моя родина; здѣсь протекли мои лучшіе дни. Но я не ощущалъ той нѣжной ласки, того сладкаго забвенія тревогъ и печали, которыя ожидалъ встрѣтить. Та же ночь, тѣ же деревья, все то же, но ощущенія отъ нихъ совсѣмъ не тѣ же: миръ, прежній миръ не овладѣваетъ утомленной душой. Встрѣченныя мною лица, когда-то близкія, сильно измѣнились, поддалися духу времени, естественному ходу вещей... Неужели стоишь,

¹⁾ Учитель еврейскаго закона.

вмѣсто пѣсни, воспаленные глаза, вмѣсто яснаго, спокойнаго взгляда, жалкое безсилье и чахлая, впалая груди носятъ такое мудреное названіе?.. Вѣтерокъ шумитъ, крылья мельницы скрипятъ, старичокъ сидитъ подлѣ мельницы и, добывая свое „кете та кресало“ (немногіе остатки старины), собирается закурить люльку. Порой онъ поднимаетъ голову и глядитъ на небо, какъ бы желая узнать, много ли еще новаго оно затѣваетъ?..

Въ слѣдующее утро я направился къ дому надзирателя, рѣшившись попытать свое вліяніе. У воротъ полицейскаго дома я встрѣтилъ десятскаго, отъ котораго узналъ, что баринъ уѣхалъ куда-то съ слѣдователемъ и возвратится не раньше, какъ черезъ два часа, а господинъ урядникъ „ушли, кто ихъ знаетъ, куда“; баринъ „были сердиты, разбили стаканъ съ блюдцемъ изъ-за одной жидовки, „пришедшей съ бумагой“. Господинъ урядникъ, по приказанію барина, ее „вытолкнули“, а потомъ баринъ черезъ окно велѣлъ ему, десятскому, взять у нея бумагу и занести въ канцелярію. „Больше ничего“.

Дѣлать было нечего, приходилось ждать, и я собирался навѣстить кого-нибудь, чтобы убить время. Завернувъ за уголъ, недалеко отъ лавокъ, я увидѣлъ Шлему. Онъ несъ въ рукѣ завязанный узломъ платокъ; за нимъ медленно шагала другой еврей, стараясь не отставать. Лицо Шлемы было серьезно, торжественно, картузь его былъ надвинутъ на лобъ, такъ что на темени красовалась ермолка. Онъ подходилъ къ евреямъ, молча раскрывалъ передъ ними платокъ, тѣ бросали туда монеты, ни о чемъ не спрашивая, и въ движеніяхъ ихъ выражалось особенное уваженіе къ собиравшему пожертвованія и къ серьезности случая. Когда онъ замѣтилъ меня, то тотчасъ подошелъ, также молча раскрывъ предо мною платокъ, не поздоровавшись и не спрашивая объ исходѣ моихъ хлопотъ по его дѣлу. Я бросилъ нѣсколько монетъ, и онъ съ тѣмъ же выраженіемъ быстро отошелъ къ еврейской лавочкѣ. Я окликнулъ его, но онъ нетерпѣливымъ жестомъ пригласилъ меня не беспокоить его всякими пустяками не въ-время. Я захотѣлъ узнать, для кого онъ это собираетъ, почему онъ такъ суровъ, и подошелъ къ моему старому знакомому, ребѣ Хаимъ-Беру. Ребе Хаимъ-Беръ стоялъ у открытой деревянной галереи своего дома, ожидая своей очереди для пожертвованія.

— Чтѣ случилось?—спросилъ я его.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, только бросивъ монеты въ платокъ Шлемы, по удаленіи послѣдняго, сказалъ печально:

— Хана умерла, если вы ее помните,—а ее нечѣмъ похоронить. Благословенъ праведный Судія! Что дѣлать!

— Когда она умерла?

— Это все равно... Вѣдь вотъ, шила себѣ при жизни саваны, а на самое не хватило. Такихъ женщинъ нѣтъ теперь! (Онъ вздохнулъ.) Пусть Богъ не накажетъ за слова! Она умерла въ сараѣ, гдѣ рядомъ съ ней находилась и корова. Хозяйка сарая дала знать ея сыну о болѣзни его матери, но тотъ не очень-то почесался, ни-нюха!

— Это возмутительно!—выговорилъ я.

— Возмутительно, вы говорите? Гмъ, это возмутительно! Вы не знаете, что это за тварь. Такой богачъ! Положимъ, его теперь накажутъ: его заставить заплатить за ея могилу двѣсти рублей; онъ повѣсится отъ злости. Но не въ этомъ дѣло. Садитесь на ступеньки. Женщины, присутствовавшія при ея смерти, рассказываютъ, что она все молилась, была спокойна и все шептала: „да проститъ его одинъ Богъ!“ Это — ея, сына ея, и только беспокоилась о томъ, будетъ ли онъ читать на ея могилѣ кадишь ¹⁾. Мать!.. Послѣ нея осталось мелочи, около рубля, которую она просила отдать какой-нибудь сиротѣ, и недоконченная ея накидка для торы ²⁾... Да, такъ! хорошія времена! теперь нѣтъ такихъ женщинъ!.. Стойте!—сказалъ онъ, оживившись:—зайдемте ко мнѣ,—вѣдь мы можемъ говорить въ комнатѣ, я совсѣмъ забылъ. Смотрите-ка! Вѣдь это вы недавно пріѣхали? Давно, давно я васъ не видалъ. Да какъ вы измѣнились!

Онъ подаль мнѣ руку и, втащивъ меня въ свой домъ, повелъ въ большой залъ, убранный довольно прилично, съ безукоризненной чистотой.

Хаимъ Беръ былъ зажиточный еврей лѣтъ 45, носилъ короткій сюртукъ, одѣвался вообще прилично и относился ко всему, что было чуждо талмуду, съ крайнимъ презрѣніемъ. Онъ слылъ ученымъ евреемъ и черпалъ свои познанія по всѣмъ отраслямъ науки изъ извѣстной у евреевъ „книги завѣта“. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всѣ знанія исходятъ изъ талмуда, и когда рассказывалъ о вычитанномъ имъ ученомъ иновѣрцѣ, прославившемъ чѣмъ-нибудь науку, то непременно объяснялъ этотъ успѣхъ: „онъ, вѣроятно, зналъ талмудъ“. Мнѣніе его, какъ человѣка прежде всего набожнаго, затѣмъ талмудиста и наконецъ знавшаго русскую грамоту, какъ онъ выражался, „отъ себя“,—

¹⁾ Надгробная молитва.

²⁾ Свитокъ библии.

было рѣшающее. Хаймъ-Бера съ удовольствіемъ слушали въ синагогѣ, въ субботу, такъ какъ онъ рассказывалъ всегда о предметахъ замѣчательныхъ.

— Ну, садитесь, поговоримъ немного.

Я сѣлъ.

— Давно, давно я видѣлъ васъ...

Онъ также сѣлъ и сталъ чесать пальцами свой подбородокъ, обросшій черной съ просѣдью бородой:—Смотрю на васъ и припоминаю все старое,—такъ пріятно! Чтѣ можетъ быть! а? изъ маленькихъ дѣлаются большіе, а большіе умираютъ. Властитель вселенной, чтѣ можетъ случиться! Ну, чтѣ дѣлать, когда нельзя лучше!

Онъ развелъ руками, придвинулся ближе ко мнѣ и началъ менѣе дружелюбно:

— Ну, чтѣ вы успѣли?—Онъ запустилъ руку подъ подбородокъ и выжидалъ отвѣта.

— Въ чемъ же успѣть? Я васъ не понимаю.

— А!—произнесъ онъ ядовито:—это похоже на удачу моей жены! она точно такъ же говоритъ, когда чего-нибудь хочетъ и ей не удастся. Ну, ну, очень справедливо, очень справедливо, я радъ, я очень радъ; такъ, такъ, мы это знаемъ...

— Чтѣ?

— Вы мнѣ рассказывайте, чтѣ! Что, я вамъ мальчикъ? вы думаете въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ нужно все разжевать и въ ротъ положить? Пусть будетъ такъ!.. Хорошій свѣтъ, красивый свѣтъ!

— Но, убѣраю васъ, я не понимаю, о чемъ вы говорите?

— Вы мнѣ должны рассказывать!—онъ указалъ пальцемъ на свою грудь при словѣ „мнѣ“:—не раскладывайтесь на нѣсколько тарелокъ! такъ, такъ! здоровье потеряли, стали тонки и зелены; для насъ-то уже не годитесь, а оттуда по шеймъ! Такъ, такъ, я очень доволенъ! Ну, чтѣ будетъ съ васъ? въ приглашени не годитесь, въ работники—также; и свое забыли, да и чужого не знаете.

— Позвольте, я не совсѣмъ...

— Ну, ну, знаете, знаете! Я себѣ представляю эту мудрость: Иванъ любитъ Параску, а она любитъ Степана, Степанъ любитъ Аксютку... Теперь, понимаете, нужно еще себѣ ломать голову, — а это необходимо, — почему Иванъ любитъ Параску, а она Степана... Стойте, стойте, не перебивайте, я понимаю, я понимаю. Вы думаете, я въ самомъ дѣлѣ такъ глупъ? Это называется у нихъ „поэзій“. Хорошо, пусть будетъ сегодня такъ.

Вотъ послушайте меня, что я вамъ скажу: знаете что? вотъ на-те вамъ пятакъ за все это!..

— Будемъ лучше говорить о другомъ... Что здѣсь хорошаго?

— Хорошаго?—переспросилъ онъ болѣе грустнымъ голо-сомъ:—хорошаго?!—все хорошо. Что же можетъ быть хорошаго?

— Какъ поживаетъ вашъ сынъ? какъ ваши дѣла?

— Мой сынъ! это тоже сынъ?—шарлатанъ, и больше ничего. Развѣ такіе сыновья бываютъ? ни туда, ни сюда,—вотъ читаетъ все время ваши книжки. Читаетъ, читаетъ, читаетъ, что онъ тамъ читаетъ!.. Разъ, ночью, я ломаю голову надъ однимъ вы-численіемъ. „Осипъ, — говорю я, — а, Осипъ, а ну, види-ка сюда!“—не слышитъ. Я еще разъ: „Осипъ!“—ни слова: углуб-ленъ! Ну, дѣлать нечего: когда отца не слушаютъ, это вѣдь еще не изъ большихъ несчастій. Однако меня разобрало: „ты — корова, ты — собака, ты — ничтожество, тебя отецъ зоветъ, такъ ты имѣешь дерзость не отвѣчать? Что такое? ты за-нять?!.. „Но я сдерживаю себя, захожу въ его комнату, вижу: на столѣ—книга, и онъ до того зачитался, что не слышитъ моихъ шаговъ. Кажется, нужное дѣло, а? Меня припекло, но... нужно молчать, когда находишься въ неволѣ. Подхожу къ нему сзади, толкаю его; онъ выпучилъ на меня свои глаза... „Осипъ, а ну, Осипъ, что я у тебя попрошу: прочти мнѣ, на чемъ ты остановился, и скажи, что ты читаешь?“—„Тургенева, Записки Охотника“.—„А, должно быть очень умная вещь. А ну, прочти мнѣ тоже что-нибудь (это я-то прошу у него); неужели же я на-столько глупъ, что не пойму? хорошее всякій понимаетъ“.—„Вамъ неинтересно!“ — „Но что ты потеряешь, — капиталъ свой положишь, что-ли?“ Наконецъ я его еле-еле уговорилъ, и онъ мнѣ прочелъ нѣсколько словъ: „На дворѣ цыплята рыли на-возъ, старая собака залаяла, а стоявшій у воротъ конь замахалъ хвостомъ, завидя меня“... Ну, вы слышали когда-нибудь подобное? я васъ спрашиваю, по совѣсти,—вѣдь мы—свои, домашніе люди,—слышали ли вы когда-нибудь, чтобы собака лаяла, и видѣли ли вы, чтобы лошадь махала хвостомъ? Да еще чтобы курицы... Стойте, стойте, я совсѣмъ забылъ,—слушайте только,—чтобы ку-рицы рыли навозъ?! Не можетъ быть, никогда! Но когда вашъ Тургеневъ говоритъ, вѣдь это не шутка! значить, это правда, только ее такъ трудно понять... Какъ только вамъ всѣмъ не стыдно, —началъ онъ серьезно, со злостью:—филосфы мои! это—ваши знанія? Вѣдь это позоръ! Мой сынъ... онъ такой же шарлатанъ, какъ и всѣ...

Я невольно улыбнулся.

— Смѣшно? Ну, смѣйтесь, смѣйтесь! можно лопнуть, смѣйтесь, вѣроятно вы правы...

— Ребе Хаимъ-Беръ, бросимъ это!—сказалъ я весело.— Скажите, какъ ваши дѣла? какъ живется здѣсь?

— Какія дѣла, такъ и живешь: дрожишь, знаешь, что съ тебя шкуру дерутъ больше, чѣмъ съ другихъ, а имѣешь меньше всѣхъ.

— То-есть, какъ?

— Такъ!

— Это не отвѣтъ!

— Нѣтъ, это отвѣтъ! Паспортъ нуженъ? Разъ. За торговлю нужно платить? Два. На синагогу нужно? Три. Ну, а раввину, рѣзнику, по вашему, ничего не нужно? По нашему, нужно... Вотъ уже четыре! Пойдите же: въ кружку для бѣдныхъ нужно? Сборъ на пасху для нихъ нужно? А больнымъ, а приходящимъ нищимъ, а школамъ, га! не нужно, говорите вы? Что-жъ, кто же будетъ имъ помогать? А ну, сосчитайте-ка, бѣдняку легко приходится? Вѣдь у насъ всѣ даютъ! А поди-ка, заработай: омоешься холоднымъ пѣтомъ, почернѣешь хуже собаки, и что? Хата-покрышка! Старая сказка. Да въ этихъ дѣлахъ вы понимаете столько, сколько пѣтухъ въ „бней-Одежъ“¹⁾.

— Вы знаете хорошо этого ребе Шлойме? — вдругъ спросилъ я.

Онъ молчалъ.

— Шлѣму вы знаете хорошо?

— Ну, что изъ этого?

— Какъ онъ вамъ нравится?

Опять молчаніе.

— Я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе.

Ни слова.

— Вы не хотите мнѣ отвѣчать?

— Не стѣять, вы все равно не поймете. Онъ о курицахъ не говоритъ и не обращаетъ вниманія, подняла ли лошадь хвостъ, или еще нѣтъ,—ему это все равно; вообразите себѣ, что для него есть вещи посерьезнѣе. Вы можете себѣ это представить? Вамъ смѣхъ?

Я не отвѣтилъ ему. Прошло нѣсколько секундъ; разговоръ не вязался.

— Я ухожу,—сказалъ я:—мнѣ нужно по дѣлу.—И, пожавъ его руку, я направился къ полицейскому надзирателю.

¹⁾ Известная молитва въ судный день.

Лаврентій Ардаліоновичъ ходилъ въ это время по комнатѣ, яростно стуча сапогами. Изъ стоявшихъ въ канцеляріи десятскихъ никто не рѣшался доложить ему о моемъ приходѣ. Я отворилъ дверь его комнаты и ожидалъ, пока онъ замѣтитъ меня. Онъ все ходилъ, разстегнувъ мундиръ, и гладилъ одной рукой свою голову, какъ это дѣлаютъ, чтобы успокоиться и собрать свои мысли; увидя меня, онъ молча указалъ мнѣ на стулъ и продолжалъ свою прогулку. Потомъ онъ подошелъ къ раскрытому на улицу окну, вложилъ руки въ карманы панталонъ и сталъ насвистывать. Становилось невыносимо, а Лаврентій Ардаліоновичъ все насвистывать, глядя безучастно на улицу.

— Лаврентій Ардаліоновичъ, что съ вами?

Онъ въ отвѣтъ зашевелилъ одной ногой, и она у него какъ-то залясала, опираясь на кончикъ пятки. Мимо окна проходили брестяне, почтительно кланяясь ему, но онъ ихъ не замѣчалъ. Прогонѣ слесарь Пахомъ, значительно выпившій, распѣвая: „вспомни, ва-арваръ, ка-акъ ты клялся, ты, подлець, смѣнилъ mine!“ Однако и такая вольность, такое неуваженіе и къ нему, надзирателю, и къ его улицѣ и дому, прошли совершенно безнаказанно; мой вопросъ оставался безъ отвѣта.

— Да, братъ,—началъ онъ, наконецъ:—вотъ до чего мы дожили! Ай-да Лаврентій Ардаліоновичъ!.. Усы, слава Богу, сѣдые; по службѣ, кажется, не мальчикъ, а тутъ тебѣ всякая дрянь будетъ указывать!

Онъ присѣлъ къ письменному столу, гнѣвно чиркнулъ спичкой и закурилъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— Въ чемъ дѣло?.. Какъ вы думаете,—я грамотный?

— Кажется.

— Неужели? Благодарю васъ. Вотъ и все.

— Но я ничего не понимаю!

— И я ничего не понимаю!

— Лаврентій Ардаліоновичъ!

Онъ стукнулъ кулакомъ о столъ съ большой силой.

— Что вы мнѣ: Лаврентій Ардаліоновичъ!—крикнулъ онъ:—да-съ, я Лаврентій Ардаліоновичъ, это я безъ васъ знаю; но не для всякой паршивой, противной, грязной жиловки, которой я и видѣть не хотѣлъ бы у себя около помойной ямы, я посмѣшище! Да я бы ей зубы выбилъ, такъ, просто, трахнулъ бы въ морду, по-военному, если бы могъ; да она, каналья, не прилѣзетъ одна, а все претъ въ канцелярію. „А игдѣ бумага? А чи вы уже написывали?..“ Дрянь!

— Значить, я могу уйти? — спросилъ я, поднявшись и подавая ему руку.

— Ага, заговорила и въ васъ кровь! насъ, пшъ, какъ важно! кагальное чувство, небось, закопошилось?

— А вы въ ударѣ, я вижу...

— Да-съ, въ ударѣ! Скажите, пожалуйста: то, что я оскорбленъ, васъ не задѣваетъ, а что я дерзнулъ не съ должнымъ почтеніемъ отнестись къ высокочтимой Хайкѣ, вашей единовѣркѣ, это достойно, по вашему, висьлицы? Да какого бѣса, чортъ васъ дери, вы хорохоритесь?—сидите, когда пришли! чтѣ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, и передъ вами не высказываться откровенно?

— Лаврентій Ардаліоновичъ, вы меня не проведете, я знаю васъ не первый день; не можетъ быть, чтобы вы настолько перемѣнились... Въ чемъ дѣло? ужъ коли откровенно, такъ говорите все. Я хотѣлъ уйти не потому, что обидѣлся, а потому, что нахожу васъ слишкомъ взволнованнымъ. Въ чемъ же дѣло? Жидовка сама по себѣ, и вы знаете свое дѣло... Другое что-то еще у васъ...

Онъ положилъ одну ногу на другую, потеръ руки и сказалъ уныло:

— Придется подать въ отставку.

— Изъ-за жидовки?

— Да-съ, изъ-за жидовки.

— Ну, что-жъ дѣлать, — отвѣтилъ я, притворяясь, что понимаю его слова буквально.

— Не посовѣтуете ли вы мнѣ, какъ другъ, извиниться передъ нею? — спросилъ онъ ядовито.

— А что-жъ, если вы ее оскорбили, или вообще виновны передъ нею, отчего не поступить, какъ должно истинному христіанину?..

— Ну, это уже слишкомъ... Вы видали мое ружье? двустолвку, стоявшую около двухъ сотъ рублей?

— Ну?

— У моего исправника есть сынъ...

— Ну?

— И онъ, сынъ этотъ, страстный охотникъ. Три мѣсяца тому назадъ былъ онъ здѣсь, и понравилось ему мое ружье. „Продайте, да продайте!“ А я знаю, чтѣ значить ему продать, и говорю ему: „я самъ такъ привязанъ къ моей двустолкѣ, что не разстался бы съ нею ни за какія деньги“. Какъ вы думаете, могу я любить свое ружье?

— Нѣтъ!

Онъ улынулся.

— Здѣсь живетъ одна нахальная жидовка, которая наговорила дерзостей предсѣдателю воинскаго присутствія за то, что ея единственный сынъ былъ взятъ въ солдаты! Вотъ это и есть Хайка. Она, вы думаете, что выкинула?

— Мало ли что она могла выкинуть!

— Жаловалась на уѣздное по воинской повинности присутствіе въ губернское, и когда послѣднее не уважило ея ходатайства, пожелала пойти дальше. Каково? Вотъ мой исправникъ написалъ мнѣ о томъ, чтобы я собралъ свѣденія о ея бѣдственномъ положеніи: она къ нему обратилась за такимъ свѣдѣтельствомъ. Это было какъ разъ тогда, когда сынъ исправника уѣхалъ отсюда къ отцу; а Хайка жить мнѣ не давала: скорбе и скорбе! Мнѣ это надоѣло; я взялъ и отписалъ исправнику, что у нея есть домъ, и это вѣрно. Когда она узнала отъ моего писаря о содержаніи моего отвѣта, она явилась въ канцелярію и кричить, да такъ нахально: „Какое вы имѣли право написать: „домъ“? Вы хотите быть честнымъ человѣкомъ, такъ зачѣмъ вы не пишете, что домъ мой оцѣненъ въ пятьдесятъ рублей?“ Ишь ты, бестія! это въ канцеляріи! Ну, я, дѣйствительно, не выдержалъ, послалъ ее къ чорту... Она могла бы попросить, а не приказывать. Она отправляется къ исправнику съ жалобой, а тотъ—я его понимаю—подъ вліяніемъ „неуваженія“, оказаннаго его сыну, пишетъ мнѣ: и „ставлю на видъ“, и „предлагаю“, все о грубомъ моемъ отношеніи къ публикѣ... А меня-то не проведешь: я знаю, какъ онъ самъ обращается съ публикой, да еще съ жиновской! Вотъ и порадуйтесь!

И онъ подалъ мнѣ пакетъ.

— Что же, вы исправили ошибку?

— Да-съ, исправилъ! — вознегодовалъ онъ.

— При чемъ же тутъ жидовка? Она имѣла право отстаивать свои интересы; а что она рѣзка... Каковы бы вы были на ея мѣстѣ? Однако, Лаврентій Ардалионовичъ, перемѣнимъ разговоръ. Я къ вамъ съ большой просьбой: чтобы показать свою дѣятельность, вы приказали составить протоколъ Шлѣмѣ, самому симпатичному изъ здѣшнихъ меламедовъ¹⁾, которые, благодаря вашей добротѣ, будутъ продолжать свое дѣло.

— Нѣтъ, тутъ извините, это дудки! — составить, такъ составить!

— Но ему жить будетъ нечѣмъ: дѣти, жена!

¹⁾ Учителя.

— А мнѣ-то что? и я скоро буду безъ мѣста.

— Вы говорите теперь искренно?

— Искренно, чортъ бы меня побралъ, искренно! Шлѣмки, Хайки, погибли на нихъ нѣтъ, еще изъ-за нихъ терпи! Хорошо, что вы мнѣ напомнили. Эй, кто тамъ?

Вошелъ Кагайловъ и десятскій.

— Шлѣмкѣ протоколъ! — сказалъ сурово надзиратель.

— Вы не изволили сказать, когда и кому...

— А теперь изволю — и немедленно!

— Слушаю!

— Сейчасъ, сію минуту! убирайтесь!

— Благодарю васъ отъ души, Лаврентій Ардаліоновичъ! — сказалъ я ѣдко.

— Кушайте на здоровье!

— Вы никогда не причиняли мнѣ такой непріятности!

— Ну и радуйтесь теперь. Кагайловъ! Я жду протокола; я много разъ не люблю повторять, — не совѣтую выводить меня изъ терпѣнія. Кончено!

Кагайловъ торопливо вышелъ и черезъ нѣсколько мгновеній шмыгнулъ по улицѣ.

— До свиданья, Лаврентій Ардаліоновичъ! — сказалъ я, взявъ свою шляпу.

— Какъ вамъ угодно... Мое почтеніе!

Я ушелъ отъ него въ крайней досадѣ: „пособничество“ мое, противъ моего ожиданія, принесло вредъ. Я чувствовалъ себя виновнымъ передъ бѣднымъ Шлѣмкой, занятымъ теперь при похоронахъ размышленіями о небесномъ раѣ и суетѣ міра. Мнѣ становилось больно отъ мысли, что онъ лишится хлѣба, который онъ такъ честно зарабатывалъ, помимо общаго права на него всякаго человѣка. Въ близкомъ будущемъ зима, шестеро дѣтей, не доразвившихся еще до понятія, что смыслъ жизни и высшія наслажденія ея состоятъ въ изслѣдованіи таинственнаго значенія буквъ и вычисленій, — хотятъ ѣсть... Чтò съ ними будетъ?..

— Передайте мое низайшее почтеніе господину Шлѣмкѣ и мадамъ Хайкѣ! — крикнулъ мнѣ вслѣдъ Лаврентій Ардаліоновичъ, когда я проходилъ мимо его открытаго окна.

IV.

Я не искалъ Шлѣмы, чтобы сообщить ему о результатѣ моихъ хлопотъ въ его пользу; я не могъ бы видѣть его задумчивое лицо, въ которомъ, безъ сомнѣнія, прочелъ бы между морщинами

на лбу: „забирай свои вещи и иди!“ Видѣть его мнѣ все-таки хотѣлось, и я дожидался вечера, чтобы, благодаря пятницѣ, встрѣтить его въ синагогѣ, куда онъ такъ настоятельно меня приглашалъ.

Наступалъ вечеръ. Еврейскія лавки мало-по-малу закрывались. Торговцы, которымъ приходилось по-неволѣ опаздывать, выражали нетерпѣніе въ присутствіи покупателей; нѣкоторые просто отказывались продолжать торговлю. Въ полчаса всѣ магазины были заперты, столики убраны, и суетливыя кучки евреевъ спѣшили по улицѣ, точно за ними кто гнался.

Показалась звѣзда, мигая дождавшемуся ея служкѣ синагоги; онъ понюхалъ изъ табакерки, чихнулъ съ особеннымъ удовольствіемъ и нырнулъ въ синагогу, которая черезъ нѣсколько минутъ освѣтилась свѣчами и стала наполняться прихожанами. Каменный домъ, крытый желѣзомъ,—лучшая постройка въ еврейской части мѣстечка,—окруженный акаціями, какъ бы гордился, переживая торжественныя часы, когда его особенно лелѣютъ и прихоращиваютъ. Онъ глядѣлъ съ высоты съ нѣмымъ сожалѣніемъ на расположенныя вокругъ него бѣдныя еврейскія лачуги, ожидая отъ нихъ обычной дани моленій, которая изъ него уже подымется къ великому престолу Іеговы... И огни синагоги сіяли надъ темнымъ еврейскимъ мѣстечкомъ, и будто вглядывались въ него пристально и важно... По мѣрѣ того, какъ гордое зданіе оживало — шумъ голосовъ въ мѣстечкѣ становился все тише и тише. Казалось, всѣ эти звуки, весь мелкій лиризмъ будничнаго горя, всѣ тихія жалобы и подавленные стоны цѣлой недѣли готовились слиться въ одну могучую симфонію, которая поднимется къ небу изъ этого торжествующаго и величаваго зданія...

Показались другія звѣзды, спускалась синяя ночь. Я стоялъ на улицѣ, наблюдая приходящихъ молиться, стараясь опредѣлить, чтѣ изъ вынесеннаго ими въ теченіе недѣли ляжетъ въ основаніе предстоящаго гимна. На всѣхъ лицахъ замѣтно было одно: стремленіе къ чему-то возвышенному и торжество въ ожиданіи радостнаго событія. Ни одного угнетеннаго, ни одного несчастнаго! Вонъ спѣшитъ Хаймъ-Беръ, одѣтый въ черный скортукъ, съ расчесанной бородой; за нимъ мальчикъ несетъ молитвенникъ и талесъ¹⁾; далѣе идутъ другіе евреи, пріосанившись и сбросивъ съ себя личину подчиненности, довольные, веселые и важные.

Въ корридорѣ синагоги слышалось жужаніе: тамъ, по обычаю, входившіе мыли руки и съ краткой молитвой переступали

¹⁾ Молитвенный плащъ.

порогъ. Я зашелъ въ синагогу и помѣстился на одной изъ заднихъ скамеекъ. Какой-то еврей, раскачиваясь, доканчивалъ про себя вступительную молитву и усиленно шепталъ, торопясь, чтобы поспѣть къ вечерней молитвѣ, совершаемой всѣми единогласно. Служка синагоги ходилъ между рядами скамеекъ, кладя на нихъ молитвенники; онъ останавливался изрѣдка, чтобы понюхать табакъ и чихнуть. Я замѣтилъ, какъ онъ подобострастно подошелъ къ Шлѣмъ, который былъ уже здѣсь и сидѣлъ въ первомъ ряду, — постоялъ предъ нимъ немного и понюхалъ табакъ, набравъ его двумя пальцами и потрясая ими носъ. Прихожане усѣлись по мѣстамъ. Служка стукнулъ рукою по канторскому столу.

— Ша! — добавилъ онъ и при этомъ стукнулъ во второй разъ.

Молодой рѣзникъ, отправлявшій должность кантора, облачился въ талесъ и подошелъ къ своему столу.

— Пойдемъ, воспоемъ Господа! — запѣлъ онъ.

— Пойдемъ, воспоемъ Господа! — подхватили всѣ, и синагога огласилась безчисленными звуками на разные лады. Какой-то лучъ бодрости охватилъ молящихся; даже нищіе, орхимъ¹⁾, вся голь мѣстечка, приниженная, забитая, со впалыми щеками и подобострастными лицами, освѣтилась тѣмъ же лучомъ. Канторъ дошелъ до молитвы, приглашающей возлюбленнаго пойти на встрѣчу невѣстѣ (субботѣ), и мелодія осложнилась, движенія всѣхъ стали возбужденнѣе, голоса звонче и радостнѣе... Чувствовалось, что на все это собраніе надвигается что-то неизмѣримо важное и радостное... И чтò же будетъ? Суббота, святая суббота! Шесть дней вздоховъ, униженій, шесть дней Ицки, Мошки, Шмульки копошатся, хитрятъ, получаютъ гроши съ пинками, ѣдятъ хлѣбъ съ лукомъ, извиваются, унижаются, служатъ пугалами, и только суббота ласкаетъ ихъ и успокаиваетъ своею цѣлящею силой. Въ этотъ день нельзя имъ даже думать о дѣлахъ; это день нравственнаго подъема и отдыха, день, освященный религіей и ограждаемый ею съ величайшей строгостью, день, поддерживающій въ еврей, подавленномъ тяжелыми условіями суетливыхъ и грязныхъ будней, — человѣка, съ его вѣчными стремленіями къ небу...

Въ субботу каждый еврей превращается какъ бы въ властелина. Лучшій кусокъ, лучшая одежда прячется на субботу; день забвенія, день, когда онъ вкушаетъ духовную пищу, которая поднимаетъ его настолько, что онъ уже не Ицка, Мошеа, Шмулька, а ребе Ицхокъ, ребе Мойше, ребе Шмуэль. Ни кредиторъ, какой-ни-

¹⁾ Странствующіе нищіе.

будь Шулемъ съ дерзкимъ, плотоаднымъ лицомъ, ни штрафъ за незаконную торговлю, ни насмѣшки, ни бѣдность, ни даже самъ урядникъ, предъ которымъ онъ стоитъ въ ермолкѣ, забавляя его своимъ видомъ, не страшны для него въ этотъ день. Пусть, напротивъ, подойдетъ теперь къ Шлѣмѣ самъ Лаврентій Ардаліоновичъ, чтобы подтрунить надъ нимъ: ребе Шлойме не улыбнется жалко, заискивающей улыбкой. Онъ отвернется отъ него, съ презрѣніемъ къ жалкимъ издѣвательствамъ, къ скудости ихъ содержания, какъ маэстро—когда непосвященный нарушаетъ его вдохновенный покой... Тутъ ангелы тысячами восхваляютъ вмѣстѣ съ ребе Шлойме святую субботу, самъ Саваоѳъ празднуетъ вмѣстѣ съ нимъ,—а надзиратель грозитъ въ такую минуту своимъ протоколомъ! Шлойме глядитъ съ достоинствомъ, ощущая въ себѣ свѣжій запасъ силъ. Откуда у него эта осанка, эти медлительно важные жесты? Это дѣйствіе благодатной субботы, радости израиля, его торжества, его оплота и источника его бодрости и силы. Вотъ почему въ глазахъ правовѣрнаго еврея грѣхъ несоблюденія субботы—больше всѣхъ другихъ религіозныхъ проступковъ. Темная масса чувствуетъ по инстинкту массового самосохраненія, что чистотѣ субботы она обязана своей невѣроятной выносливостью, сохранившей на трудныхъ и запутанныхъ путяхъ ея исторіи челоуѣка въ забитомъ и загнанномъ паріѣ.

— Добрая суббота!

— Добрая суббота, добрый годъ!—слышалось со всѣхъ сторонъ. Два удара служки по молитвеннику водворили молчаніе.

— Беритѣ орхимъ ¹⁾!

Ничіе были разобраны, и самый почтенный изъ нихъ лѣтами удостоился приглашенія Шлѣмы, который позвалъ его за собой кивомъ головы. Изъ синагоги стали выходить группами; Шлѣма, Хаимъ-Беръ, служка и канторъ составили одинъ кружокъ, сопровождаемый приглашенными, шедшими позади.

— Добрая суббота, ребе Шлойме!—привѣтствовалъ я его.

— Добрая суббота, добрый годъ на васъ и всѣхъ евреевъ!—отвѣтилъ онъ, счастливо улыбаясь и продолжая напѣвать вполголоса молитвенные напѣвы.

Его пропустили впередъ; за нимъ выходили остальные. Хаимъ-Беръ и канторъ какъ бы соперничали въ желаніи идти съ нимъ рядомъ.

— Хорошая ночь!—произнесъ канторъ, когда они вышли на улицу.

¹⁾ Странствующие ничіе.

— Хорошая, очень хорошая!—согласился Хаймъ-Беръ, поглядывая на небо и расчесывая бороду.—Пріятный воздухъ! Календарь пишетъ, что въ эти дни все будетъ хорошая погода; онъ угадываетъ: астрономъ! развѣ это глупость? Календарь составляютъ не мальчики.

Служка и канторъ переглянулись съ выраженіемъ удивленія по поводу учености Хаймъ-Бера, причеъ первый покачалъ головой.

— Ребе Шлойме, завтра вы намъ навѣрное что-нибудь скажете?—спросилъ канторъ.

Шлёма наклонилъ голову, не переставая напѣвать вполголоса.

На слѣдующій день, въ четыре часа пополудни, я—опять въ синагогѣ. Евреи въ это время собираются сюда потолковать о чемъ-нибудь интересномъ, божественномъ, о различныхъ чудесахъ, о мудрости раввиновъ, а также читаютъ псалмы и бесѣдуютъ, разбившись на отдѣльныя группы. Въ одномъ углу сидѣлъ Хаймъ-Беръ, окруженный слушателями, и читалъ вслухъ „главъ Іакова“. Служка, стоя, прислушивался къ „сладкому ученью“.

— Да, такъ!—говорилъ Хаймъ-Беръ, закрывая книгу:—это не шутка: это талмудъ! развѣ не все значить талмудъ? Былъ недавно одинъ раввинъ, который никогда не учился изъ наукъ, и зналъ ихъ всѣ наизусть святымъ духомъ.

— Неужели-таки положительно всѣ?—спросилъ кто-то.

— У-ва, великая вещь! всѣ положительно! Чтѣ ты такъ горячишься? Когда ты не имѣешь ума даже настолько, чтобы привязать копейку хвостъ, такъ ты совсѣмъ долженъ молчать! Разгорячился! Чтѣ ты такъ разгорѣлся? а по твоему, раввинъ станетъ тратить время на разныя глупости?

— Какъ же онъ ихъ узналъ?

— Какъ онъ ихъ узналъ!—такъ, просто, узналъ!

— Но это невозможно!—вмѣшался канторъ.

— Вы мнѣ говорите: „невозможно“!—горячился Хаймъ-Беръ:—вы думаете, что имѣете дѣло съ маленькимъ ребенкомъ? Я шучу съ вами? Я говорю съ вами, какъ человѣкъ!.. Когда такъ было, то было: тутъ не идетъ на обманъ. Онъ зналъ все, потому что въ талмудѣ вы имѣете все (онъ покрутилъ усы). На что вамъ лучше? вотъ я разскажу вамъ еще: Рамбамъ! онъ былъ только талмудистъ, а зналъ медицину, да еще какъ зналъ! Не всякое знаніе есть знаніе. А онъ зналъ! Одинъ больной жаловался на головную боль... Вотъ выслушайте: доктора признали, что необходимо у него снять верхнюю кость черепа, ибо подъ ней, въ мозгу, червь. Такъ они признали; хорошо: пусть такъ! Рамбамъ

услышалъ про это, и въ день, когда дѣлали больному операцію, взлѣзъ на чердакъ дома, въ которомъ она происходила, пробуравилъ отверстіе въ потолокъ и смотритъ. Божьимъ духомъ онъ узналъ, что врачи не помогутъ больному, а человѣка вѣдь жалъ. Наконецъ, верхняя часть черепа у больного уже снята, и въ мозгу виднѣется червь, червь обыкновенный, червь какъ всѣ черви... Вы слушаете? Но какъ же его вынуть? взять его щипцами опасно, потому что онъ можетъ углубиться въ мозгъ, и человѣкъ пропасть! Стали дѣлать заклинанія — не помогаетъ. Чтѣ дѣлать?.. Вы слушаете? Тогда съ потолка отозвался Рамбамъ: „положите на мозгъ листъ капусты, червь самъ перелѣзетъ на него“. Такъ и было, и человѣкъ былъ спасенъ. Ну, отчего тѣ не могли догадаться?—Голова не талмудическая! Гмъ!—онъ побѣдоносно взглянулъ на противника, сраженного его познаніями.

Среди другихъ присутствовавшихъ замѣтно было волненіе въ ожиданіи проповѣдника. Въ одной кучкѣ рассказывали о чудесахъ и тайнахъ, о текущихъ вопросахъ. Кто-то передалъ, что Ротшильдъ предлагаетъ по рублю за cadaго еврея, но не соглашаются на это. Служка очутился и здѣсь и жадно слушалъ рассказывавшаго, который свелъ рѣчь на предстоящую войну между русскимъ и туркомъ и на то, что англичанинъ — онъ малый съ крѣпкими костями — перехитритъ обоихъ. Одинъ еврей, высокаго роста, съ смуглымъ лицомъ, опершись одной ногой на скамейку, объяснялъ, что всѣ происшедшія войны предсмотрѣны библіей, въ предсмертной рѣчи Іакова; нужно только умѣть понимать каждую букву, ибо въ каждой буквѣ скрывается тайна...

— На чтѣ вамъ лучше? — отозвался другой, съ худымъ лицомъ, въ оборванномъ платьѣ: — чтобы понять, чтѣ иногда значить даже простое слово, я вамъ расскажу о ребѣ Менделѣ. Ребе Менделе послалъ человѣка къ такому же раввину, какъ и онъ самъ, къ ребе Мойше, и поручилъ посланному отдать ему записку во всякое время дня и ночи, даже если ребе Мойше будетъ читать „Шмойне-эсри“ ¹⁾. Ребе Менделе — не сапожникъ, а знаменитый мудрецъ; ребе Мойше — тоже не портной. Посланный шелъ пѣшкомъ цѣлую недѣлю — такъ заказалъ ему Менделе — и прибылъ въ домъ ребе Мойше вечеромъ, когда тотъ читалъ, какъ на зло, „Шмойне-эсри“.

Лица у всѣхъ вытянулись, рты открылись, и возбужденіе слушателей достигло крайнихъ предѣловъ.

¹⁾ Самая важная молитва.

— Посланный недолго думаетъ, подходитъ къ раввину, толкаетъ его въ бокъ и отдаетъ ему записку: „отъ ребе Менделе“? И тотъ—что вы думаете?—вскрываетъ записку!..

— Посреди молитвы?—вырвался звукъ ужаса.

— Нѣтъ, посреди бала! — замѣтилъ съ раздраженіемъ разсказчикъ: — вы же слышите, кажется, вѣдь у васъ есть уши! Прочелъ записку, упалъ на землю и вдругъ разрыдался... А въ запискѣ было: „Мендель любитъ курицу!“ Вотъ тебѣ и курица! Тутъ не курица, а что-то очень глубокое, что только они вдвоемъ понимали.

Слушатели были потрясены и сильно задумались надъ тѣмъ, какой смыслъ можетъ скрываться въ курицѣ...

Въ синагогѣ шумъ сталъ утихать; кой-гдѣ раздавалось пѣніе псалмовъ. Въ это время появился ожидаемый всѣми Шлёма. На немъ былъ длиннополый скюртукъ изъ чернаго атласа; широкій, отложной, неглаженный воротникъ его сорочки сверкалъ своей бѣлизной; на головѣ новый плисовый картузь, руки были сложены за спину, самъ онъ былъ сильно сосредоточенъ на чемъ-то. Онъ понималъ, что теперь—его царство, теперь наступила священная минута, когда ему предстоитъ воздѣйствовать на слушателей словомъ Божиимъ и мудростью. Шедшій съ нимъ орхимъ скромно присѣлъ у дверей. Шлёма ни на кого не глядѣлъ: „безплотный вѣзоръ его очей“ блуждалъ по тѣмъ закоулкамъ, гдѣ сплетаются между собою слова съ одинаковою суммою буквъ, гдѣ одно изреченіе опровергается другимъ, какъ это можетъ показаться непосвященнымъ; на самомъ же дѣлѣ все такъ гладко и стройно; надо только догадаться, и мудрецу открывается истинное благополучіе. Вѣдь вотъ работаетъ вся эта масса цѣлую недѣлю, суетится, потѣетъ, —изъ-за чего? Подозрѣваетъ ли она, что великій учитель слово „Ма“ (что) мыслить какъ „Меа“ (сто), изъ чего слѣдуетъ, что каждый еврей ежедневно обязанъ сто разъ благодарить Творца?.. „Если два человѣка сошлись и не говорили между собою о Божьемъ словѣ, то они согрѣшили, подобно вкусившимъ мертвечины“. А развѣ всѣ эти люди не достойны сожалѣнія за то, что невольнo такъ тяжко грѣшатъ? Но въ значительной мѣрѣ они искупаютъ теперь свою вину волненіемъ и страстностью, съ какой они ожидаютъ его поученія. И Шлёма цѣнитъ это. Съ грустнымъ выраженіемъ, съ мыслями, обнимающими *Его* и суету міра, онъ поднимается на ступеньки амвона: тамъ давно приготовленъ для него талесъ табакерка и молитвенникъ. Онъ не торопится, потому что дорожитъ каждымъ мгновеніемъ; онъ ждалъ этого мо-

мента столько времени, можетъ быть, цѣлыя недѣли; онъ живетъ въ настоящую минуту всѣми фибрами, всей полнотой умственного и нравственного существованія...

Послышалось съ разныхъ сторонъ откашливанье, задвигали скамейками, и сотни глазъ устремились на амвонъ. Служкѣ не пришлось даже зркнуть: „Ша!“—Тишина водворилась сама собою.

Шлёма облачился въ талесъ и самъ стукнулъ рукой по молитвеннику, взявъ его въ лѣвую руку.

Но онъ еще не начиналъ: онъ вперилъ взглядъ въ слушателей, сообщая имъ свою возбужденность, и когда замѣтилъ, что все у нихъ въ порядкѣ, что они обратились въ одно вниманіе, онъ началъ страннымъ напѣвомъ, свойственнымъ меланхолической восточной музыкѣ, отъ которой отдаетъ уныніемъ и призывомъ къ заоблачному. Онъ сталъ приводить фразы пророка Исаіи, переводя ихъ тутъ же на еврейскій жаргонъ.

— „Кой омаръ гашемъ“, это значить: такъ сказалъ Господь... (Шлёма остановился.) „Гашомаимъ кисей“, т.-е. небо (онъ поднялъ указательный палецъ) мой стулъ... „вгоорець гадоймъ раглай“, и земля,—говорилъ онъ,—скамеечка для моихъ ногъ... Ша! Значить, такъ сказалъ Господь: „небо—мой стулъ, а земля—скамеечка для моихъ ногъ“. Что такое значить (онъ началъ безъ напѣва) небо—стулъ, а земля—скамеечка? Развѣ Богу нужна мебель? Что-жъ, по вашему, пророкъ Исаія не понимаетъ? А! вотъ тутъ приходитъ фраза къ проповѣднику и плачетъ: „проповѣдникъ, толкуй меня“; сама фраза чувствуетъ, что могутъ не понять ея, и просится, бѣдная, на толкованіе. Слушайте же меня хоть немного: Богъ сказалъ Моисею: „и вотъ законы, которые ты положишь передъ ними“! Что такое значить: „вотъ законы“? значить: „возьми законы“!.. „которые положишь передъ ними“; а что же еще,—сѣшь ихъ что-ли? И зачѣмъ это „положишь“? надо было просто сказать: „вотъ законы для нихъ“! Вѣдь это вопросъ. Но если разсудить этотъ вопросъ...

Тутъ я потерялъ нить проповѣди, ибо я не былъ въ состояніи слѣдить за скачками и ссылками оратора на разные мѣста писанія. Меня интересовалъ не выводъ, а самъ Шлёма. Неужели это Шлёма? Вотъ этотъ еврей, съ гордой осанкой и повелительными жестами, властелинъ толпы, о которой онъ такъ заботится, это—Шлёма? куда дѣвалась его робость, и откуда взялся у него такой звучный голосъ, бьющій силой и желѣзной убѣжденностью? А глаза! Еще вчера утромъ они походили на мышиные; взглядъ ихъ былъ неясный и мутный отъ безпрестанной мысли, разбивае-

мой тысячью мелкихъ помѣхъ, отъ неустаннаго напряженія, отъ необходимости вѣчно стоять на стражѣ своей духовной жизни. Вотъ почему, занятый только своею мыслію и страстно влюбленный въ нее, онъ постоянно торопился отвернуться отъ будничной суеты и казался такимъ растеряннымъ и жалкимъ. Теперь—его день; теперь онъ чувствуетъ себя сильнымъ и могучимъ въ области созерцанія. Чѣмъ значать всѣ канцеляріи, всѣ дѣла мірскія—въ сравненіи съ тайнами, которыми онъ думаетъ теперь обладать, которыми онъ готовъ подѣлиться со всѣми!..

Хаимъ-Беръ все гладилъ свою бороду; портвой Ицка положилъ обѣ руки на столъ и спряталъ между ними свою голову; кто стоялъ у амвона, кто, раскачиваясь, подпѣвалъ за ораторомъ тексты.

Оказалось, что подлинникъ Іеговы относительно законовъ выраженъ не такъ, какъ того желаетъ Шлѣма для того, чтобы подъ каждой буквой подразумѣвались слова, которыя начинались бы этою же буквою и значили бы вмѣстѣ: „и обязанъ человекъ блюсти законъ; судья долженъ прежде разсудить, а потомъ рѣшать, выслушивать обѣ стороны, не заискивать передъ богатыми, а чуждаться ихъ“. Далѣе, непонятнымъ для меня образомъ, былъ вдругъ ребромъ поставленъ вопросъ: гдѣ фараонъ взялъ лошадей, чтобы нагнать бѣжавшихъ изъ Египта евреевъ?

— Въ библии сказано, что Богъ наказалъ египтянъ еще падежемъ на ихъ скотъ. Черезъ нѣсколько страницъ говорится уже, что фараонъ гнался на лошадяхъ. А?! гдѣ же онъ взялъ лошадей?

Слушатели переглянулись, спрашивая также другъ друга глазами: „гдѣ?“

Но вопросъ у Шлѣмы легко объяснился: нѣкоторые изъ египтянъ, убоявшіеся Бога, спрятались съ своимъ скотомъ, на время падежа, у евреевъ, и вотъ они-то, спасшіеся, снабдили своего царя лошадьми.

— Ну, а теперь послушайте еще немного, и вы поймете всю мою проповѣдь,—это послѣднее. Въ одной пасхальной молитвѣ сказано: „иди, изучай, что сдѣлалъ Лаванъ праотцу нашему Іакову; фараонъ хотѣлъ истребить только мужчинъ, а Лаванъ—всѣхъ. Это что значитъ? Лаванъ—нашъ, и вдругъ онъ хотѣлъ насъ погубить?—Ша, тише тише! (Въ синагогѣ царила совершенная тишина.) Въ талмудѣ сказано, что ни одинъ отецъ не долженъ дѣлать различія между своими сыновьями, только старшаго онъ долженъ больше уважать: онъ первенецъ, а тѣ равны между собою. Старшаго слѣдуетъ одѣвать лучше, а другихъ оди-

лаково, чтобы между ними не было зависти. Пойдите же: а Иаковъ сдѣлалъ красную шолововую рубашку Иосифу, одному изъ младшихъ сыновей; братья позавидовали, продали Иосифа въ рабство, а тамъ уже пошло... Кто же виновать? Лаванъ! еслибы онъ не обманулъ Иакова, еслибы онъ не замѣнилъ Рахили... Ну? (онъ ожидалъ, чтобы кто-нибудь изъ слушателей подхватилъ слѣдующее слово)—Ліей, — вручилъ Хаймъ-Беръ.

— То Иосифъ былъ бы...

— Первенцомъ, — продолжалъ Хаймъ-Беръ.

— Изъ-за рубашки не было бы...

— Зависти.

— Да, не было бы зависти; а если не было бы зависти, Иосифъ не былъ бы проданъ, мы не были бы въ Египтѣ, гдѣ мы всѣ чуть не погибли... Теперь вы понимаете?

— А-а-а-а! Ай-ай-ай! — восторгались слушатели: — такая мысль... такая мысль!.. Вѣдь это сладко, какъ сахаръ; изъ его рта сыплется жемчугъ!— Въ синагогѣ стоялъ шумъ, на который Шлёма не обратилъ вниманія: онъ былъ гдѣ-то далеко. Сквозь общій гамъ я различалъ одно его жужжаніе и послѣднія слова проповѣди: „и придетъ мессія въ будущемъ году въ Іерусалимъ, и скажемъ: амины!“...

Затѣмъ Богу нужны стулъ и скамеечка для ногъ, — я все-таки не узналъ...

Шлёма снялъ талесъ и, тяжело дыша, спустился съ амвона и пошелъ на свое мѣсто. Его окружили, заговаривали съ нимъ, выражали ему свой восторгъ, но онъ сталъ у стѣны, спиной къ толпѣ, и началъ молиться. Приближался вечеръ. Хаймъ-Беръ вышелъ изъ ряда скамеекъ, положилъ руки въ карманы штановъ и сказалъ:

— Не пора ли начать вечернюю молитву?

Оживленіе улеглось; одинъ еврей подошелъ къ канторскому столу и началъ молиться вслухъ, а остальные повторяли за нимъ. По окончаніи этой краткой молитвы, кучки стали дробиться. По мѣрѣ приближенія вечера, присутствовавшіе становились все мрачнѣе. Кто выбѣгалъ на улицу посмотреть, нѣтъ ли еще звѣзды, чтобы можно было закурить; слышались уже обыкновенные разговоры, даже жалобы на дѣла. Въ душѣ каждого возставали призраки, давившіе его прежде: нужда, голодъ, позоръ... Говорятъ, что придетъ податной инспекторъ для проверки торговыхъ документовъ, — надо и о немъ позаботиться... Сообщившій о „курицѣ“ кусаетъ свою бороду и о чемъ-то рассказываетъ служкѣ. Только Шлёма ни съ кѣмъ не говорилъ, былъ спокоенъ, хотя лицо его понемногу

тоже принимало свой обыкновенный видъ. Послѣ двухъ ударовъ служки, началась послѣдняя молитва... Въ ней слышалась покорная грусть съ оттѣнкомъ упрека въ каждой фразѣ, обращенной въ Нему: „Ты—все видишь и все знаешь, и что же съ нами?! Но, все же, Ты святъ, святъ, трижды святъ!“ Отдыхъ восстанавливаетъ силы, освѣжаетъ организмъ, но предстоящая работа слишкомъ тяжела, и хотя теперь понятно зло, сдѣланное Лаваномъ израилю,—страхъ передъ будущимъ несокрушимъ, переходъ отъ блаженной субботы къ буднямъ тяжелъ и жестокъ. Долой чистые кафтаны, исчезаетъ „израиль“—и на сцену являются „жиды“. Правда, и въ субботу нѣтъ недостатка въ людяхъ, желающихъ поглумиться надъ жидовскимъ „шабесомъ“, надъ движеніями молящихся; но тогда, съ той высоты, на которую израиля возноситъ суббота, это менѣе замѣтно, а затѣмъ идетъ опять старое, опять обычное:

- Ваша благородія, хорошій сахаръ!
- Пошелъ вонъ, жидъ!
- Гашпадинъ, не вгодно конфетовъ?
- Не приставай, говорить!
- Господинъ урядникъ, ваша благородія, я только на одну недѣля, мине жалко, что вы себя беспокоите...

Съ нахмуренными лицами уходить всѣ домой, въ синагогѣ гасятся свѣчи, и въ ней водворяется мракъ. Она глядитъ сурово: лишенная своей роли до слѣдующей субботы, она не смотритъ теперь съ участіемъ на другіе дома въ блескѣ свѣчей, а ушла въ себя, озлобленная и мрачная...

V.

Прошло три мѣсяца, наступила глубокая зима. Николаевка была засыпана снѣгомъ, морозы стояли лютые. Тотія фигуры евреевъ сутились по утрамъ около прибывавшихъ изъ окрестностей повозокъ съ хворостомъ, который они раскупали для топлива. Замѣчалось въ общемъ теченіи жизни какое-то уныніе; особенно грустно и тяжело бывало по вечерамъ. Не было и слѣда того бодрящаго впечатлѣнія здоровой русской зимы, которое она приноситъ съ собою въ крестьянскія села...

Вонъ дрожитъ слабая Хайка, сидя за своимъ столикомъ, въ ватной кофтѣ, изъ которой торчатъ лохмотья; вонъ трясутся разносчики въ лѣтнихъ пальто; лица у нихъ синія, сами съѣжились; мальчишки „бусають законъ“: пѣсня свободная, улаждающая жизнь

— не пристала, видно, еврейской молодежи... Все уныло, все кряхтитъ, а по вечерамъ даже въ воздухѣ чувствуется страхъ, и морозъ точно не радъ своей роли: надъ кѣмъ онъ проявляетъ силу? Коѣ-гдѣ мелькнетъ во тьмѣ фонарь, освѣщая лица мальчишковъ, идущихъ изъ хедера домой, — и только...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я сидѣлъ у себя, занятый составленіемъ новаго прошенія по моему дѣлу.

— А ну, будьте столь добры, отворите! — сказалъ кто-то по-еврейски, постучавши въ ставню моего окна.

Я выпустилъ къ себѣ въ комнату вмѣстѣ съ густымъ паромъ и струей холода служку синагоги, одѣтаго въ лохмотья, съ тряпкой на шеѣ, вмѣсто шарфа, съ поломаннымъ фонаремъ безъ двухъ стеколъ, въ которомъ горѣлъ огарокъ сальной свѣчки. Теперь только я разглядѣлъ его: онъ былъ высокъ, плечистъ, съ грубымъ выраженіемъ лица, отъ него отдавало дикостью, и замѣтенъ былъ отпечатокъ, какой кладетъ горемычная жизнь ни къ чему непристѣгнутыхъ бобылей. Онъ выговаривалъ слова съ трудомъ, точно они ему стоили большихъ усилій, причемъ въ началѣ разговора заикался. Прежде всего онъ погасилъ огарокъ, вытеръ усм войлочнымъ рукавомъ своего верхняго платья, поплясалъ на мѣстѣ, отбивая снѣгъ отъ сапогъ.

— Мосіу, добрый вечеръ вамъ! Какъ у васъ тепло, это прелесть! — сказалъ онъ, потирая ладони. — Чтѣ значить, когда топишь! ай-ай! — и онъ покачалъ головой. — Вы мнѣ позволите сѣсть? Будьте такъ добры, я немножечко посижу, а сказать вамъ, зачѣмъ я пришелъ, я еще успѣю... немного отогрѣюсь (онъ сѣлъ по моему приглашенію). А! чтѣ, можетъ быть, га?.. У васъ есть табакъ? а ну, дайте-ка немного сюда!

Я подаль ему табакъ и всѣ принадлежности для куренія.

— Чобы вы мнѣ были здоровы и живы 120 лѣтъ! А, вѣдь это прелесть! (Онъ закурилъ.) Я вамъ не помѣшалъ? га! вы можете мнѣ сказать: не церемоньтесь, что тутъ церемониться!.. Нѣтъ?.. вы скажите мнѣ это на чистоту; я простой малый, я совсѣмъ изъ маленькихъ пановъ; если нѣтъ — я могу взять ноги на плечи и сейчасъ вытечь отсюда; я вѣдь не танцевалъ съ медвѣдемъ! Чо-жъ дѣлать?

— Нѣтъ, пожалуйста, сидите, сколько хотите, мнѣ очень пріятно! Да отчего вы вздыхаете?

— Гмъ, это развѣ я вздыхаю? это мои заботы вздыхаютъ!.. Чтѣ можетъ быть изъ насъ всѣхъ, и зачѣмъ Всевышній создалъ такой міръ, а? Но нельзя говорить...

— А что такое?

— Ахъ, какая здѣсь теплота!.. Вкусъ рая... и тамъ не нужно лучше! У васъ есть книга одного, какъ его... Я уже забылъ, Гре... Гретцъ, Гретца... я вспомнилъ: Гретцъ, писано по ихнему.

— Есть, а зачѣмъ вамъ?

— Какъ зачѣмъ? Слушай! я вѣдь за этимъ пришелъ!

— Въ такой холодъ?

— Э, пустяя вещи! когда нужно, такъ нужно!

— Зачѣмъ же вамъ нужно?

— Мнѣ? вотъ тебѣ новость! развѣ я говорю, что—мнѣ? Я говорю, что нужно—и только.

— Кому же нужно?

— Кому нужно,—это другая сказка; это нужно ребѣ Шлойме... Ну, довольны?... Я еще немного посижу!—добавилъ онъ просительно.

— Почему же онъ самъ не пришелъ?

— Э, вотъ чего вы захотѣли!.. Вотъ это-то и все несчастье, что онъ не можетъ ходить!

— Какъ не можетъ?!

— Какъ не можетъ? такъ, не можетъ... а вы не знаете, какъ это не могутъ?.. Нѣтъ... однако жарко становится... Онъ не можетъ, это простая вещь: онъ лежитъ больной.

— Что съ нимъ? Давно онъ боленъ? расскажите же, прошу васъ, толкомъ!

— Что тутъ рассказывать?! Ну, а если я расскажу вамъ толкомъ,—такъ, вы думаете, онъ выздоровѣетъ? Нѣтъ, грязь!.. У васъ никого нѣтъ за дверью? а посмотрите-ка, можно говорить громко?

— Да что такое?—спросилъ я тревожно.

Онъ началъ тихо, почти шопотомъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ панъ... (онъ остановился и началъ озира́ться) закрылъ ему хедеръ и отдалъ его... подъ судъ...

— Ну, такъ что же? да говорите по-человѣчески!

— А что, развѣ я говорю иначе? Съ тѣхъ поръ, какъ панъ отдалъ его подъ судъ, онъ ходилъ учить дѣтей по домамъ, чтобы никто не зналъ... Ну, слабый человѣкъ, и безъ того больной, теплаго платья нѣтъ, какъ водится, въ порванныхъ сапогахъ... такъ это говорится и въ сказкѣ... простудился и лежитъ уже цѣлую недѣлю; теперь у него жаръ... въ хатѣ холодно... Хорошо, очень хорошо!

— Ахъ, какой вы чудаекъ! зачѣмъ вы не сказали этого сразу, и къ чему вы спросили, нѣтъ ли кого-нибудь у меня?

— Мало ли что может случиться! Я говорилъ о панѣ... нельзя осуждать... онъ можетъ узнать....

— Чѣмъ же Шлойме живетъ? Кто у него бываетъ? Зачѣмъ ему Гретцъ?

— Не сгѣшите же, этого я не люблю, это совсѣмъ не годится... Я вамъ скажу... (Онъ зажегъ огарокъ въ фонарѣ и всталъ, опираясь на длинную палку.) Чѣмъ онъ живетъ? Такому человѣку, конечно, не дадутъ совсѣмъ упасть. Даютъ иногда двугривенный, иногда полтинникъ, а иногда гривенникъ, какъ случится, и то не ему, Боже сохрани, а его женѣ, чтобы онъ не зналъ... А кто бываетъ? По вечерамъ у него много бываетъ: заповѣдь! Онъ любитъ рассказывать, его слушаютъ. Вотъ и теперь у него сидятъ, говорятъ, вотъ и ему понадобился этотъ... какъ его... Гретцъ. Ну, это все... Такъ вы мнѣ его дадите?

— Подождите, я тоже съ вами пойду!

— О! съ самымъ большимъ удовольствіемъ! Отчего нѣтъ? а ну, ну! Собакъ много... Но идти слѣдуетъ: правое дѣло, заповѣдь!

Я наскоро одѣлся, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже находились въ огромныхъ сѣняхъ съ землянымъ поломъ, изрытымъ ямами. Служка открылъ дверь хаты; паръ хлынулъ туда, и я сразу ничего не могъ разобрать. Помѣщеніе Шлемы состояло изъ одной комнаты безъ половъ, съ сѣрыми стѣнами и разбитыми ставнями. По срединѣ находился простой столъ, на которомъ были разбросаны книги; въ углу—шкафъ подъ стекломъ, набитый кожаными переплетами, которые составляли единственную роскошь жилья. На огромной русской печи и на лежанкѣ помѣщалась семья Шлемы; въ другомъ углу стояла простая деревянная кровать, защищенная отъ сырости прилегающей стѣны старыми мѣшками. На довольно грязной подушкѣ лежалъ Шлема, опершись на руку, и рассказывалъ о чемъ-то сидѣвшимъ недалеко отъ него на табуретахъ, Хаимъ-Беру, кантору и еще какимъ-то двумъ неизвѣстнымъ мнѣ евреямъ. Облокотясь на спинку кровати, стояла жена Шлемы съ стаканомъ, наполненнымъ какимъ-то настоемъ.

— Я объ этомъ непременно подумаю!—разслышалъ я слова Шлемы. Онъ былъ блѣденъ, говорилъ тихо; глаза и лицо его пылали, онъ часто кашлялъ.

— Добрый вечеръ! Какъ ваше здоровье, ребѣ Шлойме?

Онъ смотрѣлъ на меня ласково и старался присѣсть.

— Это большая деликатность съ вашей стороны, что вы пришли,—произнесъ онъ съ трудомъ:—посѣщать больного—запо-

вѣдь. Очень правильно... сидите... У васъ, можетъ быть, есть исторія Гретца?

— Скажите, Бога ради, кто васъ лечитъ? — Онъ улыбнулся и махнулъ рукой.

— Пустое дѣло! лучше бросимъ это. Вотъ ребѣ Хаимъ-Беръ гдѣ-то вычиталъ въ этой книгѣ, будто былъ народъ такой, хозаре, и всѣ они, и ихъ цари—были еврейской вѣры. Хотя я это зналъ, но мнѣ хочется послушать, какъ тамъ написано. А ну, прочтите мнѣ, какъ это выходитъ?—Онъ снова силился присѣсть.

— Я непременно прочту вамъ это завтра.—Хаимъ-Беръ и другіе поднялись съ своихъ мѣстъ. Хаимъ-Беръ кивнулъ хозяйкѣ, —та вышла въ сѣни.

— Ну, на здоровье! Всевышній самъ поможетъ вамъ, ребѣ Шлойме!—говорили уходившіе.

— Надежда на Всевышняго!—отвѣтилъ больной. — Живите долго за то, что побесѣдовали со мною.

Хозяйка возвратилась съ заплаканными глазами и взобралась на печку, откуда едва слышались ея всхлипыванія. Служка потиралъ руки и стучалъ сапогами. Въ комнатѣ было сыро и холодно. Шлѣма молчалъ и глядѣлъ въ потолокъ.

— Давно вы больны?—спросилъ я.

— Чтѣ вы говорите? давно ли я боленъ? Больше недѣли.

— Я имѣю къ вамъ просьбу; сдѣлайте мнѣ одолженіе, позвольте мнѣ прислать къ вамъ доктора.

— Вы еще дитя!.. Чтѣ мнѣ вашъ докторъ сдѣлаетъ? Его уже звали; онъ говоритъ, что здѣсь сыро, что нужно ѣсть мясо и запивать молокомъ... Пусть онъ самъ пьетъ; а что здѣсь сыро, я раньше зналъ... Вашъ докторъ! — произнесъ онъ презрительно.

— Но такъ нельзя!

— Ахъ, отложимъ это, я васъ прошу!.. Вы долго пробудете здѣсь?—Онъ собирался сказать еще что-то, но остановился...

— Ребѣ Бурихъ,—обратился онъ къ служкѣ:—будьте такъ добры, на столѣ лежитъ библія... дайте ее мнѣ!

Бурихъ исполнилъ приказаніе, и Шлѣма углубился въ подаренную ему книгу.

— Нѣтъ, не выходить,—бормоталъ онъ:—просто несчастье!—и, закрывъ книгу, задумался.

— Чтѣ такое, ребѣ Шлойме?...

— Чтѣ такое?—переспросилъ я, не получивъ отвѣта.

— Чтѣ такое? малость: не будь здѣсь такого *т*, могло бы выйти по каждой буквѣ хорошее предсказаніе для евреевъ от-

носительно нынѣшняго времени... Одно *т*¹⁾... я уже пробовалъ...
Дайте-ка псалмы Давида!—приказалъ онъ служкѣ.

Шлёма углубился въ псалмы и не обращалъ на насъ никакого вниманія. Служка слегка толкнулъ меня, приглашая уйти вмѣстѣ съ нимъ. „Мы ему мѣшаемъ“, пояснилъ онъ. Я протиснулся съ Шлёмой и общалъ ему прочитать вслухъ мѣсто изъ Гретца; онъ попросилъ меня не заботиться объ этомъ и продолжать свое дѣло.

Всю дорогу мы молчали. Морозъ свирѣпствовалъ еще съ большею силой; поднялась метель... Бѣдный служка торопился, дрожа отъ холода. При свѣтѣ его фонаря я увидѣлъ, что онъ былъ задумчивъ и въ глазахъ его стояли слезы. Онъ оборачивался ко мнѣ нѣсколько разъ, желая начать разговоръ, но почему-то не рѣшался сдѣлать это.

— Вотъ человѣкъ! — выговорилъ онъ, наконецъ, когда мы вошли въ мой корридоръ. — Спокойной ночи!

— Зайдите, отогрѣйтесь!

Онъ кашлянулъ отъ удовольствія и, погасивъ огарокъ фонаря, поставилъ свою палку въ уголъ, чѣмъ показалъ мнѣ, какъ охотно принимаетъ мое приглашеніе. Когда мы вошли въ комнату, онъ немедленно подошелъ къ печкѣ и началъ грѣть руки.

— Прелестъ! — восторгался онъ. — Что можетъ быть лучше!.. Вы топите навѣрное дровами?...

— Чтѣ я у васъ спрошу, — продолжалъ онъ, когда я усѣлся за своимъ столомъ: — вы же ученый человѣкъ... отчего это люди бывають несчастны?

— Это трудно сказать...

— Эхъ, вотъ такъ и блуждаешь во тьмѣ, какъ корова... А на дворѣ, вы замѣтили, холоднѣе сдѣлалось... Предопредѣленіе!.. А видно, что служанка ваша во-время трубу закрываетъ... Ну, да, когда есть дрова, всякій дуракъ вытопить!

Я сталъ рыться между книгами, отыскивая Гретца.

— Вы знаете, какую красивую вещь я вамъ скажу? Вотъ, пусть-ка я ночью у васъ сегодня въ самомъ дѣлѣ!.. На дворѣ холодно и темно... у меня нѣтъ семьи... волеѣ... Въ синагогѣ тоже холодно... развѣ топать, какъ слѣдуетъ?!.. Я тутъ на полу лягу.

— Пожалуйста. Мнѣ будетъ пріятно.

— Я это раньше зналъ... Охъ, болячка у меня большая... дуракъ дуракомъ останется, какъ скотина... Видишь?.. А печка

¹⁾ Въ еврейской азбукѣ два т.

таки кирпичная... э, вотъ оно какъ у насъ! теперь я понимаю... Вотъ я тутъ лягу себѣ (онъ сбросилъ съ себя свое „пальто“, взявъ подстилку, обратилъ ее въ тюфякъ и разлегся). Ахъ, слава Богу и за это!.. Ну, ничего не подѣлаешь! Слышь, *т* мѣшаетъ, говорить онъ; вѣроятно, онъ знаетъ, что говорить; онъ изъ головы не выдумаетъ... Хорошо вытоплено... что хорошо, то хорошо... нечего сказать... Охъ-о-хо-хо-хо-хо-хо!..

Я еще долго сидѣлъ надъ закрытой книгой: роковое *т* и мнѣ не давало спать... Мнѣ было больно и досадно: „и что бы было въ самомъ дѣлѣ, — думалъ я, — написать какъ-нибудь иначе и не сбивать ребѣ Шлойме съ пути, лишая его минутнаго утѣшенія... единственнаго утѣшенія, доступнаго еврейскому мечтателю“...

На слѣдующій день я опять навѣстилъ Шлойму, прочелъ ему изъ Гретца нѣсколько страницъ, въ которыхъ говорится о хозарахъ и письмѣ испанскаго министра-еврея къ послѣднему хозарскому царю, Иосифу. Шлёма прослезился и, по окончаніи чтенія, благодарилъ меня.

— Вы просто оживили меня, я этого настолько не зналъ. Что можетъ случиться на бѣломъ свѣтѣ!

Вечеромъ того же дня я повторилъ свое посѣщеніе, упросилъ жену Шлёмы принять отъ меня немного денегъ и увидѣлъ Шлёму въ очень хорошемъ расположеніи духа: онъ даже присѣлъ и рассказывалъ что-то громко. Его окружали его обычные гости. При моемъ входѣ онъ сказалъ радостно:

— А ну, идите-ка сюда, это васъ тоже касается; прежде всего садитесь. Вы молитесь? Скажите откровенно, мы вѣдь свои люди... навѣрное нѣтъ?

Онъ говорилъ со мной какъ съ ребенкомъ, которому удѣляетъ немного времени, потому что доволенъ имъ, а самъ онъ былъ доволенъ собой и находилъ удовольствіе въ томъ, что снисходилъ къ моей духовной бѣдности.

— А вы не знаете, что не молиться грѣхъ большой?—попѣтался онъ надо мной, желая пристыдить меня.

— Онъ молится въ двухъ парахъ тефилинъ ¹⁾, какъ праведники,—съострилъ на мой счетъ Хаимъ-Беръ:—Что-жъ, онъ привыкъ такъ.

— Ну, а постъ соблюдаете?

— Что за вопросъ!—продолжалъ Хаимъ-Беръ:—развѣ нужно еще спрашивать!

¹⁾ Головной уборъ во время молитвы.

— А можетъ быть, онъ одинъ изъ скрытыхъ праведниковъ? — говорилъ канторъ, которому сообщилось шутивное настроеніе другихъ.

— Позвольте, господа! — отозвался я: — я вѣдь еще не знаю, въ чемъ дѣло?

Никто не отвѣчалъ мнѣ; Шлѣма смотрѣлъ на меня ласкающе; на его лицѣ выражалось состраданіе ко мнѣ, но не было желанія говорить со мною, какъ съ равнымъ, и пускаться въ объясненія.

— Объясните же мнѣ хоть вы, ребѣ Хаймъ-Беръ! — попросилъ я: — я хочу знать, какой смыслъ имѣютъ ваши вопросы?

Хаймъ-Беръ сидѣлъ ко мнѣ въ полуоборотъ и чесалъ свой подбородокъ; онъ лѣниво отвѣтилъ:

— Это не Тургеневъ; что же можетъ быть хорошаго?

— А все-таки!

— Эхъ, это вамъ въ одно ухо войдетъ, а изъ другого выйдетъ... Поѣзжай!.. Пусть онъ вамъ скажетъ, если захочетъ! — И онъ указалъ на кантора. Послѣдній оказался болѣе уступчивымъ и не безъ нѣкоторой деликатности объяснилъ мнѣ, что ребѣ Шлойме только-что сдѣлалъ одно очень замѣчательное толкованіе. Сказано, что отъ евреевъ требуются три вещи: молитва, покаяніе и благотворительность. Раввины обозначили такъ: молитва — голосъ, покаяніе — постъ, благотворительность — деньги. Ребѣ Шлойме и растолковалъ, что въ ихъ опредѣленіи скрывается бездна ума, это нужно понять: „голосъ“, „постъ“ и „деньги“, по-еврейски, равны между собой по счету буквъ, число которыхъ въ каждомъ изъ этихъ словъ составляетъ 136. Это равенство должно доказывать, что Богъ снисходитъ къ слабости людей, которые не всегда могутъ выполнить всѣ эти требованія и, при существованіи уважительныхъ причинъ, довольствуются однимъ изъ трехъ. Подтвержденіемъ этого могутъ служить слова Давида, когда, говоря о премудрости Творца, онъ восклицаетъ: „человѣкъ *мунъ*, не знаетъ, а злодѣй не знаетъ *этого*“. „Глупъ“ по числу буквъ = 272, „этого“ = 408. Значитъ, въ словахъ Давида скрывается слѣдующая мысль: человѣкъ не знаетъ двухъ требованій (2.136), а злодѣй — всѣхъ трехъ (3.136), т.-е. можно остаться человѣкомъ, не выполнивъ двухъ изъ этихъ требованій; значитъ, одно обязательно; но не исполнить и одного изъ нихъ — тяжкій грѣхъ, свойственный злодѣямъ.

— Ну, теперь вы его просто ослѣпшили! — подхватилъ презрительно Хаймъ-Беръ. — Вы кончили? Ну, теперь на немъ

новая кожа. Вотъ онъ чешется отъ того, что вы сказали. Онъ даже не будетъ спать цѣлую ночь. Шутка!

Шлема продолжалъ смотрѣть ласково, но, кажется, не слышалъ, о чемъ говорили. Я ушелъ, довольный благопріятнымъ поворотомъ въ настроеніи Шлемы, и полагалъ, что дальнѣйшія мои посѣщенія излишни.

Утромъ слѣдующаго дня я былъ пораженъ сильнымъ стукомъ въ ставню. Я вскочилъ и подошелъ къ окну узнать, кто стучить, но на мои вопросы слѣдовалъ стукъ болѣе сильный. Я потерялъ терпѣніе и сильнымъ движеніемъ руки просунулъ стержень ставни такъ, что она открылась; я увидѣлъ осыпаннаго снѣгомъ служку, скорчившагося отъ холода. Свистъ вьюги былъ слышенъ въ комнатѣ. Я отдернулъ крючокъ у двери и толкнулъ ее ногою. Онъ влетѣлъ въ комнату съ искаженнымъ лицомъ и, безъ привѣтствія, не взирая на мое сердитое замѣчаніе: „зачѣмъ вы не отвѣчаете, когда васъ спрашиваютъ?“ — прихлопнулъ дверь, посмотрѣлъ на меня съ какой-то враждой и, приблизившись ко мнѣ, съ жестокимъ упрекомъ промывчалъ, заикаясь:

— А его опять взяли!

— Кого? Кто?

— Кого? Кого! Вамъ надо спать до девяти часовъ... Образованный человѣкъ!.. Зачѣмъ его взяли?

— Шлему?

— А вы не знаете! Да, Шлему; вы видите, что не меня... Только-что два десятскихъ провели его мимо вашей квартиры. Вьюга разметаешь свѣтъ... Съ постели... больного человѣка... слабъ... Почему его взяли? а?

Я ничего не понималъ и, не тратя словъ, разумѣется, поспѣшилъ одѣться и отправиться въ полицію.

— Я здѣсь буду ждать... Когда идете, такъ идите. Такъ нельзя... Что это, свѣтъ не свѣтъ? вѣдь человѣкъ!..

Я предоставилъ ему доканчивать про себя свою рѣчь и почти у самаго полицейскаго дома нагналъ арестованнаго. Онъ плелся, сопровождаемый двумя десятскими, которые слегка поддерживали его. Онъ пошатывался; въ лицѣ его не было ни кровинки; глаза смотрѣли вдаль, нижняя челюсть вздрагивала; порой онъ пугливо оглядывалъ своихъ провожатыхъ. Послѣдніе шли, сознавая лежавшую на нихъ отвѣтственность, и число ихъ доказывало, что дѣло было не шуточное.

Я поровнялся съ ними и спросилъ Шлему, зачѣмъ его потребовали, отчего онъ не сослался на болѣзнь? вѣдь онъ имѣлъ право не являться до выздоровленія! Онъ быстро взглянулъ на

меня, нижняя скула его дрожала, и онъ только ускорилъ шаги, а одинъ десятскій объяснилъ, что Шлёму приказано было „доставить“ немедленно. Шлёма вглядывался и въ меня, и въ говорившаго, и все торопился. Я оставилъ ихъ и поспѣшилъ въ канцелярію Лаврентія Ардаліоновича; но тамъ мнѣ сказали, что не приказано никого пускать къ нему въ кабинетъ, такъ какъ онъ сегодня очень занятъ. Я сталъ дожидаться въ прихожей, а тѣмъ временемъ прибылъ и Шлёма, который повалился на скамейку, уцѣпившись обѣими руками за ея доску, чтобы держать свою спину въ равновѣсіи. Онъ скорчился, снялъ шапку и ермолку, и стриженная голова его ушла въ глубь воротника потертаго драповаго пальто; воспаленные мышинные глаза искрились и перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Ишь, въ могилу пора, а сплутоваль, стало быть!—замѣтилъ одинъ изъ ожидавшихъ по дѣлу мастеровыхъ.

Изъ канцеляріи вышелъ писарь, чтобы убѣдиться, пришелъ ли герой сегодняшняго утра, и отъ удовольствія кивнулъ головой. Шлёма остановилъ на немъ взглядъ бессмысленный, нѣмой, переводя его и на одежду, и на обувь, то писаря, то нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ.

Онъ закаплялъ.

— Эй!

Послышался рѣзкій звонокъ изъ кабинета, откуда выглянулъ Кагайловъ.

— Есть!—доложилъ онъ громко и вышелъ къ ожидавшимъ.

— Вставай!—крикнулъ онъ Шлёмѣ.

Тотъ медленно повернулъ голову въ его сторону и сталъ подниматься, опираясь на ладони.

— Поставьте его!—приказалъ нетерпѣливый Кагайловъ десятскимъ, которые тотчасъ его „поставили“.

— Ага, есть!—грозно произнесъ появившійся Лаврентій Ардаліоновичъ и, увидя меня, прибавилъ: вотъ кстати, порадуйтесь! Шлёма!

Шлёма медленно откинулъ одной рукой огромный воротникъ пальто, вытянулъ лицо и умудрился поклониться, держа {подъ мышкой свои головные уборы.

— Франтъ!—потѣшался надзиратель:—мое нижайшее!.. Эй, стрѣлять будешь?

Присутствующіе разсмѣялись. Шлёма прищурилъ глаза и сморщилъ лобъ отъ напряженія.

— Отвѣчай: будешь стрѣлять?

Взрывъ хохота. Шлёма издалъ какой-то болѣзненный звукъ

и зашевелилъ губами, желая, вѣроятно, изобразить угодливую, привычную улыбку.

— Лаврентій Ардаліоновичъ!—вступился я:—вѣдь онъ боленъ; развѣ нельзя этого отложить?

— Да-съ, нельзя. Кагайловъ, прочтите полученную бумагу; пусть послушаютъ...

Кагайловъ началъ читать... О, ужасы! это было требованіе о немедленномъ арестованіи августовскаго мѣщанина Шлёмы Меймерова Яроцкаго и о высылкѣ его съ первымъ этапомъ, такъ какъ онъ уклонился, лѣтъ тридцать тому назадъ, отъ отбыванія воинской повинности...

Извѣстіе это поразило всѣхъ, и никто не смѣялся теперь, видя еле дышавшаго „воина“. Шлёма какъ будто не слышалъ прочитаннаго; онъ все смотрѣлъ вопросительно, бессмысленнымъ взоромъ на потолокъ и стѣны, и закашлялъ...

— Ну, что ты скажешь?—спросилъ его надзиратель, приблизившись къ нему.

Шлёма встрепенулся. Печально улыбнувшись и, въ свою очередь, сдѣлавъ шагъ къ надзирателю, глядя ему пристально въ глаза, онъ сказалъ слабымъ голосомъ, но твердо, тономъ чловека, догадавшагося наконецъ, въ чемъ дѣло:

— Это отъ Бога!..

Надзиратель посмотрѣлъ удивленно... Не такой отвѣтъ требовался для поддержанія насмѣшливаго настроенія,—и добродушный въ сущности Лаврентій Ардаліоновичъ сразу почувствовалъ неестественность своей интонаціи. Шлёма своимъ отвѣтомъ далъ ему ключъ къ болѣе вѣрному пониманію „этого типа“. Я хорошо зналъ Лаврентія Ардаліоновича, его впечатлительность и доброе сердце, и потому легко замѣтилъ происшедшую въ немъ перемену. Онъ съ возроставшимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ вглядывался въ невзрачную фигуру Шлёмки, и въ глазахъ его заискрилось даже уваженіе...

— Все отъ Бога!..—процѣдилъ онъ:—гмъ, да-съ... А вамъ чего надо?—обратился онъ къ постороннимъ:—убирайтесь, чего прилѣзли? Посадите его на скамью!—приказалъ онъ десятскимъ... Садись, Шлёма... я сейчасъ...

И онъ далъ мнѣ знакъ послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ. Когда я вошелъ туда, онъ плотно притворилъ за мною дверь.

— Да, я вамъ доложу, Яковъ Григорьевичъ! это „сюрпризъ“, и даже того... сугубое... Тутъ еще это дѣло, онъ подъ слѣдствіемъ за школу проклятую, а теперь... извольте больного, хилаго... Да

вѣдь онъ не выдержитъ... Ну, какъ его отправлять теперь этапомъ за двѣ тысячи верстъ, въ такой холодъ!

— Лаврентій Ардаліоновичъ, простите; но зачѣмъ же вы не приказали не трогать его, если онъ боленъ?

— Чортъ его знаетъ! во-первыхъ, это было бы ужъ очень „гуманно“ (онъ улыбнулся); во-вторыхъ, какъ я могъ предположить болѣзнь! Шлёма способенъ на все, жиды можно требовать всегда... Наконецъ, я былъ увѣренъ, что это плутъ, мошенникъ... Съ одной стороны — „немедленно“ и за „уклоненіе“, а съ другой — кто его знаетъ, какъ тогда было при той рекрутчинѣ, да еще жидамъ... Я бы и самъ, можетъ быть, удралъ при тѣхъ порядкахъ. Наконецъ (и онъ сконфуженно улыбнулся), все это видите... оказывается отъ Бога!

— Что же теперь будетъ?

— Погодите, мнѣ что-то припомнилось... надо заглянуть въ рекрутскій уставъ. Позвольте. — И онъ сталъ перелистывать снятую имъ съ этажерки книгу.

— Такъ и есть!.. И какъ это я раньше не замѣтилъ? Шлёма не можетъ быть ни призываемъ, ни подвергнутъ наказанію за истеченіемъ срока давности. Этого, въ припадкѣ „не послабляючи“, какимъ-то образомъ и не разглядѣли. Да вѣдь у нихъ тамъ списки, бумаги, а тутъ — живой человѣкъ... Требованіе, выходить, не совсѣмъ законное... Да вѣдь вотъ бѣда: я, какъ низшій по іерархіи, не смѣю разсуждать, а долженъ исполнить. Ахъ, Ты, Господи Боже!..

— Посовѣтуйте, чтò же дѣлать?

— Что тамъ совѣтовать! Тутъ чортъ ногу сломить. Я самъ тутъ ничего не разберу... Это ужасно... Это не для моихъ нервъ: ружье, исправникъ, Хайка, школа, требованіе... Поймите: самъ я, какъ заяцъ, затравленъ всѣми этими предписаніями и бумагами, а тутъ — влокъ души имѣется, онъ и заговариваетъ въ подобныя минуты... Стойте, нужно-жъ однако дѣйствовать!

Онъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ чтò, — сказалъ онъ: — необходимо, во-первыхъ, достать свидѣтельство отъ городского врача о томъ, что Шлёма опасно боленъ, это — разъ; затѣмъ, пусть кто-нибудь напишетъ отъ имени Шлёмы объясненіе по поводу незаконности требованія. Мы пока время выиграемъ и, я увѣжденъ, возстановимъ истину.

— Лаврентій Ардаліоновичъ, два слова!

— Ну?

— Теперь я опять васъ узнаю...

— Очень хорошо, это именно я! — пошутить онъ и тотчасъ крикнулъ, насупись: — Андрей!

— Чего изволите?

— Что это! Нужно мнѣ чай пить—или нѣтъ? „Чего изволите“! рыло неумытое, пошелъ вонъ!

— Я ухожу, Лаврентій Ардалионовичъ!—сказалъ я.

— Ну и радуйтесь!—отвѣтилъ онъ съ раздраженіемъ.—Кагайловъ! Прикажите отвести Шлёму домой. Онъ еле дышетъ!

Проходя переднюю, гдѣ находился Шлёма, я успѣлъ замѣтить его стеклянный взглядъ; онъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи и усиленно кашлялъ.

Сначала я обратился къ Хаймъ-Беру съ просьбой найти адвоката и навѣстить съ нимъ Шлёму; затѣмъ я направился къ Розенфельду. Никого не было въ его столовой, дѣти его бѣгали по двору. Я окликнулъ хозяина, но вмѣсто него явилась его супруга, съ кухоннымъ ножомъ въ одной рукѣ и съ луковицейъ въ другой, и сердито спросила: „что, вамъ мужа моего надо?“ Я попросилъ ее сказать поскорѣе, гдѣ онъ, такъ какъ въ немъ теперь крайняя нужда.

— А что такое? что за необходимость! рѣжутъ кого? Кажется, никого не рѣжутъ!

— Не рѣжутъ, но все-таки скажите, гдѣ онъ!

Она подозрительно посмотрѣла на меня.

— Извѣстно, гдѣ онъ? Или на мельницѣ, у кочегара, или на лѣсопилкѣ. Слава Богу, у него есть гдѣ быть, если бы онъ хотѣлъ. Онъ вамъ очень нуженъ, такъ и идите, ищите его,—мнѣ онъ не нуженъ!

Я кивнулъ ей головой и вышелъ въ корридоръ.

— А ну, погодите, пожалуйста!—позвала она меня болѣе ласково.

Я остановился; она приблизилась ко мнѣ и почти заискивающе спросила:

— Вы не знаете... можетъ быть, вы слышали... тамъ на вашей улицѣ... дешево продаютъ сало на пасху?..

— Не знаю-съ,—торопливо отвѣтилъ я и поспѣшилъ вонъ.

Я нашелъ Розенфельда на его лѣсопилкѣ, и онъ, къ моему удивленію, оказался на этотъ разъ весьма уступчивымъ. Часа черезъ два, желанное докторское свидѣтельство и „объясненіе“ было у меня въ рукахъ; я зашелъ къ себѣ, чтобы обрадовать службу. Онъ сладко храпѣлъ, развалившись на полу возлѣ печки.

— Ребе Бурихъ!

— Га? ну, что?—спросилъ онъ, продравши глаза и вскочивъ на ноги.

— Ребе Шлойме давно ужъ дома; подите къ нему, онъ очень боленъ.

Бурихъ всплеснулъ руками.

— Ахъ, ахъ, мой Богъ!.. Онъ дома, говорите вы? смотри только,—утромъ его взяли въ полицію, а теперь онъ дома! Ну, ну, я сейчасъ!

Онъ надѣлъ изорванныя рукавицы, затянулъ свой войлочный поясъ и взялся за ручку двери.

— Нѣтъ, это просто акты!—продолжалъ онъ: — что такое, что онъ боленъ? это—грязь, это не стоитъ нюха табакъ, на это у насъ Богъ Отецъ! Вы думаете, онъ вѣчно будетъ боленъ? увидите!.. Ну, надо идти, бѣгу; когда надо, такъ надо... я самъ понимаю... вы думаете, что я... ахъ, надо!..

Онъ вышелъ, сильно стукнувъ дверь.

VI.

„Прошу убѣдительно: подождите моего возвращенія въ моей комнатѣ. Я сегодня совсѣмъ развинулся и чувствую неотложную потребность хоть одинъ часъ побыть въ шкурѣ человѣка. Молодой другъ, не удивляйтесь, что я въ такомъ настроеніи! Вы меня понимаете... Самъ не знаю, что это со мной... нервы, все нервы! Побудьте со мной; хочу встряхнуть старину, я одинокъ, а сегодня только при васъ почувствую себя легче. Волнуетъ же васъ вашъ Шлѣмкѣ разными тамъ воспоминаніями; ну, а вы волнуете меня. Что дѣлать! Или ужъ не думаете ли вы, что я неспособенъ ни на что, кромѣ ругани? Эхъ, молодой другъ! Я вѣдь и ругаюсь-то тоже „отъ искренняго сердца“, какъ выражался у Гоголя уважаемый коллега, городничій... Какъ видите, нахожусь въ полосѣ покаянія, а это гораздо удобнѣе въ личной бесѣдѣ. Итакъ, жду и надѣюсь. — Вашъ Л. Алексѣевъ“.

Записку эту мнѣ отдалъ Андрей, когда я пришелъ въ полицію съ бумагами, и съ особенной любезностью прибавилъ, что баринъ просто велѣли „не отпускать васъ, а если что, такъ и обѣдать можно; они вернутся вечеромъ“. Я былъ очень тронутъ и рѣшился исполнить капризъ Лаврентія Ардаліоновича, ожидать его непремѣнно въ его же комнатѣ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, пообедаемъ...

— Сейчасъ, какъ угодно!.. вотъ и вино... бутылочку одну для васъ, а другую старому еврею отослали.

— Шлѣмъ, что сегодня былъ здѣсь?

— Ему самому... еще чай, сахаръ и бумажку съ Кагайловымъ. Урядникъ нашъ передалъ.

Я отобѣдалъ и, сославшись на желаніе отдохнуть, выпроводилъ разговорчиваго Андрея.

Погода совершенно испортилась: поднялась сильная метель, посыпался снѣгъ. Тоскливо смотрѣли улицы и избы съ побѣленными крышами; за сердце хватала ѣдкая грусть, и все казалось безпросвѣтнымъ... Опять снѣгъ, опять вой вѣтра!..

Когда начало темнѣть, я позвалъ Андрея, велѣлъ ему зажечь лампу и поставить самоваръ. Дождавшись того и другого, я принялся безцѣльно разсматривать обстановку комнаты.

— Андрей! — слышался въ передней громкій голосъ, возвратившагося Лаврентія Ардаліоновича: — пооди къ лошади! Ахъ, вы здѣсь? — сказалъ онъ ласково, войдя въ кабинетъ. Онъ снялъ съ себя шинель и, потирая руки, подошелъ ко мнѣ.

— Ну, вотъ хорошо, что вы тутъ. По крайней мѣрѣ здѣсь тепло, уютно, а на дворѣ-то страсти! И чай какъ кстати!

— Хотите, сейчасъ налью?

Лаврентій Ардаліоновичъ сѣлъ и лѣниво махнулъ рукой.

— Одохнуть, прежде всего одохнуть!.. Проклятая ѣзда! Убіенство тамъ какое-то. Найдены трупъ, неизвѣстно чей, кто убилъ... Я кричалъ, слѣдователь кричалъ, оба мы писали, допрашивали... Ну, какъ всегда... Боже мой!

Онъ приказалъ появившемуся Андрею налить намъ чаю и разсѣянно сталъ мѣшать ложечкой въ поданномъ ему стаканѣ.

— Да, — началъ онъ, — вынимая изъ кармана табачницу и свой длинный мундштукъ; онъ чиркнулъ спичкой и закурилъ. — „Это отъ Бога!“ — произнесъ онъ съ улыбкой.

— Все отъ Бога! — отвѣтилъ я.

— Я помню, лѣтъ 15 тому назадъ, — произнесъ онъ усталымъ голосомъ, послѣ нѣкотораго перерыва, опустя голову и глядя на полъ: — мнѣ пришлось одного заковать и отправить „немедленнѣйше“ въ такую же вотъ ночь, какъ теперь... Старикъ, русскій, — все дрожалъ, хилый такой... Скрывался гдѣ-то и отчего-то, я ужъ и не помню... плакалъ онъ, крестился, въ ноги падалъ... Бррр!.. Чтѣ за болванъ, гдѣ онъ чай покупаетъ, чортъ его дери! Бурда какая-то, а не чай!

— Да это, ваше благородіе, тотъ же, что и вчера... Я сегодня не покупалъ! — отозвался Андрей.

— Пошелъ вонъ, дуракъ! Тебя не спрашиваютъ!

Десятскій вышелъ, а Лаврентій Ардаліоновичъ съ ожесточеніемъ выпилъ свой стаканъ и, отодвинувъ его, продолжалъ:

— А мой исправникъ все сердится; онъ въ послѣднее время даетъ мнѣ чувствовать, что старъ я, что я ему уже не гожиусь. Всю вотъ жизнь возился, волновался, и что въ концѣ концовъ? Недовольство!

— Нехорошо, Лаврентій Ардаліоновичъ!

— Нехорошо?.. Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-пять.

— Въ эти лѣта и я былъ полонъ надеждъ,—еще бы: во-первыхъ, былъ глуше; во-вторыхъ, молодость! А вотъ теперь, промаячилъ силы свои по мелочамъ—и что же? Недоволенъ начальникъ, значить и вся жизнь на смарку!.. Другой нуженъ! Такъ-съ, очень можетъ быть. А мнѣ-то что осталось? „Сладкое сознаніе исполненнаго долга“! Ха-ха-ха! Да чортъ меня побери, если я сознаю, какой именно я долгъ исполнилъ... Эхъ, не говорите мнѣ, другъ мой, модныхъ словъ! (Я, впрочемъ, и не говорилъ ничего.) Я не ребенокъ!.. Дотащился до гроба, одинокій, безъ семьи, бобылемъ—таковъ жребій. А душно, живого человѣка видѣть хочется, чувствовать по-человѣчески хочется: мозги вѣдь есть,—вы думаете, нѣтъ? Правда, деревенѣешь, замерзаешь, а натура все-таки свое беретъ... Шестьдесятъ-пять лѣтъ!.. Иной разъ посмотрю на Кагайлова—жалко его, а взглядишься—нѣтъ, счастливъ человѣкъ, натура цѣльная. Ну, и позавидуешь! Вамъ странно слушать меня, странно, что полицейскій чиновникъ жалуется на тѣсноту, неудовлетворенность? молъ, не полагается? Вотъ, смотрите!—и онъ указалъ на висѣвшую на стѣнѣ картину: „Приемная у князя“.—Субъекты!

Онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ картину и поднесъ ее мнѣ. Хорошо?

— Да, хорошо!

— Нѣтъ, лица-то, лица! Сколько души! Всмотритесь!

— Вижу, вижу!

— А самъ князь, а чиновники его, а просители! Нѣтъ, цѣльность эта, непосредственность и искренность!..

— Да, да, вижу, чувствую!

— Видите?.. хорошо видите?.. Это тоже отъ Бога!..

Онъ повѣсилъ картину на прежнее мѣсто, подошелъ къ столу и налилъ двѣ рюмки вина.

— Какъ вы думаете, я жидоморъ?—спросилъ онъ.

— Да, должно быть, есть... того...

— Ну, такъ выпьемъ!.. Пейте!

— Васъ что-нибудь задѣло, Лаврентій Ардаліоновичъ?

— Спасибо и за вопросъ; онъ заключаетъ въ себѣ предположеніе о возможности съ моей стороны обиды, а это уже хорошо... Думается мнѣ въ такія минуты, что ругательное это слово... Я — *фобъ* по неволѣ, почти безсознательно, всего, на что направливаетъ меня любая „бумага“. Увижу на улицѣ торговца, и сейчасъ мысль: приказано провѣрять торговые документы... А есть ли у него, чортъ бы его побралъ, торговое свидѣтельство?.. Навѣрное, мошенникъ, не выправилъ. Ну, и такъ далѣе... Гоняясь столько лѣтъ за такими вотъ фактами, невольно — поймите меня, совершенно невольно — привыкаешь къ мысли, что нѣтъ на свѣтѣ преступленія хуже, чѣмъ преступленіе противъ документа. И на людей-то начинаешь смотрѣть съ одной только этой точки зрѣнія! (Онъ засмѣялся.) Вѣрите ли, забываешь, что это живые люди, что ихъ можетъ интересовать что-нибудь поважнѣе моихъ документовъ... А ужъ жиды! Тридцать лѣтъ имѣю съ ними дѣло; знать ихъ, по совѣсти, а знаю только съ внѣшней стороны, по наслышкѣ, но, какъ честный служака, уже потому ихъ особенно преслѣдую, что у нихъ-то какъ разъ цѣлая пропасть этихъ нарушеній. Почему это выходитъ: нужда ли, условія ли, а въ это не вхожу... Только изрѣдка, какъ вотъ сегодня, позволяешь себѣ воспарить умомъ къ общимъ причинамъ, а въ обычное время, когда я весь во власти „бумаги“, — они для меня ужасные преступники! Еврей въ моихъ глазахъ, это — существо, неустанно занятое обходомъ закона, точно у него и нѣтъ другихъ нуждъ, ни семьи, ни любви, ни надеждъ, ни горя. Такъ и кажется, что и на свѣтѣ-то онъ родился лишь для того, чтобы обходить законъ да раздражать полицейскихъ чиновниковъ.. Вотъ до какой логики доходишь!.. Резонъ? Хороши, я васъ спрашиваю, гражданскія понятія Лаврентія Алексѣева, зачитывавшагося когда-то Щедринымъ и имѣвшаго возвышенные взгляды?..

Онъ выпилъ еще рюмку, поигралъ тремя пальцами и продолжалъ:

— Спасибо еще за то, что хоть порой сердчишко да умишко даютъ себя знать, что способенъ еще переживать такія мгновенія, какъ вотъ теперь... Искра божья, значить, есть; да сколько нужно свалить съ души хламу, чтобы отыскать-то ее!.. Повѣрите ли, — какъ порой на васъ я злился! Изъ-за васъ вѣдь, пожалуй, и гадость-то эту съ протоколомъ поторопился сдѣлать... Вотъ думаешь: жить будетъ человѣкъ, волноваться, живое дѣло дѣлать.. А я...

Заживо погребенный! Эхъ, что толковать! Будетъ, не могу, не могу я!..

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и глаза его сдѣлались влажными.

— Трапеза, мочала—и больше ничего. Машина!

— Тяжелый разговоръ; оставимъ его, Лаврентій Ардаліоновичъ!

— Тяжелый? Я радъ, что онъ тяжелый; я благословляю такое состояніе, когда оно меня охватываетъ въ особенныхъ случаяхъ; я отъ души благодаренъ старому жиду, Шлѣмъ! Одной фразой онъ ошеломилъ, отрезвилъ меня! Для меня это былъ только Шлѣма „безъ разрѣшенія“, Шлѣма хитрецъ, Шлѣма бѣглый... Ну-съ, а Шлѣма человѣкъ, Шлѣма съ убѣжденіями, Шлѣма съ горькимъ прошлымъ, Шлѣма съ именемъ Божиимъ на устахъ, — это неожиданность, это что-то такое изъ старыхъ книгъ, которыми зачитывался въ молодости... Шлѣмка боленъ, Шлѣмка еле дышетъ, Шлѣмку притащили въ кутузку... „Все отъ Бога“! А? Какъ вамъ это нравится! Болѣзнъ, напасть, кутузка и въ томъ числѣ Лаврентій Алексѣевъ—все отъ Бога! Возьмите вотъ его!.. А Лаврентія Алексѣева Шлѣмка ушибъ, это вѣрно...

Онъ помолчалъ, выпивъ еще, и, поднимъ на меня глаза, въ которыхъ свѣтилась грусть, сказалъ:

— Ушибъ, это вѣрно! Да что толку! Минутное раздраженіе мысли, которому нѣтъ исхода...

— Лаврентій Ардаліоновичъ,—сказалъ я.—А не будетъ это слишкомъ „гуманно“, если...

— Что такое?

— Вы вотъ сами признаете, что виноваты передъ Шлѣмой...

— Безусловно-съ...

— И именно тѣмъ, что не признавали въ немъ человѣка...

— „И именно“! да говорите дѣло!

— Такъ покажите и ему, и другимъ, что вы теперь человѣка признали. Поѣдемъ вмѣстѣ къ больному. Еврей это оцѣнитъ...

Лаврентій Ардаліоновичъ широко раскрылъ глаза: для него было неожиданно такое предложеніе. Послѣ недолгаго раздумья онъ, однако, рѣшился:

— Ъдемъ сейчасъ же! Андрей, бѣгунки!

— Вы какъ-нибудь, чтобы онъ не испугался! — сказалъ онъ, когда бѣгунки остановились возлѣ хаты, въ которой жилъ Шлѣма.

Андрей остался около лошади, а мы вошли во дворъ. Сквозъ разбитую ставню мы различили кучу гостей, окружавшихъ кро-

вать больного. Когда скрипнула калитка, служба синагоги, находившійся въ числѣ гостей, подошелъ къ окну и, замѣтя насъ, отбѣжалъ къ кровати, слѣдствіемъ чего было то, что въ сѣняхъ мы столкнулись со всѣми посѣтителями Шлёмы; спѣшившими убраться. Я вошелъ первымъ въ хату, за мной Лаврентій Ардаліоновичъ. Шлёма лежалъ на чистомъ постельномъ бѣльѣ, былъ укрытъ старымъ одѣяломъ и пальто, а у спинки кровати стояла жена его съ „настоемъ“ и плакала. Съ печи выглядывали дѣтскія головы, грязныя, взъерошенныя. Хозяйка съ отчаянной мольбой посмотрѣла на надзирателя, прося его взглядомъ не отрывать теперь отъ нея больного мужа... Шлёма пошевелился, выпучилъ глаза и даже силился приподняться, но Лаврентій Ардаліоновичъ движеніемъ руки далъ понять, чтобы онъ не тревожился.

— Надзиратель пришелъ навѣстить васъ въ болѣзни!— сказалъ я ему по-еврейски.

Онъ какъ бы не понималъ меня и, повернувъ голову въ сторону надзирателя, обратился ко мнѣ:

— Пусть онъ сядетъ!..

Я поставилъ стулъ возлѣ Лаврентія Ардаліоновича и предлагалъ ему сѣсть. Онъ сѣлъ, снялъ фуражку и съ искреннимъ участіемъ сталъ оглядывать больного, его семью, окна, дверь, сырыя стѣны...

— Каково вамъ, Шлёма?

— Пусть онъ говоритъ громче!—сказалъ мнѣ Шлёма:—что онъ говоритъ?

Я объяснилъ.

Онъ кивнулъ надзирателю головой и улегся по прежнему. Жена его все суежилась за печкой и „шутукалась“ съ дѣтьми.

— Вы не беспокойтесь, Шлёма!—говорилъ Лаврентій Ардаліоновичъ:—васъ теперь никто не тронетъ!

Больной повелъ глазами въ мою сторону. Я догадался и передалъ ему сущность обращенной къ нему фразы. Шлёма такъ сморщилъ лобъ и шевельнулъ губой, что я вспомнилъ его же слова: „Есть о чемъ беспокоиться! Когда оно меня не задѣваетъ! Я иду себѣ своимъ ходомъ!“...

Это движеніе замѣтилъ и гость, и словно почувствовалъ все безсиліе своей власти. Шлёма теперь никого не боялся; онъ былъ безучастенъ ко всему... Лаврентій Ардаліоновичъ почувствовалъ себя совсѣмъ неловко и началъ осматривать помѣщеніе; больной закашлялъ, свѣсилъ голову надъ стоявшей на стулѣ чашкой, сплюнулъ и легъ на спину. Вдругъ онъ круто повернулся на

бокъ лицомъ къ намъ и, глядя на надзирателя, пытливо, съ оттѣнкомъ снисходительности, съ наболѣвшей злобой къ чему-то общему, родственному ему, надзирателю, по духу, сказалъ мнѣ почти повелительно, не заботясь о моемъ согласіи:

— А ну, спросите его: чему учить Богъ?

Я смѣшался; надзиратель замѣтилъ это и настоятельно потребовалъ отъ меня объясненія сказаннаго Шлѣмой, и я исполнилъ его требованіе.

— Люби... всѣхъ людей, какъ самого себя! вѣдь вы знаете! —сказалъ Лаврентій Ардаліоновичъ...

Я передалъ это Шлѣмѣ; тотъ разинулъ ротъ, широко раскрылъ глаза, словно его ошеломили, и, подумавъ мгновеніе, ѣдко улыбнулся... Онъ обвелъ глазами надзирателя, потомъ печку, потомъ жену, потомъ свою кровать и снова ѣдко улыбнулся... Этотъ жестъ былъ слишкомъ многогрѣчивъ: тутъ вкратцѣ передавалось все прошлое и настоящее... Шлѣма тяжело вздохнулъ, легъ навзничъ, смотря въ потолокъ, медленно вынулъ изъ-подъ подушки какую-то тряпку и сталъ вытирать глаза...

— Шлѣма!—вскрикнулъ Лаврентій Ардаліоновичъ, вставъ:—выслушай, чтѣ я тебѣ скажу!—Но тотъ не слушалъ, и надзиратель обратился ко мнѣ:—Пожалуйста, передайте...

Но я ужъ ничего не могъ передавать. Шлѣма началъ читать что-то шопотомъ и съ заглушенными рыданіями ударялъ себя кулакомъ въ грудь послѣ каждаго слова... Это была исповѣдная молитва...

— Онъ исповѣдуются!—сказалъ я съ трепетомъ и пошелъ вонъ изъ комнаты; за мной поспѣшилъ надзиратель. Когда мы очутились во дворѣ, до насъ долетѣли громкіе вопли жены Шлѣмы и пискъ дѣтей...

— Идите къ Шлѣмѣ!—крикнулъ я замѣченнымъ мною евреямъ, заглядывавшимъ въ щели ставень.

Мы возвратились домой и долго не раздѣвались, не говоря другъ съ другомъ ни слова: каждый изъ насъ былъ погруженъ въ свои думы. А вѣтеръ свисталъ и вылъ въ трубѣ... Наконецъ мы раздѣлись и погасили лампу. Я къ полуночи уснулъ, но былъ разбуженъ шагами Лаврентія Ардаліоновича, который расхаживалъ по комнатѣ въ туфляхъ при свѣтѣ лампы, съ взерошенными волосами. Онъ замѣтилъ, что я проснулся, и сурово сказалъ:

— Зубы! чортъ ихъ дери... Да спите, коли спитесь...

Я притворился спящимъ и проворочался до утра. Около семи часовъ я всталъ. По улицѣ проходили мастеровые, слы-

шался лай, грохотъ бричекъ. Вдругъ раздался рѣзкій звукъ отъ встряхиванія жестяной коробкой, въ которой уже лежать монеты... Я подошелъ къ окну...

Сердито ступая, раздвигая рукой проходящихъ, шелъ служака, потрясая кружкой съ монетами. „Благотворительность спасаетъ отъ смерти!“ — выкрикивалъ онъ по древне-еврейски.

Это были похороны... Показались простыя носилки... Несли Шлёму... За носилками плелась жена его съ громкими рыданіями, тащился мальчишъ въ отцовскомъ пальто и большихъ сапогахъ, были какія-то еврейки, а толпа евреевъ провожала покойника съ грустными лицами и торопливыми движеніями.

„Благотворительность спасаетъ отъ смерти!“

— Неужели умеръ? — произнесъ Лаврентій Ардаліоновичъ и подошелъ къ окну.

— Какъ видите!

Онъ покрутилъ усы, насунилъ брови и съ досадой сказалъ:

— Какъ это у васъ даже умирать скверно: тащить какъ падлу, торопятся, словно въ шею гонять!..

— Торопятся, Лаврентій Ардаліоновичъ, торопятся: они глубоко вѣрують, что на томъ свѣтѣ имъ будетъ лучше; ну, вѣрно, и не терпится... поскорѣе бы!..

Въ это время изъ передней вошелъ Кагайловъ, въ вычищенныхъ сапогахъ, съ вымытымъ, свѣжимъ лицомъ, съ бумагой въ рукѣ; онъ сдвинулъ ноги, приставилъ руку къ козырьку и отчетливо доложилъ:

— Въ мистѣчки Мыколаевки усѣ благополучно! Съ добрымъ утромъ, ваше благородіе!

Н. Наумовъ.

ПИСЬМА

С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

1877 г.

---

43 *).

Горный - Студень. 26-го сентября. — Спасибо за милые вѣсти и за поздравленія.... Нравственно я ожилъ, только уже время тянется теперь очень долго; безъ всякаго сомнѣнія мы уѣдемъ скоро, но все-таки далеки отъ того, чтобы назначить день; проживемъ мы здѣсь октябрь или нѣтъ—это, конечно, вопросъ; чувствуешь, что скоро выѣдешь изъ этой трущобы, но время кажется все длиннѣе и длиннѣе, несмотря на то, что я цѣлый день что-нибудь да дѣлаю и не даю себѣ думать объ отъѣздѣ, хотя мысль эта безпрестанно такъ и наворачивается. Погода сегодня мерзостная, хотя, впрочемъ, кажется гораздо теплѣе вчерашняго ($+ 6^0$), изъ-за того, что вѣтъ вѣтра; барометръ упалъ значительно, но на этотъ разъ только потеплѣло, а ясной погоды не далю. До завтрака сидѣлъ у себя со свѣчами и читалъ, а тамъ послѣ завтрака нашелъ возможнымъ сдѣлать очень хорошую прогулку въ полѣ, гдѣ изъ-за травы не грязно и ходить отлично; около двухъ—пришелъ опять къ себѣ и засѣлъ снова за чтеніе, въ четыре—отправился верхомъ въ госпиталь, — въ коляскѣ отпра-

---

*) См. выше: окт., 526 стр.

тительно, того и гляди опрокинется экипажъ; къ шести вернулся, сдѣлалъ визитъ и пошелъ обѣдать въ общую палатку, а вотъ теперь и хочу дать тебѣ отчетъ о своемъ днѣ.

День сѣренькій, блѣдненькій, безъ разсвѣта—съ одной минутой солнца, когда получилъ телеграмму отъ тебя и отъ дѣтокъ съ подписью тоже Головина и Бородулина. Общая столовая теперь тоже, съ дурной, холодной погодой, начинаетъ терять свой интересъ. Изъ-за дурной погоды военныя дѣйствія, конечно, не дадутъ ничего новаго; слѣдовательно въ столовой, вмѣстѣ съ различными консервами, пережевывается все старое, изъ котораго выплываетъ то одно, то другое, смотря по какому-нибудь особенному, хотя и ничтожному происшествію: такъ напримѣръ, заболѣлъ слуга англійскаго военнаго агента, который вслѣдствіе этого обратился съ просьбой дать ему казака въ услуженіе; ему отказали въ этой просьбѣ по той простой причинѣ, что злы на него, какъ на человѣка съ двусмысленнымъ поведеніемъ, выслушивающаго и высматривающаго, что здѣсь дѣлается, а потомъ уѣзжающаго въ Бухарестъ и отправляющаго, вѣроятно, депеши, куда нужно. И какъ ему дать казака, —да онъ будетъ вывѣдывать; гдѣ онъ пропадалъ цѣлый день во время дѣлъ подъ Плевной, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Бухарестъ, и пр. и пр.,—вотъ съ какою приправой мнѣ пришлось сегодня обѣдать. Нужно, впрочемъ, отдать полную справедливость англичанину,—онъ, должно быть, настоящій и хорошій агентъ. Я отъ него удаляюсь, но раза два мнѣ пришлось съ нимъ говорить, и онъ не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса проста; все въ подкладкѣ слышалось желаніе пошарить въ моихъ карманахъ, выбирая изъ него то, что нужно: много ли больныхъ въ войсѣхъ, какой процентъ смертности, какъ здоровье Государя и пр. и пр.

Въ госпиталѣ больные сегодня не такъ забнутъ, какъ предшествующіе дни: нѣтъ вѣтра, да градуса на два и потеплѣло; кромѣ этого Красный Крестъ снабдилъ отличными теплыми одѣялами, да Императрица прислала; ну, значительная часть и поприкрылась, и многіе уже благодушествуютъ. Сегодня спрашивалъ администрацію, что они думаютъ предпринять противъ холода: „Да ничего, людей нѣтъ и не хватаетъ на новое предпріятіе; печи можно бы сложить и окопаться, и соломы положить къ стѣнкамъ палатки, но нѣтъ рабочихъ“,—отвѣчаетъ главный докторъ.—Ну, а что же думаетъ главный инспекторъ госпиталей?—„Да онъ,“—отвѣчаетъ главный докторъ,—мнѣ сказалъ: да развѣ вы думаете отсюда выбраться живыми? Конечно, это онъ сказалъ шутя“,—прибавляетъ при этомъ главный докторъ. Хороша шутка! Инспекторъ госпиталей на бумагѣ, кажется, въ этомъ дѣлѣ правъ; медицинское начальство

давно толковало о необходимости построить помѣщеніе на зиму, но штабъ долго отклонялъ рѣшеніе этого вопроса подъ различными предлогами; а скоро настанетъ такое время, что въ госпиталяхъ люди больше будутъ страдать отъ холода, чѣмъ отъ болѣзни. Въ своихъ частяхъ войска страдаютъ только при переходахъ, но разъ стоянка мало-мальски выбрана, то солдаты отлично устрояются и не терпятъ ни отъ холода, ни отъ дождя; конечно, это не относится къ людямъ въ траншеяхъ подъ Шипкой, гдѣ цѣлый день они не смѣютъ высунуть носа изъ траншеи, въ которыхъ принуждены даже выполнять всѣ свои потребности и только по ночамъ кое-что успѣваютъ убрать. Подъ Плевной давно уже (о нѣкоторыхъ я знаю навѣрное) устроили себѣ землянки.

Около пріемнаго покоя въ госпиталѣ сегодня вижу цѣлую толпу въ буркахъ, — точно башибузуки; оказывается, кубанскіе казаки изъ-подъ Плевны привезены больные въ числѣ 26 человекъ; у пріемнаго покоя ждутъ потому, что урядникъ, который ихъ велъ, пьянчуга и напивался въ каждой деревнѣ, да и теперь застрялъ и не догоняетъ своего транспорта, а эти несчастные не могутъ быть приняты, и ждутъ на мокрой травѣ и не ропщутъ, какъ будто это совершенно въ предѣлахъ нормы и закона. Три дня тащились они отъ Плевны до Горнаго-Студня, а когда я спросилъ одного изъ нихъ: — ну, а чтѣ вы ѣли это время? — „Да кабая же тутъ ѣда, в. п-во!“ — и, не распространяясь далѣе, онъ махнулъ головой и отвернулся къ чаю, который имъ налили въ большія оловянные кружки; предварительно каждый уже получилъ по куску сахара. Отъ самаго паршиваго урядника до болѣе старшихъ въ административной лѣстницѣ санитарнаго дѣла, приходится и подождать, и потерпѣть. Вчера наткнулся въ госпиталѣ на палатки съ острыми больными, которые три дня безъ лекарствъ и не видѣли доктора. Конечно, я заявилъ; главный докторъ пришелъ въ негодованіе и обѣщался чуть не съѣсть того доктора, который провинился; черезъ нѣсколько часовъ явился ко мнѣ этотъ докторъ, представляя свои резоны, что совсѣмъ не подозрѣвалъ, что у него есть тамъ больные, и просилъ, чтобы замять исторію и не губить его во цвѣтъ лѣтъ и пр. Важно только то, что организація такъ недостаточна, что подобныя происшествія въ госпиталѣ встрѣчаются совершенно случайно. Не говорю уже о томъ, что вновь поступившіе больные полдню лежатъ безъ лекарствъ. Рука немного, правда, а организація обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю сторону. При госпиталѣ здѣшнемъ есть священникъ, худой, длинный, старый человекъ съ хроническимъ насморкомъ. Это интересный типъ. Онъ съ неусыпнымъ рвеніемъ бѣгаетъ по палатамъ, проводя въ нихъ цѣлые дни: то читаетъ

вслухъ, то рассказываетъ какія-нибудь душеспасительныя исторіи собирающимся около него раненымъ и больнымъ. Сегодня я съ нимъ повстрѣчался на его выходѣ изъ одной палаты. „Какъ имъ понравилась исторія Іоны, сидѣвшаго три дня во чревѣ бытовомъ!“ — объявилъ онъ мнѣ съ торжествующимъ лицомъ. Мнѣ, впрочемъ, никогда не случалось слышать ни чтенія, ни бесѣды этого священника; только издали слышалъ, какъ раздавался его голосъ...

Сегодня я сдѣлалъ не совсѣмъ пріятное открытіе въ своей хатѣ, въ которой оказывается немалое количество другихъ жильцовъ помимо меня съ прислугой. Мыши теперь, разбѣгаясь отъ холода съ окружающихъ полей, очевидно обратили вниманіе и на мое теплое помѣщеніе, и заявляютъ себя цѣлый день скребомъ, пискомъ, то въ одномъ, то въ другомъ уголку. Повидимому, самое интересное для нихъ мѣсто представляется въ моемъ забитомъ рогожей окнѣ; кажется, онѣ пробрались подъ рогожу, но, встрѣтя еще препятствіе въ моемъ гуттаперчевомъ пальто, цѣлый день скребутъ его, и я ожидаю увидѣть его съ дырами. Въ палаткѣ мышей еще больше; у одного онѣ уже съѣли мѣховой воротникъ; у Гамбургера за одну ночь съѣли стеариновую свѣчу и т. д. Пора, пора убираться...

27-го сентября. — Погода продолжаетъ быть нехорошей, хотя сегодня и прошло безъ дождя, было только нѣсколько капель, но небо все еще покрыто тучами, менѣе густыми; грязь невылазная. Послѣ завтрака мнѣ все-таки удалось сдѣлать отличную прогулку въ поле безъ грязи, верхомъ съѣздили въ госпиталь, посмотрѣли наиболѣе интересныхъ больныхъ; все остальное время читалъ частью подъ навѣсомъ своей хаты, большею же частью въ моей каморкѣ со свѣчами, которыя горятъ въ теченіе всего дня. Къ комнатѣ своей я совершенно привыкъ и очень рѣдко приходится стукнуться головой о потолокъ, развѣ ужъ когда заторопишься очень при одѣваніи утромъ; въ теченіе же дня до сихъ поръ все обходилось благополучно. Печка грѣетъ отлично, и теперь на ночь я каждый разъ сталъ раздѣваться; когда долго сидишь, такъ забнутъ очень ноги, что впрочемъ объясняется не столько холоднымъ поломъ, сколько постоянно грязными ногами; безъ плада почти не сажу дома. Въ госпиталѣ сегодня ничего особеннаго не видалъ; все тѣ же гадости, какъ и обыкновенно; на врача во внутреннихъ отдѣленіяхъ приходится по 130 больныхъ; рициноваго масла давнымъ давно нѣтъ во всемъ госпиталѣ (ни одной ложки—при кровавыхъ-то поносахъ!); хининъ давно уже получается отъ Краснаго Креста, а своего нѣтъ; хирургическіе больные, оперированные, идутъ скверно. Больные попрежнему—

лихорадочны, или у нихъ кровавые поносы; тифозныхъ немного, и то большею частью между гвардейцами, которые только-что прибыли и не успѣли заразиться здѣшними формами. Сегодня за завтракомъ бесѣдовалъ съ княземъ Имеретинскимъ, теперь начальникомъ штаба въ плевенской арміи, и онъ сообщилъ весьма интересныя свѣденія. Онъ утверждаетъ, что штурмомъ взять Плевну невозможно, развѣ въ такомъ случаѣ, если помирятся съ самыми ужасными потерями, которыя были бы возможны при арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Плевна не есть крѣпость, а подвижное укрѣпленіе, которое, теряя одну позицію, создаетъ новую и т. д. Штурмовать вообще при теперешнихъ орудіяхъ есть величайшая задача; подѣ Ловчей за успѣхъ были всѣ шансы: свѣжее войско, почти вдвое сильнѣе непріятельскаго, приступило къ штурму послѣ самаго жестокаго бомбардированія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и все-таки, — говоритъ онъ, — въ теченіе одного получаса мы были блѣдны какъ полотно, думая, что наше дѣло потеряно. Единственное, что остается дѣлать — блокировать Плевну; можетъ быть, это вызоветъ непріятеля изъ крѣпости или заставить его сдаться. Долго ли продержится Плевна при блокировкѣ — сказать трудно; неизвѣстно, какъ велики запасы; было около 30 человѣкъ дезертировъ изъ турецкаго лагеря; они показываютъ, что ѣды не хватаетъ, начинаютъ раздавать по уменьшеннымъ порціямъ; сами дезертиры безъ сапогъ, скверно одѣты. Но насколько эти показанія вѣрны? — одному Богу извѣстно. Имеретинскій — человѣкъ осторожный и не рѣшится высказать такой мысли, которую не раздѣляетъ и высшее начальство, т.-е. Тотлебенъ; мнѣніе же этого консультанта будетъ вѣроятно безъ апелляціи. Эти мысли по поводу Плевны высказывалъ Имеретинскій еще до 30-го августа въ своемъ рапортѣ главнокомандующему, но получилъ на это отвѣтъ, что съ нимъ главнокомандующій и вообще *естъ* (какъ было сказано) не согласны, а потому дѣлайте свое дѣло и не разсуждайте. Вотъ онъ съ Скобелевымъ и дѣлалъ свое дѣло, не разсуждая; — результатъ всѣмъ извѣстенъ. При такомъ положеніи плевенской осады, которая можетъ затянуться мѣсяца на два, спрашивается, останется ли Государь ждать исхода дѣла подѣ Плевной или нѣтъ — не знаю. Вернуться въ Россію послѣ цѣлаго ряда неудачъ, оставить армію и гвардію забнуть и мокнуть въ Болгаріи, очевидно, тяжело; съ другой же стороны, оставаться здѣсь все время — невозможно; центръ управленія останется безъ хозяина, отчего неизбежный застой въ дѣлахъ. Пока предвидится въ скоромъ времени только переѣздъ въ Сисгово, гдѣ заготовляютъ уже и помѣщеніе для всей главной

квартиры и для штаба главнокомандующаго; многіе на этотъ переѣздъ смотрятъ какъ на шагъ къ Питеру, къ которому мы приближаемся уже на 30 верстъ,—другіе же не выводятъ изъ этого передвиженія никакихъ заключеній. Я же попрежнему остаюсь въ своемъ глубокомъ убѣжденіи, что зимовать здѣсь не будемъ, и что тахіитъ—черезъ нѣсколько недѣль мы тронемся; возможно даже, что тронемся раньше мѣсяца...

28-го сентября. — Не много могу сказать про сегодняшній день,—онъ тоже былъ безцвѣтенъ, какъ и предыдущіе, впрочемъ и не совсѣмъ кончился; я еще не былъ въ госпиталѣ, можетъ быть, тамъ увижу какую-нибудь новую гадость. Утро почиталъ немного; остальное время приготавливалъ письма для курьера: послѣ завтрака сдѣлалъ отличную прогулку пѣшкомъ въ моемъ полѣ, а вернувшись домой, продолжалъ свою почту.... Послѣ завтрака натѣнулся на М.;..... Я снова началъ пилить его о печальныхъ фактахъ въ госпиталѣ, гдѣ ни хинина, ни кастороваго масла нѣтъ уже порядочное время. Хининъ доставляется отъ Краснаго Креста, а рициновое масло просятъ не выписывать. — „Но чтѣ дѣлать съ сообщеніями, съ доставкой?“ — общій отвѣтъ съ П. Я ему на это сказалъ, что мнѣ кажется, что этими дурными сообщеніями уже слишкомъ пользуются; на это онъ мнѣ разсказалъ, какъ пропалъ безъ всякаго слѣда цѣлый вагонъ, который весь былъ набитъ теплымъ платьемъ для Шипки, гдѣ теперь уже были случаи отмораживанія пальцевъ ногъ. Организациа невозможная; нерѣдко задаешь себѣ вопросъ: лучше или хуже у турокъ?—Сейчасъ изъ госпиталя и нашелъ тамъ главнаго доктора чуть не въ слезахъ; онъ съ отчаяніемъ передалъ мнѣ, что больные второй день безъ куска бѣлаго хлѣба; товарищество не доставило; ни за какія деньги нигдѣ въ пустыни этой ничего не получишь. Чуть не половина больныхъ поносныхъ, которые ѣдятъ только бѣлый хлѣбъ. Со слезами на глазахъ полилась рѣка жалобъ на безвыходное ихъ положеніе. Не имѣя хинина, не имѣя кастороваго масла недѣлю тому назадъ, онъ отправился въ Систово, въ которомъ якобы долженъ быть складъ всѣхъ аптечныхъ принадлежностей; пріѣзжаетъ туда—оказывается, что тамъ складъ не для раздачи маленькими количествами, слѣдовательно, не въ военно-временные госпитали, а въ дивизіонные, полковые лазареты; складъ же для госпиталей находится въ Яссахъ. Теперь отправленъ туда фельдшеръ; посмотримъ, чтѣ онъ привезетъ. Пока сестры снабдили касторовымъ масломъ. „Чтѣ будетъ,—прибавляетъ главный докторъ,—когда уѣдетъ отсюда Государь!“ Повидимому, милая шутка Коссинскаго начинается приносить свои плоды. Только

въ первому декабрю обѣщаютъ устроить какую-нибудь защиту противъ холода, а до того два мѣсяца изнывай въ палаткахъ. Хирургическіе больные за эти холода, какъ мухи, одинъ за другимъ, торопились убираться на тотъ свѣтъ; теперь пріостановлены всѣ операціи: и негдѣ дѣлать, и скверно идутъ оперированные. Подумай объ этомъ прежде, отнесись серьезно къ своимъ обязанностямъ—этого бы не было. Такъ же, какъ мы лѣзли три раза на штурмъ въ Плевнѣ, не воспользовавшись двумя предшествовавшими уроками, точно такъ же мало воспользовалась и медицинская администрація двумя неудачами при предшествовавшихъ дѣлахъ подъ Плевной. Въ третій разъ повторилось то же самое; бывшій печальный опытъ въ крымской кампаніи очевидно не послужилъ ни къ чему. Все ломаю себѣ голову, какъ помочь дѣлу, что придумать, чтобы установилась хоть какая-нибудь организація; вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что существуютъ хорошіе и честные люди, отдающіеся вполне дѣлу помощи. До сихъ поръ не могъ добратъся, гдѣ находится настоящій корень всѣхъ этихъ безобразій, гдѣ и въ чемъ лежитъ вся механика, почему пропадаютъ безслѣдно вагоны съ теплыми вещами, почему пропадаетъ транспортъ съ инвентаремъ и т. д. Сейчасъ, вернувшись вечеромъ домой, засталъ у себя записку главнаго доктора съ объявленіемъ, что хлѣбъ, навозецъ, полученъ, и чтобы я успокоилъ Его Величество, если уже доложилъ ему объ этомъ,—какъ это я хотѣлъ сдѣлать. Удивительно кстати и быстро нашелся хлѣбъ! Вчера на мой вопросъ И., каково ѣдятъ у васъ люди? онъ отвѣчалъ: „мясо всегда есть въ изобиліи; съ сухарями же бываетъ такъ, что ихъ остается иногда только на одинъ день, и не знаешь, подвезутъ завтра или нѣтъ, а потому сейчасъ же и уменьшишь порцію“. Такой отвѣтъ мнѣ нерѣдко приходилось слышать. Сейчасъ за обѣдомъ слышалъ интересный рассказъ о Т—нѣ отъ одного изъ пріѣхавшихъ изъ-подъ Плевны флигель-адъютантовъ; въ продолженіе завтраковъ и обѣдовъ Т—нѣ говоритъ безъ умолку,—никому не приходится рта открыть; очевидно, старичокъ съ явленіями старческаго измѣненія мозга, и доказательствомъ этого предположенія можетъ отлично служить слѣдующій рассказъ его самого: по его словамъ, два года назадъ Вундерфрау будто бы предсказала, что Россія будетъ воевать, и первое время войны будетъ побита, но потомъ восторжествуетъ; затѣмъ эта пророчица дала почтенному Т—ну талисманъ противъ непріятельскихъ пуль; черезъ годъ онъ потерялъ этотъ талисманъ и обратился снова къ Вундерфрау, которая дала и во второй разъ!..... Нынѣшній разъ, кажется, мое письмо особенно вышло богато различными недостатками по нашей адми-

нистративной части; но сегодня было, наконецъ, послѣ многихъ неудачъ, и отрадное извѣстіе, которое, конечно, завтра или послѣ-завтра, ты прочтешь въ телеграммахъ и порадуешься: наши моряки опять отличились: они взорвали большой турецкій пароходъ въ Сулинѣ, куда приплыли, устроили подъ выстрѣлами минныя загражденія и начали палить; пароходъ наткнулся на мину и взлетѣлъ на воздухъ. Что за лихой народъ! Это положительно герои нынѣшней кампаніи.

44.

29-го сентября.—Цѣлый день было у меня самое праздничное настроеніе духа, несмотря на гнуснѣйшую погоду; ночью дождь лилъ безъ остановки, и снова наша глина разѣхалась, снова вытаскиваешь ноги изъ этой клейкой массы, которая такъ и втягиваетъ сапогъ; вчера было насыпали соломы отъ моего дома въ дворецъ, но сегодня она уже не помогаетъ: на этомъ мѣстѣ стоитъ лужа; вѣтра нѣтъ, и потому не холодно; послѣ завтрака былъ антрактъ безъ дождя, и мнѣ удалось сдѣлать отличную прогулку часа въ полтора безъ грязи въ полѣ съ отличнымъ воздухомъ; дорогой раза два подымалась сѣрая куропатка... Тутъ масса превосходнѣйшей дичи; не говоря о перепелахъ, которые здѣсь особенно жирны, тутъ есть и бекасы, и дупеля, и, наконецъ, куропатки. Къ великому нашему горю, здѣсь не охотятся, и мы изнываемъ на курятинѣ, которою насъ постоянно угощаютъ; курятина по временамъ замѣняется индѣйкой или гусемъ, но всего чаще все-таки поганья куры. Случайно кто-то сходилъ на охоту, принесли дичи, которой хватило только Государю, продолжающему обѣдать отдѣльно; но такъ какъ во время нездоровья Государя я дѣлаюсь хозяиномъ повара, то поэтому и пользуюсь особыми любезностями, почему мнѣ за общій столъ раза два и принесли бекаса; тогда только я увидалъ, что у меня есть аппетитъ, и что я могу ѣсть еще съ удовольствіемъ. Въ военное время запрещаютъ охоту, чтобы не дѣлать путаницы съ выстрѣлами, а потому и не устроятъ хорошаго жаркого и обрекаютъ насъ на курицу.

Сегодня гулялъ я съ Ковалевскимъ и забрались мы далеко, до лагеря, занимаемаго теперь казаками, осмотрѣли помѣщеніе и подивились русскому человѣку, умѣющему прилаживаться ко всякому безобразію. У нихъ плетни, отлично сплетенные изъ вѣтвей, перебраны соломой и внутри еще на аршинъ вырыто въ землѣ,—все лучше, чѣмъ въ палаткахъ; въ нѣкоторыхъ офицерскихъ шалашахъ внутри поставлены палатки; сидятъ себѣ бѣдненькіе,

кто въ буркѣ, кто въ пальтишкѣ, покуриваютъ и отогрѣваются чаемъ. Возвратившись домой, я усталъ порядкомъ и долго сидѣлъ въ своей хатѣ... Во мнѣ шла борьба—ѣхать въ госпиталь или нѣтъ; не хотѣлось мнѣ портить нынѣшняго моего праздничнаго настроенія. Пока я отвиливалъ отъ больницы, безпокойный Антонъ пришелъ спрашивать: поѣду ли въ больницу, и не велѣтъ ли сѣдлатъ лошадей. Дѣлать нечего, совѣстно стало—ничего не дѣлать и не ѣхать: сѣдлайте!—Но едва успѣли привести лошадь, какъ снова припустилъ сильнѣйшій дождь, и я торжествовалъ: лошади отосланы, я засѣлъ за журналы, но этимъ не успокоился; я рѣшился все-таки отпраздновать этотъ день, какъ слѣдуетъ, раздѣлся и легъ спать. Снять сырые сапоги, переменить бѣлье и лечь въ теплую постель—все это цѣнится въ здѣшней жизни такъ, какъ нигдѣ; къ тому же я давно не отдыхалъ, ложась обыкновенно въ первомъ, вставая въ началѣ осьмого; послѣднее время сталъ чувствовать, что у меня въ этомъ отношеніи равновѣсіе нарушилось: по утрамъ мнѣ все было тяжелѣе и тяжелѣе вставать. Настолько я усталъ, что не долго пришлось мнѣ мечтать, и я быстро заснулъ; но меньше чѣмъ черезъ часъ мой мучитель снова пришелъ меня мучить: пора къ обѣду. Опять грязь по колѣно, обѣдъ въ шатрѣ, который протекаетъ, и со всѣхъ сторонъ продувается; опять курица въ супѣ, курица въ жаркомъ, нидѣйка съ фаршемъ и все тотъ же незамѣнимый салатъ изъ огурцовъ съ картофелемъ. Дождь проливной все время. Послѣ обѣда посидѣли, покурили, подождали и разошлись безъ малѣйшей надежды на болѣе лучшую погоду. Мы такъ, впрочемъ, всѣ привыкли къ этимъ климатическимъ невздамъ, что стали уже и мало обращать на это вниманіе; скверная же погода, повидимому, каждому даетъ нѣкоторыя надежды на ускореніе отсюда выѣзда, и потому расположеніе духа всего общества нисколько не страдаетъ отъ этого. Теперь только общая забота и страхъ, что распутица затруднитъ наше передвиженіе къ Систову; нашъ обозъ при этой дорогѣ будетъ не въ силахъ выбраться; мы-то доберемся, если не въ экипажахъ, такъ верхомъ, но кухня, всѣ наши тяжести—не сдвинутся съ мѣста; конечно, у cadaго еще скрывается другая мысль: а какъ мы доберемся изъ Зимницы до Фратешти?

Сегодня былъ у меня помощникъ П.—Львовъ; онъ рассказывалъ, что въ Зимницѣ теперь въ госпиталѣ безобразія: болѣе чѣмъ двойной комплектъ больныхъ, изъ которыхъ около трехъ сотенъ помѣщены въ плетняхъ; половина врачей, служителей, больны, а оставшіеся на ногахъ едва держатся отъ уста-

лости. Изъ-за дурной дороги транспорты идутъ медленно и по берегу Дуная все задерживается до Фратешти, откуда начинается чугунка. Въ прошлую крымскую войну безобразія до такого размѣра не доходили,—я, по крайней мѣрѣ, этого не помню. Меня теперь даже и не удивляютъ больные, лежащіе безъ постели на землѣ на однихъ тюфякахъ; прежде же я этого никогда и не видалъ.

30-го сентября.—Кажется, всѣ сыты этой жизнью на осеннемъ воздухѣ, почти безъ прикрытія сверху и съ страшной грязью снизу. Дней десять продолжаются дожди и холода, которые наше существованіе дѣлаютъ дѣйствительно тяжелымъ. Сегодня, кромѣ своихъ визитовъ, я никуда не выходилъ и просидѣлъ цѣлый день въ теплой, но темной хатѣ со свѣчами. Правда, очень усердно читалъ и не чувствовалъ тоски въ полномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе нерѣдко оставлялъ книгу и далеко уносился отсюда. Вчера я долго не засыпалъ вечеромъ: на ночь услышалъ телеграмму, будто полторы тысячи вооруженныхъ венгерцевъ прорвались у Турнъ-Северина въ Румынію, съ цѣлью соединиться съ башибузуками и портить румынскія желѣзныя дороги. Конечно, въ такой депешѣ мало было утѣшительнаго для всего дѣла вообще и въ частности для нашего личнаго счастья. Все-таки это могло бы произвести какую-нибудь задержку; сегодня, впрочемъ, я увидалъ, что никто не придаетъ этому факту особеннаго значенія, и можетъ быть оттого, что я выспался и отдохнулъ, но мнѣ тоже теперь не кажется это очень непріятнымъ,—хотя все-таки это маленькій симптомъ возможнаго большого явленія въ будущемъ. Почему знать, насколько венгерская агитація серьезно успѣла приготовиться къ вооруженному дѣйствию не шайками, а цѣлыми корпусами. Нѣтъ, лучше бы было, еслибы этого не было.

Сейчасъ вернулся съ своей вечерней визитаціи—и опять новыя тревожныя извѣстія съ нашего лѣваго фланга; говорятъ, Мехметъ-Али отозванъ за то, что не рѣшился энергически дѣйствовать, не довѣряя своимъ войскамъ; Сулейманъ взялся и съ этимъ войскомъ дѣйствовать наступательно, и теперь готовится тамъ нападеніе, которое, судя по характеру Сулеймана, должно быть весьма серьезнымъ. За эту, говорятъ, погоду было скучно, но можно было жить спокойно: никто ничего не могъ предпринимать при здѣшнихъ дорогахъ; но теперь, кажется, погода улучшается: съ 5-го часа дождь не идетъ—еще нѣсколько часовъ безъ дождя; и будетъ сухо, а слѣдовательно и военныя дѣйствія будутъ совершенно возможны, особенно для турокъ, которые не имѣютъ обоза и

потому подвижныѣ нашихъ. Если тамъ что завяжется посерьезнѣе, то не мудрено, что и мы туда поѣдемъ, хотя это только мое предположеніе, т.-е. не поѣдемъ въ огонь, а куда-нибудь поближе отъ мѣста сраженія, чтобы имѣть быстрѣе извѣстія. Въ ту или другую сторону дѣло подходить къ развязкѣ, по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ; если намъ не удастся, то надо отступать на зимнія квартиры, такъ какъ врядъ ли можно будетъ вести войну зимой. Нашъ отъѣздъ не замедлится: или въ концѣ этого мѣсяца, самое позднее—въ началѣ будущаго, мы будемъ дома; въ этомъ я вполне увѣренъ, только не надо объ этомъ говорить.

Изъ Плевны ежедневно приходятъ перебѣжчики, которые умоляютъ дать имъ ѣсть; по ихъ рассказамъ, запасы тамъ истощаются, мясо выдается только одинъ разъ въ недѣлю; вмѣсто хлѣба выдаютъ одну муку, изъ которой люди дѣлаютъ себѣ болтушку; конечно, всѣ голодаютъ. Сомнительно, чтобы при теперешнемъ количествѣ войска могъ прорваться значительный транспортъ въ городъ, какъ это было недѣли полторы или двѣ назадъ; голодъ заставитъ армію или сдаться, или пробиться; въ томъ и другомъ случаѣ съ Плевной вѣроятно покончатъ, и тогда мы—вольные казаки. Сегодня пришло извѣстіе изъ Систова, что помѣщеніе для главной квартиры не можетъ быть готово раньше десяти дней; конечно, эта новость всѣхъ очень опечалила: всѣ уже мечтали о теплыхъ углахъ въ домахъ съ печами, о мощеныхъ улицахъ, и уже располагали дня черезъ три предаться этимъ удобствамъ, а тутъ—опять подожди. По правдѣ сказать, проведя сегодня весь день въ своей конурѣ, я не могъ радостно встрѣтить это извѣстіе; цѣлый день сидѣть со свѣчами въ глиняномъ ящикѣ, который два раза въ день топится и гдѣ температура доходитъ до 17—18 градусовъ,—совсѣмъ не весело; голова въ теплѣ, а въ ноги такъ дуетъ, что безъ плѣда нельзя сидѣть; кромѣ этого, печи здѣшнія дѣлаются изъ необожженной глины, а потому всегда при топкѣ даютъ не совсѣмъ пріятный кислый запахъ. Имѣть комнату съ окномъ, въ которомъ будетъ рама со стекломъ, вставать и не рисковать себѣ разбить головы о потолокъ—все это предстоитъ уже въ Систовѣ, до возвращенія домой; уже въ Систовѣ я отъучусь ходить съ опущенной головой и выпрямлюсь во весь ростъ. Тѣмъ не менѣе все-таки я на свою хату смотрю какъ на величайшее благодѣяніе со стороны судьбы; жить эти дни въ палаткѣ было нестерпимо; даже желѣзный Ю. Н. Ков. сталъ кричать и придумывать различныя мѣры противъ холода, и остановился наконецъ на томъ, чтобы жечь въ палаткѣ лучины, — оставался доволенъ; днемъ же онъ грѣлся движеніемъ: то ходить

сади своей палатки, то со мною, то одинъ. Если установится хорошая погода, то, конечно, здѣсь въ сущности будетъ лучше, чѣмъ въ Систовѣ: воздухъ хорошъ; прогулки въ полѣ, которыхъ въ Систовѣ уже не будетъ, хотя, съ другой стороны, не будетъ у меня подъ носомъ скотнаго двора съ его вонью и постоянными хрюканьями свиней, вздохами воловъ и фырканьемъ лошадей; навозъ здѣсь не убирается,—онъ накапливается въ хорошихъ количествахъ, и когда высыхаетъ, то его рѣжутъ на четырехугольники, которые употребляютъ какъ топливо — кизякъ. Мѣстами же онъ сваливается въ громадныя кучи около домовъ и, очевидно, остается тамъ цѣлыми годами безъ всякаго употребленія. Земля здѣсь такъ хороша, что уваживать ее нечего; вѣдь теперь въ полѣ мѣстами зелено, какъ весной; особенно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ прежде стояли лагеря, тамъ теперь уже поднялся ячмень, пшено. Хозяйка моей хаты принялась, очевидно, за свои зимнія занятія: установила станокъ подъ навѣсомъ моего крыльца и большую часть дня угощаетъ меня стукомъ этого примитивнаго аппарата; лѣтомъ, при полевыхъ работахъ, бабы чрезвычайно прилежно работаютъ за пралками, тянутъ нитку на ручныхъ пралкахъ; идетъ ли съ обозомъ съ работы или на работу, каждая баба тянетъ нитку,—зимой же онѣ ткутъ полотно или шерстяныя грубыя ткани, смотря по мѣстности...

1-го октября.—Съ нынѣшняго дня погода, повидимому, установилась, день простоялъ отличный, солнечный, хотя не безъ свѣжести (около 12 ч. утра было только 11°), но я съ наслажденіемъ сидѣлъ на своемъ балконѣ на солнышкѣ, жарко не было; и такъ было на душѣ хорошо, спокойно, тихо, что я, сидя на своемъ крестѣ, съ пледомъ на ногахъ и въ тепломъ пальто, блаженствовалъ и ничего не дѣлалъ, наблюдалъ только за обитателями моего грязнаго дворика, за утками, за курами и за воробьями; все это, какъ и мы грѣшныя, очевидно, обрадовалось солнышку; все копошилось и ѣло, раскапывая солому, которую мы положили на дорожкѣ отъ моего домика къ дворцу, чтобы не утопать, а главное, не скользить въ грязи. Въ этомъ быту грязныхъ дворовъ для меня много новаго открывается,—я вѣдь никогда не жилъ близко съ этими обитателями деревни; придворный людъ, наша свита вообще и въ частности мнѣ слишкомъ знакома, и потому интереснѣе—утки и куры. Только сегодня я убѣдился, насколько утки интеллигентнѣе куръ; онѣ, сирѣчь утки, не граціозны, это вѣрно,—но онѣ не живутъ исключительно двумя интересами, какъ куры: кушать и поддерживать свой родъ; утки много проводятъ времени за чисткой своего платья.

Онъ чисто плотны; стадность ихъ, утокъ, условливаетъ извѣстныя общественныя отношенія: одну утку другая вздумала щипать, третья заступилась; онѣ то поѣдаютъ, то попьютъ въ своей компаніи; явился воробей — принять. Вчера отодрали два селезня одного пѣтуха чуть не до смерти. Куры же только жрутъ, кудахчутъ и охорашиваются, когда подходитъ пѣтухъ, за что молодня получаютъ щипки отъ старыхъ куръ. Между старыми одна мнѣ ужасно напоминала типъ почтенныхъ злющихъ дамъ, носящихъ обыкновенно коричневыхъ цвѣтовъ платья; она, по примѣру нашей, человѣческой, породы дамъ, считаетъ своимъ долгомъ нападать на всякую, молодую особенно, если замѣтитъ въ ней кокетство передъ пѣтухомъ, услышать особенно нѣжный и привѣтливый голосокъ и увидать вытянутую граціозно головку; откуда ни возьмется наша коричневая дама — и щелкь молодку; а эта конфузится, продолжаетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, выбирать изъ соломы зерна, но уже не отмахиваетъ лапками съ прежней ловкостью, а дѣлаетъ это, какъ сконфуженная особа, съ нѣкоторой неловкостью.

Пока я занимался изученіемъ нравовъ моихъ сожителей, ко мнѣ подсѣлъ мой сосѣдъ изъ человѣческой породы — М — овъ. Это старичокъ около 60-ти лѣтъ (сынъ знаменитаго остряка); къ сожалѣнію, онъ не наследовалъ ни остроумія, ни знаменитости своего отца, но тѣмъ не менѣе онъ одинъ изъ самыхъ старшихъ генералъ-адъютантовъ. Это еще свѣжій и красивый старикъ и замѣчательно благодушный; онъ никого не ругаетъ, исключая только Ч., имени котораго онъ не можетъ слышать равнодушно. У него одна страсть, которая его совершенно поглощаетъ, это страсть къ лошадямъ; громадныя богатства позволяютъ ему предаваться этой страсти безъ удержу, а потому здѣсь у него семь верховыхъ лошадей; экипажныхъ, обозныхъ — нечего и считать. Между верховыми у него и арабскія, и кабардинскія, и турецкія и пр. Цѣлый день моего сосѣда проходитъ чрезвычайно дѣятельно: о каждой лошади надо подумать, посмотреть ее, позаботиться о ней. наконецъ, проѣхать нужно ту или другую; онъ никогда ничего не читаетъ, кромѣ писемъ отъ жены, и изрѣдка беретъ у меня газеты, гдѣ съ особеннымъ счастьемъ отыскиваетъ статьи противъ Ч. Сидя на балконѣ, мнѣ неизбежно приходится слѣдить за днемъ моего сосѣда и неотлучно почти слѣдующаго за нимъ урядника Луки: то окажется, что экипажъ не въ порядкѣ, то надо приладить постель къ экипажу въ случаѣ похода, то лошадь подковать, и т. д. Теперь онъ помѣщается рядомъ со мною въ каменномъ сараѣ безъ окна;

печку онъ поставилъ-было, но она не грѣетъ; тѣмъ не менѣе старикъ держится за это помѣщеніе и отказался отъ моего, котораго онъ не могъ переносить изъ-за того, что постоянно колотилъ себѣ голову о потолокъ. Во время холодовъ онъ приходилъ ко мнѣ грѣться, и это мнѣ давало большую заботу: я только и думалъ о томъ, чтобы онъ не ушибся,—тоже и на балконѣ. Зимами онъ живетъ въ своемъ дворцѣ на Англійской набережной; до сихъ поръ не слыхалъ я отъ старика ни малѣйшей жалобы на обстановку,—онъ съ нею совершенно примирился и даже на холодъ и скверную погоду не жалуется; но у него есть одна жалоба, которая является, впрочемъ, уже послѣ Ч.,—это штабъ. Впрочемъ, эта жалоба не многорѣчивая: вздохнетъ, пожметъ плечами, махнетъ рукой и большею частью послѣ этого уходитъ, причемъ я всегда кричу:—не ушибитесь!—„нѣтъ, я помню“—и тѣмъ не менѣе тотчасъ же хлопнется о потолокъ. Для меня этотъ старикъ симпатиченъ, и я на него гляжу, какъ на другихъ моихъ сосѣдей—утокъ и куръ.

Сегодня я не писалъ тебѣ въ мои обычные часы послѣ обѣда; только что прочелъ письма, какъ явился ко мнѣ П. изъ своего путешествія по госпиталямъ Болгаріи и Румыніи; такъ какъ душа у меня наболѣла отъ всѣхъ безобразій по санитарному дѣлу, то я не досадовалъ на него, что онъ прервалъ часы моихъ наслажденій бесѣдой съ тобой; я началъ изливать передъ нимъ все накопившееся за это время. Этотъ господинъ вначалѣ сталъ-было отвертываться и отвергать всѣ случающіяся безобразія, но, конечно, въ этомъ родѣ комедія его провалилась; онъ повернулъ оглобли и началъ вмѣстѣ со мной ругать и подругивать, сваливая при этомъ вину частью на инспектора госпиталей, частью на штабъ. Въ концѣ концовъ, когда я высказалъ ему свое удивленіе, что самоубійства, въ родѣ Поспѣлова, не повторяются чаще, то онъ, уходя домой, многозначительно далъ мнѣ понять, что и онъ, можетъ быть, послѣдуетъ этому примѣру. Это псевдо-циникъ по своей части большого калибра.

Новостей сегодня никакихъ особенныхъ нѣтъ; оживаемая атака на Наслѣдника не начиналась. Вечеромъ, въ видѣ неяснаго слуха, толковали о томъ, что въ Плевну еще прорвались войска; софійскую дорогу пѣхота еще не заняла; тамъ только кавалерія, которая будто бы не можетъ помѣшать подобнымъ прорывамъ. Сегодня опять ѣздили въ Ахчаиръ на встрѣчу гвардейскому полку 2-й дивизіи; оказалось, что полкъ еще не пришелъ: не могъ справиться съ обозомъ, недалеко отъ Систова, въ одномъ дефілѣ—можешь себѣ вообразить, каковы дороги при этой распутицѣ;

оказывается, подъемъ въ Систову и спускъ къ Дунаю пока въ такомъ же ужасномъ видѣ, но, повидимому, наибольшее препятствіе къ движенію — это въ ущельѣ, какъ здѣсь называютъ одинъ узкій, короткій проходъ между двумя холмами; тутъ дорога узка, глиниста, транспорты завязаютъ и задерживаютъ окончательно все движеніе.

2-ю октября. — ...День сегодня восхитительный; никто бы не повѣрилъ, что послѣ бывшихъ у насъ дней еще возможны и такіе дни. Я цѣлый день сижу на своемъ балконѣ, 'согрѣваюсь за всѣ эти дни, и сегодня уже, конечно, безъ плаща и безъ пальто... На душѣ у меня свѣжо и ясно; ожидаю только событій и нашего освобожденія изъ плѣненія турецкаго. Сегодня у насъ все по праздничному, по случаю пятидесятилѣтія атаманства Государя надъ казацкими войсками: обѣдня, смотръ, торжественный завтракъ. Все время я бесѣдовалъ съ К—имъ и изливалъ ему всю накопившуюся желчь по поводу санитарнаго дѣла, предупреждая его, что говорю съ нимъ какъ частный человѣкъ, какъ публика, а потому не стѣсняюсь. Но штабъ и ему мѣшалъ: все онъ предвидѣлъ, все предусматривалъ, но штабъ все задерживаетъ, все тормозитъ, ни на какія разумныя предложенія не соглашается. Конечно, многого этими разговорами не сдѣлаешь, но все-таки отведешь душу, высказавъ истину, какъ она есть во всей ея не-красивой, убогой наготѣ. Теперь они сами видятъ, что дѣло плохо, но какъ помочь — никто не знаетъ, никто не умѣетъ. — Что же вы-то думали въ Кишиневѣ, гдѣ болѣе шести мѣсяцевъ пылѣли, чтобы подготовиться къ дѣлу и не довести до такого безобразія? — На такіе вопросы идутъ обыкновенно самые пошлые отвѣты, въ родѣ того, что думали, что войны не будетъ, и пр. Для характеристики героевъ нашего времени я тебѣ долженъ разсказать типичное заявленіе одного героя одному изъ своихъ старыхъ пріятелей: „думаю, какъ бы поскорѣе отсюда выбраться, — говоритъ герой: — что же мнѣ теперь здѣсь! я получилъ все, что могъ“... Это направленіе здѣсь до такой степени общее, что подобныя заявленія передаются безъ цинизма, а общаются какъ и всякая другая ходовая идея, встрѣчающая общее сочувствіе. Не забудь, что на него одно время смотрѣли какъ на нѣчто выдающееся, заслуживающее особаго вниманія.

Вчера, получивъ отъ тебя письмо, я къ величайшему сожалѣнію не получилъ газетъ; было бы интересно знать отъ нашихъ курьеровъ — я не получилъ или не доставлено изъ дому. Конечно, большой потери нѣтъ, я читаю теперь газеты довольно лѣнливо, ограничиваясь только передовыми статьями да депешами, да и то только

въ послѣднихъ нумерахъ; не хватаетъ терпѣнья портить глаза на чтеніе скучнаго матеріала; охотнѣе читаю медицинскіе журналы, а если ихъ нѣтъ, то медицинскія книги. Тѣмъ не менѣе, все-таки присылай: передовыя статьи „Голоса“ я проглядываю довольно аккуратно. Сегодня я чувствую, что спалъ немного, голова какъ будто съ перепоя, да и пахнетъ сильнѣе теперь на моемъ дворѣ, когда стало все подсыхать, а можетъ быть и отъ солнца отсталъ, раскисаешь подъ дѣйствіемъ его лучей. Мои сожители тоже видимо раскисли; куры очень лѣнливо клюютъ и выбираютъ свои зерна изъ соломы не со вчерашней энергіей; утки же притихли, забрались въ тѣнь и только изрѣдка почесываются; одинъ только сосѣдъ М—овъ сегодня оживился и былъ особенно разговорчивъ, просидѣлъ у меня все время моего завтрака и поразсказалъ мнѣ кое-что изъ жизни молодого героя С. Ну, тоже, надо признаться, детали жизни этого человѣка не утѣшительнаго свойства; хотя старикъ отдаетъ ему полную справедливость въ его безумной храбрости, но въ его человѣческихъ достоинствахъ другого свойства можно усомниться.

3-ю октября. — Вчера я тебѣ не кончилъ письма: ко мнѣ пришелъ по дѣлу М—инъ; но не успѣлъ онъ высказать своего дѣла, какъ пріѣхалъ П. А. Шуваловъ. М—инъ ушелъ, не докончивъ своего дѣла, а Шуваловъ торопился за-свѣтло добратъся до Павлу; разошлись они довольно скоро, но лошадь моя была уже осѣдлана, и я отправился въ госпиталь, хотя еще четырехъ часовъ и не было. Сидя цѣлый день на своемъ балконѣ, отъ солнца ли, отъ вони ли, отъ бессонницы ли наканунѣ, я чувствовалъ, что голова была тяжела; вслѣдствіе этого, выбравшись изъ дома, я забѣжалъ опять только помыть руки и переменить свой скюртукъ и пошелъ странствовать, что меня совершенно и освѣжило. Домой вернулся уже въ двѣнадцатомъ часу и завалился сейчасъ же спать. Сегодня проснулся совсѣмъ здоровымъ и съ свѣжей головой. Вчера, впрочемъ, день прошелъ безъ особенныхъ происшествій, исключая развѣ того, что съ утра почти до нынѣшняго утра въ казачьемъ нашемъ лагерѣ праздновали назначеніе новаго георгіевскаго кавалера; теперешній командиръ эскадрона К. за Ловчу получилъ Георгія, имѣя уже всѣ солдатскіе кресты. Пошло разливанное море вина, которое казачество—вмѣстѣ съ пѣснями, съ криками ура!—и тянуло вплоть до полуночи. Издали слышались голоса ликующихъ и измѣняли нѣсколько обычную звуковую обстановку нашего бивуака, гдѣ, какъ стемнѣетъ, какъ пробьютъ зорю и пропоютъ молитву, слышно только одно:—Кто идетъ?—Свои!—Какой пропускъ? и т. п. Все это, конечно, вполголоса, но при ти-

шинѣ все это рѣзко слышно; собачья музыка значительно утихла; по временамъ собаки только воютъ передъ дворами своихъ возлюбленныхъ, да и то не вблизи дворца, откуда ихъ гонять.

Вчера слышалъ, что извѣстіе о вторженіи венгровъ въ Румынію не подтвердилось; у Цесаревича тишина; турки будто бы дѣлають какія-то передвиженія, но не нападаютъ; мы же, съ своей стороны, идемъ, ободряя себя вѣроятностью скорого отъѣзда. Сегодня говорятъ уже довольно громко о томъ, что Государь рѣшилъ въ принципѣ здѣсь не зимовать; главнокомандующій будто бы у себя въ квартирѣ объявилъ, что онъ уѣдетъ отсюда въ Питеръ къ 25-го декабря. Конечно, намъ уже придется выѣхать не позднѣе первыхъ чиселъ ноября. Если погода будетъ такъ хороша, какъ теперь, то, конечно, это не ускорить нашего возвращенія, но сомнительно, чтобы такая погода была продолжительна, — дальше октября не продержится. Вчера толковали о дурномъ впечатлѣніи, которое произвела одна корреспонденція изъ Горнаго-Студня, напечатанная 25-го сент. въ „Голосъ“; она помѣчена 14-мъ сент., 15-го же шелъ нашъ курьеръ: является предположеніе, что она писана кѣмъ-нибудь изъ главной квартиры. Такъ какъ, по моему мнѣнію, ничего особенно пикантнаго въ статьѣ нѣтъ, то очевидно она обратила на себя вниманіе по какому-нибудь особенному обстоятельству или намеку; пожалуй, это подозрѣніе на кого-нибудь изъ главной квартиры поведетъ къ тому, что наши письма будутъ цензуроваться. Какъ будто этими мѣрами можно заставить людей молчать? У кого же нѣтъ языка, если будутъ связаны руки; говорятъ, будто корреспонденты русскихъ газетъ теперь удалены отсюда (я знаю навѣрное); къ чему же это послужить? всегда найдется возможнымъ послать статью тому или другому и неофициальному корреспонденту — и тогда уже безъ цензуры. Вчерашняя, можетъ быть, прочлась бы только двумя, тремя; но разъ узнали, что она вызвала неудовольствіе, то ее прочли почти всѣ и одобрили, найдя ее умѣренной и приличной.

45.

4-ю октября. Несмотря на прелестную солнечную погоду, позволявшую мнѣ цѣлый день оставаться на воздухѣ, мнѣ нынче все-таки не радостно на душѣ. Какъ ни утѣшай себя, а все-таки еще мінімумъ мѣсяцъ, а пожалуй и полтора, — штука не легкая, особенно когда дни кажутся все длиннѣе и длиннѣе, когда начинаешь почти считать часы, которые осталось еще про-

водить при теперешнихъ условіяхъ. Еслибы еще въ самомъ дѣлѣ я убѣдился, что я въ санитарномъ здѣшнемъ устройствѣ приношу существенную пользу, — но, признаюсь, нерѣдко приходится въ этомъ разубѣждаться и убѣждаться въ своей бесполезности. Конечно, важно то, что видѣлъ, могу имѣть право голоса на будущее время, а теперь, кажется, надо утѣшать себя тѣмъ, что сдѣлаешь тому или другому случаю діагнозъ, посоветуешь леченіе, поговоришь съ ординаторами, подѣлишься своими наблюденіями, обратишь ихъ вниманіе на какое-нибудь явленіе — и баста. Но что значать здѣсь вся эта тонкость медицинско-й отдѣлки въ виду того, что больные скверно или вовсе не помѣщены, не прикрыты, не накормлены; здѣсь не столько нуженъ докторъ, сколько хороший хозяинъ; я это вполне понимаю, но вліять на хозяйство существенно — я рѣшительно не могу. Представители здѣшней медицины очень хорошо знаютъ мои взгляды на дѣло; сваливая на штабъ, они меня, такъ сказать, и отправляютъ къ штабу, но тамъ я почти ни съ кѣмъ не говорю, такъ какъ тамъ медицинскій авторитетъ — лекарскій помощникъ Б., который, вѣроятно, и разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія по санитарнымъ вопросамъ. Мнѣ остается одно: не скрывать истины передъ Государемъ, что я конечно и дѣлаю, наталкиваясь въ этомъ случаѣ на противорѣчія съ другой стороны. Вчера Государь былъ въ госпиталѣ безъ меня и, встрѣтивъ тамъ П., вернушагося изъ своего объѣзда Болгаріи и Румыніи, спрашиваетъ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ госпитали? — „Я пришелъ въ удивленіе отъ нашего госпитального дѣла“, отвѣчалъ П. — Вечеромъ Государь встрѣтилъ меня у Адлерберга при Суворовѣ и передаетъ свой разговоръ съ П. Конечно, я не молчалъ и счелъ долгомъ заявить, что П. держится постояннаго правила не признавать недостатковъ, даже самыхъ очевидныхъ, и повторилъ при этомъ о громадномъ скопленіи народа въ Зимницѣ, о томъ, что тамъ изъ-за северныхъ условій хирурги не могутъ взять ножа въ руки; о томъ, что здѣсь даже не хватаетъ лекарствъ, не доставляютъ больнымъ хлѣба, цѣлыя палатки по нѣсколькимъ днямъ не видятъ врачей и пр. Напомнилъ все, что въ свое время заявлялъ..... Переменить теперь нельзя, такъ что же подымать исторіи, не имѣя надежды на серьезное улучшеніе! Съ другой стороны, вѣроятно, штабъ доноситъ, что все обстоитъ благополучно и пр.

Сегодня утромъ радостная вѣсть съ Кавказа о блистательной побѣдѣ: армія Мухтара разбита и отрѣзана отъ Карса; сегодня же какой-то казачій праздникъ. Мнѣ показалось, что у меня желудокъ не въ порядкѣ, и потому не поѣхалъ въ лагерь и не пошелъ къ об-

щему завтраку. Все утро читалъ газеты и, конечно, ничего пріятнаго не могъ вычитать; между прочимъ попался разсказъ о несчастномъ Пospлловѣ, котораго представили чуть не умалишеннымъ и нераспорядительнымъ; что все было прелестно, только хлопотливо, а онъ то и повѣсился съ-дуру. Больно было читать эти строки, да еще съ сочувственнымъ адресомъ одному очень почетному дѣятелю Краснаго Креста. Газеты меня не освѣжили...

Не могу не передать тебѣ очень интересныхъ свѣденій изъ-подъ Плевны; сегодня пріѣхалъ сюда Гурко съ донесеніемъ отъ Тотлебена. Оказывается, что Плевну и голодомъ взять нельзя, что у турокъ на видлинской дорогѣ редуты, укрѣпленные этапы, подъ защитой которыхъ совершенно свободно доставляется все, что нужно. Былъ совѣтъ у Государя; что-то рѣшили; говорятъ, будто туда отправятъ всю гвардію, пѣхоту и кавалерію; не думаютъ ли опять объ атакѣ? Вѣроятно, по газетамъ все это уже разъяснится прежде, чѣмъ ты прочтешь эти строки. Затѣмъ побывалъ въ госпиталѣ, на секціи, пообедалъ и вотъ теперь опять иду къ чаю.

5 ю октябрѣ.— Все время до вечера прошло между пальцами, при дѣлѣ и безъ дѣла. Въ общей сложности, впрочемъ, я доволенъ днемъ. Въ 11 ч. была обѣда по случаю дня рожденія Маріи Александровны, послѣ которой тотчасъ же завтракъ, а въ часъ былъ назначенъ смотръ проходившимъ гвардейскимъ войскамъ подъ Плевну; 2-я дивизія идетъ туда же. Послѣ завтрака явился ко мнѣ главноуполномоченный Р. и взялъ все время между завтракомъ и смотромъ, что составило хорошій часъ времени; затѣмъ непременно Рихтеръ хотѣлъ посмотреть на гвардію, мы и отправились вмѣстѣ. Погода была чудная; я охотно шатался по полю, оставъ отъ свиты и любуясь издали красивой картиной свѣжихъ, здоровыхъ, бодрыхъ людей, только-что прибывшихъ изъ Питера, не страдавшихъ ни отъ жары, ни отъ голода, ни отъ холода. Силница большая; мнѣ нравилась армія до войны еще въ Кишиневѣ, но уже въ Плоэшти она была и худа, и даже оказалась усталой въ эти жары; нечего говорить о впечатлѣніи, которое сдѣлали солдатики, когда мы вѣхали въ первый разъ сюда въ Горный-Студень послѣ второго плевненскаго побоища и когда насть встрѣчалъ весь корпусъ Шаховского. Усталый видъ, истрепанная обувь, истертые мундиры рѣзко отличались отъ теперешнихъ цвѣтушихъ, крѣпкихъ и свѣжихъ людей. Государь поѣхалъ ихъ провожать по плевненской дорогѣ и затѣмъ, простившись съ командиромъ, солдатами, отпустилъ и свиту; я отправился въ госпиталь и съ интересомъ провелъ часа полтора за разборомъ больныхъ. При госпиталѣ Богоявленскій, и мои посѣщенія госпиталя

приняли, слѣдовательно, совершенно другой характеръ: я пересталъ туда ѣздить, какъ чиновникъ контролеръ другихъ чиновниковъ; теперь мнѣ представляется и научный интересъ; тамъ есть человѣкъ, который смотритъ на дѣло не по казенному, не по шестнадцатому тому. У него сейчасъ же явились интересные и поучительные случаи. Теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю, что завтра опять буду въ госпиталь.

Р. сдѣлалъ на меня сегодня впечатлѣніе менѣе выгодное, чѣмъ въ первый разъ: это все-таки не то, что нужно; въ сущности, кажется, это не что иное, какъ хорошій, честный человѣкъ, устроившій механизмъ своего дѣла и любующійся теперь своимъ произведеніемъ; онъ принадлежитъ къ умиляющимся, тогда какъ это направленіе никакъ не можетъ служить задаткомъ усовершенствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Румыніи не было вѣроятно и половины тѣхъ безобразій, которыя совершались по сю сторону Дуная и по ту до Фратешти, но невозможно чтобы тамъ зрѣлище было вполнѣ умилительно для Р. и П. Онъ началъ съ похвалы врачамъ и студентамъ Краснаго Креста, но вмѣстѣ съ этимъ высказалъ, что они не отличаются своими административными способностями. Я совершенно съ нимъ былъ согласенъ, что хорошій врачъ большею частью плохой администраторъ, и наоборотъ,—но попросилъ все-таки указать мнѣ спеціально на врача, отличавшагося своимъ административнымъ неумѣньемъ; тогда онъ мнѣ указываетъ на Ч.; это меня удивило, и я попросилъ указать какой-нибудь частный случай, который бы познакомилъ меня съ административной неспособностью человѣка (котораго я въ сущности считалъ наиболѣе способнымъ изъ всей нашей молодежи). Отвѣтъ Р. меня удивилъ еще болѣе и показалъ, что въ немъ если не XVI-ый томъ сидитъ въ головѣ, то чиновникъ нѣмецкаго происхожденія: оказалось, что во время страшнаго наплыва больныхъ и раненыхъ въ Фратешти послѣ плевненскаго дѣла къ Р. являются съ различныхъ его пунктовъ врачи.—Какъ это можно безъ спеціальнаго разрѣшенія главноуполномоченнаго, кто позволитъ?—Оказывается, пріѣхали потому, что вызваны телеграммой Ч., который хозяйничалъ въ Фратешти, и видя, что на 12 человѣкъ врачей наваливался матеріалъ изъ девяти тысячъ раненыхъ, совершенно правильно вызвалъ врачей съ менѣе важныхъ пунктовъ, чтобы справиться болѣе прилично съ матеріаломъ. Очевидно, Р. оскорбило самовластное распоряженіе Ч., но онъ считалъ это распоряженіе Ч. въ высшей степени непрактичнымъ, неадминистративнымъ: какъ можно оголять пункты! На это я ему замѣтилъ, что такую ошибку сдѣлаетъ всякій порядочный врачъ, и, конечно, не трудно было

мнѣ ему доказать эту немудрую истину, что съ нѣсколькими тысячами какъ слѣдуетъ нельзя справиться 13 врачамъ и т. д. Тутъ Р. показалъ себя не широкаго полета человѣкомъ. Ты прислала мнѣ три фонаря, но ихъ мало, чтобы найти человѣка между тѣми лицами, которыя по чиновности своей могутъ занять такой высокій постъ, какъ постъ главноуполномоченнаго; можетъ быть, со временемъ выработаются люди изъ той молодежи, которая дѣйствуетъ теперь въ качествѣ уполномоченныхъ, но, къ сожалѣнію, кажется, большая часть изъ нихъ не изъ того сословія, въ которомъ развита способность къ труду и выдержкѣ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ подъ вліяніемъ молодости и экзальтаціи прелестно работаютъ, но надо, чтобы годы не охладили ихъ, чтобы они были въ состояніи работать и безъ экзальтаціи. — Сегодня всѣ мы ожили подъ вліяніемъ извѣстія съ Кавказа; это измѣнить вѣроятно положеніе и здѣшнихъ дѣлъ; съ лѣваго фланга пока никакихъ извѣстій; говорятъ, что Сулейманъ отступаетъ къ югу. Подъ Плевной Тотлебенъ ввелъ порядокъ, котораго будто бы не было прежде.

6-ю октября. — Нынче цѣлый день провелъ на медицинѣ и занимался съ большимъ удовольствіемъ. Былъ въ госпиталѣ, съ интересомъ провелъ тамъ часа полтора и затѣмъ все время сидѣлъ въ своей хатѣ, никуда не выходя до 4 ч.; домой вернулся почти къ обѣду. За сегодня ничего новаго; поговариваютъ, что вѣроятно пойдѣмъ подъ Плевну, вѣроятно брать редуты, вотъ и все. За обѣдомъ слушалъ одного сладкорѣчиваго полковника, утверждавшаго, что онъ ощущаетъ такое наслажденіе, когда ѣдетъ верхомъ на хорошей лошади, что какъ будто онъ купается въ морѣ, и пр. Сейчасъ иду къ чаю; надѣюсь все-таки приписать еще постъ.

Хотя теперь только двѣнадцатый часъ въ началѣ и въ теченіе дня почти-что силъ особенно не тратилъ, а все-таки подъ конецъ чувствуешь усталость. Вѣроятно это борьба съ холодомъ, сыростью, сидѣніе въ темной комнатѣ, все это вмѣстѣ утомляетъ. Такъ какъ до сихъ поръ все хвораетъ Адлербергъ и пьетъ искусственный карлсбадъ, то мой послѣдній визитъ вечеромъ обыкновенно оканчивается у него. Главный нашъ разговоръ о томъ, когда выѣдемъ; сидя по цѣлымъ днямъ у себя въ комнатѣ, онъ напрягаетъ всѣ свои нравственныя силы, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, срокъ нашего дальнѣйшаго пребыванія. Слѣлавъ уже не разъ очень грубую ошибку въ своихъ предсказаніяхъ, онъ сталъ теперь особенно и даже слишкомъ остороженъ; онъ рассчитываетъ приѣздъ домой черезъ 43 дня отъ нынѣшняго; такъ

какъ этотъ терминъ не имѣетъ прочныхъ основаній, то я его не считаю вѣрнымъ; при удачѣ можемъ выѣхать и гораздо раньше. Побѣда, для насъ совершенно неожиданная, на Кавказѣ даетъ право думать о возможности какого-нибудь быстрого переворота и въ здѣшнихъ дѣлахъ. Почему знать, войска теперь много, и на правомъ и на лѣвомъ флангѣ можетъ случиться что-нибудь утѣшительное и рѣшительное. Нѣтъ сомнѣнія, что мы двинемся домой, тѣмъ болѣе, что здѣсь двигаться съ нашимъ обозомъ физически невозможно. Сегодня я забѣжалъ къ своему сосѣду кн. Меншикову, который тоже, какъ и я грѣшный, сидитъ днемъ съ огнемъ въ своемъ сараѣ и усиливается согрѣться; отъ него услышалъ новость, будто П. просится въ отставку, не считая яко бы себя способнымъ вести санитарное дѣло. Теперь готовятъ санитарные отряды и для лѣваго, и для праваго фланговъ; увидимъ, насколько горькій опытъ былъ полезенъ въ этомъ случаѣ. Для характеристики при семъ прилагаю здѣсь его письмо, полученное мною вчера; очевидно онъ думаетъ меня подкупить, обѣщая награды моимъ ассистентамъ. Слишкомъ наивно!—до сихъ поръ я ему еще не отвѣчалъ... Курьеры теперь сильно запаздываютъ; говорили, что нынче ночью ожидаютъ за-разъ трехъ отправленныхъ вмѣстѣ; отъ Фратешти до Горнаго; добраться при этой распутицѣ—величайшее затрудненіе. Пожалуйста, посылай письма только съ курьерами, не вѣрь никогда оказіи; вѣдь письмо Б. до сихъ поръ до меня не дошло; на дняхъ встрѣтилъ какого-то полковника съ Шипки; онъ сообщилъ мнѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ носить у себя въ карманѣ письмо ко мнѣ отъ тебя, но что и теперь передать его не можетъ, потому что чемоданъ его неизвѣстно гдѣ застрялъ; обѣщали, впрочемъ, доставить при первой возможности. Вотъ какова оказія; курьеръ же, если погибнетъ самъ, то корреспонденція его охраняется, какъ казенная собственность...

46.

7-ю октября.—Когда вернемся я не знаю, но знаю *наверное* одно, что мы не зимуемъ. Слухи о зимовкѣ въ Бухарестѣ доходили и до насъ, но на нихъ никто не обратилъ вниманія въ виду положительной общей увѣренности, что не зимуемъ здѣсь; можетъ быть, даже намъ не придется и въ Систовѣ пожить, гдѣ приготовлены намъ квартиры. Погода хотя холодная, но не сырая; у Государа здѣсь хотя маленькая, но все-таки комната съ печью; другіе кое-какъ прилаживаются и устрояются, кто въ

палатѣ посредствомъ шубъ, шинелей, кто въ хатѣ, какъ я; унтеръ-штабъ устроилъ себѣ шалаши, и всѣ готовы прожить цѣлый мѣсяцъ въ такихъ условіяхъ, лишь бы поскорѣе попасть въ Питеръ и не терять времени на Систово. Распоряженія Милютина объ осеннемъ и зимнемъ платьѣ понятны; не забудь, что онъ живетъ въ комнатѣ, но безъ печей, а потому сидитъ цѣлый день въ ватномъ пальто, ходьбою разогрѣваетъ себѣ ноги; тутъ выпишешь себѣ все теплое, что есть въ кладовой; вѣдь подумай, три градуса мороза еще въ 7 ч. утра, когда прошелъ часъ послѣ восхода солнца! Свою хату я не могу топить два раза въ день—слишкомъ жарко, приходится топить только по утрамъ; цѣлый день стараешься проводить на воздухѣ; когда ложусь спать, то вообрази, что я на себя наваливаю: кромѣ сѣна подъ матрасомъ, а теперь и бурки, на мнѣ лежитъ одѣяло, мой пледъ, халатъ холодный, теперь и ватный; утромъ особенно, но также и ночью, мнѣ нисколько не жарко; въ стѣнѣ дыря, соединяющія мою хату непосредственно съ воздухомъ...

Сегодня хорошее извѣстіе изъ Плевны; румыны взяли 2-й редутъ за Гривецкимъ, но никакихъ подробностей. Теперь ожидаютъ, что осуществится наше намѣреніе отнять идущій въ Плевну большой транспортъ провіанта; если это удастся, то полагаютъ, что черезъ три недѣли Плевна должна будетъ сдаться. Сегодня дѣлали на моихъ глазахъ пробу вновь изобрѣтенныхъ металлическихъ щитовъ; при этомъ оказалось, что наши ружья съ нашими патронами не пробиваютъ на 100 шаговъ; турецкое же пибоди съ турецкимъ патрономъ пробило на 300 шаговъ; говорятъ, что причина лежитъ въ порохѣ патрона. Не знаю, вношу только фактъ, который самъ видѣлъ, для будущихъ воспоминаній.

Сегодня съ интересомъ провелъ время въ госпиталѣ, осматривая больныхъ съ отмороженными ногами на Шипкѣ. При изслѣдованіи болѣе обстоятельномъ оказывается, что холодъ-то здѣсь играетъ весьма второстепенную роль; главная же причина лежитъ въ предшествовавшемъ болѣзненномъ состояніи этихъ субъектовъ, которые почти всѣ передъ предполагаемымъ ознобленіемъ имѣли лихорадку или же поносъ, что нерѣдко здѣсь одно и то же. У нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ лихорадочныхъ совершенно одинаковое измѣненіе на ногахъ, какъ и у шипкинскихъ больныхъ, произошло по окончаніи тяжелыхъ, съ постояннымъ тономъ, лихорадокъ; явленіе антонова огня пальцевъ ногъ, обыкновенно дѣлающихся темносиними и затѣмъ представляющихъ дальнѣйшія обычныя измѣненія этого признака произвольнаго омертвѣнія, уже въ трехъ случаяхъ развилось въ госпиталѣ безъ ознобленія;

возможно, что отчасти холодъ въ палаткахъ тутъ имѣлъ свое значеніе, но очевидно второстепенное. Упадокъ питанія тканей имѣлъ болѣе существенное значеніе. Этимъ вопросомъ я еще позаймусь. Всѣ съ предполагаемыми отмороженными ногами на Шипкѣ имѣли хорошую обувь, портянки; да и холодъ не былъ такой, къ какому наши солдаты привыкли въ Россіи...

8-го октября.—Военныя дѣла такъ стоятъ теперь, что каждый день можетъ измѣнить существенно все положеніе арміи. Удача подъ Плевной, удача на лѣвомъ флангѣ вмѣстѣ съ совершившейся уже удачей въ Малой Азіи—поставятъ на сцену вопросъ о мирѣ. Переговоры же о мирѣ, говорятъ, необходимо вести въ Питерѣ. Еслибы удалось окончить войну безъ зимовки арміи, то это было бы величайшее счастье для Россіи; сколько бы народа спаслось отъ нашей администраціи... Нынѣшній день я провелъ почти безъ отдыха въ чтеніи газетъ, не пошелъ даже и завтракать, сидѣлъ на солнышкѣ и перечитывалъ полученные вчера нумера, затѣмъ засѣлъ и за медицину, убѣдившись въ сотый разъ, какъ мало матеріала даютъ газеты. Часа въ три я былъ прерванъ Шаховскимъ..... Послѣ него я отправился въ госпиталь верхомъ; но погода была слишкомъ соблазнительна, и я сдѣлалъ хорошенкій крюкъ на своемъ иноходцѣ, который держитъ себя неизмѣнно безукоризненно. Въ госпиталѣ обошелъ своихъ обычныхъ пациентовъ, осмотрѣлъ своихъ пальцевыхъ-ножныхъ, провѣрилъ вчерашнее наблюденіе и остался при прежнемъ убѣжденіи, что причина главная лежитъ въ разстройствѣ питанія тканей подѣ вліяніемъ инфекціонныхъ процессовъ лихорадки, кроваваго поноса; усиленная ходьба, стояніе, промачиваніе ногъ и свѣжая погода дополняютъ и доканчиваютъ проявленіе этого процесса по преимуществу на пальцахъ и подошвѣ. Въ легкихъ случаяхъ дѣло не доходитъ до омертвѣнія; пальцы только покраснѣютъ, вспухнутъ, болятъ при дотрогиваніи; въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ мѣстами на пальцахъ показывается синева; еще въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ синева дѣлается болѣе темной и распространяется на большое пространство, захватывая обыкновенно всѣ пальцы, иногда отчасти нѣсколько и кожу спинки ноги, и мякоть подошвы, что обыкновенно и омертвѣваетъ; въ счастливыхъ же случаяхъ синева становится свѣтлѣе, краснѣе и совершенно исчезаетъ; боль, краснота и опухоль еще держатся болѣе или менѣе долго; совсѣмъ выздоровѣвшихъ еще не видалъ. Къ моему большому горю уѣзжаетъ отсюда Богоявленскій, на перевязочный пунктъ подъ Плевну, и въ госпиталѣ остаются все чужаки; пока-то

еще споемся, — а во всякомъ случаѣ это не будетъ то, что Богоявленскій. Вернувшись домой изъ госпиталя, я еще успѣлъ сдѣлать прогулку пѣшкомъ около часа и пришелъ домой прямо почти къ обѣду, только успѣлъ забѣжать къ Адлербергу, чтобы навѣстить, а главное, и высушить испарину. Несмотря на свѣжесть погоды, мы продолжаемъ обѣдать, завтракать и пить чай все еще въ шатрѣ, но по вечерамъ я уже не сажусь, а, наливъ себѣ чашку, постоянно хожу, чтобы не забли ноги; за обѣдомъ много народа, садится около 70 человѣкъ, почему эта животная теплота и нагреваетъ шатеръ. Солнце заходить уже въ $5\frac{1}{4}$, температура быстро начинаетъ падать, и сегодня въ 3 ч. она была на 10^0 , а потомъ спустилась на $1\frac{1}{2}^0$. Долженъ признаться, что я не въ восторгѣ отъ здѣшняго климата; вѣдь мы перешли на свѣжую погоду почти прямо съ жаровъ; не было тѣхъ прелестныхъ осеннихъ дней, какими мы наслаждаемся въ Ниццѣ, Ментонѣ и пр. Зима же, говорятъ, здѣсь бываетъ со снѣгомъ и съ морозами; рассказываютъ и о 14^0 , но я этому не вѣрю: вѣдь здѣсь растетъ отличный виноградъ, который бы давнымъ-давно вымерзъ при такихъ холодахъ. Мои хозяева ходятъ до сихъ поръ босоножими; хозяйка за своимъ станкомъ сзади меня на балконѣ свои босые ноги грѣетъ тѣмъ, что у нея въ ногахъ тлѣется кусокъ кизяка, т.-е. высушеннаго навоза; когда онъ горитъ, развивается совершенно особенный запахъ, довольно впрочемъ противный. До какой степени народъ этотъ лишенъ всякой культуры, ты себѣ и вообразить не можешь; женщины здѣсь особенно рѣзко напоминаютъ рабство болгаръ и степень ихъ развитія. На балконѣ, гдѣ я сижу, стоитъ и станокъ моей хозяйки; очевидно, что мое присутствіе производитъ на нее впечатлѣніе восковой фигуры или куклы, которую она разъ оглядѣла и перестала ею стѣсняться: трещитъ цѣлое утро своей машиной, рыгаетъ, свиститъ, оретъ со старухой-матерью, какъ будто она совершенно одна; впрочемъ я, съ своей стороны, тоже привыкъ къ этимъ „уткамъ“, и теперь ихъ и не слышу, и не вижу. Когда приходитъ хозяинъ, то обыкновенно скажетъ: „здравствуй“.

Сегодня утромъ пришло извѣстіе, что румыны владѣли отбитымъ редутомъ очень недолго: черезъ два часа турки его снова отняли, — вотъ все, что нынче я слышалъ о военныхъ дѣлахъ. Нынче вообще мало слышалъ; за обѣдомъ былъ такой разговоръ, который у меня совершенно вылетѣлъ изъ головы, какъ и большая часть обѣденныхъ разговоровъ. Вновь приѣхавшій полковникъ А., на мѣсто Л., сидитъ теперь подальше отъ меня, и мнѣ не приходится слышать его восторженныхъ рѣчей о

верховой ѣздѣ. Это, впрочемъ, типъ неумнаго человѣка съ претензіями на умъ.

9-го октября.—Сейчасъ вернулся изъ госпиталя. Осматривалъ (въ госпиталѣ) ноги цѣлаго ряда лихорадочныхъ, при этомъ оказалось, что у всѣхъ у нихъ пальцы и подошва около пальцевъ холодны и блѣдны, почти какъ у мертвыхъ; послѣ нѣсколькихъ дней такого сжатія сосудовъ отъ холода и отъ расположенія лихорадочныхъ къ этимъ спазмамъ въ сосудахъ и развивается воспалительное состояніе кожи, пальцы болятъ, опухаютъ, краснѣютъ и температура тогда въ нихъ подымается; въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ кожа омертвѣваетъ, передъ этимъ синѣетъ, чернѣетъ и иногда на очень порядочную глубину подъ кожей и развивается омертвѣніе—или всѣхъ пальцевъ, или только мѣстами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно спасти тогда отъ омертвѣнія, когда уже совершенно посинѣла и потемнѣла кожа, употребленіемъ возбуждающихъ средствъ. Съ такими пальцами поступаютъ больные и изъ Горнаго-Студня, и изъ различныхъ частей, не подвергавшихся особенно большому вліянію холода. Главная причина лежитъ, очевидно, въ особенномъ расположеніи сосудовъ къ сжатію у лихорадочныхъ больныхъ и у больныхъ, страдающихъ кишечнымъ каналомъ. Былъ тамъ и на вскрытіи одного съ брюшнымъ тифомъ, причемъ узналъ, что въ военновременные госпитали не отпустили секціонныхъ наборовъ (изъ Питера); до сихъ поръ вскрытія дѣлались наборомъ Георгіевской Общины. Съ отъѣздомъ же Богоявленскаго пришлось вскрывать такъ называемыми анатомическими инструментами, назначаемыми для упражненія въ операціяхъ надъ трупами. Вскрывать было такъ затруднительно, безъ ножницъ и одними тупыми ножами, что жаль было глядѣть на неопытнаго доктора, мучившагося надъ этимъ трупомъ. Въ этомъ уже, конечно, не штабъ виноватъ; секціонный наборъ полагается, почему же его нѣтъ? Изъ госпиталя сдѣлалъ большой крякъ: погода прелестная, ѣдешь полной рысью по полю безъ дороги, и это дурманитъ голову, хоть на минуту забываешь всѣ мерзости, наркотикуешься.

Сегодня получена депеша съ Кавказа, что въ этомъ блистательномъ дѣлѣ 3-го октября съ кучей плѣнныхъ и пр.—потери чрезвычайно незначительны; мы уже отвыкли отъ этихъ цифръ; сегодня же Государь послалъ Лопухина на Кавказъ съ Георгіемъ 1-ой степ. вел. вн. Михаилу Николаевичу. Сегодня или завтра вел. вн. ѣдетъ къ Плевицъ; вѣроятно черезъ нѣсколько дней и мы тронемся, а тамъ авось, миновавъ Систово, прямымъ путемъ домой.

Сегодня я получилъ твое письмо, посланное еще 13-го іюля съ какимъ-то полковникомъ, который, наконецъ, протаскавъ его въ своемъ карманѣ и чемоданѣ, мнѣ его доставилъ. Вчера проѣздомъ былъ здѣсь гр. Воронцовъ; онъ изъ-подъ Плевны ѣдетъ къ Наслѣднику и принимаетъ командованіе кавалеріей на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Сегодня я нѣсколько минутъ постоялъ съ нимъ и услышалъ, что сухари подъ Плевной безпрестанно отсутствуютъ, складовъ нѣтъ, а подвозъ отвратительный. Вотъ и дерись!—холодно и голодно солдатику, да и офицеру приходится подчасъ поголодать; не говорю уже о томъ, какъ имъ приходится зябнуть.

Сейчасъ пришелъ съ обѣда и слышалъ, что черезъ мѣсяцъ мы должны будемъ выѣхать отсюда; что бы ни было и какъ бы ни было, но военныя дѣйствія невозможны дальше. Адлербергъ, который на возвращеніе наше смотритъ самыми пессимистическими глазами, назначаетъ самый поздній срокъ нашего возвращенія въ Питеръ отъ сегодня еще 39 дней; три раза въ день я на минутку захожу къ нему, и каждый разъ мы толкуемъ о днѣ нашего выѣзда или, лучше, нашего пріѣзда; благодаря его болѣзни—желчной коликѣ, какъ у меня—и благодаря нашимъ частымъ бесѣдамъ, я съ нимъ теперь въ очень хорошихъ отношеніяхъ; всего больше, кажется, насъ связываетъ желаніе возвратиться домой; это трепанье нервъ, эти лишенія, наконецъ болѣзнь много уменьшили въ немъ царедворца, заговорили болѣе человѣчныя стороны; мнѣ подчасъ его искренно бываетъ жалъ. Госпиталь составляетъ все-таки единственное убѣжище, гдѣ я могу отдохнуть душой, конечно не окунаясь только въ его хозяйственную сторону и смотря на него какъ на больничный матеріалъ. Еслибы еще были врачи, которые знакомы съ моимъ способомъ веденія этого дѣла, то я бы на многое, многое сократилъ скорбное время здѣшняго пребыванія. Къ несчастью, большая часть врачей относится ко мнѣ какъ къ официальному лицу, какъ къ чиновнику, имѣющему право надѣлать каждому изъ нихъ кучу мерзостей, и это много мѣшаетъ мнѣ въ занятіяхъ съ этимъ народомъ; даже почти исключительно польскій и еврейскій элементъ этой компаніи не мѣшалъ бы столько, сколько эти чиновническія отношенія. Теперь, когда стала сухая погода, съ ясными, солнечными днями, съ удовольствіемъ работать въ госпиталѣ я соединяю еще верховую прогулку; ѣду туда и возвращаюсь, обыкновенно, дѣлая большой крюкъ въ чистомъ полѣ съ отличнѣйшимъ воздухомъ; конь мой служитъ мнѣ по прежнему и бѣгаетъ даже лучше прежняго, за эти холода у него шерсть стала гуще, и теперь я сталъ баловать его сахаромъ, до котораго онъ оказался большимъ люби-

телемъ. Ночи теперь здѣсь восхитительныя, лунныя, но настолько свѣжи, что всякій торчитъ въ какомъ-нибудь тепломъ уголѣ, который себѣ сдумалъ составить; къ чаю почти никто не приходитъ, за исключеніемъ Рылѣва, Ковалевскаго, Т., Щелкова и меня. Обыкновенно мы усаживаемся всѣ вмѣстѣ; интересныхъ разговоровъ бываетъ немного; весь интересъ сосредоточивается или на Ковалевскомъ, или на Т.; послѣдній, впрочемъ, послѣ поѣздки своей въ Бухарестъ къ женѣ, значительно измѣнился: огонекъ его, ярость затихли; конечно, онъ остался тѣмъ же протестантомъ, но далеко не такъ остроуменъ и смѣлъ, какъ прежде. Эту переменѣу въ немъ мы и ожидали... Интересенъ бываетъ Ковалевскій, когда его растолкаетъ Рылѣвъ; вслѣдствіе того, что Ковалевскій обыкновенно молчитъ, рѣчь его далеко не красна; говоритъ онъ книжнымъ языкомъ, отекая иногда нѣкими тривіальными выраженіями, но это, впрочемъ, не безъ оригинальности. Обыкновенно Юрій Николаевичъ выходитъ изъ своего равновѣсія молчанія, когда начнутъ рассказывать о какомъ-нибудь операторѣ, который много сдѣлалъ ампутацій на перевязочномъ пунктѣ; тутъ сыплется на этого оператора цѣлый дождь самыхъ отборныхъ бранныхъ выраженій: и дьяволъ, напр., и прочее, нецензурное. Вторая пуговка Ковалевскаго—это сестры милосердія, когда начнутъ его укорять въ томъ, что онъ за ними ухаживаетъ; вслѣдствіе этого обвиненія онъ начинаетъ ругать нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно красивыхъ, и тутъ приходилось иногда слышать такіа выраженія, которыхъ я никогда не слыхалъ, и которыя, очевидно, принадлежать самому автору. Большею частью Ковалевскій самъ не приходитъ къ чаю, обыкновенно за нимъ посылаютъ; тогда онъ является въ одномъ скюртукѣ, и начинается бесѣда.—Ну чтѣ, Ю. Н., вы были въ госпиталѣ?—„Нѣтъ, я туда не хожу“.—Отчего же, вѣдь вы ухаживаете за Р.?—„Ну ее къ дьяволу!“ и т. д. Онъ дѣйствительно изъ-за этихъ разговоровъ идетъ въ госпиталь чуть-ли не насильно, когда я его туда потащу. За чаемъ Щелковъ задумчивъ, изрѣдка только въ защиту телеграфовъ скажетъ нѣсколько словъ; нерѣдко къ чаю является нашъ осезъ, опрокидываетъ чашки, ѣстъ сахаръ и дѣлается общимъ предметомъ вниманія; въ 10^{1/2} отправляюсь къ Государю, послѣ него въ Адлербергу и возвращаюсь домой; это нынче, какъ завтра и т. д.

47.

10-го октября.—Наше возвращеніе держится все на тѣхъ же основаніяхъ; не зимуетъ, но когда вернемся—неизвѣстно. Теперь предстоитъ вѣроятно скоро поѣздка подъ Плевну,—это уже официально извѣстно; а за ней что—конечно никому неизвѣстно. Великій князь долженъ бы былъ поѣхать сегодня, но отложилъ, почему—неизвѣстно.

11-ю октября.—Вчера долженъ былъ прервать письмо, не докончивъ; меня позвали къ чаю, а потомъ долженъ былъ идти къ Государю, министру; домой вернулся въ 12 ч. и настолько было невесело на душѣ, что не хотѣлось подходить къ бумагамъ. Мнѣ казалось, что здѣшняя канитель никогда не кончится, что здѣсь цѣлый вѣкъ свой и проторчишь, то въ Горномъ-Студнѣ, то подъ Плевной. Это, конечно, было чисто физическое явленіе: вѣроятно, усталъ. Сегодня у меня повеселѣе на душѣ, больше надеждъ на будущее, хотя все-таки я не возмелъ еще въ настоящую свою норму.

Вчера съ утра я былъ нѣсколько выведенъ изъ своего равновѣсія. М. условился съ фотографомъ, который долженъ былъ прийти снять насъ съ нашей обстановкой. Назначено было въ 10 часовъ; ждемъ 11, 12, а фотографъ все не идетъ. Конечно, я пересталъ ждать уже въ 11 и засѣлъ за свое дѣло, но безпрестанно подходилъ ко мнѣ разсерженный старичокъ съ какой-нибудь новой руганью на фотографа. Старичокъ былъ и безъ того не въ своей тарелкѣ; съ самаго утра онъ бранилъ особенно свое помѣщеніе, гдѣ такъ холодно, что онъ не рѣшался спать безъ сапогъ, и гдѣ печка никакой пользы не приносила, бранилъ хозяйку, ея маленькую дочь 8 лѣтъ, которая такая же, какъ онъ говорить, скверная дѣвчонка, какъ и мать: цѣлый день, каналья, шляется, ничего не дѣлая; наконецъ, досталось и собакамъ, которая пришла съ нимъ изъ Плевны, жила на нашемъ дворѣ и держала себя довольно независимо все это время, едва, едва обращая на М. вниманіе,—и собака эта такая гадость, цѣлый день лежитъ на солнцѣ, ни о чемъ не заботясь. Все это перемѣшивалось постоянно съ бранью фотографа, который, очевидно, оскорбилъ его всего болѣе. Но вотъ 12 часовъ—мой сосѣдъ уходитъ завтракать, является фотографъ, сконфуженный и проситъ замолвить словечко за него. Начали мы сниматься и вышли, кажется, очень удачно; ты увидишь всю хату, въ которой я живу; на балкончикѣ я провожу цѣлый день, а сзади меня

все время, пока держится солнце, сидить вся моя болгарская живая обстановка; жена хозяина, его мать и два ребенка. Бабы постоянно за тканьемъ; держать себя онѣ такъ, какъ будто бы я былъ муха какая-нибудь, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія, не кланяются, не разговариваютъ другъ съ другомъ, точно лошади или коровы. Рисунокъ вышелъ очень хорошій... Между другими непріятными впечатлѣніями вчерашняго дня была у меня встрѣча въ госпиталѣ съ К. и П. Какъ будто на что-то наступилъ непріятное,—такое остается впечатлѣніе. Теперь, при встрѣчѣ съ К., мы едва кланяемся; съ П. же всегда бываетъ крупный разговоръ; я каждый разъ поднесу ему какую-нибудь гадость, и его манера относиться къ этому меня всегда, всегда возмущаетъ.

— У васъ нѣтъ секціонныхъ наборовъ при военныхъ временныхъ госпиталяхъ.

— Можно дѣлать вскрытія инструментами, назначенными для упражненій надъ трупами, — отвѣчаетъ съ оскорбительной самоувѣренностью почтенный товарищъ.

— Я бы васъ заставилъ самого вскрывать кишки безъ кишечныхъ ножницъ, такъ вы бы у меня поплясали.

Послѣ такого замѣчанія онъ обыкновенно сдаетъ и объясняетъ, что онъ писалъ и просилъ, но не его вина, что ему не даютъ ничего на его просьбы.

Вотъ какой типъ выработался; въ газетахъ они-таки помѣстили статью, что у нихъ все есть и всего хватаетъ; конечно, я П. и этого не пропустилъ.

Сегодня Государь, прощаясь съ великимъ княземъ, увѣзжавшимъ подъ Плевну, сказалъ, что дня черезъ два увидимся. Тучковъ уже отправленъ въ Порадимъ присматривать помѣщенія, но все-таки выѣздъ окончательно зависитъ отъ телеграммы главнокомандующаго,—врядъ ли будутъ торопить нашъ пріѣздъ; вообще, nous ne sommes pas les bien venus; курьезно, что также и Тотлебенъ со страхомъ ожидаетъ пріѣзда великаго князя. Всѣ, оказывается, мѣшаютъ одинъ другому.

Сегодня зашелъ ко мнѣ принцъ Баттенбергскій и объявилъ совершенно увѣреннымъ тономъ, что скоро увѣзжаемъ въ Россію; у меня сердце дрогнуло при этихъ словахъ.—Откуда вы слышали, ваше высочество?—„Это вѣрно: для кухни до сихъ поръ ставили подрабички и имъ никакого срока не давали; теперь же подрабичкамъ объявлено, что будутъ брать только до 15-го ноября; значить, мы увѣзжаемъ“. Пишу эти подробности, чтобы дать тебѣ понятіе о томъ, какъ здѣсь все ждетъ этого mot d'ordre—въ

Россію, къ своимъ! Конечно, это извѣстіе въ другое время меня бы очень оживило, но теперь я былъ совершенно убѣжденъ и на болѣе *положительныхъ* данныхъ, что мы не зимуемъ; уѣдемъ же, можетъ быть, и раньше 15-го ноября; многое, конечно, будетъ зависѣть отъ хода дѣлъ подъ Плевной. Оттуда пока очень разнорѣчивыя свѣденія; одни (очевидцы) говорятъ, что черезъ три недѣли Плевна сдастся, что провіанта тамъ нѣтъ и пр.; другіе (тоже очевидцы) не ручаются и за три мѣсяца, утверждая, что въ Плевнѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ громадныя запасы, вслѣдствіе того, что изъ этихъ мѣстностей въ обычное время все спускалось по Видду въ Дунай и далѣе; теперь же эти громадныя запасы хлѣба, по случаю войны, задержались, тѣ, конечно, доставить отличный провіантъ и надолго гарнизону, особенно при умѣренности турецкаго солдата; что же касается до голодныхъ перебѣжчиковъ, то большая часть этихъ перебѣжчиковъ болгары, которыхъ турки заставляютъ работать и плохо кормятъ; перебѣжчики изъ низама рѣдки, а если бываютъ, то сыты и хорошо одѣты. Вотъ тутъ и разбери; во всякомъ случаѣ, сомнительно и невозможно, чтобы Государь рѣшился сдать, чтобы крѣпость сдалась изъ-за голода. Впрочемъ, повторяю, все это слухи и, какъ видишь, даже противорѣчивые. Повторяю одно,—вѣрно то, что не зимуемъ, въ Систовѣ врядъ ли даже остановимся, пойдемъ напрямки.

Подъ Плевну послѣдуютъ, кажется, налегѣ—тоже хорошій знакъ. Мой сосѣдъ М. уже объявилъ мнѣ вполголоса, что походъ завтра или послѣ завтра, и въ это время онъ стоялъ на дворѣ передъ какой-то сѣрой лошадыю, которую запрягали въ его вновь приобретенный походный кабриолетъ, долженствующій пройти по всякой дорогѣ; но лошадь, тоже только-что купленная, какъ будто никогда въ жизни ничего не возила, стоитъ себѣ и ни съ мѣста. Одинъ человекъ садится въ кабриолетъ съ кнутомъ, другой тащить лошадь подѣ уздцы; лошадь дѣлаетъ самые медленные шаги, какъ будто учится ходить. М.—красный, недовольный, возмущенный, что купилъ такую лошадь, недурную съ вида, но совершенно наивно относящуюся къ лошадиному дѣлу. Сцена была пресмѣшная. Событіе съ лошадыю, конечно, отозвалось сейчасъ же на отзывахъ старика о штабѣ, о будущихъ дѣлахъ подъ Плевной. Оригинальный старикъ; онъ все надѣялся, кажется, получить какое-нибудь назначеніе, но его отстранили почему-то; храбръ-то онъ безъ сомнѣнія, дрался на Кавказѣ и сдѣлалъ много походовъ...

48.

13-го октября.—Сегодня послѣдній вечеръ въ этомъ гнѣздѣ; часть конвоя уже вышла; завтра утромъ идемъ и мы въ Порадимъ; пока врядъ ли долго тамъ останемся. Великій князь въ Боготѣ, чтѣ отъ Порадима верстахъ въ 12; вѣроятно, придется ѣздить ежедневно туда, а наконецъ и переѣдемъ. Сегодня получено извѣстіе о занятіи софійской дороги нашей гвардіей; подробности, конечно, извѣстны уже изъ газетъ. Нашего лучшаго войска было слишкомъ 20 тысячъ, а турокъ, кажется, только 7 тысячъ, но сколько усилій, чтобы взять одно укрѣпленіе,—десять часовъ боя! Судя по этому, можно сказать, что Плевна потребуетъ отъ насъ еще много крови, особенно если опять вздумаютъ ее брать съ боя, по примѣру прежнихъ трехъ разовъ. Всякій чувствовалъ, что нынѣшняя побѣда стоила намъ не дешево; почти всѣ командиры частей переранены. Но все-таки радовались, хотя и скрѣпя сердце; я себя чувствовалъ настолько взволнованнымъ, что цѣлый день проболтался ничего не дѣлая; утромъ пошелъ на панихиду по случаю смерти герцога Лейхтенбергскаго; затѣмъ завтракъ, послѣ котораго одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, пріѣхавшій изъ-подъ Плевны, объяснялъ весь планъ вчерашняго сраженія по картѣ; затѣмъ пошелъ болтаться по полю, вернулся домой, хотѣлъ-было позаняться, но пришелъ Ковалевскій; я ему предложилъ сходить пѣшкомъ въ госпиталь, куда и отправились прощаться и посмотреть такъ называемыхъ отмороженныхъ. Только-что прошли мы палату, какъ видимъ толпу врачей, и я узнаю старика Пирогова. Поцѣловались мы съ нимъ и тотчасъ же занялись пальцами; онъ согласенъ, что это эффектъ не одного холода, котораго и не было еще въ достаточной степени, чтобы объяснить происхожденіе этихъ заболѣваній имъ; главная причина лежитъ все-таки въ лихорадкѣ. Старикъ держалъ себя умно, скромно и не безъ такта; мнѣ показалось, что онъ за это время сильно постарѣлъ; впрочемъ, можетъ быть и усталъ.

Порадимъ. 14-го октября.—Около трехъ, пріѣхали сюда; день былъ отличный, въ тѣни 12°, на солнцѣ пекло, тихо, ясно; выѣхали изъ Горнаго еще съ сильнымъ туманомъ; теперь здѣсь подъ утро образуются надъ нами облака, которыя потомъ, въ 11 часамъ, поднимаются кверху. Ъхалъ я на ямщицкой четверкѣ; за Булгарени была подстава свѣжей четверки, и мы добрались благополучно безъ всякихъ приключеній, съ ужасомъ погляды-

вая на дорогу при воспоминаніи, какое будетъ мученье ѣхать послѣ дождя. Почва вся такая же глинистая, съ черноземомъ, такъ называемымъ суглинкомъ; дохлыя лошади, волю по обѣимъ сторонамъ дороги—въ различныхъ степеняхъ гніенія и истребленія собаками, сороками, воронами—краснорѣчиво говорили, что здѣсь было нѣсколько дней тому назадъ, когда еще почва не успѣла подсохнуть. Дорога была знакомая, мы уже два раза ее выдержали, но на нынѣшній разъ она была гораздо оживленнѣе: тогда на ней встрѣчались почти исключительно раненные въ тѣлѣгахъ и пѣшкомъ, теперь же почти исключительно везли снаряды, патроны—все въ сторону Плевны. Добрались наконецъ и до Порадима, гдѣ мнѣ уже была отведена хата недалеко отъ дома Государя; хаты здѣсь имѣютъ опять другой характеръ: въ сущности это землянки; моя, напримѣръ, почти на два аршина вырыта въ землѣ; надъ землею съ небольшимъ аршинъ стѣна, выложенная изъ плетня (прутьевъ), замазанная глиной, и изъ такого же матеріала куполообразная крыша, засыпанная землею; внутри чисто; стѣны покрыты глиной съ известью. Хата состоитъ изъ трехъ комнатъ; первая при входѣ темная, освѣщается только входною дверью, съ большимъ какъ бы каминомъ, который служитъ для варки и жаренія семейству болгаръ, населяющихъ эту первую комнату; въ ней же помѣстились и мои спутники, Антонъ съ казакомъ; слѣдующая комната чистая—моя; въ ней окно безъ стекла, но есть доска, которая сверху спускается и выполняетъ роль ставней; окно въ уровень съ землей; печка въ мою комнату выдается въ видѣ столба и топится изъ сосѣдней комнаты, рядомъ съ каминомъ моихъ хозяевъ; комната моя настолько высока, что я свободно по ней хожу, вытягиваясь во весь ростъ; третья комната моей хаты налѣво изъ входной двери, темная, небольшая и выполняетъ роль подвала: тамъ хранится кукуруза, мука, шерсть, ленъ въ различныхъ видахъ; эта комната сыра и имѣетъ особый запахъ отъ своего содержанія. Дворикъ у меня чистый; куръ нѣтъ; свиней я вижу только издали, онѣ заняты какими-то навозными кучами около сосѣднихъ хатъ, которыя здѣсь не отдѣляются заборами. Куръ, на мое счастье, я совсѣмъ не видалъ, и нѣтъ также этого непріятнаго, гнуснаго куринаго запаха, который меня такъ преслѣдовалъ въ Горномъ-Студнѣ. Въ сосѣдней со мной комнатѣ, какъ сказалъ, помѣщается вся семья; она состоитъ изъ старика-вдовца, на рукахъ котораго остались внучата и вдова его сына; еще не разобралъ путно, что за дѣти, видѣлъ только мать—губастую, здоровенную, лѣтъ тридцати-трехъ бабу; семья, кажется, бѣдная; ихъ ужинъ со-

стоялъ изъ одной кукурузы, которую они тутъ же клали на огонь, подпекали и ѣли безъ всякой приправы; дѣти ужинали, лежа уже подъ одѣяломъ, двое взрослыхъ же—сидя почти въ самомъ каминѣ, гдѣ дымились два полѣна. Теперь, кажется, постъ, и болгары строго соблюдаютъ обрядную сторону религіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ, не преданныхъ туркамъ; въ другихъ же, какъ, напр., въ Горномъ-Студнѣ, жители даже въ церковь не ходили. Порадимъ славянофильствуетъ, а потому посты соблюдаетъ и относится къ намъ гораздо мягче, чѣмъ сейчасъ же бросается въ глаза. Сегодня, когда я уѣзжалъ изъ Горнаго, семья смотрѣла на меня какъ на волка какого-нибудь, который убивается наконецъ вонъ; они все провѣряли и посматривали, не унесли ли мы чего,—и уѣхалъ я, не простившись ни съ кѣмъ.

Какъ стали подъѣзжать къ Порадиму, выстрѣлы становились все слышнѣе и слышнѣе, и сегодня все время только и слышишь ихъ. Какія непріятныя воспоминанія вызвали во мнѣ всѣ эти мѣста, эти выстрѣлы; сколько было обманутыхъ надеждъ, сколько горькихъ, слезныхъ минутъ напомнило мнѣ все это мѣсто!

Завтра, вѣроятно, ѣдемъ въ Боготъ, гдѣ лежатъ раненые, гдѣ главная квартира штаба. Чтобы не забыть, расскажу фактъ, который врядъ ли попадетъ въ газеты. На дняхъ румыны отказались идти на штурмъ; офицеры вздумали припугнуть ихъ революверомъ, за что были подняты на штыки своими солдатами... Хорроши союзники!!..

15-го октября. -- Сегодня цѣлый день прошелъ въ ѣздѣ; въ 11-ть отправились въ Боготъ, но дорогой заѣхали еще въ деревню Сталевицу, гдѣ помѣщается госпиталь (кажется, 70 съ докторомъ, — не помню); больные помѣщены частью въ палаткахъ, частью же въ землянкахъ, по десяти въ каждой. Раненыхъ немного, больше больные и на тотъ же характеръ лихорадочные съ пораженіемъ пальцевъ, только не тяжелая форма; кровавые поносы; отсюда въ Боготъ, гдѣ завтракали у великаго князя, и затѣмъ верхами въ госпиталь, прежде отъ Краснаго Креста учрежденный на счетъ Цесаревны, а потомъ въ военный госпиталь, гдѣ между прочимъ фигурировали Черкасскій съ Богоявленскимъ и Бубновымъ. По ихъ словамъ, госпиталь былъ очень плохо снабженъ, и Красный Крестъ выручилъ; еще не всѣ тяжело-раненные были привезены съ перевозочнаго пункта, а потому госпиталь глядѣлъ довольно весело, тѣмъ болѣе, что больные были ранены въ руки, стояли и съ вида были очень бодры; они только-что изъ Петербурга и не провели здѣсь ни мокрой весны, ни ужаснаго лѣта съ афри-

канскими жарамі. Потеря гвардіи при дѣлѣ 13-го числа равняется 3.000; цифра громадная, особенно если вспомнить, что противъ нихъ было не болѣе 5 или 6 тысячъ турокъ. Завтра будутъ брать Телишъ, редутъ, на который въ прошлый разъ дѣлали фальшивую атаку; если не взять Телиша, то позиція въ Горномъ-Дубнякѣ, говорятъ, недостаточно солидна. Вернувшись въ квартиру главнаго штаба, я видѣлъ турецкаго пашу, котораго привели къ Государю. Это старичокъ лѣтъ 50-ти, съ очень пріятной наружностью, съ голубыми кроткими глазами, сѣдой бородкой; держалъ онъ себя чрезвычайно спокойно, безъ восточной важности, но и не безъ сознанія собственнаго достоинства. Въ сожалѣнію, я подѣхалъ поздно, когда уже Государь пересталъ съ нимъ говорить, но знаю, что имъ остались недовольны за неохотливые и выѣстъ съ тѣмъ уклончивые отвѣты. Вернулись домой—уже почти было темно, въ половинѣ шестого; тутъ я получилъ мои вещи и теплый халатъ, отъ котораго я въ восторгѣ.

16-ю октября.—Сегодня такъ замучился, что съ трудомъ сажусь за столъ. Началась наша страда сегодня въ 9^{1/2} ч. утра; выѣхали мы изъ Породна (не Порадимъ, какъ его всѣ называютъ) и полтора часа тряслись по пыльной и скверной дорогѣ до Тульченицы; вторая половина дороги, кромѣ пыли, представляетъ такіе толчки вправо, влѣво, что всѣ бока разбалтываются; кромѣ этого, около Тульченицы—безпрестанно то въ гору, то подъ гору. Пейзажъ мрачный, кругомъ пустыня, лишь съ желтой, выгорѣвшей травой, и кое-гдѣ кустарникъ съ небольшими уже остатками желтыхъ, высохшихъ листьевъ; по лѣвой рукѣ отъ дороги встрѣчаются деревни, отличающіяся издали тѣмъ, что торчатъ вдали нѣсколько деревьевъ, а за ними кучи земли съ трубами; таковы Пелишотъ, Угалица. Тульченицы стоятъ въ громадномъ оврагѣ у какой-то маленькой рѣчки; это мѣстечко живописно, особенно когда оживлено различными военными декораціями; вправо отъ дороги красиво по горѣ разбросаны наши госпитальныя палатки; влѣво видны массы транспортовъ провіанта, снарядовъ, отдѣльныя части войскъ и прочія принадлежности военной обстановки. Особенно красиво, когда на этихъ крутыхъ и извилистыхъ дорогахъ тянется нашъ поѣздъ, казачій конвой впереди и сзади коляска Государя, затѣмъ цѣлый рядъ четверокопъ свитскихъ, опять нѣсколько казаковъ; все это довольно красиво, но пыль, невеселое настроеніе, конечно, мѣшаютъ любоваться всѣми этими декораціями. Въ Тульченицахъ мы сѣли на лошадей и отправились на такъ называемую гору 4-го корпуса; ру-

ководилъ объѣздомъ Государя Тотлебенъ. Намъ пришлось проѣхать цѣлымъ лагеремъ отлично сработанныхъ землянокъ; наконецъ, подѣхали къ 3-й дивизіи, которою прежде, при третьемъ плевненскомъ штурмѣ, командовалъ кн. Имеретинскій, и изъ которой осталось только пять тысячъ человѣкъ; видъ людей былъ очень порядочный, офицеры бодрые, веселые. Теперь постѣ холодовъ всѣ они мало хвораютъ, кровавые поносы почти исчезли, ѣдятъ по фунту мяса каждый день, но иногда нуждаются въ сухаряхъ. Затѣмъ мы должны были спѣшиться и пѣшкомъ идти на батарею, гдѣ и началось сидѣніе и созерцаніе, продолжавшееся два часа времени. День былъ туманный, облачный; съ этой батареи Плевна должна бы быть какъ на ладони, она только въ 3-хъ верстахъ, но изъ-за тумана она выѣзла, да и то не вполне и на очень короткое время. Зрѣніе видѣли, но это до моего зрѣнія было доступно только весьма неясно. Видъ съ этой батареи довольно большой; видны многія наши работы послѣдняго времени; видны войска, разбросанныя въ видѣ движущихся черныхъ кучъ въ различныхъ мѣстахъ этого гористаго пейзажа; видны даже и турецкія войска, собранныя мѣстами въ кучи. Въ теченіе всего времени, что мы сидѣли на батареѣ, конечно, они не стрѣляли, но зато отличались всѣ другія, производя время отъ времени такъ называемый концентрической огонь. Это довольно эффектно, но, конечно, все-таки не настолько интересно, чтобы не замѣтить этихъ двухъ часовъ, которые мы провели на батареѣ. Наконецъ, отправились въ нашъ редутъ, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, и въ четыре часа двинулись, наконецъ, обратно въ Порадимъ. Въ половинѣ шестого были дома; почти уже было темно. Я былъ разбитъ до нельзя; за объѣдомъ, отъ усталости, почти ничего не ѣлъ... Отдавъ отчетъ за весь день, прибавлю только о моемъ визитѣ плѣннымъ туркамъ, которыхъ сегодня привели сюда, 30 офицеровъ и 400 простыхъ, отъ 12-го числа. Офицеры на ночь помѣстились въ какомъ-то сараѣ; солдаты же попросту подъ открытымъ небомъ, какъ звѣрочки. Офицеры имѣютъ совершенно спокойный и бодрый видъ; нѣкоторые смотрятъ интеллигентно и добродушно; другіе имѣютъ видъ довольно тупой. Только одинъ изъ офицеровъ оказался говорящимъ по-французски; черезъ него я узналъ, что нѣкоторые изъ нихъ ранены, но не тяжело; одинъ больной, тоже не трудный, отъ неправильной ѣды: они около пяти дней, какъ говорилъ офицеръ, ничего не ѣли и поѣли только сегодня.

17-го октября.—Сегодня утромъ мнѣ пришли сказать, что Государь уже одѣвается,—не могъ остаться въ постели изъ-за радостной новости: подъ Плевной сдался на капитуляцію редутъ

за Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ; потери наши самыя ничтожныя; все дѣло окончено и начато было артиллеріей; то же самое было бы съ предшествовавшимъ редутомъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ взятый въ плѣнъ паша: еслибы артиллерія продолжала дѣйствовать, то они не держались бы болѣе часа и сдались, но наши поторопились и уложили три тысячи наилучшаго войска. То, что турки сдаются цѣлыми массами, конечно, очень утѣшительно и даетъ право дѣлать соображенія и относительно всего остального войска въ Плевиѣ, — сомнительно, чтобы оно долго выдержало нынѣшнюю осаду. Теперь для насъ всѣхъ чрезвычайно важный вопросъ: будетъ ли Государь до сдачи здѣсь, или уѣдетъ. Вчера, уѣзжая съ позиціи, онъ сказалъ Тотлебену: „Patience, patience et patience!“

Также вчера, дѣлая одно приказаніе, онъ сказалъ: „когда я поѣду“ и т. д. Это многозначительно и даетъ право надѣяться, что моя дерзкая мысль о возможности пріѣзда раньше мѣсяца въ Петербургъ не есть абсурдъ. Относительно зимовки Государь уже высказался, что не зимуетъ.

Я описывалъ уже свое помѣщеніе; теперь оно улучшилось тѣмъ, что къ окну устроили раму со стекломъ, такъ что въ дурную, холодную погоду можно будетъ сидѣть въ комнатѣ и пользоваться дневнымъ свѣтомъ; теперь настолько мягко, что цѣлый день сижу въ своей палаткѣ, которую раскинулъ противъ хаты. Хозяева вроткіе; старикъ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ, а баба цѣлый день съ чѣмъ-нибудь ковыряется дома: то варить какой-то невозможный супъ изъ перца безъ мяса и, кажется, безъ сала или масла, то занимается чисткой своего дома; сегодня, на примѣръ, очередь дошла до камина: она вытерла тряпкой копоть, насколько позволилъ ей ростъ, и затѣмъ вымазала глиной, т.-е. взяла со двора земли, развела ее водой и лапами пошла накладывать на стѣну и размазывать; дѣтки больше трутся около матери, не крикливы, день проводятъ довольно вяло, а вечеромъ и ночью сегодня кашляютъ; младшая ночью выкрикиваетъ и что-то болтаетъ. Дѣти некрасивы, типъ славянской; младшая цѣлый день сегодня сидитъ на крыльцѣ въ какомъ-то нѣмомъ созерцаніи всего окружающаго; около крыльца лежитъ песь очень типичный, похожій, какъ большая часть здѣшнихъ псовъ, на волка, совершенно равнодушно относящійся къ человѣческой породѣ, но не выносящій свиней; эти животныя только и нарушаютъ спокойствіе этого хозяина околота; какъ только завидитъ, что свинья дерзнула зайти въ нашъ околотовъ, такъ онъ со всѣхъ ногъ, съ визгомъ и лаемъ, бросается на дерзновен-

ныхъ нарушителей порядка; какъ только прогнать этихъ звѣрушекъ, песь возвращается на свое мѣсто. Мышей въ этомъ помѣщеніи я не слышу и не вижу, но зато черные тараканы въ большомъ изобиліи и даже въ моей чистой комнатѣ. Сейчасъ пришла хозяйка съ какимъ-то тяжелымъ мѣшкомъ; старшая ея дѣвочка, около 11 лѣтъ, ей помогаетъ и тащитъ мѣшокъ маленький; песь изъясвилъ радость, которую въ восточной собакѣ не всегда увидишь. Оказывается, что младшій изъ ребятишекъ, около двухъ лѣтъ, былъ посаженъ на крыльцо съ расчетомъ: здѣсь первыя двѣ ступеньки очень высокія и онъ не можетъ вылезти изъ хаты на дворъ, ни спуститься внизъ и попасть къ камину. Ребенокъ остается въ этомъ положеніи самымъ спокойнымъ образомъ; собака его оберегаетъ отъ свиней.

Здѣсь стоянка, кажется, будетъ лучше, чѣмъ въ Горномъ-Студнѣ. Порадимъ—большое село съ церковью; лежитъ оно выше Горнаго-Студня метровъ на сто; вѣроятно вслѣдствіе этого оно и суше, и такъ какъ оно гораздо дальше отъ Дуная, то здѣсь нѣтъ тумановъ, которые такъ дождали насъ въ послѣдніе дни въ Горномъ-Студнѣ: тамъ все населеніе только и дѣлаетъ, что кашляетъ, какъ и мы грѣшныя; видъ здѣшнихъ дѣтей здоровѣе. Почти все наше наплывное населеніе размѣстилось по хатамъ, или лучше землянкамъ; тутъ же живетъ теперь и румынскій принцъ Карлъ съ своей свитой. Нынѣшнее извѣстіе о побѣдѣ всѣхъ чрезвычайно оживило; утѣшительно то, что потерь у насъ почти нѣтъ,—кажется, одинъ убитый; и если вспомнишь, что и Горный-Дубнякъ могъ быть взятъ такимъ же способомъ, еслибы не погорячились наши начальники, то дѣлается прискорбно. Вѣдь оказывается, что потеря гвардіи 13-го числа равняется 4.500 человекъ! Это ужасно, особенно въ дѣлѣ, гдѣ противниковъ было не болѣе 6-ти тысячъ человекъ.

Большая часть плѣнныхъ офицеровъ говорить, что они дальше съ нами драться не могутъ, что у нихъ нѣтъ пушекъ; они также показываютъ, что въ Плевнѣ мало ѣды; мясо офицеры получали только два раза въ недѣлю.—Только-что дописывалъ эти строки, какъ пришелъ ко мнѣ Пелѣхинъ; онъ шелъ мимо Порадима съ транспортомъ раненыхъ 12 офицеровъ; повозки остановились у деревни, а Пелѣхинъ забѣжалъ ко мнѣ. Пока Антонъ бѣгалъ за чаемъ, мы пошли взглянуть транспортъ, который на этотъ разъ, конечно, дѣлалъ иное впечатлѣніе, чѣмъ въ первыхъ числахъ сентября; впрочемъ весь транспортъ былъ снаряженъ отъ Краснаго Креста на повозкахъ, работанныхъ въ Вѣнѣ; всѣ раненые были очень довольны, но замѣчательно, что самыми удобными перевозочными средствами все-таки были простыя телѣги съ большимъ ко-

личеством соломы; этот образец, который мнѣ тогда понравился, оказался самымъ побойнымъ. Всѣ раненные счастливы, что могутъ ѣхать; впрочемъ было двое въ числѣ этого транспорта, которымъ было очень плохо, и одинъ изъ нихъ недалеко доѣдетъ вѣроятно. Видѣ офицеровъ рѣзко отличается отъ худыхъ, блѣдныхъ и истощенныхъ армейцевъ; несмотря на свои раны, они почти всѣ безъ исключенія были румяны и свѣжи такъ, какъ здѣсь мы и не привыкли видѣть. Вѣдь здѣсь пожившіе, подъ вліяніемъ неизбѣжной лихорадки, дѣлаются желтоватыми, и каждый болѣе или менѣе теряетъ тотъ цвѣтущій видъ, которымъ обладаютъ вновь пришедшія сюда войска. И П. ѣдетъ въ Петербургъ, доставя свой транспортъ до Зимницы или до Систова,—не знаю хорошенько. П. передавалъ свое впечатлѣніе неблагоприятное относительно Пирогова, съ которымъ онъ встрѣтился въ Боготѣ. Пироговъ, очевидно, рѣшился все хвалить, говоря, что война—такое бѣдствіе, которое ничѣмъ не поправляется, а то, что сдѣлано, то прекрасно. Повидимому, Пироговъ дѣйствительно такъ благодушно настроенъ; но ему 74 года, оно и понятно, да и элементы теперешняго медицинскаго персонала арміи ему очень симпатичны. Нельзя, впрочемъ, и желать, чтобы явился какой-нибудь юноша на мѣсто Пирогова и разнесъ бы все, что только существуетъ устроеннымъ. Боюсь только, чтобы Пироговъ не освятилъ такимъ образомъ цѣлую кучу вздора и вреда. Посмотримъ, что будетъ дальше. Сегодня опять привели сюда громадную партію плѣнныхъ турокъ (1.800); я ходилъ ихъ смотрѣть и засталъ всю компанію приготовляющуюся обѣдать; голодны, надо признаться, но народъ крѣпкій и много изъ нихъ красивыхъ; безъ всякаго сомнѣнія; они смотрятъ гораздо интеллигентнѣе и даже добродушнѣе нашихъ братушекъ. Конечно, вся эта масса устроилась на открытомъ воздухѣ, при очень слабомъ конвоѣ. Признаюсь, мнѣ жутко становилось оставаться вблизи этихъ пойманныхъ звѣрковъ, хотя и безоружныхъ; они рвались къ водѣ, которую имъ подавали по ведру, и напирали на цѣпь солдатъ не безъ южной страстности, которая и наводила на меня нѣкоторое смущеніе.

Наконецъ, сюда явился и К., который и дѣлалъ со мной эту прогулку къ туркамъ. Встрѣча наша не была очень дружеская, но, впрочемъ—довольно скромно и прилично. Всего меньше мы говорили о здѣшнихъ медицинскихъ дѣлахъ; я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, которые онъ мнѣ разъяснилъ, сваливъ всю вину на интендантство,—тѣмъ и кончилось. Авось мы съ нимъ встрѣчаться не будемъ; онъ сегодня уѣхалъ въ Зимницу.

ИЗЪ ТЕННИСОНА

I.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Баллада.

Изъ древняго рода мы были съ сестрою,
Она затмѣвала меня красотою.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
Ее обольстилъ онъ. Несчастной паденье
Внушило мнѣ жажду глубокую мщенья.
Графъ былъ красавецъ собой.

Со смертію душу она загубила
И домъ нашъ старинный позоромъ покрыла.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
И мыслью съ тѣхъ поръ я жила ежечасно:
Быть графомъ любимой безумно и страстно.
Графъ былъ красавецъ собой.

На пиръ я послала ему приглашенье,
И въ сердцѣ его пробудила влеченье.
Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
А ночью на ложѣ заснулъ онъ со мною,
Склоняся къ плечу моему головою.
Графъ былъ красавецъ собой.

И страстно въ безмолвьѣ и сумракѣ ночи
 Ему цѣловала уста я и очи.
 Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
 Жестокая злоба мнѣ сердце сдавила,
 Но я, ненавидя, безумно любила.
 Графъ былъ красавецъ собой.

Въ безмолвіи ночи неслышно я встала,
 Я сталь отточила сама у кинжала.
 Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
 И что-то во снѣ прошепталь онъ невнятно,
 А я поразила его троекратно.
 Графъ былъ красавецъ собой.

Онъ былъ такъ прекрасенъ! Я кудри съ любовью
 Ему расчесала, склонясь къ изголовью.
 Какъ вѣтеръ надъ башней гудить угловой!..
 И матери графа—подарокъ желанный—
 Я трюпъ отослала его бездыханный.
 Графъ былъ красавецъ собой.

II.

ЛЭДИ КЛЭРА ВЕРЪ-ДЕ-ВЕРЪ.

О, лэди Клэра Веръ-де-Веръ,
 Для васъ немыслима побѣда!
 Явить могущества примѣръ
 Хотѣли вы—завлечь сосѣда,—
 Но я, я увидалъ силѣкъ
 И спасся. Мнѣ мила свобода.
 Любить васъ я желать не могъ,
 Хоть вы и княжескаго рода.

О, лэди Клэра! Вы своимъ
 Гордитесь происхожденіемъ,
 Но я пренебрегаю имъ;
 За гордость я плачу презрѣніемъ.
 Для васъ я жизнь не разобью
 Простого, кроткаго созданья,

Ея любовь я признаю
Важный гербовъ и состоянья.

О, лэди Клэра, не меня—
Другихъ ищите для забавы!
Будь вы царицей—все же я
Въ любви такой не вижу славы.
Какъ велика любовь моя—
Вы знать хотѣли изъ каприза?
Увы, къ вамъ холоднѣе я,
Чѣмъ левъ надъ мраморомъ карниза.

О, лэди Клэра, съ дня того,
Когда похоронилъ я друга,
Три года минуло всего,
А умеръ онъ не отъ недуга...
Вы вспоминали про него
Съ печалью кроткой и красивой,
Но рана на груди его
Была весьма краснорѣчивой...

О, лэди Клэра, въ страшный часъ,
Когда за матерью послали,
Какія истины о васъ
Мы отъ несчастной услышали!
Она изяществомъ манеръ
Не отличалась, безъ сомнѣнья,
Какое носить Веръ-де-Веръ
Присуще съ самаго рожденья.

О, лэди Клэра, вѣрьте мнѣ,
Садовнику съ его женою
Не снится даже и во снѣ,
Что длинной предковъ чередою
Гордитесь вы. Всего важный
Люби священные законы,
А міру доброта нужнѣй,
Чѣмъ всѣ гербы и всѣ короны.

Я, лэди Клэра, знаю васъ.
Васъ мучить недовольства бремя,

И взоръ усталый вашихъ глазъ
Въ тоскѣ нѣмой считаетъ время.
Съ богатствомъ вашимъ, съ красотой,
Вы все-жъ страдаете порою,
И, съ этой въ сердцѣ пустотой,
Жестокон тѣшитесь игрою.

О, леди Клэра Веръ-де-Веръ,
Вамъ все даровано судьбою;
И милосердія примѣръ
Могли бы вы явить собою.
Больныхъ и нищихъ развѣ нѣтъ,
Въ тоскѣ напрасно вопіющихъ?
Въ сердца пролейте знанья свѣтъ
И приютите неимущихъ!

О. МИХАЙЛОВА.

ГАМБЕТТА

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

— Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta. I—XI vol. Paris.

I.

2-го апрѣля 1838 года, въ небольшомъ городкѣ Кагорѣ, пріютившемся на югѣ Франціи, этой родинѣ Мирабо, родился Леонъ-Мишель Гамбетта, имя котораго золотыми буквами вписала на свои страницы новѣйшая исторія Франціи. Оно блещетъ одинаково яркимъ свѣтомъ какъ въ трагическую эпоху кровавой франко-нѣмецкой распри 1870—1871 г., когда онъ явился высшимъ выразителемъ пламеннаго патріотическаго духа, такъ и въ тяжелый, послѣдовавшій за пагубною войною періодъ, когда онъ сдѣлался неутомимымъ, смѣлымъ и вмѣстѣ осторожнымъ и спокойнымъ вождемъ республиканской партіи, видѣвшей въ окончательномъ установленіи республики единственный вѣрный залогъ обновленія и возрожденія Франціи.

Гамбетта былъ въ полномъ смыслѣ слова „le fils de ses oeuvres“. Отецъ его былъ мелкій торговецъ, родомъ изъ Генуи; мать его происходила изъ стариннаго рода средняго сословія и принадлежала къ тому либеральному поколѣнію тридцатыхъ годовъ, которое питалось политическими идеями блестящаго публициста Армана Карреля. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ лицей своего родного города, куда онъ поступилъ пройдя уже, впрочемъ, двухгодичный курсъ въ небольшой семинаріи сосѣдняго города Монтобанъ. На школьной скамьѣ Гамбетта заставилъ уже обратить на себя вниманіе своихъ воспита-

телей выдающимися способностями, отличавшими мальчика, имѣвшаго несчастье въ самыхъ раннихъ годахъ лишиться зрѣнія на одинъ глазъ. Согласно легендѣ, сложившейся гораздо позже, когда на Гамбетту были устремлены уже всѣ взоры не только его родины, но и цѣлой Европы, онъ выкололъ нарочно себѣ глазъ, чтобы не оставаться въ семинаріи, такъ какъ онъ питалъ отвращеніе къ духовному призванію. Въ дѣйствительности, однако, потеря глаза была дѣломъ несчастнаго случая. Будучи восьмилѣтнимъ мальчикомъ, онъ заглядѣлся на работу одного мастерового, сверлившаго что-то кускомъ старой рапиры. Сталь лопнула, и обломокъ ея попалъ прямо въ глазъ, навсегда потерянный для Гамбетты. Этотъ несчастный случай не оказалъ, однако, никакого вліянія на его занятія и дальнѣйшій ходъ его образованія.

Блистательно окончивъ курсъ кагорскаго лицея, гдѣ онъ со страстнымъ увлеченіемъ предавался изученію гуманитарныхъ наукъ, зачитываясь сочиненіями по исторіи и литературѣ, Гамбетта 18-ти лѣтъ покинулъ свой родной городъ и отправился въ Парижъ, эту Мекку всѣхъ французовъ, чувствующихъ въ себѣ какую-либо нравственную силу и рвущихся выдвинуться изъ толпы. Гамбетта былъ уже окрыленъ тѣмъ успѣхомъ, который выдѣлилъ его въ лицѣ изъ толпы его сверстниковъ, и тѣмъ вліяніемъ на своихъ школьныхъ товарищей, котораго никто у него не оспаривалъ. Поступивъ въ *Ecole de droit*, Гамбетта съ энергіей принялся за изученіе юридическихъ наукъ, не покидая, однако, обширнаго историческаго и литературнаго чтенія. Научныя занятія этого студенческаго періода его жизни не только не сдѣлали для него чуждыми политическіе интересы, но скорѣе, напротивъ, они подстрекали его глубже вглядываться въ политическую жизнь своей родины. Политическіе споры, въ эти молодые годы, имѣли для Гамбетты особую притягательную силу; они манили его къ себѣ, воспламеняя его умъ и чувство. За студенческими обѣдами, вечеромъ, въ *café*, за кружкой пива или стаканомъ холоднаго кофе, Гамбетта постоянно возбуждалъ политическіе дебаты, и товарищи его, студенты, часто дивились его смѣлымъ обобщеніямъ, глубинѣ его взглядовъ и страстности въ защитѣ свободолюбивыхъ идей. Онъ поражалъ своихъ товарищей стройностью своихъ сужденій, силою своей логики, несокрушимостью своихъ выводовъ, умѣньемъ однимъ удачнымъ словомъ, эпитетомъ, какимъ-либо красивымъ образомъ охарактеризовать то или другое событіе, то-есть, именно тѣми свойствами, которыя впоследствии довелъ онъ до такой необычайной силы.

Какъ въ кагорскомъ лицейѣ товарищи его невольно подчиня-

лись его вліянію, такъ точно и въ *Ecole de droit* его сверстники признали его авторитетъ, и онъ, самъ о томъ не думая, сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировалась университетская молодежь. Гамбетту любили слушать, его уважали, товарищи пророчили ему блестящую политическую будущность. Безконечные бесѣды, споры, пренія не были для Гамбетты безплодны. Они обостряли его діалектическое дарованіе, закаляли его мѣтнія и убѣжденія, заставляли задумываться надъ спорными вопросами и искать разрѣшенія ихъ въ прошломъ, въ историческихъ событіяхъ не только Франціи, но и другихъ народовъ. Онъ сознавалъ необходимость обогащать все больше и больше свой умъ всестороннимъ изученіемъ прошлаго. Политическіе споры заставляли его еще больше работать, вооружаться знаніемъ и чужимъ опытомъ.

Миновали студенческіе годы, наступила для него пора поступаться въ двери дѣйствительной, самостоятельной жизни. Только свободная профессія, тѣсно соприкасавшаяся съ общественною жизнью и доставлявшая возможность бороться противъ того государственнаго строя, который долженъ былъ встрѣтить въ Гамбеттѣ непримиримаго и безстрашнаго врага, могла привлекать къ себѣ будущаго организатора народной обороны. Въ 1860 г. Гамбетта приписывается къ сословію парижскихъ адвокатовъ и работаетъ первые годы подъ руководствомъ извѣстнаго адвоката Кремьё, бывшаго министра юстиціи второй французской республики. Первые его шаги на новомъ поприщѣ быстро привлекли къ нему вниманіе его молодыхъ и болѣе зрѣлыхъ товарищей по профессіи, и очень скоро ему оказана была честь избранія его въ президенты конференціи Молё и въ секретари конференціи „стажіеровъ“, т.-е. молодыхъ людей, внесенныхъ уже въ списки адвокатуры, но не сдѣлавшихъ еще ея полноправными членами. Годы помощничества были для Гамбетты годами энергическаго труда, усиленной работы надъ своимъ образованіемъ. Онъ не замыкался въ тѣсный кругъ юридической спеціальности. Онъ старался расширить свой умственный горизонтъ изученіемъ классическихъ французскихъ писателей. Произведенія Вольтера, Дидро, Раблэ были настольными книгами Гамбетты. Руссо не принадлежалъ къ числу его излюбленныхъ авторовъ. Рядомъ съ постояннымъ и усиленнымъ чтеніемъ, Гамбетта въ этотъ періодъ былъ однимъ изъ самыхъ прилежныхъ посѣтителей *Collège de France* и Сорбонны и слушалъ лекціи по самымъ разностороннимъ отраслямъ знанія. На память онъ цитировалъ по-гречески цѣлыя отрывки изъ рѣчей Демосѣна.

Научныя занятія въ этотъ періодъ его жизни не поглощали, однако, цѣлякомъ Гамбетту; онъ не упускалъ изъ виду своей профессиональной дѣятельности, выступая преимущественно въ качествѣ защитника въ процессахъ литературныхъ и политическихъ, недостатка въ которыхъ не было въ то время. Въ часы досуга, послѣ обѣда, Гамбетта появляется обыкновенно въ знаменитомъ Café Procope, этомъ сборномъ пунктѣ энциклопедистовъ XVIII-го столѣтія, гдѣ все напоминало о той другой—далекой уже эпохѣ умственной борьбы съ старымъ порядкомъ, и здѣсь Гамбетта, окруженный своими молодыми сверстниками, вступалъ въ страстные политическіе споры, пропагандируя свои республиканскія идеи и не скрывая своей пламенной ненависти къ имперіи, обезличившей и поработившей его родину.

Какъ ни сложны и ни разнообразны были занятія Гамбетты, они все же не могли отвлечь его отъ того, что заставляло усиленно трепетать и биться его молодое и горячее сердце—политической жизни Франціи. Выпадали дни, когда онъ цѣлые часы просиживалъ въ законодательномъ корпусѣ, слѣдя за дебатами, присматриваясь къ политическимъ дѣятелямъ имперіи, наблюдая и изучая выдающихся ораторовъ того времени—Беррье, Жюль Фавра, Тьера. Послѣ окончанія засѣданія, онъ торопился домой и часть ночи просиживалъ за письменнымъ столомъ, описывая яркими красками выдающееся политическое засѣданіе. Отчеты его, всегда обращавшіе на себя вниманіе, появлялись въ газетѣ „Europe“, издававшейся во Франкфуртѣ, и ускользавшей такимъ образомъ изъ-подъ власти французскихъ законовъ о печати того времени. Его литературная дѣятельность въ ту эпоху не ограничивалась одними корреспонденціями и отчетами о засѣданіяхъ законодательнаго корпуса. Изъ-подъ его молодого пера вышло нѣсколько замѣчательныхъ статей, посвященныхъ военному бюджету. Въ то время онъ уже завязывалъ связи съ военнымъ міромъ.

Вліяніе, приобрѣтенное имъ на своихъ товарищей, на молодежь Латинскаго квартала, успѣхи его въ качествѣ адвоката, если и не особенно громкіе, то все же выдѣлявшіе его изъ толпы и начинавшіе разносить его имя по лѣвой сторонѣ Сены, т.-е. въ наиболѣе горячей и легко возбуждающейся части Парижа, доставили ему возможность въ 1863 г. выступить въ качествѣ энергичнаго борца противъ имперіи. Онъ сдѣлался душою избирательнаго періода въ студенческомъ кварталѣ Парижа, со свойственною ему страстностью поддерживая кандидатуры лицъ, представлявшихъ знамя оппозиціи Наполеоновскому режиму. Кандидатура одного изъ выдающихся и наиболѣе талантливыхъ оппо-

зиціонныхъ политическихъ писателей, Прево Парадоля, такъ печально окончившаго свою жизнь и искупившаго только самоубійствомъ свое отступническое примиреніе со второю имперіей, была дѣломъ рукъ молодого Гамбетты. Энергія, искусство, тактъ, ораторскій талантъ, выказанный имъ въ этотъ избирательный періодъ, заставили старыхъ политическихъ бойцовъ съ надеждою и любовью устремить свои взоры на выдвигавшагося съ отвагою впередъ политическаго дѣятеля. Съ этой поры Гамбетта получилъ уже значеніе въ оппозиціонномъ лагерѣ, голосъ его имѣлъ уже извѣстный вѣсъ. Но часъ рѣшительнаго боя съ имперіей, который долженъ былъ разнести по всей Франціи имя Гамбетты и заставить признать въ немъ одного изъ вождей республиканской партіи, еще не пробилъ,—онъ былъ еще впереди. Часъ этотъ пробилъ пять лѣтъ спустя лишь послѣ избирательнаго періода 1863 г., когда во время процесса, оставшагося въ исторіи Франціи извѣстнымъ подъ именемъ процесса Бодена, Гамбетта уже во всей мощи и блескѣ выказалъ свой необычайный ораторскій талантъ, и когда онъ такъ безстрашно бросилъ вызовъ имперіи, пригвоздивъ ее своимъ воодушевленнымъ и огненнымъ словомъ къ позорному столбу исторіи.

Имя Бодена перешло въ исторію его страны только потому, что, будучи народнымъ представителемъ въ національномъ собраніи 1848 г., онъ желалъ скорѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ на воздвигнутыхъ баррикадахъ, отстаивая своею грудью свободу и право, чѣмъ примириться съ кровавымъ государственнымъ переворотомъ 2-го декабря 1851 года. Въ началѣ 1868 г., когда зданіе имперіи начинало давать уже трещины, нѣсколько чловѣкъ горячихъ патріотовъ и убѣжденных республиканцевъ, во главѣ которыхъ стояли Шальмель-Лакуръ, Пейрѣ и Делаклюзъ, открыли подписку для сооруженія памятника Бодену. Императорское правительство возбудило противъ инициаторовъ этой подписки уголовное преслѣдованіе, обвиняя ихъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія и въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству Наполеона III. Наканунѣ самаго процесса одинъ изъ обвиняемыхъ, Делаклюзъ, успѣвшій уже одѣлать замѣчательный ораторскій талантъ Гамбетты, сказавшійся съ такою силой въ нѣсколькихъ предшествовавшихъ политическихъ процессахъ, обратился къ нему съ предложеніемъ принять на себя его защиту. Быстро ознакомившись съ дѣломъ, Гамбетта на другой день скромно занялъ свое мѣсто на скамьѣ защиты рядомъ съ Жюлемъ Фавромъ, Кремьѣ, Араго, имена которыхъ пользовались уже такою громкою и заслуженною славою.

Не защитником Делаакюза, а суровымъ, беспощаднымъ, страстнымъ и безстрашнымъ обвинителемъ второй имперіи явился Гамбетта въ этомъ процессѣ. Рѣчь его произвела потрясающее впечатлѣніе; она была громовымъ ударомъ для имперіи, въ которомъ слышался для нея погребальный звонъ. Никогда до той поры, до 14-го ноября 1868 г., имперія не становилась еще лицомъ въ лицу съ такимъ отважнымъ и мощнымъ борцомъ, бичевавшимъ со львиною силою ея преступное положеніе. „Послѣднее мѣсто,—говорилъ онъ,—гдѣ осмѣливались бы прославлять подобныя преступленія, это святая святыхъ судей, такъ какъ тутъ имѣть право вѣщать во всеуслышаніе одинъ лишь законъ... Да, 2-го декабря вокругъ претендента сгруппировались люди, которыхъ Франція не знала до той поры, которые не обладали ни талантомъ, ни положеніемъ, ни честью, люди, во всѣ эпохи являющіеся сообщниками насилія... „un tas d'hommes perdu de dettes et de crimes...“ привелъ онъ стихъ Корнеля. Гдѣ же были,—спрашивалъ онъ,—люди, защищавшіе законъ? Въ Мазасѣ, въ Венсеннѣ, по пути въ Кайенну, по дорогѣ въ Ламбессу. „Думаете ли вы,—восклицалъ Гамбетта,—что кто-либо смѣетъ говорить, что онъ спасъ общество, только потому, что онъ занесъ на него преступную руку?“ Нарисовавъ яркими, правдивыми, но ужасающими по трагизму красками картину обманутой и задущенной провинціи, разстрѣяннаго Парижа, онъ потребовалъ отъ имперіи, что она сдѣлала съ сокровищами Франціи, съ ея кровью, честью и славою. Вся его рѣчь, прерываемая председателемъ и прокуроромъ, дышавшая столько же мощнымъ духомъ, сколько нескрываемымъ презрѣніемъ къ имперіи и ея слугамъ, оборвалась на словахъ: „Слушайте, это мое послѣднее слово: вы можете наносить намъ удары, но вы никогда не будете въ силахъ ни обезчестить насъ, ни уничтожить“.

На другой день вся Франція жадно читала громовую рѣчь Гамбетты въ защиту Делаакюза. 2-е декабря 1868 г. воскресло съ необычайною яркостью, точно преступное дѣло совершилось только наканунѣ, а не было затушевано длиннымъ періодомъ 17 лѣтъ. Пламенное слово Гамбетты заставило трепетать всѣ сердца, къ нему обратились взоры всѣхъ патріотовъ, любящихъ свою родину, въ немъ увидѣли одну изъ надеждъ Франціи. Одного дня было достаточно, чтобы имя Гамбетты прогремѣло по всей странѣ, и чтобы за нимъ окончательно укрѣпилось положеніе выдающагося политическаго дѣятеля. Двери законодательнаго корпуса открылись передъ нимъ настѣжъ. Какъ разъ въ то время, когда процессъ Бодена какъ бы крестилъ новую ораторскую славу

Франціи, умиралъ старый знаменитый ораторъ Беррье, точно освобождая для своего достойнаго преемника мѣсто депутата въ законодательномъ корпусѣ. Избиратели марсельскаго округа порѣшили предложить Гамбеттѣ отфыркнувшееся со смертью Беррье его политическое наслѣдство. Правительство, встревоженное и напуганное карающимъ словомъ Гамбетты, приняло свои мѣры, чтобы отдалить по крайней мѣрѣ моментъ появленія въ законодательномъ корпусѣ грознаго молодого оратора. Оно отсрочило всѣ дополнительные выборы въ виду приближенія эпохи новыхъ общихъ выборовъ. Не долго пришлось ожидать Гамбеттѣ своего вступленія на новое, привлекавшее его поприще. Въ 1869 году состоялись общіе выборы, и Гамбетта, избранный въ двухъ округахъ Марселемъ и Парижемъ, появился въ законодательномъ корпусѣ. Марсель предпочелъ его—Тьеру; Парижъ далъ ему пальму первенства—передъ Карно.

II.

Если въ рѣчи по дѣлу Бодена Гамбетта заявилъ себя первокласснымъ, страстнымъ ораторомъ, убѣжденнымъ республиканцемъ и заклятымъ врагомъ порядка, основаннаго на насиліи и попраніи народныхъ правъ, то съ самаго перваго момента появленія своего въ законодательномъ корпусѣ, съ перваго раза, когда онъ взошелъ на трибуну, онъ выказалъ себя вполне готовымъ политическимъ дѣятелемъ, вооруженнымъ всестороннимъ знаніемъ, человекомъ обладающимъ глубокимъ литературнымъ, историческимъ, политическимъ, экономическимъ образованіемъ. Громадное большинство палаты ожидало встрѣтить въ Гамбеттѣ болѣе чѣмъ горячаго республиканца, какого-то демагога, который своею страстностью и необузданностью самъ первый скомпрометируетъ свое положеніе и поколеблетъ тотъ престижъ, который доставила ему его знаменитая рѣчь въ Palais de Justice. Ожиданія эти не оправдались. Палата увидѣла передъ собою человека, превосходно владѣющаго собою и умѣющаго не только говорить съ людьми противоположныхъ ему убѣжденій, но и заставлять слушать себя даже самыхъ непримиримыхъ враговъ. Спокойный, сдержанный, увѣренный въ своихъ собственныхъ силахъ и убѣжденный, что вторая имперія стоитъ на краю гибели, Гамбетта успѣшилъ развернуть свою политическую программу, по которой не трудно было признать въ немъ истинно государственнаго человека, ясно сознающаго, что онъ хочетъ и по ка-

кому пути слѣдуетъ идти, чтобы вывести Францію изъ того состоянія маразма, въ которое ее ввергла вторая имперія. Его первыя обращенія къ избирателямъ, равно какъ и первыя рѣчи въ законодательномъ корпусѣ дають ключъ къ полному уразумѣнію его политическаго и соціальнаго міросозерцанія. Порядокъ и законъ—вотъ основныя условія правильной государственной жизни, но эти условія несомнѣстимы ни съ произволомъ второй имперіи, ни съ произволомъ демагогическимъ. Тотъ и другой онъ признаетъ одинаково ненавистнымъ, такъ какъ тотъ и другой—это вѣтви одного и того же дерева. „Истинная, честная демократія,—говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ избирателямъ,—вотъ единственный врагъ демагогіи, единственная узда, единственный оплотъ противъ покушеній демагоговъ всякаго рода. Демагоги бываютъ двухъ родовъ; они называются Цезаремъ или Маратомъ... Вотъ двѣ демагогіи; я нахожу ихъ одинаково ненавистными, одинаково пагубными“.

Глубокое и основательное изученіе исторіи Франціи привело его къ убѣжденію, что демократическій государственный строй, завѣщанный Франціи революціей 1789 г., можетъ быть осуществленъ только республикой, и это-то положеніе онъ не устранился развивать съ поразительною силою и неподражаемымъ ораторскимъ искусствомъ въ первыхъ же своихъ рѣчахъ передъ ошеломленнымъ большинствомъ законодательнаго корпуса, состоявшимъ изъ поворныхъ слугъ второй имперіи. Вторая имперія переживала критическую эпоху. Кровавая катастрофа въ Мексикѣ, разгромъ Австріи, жалкая роль Франціи, грозное усиленіе Пруссіи, насмѣявшейся надъ близорукою французскою политикою,—все это поколебало престижъ императорскаго режима и вызвало сдвленное первое неудовольствіе, смутившее Тюльери. Нужно было дать какое-нибудь удовлетвореніе взволнованному общественному чувству. Рѣшено было обновить имперію, предоставивъ народному представительству большія права, большій просторъ въ сферѣ государственнаго управленія. Образовалось знаменитое министерство Эмиля Оливье, бывшаго республиканца, ужаленнаго честолюбіемъ, заставившимъ его примириться съ имперіей и забыть 2-е декабря. Громко возвѣщалась новая эра для Франціи,—новые славные дни для обновленной либеральной имперіи. Гамбетта зналъ, какъ велика сила обмана, какъ легко большинство увлекается миражемъ, принимая его за нѣчто дѣйствительное, осязаемое, и онъ взялъ на себя раскрыть глаза Франціи и доказать всю обманчивую призрачность такъ шумно возвѣщенныхъ реформъ.

Рѣчь его 5-го апрѣля 1870 г. была ударомъ молота для лицемерно „либеральной“ имперіи.

Непреоборимая логика, мощь и страстность темперамента, красота, соединенная съ необычайною простотою слова, ясность и пронизательность взгляда, удивительное искусство однимъ выраженіемъ, часто однимъ словомъ характеризовать самое сложное положеніе, тонкая иронія и, что превыше всего, искренность, лежащая въ основѣ характера Гамбетты, словомъ, всѣ тѣ свойства, которыя отвели ему мѣсто среди немногихъ мировыхъ ораторовъ, — всѣ они сказались въ этой мастерской рѣчи. Съ не меньшею силою отразились въ ней и качества первокласснаго государственнаго человѣка, руководящагося въ своемъ поведеніи, въ своей политикѣ, не тѣмъ или другимъ повѣтріемъ, а твердыми принципами, яснымъ сознаніемъ цѣли, къ достиженію которой слѣдуетъ стремиться. Онъ не поддаивается подъ господствующее настроеніе, не потакаетъ страстямъ, онъ чуждъ лести, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и по отношенію къ толпѣ, и знаетъ, что общественный строй не передѣлывается въ одинъ день, а потому онъ желаетъ постепеннаго, но твердаго и постояннаго движенія впередъ, онъ готовъ мириться съ меньшимъ, но возможнымъ, и не стремится домогаться большаго, но въ данное время невозможнаго.

Гамбетта слишкомъ глубоко вдумался въ судьбы своей родины, пережившей въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ столько трагическихъ потрясеній, чтобы обманывать себя иллюзіями, поддаваться несбыточнымъ надеждамъ. Тѣмъ менѣе могъ ослѣпить его мишурный блескъ, которымъ обновленная, мнимо-либеральная имперія хотѣла скрыть свое и физическое, и нравственное разложеніе. Съ тѣмъ спокойствіемъ, которое свойственно только большой силѣ, онъ точно ножомъ анатома вскрылъ вторую имперію и показалъ, что всѣ тѣ реформы, которыя она возвѣстила, являются однимъ обманомъ, румянами, которыми она хочетъ себя подкрасить. Всеобщая подача голосовъ, — говорилъ онъ, — верховная власть народа, несомнѣстима съ имперіей, основанной на насиліи и поддерживаемой произволомъ. Имперія не можетъ превратиться въ парламентскую монархію, которая была уже неудачно испробована во Франціи. Одинъ только парламентскій режимъ возможенъ во Франціи, — доказывалъ онъ, — и именно такой, какой существуетъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, какой существуетъ въ Швейцаріи, — и не смущаясь перерывами, криками, Гамбетта бросилъ въ лицо имперіи гордые слова: „Да, вѣн осуществленія свободы путемъ республики, все будетъ только катаклизмъ

анархія или диктатура". Наступила пора, — говорилъ онъ, — чтобы имперія уступила свое мѣсто республикѣ, и если она не сдѣлаетъ этого добровольно, то явится кто-нибудь, кто заставитъ ее это сдѣлать. Этотъ кто-нибудь — революція. „Вы, — обращается онъ къ представителямъ „либеральной“ имперіи, — служите только мостомъ между республикою 1848 г. и будущею республикою, и этотъ мостъ — мы его переходимъ“.

Въ эту эпоху Гамбетта преслѣдовалъ одну только цѣль — сломить имперію, заставить ее капитулировать, не прибѣгая къ новой кровавой реставраціи. Громко провозглашая свои стремленія въ самыхъ нѣдрахъ второй имперіи, въ самомъ сердцѣ ея, въ законодательномъ корпусѣ, состоявшемъ изъ громаднаго большинства корыстныхъ прислужниковъ бонапартизма, Гамбетта, въ то же самое время, появляется всюду, гдѣ онъ имѣлъ только возможность говорить, пропагандируя свои идеи и предостерегая отъ какой-либо безумной вспышки, необдуманнаго революціоннаго движенія, отъ насилія и крови. Гамбетта вѣрилъ въ возможность мирной, безкровной побѣды надъ второю имперіей, говоря, что героическія времена республиканской партіи окончились навсегда... Необходимо громко провозгласить, что мы одинаково презираемъ насиліе въ нашихъ рукахъ, какъ презираемъ его въ рукахъ узурпатора“... Что устойчивость и порядокъ являются необходимыми условіями, но эти условія могутъ быть достигнуты только республиканскою формою правленія. „Я больше всего дорожу устойчивостью и порядкомъ, и вѣрите мнѣ, если я всѣми силами моей души призываю республиканскую форму правленія, то только потому, что это будетъ настоящее правительство, которое будетъ сознавать свои обязанности и счумѣетъ заставить себя уважать“.

Такого рода республиканская пропаганда, чуждая призыва къ оружію, къ насилію, была новизною для Франціи. Никогда до Гамбетты республиканская партія не говорила, что побѣда надъ произволомъ можетъ быть достигнута только пропагандой республиканской идеи и распространеніемъ просвѣщенія. Никто не нанесъ такого удара Наполеоновской легендѣ, какъ Гамбетта своими смѣлыми и убѣжденными рѣчами. Онъ показалъ, какимъ образомъ предшествовавшія поколѣнія привили „въ вены Франціи тотъ ядъ разврата и смерти, который зовется культомъ Наполеона I“. Противъ этого яда онъ видѣлъ одно только средство — просвѣщеніе и неустанная, повседневная пропаганда. Протестуя противъ революціонныхъ потрясеній, противъ насилія, по крайней мѣрѣ до той поры, пока грубая сила не вынудитъ противо-

поставить себѣ такую же силу, Гамбетта отрѣзался отъ старыхъ пріемовъ республиканской партіи и среди своей партіи явился истинно государственнымъ человѣкомъ. Трудно, безъ сомнѣнія, рѣшить, какъ скоро осуществилась бы программа Гамбетты, какъ скоро бюллетени избирателей принудили бы капитулировать вторую имперію, еслибы послѣдняя сама не поспѣшила наложить на себя руку, попавъ въ разставленныя Пруссіей сѣти и не объявивъ „съ легкимъ сердцемъ“, по выраженію представителя „либеральной“ имперіи, пагубную для нея и, увы!—для Франціи, войну 1870 года.

Въ послѣдніе дни, предшествовавшіе объявленію войны, когда гроза готова уже была разразиться надъ Франціей, Гамбетта не сходилъ почти съ трибуны законодательнаго корпуса. Онъ ясно сознавалъ, что вторая имперія катится къ своей неминуемой гибели, но страдалъ за судьбы его дорогой родины; чувство глубокаго патріотизма взяло верхъ надъ его республиканскимъ чувствомъ, и онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы предотвратить фатальную борьбу. Съ краснорѣчіемъ, въ которомъ чувствовалось горячее сердце патріота, онъ останавливалъ правительство на пути его безумія; вмѣстѣ съ Тьеромъ онъ требовалъ доказательствъ, что Франція была дѣйствительно оскорблена, что война эта стала неизбежною, не во имя династическихъ, а національных интересовъ. Голосъ патріота не былъ услышанъ, и война была объявлена. Многіе республиканцы отказались потомъ вотировать необходимые для войны кредиты, но Гамбетта не принадлежалъ и къ ихъ числу. Онъ рѣзко разошелся съ своими товарищами, оставаясь вѣрнымъ произнесеннымъ имъ до объявленія войны словамъ: „Когда война будетъ объявлена, мы не будемъ видѣть передъ собою ничего другого, какъ только знамя нашей родины“. Воспаленный патріотическимъ пыломъ, Гамбетта забылъ все, кромѣ спасенія Франціи.

Послѣ первыхъ же громовыхъ ударовъ, послѣ первыхъ поражений французской арміи, Гамбетта требуетъ образованія правительственнаго комитета, избраннаго законодательнымъ корпусомъ, для принятія необходимыхъ мѣръ противъ нашествія чужеземцевъ. Забывъ политическую вражду, онъ энергично поддерживаетъ военнаго министра второй имперіи во всемъ, что касалось только организациіи защиты страны. Онъ требуетъ немедленнаго вооруженія національной гвардіи, немедленнаго вооруженія Парижа, но всѣ эти требованія остаются неудовлетворенными; правительство, дрожа за династическіе интересы, опасалось французовъ

не меньше, если не больше, чѣмъ поражений, нанесенныхъ нѣмецкими арміями.

Правительство разстроено, утрачиваетъ всякую инициативу, и только старается скрыть отъ населенія грозныя вѣсти съ театра войны. Гамбетта теряетъ терпѣніе, вызываетъ къ патріотическому чувству правительства; все напрасно. Въ то время, когда съ трибуны законодательнаго корпуса раздается его голосъ: „Вы слѣпы... страна катится къ неминуемой гибели, не сознавая того“..., армія, притиснутая къ Седану, была разбита и окружена, а Наполеонъ III, не умѣя умереть, предпочелъ со всею арміею отдаться въ плѣнъ побѣдоноснаго нѣмецкаго вождя.

III.

Въ ночь со 2-го на 3-е сентября пришло извѣстіе о гибели и позорѣ арміи и быстро разнеслось по Парижу. Имперія рушилась, но Гамбетта, опасаясь, что новое правительство, вышедшее изъ революціоннаго движенія, не будетъ достаточно авторитетно для всей Франціи, и желая въ корни задушить, въ виду наступавшаго врага, всякую рознь между французами,—дѣлаетъ предложеніе, чтобы самъ законодательный корпусъ, забывъ духъ партій, избралъ правительство народной обороны. Великодушный призывъ Гамбетты разбился о династическія чувства большинства законодательнаго корпуса. Тогда Гамбетта, въ виду нахлынувшей толпы, быстро взомель на трибуну и громко произнесъ: „Такъ какъ отечество находится въ опасности, такъ какъ все необходимое время было дано народному представительству, чтобы постановить о низложеніи династіи, такъ какъ мы представляемъ собою законную власть, избранную всеобщей подачей голосовъ, то мы объявляемъ, что Луи-Наполеонъ Бонапартъ и его династія навсегда перестали царствовать во Франціи“. Часъ спустя передъ народомъ, собравшимся на площади городской ратуши, была провозглашена республика и объявлено объ образованіи правительства народной обороны съ генераломъ Трошию во главѣ. Гамбетта принялъ на себя трудный постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Съ этой минуты и до 2-го марта 1871 г., въ этотъ короткий по времени, но мучительно длинный по выпавшимъ на долю несчастной страны страданіямъ, трагическій періодъ продолженія франко-нѣмецкой борьбы, душа Франціи, можно сказать безъ преувеличенія, воплотилась въ Гамбеттѣ. Несмѣтные пол-

чища нѣмецкихъ армій грозною тучею надвигались все дальше и дальше, опустошая страну и наводя панический ужасъ на все населеніе. Всякое сопротивленіе казалось безуміемъ. Франція была разбита и уничтожена; на французскихъ крѣпостяхъ развѣвался нѣмецкій флагъ; французскихъ армій, когда-то привычныхъ къ побѣдѣ, болѣе не существовало; десятки, сотни тысячъ войска, отдавшіеся въ плѣнъ, голодные и оборванные, поспѣшно угонялись, подъ присмотромъ нѣмецкаго конвоя, въ глубь побѣдоносной Германіи;—но Франція все-таки не сдавалась; она продолжала бороться, истекая кровью, воодушевляемая патріотическою энергіею и геройскимъ духомъ Гамбетты. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ выдерживала еще Франція отчаянную борьбу съ своимъ несокрушимымъ врагомъ, отстаивая свое послѣднее и самое дорогое достояніе—національную честь. Для того, чтобы обрисовать кипучую дѣятельность Гамбетты за этотъ мрачный періодъ времени, нужно было бы изложить всю исторію франко-нѣмецкой войны 1870—1871 годовъ,—до такой степени имя его наполняетъ всѣ ея страницы. Не вдаваясь въ подробности, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ остановиться на главныхъ моментахъ этой дѣятельности, составляющей его лучшую славу и стяжавшей ему безсмертіе въ исторіи его родины.

Тучи, нависшія надъ Франціей, все сгущались. Германскія арміи продолжали свое быстрое наступленіе. Мецъ, этотъ неприступный оплотъ, былъ обложенъ; армія Базена, эта послѣдняя надежда Франціи, была обречена на устрашающее бездѣйствіе и со всѣхъ сторонъ окружена непріателемъ. Врагъ приближался къ самому сердцу Франціи; нѣмецкія орудія обвили грознымъ кольцомъ вокругъ Парижа. Правительство народной обороны, замкнутое въ столицѣ, оторвано было отъ всей остальной страны, какъ бы предоставленной на произволъ судьбы. Всякое дальнѣйшее сопротивленіе, всякая дальнѣйшая борьба, если не для спасенія Франціи, то для доказательства ея живучести, была бы невозможна, еслибы не нашелся человѣкъ, который силою своего мощнаго духа, пламеннаго патріотизма и гигантской энергіи не воскресилъ бы упавшій духъ націи и не заставилъ бы изъ земли вырасти новыя арміи, готовые отдать свою жизнь на защиту родины. Такимъ человѣкомъ и былъ Гамбетта.

Всѣ выходы изъ Парижа были закрыты, но отвага и патріотизмъ превозмогли самую невозможность. На воздушномъ шарѣ „Арманъ-Барбесъ“ Гамбетта изъ Парижа ускользнулъ 1-го октября, перелетѣлъ непріятельскій кордонъ и на третій день явился въ Туръ, принявъ на себя тяжелую въ эту минуту отвѣтствен-

ность диктатуры. Вся свободная еще от непріятельскаго нашествія страна безпрекословно подчинилась волѣ молодого диктатора. Закинула организація народной обороны. Призывая ко всѣмъ живымъ силамъ Франціи, онъ заставилъ забыть духъ партій, и вся страна отозвалась на его патріотическій призывъ. „Нѣтъ, невозможно, — восклицалъ онъ въ страстной прокламаціи къ народу, — чтобы геній Франціи навсегда омрачился, чтобы великая нація утратила свое мѣсто въ мірѣ, благодаря лишь нашествію 500-тысячной непріятельской арміи. Встанемъ поголовно, и лучше умремъ, чѣмъ перенести стыдъ расчлененія родины“. Къ чести Франціи слѣдуетъ сказать, что въ эту трагическую минуту исчезли всѣ партіи — и остались только французы. Въ теченіе одного какого-либо мѣсяца дѣло народной обороны сдѣлало невѣроятные успѣхи. Когда Гамбетта явился въ Туръ, у Франціи не было ни ружей, ни пушекъ, ни матеріальныхъ средствъ, ни генераловъ, ни офицеровъ, ни солдатъ. Черезъ мѣсяцъ нѣсколько армій, подъ начальствомъ Федерба, Шанзи, Орель-де-Паладина, Бильо, Бурбаки и наконецъ единственнаго союзника Франціи въ эту эпоху — Гарибальди, выступили на защиту страны. „Если мы не можемъ, — говорилъ Гамбетта, — заключить договоръ съ побѣдой, то заключимъ договоръ со смертью“. Но надежда еще не исчезла. Базенъ еще не былъ измѣнникомъ, Мецъ еще не капитулировалъ. Протянуть руку Базену, облегчить ему выходъ изъ Меца, — и Франція, казалось, будетъ спасена.

Въ то самое время, когда жизненные силы Франціи поддерживались духомъ великаго патріота, престарѣлый Тьеръ объѣзжалъ всѣ столицы Европы, взывая къ помощи Россіи, Австріи, Испаніи, Англіи. Голосъ его не былъ услышанъ; всѣ европейскія державы остались глухи къ бѣдствіямъ французскаго народа, предоставляя Германіи добить его до конца. Неудача Тьера не повлияла на энергію Гамбетты, не разрушила его надежды на спасеніе Франціи. Онъ былъ силенъ вѣрою въ свою родину. Эта надежда не была вырвана изъ его сердца другимъ болѣе тяжелымъ ударомъ, обрушившимся на истекающую кровью страну. Измѣна Базена лишила Францію Меца и предала въ руки врага болѣе вежливіи стотысячную армію. „Французы! — говорилъ Гамбетта въ своей прокламаціи къ народу: — возвысьте ваши души и вашу рѣшимость до высоты тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя выпадаютъ на долю нашей родины... Мецъ капитулировалъ... Маршаль Базенъ измѣнилъ... Какъ ни велико бѣдствіе, пусть не встрѣтитъ оно насъ ни колеблющимися, ни убитыми. Мы готовы на

послѣднія жертвы, и въ виду врага, которому все покровительствуетъ, дадимъ клятву никогда не сдаться“...

Какъ молнія среди мрака ночи блеснула на одну секунду надежда, что судьба улыбнется наконецъ Франціи, что не напрасно будетъ потрачено столько самоотверженія, энергіи, и радостная вѣсть давно желанной побѣды вызоветъ мощный подъемъ духа, народъ воспрянетъ съ новою силою. Битва при Куломѣ, побѣда, одержанная надъ генераломъ Таномъ, была именно такою сверкнувшею молніей. Но она сверкнула лишь для того, чтобы наступавшая затѣмъ тьма показалась еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Парижъ, мужественно перенесшій пятимѣсячную осаду, бодро встрѣчавшій нѣмецкія бомбы и ядра, содрогнулся передъ образомъ голодной смерти, грозно наступавшей на него. Парижъ капитулировалъ. Угасъ послѣдній лучъ свѣта, надежда болѣзненно вырвана была изъ сердца французскаго народа, но Гамбетта, дышавшій лишь одною любовью къ своей родинѣ, не хотѣлъ примириться съ беспощадными ударами судьбы и гордо продолжалъ держать знамя борьбы до послѣдней капли крови. Его вѣра во Францію была непоколебима. За эту вѣру его прозвали „*fon furieux*“, но за нее же онъ по праву вступилъ въ храмъ безсмертія.

Въ условіяхъ капитуляціи Парижа было выговорено обязательство созыва народнаго собранія для разрѣшенія вопроса войны или мира. Правительство народной обороны назначило выборы на 8-ое февраля 1871 г. Гамбетта, продолжавшій мужественно отстаивать *la guette à outrance*, и опасаясь избранія бонапартистскаго большинства, именемъ делегаціи правительства народной обороны издаетъ декретъ о неизбираемости всѣхъ тѣхъ, кто во время имперіи исполнялъ обязанности министровъ, сенаторовъ, всѣхъ тѣхъ, кто ранѣе являлся официальнымъ кандидатомъ, независимо отъ того, былъ онъ избранъ депутатомъ, или нѣтъ. Бисмаркъ, хорошо понимавшій, что избранное при такихъ условіяхъ народное собраніе можетъ не принять продиктованныхъ имъ суровыхъ мирныхъ условий, воспротивился декрету Гамбетты и потребовалъ его отмены. Правительство народной обороны подчинилось волѣ побѣдителя и отменило декретъ Гамбетты. Не желая вызывать внутреннихъ раздоровъ и опасаясь междоусобной войны, Гамбетта покорился и въ тотъ же день сложилъ съ себя власть, принятую имъ на себя съ такимъ самоотверженіемъ въ тѣ минуты, когда всѣ ея сторонились.

Избранный въ девяти департаментахъ, онъ принялъ на себя депутатскія полномочія Эльзаса, и явился въ національное со-

браніе, созванное въ Бордо, лишь для того, чтобы еще разъ громко протестовать противъ насильственнаго отторженія двухъ французскихъ провинцій. Лишь только, въ памятный и трагическій для Франціи день 1-го марта 1871 г., національное собраніе большинствомъ 516 голосовъ противъ 107 приняло условія мира, предписанныя врагомъ, депутаты Эльзаса и Лотарингіи, съ Гамбеттою во главѣ, покинули залу засѣданія, сложивъ съ себя свои полномочія и въ послѣдній разъ торжественно заявляя, что они признаютъ лишеннымъ всякой нравственной силы договоръ, располагающій судьбою населенія двухъ провинцій, помимо его на то согласія.

Въ тотъ же самый вечеръ скончался, сраженный патріотическою скорбью, одинъ изъ депутатовъ Эльзаса, послѣдній французскій мэръ героически выдержавшаго осаду и бомбардировку Страсбурга, Кюсъ. На другой день, среди огромной площади, усыпанной несметною толпою, Гамбетта, стоя передъ гробомъ, среди мертвой тишины и среди какъ бы притаившаго дыханіе народа, произнесъ одну изъ своихъ самыхъ потрясающихъ рѣчей, въ которой вырвалась наружу вся горечь пережитыхъ несчастій, весь ужасъ и негодованіе передъ настоящимъ и вмѣстѣ несокрушимая вѣра въ свѣтлое будущее Франціи. „Онъ счастливъ, — восклицалъ Гамбетта, — заставляя трепетать всѣ сердца и исторгая слезы стыда и печали, онъ счастливъ, онъ входитъ мертвымъ въ свою умирающую родину... Но пусть наши братья этихъ несчастныхъ провинцій утѣшятся мыслью, что Франція отнынѣ не можетъ преслѣдовать другой политики, какъ ихъ освобожденія; чтобы достигнуть этого результата, нужно, чтобы всѣ республиканцы, снова давъ клятву непримиримой ненависти къ династіямъ и цезарямъ, навлекшимъ всѣ наши бѣдствія, тѣсно сплотились въ патріотической мысли возмездія, которое будетъ протестомъ права и справедливости противъ насилія и безчестія“.

IV.

Сказавъ послѣднее прощаніе отторгнутымъ провинціямъ, Гамбетта, измученный шестимѣсячною судорожною дѣятельностью и урученный гибелью своей мечты сохранить цѣльность и неприкосновенность своей родины, покинулъ Францію и на нѣсколько мѣсяцевъ уединился въ Санъ-Себастьянѣ, первомъ пограничномъ городѣ Испаніи. Судьба, на этотъ разъ благоприятная Гамбеттѣ, устранила его отъ всякаго активнаго участія въ политическихъ

дѣлахъ его родины въ тотъ печальный трехмѣсячный періодъ, который непосредственно наступилъ по заключеніи мира. Сложивъ съ себя званіе депутата, онъ не могъ до новыхъ выборовъ вышаты своего голоса въ національномъ собраніи, и вслѣдствіе этого онъ имѣлъ возможность оставаться только зрителемъ того новаго и тяжелаго бѣдствія, которое разразилось надъ Франціей.

Коммуна, кровавая междоусобная война съ ея ужасами и звѣрствами—преисполнили его глубокою печалью. Гамбетта былъ прежде всего патріотъ, и какъ патріотъ онъ не могъ не отнестись строго къ безумному движенію на глазахъ неуспѣвашаго еще отступить отъ Парижа торжествующаго врага, которое содѣйствовало лишь еще большему приниженію и дискредитированію Франціи. Остановить это движеніе Гамбетта былъ безсиленъ. Страсти были слишкомъ возбуждены, чтобы голосъ его могъ быть услышанъ. Онъ предпочелъ переждать вдали этотъ убійственный шквалъ, слишкомъ хорошо сознавая ту важную роль, каея предстояла ему въ дѣлѣ упроченія республиканской формы правленія. За эту-то работу онъ и принялся тотчасъ, какъ только дополнительные выборы 3-го іюля 1871 г. снова предоставили ему мѣсто въ палатѣ. Онъ выставилъ свою кандидатуру въ трехъ департаментахъ, и рѣчь-программа, которую онъ произнесъ въ Бордо, тотчасъ по возвращеніи на родину, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, раскрыла передъ цѣлою Франціей ту политику, которую республиканская партія должна была отнынѣ преслѣдовать. Энергія Гамбетты не была убита, вѣра его во Францію не была поколеблена, но событія, совершившіяся со времени созыва народнаго собранія, составъ послѣдняго, его монархическое большинство, твердая и непреклонная рѣшимость вернуть Францію къ монархической формѣ правленія—показали Гамбеттѣ, какими подводными камнями окружена молодая, еле стоявшая еще на ногахъ, республика, и съ какою необычною осторожностью слѣдуетъ пробираться между этихъ камней, чтобы доставить окончательное торжество республиканской формѣ правленія.

Чуждый всякаго мелкаго личнаго самолюбія и обладая лишь однимъ высокимъ самолюбіемъ главы республиканской партіи, въ побѣдѣ которой онъ видѣлъ единственное спасеніе своей родины, Гамбетта забылъ оскорбленія, нанесенныя ему Тьеромъ, обозвавшимъ его „опаснымъ сумасшедшимъ“, и громко заявилъ, что онъ присоединяется къ программѣ умудреннаго опытомъ и годами государственнаго человѣка. Гамбетта прекрасно сознавалъ, что Тьеръ, по своему прошлому, по своей дѣятельности въ качествѣ перваго министра Луи-Филиппа, по своему воспитанію,

идеямъ, вкусамъ, всецѣло примыкавшій къ конституціонной монархіи, не былъ въ своей душѣ горячимъ республиканцемъ, онъ зналъ, что между Тьеромъ и республикой совершился лишь *marriage de raison*, но онъ вѣрилъ въ искренность Тьера, призвавшаго, что при раздорѣ борющихся между собою монархическихъ партій, легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, одна республика можетъ обезпечить за Франціей и прочный порядокъ, и восстановление ея надломленныхъ силъ. „Власть будетъ принадлежать наиболѣе разумному и наиболѣе достойному“,— говорилъ Тьеръ. Гамбетта ухватился за этотъ лозунгъ и потребовалъ отъ республиканской партіи, чтобы она явила собою „партію дисциплинированную, твердую въ своихъ принципахъ, трудящуюся, бдительную и твердо рѣшившуюся на все, чтобы убѣдить Францію въ своихъ правительственныхъ способностяхъ. Однимъ словомъ, — высказывалъ онъ, — „партію, принимающую формулу: власть наиболѣе разумному и наиболѣе достойному. Нужно, слѣдовательно, быть наиболѣе разумнымъ“.

Если прежде, когда вопросъ шелъ о сверженіи имперіи, основанной на преступленіи и порочности, республиканская партія могла быть преисполнена страсти и энтузіазма, то теперь, — доказывалъ Гамбетта, — когда республика существуетъ фактически, республиканцы должны проявить въ примѣненіи своихъ принциповъ холодность, сдержанность, чувство мѣры, терпѣніе, словомъ, явиться правительственною оппозиціей. Онъ убѣждалъ республиканскую партію не добиваться преждевременно и во что бы ни стало власти, говоря, что существуетъ страсть болѣе сильная, болѣе чистая, чѣмъ держать власть въ своихъ рукахъ, это — наблюдать съ твердостью, со справедливостью и здравымъ смысломъ за властью, находящеюся въ честныхъ рукахъ, и видѣть, какъ другими руками совершаются желанныя реформы. Но недостаточно еще сдѣлаться партіей, способной къ управленію государствомъ; необходимо, чтобы эта партія имѣла опредѣленную программу, ясную, чуждую всякихъ химеръ и утопій.

Какова же должна была быть эта программа? „Нужно прежде всего заставить исчезнуть то зло, — высказывалъ Гамбетта, — которое является причиною всѣхъ бѣдствій: невѣжество, изъ котораго поочередно проистекають деспотизмъ и демагогія... Изслѣдуемъ наши несчастія, обратимся къ причинамъ, и къ первой изъ нихъ: мы дали себя обогнать другимъ народамъ, менѣе способнымъ, чѣмъ мы, но которые прогрессировали въ то время, когда мы стояли неподвижно. Да, можно установить съ доказательствами въ рукахъ, что низкій уровень нашего національнаго образованія былъ

причиною нашихъ бѣдствій“... Гамбетта вдумался въ причины бѣдствій, обрушившихся на Францію, онъ не утѣшалъ себя самообманомъ, онъ понималъ, что не простая случайность доставила Германіи торжество, что не одно лишь отсутствіе предусмотрительности, не одна лишь жалкая, мечтательная политика Наполеона III, ни распущенность и деморализація, внесенная имперіей, заставили скатиться Францію въ страшную пропасть; онъ смотрѣлъ глубже, онъ задавался вопросомъ: да почему же самая имперія сдѣлалась возможною?—и обобщая причины возникновенія порядка, утвержденного кровавымъ государственнымъ переворотомъ и конечнаго разгрома, постигшаго его родину, онъ обмалъ ту язву, которая разѣдала и постепенно разрушала мощный организмъ французскаго народа. Язва эта—невѣжество, влекущее за собою всегда и вездѣ одни и тѣ же гибельныя для каждой націи послѣдствія.

Задача честнаго, пекущагося о народныхъ интересахъ правительства,—доказывать Гамбетта,—это распространять образованіе, просвѣщеніе, щедрою рукою, такъ какъ только одно просвѣщеніе способно обезпечить за народомъ его достоинство и права и уничтожить возможность такого порядка, который, наоборотъ, черпаетъ главную свою силу въ повальномъ народномъ невѣжествѣ. Правительство,—говорилъ онъ,—преслѣдующее лишь своекорыстные интересы и покоящееся на произволѣ, всегда будетъ стремиться поддерживать состояніе невѣжества и не допускать образованія, такъ какъ оно знаетъ, что его единственный крѣпкій оплотъ—это народная тьма. Отсюда,—выводилъ Гамбетта,—становится ясна первая и главная задача республиканской формы правленія, задача, надъ которой энергически должны работать всѣ любящіе свою родину и дорожащіе ея свободою:—вывести французскій народъ изъ того состоянія мрака, при которомъ его такъ легко увѣрить, что его собственный интересъ заключается въ томъ, чтобы онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, превращенъ въ безправную массу, отданную на произволъ слугъ, избранныхъ изъ отребья общества.

Патріотическое сердце Гамбетты слишкомъ болѣзненно еще сочилось кровью, чтобы рядомъ съ задачей поднятія нравственнаго уровня народа онъ не ставилъ другой задачи—народнаго вооруженія. „Пусть,—говорилъ онъ,—всѣмъ будетъ извѣстно, что когда во Франціи родился гражданинъ, тогда, значитъ, родился и солдатъ“. Не гоняясь за неуловимою тѣнью, не залетая въ міръ утопій, Гамбетта не преслѣдовалъ неосуществимыя въ данный моментъ реформы; онъ понималъ, что дорога прогресса безконечна,

но на его пути существуют этапы, и что силы нации должны быть размѣрены такъ, чтобы безъ преждевременной усталости бодро идти отъ одного этапа къ другому. Первымъ этапомъ явилось для него распространеніе народнаго образованія и могущественная организація народнаго вооруженія, а потому всѣ свои силы онъ рѣшилъ сосредоточить на осуществленіи этихъ необходимыхъ для возрожденія Франціи реформъ. Убѣжденный, что только одна республиканская форма правленія можетъ во Франціи осуществить эти реформы, и вполне отдавая себѣ отчетъ въ той опасности, которая угрожала Франціи со стороны большинства народнаго собранія, страшившагося возстановить монархію, Гамбетта, появившись въ національномъ собраніи, весь отдался на первыхъ порахъ борьбѣ съ замышлявшими ниспровергнуть республику монархическими партіями, и въ этой борьбѣ онъ обнаружилъ рядомъ съ прежнею неутомимостью, энергіей, пыломъ, новыя свойства своего политическаго генія. Онъ выказалъ себя рѣдкимъ парламентскимъ тактикомъ, умѣвшимъ соединять смѣлость съ осторожностью, удивительное искусство пользоваться каждымъ нерѣшительнымъ шагомъ своихъ враговъ, эксплуатировать ихъ ошибки, разстроивать составленные планы и извлекать выгоду для своей партіи, для преслѣдуемой имъ цѣли, даже изъ тѣхъ ударовъ, наносимыхъ республикѣ, на которые не скупилась монархическая коалиція. Вся республиканская партія быстро подчинилась его вліянію и признала въ немъ своего законнаго leader'a. Даже тѣ, которые такъ недавно еще сторонились Гамбетты и опасались его вліянія, должны были теперь убѣдиться, что они встрѣтили въ немъ могущественнаго и въ высшей степени цѣннаго союзника. Тьеръ отказался отъ своего предубѣжденія противъ бывшаго диктатора и, сблизившись съ нимъ, понялъ, что республиканская Франція по справедливости усматривала въ немъ свою лучшую надежду, свой наиболѣе крѣпкій оплотъ.

Какъ ни велика была энергія, съ которою Гамбетта работалъ въ національномъ собраніи, всходя на трибуну по каждому сколько-нибудь важному вопросу, но онъ хорошо сознавалъ, что не отъ національнаго собранія, избраннаго въ страшныя минуты паники, какого-то ужаса и страха, охватившаго населеніе, и состоявшаго въ огромномъ числѣ изъ сторонниковъ монархіи, можно ожидать упроченія республиканской формы правленія и связаннаго съ нею возрожденія Франціи. Онъ желалъ, чтобы среди народа твердо укоренилось убѣжденіе, что не имперія, такъ жалко оканчивавшая свое существованіе каждый разъ, что она принимала на себя руководство судьбами государства, а одна лишь республика

можетъ обезпечить прогрессивное, безъ судорожныхъ потрясеній и революціонныхъ катаклизмовъ, движеніе впередъ французскаго народа и обезпечить за нимъ спокойное пользованіе его трудомъ и всѣми благами мирнаго развитія. Онъ былъ твердо увѣренъ, что только такое убѣжденіе, вошедшее въ плоть и кровь французскаго народа, способно сломить въ концѣ концовъ безумное сопротивленіе монархическихъ партій и вынудить ихъ отказаться отъ вѣчныхъ заговоровъ противъ великаго наслѣдія великой революціи.

Проникнутый такимъ убѣжденіемъ, Гамбетта, не щадя своихъ силъ, принялъ на себя тяжелую роль политическаго миссіонера, разносящаго по всѣмъ концамъ Франціи свою пламенную пропаганду республиканской формы правленія. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1871 г., онъ основываетъ новый политическій органъ, „La République Française“, органъ борьбы противъ затѣй враждебнаго лагеря и выясненія программы республиканской партіи. Онъ сумѣлъ привлечь сюда всѣхъ выдающихся дѣятелей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, оставляя за собою роль лишь главнаго руководителя новой газеты. Роль эта потребовала отъ него, въ ту переходную эпоху, громаднаго труда. Цѣлое утро занятый подготовительною парламентскою работою, неизбѣжно въ его положеніи главы партіи, весь день проводя въ засѣданіяхъ національнаго собранія, каждую минуту готовый ринуться въ бой, вечеромъ являлся онъ въ редакцію, и часто глубокая ночь заставляла его за литературно-политическою работою. Но газета далеко не поглощала всей его дѣятельности пропагандиста. Рабочій людъ, населеніе глухой провинціи туго воспринимаетъ впечатлѣнія печатной статьи; Гамбетта зналъ, что живое слово, то спокойное, то страстное, дѣйствуетъ болѣе могущественно на умы, не увѣрившіеся еще твердо въ извѣстномъ направленіи, и онъ перерѣзываетъ Францію во всѣхъ направленіяхъ, всюду разнося свою проповѣдь политическаго обновленія Франціи, всюду содѣйствуя подъему общественнаго духа и увѣривляя вѣру и привязанность къ республиканской формѣ правленія. Онъ появлялся среди рабочаго люда, проповѣдовалъ въ деревняхъ, возбуждалъ къ энергической дѣятельности среднее сословіе, но гдѣ бы, въ какой бы средѣ ни говорилъ Гамбетта, онъ всегда оставался вѣренъ себѣ; убѣжденность и искренность были его неразлучными спутниками; онъ никогда не унижался до лести, онъ никогда не подеупалъ своихъ слушателей, своей аудиторіи, — а аудиторіей его была цѣлая Франція, — какимъ-либо подлаживаніемъ къ настроенію, слабостямъ или даже страстямъ толпы. Во всѣхъ его рѣчахъ

всегда звучала одна нота — работа, работа и работа. „Мы не должны,—говорилъ онъ,—имѣть другого самолюбія, какъ самолюбіе народа, который во что бы то ни стало желаетъ возродиться. Вы заставите себя уважать Европу только тогда, и вы должны это знать, когда вы будете могущественны внутренней силой; и когда я спрашиваю себя, какая реформа представляется наиболѣе необходимою, я отвѣчаю, что до тѣхъ поръ ничего не будетъ сдѣлано, пока не будетъ дарового, обязательнаго и безусловно свѣтскаго обученія“...

Возбуждая патріотическія усилія, говоря о возрожденіи Франціи, Гамбетта вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживалъ страсти и внушалъ политическую осторожность. „Вамъ нужно правительство, которое приспособлено было бы къ потребностямъ настоящаго и съумѣло бы вернуть Франціи ея настоящую роль въ мірѣ. Но мы должны быть крайне сдержанны; никогда не будемъ произносить вызывающаго слова,—это не отвѣчало бы нашему достоинству побѣжденных... Не будемъ никогда говорить о побѣдителяхъ, но пусть всѣ понимаютъ, что мы о нихъ постоянно думаемъ“... Если Гамбетта опасался политической опрометчивости, которая могла бы помѣшать работѣ надъ возрожденіемъ Франціи, то онъ одинаково опасался того броженія революціоннаго, социалистическаго, которое вызвало коммуну и чуть не погубило надежды республиканской партіи. „Будемъ на сторожѣ,—говорилъ онъ,—противъ утопій тѣхъ, которые, обманутые воображеніемъ или невѣжествомъ, вѣрують въ какую-то панацею, въ какую-то формулу, которую нужно только найти, чтобы доставить счастье цѣлому міру. Будьте увѣрены, что вовсе не существуетъ одного социальнаго цѣлебнаго средства, такъ какъ нѣтъ одного социальнаго вопроса. Существуетъ цѣлый рядъ задачъ... и эти задачи должны быть разрѣшаемы одна за другою, а не какою-то единою формулою“...

Если пропаганда Гамбетты имѣла своею цѣлью политическое воспитаніе народной массы, то рядомъ съ этимъ онъ преслѣдовалъ и другую задачу. Національное собраніе, избранное лишь для разрѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, узурпировало власть, замышляя распорядиться судьбою страны. Гамбетта желалъ, чтобы Франція, каждый разъ, по поводу частныхъ выборовъ въ палату, громко заявляла, что національное собраніе болѣе не представляетъ собою страны, что оно не отвѣчаетъ настроенію, желаніямъ и волѣ цѣлой націи. Онъ надѣялся на нравственное воздѣйствіе, полагая, что голосъ страны заставитъ наконецъ національное собраніе уступить свое мѣсто новой палатѣ народныхъ представи-

телей, избранныхъ на этотъ разъ свободно, а не подъ давленіемъ непріятельскаго нашествія. Пропаганда Гамбетты возбуждала злобу и негодованіе монархическихъ партій, требовавшихъ даже отъ правительства Тьера, чтобы оно положило конецъ этой ненавистной для нихъ дѣятельности краснорѣчиваго трибуна. Безсильные въ своей злобѣ, они обзывали Гамбетту *сoppi-voyageur*’омъ республики, балконнымъ ораторомъ, уличнымъ декламаторомъ, но ни злоба, ни насмѣшка не могли заставить Гамбетту своротить съ избраннаго имъ пути. „Я принимаю это названіе,—говорилъ онъ,—я не краснѣю, я дѣйствительно слуга демократіи. Я исполняю порученіе, данное мнѣ народомъ... Я никогда ничего не искалъ кромѣ блага Франціи... и если я думаю, что вѣтъ республики для страны вѣтъ спасенія, я долженъ говорить это прямо. Это моя миссія! я ее исполняю; пусть будетъ, чтѣ будетъ!“

Гамбетта хорошо сознавалъ, что то переходное положеніе, на которое обрекло Францію національное собраніе, не желавшее допустить окончательнаго установленія республики, и вмѣстѣ безсильное провозгласить монархію и обезпечить за нею хотя кратковременное существованіе, можетъ гибельно отозваться на судьбахъ народа и великой задачѣ его возрожденія. Вотъ почему, въ палатѣ и вѣтъ палаты, онъ настойчиво требовалъ распушенія національнаго собранія, говоря: „если мы испытываемъ нетерпѣніе, то только потому, что вопросъ идетъ о національномъ существованіи... если мы будемъ медлить, если мы увязнемъ въ переходномъ состояніи, которое насъ расслабляетъ и обезсиливаетъ, мы идемъ въ такомъ случаѣ на встрѣчу самымъ угрожающимъ опасностямъ“... Онъ ясно видѣлъ, что положеніе Европы послѣ войны 1870 года, господствующая роль новой могущественной Германіи рядомъ съ какимъ-то обезличеніемъ всѣхъ остальныхъ государствъ, можетъ породить новыя и еще болѣе ужасныя бѣдствія, если Франція не поспѣшитъ вернуть себѣ, силою труда и энергіи, подобающее ей значеніе среди европейскихъ народовъ. Онъ понималъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ старыя, обветшалыя формы непригодны для возрожденія Франціи, такъ точно непригодны для ея обновленія люди, принадлежавшіе по своимъ убѣжденіямъ, взглядамъ, привычкамъ, симпатіямъ и традиціямъ къ безвозвратно минувшему прошлому, какъ бы славно оно ни было. Вотъ почему онъ выразилъ громко свое убѣжденіе въ словахъ, вызвавшихъ бурю негодованія: „я предчувствую, я сознаю, я возвѣщаю появленіе въ политикѣ новаго соціального слоя“...

Если среди политическихъ партій, цѣплавшихся за старыя формы, встрѣчались такіе люди, какъ Тьеръ, болѣе дорожившіе

судьбами Франціи, чѣмъ своими симпатіями и интересами, и смѣло ставшіе на старости лѣтъ подъ знамя республики, то значительное большинство прежнихъ политическихъ дѣателей, наполнившихъ собою національное собраніе, не мирилось съ гибелью своихъ надеждъ и мечтою возстановить отжившій во Франціи порядокъ. Сознавая за собою силу не идеи, но простого численного большинства, національное собраніе, какъ бы въ отвѣтъ на домогательства республиканской партіи, не устыдилось свергнуть престарѣлаго государственнаго чловѣка съ поста президента и посадить на его мѣсто открытаго врага республиканскихъ учреждений — маршала Макъ-Магона.

Тьеръ повинулъ свой постъ съ сознаніемъ благородно исполненнаго долга, освободивъ Францію отъ непріятельскихъ войскъ уплатой далеко до срока пятимилліардной контрибуціи. Гамбетта явился выразителемъ чувствъ цѣлой Франціи, когда среди разъяренныхъ криковъ монархическихъ партій онъ, указывая на Тьера, воскликнулъ: „вотъ освободитель территоріи!“ Смѣщеніе Тьера указывало на рѣшимость монархическаго большинства повести рѣшительную атаку противъ установленія республики и какими бы то ни было средствами достигнуть водворенія монархической формы правленія. Гамбетта стоялъ на стражѣ угрожаемой республики и зорко слѣдилъ за всѣми происками монархическихъ партій. Правительство, водворившееся 24-го мая 1873 г., объявило себя „правительствомъ борьбы“, стремящимся установить „нравственный порядокъ“. Гамбетта, чувшій опасность, съ удвоенною энергіей разоблачалъ теперь дѣйствія реакціоннаго правительства и бичевалъ передъ цѣлою страной тѣ безнравственныя мѣры, къ которымъ прибѣгалъ „l'ordre morale“. „Васъ обвиняли въ томъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ министрамъ Макъ-Магона, — что вы пользовались протекціей имперіи, но вы становитесь ея плагиаторами“. Франція, весьма недвусмысленно, каждымъ новыми выборами въ томъ или другомъ департаментѣ, говорила, что она все больше и больше примыкаетъ къ политическимъ идеямъ молодого вождя республиканской партіи, но монархическое большинство не желало считаться съ голосомъ страны. Заговоръ реакціи приближался къ поставленной цѣли. Монархисты готовились уже къ торжественной встрѣчѣ короля Генриха V; всѣ препятствія, казалось имъ, были устранены, какъ вдругъ изъ Фросдорфа, этого уединеннаго замка, въ которомъ успѣлъ состариться непреклонный внукъ Карла X, пришла роковая для монархическихъ партій вѣсть, что призванный на царство король не желаетъ вступать ни въ какіе

компромиссы съ духомъ новаго времени, и что онъ не хочетъ отказаться отъ бѣлаго съ лиліями знамени, этой эмблемы чистой легитимистской монархіи.

Какъ ни слѣпо было монархическое большинство, но оно все-таки понимало, что одна попытка вернуть Францію къ старому, до-революціонному порядку вызвала бы взрывъ народнаго негодованія, противъ котораго легитимистская монархія не устояла бы и сутокъ. Если твердость монархическихъ принциповъ послѣдняго представителя французскаго легитимизма разрушила затѣи монархическихъ заговорщиковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она освободила Францію отъ тяжелаго кошмара болѣе чѣмъ вѣроятной кровавой междоусобной распри. Гамбетта вздохнулъ свободнѣе, но онъ созналъ также необходимость измѣнить свою парламентскую политику. До сихъ поръ онъ настойчиво требовалъ распушенія народнаго собранія и избранія новой палаты, которая должна была окончательно установить республиканскую форму правленія и выработать соотвѣтствующую такой формѣ конституцію. Вѣрный своей политикѣ „результатовъ“, онъ рѣшается измѣнить фронтъ и примириться съ мыслью присвоенія себѣ національнымъ собраніемъ конституціонной власти. Оставаясь въ принципѣ сторонникомъ распушенія національнаго собранія, онъ рѣшается на компромиссъ, лишь бы добиться окончательнаго признанія республиканской формы правленія. Онъ вступаетъ въ переговоры съ колеблющимся между монархіей и республикой лѣвымъ центромъ, не мирившимся съ мыслью о распушеніи, и общается содѣйствіе своей партіи этой умѣренной части національнаго собранія, если только она рѣшится на установленіе республики, какими бы учрежденіями ее ни желали окружить. „Если вы можете, — говорилъ онъ, обращаясь къ большинству, — установить монархію, вы ее установите; если вы убѣдитесь, наконецъ, что одна республика возможна, вы установите республику и вы создадите твердое правительство, способное вернуть славу и честь Франціи“.

Болѣе всего опасался Гамбетта продолженія непредѣльнаго переходнаго состоянія, останавливающаго ту работу, за которую должна была энергически взяться страна, если только она желала выбраться изъ той пропасти, въ которую бросила ее имперія. Усилія Гамбетты, дружно въ этомъ отношеніи работавшаго съ Тьеромъ, были направлены къ тому, чтобы оторвать отъ монархическаго большинства его болѣе патріотическую группу и такимъ образомъ въ самомъ монархическомъ народномъ собраніи образовать хотя бы самое ничтожное большинство въ пользу

окончательнаго признанія республики. Эти усилія увѣнчались успѣхомъ. 30-го января 1875 г. національное собраніе вотировало установленіе республиканской формы правленія, хотя, правда, большинствомъ лишь одного голоса. Республика, существовавшая фактически, получила наконецъ конституціонную санецію. Реакціонная партія, сраженная „однимъ“ голосомъ, не теряла, однако, еще надежды вернуть себѣ побѣду, такъ неожиданно вырванную изъ ея рукъ. Она надѣялась, что республиканская партія откажется вотировать конституціонный законъ въ его цѣломъ, что она не согласится на учрежденіе сената въ томъ видѣ, какъ выработано было его устройство, и такимъ образомъ республиканское большинство всего одного голоса распадется какъ карточный домикъ.

Сенатъ, по мнѣнію монархическихъ партій, долженъ былъ служить неприступною крѣпостью ультра-консервативныхъ началъ; онъ долженъ былъ явиться могущественною плотиною противъ натиска республиканской волны; его назначеніе заключалось въ томъ, чтобы противоудѣйствовать палатѣ депутатовъ и не допускать прочнаго установленія республики. Гамбетта, а вмѣстѣ съ нимъ и вся республиканская партія, былъ рѣшительнымъ противникомъ учрежденія сената; онъ понималъ макиавелистическій расчетъ монархическаго большинства и потому боролся со всею энергіей противъ коварныхъ замысловъ реакціи. Но онъ понялъ теперь, что сила была на сторонѣ враговъ, и если республиканская партія не пожертвуетъ началомъ единства власти палаты депутатовъ, то снова самое существованіе республики будетъ поставлено на карту. Рѣшеніе его было принято, уступка по этому вопросу была неизбежна, и Гамбетта еще разъ показалъ себя истинно государственнымъ человѣкомъ, искуснымъ, осторожнымъ, проницательнымъ, умѣющимъ жертвовать частью, чтобы спасти только цѣлое. Въ горячей рѣчи онъ передалъ свое убѣжденіе почти всей республиканской партіи, высказывая надежду, которая скоро должна была оправдаться, а именно, что орудіе, выкованное противъ республики, обратится противъ ея враговъ.

Въ рѣчи, произнесенной имъ въ національномъ собраніи и подѣйствовавшей даже на болѣе умѣренную часть правой стороны, Гамбетта краснорѣчиво указалъ на всѣ тѣ жертвы, которыя принесены республиканскою партіей ради окончательнаго установленія такого правительства, которое могло бы спокойно наконецъ предаться трудному дѣлу обновленія Франціи, не вынужденное думать лишь о своемъ существованіи. „Мы заставили умолкнуть наши опасенія, мы принесли всѣ жертвы государствен-

ной необходимости... мы рѣшились капитулировать и отдаться въ ваши руки, лишь бы добиться умѣренного правительства... мы рѣшились на раздѣленіе власти, на учрежденіе двухъ палатъ, мы рѣшились предоставить вамъ самую сильную и рѣшительную власть, которая когда-либо существовала въ странѣ демократической... но всего этого вамъ было мало, вы шли еще дальше, требовали еще большаго, вы хотѣли образовать сенатъ, который принадлежалъ бы исключительно вамъ"... Онъ убѣждалъ монархическія партіи не натягивать черезъ-чуръ струны, не испытывать больше долготерпѣнія и уступчивости республиканской партіи, онъ взывалъ къ ихъ патріотическому чувству, къ ихъ ответственности передъ родиной, высящейся надъ духомъ партій, къ справедливому суду исторіи. Его пламенное слово поколебало дружные ряды монархическихъ партій, и изъ среды послѣднихъ выдѣлилась группа, представившая новый проектъ образованія сената, который могъ быть принятъ республиканскою партіей. Стремясь прежде всего къ успокоенію и умиротворенію страны и не желая, чтобы учрежденіе сената сдѣлало ненавистною самую конституцію для всей республиканской партіи, Гамбетта беретъ на себя роль защитника сената, который, какъ онъ выражался, долженъ былъ явиться не чѣмъ инымъ, какъ „великимъ совѣтомъ французскихъ общинъ“. Онъ надѣялся, и событія доказали, что онъ не заблуждался, что республиканскій духъ, все болѣе и болѣе проникая въ населеніе, доставитъ побѣду республикѣ и образуетъ въ самомъ сенатѣ, этой „цитадели реакціи“, республиканское большинство.

V.

Вотировавъ конституціонные законы, національное собраніе вынуждено было признать свою миссію, правда, узурпированную, выполненною до конца. 31-го декабря 1875 года окончилось его существованіе. Для Франціи должна была, повидимому, начаться новая эра спокойной и настойчивой работы надъ великою задачею національнаго возрожденія. Отъ выборовъ въ сенатъ и отъ перваго созыва новой палаты депутатовъ зависѣло все будущее Франціи. Гамбетта сознавалъ это, и потому, не зная отдыха, снова принялся за дѣло политической пропаганды, являясь душою того избирательнаго движенія, которое охватило все населеніе. Онъ желалъ обезпечить за новой палатой республиканское большинство, и чтобы это большинство состояло изъ людей

горячо преданныхъ демократіи, но вмѣстѣ спокойныхъ, разсудительныхъ, умѣющихъ сдерживать свои благородные порывы и подчасъ даже жертвовать своими идеалами ради достиженія болѣе скромныхъ, но зато осуществимыхъ реформъ. „Нужны люди, — говорилъ онъ, — которые, не жертвуя ничего случаю, шли бы только отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, съ терпѣніемъ, съ методомъ, не предпринимая ничего невозможнаго и признавая, что всегда что-либо еще остается дѣлать, даже въ самомъ лучшемъ изъ міровъ“. Онъ настаивалъ, чтобы въ палату были посланы люди, которые, отказываясь отъ неосуществимыхъ въ данное время реформъ и несбыточныхъ надеждъ, настаивали бы прежде всего на водвореніи во Франціи истинной „политической свободы“, которые прежде всего постарались бы сдѣлать населеніе собственнымъ своимъ властелиномъ, установили бы свободу слова, печати, право собираться, которые удовлетворили бы первой потребности свободнаго народа — обладать такими исполнителями власти, которые вмѣсто того, чтобы быть придирчивыми врагами, находящимися въ постоянной борьбѣ съ населеніемъ, являлись бы истинными охранителями порядка и спокойствія, умѣющими ставить законъ выше капризовъ и фантазій своего честолюбія и произвола. Онъ настойчиво предостерегалъ страну отъ увлеченій, отъ несбыточныхъ мечтаній, рекомендуя „политику результатовъ“, какъ единственную, которая отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ демократіи, „такъ какъ, — высказывалъ онъ, — онъ желаетъ постепеннаго, но прочнаго успѣха, а вовсе „не коллекціи декретовъ“, появляющихся въ „Мониторѣ“ только для того, чтобы на слѣдующій день реакція превратила ихъ въ клочки бумаги“.

Въ теченіе шестинедѣльнаго избирательнаго періода Гамбетта не выходилъ изъ вагона, уносившаго его съ одного конца Франціи на другой, какъ только для того, чтобы произносить рѣчи, воодушевляя населеніе, рекомендуя кандидатовъ, укрѣпляя вѣру въ республиканскій порядокъ. Патріотическія усилія Гамбетты увѣнчались успѣхомъ: въ палатѣ депутатовъ республиканская партія обладала значительнымъ большинствомъ, сильное республиканское меньшинство въ сенатѣ должно было сдерживать реакціонный пылъ большинства. Гамбетта, избранный въ Парижѣ, Лилѣ, Марселѣ и Бордо, сдѣлался признаннымъ вождемъ республиканскаго большинства новой палаты, съ вліяніемъ котораго должно было теперь считаться правительство Макъ-Магона, не обладавшее достаточною смѣлостью, чтобы заставить смириться монархическія партіи. Волей-неволей послѣ крушенія монархическаго заговора 1873 г. реакціонные элементы мирились съ ярлыкомъ

республики, но они не желали допустить проникновенія въ государственный строй истинно республиканскихъ началъ. Гамбеттѣ предстояло начать новую борьбу и въ концѣ концовъ одержать новую побѣду.

Послѣ исхода выборовъ 1876 г., доставившихъ торжество молодой, неокрѣпшей еще республикѣ, Гамбетта мечталъ, что „воинствующій періодъ“ республиканской партіи миновалъ навсегда, что наступила пора, забывъ о раздорѣ политическихъ партій, сосредоточить всѣ усилія надъ развитіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ страны, пережившей такіа тяжелыя испытанія. Онъ не страшился предстоящей работы; онъ зналъ и много разъ высказывалъ, что „республика всегда является какъ синдикатъ при страшномъ банкротствѣ, вынужденная къ трудной политической ликвидаціи“. Онъ желалъ лишь, чтобы республика, не ревнивая, не замкнутая, а напротивъ, широко раскрывшая свои двери для всѣхъ дѣтей Франціи, искренно любящихъ свою родину, къ какой бы партіи они ни принадлежали, лишь бы благу этой родины они принесли въ жертву свои династическія симпатіи и привязанности, могла отнынѣ спокойно и энергично работать надъ нетерпѣвшею промедленія двойною задачею — образованія и вооруженія. Наученный горькимъ опытомъ столѣтней исторіи Франціи, онъ желалъ, чтобы республиканская политика являла собою примѣръ умѣренности, законности, постепенности въ проведеніи реформъ и обновленіи общественнаго строя, такъ какъ иначе, — выразился онъ, — старая язва снова прикинется къ изнуренному организму Франціи. А эта старая язва — боязнь, страхъ, овладѣвающій трудолюбивымъ и консервативнымъ населеніемъ страны; страхъ, которымъ всегда такъ хорошо умѣли пользоваться всѣ политическія реакціи для того, чтобы скрутить народъ и лишить его свободы. Этотъ страхъ далъ силу реакціямъ 1800, 1815, 1831, 1849 гг.; онъ сослужилъ службу разбойничьему нападенію 1851 года; онъ былъ источникомъ реакціи 1871 г. Республиканская партія, — говорилъ онъ, — должна „взять на себя миссію излечить Францію отъ этой болѣзни страха. Но каково же средство противъ нея? Оно всегда одно и то же, оно всегда оказывается побѣдителемъ, это — благоразуміе“. Но Гамбетта слишкомъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что мечта его пока еще неосуществима, что не назрѣло еще время для дружной, спокойной и единодушной работы всѣхъ сыновъ Франціи надъ великимъ дѣломъ возрожденія націи, что монархическія партіи, легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, не схоронили еще своихъ иллюзій и упованій на возвращеніе себѣ прежняго вла-

дичества. Гамбеттѣ пришлось еще выдержать не одно сраженіе, не одну бурю, прежде чѣмъ за республикою было, наконецъ, обеспечено твердое, неизблемое существованіе.

Избранный въ президенты бюджетной комиссіи, Гамбетта сразу сталъ лицомъ къ лицу ко всѣмъ наиболѣе важнымъ государственнымъ вопросамъ, и на этомъ тяжеломъ посту онъ снова выказалъ во всемъ блескѣ свои рѣдкія способности замѣчательнаго государственнаго человѣка, соединяющаго глубокія познанія по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства съ яснымъ и проницательнымъ взглядомъ на задачи республиканскаго правительства въ сложномъ механизмѣ внутренней и внѣшней политики. Постоянно преслѣдуемый, точно неотвязнымъ кошмаромъ, мыслию объ испытанномъ Франціей позорѣ и терзаемый мучительною болью незакрывающейся раны, причиненной отсѣченіемъ Эльзаса и Лотарингіи, Гамбетта съ патріотическою страстью работалъ надъ военнымъ бюджетомъ, отстаивая интересы арміи и дѣлаясь какъ бы инициаторомъ крупныхъ военныхъ реформъ. Его рѣчи по вопросамъ военной реорганизаціи Франціи занимаютъ цѣлые томы, и если эти рѣчи увлекали вложенною въ нихъ ораторскою силою и блескомъ чарующаго краснорѣчія, то еще болѣе удивляли онѣ, даже специалистовъ, глубокимъ изученіемъ всѣхъ техническихъ тонкостей военнаго дѣла. Та страсть, тотъ огонь, который онъ вносилъ въ защиту всего, чтѣ касалось только могущества и блага французской арміи, создали ему въ ея средѣ безчисленныхъ приверженцевъ; эти симпатіи арміи къ энергичному вождю молодой республики содѣйствовали, безспорно, укрѣпленію новаго порядка; онѣ убѣждали монархическія партіи, что въ случаѣ какой-либо новой преступной затѣи армія не станетъ на ихъ сторону. Отстаивая интересы арміи, Гамбеттѣ приходилось касаться недавняго, живого еще прошлаго, которое онъ выводилъ на справку съ правдивою и безпощадною суровостью. Бонапартистская партія, не только не скрывшаяся подъ землю, но итавшая еще иллюзію относительно возможности возстановленія имперіи, каждый разъ, что это прошлое призывалось къ отвѣту, со смѣлою безстыдства поднимала голову, пытаясь оттолкнуть отъ себя страшную отвѣтственность за расчлененіе Франціи и доказывая, что всѣ декреты о низложеніи имперіи безсильны противъ воли націи. Буря негодованія поднималась въ груди Гамбетты и онъ возвышалъ свой карающій голосъ: „вы можете сѣяться надъ декретами о низложеніи, но есть нѣчто, чтѣ вѣчно останется неизгладимымъ пятномъ... и это нѣчто, это пятно — преступленіе.. Это преступленіе, вы не изгладите его изъ памяти

Франціи. Она скажетъ...—и, прерываемый неистовыми криками бонапартистовъ, онъ говорилъ, обращаясь къ палатѣ:—вы скажете то же, что сказала вся нація, что скажетъ исторія:—существуетъ позоръ, существуетъ преступленіе, которые никогда не могутъ быть изглажены; преступленіе зовется 2-е декабря! стыдъ, это—утрата Эльзаса и Лотарингіи!“...

Если бонапартистская партія, въ этотъ періодъ борьбы молодой республики за свое существованіе, дерзала поднимать свою преступную голову, то только потому, что она сознавала, что злоба и ненависть къ торжеству республиканской формы правленія превратили въ ея союзниковъ и сообщниковъ всѣ остальные монархическія партіи. Эта печальная для Франціи коалиція повела дружно свою атаку противъ республики, но она на каждомъ шагѣ встрѣчала въ Гамбеттѣ мужественнаго противника, тѣмъ болѣе мощнаго, что онъ стоялъ теперь на почвѣ закона, на почвѣ конституціи. Завязавшаяся борьба была тѣмъ болѣе опасна, что на сторонѣ вражескаго лагеря стоялъ сенатъ, въ которомъ большинство, хотя и слабое, было къ услугамъ монархическихъ партій. Война между сенатомъ и палатой депутатовъ разгорѣлась изъ-за вопроса о правѣ сената касаться бюджета, утвержденнаго палатой. Правительство маршала Макъ-Магона, лавируя между робкимъ еще большинствомъ палаты депутатовъ и заносчивымъ большинствомъ сената, подчинилось вліянію монархическихъ партій и предложило палатѣ признать за сенатомъ право вмѣшиваться въ вопросъ, касавшійся бюджета.

Гамбетта, всегда умѣренный, всегда осторожный, всегда готовый на уступки, когда онъ не заключаютъ въ себѣ угрозы для будущаго, но непреклонный и неустрашимый, когда дѣло касалось прочности республиканскаго режима, возсталъ со всею свойственною ему энергіей противъ незаконныхъ и неконституціонныхъ притязаній сената. Въ рѣчи, носящей на себѣ печать глубокаго ума и умѣющаго смотрѣть въ даль государственнаго челоуѣка, онъ рѣзкими чертами, опираясь на историческій опытъ народовъ, развилъ передъ палатой конституціонную доктрину и, поднимая вопросъ на вышину политики принциповъ, убѣждалъ большинство не поступаться той прерогативой, которая составляетъ главную силу палаты депутатовъ, вышедшей изъ всеобщей подачи голосовъ. „Не дайте,—говорилъ онъ,—похитить у себя это право. Вы о немъ пожалѣете, но тогда, когда уже будетъ поздно“. Республиканское большинство палаты послушалось голоса своего вождя, который понималъ, что есть случаи, когда самая политика результатовъ требуетъ скорѣе принять брошенный

вызовъ на войну, чѣмъ рѣшиться на уступку, ведущую въ самоубійству. Борьба между республиканскою палатою и монархическимъ сенатомъ обострилась.

И въ то самое время, когда Гамбетта грудью отстаивалъ противъ натиска монархическихъ партій неприкосновенныя конституціонныя права молодой и неокрылившейся еще республики, на него начали сыпаться удары съ противоположной стороны, изъ лагеря нетерпимыхъ, старозавѣтныхъ республиканцевъ, не желавшихъ понять, что практическая государственная жизнь далеко не всегда идетъ рука объ руку съ отвлеченными теоріями, какъ бы онѣ ни были заманчивы и привлекательны. Его стали обвинять, что онъ отступается отъ строгихъ республиканскихъ принциповъ, что онъ преслѣдуетъ политику сдѣлокъ, политику „оппортунизма“. Эти упреки, эти обвиненія не смущали Гамбетту, не заставляли его своротить съ избраннаго имъ политическаго пути, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ оставлять ихъ безъ отвѣта. Онъ появлялся на сходкахъ, встрѣчаясь лицомъ въ лицу съ своими обвинителями изъ крайняго республиканскаго лагеря и презирая ту популярность, которая пріобрѣтается громкими, трескучими фразами, лживыми увѣреніями и неисполнимыми обѣщаніями, убѣждалъ не поддаваться безплодной шумихѣ, надѣлавшей въ прошломъ уже столько зла, и не сѣять розни и вражды среди республиканской партіи, которую караулятъ враги новаго порядка“. „Я не признаю, — говорилъ онъ, — другой политики, кромѣ той, которой мы слѣдовали, политики умѣренности, политики согласія, политики разума, политики результатовъ, и такъ какъ уже произнесено это слово, я скажу — политики оппортунизма“. Онъ вѣрилъ въ здравый смыслъ наученной суровымъ опытомъ французской демократіи, и опасность съ этой стороны его не пугала.

Опасность надвигалась съ противоположной стороны. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе убѣждался, что монархическія партіи, враждебныя въ дѣйствительности между собою, объединяются какимъ-то невидимымъ, точно таинственнымъ вліяніемъ. Онъ рѣшился сорвать маску съ этой притаившейся и дѣйствовавшей точно изъ подземелья силы и громко назвать ее по имени. Тайнственное вліяніе принадлежало опасному, осторожному и неразборчивому въ средствахъ, но искусному борцу — клерикализму! Гамбетта призналъ необходимымъ вступить съ нимъ въ отчаянный поединокъ и во что бы то ни стало раздавить его силу. Но и въ этой войнѣ Гамбетта былъ тѣмъ же осторожнымъ и проникательнымъ политическимъ борцомъ, который понимаетъ, что бываютъ побѣды,

стоющія поражений. Вступая въ борьбу съ политическимъ вліяніемъ клерикализма, онъ старался прежде всего успокоить религиозное чувство католическаго населенія Франціи. На религію никто не долженъ нападать, никто не смѣетъ ей угрожать. Свобода совѣсти является однимъ изъ великихъ догматовъ современнаго общества. „Когда мы говоримъ о клерикальной партіи, мы не обращаемся ни къ религіи, ни къ искреннимъ католикамъ, ни къ національному духовенству. Мы желаемъ только, чтобы духовенство принадлежало церкви; мы желаемъ, чтобы церковная каѳедра не превращалась въ политическую трибуну; мы желаемъ, чтобы свобода выборовъ была обезпечена, чтобы обезпечена была свободная борьба политическихъ мнѣній, ничего не имѣющихъ общаго съ клерикальными вопросами“.

Гамбетта раскрылъ передъ глазами цѣлой Франціи, — забрасываемый бѣшенными криками и пѣною изступленія враждебнаго лагеря, — какъ клерикальная паутина опутывается съ каждымъ днемъ все больше и больше страну, какъ невидимая рука клерикализма стягиваетъ всѣ нити реакціи, какъ его пагубное таинственное вліяніе распространяется и захватываетъ правительственные органы власти. „Клерикализмъ, вотъ врагъ!“ — воскликнулъ Гамбетта, заканчивая свою грозную обвинительную рѣчь противъ происковъ клерикальной партіи. Маска была сорвана, клерикализму нечего было болѣе скрываться; ошеломленный, онъ принялъ вызовъ и бросился въ открытую борьбу. Парламентскій переворотъ 16-го мая 1877 г. былъ отвѣтомъ клерикализма на рѣчь Гамбетты.

VI.

Президентъ республики маршалъ Макъ-Магонъ, подчинившись вліянію клерикальной партіи и увлеченный совѣтами злѣйшихъ враговъ новаго порядка, безъ всякой осязательной причины, безъ того, чтобы правительство потерпѣло поражение въ палатѣ, смѣнилъ умѣренное республиканское министерство Жюль Симона и поручилъ составленіе новаго кабинета герцогу Бролю, старинному антагонисту республиканскаго режима и никогда не скрывавшему своихъ монархическихъ вождѣлій. Образованіе кабинета герцога Броя, составившаго свое министерство изъ людей, дышавшихъ ненавистью къ республикѣ и унаслѣдовавшихъ приемы второй имперіи, имѣло одинъ лишь смыслъ, одно назначеніе — борьбу на жизнь и на смерть съ новымъ порядкомъ и насильственное водвореніе, наперекоръ большинству палаты, наперекоръ волѣ націи,

отжившаго свое время во Франціи монархическаго государственнаго строя. Республиканская партія, пораженная, но не сраженная этою дерзновенною попыткою раздавить молодую республику, тѣсно сомкнула свои ряды и, сознавая, что все будущее Франціи поставлено на карту, не теряя времени, начала отчаянный бой съ клерикально-монархическою коалиціей.

Гамбетта, сильный единодушнымъ довѣріемъ всей республиканской партіи, къ какимъ бы оттѣнкамъ она ни принадлежала, отъ умѣренного лѣваго центра до крайней радикальной лѣвой стороны, мужественно взялъ въ свои руки знамя сопротивления и явился безстрашнымъ выразителемъ негодующаго и оскорбленнаго патріотизма. Лишь только сдѣлалось извѣстно рѣшеніе президента республики замѣнить министерство Жюля Симона кабинетомъ герцога Броля, Гамбетта настоялъ на созваніи въ общее собраніе всѣхъ группъ республиканской партіи и тутъ, выражая увѣренность, что твердость, энергія и рѣшительность большинства палаты съумѣютъ разбить всѣ преступные замыслы враговъ существующихъ учрежденій, онъ предложилъ обсудить формулу перехода къ очереднымъ занятіямъ, въ которой палата выразила бы свое непоколебимое рѣшеніе не поступиться ни однимъ изъ тѣхъ республиканскихъ принциповъ, которые во внѣшней политикѣ обезпечиваютъ миръ и во внутренней—порядокъ и благоденствіе страны. Эту формулу перехода къ очереднымъ занятіямъ на другой день Гамбетта развилъ въ засѣданіи палаты въ рѣчи, которая является образцомъ не только ораторскаго краснорѣчія, но и государственной мудрости. Въ выраженіяхъ, преисполненныхъ сдержанной силы и гордаго спокойствія, онъ обрисовалъ политическое положеніе Франціи, надѣявшейся вступить, наконецъ, въ защищенную отъ свирѣпыхъ бурь гавань для того, чтобы посвятить себя трудному дѣлу правственнаго и матеріальнаго обновленія, и вдругъ, „какъ ударъ молніи среди яснаго неба“, страна узнаетъ, что она снова повергнута въ одинъ изъ самыхъ опасныхъ политическихъ кризисовъ, разразившихся благодаря лишь компрометирующему, пагубному монархически-клерикальному вліянію, которому подчиняется президентъ республики. Палата должна,—говорилъ онъ,—со всею искренностью и честностью обратиться къ президенту и сказать ему: „васъ обманываютъ, вамъ совѣтуютъ дурную политику... мы умоляемъ васъ вернуться къ конституціонной правдѣ, такъ какъ эта правда составляетъ и вашу защиту, и нашу... Ваши совѣтники—это ваши враги, которые толкаютъ васъ къ неминуемой гибели... Передъ волею Франціи все должно преклониться... страна достаточно ясно высказала, что она же-

лаетъ республику, республику мудрую, мирную, прогрессивную... Страна громко заявила, что она желаетъ быть избавленной отъ этого періодическаго кошмара, отъ этихъ людей реакціи, которые какъ коршуны налетаютъ въ дни фатальныхъ кризисовъ“...

Патріотическія предостереженія Гамбетты оказались тщетны. Реакція закусилъ удила, и душа новаго кабинета, бонапартистъ Фурту, появился въ засѣданіи палаты 18-го мая лишь для того, чтобы прочесть декретъ о мѣсячной отсрочкѣ засѣданій, предшествовавшей только задуманному распущенію палаты, собранной всего годъ тому назадъ, и новымъ выборамъ, которые должны были быть произведены подъ такимъ правительственнымъ давленіемъ, какому могла бы позавидовать даже вторая имперія. Если реакціонная партія, сильная врученною ей дискреціонною правительственною властью, не теряла времени, и если ей достаточно было какихъ-нибудь нѣсколькихъ дней, чтобы взволновать море политической жизни Франціи, смѣнить весь административный персоналъ, устранить съ своихъ мѣстъ всѣхъ, кто только заподозрѣвается въ республиканскихъ убѣжденіяхъ, и замѣнить ихъ преданными агентами клерикально-монархической коалиціи, если она спѣшила разсылать во всѣ концы Франціи циркуляры и распоряженія, обнаруживающіе, съ какою неистовою смѣлостью она набрасывала арканъ на всѣ живыя силы страны, надѣясь задуть всякій протестъ, каждый порывъ къ свободному проявленію убѣжденій и чувствъ, — то не дремала и республиканская партія, предоставившая Гамбеттѣ руководящую роль въ борьбѣ противъ отчаяннаго натиска всѣхъ обломковъ монархическихъ партій, дружно бросившихся на приступъ новаго строя, подъ мрачнымъ крыломъ клерикализма.

Въ этотъ тяжелый моментъ политической жизни, предшествовавшій распущенію палаты и такъ напоминавшій собою другой періодъ исторіи Франціи, когда безумная попытка герцога Броя, того времени князя Полиньяка, повлекла за собою революціонный взрывъ, стоявшій престола Карлу X, Гамбетта ни на одну секунду не утратилъ хладнокровія и увѣренности въ торжествѣ права надъ силою. Онъ тотчасъ же обратился къ республиканскому большинству палаты съ предложеніемъ отвѣтить на дерзкій вызовъ реакціи манифестомъ, обращеннымъ къ цѣлой націи, въ которомъ заявлялся бы громкій протестъ противъ задуманнаго насилія. Предложеніе было принято единогласно, и на другой же день появилось воззваніе къ народу, подписанное 363 депутатами, дружно сплотившимися на защиту республики. Къ протесту большинства палаты присоединилось и республиканское меньшин-

ство сената. Гамбетта не довольствовался организаціей сопротивленія среди лишь республиканской партіи въ палатѣ и сенатѣ; онъ желалъ, чтобы вся республиканская Франція возвысила въ этотъ критическій часъ свой голосъ, чтобы вся она возстала грудью противъ открытаго бунта враговъ новаго порядка. Онъ обратился съ призывомъ къ общественному мнѣнію, созвалъ представителей всѣхъ крупныхъ органовъ печати, безъ различія отѣнковъ ихъ республиканскаго направленія, и образовалъ „главный комитетъ сопротивленія“, оказавшій громадную услугу республикѣ въ эти тревожные дни, когда вся Франція объята была ужасомъ передъ страшнымъ призракомъ новой международной войны. Всѣ авторитетные голоса, Эмиль де-Жирарденъ, Эдмондъ Абу, Лемоанъ и множество другихъ тотчасъ откликнулись на патріотическій призывъ Гамбетты. Воодушевляя къ борьбѣ всѣ республиканскія силы Франціи, Гамбетта въ то же самое время напрягалъ всю свою энергію, чтобы не допустить это сопротивление сойти съ почвы закона и порядка. Увѣренный въ нравственной силѣ и превосходствѣ республиканской партіи, онъ желалъ, чтобы въ борьбѣ съ произволомъ она одержала побѣду, не прибѣгая къ революціонному насилию, всегда такъ дорого обходившемуся націи.

Онъ сдерживалъ страстные порывы университетской учащейся молодежи, готовой броситься въ борьбу и принести себя въ жертву дорогимъ идеаламъ, и говорилъ ей: „я не желаю приобщать васъ къ воинствующей политикѣ. Ваше мѣсто не на страстномъ форумѣ, гдѣ происходитъ борьба“..., и онъ убѣждалъ молодежь сохранять спокойствіе и терпѣніе, всецѣло отдаться наукѣ, памятуя, что наступитъ ея часъ, когда она станетъ лицомъ къ лицу съ великою задачею вернуть родинѣ, своимъ трудомъ и патріотизмомъ, ея славное назначеніе. Остерегая молодежь, эту надежду Франціи, отъ преждевременнаго участія въ политической борьбѣ, Гамбетта съ тѣмъ большею энергіей проповѣдовалъ законную борьбу среди окрѣпшихъ элементовъ страны. Пользуясь временемъ между отсрочкой засѣданій палаты и приближавшимся распущеніемъ, онъ предпринималъ новый походъ, объѣзжая Францію и разнося по всей странѣ свою неотразимо дѣйствовавшую на умъ и чувство населенія пропаганду.

Его рѣчи въ Амьенѣ, Аббевилѣ разносились по всѣмъ концамъ государства, разъясняя смыслъ завязавшейся борьбы и поднимая духъ городского и легко запугиваемаго сельскаго населенія. Къ тому моменту, когда созвана была палата лишь для того, чтобы выслушать декретъ о распущеніи, всѣ шансы борьбы были уже

сосчитаны, и Гамбетта, заранѣ увѣренный въ побѣдѣ, явился грознымъ обвинителемъ реакціоннаго правительства. „Да, — говорилъ онъ, — я являюсь передъ вами тѣмъ, чѣмъ я желаю быть, человѣкомъ, который громко обвиняетъ васъ въ томъ, что вы преступно стремитесь къ насильственному перевороту... я знаю, что ваши постыдныя попытки никого не могутъ устрашать и тревожить. Я знаю и говорю это съ сознаніемъ моей ответственности, что наказаніе и искупленіе быстро постигло бы тѣхъ преступныхъ авантюристовъ, которые осмѣлились бы рѣшиться на такое предпріятіе“... Онъ не устранился бросить въ лицо заранѣ торжествовавшему свою побѣду правительству контръ-революціи, правительству ультрамонтановъ и іезуитовъ, презрительную кличку *gouvernement des prêtres, ministère des curés*.

Болѣе двухъ часовъ стоялъ Гамбетта на трибунѣ палаты, отстаивая съ негодованіемъ заподозрѣнную честь арміи, на пресуппое сообщничество которой дерзала разсчитывать реакція, отстаивая достоинство распускаемой палаты, только-что принявшей за великое дѣло исцѣленія Франціи, и клеймя своимъ словомъ, точно раскаленнымъ желѣзомъ, анти-патріотическую политику реакціоннаго министерства, живущаго только обманомъ и насиліемъ. Бѣшеные крики, оскорбительныя выходки, самая грубая брань на каждомъ почти словѣ прерывали его бичующую рѣчь, но ничто не могло смутить оратора, и онъ закончилъ ее, призывая населеніе не сходить въ завязавшейся борьбѣ съ почвы законности и не утрачивать спокойствія передъ голосомъ народа; „всѣ, — произнесъ онъ, — и безъ всякаго исключенія, должны будутъ преклонить свою голову“.

Четыре мѣсяца, протекшіе между распущеніемъ палаты и новыми выборами, которые должны были положить конецъ важнѣйшей реакціи, лучше всего показали, какіе глубокіе корни успѣла пустить въ страну на видъ еще хилая республика. Министерство герцога Броля, мѣтко охарактеризованное одною фразою Эмиля де-Жиардена: „Князь Полиньякъ! на тебя клеветаютъ, тебя сравниваютъ съ герцогомъ Бролемъ“, — не останавливалось ни передъ чѣмъ. Позанявъ напрокатъ изъ арсенала имперіи всѣ оружія произвола, оно должно было убѣдиться, что старое оружіе заржавѣло. Оно старалось окончательно задушить движеніе, охватившее всю Францію, и заставить умолкнуть тотъ голосъ, который наполнялъ собою цѣлую страну. По мѣрѣ приближенія выборовъ, этотъ голосъ становился все увѣреннѣе и отважнѣе, и въ знаменитой рѣчи, произнесенной въ Лиллѣ 15-го августа, въ которой Гамбетта возвѣщалъ грядущее торжество республики и

окончательное поражение бонапартизма и клерикализма, онъ двумя словами формулировать будущее положеніе правительства Макъ-Магона послѣ выборов 14-го октября. „Когда единственная власть, передъ которой все должно преклоняться, произнесетъ свое рѣшеніе, не думайте, чтобы кто-либо въ состояніи былъ ей противиться... Когда Франція возвыситъ свой державный голосъ, вѣрьте мнѣ, придется или подчиниться, или покинуть свой постъ“.

Эта краткая формула: „se soumettre ou se démettre“, точно освѣтившая все политическое положеніе и въ одинъ мигъ облетѣвшая не только Францію, но всю Европу, произвела на правительство, вышедшее изъ заговора монархическо-клерикальной коалиціи, удручающее впечатлѣніе перваго удара погребальнаго колокола. Безсильное въ своемъ произволѣ, оно возбудило противъ Гамбетты и противъ всѣхъ газетъ, напечатавшихъ произнесенную имъ въ Лиллѣ рѣчь, судебное преслѣдованіе.

Громко выраженное Гамбеттѣ сочувствіе всей либеральной Франціи, самыхъ консервативныхъ ея элементовъ, было отвѣтомъ правительству на возбужденный имъ процессъ. Защитникомъ Гамбетты выступилъ консервативный адвокатъ, бывшій *bâtonnier* Алу; онъ писалъ своему кліенту, принимая на себя защиту: „вопросъ поставленъ ясно: монархія или республика, личное или парламентарное правительство; нужно, чтобы страна еще разъ твердо выразила свою волю... нужно рѣшеніе ясное, опредѣленное, отъ котораго никто не могъ бы уклониться. Это то, что вы высказали съ твердостью и увѣренностью въ Лиллѣ“... Судьи, развращенные имперіей и не утратившіе старой привычки „оказывать услуги“ правительству, вмѣсто того, чтобы постановить безпристрастное и независимое рѣшеніе, усмотрѣли въ формулѣ: „se soumettre ou se démettre“ — оскорбленіе президента и приговорили Гамбетту къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и къ 2.000 штрафу. Этотъ приговоръ еще болѣе возвысилъ авторитетъ Гамбетты и послужилъ лишь поводомъ къ безчисленнымъ оваціямъ, которыя всюду встрѣчалъ теперь неустрашимый ораторъ.

Не приговоръ, вынесенный ему привычными угождать судьями, — другое событіе, неизмѣримо болѣе важное, удручало его теперь, вызывая минутное смущеніе и опасеніе, какъ бы новый ударъ, неожиданно обрушившійся на республиканскую партію, не поколебалъ дружные ряды воодушевленнаго къ борьбѣ большинства. Такимъ событіемъ была внезапная смерть перваго президента третьей французской республики, человѣка, на котораго вся республиканская партія взирала какъ на заранѣе опредѣленнаго и естественнаго

преемника Макъ-Магона. Кончина Тьера, лишь подъ конецъ своей долгой жизни обратившагося къ республикѣ, но обратившагося къ ней съ глубокою вѣрою и непреклоннымъ убѣжденіемъ, что въ ея нѣтъ спасенія для Франціи,—вызвала такую же печаль и скорбь среди республиканской партіи, какъ ликованіе и радость среди реакціоннаго лагеря. Въ этомъ послѣднемъ лагерѣ питали надежду, что какъ только вопросъ поставленъ будетъ прямо: Макъ-Магонъ или Гамбетта,—то всѣ новообращенные республиканцы, отрѣшившіеся отъ монархическаго принципа и послѣдовавшіе за Тьеромъ, толпою отшатнутся отъ призрака „радикальной“ республики Гамбетты и примнутъ снова къ рядамъ монархистовъ. Одно возникновеніе такой надежды заставило тотчасъ вождя республиканской партіи рѣшиться на шагъ, еще разъ доказавшій глубокую искренность его патріотизма и полное отрѣшеніе отъ всякихъ эгоистическихъ и самолюбивыхъ интересовъ. Какъ ни обильны были доказательства, доставленные всею политическою карьерою Гамбетты, что никто болѣе его не олицетворяетъ въ себѣ „человѣка порядка“, всецѣло преданнаго задачѣ спокойнаго, строго-законнаго движенія впередъ, но тѣмъ не менѣе опасеніе, что вопли монархистовъ, крики о красной республикѣ съ „диктаторомъ“ въ качествѣ президента, способны поколебать наиболѣе умѣренную и робкую часть республиканской партіи и посѣять среди нея пагубный раздоръ, побудило Гамбетту тотчасъ положить конецъ всякой неизвѣстности и сомнѣніямъ относительно будущаго кандидата на постъ президента. Гамбетта, устраняя свою кандидатуру, столь естественную въ виду пріобрѣтенной имъ громадной популярности и еще болѣе въ виду оказанныхъ имъ республикѣ услугъ, порѣшилъ выставить кандидатуру президента распущеннаго палаты депутатовъ, Жюля Греви.

Реакціонное правительство, пользуясь безпокойствомъ и тревогою, вызванными среди республиканскаго большинства смертью осторожнаго и опытнаго государственнаго человѣка, старалось эксплуатировать исчезновеніе Тьера и запугать населеніе Франціи страшною тѣнью новаго конвента. Оно заставило маршала Макъ-Магона подписать воззваніе къ народу, въ которомъ республиканское большинство старой палаты громко обвинялось въ стремленіи замѣнить конституціонный порядокъ демагогическимъ деспотизмомъ. Мало того, правительство смѣло заявляло официальную кандидатуру и твердую рѣшимость не подчиниться волѣ народа, если эта воля не совпадетъ съ волею правительства его, Макъ-Магона. „Я не подчинюсь, — говорилось въ воззваніи, — требованіямъ демагогіи. Я не могу превратиться въ орудіе ради-

ализма, ни покинуть тотъ постъ, на который я поставленъ конституціей“... Эта прокламація, служившая отвѣтомъ на формулу Гамбетты: „se soumettre ou se démettre“, вызвала всеобщее изумленіе. Вся Франція усмотрѣла въ ней безумно смѣло заявленную рѣшимость на государственный переворотъ,—рѣшимость не остановиться даже передъ междоусобною войною. Страхъ, испытанный Гамбеттою при мысли, что смерть Тьера можетъ заставить поколебаться дружный натискъ республиканской партіи всѣхъ отѣнковъ, исчезъ, какъ только онъ увидѣлъ то впечатлѣніе, которое произвело воззваніе Макъ-Магона на самыхъ умѣренныхъ республиканцевъ. „Не является ли французская революція лишь вымысломъ историковъ и романистовъ? Не живемъ ли мы подъ властью Людовика XIV, говорившаго: „государство, это я!“, или подъ господствомъ Людовика XV, произнесшаго: „послѣ меня потопъ?“... Безсмертныя эпохи 1789, 1830, 1848, 1870, неразрушимые протесты свободы всѣхъ противъ власти одного, не является ли вы только баснями? Да, мы думаемъ, что намъ снится сонъ, когда мы читаемъ эту прокламацію, или вѣрнѣе этотъ приказъ, обращенный къ французскому народу. Съ нимъ ли такъ говорятъ, и понимаютъ ли тѣ, которые такъ говорятъ, что они говорятъ... Послѣ столькихъ поколѣній, легшихъ костью за нашу свободу, насъ хотятъ снова привести къ казармѣ. Нѣтъ, никогда, ни Бурбоны, ни Наполеонъ, не говорили съ нами такимъ языкомъ“...

Такъ писали и говорили представители самой умѣренной фракціи республиканской партіи. Никто, однако, съ такою отвагою не опрокинулся на поднявшаго свое забрало врага, какъ Гамбетта. въ своей замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ за нѣсколько дней до выборовъ. Онъ показалъ жадно прислушавшемуся къ его слову народу, въ какую бездну влечетъ его реакція, какое значеніе имѣетъ тотъ новый плебисцитъ, который потребовало правительство, и, сравнивая его съ плебисцитомъ 1870 года, когда отъ народнаго вердикта зависѣло наказаніе или спасеніе націи, онъ припоминалъ: „Вамъ говорили въ 1870 году, что вашъ вердиктъ будетъ миромъ; мы отвѣчали: будетъ война! вамъ говорили:—будетъ свободой; мы отвѣчали: рабствомъ! вамъ говорили, что онъ обезпечитъ устойчивость; мы отвѣчали: вызоветъ революцію! вамъ говорили, что онъ доставитъ величіе Франціи; мы отвѣчали: нашествіе! И народъ, захваченный врасплохъ, запуганный или невѣжественный, отдался въ руки властелина, и вы знаете послѣдствія того, и вы знаете, съ какою быстротою Немезида, блуждающая въ исторіи, наказала нашу несчастную, предавшую себя страну. Тогда все рушилось, и наши арміи,

и наше правительство, и администрація, и что еще болѣе мучительно — наша слава и наша честь“... Гамбетта начерталъ яркую картину того конечнаго униженія и позора, въ которомъ его родина нашла бы свою смерть, еслибы только она поддавалась минутной слабости и на угрозу насилія не отвѣтила гордымъ презрѣніемъ.

Гамбетта отдернулъ такимъ образомъ завѣсу, скрывавшую ту руку, которая объединяла легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ: „на другой день послѣ выборовъ, — говорилъ онъ, — побѣжденною должна быть не та или другая враждебная республикѣ партія, но партія, которая ведетъ всѣ остальные, которая ихъ покрываетъ, дисциплинируетъ и толкаетъ въ борьбу... Мы говорили: клерикализмъ — вотъ врагъ; народное голосованіе должно провозгласить: клерикализмъ — вотъ побѣжденный“. Патриотическія усилія Гамбетты не пропали даромъ. Республика вышла торжествующею изъ выборовъ 14-го октября 1877 г. Несмотря на всѣ козни и злоупотребленія власти, республиканское большинство 363 вернулось въ новую палату почти нетронутымъ. Жестокая пятимѣсячная борьба между старымъ и новымъ порядкомъ должна была, повидимому, прекратиться, но агонизирующая реакція продолжала руками цѣпляться за власть. Какъ самъ президентъ республики не желалъ преклониться передъ рѣшеніемъ народа и покинуть съ достоинствомъ свой высокій постъ, такъ не желалъ онъ проститься и съ министерствомъ герцога Броля, столь рѣшительно проигравшаго сраженіе.

7-го ноября открылись засѣданія палаты депутатовъ, и республиканское большинство, встрѣтившись съ упрямою, бравирующею властью, тотчасъ же приняло мужественныя рѣшенія. Оно образовало комитетъ изъ 18 депутатовъ и снабдило его широкими полномочіями. Гамбетта явился душою этого комитета, составленнаго изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей республиканскаго большинства. Первымъ актомъ этого комитета было внесеніе въ палату предложенія о назначеніи комиссіи изъ 33 лицъ, на которую возложено было бы парламентское разслѣдованіе всѣхъ дѣйствій министерства герцога Броля, направленныхъ къ незаконному давленію на свободу выборовъ 14-го октября. Рѣчь, произнесенная Гамбеттою во время бурныхъ и страстныхъ засѣданій, посвященныхъ обсужденію этого предложенія, противъ котораго съ какимъ-то мужествомъ отчаянія возстала вся реакціонная партія, была настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ правительства 16-го мая, преслѣдовавшаго одну лишь цѣль — задуть республику.

Съ документами въ рукахъ Гамбетта громилъ преступную борьбу реакціоннаго министерства противъ существующихъ учреждений и законовъ страны, тѣ недостойные маневры, къ которымъ прибѣгало оно, чтобы обмануть населеніе и увлечь его волю, ту сознательную ложь, клевету, застрашиваніе, къ которымъ прилагалась государственная печать. Онъ призывалъ министерство къ стыду, совѣсти, онъ требовалъ, чтобы правительство преклонилось передъ ясно выраженной народною волею, не упорствовало въ бесплодной и безумной борьбѣ и не увлекалось иллюзіей, что сенатъ еще разъ сдѣлается сообщникомъ заговорщиковъ и дастъ свое согласіе на новое распущеніе палаты. „Еслибы это было возможно,—предупреждалъ онъ мимоходомъ сенатъ,—то сенатъ пересталъ бы быть верхнею палатою, онъ превратился бы въ конвентъ, въ тотъ конвентъ, о которомъ вы говорите такъ много; но потому только, что это былъ бы бѣлый конвентъ, онъ не былъ бы ни менѣе опасенъ, ни менѣе преступенъ“. Огромное большинство вотировало назначеніе парламентскаго разслѣдованія; сенатъ, куда министерство бросилось за помощью, сдѣлалъ попытку, несмотря на авторитетные голоса Дюфора и Лабулѣ, говорившаго: „намъ предлагаютъ подложить огонь въ угли, которые гаснутъ, и приложить старанія къ тому, чтобы снова возобновились конфликты“—оказать противодѣйствіе палатѣ депутатовъ, но онъ долженъ былъ уступить передъ твердою рѣшимостью республиканскаго большинства. Разбитому министерству герцога Броля не оставалось ничего другого какъ сойти со сцены. Но президентъ республики, подстрекаемый людьми, которымъ нечего было больше терять, продолжалъ упорствовать, не желая примириться съ горькою необходимостью признать торжество формулы Гамбетты: „se soumettre ou se démettre“. Онъ послушался совета своихъ друзей, болѣе опасныхъ, чѣмъ самые злые враги, и сформировалъ вѣн-парламентское министерство подъ предсѣдательствомъ генерала Рошбуа, составленное изъ реакціонеровъ, по преимуществу бывшихъ официальныхъ кандидатовъ, побитыхъ на выборахъ 14-го октября.

Положеніе сдѣлалось натянутымъ до крайности. Кризисъ обострился. Въ политической атмосферѣ сталъ распространяться запахъ пороха. Реакція готовилась дать послѣднее кровавое сраженіе республикѣ. Зловѣщіе слухи быстро облетѣли Парижъ. Военный заговоръ, осадное положеніе, арестованіе Гамбетты и остальныхъ членовъ комитета 18-ти, разогнаніе палаты военною силою—вотъ каковы были намѣренія, которыхъ не скрывала больше реакціонная печать. Новый государственный переворотъ, ужасъ междоусобной войны ясно обрисовывались на политическомъ горизонтѣ.

Гамбетта взглянулъ въ лицо надвигавшейся опасности и бодро пошелъ ей на встрѣчу по твердому пути закона и права, энергически поддерживаемый всею республиканскою партіей. Палата депутатовъ, вдохновляемая Гамбеттой, встрѣтила министерство предполагаемаго государственнаго переворота мужественною резолюціей, въ которой она заявляла что „такъ какъ министерство 23-го ноября является отрицаніемъ народныхъ правъ и парламентскихъ прерогативъ, и такъ какъ оно способно только обострить кризисъ, который, начиная съ 16-го мая, такъ жестоко тяготѣетъ надъ дѣлами“, — то она отказывается вступать съ нимъ въ какія-либо сношенія. На требованіе кредитовъ со стороны новаго министерства, Гамбетта, при шумныхъ рукоплесканіяхъ палаты, бросилъ ему въ отвѣтъ гордые слова: „наше золото, наши налоги, всѣ наши пожертвованія мы предоставимъ имъ только тогда, когда они преклонятся передъ волею націи, выраженной 14-го октября, когда рѣшенъ будетъ вопросъ, управляетъ ли во Франціи сама нація, или ей приказываетъ одинъ человекъ“.

Дѣятельность Гамбетты, какъ и всегда, но особенно въ этотъ критическій моментъ, когда онъ сознавалъ, что готовой окончательно восторжествовать республикѣ приходится теперь отразить послѣдній, столько же безумный, сколько и преступный натискъ ея внутреннихъ враговъ, — не ограничивалась одною палатою. Онъ появился среди парижскаго населенія, всегда легко воспламеняющагося и уже достаточно наэлектризованнаго, стараясь сдерживать его порывистыя увлеченія и убѣждая его сохранять до послѣдней минуты спокойствіе и не давать своимъ врагамъ повода легко эксплуатировать какую-нибудь необдуманную вспышку. Но въ то же время онъ предостерегалъ правительство отъ употребленія силы, съ увѣренностью предвѣщая, что она разобьется о силу цѣлаго народа, готоваго уже броситься на защиту своихъ правъ. Съ тѣмъ политическимъ тактомъ, который всегда отличалъ Гамбетту, онъ предложилъ на открывшуюся въ одномъ изъ парижскихъ округовъ вакансію депутата кандидатуру Эмиля де-Жирардена, новообращеннаго республиканца, со страстью и талантомъ боровшагося въ своей газетѣ противъ монархическихъ заговорошниковъ.

Явившись въ избирательное собраніе IX округа вмѣстѣ съ ветераномъ республиканской идеи и въ то же время славнымъ поэтомъ Франціи, Викторомъ Гюго, желавшимъ своимъ авторитетнымъ словомъ поддержать кандидатуру талантливаго журналиста, Гамбетта въ послѣдній разъ возвысилъ свой голосъ противъ замышлявшагося государственнаго переворота, на путь ко-

того стремительно увлекала нерѣшительнаго и стоявшаго въ раздумѣ Макъ-Магона отчаянная клика бонапартистовъ. Этотъ голосъ, какъ бы воплощавшій въ себѣ совѣсть и протестъ цѣлой націи, не могъ не внести еще болѣшихъ колебаній въ душу „честнаго солдата“, президента республики. „Вопросъ поставленъ категорически, — говорилъ Гамбетта, — Франція высказалась, но ей не повинуются. Однако у нея есть представители, обладающіе хладнокровіемъ, твердостью, рѣшившіеся разъ навсегда покончить съ вопросомъ: самодержавна Франція, или она только рабыня. Если Франція рабыня... Но она дала уже отвѣтъ, она создала большинство, которому указала не выходить изъ предѣловъ законности, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы никто не осмѣливался преступать закона. Мы стоимъ передъ высшимъ вопросомъ: сила окажетъ ли сопротивление праву? Большинство выполнить свою обязанность до конца, и я отвѣчаю вамъ, что сила и право окажутся на одной сторонѣ“... Внутреннее положеніе, занятое республиканскою партіей, предводимой сдержаннымъ, но рѣшительнымъ вождемъ, смутило ряды реакціи и лишило ее увѣренности въ побѣдѣ. Право восторжествовало надъ силою, и президентъ республики долженъ былъ „подчиниться“ ясно выраженной волѣ народа. 13-го декабря 1877 г. возвѣщено было наконецъ образованіе республиканскаго министерства. Такъ окончилась упорная семимѣсячная борьба между республикою и монархіею, и если первая благополучно миновала самый опасный кризисъ, который ей когда-либо приходилось переживать, и вышла побѣдительницею, еще болѣе окрѣпшею и сильною, изъ этой лютой борьбы, то своимъ торжествомъ она обязана была Гамбеттѣ болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Этотъ періодъ семимѣсячной тяжелой борьбы республики противъ дружнаго натиска монархическо-клерикальной реакціи составляетъ по отношенію къ внутренней политикѣ столь же выдающійся моментъ въ жизни и дѣятельности Гамбетты, какъ и тотъ другой, также семимѣсячный періодъ внѣшней борьбы 1870—1871 г., когда, движимый любовью и вѣрою въ свою родину, онъ не хотѣлъ мириться съ мыслью о раздробленіи Франціи и сдѣлалъ все, что было только въ человѣческихъ силахъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ ея національное достоинство.

Е. Утинъ.

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

— Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VII *).

Давенпортъ не умеръ. Эстеръ, въ первыя минуты безпомощнаго ужаса, думала, что ударъ, свалившій съ ногъ ея отца, былъ смертельнымъ; но это было не такъ.

Дрожащими руками развязывала она черную истрепанную тряпицу, которою было обвязано его горло, и слышала, какъ билось его сердце подъ разорванной фланелевой рубашкой. Она слышала прерывистое его дыханіе, доказывавшее, что онъ живъ.

— Ступай за докторомъ!— закричала она Джерарду.— О! ради Бога! доктора... какъ можно скорѣе! Ты его не убилъ!

— Убилъ? нисколько. Я только заставилъ замолчать его гнусный языкъ... Неблагодарный, старый негодяй! Мой ударъ вовсе не былъ силенъ; я хотѣлъ только, чтобы онъ замолчалъ, и успѣлъ въ этомъ.

И Джерардъ презрительно засмѣялся.

Онъ считалъ ничего нестоющей жизнь этого жалкаго, ничтожнаго старика. Преклонныя лѣта, бѣдность, запой—все это такія условія, при которыхъ человѣку и не стоитъ жить, а главное—дорожить жизнью!

---

*) См. выше: окт., стр. 656.

И тѣмъ не менѣе, еслибы кто-нибудь положилъ конецъ такому жалкому существованію,—его назвали бы убійцей и повѣсили бы!

Что теперь дѣлать? посылать за докторомъ? Былъ уже второй часъ ночи, а ближайшій докторъ находился въ Лоукомбѣ, въ одной милѣ разстоянія.

— Я пойду въ коттеджъ садовника и постараюсь послать кого-нибудь... Не бойся, Эстеръ. Будь спокойна, пока я не возвращусь.

Джерардъ побѣждалъ въ домикѣ садовника, находившійся по ту сторону дороги, около большого огорода, гдѣ выращивалась цѣлая пропасть овощей, которыхъ никто не потреблялъ, и сѣялось такое количество сѣмянъ, что его достаточно было бы, чтобы засѣять всѣ пустопорожнія мѣста въ Беркширѣ.

Онъ ушелъ, а страхъ Эстеръ усилился въ то время, какъ она опустилась на колѣни около безжизненной фигуры, прислушиваясь къ затрудненному дыханію. Въ обморокѣ онъ, или съ нимъ нѣчто въ родѣ удара?

Она постѣшила въ домъ за водой и примочила ему виски, пыталась также пропустить ложку воды съвозъ стиснутые зубы, но тщетно. Ей оставалось только наблюдать за лицомъ, казавшимся бѣлымъ при лунномъ свѣтѣ и сильно постарѣвшимъ и измѣнившимся съ прошлаго августа. Эти нѣсколько мѣсяцевъ равнялись, очевидно, нѣсколькимъ годамъ. Морщины стали глубже, но хуже, чѣмъ старость, положилъ свою печать закоренѣлый запой.

Джерардъ вернулся черезъ четверть часа, показавшуюся ей цѣлымъ вѣкомъ.

— Доулингъ отправился,—сказалъ онъ:—я дожидался, пока онъ не тронулся въ путь. Туда идти почти часъ времени, да столько же назадъ. Это все твое глупое сопротивленіе тому, чтобы намъ завести здѣсь конюшню и лошадей, поставило насъ въ затруднительное положеніе! Что, онъ все еще не пришелъ въ себя?

Джерардъ остановился и глядѣлъ на фигуру, распростертую передъ нимъ на дорожкѣ. Дорожка передъ верандой была узка, и по счастливой случайности Давенпортъ упалъ головой на лужайку, гдѣ трава была густая и мягкая.

„Желалъ бы я знать, пригласилъ ли бы меня лоукомбскій ректоръ возвести этого человѣка въ званіе моего тестя“,—подумалъ Джерардъ; но затѣмъ, движимый лучшими чувствами, онъ нагнулся, поднялъ отяжелѣвшую голову съ земли и съ помощью Эстеръ перенесъ безсознательную фигуру въ гостиную, гдѣ и положилъ на диванъ; Эстеръ подложила подушку подъ взъерошенную сѣдую голову и прикрыла плюшевымъ одѣяломъ безжизненное тѣло.

— Нельзя ли что-нибудь еще сдѣлать? — спросила она жалобно.

— Не знаю. Я совсѣмъ не умѣю ходить за больными. Будь здѣсь Лиліана, она была бы очень полезна. Я боюсь, что у него ударъ.

— Ты не думаешь, что онъ умираетъ? — съ ужасомъ спросила Эстеръ.

Она стояла на колѣняхъ у дивана, держа въ рукахъ холодную и безжизненную руку отца.

— Не знаю. Ничего не знаю, кромѣ того, что паденіе не могло убить его.

— Еслибы это такъ, то ты былъ бы его убійцей, — отвѣчала она, возмущенная его безчувственностью.

— Что же, ты предпочла бы, чтобы я стоялъ и слушалъ, какъ онъ ругаетъ тебя... тебя... когда ты принесла ему въ жертву всѣ радости жизни и была его преданной рабой?!

Нѣтъ, въ немъ не было жалости. Этотъ пьяница ворвался въ ихъ жизнь и внесъ ужасъ и волненіе въ ихъ мирный домъ. Этому пьяницѣ Эстеръ заплатила уже весь дочерній долгъ и ничѣмъ больше передъ нимъ не обязана. Нѣтъ, въ немъ не было жалости, хотя онъ, молодой человѣкъ, поднялъ руку на слабого старика. Онъ такъ же мало жалѣлъ о томъ, что прибилъ его, какъ еслибы прибилъ бѣшеную скотину.

Онъ проклиналъ случай, приведшій въ его жилище этого нежеланнаго гостя, который, быть можетъ, сдѣлаетъ невозможнымъ его счастливый союзъ съ Эстеръ. Онъ зналъ ея преувеличенныя понятія о своемъ долгѣ къ этой пьяной скотинѣ, зналъ, что она готова пожертвовать собой. Кто скажетъ, какъ она теперь поступить?

Узаконить ихъ союзъ — какъ бы не такъ! Создать законную связь между собой и этимъ пьянымъ бездѣльникомъ! Всю жизнь быть связаннымъ съ такимъ позорнымъ тестемъ!

Онъ не могъ оставаться въ одной комнатѣ съ этимъ жалкимъ отребьемъ человѣчества и, выйдя изъ дома, сталъ прохаживаться по дорожкѣ въ ожиданіи доктора, который не явился. Садовникъ вернулся черезъ часъ, говоря, что доктора призвали на одну отдаленную ферму, гдѣ ожидался ребенокъ, и онъ вѣроятно останется тамъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не родится. Ферма находилась въ пяти миляхъ разстоянія отъ Лоукомба. Жена доктора могла только обѣщать, что мужъ немедленно по возвращеніи домой отправится въ Розовый Павильонъ.

Такимъ образомъ, во всю долгую октябрьскую ночь имъ ни-

чего не оставалось, какъ терпѣть и ждать. Воздухъ посвѣжѣлъ съ наступленіемъ утра, и Джерардъ вернулся въ гостиную, гдѣ Эстеръ растопила каминъ и гдѣ все еще горѣла лампа. Дыханіе старика стало спокойнѣе, и онъ, казалось, теперь крѣпко спалъ.

— Онъ поправится,—сказалъ Джерардъ, глядя на незваного гостя.—Пьяному море по колѣно.

— Джерардъ, Джерардъ, какъ ты жестокъ!

— Неужели ты еще ждешь отъ меня доброты? Я бы пожертвовалъ тысячами, чтобы вычеркнуть его изъ нашей жизни.

— Но это ты далъ деньги, которыя поставили его на такой путь.

— Я далъ ему денегъ, чтобы избавиться отъ него. Ты видишь, что ты жертвуешь жизнью для призрачнаго долга. Я вижу, что молодость твоя вянетъ и красота пропадаетъ даромъ въ нищетѣ и заботѣ. Онъ одинъ мѣшалъ моему счастью, и я устранилъ его. Мы были счастливы, Эстеръ. Изъ состраданія не говори мнѣ, что тебѣ дороже это отребье челоуѣчества, нежели я.

— Онъ мнѣ дорогъ, потому что онъ мой отецъ и нуждается въ моей любви.

— Ахъ, это старая исторія! Мы можемъ заботиться о немъ и обезпечить за нимъ уходъ. Мы помѣстимъ его въ богадельню, гдѣ за нимъ будутъ ходить и не дадутъ ему предаваться пьянству.

Эстеръ не обратила вниманія на эти слова. Она сидѣла, по прежнему держа въ рукахъ холодную руку отца, и, примачивая его лобъ одеколономъ, прислушивалась къ его дыханію и поджигала доктора.

Утро, наконецъ, наступило, холодное и туманное, и вскорѣ зѣмъ появился м-ръ Миворъ, врачъ, пользовавшійся довѣріемъ всего околотеа.

Его ввела въ комнату заспанная горничная; онъ съ удивленіемъ узналъ, что въ домѣ есть больной... посѣтитель, неожиданно прибывшій ночью, и для котораго провѣтривали и приготовили спальную.

Эстеръ на разсвѣтѣ поднялась наверхъ, разбудила слугъ и велѣла растопить каминъ въ запасной спальнѣ, довольно красивой комнатѣ, до сихъ поръ остававшейся безъ употребленія и выходившей окнами на большую дорогу и огородъ.

М-ръ Миворъ слышалъ различные толки о молодой четѣ въ Розовомъ Павильонѣ, но, какъ осторожный врачъ и свѣтскій челоуѣкъ, воздерживался отъ высказыванія своего мнѣнія. Тѣмъ не менѣе и онъ интересовался этой общественной тайной; любопытство его значительно усилилось отъ того, что онъ увидѣлъ

сегодня утромъ: два блѣдныхъ лица, — лицо мужчины сердитое и нахмуренное, лицо женщины заплаканное и встревоженное, — а между ними жалкая, растрепанная фигура, съ тѣмъ испытаннымъ видомъ, какой для опытнаго медицинскаго глаза сразу говорилъ о привычной невождержности.

— Когда сдѣлался этотъ припадокъ? — спросилъ онъ, осматривая больного.

— Во второмъ часу ночи.

— Онъ былъ здоровъ передъ тѣмъ?

— Не знаю. Онъ пришелъ въ домъ... незванымъ гостемъ... и почти тутъ же свалился съ ногъ. Съ тѣхъ поръ не приходилъ въ себя, — отвѣчалъ рѣшительно Джерардъ.

— И не было никакой причины для волненія... ссоры, какого-нибудь возбужденія? — спрашивалъ докторъ, зорко глядя на говорившаго.

— Онъ могъ взволноваться, увидя насъ неожиданно... и въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился... не особенно трезвомъ.

— Вы думаете, онъ былъ пьянъ?

— Думаю.

М-ръ Миворъ отложилъ дальнѣйшіе разспросы. Онъ вынулъ хорошенькій кожаный футляръ, который всегда возилъ съ собой, и, взявъ какой-то порошокъ, собственноручно поднесъ его больному, не спуская съ него глазъ. Старикъ раскрылъ на секунду свои глаза, но тотчасъ же закрылъ ихъ.

— Вамъ нужна опытная сидѣлка, — сказалъ докторъ, — если этотъ человѣкъ долженъ остаться у васъ въ домѣ... Да, по правдѣ сказать, и не безопасно было бы перевезти его раньше нѣсколькихъ дней.

— Онъ останется здѣсь и я буду помогать ходить за нимъ, — сказала Эстеръ, садясь на прежнее мѣсто у изголовья больного. — Онъ мой отецъ!

— Вашъ отецъ! Я не совсѣмъ понимаю, — сказалъ докторъ, довольно-таки удивясь такому открытію: онъ уже замѣтилъ разорванную фланелевую рубашку, истрепанный, грязный воротникъ сюртука и общій нищенскій видъ больного, представлявшій странный контрастъ съ комнатою, гдѣ онъ находился.

Ея отецъ! это жалкое человѣческое отребье — отецъ красавицы м-съ Ганли, про которую ходило такъ много слуховъ. Значить, зоицы были въ сущности правы, и она происходила изъ подонковъ общества!

Онъ внимательно прежняго вглядѣлся въ лицо старика. Какъ ни были черты его искажены пьянствомъ, но въ нихъ отсутство-

валъ отпечатокъ грубости, характеризующей низменное происхождение. Рука, безжизненно лежавшая на плюшевомъ одѣялѣ, была тонка и изящной формы—эта рука не знала чернаго труда. Человѣкъ этотъ могъ быть когда-то джентльменомъ. Склонность къ запую часто встрѣчается и у джентльменовъ!

М-ръ Миворъ не былъ доволенъ общимъ ходомъ дѣла. Онъ не вѣрилъ безусловно въ то, что старикъ какъ вошелъ, такъ и упалъ въ припадкѣ. Припадокъ, конечно, былъ сродни параличу—въ этомъ онъ не сомнѣвался, но подозрѣвалъ, что отъ него что-то скрывали; въ особенности подозрѣнія его усилились послѣ того, какъ м-съ Ганли созналась, что это—ея отецъ. Какъ бы то ни было, а обязанность врача была для него ясна. Чтѣ бы ни случилось нынѣшней ночью—если даже произошла ссора между молодымъ человѣкомъ и старикомъ и какія-нибудь насилія, какъ онъ подозрѣвалъ, старикъ не умеръ. Онъ обязанъ его вылечить, если можно, а личная выгода заключается въ томъ, чтобы держать свои подозрѣнія про себя.

— Я пошлю телеграмму въ Лондонъ и выпишу госпитальную сидѣлку, если хотите,—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, — отвѣчалъ Джерардъ и позвонилъ. — Я пошлю вашу телеграмму, какъ только вы ее напишете.

— А пока, — сказалъ докторъ, присаживаясь за столъ, гдѣ находились всѣ письменныя принадлежности, — я помогу вамъ уложить больного въ постель.

— Комната его готова, — объявила Эстеръ. — Я могу все дѣлать для него, чтѣ нужно. Я привыкла ходить за нимъ.

— Онъ и прежде, значить, бывалъ боленъ?

— Такъ сильно, какъ теперь, еще никогда. Я никогда еще не видывала его въ такомъ обморокѣ, какъ вчера... послѣ того, какъ онъ упалъ.

Ея нерѣшительный голосъ и растерянный видъ подтверждали м-ру Мивору, что его догадки были основательны; но онъ не сталъ больше разспрашивать, и спокойно, съ искусствомъ и ловкостью опытнаго практика, помогъ слугѣ перенести безпомощную фигуру наверхъ; Эстеръ перемѣнила истасканное и грязное платье больного на другое и покойно уложила его въ кровать.

Огонь весело горѣлъ въ старомодномъ каминѣ, а на дворѣ ярко засіяло осеннее солнце. Комната, съ ея красивыми французскими обоями и бѣлой мебелью, была такъ свѣжа и чиста, точно ее приготовили для невесты... а въ постели лежала жертва собственныхъ пороковъ—невоздержности и малодушія, про которые ошибочно думаютъ, что они вредятъ только самому грѣшнику.

— Мой бѣдный отецъ бродилъ повсюду, пока не приведетъ себя въ такой жалкій видъ,—сказала Эстеръ доктору.— У меня здѣсь въ домѣ полный чемоданъ его платья, и оно къ его услугамъ, когда понадобится. Мой долгъ сообщить вамъ, что онъ сталъ жертвой невольнаго употребленія вина, къ которому первоначально заставили его прибѣгнуть невральгическія боли. Онъ очень жалокъ, бѣдный. Вы никому не скажете?

— Сказать кому-нибудь! Дорогая лэди, за кого вы принимаете докторовъ! Семейныя тайны для насъ такъ же священны, какъ и для духовныхъ лицъ. Мнѣ не трудно было догадаться, что пьянство—и одно только пьянство—могло довести этого джентльмена до такого состоянія. А теперь я предоставляю вамъ ухаживать за нимъ, пока не прійдетъ сидѣлка. Я полагаю, что она прибудетъ сюда вскорѣ послѣ полудня, а я загляну еще до наступленія сумерекъ.

Когда онъ ушелъ, Эстеръ осмотрѣла карманы отца. Въ большемъ карманѣ его охотничьей куртки находился совсѣмъ растрепанный томикъ сатиръ Горація съ помѣтками, сдѣланными на поляхъ почеркомъ самого Давенпорта, все еще четкимъ и красивымъ, несмотря на разстроенные нервы и дрожащія руки.

Въ другомъ карманѣ того же платья лежала рукопись съ зачеркнутыми и вновь написанными строчками, указывавшими на какую-то работу. То былъ метрическій переводъ нѣкоторыхъ изъ сатиръ. Эти попытки говорили о напряженномъ трудѣ: нѣкоторыя мѣста были переведены въ нѣсколькихъ редакціяхъ и разными размѣрами, но ни одна сатира не была окончена. Всѣ признаки большого нѣкогда ума, но слабой воли были на-лицо.

Эстеръ передала рукопись Джерарду, когда онъ пришелъ взглянуть на больного. Она передала ее ему молча, даже не глядя на него, потому что боялась, какъ бы во взглядѣ ея не выразилось упрека. Эти тщательные переводы доказывали, какъ глубоко былъ обманутъ ея отецъ человекомъ, который сознательно заманилъ его на путь гибели.

— Бѣдняга! Да, онъ хотѣлъ зарабатывать свои деньги. У него инстинкты джентльмена. Я поступилъ дурно, и ты вправѣ ненавидѣть или презирать меня. Я ничего лучшаго не заслуживаю.

— Ненавидѣть тебя!—повторила она тихимъ, разбитымъ голосомъ:—ты знаешь, что я этого не могу. Ты самъ не понимаешь, что дѣлалъ; въ противномъ случаѣ ты не поступилъ бы такъ жестоко. Но и я такъ же виновата, какъ и ты. Еслибы я оставалась вѣрна самой себѣ и ему, я бы могла все-таки найти его и спасти.

— Да, пожертвовавъ молодостью, любовью, красотой и всѣмъ, что только цѣнно въ нашей краткой жизни. Нѣтъ, Эстеръ, я не жестокъ, я не безсердеченъ. Я сожалею о немъ, но онъ — жертва собственныхъ инстинктовъ, и еслибы случай представился иной, то онъ все же бы погибъ. Я бы еще больше жалѣлъ тебя, еслибы продолжалась твоя прежняя жизнь и то суровое рабство, которое отрѣзывало тебя отъ всѣхъ радостей жизни, на какія ты вправѣ была рассчитывать. Я просто обезумѣлъ, глядя на твое терпѣливое мученичество, на безрадостную, мрачную жизнь, какую ты вела. Я бы еще хуже поступилъ, чтобы избавить тебя. А теперь... Ну, мы должны все сдѣлать для него.

Эстеръ ничего не отвѣчала на всѣ эти разсужденія. Она сидѣла у постели больного, готовая выполнить всѣ докторскія предписанія. Они были простѣйшаго свойства. Почти ничего пока нельзя было сдѣлать. Старикъ могъ проснуться отъ своего продолжительнаго сна въ полномъ умѣ, — или нѣтъ? Ей оставалось только сидѣть и ждать. Она опустила стору и сидѣла въ полусвѣтѣ со сложенными руками; губы ея машинально слагались въ молитву къ тому личному Богу, въ несуществованіи Котораго ее убѣждали послѣднія прочитанныя ею книги. Но въ этотъ часъ душевныхъ страданій и угрызений совѣсти мысли ея сами собой возвращались на старинный путь, причемъ одно уже *le Grand Peut-être* могло дать нѣкоторое утѣшеніе.

VIII.

Жизнь Эстеръ потекла скучной и обычной чередой послѣ той ужасной ночи. Давенпортъ пришелъ въ себя послѣ продолжительнаго усыпленія, которое могло быть результатомъ сильнаго истощенія отъ долгихъ странствованій по деревнямъ, недостаточной пищи и плохого сна на жалкихъ ночлегахъ.

Эстеръ нашла его маршрутъ въ карманахъ, въ видѣ смятыхъ трактирныхъ счетовъ. Самый ранній относился къ августу мѣсяцу и былъ помѣченъ изъ трактира въ Абингдонъ; очевидно, что тотъ-часъ, почти вслѣдъ за полученіемъ денегъ отъ Джерарда, старикъ отправился въ Абингдонъ съ смутной идеей быть поближе къ Оксфорду для своихъ занятій, или же просто подъ влияніемъ воспоминаній о прежнихъ веселыхъ студенческихъ дняхъ.

Позднѣйшіе счета доказывали, что онъ странствовалъ вдоль рѣки, по водѣ или по сушѣ. Названіе городовъ и мѣстечекъ, гдѣ онъ останавливался, носили захолустный характеръ, а имена трак-

тировъ и гостинницъ были совсѣмъ странныя и допотопныя: „Колокольный Звонъ“, „Родное Пепелище“, „Первый и Последний“. Последний по времени счетъ былъ изъ придорожной харчевни около Лоукомба и въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отъ Розоваго Павильона. Безъ сомнѣнія, изъ толковъ и сплетенъ посѣтителей харчевни Николай Давенпортъ узналъ о мѣстопребываніи м-ра и м-съ Ганли и ихъ образъ жизни; а описаніе ихъ наружности навело его на мысль, что то могли быть Джерардъ и Эстеръ.

Какъ бы то ни было, а теперь онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, безпомощный и почти въ идиотическомъ состояніи. Умъ его былъ отуманенъ, мысли неясны. Память почти совсѣмъ измѣнила ему, и лишь моментами являлись проблески сознанія и скорѣе пугали, нежели радовали дочь—до того они были неожиданны, безсвязны и мимолетны.

Сидѣлка, спокойная, аккуратная особа лѣтъ около сорока, высокая, широкоплечая, сильная, съ здоровымъ аппетитомъ, чередовалась съ Эстеръ въ комнатѣ больного, а по истеченіи недѣли наняли и мужчину слугу, для ухаживанія за больнымъ, и чтобы возить его въ креслѣ по саду. М-ръ Миворъ объяснилъ Эстеръ, что состояніе ея отца было скорѣе хроническое, нежели острое. Онъ мало надѣялся на его физическое или умственное выздоровленіе. Здоровье м-ра Давенпорта въ конецъ было разстроено пьянствомъ, а удивленіе, потрясеніе, испытанное имъ и вызвавшее послѣдній припадокъ, только ускорили кризисъ, вообще бывший неизбежнымъ.

Эстеръ блѣднѣла и краснѣла, слушая доктора. Она взглянула на него съ мольбой въ глазахъ.

— Скажите мнѣ правду, м-ръ Миворъ, всю правду: вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что событія прошлой ночи не могли значительно отразиться на здоровьѣ отца, что такое состояніе рано или поздно пришло бы, даже еслибы?..

— Даже еслибы не было никакихъ причинъ къ волненію, не произошло бы паденія? Да, я такъ думаю. Но отецъ вашъ упалъ до припадка, полагаю, не правда ли?

— Да, къ несчастію... и дрожащимъ голосомъ прибавила:—я такъ жажду знать правду, хотя бы она была и жестока, что должна рассказать вамъ все. Вы вѣдь обѣщали хранить наши тайны.

— Да, да, будьте спокойны, вы можете положиться на меня.

— Я оставила свой домъ, чтобы поселиться съ м-ромъ Ганли, —оставила его безъ вѣдома отца. Онъ находился въ это время въ отсутствіи, и я думала, что онъ бросилъ меня, а потому я, мо-

жетъ быть, такъ и поступила. Но онъ, очевидно, не хотѣлъ бросить меня, а уѣхалъ по недоразумѣнію и, пространствуясь, напелъ насъ здѣсь... и, мнѣ кажется, онъ былъ ненормаленъ... потому что очень жестоко говорилъ со мной... называя такими именами, какихъ добрый отецъ...

Она зарыдала при воспоминаніи о той страшной ночи. Любезный докторъ успокаивалъ ее съ доброжелательной симпатіей. Онъ много видалъ на своемъ вѣку семейныхъ драмъ, ссоръ, и зналъ, какая бездна злости и ярости скрывается за внѣшней оболочкой мира и приличія.

— Довольно,—сказалъ онъ,—не разстраивайте себя, я догадываюсь... произошла ссора, можетъ быть и маленькая драка, и вашъ отецъ упалъ. Я такъ и думалъ, когда помогалъ раздѣвать его. Я тщательно осмотрѣлъ его. На немъ было двѣ-три незначительныхъ ссадины... и только. Такое паденіе не могло вызвать удара. То результатъ постепеннаго разстройства мозга отъ алкоголя. Вашъ отецъ самъ погубилъ себя.

Это мнѣніе очень успокоило ее относительно роли Джерарда въ послѣдней болѣзни отца, но не разсѣяло угрызений совѣсти за свое личное поведеніе. Она укоряла себя за окончательное паденіе отца, котораго старалась прежде спасти.

Только одинъ долгъ, одно искупленіе оставалось ей,—думала она:—это нести свой крестъ и стараться облегчить и скрасить дни отца. Отецъ узнавалъ ее, и ему видимо пріятно было ея общество. Этого было достаточно. Онъ относился къ своей обстановкѣ безъ удивленія и разспросовъ и принималъ комфортъ и даже роскошь какъ должное. Джерарда онъ тоже видѣлъ безъ волненія, иногда узнавалъ его и называлъ по имени, иногда встрѣчалъ его съ церемонной вѣжливостью, какъ человѣка незнакомаго.

И Джерардъ терпѣлъ его присутствіе въ своемъ домѣ сначала съ ангельской кротостью, и даже оказывалъ слабому старику маленькія услуги, когда встрѣчалъ его въ саду или на окрестныхъ дорогахъ, солнечнымъ утромъ, въ покойномъ креслѣ, окутаннымъ мѣховымъ одѣяломъ, и съ Эстеръ, шедшей рядомъ около него.

Но спустя мѣсяцъ такой жизни присутствіе старика стало тяготить Джерарда. Самая мысль о томъ, что онъ существуетъ на свѣтѣ, становилась нестерпима, и Джерардъ настаивалъ на необходимости помѣстить его въ лечебницу, гдѣ, увѣралъ онъ, за нимъ будетъ лучше уходъ, чѣмъ въ частномъ домѣ.

Эстеръ наотрѣзъ отказала.

— Онъ не можетъ быть счастливѣе, чѣмъ здѣсь, и уходъ за

нимъ будетъ не лучше, въ чемъ я не сомнѣваюсь; я буду только беспокоиться о немъ, не видя его.

— Все это очень печально для меня. А долго ли это продлится?

— Пока онъ будетъ живъ.

— Но по словамъ твоего пріятеля, м-ра Мивора, это можетъ продлиться годы... Онъ будетъ развалиной человѣка, но будетъ жить... и переживетъ меня. Не можетъ быть, Эстеръ, чтобы твое рѣшеніе было непоколебимо. Неужели ты бросишь меня... ради этого злосчастнаго старика?

— Бросить тебя, Джерардъ! какъ можешь ты это думать?

— Но я не могу этого не думать. Никто не можетъ служить двумъ господамъ. Если ты захочешь непремѣнно здѣсь остаться и ходить за своимъ отцомъ, то не можешь ѣхать на югъ со мной, и что же станется съ нашимъ планомъ провести зиму въ Италиі?

— Я думала объ этомъ, — отвѣчала она съ смущеннымъ взглядомъ. — Но неужели такъ необходимо для тебя ѣхать на югъ? Погода такая теплая.

— Она вообще бываетъ теплая до Рождества. Зима начнется не раньше января.

— И ты совсѣмъ поправился.

— Не настолько поправился, чтобы подвергать себя пяти-мѣсячной зимней стужѣ и не слушаться доктора. Онъ велѣлъ мнѣ зимовать на югѣ.

Эстеръ вздохнула и помолчала нѣсколько минутъ.

О! какъ она мечтала объ этомъ югѣ, объ этой чудной Италиі, когда читала поэмы Броунинга! И вотъ, теперь ей приходится отказаться отъ этой мечты, и что еще хуже того... разстаться съ Джерардомъ. Если онъ долженъ ѣхать на югъ, она должна съ нимъ разстаться.

— Я ото всего откажусь скорѣе, чѣмъ оставить отца, — спокойно произнесла она. — Я думаю, ты знаешь, какъ мнѣ хотѣлось ѣхать на югъ, увидѣть страны, которыя представляются какимъ-то волшебнымъ краемъ въ сравненіи съ нашимъ прозаическимъ сѣверомъ, и увидѣть ихъ съ тобой... съ тобой! Но если ты долженъ ѣхать, то уѣдешь одинъ. Ты вѣдь вернешься ко мнѣ, милый? Разлука будетъ не вѣчная?

— Вернусь, да, конечно, если останусь живъ; но тебѣ будетъ страшно скучно здѣсь въ продолженіе долгой зимы. Неужели ты не можешь довѣрить отца попеченіямъ сидѣлки и этого слуги. Они, кажется, очень заботливо ухаживаютъ за нимъ.

— Да, они заботливы, тѣмъ болѣе, что я наблюдаю за этимъ. Но почему я знаю, что будетъ, когда я уѣду? Онъ бываетъ по временамъ очень несносенъ. Ихъ терпѣніе можетъ лопнуть.

— Отъ рѣзкаго слова съ нимъ ничего худого не сдѣлается, а въ общемъ они его не обидятъ. Его жизнь обезпечиваетъ ихъ собственное существованіе, а потому въ ихъ интересѣ заботиться объ его удобствахъ.

— Все-таки это не освобождаетъ меня отъ моего долга, Джерардъ. Нѣтъ, я должна оставаться съ нимъ до его смерти.

— Какъ хочешь. Если найдешь, что здѣсь очень скучно или сыро, то можешь перевезти своего больного въ Гастингсъ или Торкэ. Я думаю, что такой путь онъ вынесетъ.

— Не думаю. М-ръ Миворъ говоритъ, что всякое утомленіе или волненіе опасно для отца. Его нужно держать въ полномъ покоѣ и здѣшняя обстановка для него очень пригодна.

— А онъ очень пригоденъ для Мивора, какъ пациентъ.

— Это несправедливый намекъ, Джерардъ. М-ръ Миворъ могъ бы пріѣзжать каждый день, но пріѣзжаетъ только разъ въ двѣ недѣли. Да и то, на дняхъ, онъ сказалъ мнѣ, что не пріѣдетъ больше до тѣхъ поръ, пока за нимъ не пошлютъ. Но я сама просила его заглядывать по временамъ, чтобы видѣть, что все дѣлается какъ слѣдуетъ.

— Мнѣ не жалко платить гонораръ Мивору. Я только сожалѣю о перемѣнѣ, внесенной въ нашу жизнь... жизнь, которую мы вели вдвоемъ...

И, тронутый печалью, выражавшейся на лицѣ Эстеръ, прибавилъ:

— Конечно, если зима будетъ теплая, то, можетъ быть, мнѣ можно будетъ остаться здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно вскричала она:—ты не долженъ рисковать! О, Джерардъ, вѣдь ты знаешь, что твоя жизнь мнѣ дороже... всякой другой жизни. Ты знаешь, что только долгъ удерживаетъ меня здѣсь...

— Я знаю, что упорная привязчивость къ неблагодарному долгу характеризуетъ твой полъ,—сказалъ онъ,—или, вѣрнѣе сказать, характеризуетъ хорошихъ женщинъ. Дурныя плюютъ на всякіе долги, живутъ по своей прихоти и, думаю, счастливѣе хорошихъ. Онѣ берутъ себѣ роль Исава, ѣдятъ сладкое кушанье, которое имъ по вкусу, не пропускаютъ наслажденій, и, думается мнѣ,—хорошо дѣлаютъ.

Онъ улегся въ низкую *bergère* около камина въ гостиной, закинулъ руки за голову и задумчиво уставился въ пылающія

дрова. Онъ все еще очень любилъ Эстеръ и былъ счастливъ въ ея обществѣ; но онъ уже могъ думать о другихъ дѣлахъ при ней, и ему ненавистно было присутствіе старика и его прислужниковъ. Одна изъ комнатъ, занимаемыхъ Давенпортомъ, приходилась надъ гостиной, и Джерардъ слышалъ, по временамъ, тяжелые шаги слуги и болѣе легкую поступь сидѣлки, а въ семь часовъ вечера ежедневно до него доносился стукъ колесъ кресла больного, медленно провозимаго по комнатѣ. Онъ зналъ автоматическую рутину этой печальной жизни, часть, въ который больного одѣвали, кормили, возили гулять, укладывали спать, — послѣднее бывало передъ тѣмъ, какъ Эстеръ съ Джерардомъ садилась обѣдать. Онъ зналъ всѣ эти подробности, хотя Эстеръ очень рѣдко упоминала о больномъ... зналъ по ихъ монотонному повторенію.

Онъ думалъ о томъ, что ему дѣлать съ собою зимой, какъ лучше устроить жизнь теперь, когда очарованіе, притягивавшее его въ Розовому Павильону, разрушено? Ему запрещены всякія волненія. Лихорадочная жизнь мота и тунедда — не по немъ. Самое большее, что онъ могъ себѣ позволить, — это отобѣдать въ обществѣ пріятныхъ и умныхъ людей въ своемъ прекрасномъ лондонскомъ домѣ. Онъ будетъ проводить время попеременно то въ Лондонѣ, то въ Розовомъ Павильонѣ, и Эстеръ не можетъ жаловаться на одиночество. Зимній сезонъ уже начался; въ Лондонѣ, навѣрное, собралось много интересныхъ людей. Сестра его должна вѣнчаться въ первыхъ числахъ новаго года, и поэтому случаю ему придется съѣздить въ Девонширъ. Мать уже нѣсколько разъ писала ему со времени возвращенія съ континента и просила пріѣхать и повидаться съ нею. Въ письмахъ ея сквозило смутное безпокойство насчетъ образа его жизни.

— Если у Эстеръ есть долгъ къ отцу, то и у меня есть обязанности относительно моихъ родныхъ, — говорилъ онъ самому себѣ; — я тоже долженъ принимать во вниманіе права тѣхъ, кто никогда не навлекалъ на меня позора, какъ это сдѣлалъ съ нею этотъ старый глупецъ.

— О чемъ ты такъ задумался, Джерардъ? — спросила Эстеръ.

— Я думаю о моей матери. — Отвѣтъ смутилъ ее. Его мать! да, у него тоже есть близкіе и родные.... люди, въ жизни которыхъ ей нѣтъ мѣста.

— Твоей матери? Ахъ! какъ она была всегда добра ко мнѣ, и какъ давно это было; какъ старая жизнь далеко, далеко отошла отъ меня! Увижу ли я ее когда-нибудь снова, хотѣлось бы мнѣ знать? — вздохнула она.

И тутъ горькая мысль о позорѣ сжала ея сердце. Чтѣ по-
думаетъ о ней его мать? Обезчещенная, опозоренная, безъ имени!
Отверженная — вотъ чтѣ она такое въ глазахъ жены ректора.

— Твоя сестра скоро, вѣроятно, выйдетъ замужъ?—спросила
она послѣ долгаго молчанія.

— Въ первыхъ числахъ новаго года; мнѣ придется поѣхать
на свадьбу.

— Разумѣется. Мое сердце послѣдуетъ за тобой, и всѣ мои
пожеланія ей счастья... хотя я, вѣроятно, никогда больше съ нею
не увижусь.

— Не играй на этой струнѣ, Эстеръ, предоставь будущему
устроиваться само собой. У всѣхъ у насъ явились мрачныя
мысли въ этомъ отвратительномъ домѣ.

— Отвратительномъ! О, Джерардъ, мы такъ были счастливы
здѣсь! Я думала, ты любишь этотъ домъ.

— И я любилъ его, пока онъ былъ полонъ солнечнаго свѣта
и цвѣтовъ, и пока ты не обратила его въ больницу. Не будемъ
ссориться, Эстеръ. Я немного раздраженъ и могу наговорить не-
приятныхъ вещей, вѣхота... Ты напомнила мнѣ про свадьбу
сестры и про то, что я еще и не подумалъ о свадебномъ по-
даркѣ для нея. Чтѣ я ей подарю?

— Что-нибудь великолѣпное, конечно; хотя насколько я
знаю ея сострадательность, ей пріятнѣе всего будетъ какой-ни-
будь даръ для бѣдныхъ ея прихода.

— Бѣдные ея прихода получать все, чего она ни пожелаетъ,
но я бы хотѣлъ подарить ей что-нибудь лично на память отъ
брата. Чѣки въ большой модѣ, какъ даръ отъ богатыхъ родствен-
никовъ, а потому я подарю ей чѣкъ; но надо еще что-нибудь;
серебряный сервизъ, я думаю, всего лучше. Она и Кумберлендъ
никогда сами не рѣшатся купить себѣ серебряный сервизъ. Онъ
скажетъ: надо бы расплавить его и отдать серебро нищимъ; но
Лилиана не позволитъ расплавить мой подарокъ. Я поѣду завтра
въ Лондонъ и выберу сервизъ... стараго стиля, стиля Георговъ,
такъ что онъ не будетъ казаться анахронизмомъ въ ихъ домѣ,
который тоже въ стилѣ Георговъ. Я знаю, что у Кумберленда
есть одна только маленькая слабость. Онъ хочетъ, чтобы въ его
домѣ все было изъ той же эпохи, какъ и самъ домъ.

Джерардъ поѣхалъ въ Лондонъ на другое же утро, и впер-
вые съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Розовомъ Павильонѣ,
объявилъ Эстеръ, чтобы она не ждала его вечеромъ.

— Я пробуду въ Лондонѣ два или три дня,—сказалъ онъ:—
у меня много дѣла.

Она не роптала. И съ улыбкой проводила его до садовой калитки, но вернулась домой съ тяжелымъ сердцемъ.

— Увы! счастливые дни мои миновали, — сказала она самой себѣ.

IX.

Зима стояла мягкая, одна изъ тѣхъ сырыхъ и теплыхъ зимъ, которыя веселятъ сердце спортсмена, но которыя всѣ санитары и разсудительные люди объявляютъ нездоровыми, толкуя о недостаткѣ вентиляціи и т. п.

Джерардъ не былъ изъ ихъ числа. Онъ ненавидѣлъ морозъ и снѣгъ, лондонскій же снѣгъ пуще всего, и былъ радъ, что зима не вынуждаетъ его разстаться пока съ Эстеръ. Онъ не проводилъ теперь всего своего времени въ Розовомъ Павильонѣ. Она сдѣлала для него ненавистнымъ убѣжище, которое когда-то ему такъ нравилось; но онъ все еще любилъ ее и опасался всякаго поступка, который могъ бы походить на пренебреженіе къ ней.

Когда годъ траура м-съ Чампѣонъ окончится, тогда ему придется распутывать затруднительное положеніе, въ какое онъ себя поставилъ, и выбирать между первой или второй своей любовью. Къ тому времени Николай Давенпортъ можетъ мирно опочить, и главное препятствіе къ его браку съ Эстеръ будетъ устранено. А пока Эстеръ была ему такъ же дорога и священна, какъ еслибы ее связывали съ нимъ самыя прочныя узы, какія только можетъ сковать законъ — не особенно прочныя, однако, къ слову сказать, въ наше время.

Онъ прожилъ въ Лондонѣ десять дней, выбирая подарки для сестры и посѣщая театры.

Онъ задалъ два или три своихъ знаменитыхъ завтрака въ эти десять дней, и Гиллерсдонъ-Гаузъ ожилъ; штатъ прислуги былъ восстановленъ и всѣ подробности роскошной обстановки тщательно провѣрены. Лакеемъ и буфетчику сообщено было, что хозяинъ проведетъ зиму въ Англіи, главнымъ образомъ въ Лондонѣ. Лакеи и буфетчикъ отлично знали, что у него гдѣ-то другое хозяйство, но онъ такъ ловко скрывалъ концы, что они до сихъ поръ не могли выслѣдить его и узнать тайну его второго жилища. Никто не зналъ, куда онъ уѣзжаетъ, покидая Гиллерсдонъ-Гаузъ. Хотя въ каретномъ сараѣ у него стояла масса экипажей, а на конюшнѣ — лошадей, онъ всегда ѣздилъ на станцію желѣзной дороги на извозчикѣ.

Онъ провелъ Рождество въ Розовомъ-Павильонѣ, цѣлыхъ три дня отдыха и мирнаго покоя, которые освѣжили его послѣ за-траковъ, шумныхъ разговоровъ, картинныхъ галерей, театровъ, сплетенъ и вѣчнаго движенія Лондона. Онъ былъ бы совсѣмъ счастливъ, еслибы не несносное сознаніе присутствія Николая Давенпорта наверху, мысль о которомъ невольно связывалась съ раскаяніемъ,—не онъ ли самъ причиной того состоянія полу-идіотизма, въ какомъ онъ теперь находился? не его ли ударъ убилъ въ Давенпортъ слабый умъ?

Эстеръ передала ему мнѣніе м-ра Мивора о неизбежности удара, но этого мнѣнія было мало для его успокоенія. Другой докторъ, болѣе компетентный, могъ сказать иное.

Эстеръ пыталась быть счастливой въ эти краткіе праздни-чные дни, но прежнее безпечное состояніе и забвеніе какъ про-шлаго, такъ и будущаго—ушло и больше не возвращалось. Пол-ное единеніе ихъ было нарушено. И то еще хорошо, что лю-бовники не совсѣмъ бросилъ ее. Всѣ исторіи, какія она когда-либо читала про запретную любовь, всегда оканчивались тѣмъ, что женщину бросали. Онъ доказалъ ей, что можетъ счастливо прожить цѣлую недѣлю вдали отъ нея, но еще не бросилъ и даже былъ такъ добръ, что отсрочилъ свою поѣздку въ Дево-нширъ на три дня.

Онъ разстался съ нею въ теплое и солнечное утро, болѣе здоровый на видъ, чѣмъ тогда, когда впервые пріѣхалъ въ кот-тѣджъ. Нѣсколько дней отдыха въ коттеджѣ, послѣ шумной жизни и остроумныхъ бесѣдъ въ Лондонѣ, освѣжили его. Онъ вмѣстѣ съ Эстеръ гулялъ по рощамъ въ зимнемъ уборѣ, по мягкому коври палыхъ листьевъ и вдыхалъ бальзамическій воздухъ елей. Онъ говорилъ ей при разставаньѣ, что былъ очень счастливъ.

— Еслибы ты только побольше посвящала мнѣ времени, было бы лучше,—замѣтилъ онъ.—Ты такъ строго придержи-ваешься рамокъ раздѣленнаго долга. Прости меня, милая,—при-бавилъ онъ поспѣшно, увидя ея разстроенное лицо:—ты добра какъ ангелъ, и я дрянной человекъ, если жалуюсь. Я напишу тебѣ послѣ свадьбы.

— О! напиши раньше, Джерардъ, а не то мнѣ придется ждать цѣлую недѣлю!

— Хорошо, напишу раньше. Но ты знаешь, что я плохой корреспондентъ. Я думаю цѣлые томы о женщинѣ, которую люблю, но мое лѣнивое перо отказывается написать одну страницу.

Онъ уѣхалъ, и она одна вернулась въ коттеджъ, который принялъ совсѣмъ иной характеръ съ тѣхъ поръ, какъ въ при-

вычкахъ его хозяина произошла перемѣна. Онъ уже не казался больше обычнымъ жилищемъ Джерарда и приобрѣлъ видъ временной квартиры, куда хозяинъ изрѣдка заглядываетъ, и которая уже не носитъ на себѣ отпечатка его личности. Почтовый ящикъ былъ запертъ. На письменномъ столѣ не валялось больше бумагъ. Книги, которыя онъ читалъ чаще всего: Сунбѣрънъ, Боделаръ, Ришпенъ, Верлэнъ, Контъ, Гартманъ, Дарвинъ, Шопенгауэръ, стояли на своихъ мѣстахъ, потому что этихъ книгъ Эстеръ не любила и никогда до нихъ не притрогивалась въ его отсутствіе. Весь домъ казался ей какъ бы осиротѣлымъ.

Она просидѣла у огня въ кабинетѣ съ часъ или болѣе того, пока больного одѣвали на утреннюю прогулку, и размышляла о своей жизни и о томъ, какъ она ею распорядилась: печальный результатъ, такъ какъ разговоръ съ м-ромъ Гильстономъ разсѣялъ всѣ софизмы относительно ея положенія. Она уже не сравнивала себя болѣе съ Мэри Шелли, не вѣрила болѣе въ то, что поступила какъ слѣдуетъ. Она была убѣждена, что она — грѣшница. Руководить вселенной мыслящій умъ, или нѣтъ, — но она утратила свое мѣсто среди честныхъ женщинъ. Она сидѣла одна-одинѣшенька на Рождествѣ, въ такое время, когда другія женщины окружены близкими и знакомыми, и говорила себѣ, что лишилась права на общество женщинъ.

Она ходила около часу рядомъ съ кресломъ отца, котораго возили по проселочнымъ дорогамъ, пока не стемнѣло. Она указывала ему на красивыя мѣста, на птицъ и звѣрей, точно гуляла съ ребенкомъ. Она прислушивалась къ его слабому, безсвязному лепету. Она давала ему понять — насколько онъ въ силахъ былъ что-либо понять, — что его любятъ и заботятся о немъ.

Имъ повстрѣчалось немного народа на этихъ проселочныхъ дорогахъ, но тѣ, которые попадались имъ на встрѣчу, гораздо больше обращали вниманіе на старика въ креслѣ на колесахъ и на задумчивое лицо Эстеръ, шедшей около него рядомъ тѣмъ она думала.

Викарій въ мягкой войлочной шляпѣ, нагнутой на самыя брови, точно онъ былъ разбойникъ, обѣ миссъ Глендоверъ, возвращавшіяся изъ обхода по бѣднымъ, м-съ Донованъ, правившая упрямыми пони и вся красная отъ усилія ихъ удержатъ подъ своимъ контролемъ — всѣ съ живѣйшимъ интересомъ наблюдали за Эстеръ и съ усиленнымъ рвеніемъ толковали о ней за послѣполуденнымъ чаемъ.

Появленіе больного отца, — который хотя и былъ физически и умственно развалиной, однако походилъ на джентльмена, — должно

было измѣнить сельскіе взгляды на положеніе м-съ Ганли. Что у нея былъ отецъ, что онъ поселился съ нею и, облеченный въ тонкое сукно и бѣлье, окруженъ былъ самымъ заботливымъ уходомъ, возсѣдая въ креслѣ на колесахъ, долженствовавшихъ стоять не дешевле фамиліаго ландо лэди Изабеллы—все это, конечно, придавало такой характеръ респектабельности м-съ Ганли, котораго никакъ не ожидалъ лоукомбскій свѣтъ. Въ сущности, люди не звѣри, и хотя они способны терзать репутацію ближняго, но не остаются вполне безчувственными къ житейскимъ бѣдствіямъ.

— Должна сказать, что вниманіе этой молодой женщины къ отцу—одна изъ трогательнѣйшихъ вещей, какія я только видѣла въ жизни,—замѣтила м-съ Донованъ:—и еслибы только я могла сдержать моихъ пони вчера утромъ, то, право же, я думаю, что познакомилась бы съ ней. Но вѣдь вы знаете, каковы мои пони.

— Да, м-съ Донованъ, и мы знаемъ также, какъ вы искусно ими правите,—отвѣчала лэди Изабелла, которое въ свое время славилась какъ наѣздница и, принадлежа къ дому, всегда бывшему бѣднымъ, охотно выказывала пренебреженіе къ новымъ богачамъ.

— Право, я думаю, что намъ бы слѣдовало сдѣлать ей визитъ,—продолжала м-съ Донованъ, игнорируя ядовитый намекъ.—Я слышу, что м-ръ Ганли теперь сталъ часто отлучаться изъ дому.

— Въ самомъ дѣлѣ? Начало конца—полагаю. Почему же вы не сдѣлаете визита, м-съ Донованъ? Вы либеральнѣе меня и у васъ нѣтъ дочерей. Вамъ не можетъ повредить общество м-съ Ганли; а такъ какъ у нея нѣтъ ни души знакомыхъ, то она обрадуется вашему знакомству.

— Не думаю, чтобы она могла повредить вашимъ дочерямъ, лэди Изабелла. Она гораздо моложе ихъ и кажется воплощенной невинностью.

— Да, я какъ разъ видѣла такія же воплощенныя невинности въ Бурлингтонской галереѣ, когда заѣхала туда на дняхъ, довольно уже поздно, купить перчатки,—отрѣзала лэди Изабелла.—Вы можете поступать какъ вамъ угодно, м-съ Донованъ, но я никогда не знакомлюсь съ людьми, прошлое которыхъ мнѣ неизвѣстно. То обстоятельство, что эта молодая женщина прилично ведетъ себя относительно идіота-отца, еще не доказательство ея респектабельности. У молодыхъ особъ этого класса тѣ же чувства, что и у насъ, и я думаю даже, что онѣ сильнѣе любятъ своихъ родныхъ, чѣмъ мы, такъ какъ знаютъ, что исключены изъ общества.

Послѣ этого м-съ Донованъ отказалась отъ мысли покровительствовать м-съ Ганли. Какъ ни возвеличивалась она, вспоминая свои акціи, дивиденды и то безграничное могущество, какое даетъ капиталъ, она знала, что недостаточно сильна, чтобы идти наперекоръ лоукомбскому обществу. Она должна была слѣдовать за нимъ, а не вести его, если желала быть допущенной въ его интимный кружокъ, членами котораго состояли не горожане и богачи, а помѣстные дворяне, бѣдные, но высокомѣрные и гордые. Эти дворяне хвалились даже своей бѣдностью, такъ какъ бѣдность была спутникомъ поземельнаго владѣнія, а богатство—торговли. М-съ Донованъ хотѣла быть на короткой ногѣ съ этимъ избраннымъ кружкомъ, развѣтвленія котораго проникали въ перію, и который разговаривалъ о герцогахъ и герцогиняхъ такъ, какъ еслибы они были простые смертные. Поэтому она не побѣжала къ м-съ Ганли, и Эстеръ была такимъ образомъ избавлена отъ послѣдней капли горечи, которая бы переполнила чашу.

Канунъ новаго года очень часто проходитъ грустно даже въ семейномъ кругу, несмотря на всѣ увеселенія, какими его сдѣлываютъ. Но каждый въ глубинѣ души ощущаетъ, что прошелъ еще новую стадію на томъ пути, который ведетъ въ то царство, гдѣ всякому найдется мѣсто. И въ воспоминаніи каждаго возникаютъ образы тѣхъ, кого прошлый годъ унесъ съ собой и которые уже больше не вернутся.

Но каковъ былъ канунъ новаго года для одинокой дѣвушки, просидѣвшей весь длинный вечеръ одна-одинѣшенька у камина, въ обществѣ книгъ, которыя, однако, на этотъ разъ не развлекали и не утѣшали.

Такіе одинокіе вечера нерѣдки и въ жизни замужнихъ женщинъ въ такой сезонъ, когда сомнительныя права ружья и хлыста увлекаютъ спортсменовъ въ даль отъ дома, или же священные требованія торговли удерживаютъ меркантильныхъ людей въ Сити; но Эстеръ не могла позабыть, что она сидитъ въ одиночествѣ, прислушиваясь къ веселому звону полуночныхъ колоколовъ, только оттого, что она не обвѣнчанная жена. Будь ея узы освящены церковью, она естественно находилась бы вмѣстѣ съ мужемъ въ Гельмлейскомъ ректорскомъ приходѣ у всенощной.

Она была бы вмѣстѣ съ Лиліаной теперь, будь она обвѣнчанная жена. Слезы жгучаго униженія навертывались на глаза при мысли, что ее теперь не сочтутъ достойной переступить черезъ порогъ дома, куда бы она могла войти, какъ законная жена и дочь.

На другой день Эстеръ сидѣла за одинокимъ завтракомъ въ кабинетѣ Джерарда, когда случилось нѣчто, утѣшившее ея и доказавшее, что она не совсѣмъ забыта.

Послышался шумъ колесъ на аллеѣ, усыпанной пескомъ, раздался громкій звонокъ у двери дома, и деревенская простофиля-горничная съ возбужденнымъ видомъ воѣжала въ комнату, восклицая:

— Сударыня, сударыня, карета пріѣхала!

— Что вы хотите сказать этимъ, Пирсонъ? Вѣрно, докторъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Карета совсѣмъ новая, кучеръ на козлахъ и все въ порядкѣ—нарочно для васъ! Вотъ и письмо кучеръ привезъ.

И служанка протянула письмо.

Оно было отъ Джерарда.

„Дорогая, такъ какъ тебѣ предстоитъ провести зиму въ деревнѣ, то тебѣ необходимо имѣть экипажъ, а потому посылаю карету. Прими ее какъ новогодній даръ. Деревенскіе виды не покажутся тебѣ хуже отъ того, что ты будешь любоваться ими изъ окна кареты. Кучеръ представилъ отличные аттестаты отъ послѣдняго мѣста, и ты можешь на него положиться. Я приказалъ ему нанять конюха и привести все въ надлежащій видъ. Лошадь купилъ мнѣ человекъ, который гораздо больше смыслитъ въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ я.

„Желаю тебѣ счастливо встрѣтить нынѣшній годъ и много еще другихъ впереди.

„Твой вѣрный Д. Г.

„P. S. Сейчасъ уѣзжаю въ Девонширъ“.

Письмо обрадовало ее, но не совсѣмъ, такъ какъ въ немъ не говорилось о любви къ ней. Подарокъ, конечно, тронулъ ее. Хотя для миллионера ничего не значило подарить и болѣе дорогую вещь, но Эстеръ цѣнила главнымъ образомъ вниманіе и память.

Она поѣхала въ своей новой каретѣ на другой день въ Ридингъ за покупками такими же скромными, какъ еслибы она была женой скромнаго деревенскаго викарія. Уѣзжая, Джерардъ оставилъ ей портмоне, биткомъ набитое банковыми билетами, но обиліе денегъ не подвигало ее на безумныя траты. Ея зимнія платья, спитыя въ Ридингѣ, отличались квакерской простотой.

Длинная мѣховая ротонда, которую Джерардъ почти насильно заставилъ ее купить, была единственной роскошной вещью въ ея туалетѣ.

Джерардъ писалъ ей потомъ о свадьбѣ сестры въ кратчайшихъ фразахъ.

„Они уѣхали въ Ландсъ-Эндъ, чтобы провести двѣ недѣли въ маленькой гостинницѣ на краю Атлантическаго океана—куръезная фантазія для зимней свадебной поѣдки. Я хотѣлъ, чтобы они поѣхали въ Неаполь и въ Сорренто—конечно, на мой счетъ; но Джонъ Кумберлендъ и слышать не хотѣлъ о путешествіи, которое отвлекло бы его отъ прихода долѣе чѣмъ на двѣ недѣли времени, и вотъ такимъ-то образомъ они теперь карабкаются по скаламъ и слушаютъ крики чаекъ... и должно быть такъ же счастливы въ обществѣ другъ друга, какъ мы съ тобой были лѣтомъ подъ ивами. Съ своей стороны, я и представить себѣ не могу медоваго мѣсяца въ январѣ. Любви нужны солнечный свѣтъ и длинные лѣтніе дни“.

Послѣдняя фраза преслѣдовала Эстеръ весь вечеръ, въ то время какъ она сидѣла за работой за маленькимъ столикомъ у камина.

Неужели же любовь ихъ длилась только одно лѣто?

Вернется ли къ нимъ прежнее счастье? Увы! врядъ ли; послѣднее время доказалъ, что отлично можетъ обойтись безъ нея. Можетъ быть это вполне естественно. Только романическая дѣвушка можетъ воображать, что медовый мѣсяцъ продлится всю жизнь. Въ письмѣ Джерарда ни слова не говорилось о возвращеніи въ Розовый Павильонъ. Мать просила его пробить еще недѣлю въ ректоратѣ, и онъ не могъ отказать ей. Онъ надѣялся, что Эстеръ подолгу катается въ новомъ экипажѣ, читаетъ интересные книги, весела и здорова!

Такъ легко для отсутствующихъ питать такія надежды!

Эстеръ мало каталась; она предпочитала тихія прогулки пѣшкомъ около кресла, въ которомъ лежалъ отецъ, и которое возили по проселочнымъ дорогамъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, ее поддерживала мысль, что она исполняетъ свой долгъ, тогда какъ въ роскошной каретѣ она живѣе ощущала унижительность своего положенія. Ей было стыдно проѣзжать мимо лоукомбскихъ жителей, и она какъ будто слышала ихъ нелестные отзывы о себѣ.

Джерардъ вернулся послѣ двухнедѣльнаго отсутствія. Воздухъ родины принесъ ему мало пользы; онъ былъ блѣденъ, похудѣлъ и сознался, что очень скучалъ въ кругу семьи.

— Мои отецъ и мать образцовые въ своемъ родѣ люди,—говорилъ онъ,—и все въ ихъ домѣ идетъ по часамъ; но вѣдь то же

бываетъ и въ тюрьмѣ, и я, признаюсь, нашелъ, что въ ректоратѣ такъ же весело, какъ и въ Портлендѣ. Дѣлать тамъ нечего и думать не о чемъ. Будь я спортсменомъ, я бы охотился съ собаками, но деревенская жизнь ничего не представляетъ для того, кто не спортсменъ. Сельскіе жители не могутъ понять такихъ уроковъ.

Эстеръ съ жестокой грустью увидѣла, что послѣ нѣсколькихъ дней жизни въ Розовомъ Павильонѣ Джерардъ такъ же заскучалъ, какъ и въ Девонширѣ. Онъ не жаловался на скуку, но признаки скуки были очевидны. Онъ предложилъ пригласить Джермина, но Эстеръ стала такъ нервна въ послѣднее время и такъ очевидно взволновалась при одномъ имени Джермина, что Джерардъ не настаивалъ.

— Мнѣ слышится скрытая насмѣшка почти въ каждомъ словѣ м-ра Джермина, — жаловалась она.

— Право же, дитя мое, ты къ нему несправедлива. Джерминъ—философъ смѣха и ко всему на свѣтѣ относится слегка. Я завидую его легкомыслию, какъ драгоценнѣйшему дару природы. Для него жить—значитъ веселиться. Онъ живетъ настоящей минутой, умѣетъ отлично пользоваться услугами друзей и не знаетъ ни заботъ, ни печалей.

Джерардъ уѣхалъ въ Лондонъ вскорѣ послѣ этого разговора о Джерминѣ и пробылъ тамъ до конца недѣли, а послѣ того сталъ лишь изрѣдка и на короткій срокъ появляться въ Розовомъ Павильонѣ. Въ Лондонѣ онъ былъ почти неразлученъ съ Джерминомъ; Эстеръ узнала это изъ его разговора, въ которомъ имя Джермина не сходило у него съ языка. Онъ постоянно толковалъ о немъ, хотя презрительнымъ тономъ, доказывавшимъ, что онъ его не уважаетъ и не любитъ, а только привыкъ къ его обществу.

— Живетъ ли онъ на мой счетъ?—повторилъ онъ разъ вопросъ Эстеръ, намекнувшей, что м-ръ Джерминъ—нѣчто въ родѣ пивки: —да, конечно, живетъ на мой счетъ, какъ вообще на счетъ другихъ своихъ пріятелей. Ты помнишь, что лордъ Бэконъ позволялъ слугамъ и знакомымъ брать его деньги въ то время, какъ онъ сидѣлъ за конторкой и писалъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Бэконъ напрасно такъ поступалъ, потому что его доходовъ могло не хватить, но у меня поклонниковъ всего одинъ Джерминъ, и я могу позволить ему жить на мой счетъ. Онъ не проситъ у меня денегъ займа или безъ отдачи; онъ обыгрываетъ меня. Я люблю пиветь, и когда мы вдвоемъ, мы играемъ каждый вечеръ. Онъ играетъ гораздо лучше меня; можно ска-

затѣ, онъ—рѣдкій игрокъ, а потому выигрыши его довольно значительны, между тѣмъ какъ я отъ этого не обѣдѣю. Еслибы ты побольше тратила денегъ, Гетти, мнѣ было бы пріятнѣе.

— Ты слишкомъ щедръ! — отвѣчала она со вздохомъ. — У меня есть все, что мнѣ надо... и я даже мотала деньги въ послѣднее время; твои банковые билеты точно таяли въ моихъ рукахъ.

— Они для этого и предназначены. Я пришлю тебѣ завтра другую пачку изъ Лондона.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо! У меня много денегъ; почти триста фунтовъ. Но неужели ты завтра опять уѣзжаешь въ Лондонъ?

— Да, другъ мой, это совершенно необходимо; мои легкія не выдерживаютъ этой прибрежной атмосферы. Почему ты не хочешь послушать меня, Гетти, и не позволяешь устроить твоего отца въ другомъ домѣ? Уходя за нимъ былъ бы безукоризненный, а ты могла бы ѣхать со мной путешествовать. Д-ръ Соутъ сочтетъ меня за сумасшедшаго, если я останусь на февраль и мартъ въ долину Темзы... и, думаю, даже ты не захочешь, чтобы я подвергался такому риску.

— Даже я! О! Джерардъ! какъ будто твоя жизнь не дороже мнѣ всего въ мірѣ!

— Если такъ, то добави мнѣ свою любовь. Позволь помѣстить твоего отца въ почтенную докторскую семью, гдѣ за нимъ будетъ надлежащій уходъ... и поѣдемъ вмѣстѣ въ Итацію.

— Нѣтъ,—отвѣчала она со вздохомъ:—мнѣ бы ничего такъ не хотѣлось... но рѣшеніе мое принято: пока живъ отецъ, я употреблю всѣ усилія для его счастья. Это единственное искупленіе...

Слезы не дали ей договорить.

Джерардъ нетерпѣливо всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ты вѣдь ли можешь требовать, чтобы я пожертвовалъ жизнью твоимъ преувеличеннымъ понятіемъ о долгѣ, — сказалъ онъ.—Лучшая страна въ мірѣ мнѣ еще незнакома, а я живу въ такое время, когда разстояніе и усталость путешествія доведены до минимума. Человѣкъ можетъ объѣхать вокругъ свѣта легче, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ онъ съѣздилъ бы изъ Лондона въ Парижъ, и при этомъ у меня денегъ куры не клюютъ. А ты хочешь, чтобы я пропадалъ подъ такимъ небомъ, какъ это,—и онъ указалъ на сѣрый туманъ, окутывавшій садъ и рѣку и противоположный берегъ,—и ограничить мои движенія... пусть я какъ маятникъ болтаюсь между Лондономъ и этимъ домомъ.

— Мои желанія—твои желанія, и я ничего не хочу, что могло

бы повредить твоему здоровью. Если тебѣ нужно ѣхать на югъ, поѣзжай безъ промедленія. Я постараюсь получше прожить безъ тебя, а лѣтомъ ты вернешься ко мнѣ, не правда ли? если я тебѣ еще не надоѣла...

— Надоѣла? Конечно, нѣтъ. Развѣ я не умоляю тебя ѣхать со мной? Мнѣ надоѣли только прихоти и преувеличенныя понятія.

Этотъ разговоръ происходилъ въ февралѣ мѣсяцѣ, и быть можетъ, мрачная, унылая погода, рѣчной туманъ, мокрая трава и темный съ облетѣвшими листьями паркъ повліяли на дурное расположение духа Джерарда. Онъ на другой же день уѣхалъ въ Лондонъ и объявилъ, что уѣзжаетъ въ Италію, и даже уложилъ свои вещи, но остался въ городѣ.

Онъ неожиданно вернулся въ Розовый Павильонъ и былъ не-пріятно пораженъ, найдя у камина въ гостиной Николая Давенпорта. Въ его состояніи произошла перемѣна къ лучшему, и докторъ посовѣтовалъ перевозить его въ креслѣ въ гостиную, днемъ, въ расчетъ, что перемѣна обстановки благотвѣтельно подѣйствуетъ на его умственное состояніе. И несомнѣнно, что онъ сталъ гораздо живѣе. Онъ больше замѣчалъ присутствіе Эстеръ и только разговаривалъ съ нею, хотя по безпамятству нѣсколько разъ повторалъ одинъ и тотъ же вопросъ.

Его присутствіе въ гостиной было нестерпимо для Джерарда, и онъ тотчасъ же ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ Эстеръ нашла его у камина, погруженнымъ въ глубокую и мрачную задумчивость.

— Я не надѣялась, что ты пріѣдешь сегодня,—извинялась она,—а не то не перевезла бы отца въ гостиную. Я боюсь, что тебѣ непріятно его видѣть?

— Не скрою, — да. Уже одно сознаніе его присутствія въ домѣ было для меня невыразимо тяжело. Быть можетъ, отъ того, что моя собственная жизнь виситъ на волоскѣ, я ненавижу зрѣлище смерти, а эта картина идиотическаго состоянія еще хуже смерти. Это ея худшая форма. Иногда мнѣ кажется, что и я умру этой смертью.

Эстеръ успокаивала и утѣшала его, и общалась, что присутствіе отца никогда больше не будетъ ему навязываемо, когда бы онъ ни пріѣхалъ въ Розовый Павильонъ, хотя бы и невзначай. Она помнитъ, что обязанности на ней лежатъ двоякія, и старается, чтобы въ жилищѣ, которое онъ создалъ себѣ, онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ.

— Это твой домъ,—говорила она:—мнѣ слѣдуетъ объ этомъ помнить.

— Между нами нѣтъ ни моего, ни твоего, Гетти,—отвѣчалъ онъ магго.—Все, чѣмъ я владѣю въ здѣшнемъ мірѣ, принадлежитъ и тебѣ; но я капризенъ и привередливъ, а присутствіе твоего отца леденить мою душу.

Онъ пріѣхалъ въ Розовый Павильонъ въ субботу послѣ полудня съ тѣмъ, чтобы пробыть тамъ до понедѣльника, а затѣмъ ѣхать обратно въ Лондонъ и обдумать свое переселеніе на югъ. Его немного смутило извѣстіе, сообщенное ему въ клубъ, что въ Неаполѣ выпалъ снѣгъ, и что люди бѣгутъ изъ Рима, жалуясь на полярную стужу. Эти худыя вѣсти, вмѣстѣ съ желаніемъ видѣть Эстеръ, заставили его отложить свой отъѣздъ. Онъ чувствовалъ себя гораздо хуже послѣднюю недѣлю и говорилъ себѣ, что ему пора перебираться въ болѣе мягкій климатъ, куда бы ни пришлось за нимъ ѣхать.

Онъ не вернулся въ Лондонъ въ понедѣльникъ. Все воскресенье его была лихорадка, и онъ находился въ самомъ подавленномъ состояніи духа, а въ воскресенье вечеромъ уступилъ ея настояніямъ и послалъ за м-ромъ Миворомъ, который нашелъ всѣ симптомы воспаленія легкихъ. Воспаленіе обострилось отъ болѣзни сердца, и въ продолженіе трехъ недѣль больной находился между жизнью и смертью. Эстеръ преданно и нѣжно ухаживала за нимъ, не зная отдыха ни днемъ, ни ночью. И когда Джерардъ поднялся съ одра болѣзни и могъ сойти въ гостиную, онъ былъ врядъ ли блѣднѣе и истощеннѣе, чѣмъ сама Эстеръ.

Онъ не былъ благодаренъ. Но по истеченіи нѣсколькихъ дней имъ овладѣло опять страстное желаніе переменъ мѣста и обстановки.

Эта болѣзнь, налетѣвшая на него внезапно, впиалась въ его сердце и легкія точно когти демона и страшно потрясла и напугала его. Его предупреждали, что здоровье у него хрупкое; но съ самаго дѣтства онъ не подвергался мучительному дѣйствію острой болѣзни.

Никогда, быть можетъ, онъ еще не сознавалъ такъ живо какой тонкій волосокъ отдѣляетъ его отъ смерти и отъ разлуки со всѣмъ, что ему мило. Охваченный ужасомъ, онъ страстно желалъ уѣхать въ болѣе теплыя страны, въ Италію, на Цейлонъ, въ Индію, всюду, лишь бы уйти отъ предательской англійской погоды.

Джерминъ навѣщалъ его по высказанному имъ настойчивому желанію. Онъ игралъ съ нимъ въ пикетъ въ длинные мартовскіе вечера и забавлялъ его городскими новостями; но и это не заставляло Джерарда ни на минуту забыть о ненавистномъ присутствіи

въ домѣ Николая Давенпорта и разсѣять страхъ передъ новымъ припадкомъ болѣзни.

Онъ обсуждалъ всѣ подробности своего путешествія съ Джерминомъ, который до тонкости зналъ, какова погода на Ривьерѣ.

— Вы найдете теперь лѣто на берегахъ Средиземнаго моря, — говорилъ онъ. — Мартъ и апрѣль — самые очаровательные мѣсяцы на этихъ солнечныхъ берегахъ. Природа всего милѣе тамъ именно тогда, когда модные господа уѣзжаютъ въ Парижъ и въ Лондонъ. Предоставьте всѣ хлопоты мнѣ и вашему лакею, а вамъ останется только сѣсть на *train de luxe*, когда докторъ позволитъ вамъ двинуться въ путь. Я самъ ѣду на югъ на Святой и буду вашимъ дорожнымъ спутникомъ, если хотите.

— Хочу ли я? еще бы не хотѣть! Я былъ бы невыразимо несчастенъ въ одиночествѣ. Вы поѣдете, конечно, какъ мой гость.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Джерминъ, пожимая плечами. — Нельзя считаться грошами съ миллионеромъ. Я надѣюсь заслужить свои путевыя издержки тѣмъ, что буду вамъ полезенъ. Что м-съ Ганли ѣдетъ съ вами на югъ?

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Джерардъ.

М-ръ Джерминъ поѣхалъ на другой день въ Лондонъ, чтобы повидаться съ лакеемъ Джерарда и дать ему всѣ инструкціи для путешествія. Онъ вернулся назадъ къ обѣду.

— М-съ Ганли избѣгаетъ меня, — замѣтилъ онъ, такъ какъ Джерардъ оба вечера обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ. Надѣюсь, я ничѣмъ не оскорбилъ ее?

— Она предпочитаетъ быть съ отцомъ.

— Но мнѣ говорили, что старый джентльменъ ложится спать въ восемь часовъ вечера. Врядъ ли она можетъ быть ему нужна послѣ этого часа.

— Можетъ быть и не нужна, но она предпочитаетъ быть при немъ, — отвѣчалъ Джерардъ и перевелъ разговоръ на другое.

Джерардъ провелъ еще недѣлю въ деревнѣ, прежде нежели докторъ разрѣшилъ ему ѣхать въ Ривьеру, гдѣ погода, по дошедшимъ до нихъ извѣстіямъ, стояла прекрасная.

М-ръ Минворъ такъ заботливо и удачно ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, что Джерардъ питалъ теперь полное довѣріе къ мнѣніямъ этого джентльмена и безъ нетерпѣнія выслушивалъ его совѣты, сходявшіеся, впрочемъ, во всемъ съ совѣтами г-ра Соута.

Болѣзнь вообще дѣлаетъ человѣка эгоистомъ, а что касается Джерарда, то, эгоистъ по природѣ, онъ не могъ не стать по болѣзни эгоистомъ вдвойнѣ.

Размышляя объ отказѣ Эстеръ сопродать его на югъ, сердясь на ея сопротивленіе, онъ началъ даже сомнѣваться въ ея любви и вообще считать ея любовь за жалкую и ничтожную вещь. Что-жь, это за любовь, которая не сосредоточивается исключительно на любимомъ человѣкѣ и допускаетъ мѣсто угрызеніямъ совѣсти?

Длинное письмо отъ Эдиты Чампіонъ, полученное въ послѣдніе дни его пребыванія въ Розовомъ Павильонѣ, какъ будто еще рельефнѣе подчеркнуло холодность Эстеръ. Письмо Эдиты дышало радостной любовью. Годъ траура подходилъ къ концу. Скоро наступитъ іюнь, и если онъ не разлюбилъ ее, то новая жизнь начинается для нихъ. Она ни на минуту не забывала о немъ въ своемъ изгнаніи. Зима показалась ей страшно долгой, но весна природы принесетъ съ собой и весну надежды.

Письмо настоятельно вызывало его, и въ его настоящемъ настроеніи духа онъ вовсе и не желалъ противиться этому призыву. Блѣдное, кроткое личико, съ нѣмой мукой глядѣвшее на него въ послѣднее мартовское утро передъ его отъѣздомъ, больше не трогало его.

— Ты вернешься ко мнѣ, Джерардъ? — молила она, прильнувъ къ нему въ минуту разставанья.

— Можетъ быть! Кто знаетъ, проживу ли я настолько, чтобы снова увидѣть тебя и Англію. Ты сама выбрала отца, а не меня, Эстеръ. Будущее теперь въ рукахъ судьбы. Во всякомъ случаѣ матеріальное твое благосостояніе обезпечено. Я принялъ всѣ мѣры, чтобы ты и твои близкіе не знали отнынѣ нужды.

Вотъ и все. Никакого нѣжнаго намека на новое обязательство, какое лѣтомъ должно было выпасть на его долю и на долю Эстеръ. Сердце его было полно гнѣва на женщину, отказавшуюся слѣпо повиноваться ему.

Сердце ея оледенѣло при этомъ холодномъ отвѣтѣ. Женская гордость, чувство собственного достоинства, глубоко уязвленное, сказались въ эту послѣднюю минуту и оттолкнули ее отъ него. Она отняла руки отъ его шеи. Худая щечка, прижимавшаяся къ нему, отвернулась. Эстеръ молча послѣдовала за нимъ въ сѣни и молча стояла, пока онъ облакался въ мѣховое пальто и усаживался въ карету. Нѣмое отчаяніе душило ее. Онъ выглянулъ изъ окна кареты и, улыбаясь, махнулъ ей рукой на прощанье. Улыбка оскорбила ее сильнѣе, чѣмъ могли бы оскорбить самыя рѣзкія слова.

X.

Джерардъ и его спутникъ отправились на югъ въ train de luxe, уходявшемъ изъ Чарингъ-Кроса скоро послѣ полудня. Поездъ шелъ солнечнымъ днемъ черезъ каналъ; день, проведенный за чтеніемъ газетъ и куреніемъ сигары въ перемежку съ дремотой, въ какую они впадали не столько отъ потребности во снѣ, сколько отъ утомленія и скуки; вечеръ, прошедшій за пиветомъ при трепетномъ свѣтѣ дорожныхъ фонарей, въ то время какъ поездъ несся на югъ,—затѣмъ длинная, утомительная ночь, когда однообразный стукъ и однообразная, непрерывная тряска ни на минуту не забываются и ощущаются сквозь сонъ, межъ тѣмъ какъ по временамъ грохотъ встрѣчнаго поезда будить спящихъ...

Расположеніе духа Джерарда было очень измѣнчиво въ продолженіе долгаго дня и вечера; то онъ былъ веселъ, то впадалъ въ мрачное уныніе. Но главнымъ его ощущеніемъ было чувство освобожденія. Онъ вырвался изъ жизни, которая мало-по-малу стала для него нестерпима. Онъ вырвался изъ дома меланхоліи, изъ атмосферы вѣчныхъ угрызеній совѣсти. Пуще всего онъ избавился отъ присутствія Николая Давенпорта—этого живого мертвеца, этой угрюмой развалины чловѣка, этого вѣчнаго напоминанія о старости, болѣзни и смерти, этого бессмысленнаго автомата, сосѣдство котораго дѣлало жизнь нестерпимой.

— Если долгъ для нея выше любви, то она должна найти счастье въ исполненіи своего долга,—говорилъ онъ себѣ вновь и вновь, подъ ритмическій стукъ паровоза.—Она должна найти счастье въ исполненіи своего долга!

Самъ онъ исполнилъ свой долгъ относительно ея. Онъ предложилъ ей выборъ между собой и отцомъ, и она выбрала отца. Да! онъ исполнилъ свой долгъ. Онъ обезпечилъ ее передъ отъѣздомъ, и теперь она—богатая женщина...

Они прибыли въ Монте-Карло въ солнечный день, вскорѣ послѣ полудня. Вчера еще они завтракали въ сѣромъ туманномъ Лондонѣ, а сегодня имъ подали чай на террасѣ, залитой солнцемъ, съ видомъ на Средиземное море.

Они собирались пробыть нѣсколько дней въ Монте-Карло, до тѣхъ поръ, пока имъ здѣсь не надоесть, а затѣмъ ѣхать быстро, или малыми этапами, какъ вздумается, во Флоренцію. Расположеніе духа у Джермина было слишкомъ ровное, чтобы онъ повеселѣлъ, промѣнявъ туманный Лондонъ на полуденный

волшебный край, но и онъ съ удовольствіемъ потянулъ бальзамическій воздухъ, съ веселымъ смѣхомъ откидывая голову на спинку кресла.

— Какой умный человѣкъ вашъ докторъ, что послалъ васъ на югъ,—воскликнулъ онъ,—и какой вы умный человѣкъ, что пригласили меня въ свои спутники!

— Я бы до смерти соскучился, еслибы поѣхалъ одинъ,—отвѣчалъ Джерардъ, смѣясь:—и право, я думаю, вы единственный человѣкъ, общество котораго мнѣ пріятно, хотя я питаю самое невысокое мнѣніе о вашей нравственности.

— Мой милый Гиллерсдонъ, я никогда не хвалюсь своей нравственностью. Я не знаю, что значить нравственность. Есть нѣкоторыя вещи, которыхъ я не сдѣлаю, потому что человѣка, сдѣлавшаго ихъ, не потерпятъ въ обществѣ. Я не стану, на-примѣръ, плутовать въ картахъ или не вскрою чужое письмо. Есть извѣстнаго рода честность, которой обязательно придерживаться между мужчинами,—иначе обществу нельзя будетъ существовать; между мужчинами и женщинами... ну, я думаю,—вы знали уже раньше, чѣмъ встрѣтились со мной, что слабый полъ стоитъ внѣ законовъ чести, и что человѣкъ, который скорѣе лишитъ себя жизни, нежели передернетъ карту, считаетъ пустякомъ погубить репутацію женщины. Да, по правдѣ говоря, я думаю, что женщины отъ того не въ проигрышѣ, и что на одну, которую мы загубимъ, приходится по крайней мѣрѣ двѣ, которыя жирѣютъ на нашъ счетъ,—фактъ, въ которомъ вы можете убѣдиться въ здѣшнемъ очаровательномъ краѣ.

Они поселились въ новенькомъ отелѣ, мраморномъ палаццо, выстроенномъ на холмѣ, господствовавшемъ надъ моремъ и надъ берегомъ. Домъ былъ такъ новъ, что какъ будто нарочно выстроенъ для м-ра Гиллерсдона; по крайней мѣрѣ вѣжливый управляющій увѣрялъ его, что еще никто не жилъ въ тѣхъ покояхъ, которые были отведены ему.

Пообѣдавъ въ восемь часовъ вечера, Джерардъ и его спутникъ прошли въ казино. Сезонъ уже почти окончился и въ мавританскихъ покояхъ было очень просторно, но игроки толпились вокругъ столовъ, подъ яркимъ свѣтомъ, заливавшимъ зеленое сукно.

Для Джерарда, съ того времени, какъ онъ разбогатѣлъ, карточная игра представляла мало удовольствія. Пока онъ былъ бѣденъ, онъ съ лихорадочнымъ наслажденіемъ засѣдалъ за бэккара и посѣщалъ клубы, гдѣ велась крупная игра... но теперь про-

игрышъ или выигрышъ значилъ для него очень мало, и требовались много рода поводы, чтобы онъ нашелъ игру интересной.

Такой поводъ въ настоящую минуту онъ нашелъ въ самой атмосферѣ карточной залы *trente-et-quarante*, гдѣ находилось нѣсколько красивѣйшихъ изъ женщинъ и остроумнѣйшихъ мужчинъ Парижа. Джерардъ игралъ небрежно, оставляя по временамъ свой выигрышъ на столѣ, гдѣ онъ утробивался и утешался, пока неумолимая лопатка крупье снова не загребала его, по временамъ же отставляя въ сторону выигранныя суммы въ небольшихъ кучкахъ золота или банкнотовъ, на которыя съ завистью поглядывали хорошенькіе парижскіе глаза.

Его интересовала больше публика, собравшаяся вокругъ стола, нежели игра. Его удивляло, какъ многіе изъ присутствующихъ раскланивались съ Юстиномъ Джерминомъ, протолкавшимся впередъ и игравшимъ маленькими ставками съ обычнымъ небрежнымъ видомъ. Его безпечные кивки, крѣпкія рукопожатія доказывали значительную короткость съ раскланивавшимися съ нимъ игроками. Красивыя женщины улыбались ему съ покровительственнымъ видомъ, а онъ въ свою очередь покровительственно кивалъ головой зрѣлымъ мужчинамъ. Тихій смѣхъ, легкій шопотъ раздавались вокругъ стола, умѣряемые шиканіемъ игроковъ.

Джерардъ, поигравъ вяло съ полчаса, положилъ въ карманъ небольшую кучку золота — банкноты были неумолимо увлечены лопаткой крупье — и сталъ наблюдать за играющими. Какъ красивы были нѣкоторые лица... и какъ порочны! Вотъ яркіе черные глаза и вздернутый носикъ типа субретки; вотъ римскій профиль, съ глазами и волосами какъ у Эреба; а вотъ и савсонскій типъ красавицы съ молочно-бѣлой кожей, свѣтлыми глазами и желтыми волосами.

Всѣ онѣ, эти сирены, явились изъ Парижа, такъ какъ Лютеція — рай и арена для имъ подобныхъ, но всѣ онѣ принадлежатъ къ различнымъ національностямъ, включая англичанку съ жесткими глазами и тупой головой, съ некрасивымъ лицомъ, но безукоризненной фигурой, съ обтянутымъ *tailor-gown*, строгимъ и приличнымъ среди роскошныхъ туалетовъ ея подругъ-сирень. Про эту леди говорятъ, что она богаче всѣхъ остальныхъ игроковъ женскаго пола, а также, что она отказала въ своей рукѣ одному герцогу.

Но одно лицо за столомъ *trente-et-quarante* заинтересовало Джерарда Гиллерсдона сильнѣе, чѣмъ всѣ эти космополитическія красавицы, — лицо напряженное до изступленія, блѣдное и истомленное внутренней лихорадкой. То было лицо пожилой женщины,

маленькаго роста, сидѣвшей на концѣ стола, около крупѣ, и время отъ времени взглядывавшей на проколотую карту, на которой она отмѣчала ходъ игры; миниатюрное личико, съ тонкими орлиными чертами, тонкія губы, серебристые волосы и темные глаза, казавшіеся черевъ-чуръ большими на ея испитомъ лицѣ. Все въ ея небрежномъ костюмѣ—и дрянная шляпѣнка изъ чернаго кружева, такого фасона, какой носили четыре года или пять лѣтъ тому назадъ, и смятая испанская шаль, свѣсившаяся съ одного плеча и истрепавшаяся отъ долгаго употребленія, и грязное черное шолковое платье—все говорило о томъ, что женщина эта отказалась отъ своего пола и его обаяній и принесла въ жертву любимому пороку всѣ безумства, прихоти, увлеченія своего пола. Джерардъ заинтересовался этой личностью больше чѣмъ всѣмъ, что происходило за игорнымъ столомъ, и былъ такъ ею поглощенъ, что Джерминъ долженъ былъ два раза дотронуться до его плеча, прежде чѣмъ онъ обратилъ на него вниманіе.

— Уже около одиннадцати часовъ,—сказалъ Джерминъ:—а казино закрываютъ въ одиннадцать. Какъ мы распорядимся остаткомъ вечера? Тутъ пропасть лицъ мнѣ знакомыхъ. Хотите, я приглашу нѣкоторыхъ изъ нихъ, самыхъ забавныхъ, къ намъ въ гостиницу?

— Прекрасно. Пригласите ихъ ужинать. Вообразимъ, что міръ на два столѣтія моложе, что мы живемъ при регентствѣ и что Филиппъ Орлеанскій — нашъ собутыльникъ. Что бы вы ни придумали для нашего развлеченія и какъ бы это ни было безпутно, оно будетъ вполнѣ подходить къ моему настроенію. Пусть эта скала будетъ нашъ Брдкенъ, и пригласите всѣхъ знакомыхъ вамъ красивыхъ вѣдьмъ.

— Даже и хорошенькую дѣвочку съ красной мышкой во рту? А Маргарита? Что будетъ съ Маргаритой?

Джерардъ смутился при этомъ намекѣ.

— Моя Маргарита сама избрала себѣ судьбу, — отвѣчалъ онъ. — Еслибы она была гётевская Гретхенъ, она поступила бы иначе. Она поставила бы любовь выше всего.

До наступленія полуночи Джерардъ уже засѣдалъ за столомъ, накрытомъ для ужина, украшенномъ розами и азаліями, бѣлыми лиліями и другими цвѣтами, окруженный *fine-fleur* парижскаго *demi-monde*. Какой ослѣпительный блескъ глазъ, брилліантовъ, туалетовъ, эксцентрическихъ, но изящныхъ, самыхъ новѣйшихъ цвѣтовъ, переливающихся какъ радуга; всѣ предавались веселію; наслажденіе жизнью было включомъ, но не порокъ, ибо и пороч-

ные люди любятъ отдохнуть порою отъ порока и предаться исключительно забавѣ. Какой веселый смѣхъ! какія откровенныя шутки! замѣчанія, сказанныя невзначай, звучали при этой обстановкѣ, точно эпиграммы; шелъ легкій, но блестящій разговоръ о парижскихъ театрахъ, о драмахъ, неизвѣстно почему увѣнчанныхъ успѣхомъ, о блестящихъ комедіяхъ, провалившихся тоже неизвѣстно по какой причинѣ, объ интригахъ большого свѣта и полу-свѣта, о неоткрытыхъ преступленіяхъ, о грозящихъ разореніяхъ. Безпечные собесѣдники обсуждали все и произносили свои приговоры надо всѣмъ, начиная отъ династій и кончая дамскими портными и модистками.

Джерарду Гиллерсдону нравилось это легкое порханіе кельтическаго ума отъ одного предмета къ другому.—ума необузданнаго, но остроумнаго. Онъ искалъ развлеченій въ Лондонѣ, но находилъ ихъ скучными и несносными. Лэди, которыхъ онъ встрѣчалъ на холостыхъ пирушкахъ, до того старались быть лэди, что забывали быть занимательными. Прошли дни той красавицы *mauvaise langue*, восхищавшей своимъ остроуміемъ паровъ, и британскія *bon-mots* которой облетали всю образованную Европу, передразнивались въ Парижѣ и присвоивались въ Вѣнѣ.

Онъ искалъ дикой веселости, а находилъ только приличную скуку.

Здѣсь въ веселости не было недостатка, и смѣхъ его гостей заглушалъ даже голоса неаполитанскихъ пѣвцовъ и треньканье ихъ гитаръ.

Мало-по-малу неаполитанцевъ загнали въ уголъ и заставили играть вальсъ, и всѣ присутствующіе пустились вальсировать. И Джерардъ сдѣлалъ два или три тура съ хорошенькой нѣмецкой дѣвужкой, съ бѣлоснѣжными щеками и невинными голубыми глазами, которая весь ужинъ только кротко улыбалась, и про которую говорили, что она разорила въ пухъ и прахъ одного изъ богатѣйшихъ франкфуртскихъ банкировъ.

Онъ не могъ позволить себѣ болѣе двухъ или трехъ туровъ вальса и долженъ былъ уйти на балконъ и перевести духъ, между тѣмъ какъ красивая Лотхенъ присоединилась къ своимъ пріятельницамъ и объявила имъ, что молодой кретинъ недолговѣченъ и скоро отправится вслѣдъ за Буланжѣ.

— *En attendant*, онъ задалъ намъ отличный ужинъ,—замѣтила одна дама, которую звали въ обществѣ *madame la marquise*, но во всѣхъ легальныхъ документахъ она значилась по-просту безъ затѣй: Жанета Фуа. — Я надѣюсь, что онъ завѣщаетъ намъ денегъ на трауръ. *Moi, je me trouve ravissante en noir!*

Джерардъ отдыхалъ съ полчаса на балконѣ, въ то время какъ его гости, забывъ повидимому о хозяинѣ, предавались бѣшеному вальсу, который напоминалъ бѣсовскую пляску на проклятой горѣ. Съ губъ красавицъ срывались по временамъ зlostныя замѣчанія, походившія на красную мышку, выскочившую изъ розоваго ротика хорошенькой вѣдьмы. Джерардъ наблюдалъ съ балкона этотъ пандемоніумъ, между тѣмъ какъ неаполитанцы лѣниво играли и даже дремали надъ гитарами. Да, это было похоже на шабашъ вѣдьмъ! Благодаря небу, въ этой пестрой толпѣ, среди блеска брилліантовъ и игры вѣровъ, шелеста шолка и кружевъ не было ни одного видѣнія, которое бы напоминало ему отсутствующую любовь, Эстеръ, которую онъ такъ нѣжно любилъ и такъ бездушно покинулъ.

Онъ представлялъ ее себѣ въ садикѣ, надъ берегомъ рѣки, подъ англійскимъ мартовскимъ сѣрымъ и мрачнымъ небомъ.

Почему она не здѣсь, не съ нимъ?

Почему они не сидятъ рядомъ, вдвоемъ, на балконѣ и не глядятъ на уснувшій городъ, на колонію бѣлыхъ виллъ, на старые, старые дома съ остроконечными крышами и на двухъ-башенный соборъ вонъ тамъ на высокой скалѣ?

Она виновата въ ихъ разлукѣ. Еслибы она была съ нимъ, этихъ безумныхъ кутилъ не было бы здѣсь. Съ него довольно было бы ея общества. Онъ не измѣнился къ ней; это она измѣнилась относительно его.

Онъ былъ радъ, что вырвался изъ атмосферы раскаянія, радъ, что ѣдетъ къ своей первой возлюбленной; пуще же всего радъ, что очутился въ этой волшебной странѣ, у синяго моря, подъ яснымъ небомъ. Кутежъ казался ему пріятнымъ отдыхомъ отъ размышленій. Когда его новые знакомые вспомнили наконецъ объ его существованіи и разыскали его на балконѣ, онъ пригласилъ красивѣйшихъ и остроумнѣйшихъ изъ нихъ завтракать.

— Не завтра, но сегодня, — прибавилъ онъ. — Джерминъ долженъ изобрѣсти для насъ новыя развлеченія: пикники, экскурсіи моремъ или въ горы. Я намѣренъ обратить мое краткое пребываніе здѣсь въ одинъ сплошной праздникъ — и вы должны помочъ мнѣ.

Онъ держалъ въ своихъ рукахъ ручку хорошенькой нѣмочки, между тѣмъ какъ блестящіе черные глазки и бѣлые зубки графини Ригольбошъ со вздернутымъ носикомъ улыбались ему.

— Я взяла-было уже мѣсто на завтра въ *train de luxe*, — сказала Ригольбошъ: — но отмѣню день отъѣзда и останусь здѣсь,

пока вамъ хочется. Мы всё поможемъ вамъ спрягать глаголъ *rigoler*: *rigolons*, *rigolez*...

И другіе голоса подхватили хоромъ:

— *Rigolons*, *rigolez*!

М-ръ Джерминъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ заказывалъ завтраки и обѣды, испытывалъ таланты *chef'a* и ресурсы гостиницы. Онъ разсылалъ телеграммы въ Ниццу, Марсель и Парижъ, и самые изысканные деликатесы присылались оттуда въ Монте-Карло. Все, за что ни брался Джерминъ, удавалось, и недѣля, проведенная въ Монте-Карло, была торжествомъ обжорства и кутежа. Въ городѣ стояло эхо отъ пѣсенъ пирующихъ; морскія волны прыгали подъ ихъ смѣхъ въ то время, какъ они катились вокругъ мыса Рокбрюнъ или укрывались въ гавани Оспедети.

Погода стояла чудная — та неподобная весенняя атмосфера Ривьеры, заставляющая забывать о томъ, что эти берега когда-либо посѣщаются мистралемъ и сирокко, дождемъ или изморозью.

— Погода, какая бываетъ при землетрясеніи, — увѣрялъ Джерминъ, вспоминая какъ въ февралѣ мѣсяцѣ произошло землетрясеніе, и увѣрялъ своихъ собесѣдниковъ, что эти веселые, красивые берега готовятся къ другому такому же переполоху, но собесѣдники презрительно смѣялись въ отвѣтъ на его слова.

— Еслибы въ этой горѣ разверзлась бездна и поглотила насъ всѣхъ живьемъ, то я бы не поморщилась, — говорила Ригольбошъ, осушая бокалъ шампанскаго. — *J'ai vécu*... Я прожила свою жизнь.

Гиллерсдонъ вздохнулъ. Какъ легко относилась эта женщина къ жизни, между тѣмъ какъ онъ считалъ каждый уходящій часъ и всѣми помышленіями цѣплялся за жизнь, чувствуя, что не можетъ примириться съ неизбежнымъ концомъ, не можетъ сказать:

— „Я достаточно пожилъ и готовъ умереть“.

Лотхенъ, нѣмочка, привязалась къ нему сердечно послѣ того перваго вальса, послѣ котораго такъ презрительно отозвалась о немъ. Презрѣніе перешло въ жалость, а изъ жалости выросла любовь. Во всѣхъ пирушкахъ она старалась держаться поближе около него, ходила за нимъ по слѣдамъ, искала его общества. Ея мягкія, ласковыя манеры трогали его сердце, но сердце это оставалось глухо къ ея прелестямъ. Она значила для него не больше, чѣмъ хорошенькій ребенокъ, котораго видишь на улицѣ протягивающимъ пучокъ цвѣтовъ въ то время, какъ экипажъ проѣзжаетъ мимо.

Ригольбошъ тоже, безпечная и блестящая Ригольбошъ пускала въ ходъ все свое остроуміе, чтобы завладѣть этимъ человѣкомъ *deux-fois millionnaire—des millions sterlings, bien entendu*. Но остроуміе парижанки оказывалось такимъ же безсильнымъ надъ Джерардомъ Гиллерсдономъ, какъ и бѣлокурая красота нѣмочки. Можетъ быть, онъ пережилъ способность любить; можетъ быть, тревожная забота о своей собственной персонѣ дѣлала его равнодушнымъ въ чужимъ личностямъ. Если онъ нетерпѣливо желалъ свидѣться съ Эдитой Чампюнъ, то потому, что надѣялся вернуть въ ее обществѣ свѣжесть и энергію молодости.

Онъ искалъ только развлеченія—и однимъ изъ главнѣйшихъ было бросать деньги. Чѣмъ роскошнѣе былъ пиръ, чѣмъ больше было потрачено на него денегъ, тѣмъ онъ былъ довольнѣе. Рѣдко доводилось лодочникамъ въ Кондоминѣ наживать столько денегъ. Онъ бросалъ золотыя монеты съ безграничной щедростью остъ-индскаго раджи. Кельнера въ гостиницѣ сгибались передъ нимъ какъ передъ императоромъ, и самъ хозяинъ говорилъ съ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ съ божествомъ.

Каждый вечеръ онъ проводилъ съ часъ въ казино. Ему нравилось смотрѣть на игру сиренъ, и онъ снабжалъ ихъ фондами, чтобы попытать счастья въ *trente-et-quarante*. Съ своей стороны онъ больше не игралъ послѣ перваго вечера. Не игра его интересовала, а игроки. Онъ просто ходилъ вокругъ стола или стоялъ и наблюдалъ за лицами, озаренными свѣтомъ лампъ.

Маленькая пожилая женщина съ темными растерянными глазами садилась обыкновенно на одно и то же мѣсто около крупье; шляпка ея была небрежно надѣта; руки безъ перчатокъ не особенно чисты. Джерарду доставляло угрюмое удовольствіе наблюдать за этой женщиной. Она была для него этюдомъ патологін. Всѣ силы ея существа были сосредоточены на карточномъ столѣ. Бывали ночи, когда она вся сіяла, торжествуя, точно внутренній огонь озарялъ ея смуглую кожу и сверкалъ въ ея итальянскихъ черныхъ глазахъ. Въ другія ночи лицо у нея было неподвижное и застывшее, точно высѣченное изъ мрамора, и казалось бы мертвымъ, еслибы не тревожный взглядъ, дѣлавшій эту мраморную маску еще ужаснѣе маски мертвеца.

Джерардъ замѣтилъ, спустя нѣкоторое время, что эта женщина сознавала, что за нею наблюдаютъ, что, несмотря на сосредоточенность всѣхъ ея умственныхъ способностей на игру, она проявляла беспокойство, когда онъ на нее глядѣлъ, нервную тревогу, выражавшуюся по временамъ птичьими взглядами въ его сторону и сердитыми движеніями головы и плечъ. Замѣтивъ это,

онъ старался наблюдать за нею исподтишка, надѣясь укрыть отъ нея свое вниманіе. Онъ замѣтилъ, что на тонкомъ черномъ шнурѣ, на которомъ висѣлъ ея ріпсе-пезъ, привѣшенъ былъ также одинъ изъ тѣхъ коралловыхъ амулетовъ, которые считаются итальянскими простолюдинами предохранительнымъ средствомъ отъ худого глаза. И по временамъ она автоматическимъ движеніемъ перебирала талисманъ худыми пальцами, движимая инстинктомъ самосохраненія.

Наступилъ послѣдній вечеръ его пребыванія въ Монте-Карло. На другой день долженъ былъ произойти водяной пикникъ, которымъ долженъ былъ триумфально закончиться рядъ увеселеній, организованныхъ Юстиномъ Джерминомъ. Джерардъ провелъ полдня въ лавкѣ ювелира, выбирая прощальные подарки для сиренъ и въ томъ числѣ великолѣпный брилліантовый браслетъ для тонкой и круглой ручки Лотхенъ. Въ ея глазахъ онъ видѣлъ слезы искренней нѣжности вчера, когда припадокъ кашля лишилъ его силъ и голоса. За каждую слезу онъ хотѣлъ дать ей брилліантъ чистѣйшей воды, и все-таки считалъ, что награда эта будетъ жалкая и недостойная ея слезъ.

Онъ пошелъ въ казино въ послѣдній разъ въ этомъ сезонѣ. Увидитъ ли онъ его когда-либо снова, въ какомъ бы то ни было сезонѣ, думалъ онъ? Не всѣ ли сезоны скоро-скоро будутъ для него закрыты? или же наука, при помощи его милліоновъ, исправитъ его слабыя легкія и дастъ ему прожить еще нѣсколько лѣтъ въ теплыхъ странахъ земного шара? Онъ поѣдетъ куда угодно, въ южныя моря, въ Вестъ-Индію, въ Гималайскія горы, всюду—лишь бы жить.

И онъ говорилъ себѣ, что Эдита Чампіонъ не сочтетъ никакую страну за мѣсто ссылки, если они тамъ будутъ жить вдвоемъ. У нея не было другихъ узъ, другого высшаго долга или преувеличенной дочерней любви. Жертва памяти супруга и общественному мнѣнію уже принесена. Три четверти траурнаго времени истекло. И когда она увидитъ, какъ онъ нуждается въ женскомъ уходѣ, то, конечно, откажется отъ остальной четверти и согласится обвиняться съ нимъ во флорентинскомъ посольствѣ.

Сегодня вечеромъ онъ неотступно о ней думалъ. Онъ съ удовольствіемъ покутилъ недѣлю; звуки бубеньчиковъ его шута веселили его ухо; но теперь онъ уже усталъ отъ нихъ и съ удовольствіемъ помышлялъ о болѣе мирной, хотя и столь же роскошной жизни въ обществѣ Эдиты Чампіонъ.

Онъ вошелъ въ переговоры, черезъ посредство Юстина Джер-

мина, съ „Jersey Lily“ — одной изъ прекраснѣйшихъ яхтъ въ Ниццѣ, и на этой яхтѣ онъ съ женой будетъ плавать по Средиземному морю, заходя во всѣ прекраснѣйшіе порты и оставаясь въ нихъ постольку, поскольку вздумается.

Жалкая маленькая женщина находилась на своемъ посту, какъ обыкновенно, и стоило только Джерарду бѣгло взглянуть въ ея лицо, чтобы догадаться, что ей не везетъ. Лицо ея застыло въ той мертвенной неподвижности, какая была знакома Джерарду. Ставка за ставкой уходила, загребаемая неумолимой лопаткой, пока наконецъ всѣ деньги не были проиграны, и она осталась со сложенными руками, не играя больше, но слѣдя за игрой. Она была слишкомъ извѣстная и постоянная посѣтельница игорной залы, а потому ее и не просили очистить мѣсто для другихъ игроковъ. Служащіе знали ея привычки и то, что, просидя какъ статуя нѣкоторое время, она медленно поднимется, точно человѣкъ, проснувшійся отъ тяжелаго сна, и тихо уйдетъ... а на слѣдующій вечеръ снова появится съ деньгами, добытыми неизвестно откуда.

Джерардъ нащупалъ въ боковомъ карманѣ пачку ассигнацій и, обойдя столъ, остановился за спиной лэди, намѣреваясь тихонько сунуть ей въ руку деньги и уйти, прежде нежели она успѣетъ опомниться отъ удивленія; но его намѣреніе не удалось, потому что когда его рука притронулась къ ея плечу, она внезапно вздрогнула, какъ ужаленная, и повернула къ нему глаза, горѣвшіе какъ уголья на ея блѣдномъ лицѣ. Быстрота ея движенія и горящій взглядъ смутили его. Онъ отступилъ назадъ.

Лэди встала и пошла за нимъ на нѣкоторое разстояніе отъ столовъ. Тамъ она остановилась и снова устремила на него пылающій взглядъ.

— Вы, кажется, не особенно ретивый игрокъ, monsieur, — сказала она.

— Нѣтъ, я не игрокъ. Trente-et-quarante не имѣетъ никакого интереса въ моихъ глазахъ.

— Зачѣмъ же вы сюда приходите?

— Я прихожу наблюдать другихъ; прихожу развлекаться.

— Развлекаться зрѣлищемъ дурныхъ страстей, въ которыхъ вы не участвуете, забавляться — какъ дьяволъ забавляется пороками и страстями людей? Развѣ вы не знаете, что ваше присутствіе здѣсь всѣмъ неприятно, что вашъ взглядъ приноситъ несчастіе тому, на комъ останавливается?

— Не знаю, почему бы это такъ было? Я никому не желаю зла. Я простой наблюдатель.

— Такъ и смерть — простой наблюдатель жизненной игры, зная, что рано или поздно она выиграетъ. Ваше присутствіе здѣсь пагубно, потому что у васъ на лицѣ смерть; а такъ какъ игорная зала предназначается не для постороннихъ наблюдателей, а для игроковъ, то вы окажете всѣмъ одолженіе своимъ отсутствіемъ. Увѣряю васъ, что я выражаю желаніе всего здѣшняго общества.

Она поклонилась ему, натянула оборванную шаль на плечи и прошла мимо него къ двери. Онъ остался съ пачкой ассигнацій въ рукахъ и молча глядѣлъ ей вслѣдъ.

Да! вотъ еще новый голосъ напомнилъ ему объ ожидающей его участи.

XI.

Прощальное пиршество было устроено Юстиномъ Джерминомъ на славу. Онъ нанялъ „Jersey Lily“ — яхту, которую желалъ приобрести Джерардъ. Ея владѣлецъ, богатый негоціантъ, наскучилъ своей игрушкой и радъ былъ продать ее челоуѣку, который не постытъ за цѣной. Яхта, оснащенная мачтами и парусами, и кромѣ того имѣвшая и паровикъ, была въ полномъ порядкѣ, и первое плаваніе на ней Джерарда совершилось пикникомъ. Что касается музыки, то м-ръ Джерминъ на этотъ разъ не удовольствовался бродячими неаполитанскими гитаристами, а пригласилъ нѣсколькихъ изъ лучшихъ музыкантовъ, участвовавшихъ на знаменитыхъ концертахъ въ казино. Но величайшимъ его триумфомъ были цвѣточные декораціи. Въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ самого себя и опустошилъ всѣ цвѣточные заведенія.

Джерардъ былъ очень веселъ, и это замѣтила Лотхенъ, наблюдавшая за хозяиномъ пиршества въ то время, какъ онъ стоялъ прислонясь къ борту и задумчиво глядѣлъ на море. Они оба удалились отъ остальной компаніи, слушавшей серенаду Шуберта, исполнявшуюся струнными инструментами.

— Вы, кажется, сегодня очень счастливы, — сказала Лотхенъ, подходя къ Джерарду, не дожидаясь его приглашенія.

— Да, — отвѣчалъ онъ: — счастливъ, но счастливъ только физически... какъ счастлива кошка, купающаяся въ солнечныхъ лучахъ; это счастье разсѣвается, только что начнешь думать. Я купаюсь въ красотѣ матери-земли, и если думаю, то только о томъ, какъ хорошо было бы жить вѣчно безъ души, безъ думы, безсмертнымъ — среди такой обстановки, какъ здѣшняя; жить, какъ живутъ оливковыя деревья, вонъ на томъ холмѣ, вдыхая лишь

мягкій, бальзамическій воздухъ, ощущая пріятную теплоту благотельнаго солнца.

— Вы бы очень соскучились по истеченіи недѣли или двухъ... — сказала Лотхенъ: — да и что за жизнь безъ любви!

— Жизнь больше, чѣмъ любовь. Посмотрите, какъ безусловно счастливы дѣти, наслаждаясь природой, а они не знаютъ любви... или по крайней мѣрѣ той страсти, которую называютъ этимъ именемъ. По моей фантазіи, міръ былъ бы совершенствомъ, еслибы мы были бессмертны и оставались всегда дѣтьми. Это міръ старѣйшихъ боговъ, это — божества рѣчныя и горныя, водяныя и лѣсныя нимфы. Что такое они были, какъ не взрослые дѣти, опьяненные красотой и прелестью жизни? Но для насъ, жалкихъ червяковъ, съ каждымъ дыханіемъ приближающихся къ неизбежной могилѣ, чѣмъ можетъ быть эта прелестная земля, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ красоты, какъ не временной выставкой? Мы глядимъ и жаждемъ ея красоты; но пока мы глядимъ, она блѣднѣетъ и скрывается во мракѣ. Она все еще прекрасна, но насъ уже нѣтъ. Кто-то другой будетъ любоваться этими холмами въ будущемъ году, кто-нибудь такой же молодой, какъ и я, и такъ же осужденный на преждевременную смерть, какъ и я...

Лотхенъ молчала. Слезы струились по ея прекраснымъ щекамъ, когда Джерардъ взглянулъ на нее. Она была мила, обворожительна въ своей чувствительности, но сердце Джерарда оставалось холодно, какъ мраморъ.

— Не тратьте слезъ и симпатій на меня, Fräulein! — сказалъ Джерардъ мягко. — Плачьте о тѣхъ умирающихъ, которые сами себя не жалѣютъ. Я же крайній эгоистъ и поглощенъ сожалѣніемъ о собственной участи.

— Вы бы могли прожить долѣе, быть можетъ, еслибы больше береглись, — проговорила она.

— Нѣтъ такихъ заботъ, какихъ бы я не принялъ, чтобы жить. Только потому, что я знаю безнадежность своего положенія, я сдался. Мнѣ ничего не остается, кромѣ развлеченій. А вы подарили мнѣ свое состраданіе — и состраданіе отъ насъ мнѣ сладко.

— Состраданіе! — повторила она съ глубокимъ вздохомъ. — Что-жъ, зовите это состраданіемъ, если хотите!

Онъ вынулъ небольшой бархатный футляръ изъ кармана и раскрылъ его на солнцѣ, лучи котораго такъ и заиграли въ брилліантахъ, отливая всѣми цвѣтами радуги.

— Примите эти брилліанты въ благодарность за ваши слезы,

Fräulein. Прошу васъ, носите ихъ иногда въ память умирающаго человѣка!

Она протянула руку, и онъ надѣлъ на нее брилліантовый браслетъ. Рука была красивая, точно изъ алебаstra, изящнѣйшей формы. Поклонники m^{lle} Charlotte объявляли, что ея руки—вѣнецъ ея красоты и приближаются по совершенству къ греческой скульптурѣ болѣе, чѣмъ какія бы то ни было другія руки въ Парижѣ.

Джерардъ застегнулъ браслетъ у тонкой кисти, въ небрежно-граціозной позѣ лежавшей на борту яхты, застегнулъ, ни слова не говоря и съ спокойнымъ равнодушіемъ дожидаясь потоковъ благодарныхъ словъ, обыкновенно слѣдовавшихъ за такими дарами; но губы Лотхенъ были сомкнуты. Она оставила на секунду свою руку въ его рукѣ, затѣмъ вырвала ее и съ крикомъ гора или ярости сорвала браслетъ и бросила его въ море.

— Неужели, вы думаете, я нуждаюсь въ вашихъ брилліантахъ, когда вы нисколько меня не любите? — вскричала она и убѣжала въ каюту, откуда больше не выходила до тѣхъ поръ, пока яхта не вернулась въ Монте-Карло, но безъ Джерарда Гиллерсдона, который высадился въ Антибахъ, чтобы попасть въ-время на поѣздъ въ Геную, вышедшій изъ Ниццы до солнечнаго заката.

Эта выходка Лотхенъ тронула его сильнѣе, нежели ея красота или слезы.—„Королева Джиневра въ миниатюрѣ! — сказалъ онъ самому себѣ, глядя вслѣдъ убѣгающей Лотхенъ.—Кажется, женщины всѣ на одинъ ладъ во всемъ мірѣ. Дикъ Стиль всего лучше описалъ женщину, назвавъ ее „красивымъ романическимъ животнымъ“. У всѣхъ есть наклонность къ романамъ—даже въ опытной парижской demi-mondaine. Бѣдная Лотхенъ!“

Онъ больше ее не видалъ, потому что она не показывалась среди тѣхъ, кто тѣснился на палубѣ яхты, чтобы посмотреть, какъ онъ садился въ лодку. Ея красивой руки не было въ числѣ тѣхъ, которыя махали ему платками въ то время, какъ лодка медленно направлялась къ берегу.

— A rivedervi, на будущей недѣлѣ во Флоренціи!—кричалъ Джерминъ; и съ набережной, куда онъ присталъ, Джерардъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ тонкую фигуру прорицателя, рѣзко выдѣлявшуюся на фонѣ неба въ то время, какъ онъ стоялъ на палубѣ, окруженный сиренами.

На слѣдующій день Джерардъ прибылъ во Флоренцію, и первымъ ощущеніемъ его въ этомъ городѣ было, что онъ оставилъ глѣбо позади себя. Для нѣкоторыхъ людей западная Ривьера пред-

ставляется высшимъ совершенствомъ итальянскаго пейзажа, и для нихъ всѣ другія мѣста кажутся холодными и сумрачными сравнительно съ ея роскошной прелестью. Иные думаютъ, что вся прелесть Италіи погасла, когда они повернутся спиной къ Средиземному морю, и все, что исторія, легенда и изящныя искусства могутъ представить по части интереса и красоты, кажется блѣднымъ и скучнымъ сравнительно съ магической прелестью сапфироваго моря и романтическимъ разнообразіемъ излучистыхъ холмовъ, которые глядятся въ него.

Джерардъ, гуляя по улицамъ Флоренціи сѣрымъ мартовскимъ днемъ — мартъ здѣсь былъ такой же прохладный и вѣтренный, какъ и на Пикадилли — почувствовалъ, что очарованіе ушло изъ его жизни, а тепло изъ его жилъ. Какими скучными казались дома на Lung'Arno! Конечно, то были дворцы такого величѣйнаго вида, какого только могъ пожелать архитекторъ; но развѣ мало дворцовъ на Пикадилли и въ Кенсингтонѣ?

Какія сѣрыя воды катить рѣка! и какой холодный тонъ у каменнаго моста! Какимъ холодомъ вѣетъ отъ снѣжной линіи Апеннинъ! Хотя онъ усталъ отъ дороги, однако предпочелъ идти пѣшкомъ, предоставивъ слугамъ везти багажъ въ Hôtel de la Ville, гдѣ ему были наняты апартаменты.

Онъ не извѣщалъ м-съ Чампіонъ о своемъ приѣздѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ, увидѣть неожиданно женщину, любовь которой къ нему не уменьшилась отъ годичной разлуки. Прихотливо отдалъ онъ свое сердце и лучшія чувства другой женщинѣ, но теперь снова желалъ ухватиться за нить жизни, которую выпустилъ изъ рукъ годъ тому назадъ, когда пошелъ за Эстеръ Давенпортъ черезъ Сенъ-Джемскій паркъ и при первомъ же взглядѣ на нее влюбился въ нее по уши. Теперь онъ хотѣлъ снова любить на прежній ладъ: спокойно, разсудительно. Онъ снова хотѣлъ ощущать тихую привязанность, поддерживавшую его интересъ къ Эдитъ Чампіонъ въ продолженіе трехъ лѣтъ ея замужней жизни.

Домъ ея находился на скатѣ холма, ведущаго въ Санъ-Миніато; то была вила въ очаровательномъ саду, гдѣ бутоны магнолій серебрились на темномъ фонѣ листьевъ, и гдѣ широкія куртины съ огненными тюльпанами нарушали бархатное однообразие лужаекъ, между тѣмъ какъ высокая изгородь изъ розовыхъ піоновъ трепетала на пронзительномъ флорентинскомъ вѣтрѣ, недурно характеризованнымъ названіемъ восточнаго вѣтра, дующаго съ запада.

Дорога отъ станціи къ покрытому зеленью холму на южномъ

берегу рѣки была не близкая, и Джерардъ очень усталъ, когда пришелъ на виллу *Bel Visto*, господствовавшую надъ садами Боболи и надъ роскошнымъ видомъ *Cipola* и *Campanilla*; видъ простирался далеко-далеко, до самыхъ красивыхъ холмовъ, на сѣверъ отъ города.

Въ солнечный день видъ могъ бы развлечь его своей красотой; но подъ этимъ холоднымъ, сѣрымъ, британскимъ небомъ онъ утратилъ свое обаяніе, и Джерардъ пожалѣлъ о залитыхъ солнцемъ холмахъ Монако, гдѣ онъ какъ будто разстался съ лѣтомъ.

Ворота были настежъ раскрыты и довольно значительное число экипажей стояло на полукруглой площадкѣ передъ домомъ. Входная дверь тоже была раскрыта, и несомнѣнно британскаго вида выѣздной лакей прохлаждался на широкихъ мраморныхъ ступеняхъ, презрительно глядя на противоположные холмы. Джерардъ прошелъ въ домъ, не будучи опрошенъ никѣмъ, и очутился въ сѣняхъ, куда выходило нѣсколько дверей. Въ сѣняхъ царствовалъ полусвѣтъ, атмосфера тепла отъ пріятнаго сосѣдства камина, гдѣ горѣли дрова, а изъ раскрытыхъ дверей доносились звуки голосовъ, болѣею частію женскихъ, но они вдругъ замолкли, пока онъ подходилъ къ дверямъ, и раздалась сначала прелюдія, а затѣмъ красивый баритонъ запѣлъ модный романсъ: „*Vogtei morir*“... Мажордомъ, высокій, красивый и тосканскій уроженецъ, стоялъ у раскрытыхъ дверей и докладывалъ о посѣтителяхъ; онъ вопросительно взглянулъ на м-ра Гиллерсдона, который молча дожидался конца романса.

М-съ Чампіонъ, очевидно, принимала гостей. Можетъ быть, это былъ ея пріемный день. Въ послѣднихъ письмахъ она писала ему, что завела нѣсколько знакомыхъ во Флоренціи и они по временамъ навѣщали ее въ одиночествѣ; но онъ совѣмъ не приготовился къ толпѣ нарядныхъ женщинъ и элегантныхъ мужчинъ, среди которыхъ очутился, когда замолкли послѣдніе звуки задумчиваго романса Тости, и онъ разрѣшилъ мажордому доложить о себѣ.

Дневной свѣтъ входилъ въ окно, занимавшее почти цѣлую стѣну въ просторной гостиной, и при этомъ свѣтъ Джерардъ увидалъ Эдиту Чампіонъ, стоявшую въ группѣ элегантныхъ женщинъ различныхъ національностей и выдѣлявшуюся между ними своей красотой, точно императрица среди своихъ статсъ-дамъ.

Она была одѣта вся въ черномъ, но тяжелыя складки ея роскошнаго чернаго полковаго платья говорили скорѣе о величіи, нежели о печали, и тюлевый головной уборъ *à la* Марія Стю-

артъ придавалъ особую пикантность коронѣ изъ заплетенныхъ волосъ, лежавшей надъ ея низкимъ, широкимъ лбомъ.

Она вздрогнула при имени своего возлюбленнаго и поспѣшила ему на встрѣчу.

— Добро пожаловать во Флоренцію, — весело вскричала она: — хотя я никакъ не ожидала васъ видѣть! Вы только-что пріѣхали?

— Еще нѣтъ часу, какъ я во Флоренціи.

Ея рука была въ его рукѣ; губы раздвинулись пріятной улыбкой; но когда онъ вышелъ на свѣтъ, лившійся изъ широкаго окна, онъ увидѣлъ, какъ выраженіе ея лица вдругъ перемѣнилось и взглядъ сталъ печальнымъ и удивленнымъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ, что означаетъ этотъ взглядъ, хотя она и не высказала своихъ мыслей. Годъ тому назадъ, пріятель часто говорили ему, что у него нездоровый видъ; теперь никто больше не говорилъ ему этого; но онъ читалъ на лицахъ о роковой перемѣнѣ, которую они видѣли въ немъ.

— Я попалъ на праздникъ, — сказалъ онъ, оглядываясь на толпу гостей.

— О! это просто мой пріемный день. Люди во Флоренціи такъ общительны. У меня сегодня больше обыкновеннаго собралось народу, потому что я дала знать знакомымъ, что синьоръ Амальди обѣщалъ мнѣ пѣть. Могу я вамъ его представить? Безъ сомнѣнія, вы слышали его въ Лондонѣ въ предъидущій сезонъ. Онъ вездѣ производитъ фуроръ.

Она сдѣлала знакъ небольшого роста джентльмену съ огненными черными глазами и широкими усами, прислонившемуся къ красиво драпированному фортепіано и окруженному толпой поклонниковъ.

Знакомство состоялось. Джерардъ настолько былъ знакомъ съ итальянскимъ языкомъ, чтобы безъ особенныхъ ошибокъ сказать нѣсколько комплиментовъ, и синьоръ Амальди выразительно отвѣчалъ, что его музыкальный даръ — ничто, одни пустые звуки, которые онъ съ восхищеніемъ бросаетъ въ ногамъ очаровательныхъ англійскихъ лэди.

Фортепіано занято было послѣ того мертвеннаго вида нѣмцемъ, съ бурными волосами, остриженными подъ гребенку, точно онъ убѣжалъ изъ Портленда. Этотъ джентльменъ въ продолженіе получаса игралъ Шопена среди всеобщаго невниманія.

Двое англійскихъ лакеевъ разносили чай и шоколатъ; дамы болтали по угламъ, а изъ сосѣдней комнаты доносился стукъ се-

ребра и стекла; около щедро снабженного буфета собралось довольно много народа.

Эдита и Джерардъ могли въ это время интимно побесѣдовать другъ съ другомъ.

— Я не ожидалъ, что вы такъ веселитесь, — сказалъ Джерардъ.

— Неужели вы называете это весельемъ: немножко музыки и кое-кто изъ знакомыхъ, соболѣзнующихъ о моемъ одиночествѣ и навѣщающихъ меня? Флоренція—скучное мѣсто для тѣхъ, у кого нѣтъ знакомыхъ. Здѣсь нечего дѣлать, когда осмотришь нѣсколько галерей и совершишь тѣ экскурсіи, которыя—*de rigueur*. Но теперь, когда вы и весна появились, мы вмѣстѣ повторимъ всѣ экскурсіи; поѣдемъ въ Фіезоле, купимъ духовъ у милыхъ старыхъ монаховъ въ Чертозѣ... Я такъ рада, что вы пріѣхали!

— А между тѣмъ вы мнѣ запретили пріѣзжать, прежде чѣмъ истечетъ срокъ вашего траура. Вы не хотѣли подарить мнѣ ни одной недѣли.

— Иногда послушаніе бываетъ пріятно. Но скажите мнѣ, почему вы пріѣхали? Чтò заставило васъ послушаться?

— Мое желаніе васъ видѣть. Я очень несчастливъ безъ васъ и хочу васъ видѣть.

— Я боюсь, что вы не берегли безъ меня свое здоровье, — сказала она, серьезно взглядывая на него.

— Я хворалъ, но теперь я здоровъ,—я съ вами. Я разсчитываю, что вы и Италія исцѣлите меня. Я купилъ яхту и намѣренъ увести васъ, какъ только дни станутъ длиннѣе и погода установится.

— Этого не будетъ до наступленія іюня мѣсяца, когда кончится годъ моего траура.

— Я не намѣренъ дожидаться іюня. Я не намѣренъ дожидаться и мая. Я знать не хочу м-съ Грюнди и ея претензій. Если вы можете задавать рауты, то можете и выйти за меня замужъ. Я больше не намѣренъ ни слушать, ни ждать.

Она засмѣялась и мягко пожала ему руку, взглянула на него и вздохнула, причемъ глаза ея наполнились слезами. Она поспѣшно встала и пошла прощаться съ расходившимися гостями. Остановившись у дверей, она въ продолженіе получаса раскланивалась съ прощавшимися посѣтителеми.

Джерардъ безпокойно расхаживалъ по комнатамъ, но никого не встрѣчалъ знакомаго. Онъ видѣлъ, что люди глядѣли на него исподтишка тѣмъ взглядомъ, въ которомъ хорошее воспитаніе борется съ любопытствомъ. Вдругъ онъ очутился напротивъ громад-

наго трюмо и увидѣлъ себя съ головы до ногъ на фонѣ цѣлой группы хорошо одѣтыхъ людей, элегантныхъ и граціозныхъ женщинъ и щегольского вида мужчинъ.

Какой у него ужасный видъ! Мертвенно-блѣдныя щеки и провалившіеся глаза—естественный результатъ, конечно, безпутно проведенной недѣли въ Монте-Карло. Какой у него вмѣстѣ съ тѣмъ растрепанный и неизящный костюмъ,—теперь, когда счета портного для него сущіе пустяки, и когда во дни своей бѣдности онъ былъ образцомъ для молодежи, славившимся щегольствомъ своей одежды!

Теперь дорожное платье мѣшкомъ висѣло на его исхудавшемъ тѣлѣ, покрытое дорожною пылью, сматое... Онъ рѣшительно являлся безобразнымъ пятномъ въ изящной и роскошной гостиной м-съ Чампіонъ. Онъ поспѣшно ушелъ черезъ столовую, не прощаясь съ Эдитой. Онъ думалъ-было остаться и поговорить съ ней, когда всѣ гости разойдутся, но имъ внезапно овладѣло отвращеніе къ жизни и къ самому себѣ въ то время, какъ онъ оглядывалъ себя съ головы до ногъ въ венеціанскомъ зеркалѣ. И мысль о tête-à-tête съ возлюбленной уже не казалась ему привлекательной.

Онъ пришелъ къ ней на другое утро къ завтраку, и на этотъ разъ по крайней мѣрѣ зеркало отражало хорошо одѣтаго человѣка. Онъ особенно тщательно озаботился о своемъ туалетѣ, и блѣдно-сѣрое complet, съ бѣлымъ шолковымъ галстукомъ, соответствовало прохладной свѣжести весны, между тѣмъ какъ у главнаго цвѣточника на Via Tornabuoni онъ купилъ большой букетъ бѣлыхъ лилій и розовыхъ нимфей для своей возлюбленной.

Она приняла его съ восторгомъ и поздравила съ цвѣтущимъ видомъ.

— Вчера вы, право, казались больнымъ,—говорила она:—ѣзда по пыльнымъ желѣзнымъ дорогамъ такъ утомительна. Сегодня утромъ вы совсѣмъ помолодѣли.

— И намѣренъ оставаться по возможности молодымъ. Не слишкомъ ли я безцеремонно поступаю, являясь къ вамъ завтракать безъ зова?

— Я бы сочла васъ очень безразсуднымъ, еслибы вы дожидались отъ меня приглашенія. Приходите такъ часто, какъ только можно. Вашъ приборъ всегда будетъ на столѣ. Мой сторожевой песъ скоро снова явится на своемъ посту. Миссисъ Грешамъ поѣхала навѣстить какихъ-то клерикальныхъ друзей въ Сіеннѣ; они пристали къ ней, чтобы она служила имъ переводчикомъ съ фран-

цузскаго и итальянскаго языковъ. Кстати сказать,—оба, мужъ и жена—пренепрятные.

— Развѣ сторожевая собака нужна во Флоренціи? Мнѣ говорили, что флорентинское общество очень снисходительно.

— Это доказываетъ ваше англійское невѣденіе. Хорошее общество во Флоренціи—такое же, какъ и всякое другое хорошее общество.

— Понимаю. Строгая добродѣтель, умѣряемая русскими княгинями и ихъ *cavalieri serventi*.

Они позавтракали *en tête-à-tête*, подъ охранительными взглядами мажоръ-дома и двухъ британскихъ лакеевъ въ траурныхъ ливреяхъ и съ напудренными волосами. Тутъ интимная бесѣда была невозможна, да Джерардъ ничего иного и не желалъ, какъ легкой, поверхностной болтовни и сплетенъ о знакомыхъ ему людяхъ и о томъ, что дѣлалось въ ихъ специальномъ кружкѣ, дома и на континентѣ. Ему пріятно было болтать, и казалось, что страсть съ ея неизбежными горестями и тревоженіями осталась позади его на берегахъ Темзы. Онъ чувствовалъ себя покойнымъ и почти счастливымъ. Ему было такъ же легко съ своей fiancée, какъ еслибы они были уже давнымъ-давно женаты. Онъ рассказывалъ ей про свою яхту, ея роскошную отдѣлку и новѣйшія усовершенствованія. Онъ говорилъ про залитые солнцемъ греческіе острова, которые они вмѣстѣ посѣтятъ.

— Я надѣюсь, что вы закажете нѣсколько греческихъ костюмовъ для своего приданаго,—замѣтилъ онъ: —я хочу, чтобы вы одѣвались какъ Сафо или Левбія, когда мы будемъ находиться на Кипрѣ или на Корфу.

— Я одѣнусь какъ вамъ угодно, хотя думаю, что хорошенькое *tailor gown* изъ бѣлой саржи гораздо удобнѣе и изящнѣе, чѣмъ хитонъ или пеплумъ.

М-съ Грешамъ вернулась къ чаю, и, прослушавъ около часа ея болтовню о соборѣ, мозаикахъ, картинахъ и табльд'отѣ въ Сіеннѣ, включая диво-дивное—встрѣчу съ м-съ Роудонъ Смитъ изъ Чемсфорда и ея дочерью, Джерардъ простился, обѣщая придти опять къ завтраку и отправиться въ Фіезоле вмѣстѣ съ м-съ Чампионъ и ея кузиной,—конечно, если будетъ свѣтитъ солнце, чего еще не было со времени его пріѣзда во Флоренцію.

Онъ вернулся къ себѣ въ гостиницу и пообедалъ въ уединенномъ обширномъ салонѣ, выходившемъ окнами на рѣку и на Piazza. Свѣчи горѣли въ высокихъ канделябрахъ, освѣщая столъ, но оставляя углы комнаты въ тѣни. Въ окна видѣлось блѣдное

и сѣрое небо, и на этомъ сѣромъ фонѣ горѣли огни на старомъ мосту и вдоль набережной.

Джерардъ почти никогда не могъ ѣсть въ одиночествѣ, а потому всталъ изъ-за стола и подошелъ къ одному изъ оконъ. Онъ растворилъ его и глядѣлъ на мраморный мостъ, прислушиваясь къ вечернимъ городскимъ звукамъ и опершись локтями на красную бархатную подушку, лежавшую на подоконникѣ.

Сначала послышался равномерный стукъ солдатскихъ шаговъ, затѣмъ прозвучалъ рожокъ и замеръ вдали; послѣ того звучный колоколъ на колокольнѣ церкви Всѣхъ Святыхъ потрясъ воздухъ, призывая вѣрующихъ къ вечернѣ. Дѣло было на Страстной, и богослуженіе день и ночь совершалось въ этой церкви; алтари горѣли огнями и молящіеся стекались толпами.

Колоколъ замолкъ и нѣкоторое время ничего не было слышно, кромѣ шума воды и шаговъ случайныхъ прохожихъ по пустынному скверу. Послѣ того колоколъ снова загудѣлъ медленно, торжественно, похоронно, и изъ монастыря позади церкви выступила погребальная процессія во всей ея флорентинской мрачности, съ монахами въ капюшонахъ, закрывающихъ голову и лицо, съ зажженными факелами; впереди—окутанный чернымъ покровомъ гробъ.

Джерардъ съ сердитой поспѣшностью закрылъ окно и вернулся къ обѣденному столу. Онъ отослалъ всѣ кушанья, не приронувшись къ нимъ. Только бутылки съ виномъ и десертъ красовались при свѣтѣ свѣчей въ канделябрѣ.

Пустынная улица, мрачный звонъ колокола, темные обои слабо освѣщенной комнаты омрачили его расположеніе духа. Онъ взялъ шляпу и вышелъ вонъ изъ дому. На улицѣ быть гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть въ четырехъ пустыхъ стѣнахъ.

Улицы казались веселы и оживленны, несмотря на Страстную недѣлю. Освѣщенные окна магазиновъ, прохожіе—все это несравненно лучше пребыванія въ пустой комнатѣ. Ни театръ, ни опера не были открыты; въ противномъ случаѣ онъ искалъ бы тамъ развлеченія. Большія, горящія огнями выѣски возвѣщали о различныхъ развлеченіяхъ низшаго музыкальнаго сорта и строго британскаго характера. Эти развлеченія ему не улыбались. Онъ прошелъ мимо освѣщеннаго портика моднаго клуба, но не искалъ въ немъ гостепріимства. Онъ повернулъ съ широкой улицы въ узкій переулокъ, который велъ на Piazza Maria Novella. Желтое пламя колыбалось на противоположномъ концѣ его. Какое-нибудь празднество въ честь поста.

Нѣтъ, не празднество,—опять черныя фигуры монаховъ, горящія факелы, гробъ подъ чернымъ покровомъ, и вотъ на колокольнѣ Santa Maria прозвучалъ медленный и торжественный колоколъ.

Джерардъ повернулъ и поспѣшно пошелъ обратно на широкую улицу, только-что имъ оставленную, и тамъ натолкнулся опять на процессію. Снова монахи, факелы, гробъ.

Флоренція кишмя кишѣла похоронами. Ему казалось, въ городѣ ничего другого не дѣлаютъ, какъ хоронятъ мертвецовъ. Онъ поспѣшилъ къ рѣкѣ, взялъ проѣзжавшаго пустого извозчика и велѣлъ поскорѣе везти себя на виллу м-съ Чампюнъ. Онъ жаждалъ человѣческаго общества, дружескаго сочувствія, симпатій любящей души.

— Я не могу быть одинъ,—говорилъ онъ себѣ въ то время, какъ извозчикъ переѣзжалъ черезъ мостъ къ Porta Romana.— Меня страшатъ всякіе смутные призраки, какъ ребенка, запуганнаго няньками. Что такое этотъ странный дѣтскій страхъ, желалъ бы я знать,—этотъ врожденный ужасъ къ чему-то необъяснимому, неопisanному? Что это такое, какъ не наслѣдственный страхъ смерти, безконечный ужасъ, передаваемый изъ рода въ родъ, боязнь, предшествующая знанію, инстинктъ, опережающій разсудокъ? Вопреки тому, что говоритъ Локкъ и вся его школа, есть одна врожденная идея, хотя бы только одна—и это страхъ смерти. Волкъ, медвѣдь, нянькинъ бѣка—все это различные образы одной невообразимой формы.

Онъ стыдился собственной слабости и того потрясенія, какое испыталъ отъ проходившихъ мимо похоронъ чужихъ и незнакомыхъ ему людей; но звонъ колокола и монахи въ капюшонахъ пробудили въ немъ мрачныя фантазіи. Онъ представлялъ себѣ Флоренцію четырнадцатаго вѣка, охваченную моровой язвой, и всѣ сцены тогдашней эпохи живо рисовались его воображенію.

Затѣмъ онъ вспомнилъ про пѣсенку, которую слышалъ вчера въ гостини м-съ Чампюнъ:

*„Vorrei morir' quando tramonta il sole,
Quando sui prato dormon le viole,
Lieta farebbe a Dio l'anima ritorno,
A primavera e sui morir del giorno“.*

Увы! увы! покажется ли ему смерть слаще при красивомъ солнечномъ закатѣ, или когда луга цвѣтутъ душистыми фіалками? Не все ли ему равно умереть—весной или зимой? Смерть означаетъ конецъ—и смерть невыразимо жестока.

М-съ Чампiонъ и ея кузина прохаживались въ саду послѣ обѣда при лунномъ свѣтѣ и такъ же надобѣли другъ другу, какъ обѣимъ надобѣль садъ. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ сумрачные вечерніе часы, когда кажется, что жить не стоитъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны!—вскричала Эдита, узнавъ своего возлюбленнаго при свѣтѣ луны.

— Вы не ожидали меня такъ скоро увидѣть, Эдита?

— Нѣтъ, не ожидала... но тѣмъ лучше.

— Я не могу жить безъ васъ. Я почувствовалъ болѣзненное желаніе быть съ человѣкомъ, который меня любитъ... убѣдиться, что все еще есть на свѣтѣ живые люди.

И онъ разсказалъ ей про трое похоронъ, встрѣченныхъ имъ на улицахъ Флоренціи.

— Неужели это постоянно такъ бываетъ?—спросилъ онъ.— Неужели Флоренція кишитъ похоронами?

— Мой милый Джерардъ!—вскричала она, смѣясь.—Трое похоронъ! для города съ двумястами тысячъ жителей! Неужели это такъ много? Факелы и братья милосердія—вотъ что произвело на васъ такое сильное впечатлѣніе! Здѣсь похороны гораздо возвышеннѣе, чѣмъ въ Англіи; они такъ напоминаютъ средніе вѣка! они такъ живописны! но не будемъ говорить о похоронахъ.

— Да, не будемъ! Я пришелъ поговорить совсѣмъ о другомъ. Я хочу поговорить о свадьбѣ—о нашей свадьбѣ, Эдита. Когда она будетъ?

— Въ іюнѣ, если хотите.

— Но я не хочу. До іюня очень далеко. Кто знаетъ, доживемъ ли мы до іюня? Монахи могутъ снести насъ въ могилу при свѣтѣ факеловъ, прежде чѣмъ наступитъ іюнь. Я хочу жениться на васъ завтра...

— Джерардъ, на Страстной недѣлѣ!

— Какое мнѣ дѣло до Страстной недѣли! Но если это васъ смущаетъ, то назначимъ свадьбу въ понедѣльникъ на Святой. Послѣ церемоніи мы отправимся въ Спецію и пообѣдаемъ на моей яхтѣ въ красивѣйшей гавани Европы. Мы можемъ отсюда наблюдать, какъ мѣсяцъ серебрить вершины Каррарскихъ горъ, болѣе живописныхъ, чѣмъ сѣжные пики Апеннинъ.

— Такъ скоро!

— А почему же нѣтъ!—съ нетерпѣніемъ произнесъ онъ.— Эдита, развѣ я ждалъ не достаточно? Я лучшіе годы провелъ въ ожиданіи. Эдита, я былъ вашимъ рабомъ; наградите меня за мою вѣрную службу, пока еще не поздно. Мы должны быть сча-

стливы, Эдита. У насъ есть молодость, богатство, свобода—всѣ условія для счастья.

— Да, — отвѣчала она со слабымъ вздохомъ:—мы должны быть счастливы.

— Значить, въ понедѣльникъ. Я все устрою.

— Въ понедѣльникъ на Святой недѣль.. Какой вульгарный день для свадьбы!

— Развѣ онъ такъ вульгаренъ? Ну, не бѣда; наша свадьба произойдетъ такъ тихо и скромно, что никто о ней не узнаетъ, пока не появится объявленіе въ „Times“.

Послѣ того они вернулись въ домъ, гдѣ нашли Розу Грешамъ зѣвующею надъ романомъ. Ничто не могло быть прозаичнѣе такого сватовства, но Джерардъ былъ слишкомъ углубленъ въ себя, чтобы зорко наблюдать за другими. Въ противномъ случаѣ его бы поразилъ контрастъ между тѣмъ, какъ вела себя м-съ Чампѣонъ сегодня вечеромъ, и ея прежнимъ обращеніемъ съ нимъ въ былые дни въ Гертфордъ-Стритъ.

На другой день они поѣхали вмѣстѣ въ Фіезоле. День былъ солнечный, воздухъ ароматическій, и пріятно было вырваться изъ постной Флоренціи съ ея торжественнымъ колокольнымъ звономъ.

Здѣсь, пока лошади отдыхали, м-съ Грешамъ пошла осматривать соборъ, предоставивъ Эдитъ и Джерарду вдвоемъ взбираться по тропинкѣ, которая вела къ францисканскому монастырю и церкви св. Александра.

Медленно, очень медленно поднимался Джерардъ по каменистой тропѣ, опираясь на руку Эдиты Чампѣонъ и съ трудомъ переводя духъ. Онъ остановился, запыхавшись и выбившись изъ силъ передъ лавчонкой, въ которой старикъ чинилъ старые башмаки; старикъ тотчасъ отложилъ въ сторону работу и принесъ стулъ для усталого англичанина.

Эдита умоляла его не идти далѣе, убѣждала, что видъ такъ же хорошъ съ того пункта, какого они достигли, какъ и съ вершины, но онъ заупрямился и, отдохнувъ минутъ пять, далъ пятифранковую монету вѣжливому башмачнику; оставивъ его въ восторгѣ отъ щедраго вознагражденія, онъ прошелъ нѣсколько остальныхъ сажень, остававшихся до пыльной маленькой террасы, гдѣ группа шумныхъ нѣмцевъ и другая группа такихъ же шумныхъ американцевъ восторгались раскидывавшейся передъ ними панорамой.

Джерардъ, задыхаясь, опустился на грубую деревянную скамейку, и Эдита молча усѣлась около него, держа его руку—холодную и влажную.

Смертельный холодъ охватилъ ея сердце въ то время, какъ она сидѣла такимъ образомъ рука въ руку съ человѣкомъ, съ которымъ такъ скоро должна была соединить свою судьбу. Такой же неопредѣленный ужасъ охватилъ ее два дня тому назадъ, когда она взглянула въ лицо своему возлюбленному при яркомъ свѣтѣ дня и увидѣла страшные слѣды болѣзни—явный отпечатокъ смерти...

А. Э.

НАША КОЛОНИЗАЦІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ

РУССКІЕ ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ голодный 1891 годъ, несмотря на всѣ запреты и преграды переселенческая волна направилась въ наши средне-азіатскія владѣнія, и число русскихъ поселенцевъ въ Туркестанѣ, въ теченіе только этого года, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. До конца 1888 г. въ край было поселено всего 1.006 сем. (4.996 д.), но въ осени 1891 г. прибыло разомъ еще 1.297 сем. (6.564 д.), и вся эта масса нахлынула прямо въ Ташкентъ, около котораго, на обширномъ полѣ, предназначенномъ въ обыкновенное время для военныхъ ученій, она и расположилась огромнымъ лагеремъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ въ числѣ переселенцевъ рѣшительно преобладали жители воронежской губерніи и Земли войска донскаго, хотя были астраханцы, оренбургцы, тамбовцы и всякіе другіе люди.

Такой внезапный и неожиданный, со стороны Оренбурга, приливъ русскихъ переселенцевъ, мужественно преодолевшихъ степь въ двѣ тысячи верстъ и подошедшихъ прямо къ Ташкенту, поставилъ мѣстную администрацію въ величайшее затрудненіе. Съ тѣхъ поръ какъ началась колонизація края русскими выходцами, еще ни разу не прибывало въ теченіе года болѣе 300—400 семействъ, и уже вошло въ обычный порядокъ — большаго наплыва поселенцевъ не ждать и ежегодно готовить земли именно на такое число новоселовъ. И вдругъ прибываетъ разомъ

масса, превышающая вчетверо обыкновенную пропорцію, а земля приготовленныхъ нѣтъ, да и самое приготовленіе ихъ годъ отъ году, какъ будетъ видно ниже, становится все труднѣе. Благодаря, однако, энергіи и необыкновенно доброжелательному отношенію, съ которымъ, вотъ уже десять лѣтъ, мѣстная администрація относится къ переселенческому дѣлу, успѣли справиться съ дѣломъ, и осенью же 1891 года наскоро устроили семь поселковъ (5—въ чимкентскомъ, 1—въ аулізатинскомъ и 1—въ тапшентскомъ уѣздѣ), гдѣ размѣстили четвертую часть всѣхъ переселенцевъ (304 семьи въ 1.431 душу); для 200 семей также скоро была найдена земля и начато поселеніе; 200 семей временно расположились въ мѣстныхъ кавармахъ и баракахъ туркестанскихъ войскъ; много семействъ расселилось также временно по существующимъ уже поселкамъ, или, какъ говорится, приселились къ своимъ землякамъ; до 600 душъ нашли работу на оросительныхъ канавахъ, сооружаемыхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, и, такимъ образомъ, осень и зима 1891 года были благополучно пережиты, а къ 1-му мая 1892 г. было уже окончательно усажено по поселкамъ болѣе 4.000 душъ; многие, перезимовавъ, или возвратились обратно, или пошли далѣе, въ Семирѣчье.

Необычайный приливъ поселенцевъ въ 1891 году составилъ начало новой эпохи въ исторіи заселенія Туркестана русскими поселками. До этого года это заселеніе шло весьма медленно, можетъ быть даже гораздо медленнѣе, чѣмъ это было желательно во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Правительство никакой инициативы въ этомъ дѣлѣ на себя не принимало, самого переселенія не вызывало и не поощряло, а только, такъ сказать, терпѣло и, не ранѣе какъ съ 1887 года, стало жертвовать на нужды поселенцевъ незначительныя такъ называемыя остаточныя суммы, да и то по усиленнымъ ходатайствамъ высшей власти въ краѣ. Между тѣмъ переселенцы все шли да шли, и хоть и жиденькая, но все-таки цѣлая цѣпь русскихъ поселковъ образовалась отъ Ташкента къ границамъ Семирѣчья, на сѣверо-востокъ, и вокругъ самаго Ташкента, расширяясь кольцомъ къ Ферганѣ и Самарканду.

Въ настоящее время въ Туркестанѣ уже поселено болѣе 12 тысячъ душъ выходцевъ изъ великороссійскихъ губерній; приливъ переселенцевъ и въ нынѣшнемъ году уже начался, а потому интересно ознакомиться съ недолгой исторіей переселенческаго движенія въ Туркестанѣ и поразмыслить надъ будущей судьбой этого важнаго дѣла... Недавніе факты свидѣтельствуютъ наглядно, что

одинъ изъ переселенческихъ потоковъ систематически, ежегодно, направляется въ наши средне-азіатскія владѣнія и въ своемъ стремленіи способенъ расширяться иногда до неожиданныхъ размѣровъ, подъ вліяніемъ хотя бы такихъ двигателей, какъ нужда и неурожай, какъ это и было въ 1891 году. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ: достаточно ли въ край свободныхъ и удобныхъ для переселенцевъ земель; какъ поселки устроиваются въ Туркестанѣ, и какъ переселенцы осваиваются съ новыми для нихъ климатическими и хозяйственными условіями?

Имѣвъ случай ознакомиться на мѣстѣ съ ходомъ и устройствомъ русскихъ поселеній въ Туркестанѣ, я предлагаю вниманію читателя нижепомѣщаемый очеркъ.

Достаточно ли свободныхъ и удобныхъ мѣстъ въ Туркестанѣ для устройства русскихъ поселковъ? Вотъ первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію, и конечно, если только признать принципиально пользу и необходимость колонизаціи края русскимъ элементомъ, то вопросъ этотъ является первостепеннымъ по своему значенію и важности. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ли въ Туркестанѣ свободной и удобной земли для устройства русскихъ поселковъ? Если взглянуть на карту Туркестанскаго края, то, по первому впечатлѣнію, вопросъ такой покажется, что называется, неумѣстнымъ и празднымъ. — Очевидно, что тамъ совершенно достаточно свободныхъ земель для милліоновъ людей, подумаетъ всякій, только бросивъ взглядъ на карту. Если въ этому добавить, что по официальнымъ свѣденіямъ въ Туркестанѣ считается 104 м. кв. дес. земли, изъ коихъ около милліона находится подъ земледѣльческой культурой, около милліона занято кочевьями, а остальные 102 милліона, что называется, свободны, то вопросъ, достаточно ли свободныхъ земель для поселенія — покажется даже сугубо празднымъ и неумѣстнымъ. На самомъ же дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Не говоря уже про необозримыя пространства песковъ сыпучихъ, летучихъ, движущихся и неподвижныхъ, которыми такъ изобилуетъ край, не считая также необозримыхъ солончаковыхъ равнинъ, равнымъ образомъ непригодныхъ для земледѣлія (песковъ-солончаковъ считается около 40 м. дес.), все остальное пространство, прорѣзываемое такими двумя могучими водными артеріями, какъ рѣки Сыръ- и Аму-Дарья, исключая, разумѣется, мѣстъ уже культивированныхъ или занятыхъ поселеніями, могутъ ли считаться свободными? Извѣстно, что законъ (ст. 424, т. X, ч. I) подъ свободными землями разумѣетъ земли никому въ осо-

бенности не принадлежащія, и, слѣдовательно, естественно возникаетъ вопросъ: принадлежать ли эти милліоны десятинъ кому-либо въ особенности, или не принадлежать? На этотъ вопросъ гораздо труднѣе отвѣтить, нежели то можетъ показаться съ перваго взгляда. Какъ, повидимому, ни легко, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разъясняется вопросъ, принадлежитъ ли данная земля кому-либо, или она свободна, но эта легкость только кажущаяся, какъ скоро вопросъ коснется земельныхъ пространствъ, занятыхъ кочевниками. Прежде всего тутъ вопросъ о собственности совершенно устраняется, и на его мѣсто является вопросъ о пользованіи — и притомъ не о простомъ пользованіи, ограниченномъ извѣстнымъ временемъ, а о пользованіи безконечномъ, пользованіи вѣчномъ, ничѣмъ, по внѣшности, не отличающемся отъ собственности. Дѣйствительно, собственности тамъ ни у кого и нѣтъ, но зато у всѣхъ есть только — что указанное право вѣчнаго пользованія, и притомъ пользованія не опредѣленнымъ какимъ-либо пространствомъ, а всей незаселенной и необработанной землей. Въ самомъ дѣлѣ всѣ земли, гдѣ только кочуютъ, *никому изъ особенностей не принадлежатъ*, но онѣ находятся въ вѣчномъ пользованіи или, вѣрнѣе, *принадлежатъ* всему кочевому населенію, и отсутствіе на эти земли *права собственности* представляется не чѣмъ инымъ, какъ чистѣйшей фикціей, такъ какъ въ дѣйствительности земли эти просто принадлежатъ кочевымъ народамъ. Одни уже безконечныя передвиженія кочевниковъ — съ „зимовокъ“ на „лѣтówki“ и обратно, съ лѣтówek на зимовки, — передвиженія, совершаемыя безъ дорогъ, напрямикъ, по долинамъ, пескамъ и равнинамъ, устраняютъ всякую возможность установленія чьихъ-либо правъ собственности на землю, хотя все-таки не дѣлаютъ земли этой свободной и никому непринадлежащей. И понятно, что еслибы кто-нибудь вздумалъ, на пути этого движенія, проявить на какой-либо ключокъ земли исключительное право собственности, т.-е. сдѣлать тамъ какой-либо посѣвъ или вообще завести земледѣльческое хозяйство, то и посѣвы, и хозяйство, были бы безжалостно уничтожены стадами, вразбродъ пасущимися во время передвиженія. Такова организація кочевого быта, таковы условія степного скотоводства, и пока быть этотъ не уничтоженъ временемъ и цивилизаціей, право земельной собственности въ степяхъ можетъ проявляться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Довольно сказать, что всякій киргизъ, для прокормленія своего стада, долженъ сдѣлать въ теченіе лѣта отъ 700 до 1.000 верстъ, разыскивая свободные корма, и изъ этого уже видно, что кочеваніе, во-первыхъ, всегда будетъ препятство-

вать установленію прочной земельной собственности, а во-вторыхъ, что кочеваніе есть трудъ и трудъ большой.

По существующимъ взглядамъ, въ разныхъ канцеляріяхъ преимущественно, кочеваніе часто считается только особымъ видомъ бездѣлья и результатомъ лѣнности и апатіи кочующихъ народовъ. Нѣкоторые рѣшительные люди, изъ административнаго лагеря, пожалуй даже не прочь признать, что киргизъ кочуетъ только потому, что просто не хочетъ нести тяжелую лямку земледѣльца, и эти рѣшительные люди готовы — было бы только одобреніе свыше — принять немедленно мѣры къ прекращенію кочеванія. Эти бумажные дѣльцы разсуждаютъ, что киргизы не всегда же кочевали, что когда-то прежде они сотни лѣтъ существовали въ осѣдломъ состояніи, и потому стоитъ только хорошенько приказать — и киргизы осѣдлутъ вновь и опять возьмутся за соху, переставъ бродить по степямъ съ своими стадами. По счастью, такого приказанія свыше не послѣдовало и, вѣроятно, не послѣдуетъ, и канцелярское самоиѣніе маленькихъ администраторовъ не принесетъ обычнаго зла. Всѣ лица, стоявшія у власти, понимали, что подобныхъ переворотовъ безнаказанно совершать нельзя — и пока кочевникъ оставленъ въ покоѣ. До сихъ поръ высшія власти признавали, что жизнь, благосостояніе и все благополучіе кочевника стоятъ въ зависимости отъ благополучія его скотоводства, и что потому никакихъ насильственныхъ мѣръ ни къ прекращенію, ни къ сокращенію кочеванія предпринимать нельзя. Кочевникъ живетъ около скота, для скота и существуетъ только скотомъ. Податная его исправность, благополучіе личное, семейное и общественное, все это держится на скотоводствѣ; а насколько кочевникъ поглощенъ заботами о своемъ скотѣ, лучше всего свидѣтельствуется хотя бы то, что при встрѣчѣ киргизъ, привѣтствуя сородича и справляясь объ его домашнемъ благополучіи, всегда ставитъ вопросы въ такомъ порядкѣ: — Благополученъ ли твой скотъ? Благополучна ли твоя семья? Благополучна ли твоя душа? (Маджанъ, балашганъ, аманба?)

Итакъ, вопросъ о достаточности свободной для поселковъ земли сводится къ тому, что земли свободной, т.-е. никому въ особенности не принадлежащей, хотя и очень много, но вся эта земля находится въ постоянномъ пользованіи кочевниковъ, и потому свободной земли въ дѣйствительности нѣтъ, и ее можно найти только отнявъ у кочевниковъ, т.-е. стѣснивъ ихъ кочеванье.

Какъ трудно это сдѣлать на самомъ дѣлѣ, это будетъ видно ниже, а теперь мы можемъ только сказать, что съ 1884 года,

Когда стали готовить земли для русскихъ переселенцевъ и намѣтили для сего тридцать отдѣльныхъ пунктовъ, то оказалось, что вездѣ эта земля находится въ чьемъ-либо пользованіи, и потому ее приходилось получить не иначе, какъ съ боя, а теперь, когда переселенцы хлынули въ Туркестанъ массой, вопросъ этотъ обостряется еще болѣе. Очевидно, что при начавшемся массовомъ переселеніи въ край прежняя система вымежеванія клочковъ земли, отнятыхъ у кочевниковъ, должна уже быть совершенно оставлена, и слѣдуетъ приступить къ устройству поселеній или на новыхъ ирригаціонныхъ каналахъ, разработанныхъ средствами правительства, или хотя на каналахъ уже существующихъ, но послѣ необходимаго ихъ расширенія и удлинненія, или, иными словами, послѣ усиленія ихъ оросительной способности.

Вопросъ о томъ, что русскія поселенія должны быть устраиваемы не иначе, какъ на земляхъ, обезпеченныхъ ирригаціонной водой, мы считаемъ совершенно безспорнымъ и полагаемъ, что ни поселенія на богарныхъ земляхъ (орошаемыхъ только дождями), ни поселенія на такъ называемыхъ мокрыхъ земляхъ (т.-е. близъ рѣкъ на бывшихъ камышевыхъ заросляхъ) рѣшительно не должны быть допускаемы.

Гдѣ находятся тѣ земли, которыя требуется оросить вновь, и гдѣ ирригаціонныя системы, способныя къ расширенію своего оросительнаго района,—объ этомъ свѣденія частью уже собраны, частью собираются, и здѣсь нѣтъ надобности заниматься перечисленіемъ этихъ земель и этихъ системъ. Достаточно сказать, что этихъ земель очень и очень много, и что многія изъ существующихъ канавъ могутъ быть легко усилены массой свободной воды, уносимой пока бесполезно въ Аральское море и столь же бесполезно испаряющейся въ пространствѣ. Только въ двухъ наиболѣе культурныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области—ташкентскомъ и чимкентскомъ—считаемыхъ наиболѣе густо заселенными, можно въ разныхъ мѣстахъ утилизировать (конечно, съ денежными затратами на устройство орошенія) не менѣе 350 т. дес. земли (т.-е. на 35 т. семействъ поселенцевъ), и независимо отъ того найдется еще на арыкѣ Дальверзинъ (ташкентскаго уѣзда) до 20 т. дес. (т.-е. для 2.000 семействъ), на арыкѣ Искандеръ до 10 т. дес. (т.-е. для 1.000 семействъ), и на Бухара-арыкѣ до 120 т. дес. (т.-е. для 12 т. семействъ), или всего на 50 т. семействъ, т.-е. не менѣе какъ на 200 т. душъ. Къ этому нужно только добавить то, что собственно о массѣ свободно текущихъ, никому не принадлежащихъ водъ Туркестанскаго края извѣстно всѣмъ побывавшимъ въ край. Всѣ это знаютъ, ибо всѣ видятъ,

какъ эти воды текутъ и свободно, и бесполезно для страны; но гдѣ находятся тѣ свободныя государственныя земли, которыя могутъ быть орошены этими водами, этого пока не знаютъ и, съ завоеванія края, въ теченіе первыхъ двадцати пяти лѣтъ владѣнія этой благодатной страной, выяснить, гдѣ находятся эти земли — не успѣли. Съ 1887 года приступили наконецъ къ разысканію этихъ земель, но, какъ уже извѣстно, разрѣшеніе повземельнаго вопроса подвигается въ Туркестанѣ болѣе чѣмъ медленно, и если создаваемыя, вотъ уже полтора года (съ сентября 1890 года), вольно или невольно по этому вопросу недоразумѣнія и затрудненія, о которыхъ мы уже говорили ранѣе („Вѣстн. Европы“, № 6), не прекратятся или, вѣрнѣе, не будутъ прекращены, то выясненіе количества и мѣста нахожденія свободныхъ государственныхъ земель затормазится еще на долгіе годы, а съ нимъ затормазится и вопросъ о русской колонизаціи и много другихъ мѣстныхъ вопросовъ.

Какъ организуются въ Туркестанѣ русскіе поселки и какъ переселенцы осваиваются съ мѣстными условіями, на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ нижеслѣдующій очеркъ.

Всѣ русскіе поселки въ Туркестанѣ расположены въ Сыр-Дарьинской области. Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Объ этихъ поселкахъ или вовсе не встрѣчается никакихъ свѣдѣній въ печати, или же попадаются отрывочныя слухи, дошедшіе до какого-нибудь любознательнаго проѣзжающаго, который, въ свою очередь, считъ своимъ долгомъ по-дѣлиться этими, болѣею частью довольно-таки диковинными, слухами съ любознательнымъ читателемъ... Извѣстно, что какъ только дѣло коснется переселенцевъ, то болѣе всего туристы пишутъ о невообразимо жалкомъ ихъ положеніи, упрекаютъ ихъ въ бродяжничествѣ и наклонности къ постоянной перемѣнѣ мѣстъ, верѣдко не щадя красокъ, рисуютъ ихъ тунейство, лѣнь и бездѣлье и особенно ехидно корятъ ихъ за любовь къ полученію отъ начальства денежныхъ пособій... Нѣкоторымъ корреспондентамъ такъ даже и все дѣло представляется въ такомъ видѣ, что переселенцы, соблазнившись предстоящимъ полученіемъ денегъ отъ казны, снялись съ мѣста, поклонились въ послѣдній разъ могиламъ отцовъ и дѣдовъ, перекрестились на церковь и пошли за „способіемъ“, измышляя для многократнаго его полученія разныя коварства.

Въ 1888 и 1890 годахъ я имѣлъ случай объѣхать всѣ рус-

скіе поселки въ Сыръ-Дарьинской области и хочу рассказать, что я тамъ видѣлъ и узналъ...

Но прежде всего да позволено мнѣ будетъ сказать только нѣсколько словъ объ организаціи переселенческаго дѣла въ Туркестанѣ... Собственно говоря, никакой закономъ установленной и предусмотрѣнной организаціи тамъ нѣтъ и до сихъ поръ, и самое переселенческое движеніе, начавшееся не болѣе 16—17 лѣтъ назадъ, и организація русскихъ поселковъ, всецѣло зависѣли отъ усмотрѣнія и большаго или меньшаго доброжелательства мѣстнаго начальства... При рѣшеніи, въ 1889 году, общаго вопроса о переселенцахъ, о Туркестанѣ какъ-то забыли, и, видимо, не предполагалось, чтобы переселенцы направились между прочимъ и туда. Да и откуда они туда могли направиться?.. Отъ Оренбурга до Ташкента 2.000 верстъ степи и песковъ; отъ Астрахани и того болѣе; съ Кавказа, черезъ Узунъ-Ада и Михайловскій заливъ, полторы тысячи верстъ песковъ, опять степи и никакой дороги; изъ южной Сибири, отъ Акмолинской, Тургайской или Уральской областей—опять двѣ тысячи верстъ песку и степи, и только развѣ со стороны восточной Сибири, т.-е. уже въ обходъ, кругомъ, могли еще появиться переселенцы, попытавшіе счастья въ Сибири и не нашедшіе тамъ его; но это уже не настоящіе переселенцы. Даже „Положеніе объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“ (1886 г.), впервые устроивавшее край во всѣхъ отношеніяхъ (финансовомъ, податномъ, судебномъ, административномъ), ничего о переселенцахъ не упоминаетъ, никакихъ выходцевъ изъ внутренней Россіи не ждетъ и скромно разсчитываетъ, если Богъ дастъ, понемногу колонизовать край не крестьянами, а запасными и отставными солдатами, окончившими тамъ службу и не пожелавшими возвратиться на родину. Такимъ желающимъ „Положеніе“ предлагаетъ 10—20 десятинъ земли и сторублевое пособіе, а о переселенцахъ—ни слова.

На дѣлѣ, однако, оказалось, что солдатъ, охотниковъ оканчивать жизнь въ Туркестанѣ, явилось очень мало; зато появились, и притомъ съ запада, т.-е. именно съ той стороны, откуда ихъ не ожидали, со стороны Оренбурга, а потомъ и со стороны Узунъ-Ада, великороссійскіе искатели тѣхъ „новыхъ мѣстовъ“ съ хорошими урожаями и обильными покосами, о которыхъ идутъ розсказы въ глубинѣ малоземельныхъ губерній съ крохотными надѣлами,—и разъ такіе поселенцы явились, туркестанскія власти, волей-неволей должны были принять мѣры къ организаціи поселеній на болѣе или менѣе правильныхъ началахъ. Этихъ мѣръ было принято, впрочемъ, очень немного... Первѣйшей мѣрой и

первымъ правиломъ было постановлено, чтобы переселенцевъ непременно селить на мѣстахъ безусловно свободныхъ и обезпеченныхъ водою не только для домашняго употребленія, но и для посѣвовъ, т.-е. водою ирригаціонною. Вторымъ правиломъ было установлено, чтобы селились на мѣстахъ указанныхъ и намѣченныхъ (но свободный выборъ пунктовъ для поселеній изъ числа предназначенныхъ всегда предоставлялся), а не на мѣстахъ самовольно избранныхъ, и въ особенности не позволялось осѣдать на богарѣ, т.-е. гдѣ разсчитывается только на дождевое орошеніе. Третье правило требовало не допускать въ русскихъ поселкахъ кабаковъ, что больше могло огорчать, особенно на первое время, не столько самихъ поселенцевъ, сколько акцизное вѣдомство, но было истинно благотѣльно для поселенцевъ. Четвертое правило заключалось въ томъ, чтобы давать денежное пособіе, только тѣмъ, которые проявили дѣйствительное намѣреніе поселиться на указанномъ мѣстѣ, т.-е. построили или начали строить домъ, и непременно явились съ семьей, т.-е. выдавалось пособіе такъ сказать, заслуженное, — и послѣднее правило устанавливало обязательное устройство школы и молитвеннаго дома, какъ только являлась къ тому возможность, а по достиженіи селеніемъ ста дворовъ, всемѣрно ходатайствовало о постройкѣ училища и церкви. Затѣмъ принято было за правило никакихъ самовольныхъ поселковъ не допускать, перемѣщенія изъ селенія въ селеніе по возможности возбранять, но первоначальное избраніе мѣста всегда предоставлялось самимъ переселенцамъ. Земли давалось по 10—20 десятинъ на семью.

Вотъ въ этомъ и состояла вся организація туркестанскихъ поселеній ¹⁾. Приѣхавъ въ край въ 1885 году, я засталъ всего четыре поселка и одну русскую пригородную (близъ Ташкента) слободу; передъ отъѣздомъ изъ края, спустя пять лѣтъ, я уже видѣлъ совершенно сформированныхъ 18 поселковъ. Изъ нихъ самому старшему было 16 лѣтъ, а самому юному было всего нѣсколько дней. Въ настоящее время число ихъ уже доходитъ до сорока.

Первый разъ я подробно осмотрѣлъ поселки лѣтомъ 1888 года. 2-го іюня, въ день Вознесенія, я поѣхалъ въ с. Покровское, на р. Таласѣ, въ 30 верстахъ отъ г. Аулія-ата, около 300 верстъ отъ Ташкента. По случаю праздничнаго дня на улицѣ пестрѣли красныя рубахи и желтые сарафаны; при яркомъ южномъ солнцѣ,

¹⁾ Наибольшая заслуга въ организаціи русскихъ поселковъ въ Сирь-Дарьинской области принадлежитъ мѣстному губернатору, генералъ-лейтенанту Н. И. Гродекову.

пестрые бучки молодыхъ мужчинъ и женщинъ двигались по улицамъ; пожилые и старики сидѣли на завалинкахъ; подсолнухи были во всѣхъ пригоршняхъ. Картина была совсѣмъ русская, съ тою лишь разницею, что не встрѣчалось пьяныхъ и не было кабака. Обойдя всѣ дворы, осмотрѣвъ всѣ хозяйства, особенно вновь поселившихся крестьянъ, поговоривъ и со старыми, и съ молодыми, я убѣдился, что Покровское, возникшее въ 1882 году, и слѣдовательно считавшее себя только шестой годъ, вполне уже сформировалось. Всѣ восемьдесятъ надѣловъ были заняты (даже два семейства были лишние). Покровцы такъ успѣли за 6 лѣтъ окрѣпнуть въ хозяйственномъ отношеніи, что уже начали строить школу на собственные средства и, доставивъ матеріалъ (лѣсъ, глину, песокъ, камень), сдали постройку подрядчику-сарту.

Посѣвы въ томъ году были сдѣланы рѣшительно всѣми, и притомъ не только для своихъ надобностей, но отчасти съ промышленно-торговою цѣлью. Именно въ этомъ году было посѣяно овса гораздо болѣе, чѣмъ самимъ покровцамъ было нужно, что было сдѣлано въ расчетѣ на сбытъ на почтовый трактъ отъ Ауліэ-ата въ Семирѣчью. Продажей овса, а также пшеницы, покровцы занимались уже четвертый годъ, и въ 1887 году было выручено только за овесъ отъ 10 до 280 рублей на семью.

Еще въ Ташкентѣ поговаривали о неудачно выбранномъ для этого поселенія мѣстѣ и предсказывали развитіе тамъ лихорадокъ и другихъ болѣзней. Дѣйствительно, часть селенія расположена въ низинѣ, съ близкой подпочвенной водой, но больныхъ въ деревнѣ совсѣмъ не было, и народъ встрѣчался все бодрый и веселый. Хотя покровцы въ разговорѣ какъ бы жаловались на недостатокъ у нихъ выгона и просили отрѣзать имъ еще одинъ „уголокъ“ въ сто десятинъ, будто бы крайне необходимый для пастбы скота, но потомъ оказалось, что никакого у нихъ недостатка нѣтъ, и они только еще *опасаются*, какъ бы со временемъ не обнаружился этотъ недостатокъ, въ виду того, что скотоводство у нихъ расширяется годъ отъ году.

Съ сосѣдними киргизами покровцы, какъ я узналъ, слегка ссорятся за то, что киргизы оставляютъ свой скотъ безъ призора, и онъ заходитъ на покровскія поля, но большихъ недоразумѣній нѣтъ; даже съ киргизами „тамырствуютъ“ (дружатъ), и болѣе 300 покровскихъ овецъ бесплатно, „по тамырству“ (по дружбѣ), паслось въ томъ году на киргизскихъ земляхъ.

Въ селеніи имѣлись уже всѣ необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ мастерства; былъ колесникъ, кузнецъ, телѣжникъ. Всѣ бабы, за немногими исключеніями, ткали полотна, а два посе-

ленца работали даже простыя сукна, и съ этою цѣлью и эти два, и всѣ покровцы—стали усиливать свое овцеводство.

Въ школѣ, помѣщающейся пока въ одной изъ избъ, занятій, по случаю лѣтнаго времени, не было, но собравшіеся мальчуганы и дѣвочки (человѣкъ 30) охотно показали свои познанія въ чтеніи (только по-славянски, русскихъ книгъ не оказалось) и пѣніи.

Покровцы очень охотно ѣздятъ въ *городъ*, т.-е. въ Аудіа-ата. ѣздятъ то прямыми черезъ р. Таласъ (около 30 верстъ), то горами, гдѣ много подъемовъ и спусковъ, довольно порядочно разработанныхъ. Горами ѣздятъ только когда Таласъ разбухнетъ послѣ дожда, или начнется обычная прибыль воды съ марта по іюль. Въ городъ покровцы ѣздятъ для сбыта своихъ произведеній, необходимыхъ покупокъ, но преимущественно въ церковь.

По внѣшности селеніе это очень благоустроенное, дома чистенькіе, глинобитные, на манеръ малороссійскихъ хатъ, но съ русскими покатыми соломенными крышами; главная улица прямая, очень широкая, дворы очень большіе, и во внѣшности ихъ можно было замѣтить только одинъ изъянъ: многіе дворы не огорожены. Прежде не огораживали потому, что глиняными заборами огораживать еще не привыкли, а для плетней не было матеріалу; но потомъ, когда развели свой таль (ивнякъ, верба), то стали дѣлать плетни и плетенныя хозяйственныя постройки, но огородились еще не всѣ, и потому дворы какъ бы сливаются.

Бывшій въ Покровскомъ въ 1887 году падежъ рогатаго скота почти не разстроилъ ихъ хозяйства. Несмотря на этотъ падежъ, всѣ произвели запашки, даже расширили ихъ и, по хорошему всходу травъ и хлѣбовъ, рассчитывали на урожай и выгодный сбытъ овса и пшеницы. Отсутствіе кабака много способствовало быстрому и мирному развитію поселка, и хотя наѣзжающіе въ городъ поселане никогда не забываютъ захватить оттуда водки, но „не болѣе какъ по бутылкѣ“,—увѣряли они меня,—*потому что нельзя же!* Зимой покровцы сидятъ въ снѣгу, слушаютъ, какъ мятель и вѣтеръ свирѣпствуютъ по Таласскому ущелью, и воюютъ съ волками, которые лѣзутъ прямо во дворъ, такъ что многіе заведи уже себѣ ружья, а другіе просили отпустить и ружья, и порохъ—изъ казны.

Почти всѣ покровцы пришли изъ воронежской губерніи.

На другой день на покровскихъ лошадяхъ я поѣхалъ далѣе внизъ по Таласу въ село Дмитріевское, самое отдаленное отъ всѣхъ административныхъ центровъ и отъ почтовой дороги. Дмитріевское заложено еще въ 1877 году, но до 1885 г. въ селеніи было всего 15 дворовъ; въ концѣ же 1887 года ихъ уже было

110. Тамъ почти всѣ поселенцы — изъ острогожскаго уѣзда воронежской губ. Въ 1888 году число дворовъ тамъ опять уменьшилось, и ихъ было всего 84. Семнадцать семействъ отлучилось, подѣ предлогомъ „заработковъ“, въ Семирѣчье, но такъ какъ никто изъ отлучившихся не посѣлся, а нѣкоторые продали свои дома, то всѣхъ отлучившихся считаютъ совсѣмъ выбывшими изъ селенія. Въ томъ же году выбыла семья нѣкоего Степана Величка, съ сыновьями, внуками, правнуками, всего шесть дворовъ. Величко со всѣмъ своимъ потомствомъ ушелъ изъ Дмитріевскаго и поселился въ новомъ поселѣіи Ясь-Кичу, на почтовой дорогѣ въ томъ же уѣздѣ, увѣряя, что въ Дмитровскомъ *скучно* и нѣтъ сбыта хлѣба, потому что далеко до города. Эта отдаленность составляетъ главный и, кажется, единственный пунктъ недовольства дмитровцевъ. По неимѣнію или, скорѣе, по трудности сбыта, они мало сѣютъ овса и больше, какъ они говорятъ, „занимаются пшеницей“, потому что киргизы овса вовсе не знаютъ и не покупаютъ (кормятъ лошадей ячменемъ), а везти овесъ въ Ауліз-ата далеко. Впрочемъ, каждый дворъ посѣялъ въ 1888 году овса и всякаго иного хлѣба по 4—6 десятинъ (2—3 батмана). Пшеницу свою дмитровцы мѣняють у киргизъ на барановъ; овесъ везутъ въ Ауліз-ата. Несмотря на бывшій и тамъ въ 1887 году падежъ скота, въ Дмитровскомъ приходилось на каждый дворъ по три рогатой скотины, по три лошади и по нѣскольку барановъ. У нѣкоторыхъ было уже по 100 барановъ.

По внѣшности Дмитровское еще благоустроениѣе, чѣмъ Покровское. Дворы почти всѣ огорожены; клѣти, сарай, амбары — въ порядкѣ; вокругъ домовъ хорошая тѣнь отъ деревьевъ собственной посадки. Народъ красивый, здоровый, довольный. Каждый годъ свадьбы; дѣвки и парни все свои, и искать неvěсть на сторонѣ почти не приходится. Среди селенія построено казною хорошее кирпичное зданіе — училище, которое служить мѣстомъ общественной молитвы. Земли у поселка очень много, — хотя дмитровцы увѣряють „что еще бы надоть хоть малость прибавить“ — и всѣ огорченія дмитровцевъ сводятся къ двумъ пунктамъ: *скучно* — потому что далеко отъ города и негдѣ заработать „копѣйку“, все потому же, что городъ далеко, а у киргизъ денегъ мало, и промѣнъ идетъ на скоть. Въ Покровское, впрочемъ, ѣздить дмитровцы очень охотно, хотя оно отъ нихъ не менѣе 35 верстъ.

Гораздо ближе къ нимъ четыре менонитскихъ поселка ¹⁾, но,

¹⁾ Большая часть менонитовъ — выходцы изъ мариупольскаго уѣзда, откуда переселились, избѣгая воинской повинности. Въ четырехъ поселкахъ живетъ 100 се-

полюбопытствовавъ заѣхать къ этимъ сосѣдямъ (6—7 верстъ отъ нихъ), дмитровцы убѣдились, что тамъ куда скучнѣе, чѣмъ у нихъ въ Дмитровскомъ. Постоянно серьезные, никогда не смѣющіеся и не улыбающіеся (кажется, даже въ младенческомъ возрастѣ), менониты навели на дмитровцевъ нѣчто въ родѣ паническаго страха. Ихъ рѣшительно феноменальное трудолюбіе,—ежедневно многократное собираніе въ церковь, куда они шествуютъ мѣрными шагами, ихъ старообразныя, даже у юныхъ дѣвицъ, лица, убійственная тишина и дисциплина, до крайности своеобразныя ихъ воззрѣнія на обиды (менониты никогда ни на кого не жалуются, никогда не требуютъ отнятаго у нихъ или украденнаго, никогда не обращаются въ судъ)—все это до крайности заинтересовало дмитровцевъ.

— И словно-то они неживые,—говорятъ про менонитовъ крестьяне:—обворуй ты его, всячески изобидь — ничего, какъ есть ничего не будетъ... И жаловаться не станетъ... Все добромъ да уговоромъ хотятъ сдѣлать. Диковина просто. А ужъ скучища у нихъ какъ есть оглашенная...

Какъ, однако, дмитровцамъ ни скучно, но собственно отъ скуки они все-таки никуда не бѣгутъ. Въ 1887 году въ Дмитровскомъ былъ также порядочный падежъ скота, а затѣмъ постигъ ихъ еще и дифтеритъ, — но и эти причины не повліяли на прочность селенія, а отдѣльныя переселенія были вызваны нѣкоторыми другими причинами. Такъ, одна семья переселилась въ Семирѣчье, въ с. Бѣловодское „чтобы быть ближе въ церкви“; шесть семей Величко ушли, какъ сказано, въ Ясъ-Кичу—чтобы быть на почтовой дорогѣ. Крестьянинъ Гончаровъ переселился за 90 верстъ въ Михайловское, потому что похоронилъ въ Дмитровскомъ шесть человѣкъ дѣтей, умершихъ отъ дифтерита.

Вообще Дмитровское совсѣмъ окрѣпло и окрѣпнетъ еще болѣе, потому что тамъ уже нынѣ построена церковь (въ 1891 году).

Между Покровскимъ и Дмитровскимъ, но только по другую сторону Таласа, расположено селеніе Александровское. Это былъ совсѣмъ новенькій поселокъ, когда я видѣлъ его въ іюнѣ 1888 г. Оно устроилось только осенью 1887 года, и лѣтомъ 1888 г. имѣло уже 54 двора. Когда я былъ тамъ, то болѣе половины поселенцевъ жили еще въ землянкахъ, въ которыхъ и перезимовали, — но всѣ безъ исключенія поселенцы завелись уже оgoro-

нействъ менонитовъ. Они прекрасно устроились на собственныя средства, а также на деньги (около 15 тыс. руб.), присланныя имъ изъ Америки родственниками-менонитами.

дами и, слѣдовательно, обезпечили себя хлѣбомъ и овощами. Въ Александровскомъ водворились также почти безъ исключенія выходцы изъ воронежской губерніи. Въ 1888 году у нихъ было засѣяно до 400 десятинъ разнаго хлѣба (200 пшеницы, 100 овса, 100 проса, льна, гороху и пр.); тогда же у нихъ было 70 штукъ рогатаго скота (30 рабочихъ быковъ), 30 лошадей, полуплеменной производитель-быкъ, добытый отъ менонитовъ ¹⁾. Кромѣ того было общее стадо барановъ въ 100 головъ. Пользуясь близостью Ауліз-ата (25 в.), александровцы придумали отхожій промыселъ, отправляя туда на осеннее и зимнее время парней и дѣвокъ на мойку шерсти, и хоть заработокъ тамъ небольшой, но все-таки это подспорье въ хозяйствѣ. Крестьянинъ Сопляковъ успѣлъ уже въ 1888 г. завести мельницу и маслобойню и занялся пчеловодствомъ, а крестьянинъ Ильченко затѣялъ-было постройку простой сукновальни, но умеръ.

Избранная для Александровскаго мѣстность очень живописна, обильна родниковою водою, закрыта отъ вѣтровъ и сообщается хорошей каменистой, а частью шоссированной дорогой съ Ауліз-ата, — куда александровцы частенько наѣзжаютъ. Школы въ Александровскомъ въ 1888 году еще не было устроено.

Покровское, Дмитровское и Александровское расположены на поливныхъ земляхъ и, слѣдовательно, вполне обезпечены отъ неурожаевъ и засухъ.

Верстахъ въ двадцати отъ Ауліз-ата, на почтовомъ трактѣ въ Семирѣчье, влѣво отъ дороги, избрано было въ 1887 году мѣсто для селенія въ 37 дворовъ. Мѣсто это было разбито на 37 надѣловъ, была проведена на казенный счетъ (120 руб.) оросительная канава, и въ томъ же году явилось двадцать семействъ изъ самарской и астраханской губерній, пожелавшихъ тамъ поселиться. Селеніе предполагали назвать Тоймакентъ (такъ называется ближайшій киргизскій аулъ). Но тутъ неожиданно вышла маленькая неудача. По какому-то недоразумѣнію поселенцы распахали подъ свои пашни не ту землю, которая была для этого предназначена, а другую, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея,—и, увидѣвъ, что земля „бѣлая“ (т.-е. солонцеватая), испугались, а такъ какъ это были очень достаточные люди, то, нимало не медля, они снялись съ мѣста и направились во внутреннюю Россію. Изъ 20 семействъ осталось всего два (всѣхъ пятнадцать душъ), которые не побоялись остаться, но перешли на

¹⁾ Менониты разводять хорошіи племенной скотъ и охотно снабжаютъ имъ сосѣдей.

дѣйствительно отведенную землю, тамъ посѣялись, завели огороды, и вмѣсто названія „Тоймакентъ“, ничего не говорящаго русскому уху, придумали назвать поселокъ Шаповаловкой, — по имени одного изъ семействъ, оставшихся тамъ на жительство. Оба хозяина зажили довольно мирно съ окружающими киргизами, но только просили снабдить ихъ двумя ружьями для охоты и „на всякій случай“.

Недалеко отъ Шаповаловки (6—7 верстъ) лежитъ старѣйшее въ краѣ русское поселеніе Михайловское (по туземному — Сарыкамаръ). Этому поселку исполнилось въ 1888 году 15 лѣтъ. Тамъ поселились почти исключительно выходцы астраханской губерніи, и выросло уже цѣлое поколѣніе, для котораго Михайловское — родина; первые же тамъ поселившіеся выходцы изъ Россіи уже состарѣлись и давно порвали всякія связи съ прежнимъ мѣстомъ. Михайловское совершенно устроено, имѣетъ школу, отличное поливное хозяйство, но вслѣдствіе близости къ Аулія-ата, — наполненнаго также русскими поселенцами изъ отставныхъ солдатъ и казаковъ, — заражено городскими привычками. Кабака вѣтъ и въ Михайловскомъ, и такъ какъ водку приходится ѣздить пить за 15 верстъ, то хоть большого пьянства тамъ и нѣтъ, но все-таки въ Михайловскомъ выпиваютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ и чѣмъ гдѣ-либо.

Отъ Аулія-ата далѣе, по дорогѣ въ Вѣрное (Семирѣчье), первый поселокъ на почтовой дорогѣ расположенъ въ 115 верстахъ отъ города, между станціями Тарты и Мунке. Поселокъ этотъ названъ по туземному „Каракистакъ“, но жители называли его „Каменка“. Въ немъ всего 19 дворовъ. Когда я былъ тамъ, то поселку всего было три мѣсяца (съ марта 1888 г.). Каменкой его называли потому, что всѣ поселенцы изъ села Каменки области Войска Донскаго. Поселенцы въ то время еще хорошенько не осмотрѣлись, но, придя ранней весной, всѣ уже посѣялись (отъ 1 до 4 десят. пшеницы и по $\frac{1}{2}$ десят. овса на дворъ), завели себѣ огороды и заявили начальству, что мѣсто имъ очень нравится. Въ іюнѣ они уже успѣли наготовить сѣна, по 40—50 копенъ на дворъ. Изъ 19 дворовъ — семнадцать частью построились совсѣмъ, частью приготовили весь матеріалъ для постройки. Пока я осматривалъ Каменку, пѣлъ хоръ пѣвчихъ и пѣлъ, можно сказать, вполнѣ тонко. По справкамъ оказалось, что хоръ состоялъ изъ семи Гладченкова (7 человекъ), бывшаго регента въ новочеркасскомъ соборѣ.

За Каменкой идетъ русскій поселокъ „Мерке“, передѣланный русскими, для удобства произношенія, въ „Нырки“. По-

селку этому было тогда всего три года; въ немъ 70 дворовъ, т.-е. столько, сколько сдѣлано надѣловъ, но мѣсто, избранное для этого поселка, такъ нравится проходящимъ переселенцамъ, что являются еще желающіе тамъ поселиться, но уже не оказывается болѣе свободныхъ надѣловъ. Осенью 1887 года въ Мерке были послѣднія 29 семействъ и, перезимовавъ въ землянкахъ, въ 1888 году всѣ уже построились, посѣялись и обезпечили себя хлѣбомъ. У всѣхъ былъ уже рабочій скотъ: быки или лошади. Въ селеніи была также школа и въ нее назначенъ казенный учитель. Быстрое заселеніе Мерке объясняется, кромѣ привольной мѣстности и роскошныхъ луговъ, еще и тѣмъ, что подъ бокомъ лежитъ большое сартовское селеніе, также Мерке, съ хорошимъ базаромъ, гдѣ идетъ сбытъ всякаго рода продуктовъ, и кромѣ того Мерке находится въ самомъ узлѣ дорогъ изъ Ферганы и Туркестана въ Семирѣчье.

Въ пяти верстахъ отъ Мерке, далѣе по дорогѣ въ Семирѣчье, лежитъ маленькое селеніе Кузьминка. Оно образовалось въ 1887 году. Поселокъ рассчитанъ на 30 дворовъ, но кузьминцы расселились тамъ въ числѣ 22 дворовъ и никого къ себѣ не хотѣли принимать, чтобы пользоваться всѣмъ отведеннымъ надѣломъ. Въ 1888 году кузьминцы также посѣялись, завели огороды, вообще были довольны и только просили о прибавкѣ сѣновоса. Окружающая мѣстность испоконъ вѣку густо заселена киргизами, но кузьминцы, какъ ихъ ни мало, объявили, что киргизъ держать въ „решпектѣ“ и немилосердно взимаютъ дань за потравы и „просто за то, что они всѣ воры“. Въ воровствѣ же не могутъ ихъ не подозрѣвать потому, что въ самое короткое время у нихъ пропало двѣ лошади и укрыть ихъ, кромѣ киргизъ, некому, — а спустя два года изъ всѣхъ приведенныхъ изъ внутренней Россіи битюговъ, числомъ семнадцать, осталась одна кобыла (14 лѣтъ), которую уже, для сохранности, запирали на ночь въ самую хату. Всѣхъ остальныхъ лошадей украли киргизы.

За Кузьминкой, также на почтовой дорогѣ, лежитъ с. Чалдаваръ, второе по старшинству селеніе. Оно существуетъ съ 1876 года и въ 1888 г. имѣло 84 двора. Это — первое селеніе по своей законченности и полному благоустройству. Селеніе это такъ уже разжилось, что въ 1887—1888 гг. населеніе поселка, по собственному желанію, поставило 200 слишкомъ тысячъ жженого кирпича для постройки церкви, которая уже теперь возведена и освящена. Широкая улица застроена хорошими домами (глинобитными, съ соломенными крышами). Въ 1888 году всѣ чалдаварцы посѣяли отъ 3 до 15 десятинъ пшеницы на семью,

и такъ какъ поливной воды на это количество посѣвовъ было недостаточно и сосѣднимъ киргизамъ не хватало на поливъ ихъ посѣвовъ, то изъ-за воды шла постоянная война. Чалдаварцы выѣзжали на водораздѣлъ толпой, съ дубьемъ, и силой заворачивали воду къ себѣ, — а киргизы, которые по своей многочисленности могли бы подавить чалдаварцевъ и разобрать весь ихъ поселокъ на щепы, предпочитали хитрость и отводили воду тайно, по ночамъ.

Въ Чалдаварѣ построено почти напротивъ церкви очень красивое училище, при которомъ имѣется казенный учитель, — словомъ, это красивѣйшее и благоустроенное селеніе и въ области, и въ краѣ.

Слѣдующее русское селеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя потовая станція до границы Семирѣчья называется Карабалты. Граница Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей проходитъ какъ разъ по срединѣ селенія. На половинѣ дороги въ Карабалты расположенъ послѣдній русскій поселокъ въ Сыръ-Дарьинской области — Николаевскій. Онъ возникъ въ 1885 году, и такъ какъ онъ приходится ровно на половинѣ пути между Чалдаваромъ и Карабалтами, то жители предпочитаютъ именовать его не Николаевскій, а „Половинкой“. Тамъ было въ 1888 г. всего 32 двора, по 20 десятинъ у каждаго (теперь уже 46 дворовъ). Онъ расположенъ совсѣмъ на ровномъ мѣстѣ. О своихъ сѣнокосахъ сами николаевцы говорятъ, что „лучшихъ и въ мірѣ не найти“. Сѣна у нихъ заготовлено на нѣсколько лѣтъ; хлѣба и овса было въ 1888 году посѣяно по 15 десятинъ на семейство. Дома свои они вывели покрупнѣе, насажали во дворахъ и палисадникахъ деревьевъ, дающихъ здѣсь уже на третій годъ хорошую тѣнь, и вообще такъ довольны, что даже не заявили никакихъ жалобъ.

Въ обратный путь изъ Ауліэ-ата въ Ташкентъ мнѣ пришлось увидѣть мѣста для небольшихъ поселковъ, тогда еще предполагаемыхъ, отведенныхъ для устройства на тѣхъ многочисленныхъ полянахъ, которыя должны были сдѣлаться свободными послѣ отобранія въ казну обширныхъ сѣнокосовъ, отданныхъ во временное пользованіе почтосодержателямъ ¹⁾. Это цѣлый рядъ мелкихъ поселковъ. Таковы поселки около станцій: Тарты, Мунке, Терсъ, Чавпакъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ поселенцы

¹⁾ Пространство этихъ сѣнокосовъ отъ 50 десятинъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 1.000 и 2.000 десятинъ, на которыхъ, кромѣ пастбищъ, имѣется саксаулъ и мелкія поросли. Такая щедрость въ предоставленіи казенной земли почтосодержателямъ всегда объяснялась преувеличенною трудностью содержать тракты безъ водобитыхъ воспособленій отъ казны.

уже начали садиться, напр. на Терсѣ, а около Чакпака, на мѣстности гористой и пересѣченной, въ 1889 году разомъ осыло цѣлое селеніе въ 60 дворовъ, названное Высокимъ. Тутъ и воды въ изобиліи, и сѣнокосы удивительные, и не только не жарко, а даже слишкомъ прохладно; но переселенцы долго обходили это мѣсто, боясь большихъ снѣговъ и мятелей. Окрестные киргизы, въ своихъ, разумѣется, интересахъ, очень поддерживали эти опасенія, но селеніе все-таки устроилось (въ 1889 году) и осыло совсѣмъ прочно.

Между Ауліз-ата и Чимкентомъ, также на почтовой дорогѣ, лежатъ два поселка: Ясѣ-Кичу и Машатъ, оба невдалекѣ отъ почтовыхъ станцій тѣхъ же названій. Въ Ясѣ-Кичу 22 двора, а въ Машатѣ—только 12. На большее число дворовъ не нашлось свободной земли, потому что всѣмъ завладѣли окрестные киргизы. Ясѣ-Кичу только-что устроивалось, когда я тамъ проѣзжалъ; въ пяти домахъ еще только выводились стѣны, но огороды и посѣвы уже сдѣланы были на каждый дворъ; сѣна, однако, уже успѣли накосить отъ 30 до 150 копенъ на дворъ. Здѣсь, между прочимъ, поселился перешедшій изъ Дмитровскаго („потому что тамъ негдѣ копѣйку добыть“) Степанъ Величко и привелъ сюда все свое потомство въ сорокъ душъ. Ясѣ-кичинцы также оказались очень довольны и мѣстомъ, и угодами. Кромѣ обширныхъ земельныхъ надѣловъ, имъ еще посчастливилось найти посторонній заработокъ на сосѣднихъ (20 верстъ) Татариновскихъ (нынѣ Агапѣевскихъ) каменноугольныхъ копяхъ. Тамъ взрослому работнику платятъ 15 руб. въ мѣсяцъ,—но постоянно работаютъ одни киргизы, русскіе же поселенцы приходятъ только осенью и зимой, а весной идутъ домой на полевые работы.

Съ одной бѣдой ясѣ-кичинцы не могли пока управиться: ихъ страшно одолѣвали воробы. Мнѣ показали нѣсколько хлѣбныхъ колосѣвъ, на которыхъ, что называется, не осталось ни одного зерна. Все малолѣтнее населеніе Ясѣ-Кичу, т.-е. мальчики и дѣвочки, заняты исключительно борьбой съ воробьями. Однако, ни провзительные крики ребятъ, ни трещотки, ни чучела, ни разореніе гнѣздъ (въ теченіе весны и лѣта до іюня разорено болѣе 1.000), не принесли толку, и поселенцы, видимо, были смущены такою напастью. Воробы плодятся въ неимоверномъ количествѣ, преимущественно на таловыхъ деревьяхъ, которыми обсажены всѣ окрестныя киргизскія глиняныя мазанки, и хотя ясѣ-кичинцы просили дать имъ казенныя ружья и порохъ для истребленія воробьевъ, но убѣждены, что пользы отъ того не бу-

детъ, пока киргизамъ также не прикажутъ разорать воробынныя гнѣзда и уничтожать этого зловреднаго врага посѣвовъ.

Въ 20 верстахъ отъ Ясъ-Кичу, ближе къ Ташкенту, расположенъ маленькій поселокъ Машатъ. Его еле-еле втиснули между киргизскими курганцами и сартовскими саклями, и едва нашли мѣсто для 12 дворовъ. Аборигены этой мѣстности очень-таки упорствовали въ уступкѣ и этого маленькаго клочка земли, хотя доказательствъ на нее никакихъ не имѣли, какъ и никто изъ туземцевъ ихъ не имѣетъ на тысячи верстъ въ окружности, но по обыкновенію претендовали на все окружающее пространство и препирались, пока власти ожидали добровольнаго соглашенія. Кончилось, разумеется, тѣмъ, что селенію было приказано быть тамъ, гдѣ оно есть, и всѣ претензіи успокоились. И киргизъ, и сартъ, въ желаніи властей кончать подобныя дѣла миролюбиво, не видятъ ничего кромѣ одной слабости, и ни на какія соглашенія добровольно не идутъ, но зато приказаніямъ подчиняются безпрекословно.

Машатцы также успѣшно посѣялись (по 4 десятины на дворъ), въ 1888 году завели также и огороды, накосили много сѣна и, въ общемъ, довольны, но, какъ и ясъ-кичинцы, страдаютъ отъ воробьевъ, хотя немного меньше и постоянно воюютъ съ этимъ чернатымъ хищникомъ. Въ постройкѣ машатскихъ избъ была мною замѣчена одна особенность: всѣ окна двустворчатые, т.-е. отворяющіяся, и вслѣдствіе этого избы вентилируются и провѣтриваются, между тѣмъ какъ почти во всѣхъ прочихъ поселкахъ рамы одностворчатые, вмазанныя наглухо въ стѣны, почему окна никогда не отворяются и въ избахъ неизмѣнно держатся тяжелый запахъ и спертый воздухъ. Одностворчатые же рамы предпочитаютъ поселенцами двустворчатымъ только потому, что онѣ наполовину дешевле.

Отъ Машата на слѣдующей станціи Манкентъ, она же Аксу или Бѣлая-воды, на берегу порядочной рѣчки, было уже давно распланировано мѣсто на 60 дворовъ, но поселенцы долго обходили это мѣсто, потому что имъ не нравится каменистая почва, и только въ 1890 году тамъ началъ образовываться русскій поселокъ. Теперь тамъ уже сорокъ дворовъ.

Мнѣ остается сказать еще о четырехъ поселкахъ ташкентскаго уѣзда. Старшій изъ нихъ по времени устройства расположенъ на почтовомъ пути въ Самаркандъ, въ одной верстѣ отъ р. Сыръ-Дарьи. Это Чиназъ, неизвѣстно почему величаемый самими переселенцами *городомъ*, бывший пунктъ инженерныхъ складовъ и когда-то маленькаго форта, а нынѣ поселокъ въ 25 дво-

ровъ. У чиназцевъ мало поливной земли; хотѣли-было имъ про- вести особенную канаву, да вышла неудача, но и на своихъ небольшихъ клочкахъ земли чиназцы все-таки сѣютъ, пахутъ и косятъ, а больше предпочитаютъ рыбачить на Сыръ-Дарьѣ, протекающей всего въ верстѣ отъ селенія. Народъ тамъ все лѣтний, большинство отставные солдаты, многіе выпиваютъ (хотя кабака нѣтъ), и чиназцы очень любятъ ѣздить въ Ташкентъ (60 верстъ) и просить о пособіи. Съ 1890 года тамъ построена частнымъ лицомъ (г. Степановымъ) небольшая красивая церковь.

Также въ ташкентскомъ уѣздѣ, но по дорогѣ въ Ходжентъ, т.-е. въ Ферганскую область, въ сторонѣ отъ уральской почтовой станціи, верстахъ въ двадцати-пяти отъ нея, недалеко отъ Сыръ-Дарьи, съ 1887 года основано село Срѣтенское на 100 дворовъ (теперь 123 двора). Объ устройствѣ этого поселка власти долго хлопотали и собственно для него была разработана особая канава изъ большого дальверзинскаго арыка. Срѣтенское, однако, наполнялось медленно, по частямъ: прибывало по 20—25 дворовъ разомъ, и еще въ 1888 г. было не болѣе 40 дворовъ, которые уже построились и посѣялись. Но вдругъ счастье особенно улыбнулось этому поселку. Срѣтенцы получили даровыя сѣмена хлопка отъ такъ называемой „ярославской мануфактуры“, представитель которой живетъ недалеко отъ Срѣтенскаго, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ срѣтенцы не только съ успѣхомъ, но и съ большимъ увлеченіемъ занимаются посѣвомъ этого продукта, сбытъ котораго имъ обезпеченъ тамъ же на мѣстѣ и тою же ярославскою мануфактурою. Въ 1888 г. посѣяно было болѣе 300 десятинъ, а въ 1890 подъ посѣвами хлопка было 600 десятинъ, и срѣтенцы получили съ десятины до 56 рублей валового дохода ¹⁾. Разумѣется, что благосостояніе срѣтенцевъ увеличивается быстро не въ примѣръ прочимъ поселкамъ, и они положеніемъ своимъ болѣе чѣмъ довольны. Въ срѣтенскихъ домахъ можно видѣть уже гнутую мебель, швейныя машины, часы и прочее.

Переправившись чрезъ р. Сыръ-Дарью и попавъ въ такъ называемую Голодную степь, можно на самой окраинѣ этой степи увидѣть поселокъ Надеждинскій, въ 50 дворовъ. Этотъ поселокъ возникъ, обстроился и существуетъ на частныя средства одного высокопоставленнаго лица, проживающаго въ Туркестанѣ, но до сихъ поръ не имѣетъ обезпеченныхъ поливныхъ земель, и потому

¹⁾ По изслѣдованію г. Гейера (Крестьянская колонизація въ Сыръ-Дарьинской области).

существованіе его не считается прочнымъ, хотя устроителемъ поселка уже принимаются мѣры къ проведенію въ поселокъ ирригаціонной канавы и это несомнѣнно будетъ достигнуто. Въ пяти верстахъ отъ Надеждинскаго лежитъ поселокъ Романовскій, въ 12 дворовъ, и находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и поселокъ Надеждинскій. И надеждинцы, и романовцы, въ ожиданіи ирригаціонной канавы, сѣютъ хлѣбъ на такъ называемыхъ мокрыхъ мѣстахъ, по берегамъ Сыръ-Дарьи, и хлѣбъ родится превосходный, но, какъ сказано, будущность поселковъ не признается обезпеченной, пока не будетъ сооруженъ поливной арыкъ.

Наконецъ, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Ташкента, на пути въ ур. Чимганъ, т.-е. по дорогѣ въ тѣ горы, которыя въ послѣднее время сдѣлались лѣтнимъ пребываніемъ ташкентскихъ властей, расположенъ поселокъ Троицкій—въ 100 дворовъ. Мѣсто для поселка выбрано прекрасное. Чудесная земля получаетъ обильную воду изъ арыка Искандеръ, сооруженнаго великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ и подареннаго имъ въ казну. Троицкіе крестьяне съ 1886 года не только вполне освоились съ поливнымъ хозяйствомъ, но такъ же, какъ и срътенцы, получили вкусъ къ хлопковымъ посѣвамъ и превыгодно сбываютъ въ Ташкентъ вату собственнаго воспитанія. Разумѣется, не обходится безъ ссоръ съ сосѣдами-киргизами и изъ-за земли, и изъ-за воды, но виною тому не алчность и не вздорность, а все то же неразрѣшеніе въ краѣ поземельнаго вопроса.

Для полноты обзора нужно еще упомянуть о маленькомъ поселкѣ въ одномъ переѣздѣ отъ г. Перовска, около станціи Бирюбай. Этотъ поселокъ лежитъ совсѣмъ особнякомъ, на триста-четыреста верстъ въ сторонѣ отъ прочихъ. Поселку этому, названному Астраханскимъ, было въ 1888 г. отъ роду три года. Въ немъ тогда было 20 дворовъ; онъ вытянулся вдоль почтовой дороги широкой улицей, и хоть избѣнки тамъ были возведены и не важныя, но по сравненію съ глиняными сѣрыми мазанками киргизъ, безъ оконъ, безъ трубъ и съ плоской крышей, онѣ, разумѣется, представлялись хоромами. И здѣсь, несмотря на безграничный просторъ степей, не замедлили возникнуть споры съ сосѣдними киргизами изъ-за луговъ и тугаевъ (камышевыхъ по-рослей по р. Сыръ-Дарьѣ), но дальше крику и перебранокъ дѣло не доходило, и вообще астраханцы мѣстомъ этимъ довольны. Лѣтомъ здѣсь довольно жарко, но зимой препорядочно холодно, часто очень снѣжно и морозно.

Вотъ, на-перечетъ, всѣ русскіе поселки, которые были въ 1888 г. въ Туркестанскомъ краѣ. Часть этихъ поселковъ, лежа-

щихъ въ аулізатинскомъ уѣздѣ, я видѣлъ еще разъ въ апрѣлѣ 1890 года. Тогда разразился надъ киргизами нѣсколькихъ волостей, лежащихъ около Чалдавара и Мерке, такъ называемый „джуть“. Настала ужасная для киргизскаго кочеваго хозяйства безкормица. Въ окрестныхъ горахъ и предгорьяхъ выпалъ глубокій снѣгъ, въ долинѣ пошли дожди, а за ними грянули морозы—землю сковало; отощавшій отъ зимняго голоданія скотъ не могъ дорыться до подножнаго корма, и лошади, коровы, бараны,—стали валиться сотнями. Извѣстно, что искони безпечный киргизъ почти не заготавливаетъ сѣна на зиму, и вотъ при этой-то оказіи русскіе поселки очень воспользовались своими запасами сѣна и хорошо поживились на счетъ киргизской бѣды. Не только всѣ запасы сѣна и соломы были распроданы, и распроданы хорошо, но до ташкентскаго начальства дошли тревожные слухи, что русскихъ поселянъ обуяла такая жадность, что они стали сдирать свои соломенные крыши на продажу киргизамъ, разумѣется уже не въ три-дорога, а больше. Последнее оказалось порядочнымъ вздоромъ... До сдиранія крышъ хотя и не дошло, но поселенцы дѣйствительно усердно пообчистили на продажу всѣ свои запасы и кое-какъ остановили киргизскую бѣду. Когда подсчитали павшій скотъ, то при этомъ оказалось, что пострадали бѣднѣею частью богатые киргизы, лишившись гдѣ половины, гдѣ трети своихъ стадъ; бѣдные пострадали совсѣмъ немного, и скоро все пошло обычнымъ порядкомъ. Русскіе поселенцы хорошо понажились, а киргизы, въ десятый разъ, пообѣщались начальству заготавливать кормъ на зиму, и навѣрное въ десятый разъ не выполнять своего обѣщанія. Очень ужъ они безпечны насчетъ всякихъ запасовъ, и, вѣроятно, новый джуть (повторяется примѣрно каждыя десять лѣтъ) застанетъ ихъ опять врасплохъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о поселкѣ Никольскомъ, основанномъ въ 1884 году и уже сливающимся съ Ташкентомъ рядомъ дачъ. Поселокъ этотъ находится въ семи верстахъ отъ Ташкента и скорѣе носитъ характеръ пригородной слободы. Заложенъ онъ былъ прежде версты двѣ далѣе—на мѣстности Шоръ-Тюбе, и центръ поселка долженъ былъ находиться на такъ называемомъ Черняевскомъ барханѣ, мѣстѣ ставки генерала Черняева незадолго до штурма Ташкента. Но избранный пунктъ оказался непригоднымъ, вслѣдствіе близости подпочвенныхъ водъ (всего $\frac{1}{2}$ аршина), и поселокъ, начавшійся уже отстраиваться, рѣшено было перевести туда, гдѣ онъ расположенъ теперь. Теперь въ немъ уже до 300 дворовъ; замѣтно большое стремленіе

къ учрежденію кабака и построекъ домовъ на барскій манеръ. Здѣсь настоящихъ землевладѣльцевъ почти нѣтъ, и хотя есть даже посѣвы риса, но произведенные наемными руками киргизъ. Изъ 300 дворовъ считается 84 семейства неустойчивыхъ, т.-е. неусѣвшихся окончательно. Никольское стадо насчитываетъ уже 1.000 штукъ скота, на 16 тыс. руб., а вся стоимость Никольскаго къ пятому году существованія простиралась уже до 105 тыс. рублей. Близость Ташкента вызвала здѣсь поселеніе разнаго мастерового люда, и въ 1889 году въ поселеѣ жило 15 столяровъ, 10 портныхъ, 6 извозчиковъ, 11 кровельщиковъ и маляровъ, 10 кожевниковъ, 5 каменщиковъ, 5 портнихъ, 9 прачекъ, 9 кружевницъ, 4 вышивальщицы, 3 швеи и одинъ кондиторъ. Внѣшній видъ Никольскаго имѣеть, какъ уже замѣчено, характеръ веселой пригородной слободы. Съ 1886 года тамъ построено хорошее училище, а въ 1889—на средства коммерціи совѣтника Иванова—воздвигнуть очень красивый храмъ.

Прочтя предъидущія строки,—рисующія положеніе русскихъ переселенцевъ въ Туркестанѣ отнюдь не въ мрачномъ видѣ,—можетъ быть, иной читатель полюбопытствуетъ узнать, какъ переносятъ русскіе переселенцы въ Туркестанѣ разлуку съ прежними мѣстами, не испытываютъ ли они такъ называемой тоски по роднѣ, не встрѣчаютъ ли затрудненій вслѣдствіе совершенно иныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, какъ вообще они относятся къ туземцамъ и, наконецъ, въ какомъ видѣ представляется вѣроятное будущее русской колонизаціи? О послѣднемъ вопросѣ, —какъ предметѣ особенно важномъ,—было бы справедливо поговорить совсѣмъ особо, и, конечно, было бы благоразумнѣе не дѣлать никакихъ преждевременныхъ заключеній о будущемъ и не судить о немъ по настоящему положенію еще слишкомъ юнаго колонизаціоннаго вопроса въ Туркестанѣ. Это необходимо тѣмъ болѣе еще потому, что до сихъ поръ еще не созвана даже необходимость этой колонизаціи, какъ политической или экономической мѣры, не выработано никакой для этого системы, и все дѣло предоставлено скорѣе случайности и доброй волѣ охотниковъ ѣхать въ далекій Туркестанъ и тамъ искать счастья. Пока можно лишь сказать, что вся будущность этого дѣла—въ рукахъ правительства, и разъ будетъ признана необходимость дальнѣйшей колонизаціи и выработана для нея система, а вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ отпущены средства не только на водвореніе переселенцевъ, но, главное, на искусственное орошеніе предназначаемыхъ для поселеній

земель, то дѣло станетъ прочно и твердо. Едва ли можно сомнѣваться, что только тогда колонизація Туркестана и пойдетъ быстро и успѣшно; безъ особаго напряженія воображенія, легко себѣ тогда представить въ недалекомъ будущемъ цѣпь русскихъ поселковъ, не только лично благоденствующихъ въ благодатномъ климатѣ, но и составляющихъ опору и дѣйствительную нашу оборону отъ все-таки возможныхъ въ будущемъ попятныхъ шаговъ остающагося не менѣе, чѣмъ прежде, фанатичнымъ мусульманства. Повторяемъ еще разъ, что великая задача устройства этой цѣпи поселковъ находится пока всецѣло въ рукахъ правительства, и въ настоящее время ему одному принадлежитъ и починъ, и руководство въ этомъ дѣлѣ.

Тотъ небольшой опытъ добровольной колонизаціи, который сдѣланъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ, можетъ только служить вѣрнымъ указателемъ, что нужно дѣлать дальше. Нужно рѣшить прежде всего поземельный вопросъ, т.-е. выяснить наконецъ, гдѣ находятся свободныя для устройства поселковъ казенныя земли, — и нужно озаботиться устройствомъ и развитіемъ ирригаціи; затѣмъ, по мѣрѣ перехода киргизъ въ полу-осѣдлое, а затѣмъ и осѣдлое состояніе, нужно ограничить безмѣрныя ихъ претензіи на обладаніе всѣми тѣми мѣстами, гдѣ они прежде безпрепятственно кочевали со своими стадами, и не однихъ только киргизъ, но и вообще туземцевъ, ажно захватывающихъ до сихъ поръ не вымежеванныя и никѣмъ не охраняемыя казенныя земли. Въ этомъ собственно и заключается весь успѣхъ будущей колонизаціи, а затѣмъ и земли, и воды, и всякихъ угодій, найдется въ краѣ не на тысячи и не на сотни тысячъ, а на миллионы русскихъ поселенцевъ.

Настоящее состояніе русскихъ поселковъ только можетъ служить поощреніемъ къ опытамъ колонизаціи въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Кто ознакомится съ дѣйствительнымъ положеніемъ переселенческаго дѣла въ Туркестанѣ, тотъ не усомнится, что русская колонизація и теперь уже стоитъ на достаточно прочныхъ основаніяхъ. Замѣчаемое нѣкоторыми наблюдателями все продолжающееся передвиженіе переселенцевъ и отдѣльные случаи выселенія ихъ въ Сибирь или внутрь Россіи объясняются болѣе случайными причинами, въ родѣ тѣхъ, которыя приведены выше. Пусть желающіе изслѣдовать этотъ вопросъ въ подробности дадутъ себѣ трудъ проѣхать по туркестанскимъ поселкамъ, и они услышатъ отъ переселенцевъ, и молодыхъ, и старыхъ, и прежнихъ и новыхъ, что климатъ нисколько ихъ не тяготитъ, случаи забо-

лѣванія мѣстными лихорадками не смущаютъ, а о тоскѣ по роднѣ нѣтъ и помину. Тяжкія экономическія условія, главнымъ образомъ повліявшія на ихъ выселеніе изъ внутренней Россіи, были и остаются таковы, что не могутъ вызвать большого желанія вернуться назадъ, т.-е. возвратиться къ прежней бѣдности, даже и въ томъ случаѣ, еслибы въ Туркестанѣ было гораздо хуже, нежели есть теперь. Если же, затѣмъ, принять во вниманіе предоставляемыя переселенцамъ льготы по отбытію воинской и другихъ государственныхъ повинностей (освобождены на десять лѣтъ), да взять въ расчетъ широкое приволье здѣшнихъ мѣстъ, богатство и обезпеченность урожаевъ и сѣнокосовъ и, наконецъ, хотя незначительное, но все-таки оказываемое имъ денежное пособіе, то станетъ понятно, почему переселенцы, никѣмъ не вызываемые и къ переселенію не поощряемые, такъ стремятся въ Туркестанскій край и въ короткій періодъ образовали здѣсь нѣсколько десятковъ поселеній съ прочною осѣдлостью.

Хорошо ли вообще живется въ Туркестанѣ русскимъ переселенцамъ — объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ ихъ возрастающая зажиточность и благосостояніе ¹⁾. Да и можетъ ли крестьянину житься плохо тамъ, гдѣ онъ всегда ѣстъ пшеничный хлѣбъ, гдѣ пудъ пшеницы стоитъ 20—25 коп. (въ аулізатинскомъ уѣздѣ), а въ Семирѣчѣ доходитъ и до 12 копѣекъ; гдѣ посѣвъ клевера дается, безъ труда, полдюжины укосовъ; гдѣ вовсе не рѣдкость двойные посѣвы, — и гдѣ вообще такъ много тепла и свѣта ²⁾.

Конечно, переселенцевъ ожидаютъ на новыхъ мѣстахъ не одни только радости и щедрые дары природы. Имъ приходится приспособляться къ климату, томиться отъ лѣтнихъ жаровъ, получать воду для поливовъ порціями (вода отпирается и запирается) и очень терпѣть отъ конокрадства, этого истиннаго бича вездѣ, не исключая и Средней Азіи, гдѣ на этомъ поприщѣ совершенными виртуозами являются киргизы. Ни русскаго топора, ни рус-

¹⁾ По благосостоянію впередъ всѣхъ стоитъ уѣздъ аулізатинскій, затѣмъ чимкентскій и ташкентскій. Аулізатинскіе поселки устроены ранѣе всѣхъ. Вотъ таблица живого инвентаря по уѣздамъ по изслѣдованію г. Гейера (Крестьян. колониз. въ Смиръ-Дар. обл.). Приходится на хозяйство:

	лошад.	волось	коровъ	мелк. скота
Въ аулізатинскомъ уѣздѣ . . .	2,41	2,46	2,76	7,05
Въ чимкентскомъ	1,85	2,39	2,29	3,96
Въ ташкентскомъ	1,42	0,43	1,41	2,81

²⁾ Безморозный періодъ въ Ташкентѣ, въ Самаркандѣ и въ Ферганѣ длится болѣе семи съ половиною мѣсяцевъ, а именно въ Ташкентѣ 222 дня, въ Самаркандѣ — 225 и въ Ферганѣ — 235 дней.

скаго заступа, ни русской телѣги переселенецъ уже не находитъ на мѣстахъ новыхъ поселеній,—но со временемъ поселенцы ко всему прилаживаются, все усваиваютъ, все приспособливаютъ, а хорошая ѣда и всякая благодѣтельность миритъ его скоро со всѣми новшествами.

Проѣхавъ по этимъ селеніямъ и ознакомившись съ составомъ пришедшаго русскаго элемента, можно убѣдиться также въ ошибочности проникшаго въ печать мнѣнія, что выходцы изъ Россіи сами будто бы не знаютъ, куда идти, и уже придя на мѣсто и сдѣлавъ тысячи верстъ, они, будто бы, разочаровываются, найдя тамъ вовсе не то, что ожидали. Обѣхавъ поселки, всякій убѣдится, что они большею частью, такъ сказать, однородны по составу, и что въ одномъ поселкѣ собираются земляки не только одной губерніи, но и одного уѣзда, и позже появившіеся идутъ вовсе не наугадъ, какъ любятъ расписывать иные корреспонденты, а идутъ навѣрняка, получивъ отъ ранѣе поселившихся самыя точныя свѣденія объ условіяхъ мѣстной жизни и хозяйства ¹⁾).

Произведенные поселенцами повсюду обширныя, насколько только хватаетъ ихъ силъ, посѣвы и покосы, наилучшимъ образомъ свидѣлствуютъ о примѣрномъ, скорѣе даже безпримѣрномъ, трудолюбіи переселенцевъ, и потому всякій укоръ въ лѣности, тунеядствѣ, наклонности къ праздноштанію—совсѣмъ несправедливъ, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ туркестанскимъ переселенцамъ.

Можно съ глубокою увѣренностью сказать, что первые опыты русской колонизаціи въ Туркестанѣ вполне удались и что этому дѣлу предстоитъ хорошая и прочная будущность. Нужно ли пояснять, что только широкая колонизація окончательно обезпечитъ прочность нашихъ владѣній въ Средней Азіи, и что только она дастъ возможность не обременять государственнаго бюджета содержаніемъ въ краѣ излишнихъ войскъ.

Какая бы, однако, участь ни постигла дальнѣйшее дѣло переселенія въ Туркестанъ—можно съ убѣжденіемъ сказать, что позд-

¹⁾ Больше всего переселенцевъ—изъ губерній воронежской, астраханской и Земли войска донскаго. Въ двадцати поселкахъ аулізатинскаго уѣзда живутъ выходцы изъ 31 губерній, всего 801 семейство, и изъ нихъ болѣе половины, 484 семейства, пришли изъ губерній воронежской и астраханской и Земли войска донскаго. Выходцы изъ воронежской губерніи—или бывшіе дворовые, или недовольные малымъ земельнымъ надѣломъ. Астраханцы же объясняютъ, что ихъ одолѣли вѣтра и суслики (исслѣдованіе г. Гейера, Крестьянская колонизація въ Сыръ-Дарьинской области).

нѣйшіе потомки лучше оцѣнять то, что уже сдѣлано до сихъ поръ съ самыми ничтожными средствами, и отнесутся съ признательностью къ тѣмъ первымъ переселенцамъ, которые не побоялись поселиться среди чужеземцевъ, въ странѣ съ инымъ климатомъ и иными экономическими условіями, и помянуть добрымъ словомъ и этихъ первыхъ піонеровъ русской колонизаціи въ Средней Азій, и лицъ, руководившихъ дѣломъ переселенія.

Ник. Дингельштедтъ.

НОВЫЯ ДВИЖЕНІЯ

СРЕДИ

РУССКИХЪ ГАЛИЧАНЪ

Въ послѣднее время на политическомъ горизонтѣ галицкой Руси, сосѣдней намъ и близко родственной странѣ, можно усмотрѣть совершенно новое явленіе, котораго размѣры пока не особенно велики, но которое предназначено несомнѣнно къ дальнѣйшему росту и не останется безъ вліянія на положеніе тамошняго населенія; вѣроятно, оно будетъ имѣть отголосокъ и въ сосѣднихъ съ Галицкою Русью странахъ. Говоря такъ, мы разумѣемъ образованіе въ Галиціи группы, которая усвоила себѣ названіе „русско-украинской радикальной партіи“.

Всѣмъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстно, что среди русиновъ Галиціи существовало издавна, еще съ 60-хъ годовъ, — двѣ партіи. Иногда ихъ зовутъ: „старая“ и „молодая“; иногда: „русская“ и „украинская“, или „общерусская“ и „малорусская“, — „москвофилы“ и „укаинофилы“. Представители послѣдней партіи называли еще себя въ началѣ своего появленія охотнѣе всего „народовцами“ — терминъ, въ извѣстномъ смыслѣ отвѣчающій нашему термину: „народники“.

Какъ почти всегда бываетъ, эти названія партій не совсѣмъ точно и ясно выражаютъ сущность дѣла и могутъ быть понятны только знающему исторію возникновенія партій и ихъ вличекъ. Названія партій галицко-русскихъ всего болѣе связаны съ исторіей литературы въ галицкой Руси или даже собственно съ исторіей литературнаго языка. Будучи въ историческомъ и этногра-

фическомъ смыслѣ частью кievской Руси, получившей къ XVII в. имя Малой Руси или Украины малороссійской, галицкая Русь, завоеванная въ XIV в. Польшею, въ то время, когда остальные части кievской Руси достались подъ власть литовско-бѣлорусской династіи Гедимины, воссоединилась съ родственными ей областями послѣ соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 г. Это воссоединеніе совпало съ проникновеніемъ въ западную Русь европейскаго возрожденія наукъ и реформаціи и съ началомъ сравнительно большаго оживленія литературной дѣятельности, поддержанной аристократіей, а также мѣщанствомъ, организованнымъ въ муниципіи и корпораціи—ремесленныя (цехи) и культурно-церковныя (братства). Подъ вліяніемъ новыхъ идей и потребностей литературный языкъ въ западной Руси этого времени, до тѣхъ поръ болѣе или менѣе чистый церковно-славянскій или старо-болгарскій, сталъ приближаться къ народнымъ — бѣлорусскому и малорусскому.

Съ такимъ смѣшаннымъ или макароническимъ литературнымъ языкомъ восточная половина кievской Руси, охваченная козацкимъ движеніемъ, присоединилась въ половинѣ XVII в. къ государству московскому, великорусскому, въ которомъ начиналось свое литературное движеніе, вносящее тоже мѣстный передовой языкъ въ литературное нарѣчіе. Подъ вліяніемъ государственной централизаціи въ козацкой Украинѣ, ставшей теперь Малороссіей *rag excellence*, языкъ высшей литературы сталъ все болѣе приближаться къ великорусскому, но въ то же время здѣсь въ извѣстныхъ болѣе суженныхъ сферахъ литературныхъ, беллетристикѣ и поэзіи, въ популярныхъ книгахъ, сталъ еще со временъ Теофана Прокоповича и его литературныхъ теорій употребляться все болѣе чистый народный украинскій языкъ, пока, наконецъ, въ половинѣ XIX ст. возникъ цѣлый вопросъ о необходимости и размѣрахъ особой украинской или малорусской литературы.

Оставшись, послѣ отдѣленія козацкой Малороссіи, подъ властью Польши и потомъ, послѣ раздѣла Польши, попавши подъ власть Австріи, Русь галицкая осталась удаленною отъ новой литературной жизни, развивавшейся въ Россіи, и продолжала традицію XVI—XVII ст. съ ея преимущественно клерикальными интересами и макароническимъ языкомъ, который по старой памяти назывался то славяно-россійскимъ, славяно-русскимъ, то просто русскимъ языкомъ, причемъ интересы и литературная производительность еще болѣе оскудѣли сравнительно съ XVI—XVII в., да и въ литературномъ языкѣ вліяніе польское чувствовалось все

сильнѣе. Въ 30-хъ годахъ XIX ст. и въ Галиціи сказалося вліяніе славянскаго возрожденія, а въ то же время еще стали доходить отголоски литературной жизни и въ Россіи. Примѣры западныхъ славянъ и нѣсколькихъ украинскихъ изданій, — какъ книги Максимовича, сочиненія Котляревскаго и др., — возбудили въ нѣсколькихъ молодыхъ галицко-русскихъ литераторахъ (какъ Шашкевичъ, Головацкій и др.) желаніе писать чистымъ народнымъ языкомъ, близкимъ къ украинскому.

Съ этого момента можно собственно начать исторію народной или украинской партіи въ Галиціи; „народовцы“ и начинаютъ свою родословную отсюда, со времени составленія въ концѣ 30-хъ годовъ „Днѣстровой Русалки“, сборника, изданнаго Шашкевичемъ. Но въ это время уже обрисовалась и оппозиція, которую встрѣчаютъ народовцы въ старой партіи. Извѣстной части старшихъ галицко-русскихъ патріотовъ и литераторовъ, лицъ съ авторитетнымъ положеніемъ въ мѣстной церковной іерархіи, державшихся старыхъ литературныхъ преданій, „Днѣстрова Русалка“ показалась новаторствомъ и притомъ демократическаго характера. Львовскіе цензора, состоявшіе изъ галицко-русской митрополіи, не пропустили невиннѣйшей, по своему содержанію, „Русалки“, которую послѣ того пришлось отсылать для напечатанія въ Пешть, — а выходъ „Русалки“ тамъ повелъ за собою непріятныя послѣдствія для издателей.

1848—1849 гг. съ ихъ политическими волненіями отразились и среди галицкихъ русиновъ. Важнѣйшій вопросъ для послѣднихъ былъ демократическій: — отмиѣна барщины. Этотъ демократизмъ повліялъ и на постановку литературнаго вопроса, на который всѣ почти литераторы галицко-русскіе стали отвѣчать въ духѣ Шашкевича. Сотрудникъ послѣдняго, Яковъ Головацкій, занялъ новообразованную кафедру „русскаго“ (малорусскаго) языка въ львовскомъ университетѣ и сталъ читать лекціи въ духѣ „Днѣстровой Русалки“. Но скоро обнаружилось, что далеко не всѣ галицко-русскіе дѣятели способны послѣдовательно идти въ демократическомъ направленіи даже въ литературныхъ вопросахъ. Школа, которую они прошли въ семинаріяхъ, взгляды, которые они усвоивали отъ окружающаго ихъ польскаго аристократическаго общества, — все вело ихъ не къ народу, а подальше отъ него. Къ тому же, послѣ усмиренія революціонныхъ движеній 1848—1849 гг., въ Австріи поднялась общая реакція, неблагоприятная какому бы то ни было демократическому движенію. По всѣмъ этимъ причинамъ въ галицко-русской литературѣ воспреобладала старая семинарщина съ ея языкомъ, который все назывался рус-

скимъ или русинскимъ, — по-нѣмцѣи *ruthenische Sprache*. Но тутъ обстоятельства ввели въ дѣло новые факторы: внѣшнія вліянія, шедшія изъ Россіи.

Первымъ изъ нихъ была пропаганда панславизма, перешедшаго изъ австрійско-славянскихъ земель, гдѣ онъ имѣлъ болѣе или менѣе федеративное направленіе, въ Россію, особенно въ Москву, гдѣ онъ принялъ направленіе централистическое. Нѣкоторые галицкіе литераторы, — особенно Зубрицкій, который передъ тѣмъ писалъ по-польски и презрительно относился къ „черни, для которой онъ считалъ достаточнымъ молитвенника и псалтыря“, — вошли въ сношенія съ Погодинымъ и стали высказываться въ пользу усвоенія и въ Галиціи великорусскаго языка. Это новое направленіе, послужившее началомъ позднѣйшаго *москвофильства*, мало, впрочемъ, отдѣлялось отъ стараго *русинства*, плоды поэтическія произведенія въ духѣ русской литературы до-карамзинской эпохи, такъ какъ новѣйшая русская литература была ему совершенно чужда и не могла быть симпатична по своему реальному и демократическому характеру. Вслѣдствіе этого и языкъ литераторовъ-москвофиловъ мало отличался отъ церковно-малорусскаго макаронизма рутеновъ, и между рутенами и москвофилами не только не было антагонизма, но оба отълика выступили солидарно, когда демократическое направленіе опять подняло голову, какъ вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, такъ и вслѣдствіе новаго вѣянія, пришедшаго тоже изъ Россіи.

Это новое вѣяніе, систематично ставшее проникать въ Галицію съ 60-хъ годовъ, было такъ называемое *украинофильство*, или, какъ его называли польскіе помѣщики на правомъ берегу Днѣпра, *хлопоманія* (мужикоманія), прямое продолженіе *киевского* демократически-федеральнаго *панславизма*, который пробовалъ въ 40-хъ годахъ сформулировать кружокъ Костомарова и Шевченка. Въ литературномъ отношеніи произведенія украинскихъ беллетристовъ и поэтовъ, проникшія въ 60-хъ годахъ въ Галицію, были тамъ первыми образцами той новой, европейско-русской литературной школы, которая образовалась въ Россіи послѣ Пушкина и Гоголя, и представляли рѣшительный контрастъ съ галицкой тредьяковщиной, по содержанію и языку. Послѣдній, конечно, бросался въ глаза болѣе еще, чѣмъ содержаніе, — и появленіе въ Галиціи произведеній украинскихъ писателей поставило тамъ рѣзко вопросъ о литературномъ языкѣ: должно ли взять за основу его рѣшительно языкъ народный, — почти тождественный съ украинскимъ въ Россіи, — или же держаться старыхъ макароническихъ преданій съ большимъ или мѣньшимъ наклономъ или къ церковно-славян-

скому языку, или къ великорусскому? Вотъ въ это время и обозначались окончательно среди русскихъ галичанъ партіи, которыхъ номенклатуру мы перечислили въ началѣ статьи. Собственно говоря, партій этихъ явилось три, а не двѣ, и еслибъ нужно было точнѣе характеризовать ихъ, то ихъ бы слѣдовало назвать: *украинская, австро-рутенская и московская*, но въ борьбѣ съ первой двѣ послѣднія держались и держатся солидарно.

Какъ видно изъ названій и исторіи возникновенія партій этихъ, онѣ не являются собственно политическими партіями, а прежде всего литературными и потомъ національными. Собственно политическіе вопросы, государственные и социальныя, занимали галичанъ мало и почти для нихъ не существовали. Въ 1848—49 г., когда созданъ былъ первый австрійскій парламентъ, и послѣ 1861 г., когда окончательно установилось въ Австріи представительство провинціальное и общегосударственное, и среди русиновъ появились специалисты политики, но вся политика ихъ состояла въ борьбѣ съ поляками за національную отдѣльность русиновъ и въ покорности всякому министерству, которое слагалось въ Вѣнѣ. По вопросамъ культурнымъ русинскіе политики, выходявшіе изъ круговъ духовенства и немногочисленного чиновничества, всѣ принадлежавшіе къ фракціямъ старой партіи, преимущественно къ рутенской, держались клерикально-консервативнаго направленія. Молодые, или украинцы, обнаруживали нѣкоторое сочувствіе либеральнымъ идеямъ и къ демократизму и въ политикѣ, но это сочувствіе ограничивалось одними словами и не вело за собою никакихъ систематическихъ шаговъ къ тому, чтобы выработать цѣли и приемы иной политики, кромѣ той, которой слѣдовали старыя, прозванные, въ 1849 г., „восточными тироляцами“ за свой консерватизмъ. Мало того, всякій разъ, когда у молодыхъ являлась надежда обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ, они старались заявить, что не только не уступятъ въ консерватизмѣ старымъ, но даже превзойдутъ ихъ въ габсбургско-австрійскомъ легитимизмѣ. А случаи такіе стали представляться особенно съ тѣхъ поръ, какъ, подъ влияніемъ событій въ русскихъ областяхъ Польши, привлеченія туда на службу галичанъ и помощи, оказанной ими подавленію уніи въ царствѣ польскомъ,—москвофильское направленіе стало себя проявлять рѣшительнѣе въ Галиціи. Мало-по-малу между двумя галицкими партіями установилась конкуренція за благоволеніе львовскихъ и вѣнскихъ правящихъ круговъ,—конкуренція весьма неблагоприятнаго свойства.

Между тѣмъ жизнь литературная и общественная начала ставить новые вопросы передъ галичанами. Болѣе близкое озна-

комленіе съ литературою въ Россіи, предпринятое кружками молодыхъ людей въ Львовѣ и Вѣнѣ, при помощи нѣсколькихъ украинцевъ изъ Россіи, показало имъ, что литературные интересы галицкихъ „москвофиловъ“ весьма далеки отъ интересовъ дѣйствительной русской литературы новаго времени, въ которой преобладаетъ соціально-реальное направленіе, съ явно демократическимъ оттѣнкомъ. Подъ вліяніемъ этого ознакомленія нѣсколько молодыхъ писателей галицко-русскихъ, принадлежащихъ къ кружкамъ, которые были подъ патронатомъ „старой партіи“ (Павликъ, Франкъ и др.), рѣшительно перешли на сторону „украинцевъ“ въ вопросѣ литературнаго языка, — въ то же время сохраняя сочувственное отношеніе къ литературѣ русской, какъ болѣе богатой, чѣмъ украинская. Параллельно этой эволюціи литературныхъ взглядовъ, передъ галицкой публикой обрисовывалось реальное положеніе ея передовыхъ массъ, которыхъ условія государственной и экономической жизни вели къ явному обѣдненію, между тѣмъ какъ практика представительнаго правленія и вліяніе школы, хотя и медленно развивающейся, будили въ этихъ массахъ мысли о причинахъ бѣды и о средствахъ помочь имъ. Болѣе чуткіе люди, — преимущественно изъ молодежи, усвоивавшей новыя общественныя идеи то подъ вліяніемъ литературы украинской и русской, то подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, шедшимъ черезъ Вѣну, — стали приходить къ убѣжденію о поверхностности прежняго галицко-русскаго патріотизма разныхъ оттѣнковъ, объ отсутствіи въ немъ вниманія къ реальнымъ нуждамъ народныхъ массъ. Такъ сложились мало-по-малу элементы новой галицко-русской партіи, которая, наконецъ, получила названіе *радикальной*.

Эта партія была первою изъ галицко-русскихъ, которая стала собственно политическою. Раздѣляя либеральныя идеи, партія эта поставила себѣ цѣлью политическое образованіе народныхъ массъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ могли сознательно воспользоваться нынѣшними конституціонными учрежденіями Австріи для своей собственной организаціи, преобразовать эти учрежденія въ возможно болѣе демократическомъ направленіи, въ союзъ съ другими подобными партіями въ разныхъ земляхъ Австріи, и при помощи законодательства измѣнить къ лучшему матеріальное положеніе массъ. Выстѣ съ тѣмъ, радикальная партія, отвергнувъ раздѣленіе правды — одна для мужика и другая для высшихъ классовъ, — положила себѣ цѣлью познакомить народныя массы со всѣми результатами новѣйшей культуры. Къ старымъ партіямъ новая отнеслась отрицательно и выстѣ сначала очень примирительно. Она объявляла предметы, изъ-за которыхъ ссорились старыя партіи, или

несущественными, формальными и второстепенными, или во всякомъ случаѣ посторонними политикѣ, и предлагала оставить эти вопросы для научнаго изслѣдованія и литературной дискуссіи, а въ политикѣ выступить съ программами характера государственно-административнаго и соціально-экономическаго, съ цѣлью защиты наиболѣе страждущихъ народныхъ интересовъ.

Выступивъ съ конца 70-хъ годовъ, люди новой партіи прошли нѣсколько фазисовъ своего развитія: они начали съ абстрактнаго заявленія своихъ идей, формулируя ихъ болѣе или менѣе близко къ программамъ западно-европейскихъ социалистовъ, пробовали пропагандировать эти идеи среди крестьянъ русиновъ и городскихъ рабочихъ поляковъ или усвоившихъ польскій языкъ, пробовали работать въ разныхъ обществахъ и изданіяхъ народовцевъ съ минимальнымъ проявленіемъ своихъ стремленій, — наконецъ, съ 1889 г. выступили какъ небольшая, но формально организованная партія, которая, чѣмъ дальше, все болѣе привлекаетъ къ себѣ галицко-русскихъ крестьянъ. Теперь партія эта, принявшая въ 1889 г. названіе „руско-украинская радикальная партія“, имѣетъ два органа, выходящіе по два раза въ мѣсяцъ: „*Народъ*“, для болѣе образованныхъ читателей, и „*Хлѣбородъ*“ для крестьянъ и рабочихъ. Партія довольно часто собираетъ митинги въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи, на которыхъ бываетъ крестьянъ и мѣщанъ до 2.000 человекъ. Партія организовала рядъ просвѣтительно-экономическихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ именемъ *Народні Спілки*; кромѣ того, принадлежащіе въ ней люди завѣдуютъ дѣлами общества продажи продуктовъ кустарной промышленности гуцуловъ, русскихъ горцевъ южной Галиціи и Буковины, — подъ названіемъ *Гуцульска Спілка*. Въ послѣднее время представители партіи изъ болѣе образованныхъ круговъ составили проектъ основанія просвѣтительнаго общества *Поступ* (Прогрессъ), а делегаты радикаловъ-крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ южной Галиціи положили основать радикальное политическое общество изъ селянъ. Это будетъ начало организаціи въ родѣ національной и земельной лиги въ Ирландіи, примѣръ которой часто приводится въ органахъ галицкихъ радикаловъ.

Въ моментъ формальной организаціи этихъ радикаловъ въ особую партію можно было думать, что и старая партія послѣдуютъ, хотя и менѣе демонстративно, за нею на ту же дорогу политическо-соціальной дѣятельности, и что отношенія между разными партіями среди русскихъ галичанъ будутъ довольно миролюбивы, при всѣхъ различіяхъ между ними. Такъ можно было

думать, судя по результатам выборов въ провинціальный сеймъ въ началѣ 1889 г., ходъ которыхъ отличался нѣкоторыми, до-тогда необычными для Галиціи явленіями. Выборы въ городскихъ общинахъ (а напомнимъ, что въ Австріи выборы производятся отъ трехъ категорій отдѣльно: отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, — отъ городовъ и торговыхъ палатъ, — отъ сельскихъ общинъ) дали значительный процентъ депутатовъ той польской партіи, которая называется демократами. По правдѣ говоря, эта партія мало заслуживаетъ это имя, — такъ какъ демократична она развѣ по своему составу, сравнительно съ партіей магнатской. По отношенію къ русинамъ демократы являлись часто еще большими шовинистами, чѣмъ магнаты, съ которыми во всякомъ случаѣ демократы держались солидарно, если гдѣ нужно было побивать кандидата-русина. Но къ 1889 г. выяснилось, что господство магнатской партіи явно уже невыгодно для всего края, и демократы почувствовали необходимымъ отдѣлиться отъ магнатовъ по крайней мѣрѣ по вопросамъ экономическимъ, и такимъ образомъ у демократовъ открылась возможность извѣстной солидарности съ представителями сельскихъ общинъ, въ томъ числѣ и съ русинами.

Въ сельскихъ общинахъ, — гдѣ избирательство двойное, т.-е. гдѣ общины выбираютъ выборцевъ, а уже эти выбираютъ депутатовъ, — въ Галиціи практикуется обыкновенно открытое давленіе администраціи на выборы, а потому въ западной, чисто польской Галиціи въ сельскихъ общинахъ прошли собственно только двое кандидатовъ, явно оппозиціонныхъ магнатской партіи, но въ восточной части, гдѣ сельское населеніе почти сплошь русины, оппозиція успѣла провести 16 депутатовъ, все русиновъ. На этотъ разъ селяне-русины обнаружили значительную стойкость и организацію. Хотя въ Львовѣ образовался для руководства выборами комитетъ изъ делегатовъ двухъ старыхъ партій галицко-русскихъ, при участіи представителей митрополита, — но комитетъ этотъ, въ которомъ, по обычаю, не было солидарности по искренности въ соглашеніи, на этотъ разъ только формально руководилъ выборами, а на самомъ дѣлѣ кандидаты были поставлены и поддерживаемы мѣстными комитетами, въ которыхъ самое дѣятельное участіе имѣли крестьяне. Мѣстные же комитеты поставили въ кандидаты людей болѣе популярныхъ на мѣстахъ, безъ различія, были ли они „москвофилы“, „украинофилы“ или „радикалы“. Такимъ образомъ изъ разныхъ фракцій русиновъ-политиковъ въ сеймъ прошли на этотъ разъ дѣйствительно болѣе дѣловые и порядочные люди.

Такой подборъ депутатовъ-русиновъ далъ себя почувствовать

и въ самомъ сеймѣ. Депутаты-русины поставили себѣ за норму поведения быть прежде всего представителями сельскаго класса, защищать его интересы, а въ національномъ вопросѣ выступать солидарно въ пользу правъ русиновъ, съ тѣмъ чтобы пользование этими правами было дѣломъ самихъ русиновъ, безъ вмѣшательства чужихъ въ спорные между русинами вопросы. Результаты такой тактики скоро сказались: по многимъ вопросамъ поляки-демократы должны были поддерживать русиновъ, и даже магнаты, выбранные представителями сельскихъ общинъ, должны были заявлять, что интересы этихъ общинъ имъ не чужды. По части защиты правъ русиновъ депутаты-русины рѣшились на мѣру, прежде небывалую: они поставили запросъ правительству о полицейскомъ произволѣ, выразившемся въ арестахъ и преслѣдованіяхъ крестьянъ, ходившихъ на богомолье въ Почаевъ и т. п. (пунетъ, важный для москвофиловъ), въ обыскахъ, произведенныхъ въ читальняхъ и учрежденіяхъ народовцевъ, и въ арестахъ среди радикаловъ, подъ предлогомъ преслѣдованія противозаконной агитаціи. Правительственный комиссаръ отвѣтилъ на запросъ весьма уступчиво, обѣщавъ разслѣдованіе превышенія власти полицейскими агентами и заявивъ, что правительство вовсе не намѣрено отрицать права русиновъ. Важнымъ результатомъ новой тактики депутатовъ-русиновъ слѣдуетъ счесть и то, что оппозиціонные депутаты сельно-поляковъ стали обращаться къ нимъ за поддержкою ихъ запросовъ и предложеній, предпочитая ихъ демократамъ-полякамъ.

Нота диссонанса въ это солидарное дѣйствіе различныхъ фракцій русиновъ была, впрочемъ, скоро внесена со стороны львовскаго уніатскаго митрополита. Митрополитъ Сембратовичъ, по воспитанію ультрамонтанъ, благопріятный іезуитамъ рутенъ, принадлежитъ въ той части духовенства галицко-русскаго, которая уже не имѣетъ отвращенія къ народному языку въ церковныхъ дѣлахъ, а потому занялъ довольно симпатическое отношеніе къ народовцамъ, тѣмъ болѣе, что порою католическая антипатія его къ православію удаляетъ его отъ болѣе рѣшительныхъ „москвофиловъ“. Въ политическомъ отношеніи этотъ митрополитъ, — обязательный членъ сейма, — есть покорный слуга польской магнатской партіи, безъ чего, впрочемъ, онъ не былъ бы и назначенъ и терпимъ на должности; съ его согласія галицко-русскіе монастыри ордена св. Василія были переданы въ завѣдываніе іезуитамъ. Вотъ этотъ-то митрополитъ и выступилъ противъ радикаловъ скоро послѣ организаціи ихъ въ особую партію. Поводомъ къ столкновенію былъ „Народ“. Проповѣдуя солидарность между русинами на извѣстныхъ условіяхъ, „Народъ“ въ то же время под-

вергалъ критикѣ дѣйствія разныхъ партій и лицъ, и между прочимъ помѣстилъ у себя корреспонденцію о способахъ хозяйства въ имѣніяхъ митрополитской каѳедры,—способахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ употребляемыхъ въ другихъ магнатскихъ помѣстьяхъ, арендуемыхъ евреями, и крайне стѣснительныхъ для крестьянъ. Митрополитъ успѣшилъ издать циркуляръ, запрещающій духовенству выписывать „Народ“ и предписывающій ему удалять эту газету изъ сельскихъ читаленъ и т. п. Вслѣдъ за тѣмъ явился еще новый поводъ къ гнѣву митрополита противъ газеты радикаловъ. Поводъ этотъ дали дѣла галицко-русской эмиграціи въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣв.-Америки.

Дѣла эти довольно интересны сами по себѣ, но мы скажемъ о нихъ лишь постольку, сколько это нужно для пониманія вопроса, составляющаго прямой предметъ настоящей статьи. Лѣтъ съ десять тому назадъ стало извѣстно, что изъ Галиціи направляется довольно значительная часть крестьянъ въ С.-Америку не столько для поселенія тамъ, сколько для заработковъ, съ цѣлью—послѣ скопленія извѣстной суммы—возвратиться домой. Теперь, говорятъ, такого рода эмигрантовъ изъ галицкой и венгерской Руси находится въ С.-Америкѣ до 40.000. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ американскіе галичане пожелали имѣть у себя своего священника и обратились за нимъ къ львовскому митрополиту. Священникъ (о. Волянскій) нашелся, человѣкъ довольно энергическій и разносторонній, и, пріѣхавъ въ Америку, онъ скоро приспособился къ тамошнимъ условіямъ: выстроилъ церковь и при ней помѣстилъ читальню, потребительскую ассоціацію, типографію, сталъ издавать газету, руководить русинами-рабочими во время общей стачки, начатой извѣстнымъ обществомъ „Рыцарей труда“, въ которомъ способствовалъ образованію особой русинской секціи, и т. п. Самое появленіе русинскаго уніатскаго священника въ Америкѣ не понравилось тамошнимъ католическимъ священникамъ-полякамъ, которые даже попробовали вооружить противъ о. Волянскаго католическаго епископа Филадельфіи, въ округѣ котораго лежитъ Шенандоа (Shenandoah), городокъ, гдѣ наиболѣе находится русиновъ и гдѣ основана была первая русско-уніатская церковь. О. Волянскому поставлено было въ укоръ то, что онъ, по обычаю восточныхъ церквей, женатъ. А надо сказать, что теперешній львовскій митрополитъ занятъ мыслію установленія и среди уніатовъ безбрачія священниковъ. Повинуясь польскому клерикальному давленію, львовскій митрополитъ не только назначилъ въ другую паству въ Америку священника неженатаго, но и отозвалъ о. Волянскаго, замѣнивъ его тоже безбрачнымъ. Этотъ новый священникъ въ

Шенандоа поссорился съ свѣтскими вліятельными лицами русинской колоніи, завѣдующими школой, потребительной лавкой и типографіей. Потребительная ассоціація распалась, газета прекратилась, — начались препирательства весьма скандальнаго свойства. „Народ“, который сразу приобрѣлъ симпатіи въ средѣ русинъ и американскихъ колонистовъ, печаталъ корреспонденціи, неблагоприятныя новому священнику въ Шенандоа, и указывалъ на ошибку, сдѣланную отозваніемъ о. Волянскаго, и на вредъ отъ того для всего дѣла малорусской эмиграціи въ Америкѣ, столь важной для будущаго австрійской Руси. Возбужденные посланіемъ митрополита, священники-ультрамонтаны въ Галиціи стали преслѣдовать „Народ“ въ селахъ самымъ неблагоприятнымъ способомъ, говорить проповѣди противъ него и противъ радикализма вообще.

Такъ установились дѣла къ концу 1890 г., когда въ парламентской жизни Галиціи произошло довольно знаменательное явленіе, называемое „угодой (соглашеніемъ) между поляками и русинами-народовцами“.

Несогласія между русинами и поляками въ Галиціи составляютъ больное мѣсто края, а равно и всей Австріи, а потому австрійское правительство желаетъ установленія соглашенія между двумя элементами. Дѣло это не легкое, такъ какъ господствующему элементу, польскому, пришлось бы пойти на уступки не только на національномъ полѣ, но, что гораздо труднѣе, и на социально-экономическомъ, такъ какъ въ восточной Галиціи поляки — патриціи, а русины — плебен, и мѣстами даже пролетаріи. Въ послѣднее время заговорили о необходимости соглашенія русиновъ и поляковъ, въ виду возможности войны Австріи на Востокѣ. Видимое пробужденіе народныхъ массъ русинскихъ, начало сознательно-оппозиціонной политики ихъ представителей въ сеймѣ заставляло правящіе круги обратить большее вниманіе на русиновъ. Признакомъ этого вниманія было въ 1889 г. то, что когда сеймовое большинство не согласилось дать русинамъ гимназію въ Перемишлѣ, то министерскимъ распоряженіемъ даны были русинамъ параллельные классы при польской гимназій, но съ особымъ директоромъ-русиномъ. Съ польской стороны, — отъ тѣхъ круговъ, которые болѣе смотрятъ на востокъ и ждуть отъ столкновенія на востокѣ возстановленія Польши, были сдѣланы еще въ 1888 г. и потомъ въ 1890 г. попытки соглашенія съ русинами радикальнаго направленія, но послѣдніе (изъ нихъ одинъ писатель, родомъ, впрочемъ, не галичанинъ) отвѣтили, что теперь не время для суммарныхъ соглашеній, — особенно въ виду международныхъ событій, на которыя „маленькіе люди“ не могутъ

имѣть большого вліянія, а что необходимо идти постепенно для установленія соглашенія между поляками и русинами въ Галиціи на почвѣ внутреннихъ дѣлъ: національныхъ правъ, администраціи, экономической политики и т. п. Въ концѣ сеймовой сессіи 1890 г. намѣстнику Галиціи (полякъ, гр. Бадени) съ нѣкоторыми депутатами клерикально-магнатской партіи, при участіи нѣкоторыхъ вѣд-галицкихъ представителей двухъ націй и при сочувствіи вѣнскаго министерства, удалось устроить такую пробу, которая была бы вмѣстѣ и соглашеніемъ русиновъ съ поляками, и подрывомъ оппозиціи русиновъ нынѣшней политической системѣ и въ краѣ, и въ государствѣ. Это было соглашеніе польскихъ консерваторовъ съ депутатами народовцами. Послѣдніе, за обѣщанныя уступки формально-національнаго характера, преимущественно въ области школьной жизни, согласились разорвать связи съ оппозиціей москвофильской и радикальной, объявивъ себя не только сторонниками полной самостоятельности малоруссовъ отъ великоруссовъ, съ наложеніемъ анаѣмъ на всякаго, иначе о томъ думающаго, но и вѣрными защитниками римской церкви, и даже признавъ митрополита политическимъ главою своей партіи и націи, чего не видно ни въ одной даже самой клерикальной и консервативной партіи у другихъ народовъ Австріи.

Декларация народовцевъ въ такомъ духѣ была провозглашена деп. Романчукомъ неожиданно для другихъ депутатовъ „русскаго клуба“, какъ москвофильскаго, такъ и радикальнаго,—и была даже объявлена сторонниками ея началомъ „новой эры“, но вызвала сильное неудовольствіе во многихъ кругахъ такъ называемой интеллигенціи, а также и въ народѣ. Возраженія противъ деклараціи г. Романчука со стороны круговъ рутенско-москвофильскихъ были, впрочемъ, не безусловны и потому довольно страннаго характера. Представители этихъ круговъ не соглашались только на національную формулу г. Романчука, а консервативные пункты его программы, до политическаго подчиненія митрополиту включительно, признавали. Между тѣмъ радикалы выступили противъ деклараціи г. Романчука съ принципиальной точки зрѣнія. Даже соглашаясь на національную формулу г. Романчука, радикалы протестовали противъ ея исключительной постановки и особенно противъ введенія ея въ политическую программу, въ катехизисъ, вѣд котораго всякій объявлялся измѣнникомъ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ и австрійской державѣ, достойнымъ полицейскаго преслѣдованія. Радикалы протестовали противъ смѣшенія областей культуры и политики государственной, противъ смѣшенія понятій о національности и религіи, или, лучше

сказать, въроисповѣданія, противъ подчиненія политики клерикализму, противнаго даже австрійской конституціи 1867 г. ¹⁾ Наконецъ, радикалы объявили нераціональнымъ переходъ русиновъ съ дороги оппозиціи на дорогу служенія нынѣшнему консервативному министерству, тогда какъ одна оппозиція ему, согласно съ другими прогрессивно-демократическими элементами въ Австріи, можетъ повести такія измѣненія въ законахъ Австріи, которыя поднимутъ русиновъ изъ нынѣшняго ихъ первоначальнаго положенія. Что касается собственно до соглашенія съ поляками, то радикалы заявляли себя вовсе не противниками такого соглашенія, а, напротивъ, сторонниками его, — только, по ихъ мнѣнію, соглашеніе это должно быть свободно отъ фантастическихъ надеждъ на возстановленіе Польши 1772 г. и, кромѣ того, быть заключено дѣйствительно съ польскимъ народомъ, а не съ магнатами, при отреченіи въ пользу послѣднихъ отъ справедливыхъ національныхъ и сословныхъ требованій русиновъ.

Такого рода рѣшительная и принципиальная оппозиція радикаловъ „новой эрѣ“ обратила на себя общее вниманіе въ Галиціи, и даже вѣнское министерство, желая во всякомъ случаѣ знать истинное настроеніе края, дало знакъ львовской прокуратури позволить „Народу“ высказаться съ должной откровенностью, не конфискуя его нумеровъ. „Народовцы“ показали себя не въ очень достойномъ свѣтѣ при защитѣ „новой эры“, такъ какъ вся ихъ аргументація сводилась къ оппортунизму довольно грубыхъ свойствъ: „мы, молъ, сдѣлали извѣстную декларацію, такъ какъ правительство (т.-е. министерство) заявило намъ, что только при такихъ условіяхъ оно будетъ благопріятно русинамъ“. Всѣ принципиальныя объясненія народовцевъ и ихъ программы на будущее время были очень темны.

Событіе повернуло дѣло такъ, что декларація Романчука и вызванныя ею пренія оказались наканунѣ выборовъ въ имперскій парламентъ. Собственно эти выборы должны были произойти многими мѣсяцами позже. Но успѣхи младочеховъ заставили министерство поспѣшить распущеніемъ парламента и назначеніемъ выборовъ, чтобъ не дать оппозиціоннымъ партіямъ организовать.

¹⁾ Замѣтимъ, что подчиненіе политики русиновъ интересамъ римской церкви потому уже безцѣльно, что въ самой Венгріи буковинскіе русины принадлежатъ къ церкви православной, а въ Венгріи есть русины-протестанты. „Программа Романчука“ просто выдавала *carte blanche* галицко-польской полиціи на всякій произволъ противъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи православію или свободомыслію, — результаты чего скоро и сказались, въ противность обѣщаніямъ правительственнаго комиссара на сеймѣ 1889 г.

Разсчитать, впрочемъ, оказался невѣренъ, по крайней мѣрѣ относительно младочеховъ, и министерство должно было опереться на нѣмецкихъ централистовъ и поляковъ. Послѣдніе, чувствуя свою важность и не желая уменьшать ее уступкою парламентскихъ мѣстъ русинамъ, даже союзнымъ съ ними народовцамъ, согласились не ставить своихъ кандидатовъ только въ шести избирательныхъ округахъ восточной Галиціи, да въ два поставили кандидатами русиновъ только по имени, не признанныхъ даже народовскимъ избирательнымъ комитетомъ. Такимъ образомъ, результаты избирательной кампаніи оказались для народовцевъ, — которыхъ съ тѣхъ поръ стали звать „угодовцами“ или „новоэристами“, — весьма не блестящими. Если они и могли утѣшать себя какими-либо побѣдами, то развѣ надъ кандидатами „москвофилами“ и радикалами, изъ коихъ послѣднихъ было два. Побѣды эти были, впрочемъ, достигнуты при помощи евреевъ-кабатчиковъ и полиціи, находящейся въ рукахъ польской шляхты, а въ одномъ округѣ, гдѣ противъ радикала, поставленнаго крестьянскими комитетами (адвокатъ г. Даниловичъ) выставленъ былъ народовцами чиновникъ суда, до тѣхъ поръ ничѣмъ не заявлявшій даже своего русинскаго происхожденія, побѣда была одержана народовцами только при помощи также и священниковъ рутенско-москвофильскаго направленія. Такимъ образомъ, радикалы не успѣли провести ни одного своего представителя въ имперскій парламентъ и должны довольствоваться пока принадлежностью къ ихъ направленію одного сеймоваго депутата (адвокатъ г. Окуневскій).

Во всякомъ случаѣ избирательная кампанія 1891 г. дала случай радикаламъ поставить свою программу передъ довольно широкими кругами народныхъ массъ. Нынѣшнія стремленія галицкихъ радикаловъ всего лучше характеризуютъ пункты ихъ программы, поставленной передъ избирателями въ 1891 г. Мы приведемъ здѣсь (въ переводѣ) важнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ такимъ образомъ, чтобъ можно было видѣть также и форму, въ которой ставятся передъ галицкими крестьянами требованія европейскаго радикализма:

1. „Чтобъ люди не платили подати ни отъ земли, ни отъ дома, а только отъ дохода;—чтобъ тотъ, кто имѣетъ вдвое большій доходъ, платилъ втрое большую подать, тогда какъ теперь наибольшіе богачи платятъ гораздо меньше податей, чѣмъ бы должны были, сравнительно съ тѣмъ, что платятъ бѣдные люди;—чтобъ отъ наименьшаго имущества, которое необходимо человѣку для содержанія себя и семейства, не платились подати.

2. „Чтобы имущество, безусловно необходимое крестьянину

для содержанія себя и семейства, не могло быть продано съ публичнаго торга.

3. „Чтобы вообще крестьянскій надѣлъ не продавался съ публичнаго торга, а только доходъ съ этого надѣла.

4. „Чтобы государство помогало сельскимъ общинамъ приобретать въ собственность общинную надѣлы, лежащія въ ихъ предѣлахъ; чтобы общины имѣли право первенства при всякихъ продажахъ надѣловъ съ публичнаго торга или вольныхъ.

5. „Чтобы безземельнымъ крестьянамъ государство отдавало въ аренду земли государственныя.

6. „Чтобъ въ войсѣ служили не больше одного года, и чтобы постояннаго войска было меньше, чтобъ такимъ образомъ уменьшены были теперешніе громадныя расходы на войско.

8. „Чтобы каждый могъ брать *сыровицы* (вода изъ соляныхъ ключей), сколько ему нужно, а соль, чтобы стояла лишь столько, сколько обходится ея фабрикація.

9. „Чтобы была уничтожена казенная лотерея, которая вытягиваетъ послѣдній крейцеръ у наибѣднѣйшихъ людей.

11. „Чтобы уменьшены были акцизы съ предметовъ необходимыхъ, а вмѣсто того наложены были подати съ вещей, служащихъ для забавы и украшенія богатей.

12. „Чтобы правительство исправило берега рѣкъ.

„Особливо же:

13. „Чтобъ были уничтожены избирательныя курии, т.-е., чтобъ на выборахъ крестьянинъ имѣлъ такое же право, какъ и панъ; чтобы депутатовъ выбирали всѣ, кто имѣетъ 21 годъ; чтобы не было прѣвыборовъ, а всѣ прямо подавали голосъ за депутата; чтобы подача голосовъ была тайная, такъ, чтобъ каждый, кто имѣетъ право голоса, могъ бы быть избранъ и депутатомъ. Это называется: общее прямое и тайное голосованіе, которое одно можетъ вамъ дать силу во всякихъ общинныхъ, областныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

14. „Чтобы въ школахъ восточной Галиціи, отъ наивысшихъ до наинизшихъ, преподаваніе было по-русски (малорусское); чтобы въ русскихъ краяхъ официальнымъ языкомъ былъ русскій.

16. „Чтобы обученіе въ школахъ было бесплатно; чтобы государство давало бѣднымъ ученикамъ пособія на книги, одежду и пропитаніе до окончанія курса.

17. „Чтобы уничтожены были штемпеля на газеты и календари; чтобъ въ газетахъ было вольно писать всю правду; чтобъ людямъ было совсѣмъ вольно сходиться для обсужденія своихъ

дѣлѣ и говорить тамъ всю правду; чтобъ имъ было совсѣмъ вольно устроить всякаго рода общества.

18. „Чтобы чиновники, во время отправленія своихъ обязанностей, строго держались закона, а если кто изъ нихъ нарушилъ законъ, то чтобъ долженъ былъ отвѣчать передъ обыкновеннымъ судомъ, какъ и всякій другой человѣкъ.

„Наконецъ необходимо:

19. „Чтобъ русскіе депутаты въ парламентѣ были въ союзѣ съ такими депутатами, которые твердо стоятъ за рабочихъ людей“.

Въ какомъ отношеніи стоитъ эта программа, составленная, конечно, болѣе образованными членами галицкой радикальной партіи, въ требованіяхъ, которыя стали формулировать сами галицко-русскіе мѣщане и крестьяне, — это видно изъ резолюціи одного собранія въ 1891 г. въ маленькомъ мѣстечкѣ Роздоля, на которомъ были почти исключительно мѣщане:

„Мы желаемъ:

„Русскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ, а для того возвращенія на нашу Русь до 400 русиновъ чиновниковъ и учителей изъ западной (польской) Галиціи и перевода туда всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, учителей и инспекторовъ школьныхъ, которые русскаго языка не знаютъ и не заботятся о немъ во время своихъ визитацій.

„Преобразованія уѣздныхъ совѣтовъ (родъ земскихъ управъ) на ладъ лучший и болѣе дешевый и болѣе полезный для населенія.

„Преобразованія въ болѣе справедливый способъ выборовъ въ сеймъ и парламентъ, а также въ члены совѣтовъ уѣздныхъ.

„Уменьшенія податей съ мѣщанъ и селянъ вообще.

„Справедливой раскладки публичныхъ налоговъ, податей и работъ, какъ напр. дорожныхъ и т. д., а именно уменьшенія ихъ для имуществъ меньшихъ и увеличенія ихъ для того другого, кто можетъ больше платить.

„Помощи отъ областного банка для задолжавшихъ селянъ и мѣщанъ, а прежде всего въ рустикальномъ банкѣ.

„Уничтоженія права патроната (по которому священника представляетъ на мѣсто помѣщикъ, хотя бы и чужой вѣры).

„Полнаго самоуправленія гр.-кат. церкви нашей и устраненія оо. іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей.

„Почитанія нашихъ праздниковъ всѣми властями гражданскими и военными, —

„и вообще (желаемъ) еще не одного этого“, — довольно наивно заканчивается эта резолюція.

Какъ видно изъ сравненія, избирательная программа галицко-русскихъ радикаловъ излагаетъ болѣе систематично тѣ требованія, сознаніе которыхъ уже назрѣваетъ въ средѣ галицко-русскихъ мѣщанъ и крестьянъ,—а это обстоятельство придаетъ особое значеніе небольшой пока группѣ организованныхъ радикаловъ передъ старыми партіями, которыя все-таки претендуютъ на значеніе національных и народныхъ. Особенно фальшиво передъ радикалами положеніе „народовцевъ“, которыхъ нынѣшняя политика и борьба съ радикалами находятся въ полномъ принципіальномъ противорѣчій съ ихъ именемъ и установленнымъ ими култомъ Шевченка.

Хотя избирательная коммиссія 1891 г. и не дала радикаламъ непосредственныхъ результатовъ въ видѣ депутатскихъ мѣстъ въ Вѣнѣ, однакоже радикалы не уменьшили, а увеличили свою агитацію среди крестьянства. Въ теченіе прошедшаго съ тѣхъ поръ года радикалы созвали нѣсколько митинговъ въ разныхъ мѣстахъ восточной Галиціи и появлялись на митингахъ, созданныхъ людьми другихъ партій, причемъ иногда успѣвали проводить свои резолюціи, напр. о всеобщемъ голосованіи. Въ организаціи радикальныхъ митинговъ принимаютъ дѣятельное участіе крестьяне, которые обыкновенно уплачиваютъ издержки по ихъ устройству и часто являются референтами, а во всякомъ случаѣ ораторами. За типичное собраніе такого рода можно принять то, которое было въ октябрѣ 1891 г. въ Коломиі, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ сеймоваго посла, доктора правъ Окуневскаго, собралось болѣе 400 крестьянъ. Изъ резолюцій того митинга, по вопросамъ, изъ которыхъ многіе имѣли референтами крестьянъ, мы упомянемъ слѣдующія: I—о всеобщей подачѣ голосовъ; II—попричаніе русскимъ сеймовымъ депутатамъ за то, что они разбили солидарность русскаго депутатскаго клуба и, оставивъ защиту интересовъ сельскаго класса, вступили въ „угоду“ съ магнатской партіей и перешли съ дороги оппозиціи въ положеніе „пріятно-выжидющее“ (какъ нѣжно говорятъ народовцы) относительно нынѣшняго правительства; резолюція требуетъ отъ русскихъ депутатовъ и рѣшительной защиты интересовъ крестьянъ, и требованій возможно большаго расширенія гражданской вольности и правъ политическихъ“.

Резолюція III протестуетъ противъ составленнаго сеймовою коммиссіей проекта измѣненія устройства сеймовыхъ обществъ черезъ соединеніе нѣсколькихъ обществъ въ одно и постановленіе надъ нимъ окружныхъ начальниковъ,—и высказывается, напротивъ, за

расширеніе автономіи нынѣшнихъ сельскихъ обществъ, съ приложеніемъ и къ нимъ начала поголовной подачи голосовъ.

Резолюція V порицаетъ новый дорожный законъ, выработанный сеймомъ, законъ крайне невыгодный для крестьянъ, на которыхъ падаетъ почти вся тяжесть содержанія дорогъ въ порядкѣ, благодаря натуральной повинности.

Резолюція VIII требуетъ передачи завѣдыванія церковнымъ имуществомъ въ руки вѣроисповѣдныхъ общинъ.

Резолюція X постановляетъ о необходимости образованія въ коломійскомъ округѣ „политическаго общества для защиты интересовъ рабочаго населенія этого округа“.

Подобныя же резолюціи были приняты и на митингѣ, бывшемъ въ мартѣ 1892 г. въ Снятынѣ, куда собралось болѣе 2.000 русскихъ крестьянъ изъ Галиціи и сосѣдней Буковины. Кромѣ того на этомъ же митингѣ обширно говорилось о нынѣшнемъ правовомъ положеніи печати въ Галиціи и приняты резолюціи въ пользу расширенія свободы печати, уничтоженія штемпелей съ газетъ и календарей и залоговъ отъ политическихъ газетъ.

Резолюціи по важнѣйшимъ вопросамъ обыкновенно передаются, послѣ митинговъ, въ видѣ петицій въ сеймъ и парламентъ. О всеобщей подачѣ голосовъ собираются особыя подписи къ прошеніямъ, которыя, по мѣрѣ ихъ накопленія, пересылаются въ сеймъ и парламентъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ есть главный, около котораго сосредоточивается агитація, производимая галицкими радикалами, и это совершенно естественно, такъ какъ, кромѣ соціального, вопросъ этотъ имѣетъ для русиновъ и первенствующее національное значеніе, потому что нынѣшняя система выборовъ ставитъ ихъ въ подчиненное положеніе, и только справедливое представительство, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, можетъ дать русинамъ такое значеніе въ политической жизни областной и государственной, какое имъ должно принадлежать по ихъ численности. Слѣдуетъ отмѣтить еще, какъ особенно интересное явленіе, что на митингахъ русиновъ-крестьянъ выражается желаніе объ устройствѣ такихъ же митинговъ и въ польской части Галиціи. „Мы поѣдемъ туда, къ нашимъ братьямъ-полякамъ!“ — говорятъ крестьяне-русины радикальнаго направленія. Такое явленіе обѣщаетъ поставить совсѣмъ въ новомъ видѣ весь вопросъ о польско-русинскомъ соглашеніи.

Мы сказали, что изъ всѣхъ партій галицкихъ одни только радикалы являются партіей политической. Уже и теперь они успѣли произвести вліяніе и на другія партіи, которыя сами себѣ должны

ставить политическіе вопросы, и при томъ прогрессивнаго характера. Такъ, въ послѣднее время и представители рутено-москво-фильской партіи заговорили объ избирательной реформѣ, а народовцы издали и свою политическую программу, въ которую внесли много пунктовъ изъ программы радикаловъ. Только старымъ партіямъ трудно отважиться рѣшительно на новую дорогу, такъ какъ для этого надо отказаться совершенно отъ политики прислужничества теперь правящимъ сферамъ и возложить надежду только на пробужденіе своего народа, который, вмѣстѣ съ другими, тоже теперь пробуждающимися народами Австріи, создаетъ новую правительственную систему, опирающуюся на новый сеймъ и новый парламентъ. Особенно трудно теперь отважиться на такую политику „народовцамъ“, которые недалеконвидно связали себя со старою системою, не замѣтивъ, что она лопається по всѣмъ швамъ и въ галицкой области, и въ остальныхъ провинціяхъ австрійской державы.

Какъ бы тамъ ни было, а галицкое радикальное движеніе интересно потому уже, что въ немъ видимъ явное пробужденіе политическаго сознанія самихъ галицко-русскихъ массъ, у которыхъ обстоятельства день за днемъ разбиваютъ надежды на какую-либо внѣшнюю помощь и толкаютъ ихъ къ надеждамъ только на самихъ себя. Европейскій же радикализмъ, который съ каждымъ днемъ дѣлаетъ успѣхи и въ Австріи, даетъ готовныя политическія формулы для этого новаго сознанія галицко-русскихъ народныхъ массъ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ объ одномъ осложненіи политическаго движенія среди русскихъ галичанъ,— а именно о вопросѣ церковномъ. Собственно политическое движеніе въ Галиціи—независимо отъ церковныхъ дѣлъ и могло бы ихъ и не трогать, но обстоятельства въ Галиціи таковы, что къ политическимъ вопросамъ само собою привязываются и церковныя. Мы видѣли, что въ революціи мѣщанъ м. Роздоли говорится объ отмигнѣ патроната и независимости галицко-русской церкви и объ удаленіи іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей, и что парламентская программа радикаловъ требуетъ предоставленія вѣроисповѣднымъ общинамъ завѣдыванія церковными имуществами. Дѣло въ томъ, что галицко-русская греко-уніатская церковь находится въ крайне ненормальномъ положеніи, обусловленномъ политическими отношеніями въ краѣ и въ свою очередь вліяющимъ на ходъ политической организаціи народныхъ силъ.

Такъ, это средневѣковое — феодальное учрежденіе, какъ патронать помѣщиковъ надъ священниками, остается въ Галиціи, потому что онъ даетъ полякамъ-помѣщикамъ возможность вліять на политическое поведеніе русинскихъ священниковъ. Въ послѣднее же время клерикально-польская партія въ Галиціи видимо задалась цѣлью вознаградить себя за обращеніе униатовъ въ православіе въ царствѣ польскомъ въ Россіи — отождествленіемъ униі съ католицизмомъ и полонизмомъ въ Галиціи. Ей удалось вовлечь въ свои виды и Римъ, который въ этомъ вопросѣ отступилъ отъ универсально-католическихъ цѣлей и сталъ поддерживать цѣли національно-польскія. Въ результатъ вышло назначеніе на катедры епископовъ униатскихъ лицъ вполне благопріятныхъ ультрамонтанско-польскимъ цѣлямъ, а также предоставленіе униатскихъ монастырей іезуитамъ „для реформы“, борьба съ нѣкоторыми выѣшними особенностями восточной церкви, совершаемая при помощи полиціи, къ явному скандалу и нарушенію основныхъ законовъ державъ и т. п. Нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ обѣ старыя партіи галицко-русинскія согласно протестовали противъ такого поработенія ихъ церкви, — но теперь, послѣ „угоды“, народовцы замолкли по этому вопросу. Между тѣмъ, ни съ національно-русинской точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія свободы религіозной, молча терпѣть такого положенія дѣлъ нельзя, — и радикалы подвергаютъ его критикѣ въ своихъ органахъ.

Въ то же время магнато-бюрократическія вліянія на галицко-русскую церковь совершенно подавили тамъ остатки стараго демократизма, — временъ братства XVI—XVII в., — въ отношеніяхъ между прихожанами и священникомъ, въ завѣдываніи церковными имуществами, и повели къ вздорожанію церковныхъ гробъ. Все это возбуждаетъ неудовольствіе крестьянъ, — и радикалы, какъ демократическая партія, не могутъ быть глухи къ этому неудовольствію и даютъ ему выраженіе въ своихъ органахъ. Духовенство, особенно высшее, раздражается этимъ выраженіемъ и старается дискредитировать радикаловъ передъ крестьянами и затѣмъ всячески противодействовать даже политическимъ тенденціямъ радикаловъ, препятствовать выборамъ ихъ въ депутаты. Борьба эта, конечно, могла только усилиться послѣ того, какъ радикалы выступили противъ „угоды“, которая признала митрополита политическимъ главою русиновъ и поставила въ политическую программу имъ служеніе интересамъ римской церкви не только въ Галиціи, но на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ.

Наиболѣе подходящимъ способомъ борьбы съ радикалами было признано обвиненіе ихъ въ томъ, что они „хотятъ разрушить въ народѣ религію“. Поддержкою такого обвиненія служитъ то, что болѣе образованные радикалы объявили себя сторонниками свободы изслѣдованія и печатаютъ переводы европейскихъ трудовъ по исторіи религіи.

Со времени избирательной кампаніи 1891 г. галицкіе радикалы неоднократно имѣли случай объяснить свое положеніе въ религіозномъ вопросѣ и въ своихъ органахъ, и на митингахъ. Они заявляютъ, что стоятъ только на пунктѣ свободы совѣсти и въ своей критикѣ церковныхъ отношеній въ Галиціи не трогаютъ догматовъ, а только общественно-церковныя учрежденія, которыя прямо входятъ въ область политики. По существу же радикалы совершенно раздѣляютъ область религіи и политики, и стоя за раздѣленіе церкви и государства, считаютъ вполне возможнымъ солидарность людей разныхъ религіозно-философскихъ мнѣній по вопросамъ государственной и социальной политики, причемъ указываютъ на примѣры Ирландіи, Англіи, Швейцаріи. Нѣсколько статей въ разъясненіе текста постановки вопроса было напечатано въ послѣднее время въ „Хлібородѣ“, и аргументація ихъ показалаcя убѣдительною и многимъ крестьянамъ. На сѣздѣ крестьянскихъ делегатовъ изъ разныхъ мѣстъ, недавно бывшемъ въ Коломіи, съ цѣлью положить начало крестьянскому радикальному политическому обществу, принята именно резолюція въ такомъ духѣ.

Свобода совѣсти теперь принята почти всѣми европейскими законодательствами, въ томъ числѣ и австрійскимъ, и само католическое духовенство въ болѣе цивилизованныхъ странахъ мирится съ этимъ, а во многихъ странахъ, какъ, напр., Сѣв.-Амер. Штаты, Англія, Швейцарія, католическое духовенство ничего не имѣетъ и противъ раздѣленія церкви и государства. Кромѣ того въ этихъ странахъ католическое духовенство поддерживаетъ весьма радикальныя стремленія политическія и социальныя, а недавно, послѣ энциклики папы Льва XIII о положеніи рабочихъ, положена была высшая санкція такъ называемому „католическому социализму“. Но въ Галиціи духовенство мало образовано, а высшая его іерархія есть явное орудіе магнато-польской партіи, а потому здѣсь примиреніе католицизма съ радикализмомъ очень затруднено, хотя національно-социальныя отношенія въ восточной Галиціи, вполне сходныя съ ирландскими, казалось бы, и обязывали галицко-русское духовенство къ подражанію католическому духовенству Ирландіи.

Такъ какъ вся совокупность условій жизни все болѣе толкаетъ галицко-русинское крестьянство и мѣщанство на дорогу радикальнаго политико-соціального движенія, и такъ какъ въ то же время большинство галицко-русскаго духовенства заявляетъ себя ожесточеннымъ противникомъ этого движенія, а высшіе церковные іерархи галицкіе, прямо слѣдуя даже анти-національному направленію и такимъ мѣрамъ, какъ, напр., отозваніе о. Волянского изъ Америки, явно идутъ противъ интересовъ народа, то не невозможно, что нынѣшнія натянутыя отношенія разразятся отпаденіемъ значительной части русскихъ галичанъ отъ униатской церкви и образованіемъ особыхъ вѣроисповѣдныхъ общинъ съ характеромъ болѣе или менѣе протестантскимъ.

Р. Я.

ВНѢШНЯЯ УСЛОВІЯ ЛИТЕРАТУРЫ

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). А. М. Скабичевскаго.
Спб. 1892.

Исторія нашей цензуры стала нѣсколько возможна только за послѣднее время: прежде этотъ предметъ былъ безусловно закрытъ для какого-либо обсужденія, въ томъ числѣ и для исторіи. Въ первый разъ вопросъ о цензурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ историческія указанія относительно ея вошли въ литературу въ началѣ 60-хъ годовъ: въ то время, въ числѣ другихъ реформъ, возникъ вопросъ о преобразованіи цензурнаго вѣдомства и до нѣкоторой степени былъ открытъ для обсужденій въ печати; при этомъ, оффиціальнымъ путемъ собраны были историческія свѣденія о прежнихъ цензурныхъ установленіяхъ, и это оффиціальное изданіе послужило первой исторіей нашей цензуры. Оно доставило значительный матеріалъ и для сочиненія г. Скабичевскаго. Затѣмъ общее расширеніе исторической литературы, біографіи и новыя изданія старыхъ писателей не однажды давали поводъ припоминать факты стараго времени, — какъ было, напримѣръ, при новыхъ изданіяхъ Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя; подобнымъ образомъ множество фактовъ этого рода сообщено было старыми мемуарами, дневниками, перепиской и иного рода документами, причемъ рассказы исходили иногда отъ лицъ вполне компетентныхъ, игравшихъ активную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пассивную роль въ цензурныхъ дѣлахъ, — таковы были, напр., воспоминанія лицъ, которые сами бывали цензорами, какъ Сергій Глинка, Снегиревъ, а въ по-

слѣднее время особенно Никитенко, котораго записки и дневники исполнены любопытнѣйшими указаніями о судьбахъ нашей умственной и общественной жизни. Разказы о старыхъ временахъ приносили между прочимъ и массу анекдотовъ о цензурѣ; въ видѣ иллюстраціи къ нимъ появлялись своеобразныя записки, въ родѣ записокъ извѣстнаго нѣкогда цензора Красовскаго... Въ судьбѣ нашей новѣйшей литературы цензура играла такую роль, что факты изъ ея исторіи почти неизбѣжно являлись въ детальныя изслѣдованія о старыхъ писателяхъ, и черезъ многіе десяти лѣтъ впервые появлялись въ печати тексты, нѣкогда устраненные цензурой.

Все это вмѣстѣ доставляло обширный матеріалъ, который, безъ сомнѣнія, заслуживалъ и требовалъ цѣльнаго, хотя бы чисто фактическаго обзора. Трудъ подобнаго рода исполненъ теперь г. Скабичевскимъ въ обширномъ сочиненіи, о которомъ мы представимъ здѣсь краткій отчетъ.

Изученіе исторіи цензуры является дѣйствительно необходимымъ для правильной постановки изученія самой литературы; въ сущности исторія цензуры является необходимымъ дополненіемъ къ исторіи литературнаго развитія, какъ указатель тѣхъ условій, въ какихъ это развитіе совершалось и совершается. Въ обычныхъ представленіяхъ цензура является какъ бы нѣчто случайное, какъ произвольная помѣха для успѣховъ литературы, почти всегда какъ достойная сожалѣнія несправедливость, которая вызывала у новѣйшихъ историковъ жалобы на препятствія, окружавшія дѣло литературы. Но эти препятствія были столь постоянны, столь долговременны, что въ нихъ, очевидно, должна заключаться своя глубокая историческая причина. И дѣйствительно, эта причина была. Въ томъ историческомъ положеніи, въ какомъ находилась русская литература, цензура была явленіемъ неизбѣжнымъ, и ея дѣятельность была показателемъ тѣхъ культурныхъ и образовательныхъ условій, среди которыхъ предстояло развиваться литературѣ.

Въ обычныхъ сужденіяхъ о развитіи нашей литературы мы уже довольно давно привыкли нѣсколько, и даже весьма значительно, преувеличивать ея успѣхи. Мы съ удовольствіемъ, даже съ восторгомъ указывали тѣ все болѣе и болѣе высокія ступени, какія быстро проходила наша литература съ прошлаго вѣка: всего въ теченіе нѣсколькихъ поволеній она достигла отъ Кантемира и Ломоносова къ Державину. и Фонвизину, потомъ

къ Карамзину и Жуковскому, затѣмъ къ Пушкину и Гоголю. Едва умеръ Ломоносовъ, какъ уже является Фонвизинъ; Державинъ видѣлъ отрока Пушкина; Гоголь былъ только младшимъ товарищемъ Пушкина; старѣйшіе изъ нынѣшнихъ писателей могли еще видѣть Жуковского и Гоголя; Тургеневъ и Салтыковъ начали свою литературную дѣятельность, когда Гоголь еще дѣйствовалъ — такъ все это было близко и одно поколѣніе подавало руку другому. Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ былъ необычайный, если разсматривать дѣло само по себѣ, независимо отъ его обстановки. Литература въ нынѣшнемъ смыслѣ, — не отрывочная „письменность“ старыхъ временъ, такъ часто бывавшая дѣломъ не писателей, а только грамотѣевъ, — эта литература началась съ прошлаго вѣка, даже не со временъ Петра В., а скорѣе не далѣе какъ только съ половины прошлаго столѣтія, началась весьма элементарно, ученическими подражаніями, и между тѣмъ на пространствѣ немногихъ указанныхъ поколѣній она успѣла достигнуть великихъ успѣховъ и въ глубинѣ содержанія, и въ высокой художественности формы, и въ богатомъ развитіи языка, и наконецъ въ наше время мы были свидѣтелями необычайнаго впечатлѣнія, какое ея лучшія созданія произвели въ вѣковыхъ литературахъ западной Европы, какъ нѣчто въ высокой степени оригинальное, самобытное, изящное и глубокое. Приобрѣтенія русской литературы были дѣйствительно великія, и успѣхъ ея былъ вполне заслуженный. Независимо отъ того, что въ лучшихъ ея созданіяхъ мы видѣли близкія намъ картины своей жизни, въ высокой степени изящную обработку своего языка; независимо отъ естественнаго патріотическаго увлеченія, нельзя не признать, что въ лучшихъ созданіяхъ этой литературы бывали глубокія самостоятельныя достоинства, была внутренняя сила мысли и поэзіи: приговоръ чужихъ судей бываетъ въ подобныхъ случаяхъ ручательствомъ... Не мудрено, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ произведеній, которыя, кромѣ того, нерѣдко очень сильно затрогивали наше общественное чувство, мы гордились успѣхами нашей литературы, видѣли въ нихъ успѣхи самой общественной и національной жизни, возвышали наши ожиданія и надежды, стараясь дальше развивать завѣты предъидущаго развитія. Очевидно, это было широкое, многозначительное историческое явленіе.

Но это явленіе имѣло свою обратную сторону, или, другими словами, въ общей суммѣ жизни оно сопровождалось другого рода процессомъ. Какъ ни было знаменательно это развитіе литературы, оно не было выраженіемъ цѣлой національной жизни во всемъ ея составѣ. Общество относительно ея было уже давно

раздѣлено, хотя не умѣло этого понять и высказать сознательно. Въ сороковыхъ годахъ славянофилы, позднѣе народники, прямо отвергали развитіе русской жизни, совершавшееся послѣ Петра В. въ высшемъ слоѣ народа и результатомъ котораго была въ сущности эта литература—считая его не-народнымъ. И въ томъ и въ другомъ смыслѣ выводъ былъ неправильный,—потому что куда же было, наконецъ, отнести эту литературу, конечнымъ стремленіемъ и результатомъ которой было именно возвышеніе народной стихіи? Что же осталось бы національнаго въ двухвѣковой умственной жизни, еслибы пришлось исключить изъ нея все, въ различной степени навѣянное западной наукой и литературой или выросшее самостоятельно послѣ перваго отъ нихъ полученнаго возбужденія, —еслибы изъ исторіи русской мысли и поэзіи пришлось исключить Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина и т. д.? На чемъ выросла та самая, исключительно національная и народная, мысль, которою гордятся эти школы, какъ не на этомъ именно предъидущемъ развитіи русской литературы, обвиняемомъ въ не-народности, или даже не на прямомъ воздѣйствіи новѣйшей литературы западной? Славянофилы утверждали, что Петръ В. сбилъ Россію съ прямого національнаго пути и оторвалъ высшіе классы отъ народа въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ; народники утверждали (нѣсколько неясно), что наша цивилизація не народна тѣмъ, что служила только экономическимъ интересамъ высшихъ сословій, и главнѣйшая вина ея сводится не къ какимъ-либо отвлеченнымъ началамъ, а именно къ несправедливости экономической. Легко видѣть изъ всего историческаго развитія нашей литературы, что оба эти обвиненія совершенно несправедливы или неправильно поставлены. Дѣйствительное положеніе вещей заключалось въ томъ, что движеніе новѣйшей нашей образованности было ограничено слишкомъ тѣснымъ классомъ населенія. Собственно говоря, въ этомъ явленіи не было чего-либо исключительнаго. Во всей исторіи человѣческой цивилизаціи проходитъ фактъ, что высшая культура бывала достояніемъ извѣстныхъ болѣе привилегированныхъ и особливо достаточныхъ классовъ. Всегда и вездѣ для возникновенія болѣе высокой умственной культуры требовался досугъ отъ матеріальнаго труда, и этотъ досугъ естественно принадлежалъ высшему, болѣе тѣсному классу населенія. Если нашихъ теоретиковъ поражаетъ далекое разстояніе образованнаго человѣка отъ мужика, то это явленіе повторяется и у всѣхъ другихъ народовъ, и въ прежнія времена эта разница принимала не менѣе вопіющіе размѣры даже у націй, стоявшихъ на весьма высокой степени образованія:

легко найти подобные примѣры во французской и нѣмецкой литературѣ прошлаго вѣка, гдѣ „грубый“ крестьянинъ едва признавался человѣческимъ существомъ.

Но если въ нашемъ новѣйшемъ образованіи и въ литературѣ не было принципиальнаго разрыва съ народомъ, или если онѣ не были вовсе рассчитаны исключительно на выгоду и удовольствіе высшаго класса, какъ говорятъ, то было другое крайне неблагопріятное явленіе. Оно заключалось въ особыхъ условіяхъ самой постановки нашего образованія, а съ нимъ и литературы,—условіяхъ, которыя у насъ были совершенно несходны съ западно-европейскими. Поражаетъ прежде всего численная ограниченность нашего образованнаго круга, какъ въ настоящее время поражаетъ и ничтожная цифра грамотныхъ людей въ народѣ, когда во многихъ странахъ западной Европы школа обязательна для всѣхъ *безъ исключенія*, такъ что безграмотныхъ людей, кромѣ младенцевъ, не существуетъ. Въ связи съ этимъ, съ самаго перваго основанія у насъ правильной школы, съ конца XVII вѣка, въ теченіе XVIII-го и донынѣ поражаетъ ничтожное количество школьных учрежденій сравнительно съ численностью населенія. Довольно взять самыя общія статистическія цифры, чтобы видѣть нашу прискорбную отсталость въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ безъ исключенія народовъ западной Европы. Мы до такой степени примирились съ повальнымъ невѣжествомъ и безграмотностью, что иные публицисты мнимо-національнаго направленія серьезно высказывали даже прямой абсурдъ о „перепроизводствѣ интеллигенціи“ — на томъ основаніи, что образованные люди не требуются въ полудикой средѣ народнаго быта и нѣкоторыхъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества. Въ связи съ этимъ находится слабое количественное распространеніе литературы: опять самыя общія статистическія цифры могутъ указать чрезвычайно скудное число книгъ и періодическихъ изданій, какимъ довольствуется громадное населеніе громадной имперіи; наши книжныя цифры, какъ цифры нашихъ учебныхъ заведеній и грамотныхъ людей, являются по истинѣ жалкими въ сравненіи съ необычайнымъ распространеніемъ школы и печати въ западной Европѣ.

Наши историческія изслѣдованія до сихъ поръ еще не совсѣмъ выяснили весьма существенный вопросъ объ этомъ явленіи, которое, однако, заслуживало бы обстоятельнаго разъясненія... Намъ хотятъ увѣрить, будто бы еще въ старой Россіи была широко распространена грамотность въ народной массѣ, такъ что впоследствии она представляется какъ бы упавшею. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе этого положенія, замѣтимъ только, что еслибы

это было и такъ, — это была именно только грамотность, не сопровождавшаяся настоящимъ образованіемъ даже въ самыхъ высшихъ кругахъ до-Петровскаго общества, кромѣ немногихъ исключеній, извѣстныхъ наперечетъ. Эта грамотность могла произвести только „письменность“, но не литературу въ настоящемъ значеніи слова: могла дать лѣтопись, попытку историческаго изложенія, поученіе на искусственномъ славяно-русскомъ языкѣ; могла дать попытку литературы повѣствовательной въ средневѣковомъ стилѣ, — но была не въ состояніи дать самостоятельнаго поэтическаго творчества хотя бы на основахъ народно-поэтическаго преданія, которое утрачивалось и во многихъ случаяхъ было совершенно утрачено еще въ Россіи до-Петровской... Говорятъ съ другой стороны, что реформа оторвала высшіе классы отъ народа, заразивъ ихъ чуждымъ образованіемъ. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что зараза долгое время дѣйствовала чрезвычайно медленно и слабо: проблески самостоятельной литературной дѣятельности въ новомъ направленіи можно считать нѣсколько прочными не ближе какъ около половины прошлаго столѣтія; при Петрѣ В. и послѣ, „высшіе классы“ упирались противъ школьнаго образованія, и число безграмотныхъ дворянъ было еще весьма значительно въ эпоху „Наказа“; тѣмъ, кто знакомъ со старой литературой, извѣстно, что „письменность“ на старинный образецъ продолжалась до конца прошлаго и даже до нынѣшняго столѣтія... Замѣчено было не одинъ разъ, что долгое время забота о распространеніи образованія была по преимуществу дѣломъ самого правительства, — и трудно ставить ему въ упрекъ, что при этомъ оно руководилось въ особенности, если не исключительно, чисто утилитарными соображеніями, желаніемъ приобрести образованныхъ или по крайней мѣрѣ грамотныхъ чиновниковъ и офицеровъ для службы. Что во многихъ случаяхъ дѣло воспитанія новаго общества совершалось довольно грубыми приѣмами, что самое образованіе ставилось въ очень тѣсныя рамки, это не удивительно: правленіе временъ Петра В. унаслѣдовало эти приѣмы отъ стародавнихъ временъ и передало временамъ позднѣйшимъ, такъ какъ ни раньше, ни позднѣе, въ самой общественной и народной средѣ долго не было представленія объ иномъ складѣ общественной жизни, чѣмъ тотъ, какой былъ: событія конца XVII вѣка и всего послѣдующаго столѣтія, какъ ни были иногда необычайны, принимались обществомъ и народной массой безъ всякаго недоумѣнія, безъ всякой мысли о непокорности; борьба правительственныхъ элементовъ совершалась

безъ всякаго участія общественныхъ массъ, и павшія партіи спокойно забывались...

Такова была почва, на которой предстояло возникнуть новой литературѣ. Совершенно очевидно, что въ этихъ условіяхъ она могла складываться только въ самыхъ элементарныхъ размѣрахъ и по содержанію, и по внѣшнему распространенію. При крайней скудости образованія она могла найти только очень немногихъ дѣятелей, и дѣйствительно въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ со временъ Петра В. мы находимъ только немногія имена людей, работавшихъ такъ или иначе для литературы, и большинство изъ нихъ—поэты (или стихотворцы), историки, переводчики—становились писателями по самому официальному положенію, напр. состояли при академіи, по службѣ обязывались писать торжественныя оды и инныя официально-поэтическія творенія и т. п. Не велика была и публика этой новой литературы, хотя уже находились любители, которыхъ интересовала новая форма стихотворства, новыя научныя свѣденія, дававшія пищу естественной любознательности.

Разъ брошенное зерно имѣло, однако, великую жизненную силу. Опыты новой литературы отвѣчали столь естественной и столь долго неудовлетворяемой потребности въ развитіи элементовъ поэтическаго творчества и знанія, что за первыми опытами быстро послѣдовали и другіе: первые несовершенные опыты стихотворства вызвали стремленіе къ усовершенствованію; съ первыхъ шаговъ нашей литературы уже начинаются споры о поэтическомъ стилѣ, о требованіяхъ русскаго языка, о важности и изяществѣ самаго содержанія. Образцами служили, конечно, литературы иностранныя, и здѣсь наши первые писатели находили уже готовые выработанныя требованія, исполненіе которыхъ считалось необходимымъ для правильно поставленной литературы. Вліяніе западныхъ литературъ, особливо нѣмецкой и французской, частью англійской, со второй половины прошлаго вѣка обнаруживается цѣлою массою разнообразныхъ явленій: множествомъ переводовъ классическихъ или ходячихъ популярныхъ произведеній, и прямымъ воздѣйствіемъ ихъ содержанія на русскихъ писателей. Встрѣча русской литературы съ литературами европейскими была естественна и неизбѣжна. Какъ ни былъ тѣсенъ нашъ кругъ образованныхъ людей, въ немъ сказалась совершенно законная потребность все болѣе широкаго знанія и все болѣе широкаго развитія литературныхъ формъ: мы оцѣнимъ это стремленіе, когда припомнимъ, что въ этихъ слабыхъ зародышахъ таилось то развитіе, результатомъ котораго были потомъ величайшія созданія русской литературы.

Очевидно, однако, что при вышеописанныхъ условіяхъ эти зародыши движенія были въ полной мѣрѣ предоставлены самимъ себѣ, должны были существовать на свой страхъ, не поддерживаемые никакой общественной силой, никакимъ организованнымъ просвѣщеніемъ. Новая литература держалась въ очень тѣсномъ кружкѣ немногихъ любителей; этотъ кружокъ въ послѣдствіи размножился, въ нашему времени сталъ даже и довольно многочисленъ, но этотъ кругъ никогда и до сихъ поръ не получалъ никакой санкціи своего существованія, — за нимъ никогда не была признана свобода печатнаго слова. Правда, этой свободы долго не знали и многія европейскія общества; но во всякомъ случаѣ условія западной европейской литературы были издавна совершенно иныя и несравненно болѣе благопріятныя. Западная школа существовала и развивалась непрерывно еще отъ временъ римской имперіи, и на западѣ издавна была достигнута высокая степень образованія и національной литературы. Былъ совершенно иной уровень понятій общественныхъ, литературныхъ и научныхъ; за литературой давно признано право существованія; литература нѣмецкая и французская, ближе другихъ знакомыя у насъ въ XVIII вѣкѣ, были богаты замѣчательными произведеніями поэзіи и научнаго знанія въ то время, когда у насъ едва появлялись первые элементарные опыты.

Если у насъ не было ничего подобнаго этому литературному богатству, то и въ господствующихъ понятіяхъ не было никакого представленія о томъ общественномъ положеніи, какое можетъ имѣть литература; не было представленія о томъ, чтобы литература имѣла какое-либо право свободнаго теоретическаго мышленія. Если нѣчто подобное стало сознаться въ небольшомъ литературномъ кругу, который знакомился съ этимъ изъ западной литературы, то для всей остальной массы общества, а *въ томъ числѣ* и для сферъ административныхъ, литература была случайный фактъ, имѣвшій иногда внѣшнюю занимательность, но вовсе не такое проявленіе внутренней жизни общества, за которымъ могло бы быть признано какое-нибудь право. Въ этой массѣ не были знакомы ни новыя положенія науки, ни простые литературные приемы и обычаи, ни даже иные книжные обороты и протѣйшія иностранныя слова ¹⁾.

¹⁾ Напомнимъ, напр., *политическое* слѣдствіе по поводу того, что Тредьяковскій однажды вмѣсто слова: императрица, поставилъ латинское: „императриксъ“, потому что первое не укладывалось въ стихъ. Это было нелѣпо просто въ литературномъ отношеніи (хотя латынь въ то время нерѣдко употреблялась въ литературномъ обо-

Но такъ какъ на одномъ уровнѣ съ массою общества въ большинствѣ случаевъ стояли и административныя власти, отъ которыхъ зависѣла судьба книгъ (припомнимъ, что еще во времена Екатерины II цензура поручалась управамъ благочинія), то очевидно, что литературѣ должны были предстоять непрерывныя столкновенія. И онѣ дѣйствительно совершались и чѣмъ дальше, тѣмъ становились чаще и тревожнѣе для спокойствія и безопасности писателей. Въ самомъ дѣлѣ, когда разъ началось движеніе литературы въ смыслъ европейскаго образованія, она все больше знакомилась съ пріобрѣтеніями науки, съ первостепенными произведеніями европейской литературы, гдѣ затрогивались съ прошлаго вѣка все болѣе глубокіе вопросы религіи, знанія и быта общественнаго и государственнаго. Средства нашего образованія были такъ невелики въ общемъ счетѣ, что эти идеи, конечно, не могли быть воспринимаемы въ нашемъ обществѣ съ какою-либо полнотою и сознательностью; но онѣ все-таки воспринимались, поражали своею новостью и наводили болѣе серьезныхъ людей на размышленія о собственной русской дѣйствительности. Рѣдко кто помышлялъ проводить подобныя вещи въ русскія книги, но образованнѣйшіе люди — назовемъ Оеопана Проконевича и его кружокъ, Кантемира, историка Татищева, позднѣе Болтина и др. — были съ ними болѣе или менѣе знакомы, и вліяніе ихъ все болѣе распространялось въ умахъ, если не въ книгахъ, хотя наконецъ онѣ попадали и въ книги. Такъ или иначе, мысль была разбужена, съ каждымъ поколѣніемъ являлся новый притокъ европейскихъ понятій, и въ образованнѣйшемъ кругу возникало все болѣе сознательное критическое направленіе мысли. Однимъ изъ первыхъ крупныхъ столкновеній этого направленія съ обычными понятіями было дѣло собственно чуждое литературѣ, но объясняющее то положеніе вещей: это было знаменитое дѣло Волинскаго. Однимъ изъ великихъ преступленій Волинскаго было то, что онъ читался тогдашней политической литературы, — онъ читалъ Гутто Гроція и Макіавеля. Этихъ книгъ не было на русскомъ языкѣ, т.-е. не было въ печатныхъ изданіяхъ, но извѣстно, что много произведеній этого политическаго содержанія существовало тогда въ переводахъ рукописныхъ: ихъ-то и читалъ Волинскій. Процессъ Волинскаго наглядно показалъ, какая пропасть отдѣляла подобную литературу отъ русской дѣйствительности; это было вмѣстѣ съ тѣмъ цензурное предостереженіе на будущее время.

рогѣ), но, конечно, здѣсь не было никакого матеріала для „слова и дѣла“, какъ это тогда случилось.

Съ подобными понятіями начали тайтаться, какъ, напримѣръ, таился уже Татищевъ,—но работу мысли остановить было невозможно, и въ средѣ наиболѣе образованныхъ людей, знакомыхъ съ иностранными литературами, создавался складъ понятій, далекій отъ практической дѣйствительности, но заключавшій въ себѣ задатки дальнѣйшаго развитія въ высшей области литературы и общественнаго образованія. Иногда складъ мысли прорывался въ литературу, и вопіющее противорѣчіе съ дѣйствительностью бывало для писателей источникомъ тяжелыхъ бѣдствій, какъ было это съ Новиковымъ и Радищевымъ.

Такимъ образомъ уже съ прошлаго столѣтія открывалась цѣлая пропасть между теоретическими и идеальными стремленіями образованнѣйшаго круга, съ одной стороны, и практическою дѣйствительностью—съ другой. Въ послѣдней не было мѣста для этихъ стремленій и она подавляла ихъ всею тяжестью традиціонныхъ понятій массы и всею тяжестью административной власти. Противоположностей было безъ конца. Русское общество, которое со временъ Петра В. въ первый разъ знакомилось съ книгой свѣтскаго характера, долго не могло освоиться съ тѣмъ, что книга есть собственно выраженіе личныхъ мнѣній отдѣльнаго писателя, всегда открытое для критики и оставляющее мѣсто для всякихъ другихъ мнѣній. Первые „гражданскія“ книги могли даже поддерживать это недоразумѣніе: какъ въ прежнія времена книга (тогда только богослужебная или иначе относившаяся до церкви) выходила по благословенію патріарха, при Петрѣ теперь гражданскія книги печатались по повелѣнію императора, по его порученію, съ его вѣдома и даже при его собственномъ участіи. Для толпы уже съ этихъ поръ печатный листъ „казался быть святымъ“. И долго послѣ, напечатанная книга (которая въ случаѣ ошибочности ея идей могла бы быть сколько угодно опровергаема) казалась какъ бы политическимъ поступкомъ, который въ случаѣ его неправильности долженъ былъ навлекать на автора цѣлую грозу политическихъ взысканій. Это преувеличенное представленіе сохранялось долго послѣ, даже до нашихъ дней, и способствовало суровому характеру цензурныхъ постановленій. Исторія цензуры доставляетъ множество примѣровъ, гдѣ эта чрезмѣрная важность придавалась самымъ ничтожнымъ подробностямъ литературныхъ произведеній.

Затѣмъ этотъ взглядъ на книгу осложнялся другимъ историческимъ обстоятельствомъ. До Петра Великаго, при которомъ впервые появилась гражданская печать, литература или книжность была почти исключительно церковная; теперь выдѣляется и распространяется все больше литература свѣтская; но церковное міровоз-

зрѣніе сохраняетъ свой авторитетъ въ такой степени, что черезъ всю исторію нашей литературы, въ различныхъ формахъ и степеняхъ, проявляется это вліяніе церковности въ предметахъ свѣтской науки и свѣтской литературы. Между ними необходимо возникало не мало весьма существенныхъ разнорѣчій. Свѣтская наука мало проникала въ духовныя заведенія или проникала въ нихъ въ особой окраскѣ, такъ что если на рѣшеніе людей духовнаго образованія попадали свѣтскія книги, они не однажды возставали противъ нихъ, какъ противъ лжеученія, хотя бы съ обыкновенной свѣтской точки зрѣнія это были вещи совсѣмъ обыкновенныя. Такъ съ прошлаго столѣтія и до нынѣшняго не однажды становилась предметомъ сильныхъ осужденій со стороны людей церковнаго образованія система Коперника, которая считалась противорѣчащею Библіи и потому подвергалась безусловному осужденію, и любопытно, что рѣдко кто рѣшался въ этихъ случаяхъ объяснять дѣло. Система Коперника была, конечно, только однимъ изъ множества примѣровъ, дававшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ между свѣтской литературой и духовной властью или, собственно говоря, между людьми свѣтскаго и духовнаго образованія. Вопросы исторіи, географіи, естествознанія, поэзіи, нравственности нерѣдко обсуждались съ двухъ сторонъ совершенно различно; между этими сторонами всегда было готово противорѣчіе, и въ сожалѣнію никогда, и даже до сихъ поръ, не были разграничены двѣ области: чистой теологіи и свѣтской науки, вѣры и мышленія. Послѣ того, какъ происходили по какому-либо особенному поводу эти столкновенія двухъ областей образованія, сущность дѣла оставалась безъ всякой перемѣны: когда духовная цензура преслѣдовала систему Коперника, эта система продолжала преподаваться въ свѣтскихъ училищахъ по-прежнему. Въ недавніе годы предметомъ подобныхъ споровъ стала геологія: духовная цензура останавливала книги съ изложеніемъ геологическихъ теорій о возрастѣ земли, но геологія продолжала преподаваться въ высшихъ школахъ, — для послѣдовательности нужно было бы воспретить самое преподаваніе. Этого сдѣлано не было; но извѣстно, что до 60-хъ годовъ изданіе книгъ по естествознанію соединено было съ величайшими затрудненіями, и только вслѣдствіе просвѣщеннаго мѣропріятія цензурнаго вѣдомства въ 60-хъ годахъ эта область открыта была для нашей литературы: съ тѣхъ поръ, между прочимъ (вѣроятно не безъ связи съ этимъ мѣропріятіемъ), въ области этой науки появился цѣлый рядъ замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ.

Это невыясненное отношеніе церковной книги и свѣтской ли-

тературы и науки остается донинѣ отголоскомъ старыхъ временъ нашей письменности, и противорѣчіе обострялось тѣмъ, что за первую изъ этихъ точекъ зрѣнія признавалось, между прочимъ, значеніе національнаго преданія. Очевидно, что если въ подобныхъ предметахъ свѣтская литература подвергалась обвиненіямъ въ нарушеніи дѣйствительнаго или предполагаемаго церковнаго ученія (говоримъ: предполагаемаго, потому что бывали просвѣщенные іерархи, предоставлявшіе большій просторъ научному изслѣдованію и не считавшіе его нарушеніемъ вѣроученія), то было бы крайне несправедливо считать за нею эту вину: дѣло шло о вопросахъ цѣлаго научнаго мышленія, и справедливѣе было бы признать когда-нибудь право науки.

Другія безконечныя столкновенія, гдѣ литература неизмѣнно играла страдательную роль, происходили, еще съ прошлаго столѣтія, въ области вопросовъ быта общественнаго и государственнаго. Новѣйшая литература начиналась въ обществѣ, выросшемъ въ самой суровой государственной дисциплинѣ. Петръ Великій, для успѣха своихъ преобразованій, между прочимъ желалъ внушить обществу интересъ къ государственнымъ дѣламъ, въ надеждѣ, что нѣкоторое пониманіе этихъ предметовъ поможетъ успѣху его внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ начинаній. Мы упоминали, что интересъ дѣйствительно привился: люди болѣе образованные начинали размышлять о состояніи дѣлъ, находили въ нихъ тѣ или другіе недостатки, желали тѣхъ или другихъ исправленій и т. д. Но, собственно говоря, имъ на это не предоставлялось никакого права. Власть до того строго паблюдала за неприкосновенностью своего авторитета, что въ первой половинѣ столѣтія „слово и дѣло“ было ужасомъ на пространствѣ всей имперіи, для людей всѣхъ сословій и положеній; въ литературѣ, за исключеніемъ развѣ одной безумной по тому времени попытки Радищева, не было примѣра, чтобы затронуты были эти опасные вопросы, и только теперь, когда спустя болѣе ста лѣтъ реставрируется содержаніе старой литературы изданіемъ мемуаровъ, мы видимъ, что общество не оставалось чуждо этимъ интересамъ, какъ можно видѣть, напримеръ, по изданнымъ теперь сочиненіямъ кн. М. М. Щербатова. И хотя литература хранила глубокое молчаніе объ этихъ предметахъ, оказывалось, однако, что не было недостатка въ заподозрѣваніяхъ ея и въ этомъ отношеніи; но за отсутствіемъ какихъ-либо дѣйствительныхъ касательствъ къ политикѣ, обвиненія направляемы были на такіе предметы, которые съ нынѣшней точки зрѣнія не заслуживали бы никакого вниманія: въ то время имъ придавалось значеніе политическаго преступленія или проступка.

Правда, уже въ литературѣ прошлаго столѣтія является „сатира“, но эта сатира направлялась на предметы безразличные въ политическомъ отношеніи, или, какъ обличеніе голаго и грубаго невѣжества, взяточничества и т. п., могла быть встрѣчена благопріятно и самою властью. Общій тонъ литературы по отношенію къ политическимъ предметамъ есть крайняя приниженность.

Съ теченіемъ времени вопросы этого рода послѣ разныхъ колебаній значительно выяснились: извѣстныя западныя ученія оказались явно недоступными для нашей литературы,—тѣмъ не менѣе столкновенія продолжались и опять не по винѣ одной литературы. Дѣло въ томъ, что въ самой правительственной сферѣ въ разное время брали верхъ разныя направленія, и это отражалось на литературѣ. Извѣстно, напримѣръ, какимъ либеральнымъ характеромъ начиналось царствованіе императрицы Екатерины II: ея любимыми писателями были люди, стоявшіе тогда въ первомъ ряду освободительнаго движенія—Монтескьё, Беккариа, Вольтеръ, Дидро; „Наказъ“ поражалъ своимъ свободомысліемъ и политической смѣлостью въ тогдашней консервативно-монархической Европѣ. Отсюда оживляющая свободная струя проникла и въ русскую литературу: съ эпохой „Наказа“ совпадаетъ появленіе сатирическихъ журналовъ Новикова; въ литературномъ обращеніи надолго сохранились идеи человѣчности, просвѣщенія, справедливости, которыя имѣли возможность защищать себя ссылками на „Наказъ“. Но время потомъ перемѣнилось, и конецъ царствованія сопровождался гоненіями, которыя, конечно, не были заслужены литературой. То же самое повторяется въ царствованіе импер. Александра I. Первые годы наполнены либеральными заявленіями; изъ ближайшей обстановки императора проникаютъ и въ общество мечты о коренныхъ измѣненіяхъ въ самомъ государственномъ устройствѣ; по высочайшему повелѣнію издаются книги иностранныхъ авторитетныхъ писателей на тему „законно-свободныхъ“ политическихъ учрежденій; основываются новые университеты и лицеи, гдѣ находятъ мѣсто просвѣщенные люди изъ новаго поколѣнія, или, за недостаткомъ русскихъ профессоровъ, вызываются иностранные ученые, которые непосредственно излагаютъ науку въ ея тогдашней западно-европейской формѣ. Но затѣмъ опять поворотъ. Кончились наполеоновскія войны, въ теченіе которыхъ, особливо въ концѣ, сильно поднялось общественное чувство между прочимъ и въ Россіи, и основаніе Священнаго союза надолго открыло путь направленію чисто реакціонному, въ политикѣ вѣшной и внутренней. По странному міражу, который повторился еще разъ въ 1848 году, въ правительственныхъ сферахъ пола-

гали, что Россія (съ ея численно ничтожнымъ верхнимъ классомъ и съ безгласною массою народа) представляетъ однородное явленіе съ широко развитыми политически европейскими обществами, гдѣ шло явное броженіе либеральныхъ идей и даже революціонныхъ замысловъ,—и къ Россіи сочли возможнымъ примѣнять ту же мѣрку, видѣть въ ней тѣ же политическія опасности. Чрезвычайно странное зрѣлище представили извѣстныя событія двадцатыхъ годовъ, какъ исторія въ петербургскомъ университетѣ, какъ дѣянія Магницкаго, архимандрита Фотія и т. п. Мрачныя изувѣры, невѣжественные обскуранты, наглые интриганы (какъ прежній вольнодумецъ Магницкій) предприняли спасти отечество во имя религіи и Священнаго союза: судъ надъ петербургскими профессорами, дѣло Библейскаго общества, запрещеніе „Естественнаго Права“ проф. Куницына и множество другихъ подобныхъ фактовъ поражали своимъ противорѣчіемъ тому, чтѣ за немногіе годы назадъ указывалось и поощрялось самою властью, и поражало тѣмъ болѣе, что дѣятели всѣхъ этихъ гоненій не были уважаемы, и новое правительство, съ болѣе простымъ и свѣжимъ взглядомъ, тотчасъ же прогнало ихъ.

Противорѣчія однако продолжались. Во второй четверти столѣтія, съ одной стороны идутъ заботы о водвореніи научнаго знанія, и цѣлый рядъ молодыхъ ученыхъ (въ большинствѣ прекрасно выбранныхъ, даровитыхъ и воспріимчивыхъ) посылается за границу въ главные, особливо нѣмецкіе разсадники науки для изученія исторіи, права, филологіи, славяновѣденія и пр.; но затѣмъ возбуждаются самыя строгія цензурныя преслѣдованія противъ тѣхъ самыхъ идей, какія извлекались изъ этого общенія съ западно-европейскою наукою. Литература была опять безъ вины виновата. Очевидно было, что если разъ допущенъ былъ тотъ или другой источникъ просвѣщенія, онъ долженъ былъ оказать свое органическое дѣйствіе, и естественно было также, что извѣстныя научныя положенія, извѣстныя впечатлѣнія, почерпаемыя изъ знакомства съ великими созданіями всемірной поэзіи и съ новѣйшею европейскою литературой, не могли не расширять нашей собственной мысли, не возвышать чувства, не увлекать къ идеалистическимъ порывамъ, а также и не вести къ развитію самонаблюденія и общественнаго самосознанія. Такъ это и случилось на самомъ дѣлѣ, и этимъ возбужденіямъ мы обязаны тѣмъ, чтѣ—подъ именемъ движенія сороковыхъ годовъ—составляетъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ и плодотворныхъ страницъ въ исторіи внутренней жизни нашего общества. Извѣстно, что люди той эпохи очень хорошо понимали всю великую разницу историческихъ стадій за-

падной Европы и нашего отечества, и вліяніе европейскихъ идей въ ихъ умахъ постоянно умѣрялось этимъ сознаніемъ исторической разницы: никому не приходило въ голову ни мечтать о какомъ-нибудь перенесеніи къ намъ европейскихъ политическихъ учрежденій, ни считать у насъ возможною европейскую свободу мысли и печати; они хотѣли только распространять знакомство съ основами новѣйшей науки, которая являлась и была дѣйствительно необходимымъ условіемъ личнаго и общественнаго сознанія, и съ возвышенными поэтическими идеалами, которые были столь же высокими средствами нравственнаго воспитанія. Къ сожалѣнію, и эта роль литературы была непонята и осуждена. Новыя идеи принадлежали только тѣсному кружку лицъ (при томъ уже тогда разбившихся на два лагеря) съ высокимъ уровнемъ образованія, и ихъ умственные запросы оставались чужды массѣ общества; не мудрено, что ихъ встрѣчали съ предубѣжденіемъ, и люди съ традиціоннымъ складомъ понятій (а ихъ было громадное большинство) усмотрѣли въ ихъ идеяхъ беззаконную попытку колебать установленныя начала русской жизни.

Въ этомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, представляется очень простая историческая повѣрка. Мнимое колебаніе основъ было только болѣе сильнымъ сознаніемъ потребностей жизни, предчувствіемъ или предвидѣніемъ того, что нужно для здраваго развитія общественныхъ силъ, — и дѣйствительно, послѣдующая эпоха въ полной мѣрѣ оправдала стремленія сороковыхъ годовъ, сдѣлала эти стремленія предметомъ заботъ самой власти. Крымская война разрушала очарованіе стараго порядка вещей; его несостоятельность стала очевидна для людей, еще недавно глубоко убѣжденныхъ въ непреложности старой системы; то, о чемъ мечтали втайнѣ люди сороковыхъ годовъ, уже въ пятидесятыхъ годахъ стало правительственной программой, и люди, воспитавшіеся въ столь преслѣдуемыхъ еще недавно либеральныхъ идеяхъ, оказались въ ряду необходимыхъ и наилучшихъ исполнителей правительственныхъ предначертаній; ихъ идеи стали общепризнаннымъ фактомъ.

Такой же рядъ колебаній представляетъ отношеніе литературы къ общественной жизни. Первая попытка изображенія дѣйствительныхъ нравовъ принадлежитъ новѣйшей послѣ-Петровской литературѣ, опять подъ вліяніемъ возникавшаго образованія и европейской литературы. Первые опыты литературы прошлаго вѣка (Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ) похожи были на школьное упражненіе на тему изъ иностранныхъ образцовъ; на первое время умѣли только „подражать“ чужому образцу —

Горацію, Ювеналу, Буало и т. п., но въ самомъ подражаніи мысль начинающаго писателя невольно привязывалась къ содержанію, въ его умѣ проходила параллель, и явное подражаніе становилось сатирой Кантемира или Сумарокова, затрогивавшей русскую жизнь; псевдо-классическая трагедія стремилась брать русскую тему; псевдо-классическая комедія захотѣла изображать русскіе нравы и обычаи, и т. д. Если такіа ходульныя произведенія, какъ псевдо-классическая трагедія Сумарокова, или торжественная ода, были слишкомъ далеки отъ настоящей жизни и получали значеніе опять только въ смыслѣ школьнаго упражненія, для пріученія публики къ литературнымъ формамъ, то въ комедіи и сатирѣ была несомнѣнно живая струя дѣйствительности, первый проблескъ критическаго наблюденія существующихъ нравовъ. Какъ мы выше упоминали, эти первые опыты были приняты сочувственно самою властью, такъ какъ направлялись противъ остатковъ стариннаго застоя, отвергнутаго (какъ думали) Петровскимъ преобразованиемъ: таковъ былъ успѣхъ „Бригадира“ и „Недоросля“. Понятно, однако, что въ естественномъ ростѣ общественной жизни долженъ былъ вырастать и горизонтъ наблюденій, и степень пониманія явленій; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ изображенія общественнаго быта вырастаютъ. Это совершалось во всѣхъ литературныхъ формахъ и направленіяхъ, сколько смѣнялось ихъ у насъ, особливо подъ вліаніемъ литературы европейской и по собственному движенію русской жизни: Кантемиръ былъ неизмѣримо превзойденъ комедіей Фонвизина; сентиментальная школа, повидимому, совсѣмъ отеклась отъ дѣйствительности, но идеальное настроеніе, которое она воспитывала, само по себѣ отрицало грубые нравы, господствовавшіе въ общемъ складѣ жизни; повидимому, еще дальше ушелъ отъ этой дѣйствительности романтизмъ, но въ немъ опять былъ свой изысканный идеалъ, а затѣмъ и приближеніе къ народности, которая прежде сурово отвергалась псевдо-классицизмомъ, параллельно тому, какъ крѣпостное право порождало презрительное отношеніе къ мужику. Тайнственный процессъ развитія поражаетъ иногда необычайными явленіями и въ жизни общества, какъ въ жизни природы: изъ туманнаго романтизма произошелъ Пушкинъ и затѣмъ Гоголь, могущественные начинатели поэтическаго реализма, которому принадлежитъ съ одной стороны заслуга художественнаго усовершенствованія и полной самобытности нашей литературы, а съ другой,—сильное возбужденіе общественнаго чувства, до тѣхъ поръ никогда не достигнутое въ такой степени силою поэтическаго творчества. Это былъ опять жизненный процессъ, совершавшійся какъ бы съ необходимостью

явленія природы. Нѣтъ сомнѣнія, что созданія Гоголя съ ихъ высокимъ нравственнымъ смысломъ могли исходить только отъ натуры, богатой нравственнымъ содержаніемъ, — но извѣстно, что онъ явился въ литературѣ ничѣмъ подобнымъ не подготовленный, стоявшій къ ней въ какомъ-то отчужденномъ отношеніи, и наконецъ даже отвергавшій то великое дѣйствіе, какое было произведено его созданіями. Такимъ образомъ во всемъ его явленіи было что-то стихійное, какъ это бываетъ, когда въ жизни общества или народа проходитъ особливо одаренная личность, воплощающая въ себѣ глубокія стремленія и потребности эпохи. И опять дѣло его выдержало историческую повѣрку. Его вліяніе создало всю послѣдующую дѣятельность нашей литературы, ея національно-художественныя особенности и ея общественный смыслъ.

Но это было понято тогда далеко не всѣми. Гоголь имѣлъ самыхъ пламенныхъ почитателей въ кругу образованнѣйшихъ людей, но имѣлъ и заклятыхъ враговъ не только въ массѣ общества, но и въ средѣ самихъ писателей: его не выносили обскуранты и угодники толпы, но не выносили также писатели болѣе стараго поколѣнія, которымъ осталась непонятна ни художественная манера, ни критическое отношеніе къ дѣйствительности. Послѣдующая литература, воспитавшаяся на Гоголѣ, точно также нерѣдко вызывала въ себѣ самое враждебное отношеніе, какъ въ консервативныхъ кругахъ, такъ и въ массѣ общества.

Такимъ образомъ, на всемъ историческомъ пути нашей новѣйшей литературы, мы неизмѣнно наблюдаемъ одно явленіе: какъ повидимому ни естественны и логичны были ея послѣдовательныя стремленія и успѣхи, сколько они ни были оправдываемы послѣдующимъ ея ходомъ, она издавна и постоянно подвергалась крайнимъ стѣсненіямъ, доходившимъ до суроваго преслѣдованія и произведеній, и писателей. Причина была въ томъ, что въ своихъ наиболѣе существенныхъ произведеніяхъ она издавна и донинѣ была дѣломъ меньшинства, болѣе или менѣе незначительнаго въ сравненіи съ массой общества, — нечего говорить о народѣ, миліоны котораго обрѣтались въ полномъ безграмотствѣ. Приобрѣтенія литературы въ каждый данный моментъ ея исторіи ограничивались этимъ небольшимъ кругомъ образованныхъ людей, и обыкновенно только позднѣе становились достояніемъ болѣе обширнаго общественнаго круга. Еще въ началѣ столѣтія въ одномъ иностранномъ путешествіи было замѣчено, что въ Россіи „нѣсколько дворянъ занимаются литературой“, и это было почти вѣрно. Извѣстные классы „общества“ до сихъ поръ остаются, по выраженію

Гоголя, „нѣсколько беззаботны насчетъ литературы“; въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка почти не приходила мысль, что литература можетъ интересовать купечество, мѣщанство, духовенство,—у нихъ были свои особые рода литературы, не имѣвшіе ничего общаго съ той литературой, гдѣ дѣйствовалъ тогда Пушкинъ. Точно также извѣстные бюрократическіе слои общества, гражданскіе и военные, или интересовались литературой только въ смыслѣ забавы, или не интересовались совсѣмъ, и напротивъ готовы были съ суровымъ осужденіемъ, если что-либо, какая-нибудь шутка, сатирическая подробность задѣвали ихъ щепетильность: напоминалъ гоголевскій „Разъѣздъ“, списанный совершенно съ натуры. Масса общества очень часто шла въ этомъ случаѣ параллельно съ административными сферами. Давно установившійся складъ жизни не допускалъ общественнаго мнѣнія; литература невольно становилась иногда его орудіемъ или отголоскомъ, и въ старыя времена ея сознательныя или случайныя вмѣшательства были прекращаемы самымъ рѣшительнымъ образомъ. Гоголь полупути, полу-серьезно говорилъ о невозможности упоминать о титулярныхъ совѣтникахъ, такъ какъ на автора нападутъ тогда всѣ титулярные совѣтники. Въ пятидесятыхъ годахъ, когда нѣсколько развившаяся публицистика начинала затрогивать разные общественные вопросы, всѣ вѣдомства усиленно старались оградить себя отъ вмѣшательства литературы и основался цѣлый рядъ отдѣльныхъ цензуръ по различнымъ вѣдомствамъ, и статья подобнаго рода должна была совершать иногда цѣлое странствіе, пока доходила, наконецъ, до страницъ журнала или книги. Очевидно, литература, испытывая цензурныя неудобства и стѣсненія, встрѣчалась здѣсь не съ капризомъ или произволомъ отдѣльнаго вѣдомства, а съ цѣлымъ складомъ быта, вѣковыми привычками самого общества, слабымъ развитіемъ общественнаго мнѣнія, однимъ словомъ—съ недостаточною степенью общественности. Издавна раздающіяся жалобы на цензуру, какъ будто она одна виновата въ стѣсненіяхъ литературы, конечно чрезвычайно односторонни, иногда даже совершенно несправедливы. Записки А. В. Нивитенка, который былъ и писателемъ, близкимъ къ прогрессивной группѣ литературы, и профессоромъ, и цензоромъ, наглядно указываютъ положеніе цензуры: писатели и цензора совершенно одинаково сживали на гауптвахтахъ.

Какъ бы ни были въ отдѣльныхъ случаяхъ стѣснительны для писателей вмѣшательства цензуры и какъ ни бывали онѣ во многихъ случаяхъ преувеличенны и излишни, очевидно, что дѣло зависитъ вовсе не отъ спеціальнаго вѣдомства и не отъ отдѣльныхъ

лицъ. Последнія могутъ быть болѣе или менѣе благосклонны или враждебны къ литературѣ, но въ цѣломъ объемъ литературной дѣятельности опредѣляется условіями, стоящими внѣ и выше ея. Это—общее состояніе государственной жизни, передъ которыми и литература, и цензура въ ту или другую данную минуту одинаково безсильны. Но есть факторъ, вліяніе котораго въ концѣ концовъ отражается въ господствующихъ взглядахъ, проникающихъ и въ административную сферу. Самаго общаго взгляда на исторію цензурнаго положенія литературы достаточно, чтобы видѣть, что уровень литературы съ теченіемъ времени постоянно повышался, а цензурныя требованія постоянно ограничивались; другими словами, что съ теченіемъ времени въ область литературы входило все больше предметовъ, доступныхъ для изложенія, какъ въ вопросахъ научныхъ и нравственныхъ, такъ и въ вопросахъ общественныхъ. Этотъ факторъ есть расширеніе образованности, а съ нимъ общественнаго самосознанія и общественнаго мнѣнія. Бесплодны всѣ жалобы на цензуру, всѣ старанія обойти ея вмѣшательства, если общество остается равнодушно къ успѣхамъ знанія и искусства, и къ своимъ собственнымъ интересамъ. Литература только въ обществѣ имѣетъ свою нравственную опору. Цензура есть только показатель даннаго состоянія умственныхъ интересовъ въ массѣ и размѣровъ общественнаго мнѣнія.

Изученіе исторіи цензуры, безъ сомнѣнія, интересно и поучительно. Какъ мы говорили выше, она именно указываетъ обратную сторону литературныхъ успѣховъ. Если случалось, что цензура останавливаетъ извѣстное произведеніе научное или политическое, обладающее несомнѣнными достоинствами; это, конечно, бывало прискорбно, но это показывало, что общій уровень образованія стоитъ ниже того уровня, на которомъ возникаетъ это произведеніе. Подобный фактъ служить напоминаніемъ, что литература все еще остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что нужны заботы о распространеніи просвѣщенія. Приходитъ извѣстное время, и то, что казалось прежде абсолютно невозможнымъ, становится дѣломъ обыкновеннымъ: это означаетъ, что уровень поднялся. Какъ мы видѣли, исторія цензуры доставляетъ цѣлый длинный рядъ примѣровъ подобнаго рода. Но изъ этой исторіи не слѣдуетъ также, чтобы литература удовлетворялась въ виду этого одною пассивною ролью, только приспособляясь къ условіямъ данной минуты; очень вѣроятно, что при этомъ она пріобрѣла бы внѣшнее спокойствіе, но зато потеряла бы свое внутреннее достоинство. Къ счастью, литература никогда не могла и не можетъ остаться въ неподвижномъ безучастномъ положеніи,

если только само общество не впало въ неподвижность, которая была бы признакомъ полнаго паденія. Та жизненная сила, которую движется общественное развитіе, обыкновенно въ каждомъ поколѣніи выставляетъ новыхъ дѣятелей, съ новыми запросами и новой энергіей, и они обезпечиваютъ дальнѣйшее движеніе. Сама исторія тягостей, переносимыхъ литературою, есть въ то же время исторія ея успѣховъ; для уменьшенія этихъ тягостей важны не какія-нибудь цензурныя реформы, а распространеніе просвѣщенія въ большей массѣ общества и народа, и усиленіе общественнаго мѣнія.

Г-нъ Скабичевскій начинаетъ исторію нашей цензуры съ ея перваго возникновенія въ прошломъ столѣтіи до 1863 года, когда произошло послѣднее важное преобразованіе цензуры, переходъ ея въ завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Авторъ отмѣчаетъ прежде всего существенное различіе русской литературы отъ западно-европейскихъ въ этомъ отношеніи: когда на западѣ еще со временъ возрожденія и реформациі литература, къ которой вскорѣ пришло на помощь книгопечатаніе, была результатомъ сильнаго движенія умовъ и распространенія образованности, у насъ литература въ формѣ письменности едва влачила свое существованіе. „Общество (до-Петровскихъ временъ), безграмотное, полудикое, невѣжественное въ своей массѣ, не только не обнаруживало ни малѣйшаго интереса къ какимъ-либо свѣтскимъ знаніямъ и самостоятельной мысли, но въ каждомъ намекѣ на что-либо подобное видѣло нѣчто еретическое и дьявольское... и въ тѣхъ религіозныхъ сферахъ, въ которыхъ исключительно вращалась мысль нашихъ предковъ, книги находились въ крайнемъ небреженіи. Письменность была сосредоточена въ рукахъ массы полуграмотныхъ писцовъ, занимавшихся своимъ дѣломъ безъ всякой организаціи, въ разсыпную и какъ Богъ на душу положить. Они искажали и уродовали текстъ священныхъ книгъ иногда до неузнаваемости и абсурдовъ, переходившихъ всѣ границы человѣческаго смысла. Тщетно Іоаннъ Грозный подыалъ на Стоглавомъ соборѣ вопросъ объ исправленіи книгъ, тщетно соборъ принялъ кое-какія палліативныя мѣры къ этому. Полудикіе, суевѣрные умы пугались не столько искаженій, сколько исправленія священнаго текста, подозрѣвая въ этихъ мѣрахъ покушеніе дерзкаго умствования на вѣковѣчную святыню“.

Основаніе первой типографіи встрѣчено было крайне недоброжелательно, и первымъ московскимъ печатникамъ пришлось бѣжать въ Литву; только долго спустя, со временъ Никона, „типо-

графія выходитъ побѣдительницею изъ борьбы съ переписчиками, развертываетъ свои силы и начинаетъ печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ не только богослужебныя, но и поучительныя книги“. Но эта типографія была совершенно чужда дѣламъ общественнымъ и интересамъ литературнымъ. „Это было такое же правительственное учрежденіе, какъ какой-нибудь пушечный или монетный дворъ, причемъ всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, служа узкой, спеціальной цѣли печатанія богослужебныхъ книгъ. Поэтому типографія и называлась патріаршею, а съ упраздненіемъ патріаршества была причислена къ монастырскому приказу. Понятно, что при такихъ условіяхъ никакая цензура надъ подобнаго рода духовно-казенною прессою была немислима“.

При Петрѣ В. типографія получила новое назначеніе: она должна была служить цѣлямъ государственнымъ и учебнымъ, но продолжала оставаться сполна въ рукахъ самой власти. При этомъ, конечно, не было надобности въ цензурѣ; но продолжалась еще по старинѣ литература рукописная и особыя мѣры понадобились для нея. „Въ эту эпоху не одни раскольники, а вся многочисленная оппозиція противъ реформъ Петра В., распространенная во всѣхъ классахъ общества, и особенно среди духовенства, постоянно прибѣгала къ перу для изъясненія своихъ протестовъ, и Петръ В. былъ осыпаемъ градомъ всякаго рода рукописныхъ памфлетовъ и подметныхъ писемъ. Это ему, наконецъ, до такой степени надоѣло, что онъ, по широкому размаху своей могучей натуры, прибѣгъ къ такой радикальной мѣрѣ, какую едва ли когда-либо и гдѣ бы то ни было употребляли противъ свободы слова; онъ рѣшился истребить зло съ корнемъ, наложивши запрещеніе на самое существенное орудіе письма — чернила и перья“.

Надобности въ цензурѣ не было и долго послѣ Петра В. Печатанье книгъ стало надолго какъ бы привилегіей академіи наукъ; другими словами, академія была почти единственнымъ пунктомъ, гдѣ были просвѣщенные люди, у которыхъ было желаніе и возможность заниматься литературой, издавать полезныя книги и т. п. Въ этомъ смыслѣ роль академіи продолжалась даже до временъ Екатерины II. Цензура опять нечего было бы дѣлать. Но кромѣ того положеніе цѣлаго общества было таково, что въ немъ почти не было бы и мѣста для литературы. Такъ было при первыхъ преемникахъ Петра В. и даже еще въ царствованіе Елизаветы. „Мрачныя эпохи,—говоритъ г. Скабичевскій о первой половинѣ прошлаго вѣка,—не ограничиваются обыкновенно тѣми напастями,

какими онѣ разражаются непосредственно: онѣ оставляютъ по себѣ печальныя послѣдствія, отражающіяся иногда на цѣлые десятилѣтія. То же самое мы видимъ и послѣ бироновщины. Эпоха эта не прошла въ нашей исторіи безслѣдно: она завѣщала послѣдующимъ двумъ десятилѣтіямъ цѣлое поколѣніе, обезличенное и деморализованное до послѣдней крайности. Казалось бы, что со вступленіемъ на престолъ Елизаветы всѣ должны бы были поднять голову и вздохнуть свободнѣе. Своеволіе иноземцевъ было въ достаточной мѣрѣ обуздано; русскіе люди пошли вездѣ въ ходъ; на престолъ взошла государыня мягкаго характера и пользовавшаяся всеобщею популярностію. Между тѣмъ мы видимъ, что общество находится въ томъ же приниженномъ состояніи хронической паники, въ какомъ оно находилось въ предшествовавшее десятилѣтіе. Вы замѣчаете въ немъ полное отсутствіе всякой инициативы и самостоятельности, раболопную покорность, доходящую до подобострастнаго усердія, превышающаго всѣ ожиданія и желанія и порою совершенно излишнюю, и въ то же время необузданную страсть къ доносамъ, которые до такой степени успѣли вѣсться въ нравы, что сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, никого не смущавшимъ и нимало не считавшимся зазорнымъ, и даже такія почтенныя личности, стоявшія въ уровнѣ европейской образованности и науки, какъ Ломоносовъ, взапуски подвизались на этомъ доблестномъ поприщѣ.

„При видѣ такого трепетно-пресмыкающагося общества, васъ нисколько не удивляетъ, что правительство того времени относится къ нему какъ къ ребенку, распростирая надъ нимъ свою опеку порою до поразительныхъ мелочей быта. Опека эта принимаетъ такой патріархальный характеръ, что въ книжномъ дѣлѣ правительство не нуждается ни въ какихъ принудительныхъ или карательныхъ мѣрахъ. Оно ограничивается тѣмъ, что предписываетъ своимъ агентамъ *отбирать* у публики тѣ книги, которыя ей не слѣдуетъ читать, совершенно подобно тому, какъ родитель отбираетъ у своего возлюбленнаго дѣтища вредныя вещи; а еще чаще оно не нуждается и въ отбираниі, а предоставляетъ подданнымъ самимъ представлять начальству то, что имъ не слѣдуетъ имѣть въ своихъ домахъ, и подданные исполняютъ волю начальства съ примѣрною покорностію, превышающею ожиданія“ (стр. 10—11).

Около половины прошлаго столѣтія литература находилась въ совершенно младенческомъ состояніи. Г. Скабичевскій приводитъ такіе примѣры. Синодъ имѣлъ, конечно, надзоръ за печатаніемъ церковныхъ книгъ; онъ обращалъ вниманіе и на народныя кар-

тинки и дѣлалъ распоряженія о запрещеніи неправильныхъ церковныхъ изображеній, какія появлялись въ лубочныхъ изданіяхъ. „Но синодъ не ограничился однимъ надзоромъ за печатаніемъ духовныхъ изображеній. Онъ вторгся въ самыя крестьянскія избы и подвергъ надзору всѣ висѣвшіе тамъ образа, какъ печатные, такъ и письменные. Этотъ знаменитый указъ синода 10-го мая 1744 г., поражаетъ насъ, какъ крайняя степень, до какой доходила у насъ правительственная опека въ прошломъ столѣтіи; замѣчательны между прочимъ и мотивы стыда передъ Западомъ, которые въ настоящемъ случаѣ выставляютъ опекуны. Вотъ что предписываетъ этотъ указъ:

„Св. пр. синодъ, разсуждая: что въ селахъ и деревняхъ въ крестьянскихъ избахъ на полкахъ святыхъ иконы стоятъ безъ всякаго о чистотѣ оныхъ наблюдательства и такъ отъ дыму закоптѣли, что и лицевъ не видно; а понеже многіе иностранные люди по дорогамъ ѣздятъ и становятся для обществанія въ крестьянскихъ избахъ, отъ чего имѣетъ быть посяганіе; того ради приказали: отнынѣ поселянамъ черезъ ихъ сельскихъ священниковъ приказать, и впредь тѣмъ священникамъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ для смотрѣнія церковнаго благочинія смотрѣть, чтобы поселяне святыхъ иконы въ избахъ своихъ имѣли во всякой чистотѣ, и почаству бы ихъ обмывали и пыль обметали, а иконы закоптѣлыя велѣть по надлежащему возобновлять; а на которыхъ изображенія весьма не знать, таковыя отобрать приходскимъ священникамъ, учинить оныхъ по правиламъ св. отцовъ, токмо тѣмъ, какъ сельскимъ священникамъ, такъ и посылаемымъ изъ домовъ архіерейскихъ ради смотрѣнія благочинія наипервѣйшае указами подтвердить, чтобы они при осмотрѣ вышепоказанныхъ иконъ поселянамъ никакихъ обидъ и озлобленій отнюдь не причиняли, и никакихъ же взятковъ брать съ нихъ не домогались, подъ опасеніемъ совершеннаго безъ всякой пощады лишенія священства и тяжкаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія“ (стр. 12—13).

Авторъ полагаетъ, что исполненіе этого указа должно было производить по всей Россіи комическія, а иногда трагическія сцены, что во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ составить доходную статью для многихъ сельскихъ іереевъ. Намъ кажется скорѣе, что онъ вовсе не былъ исполняемъ (кромя какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаевъ) по совершенной невозможности.

Какъ въ этомъ случаѣ синоду приходилось заботиться объ элементарныхъ требованіяхъ опрятности въ цѣлой массѣ народа, такъ сенату приходилось поощрять книжную торговлю. „До соро-

ковыхъ годовъ прошлаго столѣтія,—говорить г. Скабичевскій,—книжная торговля въ Россіи шла такъ туго, и въ академическомъ книжномъ складѣ накопилась такая масса непроданныхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ, что начальникъ академической канцеляріи Нартовъ, со своимъ секретаремъ Волчковымъ, постановленіемъ академіи 30-го апрѣля 1743 г., представили на разрѣшеніе сената устроить обязательную продажу русскихъ книгъ по всему государству не только въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и вообще всѣмъ служащимъ, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, которые обязывались волей-неволей покупать въ академіи книгъ на 5—6 рублей съ каждой получаемой ими сотни рублей жалованья; купцы также должны были участвовать въ этой насильственной покупкѣ „по препорціи своего торгу“. Помогла ли эта мѣра, но въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія дѣло измѣнилось: продажа книгъ такъ возросла, что академія нашла нужнымъ основать особую типографію, чтобы „умножить въ оной печатаніе книгъ, какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной“.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ академія основала ежемѣсячный журналъ: „Санктъ-Петербургскія Академическія Примѣчанія“, переименованный потомъ въ „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, редакторомъ которыхъ назначенъ былъ академикъ Миллеръ. Младенческое состояніе литературы обнаружилось и на этомъ первомъ опытѣ журналистики. Повидимому, для первыхъ писателей было достаточно дѣла въ возникающей литературѣ и они могли бы спокойно и дружно раздѣлить между собою трудъ на пользу столь бѣднаго тогда образованія. Мы видимъ иное.

„Исторія этого перваго на Руси литературнаго журнала,—говорить г. Скабичевскій,—представляетъ весьма печальную картину. Та крайняя деморализація общества, о которой мы выше говорили, не замедлила проявиться во всемъ своемъ безобразіи въ этомъ почтенномъ предпріятіи. Начать съ того, что маленькая кучка людей науки и литературы, составлявшая въ то время все умственное богатство Россіи и которую всю можно было вмѣстить въ небольшую комнатку, была поголовно перессорившись между собою. Всѣ они только и дѣлали, что взаимно препирались и строили другъ другу всякіе подвохи и каверзы. Сатиры и эпиграммы были самымъ благороднымъ и невиннымъ оружіемъ въ этой борьбѣ. Но противники не ограничивались этимъ: они при всякомъ случаѣ осыпали другъ друга градомъ ругательствъ и дѣло доходило чуть не до рукопашныхъ схватокъ.“

Не довольствуясь и этимъ, они вспоминали годы своей юности, достопамятную эпоху „слова и дѣла“, и разражались противъ своихъ враговъ устными или письменными доносами, стараясь очернить политическую благонадежность ближняго. Такъ съ самаго начала существованія академіи въ нѣдрахъ ея боролись двѣ партіи: русская, съ Ломоносовымъ во главѣ, и нѣмецкая, подъ предводительствомъ Шумахера и Миллера. Но въ то время, какъ нѣмцы были тѣсно сплочены въ одну дружную семью, русскіе столпы науки и литературы всѣ были чуть не на ножкахъ другъ съ другомъ. Особенно Ломоносовъ, Тредьяковскій и Сумароковъ кипѣли взаимною непримиримою ненавистью. Это была необузданная вражда литературныхъ самолюбій, которая, ни мало не скрываясь, свободно проявлялась во всей своей грубой наготѣ. Въ разгарѣ этой борьбы забывались не только всѣ приличія нравственныя и культурныя, но и тѣ общественныя, просвѣтительныя цѣли, которымъ была посвящена жизнь и дѣятельность этихъ людей. Дошло дѣло до такого крайняго извращенія, что роли правительства и литераторовъ получились совершенно обратныя тому представленію, какое объ этихъ роляхъ имѣется въ настоящее время. Такъ, мы видимъ, что въ то время, какъ правительство основываетъ журналъ безъ всякихъ политическихъ цѣлей, съ единственнымъ, вполне искреннимъ желаніемъ развить въ обществѣ любовь къ чтенію и образованію, столпы литературы и науки не только отстраняются отъ этого предпріятія, но и всячески противоудѣствуютъ ему изъ грубо-эгоистическихъ побужденій самаго низменнаго свойства. Правительство желаетъ дать какъ можно болѣе простора для возникающаго предпріятія и не подвергаетъ его никакой цензурѣ, довольствуясь личною отвѣтственностью редактора. Столпы же всячески хлопочутъ о томъ, какъ бы подвергнуть журналъ наиболѣе строгой цензурѣ.

„Что касается до членовъ академіи, то они отнеслись къ журналу крайне безучастно“ (стр. 15—16).

Съ другой стороны, въ массѣ общества бывало много ожесточенныхъ враговъ самой невинной науки, какая у насъ въ то время начиналась. По поводу того, что однажды въ разгарѣ полемики Тредьяковскій написалъ „доношеніе“ (т.-е. по просту доносъ) на своихъ противниковъ, Миллера и Сумарокова, въ свѣтѣйшій синодъ, г. Скабичевскій замѣчаетъ: „Синодъ былъ заклятымъ врагомъ академіи: духовенство того времени въ учрежденіи академіи не признавало никакой пользы, а, напротивъ, подозрѣвало одно лишь потрясеніе основъ религіи и постоянно вопило противъ безбожія, будто бы разсѣваемаго въ академическихъ из-

даніяхъ. Академиковъ громили въ церковныхъ проповѣдяхъ, о чемъ мы можемъ судить по тому, что Ломоносовъ въ 1759 г. въ числѣ преимуществъ академическаго университета полагалъ помѣстить: „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія наказующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. До какого сильнаго ослобленія противъ науки и ученыхъ доходили духовные чины, можно заключить изъ слѣдующаго анекдота того времени: въ 1749 году священникъ при церкви св. Самсонія въ Петербургѣ, Симеонъ Лукинъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ гостяхъ находились академическіе граверы, и вообразивъ, что и они принадлежатъ къ ученому сословію, долгомъ счелъ сказать: „а-де ученыхъ людей вездѣ не люблю на смерть: старанія-де и труды изъ такихъ людей происходятъ больше ничего, какъ пусти враки!“ (стр. 18).

Г-нъ Скабичевскій собралъ много характерныхъ примѣровъ этого рода, рисующихъ ту первобытную ступень литературнаго развитія или неразвитости, на которой стояло русское общество не только въ началѣ и серединѣ прошлаго столѣтія, но и до конца его, во времена Екатерины II. Подводя итоги книжнаго дѣла во времени вступленія на престолъ Екатерины, историкъ цензуры замѣчаетъ: „Главное и существенное отличіе этого періода заключается въ томъ, что пресса во все это время находилась всецѣло въ рукахъ правительства, т.-е. была прессою казенно-офіціальною. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что правительство принимало на себя покровительственную роль по отношенію къ прессѣ. Къ этому побуждали его не однѣ высшія просвѣтительныя цѣли, но и чисто экономическія. Являясь содержателемъ типографій, правительство нуждалось, чтобы эти типографіи не стояли безъ дѣла, а работали и приносили казнѣ доходъ. И вотъ правительство черезъ своихъ агентовъ предпринимаетъ изданіе газеты, журнала и всякаго рода книгъ учебнаго и литературнаго содержанія. Такъ какъ сбытъ книгъ является сначала очень ничтожнымъ, то правительство прибѣгаетъ къ насильственной продажѣ книгъ, вводитъ нѣчто въ родѣ книжнаго налога. Затѣмъ по мѣрѣ того, какъ общество пріохочивается къ чтенію, сбытъ книгъ не нуждается болѣе въ принудительныхъ мѣрахъ, книжное дѣло растетъ, для производства ихъ оказывается недостаточно казенныхъ авторовъ и переводчиковъ, и правительство призываетъ частныхъ образованныхъ людей къ свободному содѣйствію ему въ производствѣ книгъ. Въ концѣ же этого періода типографіи, не ограничиваясь казенными работами, все болѣе и болѣе

начинають заваливаться частными заказами всякаго рода литературныхъ предпріятій, такъ что принуждены бываютъ подчасъ отказывать авторамъ за невозможностью удовлетворить всѣмъ требованіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ естественно начинается ощущаться потребность въ заведеніи частныхъ типографій, съ чего и начинается новый періодъ исторіи нашей прессы.

„Очень понятно, что при всѣхъ этихъ условіяхъ правительство не имѣло ни малѣйшей нужды въ какихъ-либо особенныхъ цензурныхъ вѣдомствахъ. Надзоръ за всѣми духовными сочиненіями былъ вѣренъ синоду... Что же касается свѣтскихъ книгъ, то за исключеніемъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, печатаніе которыхъ было подвергнуто высшему контролю сената, отвѣтственность за ихъ благонадежность лежала на академіи наукъ, и здѣсь мы встрѣчаемъ въ цензурномъ отношеніи совершенный хаосъ, полное отсутствіе какихъ-либо установленныхъ правилъ“ (стр. 31).

Отличительною чертою вѣка Екатерины и его правомъ на историческую славу нашъ историкъ считаетъ не столько дѣянія вѣншей политики того времени, сколько фактъ внутренней жизни, именно—пробужденіе самостоятельной критической мысли въ русскомъ обществѣ и переходъ умственной жизни изъ оффиціальной сферы въ частную.

„Правительство само всячески покровительствовало и содѣйствовало зарожденію этой силы. Оно принуждено было къ этому силою историческихъ обстоятельствъ: разъ Россія была введена въ союзъ европейскихъ народовъ, она по необходимости должна была стремиться стать въ одномъ уровнѣ съ ними, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи; къ этому побуждало ее не одно національное тщеславіе въ видѣ побужденія ничѣмъ „не осрамиться передъ Европою“, но и естественное чувство самосохраненія: въ это время въ Европѣ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе, подтверждаемое рядомъ осязательныхъ фактовъ, что просвѣщеніе не есть одно фривольное украшеніе націй, но составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ основу и матеріальнаго могущества каждаго государства. Науки и искусства начинали уже въ то время производить такіа чудеса, пользоваться которыми могли одни просвѣщенные люди, а безъ этихъ чудесъ нація находилась въ такомъ же беспомощномъ положеніи, въ какомъ могутъ чувствовать себя лишь полуодѣтые и вооруженные первобытнымъ дрекольемъ дикари передъ арміей, вооруженной и дисциплинированной по всѣмъ правиламъ современной стратегіи. Такимъ образомъ, вопросъ о размноженіи просвѣщенныхъ людей въ

странѣ былъ своего рода вопросомъ жизни. Не подозрѣвали въ то время лишь одного: что просвѣщенные люди могутъ имѣть претензію мыслить независимо отъ предначертаній свыше, и что разъ они составляютъ солидную массу, они сливаются въ общественную силу, могущую имѣть самостоятельное вліяніе на ходъ развитія страны и на всѣ ея историческія судьбы“.

Эта самостоятельность мысли дѣйствительно оказалась, и затѣмъ въ правительственной системѣ начинается реакція, которая затѣмъ надолго, до нашего времени, опредѣляетъ внѣшнюю судьбу литературы. Между тѣмъ какъ въ первомъ періодѣ царствованія покровительство литературѣ и просвѣщенію достигаетъ какъ будто своего высшаго предѣла,—императрица сама принимаетъ дѣятельное участіе въ литературѣ, находится въ сношеніяхъ съ передовыми мыслителями Европы, создаетъ массу учреждений, долженствовавшихъ служить къ расширенію образованія (россійская академія, воспитательный домъ, институты, гимназій, народныхъ училища),—конецъ правленія отмѣченъ крайнею нетерпимостью къ нѣсколькимъ самостоятельнымъ проявленіямъ литературы и даже настоящими жестокими преслѣдованіями.

„Тотъ же самый вѣкъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—который ознаменовалъ себя созданіемъ интеллигентной силы въ Россіи, былъ вѣкомъ и радикальнаго перелома въ отношеніяхъ къ ней со стороны правительства. Покровительственная система, дойдя до своего крайняго напряженія, въ одинъ прекрасный день сразу рушится безъ возврата. Создавши интеллигентную силу, правительство вдругъ испугалось ея, словно какого-нибудь опрометчиво вызваннаго призрака, и несмотря на то, что это былъ едва лепечущій младенецъ, оно немедленно же подвергло его ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія дошло дѣло до того, что каждый человѣкъ, имѣющій дѣло съ книгами, эгиптъ однимъ уже казался подозрительнымъ и опаснымъ и рисковалъ проѣхаться въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя.

„Сообразно этому перелому, раздѣляющему эпоху 1762—1802 на два рѣзко противоположные періода, мы видимъ, что и судьба прессы, тѣсно связанная съ судьбами интеллигенціи, подвергается той же пертурбаціи. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, пресса вступаетъ въ новый періодъ своего развитія. Выѣстъ съ рожденіемъ интеллигентной силы и умственной самостоятельности общества, она переходитъ изъ оффиціальныя сферы на почву частной предприимчивости, дѣлается такимъ образомъ достояніемъ общества, развитіе ея быстро доходитъ до размѣровъ небывалыхъ до того времени, контролю подвергается она

самому ничтожному, почти фактивному. Но затѣмъ съ одного маху правительство почти совсѣмъ уничтожаетъ ее и ставитъ въ условія существованія совершенно невозможныя* (стр. 33—35).

Причину этой реакціи обыкновенно приписываютъ тому впечатлѣнію, какое произвела во всей Европѣ французская революція, вслѣдствіе чего европейскія правительства стали принимать репрессивныя мѣры, чтобы устранить вторженіе революціонныхъ идей. Нашъ историкъ считаетъ это объясненіе неправильнымъ и указываетъ на примѣръ, что признаки нашей реакціи появляются уже около 1785 года, т.-е. за нѣсколько лѣтъ до взрыва французской революціи и когда о революціи никто еще не помышлялъ.

„Дѣло заключалось просто въ томъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—что въ правительственныхъ сферахъ этого времени преобладали воспитанные въ духѣ старыхъ порядковъ люди, которые никакъ не могли привыкнуть къ тому, чтобы въ обществѣ совершалось какое бы ни было умственное движеніе, самостоятельное, независимое и не имѣющее ни малѣйшаго officialнаго характера. Они привыкли къ тому, что все, по умственной части предпринимаемое — издавался ли какой журналъ или книга, создавалось ли какое-либо просвѣтительное учрежденіе — все это производилось, мало того, что съ разрѣшенія начальства, но и самимъ начальствомъ, и предприниматель, если онъ до того времени нигдѣ не служилъ, дѣлался чиновникомъ на поприщѣ самаго исполненія своего предпріятія. Такъ на примѣръ, Волкову съ его труппою стоило завести театръ въ Ярославлѣ, и сейчасъ же онъ и вся его труппа были переведены въ Петербургъ и обращены въ придворныхъ служителей. Теперь же вдругъ появились люди, которые вздумали всю свою жизнь посвящать на служеніе исключительно обществу, проповѣдуя, просвѣщая, уча, благотворя и проч. и проч., совершенно независимо отъ всякихъ officialныхъ отношеній, по своей собственной инициативѣ и какъ имъ Богъ на душу положить. Да мало еще этого: они дерзнули сложиться въ свободныя ассоціаціи съ какими-то мистическими ритуалами и облекли свою дѣятельность покровомъ непроницаемой тайны, и такимъ образомъ отстранили отъ себя мало того, что всякое officialное вниманіе и зависимость, но и самый надзоръ за ихъ дѣятельностью. Государство въ государствахъ, какимъ повсюду стремилось сдѣлаться масонство, само по себѣ могло внушать опасенія при самыхъ скромныхъ размѣрахъ, особенно если взять во вниманіе сознаніе со стороны правительства своей непрочности при воспоминаніи о цѣломъ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ позади и

въ томъ числѣ послѣднемъ, которому оно было обязано своимъ существованіемъ; но опасеніе это должно было принять еще болѣе размѣры, когда масонство сосредоточилось въ недовольной Москвѣ и волею-неволею приняло оппозиціонный характеръ, ратуя за чистоту нравовъ среди всеобщей распущенности въ высшихъ сферахъ того времени. Прибавьте къ этому еще тѣ колоссальныя и небывалыя до того времени размѣры, какіе приняла на его почвѣ просвѣтительная дѣятельность, выразившаяся въ формѣ „Дружескаго ученаго общества“ Новикова“ (стр. 41).

Это общество, по словамъ автора, мозолило глаза самымъ своимъ существованіемъ и выѣстъ съ тѣмъ раздражало распущенныхъ дѣтей вѣка своею суровою моралью и своимъ самоотверженіемъ. Авторъ замѣчаетъ также по поводу преслѣдованія Новиковскихъ изданій, именно книги объ исторіи іезуитскаго ордена, что „какъ это ни прискорбно, но исторіи приходится отмѣтить тотъ фактъ, что первое цензурное преслѣдованіе въ царствованіе Екатерины было произведено въ пользу іезуитовъ“; а при сожженіи Новиковскихъ книгъ князь Проворовскій велѣлъ отложить въ число вредныхъ книгъ и Карамзинскій переводъ „Юлія Цезаря“, Шекспира. Авторъ замѣчаетъ: „Этотъ достопамятный фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе шекспирофилами, занимающимися археологическими изысканіями твореній великаго трагика и всѣхъ ихъ судебъ: интересно было бы знать, былъ ли гдѣ-либо и когда-либо въ Европѣ другой подобный же случай сожженія хоть одной трагедіи Шекспира?“ (стр. 44, 56).

Авторъ подробно пересказываетъ собранные въ послѣднее время факты внѣшнихъ условій литературы за то время царствованія Екатерины II, когда литература пользовалась покровительствомъ, и за то, когда она его совсѣмъ потеряла; рассказываетъ мрачныя исторіи цензурныхъ преслѣдованій при императорѣ Павлѣ и переходитъ затѣмъ къ подробному изложенію цензурныхъ событій при императорѣ Александрѣ I. Указавъ, съ какимъ восторгомъ встрѣчено было вступленіе на престолъ императора Александра, г. Скабичевскій замѣчаетъ:

„Къ сожалѣнію, современники не принимали въ расчетъ одного очень важнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что характеръ эпохи зависитъ не отъ одной личности, а является суммою разумнія и хотѣнія всѣхъ лицъ, участвующихъ въ управленіи страной. Исключеніе изъ этого закона представляютъ лишь такіе вѣковые геніи, каковъ былъ Петръ I. Вліятельная же общественная среда этого времени представляла собою очень печальную картину. Самые передовые и наиболѣе благомыслящіе изъ людей этой среды были

въ то же время очень поверхностно и плохо развиты для того, чтобы глубоко усваивать тѣ идеи, которыми поклонялись, и послѣдовательно до конца проводить тѣ реформы, которыя пытались проводить въ жизнь. Все ихъ образованіе ограничивалось внѣшнимъ лоскомъ европеизма, заключавшимся въ утонченныхъ свѣтскихъ манерахъ и блестящихъ передовыхъ фразѣхъ самаго, повидимому, гуманнаго характера, но когда отъ этихъ фразъ переходили къ дѣлу, то выходило всегда, что умѣли только мягко стлать, но оказывалось очень жестко спать. Наполеонъ, изрекши свое гениальное изреченіе, что стоитъ потереть русскаго человѣка въ каждомъ подѣ европейскою политурою вы обрѣтете татарина, имѣлъ въ виду, очевидно, именно всѣхъ этихъ сладкопѣвцевъ, съ которыми ему только и приходилось встрѣчаться и имѣть дѣло изъ нашихъ соотечественниковъ. И дѣйствительно, все это были истые татары до мозга костей. Одни изъ нихъ, самые лучшіе, изломанные и обезличенные предшествовавшею реакціею, напуганные въ одно и то же время ужасами разомъ двухъ терроровъ — краснаго во Франціи и бѣлаго въ отечествѣ — представляли изъ себя людей крайне слабодушныхъ, безвольныхъ и трусливыхъ, только о томъ и помышлявшихъ, какъ бы проплыть между Сцилою и Харибдою: страхъ возвращенія мрачныхъ предшествовавшихъ годовъ наполнялъ ихъ помыслы мечтами о благихъ и широкихъ реформахъ, а когда они принимались за осуществленіе этихъ реформъ, то суживали ихъ до крайняго минимума, изъ опасенія, какъ бы не вышло чего-нибудь въ родѣ того, что произошло въ Парижѣ. Другіе же, ревностные сподвижники Шешковскаго и Туманскаго, только на время прикинулись гуманными либералами, но въ то же время продолжали скрывать въ себѣ свои хищные и кровожадные инстинкты и скрипѣли зубами, смотря на то, что дѣлалось вокругъ нихъ, и выжидая, что придетъ праздникъ и на ихъ дворъ, — и праздникъ не замедлилъ придти“.

Среди этихъ двухъ противоположностей — либерализма, отличавшаго первые годы царствованія, и обскурантизма, наполнявшаго послѣдніе его годы, — шла въ Александровское время дѣятельность цензуры. Въ это время (1804) въ первый разъ цензура получила подробный уставъ, который и дѣйствовалъ многіе годы. Уставъ считался по своему времени весьма благопріятнымъ для литературы. Графъ Завадовскій, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, представляя императору Александру проектъ устава, писалъ: „сими постановленіями нисколько не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной“, и въ самомъ уставѣ говорилось, что „скромное и благо-

разумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человечества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежит и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающаго успѣхи просвѣщенія“. Но историкъ цензуры замѣчаетъ:

„Первое и главное зло, не замедлившее обнаружиться вслѣдствіе введенія устава предварительной цензуры, заключалось въ томъ, что, вопреки § 21, запрещавшему цензорамъ всякія пристрастныя толкованія, и § 22, дозволявшему полную свободу сдержаннаго и благоразумнаго обсужденія всѣхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ, цензура сразу сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ вѣяній и партій, господствовавшихъ въ высшихъ сферахъ. Цензора, хотя бы и въ лицѣ профессоровъ, людей образованныхъ и ученыхъ, во всякомъ случаѣ оказались чиновниками, вполне зависящими въ іерархическомъ порядкѣ отъ лицъ высшей администраціи, и взгляды ихъ на дозволенное и недозволенное въ цензурномъ отношеніи, вполне сообразуясь со взглядами лицъ, стоявшихъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, мѣнялись при малѣйшей перемѣнѣ правительственнаго вѣтра“ (стр. 97).

Собственныя силы русскаго просвѣщенія и литературы были такъ невелики, что не въ состояніи были оказать никакого противодѣйствія тѣмъ по истинѣ возмутительнымъ клеветамъ и преслѣдованіямъ, которыя обрушались на литературу и науку въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Эта мрачная исторія, подробно изложенная г. Скабичевскимъ, довольно извѣстна. Отъ цензурныхъ придирокъ не остались свободны даже Карамзинъ и Жуковский.

Въ слѣдующее царствованіе цензурное законодательство подверглось новымъ перемѣнамъ. Таковъ былъ уставъ Шишкова (1826), прозванный современниками „чугуннымъ“, и при которомъ, по словамъ цензора Глинки, „можно было и „Отче нашъ“ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ“, и смѣнившій его уставъ 1828 года.

„Уставъ Шишкова, — говоритъ г. Скабичевскій, — сыгралъ роль увертюры, выразившей вполне все значеніе общественныхъ дѣятелей въ родѣ Шишкова и людей, слѣдовавшихъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о полномъ отсутствіи какого-либо творчества, даже всѣ тѣ реакціонные элементы, которыми эти люди были преисполнены, выработаны были отнюдь не ими самими, а всецѣло завѣщаны предшествующими годами. Уже сорокъ лѣтъ прошло со временъ первой французской революціи; сколько

въ этотъ почти полустолѣтній періодъ кипучей европейской жизни успѣло народиться и новыхъ потребностей, и новыхъ вѣяній, и новыхъ ученій, а они продолжали еще примѣнять традиции конца прошлаго столѣтія: они все еще боролись противъ энциклопедистовъ, преслѣдуя новыя естественно-научныя открытія и теоріи. Въ корифеяхъ германской философіи—Кантъ, Шеллингъ, Фихте и Гегель—усматривали вѣрныхъ послѣдователей и продолжателей все тѣхъ же ученій, какія привели Францію къ разрушенію Бастиліи. И націоналисты, и члены германскаго Тугендбунда, и итальянскіе карбонары, и французскіе поклонники легенды Наполеона, и великосвѣтскіе послѣдователи байроновскихъ идеаловъ—все это безразлично смѣшивалось въ два стереотипные призрака, завѣщанные прошлымъ столѣтіемъ: призракъ неистоваго якобинца, готоваго обогреть міръ кровью, и развращеннаго волтерьянца, смѣющагося надо всѣми божескими и человѣческими законами и помышляющаго лишь о женѣ ближняго своего. Однимъ словомъ, всѣ тѣ реакціонные страхи и призраки Магницкихъ и Руничей, какіе возникли подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ войны 1812 года, словно окаменѣли и во всей неприкосновенности вошли въ кодексъ Шишкова“ (стр. 216).

Историкъ цензуры опять подробно передаетъ массу цензурныхъ исторій этого времени, вскрытыхъ новѣйшими изслѣдованіями и изданіями современныхъ дневниковъ, и которыя съ одной стороны касались первостепенныхъ писателей и крупнѣйшихъ произведеній тогдашней литературы, а съ другой стороны спускались до самыхъ ничтожныхъ мелочей (въ родѣ вопроса о царсковельскихъ извозчикахъ, кухонныхъ книгахъ и т. п.): очень часто эти цензурныя дѣла доходили до самой высшей власти; цензурныя бури, какъ было замѣчено выше, постигали иногда одинаково и писателей и цензоровъ. Сама цензура собственно такъ мало имѣла авторитета, что въ кругъ ея дѣятельности не только безнаказанно, но почти всегда съ успѣхомъ вмѣшивалось любое постороннее вѣдомство, если только мотивомъ вмѣшательства было указаніе на вольнодумство и „дерзость“ литературы,—а подъ эту дерзость подводилось даже сужденіе объ извозчикахъ.

Какъ ни было принижено состояніе литературы, общее представленіе бюрократическихъ сферъ о необходимости ея обузданія было такъ распространено и самое понятіе о размѣрахъ нашей литературы, о ея возможномъ дѣйствіи было такъ смутно и странно, что у насъ считали нужнымъ усиливать мѣры обузданія даже вслѣдствіе европейскихъ событій, не имѣвшихъ къ нашей жизни

никакого отношенія. Такъ было въ 1830 году послѣ іюльской революціи и еще болѣе послѣ событій 1848 года.

„Послѣ іюльской революціи,—говорить г. Скабичевскій,—мы не переставали идти по одной наклонной плоскости до самаго крымскаго погрома. И дѣйствительно, каждый годъ приносилъ какія-нибудь новыя стѣсненія и строгости. Не ограничиваясь запрещеніемъ журналовъ, казавшихся зловерными, министръ Уваровъ не замедлилъ надъ всею журналистикою усилить самый бдительный надзоръ. Съ этою цѣлью, по совѣту члена Главнаго управленія цензуры, барона Бруннова, подавашаго въ 1836 году докладную записку о мѣрахъ къ усиленію цензуры, Уваровъ приставилъ къ каждому журналу по два цензора и увеличилъ личный составъ комитетовъ. Вмѣстѣ съ этимъ было внушено комитетамъ циркуляромъ, что цензура должна имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ отнюдь не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла-было журналами обѣихъ столицъ.

„Въ то же время были приняты всѣ мѣры къ ограниченію количества періодическихъ изданій. Такъ, распоряженіемъ Главнаго управленія цензуры 22-го ноября 1837 года было постановлено, чтобы „издатели, не желающіе продолжать журналъ или газету, но которые получили позволеніе, объявляли, что прекращаютъ свое повременное изданіе; послѣ чего тѣ, которые пожелаютъ возобновить прекращающееся изданіе, входили бы о томъ съ прошеніемъ по установленному порядку, какъ о журналѣ вновь предпринимаемомъ, на который и будетъ испрашиваемо высочайшее соизволеніе“. Между тѣмъ заранѣе было уже сдѣлано распоряженіе о неразрѣшеніи новыхъ изданій. Это произошло въ 1836 году, когда Краевскій предпринялъ вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ изданіе журнала и обратился съ просьбою объ этомъ установленнымъ порядкомъ къ министру Уварову. Послѣдній представилъ программу журнала, съ ручательствомъ за благонамѣренность редакторовъ, на высочайшее усмотрѣніе. Государь находился въ это время въ Чембарѣ, со сломенной ключицею, былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа и на представленіи Уварова о новомъ журналѣ написалъ: „И безъ того много“. Вслѣдъ за тѣмъ Уваровъ разослалъ циркуляръ по комитетамъ отъ 1-го октября 1836 г. о томъ, что „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время запрещаются“.

„Послѣ этого дѣйствительно, по словамъ И. И. Панаева, никакія уже просьбы о новыхъ журналахъ не принимались, и существующіе журналы стали перепродаваться за значительныя

суммы. Нѣкоторые изъ немногихъ, имѣвшихъ привилегію на изданіе журналовъ и кое-какъ издававшіе ихъ—ловко воспользовались этимъ и перепродавали ихъ, дѣлая такимъ образомъ очень хорошія спекуляціи...

„Результатомъ этихъ мѣръ, само собою разумѣется, былъ полный застой въ развитіи журналистики, въ количественномъ, конечно, отношеніи. Такъ, авторъ „Историческихъ свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи“ упоминаетъ о таблицѣ сочиненій, напечатанныхъ съ дозволенія цензуры, составленной въ началѣ 1860-хъ гг. при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Изъ этой таблицы видно, что число періодическихъ изданій, хотя и увеличивалось (весьма, впрочемъ, слабо), но увеличивалось именно число изданій хозяйственно-промышленныхъ, медицинскихъ и модныхъ: напротивъ того, число изданій учено-литературныхъ въ періодъ съ 1834 по 1847 годъ уменьшилось. Не малымъ стѣсненіямъ подверглась книжная торговля“ (стр. 308—309)...

Гораздо прискорбнѣе, чѣмъ это количественное оскудѣніе литературы, было умственное оскудѣніе общества. Въ виду фактовъ, представляемыхъ исторіей цензуры, мы особенно убѣждаемся, что такъ называемое движеніе „сороковыхъ годовъ“ было именно каплей въ морѣ,—и если мы удивляемся по истинѣ замѣчательному историческому результату этого движенія для развитія нашего общественнаго сознанія, то этотъ результатъ представляется еще выше въ сопоставленіи съ общимъ низменнымъ уровнемъ, не дававшимъ ему никакой нравственной опоры. Г. Скабичевскій указываетъ на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, что послѣ 1840 года (безъ сомнѣнія въ связи съ упомянутыми мѣропріятіями) книжная торговля чрезвычайно упала, самое общество до того одичало и охладѣло къ умственнымъ интересамъ, что вышедшіе тогда 9—11 томы сочиненій Пушкина (гдѣ были между прочимъ „Мѣдный Всадникъ“, „Русалка“, „Арапъ Петра Великаго“ и множество дотолѣ ненапечатанныхъ стихотвореній) продавались очень тихо, что романъ Лермонтова почти не расходился, пока издатели (Глазуновы) не попросили Булгарина написать объ этой книгѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“, и т. п.

„Подобное равнодушіе невѣжественнаго, апатичнаго общества къ лучшимъ литературнымъ силамъ страны и постыдное подчиненіе его вліянію продажныхъ писакъ, въ родѣ Греча и Булгарина, естественно оправдывали тотъ пренебрежительный взглядъ на всѣхъ литераторовъ вообще, какой господствовалъ въ административныхъ сферахъ. Ужъ если наиболѣе авторитетные вліятельные писатели, какими парадировали въ глазахъ начальства изда-

тели „Сѣверной Пчелы“, представлялись въ то же время столь презрѣнными, то какими глазами могло смотрѣть начальство на всю прочую пишущую братію, не исключая и такихъ великихъ именъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Бѣлинскій“.

Въ эти годы Краевскому привелось услышать, въ административномъ разговорѣ, отъ извѣстнаго генерала Дуббеля, что сочиненія Пушкина — дрянъ, которой и при жизни его было напечатано довольно, чтобы отыскивать и печатать еще „неизданныя“ его творенія.

„Дуббель, — замѣчаетъ г. Скабичевскій, — имѣлъ свое основаніе сказать подобныя слова при видѣ того, какъ романы Булгарина, Загоскина или Кукольника расхватываются мигомъ тысячами экземпляровъ, а до сочиненій Пушкина и Лермонтова дѣйствительно словно никому не было дѣла“ (стр. 310—311)...

Доходило до вещей странныхъ и, наконецъ, возмутительныхъ. Въ 1843 году Гречъ прямо писалъ доносъ на „Отечественныя Записки“ въ III отдѣленіе, „но видно, — говоритъ г. Скабичевскій, — онъ перешелъ черезъ край, потому что III отдѣленіе отвергло съ презрѣніемъ доносъ Греча и написало непріятный для него отвѣтъ“. Въ томъ же году съ особаго рода доносомъ выступилъ Булгаринъ. Въ то время шла рѣзкая полемика между журналомъ Краевского и „Сѣверной Пчелой“, и Булгаринъ далъ своему доносу форму грознаго письма къ попечителю петербургскаго учебнаго округа, кн. Волконскому, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ цензуры: въ этомъ письмѣ, обвиняя цензуру въ слабости, Булгаринъ грозился довести дѣло до самого императора Николая. „Булгаринъ упрекалъ министра въ томъ, что тотъ не видитъ, что дѣлается у него подъ носомъ, давая понять, что онъ или простакъ, или покровитель либерализма; требовалъ слѣдственной комиссіи, передъ которой предстанетъ, какъ доноситель, для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ это или до него не доведутъ его, Булгарина, извѣты, то онъ будетъ просить прусскаго короля довести до свѣденія государя императора все, что угодно будетъ ему, Булгарину, сказать въ огражденіе его священной особы и его царства“. Такъ какъ въ письмѣ было своего рода „слово и дѣло“, то Волконскій передалъ письмо Уварову, а тотъ Бенкендорфу; въ концѣ концовъ письмо было представлено императору Николаю, который, однако, велѣлъ, чтобы объ этомъ не было извѣстно.

„Тѣмъ не менѣе Уваровъ по поводу письма Булгарина сдѣлалъ представленіе государю о необходимости дополнить и измѣнить

цензурный уставъ, такъ какъ въ немъ будто бы мало средствъ для обузданія литераторовъ, особенно журналистовъ. Онъ ссылаясь на попечителя, который будто бы требуетъ его помощи, а министръ самъ имѣетъ мало возможности дѣлать что-нибудь рѣшительное. Между прочимъ Уваровъ просилъ, чтобы ему было предоставлено право немедленно прекращать журналы, какъ скоро въ нихъ найдется что-нибудь бранное.

„Государь отвѣчалъ, что цензурный уставъ достаточенъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности дополнять его, а еще менѣе измѣнять. „У цензоровъ довольно власти,—сказалъ онъ:— у нихъ карандаши—это ихъ скипетры“. За испрашиваніе же помощи велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ попечителю, потому что эту помощь онъ долженъ былъ бы найти въ своихъ правахъ.

„Но это фiasco не укротило Уварова въ его рвеніи къ обузданію литературы. Онъ все-таки разослалъ по цензурнымъ комитетамъ циркуляръ, въ которомъ объявилъ, что „дѣйствительно нашелъ въ журналахъ статьи, гдѣ подъ видомъ философскихъ и литературныхъ изслѣдованій распространяются вредныя идеи, и потому онъ предписывалъ цензорамъ быть какъ можно строже“. При этомъ повторялъ свое неоднократное внушеніе бдительнѣе смотрѣть за переводами французскихъ повѣстей и романовъ.

„При этомъ въ разговорѣ съ попечителемъ Уваровъ откровенно сознался ему, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда по крайней мѣрѣ будетъ что-нибудь опредѣленное, а главное, онъ будетъ спать спокойно“ (стр. 333).

Дальше идти было нельзя, если не считать еще одного эпизода, относящагося къ сороковымъ годамъ.

„Въ 1848 году,—разсказываетъ г. Скабичевскій,—подъ впечатлѣніемъ февральской революціи, начался періодъ крайней реакціи, продолжавшейся до вступленія на престолъ императора Александра II. Но реакція эта была не какимъ-либо скачкомъ и внезапнымъ поворотомъ вспять, а лишь послѣднимъ шагомъ, увѣнчаніемъ того зданія, которое строилось съ 1830 года. Все время управленія гр. Уварова министерствомъ народнаго просвѣщенія было подготовкою къ этому шагу. Уже тогда была усилена бдительность за журналами вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на ихъ зловерное направленіе, и министръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отстранить ихъ отъ всякаго участія въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, хотя бы въ благонамѣренномъ духѣ. Такъ, циркуляромъ 1847 года онъ предписываетъ слб. цензурному комитету, чтобы было обращено вниманіе цензоровъ на

журнальныя и другія статьи по отечественной исторіи „для предотвращения въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ *порывовъ патріотизма*, общаго или провинціального, стремленіе, становившееся иногда если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть“ (стр. 338—339)...

Въ полемическихъ переборахъ, какіе вели между собою славнофильство и „западничество“ (въ сороковыхъ годахъ на словахъ, а въ послѣдствіи и въ печати) обѣ стороны бросали другъ другу упреки въ союзъ или съ консервативнымъ застоємъ, или же съ „петербургской“ бюрократіей. Подобнаго рода попреки слышались даже до недавняго времени. Исторія цензуры можетъ достаточно указать, что эти обоюдныя обвиненія были несправедливы: ни та, ни другая сторона не могли быть приравнены ни къ тому застою, ни къ той бюрократіи, какія господствовали въ тѣ времена. Оба направленія, и мнимо-западное и мнимо-національное, заключали въ себѣ элементы движенія впередъ, но при всей теоретической если не противоположности, то большой разницѣ, оба направленія были невыносимы для того круга понятій, который правилъ тогда внѣшними судьбами литературы. Самые тяжкія обвиненія были вводимы въ тѣ годы противъ обоихъ.

Въ послѣдніе годы этой системы, литература едва существовала подъ бременемъ надзора, стремившагося, какъ мы видѣли, истребить изъ нея даже „порывы патріотизма“. Отсюда то необычайное одушевленіе, какимъ исполнено было начало прошлаго царствованія, когда, наконецъ, хотя извѣстная доля общественныхъ стремленій могла быть высказана. Прежнее направленіе цензурнаго надзора дошло, кажется, до своего предѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ стеченіе внѣшнихъ событій дало новый, небывалый прежде ходъ общественной мысли и начало новаго періода нашей общественности и литературы. Историкъ цензуры указываетъ, что измѣненіе характера литературы произошло въ теченіе первыхъ лѣтъ безъ всякихъ перемѣнъ въ цензурномъ уставѣ: онъ оставался тотъ же самый и цензурное вѣдомство продолжало принимать дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы удерживать литературу въ ея обычныхъ предѣлахъ, но духъ времени оказывался сильнѣе этихъ стараній. Г. Скабичевскій характеризуетъ положеніе нашей цен-

зурь съ 1855 до 1865 словомъ „анархія“ — не потому, чтобы она была слаба (напротивъ, она была весьма дѣятельна), а потому, что подъ вліяніемъ времени она потеряла свои руководящія начала.

„Было бы совершенно ошибочно предполагать, — говоритъ онъ, — чтобы съ общимъ оживленіемъ жизни во всѣхъ ея сферахъ и отправленіяхъ, съ общимъ стремленіемъ къ либеральнымъ реформамъ, обуявшимъ всѣ слои общества, и цензура сразу встала на либеральную почву, какъ это было нѣкогда въ началѣ царствованія Александра I. Если первое десятилѣтіе XIX-го вѣка имѣетъ не мало аналогическихъ сторонъ съ эпохою отъ 55 по 65 годъ, то отнюдь эта аналогія не простирается на исторію цензуры. При Александрѣ I цензурная реформа была чуть ли не первымъ дѣломъ правительства при самомъ вступленіи на престолъ молодого императора; теперь же хотя въ свою очередь вопросъ о новомъ цензурномъ уставѣ былъ поднятъ въ самомъ началѣ царствованія, но — инныя, болѣе важныя и существенныя реформы поглотили все вниманіе правительства; печать же почти цѣлое десятилѣтіе оставалась все при тѣхъ же тягостныхъ законахъ, при которыхъ она существовала при Николаѣ; если же и предпринимались кое-какія реформы въ этомъ отношеніи, то по большей части онѣ клонились не столько къ освобожденію прессы отъ прежнихъ узъ, сколько къ обузданію ея и введенію въ прежнія границы.

„Тѣмъ не менѣе никогда ни до, ни послѣ того печать не была такъ либеральна и смѣла, никогда ей такъ много не допускалось, никогда не имѣла она такого рѣшающаго, почти господствующаго голоса въ русской жизни, какъ именно въ это достопамятное десятилѣтіе. Обойденная реформами, она затмила собою жалкую прессу эпохи Александра I, несмотря на то, что послѣдняя опиралась на либеральныя постановленія. И это очень понятно. Въ началѣ царствованія Александра I русская пресса находилась еще въ зародышѣ. Самый кругъ интеллигенціи въ это время былъ еще очень узокъ и, не простираясь въ глубь общества, обнималъ собою одни верхи, сливки его. Верхи эти, увлеченные грандіозными событіями Запада, смотрѣли на жалкую русскую прессу сверху внизъ и, поощряя ее, въ то же время питали къ ней высокомѣрное презрѣніе, и сама она безъ читателей, безъ умственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, находясь въ полной зависимости отъ великодушныхъ меценатовъ, по неволѣ была принижена, робка и ничтожна. Теперь же кругъ интеллигенціи значительно расширился, глубоко внѣдрилъ въ средніе слои общества, и пресса, богатая плеядою блестящихъ и образованнѣйшихъ талантовъ, опиралась на массу читающей публики. Когда послѣ крымской войны

послѣдоваль взрывъ реформеннаго энтузіазма, это было уже не увлеченіе кружка, а массовое движеніе чисто стихійное. Подобныя же стихійныя движенія имѣютъ то свойство, что онѣ не только руютъ всѣ воздвигаемыя имъ преграды, но увлекаютъ ихъ за собою, такъ что преграды обращаются иногда въ участниковъ движенія. То же случилось и въ разсматриваемое нами время. Общее движеніе, увлекшее за собою прессу, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекло и значительную часть самихъ цензоровъ, и грозныя цензурныя постановленія конца сороковыхъ годовъ начали безцеремонно обходиться, а если и употреблялись какъ слѣпое орудіе со стороны наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ до-реформенныхъ порядковъ, то возбуждали протесты и оппозицію въ либеральномъ мірѣ, и реакціонеры очень часто принуждены были отступать“ (стр. 390—391).

Нравственныя испытанія, вынесенныя въ теченіе крымской войны, дѣйствовали тѣмъ болѣе сильно, что въ свое время не могли быть высказаны, и уроки событій были почувствованы теперь въ такой степени, что защитниками болѣе свободы для общественнаго мнѣнія и литературы являлись такіе люди, которые занимали высокія положенія на административной лѣстницѣ и никакъ не могли быть заподозрѣны въ легкомысліи и вольнодумствѣ. Новый министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, извѣстный своимъ благочестіемъ, но прикосновенный къ литературѣ, въ нѣкоторыхъ спорныхъ случаяхъ оказывался на сторонѣ интересовъ литературы, къ великому негодованію людей стараго порядка. Еще болѣе подобнаго содѣйствія встрѣчала литература въ лицѣ князя Вяземскаго, богатаго литературнымъ опытомъ, хотя и относившагося не весьма благосклонно къ новѣйшимъ литературнымъ направленіямъ. Далѣе, подобнымъ образомъ дѣйствовалъ тогдашній попечитель петербургскаго учебнаго округа, состоявшій и предсѣдателемъ цензурнаго комитета, князь Щербатовъ. Въ Москвѣ тамошній попечитель Назимовъ выступилъ съ подробной официальной запиской въ защиту славянофильской школы, которая передъ тѣмъ навлекала на себя большія преслѣдованія и даже теряла возможность появляться въ литературѣ. Очевидно, что подобные факты сами собою указывали великую перемѣну въ положеніи вещей и еще болѣе способствовали укрѣпленію тѣхъ новыхъ стремленій, которыя овладѣвали тогда обществомъ и литературой. Кончалось тѣмъ, что друзьями новаго общественнаго движенія оказывались даже нѣкоторые изъ самихъ цензоровъ: извѣстно, напримѣръ, до какой степени „Русскій Вѣстникъ“, въ свою первую либеральную пору въ пятидесятыхъ годахъ, обязанъ былъ

своимъ успѣхомъ просвѣщенному цензору. Читатель найдетъ въ книгѣ г. Скабичевскаго характерныя подробности этого переходнаго положенія вещей, когда, несмотря на всѣ усилія реакціонеровъ, привыкшихъ къ прежней системѣ абсолютнаго молчанія объ общественныхъ вопросахъ, все болѣе и болѣе расширялся кругъ предметовъ, о которыхъ начинало высказываться путемъ литературы общественное мнѣніе. Тѣ лица, которыя стояли тогда во главѣ цензуры и были расположены къ умѣренному расширенію области литературы, бывали вынуждаемы къ уступкамъ реакціи, должны были принимать мѣры строгости, но движеніе, несмотря на то, продолжало расти. Историкъ цензуры рассказываетъ, напримѣръ: „что 14-го ноября 1857 года министерство должно было послать по цензурнымъ комитетамъ циркуляръ, по своей крайней туманности и неопредѣленности показывающій, что онъ былъ вовсе не добровольнымъ дѣйствіемъ министерства, а вынужденъ обстоятельствами и совершенно не согласовался съ духомъ министерства. Вотъ этотъ циркуляръ:

„Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать благороднаго желанія улучшеній съ тенденціями къ политическимъ преобразованіямъ, но сіи послѣднія нерѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы, и потому гг. цензора обязаны съ необходимою прозорливостью вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя науку, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ. Обязываясь покорнѣе просить ваше..., обративъ особенное вниманіе на сочиненія, въ которыхъ могутъ скрываться означенныя направленія, предписать гг. цензорамъ усугубить просвѣщенную строгость при разрѣшеніи оныхъ къ печати“.

„Очень понятно, что своею двусмысленностью циркуляръ этотъ не достигалъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ и лишь подливалъ масла въ огонь: либеральнымъ цензорамъ онъ развязывалъ руки пропускать чтò угодно подъ тѣмъ предлогомъ, что они въ пропускаемой статьѣ не усмотрѣли никакой тенденціи къ политическимъ преобразованіямъ, а лишь одну науку, которую циркуляръ обязываетъ покровительствовать; цензора же противнаго лагеря на основаніи того же циркуляра смѣло могли стать на почву Бутурлинскаго комитета исканія сокровенныхъ смысловъ и запрещать чтò угодно, во всемъ усматривая „вредныя умозрѣнія подъ благовидными наружными формами“ (стр. 404).

Историкъ цензуры сообщаетъ множество фактовъ изъ того времени, гдѣ сказывалось это крайне неопредѣленное положеніе цензуры, которая, не имѣя возможности оставлять безъ дѣйствія старую практику, не отмѣненную никакимъ закономъ, въ то же время не въ состояніи была угодиться за всѣми проявленіями новаго общественнаго настроенія. Съ одной стороны, митрополитъ востаетъ противъ геологическихъ представленій, въ туманныхъ картинахъ, заѣзжаго иностранца Роде, видя въ нихъ колебаніе христіанства; съ другой стороны, идутъ неустанныя преслѣдованія все болѣе распространяющихся попытокъ гласности, первый при-
иѣръ которыхъ былъ поданъ однако самими высшими сферами въ заявленіяхъ морского министерства; рядомъ съ этимъ общественное мнѣніе высказывается въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма настойчиво. Въ 1858 году духовное вѣдомство вмѣшалось въ цензурный вопросъ по поводу статьи Даскалова „Возрожденіе болгаръ“ въ „Русской Бесѣдѣ“. Синодальный оберъ-прокуроръ сообщалъ министру просвѣщенія о горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на константинопольскаго патріарха этою статьею, которая была допущена московскою цензурою и написана однако въ духѣ самомъ враждебномъ противъ греческой церкви. „Нельзя и представить себѣ,—писалъ оберъ-прокуроръ,—чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семь духѣ, но должно скорѣе предположить, что статья эта есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго разу можно уже видѣть въ ней явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви и что она не столько ведетъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ болгаръ (которое можно возбуждать и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой“. Министръ потребовалъ объясненій отъ редакціи „Русской Бесѣды“, и это объясненіе было доставлено въ московскій цензурный комитетъ Хомяковымъ. Онъ ни мало не соглашался съ замѣчаніями оберъ-прокурора и приводилъ фактическія данныя, которыхъ не имѣлось въ виду въ синодальномъ вѣдомствѣ. Болгары въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ страдаютъ отъ насилій грековъ-фанаріотовъ и только противъ послѣднихъ была направлена статья „Русской Бесѣды“: болгарину было бы *стыдно* говорить объ этомъ угнетеніи безъ глубокаго и горячаго негодованія и авторомъ руководила не вражда къ іерархіи, а тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій.

„Не въ духѣ вражды или невѣрія,—говоритъ Хомяковъ,—а

въ духѣ глубокой скорби и душевной болѣзни была написана и напечатана статья г. Даскалова. Она должна была познакомить русскихъ съ вопросомъ, близкимъ сердцу каждаго изъ насъ; она должна быть полезно славянамъ, которымъ покажетъ, что мы неравнодушны къ ихъ бѣдствіямъ; она можетъ быть наконецъ полезна самимъ фанариотамъ, какъ предостереженіе, какъ доказательство, что сочувствіе Россіи будетъ не съ ними, а съ бѣднымъ народомъ, гонимымъ ихъ слѣпымъ своекорыстіемъ изъ нѣдръ истинной церкви въ лоно обманчивыхъ, но гостепріимныхъ ересей.

„Іезуитская Австрія запретила не только перечитывать, но даже и пропускать въ изданіяхъ заграничныхъ жалобы славянъ на греческое духовенство: она желаетъ заглушеніемъ жалобъ довести православный народъ до отчаянія и отпаденія. Такое дѣйствіе *Австріи* служить намъ назидательнымъ урокомъ. То, о чемъ она старается, не можетъ быть полезно для Россіи; то, чему ее учатъ духовные ея наставники-іезуиты, не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей гибельныхъ для вѣры православной“ (стр. 409 — 410).

Очевидно, что литература имѣла о данномъ предметѣ болѣе обстоятельныя и болѣе правильныя свѣденія, чѣмъ официальное вѣдомство. Въ самомъ дѣлѣ протесты болгаръ противъ фанариотовъ были первымъ началомъ борьбы болгаръ за свое національное возрожденіе. Уже вскорѣ этотъ споръ вызвалъ отпаденіе болгарской церкви отъ подчиненія константинопольской іерархіи, и вина отпаденія лежала, конечно, на послѣдней, или точнѣе, виновато было вѣковое угнетеніе болгарской народности греческой іерархіей и простиравшая отсюда историческая вражда.

И въ другомъ случаѣ литература не сносила безотвѣтно цензурныхъ обвиненій. Въ 1859 году запрещено было изданіе еженедѣльной газеты „Парусъ“ Ивана Аксакова, которой успѣло выйти всего два нумера. Между прочимъ однимъ изъ поводовъ къ запрещенію послужила статья Погодина, которая подверглась двумъ обвиненіямъ: во-первыхъ, „за ѣдкое униженіе нашей иностранной политики“, и во-вторыхъ, „за непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства“. Погодинъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, Евграфу Ковалевскому, горячо вступился за свою патріотическую честь. Погодинъ объясняетъ, что подъ его шутивными выраженіями была просто непонята его основная мысль о нашей иностранной политикѣ, и раскрываетъ эту мысль. Что касается вмѣшательства въ виды и соображенія правительства, то Погодинъ писалъ:

„Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ

нашей печати, и не найдется ни одного порядочнаго русскаго челоуѣка, который бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобы наши воины были побѣдоносны, чиновники справедливы, священники благочестивы, писатели благоразумны; чтобы наши крѣпости были неприступны, училища просвѣтительны и пр.

„Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ, и онѣ не только не показываютъ „непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и соображенія правительства“, но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ предъ крестомъ и евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все, что считаемъ для отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни?..

„...Еслибъ главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ оружіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленныхъ въ наслѣдство Торквемадою, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ, и пантомиму мои настоящіе чистые русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія.

„Спросять, почему я, именно я, принимаю такъ къ сердцу то или другое событіе? Потому, что я сорокъ лѣтъ занимаюсь русской исторіей, потому, что я ежедневно питаюсь ею, какъ насущнымъ хлѣбомъ, и потому, что она сдѣлалась моею плотію, мозгомъ, кровью.

„Въ продолженіе послѣдней войны написалъ я записокъ 20, кои передавались покойному государю его сыномъ, нынѣшнимъ нашимъ государемъ. Во всѣхъ этихъ запискахъ, изъ коихъ нѣкоторыя разсылались въ тысячахъ экземпляровъ во всей Россіи, я говорилъ одно и то же, что сказалъ въ послѣдней, полушутливой статьѣ моей. Покойный государь, получивъ еще прежде вѣрное свидѣтельство моей благонамѣренности, отдавалъ справедливость моему искреннему образу дѣйствій и выражалъ мнѣ свою признательность.

„А теперь меня называетъ неблагонамѣреннымъ Главное управленіе цензуры. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ... Я требую суда, я прошу ваше пр-ство сообщить это письмо Главному управленію цензуры, дабы оно, рассмотрѣвъ и уваживъ выше предложенныя мои доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ

и исходатайствовало у государя императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ по недоразумѣнію оскорбленіи“ (стр. 452—453)...

Отмѣтимъ еще, какъ ставились съ цензурной точки зрѣнія вопросы русской исторіи. Понятно, что при томъ цензурномъ порядкѣ вещей, какой господствовалъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, русская исторія должна была раздѣлить ту же судьбу, какъ и вообще вопросы русской жизни. Единственная область, которая оставалась болѣе или менѣе открыта для изслѣдованія, была древняя исторія, и въ то время дѣйствительно наша исторіографія переполнена была изслѣдованіями о варягахъ и ближайшихъ къ нимъ эпохахъ нашей исторіи; мы помнимъ, впрочемъ, что опасливый цензоръ въ исторической статьѣ вычеркивалъ имя древняго народа „Черные клобуки“, очевидно, опасаясь, что здѣсь можетъ быть отысканъ какой-нибудь неблагополучный намекъ. Въ русской исторіи все должно было обстоять благополучно, а неблагополучное, хотя бы случившееся давнымъ давно, даже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, цензура старательно устраняла. Въ послѣднее время была разсказана исторія съ диссертацией Костомарова объ Уніи (въ началѣ сороковыхъ годовъ): диссертация по рецензії Устрялова была предана сожженію. Въ 1849 году Соловьевъ помѣстилъ въ „Современникъ“ статью о смутномъ времени—когда неблагополучнаго происходило не мало; благожелатели не замедлили сдѣлать о ней докладъ самому императору Николаю,—и затѣмъ цензору, пропустившему статью, сдѣлано „вразумленіе“, а предсѣдателю цензурнаго комитета министръ просвѣщенія писалъ: „Подобныя подробности (т.-е. какія заключались въ статьѣ Соловьева), составляя достояніе исторіи, могутъ, конечно, въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналъ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа (?), нельзя не признать ни полезнымъ, ни соответствующимъ цѣли подобныхъ изданій“. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда ревность цензуры доходила до своего апогея, на этотъ счетъ даны были совершенно опредѣленные указанія. Въ октябрѣ 1854 года было сдѣлано общее распоряженіе относительно статей о смутныхъ эпохахъ. „Сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачова, Степки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго по-

ряда, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихкихъ изданіяхъ" (стр. 358—359).

Въ новое царствованіе, когда наконецъ для самой цензуры стали выясняться неизбѣжныя требованія просвѣщенія и науки, поставленъ былъ вопросъ о томъ: какъ же быть съ русской исторіей? На первый разъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ. Въ циркулярѣ по цензурному вѣдомству отъ 8-го марта 1860 года читаемъ: „какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то, съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснить отечественную исторію въ ея развитіи: періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять *конецъ царствованія Петра Великаго*" (стр. 437).

Между тѣмъ уже и въ это время являлось представленіе о томъ, что назначенный срокъ былъ черезъ-чуръ тѣсенъ: почти полтора вѣка новѣйшей нашей исторіи закрывались для историческаго изслѣдованія, когда именно они должны были представлять наибольшую поучительность и интересъ. Въ 1859 году въ министерствѣ просвѣщенія, при Евграфѣ Ковалевскомъ, составилъ проектъ новаго цензурнаго устава. Проектъ, по словамъ историка цензуры, „поразилъ крайнимъ бесплодіемъ творчества въ министерствѣ". Относительно русской исторіи въ 15-мъ параграфѣ проекта говорилось: „Всѣ изысканія, до отечественной исторіи относящіяся, съ критическою оцѣнкою лицъ и событій дозволяются къ печатанію, если они не противны общимъ цензурнымъ правиламъ", и затѣмъ слѣдовало примѣчаніе: „Предѣлами такихъ историческихкихъ изысканій должно считать время, въ которое государственные дѣятели существуютъ еще, могутъ существовать или существовали столь недавно, что вѣрное и безпристрастное истолкованіе ихъ дѣйствій, а слѣдовательно и полная принадлежность ихъ исторіи невозможны. Вообще окончательнымъ для сего предѣломъ должно быть *восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II*" (стр. 445).

Такимъ образомъ предѣлъ все-таки подвигался къ нашему

времени. Только съ новою цензурною реформой, половины шестидесятихъ годовъ, этотъ районъ историческаго изученія, конечно съ извѣстными ограниченіями, былъ доведенъ до нашего времени. Такъ недавно стало доступно для русской литературы изученіе самой русской исторіи!

Какъ мы говорили, изученіе исторіи русской цензуры въ разныхъ отношеніяхъ поучительно. Прежде всего, оно равняется ушату холодной воды для тѣхъ, кто слишкомъ преувеличиваетъ объемъ и быстроту нашего историческаго развитія. То, чѣмъ мы можемъ по-истинѣ гордиться въ движеніи нашей литературы и науки, совершалось въ слишкомъ тѣсномъ кругу образованныхъ людей, который составлялъ такое незначительное меньшинство даже въ массѣ такъ-называемаго „общества“, что эти успѣхи не могли служить мѣриломъ движенія самаго „общества“. Напротивъ, этимъ мѣриломъ можетъ служить цензура въ различныхъ пройденныхъ ею ступеняхъ. Мы видѣли, что она не представляла вовсе какого-либо постояннаго и равномернаго дѣйствія: она не была какою-либо самостоятельной силой, а постоянно колебалась, смотря по настроеніямъ высшихъ административныхъ сферъ, въ которыхъ въ свою очередь отражался уровень не меньшинства, а большинства. Отсюда меньшинство было неизмѣнно въ страдательномъ положеніи. Но если, какъ мы говорили, это не должно лишать мужества дѣятелей этого меньшинства, — они именно всего живѣе чувствовали и сознавали нужды общественнаго образованія и благоустройства, и исторія указываетъ въ нихъ предвѣстниковъ и работниковъ для будущихъ успѣховъ общественности и народнаго блага, — то въ этой исторіи есть серьезное поученіе. Прошедшее представило слишкомъ много примѣровъ того извращенія цензурной дѣятельности, которое становилось прямымъ обскурантизмомъ и вело къ общественной деморализаціи. Такъ бывало при Александрѣ I, во времена Магницкаго; такъ бывало во второй четверти столѣтія, когда притѣсненіе лучшей части литературы вело къ успѣху той лѣстивой, лицемерно рабской литературы, противъ которой сохранились негодующіе протесты лучшихъ людей тогдашней литературы — Пушкина, Гоголя, кн. Одоевскаго, Бѣлинскаго. Составъ цензурнаго надзора, при единствѣ вѣдомства, бывалъ однако неравномѣренъ, и исторія признаетъ заслугу людей, которые въ предѣлахъ вѣдомства бывали болѣе или менѣе справедливыми цѣнителями стремленій литературы и защитниками права мысли и поэзіи: таковы были имена кн. Вяземскаго, Но-

рова, кн. Щербатова. Каковъ бы ни былъ составъ цензурнаго надзора, это вѣдомство заключаетъ въ себѣ также общественныхъ дѣателей, имѣющихъ нравственныя обязанности къ обществу: они стоятъ такъ близко къ литературѣ, что при нѣкоторомъ безпристрастіи и сознаніи упомянутыхъ обязанностей могутъ достаточно изучить характеръ литературы и по крайней мѣрѣ не отягощать ее излишними и несправедливими требованіями, и такъ какъ сама литература въ спорныхъ вопросахъ этого рода лишена голоса, то тѣмъ болѣе возрастаетъ нравственное требованіе справедливости съ другой стороны. Для того и другого мы имѣемъ уже поучительный историческій опытъ: для литературы, а съ нею и для цензуры, есть исторія.

А. В—нъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

Тебѣ навѣки сердце благодарно
Съ тѣхъ поръ, какъ я, раздуміемъ томимъ,
Бродилъ у волнъ мутнозеленыхъ Арно,

По галереямъ сумрачнымъ твоимъ,
Флоренція! И статуи нѣмныя
За мной слѣдили. Подходилъ я къ нимъ

Благоговѣнно. Стѣны вѣковыя
Твоихъ дворцовъ объаты были сномъ.
А мраморные люди, какъ живые,

Стояли въ нишахъ каменныхъ кругомъ:
Здѣсь былъ Челлини, полный жаждой славы;
Боккаччо съ привѣтливымъ лицомъ;

Макиавелли, другъ царей лукавый,
И нѣжнаго Петрарки голова,
И выходецъ изъ Ада величавый;

И тотъ, кого прославила молва,
Не разгадавъ, — Да-Винчи, дивной тайны
Исполненный, на древняго волхва

Похожій и во всемъ необычайный.
Какъ счастливъ былъ, храня смущенный видъ,
Я, гость межъ ними, робкій и случайный!

И попирая пыль священныхъ плитъ,
Какъ юноша, исполненный тревоги,
На мудраго наставника глядитъ,—

Такъ я глядѣлъ на нихъ. И были строги
Ихъ лица блѣдныя, и предо мной,
Великіе, безстрастные, какъ боги,

Они сіяли вѣчной красотой.
Но больше всѣхъ, межъ древними мужами,
Я возлюбилъ того, кто головой

Поникъ на грудь, исполненный мечтами,
И опытный въ добрѣ, какъ и во злѣ,
Взиралъ на міръ усталыми очами.

Напечатлѣла дума на челѣ
Такую скорбь и отвращенье къ жизни,
Какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ на землѣ

Я никогда. И къ собственной отчизнѣ
Презрѣнье было горькое въ устахъ,
Подобное печальной укоризнѣ.

И я замѣтилъ въ жилистыхъ рукахъ,
Въ уродливыхъ морщинахъ, въ поворотѣ
Широкихъ плечъ, въ нахмуренныхъ бровяхъ

Твое упорство злобное въ работѣ,
Твой гнѣвъ, создатель „Страшнаго Суда“,
Твой беспощадный духъ, Буонаротти!

И скукою безцѣльнаго труда,
И глупостью людскою возмущенный,
Ты не вкушалъ покоя никогда.

Усиьемъ тяжкимъ воли напряженной
За міромъ міръ ты создавалъ, какъ богъ,
Мучительными снами удрученный,

Нетерпѣливъ, угрюмъ и одинокъ.
Но въ исполинскихъ глыбахъ изваяній,
Подобныхъ бреду, ты всю жизнь не могъ

Осуществить чудовищныхъ мечтаній,
И красоту безмѣрнаго любя,
Порой не успѣвалъ кончать созданій.

Упорный камень молотомъ дробя,
Испытывалъ лишь ярость, утоленья
Не зналъ во вѣкъ,—и были у тебя

Отчаянью подобны вдохновенья:
Ты вѣчно невозможнаго хотѣлъ.
Являютъ намъ могучія творенья

Страданій человѣческихъ предѣлъ.
Одной Судьбы ты понималъ неизбежность—
Для злыхъ и добрыхъ. Плодъ великихъ дѣлъ—

Ты чувствовалъ покой и безнадежность.
И проклиналъ, падая къ ногамъ Христа,
Земной любви обманчивую нѣжность,

Искусство проклиналъ! Но пока уста
Безъ вѣры Бога въ мучахъ призывали,—
Душа была угрюма и пуста.

И Богъ не утолилъ твоей печали.
И отъ людей спасенія ты не ждалъ:
Уста навѣкъ съ презрѣньемъ замолчали.

Ты больше не молился, не ропталъ,
Ожесточенъ въ страданіи одинокомъ,
Ты, ни во что не вѣря, погибалъ.

И вотъ стоишь, не побѣжденный рокомъ,
Ты предо мной, склоняя гордый лизъ,
Въ отчаяннѣ спокойномъ и глубокомъ,—

Какъ Демонъ,—безобразенъ и великъ.

Флоренція.
1892 г.

II.

ПАРΘЕНОНЪ.

Мнѣ будетъ вѣчно дорогъ день,
 Когда вступилъ я, Пропилен,
 Подъ вашу мраморную сѣнь,
 Что пѣны волнъ морскихъ бѣлѣе,
 Когда, бессмертный Пареенонъ,
 Я увидалъ въ лазури чистой
 Впервые мраморъ золотистый
 Твоихъ божественныхъ колоннъ,
 Твой камень, солнцемъ весь облитый,
 Прозрачный, теплый и живой,
 Какъ тѣло юной Афродиты,
 Рожденной пѣною морской.
 Здѣсь было все душѣ родное—
 И Саламинъ, и Геликонъ,
 И это море голубое—
 Межъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ.
 Съ тѣхъ поръ душѣ моей--святыня,
 О, скудной Аттики земля,
 Твоя печальная пустыня,
 Твои сожженные поля!

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

Ионическое море.
 1892 г.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ

I.

Въ 1883 году, въ своихъ „*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*“, Эрнестъ Ренанъ выражалъ благодарность судьбѣ за „преlestную прогулку, которую ему дано было совершить въ предѣлахъ реального міра“... „Еслибы мнѣ пришлось вновь начать свою жизнь, съ правомъ дѣлать въ ней поправки, — писалъ онъ, — я ничего въ ней не измѣнилъ бы. Мои жизненные впечатлѣнія были очень пріятны, и я думаю, что найдется не много существъ болѣе счастливыхъ, чѣмъ я, въ той мѣрѣ сознанія, которая возможна при условіяхъ нашей планеты. И теперь я одного только желаю отъ моего добраго генія, который столько разъ меня направлялъ и утѣшалъ, — тихой и внезапной смерти, въ назначенный мнѣ часъ, близкій или отдаленный“. Ренанъ всего болѣе боялся старчества, когда человѣкъ, обладавшій силою и умомъ, „становится развалиною, тѣнью самого себя, и часто, къ великой радости глупцовъ, занимается разрушеніемъ жизни, которую онъ построилъ съ такимъ трудомъ“. Такая старость есть худшій изъ даровъ, какіе выпадаютъ на долю человѣка. „Если мнѣ суждено испытать эту участь, я протестую заранѣе противъ слабостей, которыя одряхлѣвшій мозгъ можетъ меня заставить сдѣлать. Я хочу, чтобы вѣрили и придавали значеніе Ренану, здоровому умомъ и сердцемъ, какимъ я сознаю себя въ настоящее время, а не Ренану, на половину подкошенному смертью и измѣнившемуся подъ вліяніемъ медленнаго разложенія“.

Прошло семь лѣтъ — и Ренанъ заявляетъ (въ предисловіи къ „*Avenir de la science*“), что жизнь его продолжилась далѣе срока, на который онъ всегда рассчитывалъ. А въ этотъ избы-

точный семилѣтній промежутокъ времени онъ успѣлъ напечатать два первые тома новаго капитальнаго сочиненія — „Histoire du peuple d'Israël“. Рѣдко удается человѣку осуществлять въ жизни всѣ мечты и планы своей юности; очень немногіе могутъ на закатѣ дней своихъ сказать, подобно Ренану, что они исполнили все, задуманное въ молодости, и что имъ ничего не остается желать, кромѣ спокойной, безболѣзненной кончины. „Жить умственною жизнью, стремиться къ безконечному всѣми пѣрами своего существа, чувствовать и выражать прекрасное, достигать совершенства по мѣрѣ силъ каждаго, — это единственно необходимое и существенное; все остальное — суета и огорченіе для ума“. Такъ смотрѣлъ Ренанъ на жизнь въ началѣ своей дѣятельности, и этотъ взглядъ проводился имъ на практикѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и послѣдовательностью, съ необычайнымъ блескомъ и успѣхомъ. Онъ жилъ и работалъ только умомъ и душою, вдали отъ низменной человѣческой прозы, и въ этой области выплхихъ духовныхъ интересовъ онъ не только довелъ до конца всѣ свои самыя смѣлыя начинанія, но имѣлъ еще возможность сдѣлать многое, сверхъ предположенной программы. „Важнѣйшая книга XIX вѣка, — писалъ онъ въ 1848 году, — должна была бы носить заглавіе: „Критическая исторія происхожденія христіанства“. Завидую тому, кто исполнить этотъ трудъ, который будетъ трудомъ моихъ зрѣлыхъ лѣтъ, если мнѣ не помѣшаютъ смерть и вѣщныя случайности, столь часто измѣняющія направленіе нашего существованія!“ Этотъ трудъ былъ исполненъ Ренаномъ въ семи томахъ и доставилъ ему великое нравственное удовлетвореніе и громкую литературную славу.

Ренанъ хотѣлъ быть только ученымъ изслѣдователемъ и историкомъ; но онъ нашелъ время и для поэтическаго и художественнаго творчества, для критики и публицистики. Вложивъ въ свою жизнь столь богатое и плодотворное содержаніе, онъ какъ будто представилъ наглядное опроверженіе пословицы: „ars longa, vita brevis“. Онъ не находилъ, что жизнь коротка, и въ этомъ отношеніи могъ бы повторить замѣчанія Сенеки о продолжительности жизни: „Не мало времени имѣемъ мы, а много теряемъ; жизнь достаточно длинна и щедро дается каждому для исполненія важнѣйшихъ дѣлъ, если только вся она хорошо распределена. Но она или протекаетъ по небрежности и невниманію, или употребляется безъ пользы; а когда наступаетъ послѣдній срокъ, мы убѣждаемся, что не сознавали ея хода, пока она шла, и чувствуемъ только, что она прошла. Мы дѣлаемъ жизнь краткою, а не получаемъ ее такую; мы не бѣдны ею, а расточительны. Ничтожна та часть

жизни, которую мы дѣйствительно живемъ; остальное ея пространство есть не жизнь, а время" (*De brevitae vitae*). Такие люди, какъ Ренанъ, показываютъ своимъ примѣромъ, что краткость или продолжительность жизни опредѣляется не внѣшнимъ ея срокомъ, а способомъ ея внутренняго наполненія и употребленія.

Многимъ даже выдающимся дѣателямъ приходится тратить массу душевныхъ силъ на то, чтобы найти свое истинное призваніе и проложить себѣ дорогу къ желанной дѣятельности, уяснить себѣ точную мѣру своихъ способностей и соразмѣрить съ ними свои жизненные цѣли и задачи. Хорошая половина жизни уходитъ часто на одно приготовленіе къ жизни и на выработку ея точной программы. Размахъ юности обыкновенно далеко превышаетъ реальную возможность достиженія; является противорѣчіе и разладъ между личными идеалами и дѣйствительностью; нѣкоторые изъ завѣтныхъ стремленій и принциповъ затемняются, слабѣютъ и бросаются въ пути; предполагаемые обширные планы все болѣе сокращаются, суживаются или отодвигаются въ туманную область фантазіи; тягостныя разочарованія подрываютъ энергію и бодрость духа, превращаютъ зрѣлые годы въ преждевременную старость и налагаютъ на послѣдній періодъ жизни отпечатокъ грусти и безсилія. Ренанъ не зналъ этихъ разочарованій и этой напрасной траты силъ; даже испытанная имъ внутренняя борьба изъ-за вопросовъ религіи послужила лишь толчкомъ къ болѣе быстрому, свободному развитію и къ болѣе широкому и энергическому примѣненію природныхъ средствъ ума и таланта. Вѣра въ науку и прогрессъ неизмѣнно вдохновляла Ренана и руководила имъ до конца его жизни; идеалы юныхъ лѣтъ сопутствовали ему въ старости. Оттого онъ имѣлъ основаніе быть довольнымъ собою и міромъ, и, разставаясь съ жизнью, могъ смотрѣть на пройденный путь, какъ на „преlestную прогулку“, въ высшей степени поучительную и прекрасно исполненную.

Эрнестъ Ренанъ готовился въ юности къ духовному званію, изучалъ всѣ тонкости католическаго богословія и средневѣковой схоластики, и позднѣе нерѣдко называлъ себя „неудавшимся па-теромъ“ (*un prêtre manqué*); онъ съ самаго начала усвоилъ тотъ мягкій, снисходительный взглядъ на людей, который подобаетъ истинному духовному пастырю и который въ то же время какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ его личному характеру, отъ-ченному добродушіемъ и юморомъ. Отголоски клерикальнаго образованія и настроенія слышатся явственно въ его позднѣйшихъ воззрѣніяхъ, особенно соціальныхъ и политическихъ, и часто овла-

дѣвали его умомъ и чувствомъ противъ воли; эти моменты поворота къ прошлому изображаются имъ въ красивой поэтической картинѣ, въ началѣ „Souvenirs d'enfance et de jeunesse“. Въ Бретани существуетъ легенда о городѣ д'Исъ, поглощенномъ нѣкогда моремъ. „Въ различныхъ мѣстахъ побережья указываютъ положеніе этого сказочнаго города, и рыбаки передаютъ о немъ странныя исторіи. Во время бури,—увѣряютъ они,—можно видѣть въ глубинѣ волнъ верхушку церкви, а въ спокойные дни доходятъ до насъ колокольные звуки, отвѣчающіе гимну даннаго дня. Мнѣ кажется иногда, что въ глубинѣ моего сердца похороненъ городъ д'Исъ, гдѣ звонятъ еще колокола, упорно созывающіе на молитву вѣрующіхъ, которые уже не слышатъ болѣе. Часто я останавливаюсь, чтобы вслушаться въ эти дрожащія звуки, выходящія какъ будто изъ безконечныхъ глубинъ, подобно голосамъ изъ загробнаго міра. Особенно съ приближеніемъ старости я съ удовольствіемъ, въ теченіе лѣтнаго отдыха, слѣдилъ за этимъ отдаленнымъ шумомъ исчезнувшей Атлантиды“.

Ренанъ провелъ свое дѣтство въ старомъ монастырскомъ мѣстечкѣ, гдѣ „то, къ чему стремятся другіе люди, называлось суетой, и единственно реальнымъ признавалось то, что міряне называютъ химерой“. Его смущали „стройныя башни собора, представляющія чудо легкости, безумную попытку воплотить въ гранитѣ невозможный идеалъ“... „Долгіе часы, которые я проводилъ тамъ,—пишетъ онъ,—были причиной моей совершенной прагматической неспособности. Этотъ архитектурный парадоксъ сдѣлалъ изъ меня мечтателя, поклонника мѣстныхъ святыхъ, въ такомъ вѣкѣ, когда ученія этихъ святыхъ не имѣютъ никакого примѣненія“. Въ окрестностяхъ, у самаго моря, стоитъ церковь, разрушенная молніею; на святой недѣлѣ тамъ показывали дѣтямъ, какъ колокола уходятъ въ Римъ. „Намъ завязывали глаза, и тогда было пріятно видѣть, какъ эти колокола, въ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ наибольшаго до наименьшаго, покрытые красивыми кружевами, переносятся на воздухъ, съ важнымъ гуломъ, чтобы получить благословеніе отъ папы“. Въ праздникъ святого Ива народъ съ вечера собирался въ церкви, и ровно въ полночь святой простиралъ свои руки, благословляя колѣнопреклоненную толпу; „но если въ толпѣ оказывался хоть одинъ невѣрующій и поднималъ глаза, чтобы взглянуть, дѣйствительно ли совершается чудо,—святой, справедливо обиженный этимъ подозрѣніемъ, не трогался съ мѣста, и по винѣ одного невѣрующаго всѣ оставались безъ благословенія“. Мѣстные патеры были первыми учителями Ренана, и по его собственному признанію, онъ былъ обязанъ имъ всѣмъ,

что было въ немъ хорошаго. Каждое ихъ слово казалось ему изреченіемъ оракула, и до переѣзда въ Парижъ, когда ему было уже шестнадцать лѣтъ, онъ ни разу не позволилъ себѣ усомниться въ истинности ихъ разъясненій. Онъ „имѣлъ счастье познать абсолютную добродѣтель“ и навсегда сохранилъ въ себѣ эти уроки и впечатлѣнія дѣтства. Въ сущности, — говоритъ онъ, — „моя жизнь всегда управлялась вѣрой, которой я больше не имѣю. Вѣра имѣетъ ту особенность, что она продолжаетъ дѣйствовать и послѣ того, какъ она уже исчезла“. Въ школѣ не признавалась новѣйшая французская литература; сочинять французскіе стихи считалось опаснымъ упражненіемъ, за которое ученику грозило исключеніе. Ренанъ долженъ былъ сдерживать свою наклонность къ стихотворству и съ тѣхъ поръ не могъ пользоваться приемомъ для выраженія своихъ мыслей, о чемъ онъ сильно сожалѣлъ впослѣдствіи; часто слова сами собою укладывались у него въ разбѣренныя строки, но неодолима ассоціація идей заставляла его устранять созвучіе, въ которомъ онъ привыкъ видѣть недостатокъ, и къ которому внушили ему нѣчто въ родѣ страха. Въ Парижѣ, въ духовномъ учебномъ заведеніи, находившемся тогда подъ руководствомъ моднаго и свѣтскаго аббата Дюпанлу, допускались уже и поощрялись извѣстные литературные вкусы, обращалось вниманіе на выработку стиля и краснорѣчія; но преподаваніе отличалось поверхностностью и не удовлетворяло пытливаго ума Ренана. Съ переходомъ въ высшую семинарію св. Сульпиція, молодой Ренанъ всецѣло погрузился въ богословскія и филологическія науки и окончательно опредѣлилъ свое научно-литературное призваніе. „Сенъ-Сюльписъ есть прежде всего школа добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Сенъ-Сюльписъ оказывается чѣмъ-то архаическимъ, остаткомъ двухсотлѣтней старины. Многія изъ мсихъ сужденій, — писалъ Ренанъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, — удивляютъ свѣтскихъ людей, ибо они не видѣли того, что я видѣлъ. Я видѣлъ въ Сенъ-Сюльписѣ, какія чудеса могутъ произвести наши расы въ дѣлѣ доброты, скромности, личнаго самоотверженія, хотя и въ связи съ узкими идеями. То количество добродѣтели, которое вмѣщается въ Сенъ-Сюльписѣ, было бы достаточно для управленія міромъ“... Свѣденія, сообщаемыя Ренаномъ о личныхъ качествахъ и учености католическихъ его наставниковъ и руководителей, вполне объясняютъ ту великую нравственную роль, которую нынѣ играетъ римская церковь въ западной Европѣ; эти свѣденія и характеристики дѣлаютъ понятною притягательную силу католичества даже относительно избранныхъ умовъ и даютъ ключъ къ пониманію такихъ лич-

ностей, какъ кардиналъ Маннингъ или Лавижеръ. При подобныхъ условіяхъ представляется вполне естественнымъ успѣшное развитіе и вліяніе многочисленныхъ католическихъ миссій въ разныхъ частяхъ свѣта.

Изучая философію въ отдѣленіи парижской семинаріи св. Сульпиція, въ деревнѣ Исси, Ренанъ впервые сталъ критически относиться къ преподаваемымъ предметамъ и обнаружилъ стремленіе къ положительному, точному знанію. Одинъ изъ его учителей, страстно убѣжденный аскетъ, замѣтилъ въ немъ эту склонность къ критикѣ и высказалъ ему прямо, что изъ него не выйдетъ хорошій патеръ, и что христіанскій духъ несовмѣстимъ съ поклоненіемъ человѣческому разуму и наукѣ; взволнованный юноша былъ, однако, успокоенъ другими наставниками и остался въ семинаріи, вмѣсто того, чтобы перейти въ „нормальную школу“. И какъ это ни странно, Ренанъ, сдѣлавшись знаменитымъ филологомъ и историкомъ, выражаетъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ сожалѣніе, что не послушался тогда предостерегающаго голоса патера-аскета и не посвятилъ себя лучше естественнымъ наукамъ. Языкознаніе, которому онъ придаетъ такое громадное значеніе въ „Avenir de la science“, и которое совпадало для него съ наукою о человѣческой мысли, кажется ему уже второстепеннымъ и незначительнымъ. „Я вышелъ бы изъ семинаріи,—говоритъ онъ,—не изучивъ еврейскаго языка и теологіи. Меня увлекли бы фізіологія и естественныя науки, и я могу это сказать,—крайняя горячность, которую эти жизненные науки возбуждали въ моемъ умѣ, заставляеть меня думать, что, занявшись ими систематически, я достигъ бы нѣкоторыхъ изъ результатовъ, добытыхъ Дарвиномъ и которые я предусматривалъ. Но я поступилъ въ Сентъ-Сюльписъ, изучилъ нѣмецкій и еврейскій языки,—и этимъ все измѣнилось. Я былъ увлеченъ на путь историческихъ наукъ, маленькихъ условныхъ наукъ, которыя постоянно передѣлываются послѣ того,* какъ онѣ установились, и которыя черезъ сто лѣтъ останутся въ пренебреженіи. И въ самомъ дѣлѣ, можно предвидѣть время, когда человѣкъ не будетъ придавать большаго значенія своему прошлому. Боюсь, что наши точныя сообщенія въ „академіи надписей“, имѣющія цѣлью придать исторіи нѣкоторую достовѣрность, истлѣютъ прежде чѣмъ будутъ прочитаны. Только химія съ одного конца и астрономія съ другого, а особенно общая фізіологія открываютъ намъ доступъ къ тайнамъ бытія и міра. Къ сожалѣнію, я выбралъ для своихъ занятій такой родъ изслѣдованій, который никогда не пріобрѣтетъ авторитета и всегда будетъ оставаться на ступени

интересныхъ соображеній о вещахъ, навсегда исчезнувшихъ. Но для упражненія и удовольствія моей мысли я избралъ благую часть“ ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же воспоминаній Ренанъ замѣчаетъ, что „имѣлъ особенную склонность къ церковнымъ наукамъ“, „былъ филологомъ по инстинкту“ и чувствовалъ особое влеченіе къ филологическимъ изысканіямъ (тамъ же, стр. 279 и 288).

Знакомство съ нѣмецкою научною литературою произвело на Ренана сильное и глубокое впечатлѣніе. Умственное движеніе Германіи въ первой половинѣ нашего столѣтія поразило его; онъ какъ будто „вступилъ въ какой-то храмъ“. Онъ увлекался идеями Гердера, нѣмецкою протестантскою теологіею, трудами и ученіями нѣмецкихъ филологовъ, философіею Фихте и Гегеля, и, пройдя эту критическую школу, онъ быстро и легко пережилъ свой внутренній кризисъ, завершившійся формальнымъ отреченіемъ отъ открытой предъ нимъ блестящей духовной карьеры. Этотъ поворотъ въ жизни Ренана совершился въ концѣ 1845 года и оставилъ въ немъ чувство душевной пустоты и одиночества. „Католицизмъ, какъ заколдованный кругъ, охватываетъ жизнь съ такою силою, что все кажется безцвѣтнымъ, когда человѣкъ вышелъ изъ него. Я какъ будто лишился родной почвы. Вселенная производила на меня впечатлѣніе сухой и холодной пустыни. Это было паденіе жизни, напоминавшее по послѣдствіямъ приступъ лихорадки или разбитую любовь. Все казалось узкимъ и мелкимъ послѣ этой горячей борьбы, наполнявшей меня всего; міръ представлялся мнѣ жалкимъ, лишеннымъ добродѣтели. Я видѣлъ предъ собою упадокъ и считалъ себя затеряннымъ въ муравейникѣ пигмеевъ“. Широкіе горизонты свѣтской науки скоро утѣшили Ренана и дали новый просторъ его дарованіямъ; онъ разстался съ школою св. Сульпиція уже будучи настоящимъ ученымъ, въ качествѣ спеціалиста по сравнительной теоріи семитическихъ языковъ. Въ теченіе послѣдняго года своего пребыванія въ семинаріи онъ замѣнялъ преподавателя по еврейской грамматикѣ и подготовился такимъ образомъ практически къ роли профессора. Дорога предъ нимъ была открыта; первые труды по предмету его специальныхъ занятій доставили ему почетную извѣстность, но истинную и шумную славу приобрѣлъ онъ не какъ ученый изслѣдователь, а какъ одинъ изъ лучшихъ мастеровъ французскаго слова и стиля. Блистательно написанная книга, входившая въ программу давно задуманнаго имъ сочиненія по

¹⁾ *Souvenirs d'enfance et de jeunesse*, 1888, p. 262—4.

исторіи происхожденія христіанства, — „Vie de Jésus“ (1863 г.) — сдѣлала его имя популярнымъ не только во Франціи, но и въ Европѣ.

Ренанъ не искалъ успѣха, какъ писатель; успѣхъ являлся самъ собою, отчасти противъ его воли, какъ неизбѣжный результатъ его природнаго эстетическаго дарованія. Онъ дорожилъ своею репутаціей ученаго, и художественный талантъ былъ для него недостаткомъ, который онъ долго старался ограничивать и скрывать по мѣрѣ возможности. „Мы достигаемъ успѣха, — говоритъ онъ, — преимущественно благодаря нашимъ недостаткамъ. Когда я очень доволенъ собою, меня одобряютъ не болѣе десяти человѣкъ. Когда же я отдаюсь опаснымъ влеченіямъ, и моя писательская совѣсть колеблется и рука дрожитъ, тысячи людей просятъ меня продолжать“... „Еслибы я остался въ Бретани, мнѣ всегда было бы чуждо это суетное качество, которое публика любила и поощряла, — извѣстная ловкость въ искусствѣ вызывать созвучія словъ и идей (l'art d'amener le cliquetis des mots et des idées). Въ Бретани я писалъ бы какъ Ролленъ. Въ Парижѣ, чуть только я показалъ, что во мнѣ кроется маленькій колокольный перезвонъ, общество выразило удовольствіе, и, быть можетъ къ моему несчастію, я приглашенъ былъ продолжать... Я вижу хорошо, что талантъ цѣнится только потому, что въ публикѣ господствуютъ дѣтскіе взгляды и вкусы. Еслибы люди обладали болѣе сильнымъ умомъ, они довольствовались бы истиною. Публика почти всегда любитъ несовершенства. Мои противники, чтобы отказать мнѣ въ другихъ качествахъ, противорѣчащихъ ихъ желанію, приписываютъ мнѣ талантъ съ большою щедростью, и я могу вполнѣ принять похвалу, которая въ ихъ устахъ означаетъ порицаніе. По крайней мѣрѣ я никогда не пытался извлечь пользу изъ этого восторженнаго достоинства, которое больше вредило мнѣ, какъ ученому, чѣмъ оказывало услугу само по себѣ“... Матеріальныя выгоды не соблазнили Ренана; въ житейскихъ дѣлахъ онъ былъ совершенно несостоятеленъ. Въ молодости онъ „никогда не воображалъ, что продукты его мысли могутъ имѣть продажную цѣнность“; онъ всегда думалъ писать, но не рассчитывалъ, что это принесетъ ему деньги. Онъ былъ очень удивленъ, когда однажды явился въ его мансарду господинъ съ пріятнымъ и интеллигентнымъ лицомъ и, наговоривъ ему комплиментовъ по поводу нѣкоторыхъ напечатанныхъ имъ статей, предложилъ собрать ихъ и издать отдѣльной книгой. Это былъ извѣстный издатель Мишель Леви, который былъ какъ будто „созданъ спеціальнымъ декретомъ Провидѣнія“ для того, чтобы быть издателемъ Ренана. Ми-

шель Леви принесть съ собою гербовую бумагу, гдѣ были заранѣе опредѣлены условія издательства, и условія эти показались автору удивительно великодушными, такъ что онъ охотно согласился принять ихъ не только для настоящихъ, но и для будущихъ своихъ сочиненій. Еслибы онъ даже хотѣлъ возражать, то воздержался бы изъ уваженія къ красивому листу гербовой бумаги, и съ тѣхъ поръ онъ никогда не жалѣлъ, что сошелся съ Мишелемъ Леви. „Уважающій себя литераторъ долженъ писать только въ одной газетѣ, въ одномъ журналѣ, и имѣть только одного издателя“... Позднѣе Мишель Леви нашелъ, что предложенный имъ контрактъ мало выгоденъ для Ренана, и предложилъ другой, на болѣе льготныхъ основаніяхъ, и Ренанъ былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему сказали, что издатель получаетъ отъ его книгъ крупныя барыши. Ренанъ находилъ, что заключающійся въ немъ литературный капиталъ былъ открытъ Мишелемъ Леви, который поэтому долженъ былъ по справедливости имѣть свою долю выгодъ отъ этого открытія. Стремленіе къ богатству и комфорту было непонятно Ренану; потребности его и привычки, воспитанныя монашескою школою, сводились къ тому, чтобы быть сытымъ и одѣтымъ, имѣть помѣщеніе и возможность работать. Небольшія средства, которыми онъ располагалъ въ послѣдніе годы, достались ему поздно и помимо его желанія; онъ предпочелъ бы, чтобы кто-нибудь взялъ его въ аренду, избавилъ его отъ всякихъ житейскихъ заботъ и обезпечилъ ему только свободу труда. „Теперь каждый старается вытянуть изъ себя всю добычу, какую только можетъ. Все болѣе удаляется отъ насъ сознаніе, что благородный есть тотъ, кто не работаетъ ради денегъ, и что всякое коммерческое или промышленное предпріятіе, какъ бы честно оно ни было, унижаетъ человѣка, занимающагося имъ, и мѣшаетъ ему принадлежать къ первому кругу людей“...

Наименьшій актъ добродѣтели, мельчайшее зерно таланта, представляются Ренану „безконечно выше всѣхъ богатствъ и всѣхъ успѣховъ въ мірѣ“; но въ то же время онъ сознавалъ, что „идеаль и дѣйствительность не имѣютъ между собою ничего общаго; что міръ, впредь до новаго распоряженія, отданъ въ жертву пошлости и посредственности; что дѣло, которое нравится благороднымъ сердцамъ, заранѣе обречено на неудачу; что истинное въ литературѣ, въ поэзіи, для утонченныхъ умовъ, — всегда считается ложнымъ въ грубомъ мірѣ совершившихся фактовъ“... Истина имѣетъ большое преимущество, когда она свободна: она сохраняется и остается въ силѣ, тогда какъ ложное постоянно мѣняется и падаетъ; поэтому-то „истина хотя и до-

ступна только весьма небольшому числу, всегда выплывает наружу и въ концѣ концовъ торжествуетъ". Въ сношеніяхъ съ людьми Ренанъ держалъ себя какъ мягкій и добрый пастеръ, привыкшій съ улыбкою всепрощенія выслушивать самыя грѣховныя признанія; онъ боялся высказывать что-нибудь обидное или непріятное для другихъ и, подъ вліяніемъ преувеличенной вѣжливости, свойственной духовнымъ лицамъ, старательно приноравливался къ идеямъ собесѣдниковъ, чтобы доставить послѣднимъ удовольствіе. Онъ признавался печатно, что въ первомъ періодѣ своей жизни „часто говорилъ неправду по добротѣ или пренебреженію, вслѣдствіе ошибочнаго стремленія предлагать каждому то, что ему понятно и желательно“; но сестра, которую онъ очень уважалъ и которая была его главной совѣтницей и руководительницей въ жизни, указала ему на неудобства этой манеры, и „съ 1851 года онъ ни разу не солгалъ, за исключеніемъ, разумеется, неправдъ шуточныхъ, официальныхъ или простицающихъ изъ простой вѣжливости, а также маленькихъ литературныхъ уловокъ, требуемыхъ интересами высшей истины, построеніемъ хорошо уравновѣшенной фразы или необходимостью избѣгнуть худшаго зла, напр. нанесенія смертельнаго удара какому-нибудь автору“. Онъ былъ правдивъ и искрененъ только въ наукѣ и въ литературѣ; но въ публицистикѣ, имѣющей дѣло съ вопросами текущей политической практики, онъ поддавался той же слабости—желанію сдѣлать пріятное людямъ и высказать лишь то, что соответствуетъ понятіямъ и чувствамъ большинства образованныхъ читателей. Онъ видѣлъ, что его личный идеализмъ совершенно не подходитъ къ условіямъ окружающей жизни, и что въ дѣйствіяхъ государствъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, побуждаютъ и пользуются успѣхомъ только эгонистическіе расчеты и интересы; поэтому, выражая мнѣнія о дѣлахъ политики, онъ остерегался слѣдовать своимъ душевнымъ взглядамъ и инстинктамъ. „Я дѣйствовалъ,—пишетъ онъ,—какъ человекъ добросовѣстный. Я избѣгалъ обычной причины моихъ ошибокъ и становился на точку зрѣнія, противоположную моимъ побужденіямъ; я всегда боялся, что мои умственные привычки меня обманываютъ и скрываютъ отъ меня какую-нибудь сторону предмета, вслѣдствіе чего давалъ софиты, несогласные съ моимъ чувствомъ артиста... Любопытно однако, что, не удовлетворивъ однихъ, я не обманулъ и другихъ. Представители буржуазіи не были мнѣ благодарны за мои уступки; они понимали меня лучше, чѣмъ я самъ; они видѣли хорошо, что я былъ плохой консерваторъ, и что, при всей своей добросовѣстности, я замѣнилъ бы имъ двадцать разъ, изъ слабости къ

моей старой владычицѣ—идеалу. Они чувствовали, что всѣ рѣзкости, которыя я говорю этой владычицѣ, суть только кажущіяся, и что, при первой ея улыбкѣ, я ослабѣю и поддамся“. Индифферентизмъ, смѣшанный съ ироніею и скептицизмомъ,—въ которомъ такъ часто упрекали Ренана,—относился исключительно къ преходящимъ явленіямъ человѣческой жизни, личной, общественной и политической, и зависѣлъ всецѣло отъ общаго философскаго взгляда, по которому въ мірѣ одно только имѣетъ прочную цѣну—активное стремленіе къ истинѣ, къ высшему нравственному и умственному совершенству. Такъ какъ истина постигается и предчувствуется только немногими избранными умами, то отъ нихъ однихъ исходитъ весь прогрессивный ходъ человѣчества; остальные элементы существованія, разнообразные интересы, волнующіе людей и парализующіе себя взаимно, равно какъ сами люди и народы, прозябающіе въ мелкой житейской борьбѣ, безъ высшихъ цѣлей и идеаловъ,—служатъ лишь перемѣнчивою обстановкою, декораціею для основнаго развитія человѣческаго духа. За этой перемѣнчивою обстановкою и ея различными злобами дня философъ слѣдилъ съ ироническою улыбкою, какъ индифферентный зритель, считающій иногда долгомъ вѣжливости высказывать свои доброжелательныя мнѣнія о томъ, что занимаетъ и волнуетъ умы другихъ людей. Если при этомъ приходилось впадать въ противорѣчія и ошибки, то онъ не придавалъ имъ значенія, ибо самые предметы ихъ были въ его глазахъ несущественны. Притомъ противорѣчія нерѣдко оказываются только мнимыми:—Я вижу море, скалы, острова,—говоритъ тотъ, кто смотритъ изъ окна съ сѣверной стороны прибрежнаго замка;—я вижу деревья, поля, луга,—скажетъ другой, глядя въ окно съ южной стороны. Напрасно стали бы они спорить другъ съ другомъ; оба они правы“...

II.

Философскія и соціальныя идеи Ренана выработались подъ двойнымъ вліяніемъ—католическаго міровоззрѣнія и нѣмецкой философіи. Для религіи человѣчество есть паства, нуждающаяся въ духовныхъ руководителяхъ; для метафизики вся исторія человѣчества сводится къ постепенному развитію и торжеству отвлеченнаго разума; отсюда одинаково вытекаетъ тотъ выводъ, что небольшая умственная аристократія должна господствовать надъ міромъ и что, представляя собою все лучшее и высшее въ чело-

вѣществъ, она можетъ снисходительно смотрѣть сверху внизъ на копошащіяся у ея ногъ темныя народныя массы. Пренебреженіе къ демократіи лежало въ основѣ политическихъ взглядовъ Ренана, хотя оно выражалось у него различно въ разное время и даже отрицалось имъ, смотря по обстоятельствамъ.

Въ первомъ крупномъ философскомъ трудѣ, написанномъ въ 1848—49 годахъ и хранившемся въ рукописи больше сорока лѣтъ, по рѣдкой между писателями скромности,—въ „*Avenir de la science*“ чувствуется еще юношескій пылъ, едва сдерживаемый громаднымъ запасомъ знаній и начитанности. Въ этой книгѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ февральскаго переворота, авторъ смѣло утверждалъ, что „истинная исторія Франціи начинается съ 1789 года“; что „все предшествовавшее есть лишь медленное приготовленіе“ къ революціи и только въ этомъ смыслѣ представляетъ интересъ; что 89-ый годъ будетъ въ исторіи человѣчества священнымъ годомъ; что мѣсто, гдѣ провозглашены были права человѣка, сдѣлается когда-нибудь храмомъ, и туда будутъ приходить, какъ въ Іерусалимъ. Въѣстѣ съ тѣмъ Ренанъ горячо проповѣдовалъ тогда принципъ послѣдовательнаго развитія или эволюціи, не только какъ законъ человѣческаго ума, но и какъ законъ всего живущаго. Онъ рѣшительно стоялъ на почвѣ точнаго научнаго знанія и не допускалъ другой философіи, кромѣ положительной; система Огюста Конта ему не нравилась, какъ построенная на произвольныхъ обобщеніяхъ, и онъ рѣзко опровергаетъ ее нѣсколькими мѣткими замѣчаніями. Разсуждая объ историческихъ судьбахъ человѣчества, Контъ игнорируетъ поэзію, мораль, исторію религій и міеологию; онъ предполагаетъ, что человѣкъ исключительно питается наукою или, вѣрнѣе, маленькими обрывками фразъ, сухими формулами, геометрическими теоремами. „Еслибы человѣческая природа была такова, какъ представляетъ ее Контъ, то всѣ лучшія натуры прибѣгали бы къ самоубійству, ибо не стоило бы тратить время для столь незначительной и безцвѣтной канители. Контъ ничего не понимаетъ въ гуманитарныхъ наукахъ, такъ какъ онъ не филологъ“... „Я испытывалъ нѣчто въ родѣ раздраженія,—писалъ Ренанъ позднѣе,—когда видѣлъ преувеличенную репутацію Конта, возведеннаго на степень перво-класснаго великаго человѣка за то, что онъ на плохомъ французскомъ языкѣ изложилъ идеи, извѣстныя всѣмъ научнымъ умамъ уже около двухсотъ лѣтъ“. Другими словами, идеи Конта сами по себѣ не столь уже слабы, если онѣ давно извѣстны и приняты въ наукѣ; а приведеніе ихъ въ стройную систему могло быть серьезною и самостоятельною заслугою. Коснувшись социа-

листическаго движенія, Ренанъ указывалъ на неразрывную связь матеріальной бѣдности рабочаго класса съ его умственною и нравственною отсталостью. „Очевидно, что человѣкъ, не имѣющій необходимаго и вынужденный отдавать все время механической работы, чтобы жить, — неизбежно обреченъ на угнетеніе и ничтожество. Величайшею услугою человѣческому уму было бы отысканіе способовъ обезпеченія матеріальнаго благосостоянія всѣмъ и каждому“ ¹⁾. Но социальныя и политическія вопросы занимаютъ автора „L'avenir de la science“ не сами по себѣ, а лишь по мѣрѣ связи ихъ съ высшими интересами человѣческаго знанія и мысли.

Когда водворилась во Франціи вторая имперія, Ренанъ обратилъ свои симпатіи и надежды на средній образованный классъ, на умѣренныхъ либераловъ и конституціоналистовъ. Онъ краснорѣчиво защищалъ свободу, особенно свободу литературы и науки; онъ самъ испыталъ на себѣ неудобства административныхъ стѣсненій, лишившись кѣдры въ „Collège de France“ послѣ вступительной лекціи 1862 года. „Власть, облеченная правомъ устранять разногласія и устанавливать обязательное единодушіе между гражданами, — писалъ онъ въ одной изъ своихъ журнальных статей, — кажется съ перваго взгляда благодѣяніемъ; но она имѣетъ только одинъ недостатокъ: въ пятьдесятъ лѣтъ она во сто разъ больше обезсилитъ націю, чѣмъ цѣлый рядъ гражданскихъ и религиозныхъ войнъ“. Общество приводится въ состояніе летаргіи; умственная и нравственная энергія падаетъ; отсутствіе общественнаго мнѣнія и ничтожество официальныхъ дѣятелей вызываютъ пагубное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и интересамъ. Нельзя основать во Франціи сильное правительство на почвѣ „предразсудковъ, невѣжества, старческаго ослѣпленія, безумнаго отрицанія самыхъ очевидныхъ потребностей“. Ренанъ настойчиво указывалъ на опасность вызывающей внѣшней политики и на необходимость научно-литературнаго сближенія съ Германіею. Франція, по его словамъ, не стоитъ уже во главѣ умственнаго движенія въ Европѣ; высшая интеллигенція Англіи обращается за поученіемъ къ нѣмцамъ; Италія и Греція, пробудившіяся къ новой жизни, питаются нѣмецкою школою; Россія держится этой школы болѣе ста лѣтъ и не измѣняетъ ей до сихъ поръ. Нужно слѣдить за германскою наукою не только въ ея отечествѣ, но и въ ея колоніяхъ, и между прочимъ „въ петербургской академіи,

¹⁾ L'avenir de la science. Pensées de 1848. Paris, 1890, p. 25, 81—3, 149 и сл. 312—4.—Souvenirs d'enfance et de jeunesse, p. 250 (о Контѣ).

гдѣ, вопреки естественнымъ предубѣжденіямъ, нѣмецкая наука создала себѣ весьма важное отдѣленіе, мало уступающее берлинской академіи, особенно по части географическихъ знаній“. Политическіе успѣхи Пруссіи въ шестидесятыхъ годахъ объяснялись ея народной школою; но „народное образованіе есть продуктъ высокой культуры значительной части общества; при Садовой побѣдила нѣмецкая наука, нѣмецкая философія“. Чтобы выростить лѣсъ, недостаточно насадить его; нужно еще обезпечить ростки отъ истребленія. „Можно усвоить чужую военную организацію, безъ ея культурной и общественной обстановки; но это все равно, что рассчитывать на процвѣтаніе плодовъ безъ дерева и безъ корней. Подражать слѣдовало бы не внѣшнимъ прусскимъ порядкамъ, а германскимъ школамъ, германскимъ университетамъ, нравственному воспитанію Германіи. Лучше вооруженнымъ будетъ народъ болѣе образованный, имѣющій лучшихъ механиковъ, лучшихъ химиковъ, менѣе рутинныхъ и менѣе ревнивыхъ официальныхъ дѣятелей; окончательная побѣда останется за націею болѣе свѣдущею и болѣе нравственною“. Силы Франціи велики,—говорилъ Ренанъ въ 1868 году, —но онѣ гложутъ по недостатку свободнаго воздуха и простора. „Надо опасаться одного изъ тѣхъ періодическихъ припадковъ, когда наша нація, какъ бы охваченная горячкою, готова сама себя обезглавить и отбросить отъ себя своихъ благороднѣйшихъ сыновъ. Необходимо подавить въ себѣ эти нездоровыя проявленія національнаго самолюбія, побуждающія насъ думать, что могущество страны основывается на слабости и внутренней розни сосѣдей. Не нужно доводить принципъ національности до мелочности и фанатизма. Вмѣсто взаимной ненависти и противодѣйствія, пусть народы изучаютъ другъ друга и пользуются поочередно чужимъ опытомъ“¹⁾.

Давая эти разумные совѣты по долгу патриотизма, Ренанъ не могъ вѣрить въ ихъ осуществимость, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ; онъ находилъ по прежнему свое утѣшеніе и успокоеніе въ непоколебимомъ культѣ идеала. „Заботы пигмеевъ, поглощающія ихъ жизнь,—писалъ онъ,—имѣютъ для меня мало смысла, и живѣе, чѣмъ когда-либо, я вѣрю въ высшую реальность идеальнаго міра. Только этотъ міръ существуетъ, а міръ физическій только кажется существующимъ. Опираясь на это убѣжденіе, я ожидаю будущаго съ полнымъ спокойствіемъ. Для меня достаточно сознанія, что я поступаю хорошо, такъ какъ Богъ надѣлилъ меня совершеннымъ равнодушіемъ ко всему тому, что не касается моей нравственной

¹⁾ Questions contemporaines, P., 1868, p. XXVI и сл., 64, 162, 260 и др.

жизни“¹⁾. Самодовольная буржуазія всегда внушала ему антипатію: „я лучше предпочитаю Симеона-столпника, поѣдаемаго червяками на его столбѣ, чѣмъ эти блѣдныя существованія, къ которымъ никогда не проникалъ лучъ идеала, и которые отъ перваго до послѣдняго своего момента проходили день за днемъ, какъ листки конторской книги“.

Къ концу второй имперіи Ренанъ значительно измѣнилъ свои идеи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ; онъ сдѣлался какъ будто солидарнымъ съ обыкновенными консерваторами, хвалителями стараго режима, сторонниками восстановленія конституціонной монархіи. Революція 89-го года является уже не началомъ французской сознательной исторіи, а нарушеніемъ ея нормальнаго хода; владычество придворной и поземельной аристократіи изображается въ видѣ какой-то идилліи, гдѣ подвластное крестьянство добровольно отдаетъ свои достатки и радуется употребленію ихъ господами на роскошныя забавы; власть королей рисуется фантастическими красками, какъ воплощеніе идеальной законности и святости. Республика, положившая предѣлъ этому порядку, была „неслыханнымъ чудовищемъ“, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ напоминало дѣйствія пьянаго человѣка и затѣмъ „попало въ свое естественное ложе—въ руки могущественнаго деспота“. Февральскій переворотъ былъ дѣломъ „шайки безумцевъ, противъ которой достаточно было бы полицейской палки“; эта шайка „низвергла династію, на которую благоразумная часть націи возложила всѣ свои политическія упованія и надежды“. Въ 1869 году, за годъ до провозглашенія республики, Ренанъ предсказывалъ категорически, что республика немыслима во Франціи, что страна не можетъ жить безъ монархіи и безъ привилегированнаго дворянства, что французы по натурѣ склонны къ аристократизму и что „время парижскихъ революцій прошло“²⁾.

Послѣ седанскаго погрома Ренанъ идетъ еще далѣе въ томъ же направленіи; онъ считаетъ республиканскую партію вполне уничтоженною неудачами Гамбетты, который „нанесъ смертельный ударъ легендѣ 1792 года“. По его словамъ, „эта партія, полная пагубныхъ заблужденій, которыя издавна распространяются объ исторіи революціи, вздумала повторить роль, удавшуюся въ концѣ прошлаго вѣка при обстоятельствахъ совершенно отличныхъ отъ настоящихъ; она оказалась лишь одержимою галлюцинаціями,

¹⁾ Тамъ же, стр. 237 (обращеніе къ товарищамъ по Collège de France по случаю запрещенія лекцій Ренана).

²⁾ La monarchie constitutionnelle en France, „Revue des deux Mondes“, 1 novembre 1869 (Ср. La réforme intellectuelle et morale, P., 1871, pp. 283—306).

принимающею свои видѣнія за дѣйствительность“. Дѣятели первой республики были также людьми „невѣжественными и ограниченными“; они не понимали, что „Франція создана капетингскою династією“. Представители монархіи обязаны употреблять военную силу противъ шумнаго оппозиціоннаго движенія; Луи-Филиппъ палъ будто бы оттого, что не прибѣгнулъ къ оружію. Имперія Наполеона III, по мнѣнію Ренана, была несостоятельна и привела къ катастрофѣ только потому, что давала будто бы господство демократіи, по принципу всеобщей подачи голосовъ; народъ, придавленный административною опекою и произволомъ, имѣлъ будто бы руководящее вліяніе на всѣ предпріятія императора и его совѣтниковъ. И въ то же время воинственной политикѣ Наполеона III противопоставляется безусловное миролюбіе французской націи, которая такимъ образомъ въ этомъ существенномъ пунктѣ радикально расходилась съ правительствомъ и, слѣдовательно, не имѣла на его дѣйствія никакого вліянія. Явныя противорѣчія, натяжки и ошибки встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ разсужденіяхъ Ренана по поводу событій 1870—71 годовъ. Событія эти настолько взволновали его, что онъ отступилъ даже отъ своего обычнаго мягкаго тона и заговорилъ жесткимъ, сердитымъ языкомъ патріота, готоваго забыть и логику, и общеизвѣстные факты, и чувство справедливости. Достаточно сказать, что Ренанъ, вопреки очевидности, объявляетъ Францію олицетвореніемъ миролюбія и народнаго права, а Германію—средоточіемъ воинственныхъ, завоевательныхъ стремленій и инстинктовъ. Онъ ставитъ нѣмцамъ въ вину недостатокъ великодушія, рѣшимость воспользоваться побѣдою для выгодъ Германіи, неспособность отнестись снисходительно къ „трогательнымъ порывамъ бѣдной націи, покинутой судьбою и своими вождями, націи, быть можетъ, поверхностной и лишенной политическаго пониманія, но виновной только въ одномъ—въ безразсудной попыткѣ ввести у себя начало (всеобщаго голосованія), съ которымъ нивакой другой народъ не справится лучше“¹⁾. Разумѣется, нѣмцы не думали карать французовъ за демократическій принципъ, который сами же заимствовали у нихъ послѣ побѣды; и никому тогда не приходило въ голову, что произвольныя, близоруко-династическія фантазіи Наполеона III и его двора были лишь проявленіями и результатами всеобщей подачи голосовъ. Если же въ самомъ дѣлѣ „народная воля“ толкала имперію на путь войны,—чего не утверждаетъ и Ренанъ,—то это обстоятельство всего менѣе давало бы право разсчитывать на

¹⁾ La réforme intellectuelle et morale, pp. VII, 123—166.

благосклонную снисходительность тѣхъ, противъ которыхъ затѣвалось нападеніе. Впрочемъ, слѣдуетъ вспомнить, что статья о франко-прусской войнѣ (въ „Revue des deux Mondes“, 15 sept. 1870) написана была Ренаномъ въ августѣ 1870 года, въ самое тяжелое время для Франціи, въ періодъ начавшагося непріятельскаго нашествія; въ такіе моменты и философскій умъ теряется и поддается общему лихорадочному настроенію. Въ двухъ посланіяхъ къ Давиду Штраусу Ренанъ разсуждаетъ болѣе спокойно, хотя и съ отѣнкомъ горечи; первое письмо, напечатанное въ „Journal des Débats“ еще передъ осадой Парижа, имѣетъ вполне примирительный характеръ, но второе, написанное годъ спустя, отличается нѣкоторою ядовитостію ¹⁾. Трудно было разсчитывать, чтобы авторъ „Vie de Jésus“ столковался съ авторомъ „Das Leben Jesu“ въ установленіи практическихъ выводовъ происшедшей кровавой борьбы двухъ сосѣднихъ христіанскихъ націй. Въ этомъ случаѣ Ренанъ оставался французомъ, а Штраусъ—нѣмцемъ, и оба остались при своихъ національныхъ точкахъ зрѣнія по вопросу о судьбѣ Эльзаса и Лотарингіи.

Политическія объясненія и предсказанія не удавались Ренану: обыкновенно на дѣлѣ случалось какъ разъ обратное тому, что онъ предусматривалъ. Между прочимъ, онъ въ 1871 году не только былъ убѣжденъ въ невозможности республики, но вѣрилъ въ возможность такого монархическаго правительства, которое будетъ въ состояніи уничтожить публичность парламентскихъ преній и запретить всякіе клубы. Республика, по его мнѣнію, „не можетъ имѣть ни арміи, ни дипломатіи; она сдѣлала бы государство безсильнымъ въ военномъ отношеніи и низвела бы страну на степень третъестепенной державы, въ родѣ швейцарской федераціи“. Въ дѣйствительности ни одно изъ французскихъ правительствъ не сдѣлало столько для увеличенія и прочной организаціи военныхъ силъ, какъ нынѣшняя республика, заранѣе осужденная Ренаномъ на гибель и ничтожество. Еще любопытнѣе другое предсказаніе, на которомъ не разъ настаивалъ Ренанъ: онъ предвидѣлъ опасный расколъ въ римской церкви, вслѣдствіе присоединенія папскихъ владѣній къ Италіи, причемъ подробно разъяснялъ вѣроятность одновременнаго выбора двухъ папъ и указывалъ важное значеніе этого ожидаемаго факта для всего католическаго міра ²⁾. Однако, никакого раскола не произошло, и нравственный авторитетъ римскаго папы гораздо выше и проч-

¹⁾ Тамъ же, стр. 167—209.

²⁾ Questions contemporaines, p. XIII—XV; Réforme intellectuelle et morale, p. 108—9.

нѣ теперь, чѣмъ въ ту эпоху, когда глава католической церкви былъ небольшимъ итальянскимъ государемъ и постоянно нуждался въ чужой поддержкѣ.

Церковные вопросы входили въ спеціальную компетенцію Ренана, и грубая ошибка въ этой области была для него гораздо чувствительнѣе, нежели погрѣшности и противорѣчія въ оцѣнкѣ текущихъ политическихъ дѣлъ. Разсуждая отвлеченно, при помощи разныхъ историческихъ аналогій, онъ приходитъ къ выводамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ реальному ходу вещей; ибо въ сущности онъ вовсе не держится положительнаго научнаго метода и не анализируетъ реальныхъ условий жизни, хотя часто и называетъ себя строгимъ приверженцемъ позитивизма. Слѣдуя своему личному эстетическому чувству, онъ не выноситъ демократіи съ ея грубыми вкусами и научной разногласицей; поэтому онъ заранѣе рѣшаетъ, что „демократія служитъ источникомъ военной и политической слабости; она порождаетъ наше (французское) невѣжество, наше глупое тщеславіе; она, вмѣстѣ съ отсталымъ католицизмомъ, порождаетъ несостоятельность нашего національнаго воспитанія“. Между тѣмъ всѣ эти недостатки наиболѣе процвѣтали и поощрялись при господствѣ крѣпкой власти Наполеона III, какъ видѣлъ ясно самъ Ренанъ; политическая и военная слабость обнаружилась именно какъ продуктъ второй имперіи. Предлагая установить и организовать монархію, онъ упускаетъ изъ виду, что существуютъ двѣ или три французскія династіи, которыя не могутъ царствовать одновременно, и изъ которыхъ ни одна не имѣетъ прочныхъ корней въ народѣ. Онъ забываетъ, какъ плачевно окончились прежнія попытки монархической реставраціи во Франціи, какъ мало способствовали онѣ политическому могуществу, и какія ставили преграды развитію народнаго образованія, умственнаго и научнаго прогресса. Нынѣшняя французская демократія создала систему народныхъ школъ, какой никогда не имѣла бы Франція при иномъ режимѣ; республика, которой Ренанъ не давалъ и года жизни, оказалась долговѣчнѣе монархіи Луи-Филиппа и имперіи Наполеона III.

Ренанъ былъ чуждъ того ложнаго самолюбія, которое мѣшаетъ человѣку сознаваться въ своихъ ошибкахъ. „Опытъ убѣдилъ меня, — говоритъ онъ въ „Souvenirs d'enfance et de jeunesse“, — что симпатичное мнѣ дѣло всегда терпитъ неудачу и что направление, отвергаемое мною, неизмѣнно торжествуетъ. Поэтому я приучилъ себя слѣдовать особенному правилу, а именно брать для моихъ практическихъ сужденій тезисъ, прямо противополож-

ный моимъ сужденіямъ теоретическимъ, и разсматривать, какъ возможное, только то, что противорѣчитъ моимъ желаніямъ. Чѣмъ слабѣе кажется мнѣ какое-либо политическое рѣшеніе, тѣмъ больше шансовъ успѣха приписываю я ему въ мірѣ реальномъ". Политика, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — напоминаетъ „пустыню, гдѣ люди идутъ наугадъ, къ сѣверу, къ югу, потому что надо идти. Въ сферѣ соціальной никто не знаетъ, гдѣ находится благо. Утѣшительно то, что мы неизбежно куда-нибудь приходимъ“.

Инстинктивное нерасположеніе Ренана къ демократіи выразилось весьма ярко и поэтично въ философскихъ діалогахъ, написанныхъ въ Версали въ 1871 году, когда борьба съ парижской коммуной приближалась къ развязкѣ. Въ этихъ діалогахъ подробно развивается любимая идея Ренана, основа всего его философскаго идеализма, — что только истина и добродѣтель двигаютъ міръ впередъ къ невѣдомой намъ высшей цѣли, что творческія духовныя силы, постепенно накапливаясь въ человѣчествѣ, способствуютъ осуществленію великаго плана вселенной, и что громадное большинство человѣческаго рода, оставаясь во тьмѣ, не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ философа. Малая горсть людей добродѣтельныхъ служитъ единственнымъ оправданіемъ того, что наша планета существуетъ; только этими немногими людьми и только ради нихъ держится земля. Все остальное уничтожается взаимнымъ соперничествомъ и противовѣсомъ, не давая никакого остатка для будущаго. „Среди нашихъ современныхъ расъ нужна работа тридцати или сорока милліоновъ человѣческихъ существъ, чтобы произвести одного великаго поэта, одного генія первой величины. Геній извлекается изъ части человѣчества, подвергнутой очищенію, давленію, перегонѣ и концентраціи. Міръ подобенъ заводу, гдѣ изъ сотни тысячъ пудовъ сожженнаго угля идетъ въ дѣло только одинъ пудъ; на милліонъ людей едва получится одинъ человѣкъ полезный“. Можно предвидѣть упадокъ цивилизаціи вслѣдствіе истощенія запасовъ каменнаго угля и всеобщаго распространенія эгоистическихъ идей; „развитіе мелочной демократіи есть своего рода конецъ угля, конецъ нравственной теплоты и способности самоотверженія, истощеніе старыхъ береженій земного шара“... „Иногда, — продолжаетъ авторъ, — я представляю себѣ землю въ будущемъ, въ видѣ планеты идіотовъ, грѣющихся на солнцѣ въ пошлой праздности существъ, для которыхъ единственная цѣль — имѣть необходимое для матеріальной жизни. Но наука будетъ бороться противъ обоихъ явленій;

она можетъ найти способъ накоплять силу солнца или морского отлива и прилива, прежде чѣмъ драгоценное топливо исчезнетъ изъ доступныхъ слоевъ земли; наука можетъ ограничить демократію при помощи успѣховъ военнаго искусства, которые сосредоточатъ организованную силу въ рукахъ умственной и нравственной аристократіи. Нужно было бы стремиться къ тому, чтобы „незначительное число мудрецовъ держало человѣчество такими средствами, которыя составляли бы ихъ тайну и не могли бы быть употребляемы другими, такъ какъ предполагали бы слишкомъ сильную долю отвлеченныхъ научныхъ знаній“. Великія задачи человѣчества совершаются наукою, а не демократіею; ничто не достигается безъ великихъ людей; въ нихъ однихъ спасеніе. Важно только появленіе геніевъ и существованіе людей, способныхъ ихъ понять; „если невѣжество массъ есть необходимое для этого условіе, тѣмъ хуже: природа не останавливается предъ такими заботами; она жертвуетъ цѣлыми видами существъ, чтобы другія могли жить и развиваться“. Въ будущемъ могутъ быть изобрѣтены орудія, которыя только въ ученыхъ рукахъ будутъ оказывать свое дѣйствіе; тогда небольшая группа людей приобрѣла бы безспорное владычество надъ всѣми остальными, и идея духовной власти, основанной на умственномъ превосходствѣ, превратилась бы въ дѣйствительность. Человѣкъ, вооруженный знаніемъ, располагалъ бы неограниченною властью; низшее человѣчество подчинилось бы невольно, и исчезла бы самая мысль о возстаніи. Такимъ образомъ можно вообразить себѣ царство разума, опирающееся на реальную силу; эта сила „была бы дѣйствительна въ высшей степени, ибо всякое нарушеніе ея влекло бы за собою немедленную смерть“. Если подобный порядокъ осуществится на нашей планетѣ, то онъ будетъ дѣломъ Германіи, какъ болѣе наклонной къ развитію умственной культуры и менѣе увлекающейся идеями либеральными и демократическими, чѣмъ Франція. „Большинство должно мыслить и наслаждаться при посредствѣ другихъ. Масса трудится; немногіе исполняютъ для нея высшія функціи жизни: вотъ человѣчество“. Отдѣльные люди могутъ погибать для идеальныхъ цѣлей, и ихъ судьба завидна, съ точки зрѣнія безконечнаго. При болѣе глубокомъ и прочномъ единствѣ человѣчества, самоотверженіе на пользу цѣлаго можетъ сопровождаться радостнымъ чувствомъ добровольнаго мученичества. Авторъ доходитъ до мечты объ органическомъ объединеніи человѣческаго рода, въ видѣ огромнаго сложнаго существа, съ однимъ общимъ вѣстилищемъ сознанія, причемъ нынѣшнія личности будутъ играть

роль кѣлочекъ организма; или, посредствомъ долгаго искусственнаго подбора, вырабатываются болѣе высокіе типы людей ¹⁾).

Фантазія Ренана витаєть здѣсь въ области безпредметныхъ отвлеченностей, хотя и касается реальныхъ явленій міра; его „власть разума и науки“ есть власть абстрактныхъ понятій, а не реальныхъ, человѣческихъ существъ, имѣющихъ свои слабости и увлеченія, могущихъ отдавать свои знанія на службу злу и насилию. Предлагая массѣ жить для немногихъ избранныхъ служителей идеала, во имя высшихъ цѣлей человѣчества, необходимо было бы прежде всего предъявить полномочія, которыя доказывали бы право говорить отъ имени человѣчества. Идеалы бываютъ различныя, и прежде чѣмъ требовать жертвъ отъ миллионовъ людей ради даннаго идеала, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, удостовѣрить его истинность и подтвердить подлинныя права его глашатаевъ и представителей. Для того, чтобы знаніе сдѣлалось тайною немногихъ, нужно было бы закрыть большинству доступъ къ наукѣ и установить тщательный выборъ лицъ, достойныхъ стать въ ряды умственной и нравственной аристократіи, призванной управлять человѣчествомъ; а такъ какъ Ренанъ ничево подобнаго не предлагаетъ, то представители демократіи будутъ по прежнему легко проникать въ святыню знанія, и вся воздвигнутая авторомъ фантазмагорія падаетъ сама собою.

Публицистика есть самая слабая сторона литературной дѣятельности Ренана, и если оставить въ сторонѣ его спеціальныя научныя труды, филологическіе и историческіе, то главною заслугою его можно признать ту примѣсь художественнаго идеализма, которую онъ внесъ въ серьезные вопросы знанія. Цвѣты поэзіи украшаютъ его путь, какъ ученаго изслѣдователя; поэтическое творчество часто замѣняетъ философскую мысль, и мастеръ слова овладѣваетъ читателемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда идея не симпатична или несостоятельна. Шальмель-Лакуръ сказалъ о немъ: „онъ мыслить какъ человѣкъ, чувствуетъ какъ женщина и дѣйствуетъ какъ ребенокъ“... Оригинальное совмѣщеніе этихъ различныхъ сторонъ человѣческаго ума и характера дѣлаєть Ренана однимъ изъ интереснѣйшихъ представителей французской литературы въ текущемъ столѣтіи.

Л. Слонимскій.

¹⁾ Dialogues et fragments philosophiques, P., 1876, pp. 1—149.

МНИМЫЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ

МЪРЫ

КЪ ПОДЪЕМУ НАРОДНАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ

I.

Въ послѣднее время почти каждый день приходилось читать такія сообщенія изъ различныхъ мѣстъ Россіи: „Уже около трехъ мѣсяцевъ стоитъ у насъ засуха; земля всюду пересохла, и хотя съ горей пополамъ перепажана, но сѣять озимой хлѣбъ мѣстные хозяева не рѣшаются, ибо зерно, залегши въ пересохшую землю, не обѣщаетъ сколько-нибудь утѣшительныхъ результатовъ“ ¹⁾. Это — изъ юго-западнаго края, а вотъ изъ юго-восточнаго: „значительная часть нашего юго-востока страдаетъ теперь отъ засухи. Проѣхавъ терскую и кубанскую области, значительную часть донской области и воронежской губерніи, я всюду видѣлъ сухую землю и массу пыли... Всѣ томятся и всюду распространенъ страхъ за будущее. Вездѣ видны или черныя, или непаханные поля, а время посѣва уходитъ. Особенно страшитъ положеніе воронежскихъ мѣстностей, которыя испытали уже два года тяжкаго неурожая. Чтѣ было въ прошломъ году — всѣмъ извѣстно, но въ нынѣшнемъ нужда, по всѣмъ разсказамъ, гораздо сильнѣе“ ²⁾. А вотъ извѣстіе изъ центральной Россіи: „Оску-

¹⁾ „Русск. Вѣд.“, № 261.

²⁾ Тамъ же, № 263. — Судя по официальнымъ даннымъ, положеніе донской области не менѣе печально. Управление этой области ходатайствовало недавно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о выдачѣ на продовольственные нужды 4 1/2 милліоновъ сверхъ отпущенныхъ уже изъ войскового казначейства 1 1/2 м. Это въ суммѣ (8 м.) приблизительно равно тому, чтѣ требуется и для воронежской губерніи.

дѣніе влаги положительно идетъ crescendo съ каждымъ годомъ, что замѣтно на глазъ... Что касается степной и центральной Россіи, которая по своему теперешнему безлѣсью можетъ быть также названа степною, засуха здѣсь свирѣпствовала не менѣе прошлаго года... Почва уже прошлою осенью просохла болѣе чѣмъ на 1½ аршина въ глубину, и вся выпадавшая влага моментально поглощалась нижними слоями почвы въ ущербъ верхнему слою и питанію растений. Немудрено, что земля при этихъ условіяхъ утратила послѣднюю влагу и только нѣсколько была смочена дождями, прошедшими въ концѣ іюля. Дожди казались довольно изобильными, но сухость почвы была такова, что уже черезъ двѣ недѣли въ почвѣ не оставалось и слѣда влаги. Въ настоящее время, въ сентябрѣ, когда земля обыкновенно бываетъ влажною и наступаютъ осенніе дожди, почва совершенно суха; суха не только на поверхности, но даже на *три аршина въ глубину нѣтъ никакой влаги* (прошлый годъ въ это же время земля была суха лишь на 1½ аршина глубины). Корма высохли, ранняя зелень ржи, давшая хорошій всходъ, пожелтѣла, поздняя рожь частію еще не всходила¹⁾.

Множествомъ подобныхъ извѣстій, идущихъ отовсюду, рѣшительно подтверждаются заключенія ученыхъ о естественномъ процессѣ превращенія нашей черноземной полосы (и примыкающихъ къ ней частей средней Россіи) въ безводную и бесплодную пустыню. Что наше земледѣліе находится въ опасномъ положеніи—это признается теперь почти всѣми, но о настоящемъ свойствѣ и истинныхъ размѣрахъ этой опасности большинство не имѣетъ яснаго представленія. Многіе серьезно озабочены народною бѣдою, но она явилась для нихъ съ этой стороны такъ неожиданно, что они, по справедливому замѣчанію одной газеты, „плохо отличаютъ важное отъ мелочей и, гоняясь за тѣми или иными подробностями, забываютъ о главной цѣли, или—что однако не лучше—обольщаются надеждой достигнуть ее неподходящими средствами“²⁾.

Но если даже главная цѣль и не забывается, и средства для ея достиженія предлагаются сами по себѣ подходящіе,—все-таки предлагаемый способъ борьбы съ бѣдой можетъ оказаться пустымъ разговоромъ, вовсе къ дѣлу не относящимся. Самый непогрѣшимый рецептъ искуссѣйшаго врача есть лишь ненужный клочокъ бумаги, если больному не на что купить лекарства, но и самую щедрою помощью можно воспользоваться не для облегченія, а для усиленія болѣзни. Предлагать обѣднѣвшему и невѣжественному населенію раціо-

¹⁾ „Гражданинъ“, № 264.

²⁾ „Русск. Вѣд.“, № 263.

тельную систему сельскаго хозяйства—значить прописывать нищему дорогія лекарства; но такъ же бесполезно, хотя и болѣе человѣколюбиво, заботиться объ одномъ *количественномъ* увеличеніи матеріальныхъ средствъ такого населенія, которое по качеству своей культуры или своей безкультурности безсилно противъ стихійныхъ процессовъ природы и слѣдовательно не можетъ дѣйствительно обезпечить своего благосостоянія.

II.

Безъ сомнѣнія, при данныхъ условіяхъ наша земля можетъ скорѣе превратиться въ пустыню, нежели наши крестьяне въ рациональныхъ агрономовъ. Поэтому правительство, опережая въ этомъ случаѣ общественное мнѣніе, уже приняло или рѣшило принять нѣкоторыя простыя мѣры для защиты земледѣлія отъ стихійнаго врага. По общему признанію одно изъ главныхъ условій, способствующихъ губительному процессу обезводненія, есть истребленіе лѣсовъ, и правительство прежде всего озаботилось ихъ охраненіемъ. Къ несчастію для той половины Россіи, которой бѣда грозитъ ближайшимъ образомъ, эти охранительныя мѣры не могутъ имѣть сколько-нибудь существеннаго значенія, такъ какъ тамъ уже охранять почти нечего. Разведеніе же новыхъ лѣсовъ въ обширныхъ размѣрахъ, помимо другихъ затрудненій, могло бы принести свою пользу лишь въ отдаленномъ будущемъ, а между тѣмъ послѣ 1890 г. намъ уже медлить не приходится.

Единственною прямою и радикальною мѣрою было бы устроить во всей подверженной хроническимъ засухамъ полосѣ Россіи искусственное орошеніе полей (т.-е. систему резервуаровъ и каналовъ, сохраняющихъ и правильно распредѣляющихъ весеннюю влагу); но сдѣлать это въ короткій срокъ на пространствахъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ десятинъ — потребовало бы такихъ огромныхъ расходовъ, которые были бы не по силамъ государству и при наилучшемъ состояніи финансовъ, а теперь, когда (по опубликованнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ) свободная наличность государственнаго казначейства послѣ чрезвычайныхъ расходовъ прошлаго года равняется всего 38 милліонамъ, да еще предстоятъ новыя расходы на продовольствіе нѣсколькихъ губерній—о такомъ грандіозномъ предпріятіи нечего и думать.

Роковой кругъ: государство должно помочь разоренному населенію противъ стихійнаго бѣдствія, а средства для этой *новой* помощи ему приходится — вслѣдствіе преимущественно земледѣльческаго характера страны — брать съ того же населенія, которое однако не

только новыхъ, но и старыхъ средствъ давать не въ состояніи ¹⁾; поднять же его платежную способность можно было бы только при огромныхъ новыхъ расходахъ на обезпеченіе земледѣлія.

Это противорѣчіе, которое тѣмъ дальше, тѣмъ должно становиться рѣзче, заставляетъ многихъ ревнителей народнаго блага устранять или замалчивать вопросъ о прямой борьбѣ противъ угрожающаго земледѣлію стихійнаго процесса и сводить все дѣло на почву экономическую. Вопросъ о судьбахъ земледѣлія въ Россіи ставится въ исключительную зависимость отъ вопроса о крестьянскомъ *землевлѣдніи*. Наше сельское хозяйство (которое здѣсь отождествляется съ хозяйствомъ *крестьянскимъ*) страдаетъ отъ того, что крестьяне бѣдны, а бѣдны они отъ того, что у нихъ мало земли. Итакъ, вся задача въ томъ, чтобы увеличить количество принадлежащей крестьянамъ земли; сдѣлаться это должно съ одной стороны чрезъ приобрѣтеніе крестьянами (съ помощью крестьянскаго земельного банка или какъ-нибудь иначе) новыхъ участковъ земли на мѣстѣ отъ помѣщиковъ или отъ казны, а съ другой стороны — посредствомъ переселенія изъ густо заселенныхъ и малоземельныхъ губерній въ болѣе просторныя. Параллельно съ мѣрами для расширенія крестьянскаго землевлѣднія предлагаются законодательныя мѣры для его охраненія и упроченія, чтобы крестьянскія земли не могли переходить во владѣніе лицъ другихъ сословій, а также сельскихъ „кулаковъ“.

Что вслѣдствіе различныхъ случайностей, сопровождавшихъ надѣленіе крестьянъ землею при ихъ освобожденіи, въ иныхъ мѣстахъ надѣлы съ самаго начала оказались слишкомъ малы, чтобы обезпечивать крестьянское хозяйство даже помимо всякихъ стихійныхъ бѣдствій, и что затѣмъ эта недостаточность естественно возростала съ приростомъ населенія — это признается, кажется, всѣми, начиная съ правительства, учредившаго ради этого крестьянскій земельный банкъ, дѣятельность котораго можетъ, конечно, быть преобразована и расширена.

Признавая всѣ заботы объ этомъ справедливыми и полезными въ извѣстной мѣрѣ, должно однако спросить: имѣетъ ли эта сторона дѣла общее и рѣшающее значеніе, первостепенную важность для нашей главной задачи; можетъ ли даже наилучшее *распределеніе* земельной собственности спасти сельско-хозяйственное *производство* отъ угрожающей ему гибели въ силу естественныхъ причинъ?

¹⁾ Изъ только-что опубликованной таблицы „исполненія общей государственной росписи доходовъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1891 г.“ видно, что въ этомъ году налоговъ и платежей, идущихъ главнымъ образомъ съ крестьянскаго населенія, поступило на 54 милліона менѣе, нежели въ 1890 г.

III.

Чтобы заранее упростить вопрос и не вдаваться въ спеціальныя соображенія, не могуція измѣнить общихъ выводовъ, предположимъ, что планъ расширенія и упроченія крестьянскаго землевладѣнія осуществленъ вполне въ наибольшихъ предѣлахъ, именно въ предѣлахъ физической возможности; предположимъ нѣчто совершенно невѣроятное,—что *всѣ* земли европейской Россіи, помѣщичьи и казенныя, перешли въ неотчуждаемую собственность крестьянскихъ общинъ, равномерно распределены между ихъ членами и никакимъ способомъ не могутъ переходить въ чьи бы то ни было другія руки. Посмотримъ прежде всего, *насколько* именно въ такомъ исключительно благоприятномъ (съ данной точки зрѣнія) случаѣ увеличилось бы количество крестьянской земли и, слѣдовательно, средніе размѣры крестьянскаго надѣла.

Всей земли въ европейской Россіи (безъ Польши и Финляндіи) считается около 450 милліоновъ десятинъ ¹⁾, изъ коихъ 50 милліоновъ—неудобной земли. Изъ 400 милліоновъ десятинъ земли, имѣющей сельско-хозяйственное значеніе (сюда кромѣ пахатной земли входятъ также луга и лѣса), около 190 милліоновъ, т.-е. почти половина, уже находится во владѣніи или пользованіи крестьянъ ²⁾; прочіе 210 мил. распределяются такъ: 110 милліоновъ — казенной земли, изъ коихъ большая часть, именно около 100 милліоновъ — подъ лѣсами; затѣмъ 60 милліоновъ—помѣщичьей земли, 8 милліоновъ—удѣльной и остальные 32 милліона—городской и другихъ владѣльцевъ. Итакъ, еслибы даже вся эта земля перешла сполна къ крестьянамъ, то ихъ земельная собственность увеличилась бы лишь нѣсколько болѣе чѣмъ вдвое сравнительно съ теперешней: вмѣсто нынѣшнихъ 2¹/₄ десятинъ на душу среднимъ числомъ они получили бы самое большое—по 5 десятинъ. Но и этотъ тощій результатъ—только призрачный. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ земель, которыми желали бы обогатить крестьянъ, почти цѣлая половина (именно 100 милліоновъ десятинъ) состоитъ изъ казенныхъ лѣсовъ, находящихся главнымъ образомъ въ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи. Но истребленіе послѣднихъ русскихъ лѣсовъ, кажется, не входитъ ни въ чью программу.

¹⁾ Здѣсь и далѣе я беру круглыя цифры; приводить болѣе точныя нельзя уже потому, что въ разныхъ статистическихъ источникахъ онѣ не совпадаютъ. Впрочемъ эти разницы не такъ велики, чтобы оказывать сколько-нибудь значительное вліяніе на общіе результаты.

²⁾ Разумѣются здѣсь крестьяне въ широкомъ смыслѣ, т.-е. включая сюда всѣхъ занимающихся лично хлѣбопашествомъ, каковы казаки, колонисты, однодворцы.

Превратить ихъ въ пашню значило бы подвергнуть и сѣверную половину Россіи той участи, которая уже постигла южную. Если же эти лѣсныя пространства, кто бы ни былъ ихъ собственникомъ, должны оставаться неприкосновенными, то, значить, для цѣлей собственно земледѣлія крестьяне могли бы получить не 210, а только 110 милліоновъ десятинъ лишней земли, т.-е. не вдвое, а лишь немногимъ болѣе чѣмъ въ полтора раза увеличить свое теперешнее владѣніе; на каждого пришлось бы въ такомъ случаѣ уже не по 5, а самое большее—по 4 десятины. Но населеніе Россіи увеличивается въ полтора раза въ теченіе 25 лѣтъ; слѣдовательно черезъ 25 лѣтъ все вернулось бы къ прежнему положенію. И такого неважнаго и скоропроходящаго результата пришлось бы достигать такими невѣроятными героическими средствами, какъ полное упраздненіе частнаго землевладѣнія ¹⁾. Если же оставить въ сторонѣ героическія средства и для расширенія крестьянскаго землевладѣнія удовольствоваться переходомъ въ крестьянскія руки лишь нѣкоторой доли владѣльческихъ земель ²⁾, то общій результатъ будетъ уже такъ ничтоженъ, что о немъ не стоитъ говорить.

Что количественное увеличеніе крестьянской земли *само по себѣ* не обезпечиваетъ крестьянскаго благосостоянія—это ясно видно изъ слѣдующаго факта. Прикупать землю къ своимъ надѣламъ крестьяне начали съ самаго 1861 г. По свѣденіямъ, собраннымъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, уже черезъ 18 лѣтъ—въ 1879 г.—эти прикупки въ нѣкоторыхъ губерніяхъ достигли очень большихъ размѣровъ; такъ, въ самарской губерніи къ указанному году крестьяне

¹⁾ Вышеприведенный расчетъ, столь же простой и безспорный, какъ и расчетъ барона Ротшильда въ извѣстномъ анекдотѣ, позволяетъ намъ оцѣнить высокую степень наивности одного журнальнаго писателя „народническаго“ направленія, который, настаивая на исключительной важности увеличенія крестьянскаго надѣла для спасенія нашего народнаго хозяйства, въ видѣ аргумента указываетъ на то, что вѣдь помѣщичьи хозяйства не разоряются же отъ неурожая и прочихъ стихійныхъ бѣдствій. Хотя въ дѣйствительности и они разоряются, но дѣло не въ этомъ. Положимъ, что на дѣлѣ помѣщичье хозяйство средней руки уже по самому количеству земли застраховано отъ губельныхъ послѣдствій засухи и прочихъ физическихъ бѣдъ, уручающихъ малоземельнаго крестьянина. Изъ этого логически слѣдовало бы только то, что будь при каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ столько же земли, сколько бываетъ при среднемъ помѣщичьемъ, то и крестьяне также были бы обезпечены отъ разоренія. Но помимо другихъ негѣностей такого предположенія, почтенный авторъ не сообразилъ, что для надѣленія каждаго крестьянскаго двора нѣсколькими стами или тысячами десятинъ удобной земли не только въ Россійской Имперіи, но и на всемъ земномъ шарѣ мѣста не хватитъ, а съ Марсомъ и другими подходящими планетами переселенческой комитетъ, кажется, еще не вступалъ въ сношенія.

²⁾ Говорю о владѣльческихъ, такъ какъ казенныя, за исключеніемъ лѣсовъ, не представляютъ значительной величины.

тъ надѣльнымъ землямъ прибавили покупкою количество земли въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе надѣльной, т.-е. увеличили свою земельную собственность въ $3\frac{1}{2}$ раза. Между тѣмъ ни плодородіе земли, ни благосостояніе крестьянъ отъ этого не увеличились нисколько, и самарская губернія въ настоящее время есть одна изъ самыхъ безнадежныхъ въ этомъ отношеніи. А какъ мы видѣли, при равномерномъ распределеніи крестьянская земельная собственность во всей Россіи можетъ увеличиться не въ $3\frac{1}{2}$, а всего только въ $1\frac{1}{2}$ раза. Впрочемъ, помимо всякихъ статистическихъ расчетовъ, казалось бы ясно, что тамъ, гдѣ земля всюду пересохла такъ, что въ нее нельзя сѣять зерна ¹⁾, для благосостоянія хозяевъ совершенно все равно, принадлежитъ ли имъ пять, или пятьдесятъ десятинъ такой земли, *въ которую нельзя сѣять*: и какъ бы широко и прочно крестьянинъ ни завладѣлъ безплодною пустыней, отъ этого ни ему, ни другимъ никакой пользы не будетъ. А въ сѣверной части Россіи, которой еще не угрожаетъ эта опасность, крестьяне уже давно, вслѣдствіе условій почвы и климата, не могутъ кормиться однимъ земледѣліемъ и даже въ самые лучшіе годы принуждены покупать чужой хлѣбъ; слѣдовательно и здѣсь нѣкоторое увеличеніе ихъ земельной собственности никакого общаго значенія имѣть не можетъ.

Итакъ, если не выходить изъ предѣловъ европейской Россіи, то расширеніе крестьянской земельной собственности—въ смыслѣ общаго и прочнаго способа улучшить состояніе земледѣлія и земледѣльцевъ—есть мѣра совершенно *мнимая*. Остается отчаянное средство—переселеніе крестьянъ массами въ Туркестанъ и Сибирь. Въ Туркестанѣ свободныя и удобныя для земледѣлія мѣстности составляютъ пока только оазисы, требующіе предварительно большихъ затратъ на ихъ орошеніе ²⁾; что же касается до Сибири (разумѣется, лишь въ той, сравнительно меньшей, ея части, которая имѣетъ умеренный климатъ), то при рѣдкомъ населеніи она, конечно, еще долго можетъ существовать экстензивнымъ или хищническимъ хозяйствомъ; но при массовомъ переселеніи изъ-за Урала и ея непочатые лѣса и огромныя рѣки неизбѣжно подвергнутся той же участи, которая постигла лѣса и рѣки Каспійскаго и Черноморскаго бассейна. Переселеніе въ малыхъ размѣрахъ не измѣнитъ общаго положенія, а въ большихъ—ухудшитъ его. Ибо въ такомъ случаѣ, помимо оскудѣнія самой Сибири, ея обезлѣсеніе и обезводненіе страшно ускоритъ губительный процессъ и для европейской Россіи. Итакъ, переселеніе нашихъ крестьянъ въ Азію, если имѣть въ виду не палліативы, а настоящее

¹⁾ См. выше, стр. 353.

²⁾ См. выше, стр. 247: „Наша колонизація Средней Азіи. Русскіе поселки въ Туркестанѣ“, Н. А. Дингельштедта.— *Ред.*

средство спасенія, есть мѣра также мнимая. При хозяйствѣ безкультурномъ не хватитъ и Азіи, а для культурнаго—незачѣмъ ходить за Уралъ.

IV.

Если я скажу, что мы страдаемъ отъ безкультурности, и что наше спасеніе только въ культурномъ прогрессѣ, то это будетъ лишь вѣрное теоретическое указаніе, но не практическое рѣшеніе задачи. Понятіе культуры слишкомъ сложно и въ цѣломъ неопредѣленно, а предаваться культурному прогрессу *по частямъ*, не зная взаимной связи и отношенія этихъ частей,—дѣло въ лучшемъ случаѣ безплодное.

Стихійныя бѣды, подрывающія наше земледѣліе, имѣютъ общее значеніе. Онѣ грозятъ благосостоянію не того или другого края, а всей Россіи, и противодействовать имъ должна Россія, какъ цѣлое. Есть простыя и общія условія, одинаково обязательныя для исторической жизни народовъ, какъ и для личной жизни отдѣльныхъ людей, и не менѣе непреложныя, чѣмъ физическіе законы. Только при соблюденіи этихъ условій или жизненныхъ нормъ какая-нибудь мѣра, или предпріятіе, могутъ быть дѣйствительными и благотворными; безъ нихъ же *всякая* мѣра, повидимому и самая практичная и цѣлесообразная, будетъ лишь *мнимою* мѣрою.

Представимъ себѣ человѣка отъ природы здороваго и сильнаго, умнаго, способнаго и незлого,—а именно такимъ и считаютъ всѣ, и весьма справедливо, нашъ русскій народъ. Мы узнаемъ, что этотъ человѣкъ, или народъ, находится въ крайне печальномъ состояніи: онъ боленъ, разоренъ, деморализованъ. Если мы хотимъ ему помочь, то, конечно, прежде всего постараемся узнать, въ чемъ дѣло, отчего онъ попалъ въ такое жалкое положеніе. И вотъ мы узнаемъ, что онъ, въ лицѣ значительной части своей интеллигенціи, хотя и не можетъ считаться формально умалишеннымъ, однако одержимъ ложными идеями, граничащими съ маніей величія и маніей вражды къ нему всѣхъ и каждого. Равнодушный къ своей дѣйствительной пользѣ и дѣйствительному вреду, онъ воображаетъ несуществующія опасности и основываетъ на нихъ самыя нелѣпыя предположенія. Ему кажется, что всѣ сосѣди его обижаютъ, недостаточно преклоняются передъ его величіемъ и всячески противъ него злоумышляютъ. Всякаго и изъ своихъ домашнихъ онъ обвиняетъ въ стремленіи ему повредить, отдѣлиться отъ него и перейти къ врагамъ, — а врагами своими онъ считаетъ всѣхъ сосѣдей. И вотъ, вмѣсто того, чтобы жить своимъ честнымъ трудомъ на пользу себѣ и ближнимъ, онъ готовъ тратить все свое со-

стояніе и время на борьбу противъ мнимыхъ козней. Воображая, что сосѣди хотятъ подкопать его домъ и даже напасть на него вооруженною рукою, онъ предлагаетъ тратить огромныя деньги на покупку пистолетовъ и ружей, на желѣзные заборы и затворы. Остающееся отъ этихъ заботъ время онъ считаетъ своимъ долгомъ снова употреблять на борьбу—съ своими же домашними...

Узнавъ все это и желая спасти несчастнаго, мы не станемъ, конечно, ни снабжать его деньгами, ни лечить отъ лихорадки или чего-нибудь другого. Мы постараемся убѣдить его, что мысли его ложны и несправедливы. Если онъ не убѣдится и останется при своей маніи, то ни деньги, ни лекарства—не помогутъ. Если же убѣдится и образумится, откажется отъ нелѣпыхъ идей и обидныхъ дѣйствій, то, будучи человекомъ умнымъ, способнымъ и крѣпкимъ, легко найдеть въ самомъ себѣ средства возстановить свое здоровье и поправить свои дѣла.

Всѣмъ этимъ я хотѣлъ пока только сказать по адресу нѣкоторой части нашей печати, что и цѣлые народы, погибающіе отъ ложныхъ мыслей и неправильной жизни, одною агрономіей и экономіей, безъ внутренней *правды*, спасены быть не могутъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Сентябрь, 1892 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1892 г.

Отголоски, не соответствующіе звуку.—Жалобы „Гражданина“ на зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора.—Рѣчь г. Дерожинскаго и запретъ на крестьянское пивовареніе.—Вопросъ о назначеніи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ.—Два способа производства городскихъ выборовъ.

Наша періодическая печать похожа на залъ, плохо устроенный въ акустическомъ отношеніи: многое изъ того, что до нея доходитъ, совсемъ не слышно, или едва слышно; многое другое вызываетъ резонансъ, вовсе не соответствующій силѣ звука. Представимъ себѣ, напримѣръ, что глаза читателя, раскрывающаго газету, останавливаются, случайно, на слѣдующихъ словахъ, встрѣченныхъ нами: „мы затрудняемся въ выборѣ выраженій, чтобы достойно привѣтствовать *этого* по истинѣ благой починъ“... Что долженъ онъ подумать, какія ожиданія и надежды должны въ немъ возникнуть? Вѣдь уста безмолвствуютъ только отъ избытка чувствъ; радость, не находящая словъ для своего выраженія, должна быть безмѣрна, основаніе для нея должно быть до крайности важно. Нетрудно вообразить себѣ разочарованіе читателя, когда поводомъ къ восторгу оказывается слѣдующее официальное сообщеніе: „управляющій министерствомъ финансовъ, находя, что, вслѣдъ за принятыми уже мѣрами къ огражденію внутреннего производства отъ иностраннаго соревнованія, заботы правительства всецѣло должны быть направлены къ устраненію всякаго рода стѣсненій въ учрежденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій, признавъ необходимымъ, для разсмотрѣнія этого вопроса, образовать, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Тура, особую комиссію изъ представителей министерства финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, съ предоставленіемъ предсѣдателю комиссіи права привлечь къ участію въ трудахъ ея лицъ, которыхъ, по своимъ познаніямъ и опытности, могутъ доставить полезныя свѣденія“. И только?!—Да, только.—Не сдѣлано, во-первыхъ, еще ничего, а лишь предполагается сдѣлать; во-

вторыхъ, предполагаемая мѣра имѣетъ, очевидно, весьма второстепенное значеніе. Безспорно, стѣсненія въ учрежденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій, если они не вызываются дѣйствительною необходимостью (напримѣръ—огражденіемъ общественнаго здоровья отъ производствъ опасныхъ или вредныхъ), непріятны, нежелательны, невыгодны; ихъ устраненію нельзя не сочувствовать, отъ него можно ожидать нѣкоторой перемѣны къ лучшему—но гдѣ же основанія думать, что эта перемѣна послужитъ чуть не началомъ новаго періода въ нашей общественной жизни? Въ ряду причинъ, задерживающихъ развитіе нашей промышленности, система „предварительныхъ разрѣшеній“ едва ли занимаетъ первенствующее мѣсто. Въ моменты особаго промышленнаго оживленія, естественнаго или искусственнаго, она не мѣшала появленію цѣлой массы новыхъ акціонерныхъ обществъ, учрежденіе которыхъ сопряжено у насъ, какъ извѣстно, съ наиболѣе сложными формальностями. Припомнимъ акціонерную горячку конца пятидесятихъ годовъ, повторявшуюся нѣсколько разъ и позже—и мы убѣдимся, что, при наличности достаточно сильныхъ стимуловъ къ устройству новыхъ предпріятій и достаточно крупной цифры свободныхъ средствъ, разрѣшительная система только въ весьма слабой степени тормазитъ поступательное движеніе промышленности. Не она, конечно, служитъ источникомъ „переутомленія“ для нашихъ государственныхъ людей (если и допустить, что такое переутомленіе дѣйствительно существуетъ; въ нашихъ глазахъ это болѣе чѣмъ сомнительно, потому что въ шестьдесятъ лѣтъ легко устать и заболѣть и при умѣренномъ количествѣ работы—а о примѣрахъ служебнаго „переутомленія“ сановниковъ сравнительно молодыхъ до сихъ поръ что-то не слышно). Не ею обуславливается „многописаніе“ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, не отъ нея зависитъ многочисленность чиновниковъ; не она противодействуетъ укрѣпленію въ нашемъ обществѣ чувства законности. „Хожденій“, а слѣдовательно и „соблазновъ“, съ отиѣной разрѣшительной системы станетъ меньше, это правда; но не слѣдуетъ забывать, что „хожденія“ особенно опасны, „соблазны“ особенно велики не тогда, когда идетъ рѣчь только о разрѣшеніи предпріятія, а тогда, когда заявляется ходатайство о предоставленіи тѣхъ или другихъ *привилегій*. Такихъ ходатайствъ „явочная система“ не предупредить и предупредить не можетъ—а между тѣмъ именно она и создали тотъ антипатичный типъ „концессионера“, на исчезновеніе котораго рассчитываетъ слишкомъ легко восторгающаяся газета. Наибольшее процвѣтаніе этого типа совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда понятіе о концессіи (желѣзнодорожной) было неразрывно связано съ понятіемъ о гарантіи. Желѣзнодорожныя предпріятія почти немислимы, притомъ, безъ временной монополіи; едва ли, поэтому,

„явочная система“ будетъ примѣнена къ нимъ въ ея чистомъ видѣ. Вмѣстѣ съ концессионеромъ, по мнѣнію нашихъ газетныхъ оптимистовъ, долженъ ступеваться и *учредитель*, въ специфическомъ смыслѣ слова. Недавній примѣръ Пруссіи показываетъ всю тщету этой надежды. Никогда учредительство (*Gründerthum*) не достигало тамъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за отмѣной разрѣшительной системы по отношенію къ акціонернымъ обществамъ. Оргія грюндеровъ продолжалась, въ непрерывномъ стесцендо, до краха 1873 г., втягивая въ себя и забрызгивая грязью даже безупречную до тѣхъ поръ прусскую администрацію. Конечно, она была пороженіемъ многихъ и сложныхъ причинъ — но вѣдь мы и не ссылаемся на нее какъ на аргументъ противъ введенія „явочной системы“; мы хотимъ только показать, что съ этой системой вполне совмѣстно „учредительство“, даже въ худшемъ его видѣ.

Коммиссія, учрежденная управляющимъ министерствомъ финансовъ, должна, какъ мы уже видѣли, приготовить устраненіе всякихъ стѣсненій въ учрежденіи и устройствѣ *промышленныхъ предпріятій*. Покаместъ нѣтъ, слѣдовательно, и рѣчи о примѣненіи „явочной системы“ къ учрежденію ученыхъ, литературныхъ, благотворительныхъ и другихъ аналогичныхъ обществъ, клубовъ, типографій, литографій, фотографій и т. п. Вопросъ поставленъ исключительно на почвѣ *экономической*, а не *политической*. Можно отмѣнить всѣ стѣсненія въ устройствѣ фабрикъ, въ основаніи акціонерныхъ обществъ — и не только оставить въ силѣ, но даже обострить другую категорію стѣсненій, вызываемыхъ полицейскими соображеніями. Распоряженіе управляющаго м-вомъ финансовъ не даетъ ни малѣйшаго повода къ розовымъ мечтамъ, къ широкимъ надеждамъ. Мы, конечно, не ошибемся, если скажемъ, что реформа, задуманная министерствомъ финансовъ, не коснется даже *промышленныхъ предпріятій*, въ которыхъ коммерческая сторона отступаетъ на второй планъ сравнительно съ идейной. Такимъ предпріятіемъ является, напримѣръ, журналъ или газета. Найдется ли въ русскомъ обществѣ хоть одинъ наивный человѣкъ, который бы повѣрилъ, что одновременно съ введеніемъ „явочной системы“ въ дѣлахъ торговыхъ и фабричныхъ она будетъ распространена и на печать, что всякому желающему предоставлено будетъ основать періодическое изданіе, съ доведеніемъ о томъ лишь до свѣденія подлежащей власти? Не ясно ли, что для этого нужно появленіе такихъ „новыхъ вѣяній“, о которыхъ въ настоящую минуту рѣшительно ничего не слышно, и исходнымъ пунктомъ которыхъ, когда настанетъ для нихъ пора, послужить, безъ сомнѣнія, не министерство финансовъ?.. Соединять два совершенно разнородные вопроса — какъ это дѣ-

ласть газета, увлекающаяся „явочной системой“ — значить увеличивать путаницу понятій, безъ того уже достаточно распространенную въ нашемъ обществѣ.

Другой недавній фактъ, точно также надѣлавшій слишкомъ много шуму — это циркуляръ государственнаго контролера, вызванный сообщеніемъ невѣрныхъ свѣдѣній, виновникомъ котораго оказался одинъ изъ чиновъ государственнаго контроля. Особое, чрезмѣрное вниманіе нашей печати обратили на себя слѣдующія слова циркуляра: „литературныя занятія, если для нихъ остается довольно свободнаго времени, я не только не возбраняю моимъ сослуживцамъ, но даже готовъ ихъ привѣтствовать, какъ признакъ высокаго и благороднаго настроенія души и любви къ родному слову. Но сообщеніе мѣстныхъ свѣдѣній о текущей жизни со всѣми ея мелочами, при постоянной опасности коснуться чьего-либо спокойствія и задѣть чужую честь, съ литературою въ истинномъ значеніи этого слова ничего общаго не имѣетъ и входитъ въ область заработка. Отъ такого опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ обращенія съ словомъ, какъ высшимъ человѣческимъ даромъ, я считаю нужнымъ предостеречь чиновъ государственнаго контроля, ради чести ихъ самихъ и цѣлаго вѣдомства“. Нашлись газеты, которыя пришли въ восторгъ отъ одобренія литературныхъ занятій, выраженнаго г. министромъ. „Печать, — читаемъ мы въ одной изъ нихъ, — въ высшей степени признательна г. государственному контролеру за слова сочувствія и уваженія, вылившіяся, при томъ, въ столь высокой формулѣ. Печать не безъ гордости вспоминаетъ, что какъ прежде, такъ и теперь въ числѣ своихъ представителей она имѣетъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе (?) выдвинули себя впервые на этомъ поприщѣ и отчасти ему обязаны своей карьерой“... „Наше общество, — говоритъ другая газета, — въ первый разъ встрѣчается съ административнымъ циркуляромъ, въ которомъ высказывается столь глубокое уваженіе къ печатному слову и литературному труду... Въ послѣдніе годы все чаще и чаще замѣчается, что литературные и публицистическіе труды не мѣшаютъ людямъ достигать степеней весьма извѣстныхъ. Мы знаемъ писателей и даже поэтовъ, стоящихъ во главѣ государственныхъ кредитныхъ учреждений (г. Жуковский и гр. Голеніщевъ-Кутузовъ). К. П. Побѣдоносцевъ и Т. И. Филипповъ имѣютъ прочное и видное литературное имя. Но, къ сожалѣнію, такіа вліятельныя и тѣсныя связи съ литературою весьма мало отражались на судьбахъ самой печати. Самыя близкія къ печати лица, не отказываясь пользоваться ея услугами, какъ бы переставали вникать въ ея интересы, игнорировали всѣ тѣ условія и затрудненія, которыя они сами прежде испытывали и, во всякомъ случаѣ, близко знали.

Печать почти не имѣетъ заступниковъ въ официальныхъ сферахъ... Можетъ быть, этимъ объясняется тотъ въ высшей степени печальный фактъ, что въ послѣдніе годы замѣтно оскудѣваетъ отечественная литература. Старые литераторы и просвѣщенные, талантливые публицисты вымираютъ, число ихъ все болѣе и болѣе сокращается; новыхъ же сколько-нибудь замѣтныхъ и достойныхъ уваженія дѣятелей не прибываетъ. Напротивъ, все, что проявляется болѣе или менѣе способнаго въ литературномъ смыслѣ,—хотя бы въ видѣ умѣнья хорошо излагать свои мысли,—быстро поглощается государственною и общественною службою. Перемены къ лучшему, въ этомъ отношеніи, газета ожидаетъ отъ циркуляра Т. И. Филиппова, напоминающаго, что „отечественное печатное слово имѣетъ свое великое значеніе“. Третья газета выставяетъ на видъ, что достиженіе писателями высокихъ государственныхъ постовъ вовсе не составляетъ чего-то новаго: достаточно вспомнить Державина, Шишкова, гр. Валуева. Въ настоящее время большинство (?) лицъ, достигающихъ высокаго положенія въ обществѣ, „въ болѣе или меньшей степени прикосновенно къ публицистической литературѣ“. Невѣроятно, поэтому, чтобы, сдѣлавшись сановниками, „тѣ же люди измѣнили свое отношеніе къ литературѣ, а тѣмъ болѣе потеряли къ ней уваженіе“. Высшая администрація—это „образованные, даровитые, умные сановники in pleno“; отсюда невозможность „пренебрежительнаго отношенія ея къ литературѣ“, по крайней мѣрѣ къ той литературѣ, которая „служитъ проявленіемъ высшихъ потребностей просвѣщенной мысли“.

Русская литература, какъ просвѣтительная сила, существуетъ уже около полутора столѣтій; около столѣтія существуетъ русская періодическая печать; начиная со второй четверти нынѣшняго вѣка, она играетъ выдающуюся роль въ исторіи нашего общественнаго развитія. Неужели положеніе ихъ, по прошествіи столь значительнаго періода времени, все еще такъ жалко и непрочное, что радостнымъ событіемъ слѣдуетъ считать каждое доброе слово, сказанное о нихъ въ высшихъ административныхъ сферахъ? Неужели привѣтствіе литературнымъ занятіямъ, выраженное въ министерскомъ циркулярѣ, должно возбудить въ нашихъ сердцахъ „признательность“, а мысль о томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ сопричастны къ печати, должна наполнять насъ „гордостью“? Неужели „оскудѣніе“ нашей литературы зависитъ отъ недостатка официальныхъ за нее заступниковъ? Ненормальны же должны быть переживаемыя нами условія, если приходится ставить подобные вопросы!.. Устранимъ, прежде всего, недоразумѣніе, вызываемое прикосновенностью государственныхъ дѣятелей къ литературѣ. Совершенно права та газета, которая

отрицаетъ новизну этого факта, указывая на давнишніе аналогичные примѣры (въ названныхъ ею именахъ можно присоединить еще Дмитріева, гр. С. С. Уварова, гр. Д. Н. Блудова, гр. Канкринъ, гр. М. А. Корфа, А. С. Норова, гр. Д. А. Милютинъ, гр. Д. А. Толстого, Н. Х. Бунге); но она рѣшительно ошибается, когда видитъ въ прежней литературной дѣятельности гарантію противъ недружелюбнаго отношенія къ литературѣ. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только назвать М. Н. Лонгинова и В. В. Григорьева, какъ начальниковъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Послѣдній былъ профессоромъ и ученымъ, первый—заправскимъ и, когда-то, даже оппозиционнымъ литераторомъ; но это нисколько не помѣшало имъ быть гораздо болѣе строгими наблюдателями надъ печатью, чѣмъ предшественники ихъ, не имѣвшіе ничего общаго съ литературой (гг. Похвисневъ и Шидловскій). Литературныя наклонности гр. Валуева отнюдь не уменьшили числа данныхъ при немъ предостереженій. Весьма можетъ быть, что въ строгости наблюденія бывшіе или будущіе литераторы не видѣли никакого противорѣчія съ своею прежнею дѣятельностью или съ своими вкусами. Имъ очень легко было сказать самимъ себѣ: „мы любимъ и цѣнимъ литературу, но только ту, которая *служитъ проявленіемъ высшихъ потребностей просвѣщенной мысли*—а все преслѣдуемое и запрещаемое нами не подходитъ подъ это опредѣленіе“. На „заступничество“ бывшихъ писателей печать отнюдь разсчитывать не можетъ, да и не въ недостаткѣ заступничества слѣдуетъ искать разгадку ея иногда тяжелаго положенія. Все дѣловъ отсутствія законныхъ гарантій, которыми обезпечивалась бы законная свобода печатнаго слова. Или, быть можетъ, къ осуществленію этихъ гарантій и должно быть направлено „заступничество“ публицистовъ и литераторовъ, занимающихъ важныя административныя должности? Такова, повидимому, мысль газеты, заговорившей о „заступничествѣ“ и посвятившей, вслѣдъ за тѣмъ, цѣлую статью перечисленію невзгодъ, тяготящихся надъ нашею печатью. Едва ли, однако, средство соотвѣтствуетъ цѣли. Никакое „заступничество“ не можетъ измѣнить условій, опредѣляемыхъ господствующимъ направленіемъ государственной политики. Опытъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ показываетъ съ полною ясностью, что положеніе печати улучшается или ухудшается у насъ въ непосредственной связи съ общимъ ходомъ событій, независимо отъ доброжелательства или недоброжелательства отдѣльныхъ лицъ и отъ степени прикосновенности ихъ къ литературѣ. Во главѣ секретнаго комитета, угнетавшаго печать въ началѣ пятидесятихъ годовъ, стоялъ авторъ „Жизни Сперанскаго“, М. А. Корфъ. При Е. П. Ковалевскомъ и А. В. Головинѣ, никогда ничего не печатавшихъ, литературѣ жилось легче, чѣмъ при А. С. Норовѣ—съ

одной стороны, П. А. Валуевъ—съ другой. Когда, въ 1880 г., можно было думать, что для печати наступаетъ новая эра, во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ боевой генералъ, во главѣ управления по дѣламъ печати—бывшій губернаторъ. Не ясно ли, затѣмъ, что рассчитывать на ходатайство и представительство администраторовъ-писателей печать не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній? Еще менѣе, конечно, взаимной связи между отсутствіемъ вліятельнаго „заступничества“ и „оскуднѣніемъ“ литературы. Сумма „заступничества“ никогда, можетъ быть, не была такъ невелика, какъ въ періодъ расцвѣта дарованій Бѣлинскаго и Лермонтова, Тургенева и Л. Толстого, Добролюбова и Салтыкова.

Въ приведенныхъ нами словахъ министерскаго циркуляра есть еще одна сторона, которую нельзя оставить безъ возраженія. „Сообщеніе мѣстныхъ свѣдѣній текущей жизни“,—какъ совершенно правильно замѣтила „Недѣля“,—не можетъ и не должно быть исключено изъ области литературы. Достоинство такихъ сообщеній зависитъ отъ ихъ достовѣрности и осторожности, а также отъ сравнительной важности затрогиваемаго ими предмета. Мало того, что корреспондентъ искренно вѣритъ въ правильность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и не заинтересованъ лично въ ихъ огласкѣ¹⁾; нужно еще, чтобы онъ сдѣлалъ все возможное для ихъ повѣрки и воздержался отъ передачи сомнительныхъ, спорныхъ деталей; нужно, наконецъ, чтобы приводимые имъ факты представляли какой-нибудь общій интересъ, освѣщали какую-нибудь сторону общественной жизни, а не служили бы только къ удовлетворенію празднаго или, тѣмъ болѣе, нездороваго любопытства. При соблюденіи этихъ условій, „сообщеніе мѣстныхъ свѣдѣній о текущей жизни“ составляетъ законную и необходимую отрасль періодической литературы.

Въ положеніи о земскихъ начальникахъ открыта важная погрѣшность—открыта тою самою газетою, которая еще недавно видѣла въ немъ послѣднее слово государственной мудрости. Констатируя эту погрѣшность, „Гражданинъ“ прибѣгаетъ къ самымъ изысканнымъ дипломатическимъ приѣмамъ. Онъ замѣчаетъ, что „въ прежнее время торжества либеральной иллюзіи“ реформы вводились „усердно, но не по доброй совѣсти“—а теперь вводятся добросовѣстно; другими словами, прежде реформы признавались непогрѣшимыми и неприкосновенными, практическая ихъ критика абсолютно не допу-

¹⁾ Подъ именемъ „интереса“ мы понимаемъ здѣсь, конечно, не расчетъ на гонораръ. Писательскій трудъ, какъ и всякій другой, имѣетъ безспорное право на вознагражденіе.

скалась—а теперь, при самомъ проведеніи реформъ, уже сознаются ихъ слабыя стороны и предвидится возможность ихъ исправленія. Послѣ такой *captatio benevolentiae* указывается, наконецъ, недостатокъ, представляющій „смертельную опасность“ для учрежденія земскихъ начальниковъ. Этотъ недостатокъ—право губернатора сказать земскому начальнику: „извольте подавать въ отставку“ или представить его къ увольненію. Всѣ „мало-мальски самостоятельные“ земскіе начальники, девизомъ которыхъ служатъ слова: „подчиненіе, но самостоятельность“, бросають свою должность, если не будетъ передѣланъ законъ 12-го іюля 1889 г.—передѣланъ въ такомъ смыслѣ, чтобы вопросъ о смѣщеніи земскаго начальника „какъ можно менѣе зависѣлъ отъ губернатора и какъ можно болѣе отъ министра внутреннихъ дѣлъ“. Защиту губернаторской власти отъ посягательствъ „Гражданина“ взяло на себя „Новое Время“. Губернаторъ—по словамъ этой газеты—„начальникъ и хозяинъ губерніи, власть правительственная и власть большая. Если онъ и чиновникъ, то въ очень малой мѣрѣ; по высотѣ своего положенія, онъ является въ провинціальной средѣ скорѣе сановникомъ“. Отсюда, а также изъ обязанности губернатора имѣть попеченіе о всемъ населеніи губерніи, а не объ отдѣльныхъ его классахъ или группахъ, „Новое Время“ выводитъ необходимость и неизбежность подчиненія земскихъ начальниковъ губернаторской власти. „Двойственность“ составляетъ „самую природу учрежденія земскихъ начальниковъ“; въ силу самыхъ условий и порядка замѣщенія этой должности, ей присуща сословная тенденція—но эта тенденція должна уступать государственной идеѣ, представителемъ которой является губернаторъ.

Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться; оба невѣрны, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ. Особенно далеко отъ правды, конечно, мнѣніе „Гражданина“, основанное, по обыкновенію, на игнорированіи или извращеніи самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ. Кто имѣетъ хоть какое-нибудь понятіе объ исторіи шестидесятихъ годовъ, тотъ не можетъ не знать, что именно въ то время меньше всего была распространена, въ правящихъ сферахъ, вѣра въ непогрѣшимость и неприкосновенность только-что произведенныхъ преобразованій. Наоборотъ, главное несчастье этой эпохи заключалось именно въ томъ, что „рановременныя“ (т.-е. *казавшіяся* рановременными) мѣры скоро „теряли должные размѣры и съ трескомъ падали назадъ“. Передѣлка судебныхъ уставовъ началась въ самый годъ введенія ихъ въ дѣйствіе; немногимъ долѣе просуществовали безъ перемѣнъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и законъ о печати. Неприкосновенность реформъ всегда была только мечтою горячихъ, но безвластныхъ ихъ приверженцевъ, а отнюдь не составною частью

официальнаго credo или правительственной программы. Измѣненія шли, притомъ, прямо въ разрѣзъ съ основными началами реформъ, между тѣмъ какъ преобразованія, совершившіяся въ наше время, подвергаются только дополненіямъ, еще больше подчеркивающимъ или обостряющимъ ихъ первоначальный смыслъ. Различіе между прошедшимъ и настоящимъ, указываемое кн. Мещерскимъ, существуетъ, такимъ образомъ, исключительно въ его воображеніи—или, лучше сказать, придумано имъ ad hoc, съ цѣлью склонить кого слѣдуетъ къ желанной перемѣнѣ въ положеніи о земскихъ начальникахъ. Но вотъ что еще болѣе странно: текстъ положенія и теперь именно таковъ, какимъ желаетъ его видѣть редакторъ „Гражданина“. Вопросъ о смѣщеніи земскихъ начальниковъ и теперь находится, de jure, въ очень небольшой зависимости отъ губернатора и въ очень большой—отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ можетъ только возбудить дисциплинарное производство о земскомъ начальникѣ, причемъ то же самое право принадлежит и губернскому присутствію (ст. 137); затѣмъ объ увольненіи земскаго начальника, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ (ст. 139), губернское присутствіе только *представляетъ*, черезъ губернатора, министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго и зависитъ (по выслушаніи *мнѣнія* совѣта министра) окончательное рѣшеніе участи земскаго начальника (ст. 140). Дальше идти, очевидно, некуда; расширить, по отношенію къ земскимъ начальникамъ, власть министра въ ущербъ власти губернатора совершенно невозможно, по той простой причинѣ, что первая уже въ законѣ 12-го іюля доведена до максимума, вторая—до минимума. Неужели, однако, „Гражданину“ неизвѣстны ясныя и точныя постановленія излюбленнаго имъ закона? Это болѣе чѣмъ невѣроятно; гораздо естественнѣе предположить, что „умыселъ другой тутъ былъ“, что кампанія, предпринятая кн. Мещерскимъ, направлена не столько противъ порядка увольненія земскихъ начальниковъ, сколько противъ положенія, занимаемаго ими въ служебной іерархіи. Въ настоящее время земскіе начальники—только отчасти ставленники дворянства и въ еще меньшей степени его уполномоченные или представители. Въ назначеніи ихъ губернаторъ играетъ роль гораздо болѣе важную, чѣмъ предводители дворянства, губернский и уѣздный. Уѣздному предводителю предоставлена только ревизія дѣлопроизводства земскихъ начальниковъ; губернаторъ, кромѣ того, можетъ давать имъ „указанія къ единообразному примѣненію“ закона, да и вообще они подчинены его „надзору и руководству“. Фактически это подчиненіе усиливается тѣмъ, что голосъ губернатора, какъ довѣреннаго лица и непосредственнаго представителя высшей администраціи, имѣетъ для нея особое значеніе и пере-

въѣмиваетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, заступничество предводителей дворянства и даже мнѣніе большинства членовъ губернскаго присутствія. Отсюда ясно, что для осуществленія девиза, изобрѣтеннаго кн. Мещерскимъ: „подчиненіе, но самостоятельность“ (нѣчто въ родѣ сухой воды или холоднаго огня!), земскіе начальники должны быть изъяты изъ вѣденія губернской администраціи; единственными посредниками между ними и министромъ внутреннихъ дѣлъ должны быть дворянскія собранія и предводители дворянства; дворянству долженъ быть предоставленъ, наконецъ, и самый выборъ земскихъ начальниковъ. Нѣчто въ этомъ родѣ проектировало, въ свое время, пресловутое меньшинство вахановской комиссіи — и мы тогда уже имѣли случай замѣтить, что хуже такого разрѣшенія вопроса ничего нельзя себѣ и представить. Зависимость отъ администраціи все же менѣе опасна и неудобна, чѣмъ зависимость отъ сословія, интересы котораго часто противоположны интересамъ массы населенія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что вопли „Гражданина“ будутъ услышаны и желаемая имъ „поправка“ въ положеніи о земскихъ начальникахъ будетъ произведена на самомъ дѣлѣ: это было бы слишкомъ явнымъ отступленіемъ отъ господствующаго, въ данную минуту, принципа всевластія администраціи. Весьма характеристично, однако, самое появленіе подобныхъ ламентаций. Полупрозрачной ихъ маской прикрывается цѣлый рой неудовлетворенныхъ поползновеній, отчасти корыстолюбиваго, отчасти властолюбиваго свойства.

Въ возраженіяхъ „Гражданину“, идущихъ со стороны „Новаго Времени“, справедливо только одно: „сословная тенденція“ должна, вездѣ и всегда, уступать мѣсто „государственной идеѣ“. Не лучше ли было бы, однако, еслибы „государственная идея“ вовсе не встрѣчала на своемъ пути „сословной тенденціи“? Для этого необходимо, прежде всего, чтобы онѣ не были соединены въ одномъ и томъ же учрежденіи. При той „двойственности“, которую „Новое Время“ основательно признаетъ присущей институту земскихъ начальниковъ, не только неизбежны столкновенія между „сословной тенденціей“ и „государственной идеей“, но неотвратима, по временамъ, побѣда первой надъ послѣднею. Губернаторъ далеко не всегда можетъ остановить земскихъ начальниковъ, увлекаемыхъ „сословной тенденціей“; не всегда даже онъ можетъ знать о существованіи подобныхъ увлеченій, не всегда, наконецъ, можетъ самъ оставаться отъ нихъ свободнымъ, разъ что онѣ коренятся въ самой постановкѣ учрежденія. Гарантию торжества „государственной идеи“ слѣдуетъ искать не въ всемогуществѣ губернатора, а въ такой организаціи управленія и суда, при которой не было бы мѣста для самаго возникновенія „сословной тенденціи“. Въ какой степени ненадеженъ расчетъ на по-

стоянную солидарность разнородныхъ силъ, объ этомъ намъ скажетъ свидѣтель, компетентность и достовѣрность котораго, въ данномъ случаѣ, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. „Въ короткое время, — читаемъ мы въ прощальной рѣчи, съ которой обратился къ земскимъ начальникамъ черниговской губерніи бывшій черниговскій губернаторъ, — гг. земскіе начальники, *при горячей поддержкѣ если не всѣхъ, то большинства и. предводителей дворянства*, достигли поразительныхъ результатовъ въ дѣлѣ упорядоченія деревни“. Нѣсколько дальше опять повторяется та же оговорка: „только энергичная, единодушная работа всѣхъ земскихъ начальниковъ, *при поддержкѣ большинства предводителей*, могла принести такіе плоды“. Итакъ, безъ розни между представителемъ администраціи и представителями дворянства не обошлось даже въ той губерніи, которая, по словамъ бывшаго ея „хозяина“, „не была послѣднею по проведенію закона въ жизнь“. Если земскіе начальники подчинялись здѣсь больше губернатору, чѣмъ предводителямъ дворянства, то вѣдь въ другомъ мѣстѣ, при меньшей „энергіи“ губернатора, вполне возможно и противоположное явленіе. Иногда предупредить его не въ силахъ даже и самый энергичный администраторъ; припомнимъ, напримѣръ, какую замкнутую, дружную группу образовали лукояновскіе земскіе начальники вокругъ своего предводителя, въ борьбѣ съ нижегородскимъ губернаторомъ. Нарушенію равновѣсія въ сторону „сословной тенденціи“ не можетъ помѣшать, наконецъ, и самый характеръ губернаторской власти. Разница между *чиновникомъ* и *сановникомъ* у насъ вообще довольно неуловима; если не исвать ея въ количествѣ внѣшняго почета и служебныхъ преимуществъ, то можно даже усомниться въ ея существованіи. Единственное сколько-нибудь реальное ея выраженіе — это степень самостоятельности рѣшеній; сановникомъ можно, пожалуй, считать того, кто ихъ внушаетъ, чиновникомъ — того, кто ихъ исполняетъ. Съ этой точки зрѣнія губернаторъ принадлежитъ безспорно къ числу чиновниковъ. Въ борьбѣ съ „сословной тенденціей“ онъ авторитетенъ лишь настолько, насколько велики его формальныя и неформальныя полномочія, и усерденъ лишь настолько, насколько это совмѣстно съ общимъ духомъ полученныхъ имъ инструкцій.

Относясь безусловно-отрицательно къ тѣмъ мотивамъ, которыми вызваны жалобы „Гражданина“ на зависимость земскихъ начальниковъ, мы должны сказать, однако, что въ самыхъ жалобахъ кое-что вполне естественно и понятно. Положеніе земскаго начальника исполнено противорѣчій. Съ одной стороны онъ властелинъ и „отецъ“ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, носитель какой-то особой миссіи, производящій въ своемъ участкѣ, по извѣстному французскому выраженію, *la pluie et le beau temps*; съ другой стороны онъ — чиновникъ

VI-го класса, зависимый и отъ уѣзднаго сѣзда, и отъ уѣзднаго предводителя дворянства, и отъ губернскаго присутствія, и отъ губернатора, и отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Чувствовать себя въ одно и то же время всевластнымъ и безсильнымъ, важнымъ и ничтожнымъ — это до крайности ненормально и вмѣстѣ съ тѣмъ, если не для всѣхъ, то для многихъ, до крайности тѣсно. Въ газетахъ появилась недавно рѣчь вновь назначеннаго земскаго начальника 3-го участка оргѣвскаго уѣзда (бессарабской губерніи), г. Дерожинскаго, сказанная имъ, при вступленіи въ должность, на волостномъ сходѣ. Ораторъ начинается съ критики реформъ прошедшаго царствованія, оказавшихся „выше пониманія народа“; онъ приписываетъ „либеральнымъ“ судебнo-мировымъ и земскимъ учрежденіямъ поразительную перемѣну въ худшему въ народныхъ правахъ („не потому, что законы не хороши, а потому, что мы до нихъ не доросли“); онъ разыгрываетъ вариацию на старую тему: *que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent*, обѣщая „защитить невиннаго и наказать виновнаго“. Нетрудно себѣ представить, насколько рѣзкимъ долженъ показаться переходъ отъ такихъ словъ къ скромной дѣятельности земскаго начальника. Юпитеръ-громовержецъ, обращающійся въ покорнаго исполнителя чужихъ предписаній, не можетъ не испытывать весьма непріятныхъ, почти болѣзненныхъ ощущеній. До какого бы напряженія онъ ни доводилъ свою власть по направленію внизъ, онъ не можетъ не сознавать крайней ограниченности ея по направленію вверхъ. Отсюда только одинъ шагъ до горькихъ жалобъ на судьбу — жалобъ, которыя всегда готовъ подхватить кн. Мещерскій, въ качествѣ присяжнаго покровителя обиженныхъ и огорченныхъ дворянъ, чиновныхъ и не-чиновныхъ... Намъ могутъ возразить, что стоитъ только земскимъ начальникамъ не заноситься слишкомъ высоко, не произносить рѣчей съ политической окраской — и противорѣчіе, тяготящее надъ ними, исчезнетъ само собою. Это не совсѣмъ такъ; въ положеніи земскихъ начальниковъ есть другія аномаліи, болѣе серьезныя и не столь легко устранимыя. Земскій начальникъ — судья. Какъ судья, онъ долженъ постановлять свои рѣшенія исключительно *nach bestem Wissen und Gewissen*, на основаніи закона и по внушеніямъ своей совѣсти — а между тѣмъ онъ и въ судебныхъ функціяхъ своихъ не огражденъ отъ „руководительства“ администраціи, не свободенъ отъ обязанности подчиняться ея „указаніямъ“. Земскій начальникъ — довольно часто юристъ или по крайней мѣрѣ бывший мировой судья, привыкшій чувствовать надъ собою авторитетъ верховнаго суда — сената и получать отъ него строго-юридическое разъясненіе спорныхъ вопросовъ процесса и права; а между тѣмъ ему приходится принимать къ исполненію вовсе не юридическія толкованія губернскихъ

присутствій, замѣнившихъ собою кассационный судъ, но не удовлетворяющихъ ни одному изъ свойственныхъ ему условий ¹⁾. Земскій начальникъ считается наслѣдникомъ мирового посредника; но изъ наслѣдства до него не дошло именно самое драгоцѣнное — несмѣняемость иначе какъ по опредѣленію сената. Все это сознается, безъ сомнѣнія, самими земскими начальниками, одними — смутно, другими — болѣе опредѣленно; и если сѣтованія на зависимость исходить изъ этого источника, то за ними нельзя не признать извѣстной доли правды. Устранить основаніе къ нимъ можно было бы только отдѣленіемъ судебной власти отъ административной и возстановленіемъ, для земскихъ начальниковъ, главнаго служебнаго преимущества бывшихъ мировыхъ посредниковъ.

Съ сѣтованіями, о которыхъ мы только-что говорили, жалобы, заявляемыя — или, лучше сказать, выкрикиваемыя — единомышленниками „Гражданина“, не имѣютъ, конечно, ничего общаго. Исходной ихъ точкой остается, до сихъ поръ, знаменитый лукояновскій инцидентъ. Вмѣсто того, чтобы осторожно предать его забвенію, неумѣлые защитники „сословной тенденціи“ постоянно о немъ напоминаютъ, какъ будто бы его красота недостаточно еще извѣстна русскому обществу. Какъ благоразумны, сравнительно, „Московскія Вѣдомости“, для которыхъ, съ прошедшей зимы, лукояновскій уѣздъ вовсе не существуетъ!.. Редакторъ „Гражданина“ спѣшитъ похвалиться передъ своими читателями благодарственнымъ письмомъ, которое ему прислали „представители лукояновскаго дворянства“ (слѣдуетъ ли заключить отсюда, что лукояновское дворянство признаетъ себя солидарнымъ съ своимъ предводителемъ и земскими начальниками?). Онъ негодуетъ на русскую печать, въ которой никто не вступился за лукояновскихъ дѣятелей, негодуетъ еще больше на нижегородское дворянство, молчаніе котораго кажется ему „измѣной долгу и дворянскимъ завѣтамъ“. Лукояновскій эпизодъ (*quand on prend du galon, on n'en saurait trop prendre*) кажется ему „темнымъ пятномъ въ исторіи нашего дворянства и нашего государства“. „Какъ проявленіе произвола, онъ (лукояновскій эпизодъ) напоминаетъ смутныя времена самозванцевъ: въ немъ та же смѣсь личнаго, надменнаго произвола съ безмысленнымъ презрѣніемъ къ преданіямъ, къ доброму имени, къ дворянскому обществу“. Съ подчеркнутыми нами словами можно согласиться, если придать имъ смыслъ прямо противоположный тому, въ какомъ они написаны кн. Мещерскимъ; нужно только прибавить, что въ особенности безмысленнымъ было презрѣніе лукояновскихъ дѣятелей къ

¹⁾ См. въ предыдущемъ обзорѣ удивительное разъясненіе ст. 31 врем. правилъ о волостномъ судѣ, данное однимъ изъ губернскихъ присутствій.

русскому народу, къ чувству гуманности, къ самой элементарной справедливости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть докладъ доктора Рѣшетилло, напечатанный въ приложеніи къ одному изъ журналовъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи. „Раньше чѣмъ открыть дѣйствія противъ эпидеміи,—пишетъ врачъ, командированный въ лукояновскій уѣздъ для борьбы съ сыпнымъ тифомъ,—пришлось столкнуться съ общественнымъ мнѣніемъ лукояновцевъ, отрицавшихъ самое ея существованіе... Отрицаніе было, правда, не открытое, а какъ бы изъ-за угла; но оно все-таки приносило нравственный вредъ нашимъ отрядамъ, и потому необходимо было поставить вопросъ ребромъ“. Это и было сдѣлано въ засѣданіи лукояновскаго комитета общественнаго здравія, „послѣ чего, слава Богу, не приходилось тратить силъ на споры. Нынѣ никто болѣе не сомнѣвается въ томъ, что въ лукояновскомъ уѣздѣ не инфлуэнца, не катарральная или простудная горячка или какой-то неопредѣленный тифъ, а вполне опредѣленный сыпной тифъ, распространившійся на все населеніе уѣзда, т.-е. эпидемическій. Имѣются уже довольно обстоятельныя изслѣдованія доктора Рожанскаго, доктора Рахманова и студента Скорохова, очень ясно говорящія, что *главной причиной эпидемическаго распространенія тифа была нужда вообще и недостатокъ хлеба въ частности*“. А вотъ и цифры, служащія печальнымъ комментариемъ къ этимъ словамъ. Въ селѣ Саитовкѣ число умершихъ колебалось въ 1886—90 г. между 50 и 110, въ 1891 г. достигло 163, въ первые пять мѣсяцевъ 1892 г.—64 (въ томъ числѣ умершихъ отъ тифа въ первые пять лѣтъ было не болѣе 5, въ 1891 г.—20, въ первые пять мѣсяцевъ 1892 г.—*сорокъ-два*!) Въ Пивнянскомъ приходѣ смертность давно уже была велика, но въ 1891 г. превзошла всѣ прежніе годы и почти въ полтора раза превысила число рождений. „Если смертность и въ будущемъ будетъ продолжаться такимъ же образомъ,—говоритъ докторъ Рѣшетилло,—то во многихъ селахъ пойдетъ быстрое вымирание“. Достаточно было бы и этихъ фактовъ, чтобы увѣковѣчить „лукояновскую политику“ въ воспоминаніяхъ русскаго народа. Кстати: какая судьба постигла участниковъ этой политики? Судя по „жалкимъ словамъ“ кн. Мещерскаго („произволь, напоминающій времена самозванца“), можно было бы подумать, что надъ ними разразилось нѣчто по истинѣ ужасное. Намъ помнится, однако, что въ газетахъ появилась вѣсть о добровольномъ и нѣсколько демонстративномъ выходѣ въ отставку какъ лукояновскаго предводителя дворянства, такъ и лукояновскихъ земскихъ начальниковъ. Если это такъ, то въ чемъ же выразился, въ данномъ случаѣ, „личный, надменный произволь“ администраціи? Чѣмъ былъ нарушенъ „либеральный принципъ уваженія къ личности человѣка“—принципъ,

на защиту котораго, по мнѣнію „Гражданина“, должна была стать либеральная печать? Быть можетъ, такое нарушеніе и произошло—но мы о немъ ничего не знаемъ: намъ извѣстно, въ лукояновскомъ дѣлѣ, только одно посягательство на „либеральные принципы“ — просьба лукояновской продовольственной комиссіи о наложеніи молчанія на печать и о недопущеніи въ уѣздъ людей, состоявшихъ когда-то подъ полицейскимъ надзоромъ.

Для характеристики учрежденія далеко не безразличны злоупотребленія въ родѣ тѣхъ, которыя были допущены въ лукояновскомъ уѣздѣ: они показываютъ, въ какую сторону расположенъ уклоняться механизмъ, куда влекутъ его затаенныя въ немъ пружины. Еще важнѣе, конечно, нормальная дѣятельность учрежденія, не встрѣчающая порицанія со стороны поставленной надъ нимъ власти. Матеріаловъ для знакомства съ этою дѣятельностью наша печать по прежнему даетъ до крайности мало; тѣмъ интереснѣе немногіе факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ понимаетъ и какъ исполняетъ свои задачи средній, типичный земскій начальникъ. Драгоцѣнна, съ этой точки зрѣнія, рѣчь г. Дерожинскаго, о которой мы уже упоминали. „Народъ,—говоритъ г. оргѣвскій земскій начальникъ,—сталъ менѣе религіозный; во время служенія въ церкви стеченіе народа малое, нравственность упала, много примѣровъ, что бросаютъ женъ, живутъ съ чужими женами... Моя обязанность—входить во всѣ подробности жизни жителей участка не только съ нравственной стороны, но и съ наружной. Я буду слѣдить, чтобы жители не забывали Бога; я буду преслѣдовать явную безнравственность, губящую семейныя начала; нахаловъ и непочитающихъ старшихъ буду привлекать къ отвѣтственности“. Еслибы эта программа могла быть приведена въ дѣйствіе, третій участокъ оргѣвскаго уѣзда напомнилъ бы собою арацеевскія военныя поселенія. Къ счастью, соединеніе въ одномъ лицѣ, кромѣ функций судебныхъ и административныхъ, обязанностей инквизитора, педагога и ротнаго командира превышаетъ человѣческія силы. Мы говоримъ: къ счастью, потому что нетрудно себѣ представить, къ чему привело бы начальственное понужденіе къ благочестію и цѣломудрію, къ вѣжливости и почтительности, начальственное вмѣшательство во всѣ подробности домашней и семейной жизни. Опять стало бы встрѣчаться наказаніе мужиковъ—за худо вычищенный армякъ, наказаніе бабъ—за худо приготовленные щи; опять поднялось бы въ цѣнѣ лицемѣріе, увеличился бы спросъ на согладатайство, любовь и довѣріе въ средѣ семьи уступили бы мѣсто страху и неизмѣнному спутнику его—обману. Посѣщеніе церкви сдѣлалось бы чѣмъ-то въ родѣ хожденія въ должность, сохраненіе супружеской вѣрности—чѣмъ-то въ родѣ отпращиванія обязанностей сотскаго или

десятскаго; почитаніе старшихъ свелось бы къ извѣстной суммѣ формальностей, совершенно свободныхъ отъ всякаго внутренняго содержанія. Повторяемъ, на самомъ дѣлѣ этого не будетъ, это окажется неосуществимымъ—но немало зла могутъ надѣлать и попытки „обнять необъятное“. Онѣ поведутъ, прежде всего, къ нарушенію закона, не устанавливающаго, напримѣръ, никакой ответственности для „нахаловъ и непочитающихъ старшихъ“ (если, конечно, нахальство или непочтеніе не выразилось въ формѣ неповиновенія законному требованію или оскорбленія дѣйствіемъ или словомъ). Никакихъ орудій законъ не даетъ земскому начальнику и противъ „жизня съ чужими женами“, т.-е. противъ прелюбодѣянія, которое, какъ извѣстно, преслѣдуется только по жалобѣ потерпѣвшаго супруга и подсудно только окружному суду. Дилемма складывается такъ: или превышеніе власти, или разладъ между словомъ и дѣломъ, едва ли благопріятный для авторитета земскаго начальника. Тѣмъ же разладомъ грозятъ слова г. Дерожинскаго: „у меня нѣтъ камеры, а таковая будетъ вездѣ, гдѣ будетъ дѣло“. Мы имѣли уже случай замѣтить, по поводу одного изъ циркуляровъ бывшаго черниговскаго губернатора, что земскій начальникъ не можетъ обойтись безъ камеры, какъ мѣста храненія дѣлъ, мѣста обыкновеннаго ихъ разбора, мѣста явки всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ надобность до земскаго начальника. Заведетъ себѣ камеру, безъ сомнѣнія, г. Дерожинскій, хотя, можетъ быть, и не назоветъ ее официально этимъ именемъ.

Къ одной категоріи съ мѣрами, возвѣщенными оргѣвскимъ земскимъ начальникомъ, принадлежитъ мѣра, дѣйствительно принятая нѣкоторыми земскими начальниками лужскаго уѣзда (см. корреспонденцію въ № 5954 „Новаго Времени“). Это—запрещеніе крестьянамъ варить пиво въ день ихъ сельскаго праздника. Объяснить такое запрещеніе можно только теоріей внимательства, систематически проведенной въ рѣчи г. Дерожинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, во имя чего налагается запретъ на домашнее крестьянское пивовареніе? Закономъ оно не запрещено: все необходимое для него у крестьянъ подъ рукою; обходится оно имъ недорого и вредитъ имъ, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо меньше, чѣмъ водка, потребление которой обратно пропорціонально потребленію пива. Но еслибы даже и можно было допустить, что пивовареніе экономически невыгодно для крестьянъ, то этимъ ничуть еще не оправдывалось бы его запрещеніе. Крестьянинъ-домохозяинъ—человѣкъ совершеннолѣтній и граждански-полноправный; стѣснять его въ распоряженіи добываемыми имъ средствами нѣтъ ни основанія, ни повода. Если регулируются его траты на пиво, то почему бы не регулировать и тратъ его на чай и сахаръ, на сапоги и одежду, на керосинъ и водку? Другими словами,

почему бы не взять его подъ опеку, обязавъ его спрашивать на каждый расходъ разрѣшеніе начальства, какъ школьникъ испрашиваетъ позволеніе выйти изъ класса? Намъ кажется, что представители „правящаго класса“ были бы осторожнѣе въ принятіи запретительныхъ и ограничительныхъ мѣръ, еслибы лучше помнили золотое правило: „не дѣлай по отношенію къ другимъ того, чего ты не желалъ бы по отношенію къ самому себѣ“. Что сказали бы люди той общественной среды, къ которой принадлежатъ земскіе начальники, еслибы имъ запретили играть въ карты или на билліардѣ, посѣщать рестораны, клубы и театры, безъ предварительнаго дозволенія полицейской или иной власти? Потребность въ развлеченіи одинаково свойственна крестьянамъ и дворянамъ; для первыхъ, какъ и для послѣднихъ, она можетъ быть ограничиваема только закономъ и только въ предѣлахъ разумной необходимости. Если въ городахъ трактиры должны закрываться, гулянья—оканчиваться къ извѣстному часу ночи, то нѣтъ причины возражать противъ принятія аналогичныхъ мѣръ по отношенію къ деревнямъ; но совершенно несправедливо было бы подчинять послѣднія такому режиму, котораго никто и не подумаетъ предложить для городовъ.

Осуществленію излишней, мелочной регламентаціи сельскаго быта мѣшаетъ, между прочимъ, величина земскихъ участковъ, обнимающихъ собою болѣею частью не менѣе 3—5 волостей. Отсюда стремленіе увеличить число земскихъ начальниковъ или, по крайней мѣрѣ, безусловно подчинить имъ крестьянскія власти. Чего желаешь, тому охотно вѣришь: въ газетахъ извѣстнаго рода уже нѣсколько разъ появлялся слухъ о предстоящемъ, будто бы, облеченіи земскихъ начальниковъ правомъ *назначать*, съ утвержденія губернатора, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ помѣщена недавно обширная статья, радостно повторяющая этотъ слухъ и перечисляющая благотворныя послѣдствія предполагаемой мѣры. Старшины и старосты, по мнѣнію московской газеты, „могутъ быть полезны лишь постольку, поскольку они являются помощниками земскаго начальника“. Эта помощь можетъ быть производительной только при довѣріи со стороны земскаго начальника—„довѣріи, которое возможно лишь при условіи выбора самимъ земскимъ начальникомъ своихъ помощниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Предоставлять этотъ выборъ крестьянскимъ сходамъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія; это понимаетъ даже наша либеральная пресса, которая, вмѣсто изложенія такихъ основаній, ограничивается лишь безсодержательными фразами о пользѣ самоуправленія, выборнаго начала и т. п.“. Говоря объ отсутствіи *основаній* для выбора волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, слишкомъ усердная газета за-

была сущую бездѣлицу: текстъ закона, опредѣляющаго призваніе и назначеніе этихъ властей. Относительно волостныхъ старшинъ законъ (Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 83 и 84) прямо различаетъ полицейскія ихъ обязанности отъ *общественныхъ*; то же самое различіе нетрудно прослѣдить и въ ст. 58, перечисляющей обязанности сельскаго старосты. И старшина, и староста—не только агенты полицейской и административной власти; они—*представители* волостей и сельскихъ обществъ, какъ единицъ *хозяйственныхъ*. Сельскій староста предлагаетъ на разсмотрѣніе сельскаго схода всѣ дѣла, касающіяся *нужды* и *пользы* сельскаго общества; онъ надзираетъ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадельняхъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены сельскимъ обществомъ на собственный счетъ, и завѣдуетъ, въ порядкѣ, *установленномъ обществомъ*, мирскимъ хозяйствомъ и мирскими суммами (ст. 58, пун. 2, 8 и 11). Такія же права принадлежать волостному старшинѣ относительно волости или, по характеристичному выраженію закона, *волостного общества* (ст. 84, пун. 2, 7 и 9). Неужели этого мало, чтобы оправдать *выборъ* сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ сельскими и волостными сходами? Безспорно, тридцатилѣтняя практика сильно распространила полицейскія функціи старшинъ и старостъ въ ущербъ хозяйственнымъ; но это—аномалія, которую нужно по возможности сглаживать, а не обострять. Назначенные земскимъ начальникомъ старшины и старосты чувствовали бы себя *только* исполнителями его приказаній. Чѣмъ больше эти приказанія были бы направлены къ регулированію „всѣхъ подробностей крестьянской жизни, какъ съ нравственной стороны, такъ и съ наружной“, тѣмъ опаснѣе представлялся бы цѣлый штатъ мелкихъ агентовъ, зависимыхъ безусловно и исключительно отъ земскаго начальника и всегда готовыхъ предупредить его желанія, доставить матеріалъ для его мѣропріятій. Земскому начальнику и теперь уже предоставлено болѣе чѣмъ достаточно средствъ вліянія на старшинъ и старостъ: онъ можетъ безапелляціонно и безотчетно подвергать ихъ, неопредѣленное число разъ, штрафу и аресту. Идти еще дальше—значило бы уничтожить крестьянское самоуправленіе, которое законъ 12 іюля 1889 г. имѣлъ въ виду только ограничить.

Человѣкъ, вся жизнь котораго подлежитъ регламентаціи „какъ съ нравственной, такъ и съ наружной стороны“, есть, въ сущности, человѣкъ безличныи и безправныи. Его время, его свобода, его удобства не цѣнятся ни во что; имъ можно „помыкать“ по усмотрѣнію, ничѣмъ не стѣсняясь. Для такого „помыканія“ существуютъ уже теперь довольно разнообразныя приемы. На одинъ изъ нихъ указываетъ г. Дружининъ, въ очень хорошей статьѣ, помѣщенной въ „Новомъ Времени“ (№ 5961). Формула этого приѣма—„немедленно явиться“; область

примѣненія — сельская (вѣрно было бы сказать: „крестьянская“) жизнь. „*Пошм* или *позови* такого-то—требуетъ одно должностное лицо. *Явись ко мнѣ*—пишетъ другое на клочкѣ бумаги. Очень рѣдко указывается, по какому собственно дѣлу требуется личная явка. Не всегда обозначается и срокъ для явки. Довольно употребительно неопредѣленное указаніе: *немедленно*, хотя бы до мѣста пребыванія вызывающаго было двадцать-тридцать верстъ. Не принимается въ соображеніе и состояніе погоды или дороги. При этомъ дѣла и поводы, по которымъ производится вызовъ, очень часто оказываются совершенно незначительными, допускающими передачу всякимъ способомъ и вовсе не вызывающими личной явки въ тѣхъ случаяхъ, когда касаются лицъ привилегированныхъ или видныхъ и состоятельныхъ представителей того же податного сословія“¹⁾. Все это совершенно вѣрно, и г. Дружининъ вполне правъ, указывая на судебную форму вызова, какъ на единственную цѣлесообразную и совмѣстную съ достоинствомъ вызываемаго. Ошибается онъ только въ томъ, что рассматриваетъ формулу: *немедленно явиться* *an und für sich*, отдѣльно отъ обстановки, дѣлающей ее возможною. Она идетъ изъ того же источника, какъ и обязательное употребленіе, въ обращеніи къ „людямъ низшаго рода“, мѣстоименія *ты* (противъ чего также, если мы не ошибаемся, энергически протестовалъ г. Дружининъ, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“). И то, и другое, вмѣстѣ съ цѣлой массой однородныхъ обычаевъ и порядковъ, исчезнетъ только тогда, когда въ крестьянахъ опять начнутъ видѣть полноправныхъ гражданъ.

Одинъ изъ недостатковъ новаго городского положенія, о которомъ мы говорили и до, и послѣ его изданія, успѣлъ уже обнаружиться на практикѣ. Петербургская городская дума, призванная на основаніи закона, высказаться по вопросу о способѣ производства выборовъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ отдала предпочтеніе выборамъ въ одномъ общемъ избирательномъ собраніи передъ выборами по территоріальнымъ участкамъ. Между тѣмъ неудобства перваго порядка, особенно въ такомъ городѣ какъ Петербургъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Какъ ни сокращено число избирателей, ихъ все-таки остается въ Петербургѣ до шести-семи тысячъ. Если изъ нихъ явится на выборы хотя бы половина, — это

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на два послѣдніе слова этой цитаты. У насъ теперь, собственно говоря, нѣтъ больше податныхъ сословій или податного сословія; но *larva repnae* г. Дружинина совершенно понятенъ, потому что крестьянство, съ нѣкоторыхъ поръ, является рѣзко отдѣленнымъ отъ остальныхъ, болѣе или менѣе привилегированныхъ сословій.

вызвать цѣлый рядъ трудно устранимыхъ замѣшательствъ. Еще болѣе затрудненій представить избраніе заразъ 160 гласныхъ, т.-е. необходимость для каждаго избирателя сдѣлать выборъ между нѣсколькими сотнями, если не тысячами кандидатовъ (число баллотированныхъ всегда во много разъ превышаетъ число вакансій). Если дума, не смотря на столь крупныя неудобства, предпочла выборы въ одномъ собраніи, то это объясняется преимущественно тѣмъ, что при избраніи по участкамъ, за силою ст. 43 новаго закона, нельзя выходить изъ предѣловъ *мѣстнаго* избирательнаго списка, т.-е. нельзя подавать голосъ за избирателей, приписанныхъ къ другому участку, такъ какъ на участки раздѣлены не только избиратели,—что понятно,—но также и избираемые. Одинъ изъ гласныхъ, говорившихъ въ думѣ (П. А. Потѣхинъ), прямо указалъ на это соображеніе; его вліяніе чувствовалось и въ рѣчахъ другихъ противниковъ избранія по участкамъ. Намъ возразятъ, быть можетъ, что на самомъ дѣлѣ рѣшеніе думскаго большинства было вызвано совершенно другими мотивами, относящимися къ области избирательныхъ маневровъ, которые очень облегчаются при одномъ собраніи; но чѣмъ же объяснить, въ такомъ случаѣ, что къ мнѣнію думы присоединилось и губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе?.. Впрочемъ, въ какомъ бы смыслѣ спорный вопросъ ни былъ разрѣшенъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выборы будутъ происходить одинаково при условіяхъ ненормальныхъ. Соединенные въ одно собраніе, избиратели будутъ въ значительной степени дѣйствовать наугадъ; раздѣленные же по участкамъ, они сплошь и рядомъ будутъ лишены возможности выразить настоящую свою волю, выбрать людей дѣйствительно ими „излюбленныхъ“, а обязаны выбирать непременно людей одного же участка съ ними. Единственный правильный выходъ изъ этой дилеммы—отмена стѣснительнаго правила, установленнаго новымъ городовымъ положеніемъ относительно выборовъ по участкамъ въ его ст. 43, по которой раздѣлены на участки не только избиратели, но и избираемые. Дума, надобно полагать, склонившись въ пользу одного общаго собранія, выбрала такимъ образомъ изъ двухъ золъ меньшее: при одномъ общемъ избирательномъ собраніи, по крайней мѣрѣ, избираемые не будутъ раздѣлены по участкамъ, и потому избранные явятся представителями города, а не его частей, которыя вовсе и не имѣютъ такого партикулярнаго характера, чтобы нуждаться въ какихъ-нибудь особыхъ представителей для себя.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1892.

Особенности французской политической жизни, и „вопросъ о Кальвиньякѣ“. —
 Стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Кармѣ. — Соціальный вопросъ во Франціи. —
 Внутреннія дѣла въ Италіи и Австро-Венгріи.

Политическая жизнь во Франціи представляетъ свои особенныя черты, которыя нельзя объяснить ни республиканскимъ строемъ государства, ни спеціальными интересами и наклонностями господствующей демократіи. Уже больше двухъ мѣсяцевъ французскія газеты съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за каждымъ шагомъ простого углекопа, по имени Кальвиньяка, избраннаго мэромъ мѣстечка Кармѣ; этотъ Кальвиньякъ сдѣлался настоящимъ героемъ дня, популярнѣйшимъ человѣкомъ въ странѣ, главнымъ предметомъ заботъ и волненій для министровъ, виновникомъ серьезнаго политическаго кризиса, который можетъ привести къ перемѣнѣ кабинета и къ новой группировкѣ парламентскихъ партій. Ни о комъ теперь не пишутъ и не говорятъ такъ много во Франціи, какъ о Кальвиньякѣ; газеты изо дня въ день печатаютъ длинныя разсужденія объ его дѣйствіяхъ и требованіяхъ; депутаты ѣздятъ къ нему въ Кармѣ на совѣщаніе, хлопчутъ объ исполненіи его желаній, обращаются къ министерству съ энергическими запросами и не признаютъ болѣе важныхъ дѣлъ, чѣмъ „вопросъ о Кальвиньякѣ“. При возобновленіи парламентской сессіи, 18-го (6-го) октября, первымъ дѣломъ палаты депутатовъ было обсужденіе этого жгучаго вопроса; министрамъ пришлось прежде всего изложить свои намѣренія и оправдать свою политику относительно Кальвиньяка, и ничѣмъ другимъ не могутъ заняться правительственные и оппозиціонные дѣятели, пока не разрѣшенъ этотъ первостепенный, центральный вопросъ текущей политической жизни... Тѣмъ временемъ совершилось нѣсколько значительныхъ фактовъ, заслужившихъ общаго вниманія: недавній предводитель консерваторовъ, баронъ Макѣ, торжественно присоединился къ республикѣ и отрекся отъ дальнѣйшихъ реакціонныхъ надеждъ и попытокъ, подѣ влияніемъ настоячивыхъ совѣтовъ папы Льва XIII; выдающіеся клерикалы и монархисты поочередно отказываются отъ своего прошлаго и все болѣе примыкаютъ къ установленному политическому порядку; даже провинціальный органъ извѣстнаго Поля Кассаньяка, завязатаго бона-

партиста, перешелъ на сторону республики вслѣдствіе недостатка подписчиковъ изъ консервативнаго лагеря, который сокращается и слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Но газеты мало останавливаются на фактахъ и симптомахъ этого рода, такъ какъ все вниманіе поглощено Кальвиньякомъ. Скончался Эрнестъ Ренанъ, и кромѣ обычныхъ некрологовъ ничего не было о немъ въ газетахъ, ибо газеты были всецѣло заняты Кальвиньякомъ.

Чѣмъ же выдвинулся и отличился этотъ новый герой дня? Чтѣо сдѣлалъ онъ для приобрѣтенія такой шумной популярности и славы? Какіе общественные вопросы поставилъ онъ на очередь, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи современниковъ? Исторія Кальвиньяка подробнѣйшимъ образомъ разсказана и объяснена съ разныхъ сторонъ всѣми наличными представителями французской журналистики, и благодаря этимъ совокупнымъ и неустаннымъ усиліямъ многихъ умовъ, мельчайшія стороны дѣла могутъ считаться вполне исчерпанными. И тѣмъ не менѣе, не смотря на эту старательную разработку предмета, остается все-таки неяснымъ, почему французская печать должна была ежедневно, въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, отдавать все свое вниманіе Кальвиньяку. Рабочій въ каменноугольныхъ копяхъ Кармѣ, секретарь и энергическій дѣятель мѣстнаго союза рабочихъ, былъ выбранъ на должность мэра и потому не могъ являться на работы съ прежнею аккуратностью; общественныя обязанности постоянно отвлекали его отъ функцій углекопа, и это неудобство еще болѣе усилилось, когда его избрали въ члены мѣстнаго генеральнаго совѣта. Хозяйка копей, на основаніи своихъ обычныхъ правилъ, предупредила неисправнаго работника, что будутъ вынуждены отказать ему и замѣнить другимъ лицомъ; но рабочий желалъ сохранить за собою право пропускать тѣ дни и часы, когда онъ занятъ дѣлами общественнаго управленія. Компания каменноугольныхъ копей Кармѣ не нашла возможнымъ допустить такое отступленіе отъ общаго порядка въ пользу работника, занятаго другимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что этотъ рабочий не признавалъ надъ собою никакого авторитета и велъ себя слишкомъ самостоятельно и рѣзко, опираясь на свое званіе мэра. Рабочій былъ уволенъ за свою неисправность на общемъ основаніи. Мѣстные углекопы, гордившіеся своимъ сотоварищемъ-мэромъ, усмотрѣли въ этомъ актѣ жестокую для себя обиду, враждебное поученіе на права народнаго голосованія, и согласились устроить общую стачку, чтобы заставить компанію отмѣнить принятое рѣшеніе; въ этомъ случаѣ они вполне подчинились руководству обиженнаго мэра. Дѣло дошло до насилій и угрозъ; директоръ копей, инженеръ Гемблѣ, едва спасся отъ кровавой расправы: онъ вынужденъ былъ подписать свою отставку, чтобы удовлетворить ворвавшуюся къ нему толпу

рабочихъ. Участники этого нападенія отданы были подъ судъ, и нѣкоторые изъ нихъ, признанные виновными, приговорены къ тюремному заключенію. Такъ какъ компанія не обнаруживала готовности уступить, то забастовка пріобрѣтала все болѣе острый и рѣшительный характеръ. Соціалистическіе депутаты и журналисты стали во главѣ движенія, раздули дѣло до чрезвычайности, выставили мэра-рабочаго бойцомъ идеи народовластія, защитникомъ нарушенныхъ правъ всеобщаго голосованія. Радикалы, руководимые депутатомъ Клемансѣ, рѣшились не отставать отъ бывшихъ буланжистовъ и приняли стачку Кармо подъ свое покровительство. Радикалы и соціалисты сразу и безповоротно усвоили точку зрѣнія мэра-рабочаго Кальвиньяка; они энергически утверждали и доказывали, что въ его лицѣ оскорбленъ принципъ всеобщей подачи голосовъ, а этотъ принципъ есть основа республики, и нарушеніе его есть прямое посягательство на основы государственнаго строя Франціи. Конечно, компанія каменноугольныхъ копей въ Кармо не нарушила бы своимъ поступкомъ никакихъ народныхъ политическихъ правъ, еслибы она находилась въ рукахъ республиканцевъ; но компаніею заправляютъ монархисты, баронъ Релль и маркизъ де-Солажъ, и распоряженіе ихъ получаетъ уже другой оттѣнокъ въ глазахъ радикальныхъ охранителей. Сторонники Кальвиньяка разсуждаютъ такъ: рабочій былъ уволенъ послѣ того, какъ избранъ былъ мэромъ и членомъ генеральнаго совѣта; значитъ, онъ подвергся възсканію именно за свое избраніе, и слѣдовательно хозяева желали стѣснить и ограничить право народнаго выбора. Компанія въ свою очередь настаиваетъ на томъ, что она не можетъ и не обязана держать работника, который почему-либо не исполняетъ своихъ обязанностей, и что никто не отнимаетъ у Кальвиньяка право быть мэромъ и получать за эту должность жалованье изъ общинныхъ средствъ. Что простые углекопы могли увлечься идеями своего сотоварища-мэра и вознегодовать на компанію за неуваженіе къ избраннику цѣлой общины, — это вполне естественно; но чтобы политическіе и общественные дѣятели серьезно раздѣляли взгляды Кальвиньяка и смѣшивали, вслѣдъ за нимъ, частныя договорныя отношенія съ публичными, — это болѣе чѣмъ странно. Если обязанности мэра не оставляютъ времени для обычныхъ занятій углекопа, то самъ собою является разумный выходъ изъ затрудненія: рабочій, удостоенный довѣріемъ своихъ согражданъ и взявшій на себя извѣстныя общественныя функціи, долженъ былъ бы временно отказаться отъ своего мѣста въ копахъ и не имѣлъ бы основанія требовать платы за трудъ, котораго онъ исполнять не можетъ. Хозяева, при всемъ уваженіи къ новымъ занятіямъ рабочаго, могутъ все-таки желать замѣнить его кѣмъ-либо другимъ, свободнымъ

отъ общественной службы. Никакого матеріала для политическихъ своровъ тутъ нѣтъ — и быть не можетъ. Если рабочій считаетъ себя уволеннымъ незаконно, онъ имѣетъ право обратиться къ суду съ требованіемъ вознагражденія за убытки; объ этомъ законномъ правѣ счелъ даже нужнымъ особо напомнить сенаторъ Трарье въ замѣтѣ, напечатанной въ „Temps“. Стачка въ Кармо давно бы прекратилась, еслибы ложные друзья рабочаго класса не воспользовались ею для искусственнаго возбужденія страстей, и еслибы такъ называемые радикалы не вздумали соперничать съ буланжистами въ способахъ поддержанія и увеличенія популярности въ народѣ. Очевидно, право всеобщаго народнаго голосованія было совершенно напрасно примѣнено къ дѣлу Кальвиньяка. Стачка возникла по причинамъ чисто личнымъ и мелкимъ, которыя легко можно было устранить въ самомъ началѣ; неудовольствіе рудокоповъ вызвано было незначительною частною мѣрою, примѣнявшею лишь безспорныя общія правила къ исключительному случаю. Послѣдствія этой мѣры зависѣли всецѣло отъ даннаго ей политическаго толкованія, которое затѣмъ было умышленно поддержано и раздуть воинственными совѣтами и рѣчами мелкихъ парижскихъ честолюбцевъ, искателей шумной извѣстности и успѣха. Со стороны вліятельныхъ и близкихъ къ народу людей не было сдѣлано ни малѣйшей попытки разъяснить рабочимъ ихъ законныя права и интересы, указать ошибочность или неправильность ихъ дѣйствій и требованій, уговорить представителей компаніи согласиться на уступку, чтобы положить конецъ разорительной и безцѣльной забастовкѣ; напротивъ, все было сдѣлано для убѣжденія рабочихъ въ безусловной справедливости ихъ протестовъ и для закрытія всякихъ путей къ обоюдному компромиссу. Правительство старательно воздерживалось отъ вмѣшательства, чтобы не давать повода къ тенденціознымъ нападкамъ и обвиненіямъ; даже сохраненіе внѣшняго порядка и безопасности въ Кармо было предоставлено отчасти самимъ рабочимъ, а посланные туда военныя силы должны были ограничиться строго наблюдательною ролью, избѣгая возможныхъ столкновеній. Раздраженіе противъ компаніи усиливалось между рабочими по мѣрѣ того, какъ продолжалась забастовка съ ея обычными тягостными послѣдствіями; рабочихъ возмущало непонятное упорство хозяевъ, а послѣдніе считали немыслимымъ для себя подчиниться произвольнымъ домогательствамъ и угрозамъ рабочихъ.

Стачка въ Кармо затянулась и приняла болѣе серьезныя размѣры, чѣмъ предполагали первоначально обѣ стороны. Поощряемые своими политическими друзьями и покровителями, рабочіе увеличивали свои требованія и рѣшительно отвергали всякія миролюбивыя предложенія.

нія; компанія въ свою очередь не могла сдаться на капитуляцію безъ ущерба для своего нравственного достоинства. Рабочіе требовали, чтобы компанія подтвердила вынужденное у инженера Гемблѣ заявленіе объ отставкѣ, и чтобы она приняла обратно не только Кальвиньяка, но и тѣхъ рабочихъ, которые осуждены судомъ за безпорядки и насилія. Компанія предпочитала лучше совершенно прекратить работы, чѣмъ соглашаться на подобныя условія. Наконецъ пущена была въ ходъ идея о третейскомъ судѣ, и послѣ открытія парламентскихъ засѣданій президентъ компаніи, баронъ Релль, заявилъ въ палатѣ депутатовъ о своемъ согласіи принять посредничество. Министру-президенту Лубэ предложено было взять на себя роль арбитра, и черезъ нѣсколько дней онъ постановилъ рѣшеніе, которое казалось бы должно было вполне удовлетворить рабочихъ. Компанія обязывалась подтвердить отставку Гемблѣ, зачислить Кальвиньяка на прежнее мѣсто, давъ ему отпускъ на все время исполненія имъ должности мэра, и принять обратно уволенныхъ рабочихъ, кромѣ осужденныхъ приговоромъ суда. Защитники рабочихъ и въ томъ числѣ радикальные депутаты, руководимые Клемансо, возстали противъ такого рѣшенія, какъ направленнаго будто бы противъ интересовъ рабочихъ. Предоставленіе Кальвиньяку полного отпуска равносильно было бы его фактическому увольненію, а отказъ въ обратномъ приѣмѣ осужденныхъ рабочихъ несправедливъ будто бы потому, что всѣ рабочіе Кармъ были солидарны въ своихъ дѣйствіяхъ 15-го (3-го) августа и одинаково отвѣтственны за совершенныя насилія. Рабочіе также отвергли рѣшеніе, слѣдуя своимъ вдохновителямъ, и дѣло запутывалось все больше и больше. Радикалы и социалисты надѣялись, что можно будетъ нанести ударъ министерству при обсужденіи событій въ Кармо; но запросы Дюпюи-Дютана и Депрѣ, равно какъ и горячія рѣчи Мильерана, Бодена и Можана, не достигли цѣли, въ виду неожиданнаго примирительнаго заявленія барона Релля. Безплодныя волненія надѣли, повидимому, многимъ изъ рабочихъ; желаніе возобновить работы встрѣчало однако энергическое противодѣйствіе со стороны предводителей большинства, которые устроили даже особые патрули для наблюденія за оппозиционными рабочими и для насильственнаго удержанія ихъ отъ попытокъ возобновленія работъ. Мысль объ отобраніи копей въ распоряженіе государства не нашла сочувствія и поддержки въ палатѣ, и вся трехмѣсячная забастовка не привела и не могла привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, кромѣ удовлетворенія личнаго самолюбія Кальвиньяка и его союзниковъ. Какъ извѣстно уже изъ телеграммъ, рабочіе рѣшились наконецъ, 31-го (19-го) октябри, отказаться отъ продолженія стачки и начать работы по прежнему. Забастовка, устроенная рабочимъ-мэ-

ромъ, или изъ-за него, обошлась участникамъ очень дорого: они потеряли свыше 300 тысячъ франковъ рабочей платы, истратили значительную часть своихъ сбереженій и сильно разстроили промышленныя дѣла компаніи, отъ которыхъ зависить ихъ собственное благосостояніе. Компаніи причинены громадныя убытки и матеріальное положеніе трехъ тысячъ рабочихъ семействъ поколеблено въ корнѣ, — и все это изъ-за ничтожнаго вопроса о томъ, въ какой формѣ слѣдовало дать отставку или отпускъ работнику, выбранному мѣромъ мѣстечка. Таковы права Кальвиньяка на исключительное вниманіе французскаго общества, журналистики и парламента въ теченіе почти цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ.

Сущность возникшаго спора, при всей своей мелочности, представляла нѣкоторый спеціальныи интересъ; но усиленныя старанія поставить дѣло на ходули и выдвинуть его на степень государственнаго вопроса первостепенной важности свидѣтельствовали лишь о крайней бѣдности политическаго пониманія среди такъ называемыхъ радикальныхъ общественныхъ дѣятелей современной Франціи. Для постороннихъ наблюдателей любопытно было уже то обстоятельство, что простой рабочій, углекопъ, могъ сдѣлаться выборнымъ мѣромъ (по нашему, городскимъ головою) мѣстечка съ населеніемъ свыше пяти тысячъ человекъ; интересно было также видѣть, что рабочіе устраиваютъ и поддерживаютъ стачку не ради повышенія заработной платы, не ради какихъ-нибудь денежныхъ и матеріальныхъ расчетовъ, а исключительно для охраны своихъ общихъ политическихъ правъ, къ которымъ хозяева отнеслись будто бы не съ достаточнымъ уваженіемъ. Экономическій бытъ мѣстныхъ рабочихъ долженъ быть сравнительно очень хорошъ, если ни разу, въ продолженіе трехмѣсячной забастовки, не поднималось даже вопроса о размѣрахъ вознагражденія и о матеріальныхъ условіяхъ жизни въ Кармо. Только при благопріятномъ матеріальномъ положеніи и при извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія и культуры люди могутъ заниматься отвлеченными политическими спорами и жертвовать изъ-за нихъ своими непосредственными выгодами и интересами. И дѣйствительно, рабочіе въ Кармо живутъ въ достаткѣ и составляютъ предметъ зависти для окрестныхъ поселянъ; средній заработокъ отдѣльнаго работника доходить до 150 франковъ въ мѣсяцъ, при ежедневной работѣ менѣе восьми часовъ въ сутки; а такъ какъ болѣе легкія работы исполняются малолѣтками, то каждое рабочее семейство легко зарабатываетъ болѣе 250 франковъ въ мѣсяцъ, не считая заработковъ женщинъ и разныхъ стороннихъ доходовъ. Притомъ рабочіе пріобрѣли уже привычки горожанъ, занимаютъ хорошо устроенные домики, одѣваются какъ буржуа, читаютъ газеты и слѣдятъ за политикою; а ихъ попу-

лярный представитель, Кальвиньякъ, будетъ, по всей вѣроятности, кандидатомъ въ депутаты на ближайшихъ парламентскихъ выборахъ, тѣмъ болѣе, что администраторъ копей, маркизъ Солажъ, сложилъ съ себя депутатскія полномочія и этимъ какъ бы очистилъ мѣсто своему противнику, рабочему-мэру. Стачка въ Кармо вполне характеризуетъ взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи. Нѣкоторыя увлеченія участниковъ можно было бы еще объяснить тѣмъ, что дѣло происходило въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ, гдѣ жители отличаются пылкимъ, горячимъ нравомъ; но весь ходъ конфликта указываетъ на скрытое, враждебное недо-вѣріе и глухую взаимную вражду, независимо отъ случайныхъ и временныхъ увлеченій. Компанія каменно-угольныхъ копей дѣйствуетъ такъ, какъ будто поставила себѣ задачей возбудить противъ себя неудовольствіе рабочихъ; она дѣлаетъ видъ, что игнорируетъ избраніе Кальвиньяка мэромъ, не обращаетъ вниманія на его общественныя функціи поступаетъ съ нимъ и какъ съ обыкновеннымъ неисправнымъ работникомъ, безъ всякой къ тому надобности. На всѣ заявленія и требованія рабочихъ компанія отвѣчаетъ категорическимъ отказомъ; этого же рѣзкаго, надменнаго тона держится она непрерывно, несмотря на возрастающую опасность насильственныхъ сценъ и на очевидное сочувствіе значительной части общества къ протестующимъ рабочимъ Кармо. Компанія могла быть вполне права съ формальной стороны; но чѣмъ объяснить этотъ жесткій, упорный формализмъ отдѣльныхъ лицъ въ сношеніяхъ съ тысячами людей и семействъ, положеніе которыхъ тѣсно связано съ интересами распорядителей?

Такой рѣзкій, непримиримый антагонизмъ классовъ, такое взаимное непониманіе между представителями труда и капитала, надменная близорукость съ одной стороны и возрастающая требовательность — съ другой, наиболее бросаются въ глаза во Франціи, вопреки общему демократическому строю жизни. Склонность къ компромиссамъ въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими гораздо сильнѣе обнаруживается въ Англіи, гдѣ выдающаяся посредническая роль рабочихъ союзовъ вполне признается предпринимателями; англійскіе капиталисты хорошо знаютъ настроеніе рабочихъ и по возможности сообразуются съ ихъ желаніями, чтобы избѣгнуть вреднаго разлада и кризиса, а когда находятъ невыгоднымъ для себя дѣлать требуемыя уступки, то прямо и сознательно принимаютъ борьбу, которая ведется открыто и легально, безъ ухищреній и насилій. Въ Германіи промышленная буржуазія не только прекрасно понимаетъ стремленія и чувства рабочаго класса, но отчасти идетъ имъ на встрѣчу, опасаясь серьезныхъ конфликтовъ въ будущемъ. Образованное общество

въ Германіи больше и сильнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было интересуется рабочимъ движеніемъ, проникается важностью социальныхъ вопросовъ и задачъ, изучаетъ способы ихъ мирнаго и удовлетворительнаго рѣшенія; нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такого обилія ученыхъ и добросовѣстныхъ теоретиковъ социализма, какъ въ Германіи. Научный социализмъ въ современномъ его видѣ есть прежде всего созданіе нѣмецкой науки и литературы. Въ Германіи приняты обширныя и сложныя законодательныя мѣры для обезпеченія правильныхъ отношеній между хозяевами и рабочими; существуютъ также зачатки учреждений для совѣстнаго обсужденія и рѣшенія возникающихъ споровъ, напр. смѣшанныя постоянныя коммиссіи, съ участіемъ выборныхъ представителей отъ рабочихъ. Нѣмецкая социаль-демократія, правда, грозитъ буржуазіи скорымъ упраздненіемъ нынѣшняго промышленнаго быта и устройствомъ общества на новыхъ началахъ; но сами вожди социализма смотрятъ на свои угрозы и предсказанія какъ на особыя политическіе приемы и надѣются достигнуть желанныхъ результатовъ мирнымъ, легальнымъ путемъ, силою свободнаго убѣжденія. Во Франціи, гдѣ социальный вопросъ впервые былъ поставленъ еще въ сороковыхъ годахъ, онъ почти не подвинулся съ тѣхъ поръ ни на шагъ и не оказалъ замѣтнаго вліянія ни на официальную экономическую науку, ни на господствующія экономическія понятія, ни на законодательство. Французскіе экономисты, какъ Поль Леруа-Больѣ, Молинали, Морисъ Блокъ, не идутъ далѣе простого отрицанія новыхъ социальныхъ запросовъ и потребностей. Политическіе дѣятели французской республики, начиная съ Гамбетты, интересуются рабочимъ классомъ и обращаются къ нему съ своими рѣчами и программами только въ той мѣрѣ, въ какой имъ нужны голоса рабочей демократіи при системѣ всеобщаго народнаго голосованія. Когда популярность достигнута и положеніе обезпечено, парламентскіе ораторы перестаютъ заниматься социальнымъ вопросомъ и даже отрицаютъ его существованіе; а въ отвѣтъ на нападки и обвиненія избирателей-рабочихъ они отдѣлываются уклончивыми фразами, если не рѣшаются принимать угрожающій, высокомерный тонъ, какъ Гамбетта въ одной изъ своихъ белльвильскихъ рѣчей. Французскіе капиталисты-хозяева не знаютъ середины между двумя положеніями; они или взываютъ къ военной и полицейской силѣ государства для охраны своихъ интересовъ, или рассматриваютъ себя какъ полновластныхъ распорядителей, могущихъ требовать отъ рабочихъ безпрекословнаго повиновенія и не имѣющихъ съ ними другихъ связей, кромѣ опредѣленныхъ въ договорѣ найма. Французскіе хозяева стоятъ на точкѣ зрѣнія чисто частной, денежной, и видятъ нѣчто унижительное для себя въ простой человѣческой уступчивости, въ снисхожденіи къ слабостямъ

и увлеченіямъ малообразованной рабочей массы. Непреклонное „*possumus*“ становится какъ бы долгомъ чести, и самые мелкіе конфликты разрастаются на степень серьезной общественной борьбы, причемъ вся надежда капиталистовъ возлагается на вѣщательство военной силы. Когда правительство уклоняется отъ предоставленія войска къ услугамъ хозяевъ, послѣдніе обвиняють государственную власть въ неисполненіи ея первыхъ и прямыхъ обязанностей. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, относительно стачки въ Кармо. Хозяева слѣпо и упорно отстаиваютъ свое старое полновластіе, несмотря на измѣнившіяся условія соціальной и политической жизни; а рабочіе доходятъ до совершеннаго пренебреженія законными правами и интересами хозяевъ. При такой непримиримой противоположности взглядовъ соціальныи кризисъ можетъ легко разразиться вооруженнымъ столкновеніемъ и принять форму междоусобной войны, въ родѣ возстанія парижской коммуны 1871 года. Французскіе радикальные публицисты и политическіе дѣятели даже не замѣчаютъ этой важной стороны соціального вопроса во Франціи; они ничего не дѣлають для наполненія той пропасти, которая понынѣ существуетъ между рабочими и капиталистами, между буржуазною политической экономіею и популярными ученіями социализма, между понятіями предпринимателей-хозяевъ и идеями и надеждами рабочаго класса. Они также не знаютъ середины: они принимаютъ безусловно ту или другую изъ двухъ противоположныхъ теорій и затѣмъ не допускають уже никакихъ соглашеній и компромиссовъ. Если они берутъ на себя защиту рабочаго движенія, они не удовлетворяются уже ничѣмъ другимъ, кромѣ полнаго отобранія частныхъ предпріятій въ казну. Если же они считаютъ нужнымъ охранять право собственности и интересы промышленности, они рѣшительно становятся спиной къ рабочему классу и игнорируютъ его существованіе.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и авторитетныхъ экономистовъ Франціи, Поль Леруа-Болье, подробно объясняетъ въ „*Journal des Débats*“ (отъ 18-го октября) необходимость поощренія и охраны для французской крупной предпримчивости. Обиліе свободныхъ капиталовъ въ странѣ принимается многими за признакъ возрастающаго богатства. Три съ половиною милліарда хранятся въ сберегательныхъ кассахъ; государственная трехпроцентная рента держится постоянно почти въ нарицательной цѣнѣ. Какое цвѣтущее благосостояніе!—восклицаютъ оптимисты. Но обиліе свободныхъ капиталовъ означаетъ лишь застой и упадокъ промышленности: деньги скопляются въ кассахъ или превращаются въ ренту, вѣсто того, чтобы идти на основаніе новыхъ предпріятій или на расширеніе прежнихъ, на оживленіе разныхъ отраслей производства и торговли. Многія акціонер-

ныя компаніи довольствуются ничтожною прибылью или терпятъ убытокъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условий французскаго рынка. Въ числѣ этихъ неблагоприятныхъ условий, по мнѣнію Поля Леруа-Болье, занимаетъ видное мѣсто „безпокойное поведеніе рабочихъ, которыхъ волнуютъ и возбуждаютъ агитаторы по профессіи“; государство же съ своей стороны „не принимаетъ никакой серьезной мѣры, чтобы заставить уважать свободу труда“. На эту почву,—полагаетъ Леруа-Болье,—слѣдовало перенести обсужденіе стачки Кармо въ палатѣ депутатовъ. „Хотятъ ли окончательно заглушить послѣдніе признаки духа предпріимчивости во Франціи? Хотятъ ли, чтобы ни одинъ французъ не рисковалъ своими средствами въ предпріятіяхъ, лишенныхъ государственной гарантіи?—Не надо обманывать себя: экономическія перспективы далеко не блестящи во Франціи. Если желательно поддерживать промышленную дѣятельность въ этой странѣ, то нужно прежде всего, чтобы государство и общины больше щадили акціонерныя общества, такъ какъ крупныя предпріятія возможны только при соединеніи многихъ капиталовъ. Нужно также, чтобы разсудительные патроны и рабочіе, составляющіе впрочемъ большинство, могли разсчитывать на дѣятельную защиту отъ угрозъ и насилій стачниковъ“.

Другими словами, государство должно непрерывно стоять на стражѣ промышленности и употреблять армію для подавленія безпокойныхъ рабочихъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны. Но социалистическія идеи развиваются и крѣпнутъ въ рабочемъ классѣ; требованія и ожиданія рабочихъ повсюду измѣнились за послѣднія десятилѣтія, и противопоставлять этому общему движенію трудящихся массъ голую физическую силу — совершенно бесполезно и едва ли возможно въ такой странѣ, какъ Франція. Можетъ ли промышленность идти впередъ и совершенствоваться подъ постоянною охраною полицейскихъ и военныхъ отрядовъ, при общемъ недовольствѣ и раздраженіи значительной части рабочаго класса? Внѣшнія принудительныя мѣры не поправятъ дѣла, а скорѣе внесутъ еще худшее разстройство въ экономическую жизнь населенія. Поль Леруа-Болье обращаетъ все вниманіе на наружныя симптомы социальныхъ конфликтовъ, упуская изъ виду ихъ внутреннія причины и условія; онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о способахъ измѣнить безпокойное настроеніе рабочихъ, смягчить антагонизмъ и недовѣріе между рабочими и хозяевами, обезпечить обѣимъ сторонамъ законную возможность мирныхъ соглашеній и сдѣлокъ. Поль Леруа-Болье стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія капиталистовъ и предпринимателей; притязанія рабочаго класса для него просто не существуютъ. Такое чисто отрицательное отношеніе къ рабочему вопросу немислимо для серьезнаго экономиста въ Германіи или въ Англіи.

Неудивительно поэтому, что сами промышленные дѣятели во Франціи не признають никакихъ социальныхъ задачъ и сомнѣній; каждая стачка рабочихъ, каждая вспышка вражды къ хозяевамъ, каждый серьезный конфликтъ, выражающійся въ насиліяхъ и безпорядкахъ, разсматривается какъ отдѣльный самостоятельный случай, вызванный произволомъ нѣсколькихъ зачинщиковъ или агитаторовъ по профессіи, безъ всякой связи съ общимъ положеніемъ и настроеніемъ рабочихъ. Экономисты, какъ Поль Леруа-Болье, успокаиваются на томъ соображеніи, что кромѣ беспокойныхъ рабочихъ существуютъ еще работники разсудительные, всегда вѣрные своему долгу и готовые всегда отстать отъ первыхъ при надлежащей защитѣ со стороны полицейскихъ властей; но это дѣленіе рабочихъ на хорошихъ и дурныхъ, на разсудительныхъ и беспокойныхъ, представляется крайне наивнымъ и даже ребяческимъ, если вспомнить размѣры современныхъ стачекъ, обнимающихъ сразу тысячи и десятки тысячъ рабочихъ семействъ. Чувство солидарности между рабочими настолько утвердилось повсюду, что разсчитывать на внутренний расколъ среди рабочихъ и на присоединеніе части ихъ къ хозяевамъ противъ остальныхъ товарищей—довольно трудно. Нельзя было бы считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ одни изъ рабочихъ дѣйствовали бы противъ другихъ при помощи полиціи. Крупныя стачки рабочихъ за послѣдніе годы имѣють уже рѣшительно характеръ организованной мирной борьбы противъ односторонняго господства капитала; отдѣльные рабочіе считали бы постыднымъ отстать отъ большинства и тѣмъ болѣе стоять за-одно съ хозяевами противъ своихъ же рабочихъ. Это измѣнившееся значеніе стачекъ, какъ орудія борьбы, и повсемѣстно установившееся сознаніе солидарности рабочаго класса совсѣмъ не принимаются въ расчетъ благонамѣренными охранителями промышленности во Франціи. Событія въ Кармо могли бы просвѣтить экономистовъ школы Леруа-Болье; но факты такого рода, сколько бы они ни повторялись, проходятъ совершенно безслѣдно и вызываютъ лишь однѣ и тѣ же избитыя жалобы на бездѣйствіе правительства и на зловредное вліяніе агитаторовъ. Причина стачки въ Кармо была въ сущности пустая и мелкая; никакіе реальные интересы рабочихъ не были затронуты, и однако до трехъ тысячъ рабочихъ сплотились около своего сотоварища Кальвиньяка и добровольно подверглись всѣмъ лишеніямъ, соединеннымъ съ общею забастовкою, подчиняясь при этомъ исключительно нравственнымъ мотивамъ и сознанію общей солидарности рабочихъ. Стачка уже существовала, когда явились поддерживать ее парижскіе „агитаторы по профессіи“, и слѣдовательно нельзя приписать этимъ агитаторамъ отвѣтственность за самое воз-

ниженіе стачки. Безпокойные элементы существуют и дѣйствуют повсюду въ странѣ, но они безсильны тамъ, гдѣ нѣтъ реальныхъ поводовъ къ неудовольствію и раздраженію среди рабочихъ.

Стачка въ Кармо поучительна именно въ томъ отношеніи, что она бросаетъ свѣтъ на весьма существенныя особенности рабочаго вопроса во Франціи: съ одной стороны, полное взаимное непониманіе между хозяевами и рабочими, отсутствіе всякихъ путей къ соглашенію и компромиссу, а съ другой—рѣшительное нежеланіе или неспособность представителей общественнаго мнѣнія сдѣлать что-нибудь для смягченія этого опаснаго антагонизма и даже для правильной оцѣнки фактовъ, относящихся къ рабочему движенію. Французскіе политическіе дѣятели и журналисты старательно, изо дня въ день, обсуждали и взвѣшивали разныя подробности стачки рудокоповъ въ Кармо; но они ни разу не затронули общихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этою стачкою, и не пробовали извлечь изъ нея какіе-либо общіе выводы и уроки,—если не считать повторенія обычныхъ доктринерскихъ рецептовъ, непримѣнимыхъ къ данному случаю и превратившихся уже въ простыя безсодержательныя фразы. Поль Леруа-Болье вынесъ изъ дѣла лишь то впечатлѣніе, что нужно болѣе энергическое и дѣятельное вмѣшательство полиціи и войска,—выводъ, который высказывался и повторялся буржуазными охранителями во Франціи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но который теперь не имѣетъ въ сущности разумаго смысла при законномъ господствѣ демократіи въ странѣ. Полиція и армія при республикѣ не могутъ быть противопоставлены народу и трудящимся народнымъ массамъ, какъ это и было при имперіи или при монархіи Луи-Филиппа; полиція и армія зависятъ отъ республиканскаго правительства, которое въ свою очередь зависитъ отъ демократическаго большинства населенія и держится на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Если полиція и армія суть исполнительные органы демократіи, то какимъ образомъ могутъ быть употребляемы эти силы противъ главнаго элемента демократическаго строя,—противъ рабочаго класса? Рабочіе обладаютъ правомъ голоса въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, участвуютъ въ выборѣ депутатовъ наравнѣ съ буржуазією, обсуждаютъ и платятъ налоги на содержаніе арміи и полиціи, вліяютъ на общую политику страны сообразно своей численности; они должны уже смотрѣть на полицію и армію какъ на союзныя, народныя силы, а не какъ на чуждые, враждебные элементы. Даже въ Германіи промышленная буржуазія не рассчитываетъ на участіе войска въ борьбѣ съ соціальною демократією, ибо при системѣ всеобщей воинской повинности армія есть „вооруженный народъ“, и она имѣетъ другія цѣли и задачи, чѣмъ разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ. Наконецъ, военная

сила можетъ имѣть дѣло только съ внѣшними формами и проявленіями рабочаго кризиса, съ отдѣльными „инцидентами“ экономической борьбы; но она не устранить и не ослабить антагонизма классовъ и интересовъ, а наоборотъ, придастъ ему болѣе острый и рѣшительный характеръ. Ничего этого не видятъ и не замѣчаютъ публицисты школы Леруа-Больё, и въ этой странной, тенденціозной слѣпотѣ значительной части общественнаго мнѣнія кроется большая опасность для будущаго. Представители другого лагеря, предлагающіе свои шаблонные цѣлебные рецепты, сами не придають имъ серьезнаго значенія; они столь же мало интересуются общими вопросами и выводами, какъ и охранители, и для нихъ стачка Кармо есть только „инцидентъ“, который терять всякій интересъ тотчасъ послѣ того, какъ сходитъ со сцены. Журналистика занималась Кальвиньякомъ, говорила о намѣреніяхъ и требованіяхъ интереснаго рабочаго-мэра, о дѣйствіяхъ депутата Бодена и социалиста Дюк-Керси, но не видѣла общихъ и важныхъ сторонъ рабочаго движенія, выступившихъ съ особенною ясностью въ дѣлѣ Кармо. Французская ежедневная печать живетъ и питается инцидентами; лихорадочное репортерство, жажда новизны, пикантности и эффекта, погоня за популярностью, — все это направляетъ умы въ сторону наружныхъ формъ явленій, сосредоточиваетъ вниманіе публики на отдѣльныхъ случайныхъ фактахъ и анекдотахъ, на вопросахъ личныхъ и мелкихъ, заставляя какъ будто забывать о реальной сущности и подкладѣ происходящихъ событій. Такъ и стачка Кармо прошла безслѣдно для французскаго общественнаго мнѣнія, оставивъ послѣ себя только эфемерную извѣстность Кальвиньяка.

Въ Италіи остаются главными вопросами дня—финансовыя и экономическія затрудненія, въ связи съ возрастающими военными расходами и съ упадкомъ народнаго хозяйства и промышленности. Министерство Джіолитти пытается найти разумный выходъ изъ неразрѣшимыхъ противорѣчій, въ которыя поставила страну предпріимчивая внѣшняя политика Криспи. Въ подробномъ докладѣ королю, имѣющемъ одновременно характеръ отчета о настоящемъ положеніи и правительственной программы для будущаго, министръ-президентъ указываетъ на различные способы избѣгнуть дефицитовъ и поправить финансы; но онъ ничего не говоритъ о необходимости сократить вооруженія, все болѣе усиливающіяся, благодаря участію Италіи въ тройственномъ союзѣ. Военный бюджетъ поглощаетъ свыше 250 милліоновъ въ годъ, а для такой бѣдной страны, какъ Италія, эта цифра непроизводительныхъ расходовъ можетъ считаться прямо разорительною. Министерство Джіолитти, при всей своей расцетли-

ности и благоразуміи, едва ли достигнетъ равновѣсія въ государственныхъ финансахъ, пока не измѣнится общее направленіе итальянской политики. Предстоящіе парламентскіе выборы, вѣроятно, не приведутъ къ подобной перемѣнѣ; мысль о внѣшнемъ могуществѣ и величіи слишкомъ укоренилась въ современной Италіи, а равноправный союзъ съ Германіею, обезпечивающій будто бы это могущество, льститъ національному самолюбію, которое всегда играетъ выдающуюся роль въ политической жизни.

Въ Австро-Венгріи также стоятъ на первомъ планѣ финансовыя и экономическіе вопросы, возбуждаемые постояннымъ увеличеніемъ потребностей военнаго вѣдомства. При открытіи парламентскихъ делегацій въ Будапештѣ, 3-го октября (нов. ст.), правительству приходилось прежде всего думать объ оправданіи новыхъ военныхъ расходовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о защитѣ политики, дѣлающей эти расходы неизбежными. Въ бюджетной коммисіи австрійской делегаціи младочешскій депутатъ Эймъ указалъ на неудобства и стѣснительность союза съ Германіею, на вредъ и опасность секретныхъ политическихъ комбинацій, на необходимость откровеннаго и полного миролюбія въ сношеніяхъ съ чужими государствами и народами, особенно такими, какъ Франція. Министру иностранныхъ дѣлъ, графу Кальноки, не трудно было, въ длинной отвѣтной рѣчи, опровергнуть обвиненія и упреки оппозиціоннаго оратора. Австро-Венгрія, при ея разнородномъ племенномъ составѣ, должна по неволѣ дорожить тѣснымъ союзомъ съ могущественною Германіею; она держится и должна держаться тройственного союза, какъ единственной надежной опоры при неопредѣленномъ политическомъ состояніи остальной Европы. Въ этомъ заключается отличіе Австріи отъ Италіи: послѣдняя въ сущности могла бы вполне сохранить свободу дѣйствій и не принимать на себя никакихъ международныхъ обязательствъ, такъ какъ никто не грозитъ единству и самостоятельному развитію итальянскаго королевства. Въ Австріи всѣ чувствуютъ и сознаютъ, что внѣшняя безопасность имперіи предписываетъ тѣсную взаимную близость съ Германіею; поэтому дипломатическія рѣчи графа Кальноки, неизмѣнно опирающіяся на эту не высказываемую прямо истину, всегда имѣютъ обезпеченный успѣхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ Австро-Венгріи. Объясненія, данныя министромъ въ венгерской делегаціи 14-го октября, въ отвѣтъ на рѣчь графа Аппоньи, были столь же успокоительны для австрійскихъ патріотовъ и дышали такимъ же официальнымъ оптимизмомъ, какъ и заявленія 3-го октября, по поводу рѣчи Эйма.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1892.

- *Евангеліе въ памятникахъ иконографіи*, преимущественно византійскихъ и русскихъ. *Н. Покровскаго*. Съ 226 (225) рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. Спб. 1892. 4-о. LXI и 496 стр.

Русская археологическая наука должна привѣтствовать сочиненіе г. Покровскаго, какъ одинъ изъ немногихъ обширныхъ трудовъ въ области древней русской иконографіи, съ которыхъ, собственно говоря, можетъ начаться ученое изслѣдованіе въ этой области нашей старины. Въ 1884 году явился обширный трудъ Ѳ. И. Буслаева о русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ: это былъ первый опытъ широкаго изслѣдованія, къ которому примыкаетъ теперь книга г. Покровскаго — большой кварталъ со множествомъ рисунковъ, дѣлающихъ изложеніе автора нагляднымъ и представляющихъ нерѣдко въ первый разъ снимки съ древнихъ памятниковъ этого рода, византійскихъ и русскихъ.

„Памятники евангельской иконографіи,—говоритъ авторъ,—составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ величинъ въ общей системѣ Церковной Археологіи, а потому уже давно обращено было на нихъ наше вниманіе. Мало-по-малу они сведены были нами въ особую спеціальную группу и, при помощи ученыхъ изданій и наличной литературы, обслѣдованы съ вѣшной и внутренней стороны. Результаты не оправдали нашихъ первоначальныхъ ожиданій. Оказалось, что существующія изданія памятниковъ византійскихъ и русскихъ крайне недостаточны и ненадежны: многіе важнѣйшіе памятники не только не обслѣдованы, но даже и не изданы: выборъ памятниковъ для изданій нерѣдко объясняется побужденіями случайными и вѣшными, а не требованіями существа дѣла; снимки съ памятниковъ иногда даютъ превратное понятіе объ оригиналахъ, явно противорѣчащее основнымъ принципамъ православной иконо-

графіи, а существующая ученая литература касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ иконографіи Евангелія, оставляя незатронутою цѣлую массу ихъ и почти всецѣло игнорируя проявленіе религіозныхъ идей въ памятникахъ *русскихъ*. Въ виду этого нами предпринятъ былъ рядъ путешествій для изученія памятниковъ на мѣстахъ ихъ нахожденія—въ Россіи, Греціи, Турціи и западной Европѣ. Здѣсь открылась для насъ возможность узнать многіе памятники совсѣмъ неизвѣстные, или мало извѣстные въ ученой литературѣ, и исправить неточности въ существующихъ уже изданіяхъ и оцѣнкѣ памятниковъ. На основаніи этого матеріала, добытаго преимущественно путемъ личнаго изученія *оригинальных* памятниковъ, и составлено предлагаемое сочиненіе. Относительная неполнота матеріала и недостатки въ методѣ изслѣдованія неизбежны въ первыхъ попыткахъ подобныхъ работъ, но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что въ нашемъ трудѣ не опущено ничего существенно важнаго и всему дано посильное объясненіе“.

Что русскіе памятники были до сихъ поръ совсѣмъ или почти совсѣмъ не тронуты въ иностранной ученой литературѣ по иконографіи, это неудивительно: надо сказать, что до самаго послѣдняго времени вопросъ оставался не тронутъ въ самой русской наукѣ, которая не давала для иностранныхъ археологовъ никакой помощи въ этомъ отношеніи. Очевидно, что прежде всего изслѣдованіе русскихъ памятниковъ должно было быть дѣломъ самой русской науки, и если теперь мы дѣлаемъ первые шаги въ этомъ направленіи, то справедливость требовала бы признать, что русская наука вступаетъ на этотъ путь только благодаря западной археологической школѣ. Русскіе опыты иконографической археологіи начинаются очень недавно, на нашей памяти. Едва ли не впервые эти вопросы подняты были въ нашей наукѣ г. Буслаевымъ въ изученіи старинныхъ русскихъ „подлинниковъ“ (въ „Истор. Очеркахъ русской народной словесности и искусства“, 1861); косвеннымъ образомъ принадлежали сюда замѣчательные труды г. Кондакова по византійской миниатюрѣ, а затѣмъ русская литература можетъ представить здѣсь только отдѣльные труды по частнымъ вопросамъ, каковы были, напр., труды гг. А. С. Уварова, Г. Д. Филимонова, А. И. Кирпичникова и немногихъ другихъ. Но та критическая школа, на которой воспитались наши изслѣдователи, изъ которой почерпнуть былъ самый интересъ къ иконографической археологіи въ томъ широкомъ научномъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее самъ г. Покровский, эта школа была именно западно-европейская школа. Въ самомъ изслѣдованіи г. Покровскаго мы видимъ на каждомъ шагѣ указаніе того множества пособій, какія западная литература доставляла нашему ученому въ опредѣленіи

множества вопросовъ древней иконографіи: если въ этой литературѣ не было дано мѣсто русскимъ памятникамъ, то вовсе не потому, что она ихъ „игнорировала“ (т.-е. не хотѣла ихъ знать), а только потому, что изученіе ихъ было для нея чрезвычайно затруднительно, когда сама русская наука не давала къ тому никакого содѣйствія, когда, собственно говоря, она въ этой области просто не существовала въ то время, когда предпринимали свои труды Дидронъ, Пиперъ и другіе изслѣдователи,—по которымъ послѣ учились первые русскіе изслѣдователи этихъ вопросовъ. Можно было бы требовать знанія русскихъ памятниковъ только тогда, когда мы сами по крайней мѣрѣ привели ихъ въ извѣстность: только такіе труды, какъ изслѣдованія г. Буслаева, Кондакова, какъ настоящій трудъ г. Покровскаго, обязательно вводить русскій матеріалъ въ научную литературу.

Въ обширномъ введеніи авторъ объясняетъ свой взглядъ на задачи и приемы изслѣдованія византійской иконографіи, по избранному ея отдѣлу, въ связи съ характеристикой ея началъ. Онъ указываетъ на тѣ византійскіе и русскіе источники, которые лежатъ въ основѣ изслѣдованія и составляютъ его матеріалъ. Это такъ называемыя лицевыя евангелія и затѣмъ другіе лицевые, т.-е. по новѣйшему иллюстрированныя, церковныя памятники, лицевыя псалтири, минологіи, акаѳисты, далѣе—мозаики и фрески, иконы, наконецъ такъ называемыя „подлинники“, въ которыхъ уже въ болѣе позднее время собраны были иконографическіе правила и образцы. Затѣмъ, пособіемъ изслѣдованію послужили памятники западно-европейскіе подобнаго рода—лицевыя евангелія, молитвенники, библіи для бѣдныхъ и т. д. Задача настоящаго сочиненія,—говоритъ г. Покровский,—состоитъ въ церковно-археологическомъ объясненіи изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно въ византійскихъ и русскихъ памятникахъ. Эти изображенія, очевидно, связаны съ евангельскимъ текстомъ, но передаютъ его не всегда одинаково. Въ исторіи этихъ изображеній совершалось извѣстное художественное развитіе и развитіе христіанскихъ представленій. „Явившись въ древнѣйшую эпоху христіанства въ формахъ простыхъ, иконографія съ теченіемъ времени измѣняетъ свой первоначальный характеръ, по мѣрѣ того, какъ измѣняется отношеніе христіанскаго сознанія къ самому тексту Евангелія и видоизмѣняется общій взглядъ на задачи христіанскаго искусства и иконографіи. Слѣдовательно, она до извѣстной степени подчинена закону историческаго развитія. Гдѣ лежитъ первоначальное зерно евангельской иконографіи, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ она разрывалась, въ чемъ выражалось это развитіе и въ какому концу оно пришло,—вопросы эти имѣютъ

свою неоспоримую важность. Иконографія періода древне-христіанскаго не представляет ни широкаго разнообразія въ выборѣ темъ, ни широты богословскаго и художественнаго замысла въ ихъ разработкѣ или иконографическихъ композиціяхъ. Все здѣсь просто, какъ просто и первоначальное христіанство. Христіанская символика какъ-токомъ выражаетъ даже самыя возвышенныя истины христіанства въ формахъ сжатыхъ, въ простой, иногда даже наивной формѣ, она даетъ лишь одинъ намекъ на эти истины, предоставляя самому наблюдателю перенестись мыслію и воображеніемъ въ область вѣчныхъ, превышающихъ средства изобразительнаго искусства, идеаловъ. Сцены историческія также не отличаются здѣсь разнообразіемъ; однѣ и тѣ же темы встрѣчаемъ мы и въ Италіи, и въ Греціи, и въ Сиріи, и въ Египтѣ. Средоточный пунктъ этой иконографіи составляетъ личность Спасителя и чудеса Евангелія. Но въ этотъ періодъ не были еще установлены съ достаточною опредѣленностью ни темы, ни композиціи изображеній, хотя пути къ этой установкѣ намѣчались уже въ IV в. Христіанское искусство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ искусства античнаго, утратившаго, правда, къ тому времени свѣжесть энергіи, необходимой для новаго творчества, но сохранившаго красоту и пластичность художественныхъ формъ. Овладевъ этими формами и введя ихъ въ союзъ съ христіанскими идеалами, художники христіанскіе, если они въ то же время успѣли овладѣть всею полнотою содержанія христіанства, какъ религіи, не могли не видѣть крайней недостаточности этихъ формъ для выраженія христіанскихъ идей. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ нужно было удалить, какъ мало соответствующія духу христіанства. Слѣды свободнаго обращенія съ первичными формами замѣтны уже ясно въ скульптурѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ; еще яснѣе они выступаютъ въ мозаикахъ IV и V столѣтій, а VI-е столѣтіе уже представляетъ намъ многочисленные памятники вполне самостоятельнаго христіанскаго искусства, созданнаго въ нѣдрахъ христіанскаго міра, между тѣмъ какъ искусство античное оставило здѣсь лишь нѣкоторый слѣдъ, какъ преданіе отдаленной художественной школы. Кипучая, созидаящая дѣятельность въ области собственно христіанскаго искусства сосредоточивается въ Византіи. Византійское искусство наноситъ рѣшительный ударъ пластичности формъ античнаго искусства, но оно значительно расширяетъ художественный кругозоръ и влечетъ мысль и воображеніе въ область возвышенныхъ идеаловъ. Огромная работа предлежала Византіи: нужно было установить основные типы изображеній отдѣльныхъ лицъ, а это уже требовало обширныхъ историческихъ, богословскихъ и художественныхъ познаній, такъ какъ эти типы не

были лишь простою копіею съ натуры, но составляли результатъ творчества, хотя бы и не пытавшагося разорвать связь съ дѣйствительною портретностью; нужно было изобрѣсти цѣлыя группы и сложныя композиціи изображеній на темы, предложенныя христіанствомъ. Работа шла быстро, и уже въ VI в. были готовы обширные циклы изображеній въ духѣ византійскихъ возрѣній на искусство“.

Въ VI вѣкѣ появились уже и лицевыя евангелія, и отличіе новыхъ композицій сравнительно съ прежними авторъ указываетъ въ томъ, что искусство древне-христіанское выставяетъ главнымъ образомъ формы конкретныя, тогда какъ искусство византійское вводитъ элементы отвлеченнаго богословствованія, глубокаго созерцанія. Кромѣ евангельскаго текста, служившаго, конечно, главною основой, иконографія пользовалась и различными чертами христіанскаго преданія: такимъ образомъ содержаніе осложнилось, создавались новыя комбинаціи, такъ что въ исторіи иконографіи мы слѣдимъ вѣстѣ за развитіемъ художественности и религіозныхъ понятій. „Наблюдая постепенный ростъ иконографіи евангельской, мы наблюдаемъ перемѣны въ отношеніяхъ человѣческаго сознанія къ евангельскому тексту въ разныя эпохи исторіи, изучаемъ усилія человѣческой мысли поднаться на высоту Евангелія и выразить всю глубину и широту его содержанія въ художественныхъ формахъ“. Развитіе этихъ формъ въ искусствѣ византійскомъ продолжается отъ V до XII вѣка, затѣмъ наступилъ періодъ упадка и новое возрожденіе въ XVI—XVII вѣкахъ. Начала византійской иконографіи были усвоены и средневѣковымъ Западомъ, и результатомъ этого вліянія осталось множество памятниковъ средневѣковаго искусства до тѣхъ поръ, когда послѣднее было здѣсь вытѣснено эпохой Возрожденія. „Изучая эти памятники Запада то въ видѣ рабскихъ копій съ образцовъ византійскихъ, то съ явными слѣдами попытокъ выйти изъ шаблонной колеи подражанія, то, наконецъ, въ видѣ произведеній, въ которыхъ византійская основа совершенно переработана на новый ладъ, мы наблюдаемъ борьбу двухъ культуръ, въ которой новая культура старается сломать старую“. Въ другомъ положеніи находилась русская иконографія. Корень ея, очевидно, византійскій, хотя до сихъ поръ ея отношеніе къ византійскому источнику опредѣлено не вполне. Въ первое время переходили въ Россію только простѣйшія и наиболѣе распространенныя формы византійской иконографіи, и если вообще въ древнихъ памятникахъ нашей иконографіи можно замѣчать нѣкоторое проявленіе собственно русскаго творчества, то въ иконографіи евангельской оно не встрѣчается. „Но по мѣрѣ приближенія къ XVII вѣку, положеніе дѣла измѣняется. Какъ дошедшіе до насъ памятники, такъ и ясныя свидѣтельства древней письменности удостовѣряютъ, что наша иконо-

графія Евангелія начинается обогащаться притокомъ формъ, ведущихъ свое родословіе отчасти отъ новогреческой, отчасти отъ западной иконографіи, отчасти созданныхъ самими русскими художниками; въ то же время нѣкоторыя древнія византійскія формы исчезаютъ изъ художественнаго обращенія или входятъ въ новыя комбинаціи. Перемена эта стоитъ въ связи съ переменною въ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣніяхъ: въ ней отразился переходъ отъ эпохи „вѣры въ простотѣ сердца“ къ эпохѣ пытливаго знанія“. Но среди этого общаго движенія русской иконографіи въ отдѣльныхъ случаяхъ являлись и частныя причины, которыя вызывали перемены формъ въ тѣхъ или другихъ изображеніяхъ, что дѣлаетъ изслѣдованіе еще болѣе сложнымъ. Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ какъ чисто археологическую. Современное положеніе нашей иконографіи авторъ считаетъ расшатаннымъ—конечно вслѣдствіе того, что кромѣ преданія византійско-русской старины въ ней сильно распространилось вліяніе новѣйшаго искусства, усвоеннаго изъ школъ западныхъ; правильное опредѣленіе задачъ иконографіи, по мнѣнію автора, „возможно только послѣ тщательнаго изученія памятниковъ старины, какъ многочисленныхъ попытокъ рѣшенія подобныхъ задачъ въ разныя времена“,—но этотъ спеціальнѣйшій вопросъ авторъ оставляетъ въ сторонѣ, какъ дѣло церковно-практическаго вѣденія въ связи съ художественной техникой.

Научное положеніе вопроса г. Покровскій опредѣляетъ замѣчаніемъ, что недостатокъ подготовительныхъ сборниковъ и работъ по исторіи евангельской иконографіи въ Византіи и Россіи „ставитъ изслѣдователя прежде всего въ положеніе собирателя матеріала“,—это очень просто и объясняетъ, почему въ ученой литературѣ (западной) до сихъ поръ мало мѣста имѣли русскіе памятники, на что авторъ жаловался: очевидно, что собираніе матеріала должно быть совершаемо на мѣстѣ и мѣстными силами.

Указавъ затѣмъ существенную разницу въ характерѣ иконографіи византійской и западной, когда въ первой преобладало преданіе и церковное представленіе объ „иконѣ“, а во второй еще съ XIII вѣка все болѣе и болѣе расширялось значеніе личнаго пониманія творчества, а затѣмъ эпоха Возрожденія окончательно сдѣлала икону картиной,—авторъ переходитъ къ упомянутому выше исчисленію памятниковъ и матеріаловъ для исторіи выбраннаго имъ круга иконографіи. Самый текстъ изслѣдованія представляетъ подробное разсмотрѣніе всѣхъ основныхъ сюжетовъ евангельской иконографіи. Изложеніе дѣлится на три части. Первая обнимаетъ иконографію дѣтства Іисуса Христа, а именно: Благовѣщеніе Пр. Богородицы; посѣщеніе Елизаветы; явленіе ангела Іосифу; путешествіе Іосифа и Маріи

въ Вифлеемъ; Рождество Христово; обрѣзаніе; Срѣтеніе; поклоненіе волхвовъ; бѣгство въ Египетъ; возвращеніе изъ Египта; избіеніе младенцевъ; двѣнадцатилѣтній Іисусъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. Вторая часть излагаетъ общественное служеніе Іисуса Христа въ памятникахъ иконографіи: Крещеніе; искушеніе въ пустынѣ; Преображеніе; ученіе Іисуса Христа; евангельскія чудеса. Третья часть излагаетъ конечныя событія евангельской исторіи: воскрешеніе Лазаря; входъ въ Іерусалимъ; изгнаніе торговцевъ изъ храма; Тайная Вечера; умовеніе ногъ и различныя событія, предшествовавшія крестной смерти; Распятіе Христа; испрошеніе у Пилата тѣла Іисусова; снятіе съ креста; положеніе во гробъ; Воскресеніе и явленіе Христа по Воскресеніи; Вознесеніе Христа на небо и Сошествіе Святого Духа на апостоловъ.

Каждый изъ названныхъ здѣсь сюжетовъ представленъ въ книгѣ г. Покровскаго спеціальнымъ изслѣдованіемъ, гдѣ авторъ слѣдитъ исторію изображенія сюжета съ первыхъ попытокъ древне-христіанскаго искусства на фрескахъ катакомбъ, въ скульптурахъ, мозаикахъ, иконахъ, наконецъ въ картинахъ болѣе позднихъ знаменитыхъ художниковъ. Авторъ указываетъ первоначальныя простыя типы изображенія и символы, ихъ дальнѣйшія осложненія въ связи съ церковными представленіями, съ памятниками письменности, съ литературой поученій и толкованій, съ легендами и апокрифическими преданіями. Для каждого изъ этихъ трактатовъ авторъ предпринимаетъ обширныя изысканія въ памятникахъ византійской, русской и западной иконографіи и другихъ произведеніяхъ искусства; собираетъ обширную литературу предмета изъ средневѣковой письменности западной и восточной, изъ новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи искусства, изъ средневѣковой литературы; разъясняетъ древнюю христіанскую символику и развитіе богословскихъ и религіозно-поэтическихъ представленій и т. д. Въ цѣломъ, каждый трактатъ сообщаетъ массу важныхъ данныхъ, какъ для опредѣленія самыхъ памятниковъ иконографіи, такъ и для исторіи религіозныхъ представленій и легендарной литературы.

Для примѣра этого богатства историческихъ и историко-художественныхъ данныхъ, собираемыхъ авторомъ по поводу евангельскихъ изображеній, укажемъ вкратцѣ содержаніе главы объ изображеніяхъ Рождества Христова:—Появленіе его изображенія въ эпоху саркофаговъ, въ связи съ установленіемъ праздника. Важнѣйшіе типы скульптурныхъ изображеній. Выводъ. Скульптура византійская и русская отъ VI до XVII в. Византійскія миниатюры: псалтирей, минологія, Евангелій, кодексовъ Григорія Б. Мозаики и фрески. Русскіе памятники XVI—XVII в. Подлинники. Обзоръ основныхъ чертъ изобра-

женія, въ связи съ памятниками византійско-русской письменности. Мѣсто дѣйствія—навѣсъ, пещера: преданіе объ этомъ предметѣ, сохраненное церковными писателями древне-христ. періода, историками, паломниками и богослужебною письменностію. Ясли. Волъ и осель: различныя изъясненія этихъ фигуръ въ археологической литературѣ. Вѣроятная, поддерживаемая отцами церкви и церковными писателями, связь ихъ съ пророчествомъ Исаи 1, 3. Звѣзда означаетъ путеводную звѣзду волхвовъ. Характеристика звѣзды въ древней церковной литературѣ, въ связи съ формами ея представленія на памятникахъ искусства. Положеніе родившей Богоматери въ памятникахъ древне-христ. періода, византійскихъ и русскихъ. Разсказъ о повитухахъ въ Протоевангеліи, Ев. псевдо-Маттея и арабскомъ Ев. дѣтства І. Христа. Отношеніе этихъ источниковъ между собою. Преданіе о повитухахъ въ памятникахъ позднѣйшей письменности гомилетической, богослужебной и проч. Свободное отношеніе художниковъ къ записанному преданію. Ангелы славословящіе; ихъ формы; основаніе для введенія ихъ въ изображеніе Рождества Христова. Пастыри вилеемскіе: ихъ формы и положенія. Іосифъ: отличительные признаки его въ памятникахъ древне-христіанскихъ. Іосифъ въ пам. византійскихъ и русскихъ. Многосложныя иконы Рождества Христова, какъ завершительный пунктъ въ историческомъ развитіи этого изображенія. Изъясненіе деталей многосложныхъ иконъ на основаніи литературныхъ преданій. Значеніе схемы Рождества Христова, какъ образца для другихъ шаблонныхъ изображеній. Подражаніе и переработка византійской схемы въ памятникахъ западныхъ. Adoratio. Композиція Рождества Христова въ библии бѣдныхъ. Картины знаменитыхъ художниковъ.

Таковъ грандіозный трудъ, исполненный г. Покровскимъ. Рядомъ съ упомянутой книгой г. Буслаева онъ представляетъ прочное основаніе для дальнѣйшей разработки этого отдѣла нашей археологіи. Какъ мы упоминали, огромное количество рисунковъ даетъ возможность удобно слѣдить за изложеніемъ, которое при меньшемъ ихъ количествѣ даже было бы невыполнимо. Изданіе исполнено благодаря московскому Археологическому Обществу и составляетъ новую высокую заслугу этого Общества, дѣятельность котораго уже такъ много послужила для развитія нашей археологической науки.

— *Очерки исторіи русской цензуры (1700 — 1863). А. М. Скабичевскаго.* Спб. 1892.

Выше, въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги, было подробно сказано о сочиненіи г. Скабичевскаго по существу его содержанія и

былъ указанъ тотъ историческій интересъ, какой имѣютъ судьба и характеръ цензуры относительно развитія литературы и общественнаго мнѣнія. Здѣсь мы можемъ сказать только о самомъ составленіи книги. Она не имѣла въ виду новыхъ спеціальныхъ разысканій, какія были бы возможны только въ особыхъ условіяхъ, съ доступомъ въ архивы спеціальныхъ вѣдомствъ, какъ сдѣланы, напримѣръ, многія изслѣдованія г. Сухомлинова. Авторъ довольствовался задачей болѣе скромной, хотя все-таки довольно сложной: онъ собралъ по возможности все, что было обнародовано въ послѣднее время по исторіи нашей цензуры, и этого набралось довольно много. Основнымъ матеріаломъ послужили официальные изданія: „Историческія свѣденія о цензурѣ въ Россіи“, „Сборникъ постановленія о цензурѣ“, и обильныя дополненія къ нимъ доставили новѣйшія изслѣдованія по исторіи литературы прошлаго и нынѣшняго вѣка, комментированныя изданія писателей и наконецъ многочисленныя воспоминанія и дневники; между послѣдними особенно видное мѣсто занялъ дневникъ Никитенка, которому цензурныя дѣла сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ были извѣстны по собственному опыту. Для общаго обзорѣнія предмета всего этого было, конечно, достаточно; то, что уже извѣстно теперь, достаточно характеризуетъ цензурное положеніе литературы. Изложеніе г. Скабичевскаго могло бы быть дополнено еще нѣкоторыми подробностями, но онѣ мало измѣнили бы сущность дѣла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно бы желать большей точности, а кое-гдѣ вкрались и ошибки. Приводимъ лишь нѣсколько примѣровъ. Говоря о Волинскомъ, г. Скабичевскій говоритъ, что между прочимъ онъ обвинялся въ томъ, что читалъ сочиненіе Юста Липсіа, „какое именно, неизвѣстно“. Напротивъ, это извѣстно, и подробное указаніе объ этомъ можно найти въ изслѣдованіи о Волинскомъ г. Корсакова. Литературно-цензурныя отношенія прошлаго вѣка могли бы быть изложены подробнѣе, какъ можно было бы избѣжать и грубыхъ опечатокъ, которыя будутъ напрасно путать менѣе подготовленныхъ читателей: проф. Вейхель (стр. 35) есть Рейхель; книгопродавецъ Вейнбрехтъ (стр. 37) есть Вейтбрехтъ; обманщикъ „Калифанкферстанъ“ въ комедіи императрицы Екатерины II (стр. 43) есть Калифалкжерстонъ и др. Объясненіе стихотворенія Пушкина „На выздоровленіе Лукулла“ (стр. 267) невѣрно и даже невразумительно („когда Уваровъ опасно захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и осрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи“ и т. д.), когда эта исторія достаточно разъяснена (см., напр., въ изданіи Пушкина, Лит. Фонда, II, 181). Извѣстный попечитель петербургскаго университета и предсѣдатель цензурнаго комитета Мусинъ-Пушкинъ сдѣ-

ласть графомъ (стр. 388—389), какимъ онъ не былъ, и пр. Подобныхъ недосмотровъ можно было бы избѣжать.

— Критическія Статьи: Пушкинъ. Гоголь. Тургеневъ. Островскій. Левъ Толстой. Щедринъ и др. („Современникъ“ 1854—1861 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1893.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы отмѣтили изданіе „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“ извѣстнаго писателя, дѣйствовавшаго въ русской критикѣ въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Теперь вышла новая серія его сочиненій изъ „Современника“ 1854—1861 годовъ. Эта серія исполнена такого же интереса: съ одной стороны читатель найдетъ здѣсь историческія объясненія старой литературы, не утратившія до сихъ поръ своего значенія, какъ напр. въ статьяхъ о Пушкинѣ и Гоголѣ; съ другой — возстановляется въ нашей памяти та эпоха нашей литературы, къ которой восходитъ своими первыми началами новѣйшій періодъ нашего литературнаго и общественнаго движенія. Въ статьяхъ о Пушкинѣ и Гоголѣ, писанныхъ по поводу изданія Анненкова и изданія Гоголя, г. Кулиша, разсѣяно много историческихъ соображеній, гдѣ указано уже многое, что развивалось потомъ біографами и комментаторами Пушкина и Гоголя. Другіе писатели, на которыхъ останавливался тогда авторъ, были въ пятидесятыхъ годахъ въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, какъ Тургеневъ, Даль, Писемскій, или начинали свою дѣятельность, которой предстояло широкое знаменательное поприще, какъ Салтыковъ и гр. Толстой. Критикъ „Современника“ внимательно изучалъ тѣхъ и другихъ, во многихъ случаяхъ съ замѣчательной тонкостью отмѣчалъ ихъ особенности и тѣ черты ихъ произведеній, которыя получали общественное значеніе, и когда прошло съ тѣхъ поръ уже нѣсколько десятилѣтій, когда самая дѣятельность многихъ изъ этихъ писателей уже завершилась (Даль, Писемскій, Островскій, Тургеневъ, Салтыковъ, Н. Успенскій), мы не разъ можемъ наблюдать, какъ вѣрны бывали замѣчанія критика объ ихъ литературныхъ достоинствахъ и общественномъ значеніи ихъ произведеній.

Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ тѣ годы гр. Л. Н. Толстой, который еще не былъ авторомъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, пользовался уже великими симпатіями и славой какъ авторъ „Дѣтства“ „Отрочества“, „Севастопольскихъ разсказовъ“. Разбирая еще въ 1856 году эти произведенія, критикъ „Современника“ съ величайшимъ сочувствіемъ говорилъ о великомъ художественномъ да-

„роваіи, которое давало впереди много богатыхъ надеждъ для нашей литературы:

„Этотъ талантъ принадлежитъ человѣку молодому, съ свѣжими жизненными силами, имѣющему передъ собою еще долгій путь—многое новое встрѣтится ему на этомъ пути, много новыхъ чувствъ будетъ еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль, —какая прекрасная надежда для нашей литературы, какіе богатые новые матеріалы жизнь дастъ его поэзіи! Мы предсказываемъ, что все, данное донинѣ графомъ Толстымъ нашей литературѣ,—только залогомъ того, что совершитъ онъ впослѣдствіи,—но какъ богаты и прекрасны эти залогомъ!“

Но уже давно мысли гр. Толстого стали направляться въ другую сторону: онъ не довольствовался быть художникомъ и захотѣлъ быть учителемъ народа въ буквальномъ смыслѣ, въ народной школѣ, и учителемъ общества, мыслителемъ и критикомъ господствующихъ понятій. Въ Ясной Полянѣ основана была сельская школа, гдѣ писатель, уже знаменитый, сталъ учителемъ, и въ то же время основанъ былъ съ тѣмъ же именемъ небольшой журналъ, гдѣ гр. Толстой впервые сталъ проводить свои теоретическіе взгляды, которые, развиваясь все далѣе, такъ наполнили его дѣятельность за послѣдніе годы. Эта сторона идей гр. Толстого уже тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ, встрѣтила въ критикѣ „Современника“ весьма рѣшительный отпоръ. Разсмотрѣвъ подробно содержаніе статей „Ясной Поляны“, критикъ „Современника“ высказывалъ полное сочувствіе тѣмъ добрымъ намѣреніямъ, которыя руководили ея издателемъ, и многими хорошимъ и добрымъ приемамъ, какіе прилагалъ онъ въ своей школѣ; но съ другой стороны въ теоретическихъ сужденіяхъ „Ясной Поляны“ критикъ находилъ рядъ неясностей, противорѣчій и, наконецъ, такихъ мнѣній, которыя, можетъ быть противъ ожиданія самого издателя „Ясной Поляны“, совпадали съ настоящимъ обскурантизмомъ. Дѣйствительно, рядъ произвольныхъ приговоровъ, неожиданныхъ и часто лишенныхъ малѣйшаго основанія рѣшеній о народной школѣ, которая притомъ на одной страницѣ оказывается нужна, на другой не нужна народу,—приводилъ критика въ крайнее недоумѣніе о всемъ строѣ мыслей ясно-полянскаго педагога. Припомнимъ, что передъ тѣмъ только-что велся споръ о томъ, нужна или не нужна народу грамотность, споръ, въ которомъ между прочимъ извѣстный знатокъ народнаго быта, Даль, явился врагомъ народной грамоты. Графъ Толстой относительно этого вопроса оказывался въ недоумѣніи или даже скорѣе былъ противникомъ грамотности. Критикъ приводитъ изъ „Ясной Поляны“ нѣсколько разсужденій о народной школѣ, которыя приводили его въ изумленіе, а наконецъ, въ негодованіе.

„Стр. 26 (первой книжки „Ясной Поляны“): „Хорошо нѣмцамъ на основаніи 200-лѣтняго существованія школы исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ?“ Что такое? что такое? Глазамъ не вѣримъ. Неужели редакция „Ясной Поляны“ думаетъ, что это только нѣмцамъ нужны народныя школы, а намъ не нужны? Да, повидимому такъ, — въ этомъ духѣ тянется разсужденіе на всей 26-й страницѣ. Не нужно, дескать, намъ народныхъ школъ, потому что „мы, русскіе, живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія“. На слѣдующей страницѣ сначала какъ будто не то, что не нужно намъ школъ, а только то, что наши народныя школы не должны быть рабскимъ сколомъ съ западныхъ; но дальше опять то же, что въ школахъ нѣтъ надобности у насъ, потому что уже и „въ Европѣ образованіе избрало себѣ другой путь, обошло школу“, не нуждается въ ней (стр. 28). Удивительно!

„Тутъ же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что „народъ подчиняется образованію только при насиліи“, — ей-Богу, такъ и написано на строкѣ 24-й этой 27-й страницы. Тутъ же, 5-ю строками ниже, третья удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что „чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить“. Неужели? Чѣмъ больше пріобрѣталось людьми опытности въ дѣлѣ образованія, тѣмъ менѣе могли они судить объ этомъ дѣлѣ? Неужели такъ? Это противорѣчило бы тѣмъ законамъ разсудка и жизни, по которымъ всегда бываетъ, что чѣмъ больше знакомишься съ предметомъ, тѣмъ больше знаешь его.

„Стр. 29. „Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія, педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно“. Повторяемъ: если не знаете, то нельзя еще вамъ быть основателями школъ, наставниками въ нихъ, издателями педагогическихъ журналовъ; вамъ надобно еще учиться самимъ — отправляйтесь въ университеты, тамъ узнаете“.

Или во 2-й книжкѣ „Ясной Поляны“.

„Стр. 11. „Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію, есть весьма серьезный споръ“. Неужели? Неужели можетъ вазаться не лишеннымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе осно-

вательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности,—таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы. Защитники грамотности—теоретики, противники грамотности—наблюдатели фактовъ, и „тѣ и другіе совершенно правы“ (страница 11, строка 20),—т.-е. по теоріи грамотность полезна, а на практикѣ оказывается вредной. Но это еще пока только колебаніе между двумя мнѣніями, а въ началѣ стран. 12-й авторъ уже склоняется на сторону противниковъ грамотности. Онъ говоритъ: если даже всмотрѣться въ дѣйствительные результаты нынѣшняго обученія грамотѣ, то „я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности (стр. 12-я, строка 1-я).

„Далѣе слѣдуютъ на той же стр. 12-й очень неосторожныя колкости противъ людей, занимающихся преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Это уже рѣшительно нехорошо. Каковы бы тамъ ни были эти люди, умны ли они по вашему, или глупы, но они честные люди, любящіе народъ, дѣлающіе для него все, что могутъ. Если вы поднимаете на нихъ руку, отъ васъ должны отвернуться всѣ порядочные люди.

„На стран. 23-й находятся такія же колкости противъ людей университетскаго образованія, занимающихся обученіемъ народа, съ поясненіемъ, что „пономари учатъ лучше ихъ“...

Общій выводъ критика былъ слѣдующій:

„Редакція „Ясной Поляны“ извинитъ намъ жесткость этого приговора, если пойметъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дурны многія изъ вещей, отысканныхъ нами въ ея статьяхъ. Она убѣдится тогда, что мы говоримъ непріятную ей правду собственно изъ желанія, чтобы она увидѣла опасность компрометтировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которыхъ не замѣчала прежде, конечно, только по непривычкѣ къ теоретическому анализу мыслей, къ выводу послѣдствій и отыскиванію принциповъ. Просимъ ее не сердиться, но если она и разсердится, все равно: мы обязаны передъ публикой не селадонничать съ „Ясною Поляною“, а прямо указать недостатки теоретическаго взгляда редакціи этого журнала, потому что хорошія стремленія его могли бы иначе подкупить многихъ на неразборчивое согласіе со всѣмъ, что наговорено въ „Ясной Полянѣ“. А наговорено въ ней все безъ разбора: и хорошее, и дурное. Сущность дѣла состоитъ вотъ въ чемъ:

„За изданіе педагогическаго журнала принялись люди, считающіе себя очень умными, наклонные считать всѣхъ остальныхъ людей,—напримѣръ и Руссо, и Песталоцци,—глупцами; люди, имѣющіе нѣкоторую личную опытность, но не имѣющіе ни опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, ни научнаго образованія. Съ этими качествами принялись

они читать педагогическія книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считаютъ нужнымъ,—это, дескать, все глупости написаны, до насъ нието ничего не смыслилъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Но въ прочтенныхъ ими отрывкахъ книгъ и статей излагаются взгляды очень различные: у одного автора рекомендуется одинъ методъ преподаванія, у другого—другой, у третьяго—третій; у одного автора одинъ взглядъ на потребности народа, у другого—другой и т. д.; по одному автору кругъ предметовъ преподаванія для народа одинъ, у другого—другой, и т. д. Чтобы разобрать, кто правъ въ этой разногласіи, нужно тяжелое изученіе, нужна привычка къ логическому мышленію, нужны опредѣленные убѣжденія. А эти люди не постарались пріобрѣсти ни одного изъ этихъ условій, и потому не въ силахъ ничего разобрать. Вотъ и явился у нихъ выводъ, что ничего нельзя разобрать, что все вздоръ и все правда, и всѣ системы никуда не годятся, и всѣ системы справедливы, и науки нѣтъ, и предмета нельзя знать, и методовъ нельзя опредѣлять. И осталось имъ руководиться только своими случайными впечатлѣніями да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и—обрывки чужихъ мыслей, попавшіе въ ихъ память, летать у нихъ съ языка какъ попало, въ какой попало связи другъ съ другомъ и съ ихъ личными впечатлѣніями. Изъ этого, натурально, выходитъ хаосъ“.

Вслѣдствіи этотъ хаосъ, къ сожалѣнію, развился и въ другихъ направленіяхъ,—и такъ давно было уже замѣчено его возникновеніе! — А. В.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Балтрамайтіс, С.—Сборникъ бібліографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы. Спб. 91. Стр. 248 и 96.

Барсуковъ, Александръ.—Родъ Шереметевыхъ. Кн. 6. Спб. 92. Стр. 575.

Бернейс, Френсисъ.—Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Перев. съ англ. п. р. Е. Сисовой. 2-е изд., съ 24 рис. Спб. 92. Стр. 196.

Бремъ, А. Э.—Иллюстрированное изданіе „Жизнь животных“, со множ. подтипажей и хромофотографіями, въ десяти томахъ. Перев. съ 3 нѣм. изд., п. р. К. К. Сентъ-Илера. Т. I. Млекопитающія: обезьяны, полуобезьяны, рукокрылыя, часть хищныхъ. Спб. 93. Стр. 724. Ц. 6 р.

Буассе, Гастонъ.—Паденіе язычества. Исслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы на Западѣ въ IV вѣкѣ. Перев. съ франц. п. р. М. С. Карелина. М. 92. Стр. 584. Ц. 4 р.

Винклеръ, фонъ, П.—Русская геральдика. Исторія и описаніе русскихъ гербовъ, съ изображеніемъ всѣхъ дворянскихъ гербовъ, внесенныхъ въ общій гербовникъ всероссійской имперіи. Вып. 1, съ 275 рис. Спб. 92. Стр. 48. Ц. 3 р.

Ганичъ, А. И.—Земельный рубль. Способъ уменьшить на половину платежи процентовъ по нашимъ ипотечнымъ долгамъ. Киевъ, 92. Стр. 17. Ц. 15 к.

Герцифельдъ, М. Г.—Исторія еврейскаго народа для еврейской школы и семьи. Ч. I: Отъ сотворенія міра до разрушенія второго храма Титомъ. Киевъ, 92. Стр. 126.

Гомо де-ла Верита.—Осенніе огни. Романъ-фантазія. Въ двухъ томахъ. Спб. 92. Стр. 335 и 281. Ц. 3 р.

Горбуновъ-Посадовъ, П.—Русскимъ матерямъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ, съ рисунками. М. 92. Стр. 259. Ц. 1 р.

Данилевскаго, Г. П., Сочиненія (1847—1890 г.). Тт. II, III и IV. Спб. 92. Стр. 383, 454 и 397. Изд. 7-е, посмертное, въ девяти томахъ, съ портр. автора.

Данилаго, С. Н., д-ръ.—Краткій очеркъ психіатріи, примѣнительно къ уходу и наблюденію за душевно-больными. Спб. 92. Стр. 124.

Данте-Алигieri.—Божественная Комедія. Адъ. Перев. стих. съ итал. А. П. Федорова, съ объяснит. примѣч. и біографич. очеркомъ Данте. Спб. 93. Стр. 325. Ц. 1 р. 50 к.

Заиоровскій, А., проф. новоросс. унив.—Очерки гражданскаго судопроизводства въ новыхъ административно-судебныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ. Од. 92. Стр. 373. Ц. 3 р.

Зеллишмюллеръ, А., проф.—Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней? Перев. Е. Д. Ильиной. Спб. 92. Стр. 59. Ц. 50 к.

Зотовъ, Р. Вл.—О черниговскихъ князьяхъ, по Любецкому синодику, и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время. Спб. 92. Стр. 327.

Бартевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній. Т. II: Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII в. Спб. 93. Стр. 320. Ц. 3 р. 50 к.

Конардовъ, С.—Общедоступная лѣсная таксація и таблицы для матеріальной и денежной оцѣнки лѣса. М. 92. Стр. 151. Ц. 1 р. 50 к.

Коравасевъ, С. А.—О вентилированіи классныхъ помѣщеній. М. Немировъ. 90. Стр. 41. Ц. 35 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Пособіе къ лекціямъ. Т. I. Введеніе. Общая часть. Спб. 92. Стр. 402. Ц. 2 р. 50 к.

Коропчевскій, Д. А.—Современная наука. Очерки: Вып. I. Психологія войны. Вып. II. Народное предубѣжденіе противъ портрета. Вып. III. Волшебное значеніе маски. Вып. IV. Древнѣйшій спортъ. Спб. 92. Стр. 33, 35 и 40. Ц. по 25 коп.

Крестовскаго, В. (псевдонимъ), Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 92. Стр. 449. Ц. за 5 тт. 15 р.

Булаковский, Юліанъ.—Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. Киевъ, 92. Стр. 58. Ц. 30 к.

Ледерле, М. М.—Стасина библіотечка. № 1. Спб. 92. Стр. 58. Ц. 1 р.

Орловъ, В. Д.—Очеркъ исторіи и гігіены женской одежды, съ рисунками. Кав. 92. Стр. 84.

Орловъ, Н. А., ген. шт. полковн.—Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. Съ портр., карт. и план. Спб. 92. Стр. 362. Ц. 3 р.

Осокинъ, Н. А.—Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изд. 2-е. Кав. 92. Стр. 217. Ц. 75 к.

Перфильевъ, М.—Очерки современной клинической медицины въ Россіи. I. Клиническая школа проф. Захарьина. Спб. 92. Стр. 88. Ц. 60 к.

Уинсоръ, Джустинъ.—Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстр.

историко-крит. изслѣдованіе. Перев. съ англ. п. р. Ѳ. И. Булгакова. Спб. 93. Стр. 608. Ц. 2 р.

Фиске. Дж.—Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія, въ 2 т. Т. I. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 92. Стр. 339. Ц. 2 р.

Черепнинъ, А. И.—Значеніе кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ тульской и рязанской гг. Ряз. 92. Стр. 41.

—— Коростовскій кладъ. Ряз. 92. Стр. 5, съ рис.

Чешининъ, Всеволодъ.—Бетховенъ, поэма. Beethoven, deutsch v. V. v. Andrejanoff. Riga. 92. Стр. 59. Ц. 30 к.

Щетининъ, кн. Б.—Повѣсти и рассказы. М. 92. Стр. 346. Ц. 1 р.

— Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. Изд. 2-е. Спб. 92. Стр. 98. Ц. 60 к.

— Девятый отчетъ Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1891 г. Спб. 92.

— Дешевая Библіотека: № 23. А. Марлинскій. Рассказъ офицера, Красное покрывало, Ночь на кораблѣ, Осада. Ц. 15 к.—№ 45: Письма русскаго путешественника, Н. М. Карамзина, т. I и II. Ц. 1 р.—№ 128: Плутархъ, Сравнительныя жизнеописанія, т. IV, вып. 2: Пирръ и Марій. Ц. 15 к.—№ 236: Жоржъ Зандъ. Пріемышъ. Ц. 15 к.—№ 238: Лаврентій Стернь, Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. Ц. 20 к.

— Законы гражданскіе (Св. Закон. т. X. ч. 1, изд. 1887 г.), со включеніемъ статей по продолжен. 1890 и 91 гг., позднѣйшихъ узаконеній и разъясненій общ. собр. и гражд. касс. департ. правит. Сената, по іюнь 1892 г. Составл. п. р. А. К. Гаугера, чл. спб. судебн. палаты. Съ Положеніемъ о казенн. подрядкахъ и поставкахъ, стр. 80. Спб. 1893. Стр. 718 и 80. Ц. 3 р.

— Календарь крестный на 1893 годъ. Годъ 28. Стр. 56. Ц. 15 к.

— Критическія статьи: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Левъ Толстой, Щедринъ и др. („Современникъ“, 1854—1861 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 93. Стр. 387. Ц. 2 р.

— Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составл. по Гельвальду, Даніэлю, Клодену, Реклю, Супану и др. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рис. въ текстѣ). Спб. 92. Стр. 142. Ц. 80 к.

— Къ юбилею Казанской Духовной Академіи. Спб. 92. Стр. 31. Ц. 25 к.

— Настольный Энциклопедическій словарь. Вып. 51 и 52 (Кредитъ—Курковъ архипелагъ). Изд. Товарищ. А. Гарбель и К°. М. 92. Стр. 2397—2492. Ц. по 40 к.

— Нашему юношеству. Рассказы о хорошихъ людяхъ. № 5. Веняминъ Франклинъ. А. П. Мунтъ-Валуевой. 2-е изд. Спб. 92. Стр. 44. Ц. 10 к.

— Новая Библіотека Суворина: № 3 и 4. Три мушкетера, ром. Ал. Дюма, т. I и II.—№ 5. Шагренева кожа, ром. де-Бальзака.—№ 6. Исторія Манонъ Леско, ром. абб. Прево.—№ 7. Эмпірій, пов. изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи, А. Д. Крѣка. Спб. 92. Каждый томъ 60 к.

— Популярная Библіотека медицинскихъ знаній. Т. I: Гигіена нервныхъ людей, Ф. Левицкаго, перев. п. р. Л. О. Финкельштейна. Спб. 93. Стр. 190. Ц. 1 р.

— Семейная Библіотека. № 33. Викторъ Гюго: Девяносто-третій годъ, ром. Ч. II. Спб. 92. Стр. 80. Ц. 25 к.

— Современная наука, вып. 5: Открытіе Америки норманнами въ X и XI в., Г. Регтингера. Спб. 93. Стр. 23. Ц. 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ferdinand de Hénaut. Douze ans d'alliance franco-russe. Préface de M. Paul Laffitte. Paris, 1892. Стр. 186. Ц. 3 фр. 50 с.

Литература, посвященная вопросу о франко-русскомъ союзѣ, разрастается съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ въ объемѣ: десятки книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей разсматриваютъ эту любимую политическую идею современныхъ французовъ съ различныхъ сторонъ и повидимому исчерпали ее до дна, но тѣмъ не менѣе все еще находятся авторы, которые считаютъ долгомъ въ сотый и тысячный разъ доказывать пользу и спасительность союза между Франціею и Россіею.

Послѣ специальныхъ историческихъ трактатовъ Альбера Вандали и г. Татищева можно было уже считать вполне безспорнымъ существованіе стремленій къ обоюдной сдѣлкѣ правительствъ Наполеона и Александра I, въ эпоху великихъ войнъ, въ началѣ столѣтія, — хотя и раньше никто въ этомъ не сомнѣвался; точно такъ же историко-біографическіе матеріалы о дѣятельности Подцо ди-Борго выяснили съ достаточною подробностью характеръ русско-французской дружбы въ мирный періодъ монархической реставраціи. Фердинандъ де-Гендъ возвращается къ той же исторической темѣ и вновь излагаетъ факты, относящіеся къ международной политикѣ Франціи и Россіи при Людовикѣ XVII и Карлѣ X, съ цѣлью провести назидательную будто бы параллель между прошлымъ и настоящимъ. „Желая показать, — говоритъ наивно авторъ, — что франко-русскій союзъ благодѣтеленъ для обѣихъ націй, мы стали искать въ исторіи, не примѣнялась ли эта политика правительствами французскимъ и русскимъ въ какую-нибудь опредѣленную эпоху, и, продолжая далѣе наши изысканія, мы были поражены сходствомъ между дипломатическою исторіею Европы въ 1818—30 годахъ и современнымъ положеніемъ“. Такъ какъ самъ же авторъ сознается, что въ его книгѣ не содержится ничего новаго для людей, знакомыхъ съ новѣйшею исторіею, то трудно понять, почему ему пришлось дѣлать самостоятельные поиски и изысканія для открытія общезвѣстныхъ фактовъ.

Самая параллель, проводимая авторомъ, не выдерживаетъ серьезной критики и основана на рядѣ явныхъ историческихъ неточностей.

По словамъ Фердинанда де-Генё, послѣ войны 1870 года Россія не допускаетъ совершеннаго подавленія Франціи, подобно тому какъ она не допустила расчлененія ея на вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года; между тѣмъ въ дѣйствительности Россія вовсе не вступалась за Францію по окончаніи войны 1870 года и предоставила пруссакамъ полную свободу дѣйствій при заключеніи мира. Русское заступничество началось только повдѣе, съ 1875 года, когда оно не могло уже повліять на результаты франкфуртскаго мирнаго договора. Далѣе, сравнивая священный союзъ съ тройственнымъ союзомъ Германіи, Австріи и Россіи, авторъ упускаетъ изъ виду различія цѣлей и идей, лежавшихъ въ основѣ обѣихъ политическихъ комбинацій; а сопоставленіе Меттерниха съ Бисмаркомъ грѣшитъ уже явнымъ анахронизмомъ. „Одинъ человѣкъ ведетъ за собою тройственный союзъ,—говоритъ де-Генё,—это Бисмаркъ, и его тактика заключается въ томъ, что онъ пугаетъ союзниковъ, представляя Францію средоточіемъ, откуда революціонеры всѣхъ странъ получаютъ свои внушенія; онъ старается выстѣ съ тѣмъ доказать, что французы, съ ихъ идеями возмездія, постоянно угрожаютъ европейскому миру, и что французскія учрежденія опасны для всѣхъ монархическихъ правительствъ“. Эта характеристика вполнѣ подходитъ къ дипломатіи Меттерниха, но имѣетъ очень мало общаго съ политическою дѣятельностью князя Бисмарка. Бисмаркъ не только не видѣлъ опасности въ установленіи республики во Франціи, но, напротивъ, признавалъ эту правительственную форму наиболѣе удобною и выгодною съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ, въ чемъ расходился съ тогдашнимъ посланникомъ въ Парижѣ, графомъ Арнимомъ; онъ вообще никогда не боялся никакихъ идей, ни республиканскихъ, ни реакціонныхъ, ни даже соціально-демократическихъ, и не заявлялъ вовсе притязанія на вмѣшательство во внутреннія дѣла французскаго народа.

Приписывать бывшему германскому канцлеру роль и значеніе современнаго Меттерниха можно лишь развѣ въ видѣ шутки; ибо человѣкъ, создавшій имперскую конституцію на основѣ всеобщей подачи голосовъ и приложившій къ дѣлу ученіе государственнаго социализма, не давалъ повода къ подобнымъ недоразумѣніямъ, и политическіе принципы его, провозглашаемые имъ публично въ теченіе многихъ лѣтъ, должны предполагаться всѣмъ извѣстными.

Несправедливо также сравнивать покровительственную политику Александра I относительно возстановленной французской монархіи съ нынѣшними отношеніями нашими къ французской республикѣ; тогда правители могли заниматься международными предпріятіями по личнымъ своимъ вкусамъ и влеченіямъ, безъ всякой связи съ реальными интересами государствъ, а теперь дипломатія чужда вся-

кой сентиментальности, руководствуется политическимъ разсчетомъ и опирается—или по крайней мѣрѣ должна опираться—на потребности и желанія народовъ. Безкорыстная щедрость и самоотверженіе во имя постороннихъ или фантастическихъ цѣлей, въ ущербъ собственной странѣ, не допускаются уже современными условіями государственной жизни; поэтому изъ того, что дѣлалось прежде, не слѣдуетъ еще, что такъ можетъ и должно дѣлаться въ настоящее время.

Значеніе уроковъ исторіи не заключается въ подражаніи прошлому и въ повтореніи бывшихъ когда-то фактовъ, какъ думаетъ Фердинандъ де-Гендъ; событія, возможные при однихъ обстоятельствахъ, немыслимы при другихъ, и историческія обобщенія даются вовсе не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. „Исторія, — говоритъ авторъ, — есть постоянное возобновленіе: люди мѣняются, факты различны, но положенія одинаковы по существу“; такая исторія, однако, представляла бы мало интереса и свидѣтельствовала бы о несомнѣнномъ застоѣ и упадкѣ государствъ. Каждый знаетъ, наоборотъ, что нынѣшняя Европа ушла далеко отъ порядковъ и идей временъ Меттерниха, что нынѣшняя французская республика непохожа на Францію Людовика XVII, и что современная Россія представляетъ собою нѣчто другое, чѣмъ держава крѣпостной, аракатеевской эпохи. Мотивы международной политики теперь уже совершенно не тѣ, какъ въ первую четверть столѣтія; внѣшнее сходство положеній скрываетъ глубокія различія, и къ новѣйшимъ вопросамъ дипломатіи непримѣнны старые рецепты.

По мнѣнію автора, дружба, соединявшая Францію и Россію въ періодъ реставраціи, позволила французамъ завоевать Алжиръ, а русскимъ—достигнуть реальныхъ пріобрѣтеній на Востока, вопреки Австріи; такъ же точно и нынѣшняя дружба,—какъ намекаетъ авторъ, —поможетъ обоимъ государствамъ устроить свои политическія дѣла къ обоюдной выгодѣ. Но гораздо продолжительнѣе и прочнѣе были наши связи съ нѣмецкими государствами и особенно съ Пруссією; здѣсь дружба по крайней мѣрѣ не прерывалась частыми кровопролитными войнами, какъ съ французами. Почему же къ русско-германскимъ отношеніямъ не приложить ту же историческую мѣрку, какъ къ отношеніямъ франко-русскимъ? Слѣдовательно, все дѣло сводится къ извѣстной общности интересовъ—общности временной и условной, связывавшей насъ прежде съ Пруссією, а позднѣе съ Францією. Еслибы въ Германіи правительственная власть перешла въ руки прогрессистовъ и социаль-демократовъ, — что представляется возможнымъ въ будущемъ, — то мы видѣли бы, вѣроятно, попытку франко-германскаго соглашенія на почвѣ нейтрализаціи Эльзаса и Лотарингіи, и французы могли бы тогда опять сдѣлаться политиче-

скими врагами Россіи, какъ это бывало не разъ и прежде. Авторъ полагаетъ, что Франція рѣдко занимала лучшее положеніе въ Европѣ, тѣмъ послѣ двѣнадцати лѣтъ монархической реставраціи, и что въ то же время Россія рѣдко одерживала такіе блестящіе успѣхи относительно Турціи; но какъ нельзя серьезно называть блистательнымъ положеніе Франціи подъ опекою и покровительствомъ монархическихъ кабинетовъ Европы, такъ не слѣдуетъ тогдашніе русскіе успѣхи на Востокѣ приписывать французской дружбѣ.

Изложеніе событій въ книгѣ Фердинанда де-Генд не отличается оригинальностью; матеріалъ распределенъ въ двухъ отдѣлахъ — о Франціи и Россіи въ эпоху конгрессовъ и о политикѣ обѣихъ державъ по восточному вопросу. Авторъ держится главнымъ образомъ сочиненій Виль-Кастеля и Шатобріана; обширною новѣйшею литературою предмета онъ, повидимому, пользовался мало.

Въ предисловіи Поля Лафитта резюмируются вкратцѣ историко-политическіе доводы въ пользу союза Франціи съ Россіею, — все тѣ же, частью сантиментальныя, частью практическія соображенія, имѣющія своею исходною точкою мысль о возвратѣ утраченныхъ провинцій. По увѣренію Лафитта, „въ мѣстностяхъ, занятыхъ союзниками въ 1814 году, преданіе, переходящее отъ отца къ сыну, относитъ самыя худшія воспоминанія нашествія къ пруссакамъ, а не къ русскимъ“; между тѣмъ въ книгѣ Эмиля Золя упоминается нѣсколько разъ, что въ Эльзасѣ казаки будто бы убивали даже женщинъ, и что мѣстные патриоты въ 1870 году были проникнуты жаждою мести къ пруссакамъ именно за эти казацкія безчинства 1814 года. Выходитъ одно изъ двухъ: или французы смѣшивали почему-то пруссаковъ съ казаками, или каждый авторъ изображаетъ дѣло такъ, какъ требуется ему въ данное время, смотря по цѣли и назначенію разсказа. Золя считалъ болѣе натуральнымъ и правдоподобнымъ представить варварами казаковъ, а не нѣмцевъ; другіе авторы, рассуждая о дружбѣ съ Россіею, считаютъ долгомъ приписывать разныя звѣрства пруссакамъ, а не казакамъ. Все это не серьезно и разсчитано лишь на наивность читателя.

Поля Лафиттъ повторяетъ также обычныя ссылки на дружескія сношенія французовъ съ русскими подъ Севастополемъ, гдѣ „борьба была жестокая, но безъ ненависти“; но очевидно, что эта кровавая борьба друзей служитъ лучшимъ доказательствомъ ненадежности ихъ дружбы. По мнѣнію Лафитта, „безопасность русской имперіи и ея свобода дѣйствій связаны съ существованіемъ великой французской націи; славянство и латинство нуждается другъ въ другѣ, и имъ нечего опасаться другъ друга“. Чѣмъ же объяснить частыя франко-русскія столкновенія и войны? На это нѣтъ разумнаго отвѣта. Взва-

ливать отвѣтственность на произволъ правителей едва ли возможно относительно Франціи, гдѣ общественное мнѣніе давно играло значительную и отчасти руководящую роль. Лафиттъ находитъ вполне основательными и убѣдительными историческія параллели, проводимыя Фердинандомъ де-Гено; но отъ такого публициста, какъ Поль Лафиттъ, можно было бы ожидать болѣе самостоятельнаго отношенія къ поверхностнымъ, шаблоннымъ взглядамъ на исторію и политику.

II.

Triple alliance et Alsace-Lorraine, par Jean Heimweh. Paris, 1892. Стр. IV и 138.

Какъ показываетъ уже самый псевдонимъ, выбранный авторомъ (Heimweh — тоска по родинѣ), вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи обсуждается въ этой книжкѣ съ точки зрѣнія эльзасско-французскаго патриота, оторваннаго отъ родной почвы насиліемъ побѣдителей.

Если оставить въ сторонѣ неизбежную односторонность, присущую всякому патриотизму, то можно признать вполне справедливыми общія указанія и жалобы автора: онъ протестуетъ, во-первыхъ, противъ рѣшенія политической судьбы какихъ-либо обитаемыхъ земель безъ спроса и согласія населенія; во-вторыхъ, онъ доказываетъ, что Германія могла легко привлечь къ себѣ эльзасцевъ предоставленіемъ имъ мѣстной автономіи и свободы, тогда какъ стѣснительныя паспортныя мѣры и придирки надолго оттолкнули населеніе отъ нѣмецкаго режима и увеличили преграду между побѣдителями и побѣжденными.

Но нужно замѣтить, что принципъ народнаго голосованія не признается еще обязательнымъ для европейскихъ государствъ при рѣшеніи вопросовъ о присоединеніи занятыхъ провинцій, и что политическое право, вытекающее изъ войны и побѣды, составляетъ еще пока основу существующихъ международныхъ правилъ и традицій. Пруссакъ и нѣмцы 1870 года имѣли полное основаніе смотрѣть на принципъ голосованія какъ на республиканское начало, непримѣнимое вовсе къ международнымъ спорамъ, рѣшаемымъ войною. Авторъ сопоставляетъ насильственный захватъ Эльзаса Германіею съ мирнымъ присоединеніемъ Ниццы и Савойи къ Франціи въ 1860 году; онъ ставитъ въ образецъ нѣмцамъ поведеніе французскаго правительства, допустившаго въ этихъ итальянскихъ областяхъ формальный плебисцитъ и выказавшаго этимъ будто бы большое уваженіе къ правамъ народа. Между обоими фактами нѣтъ, однако, ничего общаго. Франція не только не воевала съ Италіею, но была съ нею въ союзѣ, когда получила Ниццу и Савойю по добровольному соглашенію; французы

въ этомъ случаѣ не имѣли ни малѣйшаго повода дѣйствовать принудительно противъ своихъ друзей и союзниковъ. Здѣсь не было права войны, не было права завоеванія; напротивъ, тутъ была обоюдная дружеская сдѣлка, исключавшая всякую мысль о насиліи. Другое дѣло—франко-германскій мирный договоръ 1871 года: прямой результатъ нѣмецкихъ побѣдъ. Французы находились въ положеніи побѣжденныхъ и не могли ставить свои условія, а должны были подчиниться требованіямъ побѣдителей; они уступили Эльзась и часть Лотарингіи послѣ несчастной войны, предпринятой ими самими, а слѣдовательно, они никакъ не могли рассчитывать на особое вниманіе къ своимъ правамъ и интересамъ въ занятыхъ провинціяхъ. Сравнить сдѣлку 1860 года съ мирнымъ трактатомъ 1871 года—значить забывать тотъ простой фактъ, что между Франціею и Германіею была война, которой не было между Италіею и Франціею. Странно, что эти неподходящіе сравненія, невыгодныя будто бы для нѣмцевъ, часто повторяются серьезными французскими публицистами, гораздо болѣе выдающимися, чѣмъ Jean Heimweh. Даже и помимо войны принципъ народнаго голосованія вообще не примѣняется при оккупаци; такъ, Австро-Венгрія заняла Боснію и Герцеговину и открыто подготавливаетъ формальное присоединеніе этихъ областей къ своимъ владѣніямъ; и однако никто не возбуждаетъ вопроса, желаетъ ли туземное населеніе перейти подъ австрійское владычество и не предпочтетъ ли присоединиться къ родственной Сербіи.

Впрочемъ, книжка написана живо и горячо; въ ней преобладаетъ чувство горечи и обиды, придающее нѣкоторый колоритъ даже доктринерскимъ разсужденіямъ и отчасти извиняющее ихъ логическую несостоятельность. Въ отдѣльныхъ главахъ говорится о Германіи, Австріи и Италіи, о положеніи Эльзаса и о возможномъ мирномъ пересмотрѣ франкфуртскаго трактата. Войны авторъ не желаетъ, хотя и не боится ея; въ заключеніе, какъ и въ предисловіи, онъ обращается къ приверженцамъ и проповѣдникамъ мира, собравшимся на конгрессъ въ Бернѣ, и проситъ ихъ заняться судьбою „угнетеннаго“ эльзасско-лотарингскаго населенія. Обращеніе по этому поводу къ конгрессамъ мира обличаетъ въ авторѣ большого оптимиста.— Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1892 г.

Положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ прошлогодняго неурожаа. — Письмо г-спжи Сѣровой о селѣ Судосевѣ. — Земство и школы грамотности. — Школа, или мѣръ къ увеличенію „престижа“ власти? — Интересный процессъ. — Характеристика двухъ газетъ.

Годъ тому назадъ газеты, столичныя и провинціальныя, были переполнены свѣденіями о положеніи голодающихъ мѣстностей. Висказывалась мысль, что населенію не удастся поправиться вполнѣ даже и при самомъ удовлетворительномъ урожаѣ; перечислялись потери, для вознагражденія которыхъ потребуются, въ лучшемъ случаѣ, многіе годы. Прошла самая тяжелая пора; наступило лѣто, народъ вздохнулъ свободнѣе, попечительная дѣятельность, вызванная неурожаемъ, стала подходить къ концу и сводить свои итоги. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, однако, возникли, въ разныхъ мѣстахъ, опасенія за результаты новой жатвы. Въ значительной степени они оправдались. Хотя нынѣшній годъ гораздо благопріятнѣе предыдущаго, но есть губерніи — и къ ихъ числу принадлежатъ нѣкоторыя изъ наиболѣе пострадавшихъ въ 1891 г., — гдѣ озимые или яровые хлѣба, а иногда и тѣ, и другіе, уродились крайне плохо. Таковы, напримѣръ, губерніи воронежская, курская, тульская, въ которыхъ урожай озимыхъ хлѣбовъ, по официальнымъ даннымъ, неудовлетворительный, а урожай яровыхъ — частью посредственный, частью неудовлетворительный. Не трудно себѣ представить, что скрывается за этими сухими опредѣленіями. По разсчету помощника предсѣдателя воронежскаго губернскаго статистическаго комитета (см. „Русскія Вѣдомости“, № 283), у крестьянъ воронежской губерніи долженъ былъ образоваться въ прошломъ году, несмотря на продовольственную ссуду, недочетъ въ 800 тысячъ четвертей хлѣба, только отчасти пополненный частною благотворительностью, а больше — продажей имущества, дорого стоящими займами у „кулаковъ“, вредными для здоровья суррогатами хлѣба. Каково же должно быть положеніе крестьянства, вторично, при такихъ условіяхъ, постигнутаго неурожаемъ?.. А вотъ что мы читаемъ въ официальномъ документѣ — въ извлеченіи изъ отчета уполномоченнаго Особаго Комитета по тульской губерніи („Правительственный Вѣстникъ“, № 129) — о крестьянахъ епифанскаго уѣзда: „недостатокъ встрѣчался не только въ пищѣ, но и въ топливѣ, даже въ водѣ, которая высыхала въ колодцахъ и прудахъ, вслѣдствіе не-

бывалыхъ засухъ. Все это естественно отразилось на благосостояніи людей, на санитарномъ положеніи населенія, равно какъ и на убыли скота, какъ рабочаго, такъ и дойнаго... Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ отъ засухи не родилось ни конопли, ни льна; количество овецъ, за безкормицею, убавилось чуть ли не на половину; сукна, холсты распроданы, народъ въ конецъ износился"... Въ такихъ же краскахъ обрисовано и положеніе ефремовскаго уѣзда. Поразительно странной, въ виду всего этого, представляется крайняя скудость извѣстій, появляющихся въ печати о губерніяхъ и уѣздахъ, вновь пострадавшихъ отъ неурожая. Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—напр. въ воронежской—земствомъ опять возбуждено ходатайство о значительной продовольственной ссудѣ; но какія мѣры принимаются къ болѣе правильному опредѣленію и распредѣленію нособій, что дѣлаютъ и что имѣютъ въ виду сдѣлать мѣстныя благотворительныя общества и частныя лица, въ какой степени, однимъ словомъ, пошелъ въ прокъ опытъ прошлаго года — объ этомъ въ газетахъ не говорится почти ни слова. Между тѣмъ, необходимость широкой, всесторонней помощи населенію усиливается холерной эпидеміей, которая, появившись еще лѣтомъ на югъ-востокѣ Россіи, продолжаетъ до сихъ поръ свирѣпствовать съ особенной силой именно въ губерніяхъ, наиболѣе потерпѣвшихъ отъ неурожая. Въ продолженіе одной недѣли (въ началѣ октября) въ воронежской губерніи было 175, въ симбирской—224, въ курской—245, въ саратовской—306, въ оренбургской—311, въ пензенской—355, въ тамбовской—624, въ самарской—827 холерныхъ заболѣваній. По мнѣнію доктора Жбанкова, обостреніе, будущую весною, холерной эпидеміи можетъ быть предупреждено только улучшеніемъ продовольствія во всѣхъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ: „огромная заболѣваемость и смертность отъ холеры въ саратовской, самарской, воронежской и другихъ голодавшихъ губерніяхъ доказываетъ, какую благоприятную почву для развѣтія холеры составляетъ голодъ“.

Чѣмъ менѣе слышится голосовъ изъ неурожайной полосы, тѣмъ болѣшую цѣнность имѣютъ немногія сообщенія, напоминающія о недавнемъ прошломъ и не дающія успокоиваться насчетъ ближайшаго будущаго. Къ числу такихъ сообщеній принадлежитъ обширное письмо г-жи В. Сѣровой („Русскія Вѣдомости“, № 282), одной изъ самыхъ энергичныхъ участницъ борьбы съ прошлогоднимъ бѣдствіемъ. Вотъ что она говоритъ о положеніи села Судосева (корсунскаго уѣзда, симбирской губерніи), гдѣ она провела самые тяжелые зимніе и весенніе мѣсяцы. „Въ Судосевѣ надѣльной земли приходится на душу всего $\frac{1}{3}$ дес. во всѣхъ трехъ поляхъ. Лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ. Было только два капитальныхъ дождя во все лѣто.

Яровое все сгорѣло, а рожь, посѣянная осенью довольно поздно, дала менѣе чѣмъ средній урожай. Крестьянину хватить зерна въ этомъ году только на сѣмена и на хлѣбъ до Покрова. Заработковъ мало, вслѣдствіе обѣдненія сосѣдняго торговаго села (Большихъ Березниковъ). Шесть лѣтъ подъ рядъ въ Судосевѣ не видали урожая. Конопля не родится, цѣны на рабочія руки упали. Въ нынѣшнемъ году болѣзни окончательно лишили судосевцевъ заработка: рабочіе расхварывались дорогой и бѣжали домой. Безпрестанные пожары истощили послѣдніе ресурсы села, потерявшаго отъ нихъ почти всю домашнюю утварь и хозяйственные орудія. Къ концу зимы въ селѣ было не больше 300 лошадей (на 500 дворовъ!), коровъ—около сотки; овцы водились, въ видѣ исключенія, у однихъ богатей. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ авторъ письма выводитъ, прежде всего, необходимость сохранить образовавшееся въ прошломъ году мѣстное попечительство, оказавшее большія услуги не только Судосеву, но и сосѣднимъ деревнямъ, въ трехъ уѣздахъ симбирской и пензенской губерній. Оно состояло, преимущественно, изъ коренныхъ мѣстныхъ жителей (священника, учителя, волостного старшины, училищнаго сторожа) и пользовалось поддержкой мѣстнаго земскаго начальника и довѣріемъ населенія. Къ кому, кромѣ попечительства,—спрашиваетъ госпожа Стрѣва,—обратиться крестьянину съ своей *докумой*? Кто его выслушаетъ, кто замолвить за него слово, кто ему поможетъ совѣтомъ, если онъ задумаетъ что-нибудь неразумное? Вѣдь въ деревнѣ всякое бываетъ! Попечительство могло бы оказать большую помощь статистическому комитету, земскому начальнику, врачебному вѣдомству. Можно было бы возложить на него трудъ давать всевозможныя свѣденія о вѣренномъ ему селѣ. Кому же и знать точнѣе о положеніи крестьянскаго житія-бытія, какъ не священнику, учителю, старшинѣ и самимъ крестьянамъ?" Желательно, дальше, подкормить дѣтей, чтобы весной не разразилась бѣда. Такъ какъ хлѣбъ сталъ дешевле, то можно за 50 копѣекъ въ мѣсяцъ прокормить даже взрослого человѣка. На полгода, начиная съ Рождества, 1.500 рублей хватило бы на 500 ребятъ. Болѣе радикальными мѣрами къ улучшенію быта судосевскихъ крестьянъ были бы, наконецъ, разумное содѣйствіе переселеніямъ и поднятіе ремеслъ и кустарныхъ промысловъ. Все это не выходитъ за предѣлы возможнаго; многое можно даже назвать легко осуществимымъ, если только всѣ тѣ, которые поддерживали судосевскихъ крестьянъ во время голода, убѣдятся въ необходимости довести до конца однажды, начатое дѣло. Въ прошломъ году судосевское попечительство получило деньгами и хлѣбомъ до 10 тыс. рублей; неужели ему теперь не удастся собрать хотя пятую или шестую часть этой суммы, чтобы удовлетворить хотя

ближайшую потребность—прокормить наиболѣе нуждающихся дѣтей? „Бросить громадное село,—воскликаетъ госпожа Сѣрова,—въ такое напряженное время, когда эпидемія разыгралась кругомъ да около, когда шесть неурожайныхъ годовъ истощили ресурсы, когда отъ пожаровъ обнищало село—это непозволительно!“ Нужно надѣяться, что этотъ призывъ, идущій прямо отъ сердца, не прозвучитъ безслѣдно.

А сколько въ настоящее время на Руси селъ, находящихся въ такомъ же положеніи, какъ Судосево (или въ еще худшемъ), но не либящихъ радѣльца, который замолвилъ бы за нихъ слово въ печати? Въ сибирской губерніи урожай въ нынѣшнемъ году, говоря вообще, былъ сносный, хотя яровые хлѣба уродились и не совсѣмъ удовлетворительно; если Судосеву угрожаетъ тяжелая участь, то это зависитъ отъ совокупности обрушившихся на нихъ бѣдъ. Въ другихъ губерніяхъ такая совокупность составляетъ удѣлъ не отдѣльныхъ селъ, а цѣлыхъ волостей, цѣлыхъ уѣздовъ. Къ нимъ примѣнимо вполнѣ все сказанное госпожею Сѣровою о Судосевѣ, съ тою лишь разницей, что попеченія и помощи требуютъ здѣсь не одни дѣти. Вездѣ, гдѣ существуетъ массовая нужда, слѣдовало бы возобновить прошлогоднюю организацію, пополнивъ ея пробѣлы, позаботиться о томъ, чтобы не одна деревня не была предоставлена однѣмъ собственнымъ силамъ. Однажды сформировавшись, мѣстныя попечительства (мы употребляемъ это слово не въ техническомъ, а въ самомъ обширномъ смыслѣ, распространяя его на всѣ коллегіи, группы, кружки, образующіеся на мѣстахъ съ цѣлью помогать нуждающимся) примекли бы къ себѣ, какъ это было въ прошломъ году, и личныя, и матеріальныя силы, достаточныя для достиженія хотя бы ближайшей, наиболѣе скромной цѣли—для предупрежденія заболѣваній отъ скудной или дурной пищи. Исторія прошлогодней борьбы съ голодомъ выяснена еще не вполнѣ; много крупныхъ фактовъ остается еще въ совершенной безвѣстности или въ тѣни—но и по отрывочнымъ даннымъ, пролившимъ въ печать, можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ, которыхъ достигла, кое-гдѣ, хорошо устроенная и хорошо руководимая помощь. Весьма характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, ходъ дѣла въ той мѣстности моршанскаго уѣзда (тамбовской губерніи), которая была подробно описана въ февральской книжкѣ нашего журнала. Помощь голодающимъ, сохранившая здѣсь до конца исключительно частный характеръ, началась въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ. На первые пятьсотъ рублей было куплено, для раздачи бѣднѣйшимъ семьямъ села Липовки, 333 пуда муки. Первые двѣ столовыя были открыты только въ концѣ декабря, когда двое изъ организаторовъ помощи, В. В. Келлеръ и Л. А. Оболяниновъ, нашли

возможнымъ поселиться въ центрѣ избраннаго ими района, въ хutorѣ Вернадовкѣ (В. И. Вернадскій руководилъ дѣломъ изъ Москвы, по временамъ пріѣзжая на мѣсто). Въ половинѣ января число столовыхъ, въ пяти деревняхъ, возросло до семнадцати; появилась надежда довести число пользующихся столовыми до тысячи. Средства росли медленно, но постоянно, по мѣрѣ расширенія дѣла. Въ концѣ января крупное пожертвованіе, сдѣланное г. Н. М. (тридцать тысячъ руб.), сразу увеличило размѣры помощи. Общая цифра прихода, составила, къ концу голоднаго времени, почти 44 тысячи рублей, не считая весьма значительныхъ жертвованій натурой. Столовыхъ, въ тридцати деревняхъ, было открыто всего 121, на 6.107 человекъ (не считая маленькихъ дѣтей, для которыхъ устроивались особня столовыя). Сверхъ того раздавались припасы больнымъ, лишеннымъ возможности посѣщать столовыя, пшено для грудныхъ дѣтей, сѣмена для посѣва, лекарства для больныхъ; покупались лошади для безлошадныхъ крестьянъ и прокармливалось, съ середины марта до начала мая, болѣе 1.400 лошадей, принадлежащихъ бѣднѣйшимъ крестьянскимъ дворамъ. Въ веденіи столь сложнаго дѣла участвовало въ разное время, кромѣ названныхъ нами выше, еще семнадцать лицъ; нѣкоторые изъ нихъ, ухаживая за больными, сами заразились тифомъ, но, къ счастью, поправились ¹⁾. И это—далеко не единственный примѣръ необыкновенно быстрого роста помощи, предпринятой съ самыми скромными средствами. То же самое, мы въ этомъ убѣждены, повторилось бы и теперь, еслибы изъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ, проникало въ печать побольше подробныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ обширной полосѣ юго-восточной Россіи нынѣшней осенью опять стояли сильнѣйшія засухи; мы слышали еще недавно отъ лица, возвратившагося съ Кавказа, что до самаго Козлова озимыя поля представляютъ видъ до крайности печальный. Если въ будущемъ году нѣкоторымъ мѣстностямъ (напр. воронежской губерніи) въ третій разъ сразу суждено пострадать отъ неурожая, то пускай же овѣ встрѣтятъ его какъ можно менѣе истощенными отъ прежнихъ бѣдствій. Повторяемъ оговорку, къ которой мы, во избѣжаніе недоразумѣній, нѣсколько разъ вынуждены были прибѣгать въ зимніе и весенніе мѣсяцы: *главной формой помощи*, конечно, должна быть продовольственная ссуда, испрашиваемая земствомъ и разрѣшаемая правительствомъ—но рядомъ съ нею еще слишкомъ много остается мѣста для общественной и частной инициативы.

¹⁾ Подробный отчетъ см. въ № 191 „Русской Жизни“.

Нѣтъ, кажется, такихъ подозрѣній и обвиненій, которыми не подвергалась бы, въ послѣднее время, земская начальная школа. Отрицалось ея право на существованіе рядомъ съ школой церковно-приходской; провозглашалась необходимость подведенія всѣхъ народныхъ училищъ подъ одинъ, невысокій уровень, подчиненіе ихъ всѣхъ одной и той же власти. Отрекались отъ земской школы даже иные земскіе дѣятели, какъ крысы, спѣшація покинуть тонущій корабль. И вдругъ въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появляется письмо синодальнаго оберъ-прокурора на имя мѣстнаго губернатора—письмо, признающее заслуги земства по дѣлу народнаго образованія и значительные успѣхи, достигнутые его заботами. Констатируя недостаточность всего сдѣланнаго до сихъ поръ для начальнаго народнаго обученія и указывая на правила 4-го мая 1891 г. о школахъ грамотности, изданныя синодомъ „въ виду полной невозможности удовлетворить общенародную потребность въ грамотности существующими земскими и церковно-приходскими школами“, оберъ-прокуроръ предлагаетъ передать на обсужденіе земскихъ собраній и городскихъ думъ слѣдующія мѣры: 1) учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ двухъ или болѣе двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства, для приготовленія учителей въ школы грамоты; 2) постройка въ отдаленныхъ отъ церквей деревняхъ школьныхъ избъ для школъ грамоты, по планамъ и смѣтамъ, составленнымъ по соглашенію мѣстныхъ епархіальныхъ совѣтовъ съ земскими управами; 3) ассигнованіе ежегоднаго земскаго пособія школамъ грамоты въ суммѣ отъ 25 до 100 р., смотря по мѣстнымъ средствамъ и потребностямъ; 4) снабженіе означенныхъ школъ руководствами отъ училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта, который озаботился специально для школы грамоты издать доступные по содержанию и цѣнѣ учебники и учебныя пособія“. Противъ поддержки земствомъ и городами школъ грамотности, въ принципѣ, ничего возразить нельзя. И теперь уже найдется немало земствъ, ассигнующихъ ежегодно большія или меньшія суммы на учрежденіе и содержаніе школъ грамотности; весьма можетъ быть, что призывъ синодальнаго оберъ-прокурора приведетъ къ увеличенію числа и размѣра такихъ субсидій. Есть, однако, другое, очень простое, но очень дѣйствительное средство усилить интересъ городскихъ думъ и земскихъ собраній къ школамъ грамотности. Если рядомъ съ церковно-приходскими школами существуютъ начальныя школы земскія, городскія и министерскія, то мы не видимъ причины, почему рядомъ съ школами грамотности, состоящими въ вѣденіи духовенства, не могли бы существовать другія, состояція въ вѣденіи земства, города и инспекціи народныхъ училищъ. Ничто не мѣшаетъ распространить на школы

грамотности общее правило, принимаемое къ другимъ видамъ начальныхъ училищъ—правило, въ силу котораго завѣдываніе училищемъ, въ хозяйственномъ отношеніи, предоставляется вѣдомству или учрежденію, дающему средства на его содержаніе. Руководство учебною частью въ свѣтскихъ начальныхъ школахъ ввѣрено инспекціи начальныхъ училищъ; ей, конечно, оно принадлежало бы и по отношенію къ школамъ грамотности, основаннымъ на казенныя, земскія, городскія или частныя средства. За священникомъ могло бы остаться право ближайшаго надзора надъ школами грамотности, сопряженное съ обязанностью сообщать ученикамъ необходимѣйшія свѣденія по закону Божію. Только при такомъ разрѣшеніи вопроса школы грамотности стали бы расти количественно и улучшаться качественно, удовлетворяя хоть сколько-нибудь насущную потребность въ грамотности, больше чѣмъ когда-либо очевидную послѣ недавнихъ холерныхъ беспорядковъ. Появилось бы соревнованіе, столь полезное въ подобномъ дѣлѣ; появилась бы увѣренность, что затраты достигаютъ своей цѣли. Большая разница—давать деньги другому вѣдомству, безъ всякаго права контролировать его дѣйствія, или расходовать деньги черезъ своихъ уполномоченныхъ, во всемъ отвѣтственныхъ и обязанныхъ отчетомъ. Мы много разъ уже напоминали, что заботливость земства о школахъ грамотности началась гораздо раньше подчиненія ихъ духовному вѣдомству; даже послѣ изданія правилъ 13-го іюня 1884 г. положеніе школъ грамотности было, иногда, лучше извѣстно земству и училищному совѣту, чѣмъ мѣстнымъ священникамъ и епархіальному начальству. Въ готовности земства поддерживать школу грамотности нельзя, поэтому, сомнѣваться; нужно только, чтобы ему возвращено было право *непосредственно* попеченія о ней. Мы знаемъ, что въ мѣстныя отдѣленія епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ призываются иногда уполномоченные отъ земства; но этого недостаточно, чтобы обезпечить за земствомъ реальное вліяніе на школы грамотности. А между тѣмъ многого ли можно ожидать теперь отъ этихъ школъ, если даже церковно-приходскія школы далеко не приведены еще въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе? Вотъ что говоритъ, напримѣръ, „Церковный Вѣстникъ“, издаваемый при петербургской духовной академіи и, слѣдовательно, свободный отъ всякаго нерасположенія къ церковнымъ школамъ, отъ всякаго пристрастія къ школамъ земскимъ: „недостатковъ въ методахъ преподавателей (въ церковно-приходскихъ школахъ) найдется масса, а равно и пробѣловъ въ отношеніи изученія школьныхъ предметовъ. Да и воспитательныя мѣры не вездѣ цѣлесообразны... Вѣдь не секретъ, что *нормальнѣе* церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ преподавателями состоятъ одни только члены мѣстнаго причта, пока очень и очень мало. Поэтому не велика заслуга

тѣхъ отдѣленій, которыя въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ насадили цѣлыя десятки церковныхъ школъ съ отдѣльными учителями, кои получаютъ жалованья 60, 80 и 120 р. въ годъ, и кои, какъ показываетъ опытъ, при первомъ удобномъ случаѣ бывають вынуждены бѣжать и оставлять свои школы". О ревизіи церковно-приходскихъ школъ духовный журналъ сообщаетъ слѣдующія свѣденія:— „обыкновенно ревизоромъ дается нѣсколько вопросовъ по предмету закона Божія, рассказывается учениками 2—3 исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завета, предлагается къ рѣшенію та или иная арифметическая задача, по преимуществу по указанію самого учителя; 3—5 человѣкъ прочтуть по нѣскольку строкъ изъ псалтири и Евангелія — и тѣмъ завершается процедура всей ревизіи. При такой постановкѣ дѣла школьной ревизіи и взглядъ на школу можетъ быть составленъ далеко не соответствующій реальному положенію ея, а иногда и прямо ошибочный. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстна школа, о которой предсѣдатель и членъ (священникъ) уѣзднаго отдѣленія дали отзывы прямо противоположные, между тѣмъ какъ оба ревизовали ее почти одновременно—разница въ 5-7 дняхъ. Одинъ представилъ ее въ болѣе чѣмъ удовлетворительномъ видѣ, а другой—въ самомъ мрачномъ. И такихъ фактовъ не мало. Прибавимъ отъ себя, что такіе факты извѣстны каждому деревенскому жителю или земскому дѣятелю, присматривавшемуся къ положенію сельскихъ школъ и прислушивавшемуся къ возбуждаемымъ ими толкамъ. Удивляться ли, затѣмъ, что земскія собранія не слишкомъ слѣпаты связывать себя обязательствомъ поддержки школъ, состоящихъ въ вѣденіи духовенства?.. Что касается до отдѣльных мѣръ, перечисленныхъ въ предложеніи оберъ-прокурора, то учрежденіе двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, съ цѣлью приготовленія учителей въ школы грамотности, было бы полезно развѣ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа двухклассныхъ сельскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Эти училища имѣють преимущество передъ двухклассными церковно-приходскими школами уже потому, что полный курсъ ученія продолжается въ первыхъ—пять лѣтъ, въ послѣднихъ—четыре года. Министерскія училища, притомъ, уже существуютъ; стоитъ только земству назначить небольшія стипендіи для тѣхъ учениковъ, которые пожелаютъ пойти въ учителя школъ грамотности — и дѣло сдѣлано, между тѣмъ какъ двухклассныя церковно-приходскія школы предстояло бы еще учредить, съ значительными расходами и съ отсрочкой въ достиженіи главной цѣли... Едва ли производительной оказались бы, дальше, затраты на устройство для школъ грамотности особыхъ школьныхъ избъ, какъ потому, что школы грамотности отличаются сравнительною подвижностью, часто переходятъ изъ деревни въ деревню, такъ и потому,

что спеціально-приспособленныхъ школьныхъ зданій не имѣютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и правильно организованныя начальныя школы, земскія и церковно-приходскія. Единственная, какъ намъ кажется, цѣлесообразная форма земской помощи школамъ грамотности (пока ни одна изъ нихъ не состоитъ въ вѣденіи земства) — это ежегодно, въ случаѣ надобности, возобновляемая ассигновка на содержаніе учителя и на приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій. Желательно, притомъ, указаніе со стороны самого земства (или уѣзднаго училищнаго совѣта) тѣхъ мѣстностей, куда должны быть направляемы пособия. Этимъ путемъ могутъ быть пополняемы, до извѣстной степени, пробѣлы въ земской школьной сѣти.

Москва праздновала недавно двадцатипятилѣтіе первыхъ городскихъ начальныхъ училищъ. Въ интересной статьѣ, напечатанной по этому поводу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 284), г. М. Щепкинъ выставляетъ на видъ громаднѣйшій переворотъ, совершившійся въ Москвѣ, за послѣднюю четверть вѣка, въ области начальнаго обученія. Въ 1863 г. московская городская дума тратила на „приходскія“ (т.-е. начальныя) училища съ небольшимъ 4 тысячи рублей; теперь она расходуетъ на нихъ почти полъ-милліона (496.804 рубля). Комиссія по устройству городскихъ училищъ, собравшаяся въ первый разъ 9-го августа 1865 г., состояла изъ слѣдующихъ лицъ, изъ которыхъ теперь никого уже нѣтъ въ живыхъ: проф. С. М. Баршевъ (предсѣдатель), проф. О. Б. Мильгаузенъ (дѣлопроизводитель комиссіи и составитель ея доклада), Н. З. Дружининъ, М. П. Погодинъ, Н. М. Щепкинъ и С. О. Оедоровъ. 3-го декабря она провела въ думѣ приговоръ объ устройствѣ первыхъ пяти училищъ, состоявшемся, однако, лишь два года спустя, въ 1867 г.; замедлилось полученіе разрѣшенія на ихъ открытіе. Съ тѣхъ поръ распространеніе въ Москвѣ начальныхъ школъ шло впередъ такъ же непрерывно, какъ и въ Петербургѣ (гдѣ оно началось десятью годами позже, не по винѣ городской думы). Напоминать объ этихъ фактахъ въ настоящее время далеко не излишне, въ виду безпрестанно возобновляющихся слуховъ о предстоящемъ, будто бы, изъятіи городскихъ начальныхъ школъ изъ вѣденія городского общественнаго управленія. Мы считаемъ эти слухи совершенно невѣроятными, уже потому, что только-что обнародованное и еще не введенное въ дѣйствіе городское положеніе 11-го іюня 1892 г. сохраняетъ за городскими думами прежнія ихъ права по завѣдыванію учебными заведеніями¹⁾. Но „лишь

¹⁾ По примѣчанію къ ст. 103 Городового Положенія 11-го іюня 1892 г., „на управу, или на отдѣльныхъ лицъ, либо на особія исполнительныя комиссіи можетъ быть возлагаемо также завѣдываніе дѣлами, относящимися до учебныхъ заведеній, содержимыхъ на мѣстныхъ средства, но лишь въ предѣлахъ, указанныхъ для горо-

безъ огня“ не бываетъ: участіе городовъ въ развитіи народнаго образованія, составляющее, по мнѣнію однихъ, лучшую сторону ихъ дѣятельности, другимъ, очевидно, продолжаетъ казаться зломъ, подлежащимъ неукоснительному искорененію...

Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе несомнѣнное и ясное, чѣмъ тѣсная причинная связь между невѣжествомъ и легковѣріемъ, между темнотою, въ которую погружена у насъ до сихъ поръ народная масса, и беззащитностью ея противъ самыхъ нелѣпныхъ слуховъ? Отрицаетъ эту связь, однако, не одинъ „Гражданинъ“: ея не хотятъ видѣть и московскіе его единомышленники. Если крестьяне дер. Абакумовки и Михайловки ¹⁾ пошли на штурмъ земской больницы, чтобы уничтожить смертоносные багры и крючья, если они вѣрили въ „шмару“, пускаемую „господами“ изъ подозрительной трубы, то виновны въ этомъ тѣ, которые „распатали власть и вѣру въ народъ“. „При чемъ тутъ школа?—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 264). „Если возможно во время паники настроить народъ противъ правительства, то это не потому, что онъ недостаточно знакомъ съ слуховымъ методомъ, не знаетъ еще извлеченія корней, теоріи Фурье и организаціи рабочихъ союзовъ въ Англіи (это все преподается или должно преподаваться въ народной школѣ?!), а потому, что онъ *хорошими словами* подготовленъ къ неуваженію властей и къ вѣрѣ во всякія нелѣпости, направленные въ ущербъ правительственному престижу. Къ счастью, мы теперь взяли за умъ, и работа возстановленія престижа власти началась. Не легко, конечно, власти бороться съ тѣмъ наслѣдіемъ, которое намъ осталось отъ *хорошихъ словъ*, но тѣмъ болѣе должны мы стараться сами помогать ей въ этой работѣ, одинаково необходимой для людей просвѣщенныхъ и невѣжественныхъ“. Итакъ, до эпохи распространенія *хорошихъ словъ* у насъ были немыслимы событія въ родѣ абакумовскихъ и михайловскихъ, саратовскихъ и юзовскихъ? А возстаніе въ военныхъ поселеніяхъ, а „картофельные бунты“ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а другіе безчисленные беспорядки той же эпохи? Или, можетъ быть, уже въ то время власть была „распатаана“, „престижъ“ ея не былъ достаточно великъ? Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ искать кульминаціонный пунктъ этого престижа?.. На самомъ дѣлѣ „престижъ власти“, т.-е. страхъ передъ нею, не ослабѣвалъ никогда, потому что никогда—ни въ шестидесятыхъ, ни въ семидесятыхъ годахъ—не прекращалась репрессія народныхъ вол-

скихъ обществъ узаконеніями о сихъ заведеніяхъ“, т.-е. такъ, какъ оно велось и при Городовомъ Положеніи 1870 года, а именно, на основаніи „Положенія 81-го мая 1872 г. о городскихъ училищахъ“ и „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г.“.

¹⁾ См. Общественную Хронику въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

неній, по роду средствъ и „энергичности“ ихъ употребленія ничѣмъ не отличавшаяся отъ предъидущей и послѣдующей. Съ другой стороны, былъ ли въ толпѣ, буйствовавшей въ Абакумовѣ и Михайловѣ (объ остальныхъ холерныхъ безпорядкахъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но едва ли они, по общему своему характеру, существенно отличались отъ тамбовскихъ), хоть одинъ человѣкъ, имѣвшій понятіе о *хорошихъ словахъ* (въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому выраженію „Московскія Вѣдомости“) и дѣйствовавшій подъ ихъ вліяніемъ? Всѣ мотивы и побужденія толпы, раскрытыя слѣдствіемъ, принадлежать къ числу самыхъ элементарныхъ и давно извѣстныхъ. Это все то же недовѣріе къ „господамъ“, къ людямъ одѣвающимся и говорящимъ не по-крестьянски, все та же готовность подхватить и раздуть неизвѣстно откуда идущую и ни съ чѣмъ несообразную молву, все то же стадное чувство, заставляющее слѣдовать за первымъ, случайнымъ вожакомъ и совершать, скопомъ, дѣла, отъ которыхъ отшатнулся бы каждый отдѣльный ихъ участникъ. Холерные безпорядки 1892 г. были точною копіей съ такихъ же безпорядковъ 1830-31 г., когда, конечно, не было еще и рѣчи о *хорошихъ словахъ*, когда въ „престижѣ власти“ никто даже и не сомнѣвался... Съ несостоятельностью взгляда, проводимаго „Московскими Вѣдомостями“, можетъ сравниться только его опасность. Въ самомъ дѣлѣ, если печальныя событія на востокѣ и югѣ Россіи зависѣли преимущественно отъ народнаго невѣжества и народной подозрительности, то не только на правительствѣ, но и на всемъ русскомъ обществѣ лежитъ серьезная и трудная обязанность просвѣтить народъ, уничтожить рознь между такъ называемыми высшими и низшими сословіями. Наоборотъ, стоитъ только признать, что все сводится къ поднятію „престижа власти“ и къ безслѣдному уничтоженію „хорошихъ словъ“—и задача до крайности упрощается, получая исключительно полицейскую окраску. Обществу остается лишь сложить руки и поощрять, одобрительными возгласами, всякое проявленіе „сильной власти“; болѣе активную форму содѣйствія едва ли придумаютъ для него даже тѣ мы, отъ имени которыхъ говорятъ „Московскія Вѣдомости“. Кто ожидаетъ спасенія только отъ административныхъ мѣропріятій, тотъ естественно расположенъ къ возможно большому ихъ обостренію. Чрезвычайно характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, тонъ замѣтки, посвященной „Московскими Вѣдомостями“ (№ 245) нашему миѣнію о тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ о средствѣ административной расправы. „Просто *вспомнутъ* юречикъ, сколько требуется“,—вотъ формула усмиренія, рекомендуемая московской газетой. Такъ выражались, въ эпоху крѣпостного права, приверженцы экзекуцій на помѣщичьихъ конюшняхъ...

Рѣшены ли, и если рѣшены, то какъ, дѣла о холерныхъ безпорядкахъ, изъятыхъ изъ общей подсудности и переданныя военному суду — это, по прежнему, остается неизвѣстнымъ. Мы встрѣтили въ газетахъ только слѣдующую телеграмму изъ Харькова, отъ 3-го октября: „дѣло о безпорядкахъ въ Юзовѣ поступило къ прокурору одесскаго военно-окружнаго суда. Составленное заключеніе будетъ представлено командующему войсками. Всѣхъ обвиняемыхъ—сто-пятьдесятъ три. Свидѣтелей около девятисотъ. Составъ преступленія: вооруженное сопротивленіе властямъ, сопровождавшееся убійствами, увѣчьями, поджогами и грабежемъ. Дѣло будетъ слушаться въ Еватеринославѣ“. Нужно надѣяться, что двери суда не будутъ закрыты или, по крайней мѣрѣ, не останется въ тайнѣ содержаніе обвинительнаго акта и судебного рѣшенія. Въ дѣлахъ, подобныхъ юзовскому, всегда много поучительнаго; необходимо раскрыть причину зла, чтобы предупредить новыя его вспышки — и въ этой предупредительной работѣ должно участвовать и общество... Интересно будетъ узнать, принадлежатъ ли обвиняемые по юзовскому дѣлу къ числу тѣхъ лицъ, которыя, немедленно послѣ прекращенія безпорядковъ, были подвергнуты, по распоряженію административной власти, тѣлесному наказанію. Если принадлежатъ, то не нарушается ли, по отношенію къ нимъ, одно изъ основныхъ началъ уголовного права: *non bis in idem*? Если не принадлежатъ, то не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что подверглись тѣлесному наказанію лица, весьма мало прикосновенныя къ безпорядкамъ и вовсе, по закону, не подлежащія отвѣтственности? Эта дилемма возникаетъ каждый разъ, когда суммарная расправа предшествуетъ формальному судебному производству.

Частое повтореніе извѣстныхъ явленій въ какой-нибудь сферѣ общественной жизни почти всегда указываетъ на существованіе аналогичныхъ фактовъ въ другихъ сферахъ, болѣе или менѣе близкихъ. Усиленіе „физическаго воздѣйствія“ въ области чрезвычайныхъ административныхъ мѣръ почти всегда идетъ рука объ руку съ усиленіемъ его въ области крестьянскаго суда, въ области воспитанія, въ области служебной. Доказательство этому мы видимъ, между прочимъ, въ процессѣ, недавно производившемся въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ ¹⁾. 3-го января 1892 г., въ городѣ Бѣльцахъ (бессарабской губерніи), повѣсился рядовой Литвиненко, состоявшій деньщикомъ у мѣстнаго уѣзднаго воинскаго начальника, подполковника Василенко. Кучеръ и поваръ послѣдняго (также рядовые) показали, что 3-го января, около 10 ч. утра, подполковникъ Василенко побилъ Литвиненко за нехорошо вычищенную шинель, а вечеромъ того же дня произошло самоубійство Литвиненко. Въ актѣ вскрытія было указано

¹⁾ См. „Новое Время“, № 5971.

на хроническое воспаленіе твердой мозговой оболочки, сопровождавшееся, будто бы, головными болями, психическимъ угнетеніемъ и угрюмостью, и въ этомъ была усмотрѣна вѣроятная причина самоубійства; но, по свидѣтельству товарищей покойнаго, онъ никогда на головныя боли не жаловался и угрюмъ не былъ, а часто плакалъ отъ побоевъ, наносимыхъ ему Василенко. Подполковникъ Василенко объяснилъ, что никогда ни Литвиненко, ни кого-либо другого не билъ; въ данномъ же случаѣ, *выведенный изъ себя дерзостью Литвиненко, отнесшася съ необычайнымъ равнодушіемъ къ сдѣланному ему замѣчанію о шинели, онъ ударилъ его два раза по лицу, и только.* Обвиняемый не думаетъ, чтобы эти удары были причиною самоубійства, *такъ какъ последнее случилось вечеромъ, а побой—утромъ.* Судъ призналъ подполковника Василенко невиновнымъ въ жестокомъ обращеніи съ Литвиненко, доведшемъ послѣдняго до самоубійства, а за нанесеніе подчиненному нижнему чину ударовъ и за имѣніе у себя для личныхъ услугъ, вмѣсто двухъ, трехъ нижнихъ чиновъ, приговорилъ его къ содержанію на гауптвахтѣ въ теченіе одного мѣсяца. Не зная всѣхъ подробностей дѣла, мы отнюдь не подвергаемъ сомнѣнію правильность этого рѣшенія: мы только обращаемъ вниманіе на подчеркнутыя нами слова подсудимаго. Видѣть *дерзость въ равнодушіи къ замѣчанію*, хотя бы и *необычайномъ* — развѣ это не черта, цѣлкомъ заимствованная изъ обычаевъ и нравовъ иного времени? Развѣ не ихъ напоминаютъ слова: *и только*,—примѣненные къ двумъ ударамъ по лицу, а также предположеніе, что къ вечеру должно уже потерять всю свою горечь воспоминаніе о побояхъ, выдержанныхъ утромъ?.. Къ несчастію для тѣхъ, кто возвращается къ преданіямъ давно минувшей эпохи, люди могутъ быть теперь уже не тѣ, что прежде: удары по лицу, хотя бы *только* въ числѣ двухъ, забываются ими не такъ скоро. И при вѣрностномъ правѣ, впрочемъ, случая самоубійства послѣ побоевъ не были слишкомъ большою рѣдкостью...

Въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ появилась недавно обширная, незаконченная еще статья, подъ заглавіемъ: „Газета и ея тайны“. Стараясь опредѣлить трудно уловимыя причины газетнаго успѣха и газетной неудачи, авторъ статьи представляетъ, между прочимъ, характеристику двухъ изданій, изъ которыхъ одно прекратилось, другое до сихъ поръ существуетъ. Ни то, ни другое въ статьѣ не названо; но узнать ихъ очень легко, даже и для читателя мало знакомаго съ ближайшимъ прошедшимъ и настоящимъ нашей прессы. Первая газета, „скоропостижно скончавшаяся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, по причинамъ отъ нея не зависѣвшимъ, приносила до 150 тыс. руб. чистаго дохода своему маститому, также

нынѣ покойному издателю, и пользовалась значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ и даже въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ. Чѣмъ же она приобрѣла такой успѣхъ и такое значеніе? Ея покойный редакторъ-издатель никогда не блисталъ литературнымъ талантомъ и даже не претендовалъ на него. Не было особенныхъ, блестящихъ талантовъ и среди его постоянныхъ сотрудниковъ. Газета велась, по общему тогда приговору, сухо, скучно и шаблонно. Еще болѣшему сомнѣнію подлежали твердость и корректность ея направленія, искренность убѣжденій, гражданская доблесть и неподкупность... Въ своихъ вдохновенныхъ передовицахъ, въ самой ихъ манерѣ и стилѣ редакція постоянно стремилась дать понять, что она сейчасъ только вела конфиденціальную бесѣду съ такимъ-то его высокопревосходительствомъ объ очередныхъ вопросахъ и государственныхъ дѣлахъ, что для нея, вообще, открыты всѣ канцелярскія тайны, что она во все посвящена, все знаетъ, чего никто другой не знаетъ, что у нея очень, очень большія связи, и что она пользуется благоволеніемъ и довѣріемъ въ такихъ сферахъ, куда простому смертному и заглянуть боязно... Понятно, такимъ призрачнымъ престижемъ нельзя было никого долго морочить; но еслибы даже онъ былъ и неподдѣльнымъ, то и тогда имъ однимъ невозможно было бы объяснить тотъ широкій, прочный успѣхъ, которымъ большая газета пользовалась слишкомъ десять лѣтъ не въ одной только средѣ петербургскихъ статскихъ генераловъ и министерскихъ чиновниковъ, а во всей русской интеллигенціи". Намъ кажется, прежде всего, что въ этой характеристикѣ смѣшаны разные эпохи изданія „Голоса“ (называемъ его прямо, потому что самъ авторъ постарался устранить всякое сомнѣніе насчетъ оригинала, съ котораго нарисована картина). Къ болѣе раннему періоду его исторіи многое изъ сказаннаго авторомъ вполне примѣнимо; но нельзя сказать того же самаго о позднѣйшемъ, т.-е. именно о томъ, когда успѣхъ газеты достигъ своего апогея. Многія статьи, которые печаталъ „Голосъ“ въ 1878-мъ и слѣдующихъ годахъ, устраняли возможность сомнѣваться въ независимости газеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность предполагать особое благоволеніе и довѣріе въ ней въ высшихъ сферахъ. Не было у нея тогда недостатка и въ талантливыхъ сотрудникахъ; достаточно назвать хотя бы покойнаго проф. А. Д. Градовскаго, лучшія публицистическія статьи котораго появились именно въ „Голосѣ“, на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. По нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ газета держалась, въ это время, весьма „корректно“, довольно послѣдовательно и твердо проводя однажды усвоенную точку зрѣнія. Были у нея, конечно, слабыя стороны — но были и крупныя достоинства, достаточныя для объясненія и оправданія ея распространенности и по-

пулярности. Какъ органъ умѣреннаго либерализма, она не имѣла тогда прочнаго соперника въ газетномъ мірѣ.

Переходимъ къ другой характеристикѣ. „Понимѣя благополучно существуетъ въ рядахъ столичной прессы одна почтенная, не молодая даже газета (вѣку ей слишкомъ 25 лѣтъ), изъ разрада большихъ. Она никогда не выдвигалась, не была запѣвалой и не играла заглавныхъ ролей; да и вообще трудно представить себѣ газету болѣе смиренномудрую и безцвѣтную, болѣе рутинную и скучную, даже болѣе скучную содержаніемъ, сравнительно съ тѣмъ, что даютъ нынче другія большія газеты. Это признать съ сочувственнымъ сожалѣніемъ даже ея друзья, признаютъ ближайшіе ея сотрудники, съ такою лишь ужимкой, что иначе, молъ, нельзя, что необходимо пока сжаться и ступеваться, что удрученная, съ виду, *блѣдной немочью* газета на самомъ-то дѣлѣ хранитъ въ своемъ нутрѣ неизреченныя силы *мощная души*... Ужимка эта угадывается и предчувствуется впечатлительными читателями на блѣдной, вялой фیزیономіи самой почтенной газеты и придаетъ ей въ ихъ глазахъ особое обаяніе, хотя, быть можетъ, никакой такой иносказательной мимики тутъ нѣтъ и въ поминѣ... Допуская даже неложное присутствіе *новыхъ словъ*, остается, все таки, признать этотъ драгоценный, но изъятый изъ обращенія капиталъ мертвымъ, слѣдовательно, бесполезнымъ и никакого дивиденда не приносящимъ. Есть ли онъ, нѣтъ ли его — безразлично; что же касается намекающей на него аллегорической ужимки, то для этого нужна только нѣкоторая мимическая способность, а производить ее можно, и не имѣя ни гроша за душою. Такъ бы это казалось по логикѣ вещей; но въ томъ-то и курьезъ, что логику эту совершенно ниспровергаетъ блестящій опытъ почтенной газеты! Тщательно тая про себя и про запасъ силы мощныя души, такъ что исчезаетъ малѣйшее подозрѣніе ихъ наличности, точно ихъ нѣтъ и никогда не было, не проговариваясь ни одной смѣлой мыслью, ни однимъ оригинальнымъ взглядомъ, ни въ чемъ, словомъ, не возвышаясь надъ уровнемъ самой обыденной ординарности, всегда сухая, холодная, безцвѣтная и малосодержательная, газета, тѣмъ не менѣе, имѣетъ весьма значительный, солидный успѣхъ, пользуется широкой распространенностью и уваженіемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе удивительный, что обозрѣваемая газета, помимо своей литературно-публицистической скудости и ординарности, философически пренебрегаетъ и чисто фактической полнотой, и своевременностью извѣстій... Она превосходнаго поведенія, безусловно прилична, серьезна и благоправна, очень тверда въ прогрессивномъ направленіи и никогда не согрѣшила въ этомъ отношеніи; она, правда, мало говоритъ и рѣдко говоритъ что-либо значительное, но

зато съ необыкновеннымъ тактомъ и талантомъ умѣть молчать".— Читая эти слова, мы испытали очень тяжелое чувство—тѣмъ болѣе тяжелое, что назвать газету, о которой идетъ рѣчь, мы не считаемъ себя вправѣ; она, къ счастью, не отошла въ прошедшее, какъ „l'о-люсь". Не называя ея, мы не можемъ привести и доказательствъ противъ мнѣнія, которое мы считаемъ до крайности пристрастнымъ и несправедливымъ; для этого необходимо было бы указать имена сотрудниковъ, заглавія статей, т.-е. поднять занавѣсъ, котораго мы, несмотря на всю его прозрачность, не хотимъ трогать. Нападеніе, впрочемъ, ведено такъ, что въ немъ самомъ можно найти основанія для защиты. Оно отличается, прежде всего, желчнымъ, раздражительнымъ тономъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что *принципіальной* вражды между обѣими газетами нѣтъ и не было. „Ты сердишься, слѣдовательно ты неправъ": къ данному случаю это изреченіе вполне примѣнимо. Признается, далѣе, „твердость" газеты „въ прогрессивномъ направленіи", признается ея умѣнье „съ тактомъ молчать"—а это, по нынѣшнимъ временамъ, очень и очень много. Чаше, чѣмъ когда-либо, приходятъ теперь на память слова поэта о „честномъ молчаніи", потому что чаще, чѣмъ когда-либо, нарушается выражаемый въ нихъ завѣтъ, подчеркнутая въ нихъ традиція лучшихъ временъ русской печати... Само собою разумѣется, что одними отрицательными качествами нельзя достигнуть прочнаго успѣха. Мнимо „безцвѣтная" газета, конечно, имѣетъ опредѣленный цвѣтъ, имѣетъ опредѣленные мнѣнія; они-то и снискали ей „уваженіе въ интеллигентныхъ кружкахъ" и доставили ей „широкую распространенность". Она не гонится ни за сенсаціонными вѣстями, ни за количествомъ свѣдѣній; она не старается стать въ ряды *presse à sensation*, на манеръ бульварно-парижской — но именно отсюда и слѣдуетъ заключить, что есть же у нея что-то иное, привлекающее къ ней читателей. Положеніе, занятое ею между другими ежедневными изданіями, принадлежитъ, въ нашихъ глазахъ, къ числу тѣхъ немногихъ утѣшительныхъ явленій, которыми хоть отчасти уравнивается успѣхъ различныхъ „модныхъ" предпріятій...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

І. — Отъ Коммиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ въ Москвѣ.

При настоящемъ положеніи дѣла начальнаго образованія, когда существующихъ школъ далеко не хватаетъ для удовлетворенія всѣхъ требованій на нихъ, когда грамотныхъ насчитывается лишь $\frac{1}{10}$ часть всего мужского сельскаго населенія, не говоря уже о женскомъ, вопросъ о поддержаніи грамотности среди бывшихъ учениковъ, которые по выходѣ изъ школъ испытываютъ на себѣ несомнѣнное вліяніе неграмотнаго большинства, равнымъ образомъ дальнѣйшее развитіе грамотности въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ—являются насущнѣйшимъ и неотложнѣйшимъ дѣломъ для всѣхъ учреждений и лицъ, вѣдающихъ народное образованіе. Хотя недостатокъ матеріальныхъ средствъ еще долго, вѣроятно, будетъ служить главнымъ препятствіемъ къ разрѣшенію этого вопроса, тѣмъ не менѣе школьная практика нѣкоторыхъ земствъ показываетъ, что и при бѣдности населенія возможенъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя оказываютъ замѣтное вліяніе на развитіе грамотности и стремленія въ народѣ къ образованію. Наиболѣе опредѣлившимися изъ такихъ мѣръ въ настоящее время являются: повторительные классы для бывшихъ учениковъ пачальныхъ училищъ; воскресныя или вечернія школы для взрослаго неграмотнаго или полуграмотнаго населенія; народныя чтенія; народно-школьныя бібліотеки и склады для продажи книгъ ученикамъ школъ и населенію.

По ст. 2, п. 4 „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ“ 1874 г. воскресныя школы причисляются къ начальнымъ училищамъ и, слѣдовательно, по ст. 10 того же „Положенія“ онѣ, какъ и начальные училища, могутъ быть учреждаемы земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, съ предварительнаго разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ. Последнему § 49-мъ „инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ“ рекомендуется заботиться о томъ, „чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможность, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ поселянъ“.

Затѣмъ циркулярнымъ распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 5 октября 1891 года, предложено воскресныя школы, учреждаемыя впредь для православнаго населенія въ видѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, подчинять духовному вѣдомству. Но всѣ воскресныя школы, открываемыя при земскихъ и другихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, попрежнему управляются на основаніи „Положенія“ 1874 г. и находятся въ вѣденіи земства и училищныхъ совѣтовъ. Необходимость повторительныхъ занятій съ бывшими учениками и обученія взрослаго неграмотнаго населенія уже давно

сознавалась земскими дѣятелями. Но на практическую почву этотъ вопросъ перешелъ только къ началу 80-хъ годовъ, когда нѣкоторые земства стали устраивать у себя дополнительные классы, которые сообразно съ своими различными цѣлями имѣли двойной характеръ. Съ одной стороны учреждались повторительные классы для бывшихъ учениковъ. Цѣль ихъ—помѣшать рецидиву безграмотности, закрѣпить приобретенныя свѣденія въ школѣ, пополнить пробѣлы въ образованіи, усовершенствовать и расширить знанія, полезныя въ крестьянской жизни. Съ другой стороны открывались и для неграмотныхъ воскресныя или вечернія школы, которыя, кромѣ простого распространія грамотности, имѣють въ виду подыять значеніе книги въ деревнѣ и вообще содѣйствовать развитію духовныхъ интересовъ среди простого народа.

Въ настоящее время школы того или другого типа извѣстны въ Козловскомъ, Нижегородскомъ, Шадринскомъ, Нолинскомъ, Уржумскомъ, Дятловскомъ, Вятскомъ и Нижнедѣвичкомъ уѣздахъ.

На школы этого типа Московскій Комитетъ Грамотности обратилъ особенное вниманіе и образовалъ Комиссію по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ. Комиссія эта беретъ на себя задачу, во-первыхъ, стать центральнымъ органомъ школьной статистики, доставляя городскимъ и другимъ учрежденіямъ требуемыя свѣденія, а во-вторыхъ, оказывать существующимъ школамъ возможную поддержку.

Не останавливаясь на воскресныхъ школахъ, устраиваемыхъ для неграмотныхъ, такъ какъ типъ этотъ болѣе или менѣе извѣстенъ русскому обществу, Комиссія считаетъ не лишнимъ указать на повторительные классы, получившіе особенное развитіе въ Казанской губерніи. Съ 1882 — 83 учебнаго года, Казанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ принято было на губернской сборъ содержаніе воскресно-повторительныхъ классовъ при 4-хъ училищахъ въ каждомъ уѣздѣ, на который ассигновывалось въ годъ по 3.360 руб. на губернію и на уѣздъ 280 руб. Изъ этой суммы (280 руб.) 160 руб. назначалось въ вознагражденіе учителямъ, 80 руб. законоучителямъ и 40 р. на учебныя пособія. Кромѣ того 1.200 руб., по 100 руб. на уѣздъ, назначалось на библіотеки при повторительныхъ классахъ. Слѣдовательно, содержаніе каждаго такого класса при готовомъ помѣщеніи въ нормальной ежедневной школѣ обходилось $40+20+10+25=95$ руб. Чтобы показать, насколько это дѣло можетъ развиваться и какихъ достигать результатовъ даже при самыхъ незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ, возьмемъ въ примѣръ Свияжскій уѣздъ. Изъ отчета по этому уѣзду за 1887 — 88 годъ видно, что въ немъ, кромѣ 4-хъ воскресно-повторительныхъ классовъ, содержавшихся на средства губернскаго земства (на каждое — 75 р.), подъ вліяніемъ циркуляра училищнаго совѣта, предлагавшаго учителямъ обратить возможно большее вниманіе на повторительныя занятія съ учениками, окончившими курсъ, нѣкоторые учителя открыли при своихъ училищахъ воскресно-повторительные классы или такъ называемыя четвертыя отдѣленія. Учениковъ, посѣщающихъ школу въ отчетномъ году, послѣ окончанія курса, въ 25 разныхъ училищахъ было 206 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Къ этому году относится слѣдующій отзывъ одной изъ учительницъ о повторитель-

ныхъ занятіяхъ: „Они (занятія) привлекали молодежь къ школѣ. Со времени открытія воскресныхъ занятій, взрослые парни стали больше брать книги. Тѣ, которые прежде совсѣмъ не читали, придя въ воскресенье въ школу посмотриѣть, что тамъ дѣлается, брали книги, потомъ они стали приходить по вечерамъ заниматься“ (Народн. образованіе въ Свіяжскомъ уѣздѣ, Казанской губ., 1887—88 г., стр. 47). Въ слѣдующемъ 1888—89 г. общее число посѣщавшихъ повторительныя занятія въ Свіяжскомъ уѣздѣ достигло 228 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ. При этомъ опыты прежнихъ лѣтъ показали, что повторительныя занятія могутъ принимать разнообразныя формы. Изъ такихъ учениковъ или составлялось особое 4-е отдѣленіе, ежедневно посѣщавшее школу съ расширенной программой занятій, или же велись исключительно повторительныя занятія, то ежедневно въ классное время, то ежедневно или 3 раза въ недѣлю по вечерамъ, то по воскресеньямъ. Что касается результатовъ подобныхъ занятій, то отчетъ свидѣтельствуетъ, что на засѣданіяхъ училищнаго совѣта „экзаменаторы привели многіе примѣры замѣчательныхъ познаній и навыковъ, приобрѣтенныхъ учениками повторительныхъ занятій. Такъ, напримѣръ, на экзаменѣ въ Кураловской школѣ было предложено ученикамъ 4-го отдѣленія изложить письменно по памяти о нѣкоторыхъ событіяхъ русской исторіи. Всѣ эти письменныя работы были выполнены подробно, чисто и безъ грубыхъ ошибокъ“. „Несомнѣнно, — такъ заключаетъ отчетъ, — что повторительныя занятія приносятъ большую пользу и вполне оправдываютъ какъ затрату губернскаго земства на вознагражденіе учителей, ведущихъ повторительныя занятія, такъ и единовременную затрату (389 р.), сдѣланную уѣзднымъ земствомъ на организацію повторительныхъ занятій въ 20 школахъ за разъ“. Таковы могутъ быть результаты дѣятельности въ этомъ направленіи, при ничтожныхъ, сравнительно, матеріальныхъ средствахъ и при условіи лишь энергическаго отношенія къ дѣлу со стороны руководителей.

Не менѣе важнымъ средствомъ къ распространенію знаній и развитію интереса къ книгѣ служатъ также народныя чтенія. Обычный путь къ устройству такихъ чтеній состоитъ въ слѣдующемъ. Инициаторы чтеній обращаются къ мѣстному священнику, который испрашиваетъ у архіерея разрѣшеніе на открытіе въ извѣстной мѣстности народныхъ чтеній съ туманными картинами. Въ чтеніяхъ принимаютъ участіе какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Праздничныя чтенія съ туманными картинами обыкновенно ведутся по брошюрамъ, изданнымъ для народнаго чтенія комиссіей при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія или Комитетомъ при аудиторіи Соляного Города въ Петербургѣ. Иногда, впрочемъ, чтенія устриваются и безъ волшебнаго фонаря, причемъ читаютъ и другія книги, приуроченныя къ потребностямъ и уровню пониманія слушателей. Приходится сожалѣть, что слабая степень распространенія народныхъ чтеній, при крайней дешевизнѣ ихъ устройства, далеко не соответствуетъ приносимой имъ пользѣ и интересу, съ какимъ ихъ встрѣчаетъ сельское населеніе. Тамъ, гдѣ чтенія существуютъ, они всегда пользуются огромнымъ успѣхомъ. Напримѣръ, въ Александрійскомъ уѣздѣ въ 1888—89 г. чтенія устраивались при 39 школахъ. На всѣ эти школы было только 6 фонарей. Всѣхъ чтеній было 134, присут-

ствовало при чтеніяхъ 4.581 ученикъ, 965 неучащихся дѣтей и 19.140 взрослыхъ. Въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ чтенія ведутся при 70 училищахъ, ежегодное число посѣтителей простирается до 100 тысячъ человѣкъ. Въ Петергофскомъ уѣздѣ число чтеній изъ года въ годъ увеличивается: въ 1886 — 87 г. всѣхъ чтеній было 124, въ 1887—88 г.—173, въ 1888—89 г., когда чтенія происходили въ 30 школахъ, изъ 40 имѣющихся въ уѣздѣ, чтеній было 218. Отчетъ училищной комиссіи Петергофскаго уѣзда отмѣчаетъ тотъ „выдающійся“ фактъ, что чтенія съ каждымъ годомъ приобрѣтаютъ болѣе и болѣе популярности, посѣщаются усердно родителями и родственниками учениковъ, окончившими курсъ подростками и развиваютъ потребность въ чтеніи. Последнее доказывается увеличеніемъ требований на книги изъ училищной бібліотеки для чтенія на дому. Сдержанность слушателей, замѣчавшаяся въ первое время, постепенно уступала мѣсто живому интересу къ предмету чтеній, который выражался въ участіи весьма многихъ слушателей въ бесѣдахъ и объясненіяхъ по поводу прочитаннаго. Свѣденія за 1889 — 90 г. изъ того же Петергофскаго уѣзда отмѣчаютъ все тѣ же отрадные явленія: увеличеніе числа слушателей чтеній и возрастающее къ нимъ сочувствіе. Чтенія уже перестаютъ служить для посѣтителей исключительно предметомъ развлеченія: изъ нихъ стараются извлечь полезное. Такъ въ одномъ училищѣ производились чтенія по земледѣлію и овцеводству, и хотя эти книжки читались безъ волшебнаго фонаря, но имѣли настолько большой успѣхъ, что нѣкоторые слушатели рѣшились воспользоваться совѣтами авторовъ. Спросъ на книги въ иныхъ случаяхъ доходилъ до того, что за недостаткомъ ихъ разбирались даже учебники.

Такимъ образомъ уже практика народныхъ чтеній указываетъ на важное значеніе распространенія книгъ въ деревнѣ. Но не только народные чтенія, а и вся дѣятельность по народному образованію въ ея совокупности приводитъ къ неизбѣжному заключенію о крайней необходимости сельскихъ бібліотекъ. „Бібліотеки необходимы для учителей, для учащихся и для грамотнаго населенія и этою тройною необходимостью вопросъ о сельскихъ бібліотекахъ самъ собою выдвигается на степень насущнаго и неотложнаго вопроса въ дѣлѣ народнаго образованія“. Такъ формулируетъ свой взглядъ на бібліотеки отчетъ Острогжскаго земства о народномъ образованіи за 1887 годъ.

Дѣйствительно, бібліотека должна быть продолжателемъ школы, и чѣмъ лучше и шире поставлено школьное дѣло, тѣмъ острѣе выдвигается вопросъ о бібліотекахъ. Онѣ являются въ настоящее время главными помощниками школы въ ея воздѣйствіи на среду. Требования на книги исходятъ отъ самого грамотнаго населенія.

Въ весьма многихъ случаяхъ специально школьныя бібліотеки, предназначенныя для учениковъ школъ, уже самою силою вещей превращаются въ народно-школьныя бібліотеки и своими скудными средствами должны удовлетворять нужды гораздо большаго круга лицъ, чѣмъ ученики школъ. Слѣдовательно людямъ, заведывающимъ народнымъ образованіемъ, остается только идти на встрѣчу этому спросу на книги.

Необходимость народныхъ бібліотекъ не можетъ быть не созна-

ваема всѣми, кто хотя немного знакомъ съ положеніемъ книжнаго дѣла въ деревнѣ. Извѣстія объ открытіи народныхъ библиотекъ идутъ еще съ 1883 года, когда екатеринбургское уѣздное земство рѣшило открыть при школахъ нѣсколько народныхъ библиотекъ. Каждая библиотека ежегодно пополняется на 30—35 р. Въ 1889 г. въ уѣздѣ было 12 библиотекъ съ 4.535 названіями, въ количествѣ 5.658 экземпляровъ, въ среднемъ по 464 книги на библиотеку. За періодъ съ 1883—1889 г. библиотеками этими пользовались 8.304 читателя преимущественно изъ крестьянъ, которые прочли 99.650 томовъ.

Въ настоящее время библиотеки народныя, то въ видѣ самостоятельныхъ библиотекъ при школахъ, то въ видѣ особыхъ отдѣловъ при ученическихъ библиотекахъ, существуютъ уже во многихъ мѣстахъ, и только матеріальныя препятствія, вѣроятно, служатъ печальною причиною того, что библиотеки не распространены въ гораздо большей степени, какъ того требовалъ бы интересъ школы. Задачи народной школы по необходимости должны выступать за предѣлы спеціально-школьнаго міра и также имѣть въ виду созданное школою грамотное населеніе. Еще училищный уставъ 8 декабря 1828 г. (дѣйствующій и нынѣ) предвидѣлъ потребность сельскаго населенія въ книгѣ и въ § 28 предлагаетъ „при каждомъ, по мѣрѣ возможности, училищѣ составлять небольшое собраніе правоучительныхъ и другихъ полезныхъ книгъ, соответствующихъ понатію людей низняго состоянія, при чемъ ихъ могутъ брать для чтенія не только ученики, но и прочіе грамотные жители селенія“.

Очень большой и все усиливающійся спросъ въ деревнѣ на книгу, объясняющій собою громадный сбытъ лубочныхъ изданій, вызвалъ къ жизни еще одно учрежденіе — книжные склады. Возникая первоначально при училищахъ на основаніи § 19 „инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ и § 70 инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ спеціально для школьныхъ надобностей, они въ скоромъ времени, подъ давленіемъ жизненныхъ условій, должны были расширить свою дѣятельность и удовлетворять нуждамъ также и грамотнаго населенія. Къ устройству складовъ съ подобными расширенными цѣлями побуждала уже одна необходимость противодѣйствія вредному вліянію лубочной литературы, которая еще до сихъ поръ господствуетъ въ деревнѣ.

Наиболѣе типичными изъ такихъ складовъ въ настоящее время являются Тверской земскій книжный складъ, открытый въ 1877 г., и Харьковскій складъ при харьковской губернской земской управѣ. Дѣятельность Тверского склада ограничивается предѣлами одной Тверской губерніи. Черезъ 4 года послѣ открытія, складъ уже не требовалъ особыхъ ассигновокъ со стороны земства на его содержаніе, покрывая всѣ расходы изъ своихъ прибылей. Начавъ съ 4.547 рублей, вырученныхъ за продажу книгъ, въ первый годъ своего существованія, Тверской складъ въ 1889 году выручилъ за книги уже около 20.000 рублей. Приобрѣтая товаръ по возможности изъ первыхъ рукъ, складъ продаетъ его, прибавляя къ покупной стоимости лишь расходы по перевозкѣ и 10% на содержаніе склада, и тѣмъ значительно удешевляетъ цѣны для своихъ покупателей. Въ складѣ имѣются учебники, учебныя принадлежности и пособія не только для сель-

скихъ школъ, но и для другихъ учебныхъ заведеній, русскіе классики, дѣтскія книги, дешевыя народныя изданія и канцелярскія принадлежности. Для многихъ учрежденій складъ отпускаетъ товаръ въ кредитъ. Подобную же широкую постановку имѣетъ и Харьковскій книжный складъ, дѣятельность котораго выходитъ даже за предѣлы Харьковской губерніи. Продавая книгъ и учебниковъ въ иные года на сумму свыше 20.000 руб., Харьковскій земскій складъ, со времени своего открытія въ 1879 г. по 1889 годъ, получилъ чистой прибыли 10.335 руб., составляющихъ его собственный капиталъ.

Но кромѣ этихъ крупныхъ складовъ существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и успѣшно дѣйствуютъ мелкіе склады, устраиваемые въ селахъ и деревняхъ для продажи народныхъ изданій. Такая продажа организована, напримѣръ, въ Новгородской губерніи, при многихъ земскихъ школахъ, въ Казанской, Нижегородской и другихъ.

Таковы наиболѣе извѣстныя мѣры по развитію грамотности въ народѣ, на которыя Комиссія имѣетъ честь обратить вниманіе земствъ и другихъ учреждений и лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія. Но и по этимъ сторонамъ дѣятельности въ настоящее время имѣются лишь крайне неполныя и разрозненные свѣденія, которыя препятствуютъ необходимому выясненію, какъ возможности осуществленія подобныхъ учреждений въ томъ или другомъ случаѣ, такъ и характера ихъ дѣятельности и степени распространенія. Поэтому Комиссія обращается съ покорнѣйшею просьбою отвѣтить ей на помѣщенные ниже вопросы, а также прислать ей отчеты, протоколы земскихъ собраній и другія свѣденія, касающіяся этихъ вопросовъ. Присланные отвѣты послужатъ Комиссіи матеріаломъ для составленія общаго обзора мѣръ, которыя предпринимаются въ настоящее время различными учреждениями въ видахъ укрѣпленія и развитія грамотности и знаній въ народѣ.

1) Существуютъ ли въ данной мѣстности:

а) Повторительные классы для бывшихъ учениковъ нормальной школы? При сколькихъ училищахъ? Какова программа занятій? Сколько учащихся въ этихъ классахъ? Кто ассигнуетъ и какую именно сумму на ихъ содержаніе?

б) Воскресныя или вечернія школы для неграмотныхъ? Если таковыя существуютъ, то Комиссія проситъ и о нихъ сообщить тѣ же самыя свѣденія, что и о повторительныхъ классахъ. Если не существуетъ классовъ или школъ въ настоящее время, то не было ли ихъ прежде и не возбуждалось ли о нихъ вопросовъ на земскихъ собраніяхъ и училищныхъ совѣтахъ?

2) Не устраивалось ли въ селахъ, при училищахъ, заводахъ и другихъ общественныхъ зданіяхъ народныхъ чтеній съ туманными картинами или безъ нихъ? При сколькихъ пунктахъ? По чьей инициативѣ? На чьи средства? Какъ велико число слушателей? Что служить матеріаломъ для чтеній? Если чтенія устраиваются съ туманными картинами, то откуда добываются стекла и на какихъ условіяхъ?

3) Нѣтъ ли народныхъ библіотекъ, какъ самостоятельныхъ учреждений, или такихъ школьныхъ библіотекъ, откуда можетъ пользоваться книгами и взрослое населеніе. Число библіотекъ каждаго изъ трехъ названныхъ типовъ. Если возможно, Комиссія проситъ сообщать

щить свѣденія о стоимости, источникахъ содержанія, организаціи, числѣ томовъ и читателей.

4) Не существуетъ ли въ настоящее время или не устраивалось ли прежде книжныхъ складовъ при земствѣ, школахъ, больницахъ и другихъ учрежденіяхъ, а также у частныхъ лицъ? Число ихъ, стоимость, источники содержанія, количество распространяемыхъ съ ихъ помощью книгъ и учебниковъ, а равно ихъ организація.

5) Если вышепоименованныхъ учреждений не существуетъ въ данной мѣстности, то каковъ взглядъ мѣстныхъ органовъ, пекущихся о народномъ образованіи, на возможность и цѣлесообразность распространенія подобныхъ народнообразовательныхъ учреждений.

Адресъ для отвѣта: Москва, уголь М. Серпуховской и Вознесенскаго пер., Василию Порфирьевичу Вахтерову.

II.—Отъ Спб. Общества архитекторовъ о первомъ Сѣздѣ русскихъ зодчихъ въ С.-Петербургѣ.

1) Съ цѣлью сближенія русскихъ зодчихъ, совмѣстнаго обсужденія многихъ общихъ и специальныхъ вопросовъ и возможно большаго распространенія между техниками свѣденій о современномъ состояніи этого дѣла, созывается въ С.-Петербургѣ, при С.-Петербургскомъ Обществѣ Архитекторовъ, Сѣздъ.

2) Сѣздъ открывается въ декабрѣ 1892 г. Продолжительность, а равно и подробная организація его будутъ опубликованы впослѣдствіи.

3) Для успѣха дѣла занятія Сѣзда распределяются между отдѣлами, число и кругъ дѣятельности коихъ опредѣлены будутъ при разработкѣ подробной организаціи Сѣзда.

4) Предсѣдатель и Секретарь Сѣзда избираются С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ и представляются къ утвержденію въ этомъ Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Примѣчаніе: Сѣздъ и отдѣлы могутъ избрать почетныхъ предсѣдателей.

5) Каждый отдѣлъ выбираетъ изъ своей среды Предсѣдателя и Секретаря; на обязанности послѣдняго лежитъ составленіе протоколовъ засѣданій подъ руководствомъ Предсѣдателя и сообщеніе ежедневно редактору дневника Сѣзда краткаго отчета.

6) Предсѣдатели Сѣзда и его отдѣловъ вмѣстѣ съ Секретаремъ Сѣзда образуютъ Совѣтъ Сѣзда, которому подлежатъ: рассмотрѣніе всѣхъ административныхъ вопросовъ, могущихъ возникать на Сѣздѣ, заготовленіе и окончательная редакція резолюцій Сѣзда и рассмотрѣніе отдѣльныхъ мнѣній, которыя могли бы поступить отъ Членовъ Сѣзда послѣ принятія резолюцій не позже, однако, одной недѣли по закрытіи его засѣданій.

7) Членами Сѣзда могутъ быть:

а) Дѣйствительные Члены существующихъ въ Россіи Архитектурныхъ Обществъ.

б) Архитекторы и Инженеры Гражданской строительной части.

в) Представители Правительственныхъ и Общественныхъ учреждений.

г) Ученые, занимающіеся разработкою вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ гражданско-строительному дѣлу.

8) Лица, упомянутыя въ предыдущемъ пунктѣ, желающія быть Членами Съѣзда, заявляютъ о томъ Правленію С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ заблаговременно.

9) Входный билетъ и отличительные знаки для Членовъ Съѣзда раздаются въ Правленіи С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ. При этомъ за билетъ, знакъ и экземпляръ программы Съѣзда взимается съ каждаго Члена одновременно по 10 рублей.

10) Разработка подробностей программы занятій Съѣзда, приготовленіе докладовъ и привлеченіе къ участию полезныхъ для Съѣзда Членовъ—лежатъ на обязанности Общества Архитекторовъ.

11) По открытіи Съѣзда, дѣятельность Общества Архитекторовъ по отношенію къ Съѣзду прекращается и дѣла передаются Предсѣдателю Съѣзда.

12) Занятія Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ Съѣзда и въ постановленіи резолюцій по обсуждающимся вопросамъ; печатаніе докладовъ, равно какъ и преній, исполнѣ или въ извлеченіи, зависитъ отъ усмотрѣнія Совѣта Съѣзда по соглашенію съ ихъ авторами.

Примѣчаніе: Доклады допускаются къ прочтенію на Съѣздѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія Предсѣдателя соотвѣтствующаго отдѣла; предназначенные къ чтенію въ Общемъ Собраніи—съ разрѣшенія Предсѣдателя Общаго Собранія.

На отвѣтственность тѣхъ же Предсѣдателей возлагается соблюденіе должнаго порядка какъ въ Общемъ Собраніи, такъ и въ отдѣлахъ.

13) Засѣданія Съѣзда бываютъ общія и спеціальныя по отдѣламъ, число которыхъ будетъ опредѣлено впоследствии.

14) Въ засѣданіяхъ Общихъ Собраній Съѣзда публика допускается, но лица, не принадлежащія къ числу Членовъ Съѣзда, не принимаютъ участія въ преніяхъ и голосованіи резолюцій.

15) Предсѣдателямъ Общаго Собранія и Отдѣловъ предоставляется право, подъ личною отвѣтственностью и по ихъ усмотрѣнію, допускать и приглашать въ Собраніе постороннихъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

16) По принятіи резолюцій Совѣтъ Съѣзда, послѣ приведенія всѣхъ дѣлъ его въ порядокъ, представляетъ ихъ въ Правленію С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ со своимъ заключеніемъ о дальнѣйшемъ направленіи возбужденныхъ на Съѣздѣ вопросовъ.

17) Во время Съѣзда будетъ ежедневно выходить, подъ редакціею редактора изданія С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ „Зодчаго“, дневникъ Съѣзда, заключающій необходимыя для гг. Членовъ Съѣзда справки и свѣденія, программу распредѣленія занятій и краткій отчетъ засѣданія.

18) Во время Съѣзда имѣютъ быть произведены спеціально технические осмотры.

19) Равнымъ образомъ во время Съѣзда имѣютъ быть устроены спеціальныя выставки.

Съѣздъ продлится 7 дней, предположительно съ 9-го по 16-ое декабря сего года.

III. — Уставъ С.-Петербургскаго Общества пособія потерпѣвшимъ отъ пожарнаго вѣдствія въ С.-Петербургѣ.

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью оказывать денежную помощь терпящимъ бѣдствія отъ пожаровъ, а равно доставлять бѣднѣйшимъ погорѣльцамъ необходимые для нихъ на первое время: кровь, пищу, одежду, врачебную помощь и т. п.

Примѣчаніе. Дѣятельность Общества ограничивается С.-Петербургомъ, включая мѣстности пригородныхъ участковъ, находящихся въ районѣ вѣденія Столичной Полиціи.

§ 2. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола, всѣхъ званій, кромѣ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, несовершеннолѣтнихъ, за исключеніемъ имѣющихъ классныя чины, нижнихъ воинскихъ чиновъ и юнкеровъ и ограниченныхъ въ правахъ по суду.

§ 3. Члены Общества раздѣляются на: а) дѣйствительныхъ; б) сотрудниковъ и в) почетныхъ.

§ 4. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества не менѣе 5 руб., члены-сотрудники—отъ 1 до 5 руб. Тѣ и другіе принимаются въ число членовъ Совѣтомъ Общества и утверждаются въ ихъ званіи Общимъ Собраніемъ. Званіе почетнаго члена можетъ быть предоставлено Общимъ Собраніемъ лицамъ, сдѣлавшимъ значительное пожертвованіе въ пользу Общества или оказавшимъ ему особые услуги.

Примѣчаніе. Члены, не уплатившіе въ теченіе двухъ лѣтъ членскаго взноса, считаются выбывшими изъ Общества съ сохраненіемъ права вновь вступить въ оное на общемъ основаніи; тѣ же члены, которые внесутъ въ кассу Общества, единовременно не менѣе 100 руб., освобождаются отъ уплаты ежегодныхъ членскихъ взносовъ.

§ 5. Средства Общества составляютъ изъ: а) членскихъ взносовъ; б) добровольныхъ пожертвованій какъ членовъ Общества, такъ и постороннихъ лицъ деньгами или вещами; и в) доходовъ съ устроиваемыхъ въ пользу Общества, съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія и съ соблюденіемъ постановленныхъ на сей предметъ дѣйствующими узаконеніями и особыми Правительственными распоряженіями правилъ, выставокъ, чтеній, концертовъ, спектаклей и т. п.

§ 6. Всѣ денежные суммы Общества, по обращеніи ихъ въ Государственные или гарантированныя Правительствомъ % бумаги, сдаются Казначеемъ въ Государственный Банкъ на храненіе.

§ 7. Управление дѣлами Общества возлагается: а) на Совѣтъ и б) на Общее Собраніе его членовъ.

§ 8. Совѣтъ состоитъ изъ Предсѣдателя и 5 членовъ, избираемыхъ Общимъ Собраніемъ членовъ Общества, на одинъ годъ, простымъ большинствомъ голосовъ, посредствомъ закрытой баллотировки. Одинъ изъ членовъ Совѣта принимаетъ на себя обязанности Казначея, другой—Секретаря.

§ 9. Въ случаѣ выbytія кого-либо изъ членовъ Совѣта ранѣе окончанія срока выбора, а также на время болѣзни или отлучки члена изъ г. С.-Петербурга, его мѣсто заступаетъ старшій изъ кан-

дидатовъ къ членамъ Совѣта, избираемыхъ, въ числѣ 3, Общимъ Собраніемъ. За отсутствіемъ Предсѣдателя, его обязанности исполняетъ одинъ изъ членовъ Совѣта, по выбору Совѣта.

§ 10. Засѣданія Совѣта созываются, смотря по надобности, при чемъ засѣданія признаются дѣйствительными только въ томъ случаѣ, если въ оныхъ принимаютъ участіе не менѣе трехъ членовъ Совѣта, кромѣ Предсѣдателя.

§ 11. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, о чемъ составляется протоколъ за общимъ подписомъ присутствующихъ членовъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, мнѣніе Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 12. На обязанности Совѣта лежить:

а) опредѣленіе въ каждомъ данномъ случаѣ вида и размѣра пособія пострадавшему отъ пожара, для чего Совѣту предоставляется собирать всѣ нужныя справки объ имущественномъ и семейномъ положеніи пострадавшаго;

б) сношеніе съ подлежащими мѣстами и лицами по дѣламъ, касающимся Общества;

в) попеченіе объ увеличеніи средствъ Общества и возможно лучшимъ достиженіи его цѣли;

г) ежемѣсячное свидѣтельствованіе суммъ и имущества Общества;

д) представленіе Общему Собранію годовыхъ о дѣятельности Общества отчетовъ за истекшій годъ и смѣтныхъ предположеній на будущій, и

е) предварительная разработка всѣхъ дѣлъ, вносимыхъ въ Общія Собранія.

§ 13. Въ случаяхъ, требующихъ немедленной помощи, Предсѣдателю Совѣта или заступающему его мѣсто предоставляется право дѣлать своею властію распоряженіе о выдачѣ денегъ или оказаніи матеріальной помощи, но объ утвержденіи сихъ расходовъ онъ обязанъ представить Совѣту въ ближайшее засѣданіе онаго.

§ 14. Всѣ члены Общества могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ Совѣта, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 15. Общія Собранія членовъ Общества бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя. Тѣ и другія созываются Градоначальникомъ подъ его предсѣдательствомъ, по личному его усмотрѣнію, или по представленію Совѣта Общества.

§ 16. Въ Общихъ Собраніяхъ присутствуютъ съ правомъ голоса почетные и дѣйствительные члены и члены-сотрудники, а равно могутъ, въ случаѣ желанія, присутствовать мѣстные: Губернскій Предводитель Дворянства и Городской Голова.

§ 17. Для дѣйствительности засѣданія Общаго Собранія требуется присутствіе въ немъ, по крайней мѣрѣ, трети членовъ Общества, живущихъ въ г. С.-Петербургѣ. За неприбытіемъ въ собраніе требуемаго числа членовъ, назначается, для рѣшенія дѣлъ предлагавшихся на обсужденіе несостоявшагося собранія, вторичное собраніе, рѣшенія котораго считаются дѣйствительными при всякомъ числѣ явившихся въ оное членовъ, о чемъ послѣдніе въ извѣщеніяхъ о вторичномъ собраніи и предупреждаются.

§ 18. Дѣла въ Общихъ собраніяхъ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ объ измѣненіи устава

и о закрытіи Общества, для рѣшенія которыхъ требуется присутствіе въ собраніи не менѣе двухъ третей живущихъ въ г. С.-Петербургѣ членовъ Общества и согласіе не менѣе двухъ третей личныхъ въ собраніи членовъ.

Примѣчаніе. Къ обсужденію въ Общихъ Собраніяхъ допускаются лишь такіе вопросы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Общества.

§ 19. Предметы занятій Общихъ Собраній составляютъ:

а) избраніе почетныхъ членовъ Общества, членовъ Совѣта и кандидатовъ къ нимъ;

б) утвержденіе дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ въ сихъ званіяхъ;

в) разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ и смѣтъ, представляемыхъ Совѣтомъ:

г) разрѣшеніе вопросовъ объ измѣненіи или дополненіи сего устава и о закрытіи Общества, и

д) рѣшеніе всѣхъ вообще предлагаемыхъ Совѣтомъ вопросовъ.

§ 20. Общество состоитъ въ вѣденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 1521 и 1522 уст. общ. призр. Т. 13 Св. Зак.

§ 21. Общество имѣетъ печать съ своимъ наименованіемъ.

§ 22. Годовые отчеты, по утвержденіи ихъ Общимъ Собраніемъ, печатаются въ Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства и Столичной Полиціи и представляются, чрезъ посредство Градоначальника, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Туда же и тѣмъ же порядкомъ представляется, по отпечатаніи, 5 экземпляровъ устава.

§ 23. На измѣненіе или дополненіе устава испрашивается каждый разъ разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

§ 24. Если, по какимъ-либо обстоятельствамъ, Общество прекратитъ свои дѣйствія, то весь денежный его капиталъ и вообще все его имущество обращается, по опредѣленію Общаго Собранія членовъ Общества, одобренному Градоначальникомъ и удостоенному утвержденія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на предметы благотворенія.

§ 25. О закрытіи Общества доводится, чрезъ посредство Градоначальника, до свѣденія, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

ОПЕЧАТКА.—Въ октябрьской книгѣ, на стран. 550, строч. 9 св.: напечатано— „странный“; слѣдуетъ—*страдная*.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Бюджетъ для земствъ и городовъ. М. Я. Герценштейна. М. 92. Стр. 95. Ц. 75 к.

Почтенный авторъ воспользовался весьма важнымъ вопросомъ для дальнейшей судьбы нашихъ земствъ и городовъ. Неудовлетворительность ихъ деятельности объясняется до сихъ поръ обыкновенно недостатками прежнихъ законодательствъ, а потому для улучшения дѣла полагали необходимыми реформировать городское положеніе и ту или другую сторону, между тѣмъ какъ главная причина бездѣтельности земствъ и городовъ заключается въ томъ, что отъ нихъ всѣ ожидаютъ исполненія такихъ предпріятій по городскому благоустройству, которыя никогда не могутъ быть осуществлены изъ текущихъ средствъ — единственнаго источника земскихъ и городскихъ доходовъ, обремененнаго еще при томъ традиціонными обязательными расходами на полицію и т. п. Обширныя предпріятія могутъ быть исполнены только посредствомъ займовъ, основанныхъ на правильной организаціи кредита для земствъ и городовъ. Этому-то важному предмету и посвящено изслѣдованіе автора; читатель найдетъ въ немъ весьма подробную картину уже существующихъ на западѣ кредитныхъ учреждений спеціально для поддержанія общедной деятельности въ болѣе широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ текуція средства являются недостаточными.

Выпущенное изданіе „Жизнь животныхъ“, А. Э. Брема, въ 10-ти томахъ, пер. съ 3-го нем. изд., п. р. К. К. Сеатъ-Илера. Т. I: Млекопитающія. Спб. 93. Стр. 724. Ц. 6 р.

Брема — это въ сущности одинъ изъ самыхъ популярныхъ трудовъ нѣмецкаго натуралиста Брема былъ уже переведенъ на русскій языкъ, но это не дѣлаетъ изъ него настоящій, такъ какъ онъ выполненъ по послѣднему третьему изданію, которое начало выходить еще въ 1890 г. съ большими дополненіями и измѣненіями въ текстѣ, выполненными проф. Перуэль-Леша, много путешествовавшимъ по Африкѣ. Русскій переводъ богатъ слабыми политическими и хронологическими, изъ которыхъ многія сдѣланы вновь съ живыхъ экземпляровъ. При высокой цѣнѣ всего изданія, падатель, съ цѣлью сдѣлать его болѣе общедоступнымъ, допустилъ весьма удобную для многихъ подписку, при которой возможно внести въ одинъ разъ не болѣе одного рубля за каждый изъ выпусковъ тома.

Исторія западной Европы въ новокъ время. Н. И. Карѣва. Развитие культурныхъ и социальныхъ отношеній. Т. II: Реформація и политическая жизнь въ XVI и XVII вв. Спб. 93. Стр. 320. Ц. 3 р. 50 к.

Первый выпускъ второго тома посвящается двадцать главъ обзоръ исторіи реформаціи на всемъ пространствѣ католическаго міра, какъ реформація религиозная, такъ и монархическая и національная; въ этомъ же выпускѣ, въ послѣднихъ же четырехъ главахъ, помѣщено начало католической реакціи, вызванной самою реформацією, и направленной въ томъ, чтобы поднати католичество, не разрушая, а сохраняя и очищая его принципы. Въ этой второй части своего изслѣдованія авторъ прерываетъ настоящій выпускъ на нидерландской революціи, приведшей къ одному изъ самыхъ крутыхъ политическихъ

послѣдствій католической реакціи второй половины XVI вѣка.

Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрир. историко-критическое изслѣдованіе Джустина Уинсора. Перев. съ англ., п. р. О. И. Булгакова. Спб. 93. Стр. 608. Ц. 3 р.

Трудъ Уинсора направленъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы подробно и на основаніи подлинныхъ документовъ рѣшить множество спорныхъ вопросовъ, относящихся какъ къ самому факту открытія Нового свѣта, такъ и къ весьма превратной судьбѣ, испытанной однимъ изъ величайшихъ мировыхъ гениевъ, какимъ былъ несомнѣнно Христофоръ Колумбъ, — благодаря слабостямъ его личнаго характера. Авторъ не ограничился подробнѣйшимъ собраніемъ всѣхъ документовъ, но и иллюстрировалъ свой трудъ снимками съ важнѣйшихъ документовъ, картъ того времени, портретовъ дѣйствующихъ лицъ и т. п. Первые главы посвящены обзору первоначальныхъ источниковъ, ихъ собирателей, биографовъ и портретовъ того времени, и изслѣдованію вопроса о происхожденіи Колумба и раннихъ годахъ его жизни. Русскій переводъ исполненъ весьма тщательно и иллюстраціи воспроизведены отчетливо и вполне удовлетворительно.

Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. Состав. ген. шт. полковникъ Н. А. Орловъ. Съ портретами, картами и планами. Спб. 92. Стр. 362. Ц. 3 р.

Авторъ предпосылаетъ своему разбору военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. очеркъ политическаго положенія дѣлъ въ Европѣ въ послѣднюю эпоху революціи, слѣдъ за кончиною имп. Екатерины II, и картину состоянія вооруженныхъ силъ Франціи и коалиціи противъ нея, въ которой примкнула и Россія, наканунѣ прибытія Суворова на театръ войны. Изложивъ подробно всѣ движенія русской арміи въ свѣ. Италіи, сопровождавшіеся рядомъ блестящихъ побѣдъ Суворова, авторъ посвящаетъ послѣднюю главу, интересную и не для спеціалистовъ, общимъ выводамъ изъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, съ характеристикой самого Суворова, какъ полководца-воспитателя, и съ изложеніемъ его особой тактики и приѣмовъ, секретовъ успѣха которыхъ и все свѣдъ заключались, конечно, не въ ихъ сущности, а въ гениальности натуры ихъ автора, почему напрасно было бы подражать имъ со стороны натуръ менѣе или вовсе не гениальныхъ.

Записная Книга на 1893 г., изд. К. Л. Риккера. Спб. 93. Стр. 458, и въ пер. 1 р. 20; стр. 274, ц. въ пер. 1 р.; стр. 218, ц. въ пер. 60 к.

Новое изданіе на наступающій годъ, столь извѣстное и распространенное, благодаря своему 22-лѣтнему существованію, вышло въ тѣхъ же трехъ различныхъ форматахъ, которыми соотвѣтствуютъ и три цѣны: въ дѣльную страницю, въ полстраницы и въ одну ея треть на каждый день; по содержанію всѣхъ трехъ форматовъ одно и то же и заключаетъ въ себѣ всѣ болѣе необходимыя общекалендарныя свѣдѣнія, которыя полезно имѣть всегда подъ рукою. Самое изданіе весьма изящно по внѣшности и снабжено картами Россіи, Европы и Азіи, въ окладѣ изъ главныхъ линий желѣзныхъ дорогъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1893 г.

(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почт. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки по почте дѣлятся: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1892 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаютъ ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія, и самимъ мѣстожительствомъ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, проживающіе въ иногородіи, должны платить 1 руб. 50 коп., а иногородніе, переходя въ городскіе—40 коп. 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, въ подписку была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объясненію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты на получение* журнала выписываются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приносятъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-Я.

ДЕКАВРЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1892.

Стр.

I.—АНГЛОМАНИЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО ВО ФРАНЦИИ XVIII-го ВѢКА.— IV.—Окончаніе.—М. М. Ковалевскаго	443
II.—МИМОЗА.—Изъ Шелли.—К. Бальмонта	478
III.—ГАМБЕТТА.—Первое десятилѣтіе французской республики.—Окончаніе.— Е. И. Утина.	488
IV.—ЛЮБОВЬ.—Рассказъ.—Д. Мамин-Сибиряка	518
V.—ПИСЬМА С. П. БОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ.—1877 г.—49-55.—Окончаніе.	603
VI.—ДЖЕРАРДЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ, м-сь Бреддонъ.—Часть вторая: XII— XV.—Окончаніе.—А. Э.	645
VII.—КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.—Очерки.—А. Н. Пыпина.	693
VIII.—ОБРЕЧЕННЫЙ.—Изъ Ф. Коппе.—О. Н. Михайловой.	789
IX.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ЧАЯ ВЪ КИТАѢ.—П. Коростовца.	743
X.—Н. А. Ж.—ОЙ.—Стих. А. М. Жемчужникова	756
XI.—ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.—Окончаніе.—Л. З. Слонимскаго.	787
XII.—ХРОНИКА.—Исполненіе государственной росписи за 1891 г.—О.	778
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Оскуднѣе земскихъ кассъ.—Государственный кредитъ, какъ единственная правильная форма помощи земству.—Возмож- ныя послѣдствія закрытія земскихъ школъ.—Процессъ въ харьковской су- дебной палатѣ.—Юридическое и бытовое значеніе превращенія власти	795
XIV.—ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИЛѢТІЕ ВЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ПРАВА. —1867-1892 гг.—Лекція Н. С. Таганцева.	818
XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія дѣла въ Европѣ.—Настроеніе германской печати и новыя военныя законопроекты.—Вопросъ объ Эльзасѣ. —Полемика о „поддѣлкѣ“ денегъ въ 1870 г.—Положеніе дѣлъ во Фран- ціи.—Динамитные взрывы и законы о печати.—Разоблаченіе по дѣлу па- намскаго общества, и паденіе кабинета Луба	890
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Опытъ русской исторіографіи, В. С. Иконни- кова.—Всеобщая исторія литературы, В. О. Корша, и. р. А. Кирпични- кова, вып. 27 и 28.—Историческая географія Европы, Эд. Фримана, т. I и II. —Биографія А. И. Кошелева т. II.—А. В.—Новыя книги и брошюры	846
XVII.—ВОПРОСЪ О „САМОЧИННОМЪ УМСТВОВАНІИ“.—Л. Тихомировъ, Духовен- ство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи.—Вл. С. Си- ловскаго	893
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—„Раздуть“ ли у крестьянъ „аппетиты на казенныя пособія“?—Л. Н. Толстой о положеніи восточныхъ уѣздовъ туль- ской губерніи.—Походъ противъ вакантнаго времени въ начальныхъ шко- лахъ изъ г. Шуѣ.—Административная мѣропріятія въ Харьковѣ.—Печальная газетная полемика и утѣшительное слово науки.—А. Д. Галаховъ и А. А. Фетъ †.	893
XIX.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1892 г.	893
XX.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“, за 1892 г.	891
XXI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Основы и предѣлы самоуправленія, М. И. Сѣвѣнкова.—Методика грамоты, І. Шульцова.—Современная задача прав- славнаго воспитанія, К. Н. Ярова.—Земельный кадастръ, О. Горь- Ромашкевича.	
XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1893 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

АНГЛОМАНИЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО

ВО

ФРАНЦИИ XVIII-го ВѢКА.

ОЧЕРКИ.

Окончаніе.

IV *).

Годъ созванія генеральныхъ штатовъ во Франціи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ первой сессіи американскаго конгресса. Этотъ фактъ долженъ быть отмѣченъ, такъ какъ онъ самъ по себѣ уже указываетъ на то, что дѣятели учредительнаго собранія могли быть знакомы только съ текстомъ американской конституціи, но отнюдь не съ порядкомъ примѣненія ея въ жизни. Правда, задолго до того, когда, сознавая необходимость большаго единства, тринадцать дотолѣ почти самостоятельныхъ государствъ сочли нужнымъ слиться въ одну федерацію, каждое имѣло уже свою конституцію, свою закономъ установленную систему взаимодѣйствія властей, но большинство этихъ конституцій, какъ созданныя по англійскому образцу, мало останавливали на себѣ вниманіе политическихъ мыслителей. Исключеніе должно быть сдѣлано только по отношенію къ той, которая дѣйствовала въ Пенсильваніи. Широкая демократическія основы этой конституціи и существованіе въ ней единой законодательной камеры—причина тому, что учре-

---

*) См. выше: ноябрь, 5.

жденія Пенсильваніи сдѣлались предметомъ изученія, не въ примѣръ другимъ, французскихъ публицистовъ и въ числѣ ихъ Мабли. То, что послѣдній говорить о государственномъ строѣ этого штата, даетъ возможность опредѣлить напередъ тѣ стороны американскихъ порядковъ, которыя всего болѣе останавятъ на себѣ вниманіе дѣятелей учредительнаго собранія и заставятъ Камилла Демулена, этого популярнѣйшаго публициста и политическаго вожака Пале-Рояля, открыто заявить себя сторонникомъ конституціи, подобной пенсильванской ¹⁾. Не меньшій интересъ вызывалъ во французахъ текстъ, составленный Джефферсономъ, деклараціи независимости, отъ 2-го іюля 1776 года. Заявленіе, что всѣ люди рождаются равными, надѣлены Творцомъ извѣстными неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, въ числѣ которыхъ имѣется свобода, и что народъ сохраняетъ право отмины правительства, не обезпечивающія эти права, и замѣнять ихъ новыми, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кто думалъ, будто въ забвеніи естественныхъ правъ человѣка лежитъ весь источникъ порчи правительствъ. Авторъ трактата о „правахъ и обязанностяхъ гражданъ“, ставившій сочиненіе Локка о гражданскомъ правительствѣ выше всѣхъ остальныхъ только потому, что имъ признано существованіе естественныхъ правъ личности и необходимость ихъ защиты правительствомъ, не могъ не оцѣнить должнымъ образомъ манифеста Джефферсона, и своими похвалами этому манифесту въ значительной мѣрѣ подготовилъ ту декларацію правъ человѣка и гражданина, которою отерывается конституція 1791 года.

„Что находимъ мы въ этой деклараціи,—спрашиваетъ себя Мабли въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ по времени памфлетовъ ²⁾:—ужь не воспроизведеніе ли обычныхъ намъ, европейцамъ, предразсудковъ? Ничуть не бывало. Въмѣсто того, чтобы говорить намъ о божескомъ правѣ королей, возставшіе противъ англійскаго гнета колонисты восходятъ къ первымъ принципамъ естественнаго права... Они утверждаютъ, что политическая власть есть созданіе рукъ человѣческихъ, что они образовали общества въ цѣляхъ преслѣдованія собственнаго счастья, и что, не противясь волѣ Божьей, могутъ низвергнуть правительство, виновное въ ихъ несчастіи. Тогда какъ большинство народовъ Европы остается въ невѣденіи основныхъ принциповъ общежитія государственнаго и смотрятъ на гражданъ какъ на домашній скотъ, которымъ собственникъ управляетъ въ своихъ интересахъ, ваши тринадцать

¹⁾ *Révolution de France et de Brabant*, 28 ноября 1789 года.

²⁾ *Notre gloire ou nos rêves* (т. XIII, изд. 1794—5), стр. 424 и слѣд.

республикѣ сознали достоинство человѣка; въ нѣдрахъ самой мудрой философіи открыли онѣ тѣ человѣчныя принципы, которые отнынѣ должны сдѣлаться основой ихъ правительствъ. Въмѣсто того, чтобы создавать себѣ новаго повелителя, подобно тому, какъ это сдѣлали Нидерланды, вы рѣшили создать въ своей средѣ престолъ для свободы. Во всѣхъ вашихъ конституціяхъ вы возвышаетесь до принциповъ природы, вы устанавливаете какъ аксіому, что всякая политическая власть имѣетъ своимъ источникомъ народъ, что ему одному принадлежитъ неотчуждаемое право создавать и измѣнять законы. Вы признаете тѣ требованія, какія сгавить признаніе человѣческаго достоинства. Для васъ сановники—не боляе, какъ уполномоченные, своего рода—дѣлопроизводители націи; граждане ваши связаны другъ съ другомъ и съ родиной—любовью къ отечеству и свободѣ“¹⁾).

Мабли вѣрно указываетъ на тотъ источникъ, изъ котораго заимствованы положенія деклараціи независимости. „Ваши комиссары, — говоритъ онъ, — усвоили себѣ справедливые и мудрые принципы Локка о естественной свободѣ человѣка и природѣ правительства“²⁾).

Другая причина, заставляющая его отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ государственному строю Америки и въ особенности Пенсильваніи—это признаніе американскими конституціями началъ демократіи. „Я согласенъ, — говоритъ онъ, — что демократія должна быть положена въ основу всякаго правительства, которое желаетъ извлечь изъ гражданъ возможно большую пользу. Незыбланный опытъ доказалъ, что этимъ путемъ только и возможно привязать людей къ государственнымъ интересамъ“³⁾).

„Что заставляеть меня, — говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи, — смотрѣть съ надеждою на будущее американцевъ, это то, что имъ неизвѣстно существованіе привилегій. Чувство равенства помѣшаетъ имъ надѣлать кого-либо тѣми прерогативами и привилегіями, которыя все портятъ у насъ. Между ихъ гражданами не будетъ другихъ различій, кромѣ тѣхъ, источникомъ которыхъ являются личныя заслуги... Нѣтъ также въ Америкѣ ни одной наслѣдственной власти, нѣтъ въ ней даже пожизненныхъ чиновниковъ. Сроку ихъ полномочій такъ кратокъ, что они не успѣваютъ сдѣлаться жертвою подкупа, или забыть, что они граждане свободнаго государства... Я нахожу весьма мудрой ту форму правленія, какая установлена

¹⁾ Observations sur le gouvernement et les lois des états-unis d'Amérique (Lettre première à M.-r. Adams). Томъ VIII общ. собр. соч., стр. 340, 342, 343.

²⁾ Ibid., стр. 354.

³⁾ Ibid., стр. 351.

въ Пенсильваніи ¹⁾. Она надѣлила правомъ законодательства единую камеру, составленную изъ свободныхъ людей республики, избранныхъ въ представители жителями главнаго города и графства. Всѣ прочіе штаты Америки потребовали, какъ отъ избираемыхъ, такъ и отъ представителей—извѣстный имущественный цензъ. Одна Пенсильванія одинаково допускаетъ къ этимъ преимуществамъ всѣхъ жителей, которые въ теченіе одного года платили на издержки государства“ ²⁾. Онъ хвалитъ также конституцію Пенсильваніи за то, что она ввѣрила исполнительную власть трехъ годовому совѣту, возобновляемому ежегодно по третямъ. „Такимъ образомъ,—полагаетъ онъ,—и удержано будетъ преимущество народнаго выбора, и обезпечена возможность имѣть въ совѣтѣ людей опытныхъ и хорошо знакомыхъ съ дѣлами“ ³⁾.

Но отличая эти въ его глазахъ положительныя стороны американской гражданственности, Мабли въ то же время критикуетъ въ ней всякое отступленіе отъ провозглашеннаго Руссо и раздѣляемаго имъ ученія о суверенитетѣ націи. „Къ чему,—спрашиваетъ онъ,—ограничивать, какъ это дѣлаютъ всѣ штаты, кромѣ Пенсильваніи, одними собственниками право голосованія въ палатѣ? Неужели этимъ собственникамъ удастся убѣдить неимущихъ, что они—ихъ представители. Къ чему также ограничивать число депутатовъ, какъ это дѣлаютъ въ Пенсильваніи, всего семидесятью двумя лицами? Необходимо, наоборотъ, увеличить его такъ, чтобы придать болѣе значеніе и силу законодательному собранію и уменьшить число лицъ, недовольныхъ тѣмъ, что не имѣютъ голоса въ дѣлахъ страны. Къ чему, наконецъ, ограничивать законодательныя функціи представительнаго собранія контролемъ какихъ-то особыхъ цензоровъ, обязанность которыхъ—слѣдить за тѣмъ, чтобы законы, издаваемые народнымъ представительствомъ, не противорѣчили принципамъ конституціи?“ По мнѣнію Мабли, законодательная палата, основанная на началѣ всеобщаго голосованія, не должна терпѣть никакихъ ограниченій, тѣмъ болѣе со стороны совѣта, надѣленнаго исполнительными функціями, какимъ на самомъ дѣлѣ была палата цензоровъ ⁴⁾.

Мабли порицаетъ авторовъ пенсильванской конституціи за то,

¹⁾ См. *Notre gloire ou nos rêves* (Соч. Мабли, т. XIII, стр. 429).

²⁾ *Observations sur le gouvernement et les lois des états-unis d'Amérique*. Томъ VIII, стр. 363.

³⁾ *Ibid.*, стр. 377, 378.

⁴⁾ Эта палата просуществовала недолго и замѣнена была въ 1791 году своего рода сенатомъ или верхней палатой по образцу той, которая существовала въ болѣе старыхъ штатахъ.

что они не предоставили выбора исполнительнаго совѣта органу законодательства—общему собранію, а установили систему прямыхъ выборовъ. „Лучшее средство,—говоритъ онъ,—обеспечить согласіе между двумя властями, неизмѣнно завидующими другъ другу и почти всегда враждебными, по крайней мѣрѣ, въ демократіяхъ,—Это предоставить законодательной власти выборъ исполнительной“¹⁾.

Неодобреніе Мабли вызываетъ также то постановленіе, которое запрещаетъ общему собранію Пенсильваніи вносить измѣненія въ конституцію. „Я думаю,—говоритъ онъ,—общепризнанной аксіомой считается, что законодательная власть ничѣмъ не должна быть ограничена, если не хотятъ разрушить ее и сдѣлать без-полезной“²⁾.

Если не говорить о только-что приведенныхъ памфлетахъ Мабли,—источникомъ, изъ котораго французы прошлаго столѣтія могли почерпнуть свѣденія объ американскихъ порядкахъ, были частью статьи, напечатанныя Гамильтономъ, Мадиссономъ и Адамсомъ о подготавливаемой конгрессомъ федеральной конституціи, частью—критическія замѣтки о конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ, составленныя тѣмъ же Адамсомъ, и возраженія на нихъ, со стороны Ливингстона, памфлетъ котораго, озаглавленный: „Англійскій образъ правленія въ сопоставленіи его съ конституціями Соединенныхъ-Штатовъ“, вышелъ во французскомъ переводѣ въ 1789 году. Изъ названныхъ сочиненій первыя два, какъ написанныя на англійскомъ языкѣ, были доступны только тѣмъ немногимъ дѣятелямъ учредительнаго собранія, которые успѣли или лично познакомиться съ американскою жизнью, принимая участіе въ войнѣ за независимость, или, подобно тому меньшинству либеральнаго дворянства, о которомъ упоминаетъ Моррисъ въ своемъ дневникѣ, искали проникнуться принципами американской свободы въ тѣсномъ общеніи съ Джефферсономъ, исполнявшимъ въ это время обязанности американскаго дипломатическаго агента въ Парижѣ. Мысли нью-джерзейскаго плантатора по своей близости къ тѣмъ, какія ранѣе его высказаны были Мабли, должны были особенно сильно повліять на членовъ учредительнаго собранія, и ихъ воздѣйствіе можно отмѣтить не только на памфлетахъ Кондорсе, но и на нѣкоторыхъ статьяхъ составленной учредительнымъ собраніемъ конституціи. Въ отрицательномъ отношеніи къ англійскимъ порядкамъ тѣхъ членовъ національнаго собранія, которыхъ современники называли „бѣшенными“, не разъ про-

¹⁾ Observations sur le gouvernement et les lois des états-unis d'Amérique. Томъ VIII, стр. 375, 376.

²⁾ Ibid., стр. 369, 370.

глядываетъ та же аргументація, какой въ своихъ нападкахъ придерживается Ливингстонъ. Весьма обычнымъ обвиненіемъ въ устахъ противниковъ англomanіи въ девяностыхъ годахъ протекшаго столѣтія является утвержденіе, что Англія въ строгомъ смыслѣ слова не имѣетъ конституціи, т.-е. установленнаго писанымъ закономъ порядка отношеній между властями. Ливингстонъ едва ли не первый позволилъ себѣ этотъ упрекъ, настаивая на превосходствѣ, какое въ этомъ отношеніи имѣютъ американскіе порядки. „Учредительный актъ или, что тоже, конституція,—говоритъ онъ,—въ которомъ устанавливалось бы строгое различіе между властями и опредѣлялась сфера дѣятельности каждой, является для свободы такимъ могущественнымъ оплотомъ, что самый фактъ его существованія дѣлаетъ уже невозможнымъ тотъ произволъ, источникомъ котораго такъ часто является неопредѣленность границъ, установленныхъ для каждой власти. Къ этому преимуществу американскія конституціи присоединяютъ еще то, что кладутъ въ основу гражданскаго и политическаго строя принципъ равенства, и въ этомъ отношеніи они рѣзко расходятся съ англійской конституціей. На этомъ принципѣ равенства построено все зданіе американскихъ демократій. Нѣтъ правительствъ,—утверждаетъ Ливингстонъ,—которыя бы въ такой степени подходили къ чистѣйшему типу народныхъ, какъ американскія. Вся политическая власть въ Америкѣ или сосредоточивается въ рукахъ народа, или истекаетъ отъ него, какъ отъ перваго источника. Администраторы—не болѣе, какъ его уполномоченные, и онъ вправѣ мѣнять ихъ весьма часто. Сама конституція—его созданіе, и ничто не мѣшаетъ ему, буде онъ сочтетъ это нужнымъ, измѣнить ее во всякое время и даже установить взамѣнъ ея новую. Правда, американцы обязаны англичанамъ нѣкоторыми драгоцѣнными политическими открытіями, какъ-то: народнымъ представительствомъ и судомъ присяжныхъ. Но что касается до перваго, то копія значительно превзошла оригиналъ. Законодательное собраніе нашихъ штатовъ,—говоритъ далѣе Ливингстонъ,—состоитъ ли оно изъ одной или двухъ палатъ, неизмѣнно избирается народомъ, тогда какъ въ Англіи рядомъ съ народною палатою существуетъ и аристократическая палата лордовъ, и право короля участвовать въ законодательствѣ въ формѣ абсолютнаго „veto“. Англія представляетъ неудачный опытъ примиренія противоположныхъ началъ монархіи, аристократіи и демократіи, Америка же—попытку опереть демократію на такіе прочные устои, которые со временемъ сдѣлаются предметомъ изумленія для иностранцевъ. Если мы примемъ во вниманіе,—такъ заканчиваетъ Ливингстонъ свое по-

хвальное слово американскимъ порядкамъ, — всѣ преимущества, связанные съ существованіемъ формальной конституціи, съ равенствомъ въ распредѣленіи народнаго представительства, съ частымъ повтореніемъ выборовъ, то мы принуждены будемъ признать, что по своей организаціи многіе изъ нашихъ штатовъ приближаются къ совершенству и во многомъ превосходятъ какъ древнія, такъ и новыя правительства ¹⁾.

Еще большее значеніе, нежели только-что упомянутая памфлетная литература, должны были оказать на политическую мысль Франціи два законодательныхъ акта, источникомъ которыхъ одинаково является собраніе делегатовъ, посланныхъ отдѣльными штатами въ Филадельфію. Это, во-первыхъ, уже упомянутая нами декларация существенныхъ и неотъемлемыхъ правъ американцевъ, составленіе которой до послѣдняго времени приписывалось Джефферсону, и во-вторыхъ — самый текстъ федеральной конституціи. Французскіе публицисты конца XVIII-го вѣка нерѣдко считаютъ ихъ частями одного цѣлаго, совершенно теряя изъ виду, что декларация имѣла характеръ не органическаго закона, а только доктринальнаго изложенія принциповъ американской революціи. Считая ту и другую частями одного и того же цѣлаго, Де-ла-Круза, авторъ перваго по времени сравнительнаго очерка европейскихъ и американскихъ конституцій, упускаетъ изъ виду, что отсутствіе въ составленномъ въ Филадельфіи проектѣ такой декларации правъ и было однимъ изъ важнѣйшихъ возраженій, сдѣланныхъ противъ него отдѣльными штатами. Не ранѣе 1791 года конгрессъ считалъ нужнымъ принять въ расчетъ, эти заявленія и внести въ число „дополненій къ федеральной конституціи“ нѣкоторыя постановленія, гарантирующія свободу личности и неприкосновенность собственности. Эти положенія заимствованы были изъ конституцій отдѣльныхъ штатовъ, которыя въ свою очередь восприняли ихъ основы изъ декларации независимости. Намъ необходимо имѣть въ виду эти факты, чтобы понять источникъ того утвержденія, что декларация правъ человека и гражданина, вошедшая въ текстъ французской конституціи 1791 года, составлена по примѣру и въ подражаніе американской федеральной конституціи. Повторяемъ, такой декларации нѣтъ въ текстѣ федеральной конституціи, и ея составители далеки были отъ мысли предпослать органическому статуту метафизическое обоснованіе принциповъ свободы и равенства или теоретическое изложеніе начала раз-

¹⁾ Examen du gouvernement d'Angleterre comparé aux constitutions des états-unis (Издан. 1789 года, стр. 50, 51, 52, 57, 60, 61).

дѣленія властей. Федеральная конституція въ этомъ отношеніи ограничилась заявленіемъ, что граждане будутъ пользоваться защитой ихъ личности, жилища, имущества и корреспонденціи противъ возможности обысковъ и не имѣющихъ достаточнаго основанія арестовъ; что конгрессъ отказывается отъ изданія закона, устанавливающаго государственную церковь и отмѣняющаго свободу культа, а также закона, ограничивающаго свободу слова, печати и право народа мирно сходиться на собранія или митинги и представлять свои ходатайства правительству. Въ этихъ постановленіяхъ, какъ и въ тѣхъ, которыя объявляютъ, что собственность не можетъ сдѣлаться предметомъ экспроприаціи помимо вознагражденія, что никто не можетъ быть арестованъ безъ спеціальнаго приказа о задержаніи, ни лишенъ жизни, собственности или свободы помимо суда и т. д., трудно видѣть что-либо общее съ тѣми метафизическими разсужденіями объ источникѣ законовъ и власти и природѣ народнаго самодержавія, какія мы находимъ въ деклараціи правъ человѣка и гражданина. Это не болѣе, какъ передача въ сжатомъ видѣ содержанія англійскаго „Habeas corpus act“, или англійскаго „Libel act“, не говоря уже о нѣкоторыхъ статьяхъ Великой хартіи, другими словами, законовъ, поставившихъ подъ свою защиту свободу и собственность англичанъ, одинаково въ метрополи и колоніяхъ. Но если въ конституціи Сѣверной Америки отсутствуетъ то, что можно назвать философскимъ изложеніемъ началъ народнаго самодержавія, своего рода катехизисомъ народныхъ вольностей и правъ, то все это содержитъ въ себѣ тотъ текстъ Джефферсоновской деклараціи, о которомъ говорено было выше. Знакомая съ ея содержаніемъ, становишься лицомъ къ лицу съ прототипомъ французской деклараціи правъ человѣка и гражданина. Вотъ, напримѣръ, что постановляетъ первая статья этого акта: „люди рождаются всѣ одинаково свободными и независимыми и имѣютъ естественныя права, присущія ихъ личности; этими правами они могутъ располагать свободно. Никакимъ соглашеніемъ они не въ силахъ лишить этихъ правъ потомство. Такими правами надо считать право на жизнь и свободу, а также право обращаться ко всѣмъ тѣмъ средствамъ, какія ведутъ къ приобрѣтенію имущества или обеспечиваютъ счастье и безопасность“. Трудно не видѣть въ этой статьѣ первообраза той, какою дѣятели 1789 года провозгласили существованіе неотъемлемыхъ правъ личности: свободы, равенства и неприкосновенности имущества. Различіе касается только способа формулированія, отнюдь не самаго содержанія. Сопоставимъ съ другой стороны вторую статью американ-

свой деклараціи съ третьей французской. Американская: „Всякая власть принадлежит народу и поэтому вытекаетъ изъ него! чиновники—его уполномоченные, его агенты, обязанные поэтому во всякое время давать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ“. Французская: „Источникъ всякаго суверенитета лежитъ въ націи; никакое политическое тѣло и никакое частное лицо не могутъ имѣть власти, которая бы не истекала отъ народа“.

Я не буду настаивать долѣе на сходствѣ американской деклараціи съ тою, какую учредительное собраніе предпослало тексту своей конституціи, и ограничусь только замѣчаніемъ, что въ числѣ провозглашенныхъ американцами принциповъ свободнаго государства стоитъ и начало вѣротерпимости, и свобода слова и печати, и правило, что законы не могутъ имѣть обратной силы, и теорія раздѣленія властей. Тѣ же принципы и тѣ же теоріи, какъ извѣстно, провозглашаются и французской деклараціей.

Отмѣтимъ теперь, какія стороны американской федеральной конституціи оказали свое воздѣйствіе на французскихъ законодателей.

Американская конституція въ гораздо болѣе мѣрѣ, нежели англійская, испытала на себѣ вліяніе политическихъ теорій. Ученіе о раздѣленіи властей, горячимъ защитникомъ котораго былъ руководящій въ Америкѣ журналъ Гамильтона—„Федералистъ“, не только было воспринято въ текстъ американской деклараціи правъ, но и положено было въ основу распредѣленія государственныхъ функцій между палатами и президентомъ. Строгое проведеніе этой теоріи предполагало лишеніе президента законодательнаго почина и абсолютнаго „veto“ и надѣленіе его одновременно правомъ составлять министерство по собственному выбору. Оно требовало запрещенія членамъ палатъ входить въ составъ министерства или занимать какія-либо служебныя должности. Поступить обратно значило бы дать исполнительной власти долю участія въ законодательной, а законодательной—въ исполнительной. Въ Англіи и то и другое, какъ мы видѣли, встрѣчается, и этимъ обусловливается возможность въ этой странѣ того, что называютъ парламентскимъ режимомъ. Но въ Америкѣ, конституція которой составила не безъ вліянія теоріи, парламентскій режимъ сдѣланъ невозможнымъ, благодаря строгому обособленію каждой изъ двухъ властей. Система противовѣсовъ, источникъ которой видятъ въ Англіи, и которая на самомъ дѣлѣ нашла себѣ примѣненіе въ Америкѣ, по всей вѣроятности имѣла бы въ этой странѣ то послѣдствіе, что сдѣлала бы невозможной всякую правительственную дѣятельность, и объ этомъ говорили уже въ концѣ прошлаго столѣтія

противники теоріи Монтескьё ¹⁾, если бы практика не восполнила недостатковъ законодательства и комитеты конгресса не сосредоточили въ своихъ рукахъ завѣдыванія отдѣльными отраслями администраціи, если бы, въ противность конституціи, не допускающей министровъ къ конгрессу, эти комитеты не вступили въ негласное сношеніе съ министрами и не стали фактически направлять ихъ дѣятельность. Но эта практика, благодаря которой, какъ доказалъ Брайсъ, современный механизмъ государственной жизни въ Америкѣ рѣзко отличается отъ того, какой думали установить въ ней участники филадельфійской конвенціи, очевидно могла проявиться не ранѣе созыва перваго конгресса, и слѣдовательно осталась невзвѣстной дѣятелямъ учредительнаго собранія. Такимъ образомъ, примѣръ Америки могъ только укрѣпить въ нихъ увѣренность въ необходимости не только строгаго раздѣленія, но и обособленія властей въ интересахъ упроченія политической свободы.

Два писателя съ самаго начала французской революціи обнаружили въ своихъ памфлетахъ рѣшительное пристрастіе къ американскимъ порядкамъ и не мало способствовали уясненію ихъ особенностей своимъ соотечественникамъ; я разумѣю Бриссо и Кондорсэ. Первый дважды посѣтилъ Америку и завелъ личныя сношенія съ ея выдающимися политическими дѣятелями. Не разъ бесѣдовалъ онъ съ ними о возможныхъ судьбахъ своей родины, выслушивая подчасъ не безъ внутренняго волненія откровенно высказанное сомнѣніе, чтобы Франція была подготовлена къ той свободѣ, какою пользуется Америка и въ меньшей мѣрѣ Англія ²⁾). Во время своего путешествія Бриссо охотно останавливался на всемъ, что свидѣтельствовало о вліяніи, какое имѣютъ на нравы жителей преобладаніе сельской жизни надъ городскою, общераспространенность собственности и широкая вѣротерпимость. Говоря о Бостонѣ или Филадельфіи, онъ и въ позднѣйшее время не могъ отказаться отъ сопоставленія ихъ съ тою счастливою Салентою, фантастическая картина которой начертана была Фенелономъ ³⁾). Пребываніе въ средѣ квакеровъ породило въ немъ убѣжденіе, что „простота ихъ нравовъ, въ связи съ терпимостью и непрестаннымъ преслѣдованіемъ добродѣтели, направляетъ ихъ дѣятельность неизмѣнно къ общему благу и является ближайшей причиною процвѣтанія

¹⁾ См. упомянутый трактатъ Ливингстона, стр. 32, а также сочиненіе физиократа Мерсье де ла Ривьеръ: *De l'ordre naturel des sociétés*.

²⁾ См. томъ I, стр. 147: *Nouveau voyage dans les états-unis de l'Amérique septentrion. fait 1788, par I. P. Brissot (Warville), citoyen français*.

³⁾ Ibid., стр. 112, 119, 116 (томъ I).

Пенсильваніи“¹⁾. Издавая въ 1787 году особый трактатъ, съ цѣлью обратить вниманіе французовъ на тѣ выгоды, какія можетъ обезпечить имъ торговый обмѣнъ съ освобожденными при ихъ дѣйствіи штатами, Бриссо въ предисловіи говоритъ о томъ значеніи, какое для развитія во французскомъ обществѣ чувства свободы имѣлъ переводъ кодексовъ Пенсильваніи, Массачусетса и Нью-Йорка. Если вѣрить ему, они издаются и распространяются повсюду. Авторъ высказываетъ надежду, что наравнѣ съ англійской конституціей эти кодексы послужатъ образцомъ для европейскихъ правительствъ. „Нечего, разумѣется, и думать, — прибавляетъ онъ, — о буквальномъ заимствованіи; надо только научиться изъ нихъ уваженію къ естественнымъ правамъ человѣка“. Бриссо передаетъ общую надежду своихъ соотечественниковъ, говоря, что просвѣщенные примѣромъ американской революціи европейскія правительства принуждены будутъ отмѣнить вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія, уменьшить налоговыя тяжести своихъ подданныхъ изъ опасенія, что непосильные поборы побудятъ ихъ искать въ эмиграціи въ Америку надежное убѣжище отъ бѣдствій²⁾. Въ какомъ именно направленіи долженъ былъ вліять примѣръ Америки на Францію 89 года, можно судить отчасти по мыслямъ, выраженнымъ Бриссо въ іюнѣ 1790 года въ предисловіи къ новому изданію его путешествія. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого предисловія. Они дадутъ намъ право видѣть въ Бриссо не поверхностнаго наблюдателя американской жизни и не фанатическаго приверженца системы подражанія заморскимъ образцамъ, а человѣка, съумѣвшаго проникнуть въ самый духъ американскихъ порядковъ и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, вліяніе, какое оказываютъ на народную психологію простота нравовъ, отсутствіе сословныхъ различій, существованіе непосредственной связи между землею и ея воздѣльвателемъ, мирное сожитіе бокъ-о-бокъ послѣдователей разныхъ сектъ, объединенныхъ чувствомъ равенства и любовью къ общей родинѣ. Но отдавая должное вниманіе тѣмъ экономическимъ и нравственнымъ факторамъ, которыми опредѣляется семейный и общественный бытъ, Бриссо только вскользь касается политическихъ учрежденій американцевъ, и то немного, что онъ говоритъ о нихъ, доказываетъ и недостаточное знакомство его съ особенностями американскаго политическаго строя, и односторонность точки зрѣнія, и неспособность отрѣшиться отъ того ложнаго представленія, что свобода тѣсно связана съ безсиліемъ исполни-

¹⁾ Ibid., стр. 2 и 93 (томъ II).

²⁾ Ibid., томъ III. Вступленіе, 23 стр.

тельной власти, которое, какъ мы вскорѣ увидимъ, благодаря сочиненіямъ Мабли, постепенно вошло въ общественное сознаніе людей 1789 года, сдѣлалось однимъ изъ догматовъ проводимой ими политической доктрины. Я не боюсь впасть въ преувеличеніе, утверждая, что предпосланное Бриссо введеніе къ его путешествію въ Америку служить самымъ полнымъ выраженіемъ его социальныхъ и политическихъ взглядовъ. Этого мнѣнія, повидимому, придерживается и Оларъ, который въ своей попыткѣ воспроизвести политическое сгедо—Бриссо и жирондистовъ, не разъ обращается къ только-что упомянутому мною источнику ¹⁾. Я прибавлю, что это вступленіе въ такой же мѣрѣ рисуетъ намъ Бриссо оригинальнымъ и глубокимъ наблюдателемъ нравовъ и общественнаго строя американцевъ, какъ и поверхностнымъ политикомъ. „У американцевъ,—говоритъ онъ,— надо научиться секрету не только упрочить, но и сохранить свободу. Эта тайна лежитъ главнымъ образомъ въ нравахъ. Американцы имѣютъ эти нравы, тогда какъ мы, повидимому, даже не прониклись мыслью, что сохраненіе свободы немислимо безъ добрыхъ нравовъ“. Но какія причины повели къ тому, что американцы такъ далеко оставили за собою въ этомъ отношеніи народы Европы? Бриссо отвѣчаетъ на это, повторяя въ болѣе общей формѣ уже отмѣченное имъ вскользь въ самомъ текстѣ его путешествія. „Не бросается ли неволью въ глаза,—спрашиваетъ онъ,—та связь, въ которой чистота частной морали стоитъ съ преобладаніемъ сельской жизни? Не даромъ же девять-десятыхъ американцевъ живутъ разсѣянно въ селлахъ, свободные отъ развращающаго вліянія городовъ. Никакая свобода, ни общественная, ни индивидуальная, немислива помимо частной независимости; но ея нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ собственности или какой-либо опредѣленной промышленной или торговой профессіи, которая бы дѣлала человѣка свободнымъ отъ страха попасть въ нищету или личную зависимость. Американцы свободны и долго останутся свободными, потому что ⁹/₁₀ изъ нихъ землевладѣльцы, лично завѣдующіе своимъ хозяйствомъ. Собственникъ зависитъ только отъ урожая, а урожай отъ неба, которое никогда не оставляетъ его вполне безнадежнымъ. Кто не владѣетъ въ Америкѣ собственностью, тотъ не считаетъ постыднымъ заняться какимъ-либо ремесломъ, такъ какъ въ отличіе отъ Европы чувство равенства настолько проникло въ общее сознаніе, что никто не считаетъ для себя унижительнымъ зарабатывать хлѣбъ въ потѣ

¹⁾ См. La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. La Révolution française, Juillet—Décembre. 1884, p. 8.

лица. Каждый уважает здѣсь тотъ промыселъ, которому онъ обязанъ своей независимостью, и не завидуетъ чужимъ почестямъ, зная, что всѣ почести открыты ему, и что онъ можетъ ихъ заслужить.

Третье условіе, содѣйствующее политической свободѣ американцевъ,—это проникшая въ общественное сознание идея мира и справедливости. Она немислима при сохраненіи законодательныхъ различій между господствующей и подчиненными церквами. Столь исключительные нѣкогда пресвитеріанцы допускаютъ въ настоящее время въ свою среду послѣдователей разныхъ сектъ и живутъ съ ними въ братскомъ общеніи. Чуждые идеи войны, неспособные къ принужденію кого-либо силою оружія, американцы, по словамъ Бриссо, предпочитаютъ всему убѣжденіе и озабочены только мыслью объ общей федераціи всѣхъ народовъ.

Указавъ такимъ образомъ на тѣ общественные устои, на которыхъ опирается американская гражданственность, Бриссо обращается къ разсмотрѣнію ея политическихъ устоевъ. Американцы,—говоритъ онъ,—призваны сдѣлаться первымъ народомъ въ мірѣ, потому что въ ихъ сознаніи укоренилось три тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ принципа: 1) всякая власть у нихъ избираемая; 2) законодательныя собранія подлежатъ частой замѣнѣ; 3) власть исполнительная, также избираемая и смѣняемая, имѣетъ у нихъ мало силы. Первый принципъ содѣйствуетъ, въ глазахъ Бриссо, укорененію чувства равенства: онъ существенно вліяетъ на поддержаніе въ обществѣ добрыхъ нравовъ, особенно если частые выборы связаны съ запрещеніемъ переизбранія отслужившихъ срокъ чиновниковъ. Это правило сдѣлаетъ ихъ болѣе зависимыми отъ общества, вызоветъ въ нихъ болѣе строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, распространитъ въ широкой степени въ обществѣ знакомство съ политической практикой и постепенно сдѣлаетъ государственныя дѣла общимъ достояніемъ всѣхъ гражданъ. Такимъ образомъ,—прибавляетъ онъ,—представительный образъ правленія избѣжитъ главнаго изъ дѣлаемыхъ ему упрековъ. О немъ нельзя будетъ сказать болѣе, что онъ—дѣло немногихъ. Часто возобновляемое представительство дѣлаетъ немислимымъ повтореніе въ Америкѣ той узурпаціи власти со стороны депутатовъ, примѣръ которой представилъ въ Англіи Долгій Парламентъ. И въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ во „Французскомъ Патріотѣ“, Бриссо не разъ возвращается къ тѣмъ преимуществамъ, какія представляетъ въ Америкѣ осуществленіе всякаго вида власти, не иначе какъ въ силу полномочія отъ народа, опредѣленіе на должность путемъ выбора на-

родомъ или его представителемъ, наконецъ, краткосрочность служебнаго мандата и смѣняемость чиновниковъ. Соединенные Штаты Америки, — читаемъ мы въ „profession de foi“, напечатанной Бриссо въ 696-мъ номерѣ „Французскаго Патриота“, 5-го іюля 1791 года, — единственное государство въ мірѣ, представляющее собою рядъ республикъ, всецѣло построенныхъ на представительствѣ и избраніи. Аѳины и по ихъ образцу многія другія государства Греціи были чистыми демократіями; Римъ имѣлъ свой сенатъ; Спарта — своихъ наслѣдственныхъ королей ¹⁾).

Нельзя, разумѣется, поставить въ вину Бриссо, если въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ не предвидѣлъ тѣхъ неудобствъ, къ какимъ поведетъ въ Америкѣ краткосрочность правительственнаго мандата и распространеніе народнаго выбора на судебныя должности. Но мы все же должны сказать, что сами американцы поспѣшили дать категорическое опроверженіе крайностямъ его ученія, допустивъ вторичное избраніе президента и не установивъ никакихъ ограниченій для послѣдовательнаго выбора въ новые конгрессы прежнихъ депутатовъ и сенаторовъ, — наконецъ, удержавъ и отчасти распространивъ на новые штаты систему правительственнаго назначенія судей на болѣе или менѣе продолжительный срокъ и даже пожизненно. Тамъ, гдѣ восторжествовала противоположная система народнаго выбора и краткосрочности служебнаго мандата, слышатся жалобы на партійный характеръ суда, на невѣжество и недобросовѣстность инфеодированныхъ избирателямъ органовъ правосудія. Въ число наиболѣе отрицательныхъ сторонъ современной американской гражданственности, по единогласному утвержденію всѣхъ ея европейскихъ наблюдателей, начиная съ Токвилля и оканчивая Брайсомъ, надо включить выборный характеръ ея магистратуры, недостаточность требуемаго отъ судей умственнаго ценза, отсутствіе предварительныхъ экзаменовъ, удостоверяющихъ уровень юридическихъ знаній. Случайное большинство, преобладаніе въ томъ или другомъ штатѣ одной изъ двухъ борющихся партій (республиканцевъ или демократовъ), рѣшаетъ вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ, въ ближайшіе годы, вѣрена будетъ забота о поддержаніи существующаго юридическаго строя. Замѣщеніе судебныхъ должностей входитъ въ составъ той „добычи“, — выражаясь языкомъ президента Джексона, — которая достается восторжествовавшей на президентскихъ выборахъ партіи.

¹⁾ Le Patriote français, № 696. Ma profession de foi sur la monarchie ou le républicanisme.

Но если недолгий опыт американской демократии не давал Бриссо возможности отмѣтить тѣ недостатки, какіе неизбежно связаны съ распространеніемъ системы избранія на всѣ должности, то ему нельзя не поставить въ вину совершенно противное истинѣ утвержденіе, что исполнительная власть въ Америкѣ лишена силы и вліянія, и что ея предпологаемая слабость—существеннѣйшій залогъ политической свободы. Можно объяснить, разумѣется, путь, какимъ Бриссо пришелъ къ подобному заключенію, указавъ на то обстоятельство, что въ эпоху посѣщенія имъ Америки исполнительная власть, если не въ отдѣльных штатахъ, то въ ихъ конфедераціи, не обладала еще достаточной энергіей и широтой полномочій. Тогда какъ губернаторы штатовъ, свободные въ выборѣ своихъ совѣтниковъ, по характеру предоставленныхъ имъ функцій мало чѣмъ уступали во власти англійскому королю, замѣстителями котораго они были еще такъ недавно,—федеральной исполнительной власти въ строгомъ смыслѣ слова не существовало вовсе. Это обстоятельство, имѣвшее своимъ естественнымъ послѣдствіемъ безсиліе недавно возникшаго союза дотолѣ независимыхъ другъ отъ друга колоній, ясно сознано было членами филадельфійской конвенціи и сдѣлалось главной причиной къ обнародованію новой федеральной конституціи. Въ ней исполнительная власть, ввѣренная на четыре года избираемому и отвѣтственному президенту, получила, въ виду безконтрольнаго выбора имъ министровъ, самостоятельность и силу, превосходящую ту, какою располагаетъ безотвѣтственный въ своихъ поступкахъ, но въ то же время связанный въ выборѣ министровъ англійскій король. Въ то время, когда Бриссо обнародовалъ свои путешествія, власть президента была уже установлена и монархические элементы, вошедшіе въ ея образованіе, вполне были выяснены Гамильтономъ въ отдѣльных нумерахъ „Федералиста“. Это не помѣшало, однако, Бриссо доказывать, что примѣръ Америки убѣждаетъ въ возможности ограниченія, до минимума, функцій исполнительной власти. „Сила принужденія и свобода,—говоритъ онъ,—не могутъ идти рука объ руку; благоденствіе общества прямо пропорціонально признаваемой въ немъ свободѣ; послѣдняя же обратно пропорціональна власти правительства. Эта власть не можетъ быть расширена иначе, какъ въ ущербъ свободѣ“¹⁾.

Одинъ изъ современныхъ историковъ сдѣлалъ попытку охарактеризовать политическія ученія Бриссо, провозгласивъ его

¹⁾ Nouveau voyage dans les états-unis de l'Amérique septentrionale. 1791 г., стр. 24 и 25.

предшественникомъ современныхъ социалистовъ. Въ доказательство своей мысли онъ ссылается на тотъ фактъ, что въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій Бриссо высказалъ о собственности мысли, которая почему-то кажется этому историку социалистическими, хотя въ дѣйствительности онъ заключаютъ въ себѣ только воспроизведеніе ходячаго ученія Локка ¹⁾. Гораздо вѣрнѣе на

¹⁾ „Въ теоріи, — говоритъ Оларъ, — политическіе взгляды Бриссо должны быть признаны не только республиканскими, но (явленіе рѣдкое въ эпоху революціи) и социалистическими (*La politique et l'éloquence de Brissot, par Aulard. Rév. Française, Juillet-Déc. 1884, стр. 8 etc.*). Въ доказательство этого положенія Оларъ приводитъ слѣдующій фактъ. Въ 1780 году Бриссо издалъ сочиненіе, озаглавленное: „Философскія изслѣдованія о правѣ собственности и о воровствѣ“. Въ этомъ сочиненіи, воспроизведенномъ впоследствии въ „Философской библіотекѣ“ Бриссо, этотъ писатель, по утверженію Олара, высказываетъ оригинальныя и сильныя мысли. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Природа дозволила человѣку пользоваться продуктами земли только въ предѣлахъ его потребностей. Кто собственники? — Всѣ имѣющіе потребности. Животныя — образцовые собственники. Насытившись, они уступаютъ мѣсто нуждающимся. Собственность кончается тамъ, гдѣ начинается потребность. Въ естественномъ состояніи воромъ считается богатъ (т.-е. накопившій имущество свыше потребностей), въ обществѣ — тотъ, кто похищаетъ у богатого. Богъ далъ землю всѣмъ. Моя собственность не ограничивается ни предѣлами моей хижины, ни предѣлами моей родины. Я могу быть собственникомъ повсюду“.

Всѣ эти разсужденія, которыя Бриссо, въ приписываемыхъ ему, но далеко не авторитетныхъ мемуарахъ, объявляетъ „амплификаціями школьника“, вполне оправдываютъ это названіе, такъ какъ „являются только пересказомъ той главы разсужденій о гражданскомъ обществѣ“ Локка, въ которой англійскій философъ, объявляя источникомъ собственности трудъ, признаетъ, что и этимъ путемъ апроприація возможна только подъ условіемъ, чтобы присвоенное не превышало потребностей присвоителя и оставляло для пользованія прочихъ членовъ общества достаточное для ихъ потребностей количество равнокачественныхъ предметовъ. Что Бриссо очень далеко отъ мысли отнѣмать собственность, доказательство этому мы находимъ въ слѣдующей сентенціи, заимствуемой нами изъ того же сочиненія: „законы, устанавливающіе собственность, существуютъ; будемъ же уважать ихъ. Ниспроверженіе даже этого несправедливаго договора поведетъ бы къ уничтоженію земледѣлія (?). Будемъ защищать и вслѣдствіи охранять собственность, но не станемъ относить происхожденіе ея къ естественному праву“. Оларъ находитъ, что въ этихъ разсужденіяхъ Бриссо обнаружилъ истинную оригинальность мысли; но такъ какъ несуществованіе собственности въ естественномъ состояніи провозглашено еще Гоббсомъ, а трудовая теорія построена Локкомъ, то съ этимъ едва ли можно согласиться. Соціализмъ Бриссо — на нашъ взглядъ — фактъ несуществующій; его мысли не оригинальны; онъ воспроизводитъ только то, что гораздо раньше было высказано англійскими писателями XVII-го вѣка и гораздо краснорѣчивѣе повторено было во Франціи Руссо въ его „разсужденіяхъ о причинахъ неравенства“. Заслуга Бриссо въ названномъ сочиненіи лежитъ не въ оригинальности его взглядовъ на собственность, а въ попыткѣ связать съ ходячей теоріей ея происхожденія критику существующаго законодательства о воровствѣ. Бриссо возстаетъ противъ казни воровъ, доказывая, что право человѣка на существованіе по меньшей мѣрѣ столь же священно и неприкосновенно, какъ и право собственности.

на нашъ взглядъ — говорить о немъ какъ о человѣкѣ, приближающемся по своимъ взглядамъ къ ученію современныхъ анархистовъ. Подобно имъ, онъ съ той же точки зрѣнія проводитъ мысль, что существованіе въ обществѣ добрыхъ нравовъ — результатъ прочности его устоевъ — дѣлаетъ возможнымъ доведеніе до минимума правительственныхъ функцій. Доказательство этому онъ находитъ въ Пенсильваніи. „Можетъ ли народъ, — спрашиваетъ себя Бриссо, — быть счастливымъ безъ правительства?“ „Да, — отвѣчаетъ онъ, — но подъ условіемъ господства въ немъ добрыхъ нравовъ. Хотите подтвержденія этому? Наблюдайте за тѣмъ, что происходитъ въ средѣ американскихъ квакеровъ. Они прожили въ Пенсильваніи нѣсколько вѣковъ подъярь, не имѣя правительства, безъ полиціи, безъ средствъ принужденія. Хотите найти объясненіе такой возможности, — оживите въ вашемъ умѣ картину ихъ нравовъ, и вы поймете причину этого феномена. Одинъ изъ секретовъ тѣхъ, кого называютъ республиканцами во Франціи, — прибавляетъ онъ, — составляетъ желаніе ограничить по возможности исполнительную власть, чтобы заставить людей быть добродѣтельными и приучить ихъ обходиться безъ содѣйствія начальства“. Трудно признать логичность такого вывода. Если добрые нравы позволяютъ ограничить силу принужденія, вѣреннаго заботѣ правительства, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что отиѣна правительства необходимо поведетъ къ установленію въ обществѣ добрыхъ нравовъ. Гораздо вѣрнѣе смотрѣли на дѣло тѣ американцы, которые, подобно Джефферсону, Адамсу и Моррису, и заодно съ Мабли, видѣли главнѣйшее препятствіе къ упроченію политической свободы во Франціи путемъ ограниченія королевской власти — въ нравственной испорченности французовъ. Моррисъ не разъ обращался къ подобнымъ пророчествамъ въ своихъ разговорахъ съ Лафайетомъ и другими представителями французскаго американофильства. Джефферсонъ, въ свою очередь, высказывалъ подобныя же опасенія въ своихъ письмахъ къ Томасу Пэну, доктору Прайсу и къ своимъ обычнымъ корреспондентамъ въ Америкѣ — Адамсу, Мадиссону, Джэ, Кар-Михаэлю и Вашингтону ¹⁾.

Въ то время, какъ Бриссо печатаніемъ своего путешествія въ Америку старался познакомить французовъ по преимуществу съ общественными устоями американской свободы, Кондорсэ своими

¹⁾ The writings of Jefferson, т. II, стр. 436 и слѣд. — Такъ, въ письмѣ къ Мадиссону, напримѣръ, отъ 18-го ноября 1788 года, мы находимъ слѣдующія слова: „Бѣда въ томъ, что французскій народъ еще не созрѣлъ для тѣхъ благъ свободы, на которыя онъ имѣетъ право“ (Ibid., стр. 506).

политическими памфлетами приучалъ ихъ къ мысли о необходимости издать подобную американской декларацію правъ человека и гражданина и истолковывалъ имъ принципиальныя особенности политическаго строя Соединенныхъ-Штатовъ. Не кто иной, какъ Джефферсонъ, въ письмѣ къ Мадиссону отъ 31-го іюля 1788 года, указывалъ на эти брошюры Кондорсэ, какъ на самое разумное рѣшеніе тѣхъ великихъ вопросовъ, къ обсужденію которыхъ призваны были французы, благодаря созыву генеральныхъ-штатовъ ¹⁾. Руководствуясь высказанными въ нихъ мыслями, тотъ же Джефферсонъ уже въ августѣ 1789 года считалъ возможнымъ пророчить, что ближайшей попыткой „патріотовъ“ будетъ обнародованіе деклараціи правъ, установленіе періодичности національнаго собранія и ограниченіе расходовъ казны бюджетомъ ²⁾.

Въ чемъ же состояли, спрашивается, взгляды Кондорсэ на особенности американской гражданственности и на то значеніе, какое знакомство съ ними можетъ имѣть для ближайшаго возрожденія Франціи? Въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Мысли о деспотизмѣ“, Кондорсэ предъявлялъ къ будущему представительству Франціи требованіе начать свою дѣятельность съ обнародованія деклараціи естественныхъ правъ человека, на которыхъ, — говоритъ онъ, — построены права націи. Эта декларація должна быть аналогична той, какая была издана въ Виргиніи 1-го іюня 1786 года, а затѣмъ и въ другихъ штатахъ Америки, послѣдовавшихъ въ этомъ отношеніи ея примѣру. Чтобы достигнуть этого, необходимо, — думаетъ Кондорсэ, — чтобы каждый по мѣрѣ возможности написалъ собственный проектъ подобной деклараціи. Изъ сопоставленія и сличенія этихъ проектовъ можно будетъ установить со временемъ общую редакцію. Самъ онъ даетъ примѣръ подобнаго отношенія къ дѣлу, предлагая въ особомъ памфлетѣ готовый текстъ подобной деклараціи. Для него естественныя права человека сводятся къ личной безопасности, индивидуальной свободѣ, неприкосновенности и свободѣ распоряженія собственностью и къ естественному равенству ³⁾. У американцевъ заимствуетъ Кондорсэ не только планъ особой деклараціи, но и самое ученіе о неотъемлемыхъ правахъ человека, о „правахъ, предшествующихъ во времени и превосходящихъ своимъ значеніемъ всѣ прочія

¹⁾ Ibid., стр. 439 и слѣдующія.

²⁾ Ibid. To Colonel W. S. Smith. August, 1788 (стр. 448, т. II).

³⁾ См. томъ XII, Oeuvres (изд. 1804 года). Idées sur le despotisme (стр. 230, 234, 238). См. также другой памфлетъ, озаглавленный: „Déclaration des droits“, стр. 245 того же тома; наконецъ, Lettres d'un gentilhomme à M-rs du tiers-état (Ibid., стр. 323).

права" (*antérieurs et supérieurs aux lois positives*). Въ отличіе отъ всемогущества англійскаго парламента, для котораго не существуетъ разницы между конституціонными и простыми законами, который вправе отменить любой статутъ, слѣдуя обычному порядку троекратнаго чтенія билля въ обѣихъ палатахъ и ихъ голосованія большинствомъ, американскій конгрессъ проводитъ различіе между основными законами, опредѣляющими собою личныя права гражданъ и функціи отдѣльныхъ политическихъ властей, и тѣми, которые не имѣютъ прямого отношенія къ конституціи. Стражемъ первыхъ являются федеральныя суды, уполномоченныя отвергнуть всякій законъ, противорѣчащій этимъ основамъ, признавъ его неконституціоннымъ. Это легальное ограниченіе функцій народнаго представительства вызвано не впервые въ жизни филаделфійской конвенціей. Задолго до обнародованія конституціи 1787 года, оно имѣло силу жизненнаго принципа во многихъ штатахъ сѣвера, и по всей вѣроятности занесено было въ нихъ передовыми религіозными сектами Англій и Голландіи, извѣстными подъ общимъ названіемъ „индепендентовъ“.

Чтобы найти зародышъ этихъ ученій, надо вернуться къ эпохѣ первой англійской революціи и познакомиться съ политическими воззрѣніями не только радикальной партіи — „левеллеровъ“, но и признаннаго главы индепендентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всей англійской республики, Кромвеля, постоянно проводившаго въ своихъ рѣчахъ тотъ взглядъ, что на ряду съ основами (*fundamentels*), сохраненіе которыхъ обязательно для всѣхъ правительствъ, основами, на которыхъ опирается свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, — въ каждомъ государственномъ порядкѣ необходимо встрѣчаются и подлежащія измѣненіямъ „*circumstancials*“, т.-е. мѣры, вызванныя въ жизни обстоятельствами времени, и падающія вмѣстѣ съ ними. Кондорсэ примыкаетъ къ этому, по своему источнику, англійскому ученію, нашедшему себѣ, однако, право гражданственности только въ Америкѣ, когда, протестуя противъ неизмѣнности всякихъ законовъ, не исключая и конституціонныхъ, въ то же время предлагаетъ установить особый порядокъ для восполненія и исправленія текста деклараціи правъ и конституціи.

Не законодательная палата, а специально созданный для этой цѣли конвентъ ¹⁾ надѣляется имъ этимъ правомъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями американской конституціи, которая

¹⁾ L'examen de la constitution sera fait non par l'assemblée nationale ordinaire, mais par une assemblée convoquée exprès pour corriger la constitution (*Lettres d'un gentilhomme à M-rs du tiers-état, Oeuvres, № 12, стр. 326*).

въ данномъ случаѣ имѣла передъ глазами примѣръ той „конвокаціи“, которая повела къ обнародованію „билля о правахъ“ 1689 и возвела на престолъ Англіи новую династію въ лицѣ Вильгельма и Маріи. Хотя Кондорсэ ни разу не задается мыслью изложить основы американскаго государственнаго строя, въ примѣненіи ихъ къ Франціи, но онъ не разъ обнаруживаетъ предъ нами дѣйствительный источникъ своихъ политическихъ взглядовъ, озаглавливая нѣкоторые изъ изданныхъ имъ памфлетовъ такими, напримѣръ, названіями: „Письма гражданина Ньюгевена гражданину Виргиніи“, или „Письма американскаго гражданина къ французу касательно текущихъ дѣлъ“. Американское вліяніе сказывается у Кондорсэ не только въ защитѣ имъ проекта деклараціи правъ и проведеніи ученія о неотъемлемости и неотчуждаемости установленныхъ природою прерогативъ человѣка и націи, но и въ пониманіи характера тѣхъ преимуществъ, какія обезпечиваются этими независимыми отъ законовъ и предшествующими имъ по времени правами. Во главѣ ихъ Кондорсэ ставитъ равенство. Не можетъ существовать,—пишетъ онъ,—ни истиннаго права, ни прочнаго мира иначе, какъ при абсолютномъ равенствѣ между гражданами ¹⁾. Общество имѣетъ своей задачею противодѣйствовать тому, чтобы неравенство силъ единственное, допускаемое природою, не вызвало несправедливыхъ притѣсненій ²⁾. Эти нѣсколько общія положенія могли бы дать поводъ думать, что подъ равенствомъ Кондорсэ разумѣетъ не только равенство формальное, но и равенство матеріальное, не одно нелицепріятіе законовъ, но и одинаковость условій. На дѣлѣ же онъ весьма далекъ отъ пристрастія къ социалистическимъ или коммунистическимъ теоріямъ,—такъ же далекъ, какъ и послужившіе ему примѣромъ американцы. Онъ самъ, впрочемъ, спѣшитъ устранить всякія сомнѣнія, ставя частную собственность въ число неотъемлемыхъ естественныхъ правъ человѣка и заявляя, что неравенство въ общественномъ порядкѣ только тогда не можетъ считаться нарушеніемъ естественнаго права, когда вытекаетъ, какъ послѣдствіе, изъ собственности и является результатомъ отправления важныхъ общественныхъ функцій,—наконецъ, если предметъ его является человѣкъ, оказавшій обществу общепризнанныя услуги ³⁾. Кондорсэ такъ далекъ отъ мысли о безграничномъ равенствѣ, что самая мысль положить собственность въ осно-

¹⁾ Lettres d'un gentilhomme à Messieurs du tiers-état (Condorcet).

²⁾ Lettres d'un citoyen des états-unis à un français sur les affaires présentes. Oeuvres. Томъ XII, стр. 148.

³⁾ Ibid.

ваніе права избранія нисколько не пугаетъ его, и онъ открыто является сторонникомъ имущественнаго ценза. Вотъ какими приемами онъ защищаетъ исключительное право собственниковъ быть избирателями и депутатами. „Если, — говоритъ онъ, — вы дадите равное право голоса всѣмъ гражданамъ — богатымъ и бѣднымъ, то богатымъ легче будетъ установить свое вліяніе въ избирательномъ собраніи, нежели въ томъ случаѣ, когда къ выборамъ будутъ допущены только лица съ нѣкоторой имущественной обезпеченностью, которымъ легче будетъ противостоять косвеннымъ вліяніямъ богатыхъ. Собственники имѣютъ равный съ не-собственниками интересъ во всемъ, что касается законодательства, и несравненно болѣе, разъ дѣло идетъ о гражданскомъ правѣ или установленіи налоговъ. Нѣтъ поэтому никакой опасности возложить на нихъ исключительное полномочіе быть бюрократическими интересами остальной части общества“¹⁾. Едва ли во всей памфлетной литературѣ этого времени найдется болѣе характерное доказательство полного непониманія большинствомъ дѣятелей 1789 года того, что мы разумѣемъ въ настоящее время подъ борьбою классовъ, и того вліянія, какое эта борьба, при представительствѣ одного землевладѣльческаго элемента, должна оказать на характеръ законодательства. Не поднимая даже вопроса о тѣхъ неудобствахъ, къ какимъ можетъ повести одностороннее представительство собственниковъ, Кондорсэ старается обосновать ихъ права на слѣдующемъ весьма спорномъ положеніи. „По самой природѣ вещей, — говоритъ онъ, — не-собственники только потому населяютъ землю, что она сдана была въ наемъ согласившимися принять ихъ собственниками. Если они имѣютъ какія-либо права, помимо права жизни и свободы, то они имѣютъ ихъ только отъ собственниковъ. Собственники могутъ поэтому, не нарушая справедливости, признать себя единственными гражданами государства“²⁾. Но если Кондорсэ надѣляется политическими правами однихъ только собственниковъ, то, съ другой стороны, въ средѣ ихъ онъ не устанавливаетъ никакихъ различій: гражданинъ, владѣющій участкомъ земли, доходъ котораго обезпечиваетъ ему существованіе помимо заработка на сторонѣ, по мнѣнію Кондорсэ, болѣе всѣхъ другихъ заинтересованъ въ томъ, чтобы общество управлялось добрыми законами, и вотъ почему — дурное законодательство, которое повело бы къ уtratѣ такимъ собственникомъ хотя бы слабой части его дохода, произ-

¹⁾ Lettres d'un bourgeois de New-Heaven et cet. (Oeuvres, томъ XII, стр. 16).

²⁾ Ibid.

вело бы цѣлый переворотъ въ его имущественномъ положеніи, заставивъ его снискивать пропитаніе въ трудѣ (le forçant à travailler pour vivre). Легко догадаться, чей примѣръ имѣетъ передъ глазами авторъ „Писемъ ньюгевенскаго гражданина“, когда утверждаетъ, что классъ мелкихъ собственниковъ всего болѣе призванъ къ государственной дѣятельности и народному представительству. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду тѣхъ мелкихъ фермеровъ въ не знавшихъ рабства сѣверныхъ штатахъ, которые одновременно являлись и собственниками, и земледѣльцами. Тѣмъ, которые возражаютъ противъ устраненія не-собственниковъ отъ представительства, ссылаясь на естественное равенство людей, Кондорсэ отвѣчаетъ, указывая на примѣръ женщинъ, естественное равенство которыхъ съ мужчинами не препятствуетъ, однако, исключенію ихъ поголовно изъ числа избирателей. Слѣдуетъ горячая защита правъ женщинъ на представительство, разумѣется, подъ условіемъ владѣнія ими собственностью. Кондорсэ является такимъ образомъ однимъ изъ піонеровъ той идеи, которая въ наши дни нашла краснорѣчиваго истолкователя въ лицѣ Джона Стюарта Милля и съ каждымъ годомъ вербуетъ все большее и большее число приверженцевъ въ стѣнахъ англійскаго парламента.

Въ вопросахъ политическаго устройства увлеченіе Кондорсэ американскими порядками не доходитъ въ это время ни до признанія возможности обратить Францію въ республику, ни до проповѣди федерализма. Напротивъ того, Кондорсэ высказывается весьма опредѣленно въ отрицательномъ смыслѣ по каждому изъ этихъ двухъ вопросовъ. Франція, — объявляетъ онъ, — необходимо должна остаться монархіей, ибо эта форма государственнаго устройства — единственная, отвѣчающая ея богатству, ея населенности и политической системѣ Европы ¹⁾. Эта монархія должна быть наследственной, такъ какъ одна наследственность позволить избѣжать тѣхъ смутъ, которыя постоянно возникаютъ во всѣхъ избирательныхъ монархіяхъ. Не менѣ категорически высказывается Кондорсэ и по отношенію къ федерализму. Онъ нападаетъ на сепаратизмъ, проявленный за послѣднее время отдѣльными провинціями, „которыя, — говоритъ онъ, — не желаютъ болѣе оставаться составными частями французской монархіи, а хотятъ сдѣлаться самостоятельными республиками“. Ихъ центробѣжной тенденціи Кондорсэ противопоставляетъ проповѣдь политическаго единства и тѣхъ выгодъ, какія это единство представляетъ для

¹⁾ Réflexions sur les pouvoirs et instructions à donner par les provinces à leurs députés aux états-généraux (стр. 16¹).

сохраненія независимости и свободы ¹⁾). Мѣсто федерализма занимаетъ въ его проектѣ широкая децентрализація и мѣстное самоуправленіе. Въ основаніе его кладется дробленіе всей Франціи на равные по числу избирателей дистрикты, по три тысячи въ каждомъ. Эти дистрикты управляются непосредственно избраннымъ народомъ совѣтомъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются исключительно всѣ обязанности администраціи. По примѣру американцевъ, Кондорсэ вѣряетъ этимъ мѣстнымъ избираемымъ властямъ право требовать содѣйствія войскъ въ случаѣ безпорядковъ. Инициатива исходитъ въ этомъ дѣлѣ не отъ короля и министровъ, а отъ избираемыхъ дистриктами совѣтовъ ²⁾). Мы увидимъ въ послѣдствіи, что эта американская, по своему источнику, идея была усвоена національнымъ собраніемъ и положена имъ въ основаніе его законодательства о національной гвардіи и войскахъ. Дистрикты назначаютъ отъ себя депутатовъ въ національное собраніе. Какъ и въ проектахъ Бриссо, краткосрочность мандата и невозможность переизбранія выставляются необходимыми требованіями свободы. Члены законодательнаго корпуса избираются на два года. Необходимо большинство трехъ-четвертей голосовъ избирателей, чтобы продлить ихъ полномочія на равный срокъ. Депутаты, по примѣру членовъ американскаго конгресса, устраниются на все время продленія ихъ полномочій отъ всякаго рода административныхъ и судебныхъ должностей. Являясь противникомъ федерализма, Кондорсэ настолько проникается американскою идеею объ относительной самостоятельности штатовъ въ дѣлѣ реформы конституціи и заключеніи международныхъ соглашеній, что требуетъ для своихъ дистриктовъ права высказываться утвердительно или отрицательно по этимъ обоимъ вопросамъ. Примѣръ Америки въ данномъ случаѣ сходится съ ученіемъ Руссо о невозможности для націи полного отчужденія ея суверенитета. И вліяніе обоихъ заставляетъ Кондорсэ выступить съ открытой защитой того права „referendum“, первое официальное признаніе котораго дано будетъ конституціей 1793 года. Кондорсэ признаетъ это право не по отношенію ко всякаго рода законамъ, какъ это встрѣчается въ наши дни въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Дистрикты призваны только вѣтовать вопросъ о томъ, желательны ли тѣ или другія измѣненія въ конституціи, и слѣдуетъ ли оставить въ силѣ заключенные законодательнымъ корпусомъ договоры съ иностранными держа-

¹⁾ *Sentiment d'un républicain sur les assaml. prov. et les états-généraux. Oeuvres. Томъ XII, стр. 192 и слѣдующія.*

²⁾ *Lettres d'un bourgeois de New-Heaven. Oeuvres. Томъ XII, стр. 70.*

вами. Въ первомъ случаѣ при утвердительномъ отвѣтѣ большинства дистриктовъ, законодательный корпусъ обязанъ приступить къ обсужденію голосованныхъ реформъ въ конституціи, во второмъ случаѣ—при отрицательномъ отвѣтѣ договоръ теряетъ свою силу ¹⁾.

Такимъ образомъ, *referendum*, какъ понимаетъ его Кондорсэ, заключаетъ въ себѣ отчасти право непосредственного почина конституціонныхъ реформъ избирателями и право утверждения или неутверждения ими уже принятыхъ законодательнымъ собраніемъ рѣшеній. Кондорсэ придаетъ такое существенное значеніе этому прямому вмѣшательству народа въ дѣла государства, что видитъ въ немъ средство избѣжать захвата суверенитета со стороны народнаго представительства; а такъ какъ страхъ подобнаго захвата—единственное серьезное основаніе въ пользу двухъ или большаго числа камеръ, то онъ послѣдовательно высказывается въ пользу единой народной палаты, контролируемой непосредственно избирательными дистриктами. Верхняя палата, думалъ Кондорсэ, только осложнитъ бесполезно ходъ политической машины, да еще сдѣлается, пожалуй, источникомъ аристократическихъ броженій ²⁾. Дистрикты, очевидно, играютъ въ этомъ отношеніи въ системѣ Кондорсэ ту самую роль, какую исполняли штаты Америки въ эпоху конфедераціи, при существованіи единой камеры и возможности остановить принятія ея рѣшенія противодѣйствіемъ мѣстныхъ правительствъ. Ограниченность функцій конгресса въ эпоху конфедераціи является для Кондорсэ примѣромъ необходимости положить опредѣленные закономъ предѣлы власти національнаго представительства и лишить его по возможности всякихъ исполнительныхъ функцій ³⁾. Въ число правъ, которыя нація никогда не можетъ уступить своему представительству, Кондорсэ включаетъ право реформы конституціи, исправленіе ея по частямъ или въ цѣломъ и притомъ во всякое время. Законодатель не можетъ,—пишетъ онъ,—работать для вѣчности, такъ какъ дѣло рукъ человѣческихъ по необходимости несовершенно; иначе пришлось бы производить конституцію отъ Неба, такъ какъ за однимъ Небомъ доселѣ признавалось право устанавливать неизмѣнные законы ⁴⁾. Въ то время какъ Кондорсэ заимствовалъ изъ Америки ученіе о необходимости построить народное представительство независимо отъ

¹⁾ *Lettres d'un bourgeois de New-Heaven*. Томъ XII, стр. 56 и 58 (*Oeuvres*).

²⁾ Ср. статью Дюда о политическихъ теоріяхъ Кондорсэ въ журналѣ „*La Révolution française*“, 1882 г., стр. 749.

³⁾ *Lettres d'un bourgeois de New-Heaven*. *Oeuvres*. Томъ XII, стр. 115.

⁴⁾ Ср.: Дюда, стр. 850 (*Révolution française*, 1882 г.).

сословій и образоватъ единую камеру изъ всѣхъ депутатовъ отъ собственниковъ, Лафайетъ считалъ возможнымъ приблизиться къ тому же американскому образцу, предлагая устройство періодически возобновляемаго сената изъ делегатовъ отъ провинціальныхъ штатовъ. Эти делегаты въ его проектѣ должны были играть ту же роль, что и американскіе сенаторы ¹⁾. Подобно Кондорсэ, американофильство не мѣшало Лафайету оставаться сторонникомъ политическаго единства Франціи и поддерживать въ ней монархическій принципъ, основанный на наслѣдственности и опирающійся на строгое обособленіе законодательной власти отъ исполнительной и на сосредотченіи послѣдней всецѣло въ рукахъ короля и свободно выбираемаго имъ министерства ²⁾. При устройствѣ своего сената онъ заимствовалъ только форму, а не духъ американскаго образца, который, какъ извѣстно, въ угоду сепаратизму и притязаніямъ штатовъ на самостоятельность и политическое равенство, допустилъ въ своей средѣ равное представительство всѣхъ и каждаго изъ нихъ, независимо отъ размѣра территоріи и величины населенія. Лафайетъ ближе подходит не только къ формѣ, но и къ духу американскихъ учреждений, когда внесеніемъ въ собраніе готоваго проекта деклараціи правъ онъ кладетъ начало торжественному признанію Франціей тѣхъ самыхъ естественныхъ правъ челоуѣка и гражданина, обязательность которыхъ для законодателя была провозглашена американцами ³⁾. Включенныя въ проектъ Лафайета права—тѣ самыя, которыя установлены были англійской практикой и перешли вмѣстѣ съ англійскими колонистами на почву Новаго свѣта, отчасти восполненныя и видоизмѣненныя нивелирующимъ вліяніемъ одинаковости матеріальныхъ условій и отсутствіемъ признанныхъ закономъ сословій. Это, съ

¹⁾ См. письма Лафайета къ Латуръ Мобуру, отъ августа и сентября 1789 г., напечатанныя Мортимеромъ Терно въ приложеніи къ первому тому его „Исторія террора“.

²⁾ Въ его корреспонденціи съ Вашингтономъ не разъ упоминается объ общемъ желаніи придать больше силы и энергіи исполнительной власти въ соединенныхъ-штатахъ (Bardoux, La jeunesse de La Fayette. Paris 1892 г., 190 стр.). Въ проектахъ соглашенія Лафайета съ дворомъ одновременно встрѣчается обязательство принять мѣры къ усиленію исполнительной власти, сдѣлать короля полнымъ распорядителемъ армій, передать въ его руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ и т. п. „Вы знаете,—говорилъ онъ Людовику XVI,—что по чувствамъ я республиканецъ, но самыя принципы мои заставляютъ меня въ настоящую минуту быть роялистомъ. Я убѣжденъ въ томъ,—прибавлялъ онъ, обращаясь къ королевѣ,—что въ настоящихъ условіяхъ отъѣна конституціонной монархіи во Франціи была бы общественнымъ бѣдствіемъ“. Bardoux, стр. 225.

³⁾ Еще въ письмѣ къ Вашингтону, отъ 1-го января 1788 года, Лафайетъ говоритъ о своемъ желаніи добиться билля о правахъ и конституціи.

одной стороны, свобода физическихъ проявленій личности, насколько она обставлена тѣми гарантіями, какія даетъ ей „*Nabeas corpus*“, съ другой—свобода ея нравственныхъ проявленій, достигаемая отмѣной цензуры и равноправіемъ вѣроисповѣданій ¹⁾). Наряду съ свободой, собственность и ея неприкосновенность включены въ число естественныхъ правъ человѣка въ такой же мѣрѣ въ проектѣ Лафайета, какъ и въ послужившей ему образцомъ деклараціи Виргиніи отъ 1776 года. Къ обоимъ началамъ присоединяется третье—равенство, опять-таки понимаемое въ американскомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ равенства предъ закономъ и судомъ, но отнюдь не равенства состояній ²⁾). Зная республиканскія чувства Лафайета, смѣлость, съ которой онъ открыто заявлялъ Маріи-Антуанетѣ, „что не имѣетъ никакого предразсудка въ пользу монархіи, и что еслибы благо его родины требовало отмѣны королевской власти, онъ не отступилъ бы передъ этой необходимостью, такъ какъ не придаетъ никакого значенія такъ называемымъ династическимъ правамъ“ ³⁾),—не удивляешься возможности сближенія Лафайета не только съ маркизомъ Кондорсе, такимъ же, какъ онъ, аристократомъ по рожденію, но и съ журналистомъ Бриссо, которому, по словамъ госпожи Роланъ, онъ долгое время обѣщалъ доставить средства для изданія его журнала ⁴⁾), и которому со временемъ, въ эпоху его процесса, поставлена будетъ въ вину близкая связь съ роялистомъ и заговорщикомъ Лафайетомъ. Всѣ названныя лица имѣли возможность встрѣ-

¹⁾ Лафайетъ открыто выражалъ желаніе, чтобы декретъ, касающійся свободы вѣроисповѣданій, не давалъ предпочтенія ни одному изъ нихъ, и по примѣру того, что практикуется въ Америкѣ, предоставилъ каждому обществу вѣрующихъ содержать собственный храмъ и причтъ. „Но французское общество,—прибавляетъ Лафайетъ въ своихъ мемуарахъ,—не было еще достаточно зрѣло, чтобы проникнуться этой мыслью“ (Bardoux, стр. 240).

²⁾ Демократическія стремленія Лафайета ни для кого не были тайной задолго еще до революціи. Онъ самъ передаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующій характерный анекдотъ:

„Однажды, когда мнѣ въ 1785 году пришлось защищать противъ Фридриха Великаго ту мысль, что въ Америкѣ никогда не будетъ ни королевской власти, ни дворянства, старый монархъ внезапно прервалъ меня, говоря:—Я зналъ когда-то молодого человѣка, который, посѣтивъ страны свободы и равенства, задался мыслью установить все это на своей родинѣ. Знаете ли, что случилось съ нимъ?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Съ нимъ случилось,—прибавилъ король съ улыбкой,—то, что его повѣсили!“ (Bardoux, стр. 218).

³⁾ Bardoux. стр. 225.

⁴⁾ *Lettres à Bancal des Issarts*, изд. Sainte-Beuve (отъ конца 1790 г. и начала 1791 г.).

чаться частью въ аристократическомъ по составу и республиканскомъ по духу ¹⁾ салонѣ графини де-Тессе, тетки Лафайета, одинаково горячей поклонницы Вольтера, какъ философа, и собственного племянника, какъ политика ²⁾, — всего же чаще въ домѣ американскаго посла въ Парижѣ, Джефферсона. Чтеніе его писемъ за эту эпоху проливаетъ поэтому наиболѣе яркій свѣтъ на дѣятельность небольшого кружка французскихъ американофиловъ, искавшихъ у него совѣта и получавшихъ отъ него руководство. Къ чести его самого и президента Вашингтона надо сказать, что шедшіе изъ Америки совѣты были исполнены умѣренности и благоразумія. Въ то время какъ Вашингтонъ писалъ Лафайету, что всѣ друзья человѣчества, и онъ въ томъ числѣ, отъ всей души желаютъ упроченія во Франціи порядковъ, „которые сдѣлали бы возможными энергію правительства и уваженіе къ равенству“ ³⁾, Джефферсонъ, поддерживая „патріотовъ“ въ рѣшимости покончить съ сословной организаціей представительства, которая въ его глазахъ была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ деспотизмъ ⁴⁾, — одновременно воздерживалъ ихъ отъ излишней настойчивости въ проведеніи другихъ своихъ политическихъ требованій, доказывая „невозможность реформировать сразу вѣковыя злоупотребленія“. Необходимо добиться сначала, — говорилъ онъ, — того, что легко достижимо, на что само правительство готово пойти, какъ-то: періодичность созыва народнаго представительства, право его вотиловать налоги и регистрировать законы, предлагая къ нимъ измѣненія ⁵⁾. Если, — замѣчалъ онъ въ своей перепискѣ съ американскими государственными людьми, — французы остановятся пока на этомъ, все вѣроятно кончится успѣшно, и на ближайшихъ сессіяхъ штатовъ не мудрено будетъ добиться отмены *lettres de cachet*, цензуры печати, установленія бюджета и другихъ существенныхъ реформъ въ ихъ образѣ правленія. Но есть основаніе опасаться, что желаніе исправить все сразу, которое въ настоящее время овладѣло многими умами, наведетъ ужасъ на правительство и заставитъ его прибѣгнуть къ силѣ и положиться только на нее ⁶⁾.

Слишкомъ большая поспѣшность въ проведеніи реформъ не

¹⁾ Morris, Diary and lettres.

²⁾ Характеристику comtesse de Tessé можно найти у Bardoux: La jeunesse de Lafayette, стр. 243.

³⁾ См. Bardoux, стр. 229.

⁴⁾ Письмо, отъ 31-го іюля 1888 года, къ Мадиссону, томъ II полнаго собранія сочиненій.

⁵⁾ См. письма къ Мадиссону и Джемсу, отъ 18-го и 19-го ноября 1788 г.

⁶⁾ Ibid., стр. 511.

только не встрѣчала сочувствія со стороны Джефферсона, но онъ даже открыто присоединялся къ мнѣнію тѣхъ, которые думали, что инициативу въ дѣлѣ отмины злоупотребленій и въ устройствѣ Франціи на новыхъ началахъ должно принять на себя само правительство. Какъ ни покажется это страннымъ, но мысль о королевской деклараціи, подобная той, по крайней мѣрѣ по формѣ, которая такъ неудачно предложена была Людовикомъ XVI-мъ въ засѣданіи 23-го іюня 1789 года, если не зародилась впервые въ головѣ Джефферсона, то во всякомъ случаѣ нашла въ немъ съ самаго начала горячее сочувствіе. Онъ даже составилъ примѣрный текстъ ея, включивъ въ число добровольно даруемыхъ правительствомъ вольностей исключительное право штатовъ вотиловать бюджетъ, участіе ихъ наравнѣ съ королемъ въ законодательной дѣятельности, личную свободу и свободу печати ¹⁾. Двѣ мѣры, повидимому, особенно были ему дороги, и все же онъ готовъ былъ поступиться ими, по крайней мѣрѣ на время, и не включилъ ихъ въ текстъ своего проекта: это — составленіе, во-первыхъ, подобія англійскаго билля о правахъ или американской деклараціи независимости, а во-вторыхъ, установленіе суда присяжныхъ. Джефферсонъ вѣрилъ въ патріотическія чувства Людовика XVI. Онъ писалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, готовомъ поступиться собственными правами въ интересахъ своихъ подданныхъ. Въ письмѣ къ Кетингу, отъ 24-го іюля 1788 года, онъ говоритъ, что Людовикъ XVI способенъ на великія жертвы. Чтобы склонить его къ тѣмъ или другимъ реформамъ, необходимо только породить въ немъ увѣренность, что они клонятся къ благу націи ²⁾. Такое воззрѣніе на Людовика XVI объясняетъ намъ причину, по которой Джефферсонъ старался воздержать патріотовъ отъ слишкомъ рѣзкой оппозиціи двору. Это не мѣшало ему по-своему оцѣнивать источникъ внезапной уступчивости правительства и даже говорить въ письмѣ къ Джэ, отъ 11-го января 1789 года, что „правительства обыкновенно любятъ народы, какъ волки овецъ“, и что созывъ генеральныхъ-штатовъ вызванъ денежною нуждою, невозможностью получить средства отъ средняго сословія, изъ котораго и безъ того уже выжаты всѣ соки. „Необходимо направить поэтому поборы на дворянство и духовенство, чего нельзя сдѣлать иначе, какъ при участіи буржуазіи“ ³⁾. Никто яснѣ самого Джефферсона не сознавалъ той связи, въ какой

¹⁾ См. письма Джефферсона къ Лафайету и Сабо Сентъ-Этьеннъ, отъ 3-го іюня 1789 года. Томъ III, стр. 45 и 47.

²⁾ Ibid, томъ II, стр. 489.

³⁾ Ibid., томъ II, стр. 556 и слѣдующія.

духъ независимости и свободы, овладѣвшій французскими умами, стоялъ къ американской войнѣ за независимость. Его письмо въ Лондонъ къ доктору Прайсу, секретарю „клуба революціи 1688 года“, въ этомъ отношеніи весьма поучительно. „Американская война, — говорится въ немъ, — впервые пробудила мыслящую часть французской націи отъ сна деспотизма, въ который они такъ долго и такъ глубоко были повергнуты. Большинство французскихъ офицеровъ, прибывшихъ въ Америку, состояло изъ молодыхъ людей, не успѣвшихъ подвергнуться влиянію привычекъ и предразсудковъ своей родины и склонныхъ признать требованія здраваго смысла и справедливости или общаго всѣмъ права. Они вернулись въ отечество, проникнутые этими требованіями. Печать, несмотря на тиски, въ какіе она была поставлена, начала вскорѣ распространять ихъ взгляды. Тѣ же мысли не замедлили сдѣлаться общемою темою разговоровъ; политика доставила пищу для всякаго рода бесѣдъ, одинаково въ мужскомъ и женскомъ обществѣ. Обширная и дѣятельная партія, которую можно назвать партіей патріотовъ, была образована изъ всѣхъ, кто сознавалъ злоупотребленія правительства и стремился къ ихъ реформѣ. Въ составъ его вошло все, что есть почтеннаго въ королевствѣ: люди, которымъ достатокъ позволяетъ посвящать время мышленію и разсужденіямъ, люди пера, зажиточные буржуа, молодое дворянство, — послѣднее частью по убѣжденію, частью по модѣ. Высказываемые патріотами взгляды, сдѣлавшись „модными“, привлекли на свою сторону всѣхъ молодыхъ женщинъ. Это движеніе въ обществѣ совпало счастливымъ для него образомъ съ совершеннымъ разореніемъ королевской казны и неспособностью средняго сословія нести долге на своихъ плечахъ все бремя налоговъ. Оба явленія въ своей совокупности и породили то либеральное движеніе, которое повело къ созыву генеральныхъ-штатовъ“ ¹⁾. Какое направленіе самъ Джефферсонъ старался придать дѣятельности своихъ политическихъ друзей, а именно, того кружка американофиловъ, который сходилъ въ его домъ, — объ этомъ можно судить изъ уцѣлѣвшаго письма его къ аббату Арну, отъ 19-го іюля 1789 года. „Мы признаемъ истиной въ Америкѣ, что необходимо допустить народное участіе во всѣ сферы государственной дѣятельности и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какіхъ народъ вообще способенъ къ ней. Мы думаемъ, что это — единственный путь къ обезпеченію прочнаго, неизмѣнчиваго и честнаго правительства. Изъ этого общаго положенія мы дѣлаемъ тотъ выводъ, что, во-первыхъ, самъ не осущест-

¹⁾ Ibid., стр. 553, томъ II.

вляя исполнительныхъ функций, народъ призванъ къ выбору лица, которому поручается этотъ видъ власти. У насъ этотъ выборъ производится каждые четыре года (разумѣется выборъ президента); во-вторыхъ, народъ не призванъ осуществлять непосредственно и законодательную дѣятельность, почему онъ допускается нами только къ выбору законодателей; въ-третьихъ, не его также дѣло судить вопросы права, но зато онъ вполне способенъ высказываться о вопросахъ факта; и вотъ почему въ лицѣ присяжныхъ онъ призывается нами къ рѣшенію фактической стороны дѣла, тогда какъ примѣненіе относящагося къ данному случаю закона предоставлено постояннымъ судьямъ. Намъ хорошо извѣстно, что постоянство должности придаетъ судьямъ корпоративный духъ (*esprit de corps*); что, зная напередъ, кто будетъ судить ихъ, стороны склонны испытывать на судьяхъ вліяніе подкупа; наконецъ, что фаворитизмъ родственныи, желаніе заслужить предъ старшими, принадлежность къ партіи, преданность личнымъ органамъ исполненія—все это легко встрѣчается въ членахъ постоянного трибунала. Это убѣжденіе и заставляеть насъ возлагать большія надежды на справедливый приговоръ двѣнадцати избранныхъ присяжныхъ, нежели на одностороннее рѣшеніе судей. Мы даемъ поэтому присяжнымъ возможность распространять свое сужденіе и на вопросы права каждый разъ, а не только тогда, когда у нихъ явится подозрѣніе, что постоянные судьи подверглись косвенному воздействию, что они состоятъ во власти предразсудка и способны оказаться пристрастными. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, присяжные сдѣлались самымъ твердымъ оплотомъ англійской и американской свободы. Если бы меня спросили, что я считаю болѣе желательнымъ, участіе ли народа въ законодательствѣ или судѣ, я бы, — говоритъ Джефферсонъ, — высказался въ пользу послѣдняго, такъ какъ исполненіе законовъ на мой взглядъ важнѣе ихъ созданія; но еще лучше, разумѣется, устроить такъ, чтобы народъ участвовалъ во всѣхъ трехъ частяхъ“¹⁾. Только-что приведенный документъ раскрываетъ предъ нами ту роль, какую въ дѣлѣ введенія національнымъ собраніемъ судебной реформы играли заимствованныя изъ Америки воззрѣнія. Дѣло шло о введеніи народа въ судъ, параллельномъ тому, какое достигнуто было уже въ сферѣ законодательства и отчасти въ области управленія муниципальнаго, окружного и департаментскаго. Ни о чемъ Джефферсонъ не говоритъ такъ часто въ своихъ письмахъ, какъ о необходимости включенія суда присяжныхъ въ число проектируемыхъ ре-

¹⁾ Ibid., томъ III, стр. 81.

формъ. „Я сомнѣваюсь, — пишетъ онъ доктору Прайсу, — чтобы французамъ удалось добиться суда присяжныхъ; они мало понимаютъ его пользу“ ¹⁾).

Далекій отъ мысли поддерживать во Франціи аристократію путемъ созданія подобія англійской палаты лордовъ, Джефферсонъ, въ письмахъ къ Лафайету, настаиваетъ на необходимости двухъ-палатной системы. Это, по его мнѣнію, одно изъ условій хорошаго законодательства. Чтобы избѣжать раскола между сословіями, онъ готовъ даже пойти на тотъ компромиссъ, какой предложенъ былъ епископомъ лангренскимъ, и соглашался на соединеніе обоихъ привилегированныхъ сословій, или, точнѣе, дворянства и высшаго духовенства, въ отдѣльной отъ общинъ камерѣ ²⁾).

Упоминая въ письмѣ къ Мадиссону, отъ 28-го августа 1789 г., о предложеніи установить во Франціи сенатъ, онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что прототипомъ при составленіи этого проекта служить американскій федеральный сенатъ. Все отличіе состоитъ въ томъ, что французскій долженъ быть пожизненнымъ, и что въ основу при избраніи положенъ извѣстный имущественный цензъ въ 400 или 500 гиней въ годъ (т.-е., отъ 4.000 до 5.000 рублей). Этотъ сенатъ, — прибавляетъ онъ, — согласно проекту, не долженъ имѣть рѣшающаго вѣта по отношенію къ законамъ уже проведеннымъ чрезъ собраніе, а только право представлять противъ нихъ возраженія. „Ремонстраціи сената заставляютъ народныхъ представителей подвергнуть новому разсмотрѣнію уже обсужденные ими вопросы. Простого большинства достаточно для окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ“. Излагая эти особенности французскаго сената, Джефферсонъ снѣшить прибавить: „вамъ не трудно усмотрѣть, что задуманный такимъ образомъ сенатъ — не болѣе, какъ подобіе нью-іоркскаго ревизіоннаго совѣта“.

Самъ Джефферсонъ не одобряетъ мысли создать верхнюю камеру, которая не имѣла бы самостоятельности по отношенію къ нижней, такъ какъ онъ предвидитъ, что она необходимо будетъ искать союза съ королемъ и — съ помощью его вѣта — противиться рѣшеніямъ народной камеры. Проектъ пожизненнаго сената, какъ извѣстно, не прошелъ чрезъ собраніе, но не безынтересно отмѣтить, что въ его созданіи какъ Лафайетъ, такъ и другіе защитники проекта отправлялись отъ американскаго политическаго опыта въ такой же мѣрѣ, въ какой Мунье или Бергассъ руко-

¹⁾ См. письмо, отъ 8-го янв. 1789 года.

²⁾ Письмо, отъ 6-го мая 1789 г., томъ III, стр. 20.

водствовались въ своей попыткѣ создать французскую парію по примѣру Англіи.

И въ судебной реформѣ національное собраніе, по словамъ Джефферсона, намѣрено было слѣдовать американскимъ образцамъ. „Вслѣдъ за отмѣной парламентовъ, — пишетъ онъ ¹⁾, — созданы будутъ судьи и мировые посредники, общіе и провинціальныя, во многомъ подобные нашимъ, и введенъ будетъ судъ присяжныхъ, въ уголовныхъ дѣлахъ несомнѣнно, а можетъ быть также и въ гражданскихъ“. Будущее устройство провинціальныхъ и муниципальных собраній, члены которыхъ будутъ подлежать народному избранію, кажется Джефферсону скопомъ съ представительныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ; ихъ думаютъ надѣлять тѣми же функціями, что и эти собранія. Отдѣльные департаменты, подобно штатамъ Америки, должны имѣть свои суды, приговоры которыхъ будутъ окончательными. Въ зависимость отъ мѣстныхъ собраній поставлены будутъ и органы исполненія. И тѣмъ же собраніямъ предоставлено будетъ право изданія мѣстныхъ регламентовъ. „Однимъ словомъ, — прибавляетъ Джефферсонъ, — мы во всемъ этомъ послужили имъ образцомъ, и если допущены нѣкоторыя измѣненія, то или изъ желанія примѣниться къ обстоятельствамъ и національнымъ особенностямъ, или благодаря превеличенной вѣрѣ въ теорію, которая вообще встрѣчается въ людяхъ, не имѣющихъ практическаго опыта и знающихъ человека такимъ, какимъ изображаютъ его книги, а не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ“. Объясняя въ письмѣ къ Джэ, отъ 20-го сентября 1789 года, причины, по которымъ система единства народнаго представительства взяла во Франціи верхъ надъ двухъ-камерной, Джефферсонъ приписываетъ побѣду скрытымъ республиканцамъ, которые, миравъ временно съ удержаніемъ наслѣдственной королевской власти, хотѣли бы упредить ея зависимость отъ народныхъ представителей и сосредоточить въ ихъ рукахъ всю власть, не дробя ея между верхней и нижней палатой. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ этихъ противниковъ верхней палаты послѣдователями Тюрго, и тѣмъ самымъ даетъ поводъ думать, что руководящую роль въ ихъ средѣ онъ признаетъ за таковыми эпигонами школы фізіократовъ, какимъ былъ Кондорсэ. Только съ однимъ американскимъ нововведеніемъ, — думаетъ Джефферсонъ, — трудно будетъ помириться французамъ, а именно, съ мыслью, что военная власть можетъ быть поставлена въ распоряженіе мѣстныхъ избирательныхъ органовъ. „Какъ понять имъ возможность такого

¹⁾ Письмо, отъ 28-го августа.

факта, какъ задержаніе военнаго отряда генерала Рошамбо простымъ полицейскимъ чиновникомъ-шерифомъ!" Національное собраніе успѣшило однако доказать Джефферсону, что американофильство его членовъ не останавливалось даже передъ уворенившимися въ теченіе вѣковъ національными воззрѣніями. Оно поставило военную силу въ прямую зависимость отъ мѣстныхъ властей, надѣливъ ихъ правомъ не только распоряженія національной гвардіей, въ случаѣ народныхъ мятежей, но и прямого обращенія къ королю съ требованіемъ прислать нужное для восстановленія порядка войско ¹⁾).

Такимъ образомъ, американское вліяніе сказалось во Франціи конца прошедшаго вѣка въ равной мѣрѣ и въ области социаль-ныхъ, и въ области политическихъ реформъ. Оставлять его безъ вниманія,—какъ то дѣлаетъ большинство историковъ,—это значить добровольно отказываться отъ знакомства съ однимъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ вытекло все революціонное движеніе 1789 года.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

¹⁾ См. томъ III переписки съ Мадиссономъ, Дже и Адамсомъ въ августѣ и сентябрѣ 1889 года.

МИМОЗА

ИЗЪ ШЕЛЛИ.

For love, and beauty, and delight,
There is no death nor change...

Shelley.

ЧАСТЬ 1-я.

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И въ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ геній любви, молодая весна,
Траву и цвѣты пробудила для грѣзъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скалъ
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснежникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокотъ струны;

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ

Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умреть, безконечно любя;

И ландышъ, подобный наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любить весной;
Сквозить изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ;

Какъ пурпуръ, горять гіацинта цвѣты,
Онъ снова исполненъ живой красоты;
Его колокольчики тихо звенятъ, —
Тѣ звуки нѣжныѣ, чѣмъ его ароматъ;

И роза, какъ нимфа, — возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшить,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожить;

И лилія свѣтлую чашу взяла,
И вверхъ, какъ вакханка, ее подняла;
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и анютиныхъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ, —
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ — и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной;

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились;
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дѣрна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли,
И царскія кудри роскошно цвѣли;
И, тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вали цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, страхнувшій свой сонъ,
Съ улыбкой гладитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть,—

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазъ;

И лютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души,—

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея,—красоты!

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ;
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блещутъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,

Цвѣточный уносить съ собой аромать,
Какъ свѣтлые ангелы, въ небѣ скользять;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ;

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы;
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтранный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на міръ задремавшій легла,
Любовь—въ небесахъ, и покой—на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья не слышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочетъ уснуть соловей,—
Ночь меркнетъ все больше, а пѣснь все слышнѣй;
Рыданья его, эти райскія грѣзы,
Сливаются съ сномъ задремавшей Мимозы.

Уставши отъ нѣжной печали своей,
Внимая, какъ сладко поетъ соловей,
Всѣхъ прежде она свои листья свернула
И точно усталый ребенокъ уснула;
Въ душѣ ея сонная грѣза встаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

ЧАСТЬ 2-я.

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значить любви торжество;
Но утромъ, подъ ласкою жгучей разсвѣта,
Она трепетала, любовью согрѣта:

Какъ будто бы ласковый духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И страстью стыдливою къ ней проникался,
Покуда разсвѣтъ въ небесахъ разгорался.

Она проходила,—къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо и тихо дышала,
И страсть, и восторгъ за собой оставляла.

Какъ шопотъ волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣню волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздамъ;
И въ ихъ лепесткахъ—съ мимолетной красою
Лучистыя капли сверкали росой.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,

Ей не были бь дѣти родные милѣ,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣ.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ,
Она своей быстрой рукою ловила
И въ лѣсъ далеко-далеко уносила.

Для нихъ она дивныхъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзинку насыпала, гдѣ ихъ несла:
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчелъ, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ въ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И въ ведру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ—въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ—она оставляла:
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной—весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвою золотою,—она умерла.

ЧАСТЬ 3-я.

Промчалось три дня,—всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили, и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею—до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье; въ немъ слышались слѣзы;
За громомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго гнѣня
 Сливалось смерти нѣмой дуновенье;
 И запахъ холодный, тяжелый, сырой
 Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

Всѣ травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
 Лучистыми вдругъ заблестали слезами;
 А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ,—
 Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
 Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
 Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталъ,
 И даже—кто слѣзъ въ своей жизни не зналъ—
 И тотъ бы, при видѣ его, задрожалъ.

Подкралася осень, умчалось лѣто,
 Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
 Хоть солнце полудня сіяло порой,
 Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы,—въ печали,—
 Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
 И мертвенныхъ лилій, и блѣдныхъ бѣльцовъ
 Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

И чахли въ саду, разложеньемъ объятъ,
 Индійскія травы съ живымъ ароматомъ,—
 И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
 Безмолвно роняли листовъ за листовъ.

И красные, темные, листья сухіе
 Носились по вѣтру, какъ дѣхъ ночные;
 И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
 И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
 Проснулись подъ вѣтромъ и вдалѣ полетѣли,
 Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
 И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали,—
 Какъ слѣзы, въ ручей лепестки упадали,

Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылись трупами листьевъ—аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались метели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усыянь былъ пятнами гнусный ихъ родъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій,—
Тянулись, дышали, какъ будто сѣвось сонъ;
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разrostались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенія,—отъ имени ихъ
Бѣжить съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опѣнки, листовянки;
Взростила ихъ плесень въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ видѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды
Въ ручьѣ, будто флѣромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разrostалась семья
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарею, росли, какъ огни,
И ночью весь міръ одѣвали они.

Въ часъ полдня растенія искриться стали:
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ налитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слёзы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая унылымъ напѣвамъ метели;
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капалъ къ корнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ бесплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенять кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды, и землю она оковала;
Съ арктической зоны, изъ дальней земли
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ, являясь порою ночной.

И въ норахъ глубокихъ уснули въ морозы
Кроты, подъ корнями умершей Мимозы;
И черные сучья деревьевъ нагихъ
Служили пріютомъ для птичекъ больныхъ.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерали въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,

И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь міръ засыпая и снѣгомъ, и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы,
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы;
И лишь мандрагоры, цикута, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встають мертвецы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ:

Знала-ль Мимоза, что скрылась весна
И что сама измѣнилась она,
Знала-ль, что осень съ зимою пришла,
Трудно сказать,—но она умерла.

Дивная Нимфа, чѣмъ царствомъ былъ садъ,
Чѣмъ дуновѣніемъ былъ аромать,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила,—

Чудная нѣга любви, красоты
И неземного блаженства мечты...
Но въ этомъ мірѣ суровой борьбы,
Горя, обмана и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы—только тѣни отъ сна,
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Въ мірѣ, гдѣ все—только лживый туманъ,—
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живетъ аромать,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся,—но не они.

Счастье, любовь, красота,—вамъ привѣтъ!
Нѣтъ переменъ вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить!

К. Бальмонтъ.

ГАМБЕТТА

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

— Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta. I — XI vol. Paris.

Окончаніе.

VII *)

Съ окончаніемъ борьбы за прочность республиканскихъ учрежденій, оканчивается и лучший, самый свѣтлый періодъ въ политической жизни Гамбетты. Онъ ясно сознавалъ, что окрѣпшая республика, вышедшая побѣдительницею изъ борьбы съ своими врагами, не должна успокоиваться на лаврахъ, что отнынѣ она должна энергически приняться за осуществленіе тѣхъ демократическихъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи были возродить Францію и раскрыть передъ нею широкіе горизонты славнаго будущаго. Онъ желалъ, чтобы республика взялась за нихъ твердою рукою, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ она шла въ ихъ осуществленіи спокойно и осторожно, постепенно двигаясь отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, не хватаясь за невозможное, не бросаясь въ опасные эксперименты, не обманывая никого несбыточными надеждами на внезапное, волшебное преобразование всего общественнаго строя. Гамбетта чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы взять на себя работу проведенія демократическихъ реформъ въ самую жизнь, но для этого ему нужна была правительственная власть и дружное со-

---

* См. выше: ноябрь, стр. 136.

дѣйствіе большинства народнаго представительства. Но если, съ одной стороны, истинный парламентаризмъ, его строгая правда не настолько укоренились еще во Франціи, чтобы вынудить президента республики поручить Гамбеттѣ, какъ наиболѣе вліятельному вождю республиканской партіи, составленіе кабинета, то съ другой, судьба, какъ бы завистливая къ слишкомъ быстрому его возвышенію, къ великимъ заслугамъ, оказаннымъ его родиной, къ той популярности, которую онъ снискалъ себѣ не подлаживаніемъ къ общественнымъ страстямъ, не заискиваніемъ, не лестью нездоровымъ инстинктамъ толпы, а прямымъ, неуклоннымъ исполненіемъ своего долга и безкорыстною, честною службою Франціи, — начинала сѣять вокругъ него недоброжелательство, недовѣріе и подозрѣніе. Къ понятной враждѣ монархическихъ партій сталъ присоединяться ядъ недовѣрія среди крайнихъ элементовъ радикальной партіи, не желавшей мириться съ политическимъ тактомъ Гамбетты, съ его умѣренностью, осторожностью, словомъ, съ тою политикою, которую прозвали ироническимъ именемъ оппортунизма. Если Гамбетта не отступалъ отъ власти, то онъ не желалъ и добиваться ея, не желалъ навязывать себя; несмотря, однако, на враждебное къ нему отношеніе, исходившее изъ двухъ діаметрально противоположныхъ лагерей, вліяніе его въ палатѣ было слишкомъ велико, авторитетъ его слишкомъ силенъ, чтобы люди, облеченные властью, не прислушивались къ его голосу и не совѣщались съ нимъ по всѣмъ возникавшимъ важнымъ политическимъ вопросамъ. Такое законное вліяніе Гамбетты послужило, однако, поводомъ къ новому противъ него обвиненію въ пользованіи „подпольною“ властью, къ обвиненію, громко выражаемому, какъ тѣми, которые справедливо видѣли въ немъ враждебнаго имъ и наиболѣе сильнаго поборника республиканскихъ идей, такъ и тѣми, которые бросали ему въ глаза укоръ въ измѣнѣ старому знамени, только потому, что онъ желалъ идти впередъ, ощупывая подъ собою почву, а не видался съ зажмуренными глазами и сломя голову въ какую-то тьму неизвѣстности. Гамбетта зналъ, что всякое *salto mortale*, одинаково, какъ въ реакціонной, такъ и въ радикальной политикѣ, ведетъ къ неминуемой гибели. Обвиненія не устрашали его, и онъ продолжалъ идти по прямому и твердому пути, развивая, какъ въ палатѣ, такъ и внѣ палаты, свои идеи и указывая на тѣ реформы, которыя должны были обезпечить и прочность республики, и величіе Франціи.

Республика, — повторялъ онъ, — не должна быть пустымъ словомъ, ярлыкомъ, одною теоріей; она должна явиться живою дѣйствительностью, обезпечивающею развитіе всѣхъ національных силъ, во всѣхъ направленіяхъ, и гарантирующею „юношѣ —

школу, зрѣлому человѣку—трудъ, Франціи—миръ, и гражданину—свободу“. Республиканское правительство во внутренней политикѣ должно служить „выраженіемъ закона“, во внѣшней—„выраженіемъ справедливости“, такъ какъ въ концѣ концовъ „и для международныхъ отношеній существуетъ такая же справедливость, какъ и для отдѣльной націи“. Но Франція до поры до времени не должна задаваться неосуществимыми задачами. „Для Франціи,—говорилъ онъ,— не пробилъ еще часъ устремлять свой взоръ слишкомъ высоко или слишкомъ вдалѣ. Обреченная на тяжелую работу своего обновленія, она не должна знать другихъ средствъ для достиженія своей цѣли, какъ умственное развитіе, образованіе, и развитіе матеріальнаго благосостоянія. Только въ тотъ день, когда она осуществитъ этотъ двойной прогрессъ и сдѣлается самою образованною націей, оставаясь самою свободною,—только тогда на Францію всѣ посмотрятъ съ подобающимъ уваженіемъ“... Республиканская партія не должна задаваться иными цѣлями, — „другая работа будетъ удѣломъ уже послѣдующихъ поколѣній“, современная же демократія не должна знать другого девиза, какъ „порядокъ, благоразуміе, твердость и патріотизмъ“.

Гамбетта не ограничивался общими указаніями на тѣ задачи, которыя должна преслѣдовать республика; онъ указывалъ и на тотъ путь, которымъ должна идти Франція для ихъ осуществленія. Въ нѣсколькихъ рѣчахъ, и по преимуществу въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ Романѣ и Греноблѣ и произведшихъ глубокое впечатлѣніе во всей странѣ, онъ развилъ правительственную программу республиканской партіи, точно опредѣливъ тѣ демократическія реформы, къ которымъ она обязана приступить. Гамбетта, въ своей романской рѣчи, окидывая взоромъ недавнее прошлое, припомнилъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ постигшихъ Францію бѣдствій, онъ доказывалъ необходимость для демократіи сдѣлаться правительственною партіей, партіей порядка и устойчивости, такъ какъ это единственная въ странѣ партія, способная возродить Францію, вернуть ей ея утраченное положеніе и обратить къ ней снова симпатіи цѣлаго міра. Съ тѣхъ поръ демократической партіи пришлось выдержать жестокую борьбу съ врагами республики, и борьба эта велась на почвѣ конституции, выработанной противниками республиканскихъ учреждений. Тѣмъ не менѣе эта конституція оказалась достаточно сильна, чтобы не допустить торжества насилія; она доказала свою живучесть,—и этого достаточно для убѣжденія всѣхъ благоразумныхъ людей въ томъ, что не настало время для ея колебанія, для ломки созданныхъ ею учреждений. Эта конституція должна выдержать

последнюю пробу — спокойный переходъ власти президента отъ одного лица къ другому. „Помните, господа, — говорилъ онъ, — что мы только тогда утвердимъ республику на скалѣ, когда мы въ состояніи будемъ побѣдоносно отвѣтить всѣмъ поборникамъ монархическихъ реставрацій, толкующихъ о прочности порядка. Въ теченіе цѣлаго столѣтія, за исключеніемъ случая перехода власти отъ Людовика XVIII къ Карлу X, никогда власть въ нашей странѣ не переходила прямо, во имя закона, къ преемнику. Вотъ почему я призываю всѣми силами моей души и умоляю всѣхъ республиканцевъ подавить всѣ порывы нетерпѣнія и предоставить республиканскому механизму свободный просторъ; онъ докажетъ, что мы обрѣли истинную прочность, обусловливаемую дѣйствіемъ закона“... Онъ желалъ поэтому, чтобы президентъ республики Макъ-Магонъ, возведенный на этотъ постъ ея врагами и вовсе не сочувствующій новымъ учрежденіямъ, достигъ до предѣльнаго срока своихъ полномочій и при ненарушимомъ спокойствіи покинулъ власть и передалъ ее другому избраннику.

Таковъ первый этапъ республики. Второй ея этапъ, это необходимыя реформы. „Не будемъ, однако, — говорилъ Гамбетта, — чрезмѣрно расширять поле нашихъ замысловъ: сѣмъ ихъ ограничить; это лучшее средство доставить имъ удовлетвореніе“... Приступая къ указанію того, что возможно и осуществимо, онъ говорилъ: „я врагъ того, что зовется *tabula rasa*, я такой же врагъ злоупотребленій; но я желаю, чтобы при совершеніи реформъ принимались во вниманіе время, традиціи, даже предразсудки, такъ какъ они существуютъ, составляютъ силу, и для того, чтобы ихъ разрушить, необходимо дѣйствовать безъ увлеченія и безъ страсти“... Перечисляя необходимыя реформы, онъ указывалъ прежде всего на необходимость очищенія магистратуры, дабы Франція не представляла страннаго зрѣлища правительства, желаннаго и признаннаго цѣлою страной и встрѣчающаго противодѣйствіе только среди чиновниковъ, агентовъ власти. Касаясь щекотливой реформы несмѣняемости магистратуры, онъ говорилъ: „нѣтъ сомнѣнія, что я не хочу, чтобы судья былъ смѣняемъ по произволу, чтобы онъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ правительства, чтобы рѣшенія его были только исполненіемъ данныхъ ему приказовъ. Такой судья вызываетъ во мнѣ ужасъ, отвращеніе и протестъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вся магистратура, завѣщанная Франціи правительствомъ, утонувшимъ „въ стыдѣ и грязи“, и усвоившая себѣ привычку быть лишь исполнительницею приказаній, должна быть преобразована, и новый порядокъ долженъ создать дѣйствительно честную, независимую магистратуру; тогда

принципъ несмѣняемости явится защитой для государства, защитой для гражданъ и защитой для самого судьи.

Слѣдующая необходимая реформа должна коснуться вопроса клерикальнаго, отношеній между государствомъ и церковью. Гамбетта не признавалъ современныя полное отдѣленіе церкви отъ государства; онъ не считалъ полезнымъ отмѣну конкордата; онъ желалъ лишь, чтобы государство высвободилось изъ плѣна клерикализма, чтобы прекратилась та правильная осада, которую давно уже начала клерикальная партія. Онъ показалъ, какъ церковь каждый день пробиваетъ новую брешь въ государственномъ зданіи, какъ въ 1849 г. она атаковала первоначальное образованіе; какъ въ 1850 г. она набросилась на среднее образованіе и какъ, наконецъ, въ 1876 г. она стала подкапываться подъ высшее образованіе. Всюду, куда только могъ проникнуть духъ іезуитизма, столь враждебный современной мысли, клерикалы старались проникнуть и утвердить свое господство. „Въ ихъ исторіи,—прибавлялъ онъ,—есть та особенность, что іезуитизмъ возвышается всегда, когда родина падаетъ“. Такому захвату церковью области чисто государственной долженъ быть положенъ конецъ, и Гамбетта указалъ на цѣлый рядъ мѣръ, которыя могутъ оградить государство отъ пагубнаго вліянія клерикализма, безъ того однако, чтобы религіозные интересы страны были въ чемъ-либо нарушены. „Мы не враги религіи, — говорилъ онъ, — мы являемся, напротивъ, слугами свободы совѣсти, полными уваженія ко всѣмъ религіознымъ и философскимъ убѣжденіямъ“. Будучи врагомъ всякаго насилія, онъ одинаково не желалъ насилія государственной власти относительно церкви, религіи, какъ не желалъ насилія церкви надъ государствомъ. Проникнутый убѣжденіемъ въ святости принципа свободы совѣсти и уваженія ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, Гамбетта понималъ, что всякое насиліе въ этомъ отношеніи отзовется вредно на интересахъ республики. Уже раньше, обращаясь ко всѣмъ французскимъ женщинамъ и убѣждая ихъ содѣйствовать, у домашнего очага, возрожденію Франціи путемъ укрѣпленія республики, онъ говорилъ: „я чувствую себя настолько свободнымъ, что могу въ одно и то же время быть благоговѣйнымъ поклонникомъ Іоанны д'Аркъ и почитателемъ и ученикомъ Вольтера“, который являлся „истиннымъ королемъ ума и философіи XVIII вѣка“.

Строгое подчиненіе закону равно обязательному для всѣхъ, отмѣна всякихъ изыатій и привилегій для лицъ, посвящающихъ себя духовному званію, недопущеніе никакого вмѣшательства церкви въ свѣтскую область государственной жизни—Гамбетта

признавалъ все это вполне достаточнымъ для водворенія мира между церковью и государствомъ.

Наконецъ, главная реформа, которой требовалъ настойчиво Гамбетта, это реформа образованія. Реформа эта должна сдѣлаться поглощающею страстью всей республиканской партіи. Для этой реформы, — говорилъ онъ, — не нужно падать никакихъ средствъ, такъ какъ этотъ расходъ „возмѣстится пониженіемъ суммъ, требуемыхъ содержаніемъ тюремъ, достоинствомъ арміи, достоинствомъ промышленности, увеличеніемъ всѣхъ производительныхъ силъ страны“. Развивая свои идеи относительно реформы первоначальнаго, средняго и высшаго образованія, онъ выражалъ, что только широкое распространеніе образованія послужитъ началомъ для разрѣшенія тяготящихъ надъ міромъ социальныхъ проблемъ, которое можетъ совершиться лишь по частямъ, путемъ ежедневнаго прогресса и взаимной доброй воли. Опредѣливъ затѣмъ немногія финансовыя реформы и высказавшись за принципъ свободы торговли, сближающей народы и открывающей эру мира и труда на прочномъ основаніи гармоніи интересовъ всего человѣчества, Гамбетта убѣждалъ республиканскую партію не выходить въ ближайшемъ будущемъ за предѣлы намѣченной имъ программы и не заноситься въ область несбыточныхъ реформъ.

Развивая такимъ образомъ передъ цѣлою Франціей политическую программу республиканской партіи, Гамбетта старался внести успокоеніе въ умы, взволнованные страстной борьбой, затѣянной монархическою коалиціей, и содѣйствовать благопріятному для республики исходу муниципальных выборовъ, отъ которыхъ въ свою очередь зависѣло, при приближавшемся обновленіи сената, перемѣщеніе большинства изъ лагеря монархическаго въ лагерь республиканскій. Монархическое большинство въ сенатѣ оставалось послѣднимъ орудіемъ противъ республики въ рукахъ реакціи, и послѣдняя напрягала теперь всѣ свои удѣлѣвшія силы, чтобы не быть выбитой изъ этого редута. Она старалась дискредитировать лучшихъ представителей республиканской партіи, не стѣсняясь распространять самую беззастѣнчивую клевету, полагая, что дерзость нападенія можетъ ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе. Гамбетта служилъ всегда главною мишенью для клеветническихъ выстрѣловъ реакціи, но, привычный къ маневрамъ своихъ враговъ, онъ оставался всегда хладнокровнымъ, не обращая вниманія на ту грязь, которою его старались забрасывать. Лишь изрѣдка отвѣчалъ онъ презрительнымъ словомъ на вымышленныя обвиненія все болѣе и болѣе разгоравшейся ненависти, но это слово обла-

дало такую силу, что вызывало приступы бѣшенства у его многочисленныхъ противниковъ. Такъ, на длинную рѣчь, произнесенную въ палатѣ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ правительства 16-го мая, Фурту, доказывавшаго, что избраніе его въ депутаты не сопровождалось никакими злоупотребленіями, и что къ послѣднимъ прибѣгала только республиканская партія, Гамбетта ограничился лишь однимъ словомъ, брошеннымъ ему въ лицо: „это ложь!“ Избраніе Фурту было кассировано огромнымъ большинствомъ, и онъ воспользовался не-парламентскимъ выраженіемъ Гамбетты, чтобы вызвать его на дуэль. Гамбетта, несмотря на убѣжденіе его друзей, принялъ вызовъ, и дуэль состоялась.

Если Гамбетта относился равнодушно къ сыпавшимся на него нападеніямъ и отвѣчалъ лишь презрѣніемъ на направленную лично противъ него клевету, то не такъ относился онъ къ клеветѣ, взводимой на цѣлую республиканскую партію и на близкихъ ему друзей. Клевета, направленная противъ одного изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, Шальмеля Лакура, послужила поводомъ къ тому, что Гамбетта вспомнилъ, что онъ по прежнему принадлежитъ къ адвокатскому сословію. Онъ снова облекся въ адвокатскую тогу и явился въ Palais de Justice въ качествѣ защитника своего друга Шальмель-Лакура, въ процессѣ о клеветѣ. Защита эта, въ высокой степени замѣчательная по силѣ и сжатости аргументаціи, по своему чарующему краснорѣчію, по мастерству обобщеній, доставила поводъ Гамбеттѣ всецѣло развить свой взглядъ на свободу печати, которою никогда не должны прикрываться самыя низменныя страсти, превращающія сплошь и рядомъ перо журналиста въ ядовитое оружіе злобы, личной ненависти и клеветы. „Я являюсь передъ судомъ,—говорилъ онъ,—движимый глубокимъ убѣжденіемъ, что общественные нравы не могутъ, въ извѣстный моментъ, обходиться безъ покровительства правосудія, и что извѣстная доля въ защитѣ самыхъ необходимыхъ вольностей, а именно свободы печати, принадлежитъ магистратурѣ. Я говорю о покровительствѣ и гарантіяхъ, которыя должны быть даны частной жизни, личной чести, законному уваженію гражданъ и общественныхъ дѣятелей. Если судъ не будетъ оказывать дѣйствительнаго покровительства чести и репутаціи лицъ, тогда, при общемъ сознаніи беззащитности отъ перваго встрѣчнаго, наступитъ одно изъ двухъ: или народятся жестокіе нравы, гдѣ каждый вынужденъ будетъ защищаться лично противъ грубости и наглости, или мы представимъ собою зрѣлище общества, гдѣ законъ сдѣлается немогущимъ, магистратура безсильною въ виду ожесточенныхъ гражданъ, гдѣ оружіе замѣнитъ

разумъ, гдѣ свобода обсужденія, самая свобода печати, находящаяся необходимыя границы въ уваженіи личности, въ неприкосновенности индивидуальной совѣсти, останется безъ всякой защиты. Это — необходимыя границы; вамъ, господа, болѣе чѣмъ кому-либо другому, принадлежитъ право ихъ установить и заставить ихъ уважать; если вы ихъ не установите, если вы не сдѣлаетесь истинными защитниками печати, — тогда, послѣ утраты правовъ, утрачена будетъ и свобода“.

Адвокатская тога не прикрыла политическаго дѣятеля, и Гамбетта, въ этой послѣдней своей судебной рѣчи, не безъ гордости могъ окинуть взоромъ тяжелый, но славный путь, пройденный съ того времени, когда онъ смѣлою рукою поднималъ знамя республики. Гордость его въ эту минуту была болѣе, чѣмъ когда-либо, законна: послѣднее укрѣпленіе, за которымъ укрылась реакція, было взято съ бою — обновленный выборами 5-го января 1879 года сенатъ обладалъ теперь республиканскимъ большинствомъ. Дѣй недѣли спустя, Макъ-Магонъ, убѣдившись въ безповоротномъ торжествѣ республиканскихъ учрежденій, и утративъ не только надежду на всякую иллюзію относительно возможности попытки какой-либо монархической реставраціи, сложилъ съ себя званіе президента республики. Друзья и сторонники Гамбетты, — а число ихъ подавляло число его враговъ, — хотѣли во что бы то ни стало выставить его кандидатуру на постъ президента, но Гамбетта положилъ свое рѣшительное veto и въ полномъ смыслѣ этого слова сдѣлался „великимъ избирателемъ“ Гриви. Парламентская правда и логика требовали, чтобы новый президентъ республики обратился къ вождю республиканской партіи для составленія новаго министерства. Гриви предпочелъ обратиться къ Ваддингтону, не обладавшему такимъ подавляющимъ авторитетомъ, какъ Гамбетта. Не призванный къ власти, Гамбетта громаднымъ большинствомъ былъ избранъ въ президенты палаты депутатовъ.

VIII.

Въ продолженіе почти трехъ лѣтъ, до самаго распушенія палаты, избранной 14-го октября 1877 г., Гамбетта сохранялъ за собою постъ президента палаты депутатовъ. Но какъ ни почетно было занимаемое имъ положеніе, оно совершенно не отвѣчало тѣмъ надеждамъ и ожиданіямъ, которыя связаны были съ именемъ Гамбетты. Вся республиканская Франція видѣла въ немъ своего законнаго, признаннаго вождя; она прислушивалась къ

его голосу, она жаждала по каждому серьезному возникавшему вопросу—было ли то въ сферѣ внутренней политики или внѣшней—знать его мнѣніе, она дожидалась, пока раздастся его краснорѣчивое слово. Франція довѣряла его сильному, проникающему уму, его глубокому политическому такту, его патриотическому чувству. Вліяніе, пріобрѣтенное имъ въ странѣ, было велико; ни президентъ республики, не желавшій, подѣл предлогомъ, что не наступило будто бы еще его время, призвать Гамбетту на отвѣтственный постъ президента совѣта министровъ, ни министерство, къ какой бы республиканской фракціи оно ни принадлежало,—не могли не интересоваться его мнѣніемъ и не обращаться къ нему за совѣтомъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ государственной жизни. Въ силу своего положенія, Гамбетта волей-неволей не могъ ограничиваться почетною, но не вліятельною ролью обыкновеннаго президента палаты депутатовъ, онъ не могъ замкнуться въ свои узкія функціи, и друзья и враги его сплошь и рядомъ вынуждали его покидать президентское кресло, всходить на трибуну и принимать участіе во всѣхъ самыхъ бурныхъ дебатахъ. Да и самъ онъ, дѣятельный, энергичный, связавшій всю свою жизнь съ судьбою своей родины, не могъ отказаться отъ осуществленія своей готовой политической программы и добровольно сойти, къ радости и ликованію враждебной республикѣ партіи, съ политической сцены. Нужно было, чтобы Гамбетта пересталъ быть самимъ собою, чтобы не чувствовалось его вліяніе, чтобы онъ не оказывалъ извѣстнаго давленія на тѣхъ, кто стоялъ у кормила правленія. Между тѣмъ эта исключительная роль вождя республиканской партіи ловко эксплуатировалась его врагами, обвинявшими его въ пользованіи подпольною властью, при чемъ онъ не несъ бы отвѣтственности за правительственную политику. Эти враги хорошо знали, что Гамбетта не отказывался отъ власти, что онъ охотно принималъ бы на себя отвѣтственный постъ министра-президента, если бы только онъ былъ ему предложенъ, и что если дѣйствительно создавалось не совсемъ нормальное парламентское положеніе, то менѣе всѣхъ былъ виновенъ въ томъ тотъ, кто не устранился принять на себя диктаторскую власть въ то время, когда Франція обречена была на гибель.

Гамбетта былъ слишкомъ гордъ, чтобы добиваться власти и заставить президента республики, рискуя даже ослабить его авторитетъ, поручить ему образованіе министерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ слишкомъ любилъ свою родину, чтобы отказаться отъ своего законнаго вліянія, пріобрѣтеннаго имъ цѣною великихъ услугъ, оказанныхъ имъ Франціи. Онъ пользовался этимъ влія-

и́емъ, поддерживая каждое республиканское министерство; онъ не отказывался отъ „диктатуры убѣжденія“, чтобы побуждать правительство двигать Францію впередъ по пути ея обновленія. Не разъ ему приходилось горячо отстаивать передъ палатой свое право, какъ право каждого депутата подавать правительству тотъ или другой совѣтъ. По его инициативѣ, по его совѣту, приняты были тѣ двѣ правительственныя мѣры, которыми ознаменовался первый періодъ президента Гревя. Эти двѣ мѣры состояли въ перенесеніи палатъ изъ Версаля въ Парижъ и въ амнистіи, которая должна была покрыть забвеніемъ всѣ преступленія междоусобной войны 1871 г.

Вопросъ о всеобщей амнистіи сдѣлался жгучимъ вопросомъ во Франціи. Гамбетта сознавалъ, что пока кровавый призракъ прошлаго будетъ стоять на пути будущаго, до тѣхъ поръ не настанетъ желанная эра успокоенія и умиротворенія взволнованныхъ умовъ. Онъ былъ убѣжденъ, что высшее соображеніе, *raison d'état*, государственная необходимость, требуетъ, чтобы внутренняя политика была освобождена отъ того кошмара, который мѣшаетъ странѣ дышать полною грудью. Между тѣмъ амнистія встрѣчала упорное сопротивленіе не только среди враговъ республики, въ расчеты которыхъ естественно не могло входить окончательное умиротвореніе Франціи, но и среди самого правительства, опасавшагося, что такая мѣра, какъ всеобщая амнистія, снова пробудитъ страсти крайнихъ или даже революціонныхъ элементовъ. Самъ президентъ республики, Гревь, громко высказывался противъ своевременности и цѣлесообразности такого правительственного акта. Гамбетта употребилъ все свое вліяніе, чтобы склонить если не самого президента республики, то президента совѣта Фрейсинэ и все министерство къ своему взгляду. Вліяніе это оказалось настолько могущественно, что министерство внесло въ палату предложеніе о всеобщей амнистіи. Тогда съ трибуны палаты депутатовъ раздалось громкое обвиненіе министерства, что оно лишено собственной воли, что оно является лишь послушнымъ исполнителемъ скрывающейся, подпольной власти одного лишь человѣка, что оно исполняетъ лишь приказанія Гамбетты, дѣйствующаго за кулисами. Гамбетта воспользовался бурными преніями, возникшими въ палатѣ по вопросу объ амнистіи, чтобы не только опредѣлить съ полною откровенностью свое политическое положеніе, но чтобы увлечь еще разъ за собою колеблющееся республиканское большинство. „Я остаюсь на своемъ мѣстѣ, на томъ посту, — говорилъ онъ, — на который я призванъ былъ вашимъ довѣріемъ. Но это значило бы не понимать всей отвѣтственности, еслибы, когда пробилъ часъ серьезнаго, глубокаго обсужденія пользы,

своевременности, важности государственной мѣры, я держался того мнѣнія, что я могу, какъ эгоистъ и равнодушный зритель, смотрѣть на то, что дѣлаютъ другіе, не требуя моей доли участія... Вы желаете, чтобы я молчалъ, чтобы я не убѣждалъ моихъ друзей, стоящихъ у власти, не покушаясь на ихъ независимость, чтобы я не говорилъ имъ: да, существуетъ высшій интересъ, который налагаетъ свои требованія, существуетъ государственная необходимость, раскрывающая глаза даже нежелающимъ видѣть. Въ странѣ всеобщей подачи голосовъ наступаетъ минута, когда во что бы то ни стало нужно набросить покрывало на преступленія, слабости, низости и всяческія излишества"... И очертивъ двѣ постоянно борющіяся политики, политику безостановочнаго движенія впередъ, непрерывныхъ нововведеній и реформъ и—политику неподвижности, долгаго сопротивленія назрѣвшимъ общественнымъ требованіямъ, онъ противопоставилъ еще разъ отвлеченной политикѣ практическую политику оппортунизма, руководящуюся въ своихъ рѣшеніяхъ необходимостью давать своевременное удовлетвореніе свободно высказываемымъ желаніямъ и требованіямъ націи. Прислушиваться къ голосу народа, пристально вглядываться въ совершающіяся среди этого народа эволюціи, расчищать ему путь спокойнаго движенія впередъ—вотъ задача республиканскаго правительства, сильнаго тѣмъ, что оно управляетъ не именемъ и не въ интересахъ той или другой династіи, а во имя закона и цѣлой Франціи. Постоянно преслѣдуемый мыслью о будущемъ Франціи и о неотложной гигантской работѣ, требующей совокупныхъ и энергичныхъ усилій всѣхъ дѣтей Франціи, онъ говорилъ ей представителямъ: „необходимо, чтобы вы закрыли наконецъ книгу этихъ послѣднихъ десяти лѣтъ, чтобы вы поставили надгробный памятникъ забвенія надъ всѣми преступленіями и слѣдами коммуны, чтобы вы сказали всѣмъ, что есть одна только Франція и одна республика“. Краснорѣчивое слово Гамбетты еще разъ одержало побѣду, и амнистія была восторгована громаднымъ большинствомъ.

Точно тяжелый камень свалился съ груди цѣлой націи, утомленной борьбою и раздорами партій и ежечаснымъ напоминаніемъ о тяжелыхъ дняхъ междоусобной войны. Могушая волна благодарности еще разъ прилила къ тому, въ комъ она видѣла лучшаго выразителя своихъ надеждъ и желаній. Шумныя оваціи встрѣчали Гамбетту всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся. Популярность его достигла своего зенита; его вліяніе, основанное исключительно на нравственной силѣ, помимо его воли, бросало тѣнь на правительство, отъ котораго онъ былъ устраненъ. Вліяніе это уязвляло

его враговъ, число которыхъ возросло съ каждою новою его побѣдою. Одни изъ нихъ руководились въ своемъ злобномъ чувствѣ къ великому трибуну ненавистью къ республиканскимъ идеямъ, другіе—мелкимъ самолюбіемъ, завистью, прикрываемыми наружнымъ опасеніемъ передъ призракомъ личной, диктаторской власти Гамбетты; наконецъ, третьи, теоретики революціи, не могли простить ему его неустанной проповѣди порядка и уваженія къ закону, обвиняя его въ томъ, что онъ является тормазомъ, мѣшающимъ осуществленію ихъ утопическихъ замысловъ. Пренебрегая клевету, какъ бы шедшую по его пятамъ, Гамбетта не останавливался на пути своего служенія, политически воспитывая массы своими рѣчами и указывая правительству ту цѣль, къ которой оно должно стремиться. Если онъ считалъ своимъ правомъ, покидая президентское кресло, возвышать свой голосъ въ палатѣ, когда ей приходилось разрѣшать крупные политическіе вопросы, то тѣмъ болѣе онъ признавалъ себя свободнымъ, появляясь среди населенія, въ томъ или другомъ городѣ, высказывать свой взглядъ на политику, которой должна слѣдовать Франція, и устанавливать вѣхи на скользкомъ пути ея будущаго.

Голосъ Гамбетты былъ настолько могущественъ, что къ нему прислушивались не только внутри Франціи, но и внѣ ея предѣловъ, и если каждая новая рѣчь Гамбетты вызывала шумъ и злобное шипѣніе его враговъ, то нѣкоторые его рѣчи имѣли свойство раздражать щепетильность не только враговъ республики, но и недавняго внѣшняго врага Франціи. Такъ именно случилось съ рѣчью, произнесенною имъ во время морскихъ празднествъ въ Шербурѣ. Отвѣчая на патріотическій тостъ, въ которомъ прозвучала болѣзненная нота, вызвавшая напоминаніе о страшномъ погромѣ 1870 г., онъ произнесъ: „бываютъ часы въ исторіи народовъ, когда право подвергается затмѣнію; но въ эти злополучные часы народы болѣе, чѣмъ когда-либо, должны сдѣлаться собственными своими властелинами, не обращая своего взора къ одной какой-либо личности. Великія возмездія исходятъ изъ права: мы или наши дѣти можемъ на нихъ надѣяться, такъ какъ будущее для всѣхъ открыто“... Возражая на часто слышавшееся обвиненіе, что республика слишкомъ исключительно поглощена мыслью объ арміи, онъ говорилъ: „не воинственный духъ диктуетъ и воодушевляетъ культъ арміи; этотъ культъ вызывается необходимостью, послѣ того, какъ мы видѣли Францію упавшею столь низко, поднять ее, дабы она могла снова занять свое мѣсто въ мірѣ. Если наши сердца бьются, то лишь ради такой цѣли, а вовсе не ради кроваваго идеала; мы питаемъ этотъ культъ для того, чтобы мы

могли рассчитывать на будущее и убѣдиться, существуетъ ли на землѣ непоколебимая справедливость, наступающая въ свое время и въ свой часъ"... Слова эти, въ сущности не заключавшія никакой угрозы по адресу сосѣдняго народа и только ревниво отстаивавшія незапретныя надежды на конечное торжество справедливости, вызвали взрывъ негодованія среди высокоумѣнной нѣмецкой печати, въ то время вдохновляемой суровымъ канцлеромъ нѣмецкой имперіи, и этимъ искусственно раздраженнымъ недовольствомъ Бисмарка воспользовались внутренніе враги Гамбетты, чтобы начать новый походъ противъ него, походъ, рассчитанный на страхъ населенія передъ всѣми ужасами войны.

Какъ въ былое время сторонники Наполеона III старались уверить среди населенія преданность къ „порядку“ 2-го декабря 1851 г. обманчивымъ лозунгомъ „l'empire—c'est la paix“, такъ теперь враги республики ухватились за тотъ же приѣмъ, только въ противоположномъ смыслѣ, и стали громко трубить одинаково лживый лозунгъ: „Gambetta—c'est la guerre“. Десяти тысячъ брошюръ были брошены въ провинцію съ цѣлью посѣять опасеніе и страхъ и подорвать то довѣріе, которое окружало вождя республиканской Франціи. Вѣроломный маневръ монархическихъ партій производилъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что къ нему присоединилось систематическое нападеніе на Гамбетту крайней радикальной партіи, пользовавшейся всѣми средствами, чтобы подорвать его вліяніе. Клеветническій лозунгъ: „Гамбетта—это война“, находилъ себѣ поддержку въ другой упорно распространяемой клеветѣ, будто бы онъ стремится къ достиженію диктаторской власти. Упорно распространяемая клевета всегда, какъ говорилъ еще Бомарше, оставляетъ по себѣ извѣстный слѣдъ, она достигла и тутъ своей цѣли. Люди слабые, легковѣрные, нерѣшительные начинали колебаться. Смущеніе закрадывалось въ ихъ душу. Старая поговорка: „нѣтъ дыма безъ огня“—наводила ихъ на тревожныя размышленія. Произведенное ловко распространенной клеветой впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда обнародованная англійскимъ кабинетомъ дипломатическая переписка по вопросу о распрѣ между Турціей и Греціей изъ-за границъ, опредѣленныхъ берлинскимъ трактатомъ 1878 г., раскрыла нѣсколько двусмысленную политику парижскаго кабинета. „Франція подстрекаетъ Грецію къ войнѣ! Республика стремится нарушить европейскій миръ!“ — вотъ крикъ, раздавшійся во французской, враждебной республикѣ, печати и тотчасъ же подхваченный внѣшнимъ врагомъ Франціи. Гамбетта, стоявшій въ сторонѣ отъ власти, явился отвѣтственнымъ лицомъ въ этомъ инцидентѣ ино-

странной политики Франціи, вызвавшемъ въ палатѣ депутатовъ самыя бурныя пренія. Одинъ изъ авторитетныхъ депутатовъ, Паскаль Дюпра, счелъ необходимымъ потребовать объясненія отъ правительства. „Всѣмъ очень хорошо извѣстно,—говорилъ онъ,—что Греція рассчитывала на нашу помощь; греческія газеты утверждаютъ, что Франція обѣщала ей свое содѣйствіе. Не вы ее обѣщали,—обращается онъ къ правительству,—но можетъ быть кто-либо другой, и въ этомъ заключается великая опасность нашего положенія. Общественное мнѣніе встревожено; оно полагаетъ, что правительство не всегда рѣшаетъ, что рядомъ съ нимъ существуютъ вліянія болѣе или менѣе подавляющія, могущія увлечь его къ фатальнымъ рѣшеніямъ... Да, говорятъ о подпольномъ правительствѣ, произносятъ одно имя; да, существуетъ человекъ, занимающій по праву высокое положеніе въ республикѣ; ему приписываютъ рѣшающій голосъ въ правительственной политикѣ“... Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо, клевета получила слишкомъ широкое распространеніе, чтобы Гамбетта могъ ограничиться, по своему обыкновенію, презрѣніемъ молчанія. Онъ покинулъ свое кресло и потребовалъ слова. Отвергнувъ съ негодованіемъ басни и легенды, самыя нелѣпыя и возмутительныя обвиненія, выставленныя противъ него, Гамбетта бросилъ вызовъ своимъ врагамъ и потребовалъ, чтобы былъ указанъ какой-либо актъ, доказывающій его подпольное вліяніе. „Я говорю съ жаромъ,—произнесъ онъ,—потому что слишкомъ уже долго подавляю въ себѣ волненіе, испытываемое мною, когда я вижу, какъ клеветуютъ на всѣ мои намѣренія, на всѣ мои дѣйствія“...—и онъ показалъ, изъ какихъ мутныхъ источниковъ возникаютъ всѣ эти обвиненія, какія побужденія руководятъ людьми, сознательно обманывающими населеніе и запугивающими его криками: „политика Гамбетты—это политика войны!“ и распространяющими въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ клеветническія брошюры съ сенсационнымъ названіемъ: „Гамбетта—это война!“ Онъ указалъ, что всѣ эти извѣсты являются не чѣмъ инымъ, какъ избирательнымъ маневромъ въ виду приближающихся выборовъ, и закончилъ гордыми словами: „Этотъ расчетъ будетъ опрокинутъ націей. Она сѣмѣетъ различить между тѣми, которые ее обманываютъ и вводятъ въ заблужденіе, и тѣми, которые ее боготворятъ“.

Сильный своею пламенною любовью къ родинѣ, Гамбетта не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые склоняются и падаютъ подъ бременемъ клеветы и нападеній. Отразивъ направленный противъ него ударъ съ тою искренностью, которую онъ

черпалъ въ сознаніи правоты и чистоты своихъ побужденій, онъ съ непоколебленною энергіей бросился снова въ бой, стараясь обезпечить новую и, если возможно, еще болѣе рѣшительную побѣду республикѣ при наступавшемъ обновленіи палаты. Десять лѣтъ прошло со времени установленія республики, но эти годы прошли въ постоянной внутренней борьбѣ, мѣшавшей осуществленію тѣхъ необходимыхъ реформъ, въ которыхъ Гамбетта полагалъ всю силу новаго порядка. Новая палата,—говорилъ онъ,—должна быть „реформаторскою палатою“. Только одна реформа, по его мнѣнію, могла обезпечить прочное и спокойное существованіе республики, это—реформа образованія, просвѣщенія. Только тогда, когда вся французская земля покроется школами, когда образованіе сдѣлается религіей, когда укоренится сознаніе, что, устраняя мальчика отъ школы, обкрадываютъ государство, только тогда можетъ явиться спокойствіе и увѣренность, что нація не будетъ обманута тою или другою своекорыстною партіей, тѣмъ или другимъ авантюристомъ. Этой увѣренности не могъ еще питать Гамбетта, и потому каждые новые выборы вызывали его лихорадочную дѣятельность. Передъ распущеніемъ палаты ему пришлось, однако, еще разъ выдержать въ самой палатѣ борьбу съ своими многочисленными врагами и снова подвергнуться привычнымъ уже для него оскорбленіямъ и обвиненіямъ въ стремленіи достигнуть диктаторской власти. 19-го мая 1881 г. палата приступила къ обсужденію внесеннаго не правительствомъ, а однимъ изъ умѣренныхъ, но стойкихъ республиканцевъ, депутатомъ Барду, проекта закона, который имѣлъ своею цѣлью измѣнить установленную конституціей 1875 г. систему выборовъ.

Двѣ системы стояли другъ противъ друга. Одна—*scrutin de liste*—предоставляла населенію цѣлаго департамента избраніе всѣхъ депутатовъ, приходившихся на число жителей департамента; другая—*scrutin d'arrondissement*—основывалась на томъ принципѣ, что каждый избирательный округъ въ департаментѣ избираетъ своего депутата. При выработкѣ конституціи 1875 г., Гамбетта вмѣстѣ съ Тьеромъ, Греви и всѣми фракціями республиканской партіи отстаивалъ первую изъ этихъ двухъ системъ, какъ болѣе гарантирующую достоинство и неподкупность народнаго представительства. Монархическія партіи, надѣявшіяся достигнуть большаго успѣха при второй системѣ, доставили ей торжество, и *scrutin d'arrondissement* сдѣлался закономъ страны. Выборы 1877 г. хотя и доставили побѣду республиканской партіи, тѣмъ не менѣе послужили доказательствомъ, что при системѣ, основанной на избраніи каждымъ отдѣльнымъ округомъ своего де-

путата, возможны самыя вопіюція злоупотребленія правительственнаго давленія, офіціальной кандидатуры, подкупа, обмана, самая недостойная борьба, пускающая въ ходъ самыя безнравственныя средства, двухъ или нѣсколькихъ борющихся кандидатовъ. Вліяніе матеріальной силы, богатства, власти оказывалось слишкомъ перевѣшивающимъ всѣ другія соображенія. Почти столѣтній опытъ этихъ двухъ противоположныхъ системъ заставилъ Гамбетту сдѣлаться убѣжденнымъ сторонникомъ *scrutin de liste* и выступить энергическимъ защитникомъ внесеннаго проекта закона. Но именно то обстоятельство, что Гамбетта стоялъ на сторонѣ *scrutin de liste*, вызвало раздоръ въ рядахъ республиканской партіи. Клевета сдѣлала свое дѣло. Все болѣе и болѣе усиливавшійся крикъ, что Гамбетта домогается диктатуры, заставилъ многихъ республиканцевъ, не чуждыхъ чувству ревности и зависти, отказаться отъ своего убѣжденія и перейти на сторону защитниковъ *scrutin d'arrondissement*. „Гамбетта,—говорили его враги,—теперь уже пользуется подпольною властью; теперь уже каждое министерство является послушнымъ исполнителемъ его воли и приказаній; что будетъ, если онъ окажется при избраніи по списку цѣлымъ департаментомъ избраннымъ двадцатью, тридцатью департаментами! Тогда его диктатура будетъ обезпечена и снова восторжествуетъ личная власть!“

Какъ ни лживы были такія увѣренія и какъ ни мало отвѣчали они характеру Гамбетты и его испытанному патріотизму, эти притворныя опасенія производили впечатлѣніе. Самъ президентъ республики отступилъ отъ убѣжденія всей своей жизни и перешелъ на сторону враговъ *scrutin de liste*, и министерство Ферри, опровергая легенду о подчиненіи правительства волѣ Гамбетты, желало лучше остаться нейтральнымъ по такому важному вопросу конституціонной жизни, чѣмъ явиться солидарнымъ съ вождемъ республиканской партіи и тѣмъ дать новый поводъ къ обвиненію въ отсутствіи независимости. Гамбетта,—никогда не отступавшій передъ борьбою, когда дѣло касалось блага его страны, съ кѣмъ бы ни приходилось ему бороться,—не обратилъ вниманія ни на враждебное положеніе, занятое въ этомъ вопросѣ президентомъ республики Гриви, ни на робкое отступленіе республиканскаго министерства,—не отступилъ отъ нея и на этотъ разъ. „Если я вступаю въ завязавшіяся пренія,—началъ онъ свою замѣчательную рѣчь,—то вовсе не для того, чтобы отвѣчать на намеки и личныя инсинуаціи. Я полагаю, что я не долженъ защищаться передъ палатой, безъ различія партій, ни передъ страпою, въ намѣреніяхъ, которыя были бы преступны, еслибы прежде

того не были смѣшны"... Рѣчь его, пересыпаемая бющими прямо въ цѣль историческими ссылками, сарказмомъ, юморомъ, выспинными государственными соображеніями, согрѣтая вмѣстѣ страстнымъ убѣжденіемъ, что самые жизненные интересы французской демократіи требуютъ народнаго представительства, покоящагося на широкихъ основахъ; что только при защищаемой имъ системѣ выборовъ палата депутатовъ явится истинною и могущественною представительницею цѣлой Франціи, а не мелкихъ и узкихъ интересовъ того или другого прихода,—рѣчь эта, которую онъ закончилъ словами: „отъ васъ зависитъ, чтобы республика была плодотворна и прогрессивна, или чтобы она была шаткою и колеблющеюся среди партій, отъ васъ зависитъ, чтобы народилась, наконецъ, истинная правительственная партія, сплоченная и серьезная, для того, чтобы вести Францію по пути ея славнаго назначенія..."—произвела на палату глубокое впечатлѣніе. Гамбетта зналъ, что ему приходится считаться съ самымъ опаснымъ врагомъ—страхомъ многихъ депутатовъ лишиться, при измѣненной системѣ выборовъ, своихъ полномочій, но онъ взывалъ къ патріотическому чувству своихъ противниковъ. „Вы захотите избѣжать горькаго упрека, которымъ я закончу: вы не пожелаете, чтобы и къ вамъ могли быть отнесены слова римскаго поэта: для того, чтобы спасти свою жизнь, они погубили самый источникъ жизни—*propter vitam vivendi perdere causas*"...

Гамбетта еще разъ торжествовалъ. Большинство, правда, весьма слабое, отвѣтило громкими рукоплесканіями на его убѣжденную рѣчь, и во всякомъ случаѣ проектъ закона былъ вотированъ палатою депутатовъ. Одержавъ эту побѣду, которой онъ придавалъ рѣшающее значеніе для крѣпости республики и для прогрессивнаго движенія Франціи, Гамбетта покинулъ Парижъ, призванный своимъ роднымъ городомъ Кагоромъ присутствовать при торжествѣ открытія памятника павшимъ въ „страшный годъ" воинамъ. Кагорскія празднества служили лучшимъ отвѣтомъ на всѣ обвиненія, оскорбленія и клеветы, выпавшія на долю Гамбетты. Онъ, привыкшій къ народнымъ оваціямъ, встрѣтился съ такимъ яркимъ выраженіемъ любви, довѣрія и благодарности, какого ему не приходилось еще испытать въ его политической жизни. Его чествовалъ не тѣсный кружокъ его друзей,—голосъ Франціи слышался въ тѣхъ восторженныхъ привѣтствіяхъ, съ которыми къ нему обращались и официальные и неофициальные представители страны, собравшіеся на торжество. Представитель арміи, генералъ Анперъ, явился выразителемъ того глубокаго чувства благодарности и тѣхъ симпатій, которыя снискалъ себѣ своею

патріотическою дѣятельностью Гамбетта въ рядахъ защитниковъ родины. Онъ напомнилъ о великой заслугѣ человека, который сдумалъ, „послѣ невѣроятныхъ бѣдствій, не отчаиваясь въ своей родинѣ, призвавъ на ея защиту всѣхъ тѣхъ, которые способны были только носить оружіе, держалъ высоко и твердо національное знамя, въ то время, когда всѣ средства къ сопротивленію, казалось, были уничтожены“... Нѣсколько рѣчей долженъ былъ произнести Гамбетта во время кагорскихъ празднествъ, и всѣ его рѣчи преслѣдовали одну цѣль—тѣсное сплоченіе всѣхъ любящихъ свою родину подъ широкимъ знаменемъ республики; республика же,—говорилъ онъ,—требуетъ, чтобы всѣ прониклись идеей, что люди—ничто, принципы—все. Устраняя изъ своихъ рѣчей всякій личный элементъ, онъ пользовался высказываемыми ему чувствами, чтобы явиться еще разъ проповѣдникомъ основныхъ республиканскихъ принциповъ—порядка и мира; охраняемыхъ свободою и прогрессомъ. Кагорскія празднества и восторженный приѣмъ, оказанный доблестному борцу за политическую свободу, громовымъ эхо разнеслись по всей Франціи и послужили лишь новою пищею для нападеній на оратора не только его враговъ, принадлежавшихъ къ двумъ противоположнымъ лагерямъ, монархическому и демагогическому, но также и всѣхъ тѣхъ, на кого выдающаяся личность Гамбетты бросала неизбѣжную тѣнь. Мелкая зависть, уязвленное самолюбіе, бессознательное стремленіе пошатнуть пьедесталъ, созданный человеку народною любовью—всѣ эти чувства, такъ свойственныя людямъ, оказали свое вліяніе на многихъ изъ тѣхъ, кто даже былъ искренно преданъ республиканскимъ учрежденіямъ, и помогли объединить разношерстные элементы образовавшейся противъ Гамбетты коалиціи.

Узнавая въ Кагоръ послѣ одержанной имъ побѣды въ палатѣ депутатовъ, Гамбетта былъ совершенно спокоенъ, что сенатъ, въ который долженъ былъ поступить принятый палатою проектъ закона о новой системѣ выборовъ, не рѣшится опрокинуть рѣшеніе палаты. Онъ былъ увѣренъ, что новые выборы, благодаря scrutin de liste, пошлютъ въ палату огромное республиканское большинство, состоящее изъ всѣхъ выдающихся людей страны, и что палата, составленная изъ наиболее яркихъ по способностямъ, талантамъ и идеямъ представителей, сдумаетъ возвыситься надъ мелкими интересами того или другого прихода и мощно вступить на путь необходимыхъ для возрожденія Франціи реформъ. Онъ надѣялся, что мелкіе угодники мелкихъ, хотя, быть можетъ, и законныхъ, желаній того или другого избиратель-

наго округа, останутся за флагомъ и не будутъ болѣе служить тормазомъ для широкой реформаторской дѣятельности новаго законодательнаго собранія. Гамбетта не догадывался, что шумныя кагорскія оваціи, освѣщавшія такимъ блескомъ его популярность, помѣшаютъ осуществленію его патріотическихъ надеждъ. Съ болѣею, чѣмъ прежде, силою стали раздаваться крики: „Гамбетта готовится свою диктатуру!“ — и какъ ни бессмысленъ былъ этотъ крикъ, онъ смущалъ слабыя души и бросилъ колеблющихся въ лагерь его противниковъ. Многіе изъ тѣхъ, которые готовы были въ сенатѣ вотировать въ пользу новой системы выборовъ, теперь отшатнулись отъ прежняго своего воззрѣнія, подъ тѣмъ единственнымъ предлогомъ, что Гамбетта явился его страстнымъ защитникомъ. 19-го іюля 1881 г., сенатъ большинствомъ 141 голоса противъ 114 отвергъ проектъ закона, вотированнаго палатой. Враги Гамбетты торжествовали. Его вліянію былъ нанесенъ жестокій ударъ, но еще болѣшій ударъ былъ нанесенъ внутренней политикѣ будущаго.

Опечаленный, но не смущенный неудачей, постигшей отстаиваемую имъ реформу выборной системы, привычный къ политической борьбѣ, Гамбетта вынужденъ былъ не-политическимъ рѣшеніемъ сената нѣсколько измѣнить свою парламентскую тактику и отступить отъ мысли, которую онъ только-что передъ тѣмъ излагалъ въ одной изъ своихъ кагорскихъ рѣчей. Сторонники устойчивости республиканскихъ учреждений, Гамбетта возстаетъ противъ той агитаціи, которая имѣла своею цѣлью пересмотръ конституціи, долженствовавшей повлечь за собою если не упраздненіе, то значительное преобразованіе сената. Гамбетта болѣе чѣмъ кто-либо, при обсужденіи конституціи 1875 г., боролся противъ учрежденія сената, противъ того устройства, которое ему было придано, но сенатъ былъ учрежденъ, конституція вотирована — и онъ не желалъ колебать установленнаго порядка. Онъ вѣрилъ, что сила республиканской идеи завоюетъ въ концѣ концовъ самый сенатъ, и что рано или поздно онъ превратится даже въ оплотъ республики. Рѣшеніе сената по вопросу о системѣ выборовъ придадо только силу поднявшейся противъ него агитаціи и послужило помѣхой для консервативной политики Гамбетты. „Ваши надежды, — говорили ему, — на торжество республиканскаго духа въ сенатѣ тщетны, сенатъ слишкомъ долго будетъ служить тормазомъ, задерживающимъ прогрессивное движеніе Франціи, если онъ не подвергнется коренному преобразованію“, и Гамбетта долженъ былъ сдѣлать уступку; вмѣстѣ съ Леономъ Сэ, Фрейсине, Бриссономъ и другими выдающимися

представителями республиканской партіи, онъ высказался за пересмотръ конституціи. Но дѣлая эту уступку, Гамбетта обставилъ пересмотръ условіями, не допускающими коренного колебанія существующихъ учрежденій. Въ дѣлѣ, касавшемся высшихъ интересовъ его родины, чувство личной досады, мести, было чуждо Гамбеттѣ. Онъ твердо держался правила: „люди—ничто, принципы—все!“ Люди мѣняются, принципы остаются вѣчно. Побѣжденный сегодня, онъ не падаетъ духомъ, не отчаивается, и еще съ большею энергіей воодушевляется самъ и воодушевляетъ другихъ къ новой борьбѣ и къ конечной побѣдѣ. Онъ не зналъ другого чувства, какъ то, которое онъ выразилъ въ своемъ обращеніи къ палатѣ послѣ прочтенія декрета о ея распусcenіи: „я страстно желаю, какъ для тѣхъ, кто здѣсь засѣдаетъ, такъ и для тѣхъ, кто явится на ихъ смѣну, чтобы политика никогда не знала иного вдохновенія, какъ служеніе родинѣ и благо республики“.

IX.

29-го іюля 1881 г., палата, вышедшая изъ урнъ 14-го октября 1877 г., была распущена, и Гамбетта въ послѣдній разъ долженъ былъ сдѣлаться душою избирательнаго періода. Какъ ни сильна была ненависть къ нему враждебныхъ ему политическихъ партій, эта ненависть не могла пошатнуть вѣры въ него огромнаго большинства французскаго народа, привыкшаго руководиться его указаніями, его совѣтами. Гамбетта слишкомъ хорошо зналъ общественное настроеніе, чтобы хотя на одну секунду усомниться въ выборномъ успѣхѣ республиканской партіи, но онъ опасался какъ бы поднятая въ цѣлой странѣ агитація по поводу пересмотра конституціи не повлекла за собою наплыва въ новую палату нежелательныхъ элементовъ. Онъ поспѣшилъ поэтому, при самомъ началѣ избирательнаго періода, произнести двѣ рѣчи, изъ которыхъ одна точно опредѣляла предѣлы пересмотра конституціи, другая развивала ту программу необходимыхъ реформъ, которыя должны выпасть на долю вновь избранной палаты. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ Турѣ и вызвавшей глубокое впечатлѣніе въ рядахъ республиканской партіи, онъ убѣждалъ не вносить въ политику ни раздраженія, ни страсти, и явился попрежнему убѣжденнымъ защитникомъ существованія сената, только-что нанесшаго ему чувствительное пораженіе, въ которомъ личная ненависть къ Гамбеттѣ играла такую значительную роль. „Я утверждаю,—говорилъ онъ,—что мы смѣло должны предстать передъ страной

защитниками существованія верхней палаты. Но такъ какъ сенатомъ были совершены ошибки, всегда влекуція за собою послѣдствія, то я прибавлю, что явилась необходимость ввести перемѣну въ сферѣ его дѣятельности и въ способѣ его пополненія. Много говорятъ о пересмотрѣ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ политическихъ людей, пересмотръ означаетъ „уничтоженіе“... Я думаю, что, не подрывая довѣрія страны къ прочности существующихъ учреждений, слѣдуетъ ввести въ избирательную систему сената и въ его высшія прерогативы такія измѣненія, которыя придали бы ему силу, авторитетъ и то обаяніе, которые поколеблены недавними рѣшеніями“... И съ необычайною ясностью и опредѣленностью Гамбетта указалъ на тѣ измѣненія, которыя должны быть введены въ учрежденіе сената, измѣненія, которыя положатъ предѣлъ прискорбному антагонизму между двумя палатами и устранятъ навсегда раздражающій вопросъ о самомъ его существованіи. Гамбетта настаивалъ, какъ и во время выработки конституціи 1875 г., чтобы прежде всего всѣ бюджетные вопросы были исключены изъ компетенціи сената, и чтобы избраніе пожизненныхъ сенаторовъ не было предоставлено самому сенату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы пересмотръ конституціи не былъ актомъ насилія, а явился результатомъ соглашенія между двумя палатами и правительствомъ. Такой частичный пересмотръ вовсе не имѣлъ того значенія, какое придавали ему сторонники радикальнаго пересмотра, стремившіеся къ коренной ломкѣ конституціи 1875 г. Турская рѣчь спасала сенатъ и накладывала узду на возростающую агитацію.

Въ рѣчи, произнесенной имъ недѣлю спустя, въ избирательномъ собраніи XX-го округа Парижа, среди радикальнаго и страстнаго населенія Бельвилля, и получившей, можно сказать, значеніе политическаго завѣщанія Гамбетты, онъ еще разъ опредѣлилъ тѣ ближайшія и вмѣстѣ высшія задачи, разрѣшить которыя призвана республика. Но прежде чѣмъ обратиться къ изложенію политической программы, Гамбетта пожелалъ объяснить, что заставило его поставить свою кандидатуру въ томъ только округѣ Парижа, который былъ колыбелью его политической карьеры, и который долженъ былъ остаться источникомъ его авторитета въ демократіи. Не одна избирательная коллегія обращалась къ нему съ предложеніемъ выставить свою кандидатуру—онъ отвергъ всѣ предложенія и остался вѣренъ Бельвиллю. „Если я отвергъ всѣ предложенныя мнѣ кандидатуры съ благодарностью, то потому, что я разъ навсегда желалъ положить конецъ всѣмъ клеветническимъ слухамъ о плебисцитѣ, о многочисленныхъ канди-

датурахъ, о стремленіи въ диктатурѣ, которая была бы такъ же негѣпа по своему замыслу, какъ преступна въ своемъ исполненіи... Съ этимъ оскорбленіемъ я уже давно освоился, я выносилъ его какъ во время войны, такъ и послѣ войны. Да, только потому, что я обнаружилъ энергію въ дѣлѣ народной обороны, реакція бросила мнѣ въ лицо: „вотъ диктаторъ Тура и Бордо“... Но тогда его оскорбила только реакціонная партія—теперь же эту обиду наносили ему люди, заявлявшіе себя горячими республиканцами, и въ его рѣчи прозвучала накопившаяся въ его душѣ горечь, когда онъ воскликнулъ: „Это мнѣ, мнѣ, вышедшему изъ народа, мнѣ, принадлежащему ему всѣми фибрами моего существа, мнѣ наносится эта обида!“... И какъ бы снѣпа подавить поднявшееся въ немъ тяжелое чувство, онъ съ законною гордостью добавилъ: „но какова бы ни была та презрѣнная грязь, которою меня закидываютъ, я служу по-своему своему народу, и я питаю убѣжденіе, что послѣ двадцати лѣтъ труда и усилій, дѣло его, въ моихъ рукахъ, находится въ хорошихъ рукахъ. И я надѣюсь это еще доказать“... Но судьба судила иначе!

Гамбетта хорошо зналъ, что если онъ подвергается такимъ яростнымъ нападеніямъ, то только потому, что ненавидятъ ту политику, ту систему, тотъ методъ защиты интересовъ демократіи, который съ такимъ успѣхомъ былъ имъ усвоенъ. Нужна была извѣстная смѣлость, чтобы въ эту минуту, когда крайній радикальный лагерь объявилъ ему войну,—явиться въ самый революціонный кварталъ Парижа, предстать передъ бельвилльскими избирателями и потребовать отъ нихъ санкціи своей политикѣ „оппортунизма“. „Если,—говорилъ онъ,—этотъ барбаризмъ означаетъ политику предусмотрительную, никогда не упускающую благоприятнаго часа, благоприятныхъ обстоятельствъ, ничего не жертвующую ни случайности, ни духу насилія, въ такомъ случаѣ могутъ сколько угодно примѣнять къ этой политикѣ дурно звучащій и непонятный эпитетъ, но я все-таки скажу, что я не знаю другой политики, такъ какъ это политика разума и—я прибавлю—успѣха“... Какъ ни великъ былъ ораторскій талантъ, никогда не измѣнявшій Гамбеттѣ, но рѣдко краснорѣчіе его достигало такой силы, такой недосыгаемой высоты, какъ тогда, когда, раскрывая вполнѣ свою душу онѣмѣвшей передъ его горячимъ словомъ толпѣ, онъ заговорилъ о томъ длинномъ и мучительномъ пути, которымъ онъ дошелъ до своего политическаго міросозерцанія. Онъ заставилъ говорить исторію Франціи, онъ обнажалъ ея раны, онъ призвалъ на судъ періодическія потрясенія страны, внезапный подъемъ и столь же внезапное паденіе

французской демократіи, и точно солнечнымъ лучомъ освѣтилъ причины гибели всѣхъ героическихъ попытокъ къ освобожденію народа. „Тогда,—произнесъ онъ,—я отвернулся отъ прошлаго и сказалъ самому себѣ: ты посвятишь свою жизнь на то, чтобы устранить духъ насилія, такъ часто вводившій въ заблужденіе демократію, не допускать ее до поклоненія абсолютнымъ началамъ, направить ее къ изученію фактовъ, конкретной дѣйствительности, научить ее считаться съ традиціями, правами, предразсудками... ты научишь твою партію возненавидѣть духъ насилія, ты постарайся вырвать то жало страха, которое наталкиваетъ на путь реакціи... и если тебѣ удастся установить союзъ между народомъ и буржуазіей, тогда ты доставишь республикѣ неизблемое основаніе“...

Переходя отъ соображеній, опредѣлившихъ его политическія воззрѣнія, Гамбетта не въ первый разъ остановился на всѣхъ главныхъ вопросахъ внутренней политики, на всѣхъ тѣхъ реформахъ, безъ которыхъ республика превратилась бы въ мертвую букву. Когда армія будетъ поставлена на надлежащую высоту, когда обязательное, даровое и свѣтское обученіе окончательно восторжествуетъ надъ невѣжествомъ, когда средняя и высшая школа сдѣлается общимъ достояніемъ, когда преобразована будетъ финансовая система и введенъ подоходный налогъ, когда утвердятся свобода ассоціацій, когда разрѣшенъ будетъ церковный вопросъ,—тогда наступитъ время для другихъ реформъ, требуемыхъ демократическимъ духомъ. Обращаясь къ внѣшней политикѣ, онъ выражалъ свою программу немногими словами: „я желаю только одного, чтобы она сохраняла достоинство и твердость, обладала всегда свободными и чистыми руками, чтобы она ни съ кѣмъ особенно не сближалась и постаралась быть со всѣми въ одинаково хорошихъ отношеніяхъ“... Въ памяти Гамбетты слишкомъ живы были событія 1870 г., когда всѣ европейскія государства отвернулись отъ Франціи, одни—явно выражая свои симпатіи Германіи, другія—не смѣя возвысить своего голоса въ пользу побѣжденнаго,—и потому онъ рекомендовалъ своей странѣ политику наибольшей сдержанности: „отнынѣ,—говорилъ онъ,—Франція должна принадлежать только самой себѣ, она не должна содѣйствовать ничьимъ честолюбивымъ замысламъ... она должна сосредоточиться въ самой себѣ, создать себѣ такое могущество, окружить себя такимъ престижемъ, достигнуть такого полета, чтобы въ концѣ концовъ получить награду за свое достойное и разумное поведеніе“...

Гамбетта рассчитывалъ произнести еще одну рѣчь въ томъ

же XX-мъ округъ Парижа, и въ назначенный день, почти наканунѣ выборовъ, явился въ избирательное собраніе, но его встрѣтила такая интрига, организованная реакціонно-демагогическимъ союзомъ, что впервые ему пришлось отказаться отъ произнесенія рѣчи. Едва раздалось его первое слово, какъ вся зала превратилась въ какую-то арену бѣшенства. Шумъ, свистъ, дикіе крики — покрыли голосъ оратора. Онъ понялъ, что зала была наполнена не народомъ, а лишь „пьяными рабами“, не отвѣчающими за свои поступки. Враги его поспѣшили торжествовать. Но несмотря на интригу, клеветы и самыя недостойныя подстрекательства, Гамбетта былъ избранъ значительнымъ большинствомъ, громко протестовавшимъ противъ насилія, которому подвергся самый страстный и вѣрный другъ народа.

Выборы 21-го августа 1881 г. оправдали съ избыткомъ ожиданія Гамбетты. Республиканское большинство вернулось въ палату значительно усиленнымъ, но если въ количественномъ отношеніи оно не оставляло больше желать многого, — зато въ качественномъ отношеніи оно далеко не отвѣчало тому республиканскому большинству, которое всѣми силами своей души призывалъ Гамбетта. Онъ желалъ, чтобы это большинство стояло на высотѣ своего призванія, чтобы депутаты, оставивъ въ сторонѣ заботы объ удовлетвореніи мелкихъ, такъ сказать, частныхъ интересовъ того или другого избирательнаго округа, воодушевлены были сознаниемъ необходимости широкихъ политическихъ и социальныхъ реформъ, и чтобы они дружно взялись за великое дѣло возрожденія Франціи. У республиканскаго большинства новой палаты не было крыльевъ, оно не знало высокаго полета мысли. Не даромъ добивался Гамбетта реформы избирательной системы. Онъ зналъ, что *scrutin d'arrondissement* не доставитъ новой палатѣ той нравственной силы, безъ которой немыслима рѣшительная и мощная республиканская политика. Его убѣжденіе слишкомъ скоро должна была подтвердить новая палата. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій палаты къ министерству Ферри былъ представленъ запросъ по поводу предпринятой имъ тунисской экспедиціи и заключеннаго съ тунисскимъ беємъ мирнаго трактата. Ошибки, сдѣланныя министерствомъ, его недостаточная откровенность, послужили поводомъ для враждебной коалиціи реакціонеровъ и „непримиримыхъ“ къ обвиненію республиканскаго министерства чуть не въ государственной измѣнѣ. Четыре дня продолжались столь же ожесточенныя, сколько и безплодныя пренія; но когда дѣло дошло до рѣшенія палаты, то она обнаружила такой недостатокъ твердости, яснаго пониманія государственныхъ

обязанностей, опредѣленной воли, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ она бесплодно билась, отвергая одинъ за другимъ предлагаемые проекты резолюцій, не умѣя принять какого-либо мужественнаго рѣшенія. Гамбетта стоялъ въ сторонѣ и не вмѣшивался въ пренія. Онъ зналъ, что если палата приметъ предложенный имъ *ordre du jour*, то въ случаѣ отставки министерства онъ вынужденъ будетъ взять въ свои руки бразды правленія. Власть не пугала его, но онъ зналъ, что вновь избранная палата не рѣшится усвоить себѣ начерченную имъ программу. Окружавшіе его друзья убѣждали его предоставить самой палатѣ выпутаться изъ той разставленной врагами сѣти, въ которой она запуталась, не приходить къ ней на помощь и сохранить свой авторитетъ до другого болѣе благопріятнаго времени. Но патриотизму Гамбетты были чужды эгоистическія побужденія; онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ, присутствуя при этомъ зрѣлищѣ безсилія французской палаты, и, не скрывая отъ себя послѣдствій своего вмѣшательства, потребовалъ слова и возвысилъ свой голосъ: „Пренія, продолжающіяся четыре дня, не должны окончиться признаніемъ безсилія палаты... Я не хочу произносить сужденія объ этой экспедиціи... Время миновало... Но Франція дала свою подпись на трактатъ Бардо, и, не вмѣшиваясь въ распри, являющіяся только личными распрями, я требую, чтобы палата своимъ голосованіемъ твердо выразила, что обязательства, фигурирующія въ этомъ договорѣ за подписью Франціи, будутъ честно, осторожно, но всецѣло выполнены“... Палата, обрадованная выходомъ, указаннымъ ей Гамбеттой, покрыла рукоплесканіями предложенную имъ резолюцію, охранявшую достоинство Франціи, и приняла ее огромнымъ большинствомъ 379 голосовъ противъ 71.

Х.

Жребій былъ брошенъ. На другой день президентъ республики возложилъ на Гамбетту образованіе новаго министерства. Онъ не уклонился отъ власти, хотя сознавалъ, что принимаетъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для успѣха того дѣла, которому онъ беззавѣтно отдалъ всю свою жизнь.

Лишь только Гамбетта принялъ на себя составленіе министерства, такъ тотчасъ же распространилась молва объ образованіи „великаго министерства“, въ которое подъ предсѣдательствомъ Гамбетты войдутъ всѣ бывшіе президенты республиканскихъ кабинетовъ. Общественное мнѣніе рукоплескало такой идеѣ, и Гам-

бетта рѣшился сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Попытка эта не могла увѣнчаться успѣхомъ. Программа Гамбетты, несмотря на весь его „оппортунизмъ“, вызвавшій не только издѣвательства, но безпощадное обвиненіе его въ измѣнѣ знамени, оказалась все-таки слишкомъ смѣлою, чтобы быть единодушно принятою всѣми бывшими президентами совѣта министровъ. Гамбеттѣ пришлось дѣлать выборъ: или идти на компромиссъ, или отказаться отъ мысли составить „великое министерство“. Онъ предпочелъ послѣднее. Онъ образовалъ молодое, сильное, убѣжденное и энергичное министерство, и принялъ рѣшеніе или осуществить свою программу, не идя на уступки, не поступаясь своими идеями, или пасть, не выпуская изъ рукъ знамя прогрессивной республики.

Образованіе министерства Гамбетты, составленное изъ людей, не пользовавшихся громкимъ именемъ, вызвало острое разочарованіе не только до крайности возбужденнаго общественнаго мнѣнія, но и среди огромнаго большинства палаты. Враждебныя Гамбеттѣ партіи ликовали; онѣ предвкушали уже радость его пораженія, и съ перваго же дня рѣшились повести дружную атаку противъ кабинета 14-го ноября 1881 г. Крайняя правая и крайняя лѣвая, преслѣдуя различныя цѣли, пошли по одному и тому же пути. Программа новаго министерства, прочитанная на другой день послѣ его образованія и перечислявшая тѣ новыя реформы, съ осуществленіемъ которыхъ связываетъ свое существованіе министерство, выслушана была, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ, среди ледяного молчанія. Ни одинъ крикъ одобренія, ни одно рукоплесканіе не прервали его чтенія. Гамбетта не заблуждался относительно смысла оказаннаго его министерству перваго приѣма; друзья его убѣждали тотчасъ же заявить палатѣ, что такъ какъ его программа не находитъ себѣ сочувствія въ республиканскомъ большинствѣ, то онъ слагаетъ съ себя власть, предоставляя ее другимъ, болѣе отвѣчающимъ его настроенію; но Гамбетта не пожелалъ уступить этимъ совѣтамъ и рѣшился остаться на своемъ посту, пока разладъ между нимъ и палатой не выразится въ осязательной, рѣзкой формѣ.

Министерство Гамбетты принялось за энергическую работу. Въ теченіе менѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ оно изготовило 15 проектовъ законодательныхъ мѣръ, которыя должны были осуществить наиболѣе важныя реформы по вопросамъ о народномъ образованіи, судебной организаціи, обезпеченіи рабочихъ въ случаѣ старости, смерти, неспособности къ труду, военной организаціи, положеніи церкви и духовенства,—словомъ, по всѣмъ тѣмъ вопро-

самъ, которые намѣчены были въ политической программѣ Гамбетты. Но прежде даже, чѣмъ министерство 14-го ноября 1881 г. успѣло внести всѣ эти проекты въ палату депутатовъ, ему суждено было пасть подъ ударами враждебной ему коалиціи. Въ палату внесено было предложеніе крайней лѣвой стороны о неограниченномъ и заранѣе безусловномъ пересмотрѣ конституціи. Конгрессу, по требованію авторовъ предложенія, должно было быть предоставлено безграничное право замѣнить конституцію 1875 г. новою, уничтожить должность президента республики, учрежденіе сената, — словомъ, подвергнуть передѣлкѣ всю существенную государственную организацію. Рядомъ съ этимъ предложеніемъ стояло предложеніе парламентской комиссіи, признававшей точно также за конгрессомъ право безусловнаго пересмотра конституціи, но ограничивавшей его нѣкоторыми вопросами: такъ, конгрессъ не долженъ былъ имѣть права измѣнять существующей избирательной системы и замѣнять выборы по округамъ — системою выборовъ по спискамъ.

Министерство Гамбетты, прекрасно понимавшее, что предложеніе комиссіи прямо направлено противъ него, такъ какъ въ программѣ своей Гамбетта высказался за установленіе избранія по департаментскимъ спискамъ, успѣло заявить, что оно отвергаетъ оба предложенія, какъ крайней лѣвой, такъ и комиссіи, и предлагаетъ ограниченный пересмотръ конституціи лишь по тѣмъ вопросамъ, относительно которыхъ состоится соглашеніе между сенатомъ и палатой депутатовъ, съ предоставленіемъ конгрессу права измѣнить систему выборовъ. 26-го января 1882 г. завязался послѣдній и рѣшительный бой между палатой и министерствомъ Гамбетты. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ стоялъ на трибунѣ президентъ заранѣе осужденнаго министерства, и, казалось, его глубокая искренность, убѣжденность, несокрушимая логика, глубина, наконецъ, его патріотическіе призывы забыть личности и памятовать только о родинѣ, должны были бы заставить его враговъ сложить оружіе и признать всю его правоту. Но враги его думали не о Франціи, а лишь о низверженіи одного человѣка. Прерываемый криками своихъ враговъ, онъ говорилъ: „я дѣлилъ, — вы всѣ это знаете, и честные и великодушные мои противники могутъ это засвидѣтельствовать, — я дѣлилъ съ вами при дневномъ свѣтѣ борьбу противъ враговъ республики, я сражался съ ними, не ради ихъ личностей, не ради ихъ доктрины, но потому, что я былъ убѣжденъ, какъ убѣжденъ и въ настоящую минуту, что ихъ торжество было бы несомнѣнно съ свободою, благоденствіемъ и величіемъ современной Франціи. Мы

освободились отъ нашихъ противниковъ, намъ остается научиться управлять самими собою, бороться противъ постоянныхъ причинъ раздора, которыя тяготѣютъ надъ нами; мы должны забыть личности, чтобы видѣть только одну страну“...

И во имя этихъ высшихъ интересовъ страны Гамбетта убѣждалъ палату отказаться отъ мысли о неограниченномъ пересмотрѣ конституціи, мысли лицемѣрной, такъ какъ защитники ея не могутъ не сознавать, что сенатъ никогда не изъявитъ согласія на такой пересмотръ, угрожающій самому его существованію, а безъ согласія сената немислимъ и самый конгрессъ, одинъ лишь имѣющій право подвергать пересмотру конституцію. Онъ убѣждалъ палату склониться на предложеніе министерства объ ограниченномъ и точномъ, опредѣленномъ заранѣе пересмотрѣ конституціи и настаивалъ снова на необходимости добиться отъ конгресса реформы избирательной системы. Гамбетта зналъ, что новая палата еще болѣе упорно держится за ту систему выборовъ, которая дозволила вступить въ нее многимъ изъ тѣхъ, которые никогда бы не были избраны при другой системѣ, но онъ, готовый всегда жертвовать всѣмъ, что не затрагиваетъ только принциповъ, не могъ отказаться отъ реформы, отъ которой, по его убѣжденію, зависѣло будущее Франціи. Онъ доказывалъ, что только эта реформа избирательной системы доставитъ странѣ твердое и устойчивое правительство. Палата оставалась глуха къ его убѣжденію. Она слушала, но не желала убѣждаться. Прерванный крикомъ: „вы подготавливаете вашу кандидатуру!“ — Гамбетта, заканчивая свою рѣчь истинно государственнаго человѣка, произнесъ: „...если вы думаете, что я мечтаю объ уменьшеніи вашего авторитета и о преждевременномъ распусценіи палаты, я не могу васъ тогда убѣдить. Я могу противопоставить вашимъ опасеніямъ только мою честность, искренность моихъ словъ, наконецъ мое прошлое... и я обращаюсь съ призывомъ къ вашей совѣсти. Во всякомъ случаѣ, я безъ всякой горечи, безъ тѣни оскорбленнаго личнаго чувства, преклонюсь передъ вашимъ рѣшеніемъ. Что бы ни говорили, есть нѣчто, что я ставлю превыше всякаго самолюбиваго чувства, какъ бы оно ни было законно, и это нѣчто — довѣріе республиканской партіи, безъ котораго я не былъ бы способенъ выполнить того, что составляетъ мою задачу — я имѣю нѣкоторое право такъ говорить — возвышенія родины“.

Когда онъ окончилъ свою рѣчь, часть палаты, свободная отъ предубѣжденія и сильно потрясенная глубокимъ чувствомъ и тою страстною любовью къ своему народу, которая сквозила

въ каждомъ словѣ оратора, покрыла ее оглушительными рукоплесканіями. Другая, большая часть безмолствовала, какъ бы придавленная на минуту тѣмъ величавымъ краснорѣчіемъ, которое заставило одного изъ его идейныхъ противниковъ воскликнуть: „Нуженъ былъ Дантонъ, чтобы отвѣчать на такую рѣчь“. Палата перешла къ голосованію и большинствомъ 282 противъ 227 вотировала противъ кабинета. Среди глубокой тишины Гамбетта взомель на трибуну и заявилъ, что послѣ голосованія палаты министерство не можетъ болѣе принимать участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи. Такъ окончилъ свое кратковременное существованіе, длившееся всего 76 дней, министерство Гамбетты.

Гамбетта былъ искрененъ, когда онъ говорилъ, что каково бы ни было рѣшеніе палаты, чувство личнаго оскорбленія не коснется его. Безъ всякой горечи покинулъ онъ власть, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что наступитъ другое время, другія условія, и тогда онъ снова возьметъ власть въ свои руки, съ болѣе надеждою, съ болѣе сильною вѣрою—до конца довести великое дѣло возрожденія его родины. Могъ ли онъ думать, въ сорокъ-три года отъ рожденія, что другой, болѣе страшный врагъ караулитъ его и навсегда пресѣчетъ для него возможность продолжать великое дѣло служенія своему народу! Покинувъ постъ перваго министра, онъ вернулся къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Избранный президентомъ коммисіи о пересмотрѣ закона о наборѣ, Гамбетта съ увлеченіемъ отдался работѣ, касавшейся военной организаціи, дѣля все время между редакціей своей газеты „La République Française“ и засѣданіями въ палатѣ. Смѣнившее его министерство Фрейсине дѣйствовало неудачно. Печальныя ошибки во внѣшней политикѣ, неумѣнье охранить достоинство Франціи и разрывъ англо-французскаго соглашенія по вопросу объ оккупациі Египта, неопредѣленность внутренней политики—быстро возбудили неудовольствіе и страны, и палаты, у которой не хватило патріотическаго мужества, чтобы смѣло вступить на путь твердой, рѣшительной и вмѣстѣ осторожной реформаторской политики Гамбетты. Ропотъ общественнаго мнѣнія становился все громче и громче. Вся истинно республиканская печать, и въ особенности провинціальная, не переставала каждый день обвинять палату депутатовъ за паденіе министерства Гамбетты, получавшаго безчисленные адреса съ выраженіемъ ему горячаго сочувствія и надежды, что палата сознаетъ свою ошибку и побудитъ его вернуться къ власти. Искусственная волна озлобленія и недовѣрія, поднятая противъ Гамбетты его врагами, быстро исчезала и все глубже и глубже стало

проникать сознание правоты человека, вся жизнь которого служила порукой его безкорыстного служения Франціи.

Какъ разъ въ ту минуту, когда снова взоры всѣхъ любящихъ свою родину обращались съ вѣрою и надеждою къ испытанному вождю республиканской партіи, распространилась вѣсть о несчастномъ случаѣ, постигшемъ Гамбетту въ его маленькомъ домиѣ, недалеко отъ Парижа, въ Ville d'Avray. Разсматривая револьверъ, Гамбетта прострѣлилъ себѣ правую руку—такъ утверждали его друзья, но общественное мнѣніе, не довѣряя этимъ словамъ, доискивалось другой причины и слагало одну легенду за другою. Незначительная, повидимому, рана повлекла за собою тяжелыя осложненія; утомленный организмъ не выдержалъ, и 31-го декабря, въ минуту наступленія новаго 1883 года, не стало великаго патріота и величайшаго со времени Мирабо оратора. Вѣсть о его кончинѣ вызвала небывалую народную скорбь. Умолкла клевета. Вчерашніе враги преклонились передъ его гробомъ. Вся Франція облеклась въ трауръ. Страна почувствовала себя осиротѣлою. Милліонная толпа провожала гробъ человека, не знавшаго другой страсти, какъ величіе Франціи и окончательное утвержденіе республики. Всю свою жизнь онъ отдалъ на служеніе этимъ двумъ идеямъ и тѣмъ стяжалъ себѣ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ въ исторіи своей родины.

Евг. Утинъ.

ЛЮБОВЬ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Марья Сергѣевна Горлицына стояла у окна, охваченная однимъ чувствомъ, одной мыслью, однимъ желаніемъ... Бываютъ такіе моменты, когда человѣкъ, сосредоточившись на одномъ, забываетъ все окружающее, ничего не видитъ и ничего не слышитъ. Именно въ такомъ настроеніи и находилась Марья Сергѣевна въ это сѣренькое дождливое утро. Очень щепетильная и аккуратная, она не замѣчала, что у лифа разстегнулось нѣсколько пуговицъ; что воротъ платья съѣхалъ на бокъ; что начинавшіе сѣдѣть волосы некрасивыми прядями выбивались изъ-подъ темной шолоховой косыночки, приколотой на головѣ домашнимъ токомъ, что, наконецъ, вѣки глазъ у нея распухли, а по лицу катились тѣ обидныя своимъ безсиліемъ слѣзы, которыя остаются про себя и являются непрошенными. Да, она плакала, тогда какъ по всѣмъ принятымъ обычаямъ должна была бы радоваться...

— Люба... Люба...—повторяли сухія губы. — Что ты надѣлала, моя крошка!.. Ахъ, Боже мой... Боже...

Въ сущности, Люба не сдѣлала ничего такого, что стоило бы такъ горько оплакивать. Всѣ Любы на свѣтѣ, рано или поздно, дѣлаютъ то же самое... Люба выходила замужъ, о чемъ объявила сегодня утромъ. Марья Сергѣевна со страхомъ готовилась къ этому событію, впередъ переживая всѣ его послѣдствія, и все-таки была поражена какъ громомъ, когда Люба за утреннимъ чаемъ заявила свое непремѣнное желаніе выйти замужъ за Сергѣя Петровича Шерстнева, очень приличнаго молодого человѣка,

стоявшего на хорошей дорогѣ. Она даже желала этого брака, когда Шерстневъ сталъ бывать у нихъ въ домѣ, и все-таки испугалась при первомъ извѣстїи о сватовствѣ. Откуда онъ взялся, этотъ Шерстневъ? Почему именно Шерстневъ, а не Ивановъ, не Петровъ, не Сидоровъ? Наконецъ, какое онъ имѣетъ право дѣлать предложеніе? Вѣдь Люба одна, и другой такой Любы нѣтъ... Да, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Почему этотъ Шерстневъ не женится на другихъ дѣвушкахъ, а ихъ такъ много? И вдругъ получится Люба Шерстнева. Нѣтъ, это ужасно, и только матери знаютъ, какъ ужасно. Въ душѣ Марьи Сергѣевны медленно поднималось и нарастало такое нехорошее и враждебное чувство къ Шерстневу, вотъ къ этому самому Шерстневу, котораго она никакъ не могла представить себѣ въ роли зятя. Просто, знакомый молодой человѣкъ, наконецъ, знакомый Любы, — и только. Женихъ Любы въ воображеніи Марьи Сергѣевны являлся какимъ-то высшимъ существомъ, а Сергѣй Шерстневъ — самый обыкновенный человѣкъ. Да, обыкновенный, и Люба, бѣдная Люба этого не замѣчаетъ...

— Ахъ, Люба, Люба, что ты надѣлала!..

Марья Сергѣевна стояла у окна и безучастно смотрѣла на мокрый дворъ, на открытыя ворота, на маленькій флигелекъ, тотъ самый флигелекъ, гдѣ семнадцать лѣтъ тому назадъ разыгралась страшная драма. Да, семнадцать лѣтъ... Боже, какъ быстро пролетѣло время!.. Давно ли все это было: вчера, третьяго дня... А между тѣмъ она успѣла уже состариться. Вотъ и волосы посѣдѣли, и лицо обрюзгло, и подъ глазами легли первыя морщины... Сегодня такой же ненастный осенній день, какъ и *тогда*, такой же назойливый осенній дождь зарядилъ съ утра. По стекламъ струйками сбѣгаетъ дождевая вода, она же журчитъ по водосточнымъ трубамъ, заставляетъ блестятъ желѣзную крышу, а старый тополь всегда такъ красиво зеленѣетъ, точно онъ умылся. Марья Сергѣевна, поглощенная своимъ горемъ, не замѣчаетъ осторожныхъ шаговъ и только вздрагиваетъ, когда на ея плечо ложится сильная мужская рука.

— Маня... Манечка.

— А, это ты, Nicolas!..

— Да, я, моя голубка...

Средняго роста, плотный и коренастый мужчина какъ-то виновато замолеъ. Онъ тяжело переступаетъ съ ноги на ногу и говоритъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Она тамъ, Люба... въ столовой... и ждетъ отвѣта...

— Отвѣта не будетъ! Понимаешь, я не могу себѣ предста-

вить, что она не будетъ жить съ нами, что мы опять останемся одни, что... ахъ, это ужасно, ужасно, ужасно!!

— Манечка, да вѣдь всѣ дѣвушки выходятъ замужъ, а Люба такъ его любитъ!.. И онъ тоже...

— Не смѣй мнѣ говорить про него!.. Не смѣй...

— Маня, Манечка...

— Вы всѣ сговорились противъ меня... да. Пусть Люба дѣлаетъ, какъ знаетъ, а я несогласна. Да, несогласна...

Николай Яковлевичъ дѣлаетъ жалкое лицо, пожимаетъ плечами и проводитъ рукой по вьющимся волосамъ, посеребреннымъ первымъ снѣгомъ наступающей осени жизни. Онъ долго жуетъ губами, подбирая въ умѣ тѣ слова, которыя долженъ сказать сейчасъ, и никакъ не можетъ выговорить. Широкое русское лицо полно натуги и бесплодной энергіи. Марья Сергѣевна остается въ прежней позѣ и, видимо, не желаетъ повернуть къ нему своего лица.

— Сколько бессонныхъ ночей провела я вотъ у этого окна *тогда*...—говоритъ она медленно, и ея слова падаютъ, какъ холодныя капли осенняго дождя.—Ты вѣчно былъ въ клубѣ или у знакомыхъ, а я оставалась одна, одна, одна... Одна съ своимъ горемъ, жалкая, разбитая, уничтоженная. Сколько разъ мнѣ приходила въ голову мысль о самоубійствѣ... Ахъ, какъ было тяжело!..

— Манечка, зачѣмъ же вспоминать старое? Кажется, ты теперь не можешь пожаловаться на меня?..

— Я и не хочу упрекать тебя, а такъ... Нѣтъ, ты лучше ничего не говори со мной, Nicolas. Меня давеча охватило такое безумное горе, что я не могу опомниться до сихъ поръ...

Николай Яковлевичъ на цыпочкахъ отошелъ къ двери, точно боялся разбудить жену, и остановился. Да, вотъ это та самая комната, куда принесли маленькую Любу; здѣсь она любила играть ребенкомъ; вотъ рояль, на которомъ она продѣлывала свои гаммы—все до мельчайшихъ подробностей напоминало ее, милую дѣвочку, и Николай Яковлевичъ съ трудомъ перевелъ дыханіе, точно его что придавило. Да, всякая вещь здѣсь будетъ говорить о Любѣ, кричать о ней... Эти нѣмые свидѣтели тихаго семейнаго счастья неумолимы, и онъ впередъ переживалъ все. Сѣверное положеніе, какъ хотите, особенно когда за плечами пятьдесятъ лѣтъ, и впереди—ничего... Но все-таки нужно же что-нибудь дѣлать, а въ такихъ случаяхъ единственное спасеніе—поступать рѣшительно. Онъ вернулся къ женѣ и торопливо проговорилъ, точно боялся, что роковыя слова засядутъ у него въ горлѣ:

— Ты, Маня, должна объясниться съ Любой, а я переговорю съ нимъ... Нельзя же откладывать, моя хорошая. Соберись съ силами...

— Ахъ, я не могу, не могу...

— Да, конечно, *это* нужно было сдѣлать раньше... Я даже говорилъ тебѣ объ этомъ раньше.

— Ничего ты не говорилъ никогда! — рѣзко замѣтила Марья Сергѣевна, и у нея на лицѣ выступили тѣ красныя пятна, которыхъ всегда такъ боялся Николай Яковлевичъ. — Это я тебѣ говорила, а ты по своей безхарактерности все откладывалъ... Вотъ и дождались. О, Боже мой, Боже... Это убьетъ Любу. Она, бѣднажка, ничего и не подозреваетъ... Теперь ступай и объясняйся съ ней самъ.

— Что же, я и пойду. Да, пойду...

Николай Яковлевичъ даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направлению столовой, но жена его остановила.

— Нѣтъ, я сама... Ты ничего не сумѣешь сдѣлать.

Она, слегка пошатываясь, какъ отуманенная, пошла въ столовую, а Николай Яковлевичъ остался въ гостиной. Онъ безсильно опустился на ближайшій вѣнскій стулъ и даже закрылъ глаза, какъ человѣкъ, приготовившійся принять роковой ударъ. А шаги жены все замирали... Вотъ она прошла залъ, вотъ слегка скрипнула дверь въ столовую (сколько разъ было говорено старой нянѣжѣ, чтобы смазала чѣмъ-нибудь шарниръ!); вотъ все смолкло... У Николая Яковлевича пробѣжали мурашки по спинѣ, а въ горлѣ что-то защипало. Ахъ, какое скверное положеніе!.. Главное, дышать совсѣмъ нечѣмъ.

Когда Марья Сергѣевна вошла въ столовую, Люба сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ и подняла вопросительно свои сѣрые умные глаза. Первое, что бросилось матери въ глаза, — это рѣшительное выраженіе этихъ глазъ, и лица, и всей фигуры. Такъ смотрятъ только обреченные люди... Да, Люба уже теперь была чужою въ этихъ самыхъ стѣнахъ, и у нея было уже „лицо“. Въ разговорахъ съ женой Николай Яковлевичъ часто говорилъ шутя:

— Наша Люба совсѣмъ еще ребенокъ: у нея нѣтъ еще лица. Нельзя даже сказать, красивая она или некрасивая, а такъ что-то совсѣмъ неопредѣленное... ребячье...

И вотъ „лицо“ явилось — и какое лицо! Марья Сергѣевна посмотрѣла на дочь какъ-то испуганно. Именно это „лицо“ придавало ей и рѣшимость, и силу для объясненія. Люба, въ своемъ домашнемъ шерстяномъ платьѣ, сегодня была почти красавицей. Правильное русское лицо дышало утренней свѣжестью, глаза ка-

зались темнѣе, небрежно зачесанные русые волосы открывали красивый бѣлый лобъ; дѣтская полнота подбородка и мягкій носикъ, покрытый чуть замѣтными крапинками веснушекъ, придавали ей особенную миловидность. Марья Сергѣевна остановилась въ дверяхъ, чтобы перевести духъ. Люба сдѣлала движеніе подняться, но мать предупредила ее и жестомъ попросила остаться на томъ же мѣстѣ. Ей вдругъ показалось во взглядѣ дочери какое-то враждебное выраженіе. Это ее на мгновеніе смутило, и она только чувствовала, что забыла всѣ тѣ слова, съ которыми шла вотъ въ эту столовую.

— Люба, мнѣ нужно поговорить съ тобой серьезно...—начала, наконецъ, Марья Сергѣевна, машинально поправляя волосы.—Дѣло въ томъ, что все случилось такъ неожиданно...

Бѣлый лобъ Любы нахмурился. Она высвободила руку изъ-под стола и вызывающе взглянула на мать, ожидая цѣлаго потока „жалкихъ“ материнскихъ словъ. Кажется, все просто и ясно—такъ итъ, нужно душу тянуть изъ живого человѣка.

— Только одно условіе, мама: нельзя ли поскорѣе...—нетерпѣливо отвѣтила Люба, облокачиваясь на столъ.—Я вообще не понимаю, мама, чтѣ вы имѣете противъ Сергѣя Петровича?..

— Я о немъ ничего не говорю, моя дорогая... Для насъ онъ приличный молодой человѣкъ, и только. Разъ, мы принимали его въ своемъ домѣ, слѣдовательно, должны были рассчитывать на извѣстныя послѣдствія... Однимъ словомъ, дѣло сейчасъ не о немъ...

Люба облегченно вздохнула и посмотрѣла на мать благодарными глазами. Милая мама, какъ она встревожена!—и все только потому, что не знаетъ, какой хорошій человѣкъ Сергѣй Петровичъ и какъ онъ любитъ ее, Любу. Да вотъ и онъ, лѣгко въ поминѣ... Въ передней раздался знакомый звонокъ, а затѣмъ послышался голосъ Николая Яковлевича. Чуткое ухо Любы ловило знакомые звуки, и невольная радостная улыбка освѣтила ея лицо. Вѣдь онъ тутъ, Сережа, а мама продолжаетъ дѣлать свое постное лицо. Ахъ, какая она миленкая и какая смѣшная!.. Марья Сергѣевна тоже прислушивалась къ шуму, доносившемуся изъ гостиной. Она различала мужскіе тяжелые шаги и какое-то мычанье мужа, который, по своему обыкновенію, мямлитъ и не говоритъ сразу, чтѣ было нужно сказать. Этотъ несносный Николай Яковлевичъ всегда такъ, и еще что-нибудь навѣрное напортитъ.

— Мама, я жду...

Въ переводѣ это значило, что Люба сгорала отъ нетерпѣнія поскорѣе выскочить въ гостиную, чтобы увидѣть „своего“ Сергѣя

Петровича. Марью Сергѣевну точно что кольнуло въ сердце: прежней Любы не было, а передъ ней сидѣла совсѣмъ другая дѣвушка... Да, другая и чужая.

— Мы сами виноваты, Люба, что раньше не предупредили тебя,—заговорила Марья Сергѣевна, возвращаясь къ своему печально-торжественному тону.—Да, это было несправедливо—оставлять тебя въ невѣдѣніи, но когда ты будешь взрослой женщиной, то поймешь наши чувства... Едва ли кто-нибудь осудитъ насъ за это, но бываютъ особенныя положенія... Ты принесла намъ, Люба, такое счастье, такое счастье...

Крупныя слезы такъ и покатились по лицу Марьи Сергѣевны. Она теперь ненавидѣла себя за то, что никакъ не можетъ произнести рокового слова. Люба вдругъ присмирѣла и смотрѣла на нее испуганными глазами. Что такое случилось?.. Можетъ быть, что-нибудь наговорили про Сережу? Но, вѣтъ, ему стоитъ войти, взглянуть, заговорить, чтобы каждый сразу увидѣлъ, какая это чистая и прекрасная душа. Это сомнѣніе смѣнилось такой увѣренностью, что Люба опять посмотрѣла на мать и только пожала плечами.

— Видишь ли, голубчикъ... — заговорила Марья Сергѣевна, собирая все свое присутствіе духа.—Нужно тебѣ сказать... дѣло въ томъ, что.. Однимъ словомъ, ты—не наша дочь... да.

Люба поднялась и посмотрѣла на мать остановившимися, непонимающими глазами. Лицо сразу поблѣднѣло, и блѣлая рука крѣпко ухватила за ручку стула, точно въ ней заключалось все спасеніе.

— Не... не... какъ не ваша?—медленно спросила дѣвушка, чувствуя, что вся комната начинаетъ двигаться около нея.—Что это значить?.. Я... я... я не понимаю...

— Голубчикъ, не волнуйся... Я все расскажу тебѣ по порядку. Если хочешь, такъ ты гораздо больше наша дочь, чѣмъ еслибы я тебя родила... Наконецъ, для дѣвушки это и не важно, какую она фамилію носить, потому что всегда можетъ ее перемѣнить на другую.

— Мама, мама... Я ничего не хочу знать! не хочу ничего слушать!.. Я твоя... всегда твоя!..—лепетала Люба, какъ-то подѣтски протягивая руки впередъ.—Къ чему ты мнѣ все это говоришь?.. Я не хочу знать ничего... Мама, мама...

Марья Сергѣевна только теперь поняла, какъ нетактично повела дѣло. А Люба лежала у нея на плечѣ, цѣловала ея лицо, шею, руки и не давала говорить дальше. Въ первоначальной редакціи объясненіе съ Любой предполагалось въ другой формѣ: Марья Сергѣевна должна была рассказать аналогичный случай

съ другой дѣвушкой, узнающей наканунѣ замужства, что она не настоящая дочь, и, уже судя по произведенному впечатлѣнію, открыть ей горькую истину. А языкъ сказалъ совершенно иначе... Ахъ, какъ это глупо, глупо и еще разъ глупо!.. Бѣдная дѣвочка такъ страдает...

Усадивъ Любу на стулъ и давъ время ей немного оправиться, Марья Сергѣевна приступила къ печальному разсказу. Дѣвушка слушала ее съ изступленнымъ вниманіемъ и чувствовала, какъ каждое слово падало на ее голову холодной каплей воды. Въ теченіе рокового часа разрушено было все прошлое, все настоящее и все будущее. Люба не плакала, а только судорожно набирала въ грудь воздуха и время отъ времени обводила комнату глазами, точно хотѣла убѣдиться, что все это сонъ, бредъ, галлюцинація.

— Я была такъ несчастна *тогда*... такъ убита... — разсказывала Марья Сергѣевна, опустивъ голову. — Нѣсколько разъ у меня даже являлась мысль о самоубійствѣ... Но Господь услышалъ мои слезы, мое одинокое горе и послалъ мнѣ тебя, моя крошка: ты принесла намъ счастье и любовь.

Николай Яковлевичъ нѣсколько разъ подходилъ на цыпочкахъ къ затворенной двери въ столовую и даже конвульсивно улыбнулся: слышался голосъ одной Марьи Сергѣевны, а Люба молчала. Ну, что же, немного поплачетъ, и тому дѣлу конецъ. На молодомъ тѣлѣ и не это изнашивается, а тутъ и утѣшитель на-лицо... Вонъ какимъ орломъ похаживаетъ Сергѣй-то Петровичъ! Въ сущности, Николай Яковлевичъ смалодушествовалъ и никакихъ серьезныхъ объясненій съ будущимъ зятемъ не имѣлъ. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что пусть сначала мать переговоритъ съ Любой, а потомъ... Не все ли равно Сергѣю Петровичу, какая фамилія у Любы?.. Въ сущности, смѣшно было поднимать всю эту кутерьму.

Совѣщанія матери и дочери кончились совершенно неожиданно. Марья Сергѣевна вышла изъ столовой такая блѣдная и разстроенная, молча поздоровалась съ Шерстневымъ и заявила, что Люба не можетъ сегодня выйти. Шерстневъ, въ свою очередь, только развелъ руками. Чтò сей сонъ значить? Это былъ приличной наружности молодой человѣкъ, прилично одѣтый, съ приличными манерами. Бѣлокурая пушистая борода придавала ему преждевременно солидный видъ.

— Какъ же такъ? — повторялъ онъ, пощипывая бородавку: — надѣюсь, болѣзнь не опасная?..

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ гостиной показалась Люба, точно привидѣніе. Она обвела всѣхъ глазами и проговорила:

— Сергій Петровичъ, я беру свое слово назадъ, потому что... потому что...

Она не договорила, закрыла лицо руками и такъ же быстро исчезла, какъ появилась.

II.

Вотъ о чемъ рассказала Любѣ Марья Сергѣевна.

Она вышла замужъ очень молодой, всего шестнадцати лѣтъ, и первые годы была очень счастлива. Николай Яковлевичъ былъ тоже молодъ, и это молодое счастье несло стрѣлой. Женились они по любви, и счастью не предвидѣлось конца. У Николая Яковлевича было свое небольшое состояніе, хорошая служба и вообще совершенно обезпеченное положеніе, такъ что нужда ни разу не постучалась въ дверь счастливаго дома. Такъ прошелъ и годъ, и другой, и третій. Впереди было тоже счастье. Всѣ знакомые любовались примѣрной парочкой и говорили: „вотъ какъ нужно жить“. Да, все это было, и все это прошло. Безпричинное молодое счастье разсѣялось, какъ утренній туманъ. Какъ это случилось—Марья Сергѣевна до сихъ поръ не могла дать себѣ опредѣленнаго отчета. Молодое счастье разрушалось день за днемъ незамѣтно, какъ берегъ, подмываемый водой. Серьезныхъ причинъ никакихъ не было. Марья Сергѣевна не могла упрекнуть себя ни въ чемъ, да и Николай Яковлевичъ былъ по натурѣ не злой и не испорченный человѣкъ. Можетъ быть, какъ всѣ счастливые люди, онъ не хотѣлъ замѣчать своего счастья; можетъ быть, это безоблачное счастье придало ему излишнюю самоувѣренность, просто надоѣло наконецъ... Вѣдь здоровые люди не чувствуютъ своего здоровья, пока здоровы, и часто разрушаютъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Такъ было и тутъ... Началось съ того, что Николай Яковлевичъ замѣтно сталъ скучать дома и искать развлеченій. Появились новые знакомые, которыхъ Марья Сергѣевна принимала только для мужа; затѣмъ Николай Яковлевичъ началъ исчезать изъ дома. Ахъ, какъ это было ужасно! Днемъ онъ на службѣ, а какъ только наступитъ вечеръ... Нѣтъ, это была медленная пытка, отравлявшая жизнь капля за каплей. Марья Сергѣевна видѣла, какъ мужъ бѣжалъ изъ дому, и ничего не могла подѣлать. Силой милому не быть... Она даже не старалась удержать мужа, потому что это не привело бы ни къ чему.

Разъ—этому мѣшала ей собственная женская гордость, а второе—она не желала показаться смѣшной и лишней въ собственных глазахъ. Какое это ужасное слово: лишній человѣкъ, т.-е. человѣкъ, который никому ненуженъ и отъ котораго бѣгутъ, какъ отъ чумы. Затѣмъ, изъ чувства той же гордости Марья Сергѣевна не только никому не жаловалась на свое положеніе, но самымъ тщательнымъ образомъ скрывала его и отъ родныхъ, и отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. Если счастье брызжетъ у всѣхъ на глазахъ всѣми цвѣтами радуги, то горе прячется по темнымъ угламъ и боится свѣта. По вѣншности Марья Сергѣевна продолжала разыгрывать роль счастливой женщины даже передъ самой собой,—она по натурѣ не выносила вѣчно хныкающихъ, слезливыхъ „бабъ“, которыя тащатъ въ люди всѣ свои домашнія дразги, непріятности и огорченія. Это всегда ее возмущало, и она не желала повторить своимъ примѣромъ одну изъ такихъ жалкихъ женъ. Счастье такъ счастье, горе такъ горе, но и счастье, и горе—у себя дома, скрытыя отъ каждаго посторонняго глаза, какъ дорогая могила.

Этотъ женскій героизмъ доходилъ до того, что Марья Сергѣевна со спокойнымъ лицомъ сама совѣтовала мужу, чтобы онъ ѣхалъ вечеромъ въ клубъ или куда-нибудь къ знакомымъ.

— Тебѣ тамъ будетъ весело, Nicolas, — прибавляла она съ веселой улыбкой.

— Да... гм... А какъ же ты, Маня?.. Тебѣ скучно одной сидѣть дома,—говорилъ Николай Яковлевичъ для формы, испытующе глядя на жену.

— Я? О, пожалуйста, обо мнѣ не безпокойся... У меня есть и свои домашнія дѣла, и чтеніе. Однимъ словомъ, я не буду скучать...

Николай Яковлевичъ, конечно, чувствовалъ всю эту самоотверженную ложь, но старался увѣрить себя, что это чистая монета, потому что хотѣлъ этому вѣрить. Онъ каждый разъ вздыхалъ свободно, когда выходилъ изъ дома, и сразу веселѣлъ, какъ всѣ легкомысленные люди. Конечно, женѣ скучно сидѣть одной, да вѣдь и онъ не сидѣлка... Наконецъ, всѣ другіе такъ же дѣлаютъ, и тутъ рѣшительно ничего дурного нѣтъ. А тамъ веселая мужская компанія, разговоры, карты, холостые ужины и выпивки. Домой Николай Яковлевичъ частенько возвращался на-веселѣ, и когда бы онъ ни вернулся, всегда повторялась одна и та же исторія: окна въ спальнѣ жены были освѣщены. Она никакъ не могла усвоить себѣ прекрасную привычку другихъ женъ, которыя мирно спали. Эти освѣщенные окна каждый разъ

поднимали въ душѣ Николая Яковлевича тяжелое чувство, точно живой упрекъ, та неумирающая совѣсть, которая подаетъ свой неподкупный голосъ даже и въ душѣ отъявленнаго бездѣльника. Рѣшительно, эти освѣщенные окна отравляли жизнь, и Николай Яковлевичъ входилъ въ спальню жены хмурый и раздраженный. Онъ впередъ былъ готовъ отвѣтить на ея упреки и жалобы. Въ немъ кипѣла жажда сказать ей что-нибудь непріятное, обидное. Это было странное чувство, испытываемое только виноватыми людьми, желающими оправдаться во что бы то ни стало. Иногда Николай Яковлевичъ начиналъ придирается къ женѣ.

— Отчего ты не спишь?

— Не хочется... Я читала.

Николай Яковлевичъ дѣлалъ нетерпѣливое движеніе: жена явно гнала. Да... она просто хотѣла сдѣлать ему непріятность: пусть, молъ, смотреть и казнится, какая она несчастная женщина. Эта мысль возмущала его. Къ чему эта комедія?..

— Ты желаешь, Маня, аффишировать свое одиночество... — зловито говорилъ Николай Яковлевичъ, улыбаясь. — Всѣ знакомые, которые ѣдутъ по улицѣ, будутъ думать: „Бѣдная Марья Сергѣевна опять одна, а муженекъ шляется по клубамъ... Бѣднѣшка, напрасно она его ждетъ!“ Что-жъ, ты достигаешь своей цѣли и прекрасно разыгрываешь роль несчастной жертвы.

— Не могу же я лежать съ закрытыми глазами, когда мнѣ не хочется спать!..

— А какъ же другія женщины?.. Впрочемъ, всѣ бабы цѣплются за своихъ мужей, какъ репей... Отчего, напримѣръ, ты не хочешь бывать въ обществѣ? Завела бы такихъ знакомыхъ женщинъ, съ которыми не было бы скучно... Наконецъ, у насъ столько знакомыхъ, и всѣ спрашиваютъ про тебя: „Что Марья Сергѣевна? Отчего не видно Марьи Сергѣевны?“ Въ переводѣ это значитъ: „ахъ, какой вы бездѣльникъ, Николай Яковлевичъ“... — Развѣ я не понимаю? Сдѣлай милость, все вижу насквозь...

Марья Сергѣевна собирала всѣ силы, чтобы выдержать характеръ и не наговорить въ свою очередь ему непріятныхъ вещей. Но иногда она не могла выдерживать, и происходили горячія сцены, тѣ гадкія, обидныя домашнія сцены, когда стороны начинаютъ осыпать другъ друга упреками, жалкими словами, оскорбленіями и обвиненіями въ самыхъ ужасныхъ вещахъ. Чѣмъ нелѣпѣе и чудовищнѣе были оскорбленія, тѣмъ они быстрѣе пу-скались въ ходъ и сейчасъ же вызвали отвѣтныи взрывъ. Та-кая сцена заканчивалась для Марьи Сергѣевны горькими слезами, а Николай Яковлевичъ бѣгалъ по комнатамъ, какъ сумасшедшій, раз-

махивалъ руками и хриплымъ голосомъ выкрикивалъ какое-нибудь новое проклятіе. Какіе они были жалкіе, когда такая сцена наконецъ кончалась! Не было даже того хорошаго и здороваго стыда, который наступаетъ послѣ сдѣланной несправедливости, а оставалось какое-то мертвое чувство озлобленія, точно самое сердце ржавѣло въ этихъ несчастныхъ домашнихъ сценахъ.

Было нѣсколько такихъ сценъ, которыя заканчивались тѣмъ, что Николай Яковлевичъ убѣгалъ изъ дому. Марья Сергѣевна оставалась одна, уничтоженная, жалкая, несчастная. Ей некуда было бѣжать, и она начинала думать о смерти. Вѣдь умираютъ же другіе люди, молодые, любимые, счастливые, а она должна жить, — если можно назвать жизнью это жалкое прозябаніе. Да, хорошо умереть именно тогда, когда человѣкъ еще не развалина, а въ полныхъ силахъ. Тотъ же Николай одумался бы и пожалѣлъ ее... Онъ сталъ бы горько раскаяваться и оплакивать свою несправедливость, а она лежала бы въ могилѣ такая молодая, съ неизжитымъ запасомъ силъ. Мысль о смерти все чаще и чаще приходила въ голову Марьи Сергѣевны, и ей нравилось останавливаться на ней. Это было послѣднее возмездіе за короткое счастье... Она часто видѣла себя именно въ гробу и горько оплакивала свою испорченную молодую жизнь...

Въ семьяхъ счастье, какъ и здоровье, накапливается золотниками, а уходитъ пудами. Домъ, охваченный несчастіемъ, является могилой, съ той разницей, что тутъ каждая вещь, каждая мелочь — напоминаетъ краткія мгновенія улетѣвшаго счастья. Именно съ такимъ чувствомъ ходила по своимъ комнатамъ Марья Сергѣевна, точно покойникъ, вставшій изъ могилы, по своему кладбищу. Душа отлетѣла, оставалась одна мертвая форма, никому ненужная форма, которая держалась чисто механически. Не было того внутреннего свѣта, который живилъ и согрѣвалъ всю эту мертвую обстановку, любимыя вещи, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей улетѣвшаго счастья. Женщина вся — въ этой обстановкѣ своего гнѣзда; слѣдъ ея руки остается на каждой мелочи; ея вкусы, мысли, желанія отливаются въ эти домашнія вещи... И вдругъ все это мертво, все это чужое, ненужное, почти враждебное, и отъ всего вѣетъ холодомъ смерти. Вѣдь любовь не возвращается, какъ не возвращается жизнь, и только чудо можетъ воскресить мертваго человѣка. По цѣлымъ часамъ Марья Сергѣевна молилась передъ образомъ, благословеніемъ матери, и со слезами просила Матерь Божію заступить, спасти и помиловать. Божественная кротость глядѣла на нее, и тихое спокойствіе на время осыпало ее... Незримо творилось великое чудо молитвы, и оно спасало прихо-

дившую въ отчаяніе душу; но Марья Сергѣевна не всегда могла молиться, а молитва вынужденная не давала успокоенія. Ахъ, какое это было ужасное чувство, когда душа пустѣла и покрывалась мракомъ!..

Оставаясь одна, Марья Сергѣевна часто думала о томъ, что за человекъ Николай Яковлевичъ, и что за причина ихъ семейнаго разлада. Въ каждый разъ огорчала одна и та же мысль, именно, что Николай Яковлевичъ человекъ хорошій, и всѣ знакомые его любили. Глядя на него со стороны, она сказала бы то же самое: хорошій человекъ,—и только. Посторонніе люди всегда справедливы. Да, хорошій... Конечно, онъ не гений и нисколько не виноватъ, что порохъ изобрѣтенъ до него. Немножко безхарактерный, немножко легкомысленный, немножко самонадѣянный, но вѣдь всѣ мужчины одинаковы. У него было даже то, что называется „семейной шишкой“. И вдругъ, вотъ этотъ самый хорошій человекъ бѣгаетъ изъ своего дома, ему скучно дома; у себя дома онъ—какъ мертвый... Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи чувствовалось именно это омертвѣніе. А гдѣ причины? Марья Сергѣевна со строгостью слѣдователя разбирала всю свою жизнь, свой характеръ, наружность и не находила объясненія охлажденію мужа. Вѣдь она-то все та же... Ей часто хотѣлось сказать именно такую фразу:—„Nicolas, вѣдь я все та же, твоя Маня“... Но роковыя слова замирали на губахъ, а вмѣсто нихъ получался безжалостный выводъ, что какъ много есть людей, прекрасныхъ въ отдѣльности и несчастныхъ вмѣстѣ. Отсюда прямое заключеніе: необходимо разойтись, пока не случилось чего-нибудь худшаго, чего нельзя и поправить. Да, разойтись... Сколько нынче такихъ соломенныхъ вдовъ и соломенныхъ вдовцовъ! Нѣкоторые опять находятъ новое счастье... Одна мысль объ этомъ леденила мозгъ Марьи Сергѣевны своей чудовищностью: она даже не могла представить себѣ другого мужчину, который замѣнилъ бы ей Nicolas; того Nicolas, который былъ неразрывной частью ея самой, лучшей ея частью. Она часто думала о томъ, что еслибы онъ умеръ... Нѣтъ, она свято пронесла бы свое горе, свое одиночество, свои слезы, и въ ея душу закрадывалось преступное желаніе, чтобы мужъ умеръ. О, тогда онъ былъ бы весь ея; она оплакивала бы его, молилась бы за него, и ничто, ничто не вырвало бы его изъ ея объятій! Вѣдь смерть заставила бы забыть всѣ обиды, всю горечь жизни, всѣ оскорбленія. Она опять любила бы его, и ея сердце было бы его могилой. Но всѣ эти мысли и чувства разлетались, какъ дымъ, предъ дѣйствительностью...

А худшее, горшее было впереди.

Марья Сергѣевна со страхомъ ожидала того рокового дня, когда у нея явится счастливая соперница. Вѣдь это должно было случиться, это было неизбежно... Она инстинктивно готовилась къ этой мысли, сверлившей ея мозгъ. Въ несчастіяхъ есть своя логика, своя послѣдовательность и своя неизбежность. Она не слѣдила за мужемъ, какъ это дѣлаютъ другія женщины, не выспрашивала, не допытывалась. Къ чему? Когда знакомыя въ ея присутствіи дѣлали какой-нибудь нескромный намекъ или начинали говорить между строкъ, она сейчасъ же уходила. Nicolas можетъ, конечно, ошибаться и дѣлать глупости, какъ всѣ другіе люди, но для нея онъ оставался все тѣмъ же, нѣтъ!—еще болѣе дорогимъ и любимымъ. Она насильно вызывала образы недавняго счастья, шептала слова недавней любви, и этими сухими осенними листьями покрывалась свѣжая, еще неостывшая могила. Чужая рука не должна была касаться до ея горы... Да, она несчастна, но несчастна про себя.

Случилось, наконецъ, и послѣднее—страшное, что проходило раньше только въ воображеніи. Марья Сергѣевна это почувствовала всѣмъ своимъ существомъ, когда мужъ посмотрѣлъ на нее виноватыми глазами. Ее охватилъ физическій ужасъ, отвращеніе, гордое негодованіе. Ей не нужно было словъ, когда все такъ было ясно. Есть такія вещи, которыя не называются словами, потому что для такихъ вещей нѣтъ подходящихъ словъ. Она не желала даже знать, кто ея счастливая соперница. Не все ли равно, кто она?.. Вотъ эти любимые глаза смотрѣли на нее, эти руки протягивались къ ней, эти губы прошептали первыя преступныя слова, и все чистое, все святое, было смято, уничтожено и загрязнено. И слезъ больше не было... Не было и сценъ. Напротивъ, Nicolas какъ-то притихъ и старался быть даже ласковымъ. Ахъ, какая обидная ласковость!—точно свѣтъ холоднаго осенняго солнца, который потерялъ свою живую теплоту. Не нужно, ничего не нужно... Какъ онъ не понимаетъ, что она все знаетъ... все!.. Раньше была несчастная женщина, а теперь обманутая... Да, обманутая, поруганная и гордая своимъ погибшимъ счастьемъ. Вѣдь она такъ не сдѣлаетъ, она не можетъ такъ сдѣлать... И у Nicolas такой потерянный видъ. Онъ не нашелъ своего второго счастья и тоже мучится.

Если раньше время тянулось съ убійственной медленностью, то теперь оно полетѣло стрѣлой. Первое смущеніе Nicolas смѣнилось тѣмъ фатальнымъ чувствомъ, которое испытываетъ человѣкъ, отбитый волной отъ родного берега. Страшенъ былъ пер-

вый шагъ, а тамъ безбрежное открытое море, море порока и жалкихъ увлеченій. Скоро получено было письмо: Марья Сергѣевна узнала его по конверту, по женскому почерку, но не распечатала изъ гордости, а сама передала въ руки мужу.

— Это, кажется, тебѣ, Nicolas...

Нужно было видѣть смущеніе попавшагося Николая Яковлевича, какъ онъ торопливо сунулъ письмо въ карманъ.

— Что же ты его не прочитаешь?—замѣтила Марья Сергѣевна.—Можетъ быть какое-нибудь дѣловое письмо...

— Нѣтъ... такъ... т.-е. вздоръ.

Марья Сергѣевна опустила глаза и покраснѣла за мужа. У него еще оставался маленький стыдъ, послѣдній отблескъ совѣсти, и ей сдѣлалось даже его жалъ.

Скоро она увидѣла ее собственными глазами. Это было въ концертѣ. Марья Сергѣевна любила музыку. Въ ней она находила пѣвучія иллюстраціи къ собственнымъ мукамъ. Тотъ таинственный міръ тончайшихъ ощущеній и смутныхъ мыслей, предъ которыми безсильно было слово, облакался здѣсь въ такія изящныя звуковыя формы. Наболѣвшее сердце находило отвѣтъ, аккорды плакали и звали въ невѣдомую даль. Марья Сергѣевна проводила нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладкомъ забытьѣ и чувствовала себя лучше, чище, бодрѣ. Все временное, горькое, обидное страхивалось, замѣнялось чувствомъ полноты и неумирающей поэзіи. Таинственнымъ путемъ это горе и слезы точно переплавлялись во что-то такое хорошее и новое. Именно въ такомъ настроеніи находилась Марья Сергѣевна, когда ей указали во второмъ ряду креселъ молодую бѣлокурую даму съ близорукими глазами. Это была *она*, да, та самая, которая написала Nicolas письмо. Ужаснаго въ ней Марья Сергѣевна ничего не нашла и могла только удивляться вкусу Nicolas.

— Докторша,—рекомендовала ее одна старая знакомая.—У нея молодой мужъ, но это не мѣшаетъ ей быть „пріятной“ во всѣхъ отношеніяхъ“. И что въ ней нашелъ Nicolas?.. Мошь какая-то... Бѣлобрысая, рыхлая...

Марья Сергѣевна уѣхала сейчасъ же домой, потому что не могла видѣть этой дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Ей было и больно, и гадко, а воображеніе рисовало рядъ самыхъ обидныхъ картинъ. Вотъ эта ничтожная, пухлая тварь растоптала ее счастье... Нѣтъ, этого слишкомъ много для нея: она донашивала призракъ этого счастья, какъ донашиваютъ старое платье. Больше Марья Сергѣевна ничего не хотѣла знать о докторшѣ: что

она такое, что за человѣкъ ея мужъ, что могло понравиться въ ней Nicolas. Нѣтъ, не надо, ничего не надо...

Въ слѣдующій разъ Марья Сергѣевна встрѣтила роковую докторшу на улицѣ. Та, очевидно, узнала ее и вскинула свои сѣрые глаза съ торжествующимъ любопытствомъ. Да, она торжествовала свое паденіе, и Марья Сергѣевна хотѣлось ей крикнуть: „Мнѣ жаль васъ, пріятная дама... да. Я обманута, но я чистая, а вы даже не имѣете права смотрѣть мнѣ прямо въ глаза“. Затѣмъ, эта докторша не знаетъ той простой истины, что она является для Nicolas только первой ступенькой въ лѣстницѣ грядущихъ радостей. Такія связи слишкомъ непрочны...

И дѣйствительно, не прошло мѣсяца, какъ опять получилось письмо на имя Nicolas, написанное тѣмъ же женскимъ почеркомъ, но уже написанное впопыхахъ, прыгающими буквами. Оно, очевидно, было рассчитано на скандалъ: пусть жена прочтаетъ и полюбуется... Но Марья Сергѣевна не взяла его даже въ руки. На слѣдующій день—новое посланіе: адресъ былъ написанъ дрожащей рукой, и строчки шли ломаной линіей. Ахъ, какъ отлично понимала Марья Сергѣевна содержаніе этихъ писемъ!.. Это была первая горячая размолвка, и Nicolas цѣлый вечеръ просидѣлъ дома. Затѣмъ, онъ видимо одумался, и третьяго письма не было. Счастье возстановилось, и блондинка торжествовала.

III.

Но худшее было еще впереди. Марья Сергѣевна боялась полного нравственнаго паденія Nicolas, и оно случилось. Онъ началъ пить и возвращался домой только утромъ, измятый, грязный и упрямый упрямствомъ погибающаго человѣка. Онъ дошелъ до послѣднихъ ступенекъ той роковой лѣстницы, по которой поднимался и находилъ утѣшеніе въ ласкахъ продажныхъ женщинъ. Да, она это чувствовала и брезгливо вздрагивала, когда онъ входилъ въ ея комнату, внося съ собой атмосферу дешеваго разврата. У него больше не оставалось стыда, того стыда, который сдерживаетъ человѣка въ крайности. Nicolas прошелъ роковую границу и плылъ по теченію, очерта голову.

— Nicolas, что ты дѣлаешь?—вырвалось однажды у Мары Сергѣевны.

— Я? Не больше того, что ты предполагаешь... А впрочемъ, все равно, мы не поймемъ другъ друга.

Онъ смотрѣлъ на нее такими безсовѣстными глазами, что ей

сдѣлалось страшно: такіе люди способны на все. А какія письма получались?! Отчаяніе сквозило въ каждой буквѣ, ревность, безсильныя женскія слезы, запоздавшій женскій стыдъ, глухая, безсильная злоба... Nicolas нарочно оставлялъ распечатанныя письма на своемъ письменномъ столѣ и только улыбался, нехорошо улыбался, какъ сытый звѣрь, который рветъ живое мясо только для собственнаго удовольствія. Марья Сергѣевна теперь ненавидѣла его вдвойнѣ, какъ гадину. О, да, она еще могла понять умеченія, ошибки, страсть, но этотъ холодный купленный развратъ возмущалъ ее до послѣдней степени. Больше ничего не оставалось. Она пробовала уговаривать мужа, плакала, умоляла, а онъ смѣялся и говорилъ съ цинической улыбкой:

— У женщинъ одинъ общій недостатокъ: онѣ ужасно походятъ одна на другую и повторяются даже въ недостаткахъ. Понимаешь, мнѣ это надѣло...

— Я понимаю одно, что мнѣ слѣдовало давно уйти... Да...

— Ну, вотъ, теперь всѣ женщины именно такъ разсуждаютъ, но это, матушка, просто банально... Сотни такихъ ушесшихъ отъ своихъ мужей. Женщинъ, и всѣ онѣ похожи одна на другую до тошноты.

— Nicolas, что ты говоришь?.. Опомнись... Есть, наконецъ, совѣсть... правда...

— Можетъ быть... Но есть также и скука выслушивать жалкія слова.

Блондинка оказалась гораздо энергичнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и сумѣла отмытить. Она не остановилась даже передъ тѣмъ, что разсказала все мужу. Докторъ Мѣшковъ принадлежалъ къ типу тружениковъ. Онъ вѣчно корпѣлъ у себя въ больницѣ или разбѣзжалъ по больнымъ. Болѣзненный по натурѣ, тихій и любящій, онъ не повѣрилъ женѣ въ первую минуту, принявъ ея признаніе за галлюцинацію. Развѣ можно обмануть любящаго человѣка?.. Онъ отказывался понять подобный фактъ и уѣхалъ по больнымъ съ обычной аккуратностью. Ни сценъ, ни упрековъ, ни жалкихъ словъ... Что онъ переживалъ въ теченіе вѣсколькихъ дней—никто не зналъ, а закончилось все катастрофой. Докторъ дождался Николая Яковлевича на подъѣздѣ клуба и въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера.

— Подлецъ...—спокойно замѣтилъ онъ, бросая оружіе.

Воспользовавшись суматохой, докторъ отправился прямо къ Марѣ Сергѣевнѣ, съ которой былъ немного знакомъ, и такъ же спокойно заявилъ, что убилъ Николая Яковлевича.

— ...Потому что онъ былъ большимъ негодяемъ... да,—объяс-

нилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ. — Если я предъ кѣмъ виновать, такъ предъ вами, Марья Сергѣевна...

Съ Марьей Сергѣевной сдѣлалось дурно, и доктору пришлось походить за ней, какъ за пациенткой.

Николай Яковлевичъ совсѣмъ не былъ убитъ, а только раненъ, да и раненъ легко. Первое слово, которое онъ сказалъ, придя въ себя, было: „домой“... А дома онъ встрѣтилъ своего врага, ухаживавшаго за его женой. Марья Сергѣевна вскрикнула отъ радости, когда увидѣла мужа живымъ. Она сама уложила его въ постель, сама осмотрѣла прострѣленную руку и легкую рану въ боку — пуля скользнула по ребру, обмыла обѣ раны и сдѣлала перевязку. Чужіе люди были удалены. Мужъ и жена очутились снова въ самомъ неловкомъ положеніи: сознаніе опасности сблизило ихъ на одно мгновеніе, а теперь обоемъ сдѣлалось совѣстно именно за этотъ сердечный порывъ.

— Это какая-то комедія... — ворчалъ Николай Яковлевичъ. — Развѣ такъ стрѣляютъ порядочные люди?.. Теперь глаза нигде нельзя будетъ показать... И вдобавокъ, я ужасно струсилъ: дрянно такъ струсилъ... запищалъ... Вообще, была картина!..

А въ кухнѣ въ это время сидѣла бѣлокурая женщина и горько плакала. Она прибѣжала въ отчаяніи, плохо сознавая, чтѣ дѣлаетъ. Кухарка Агаѣя едва успѣла загородить ей дорогу въ столовую.

— Што вы, сударыня... Развѣ полагается въ такое время стороннему человѣку вриваться?..

— Онъ будетъ живъ? да?.. — повторяла несчастная въ сотый разъ. — Ты меня обманываешь... Мнѣ только одинъ разъ взглянуть на него... хоть издали!

— Никакъ невозможно, потому что тамъ сама барыня... Не таковское дѣло. А Николаю Яковлевичу впередъ наука... Отлились барынины-то слезы.

Бѣлокурая женщина плакала и ломала руки. Потомъ кухарка Агаѣя опять ее видѣла, какъ она вечеромъ бродила по тротуару и заглядывала въ окна. Оглашенная какая-то... Ничего не оставалось, какъ доложить самой барынѣ: ихнее дѣло, господское.

— Та птаха-то, Марья Сергѣевна, значить, тутъ... — шопотомъ сообщала Агаѣя, вызвавъ барыню въ кухню. — Набѣжала давѣ, какъ оглашенная, ну, да я ее заворотила... А теперь по тротуару расхаживаетъ, какъ стѣнь...

Марья Сергѣевна видѣла въ окно эту женщину, какъ она два раза прошла мимо, жадными глазами вглядываясь въ окна. Она дѣйствительно походила на тѣнь... Чтѣ было нужно этой

нелѣпой женщиной?.. Докторъ Мѣшковъ разсказалъ Марѣ Сергѣевнѣ, какъ все вышло, и Марья Сергѣевна теперь отказывалась понять поведеніе этой взбалмошной особы.

А Николай Яковлевичъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ диванѣ, ничего не подозревая. Его вдругъ охватила жажда раскаянія, желаніе исповѣдаться и выложить всю душу.

— Меня стоило застрѣлить, какъ собаку, — говорилъ онъ съ горькой усмѣшкой. — Да, я негодай, мерзавецъ.

Какъ Марья Сергѣевна ни удерживала, но Николай Яковлевичъ разсказалъ отъ начала до конца всѣ свои похожденія. Онъ самъ теперь возмущался, негодовалъ и презиралъ себя...

— Маня, голубка, я недостойнъ прикоснуться къ твоему мизинцу... да. Я весь — одна грязь и развратъ...

— Какъ это вышло все, Nicolas, какъ это могло случиться? Кто, наконецъ, виновать?..

— Виновата моя гнилая натурашка, и никто больше... Эта жажда разнообразія, пикантныя ощущенія, туманъ легкихъ интрижекъ — вотъ чтѣ мнѣ было нужно.

Ночью у Николая Яковлевича сдѣлалась лихорадка, сопровождаемая бредомъ. Онъ нѣсколько разъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на жену, очевидно не узнавая ее. Марья Сергѣевна сидѣла въ тѣни, чтобы не беспокоить больного.

— Маня, ты здѣсь? — шопотомъ спросилъ онъ, приподнимаясь на локтѣ.

— Да... Хочешь пить?..

— О, нѣтъ... Затѣмъ ты здѣсь?.. Уходи, миленькая, оставь меня... Я — проклятый человѣкъ. Да... Я заражаю своимъ дыханіемъ самый воздухъ, которымъ ты дышешь. Знаешь, Маня, я нѣсколько разъ думалъ, какъ было бы хорошо, еслибы... о, нѣтъ, уходи, уходи!.. Передъ тобой лежитъ гнусная гадина, которую нужно только раздавить, какъ гадину...

— Nicolas, тебѣ вредно волноваться.

— Ты чистая и не поймешь меня... Знаю одно, что я слишкомъ низко упалъ, чтобы подняться снова. Я безконечно уважаю тебя, но мнѣ скучно съ тобою!..

Это горячее признаніе вызвало реакцію. Марья Сергѣевна бросилась къ мужу, осыпала его ласками, называла самыми нѣжными именами, какія даетъ одна любовь, и съ женскимъ героизмомъ во всемъ обвиняла себя. Это была отчаянная погоня за тѣнью счастья... О, да, она не умѣла въ-время удержать его, не умѣла сдѣлаться интересной для него, не умѣла войти въ его вкусы и привычки. Этотъ эгоизмъ порядочныхъ людей и погубилъ

его. Но этого больше не будетъ. Да, она теперь будетъ держать его въ рукахъ, она его не пуститъ отъ себя... Nicolas, милый, любимый Nicolas... Николай Яковлевичъ плакалъ и молча цѣловалъ руки жены и тутъ же заснулъ, точно растаялъ подъ этимъ горячимъ дыханіемъ пробудившагося счастья.

Такія сцены слишкомъ сильны, чтобы повторяться.

Николай Яковлевичъ быстро поправился. Рана оказалась самой незначительной. Маленькое неудобство заключалось только въ томъ, что нѣкоторое время пришлось носить раненую руку на повязкѣ. Какъ это дико, глупо и смѣшно: Николай Яковлевичъ Горлицынъ съ прострѣленной рукой!.. Странно, что онъ больше всего стыдился кухарки Агаѣи и горничной Машки. Конечно, прислуга была на сторонѣ барыни и потихоньку, вѣроятно, посмѣивалась надъ нимъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Николай Яковлевичъ высидѣлъ дома и нигуда не показывался. Опять мелькнула счастливая пора... Марья Сергѣевна сразу ожила. Пуля доктора Мѣшкова дала ей жизнь, радость и покой. Если что ее тревожило, такъ это таинственная женская тѣнь, продолжавшая свои прогулки подъ окнами. Что ей нужно? Николай Яковлевичъ ничего не подозревалъ, но Марья Сергѣевна чувствовала, что онъ начиналъ беспокоиться именно въ эти моменты,—какъ будто существовало какое-то таинственное вліяніе, которое работало помимо сознанія и проникало черезъ стѣны и запертыя двери.

Потомъ... потомъ Николай Яковлевичъ совершенно поправился и черезъ два дня опять исчезъ изъ дому самымъ коварнымъ образомъ.

Это былъ такой ударъ, что Марья Сергѣевна чуть не сошла съ ума. Зачѣмъ нуженъ былъ еще этотъ обманъ?.. Она повѣрила страшному призраку вернушагося счастья, и онъ обманулъ ее... Раньше она сжилась съ своимъ горемъ, одиночествомъ и позоромъ, а теперь должна была страдать въ сто разъ сильнѣе. Господи, за что же?.. Она умирала во второй разъ, умирала медленной и мучительной смертью, не чувствуя даже потребности сопротивляться.

Да, это было ужасное время, и тогда именно у Марьи Сергѣевны явилась мысль о самоубійствѣ. Въ первое мгновеніе она ужаснулась: живой человѣкъ, и вдругъ—ничего. Пугала самая форма,—именно, ей представлялся собственный окровавленный трупъ... медицинское вскрытіе... полиція... похороны самоубійцы. Въѣдъ въ каждомъ номерѣ любой газеты есть описаніе такихъ самоубійствъ, и Марья Сергѣевна вчитывалась въ нихъ съ жад-

ностью. Она точно примѣривала каждый случай къ себѣ и находила съ ужасомъ такъ много общаго. „Въ смерти моей прошу никого не обвинять“—и только. А за каждой такой стереотипной записочкой скрывалась какая-нибудь ужасная драма—одна изъ тѣхъ драмъ, которая касалась только одного человѣка... Марья Сергѣевна завидовала этимъ рѣшительнымъ людемъ, которые собственной волей нашли себѣ вѣчный покой. Да, какое это святое слово: покой... Лежать тихо-тихо въ гробу, съ сложенными на груди руками, съ закрытыми глазами, и никакое горе не коснется этого покоя. Будутъ чередоваться времена года, будетъ каждое утро подниматься солнце, будетъ зеленѣть трава и бушевать свѣжая вьюга, прилетитъ крошечная птичка и, задышавъ отъ своего маленькаго счастья, споетъ свою пѣсенку, а она будетъ лежать въ своей могилѣ, полная мертваго покоя.

Именно въ такомъ похоронномъ настроеніи Марья Сергѣевна стояла у окна въ гостиной и смотрѣла на дворъ, у того самаго окна, у котораго переживала теперь сватовство Любы. Былъ такой же осенній, дождливый день. Стекла отпотѣли, и по нимъ слезливыми струйками сбѣгала вода. Марья Сергѣевна по цѣлымъ часамъ простаивала почему-то именно у этого окна, когда ей дѣлалось особенно тяжело, и здѣсь въ тысячу первый разъ передумывала свои грустные думы. Ненастный день гармонировалъ съ ея настроеніемъ, и въ самомъ воздухѣ, казалось, разлита была мертвая грусть. Весело зеленѣлъ одинъ тополь. Семнадцать лѣтъ тому назадъ, это было пышное дерево, настоящій зеленый богатырь. Марья Сергѣевна изъ своего окна видѣла и часть улицы, по которой тряслись крестьянскія телѣги и съ трескомъ проѣзжали городскіе экипажи. Куда эти люди могутъ ѣхать? чтó ихъ интересуетъ?.. Для нея міръ былъ закрытъ, и живые люди казались тѣнями, которыя проносились мимо нея безъ цѣли и смысла, какъ блуждающіе огоньки. Марья Сергѣевна даже вздрогнула, когда на дворъ въѣхалъ извозничій экипажъ съ двумя сѣдоками. Ужъ не гости ли?.. Въ первую минуту она испугалась этой мысли, а потомъ успокоилась: пріѣхали, очевидно, новые квартиранты въ ихъ флигель. Кстати, этотъ флигель составлялъ настоящее наказаніе. Помѣщеніе было маленькое, всего двѣ небольшихъ комнаты съ кухней, и снимали его такіе маленькіе люди, которые рѣдко могли заплатить за квартиру. Это были мелкіе служащіе, какіе-то писаря, микроскопическіе чиновники, лишившіеся мѣста или отставные, и у всѣхъ была одна общая черта: всѣ пили водку, ссорились съ женами и устраивали болѣе или менѣе крупныя скандалы. Спустя нѣкоторое время, имъ отказывали,

чтобы пустить на ихъ мѣсто точно такихъ же субъектовъ. Это былъ совершенно особенный міръ, который Марья Сергѣевна видѣла только изъ своего окна и удивлялась, зачѣмъ живутъ эти отбросы, эти человѣческіе помои. Вотъ и теперь новыя жильцы навѣрное повторятъ ту же вѣчную исторію... Сколько разъ она говорила своему мужу, чтобы просто запереть этотъ несчастный флигель и никого не пускать.

Новые квартиранты были совсѣмъ молодые люди. Онъ—высокій, худощавый брюнетъ въ заношенномъ осеннемъ пальто и широкополой поповской шляпѣ, а она — полная блондинка съ хорошенькимъ задорнымъ личикомъ. Ей очевидно не понравилась квартира, и она осталась на извозчикѣ, пославъ мужа осмотрѣть помѣщеніе еще разъ. Онъ покорно прошагалъ во флигель. Блондинка достала заношенный портмоне и сунула извозчику какую-то мелочь. Нужно было видѣть то презрѣніе, съ какимъ извозчикъ взялъ эти деньги. Вся его фигура выражала одну уничтожающую мысль: „Тоже—хорошіе господа называются“... Марья Сергѣевна вдругъ сдѣлалось совѣстно вотъ за эту молоденькую женщину, которая, вѣроятно, ужасно мучится этой сценой. Когда показался мужъ, извозчикъ поднялъ настоящій скандалъ.

— Всякая шантрапа тоже ѣздила бы на извозчикахъ!—кричалъ извозчикъ, размахивая возжами.—Двоегривеннаго нѣтъ...

— Да вѣдь ты рядился за пятнадцать копѣекъ?—спокойно возражалъ молодой человѣкъ.

— Рядился... Кабы правильные господа, такъ о пятачѣхъ не стали бы разговаривать. Видали мы стракулистовъ весьма достаточно...

Извозчикъ поднялъ этотъ скандалъ благодаря тому, что на дворѣ собралась публика въ лицѣ дворника, кучера, кухарки Агаѣи и горничной Маши.

Блондинка, испуганная и сконфуженная этой сценой, хотѣла быстро соскочить съ извозничьихъ дрожекъ, но легко вскрикнула и, вѣроятно, упала бы, если бы мужъ въ-время не подхватилъ ее на руки. Широкая ротонда при этомъ движеніи распахнулась, и всѣ—дворникъ, кучеръ, Агаѣя и Маша увидѣли, что барыня находилась въ „такомъ положеніи“. Марья Сергѣевна замѣтила только ея испуганное личико, такое жалкое и по-дѣтски больное.

— Што ты въ самъ-то дѣлѣ привязался, судорога!..—накинулась на извозчика кухарка Агаѣя, сразу принявшая сторону пріѣзжихъ.—Дворникъ, а ты чего буркалами-то ворочаешь?..

Сцена сразу переимѣнилась. Дворникъ обругалъ извозчика, взялъ въ одну руку тощій кожаный чемоданчикъ, а въ другую

узелъ, завернутый въ старый пледъ, и пошелъ за „господами“. Онъ остановился въ дверяхъ и презрительно встряхнулъ легкій багажъ, что въ переводѣ означало: „Тоже им-му-ще-ство называется“... Обруганный извозчикъ съ обиженной медленностью повернулъ свою клячу, и старенькій экипажъ жалобно задрезжалъ всѣми своими винтами и гайками.

Съ Марьей Сергѣевной произошла удивительная перемѣна. Она женскимъ инстинктомъ поняла сейчасъ все: и причину своего несчастья, окруженнаго сытымъ довольствомъ, и причину того счастья, которое привезла съ собой вотъ эта бѣдная молодая парочка. О, они счастливы, эти молодые люди съ тощимъ чемоданчикомъ и подозрительнымъ тюкомъ въ пледѣ!.. Она это чувствовала по выраженію ея дѣтскаго личика, по тому страстному вниманію, которое сказывалось въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ взглядѣ. Да, счастливы, счастливы, счастливы... Какая-то странная ревность проснулась въ душѣ Марьи Сергѣевны, и съ какой бы радостью она промѣняла свое вѣднѣе довольство на эту счастливую бѣдность, полную внутренняго свѣта! Съ ней сдѣлалось что-то въ родѣ истерики—она и плакала, и смѣялась, и никогда еще не чувствовала себя такой жалкой. Засохшее дерево, у котораго въ голыхъ вѣтвяхъ свиститъ одинъ вѣтеръ, вѣроятно, чувствуетъ то же самое...

IV.

Съ переездомъ новыхъ жильцовъ въ существованіи Марьи Сергѣевны произошла яркая перемѣна. Она вся точно встрепенулась, ожила и насторожилась, какъ птица. Да, теперь была жизнь, были интересы—не ея жизнь и не ея интересы, но все-таки жизнь и интересы, хотя и въ отраженной формѣ. Бываютъ такіе блуждающіе огни, которые выводятъ на дорогу... По цѣлымъ часамъ Марья Сергѣевна проводила теперь у своего окна, какъ часовой на сторожевомъ посту, и быстро изучила жизнь флигеля до мельчайшихъ подробностей. Каждый день утромъ въ восемь часовъ онъ торопливо выходилъ изъ своего флигеля, на ходу нахлобучивая свою поповскую шляпу, и широкими, рѣшительными шагами направлялся въ калитку. Потомъ его шляпа мелькала подъ окнами, а черезъ пять минутъ возвращалась.

— Это онъ ходитъ въ булочную...—соображала Марья Сергѣевна, отыскивая глазами въ рукахъ жильца завернутую въ бумагу булку.—Да, да... Она, вѣроятно, любитъ свѣжій, горячій

хлѣбъ. Теперь она нѣжится еще въ постели, а онъ хочетъ ее побаловать... да. Потомъ будутъ чай пить, а потомъ онъ уйдетъ на службу...

Должно быть, каждое утро она задерживала его нѣсколько лишнихъ минутъ, потому что онъ высказывалъ на крыльцо, какъ сумасшедшій, и бѣжалъ по двору чуть не бѣгомъ. Бѣжить, а самъ оглядывается на окно, въ которомъ мелькало улыбавшееся личико... Какъ имъ трудно было разставаться каждое утро, и какъ она, бѣдняжка, должна была скучать безъ него. Впрочемъ, когда окно оставалось пустымъ, и онъ не оглядывался — значить, или она больна, или сердится. Прислуги они не держали, и она сама готовила очень скромный обѣдъ. Онъ приходилъ ровно въ два часа, но она его начинала ждать съ двѣнадцати, и блѣдное дѣтское личико показывалось въ окнѣ все чаще. Ахъ, какъ медленно идетъ проклятое время!.. Марья Сергѣевна тоже начинала волноваться и всегда первая видѣла съ высоты своего второго этажа, когда онъ показывался на углу улицы. Она бросалась къ своему окну и хотѣла крикнуть ей: онъ идетъ! идетъ!.. Но счастливая женщина чувствовала его приближеніе и съ тревожной улыбкой стояла въ окнѣ. Вотъ и онъ... Какъ онъ быстро входилъ въ калитку — не входилъ, а влеталъ, и почти бѣгомъ бросался къ заветной двери.

— Милые... милые... — шептала Марья Сергѣевна со слезами на глазахъ: — какъ они любятъ другъ друга!.. И какіе, должно быть, бѣдные...

Кухарка Агафья и горничная Маша давно вызнали всѣ подробности о новыхъ жильцахъ. Марья Сергѣевна не любила слушать сплетни прислуги, а тутъ сама спрашивала про жильцовъ.

— Не здѣшніе они... — рассказывала Агафья, — значить, дальніе. Его Аркадіемъ Васильичемъ звать, а она Надежда Петровна... Онъ фершаломъ опредѣлился въ земской лазаретъ. Молоденькіе такіе да бѣдные... Ничего-то у нихъ нѣтъ, а купить не на што. Такъ сильно колотятся... А промежду себя дружно живутъ: не наглядятся. Извѣстно, молодые... Охъ-хо-хо!.. Она сама и въ куфнѣ страпаетъ... Ничего, бабочка славная и хозяйство знаетъ. Все высчитываетъ, каждый грошикъ, чтобы аккуратнѣе... А мужъ придетъ — она ему сейчасъ въ бумажку читать: вотъ это купила, милый, другое купила, безцѣнный... Сильно колотятся деньгами-то. Она ему свою бумажку читаетъ, а онъ ей ручки цѣлуетъ... Бѣдные, а господскій обычай соблюдаютъ. Онъ когда купить што лишнее, чтобы ее побаловать, такъ она какъ его бранить!..

Весело поглядѣть на нихъ, барыня. А какъ-то я прихожу въ ней въ кухню, а она сидитъ, моя голубушка, плачетъ-заливается... Супъ испортила... То-то, подумаешь, горе великое!.. А въ другой разъ говядину сожгла и спрятала... Совѣсть тоже есть. Востренькая бабочка, и все сама, вездѣ сама, кабы не ея-то женская часть... Близо ужъ время: проходить не проходить недѣли съ двѣ.

Иногда она ходила безъ него за покупками. Нужно было видѣть, съ какимъ дѣловымъ видомъ она выходила на улицу, на ходу рассчитывая свои издержки. Возвращалась она такая усталая и недовольная. Видимо, что ее мучили вотъ эти крошечные расчеты; можетъ быть, она даже покупала что-нибудь лишнее, соблазнившись слишкомъ хозяйственными соображеніями. Бѣдненькая, какъ Марья Сергѣевнѣ хотѣлось помочь ей, успокоить, обласкать, приголубить, но ее удерживалъ и ложный стыдъ, и нежеланіе навязываться съ непрошеннымъ знакомствомъ, и боязнь показаться нахальной. Бѣдные люди имѣютъ свою гордость, и они правы. Кромѣ всего этого, Марью Сергѣевну удерживало еще совершенно особенное чувство: она боялась заразить своимъ несчастіемъ... Вѣдь бывають заразительныя болѣзни, а несчастіе—тоже болѣзнь, самая худшая изъ всѣхъ болѣзней. Потомъ, это чужое счастье еще рельефнѣе выставило ея собственное горе... Нѣтъ, она останется одна, вотъ здѣсь, и будетъ переживать все со стороны.

Самая трогательная картина получалась послѣ обѣда, когда молодая парочка отправлялась гулять. Это было необходимо для нея, и онъ съ такимъ торжествующимъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ движеніемъ. Молодое счастье сказывалось въ каждомъ шагѣ. Марья Сергѣевна нѣсколько разъ потихоньку выходила на улицу и шла за ними, какъ скорбная тѣнь. Да, они счастливы, счастливы до того, что даже не сознають своего счастья. Какъ онъ боялся, чтобы она не сдѣлала какого-нибудь неловкаго движенія, чтобы кто-нибудь не толкнулъ ее, чтобы она не утомилась слишкомъ... Милые, милые, милые... Эта парочка останавливалась передъ магазинами и очень внимательно осматривала всѣ вещи, особенно тѣ, на которыхъ были обозначены цѣны.

— Аркадій, мы это купимъ, когда...—съ оживленіемъ говорила она, глядя на него глазами, полными нѣмой радости.

— О, да... Мы прямо весь магазинъ купимъ...

— Но, вѣдь, все это будетъ нужно, Аркаша.

— Купимъ, голубчикъ, все купимъ...

Особенно долго они останавливались предъ магазинами съ

дѣтскими вещами. Всѣ эти распашонки, портъ-бѣба, платьица, вообще, все дѣтское приданое—такъ прелестны. Она особенно пристально рассматривала всѣ эти чудныя вещи, вздыхала и молча прижималась къ мужу. О, она сдѣлаетъ все это сама... все. Но была одна вещь, которую нельзя было сдѣлать дома и на которую они приходили посмотрѣть ежедневно. Это была великолѣпная дѣтская колясочка, на рессорахъ, на резиновыхъ шинахъ и съ раздвижнымъ верхомъ. На колясочкѣ висѣлъ билетикъ: 25 рублей. Завѣтную вещьцу они смотрѣли молча и не говорили ни одного слова, потому что вѣдь это была недосягаемая мечта... Марья Сергѣевна издали наблюдала молодую чету и то жадное вниманіе, съ которымъ она любовалась колясочкой, и про себя рѣшила, что подарить имъ ее, какъ только родится ребенокъ. Да, подарить потихоньку, чтобы не знали, отъ кого она, и будетъ издали любоваться ихъ счастьемъ.

Гуляя мимо магазиновъ, они составили себѣ приблизительно всю будущую обстановку,—вѣрнѣе сказать, составила она: вѣдь онъ въ этомъ случаѣ смотрѣлъ ея глазами и впередъ былъ согласенъ на все, тѣмъ болѣе, что она относилась къ вещамъ съ какой-то болѣзненной страстностью, рѣзко разграничивая любимыя отъ никуда негодныхъ. Да, она впередъ любила свою будущую обстановку, то гнѣздо, которое вила мысленно, и пристальнымъ вниманіемъ взвѣшивала мельчайшія подробности. Эта способность дѣлать всѣ вещи на двѣ рѣзкихъ категоріи: отличныя, любимыя, прекрасныя съ одной стороны и никуда негодныя съ другой—эта способность постоянно удивляла его мужской умъ, и онъ часто подпучивалъ надъ ребячествомъ жены. Она спорила съ нимъ до слезъ, пока онъ ее соглашался съ ней во всемъ. Развѣ была какая-нибудь возможность не согласиться, когда спорятъ до слезъ? И какъ мило она спорила... Эти дѣтскіе глаза темнѣли, губы складывались такъ рѣшительно, слова говорились тономъ, не допускавшимъ возраженія—нѣтъ, оставалось только соглашаться. Всего забавнѣе выходило то, что когда онъ соглашался—она плакала: слезами выливалась неизрасходованная энергія. Милыя женскія слезы, сколько въ нихъ беспомощной поэзіи, сколько той правды, которую мужчины въ большинствѣ случаевъ понимаютъ немного поздно.

— Да, есть вещи любимыя...—продолжала доказывать Надежда Петровна, хотя мужъ уже согласился съ ней во всемъ.—Онѣ сами по себѣ ничего не значать, а дороги именно тѣмъ, что нравятся. Пріятно такую вещь всегда видѣть около себя. Напримѣръ, колясочка на резинѣ... Она намъ замѣнить и дѣт-

скую кроватку, и въ ней мы будемъ вывозить нашу дѣвочку гулять,—вѣдь у насъ будетъ дѣвочка!

— Да, да... Конечно, дѣвочка.

— Такая маленькая дѣвочка... Я всегда буду водить ее въ бѣломъ. Лучше бѣлаго костюма ничего не можетъ быть для ребенка...

— Да, да... хотя это и не совсѣмъ удобно, потому что бѣлое такъ скоро пачкается. Впрочемъ, я это такъ... Именно, дѣвочка, Надя. Въ домъ дѣвочка вноситъ тепло, уютность, поэзію, а мальчишки вѣчно шалать, кричать, и вообще—пренепріятный народъ.

— Да, дѣвочка въ бѣломъ... Помнишь, какой смѣшной бѣлый капотъ выставленъ былъ въ окнѣ? Весь въ кружевахъ, а изъ капора будетъ смотрѣть такая забавная рожица.

Часть этихъ разговоровъ Марья Сергѣевна случайно подслушивала, и у нея каждый разъ наворачивались слезы на глазахъ. Да, вотъ какое должно быть счастье, и всего удивительнѣе то, что они совсѣмъ не замѣчали своего счастья.

По вечерамъ во флигельѣ подолгу горѣла лампа съ зеленымъ абажуромъ, и Марья Сергѣевна наблюдала изъ своего окна, что они дѣлаютъ. Окна были завѣшаны какими-то старенькими шторками только до половины, и ей сверху все было видно. Конечно, не хорошо подглядывать, что дѣлается въ чужой квартирѣ, но, во-первыхъ, она была такъ несчастна, а во-вторыхъ, дѣлала это совершенно машинально, безъ всякаго злого умысла. Да и эта парочка была счастлива такимъ чистымъ счастьемъ, что могла бы настежъ открывать всѣ окна и двери.

Марья Сергѣевна знала, когда онъ ставилъ въ кухнѣ самоваръ, потому что она въ это время приготавливала чайную посуду. Какъ она мило суетилась, какъ любовно ставила на свое мѣсто каждый стаканъ, отходила и сама любовалась образцовымъ порядкомъ. Наконецъ, онъ вносилъ кипѣвшій самоваръ. Какъ долго они сидѣли за чайнымъ столомъ! Она нарочно пила изъ своей маленькой чашечки такъ медленно, чтобы выиграть время. Вѣдь сейчасъ послѣ чая онъ опять сядетъ за свою работу, а она будетъ скучать. Бѣдняжка, она не могла даже читать. Ей вообще дѣлалось тяжелѣе съ каждымъ днемъ, хотя она и имѣла такой бодрый видъ. Конечно, она не желала огорчать мужа и многое скрывала: да, тяжело, но зачѣмъ беспокоить его, когда ему нужно работать.

Марья Сергѣевна чувствовала, какъ ей было тяжело и скучно, пока онъ сидѣлъ за своей работой. Она лежала на диванѣ, гуляла

по комнатѣ, садилась къ окну, брала книгу, пробовала пить и кончала тѣмъ, что подходила къ нему, обнимала его за шею и говорила:

— Вѣдь я тебѣ не мѣшаю, Аркаша?

— Нѣтъ, не мѣшаешь, голубчикъ... Я скоро кончу.

Она успокаивалась на нѣсколько минутъ и опять подходила къ нему.

— Я тебѣ не мѣшаю?

— О, нисколько...

Въ его голосѣ слышалось уже легкое раздраженіе, и она дѣлалась грустной, забиралась куда-нибудь въ дальній уголокъ и засыпала здѣсь, какъ напроказившій и наказанный ребенокъ. Марья Сергѣевна, конечно, не слышала ихъ разговоровъ, но чувствовала, что они должны говорить именно такъ. Да, она убѣждена была въ этомъ.

Но вотъ работа кончена. Онъ поднимается, подходитъ къ ней. Нѣтъ, рѣшительно въ такіе моменты въ маленькой комнаткѣ дѣлалось свѣтлѣе, потому что свѣтлѣла она своей дѣтской улыбкой, свѣтлѣла счастливыми глазами и такъ хорошо протягивала ему свои руки. — Милый, подними меня... А что мы теперь будемъ дѣлать?.. Что дѣлать?.. — Онъ обнималъ ее, и, обнявшись, они долго ходили по комнатѣ, пока она не уставала. Онъ чувствовалъ, какъ у него въ рукахъ распускалась эта молодая жизнь, какъ у нея начинала кружиться голова, и бережно усаживалъ ее на любимый стулъ, на любимое мѣсто къ столу, — у нея все было любимое, начиная съ красныхъ туфелекъ. Появлялись карты — это онъ придумалъ, чтобы чѣмъ-нибудь развлечь ее. Они играли въ рамсъ по цѣлымъ часамъ. Эта механическая забава всегда оживляла ее. Не правда ли, какъ весело иногда сплутовать, особенно если вы умѣете незамѣтно спрятать туза? Онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ, когда она сдавала, и все-таки нерѣдко попадалъ въ просакъ. Какъ она весело хохотала, когда невинное плутовство удавалось! Съ ней смѣялось все... Эта дрожь смѣха вырывалась даже на улицу. Да, она смѣялась до слезъ и на время забывала все. Да, все... Это было такое хорошее дѣтское веселье, и онъ готовъ былъ вѣчно проигрывать въ рамсъ. Впрочемъ, происходили и недоразумѣнія, когда онъ ловилъ ее съ поличнымъ. Она отчаянно защищалась, потому что и шестая карта была сдана случайно, и тузъ попалъ тоже случайно, и передернула она двѣ карты тоже случайно.

— Я удивляюсь, Надя, что ты можешь лгать изъ такихъ пустяковъ?..

— Я?!.. лгать?..

Карты летѣли на столъ, и они расходились. Она—въ любимый уголокъ на диванѣ, онъ—къ своему письменному столу. Но такая размолвка продолжалась всего нѣсколько минутъ, потому что Надя признавалась во всемъ и съ новымъ хохотомъ рассказывала все то, чего онъ и не подозрѣвалъ. Онъ удивлялся, крѣпко цѣловалъ ее, и игра загоралась съ новымъ азартомъ.

— Аркашечка, честное слово, я не буду больше плутовать.

— Хорошо, увидимъ.

Онъ увлекался игрой до того, что не замѣчалъ, какъ по-дѣтски начинали слипаться эти дорогіе глаза, какъ устало шевелились бѣлые тонкіе пальцы, какъ равнодушно выкрадывались тузы—карты были старыя, заигранныя до того, что изъ нихъ можно было сварить супъ. Но неудобство заключалось не въ ихъ почтенной давности, а въ томъ, что Надя размѣтила всѣ лучшія карты царапинами, пятнами, загнутыми углами. Часто въ самый интересный моментъ, когда ему только-что начинало улыбаться карточное счастье, она выпускала свою игру и говорила усталымъ голосомъ:

— Вчера мы проходили мимо колбасной, Аркаша... тамъ на тарелочкѣ лежали такія аппетитныя сосиски...

— Отлично! Мы ихъ сейчасъ добудемъ...

— Ради Бога, только тѣ самыя... Онъ на тарелочкѣ... тарелочка стоять въ уголѣ. Съ синимъ ободочкомъ... Я ихъ замѣтила еще вчера.

— И горячій розанчикъ?

— И горячій розанчикъ...

Онъ быстро нахлобучивалъ свою поповскую шляпу и летѣлъ за сосисками. Она ждала его съ великимъ нетерпѣніемъ, считая минуты. Но бывало и такъ: онъ является съ покупкой и находитъ ее заснувшей въ своемъ уголѣ на диванѣ. Милая крошка, какъ она хорошо умѣла спать!.. Его охватывала каждый разъ какая-то необъяснимая жалость къ ней и та мужская нѣжность, которая боится даже проявить себя. Онъ на цыпочкахъ усаживался къ своему столу и старался не шумѣть бумагой,—вѣдь у нея былъ такой чуткій и тревожный сонъ. Вотъ она дышетъ такъ неровно и порывисто... Бѣдняжка не находитъ покоя и во снѣ, да это и не сонъ въ собственномъ смыслѣ, а тяжелое забытьё, послѣ котораго она поднималась съ тяжелой головой и красными глазами. Странно, что это пробужденіе отмѣчалось концомъ недоговоренной фразы:

— ...Купилъ?

— Да, все купилъ, моя радость, мое счастье...

Она страдала аппетитомъ женщинъ въ ея положеніи, и онъ любовался, какъ она съѣдала все, изъ вѣжливости предлагая ему сначала половину, потомъ четверть, потомъ послѣдній „стыдливый кусочекъ“.

Ахъ, милые, бѣдные, счастливые!..

Разъ въ воскресенье утромъ горничная Маша прибѣжала сказать Марьѣ Сергѣевнѣ, что онъ пришелъ и желаетъ ее видѣть „по дѣлу“. Марья Сергѣевна даже испугалась, безпричинно испугалась, какъ бояться только хорошія женщины. Она вышла къ нему въ гостиную и только тутъ въ первый разъ хорошенько рассмотрѣла его. Онъ не произвелъ на нее хорошаго впечатлѣнія: такой худой, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, усталый и одѣтый довольно небрежно. Въ ея воображеніи сложился другой человѣкъ.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами относительно платы за квартиру,—смущенно началъ онъ, перебирая въ рукахъ свою поповскую шляпу.—Видите ли, сейчасъ я... т.-е. мнѣ было бы трудно платить вамъ за квартиру впередъ. Положимъ, сумма сама по себѣ ничтожная, но...

Ей не понравился и тонъ его голоса, а главное, что-то такое раздраженное и вызывающее чувствовалось въ каждомъ словѣ.

— Вы можете платить, какъ найдете удобнымъ для себя,—довольно сухо отвѣтила она, удивляясь самой себѣ.—Во всякомъ случаѣ, мы можемъ подождать...

Даже этотъ отвѣтъ, повидимому, произвелъ на него непріятное впечатлѣніе, потому что онъ пришелъ съ очевиднымъ намѣреніемъ отстаивать свои интересы и совсѣмъ не ожидалъ такой легкой побѣды. Онъ даже взглянулъ на нее какъ-то исподлобья, точно боялся прочесть у „рантьеши“ на лицѣ роковую мысль о благодѣяніи.

— Какъ найдете удобнымъ для себя,—повторила Марья Сергѣевна.

Онъ сухо поклонился и вышелъ, а она была рада, что дверь затворилась за нимъ. Какой странный и непріятный человѣкъ!.. Неужели можно было любить такого человѣка?

У.

Но въ счастливомъ флигелькѣ происходило многое такое, чего Марья Сергѣевна не могла и подозрѣвать.

Была своя „подводная часть“ и у этого молодого счастья.

Да... Это были грустные страницы въ жизни молодой четы, о которыхъ никто не зналъ, и о которыхъ не говорилось даже съ глазу на глазъ.

Часто Надежда Петровна, среди работы или оживленнаго разговора, вдругъ забывала все и задумывалась. Глаза не видѣли, уши не слышали, а только неумолимо работала въ тишинѣ забывъ одинъ умъ. Это молодое, красивое лицо покрывалось точно тѣнью, какая падаетъ на землю отъ бѣгущаго въ вышинѣ облачка. Аркадій Васильевичъ всегда съ особенной жгучей болью въ сердцѣ ловилъ эти минуты тяжелаго раздумья. Въдъ въ душѣ каждаго человѣка есть свой тайничокъ, въ который не пускаются даже самые близкіе люди. Молодой человѣкъ наблюдалъ жену—и весь точно чернѣлъ. Густыя брови сдвигались, глаза дѣлались глубже, губы сжимались въ твердую, злую улыбку. Онъ, наконецъ, вскакивалъ и начиналъ бѣгать по комнатѣ, ероша густые волосы. А она ничего не слышала, отдаваясь подхватывавшему ее теченію.

— Надя...

— А... что?..

— Опять?..

Она испуганно взглядывала на него и смущалась.

— Аркаша, я такъ... я, право, ничего,—говорила она винноватымъ голосомъ, протягивая къ нему руки съ нѣмой мольбой, точно искала въ немъ защиты отъ своихъ тяжелыхъ думъ.—Ты... ты не понимаешь меня.

— Я? О, я слишкомъ хорошо понимаю тебя, и впередъ могу сказать, о чемъ ты думала сейчасъ.

— Аркашечка, голубчикъ, не нужно... Это пройдетъ. Ахъ, какой ты нехорошій! Ты меня не любишь. Ну, признайся?..

— Въ эту минуту,—нѣтъ...

Онъ хватался за голову, а она закрывала лицо и плакала. Въ его душѣ происходила страшная борьба: схватывались на смерть два противоположныхъ чувства—любовь и ненависть. Да, ненависть, вѣрнѣе—презрѣніе, тяжелое и гнетущее презрѣніе, оставлявшее въ душѣ горькій осадокъ. Нужно было нѣсколько дней, чтобы это ужасное чувство улеглось, смѣнившись свѣтлымъ, счастливымъ настроеніемъ. Надежда Петровна ходила всѣ эти дни какъ въ воду опущенная и старалась ухаживать за мужемъ, что еще сильнѣе его раздражало. Потомъ онъ начиналъ чувствовать себя крайне жалкимъ и разбитымъ, и жизнь входила въ свою колею. Ахъ, какой это былъ страшный другой человѣкъ, который приходилъ незванымъ, садился по ночамъ у изголовья и

томилъ душу своимъ молчаливымъ присутствіемъ. Надежда Петровна вздыхала и потихоньку плакала.

— Аркаша, я тебѣ говорила... ты зналъ...

— Да, да... Въ этомъ мое несчастье, Надя. Пожалуйста, не обращай на меня вниманія. Это пройдетъ.

Бывало и хуже. Увлечшись какимъ-нибудь разговоромъ, Надежда Петровна иногда случайно проговаривалась: „Мы какъ-то были въ театрѣ... мы ѣздили на тройкахъ... мы останавливались въ такихъ-то номерахъ“... При одномъ словѣ „мы“ — Аркадій Васильевичъ, какъ бѣшеный, начиналъ говорить жентъ тѣ безсмысленныя дерзости, на какія способны обезумѣвшіе люди. Она сразу вся съеживалась, глаза испуганно округливались, и она смотрѣла на него съ рефлекторной ненавистью. Да, ее охватывало то бѣшенство, съ какимъ защищается раненый звѣрь. Этотъ дѣтскій ротъ начиналъ выговаривать ужасныя слова... Онъ блѣднѣлъ, какъ полотно, и, задыхаясь, бросался къ ней съ сжатыми кулаками.

— Я тебя ненавижу... ненавижу!.. — повторяла она съ отчаянной рѣшимостью. — Я тебя никогда не любила...

— О, змѣя, змѣя...

— Я и не хотѣла тебя любить... Еслибы я хотѣла, еслибы искала, — да развѣ я не нашла бы мужчину въ тысячу разъ лучше! Что ты такое? Ну?.. Я тебя ненавижу...

Онъ подыскивалъ самыя обидныя слова, какія только зналъ, и бросалъ ихъ ей въ лицо, наслаждаясь ея муками. Такія сцены заканчивались всегда однимъ и тѣмъ же: она гордо поднималась и молча начинала собирать свои вещи въ тощій чемоданчикъ. Его бѣшенство сразу падало. Онъ ползалъ за ней на колѣняхъ, цѣловалъ со слезами эти дѣтскія руки и просилъ прощенія самымъ униженнымъ образомъ, какъ просящаяся собачонка.

— Что ты такое! Развѣ ты мнѣ мужъ?.. — давила она его каждымъ словомъ, точно могильной плитой. — Ты даже не можешь себѣ представить, что такое настоящій мужъ... мужъ, котораго я могла бы назвать открыто своимъ...

— Надя... ради Бога!.. Надя, Надя...

— Я мало религіозна и не придаю церковному обряду особеннаго значенія, но это совсѣмъ другое...

— Надя, голубчикъ, остановись... Довольно!.. Надя, Надя...

Любимыя вещи (ихъ было такъ немного) быстро укладывались въ чемоданъ, а Аркадій Васильичъ ловилъ эти похолодѣвшія дѣтскія руки и покрывалъ ихъ своими горячими слезами и безумными поцѣлуями. Сначала она сопротивлялась отчаянно, а потомъ опускалась въ изнеможенія.

Послѣ такой ужасной сцены Ариадіи Васильичъ ухаживалъ за женой съ удесатеренной нѣжностью и страшно мучился за свой невоздержный характеръ. Она не могла долго успокоиться, — это была особенность ея характера. Даже ночь не приносила мира, и она поднималась утромъ, полная того же молчаливаго гнѣва и презрѣнія.

— Я—женщина, я могу говорить все...—объясняла она съ дѣтской логикой. — Да... Отъ женщины, отъ любимой женщины не можетъ быть оскорбленія. Но это еще не даетъ права мужчѣ говорить оскорбительныя вещи... да. И я тебя ненавижу... да. Лучше убить человѣка, но не оскорблять его... ахъ, какъ я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу!.. Еслибы ты только могъ знать, какъ я тебя ненавижу, то ни одной секунды не остался бы здѣсь.

Но онъ оставался и не думалъ уходить, несмотря на весь ужасъ такой ненависти. Онъ молчалъ, онъ выслушивалъ все и чувствовалъ только одно, что не можетъ жить безъ нея, не можетъ дышать... Вѣдь для него весь міръ слился въ ней одной, и онъ не могъ представить отдѣльнаго существованія, какъ мы не можемъ представить тѣни безъ предмета, который ее отбрасываетъ. Свои муки, свое униженіе, свои слезы—все это ничто передъ однимъ ея ласковымъ взглядомъ, передъ одной ея улыбкой. О, только бы улыбнулась... Когда на ея лицѣ появлялась эта желанная улыбка, онъ чувствовалъ то же радостно-торжественное настроеніе, какое, вѣроятно, испытываютъ цвѣты, когда поднимается ликующее утреннее солнце. Вѣдь больше такихъ ужасныхъ сценъ не можетъ повториться, вѣдь это былъ припадокъ двойного безумія, вѣдь впереди одинъ свѣтъ, тепло, радость, счастье.

Послѣ такихъ взрывовъ и бурь наступали самые счастливые дни,—точно невидимая рука хотѣла возстановить нарушенное равновѣсіе. Она дѣлалась такой кроткой, любящей, покорной, ласковой, тѣмъ ребенкомъ, котораго онъ такъ любилъ въ ней. У него дѣлалось хорошее, счастливое лицо, и въ маленькомъ флигелькѣ весело горѣлъ огонекъ семейнаго счастья.

— Аркаша, я часто думаю о томъ, какъ жизнь въ сущности проста,—часто говаривала она въ задумчивости. —И все просто... А мы сами ее портимъ, и своими руками отравляемъ свое короткое счастье. Не правда ли?..

Онъ этого не находилъ и каждый разъ только хмурился. Ребенокъ успокоивался и забывалъ недавнее горе, но это не мѣшало ему мучиться, мучиться одному, безмолвно, ужасно мучиться, какъ молча страдаетъ живая рыба, когда ее распласты-

вають ножемъ. Она не должна была даже подозрѣвать этихъ мукъ, наглухо запертыхъ въ его тайничекъ. Часто, когда она спала своимъ дѣтскимъ сномъ, онъ подолгу любовался ея чудной головкой, серьезнымъ видомъ этого остановившагося лица, этими бѣлыми кудрыми волосами, обрамлявшими бѣлый лобъ, темными рѣсницами, отъ которыхъ падала стрѣльчатая тѣнь на легкій румянецъ, разлитый подъ тонкой кожей... О, она была такая красивая, особенно на этой бѣлой подушкѣ, и онъ чувствовалъ, какъ глубоко любить ее. Но бывали минуты, когда онъ вздрагивалъ и отвертывался именно отъ этого лица... Да. Это было самое ужасное, что онъ только переживалъ, что никому никогда не высказывалъ, и о чемъ боялся даже думать. Да, вотъ эти дѣтскіе глаза искали *другого*, эти дѣтски-пухлыя губы улыбались *другому*, эта головка была полна мыслью о *другомъ*, эти руки обнимали *другого*... Аркадій Васильичъ даже стоналъ, когда въ его мозгу проносились ревнивыя картины. О, она ничего не должна знать, и *это* умереть вмѣстѣ съ нимъ: его любовь освящала все, какъ огонь очищаетъ грязную руду.

Да, это были онъ, муки безумной ревности. Это было то, что отравляетъ жизнь, что доводитъ людей до страшныхъ преступленій, что заставляетъ, наконецъ, лишать себя жизни. Аркадій Васильичъ, закрывая глаза, видѣлъ ужасныя картины... Онъ видѣлъ свою встрѣчу съ *нимъ*, видѣлъ свое искаженное лицо, судорожно сжатые руки и... Въ немъ просыпалась неистовая жажда мести, крови, уничтоженія. Да, этотъ добрый по натурѣ человѣкъ могъ сдѣлать все, и съ радостью пошелъ бы на встрѣчу возмездію. Тогда у него свалилась бы съ души цѣлая гора... „Я убилъ его, потому что любилъ ее. Судите меня... Я ничего не имѣю сказать въ свое оправданіе“. Да, онъ много разъ видѣлъ себя на скамьѣ подсудимыхъ, видѣлъ удивленные лица знакомыхъ, не понимавшихъ, какъ могъ сдѣлать это именно онъ, такой добрый человѣкъ... „Да вѣдь я любилъ ее!..—кричалъ онъ имъ.—Меня давило горе, а теперь мнѣ легко. Я счастливъ, что могу страданіями еще разъ купить эту любовь!“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно люди смотрятъ на преступленія и преступниковъ: это какіе-то ужасные люди, исключительные, порочные, а между тѣмъ въ каждомъ человѣкѣ сидитъ такой преступникъ. Нужна только причина, чтобы онъ проснулся... И какъ это просто!.. (Надя такими же словами говорила о жизни.) Когда въ первый разъ Аркадій Васильичъ почувствовалъ въ себѣ такого именно преступника, онъ даже испугался... Вѣдь это *другіе* дѣлали и дѣлають преступленія, а онъ—такой простой, любящій, честный. Читая въ

газетахъ о разныхъ уголовныхъ процессахъ, Аркадій Васильичъ удивлялся всегда одному: какъ эти господа преступники не подумаютъ объ одномъ, именно, что нужно только отойти отъ ненавистнаго человѣка, и роковая причина устранена самой простой перемѣной мѣста. Но тутъ картина измѣнилась: Аркадій Васильичъ чувствовалъ, что онъ не только не можетъ никуда уйти, да и нѣтъ такого другого мѣста. Въ преступленіяхъ есть своя фатальная арифметика. Жизнь ставитъ иногда въ безсмысленныя положенія, какъ въ данномъ случаѣ поставила его: онъ любилъ жену, и въ то же время ненавидѣлъ ее, отыскивая въ ней съ упорствомъ сзумасшедшаго роковыхъ слѣдовъ, оставленныхъ *другимъ*. Да, они есть, они должны быть, и онъ уничтожить ихъ въ корнѣ, чтобы самому придти въ равновѣсіе и найти душевный покой. Животное въ этомъ случаѣ счастливѣе человѣка, потому что бросается на кроваваго врага безъ разсужденій. О, это такая зоологически-жестокая правда, отъ которой ничто не спасетъ, и въ мужчинѣ она должна проявляться особенно рельефно, поскольку онъ—настоящій мужчина. Въ этомъ коренится и настоящій источникъ жалкихъ семейныхъ сценъ, семейной несправедливости и вообще несчастія его жизни. Странно, что еслибы ему предложили другую жизнь, онъ не взялъ бы ее: онъ сжился съ своими муками, выносилъ ихъ, воспиталъ, какъ мать выкармливаетъ собственной грудью ребенка.

Вотъ это прошлое, которое служило „подводной частью“ настоящаго.

Аркадій Васильичъ Меркуловъ, „сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, состоялъ на третьемъ курсѣ медицинскаго факультета казанскаго университета. Отъ природы это былъ неглупый человѣкъ, отличавшійся выдержкой, какъ большинство бѣдныхъ молодыхъ людей, которымъ не на кого и не на что рассчитывать, кромѣ своей головы и пары рабочихъ рукъ. Онъ отлично зналъ, что будетъ: кончить курсъ, поступить лекаремъ въ родную провинцію и посвятить свою жизнь страждущимъ. О своихъ идеалахъ и стремленіяхъ онъ не любилъ говорить, потому что все это было такъ просто и естественно съ одной стороны, а съ другой—онъ чувствовалъ органическое отвращеніе къ болтунамъ. Слишкомъ ужъ много хорошихъ людей, потому что въ двадцать лѣтъ это рѣшительно ничего не стоитъ, да и хорошихъ словъ сколько угодно. Вотъ другое дѣло—вытянуть цѣлую жизнь честнымъ работникомъ, быть справедливымъ до послѣдней мелочи. Прежде всего, нужно умѣть быть радостнымъ, а остальное придетъ само собой, и жизнь скажетъ, кто

чего стоитъ. Настоящее тяжелое зерно, „князёкъ“, въ силу удѣльнаго вѣса, падетъ въ центрѣ, а мякина разлетится по вѣтру. Въ университетѣ Меркуловъ чувствовалъ себя немного чужимъ, потому что не могъ раздѣлять розовыхъ надеждъ и радужныхъ увлеченій, — онъ зналъ и людей, и нужду, и то, что его ждетъ впереди. Поэтому, вѣроятно, въ теченіе университетской жизни у него не нашлось ни одного „друга“, а были просто товарищи и знакомые. Вообще, онъ велъ замкнутую, суровую жизнь и ничего не хотѣлъ знать, пока самъ не встанетъ на ноги. Когда онъ былъ на третьемъ курсѣ, неожиданно умеръ отецъ, оставивъ семью безъ куска хлѣба. Пришлось самому позаботиться о своемъ существованіи и, прежде всего, обратиться къ урокамъ.

Вотъ здѣсь Меркуловъ и столкнулся съ Надеждой Петровной.

Онъ отлично помнилъ, какъ пришелъ въ первый разъ на урокъ, полученный черезъ десятыя руки. Это было на городской окраинѣ, гдѣ старый помѣщичій домъ являлся исключеніемъ. Прежде всего, Меркулова поразили мертвый безпорядокъ, который царилъ здѣсь во всемъ. Это впечатлѣніе сопровождало его отъ подѣзда до гостиной. Когда-то домъ былъ полной чашей, а теперь на всемъ лежала печать мерзости запустѣнія. Особенно поразила его внутренняя обстановка. Мебель, драпировки, ковры, вообще всѣ мелочи домашнего обихода говорили о прошломъ богатствѣ, а сейчасъ все это являлось въ этихъ стѣнахъ чужимъ, никому ненужнымъ, и это отсутствіе пульса живой жизни рѣзало глазъ. Съ другой стороны, на каждомъ шагѣ выступала чисто помѣщичья безпорядочность, воспитанная на даровомъ трудѣ. Въ этомъ домѣ никто не хотѣлъ работать, и всѣхъ больше этого не хотѣлъ его будущій ученикъ. Вообще, весь домъ и его обитатели представляли собой захудалое дворянское гнѣздо. Во главѣ фамиліи оставался старикъ Койранскій, бывшій конногвардеецъ, спустившій нѣсколько состояній. Онъ послѣ смерти жены остался съ громадной семьей на рукахъ. Дѣти росли безъ призора, а старшая дочь Надежда была его баловнемъ и слабостью.

Меркуловъ попалъ къ Койранскимъ въ самый критическій моментъ, именно, когда Надежда Петровна разошлась съ своимъ мужемъ. Она шестнадцати лѣтъ выскочила замужъ за русскаго нѣмца Шмидта, съ которымъ и прожила лѣтъ пять, а потомъ бросила его. Это было капризное и взбалмошное существо, представлявшее собой невозможно-пеструю смѣсь добра и зла, какъ истинно русскій человѣкъ. Но были основныя черты, которые служили фономъ для всего остального: это была глубоко честная натура прежде всего. Рѣзкій характеръ и оригинальный, сильный

отъ природы умъ дополняли остальное. Отецъ былъ противъ ея брака, а теперь былъ противъ соломеннаго вдовства. Въ первый же день на глазахъ у новаго учителя разыгралась откровенная семейная сцена.

— Надя, я тебя самъ отвезу къ мужу, — говорилъ отецъ, пуская облака табачнаго дыма. — Я его самъ терпѣть не могу, но онъ все-таки мужъ...

— И большой негодяй при этомъ...

— Я бы на его мѣстѣ вытребовалъ тебя по этапу...

— А я застрѣлила бы его, какъ собаку...

Въ доказательство своихъ словъ Надежда Петровна съ улыбкой показала маленькій карманный револьверъ, который носила постоянно въ карманѣ.

— О, я узнаю мою кровь! — съ восторгомъ шепталъ старикъ. — Такъ ему и нужно, нѣмчуръ... Не по себѣ дерево выбралъ. Молодецъ Надька!..

На студента Меркулова эта странная особа произвела для перваго раза невыгодное впечатлѣніе. Бывая на урокъ, онъ даже избѣгалъ ея первое время. Онъ совсѣмъ не зналъ женщинъ, а взыскательныхъ людей не переносилъ. Она тоже не обращала на него никакого вниманія. Сближеніе произошло при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Разъ Меркуловъ является на урокъ и находитъ весь домъ въ страшной суматохѣ: Надеждѣ Петровнѣ было угодно отравиться. Отецъ совсѣмъ потерялъ голову и дѣловалъ руки у студента, умолая спасти дочь. Надежда Петровна приняла слишкомъ большую дозу мышьяку, такъ что отравы была выброшена назадъ судорожной рвотой, что ее и спасло. Меркуловъ имѣлъ здѣсь первую медицинскую практику и ходилъ за больной съ прилежаніемъ новичка.

— Зачѣмъ вы помѣшали мнѣ умереть? — накинута она на него, какъ только пришла въ себя. — Кто васъ просилъ соваться не въ свое дѣло?..

— Позвольте, я обязанъ былъ оказать помощь...

— Обязанъ!.. — передразнила его больная. — Что вы можете понимать въ обязанностяхъ?

Меркуловъ покраснѣлъ отъ оскорбленія, но ничего не отвѣтилъ.

Сближеніе произошло само собой. Надежда Петровна только теперь замѣтила безвѣстнаго студента и нашла его очень некрасивымъ. Черезъ двѣ недѣли этотъ студентъ взялъ ее за руку и серьезно проговорилъ:

— Еслибы вы были свободной женщиной, я предложилъ бы вамъ свою руку, Надежда Петровна; но такъ какъ...

Онъ говорилъ такъ рѣшительно, что она даже опустила глаза. Онъ еще что-то говорилъ ей, безсвязное и горячее, что понимаютъ однѣ женщины, и она отвѣтила:

— Дайте мнѣ подумать до завтра...

— Завтра не будетъ!.. — рѣшительно заявилъ онъ, поднимаясь.

Эта роковая фраза рѣшила ее судьбу.

VI.

Перваго поцѣлуя не было. Но онъ такъ любилъ ее, что она не могла устоять подъ напоромъ этой страсти.

— О, ты меня будешь любить! — повторялъ онъ. — Это будетъ чудо, но оно будетъ.

Такая любовь всесильна, и только такая любовь творить чудеса. Она отдалась ему пассивно, безъ увлеченія, покоряясь болѣе сильной волѣ и бурному приливу первой любви. Это обстоятельство въ послѣдствіи часто удивляло ее, когда она провѣряла свои чувства. Да, она полюбила его, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше любила.

— Я бросаю университетъ и поступаю простымъ фельдшеромъ, — сказалъ онъ ей черезъ два мѣсяца. — Да, ты будешь женой простого фельдшера, который будетъ лечить простыхъ людей самыми простыми средствами. Доктора существуютъ только для богатыхъ людей, а мы будемъ жить для бѣдняковъ. Я составлю свою домашнюю аптеку изъ самыхъ дешевыхъ домашнихъ средствъ, и бѣднота будетъ благословлять насъ. Фельдшеръ нуженъ, чѣмъ докторъ...

— Милый мой фершалъ!..

— И еще какой милый...

— Мнѣ ничего не нужно, Аркаша. Буду ходить въ простыхъ сарафанахъ... Уѣдемъ въ деревню, купимъ простую избу.

Первымъ врагомъ новаго счастья явился старикъ Койранскій, который прямо проклялъ дочь и отказался отъ нея. Ну, вышла замужъ за нѣмчуру Шмидта — чортъ съ нимъ, а сойтись съ студентомъ-санкилотомъ — нѣтъ, это ужъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ!

„Молодые“ должны были спастись бѣгствомъ, потому что старикъ разыскалъ ненавистнаго нѣмчуру Шмидта и хотѣлъ воспользоваться его правами мужа. Началась скитальческая жизнь,

полная всякихъ неудобствъ, непріятностей и огорченій. Одно добываніе видовъ на жительство чего стоило. Но Надежда Петровна все выносила покорно и стойко, а жаловаться она не умѣла. Вообще, у нея былъ совершенно особенный характеръ. Въ случаяхъ непріятностей возьметъ и замолчитъ, — и только. У нея не было подругъ, потому что всѣхъ женщинъ она презирала за ихъ чисто женскія слабости.

Жизнь идеальнаго фельдшера была полна совсѣмъ не идеальныхъ лишеній, передрагъ и непріятностей. Въ теченіе двухъ лѣтъ Меркулову пришлось перемѣнить пять мѣстъ, пока судьба не загнала его въ губернскій городъ Пропадинскъ, въ которомъ онъ не предполагалъ заживаться. Скитаньямъ былъ положенъ конецъ тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что Надежда Петровна почувствовала себя беременной. Она страшно взволновалась при первой мысли о возможности подобной комбинаціи. Этого еще не доставало!.. Благодаря покорно. Что же ожидаетъ несчастнаго ребенка?.. Нѣтъ, это невозможно, это дико, это, наконецъ, просто несправедливо. Потомъ она заплакала. А онъ былъ радъ и счастливъ и боялся выдать свое радостное настроеніе: это была какая-то обидная радость.

— Я тебя возненавижу, несчастный!.. — кричала Надежда Петровна, ломая въ отчаяніи руки. — Что же это будетъ?.. Нѣтъ, я этого не заслужила...

„Несчастный“ сосредоточенно молчалъ, чувствуя, какъ у него забилося сердце отъ неиспытанныхъ ощущеній. Съ другой стороны, ему сдѣлалось ужасно жаль жены, на которую должна была упасть вся тяжесть готовившейся семейной радости. Ребенокъ принесетъ съ собой то счастье, котораго не доставало: онъ примиритъ, успокоитъ, дастъ смыслъ всей жизни. Да, это было краденое счастье, но именно потому-то оно и было такъ дорого... Ахъ, какъ это было бы хорошо, и какъ Надя была бы счастлива!.. Именно одинъ ребенокъ могъ снять съ ихъ жизни послѣдній слѣдъ прошлаго. Это было обновленіе...

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизнь молодой четы совершенно измѣнилась. Совершившійся таинственный органическій процессъ вносилъ съ собой что-то до того новое, огромное и подавляющее, что все остальное само собою отступало на задній планъ. Съ затаенной радостью Аркадій Васильичъ видѣлъ, какъ на его глазахъ жена дѣлалась совершенно другимъ человекомъ. Да, совершенно другимъ, лучшимъ, чистымъ и безконечно дорогимъ. Первое чувство страха смѣнилось такой милой покорностью своей судьбѣ, такимъ торжественно-дѣтскимъ настроеніемъ. А впе-

реди грядущее материнство... тихое семейное счастье... Неизвѣстное маленькое существо должно было принести съ собой цѣлый новый міръ, и молодые родители готовились къ его встрѣчѣ. Это была новая цѣль жизни, новое счастье, передъ которымъ блѣднѣло все остальное.

— Это будетъ дѣвочка, и мы назовемъ ее Надеждой, — говорилъ Аркадій Васильичъ. — Я не люблю мальчишекъ...

— Да, конечно, дѣвочка, — соглашалась она. — Я это чувствую... Нѣтъ, я рѣшительно не могу себя представить, какъ все это будетъ. Когда она вырастетъ большой, мы будемъ такіе старенькіе, сѣденькіе, смѣшные...

Они часто говорили между собой на эту тему, дѣлая предположенія относительно грядущаго будущаго. Вѣдь наступала совсѣмъ новая жизнь... Иногда она задумывалась, и онъ по ея лицу зналъ, о чемъ она думаетъ. Да, она чаще и чаще вспоминала о своей матери, отъ которой осталась дѣвочкой-подросткомъ, и объ отцѣ. Еслибы мать была жива — о, она давно прилетѣла бы къ ней, научила, какъ и что дѣлать, ободрила, утѣшила, порадовалась бы вмѣстѣ. Каждый разъ при воспоминаніи о матери у Надежды Петровны выступали на глазахъ слезы. О, только она, мама, все поняла бы, все простила и всему научила. Онъ чувствовалъ эти мысли и хмурился. У него была жива мать, но отъ этого ему не было легче: она никогда не проститъ ему, что онъ для „этой женщины“ погубилъ все свое будущее, бросивъ университетъ. Вѣдь его наука стоила семьѣ такъ дорого, — и вдругъ бросить все... Конечно, мать любила его и во всемъ обвиняла е., Надю. Милая, несправедливая мама, какъ она ошибалась, и какъ, вообще, ошибаются всѣ слишкомъ любящіе люди. Да, эти милые близкіе люди умѣютъ быть несправедливыми... Мать Аркадія Васильича являлась большимъ мѣстомъ для Надежды Петровны, какъ нѣмой упрекъ: вѣдь она, Надежда Петровна, отняла сына, она заставила его бросить университетъ, она лишила его всякаго будущаго... А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она была невиновата во всемъ этомъ, рѣшительно невиновата. Развѣ она хотѣла чего-нибудь, добивалась?.. Нѣтъ, онъ принудилъ ее насильно полюбить его — онъ, онъ самъ... Изъ деликатности людей, слишкомъ сжившихся вмѣстѣ, они никогда не говорили о своихъ семьяхъ. Только разъ у Надежды Петровны вышло:

— У другихъ есть матери, старшія сестры, а я одна, одна...

Когда на нее нападало малодушіе, онъ рассказывалъ о несчастныхъ дѣвушкахъ, которыя родятъ дѣтей на чердакахъ, о

крестьянкахъ, которыя приносятъ новорожденныхъ въ подолѣ прямо съ поля, о тѣхъ ненужныхъ страданіяхъ и несчастіяхъ, которыя для нихъ связаны съ появленіемъ новаго существа. О, въ мірѣ такъ много несправедливости и еще больше такихъ никому ненужныхъ страданій! Сама природа несправедлива, возложивъ всю тяжесть рожденія на одинъ полъ, а другому предоставивъ только радости. Да, это несправедливо, и мужчина долженъ заглаживать эту несправедливость всей своей жизнью.

Да, мать — святое слово... И когда Аркадій Васильичъ про себя раздумывался на эту тему, въ его душѣ опять поднимались черныя мысли. Это была совершенно новая комбинація и самая ужасная комбинація. Вѣдь когда онъ полюбилъ Надежду Петровну, даже тѣни мысли о дѣтяхъ не было, а говорило только одно свое эгоистическое чувство. Если его такъ мучили ревнивыя мысли, когда онъ смотрѣлъ на жену, только какъ на жену, а что будетъ, когда она сдѣлается матерью его ребенка?.. Вотъ когда начнется настоящая казнь за увлеченія молодости... И ничего этого не было бы, еслибы онъ женился на дѣвушкѣ, самой простой дѣвушкѣ, за которой не стояло бы никакого прошлаго. Да, это звѣрскія, нечистыя мысли, но онѣ есть, онѣ адѣсь, онѣ всегда будутъ съ нимъ... Разъ, когда Аркадій Васильичъ раздумался въ этомъ направленіи, на улицѣ взвыла шарманка и точно въ отвѣтъ ему надтреснутый женскій голосъ пропѣлъ:

...Не женись на вдовушкѣ:
Старый мужъ придетъ!..

Онъ даже поблѣднѣлъ весь и задрожалъ, — точно тамъ, на улицѣ, подслушали его самыя тайныя мысли. Аркадій Васильичъ старался взглянуть на свое положеніе со стороны, какъ безстрастный посторонній зритель, ставилъ на свое мѣсто другого человѣка, но и со стороны получалась та же безжалостная зоологическая правда. Вѣдь еслибы онъ могъ знать навѣрное, что у него будутъ дѣти, еслибы онъ серьезно подумалъ объ этомъ, то едва ли рѣшился бы дать этимъ дѣтямъ матерью жену другого... Фактъ остается фактомъ, что вы тамъ ни говорите. Все это было и грубо, и гадко, и несправедливо, но онъ не могъ отдѣлаться отъ этихъ мыслей. Съ другой стороны, онъ могъ только удивляться, что Надя совсѣмъ не думала въ этомъ направленіи, всецѣло растворяясь въ своемъ настоящемъ. Раньше онъ ловилъ ее на мысляхъ о первомъ мужѣ, а теперь не было и тѣни такихъ мыслей. Для нея не существовало именно того, что должно было бы ее особенно мучить, и онъ не понималъ ея. Грядущее

материнство покрывало все, а онъ мучился своею зоологическою правдой одинъ.

Получался тяжелый разладъ, котораго она не хотѣла понимать. Конечно, онъ не подавалъ никакого вида и отдавался своимъ мукамъ одинъ, что было еще тяжелѣе. Съ другой стороны, онъ видѣлъ совершавшуюся въ ней громадную перемѣну. Капризной, избалованной и взбалмошной женщины точно никогда и не бывало, а на ея мѣстѣ выросла такая любящая, кроткая и спокойная. Да, въ ней уже чувствовалась эта увѣренность, съ которою человѣкъ можетъ вынести всякія страданія и пойдеть въ огонь. Материнство свѣтилось блуждающимъ огонькомъ во взглядѣ; оно же проявлялось самымъ трогательнымъ образомъ въ тысячѣ тѣхъ мелочей, которыя получили смыслъ только теперь. Аркадій Васильичъ понималъ многое такое, что раньше оставалось закрытымъ. Какъ дѣтски-трогательно вила она свое гнѣздо... Въ сущности, у нихъ ничего не было, но она сумѣла изъ ничего сдѣлать все, какъ ласточка лѣпитъ свое гнѣздо изъ соломинокъ, перьевъ и грязи. Двадцать разъ она переставляла всю мебель, выгадывая каждый вершокъ и рассчитывая всѣ удобства. На окнахъ появились занавѣски, въ спальнѣ пледъ замѣнилъ собою коверъ, его письменный столъ приводился въ образцовый порядокъ и т. д. Все было предусмотрено, взвѣшено и обсужено.

— Когда я буду больна, Аркаша, вотъ этотъ столикъ будетъ у меня въ комнатѣ,—говорила она.—Можетъ быть, понадобятся лекарства...

Откуда-то появился старинный образокъ-складень, который повѣшенъ былъ надъ кроватью.

— Аркаша, это материнское благословеніе... — объясняла она. — Этимъ образомъ я тебя благословляю, если умру. Такъ и помни... Мы ничего не знаемъ, что будетъ тамъ, но я это чувствую. Мнѣ часто хочется молиться, не потому, что я боюсь смерти, а потому, что душа полна... Если я умру, такъ съ жадной жизни, съ страстнымъ желаніемъ счастья. Милый мой, хороший, еслибы ты только зналъ, какъ я люблю тебя!

Да, она его любила... Тихо и хорошо любила. Онъ чувствовать это въ ея пристальномъ взглядѣ, въ томъ смущеніи, когда онъ ловилъ такой взглядъ. Въ немъ она видѣла теперь другого человѣка, именно, отца своего ребенка, и ея душу наполняло такое спокойно-благоговѣйное чувство. Это былъ другой человѣкъ и такой органически близкій, что трудно было сказать, хорошъ онъ или нехорошъ, красивъ или некрасивъ. Часто случалось, что онъ говорилъ то самое, что она думала, и наоборотъ.

— Что же это такое, Арзаша? — въ изумленіи спрашивала она. — Вѣдь это, наконецъ, страшно!.. Я не желаю, чтобы ты слышала каждую мою мысль.

Какіе хорошіе были два послѣднихъ мѣсяца, именно тѣ, когда она должна была бы особенно страдать! Положеніе усложнялось еще тѣмъ, что мѣстный акушеръ, конечно, маленькая провинціальная знаменитость, ошибся относительно наступленія срока родовъ именно на эти два мѣсяца. Томительное ожиданіе выкупалось такимъ хорошимъ настроеніемъ. Сдѣнь больше не было, потому что все вниманіе, всѣ мысли и чувства витали въ будущемъ. Сколько хорошихъ плановъ было выстроено за это время, сколько сдѣлано приготовленій... Она сшила первую дѣтскую рубашку-распашонку, которую долго прятала отъ него, потомъ явилось фланелевое одѣяло съ мѣткой Л, потомъ тотъ маленькій гардеробъ, который матери готовить съ такой милой, стыдливой радостью. Потомъ она спрятала свою головку у него на груди и прошептала:

— Любовь ей имя... Мы ее назовемъ: Любовь.

— Да, Любовь...—отвѣтилъ онъ.—Милая, милая ..

Въ числѣ плановъ на первомъ мѣстѣ стояла деревня. О, они непремѣнно будутъ жить въ деревнѣ, въ своей избѣ, будутъ имѣть свою землю, свою корову, свою лошадь... Не правда ли, какъ это будетъ хорошо? Уйти отъ всѣхъ и наслаждаться трудовымъ, здоровымъ счастьемъ въ своемъ уголѣ. Жизнь была такъ проста и ясна. И нигдѣ фельдшеръ такъ не нуженъ, какъ именно въ деревнѣ. Онъ тамъ будетъ все... Аркадій Васильичъ занялся теперь изученіемъ тѣхъ простыхъ народныхъ средствъ, которыми народъ лечитъ домашними способами, и дѣлалъ открытіе за открытіемъ. Напримѣръ, дорогая хина замѣняется сокомъ рѣдьки или хрѣна. Ему уже приводилось примѣнять эти средства, когда нужно было лечить бѣдноту и городскую голь. Какія тамъ лекарства, когда нѣтъ хлѣба и дровъ!..

— Милый, милый... — шептала она, припадая къ нему. — Сколько на свѣтѣ горя и нужды, и какіе мы богачи, сравнительно!

— Въ городѣ пятьдесятъ рублей моего жалованья—приличная нищета, Нада, а въ деревнѣ это цѣлое богатство. Вотъ увидишь... Даже совѣстно будетъ получать такіа страшныя деньги.

— Помнишь, мы читали въ газетахъ, съ какимъ сожалѣніемъ пишутъ о двухъ молодыхъ врачахъ, которые поступали куда-то фельдшерами?.. Навѣрно и сами эти господа врачи разыгрывали изъ себя жертвъ общественной несправедливости...

— У насъ все такъ: съ одной стороны хорошія слова, а съ

другой—хорошее жалованье. Впрочемъ, мы торопимся осуждать другихъ, Надя... Можетъ быть, и сами съѣдимъ изъ деревни черезъ полгода.

— Ну, ужъ этого не будетъ, Аркаша. Вотъ увидишь, какой славной деревенской бабёнкой я буду...

Незамѣтно для самихъ себя у нихъ выработалось какое-то органическое отвращеніе къ городу, къ условнымъ формамъ этого городского существованія и ко всему, на чемъ лежала печать города. Ахъ, скорѣе бы уѣхать туда, гдѣ желтѣютъ нивы, гдѣ зеленѣетъ лѣсъ, гдѣ идетъ настоящая жизнь, а не созданная искусственнымъ способомъ. Да, скорѣе туда, въ деревню... Эта деревня являлась любимой темой безконечныхъ разговоровъ, предположеній и плановъ. Она являлась рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ.

Въ жизни каждого человѣка бываютъ свѣтлыя полосы, и такую именно свѣтлую полосу переживала теперь молодая чета. Какъ свѣтло было будущее, какъ оно просто и ясно! На время скрылись даже тѣ больныя мысли, которыя продумываются съ глазу на глазъ только съ собственной совѣстью. Вѣдь прошлое отпадало, какъ скорлупа зерна, изъ котораго показался молоденькій ростокъ... Процессъ тяжелый и мучительный, но онъ выкупается именно тѣмъ будущимъ, которое несетъ въ себѣ вотъ этотъ самый ростокъ.

— Я часто думаю о себѣ,—говорила Надежда Петровна задумчиво.— И мнѣ кажется, что я—не я, а что-то общее. Тѣ же ощущенія, тѣ же чувства и мысли испытывала и праматерь Ева, и женщины всего свѣта испытываютъ сейчасъ. Не даромъ Гейне сказалъ, что съ каждымъ человѣкомъ родится вселенная, и я чувствую ее, эту вселенную. Ты не можешь себѣ представить блаженнаго настроенія, которое наступаетъ иногда... И такъ хорошо думается. Въ материнствѣ—вся женщина. Прежде, когда я видѣла беременныхъ женщинъ, то испытывала и страхъ за нихъ, и какое-то особенно брезгливое чувство. Вѣдь это такъ некрасиво съ эстетической точки зрѣнія!.. А теперь я не чувствую собственного безобразія, и мнѣ хочется крикнуть: я счастлива, потому что я—жизнь!

— А у меня другой порядокъ чувствъ: я только теперь понялъ, почему мужчина долженъ нести и тяжесть работы, и умирать, защищая родину. Что значитъ рискъ солдата передъ рискомъ беременной женщины?.. Хорошо умереть, когда знаешь, что это нужно.

Раздумавшись какъ-то на эту тему ночью, Аркадій Васильичъ

почувствовалъ, какъ ему вдругъ сдѣлалось легко, совсѣмъ легко, точно свалилась какая-то шелуха. Если онъ раньше испытывалъ кровную ненависть къ *другому*, то теперь просто не замѣтилъ бы его и точно такъ же незамѣтно устранилъ бы его, какъ швыряютъ попавшій подъ ногу камень.

Впрочемъ, его нервы были настолько приподняты, что свѣтлая полоса смѣнялась иногда самымъ мрачнымъ настроеніемъ. Такъ онъ разъ не могъ заснуть цѣлую ночь, раздумавшись о видѣ на жительство. Надежда Петровна отъ мужа такого вида не имѣла и жила по отсрочкамъ, выдаваемымъ изъ полиціи. Срокъ послѣдней такой отсрочки уже истекалъ, а Аркадій Васильичъ не хотѣлъ, чтобы она въ такомъ видѣ отправилась въ участокъ. Это всегда ее волновало, а теперь взволновало бы въ особенности. Онъ лежалъ и мучался за всѣхъ женщинъ, которыя теперь живутъ по такимъ отсрочкамъ. А сколько ихъ, такихъ женщинъ!.. Утромъ Аркадій Васильичъ всталъ съ тяжелой головой и откровенно разказалъ все женѣ.

— Ахъ, какіе пустяки!..—весело отвѣтила она.—Ты, просто, преувеличиваешь. Не первый годъ живу по отсрочкамъ, да и не я одна.

И онъ облегченно вздохнулъ, глядя на это дѣтское лицо. Конечно, пустяки, когда нужно думать о главномъ, чтѣ придетъ не сегодня-завтра. Онъ сразу успокоился и повеселѣлъ. Вообще, ему часто приходилось совѣтоваться съ женой, и это даже вошло въ привычку. У нея было какое-то чутье въ отношеніи къ людямъ, которыхъ она даже не видѣла ни разу. Во многихъ случаяхъ она оказалась гораздо дальновиднѣе мужа, и онъ, рѣшаясь на что-нибудь, мысленно совѣтовался съ ней: а чтѣ сказала бы Надя?

VII.

Роковой моментъ наступилъ совершенно неожиданно, какъ все роковое. Вѣдь столько времени они ждали наступленія его, и все-таки оба испугались. Это случилось какъ разъ во время обѣда. Надя поблѣднѣла и уронила ножъ. Лицо сразу потеряло всѣ краски, глаза округлились, поблѣвшія губы сжались.

— Аркаша, милый... начинается.

Онъ это видѣлъ, чувствовалъ и понималъ безъ словъ. Да, начиналось то, чтѣ заставляеть блѣднѣть и теряться самыхъ мужественныхъ людей. Страстная жалость охватила его, та безсильная жалость, которая хватается слабѣющими руками за соломинку.

Онъ наклонился къ ней, поцѣловалъ этотъ похолодѣвшій лобъ и помогъ ей подняться. Она, опираясь на его руку, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Аркаша, мнѣ страшно...

— Милочка... родная...

Но первая схватка прошла, и Надя сразу повеселѣла. Она кончила свой обѣдъ съ веселымъ лицомъ и проговорила, вытирая ротъ салфеткой:

— Вотъ и пообедала въ послѣдній разъ...

Боже мой, сколько жестокой правды было въ этой случайной фразѣ, и сколько тысячъ разъ потомъ Аркадій Васильичъ повторялъ ее про себя! А тутъ онъ даже разсердился, глупо и несправедливо разсердился: для чего говорить такія нелѣпости — „въ послѣдній разъ“?.. Онъ что-то ворчалъ, а она только смотрѣла на него такими испуганными, покорными глазами, полная физическихъ страданій! И это были послѣднія минуты короткаго счастья, вѣтъ—послѣднія мгновенія. Впослѣдствіи онъ тысячу тысячъ разъ раскался въ этой ничтожной сценѣ, плакалъ и зубами рвалъ подушку. Послѣднія мгновенья... Какъ 'глупо и какъ жестоко несправедливо складывается наша жизнь, состоящая изъ такихъ мелочей и пустяковъ! Его убили вотъ эта ея покорность и дѣтскій взглядъ.

Далѣе событія полетѣли съ быстротой вѣтра. Раньше онъ часто думалъ: вѣдь нужно пережить только нѣсколько тяжелыхъ дней, можетъ быть нѣсколько часовъ, и все устроится. У каждаго есть такіе дни, и нужно умѣть съ твердостью ихъ переносить. Вотъ они наступили, эти нѣсколько дней... Вотъ и Надя лежитъ въ постели съ лихорадочнымъ взглядомъ, съ запекшимися губами, съ застывшимъ лицомъ, по которому молніей пробѣгаетъ болевая судорога. Неужели это она, его Надя, его голубка, его счастье?.. Потому она поднималась и переходила на диванъ, а отсюда—обратно на кровать. Щемлящая тоска вдругъ охватила Аркадія Васильича, и онъ почувствовалъ, какъ его оставляетъ самообладаніе.

— Надя, я схожу за акушеркой...

— Нѣтъ, не нужно... Вѣдь ты знаешь, какъ все должно быть, Аркаша...

— Да... да... Я нѣсколько разъ принималъ дѣтей... Прежде всего: терпѣніе.

Какія глупыя слова иногда говорятъ языкъ: терпѣніе!.. Вѣдь это не болѣе, какъ глупое слово, а онъ его повторялъ столько разъ. Терпѣніе, когда человѣкъ, живой человѣкъ превращается въ одно больное мѣсто, когда сознаніе гаснетъ, когда душу ле-

денить смертельный страх... Да, онъ все это чувствовалъ, когда его шек обвивала холодная маленькая ручка, такая безпомощная и страдающая. Что же это такое?... Ничего не нужно, только не было бы этихъ страшныхъ мукъ... Да, ничего. Аркадій Васильичъ съ какой-то ненавистью подумалъ о страстно ожидаемомъ ребенкѣ — ничего не нужно, только прекратились бы эти страданія. У него кружилась голова, наворачивались слезы, горло точно сдавливалось какой-то рукой.

Главное неудобство, какое выступило съ особенной рельефностью, заключалось въ томъ, что „не было женщины“, а она сейчасъ особенно была необходима. Знакомствъ никакихъ молодая чета не успѣла сдѣлать, да и Надя была такъ скупа на знакомства, особенно съ женщинами. Съ трудомъ перевода духъ, она повторяла нѣсколько разъ:

— Аркаша, у другихъ есть матери... старшія сестры, а у меня никого... ахъ, какъ это тяжело, Аркаша!

— Горинка, не нужно падать духомъ!..

— Знаю, знаю... Аркаша, поставь вотъ сюда образокъ. Это благословеніе моей матери... Я буду молиться общей нашей Матери.

Религіозные моменты проявлялись и раньше, но въ полусознательной формѣ, а теперь запекшіяся губы повторяли по старой памяти молитвы, усвоенныя еще въ дѣтствѣ. Изъ полузакрытыхъ глазъ выдавилась слезинка и украдкой пробѣжала по мертвенно-блѣдной щекѣ... Аркадій Васильичъ чувствовалъ, какъ въ ея больномъ мозгу проходитъ черной тѣнью отцовское проклятіе,—положнмъ, сумасшедшій старикъ находился, въ моментъ проклятія, въ состояніи невмѣняемости, но именно теперь оно отзывалось неуножной тажестью, вызывая эти горькія молчаливыя слезы.

Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ, именно ночью, явилась неожиданная помощь въ лицѣ кухарки Агаѣи. Аркадій Васильичъ удивился, когда увидѣлъ ее въ кухнѣ.

— Чтѣ вамъ нужно?— сухо спросилъ онъ, оглядывая ее съ ногъ до головы.

— А вотъ это самое...—грубо отвѣтила Агаѣи.—Можетъ, въ аптеку пужно, либо што, такъ я, значить, живой рукой... Барыня прислала, потому какъ она у окна торчитъ съ самаго обѣда... Извѣстно: барыня. Поди, гритъ, къ жильцамъ, можетъ што нужно.

— Ничего не нужно, и вы можете идти домой.

Въ сущности, Аркадій Васильичъ ничего не понялъ: какая барыня стоитъ у окна? Зачѣмъ она стоитъ? для чего явилась эта баба, наконецъ?.. Онъ еще больше удивился, когда въ слѣдующій

моментъ увидѣлъ Агаёю у постели больной. Эта баба оправляла бѣлье, совалась по комнатѣ и вообще проявляла желаніе быть полезной. Надя открыла глаза и сморщилась. Ей было непріятно видѣть чужое лицо, а затѣмъ существуетъ народное повѣрье, что при постороннемъ глазѣ роды труднѣе. Аркадій Васильичъ отвелъ Агаёю въ слѣдующую комнату и посовѣтовалъ ей уходить самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Да ты въ умѣ ли, баринъ? — удивилась въ свою очередь Агаёя. — Таковское ли это дѣло, чтобы мужчина одинъ управился... Фершалъ-то ты фершалъ, а лучше бы баушку пригласить. Она бы поправила, а то въ баню сводила бы. Да съ кѣмъ я говорю-то о такихъ дѣлахъ?.. Разѣ ты можешь што понимать по нашей женской части!

Аркадій Васильичъ молча взялъ Агаёю за руку и довольно невѣжливо выпроводилъ ее и дверь затворилъ за ней на крючокъ. Агаёя защищалась отчаянно и нѣсколько разъ успѣла толкнуть сердитаго барина локтемъ. Очутившись на крыльцѣ, она погрозила всему флигелю кулакомъ. Потомъ Агаёя отправилась съ докладомъ къ барынѣ, занимавшей свой наблюдательный постъ.

— Ну, чтѣ, Агаёя?..

— Въ шею выгналъ, вотъ што. Оглашенный какой-то!.. А она, голубушка, лежитъ бѣлая-бѣлая, краше въ гробъ кладутъ... И красивая такая: патреть. Долго ей не разродиться, потому какъ идолъ-то этотъ мѣшаетъ. Баушку бы позвать.

Марья Сергѣевна отъ души пожалѣла, что послала во флигель Агаёю, которая навѣрно что-нибудь напутала. Нужно было идти самой. Отпустивъ Агаёю, Марья Сергѣевна осталась у своего окна и съ пристальнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣмъ, чтѣ происходило во флигелѣ. Сверху ей была видна освѣщенная лампой гостиная и часть спальни, гдѣ лежала больная. Она съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за длинной колебавшейся тѣнью, которая время отъ времени появлялась въ гостиной и сейчасъ же исчезала въ спальнѣ. Это былъ онъ... Господи, сколько муки долженъ былъ переживать теперь этотъ фельдшеръ!.. Въ такую минуту и совершенно одинъ... Почему она не пошла давеча къ нимъ сама, а подослала эту дуру Агаёю? Ее удержало какое-то ложное чувство стыда: съ какой стати она будетъ навязывать свои непрошенныя услуги чужимъ людямъ?.. Но вѣдь это фальшивое, глупое и несправедливое чувство, когда на сценѣ, можетъ быть, стоитъ вся жизнь. Да, жизнь страстно любимого, дорогого человѣка... Идти сейчасъ? Но онъ выгналъ Агаёю и можетъ выгнать ее: въ такія минуты не церемонятся. Марья Сергѣевна

даже отыскала свою шаль, накинула ее на голову и дошла до передней, но съ полдороги вернулась опять въ своему окну... У нея не хватало силы, увѣренности въ себя.

Николая Яковлевича, по обыкновенію, не было дома. Онъ возвращался только въ четыре или пять часовъ утра, возвращался такой усталый, гадкій, иногда сильно навеселѣ.

„Боже мой, хотъ бы онъ скорѣе вернулся! — думала Марья Сергѣевна, глядя на часы, показывавшіе половину второго. — А время такъ медленно ползетъ, точно застыло. Что-то тамъ дѣлается?.. Ахъ, какая я дрянная, бесполезная женщина!.. Не даромъ мужъ меня не любитъ... Вотъ *ту* любить, бѣдняжку, и она счастлива даже своими муками“.

Она не помнила, сколько времени прошло, не помнила, когда явился подгулявшій Николай Яковлевичъ, очень удивившійся, что жена не въ постели, а стоитъ совсѣмъ одѣтая у окна.

— Это... гмъ... что это означаетъ?—придрался онъ, слегка пошатываясь.

— Тите...—шопотомъ остановила она его.—Тамъ, во флигелѣ... у насъ... ахъ, какъ она мучается!.. Теперь ужъ больше полусутокъ прошло...

— Кто мучается?

— Боже мой, какой ты гадкій!.. Она, жена этого фельдшера, рождаетъ... Они бѣдные, у нихъ никого нѣтъ, а онъ такъ ее любитъ!

— Любить...—повторилъ онъ, какъ эхо, и обрушился на ближайшій стулъ, точно придавленный этимъ словомъ.

Онъ былъ пораженъ тономъ, какимъ говорила съ нимъ сегодня жена, выраженіемъ ея лица, той энергіей, которой пахнуло на него отъ нея,—это была другая женщина, совсѣмъ другая, какой онъ не зналъ до сихъ поръ и о существованіи которой даже не подозрѣвалъ. Фельдшеръ любитъ жену, жена фельдшера рождаетъ, жена его, Николая Яковлевича, торчитъ у окна до пяти часовъ утра и говоритъ съ нимъ шопотомъ, а самъ онъ, Николай Яковлевичъ, сидитъ на стулѣ и рѣшительно ничего не можетъ понять. Въ головѣ бродятъ какіе-то обрывки мыслей, какія-то слова, точно спутанные витки пряжи. Потомъ ему вдругъ сдѣлалось смѣшно: фельдшеръ?.. любить?.. Развѣ фельдшера могутъ любить? Они должны дѣлать компрессы, пластыри, ухаживать за больными, а не любить... Нѣтъ, это о-ри-ги-наль-но!.. Затѣмъ, онъ чувствовалъ, какъ жена съ какой-то тоской посмотрѣла на него, какъ смотреть на хорошую, но никому и ни на что негодную вещь, и какъ она прошла мимо него, сдѣлавъ безглагольное движеніе плечомъ.

— Фельдшеръ... любить... х-ха!..—бормоталъ Николай Яковлевичъ, поднимаясь.

Но его остановила чья-то твердая рука. Она его усадила на стулъ, какъ ребенка, а затѣмъ къ самому его лицу придвинулось другое, возбужденное лицо, и энергичный шепотъ проговорилъ:

— Несчастный, ты сейчасъ же пойдешь въ церковь... знаешь, на углу Проломной улицы стоитъ такая маленькая старая церковь Всѣхъ Скорбящихъ? Разбуди священника и попроси его отворить царскія врата... Понимаешь?..

— Позволь...

— Довольно! Слушай... *Это дѣлается въ случаѣ трудныхъ родовъ, и простой народъ этому вѣрить. Понимаешь? Если священникъ не согласится, проси его... умолай... слышишь?.. Сейчасъ же... Каждая минута дорога. Затѣмъ ты купишь свѣчу и поставишь передъ образомъ Скорбящей... понимаешь?.. Чтобы сію минуту!..*

Видъ пьянаго мужа преобразилъ Марью Сергѣевну, поднявъ въ ней всю энергію. О, она теперь знала, что дѣлать... И это бессмысленное животное будетъ дѣлать все, что она скажетъ. Николай Яковлевичъ повиновался, не проронивъ ни одного звука. Что же, онъ провелъ вечеръ въ клубѣ, потомъ былъ тамъ, а теперь... Фельдшеръ... любить... Кстати, извозчики стоятъ сейчасъ на углу.—А въ аптеку не нужно?..—Выходя изъ комнаты, онъ оглянулся и все понялъ. Изъ дому вышелъ онъ твердой походкой, на углу взялъ извозчика и велѣлъ ѣхать въ Проломную. Дорога шла какъ разъ мимо клуба, и Николай Яковлевичъ только pokrutyлъ головой. Да, бываютъ случаи...

Марья Сергѣевна, выпроводивъ мужа, постояла нѣсколько времени у окна, а потомъ быстро вышла изъ комнаты, быстро сбѣжала по лѣстницѣ и быстро постучала у дверей флигеля. Ее поразила царившая тамъ мертвая тишина. Она слышала, какъ бьется ея собственное сердце, какъ она дышетъ. Пришлось повторить стукъ. Показался онъ... Въ первую минуту она его не узнала. Это былъ состарившійся, сгорбленный человѣкъ. Прежде всего ее поразило, что онъ совсѣмъ не походилъ на того, который приходилъ тогда къ ней. Да, это былъ совсѣмъ другой и такой близкій, безконечно близкій, родной. Она молча взяла его за холодную большую руку, молча поцѣловала и молча прошла черезъ маленькую переднюю. За ней слышались какіе-то мертвые шаги, точно стучалъ маятникъ большихъ старыхъ часовъ. Вотъ она въ гостиной, гдѣ зеленый свѣтъ лампы мучительно боролся съ бѣлесоватымъ разсвѣтомъ. Она машинально оглянула бѣдную обстановку...

новку, гдѣ каждая мелочь говорила о короткомъ молодомъ счастьѣ, гдѣ царилъ тотъ безпорядокъ, который приноситъ съ собою тяжелая бѣдность... Да, это была та самая комната, за жизнью которой она наблюдала изъ своего окна въ теченіе длинныхъ, мучительно длинныхъ мѣсяцевъ. Да, здѣсь самый воздухъ былъ насыщенъ горячимъ счастьемъ, ожиданіемъ, мольбой... Она, шатаясь, какъ пьяная, остановилась на порогѣ спальни. На кровати лежала съ закрытыми глазами та женщина, которой она такъ завидовала. Это была тѣнь человѣка, съ той разницей, что эта тѣнь такъ порывисто и тяжело дышала. Марья Сергѣевна вся вздрогнула, когда гдѣ-то тутъ близко что-то жалобно пискнуло, и она только теперь увидала маленькую корзинку, прикрытую старымъ пледомъ. Значить, все кончено, все благополучно... Она затаила дыханіе и выпятилась въ дверь.

— Слава Богу...—прошептала она и перекрестилась. — Да, слава Богу... А я такъ мучилась за нее все это время.

— Бѣдняжка, она такъ мучилась!..—шопотомъ отвѣтилъ ей другой голосъ.—За что? Ну, скажите: за что?..

Она подошла къ нему, сѣла на стулъ и взяла его за руку. За что? А вотъ за то счастье, которое здѣсь незримо витало, за это будущее счастье, которое уже явилось на свѣтъ... Вамъ этого мало?.. Они молча понимали другъ друга, перестрадавъ всякій по-своему все случившееся. Онъ горько улыбнулся и опустил глаза... Господи, давно ли онъ ревновалъ ее, полный звѣринныхъ инстинктовъ и зоологической правды?.. Онъ временами презиралъ ее и даже вздрагивалъ, когда въ мозгу проносились обидныя картины ея счастья съ другимъ, того перваго счастья, которое не повторяется, которое испытываетъ каждая женщина, но не каждый мужчина. Какой онъ былъ гадкій, какія отвратительныя мысли змѣями шевелились у него въ головѣ, и какъ онъ жалокъ и ничтоженъ теперь предъ величіемъ совершившагося факта! Да, онъ все забылъ, все простилъ, очистился, сдѣлался лучше, и вотъ то маленькое существо принесло съ собою желанный покой душѣ. Теперь все свѣтло, все чисто, и нѣтъ больше звѣринныхъ чувствъ и звѣринныхъ мыслей. Онъ закрылъ лицо руками и тихо зарыдалъ. Эти слезы безъ названія, безъ имени, безъ объясненія были лучше всего, что онъ дѣлалъ раньше, думалъ и чувствовалъ. Ихъ вызвало присутствіе вотъ этой незнакомой женщины, которую привело сюда ея женское сердце, ея желаніе чѣмъ-нибудь помочь, успокоить, утѣшить. Да, опять эта маленькая теплая женская рука протянулась къ нему, и онъ машинально ее поцѣловалъ отъ избытка счастья. Затѣмъ, онъ съ удивленіемъ посмо-

трѣлъ на нее широко раскрытыми глазами, хотѣлъ что-то сказать, но такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ — на порогѣ показался Николлай Яковлевичъ и докторъ Исковъ, мѣстная знаменитость.

Николлай Яковлевичъ успѣлъ отрезвиться дорогой и замѣтно конфузился своей новой роли. Докторъ, сгорбленный и худой старикъ, даже не взглянулъ ни на кого, а какъ-то хмуро проковылялъ въ спальню. Аркадій Васильичъ на ходу что-то объяснялъ ему, и докторская голова наклонялась въ тактъ его словамъ.

Марья Сергѣевна и Николлай Яковлевичъ сидѣли у стола и не рѣшались взглянуть другъ на друга. Раздавшійся дѣтскій пискъ заставилъ его какъ-то виновато вздрогнуть. Она сидѣла, опустивъ глаза, такая спокойная и полная какой-то рѣшимости. Докторъ оставался у больной довольно долго, а потомъ вышелъ еще болѣе хмурый.

— Мнѣ она не нравится... да... — повторялъ докторъ, точно съ трудомъ разжевывая каждое слово.

Аркадій Васильичъ шелъ за нимъ блѣдный, потерявшійся, жалкій. Когда Марья Сергѣевна взглянула на него, то сразу поняла, что случилось что-то ужасное — и это ужасное совсѣмъ близко, вотъ здѣсь, рядомъ. У нея захолонуло на душѣ.

— Вы упустили самую обыкновенную вещь, которую знаетъ каждая повитуха... — ворчалъ докторъ, надѣвая очки. — Да, она мнѣ не нравится...

— Да, да... ахъ, что я надѣлалъ?!.. — вырвалось у Аркадія Васильича. — Ахъ, что я надѣлалъ?!.. Вѣдь я же знаю это, докторъ... знаю!.. Но тутъ точно вышибло изъ головы.

— Вотъ всегда такъ: молодежь самонадѣянна... — ворчалъ старикъ, подписывая рецептъ. — Да, мнѣ не нравится...! Отчего вы не пригласили опытнаго врача? Наконецъ, акушерку?..

— Я... я... т.-е. у меня не было денегъ... — тихо отвѣтилъ Аркадій Васильичъ, хватаясь за голову. — Ахъ, что я надѣлалъ?!.. Надя... Надя... Надя...

VIII.

Уходя, старикъ-докторъ счелъ своимъ долгомъ сказать убитому мужу нѣсколько словъ утѣшенія:

— Конечно, трудный случай, но бываютъ счастливые исходы... гмъ... Не слѣдуетъ падать духомъ... да. Нѣтъ такой болѣзни, отъ которой нельзя было бы выздороветь... гмъ... Во всякомъ случаѣ, лично я не теряю надежды.

Это была послѣдняя милостыня науки, но Аркадій Васильичъ ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ, придавленный одной мыслью: вѣдь это онъ, да, онъ убилъ Надю вдвойнѣ... Марья Сергѣевна догнала доктора на крыльцѣ.

— Нѣтъ надежды, докторъ?

— Никакой... Къ вечеру она умретъ... Мнѣ ее жаль... Самоубившийся молодой человѣкъ...

Впопыхахъ Марья Сергѣевна даже не простилась съ докторомъ, а бросилась назадъ въ комнату.

— Nicolas, бери сейчасъ извозчика и привези кормилицу...

— Я? Гдѣ же я ее возьму?.. Наконецъ, это будетъ просто смѣшно: я вдругъ буду разыскивать по всему городу кормилицу. Еще встрѣтится кто-нибудь изъ знакомыхъ...

— Безъ разговоровъ!..

Николай Яковлевичъ только развелъ руками, но ничего не оставалось, какъ только повиноваться.

Аркадій Васильичъ стоялъ у кровати и смотрѣлъ на жену. Она лежала съ закрытыми глазами и такъ тяжело дышала. Около носа легли двѣ темныхъ полосы, которыя приковали его вниманіе: это была смерть, разливавшаяся въ крови. Да, онъ чувствовалъ присутствіе этой смерти, и самъ застывалъ отъ ея холоднаго дыханія. Съ другой стороны, умъ никакъ не могъ помириться даже съ самымъ словомъ: смерть! Человѣкъ былъ живъ, человѣкъ былъ полонъ мыслями о будущемъ, и вдругъ—ничего... А какъ же ребенокъ? какъ онъ самъ?.. Вообще, что все это значить?.. Въ немъ проснулась отчаянная надежда, страстная жажда какого-нибудь чуда,—вѣдь теперь могло спасти ее только чудо!.. Вотъ и образокъ, материнское благословеніе, и дѣтская молитва, и таинственный страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ...

— Надя... родная... ты слышишь меня?—спросилъ онъ, прикинувшись къ изголовью.

— Да...—отвѣтили запекшіяся губы, и холодѣвшая рука протянулась къ нему.—Благослови меня...

У него затряслись руки и ноги, въ груди что-то остановилось, и онъ дрожащей рукой перекрестилъ это блѣдное лицо, подернутое первыми тѣнями близившейся смерти.

Кто-то вошелъ въ комнату, взялъ корзинку съ ребенкомъ и вышелъ—онъ не шевельнулся. На столикѣ въ углу продолжала горѣть позабытая ночная лампочка, а въ окно глядѣлъ сѣрый осенній день, точно бѣльмо. Надя... Надя... Надя... Она еще здѣсь, вотъ здѣсь на кровати, хотя сознаніе уже подернулось застилавшей его тьмой. Бѣдняжка не чувствовала, что быстро уми-

расть. Въ каждой каплѣ крови таинственно неслоь это уничтоженіе, сердце било тревогу, а мысль уже утонула въ обступавшей ее безднѣ небытія. Бѣдный человѣческій умъ, этотъ услужливый рабъ, который подавалъ всегда то, чего хотѣли вотъ эти глаза, эти уши, это цвѣтущее тѣло... И теперь совсѣмъ не нужны его услуги. Да, не нужны... Такъ отказываютъ отъ мѣста прислугѣ, когда господа разоряются. Слуга и уходитъ такъ же быстро, какъ ему отказали.

Но оставался другой слуга, который не желалъ уходить и боязливо вызывалъ картины недавняго богатства. Вотъ въ этихъ стѣнахъ было все, чего только можно пожелать... Жизнь цвѣла всѣми своими красками, всѣми линиями и звуками. Да, жизнь, а теперь ее смѣняла мучительная пустота. Ничего... Темно... Аркадій Васильичъ даже протеръ глаза — нѣтъ, въ комнатѣ свѣтло, но это свѣтъ безъ свѣта, безъ тепла, безъ души. Улыбка искривила его губы. Онъ крѣпко держалъ въ своей рукѣ ея маленькую ручку и чувствовалъ, какъ она начинаетъ холодѣть, какъ тонкіе пальцы начинаютъ терять свою гибкость. Онъ прильнулъ къ этой ручкѣ губами, хотѣлъ ее согрѣть своимъ горячимъ дыханіемъ, какъ ушибленную ручку ребенка. Но это была жалкая попытка, а смерть дѣлала свое дѣло — медленно и вмѣстѣ быстро, безповоротно и неуклонно... Откуда явился священникъ?.. Какая-то женщина затеплила свѣчу передъ образомъ. Послышался заученный речитативъ молитвы... Дѣтскій ужасъ охватилъ Аркадія Васильича. Онъ прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ, какъ широкая спина священника наклонилась надъ кроватью, какъ поднималась благословляющая въ послѣдній разъ рука, какъ... Надя хотѣла говѣть передъ родами, но онъ удержалъ ее. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?.. Да, вѣдь онъ не думалъ о смерти, не думалъ о томъ, что не только дни, но сочтены и часы... А ей нужно было примириться съ своей совѣстью, въ ней жила еще эта дѣтская святая вѣра... И вотъ сама пришла благословляющая рука съ послѣднимъ утѣшеніемъ, съ послѣднимъ словомъ надежды на другую жизнь, на то, о чемъ мы боимся думать. Какая-то дрожь охватила Аркадія Васильича, и въ немъ съ удвоенной силой проснулась жажда чуда, да, того чуда, которое могло вдохнуть жизнь. А въ комнатѣ было такъ душно, не хватало воздуха, свѣта...

— Безумецъ, тебѣ не будетъ чуда... — шепталъ таинственный голосъ. — Не будетъ... Ты думалъ о жизни, постоянно былъ полонъ земныхъ расчетовъ и соображеній и не думалъ о смерти. Чуда не будетъ!.. Каждый прожитый день былъ чудомъ, днемъ

посвященія, а ты его не видалъ, потому что думалъ о другомъ. Каждый часъ былъ чудомъ и каждое твое дыханіе, а ты не чувствовалъ этого... Чудеса не повторяются по желанію, и вчерашній день не вернется...

Голосъ былъ правъ. Аркадій Васильичъ стоялъ съ раскрытыми глазами и видѣлъ эти дни, невозвратные, дорогіе, счастливые дни... И онъ ихъ не замѣчалъ раньше—онъ терзалъ себя придуманными муками, картинами и собственной несправедливостью. Правда жизни оставалась въ сторонѣ, а онъ, полный безумныхъ сомнѣній и тревогъ, топталъ свое счастье... Вѣдь она не могла этого не чувствовать и тоже терзалась, за него терзалась, за его зѣвскія мысли и чувства... А теперь она искупила своими страданіями все, она дала жизнь и правъ вдвойнѣ. Вотъ отчего свѣтлѣетъ это лицо, вотъ отчего оно принимаетъ такое спокойное выраженіе: въ немъ осталась одна правда, та правда, которая не нуждается въ оболочкѣ изъ словъ.

Дыханіе становилось медленнѣе, точно грудь давила какая-то невидимая рука. Больная вытянулась. Одна рука лежала на груди съ пальцами, сложенными по мертвому, а другая бессильно опустилась. Все кончено... все... навсегда... Аркадій Васильичъ наклонился надъ дорогимъ лицомъ и принялся его крестить, не спуская глазъ съ полураскрытаго рта, изъ котораго еще вырывалось слабое дыханіе, прерываемое предсмертными хрипами. Вотъ оно рѣже... Еще одинъ вздохъ, и жизнь отлетѣла...

— Аркадій Васильичъ... голубчикъ...—шепталъ надъ нимъ незнакомый мужской голосъ, и чья-то рука старалась отвести его отъ трупъ.

Онъ повиновался. Онъ вышелъ въ слѣдующую комнату и увидѣлъ корзинку съ ребенкомъ, а около нея незнакомую женщину, смотрѣвшую на него красными отъ слезъ глазами.

— Ребенка мы пока перенесемъ къ себѣ, туда...

— Да...

— Nicolas, ты бери корзинку, а я пойду за тобой.

Аркадій Васильичъ ничего не чувствовалъ. Къ ребенку онъ отнесся съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ... Его муки были тамъ, гдѣ все было такъ тихо.

Николай Яковлевичъ торопливо и неумѣло взялъ корзинку и понесъ ее изъ комнаты съ такимъ напряженнымъ видомъ, точно боялся что-нибудь пролить. Марья Сергѣевна съ строгимъ лицомъ шла за нимъ, ступая на одни носки... Кормилица, простая деревенская баба, была уже тамъ, въ столовой. Она только-что оста-

вила своего ребенка и съ тоской посмотрѣла на внесенную баринѣмъ корзинку.

— Ну, кажется, теперь все?—недовольнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, еще не все...—рѣшительно отвѣтила Марья Сергѣевна.—Нельзя тамъ оставлять одного... понимаешь?..

— А я что буду съ нимъ дѣлать?..

Марья Сергѣевна только пожала презрительно плечами и быстро принялась хлопотать около плакавшаго ребенка. Нужно было его успокоить, согрѣть, научить кормилицу, что дѣлать. Изъ-подъ стараго плѣда, въ который былъ завернутъ ребенокъ, выставлялась такая маленькая-маленькая ручонка, и Марья Сергѣевна поцѣловала ее съ какимъ-то благоговѣніемъ. Съ этой крохотной дѣтской ручонкой къ ней протягивалась новая жизнь, полная новыхъ заботъ, интересовъ и счастья.

Но это было всего одно мгновеніе. Марья Сергѣевна устыдилась своего безчеловѣчнаго эгоизма и бросилась во флигель. Николай Яковлевичъ былъ тамъ и старался всѣми силами не пускать Аркадія Васильича къ покойницѣ.

— Вы видите: я спокоенъ...—повторялъ тотъ, стараясь освободить свою руку.—Вѣдь это я ее убилъ... да.

— Перестаньте, ради Бога!..—вступилась Марья Сергѣевна, дѣлая глазами мужу знакъ уходить.—Объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить... Теперь вы предоставьте пока все мнѣ. Согласны?

Онъ схватилъ ее руку и поцѣловалъ. О, женщины такъ добры, милыя женщины... Когда Николай Яковлевичъ, обрадованный отпускомъ, выходилъ, на порогъ его догнала фраза:

— Но это еще ничего: я убилъ ее безъ намѣренія... Есть вещи похуже...

Николай Яковлевичъ остановился, а потомъ махнулъ рукой и съ дѣловымъ видомъ зашагалъ къ себѣ на крыльцо.

— Еслибы вы тоже вышли на полчаса,—спохватилась Марья Сергѣевна, увидѣвъ въ окно улетававшаго мужа.—Всего на полчаса... Мы въ это время успѣли бы приготовить покойницу...

Послѣднее слово испортило все дѣло. Аркадій Васильичъ весь затрясся, побѣлѣлъ и посмотрѣлъ на Марью Сергѣевну такими страшными, остановившимися глазами. Надя—покойница?.. Его Надя?.. Надя... Надя... Надя... Нѣтъ, этого не можетъ быть! Онъ бросился въ спальню... Надя, дорогая, родная, милая!.. Нѣтъ никакой покойницы... О, милая, милая, милая!..

— Аркадій Васильичъ... подумайте, у васъ есть ребенокъ. Нужно жить для ребенка...

— Ребенокъ?.. А онъ мнѣ вернетъ мать?.. Да нѣтъ, что я говорю... Ребенокъ тутъ не при чемъ: я ее убилъ. Хуже...

Онъ отвелъ Марью Сергѣевну въ другую комнату, оглянулся и заговорилъ тихимъ, придавленнымъ голосомъ:

— Вотъ вы меня утѣшаете... да. А между тѣмъ я желалъ этой смерти... Да, я такъ думалъ—и еще недавно. Я ревновалъ жену къ ея прошлому и не могъ его забыть. Да, не могъ, потому что это было выше моихъ силъ, потому что я былъ ничтожный, гадкій человекъ, потому что я никогда не любилъ ея... Какъ-то мы вмѣстѣ гуляли и встрѣтили хорошенькую гимназистку, и я подумалъ, что еслибы Надя умерла, то я женился бы именно на такой чистой, нетронутой дѣвушкѣ. Въ другой разъ я думалъ то же ночью... цѣлую ночь думалъ... Думалъ, что именно Надя можетъ умереть отъ родовъ, и я буду опять свободнымъ, какъ птица. Да, я такъ думалъ, и вы не жалѣйте меня... Это гораздо хуже того, что я убилъ ее своей неосторожностью, своей самонадеянностью...

— Голубчикъ не нужно такъ говорить...

— А потомъ я знаю, что будетъ. Я буду горевать полгода, цѣлый годъ, а потомъ острое чувство уляжется, и я буду смотреть на другихъ женщинъ съ спокойной совѣстью. Не забудьте, что есть хорошіе, чистые люди, которые свято несутъ свое горе до могилы, и есть такіе дрянные люди, какъ я, которые побѣгутъ за первой юбкой и въ новыхъ объятіяхъ найдутъ новое счастье. Поймите это и не жалѣйте меня... Ахъ, какъ я презираю и ненавижу себя, и знаю, что и это не надолго, и что я примирюсь съ самимъ собой и найду другую... другую...

— Не будемте теперь говорить объ этомъ, а что будетъ—известно одному Богу. Нужно успокоиться прежде всего... У васъ есть обязанности... Наконецъ, вы должны слушаться меня.

— Хорошо, хорошо...

Онъ взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Хорошо... Вы хотите обмывать покойницу?—выговорилъ онъ, налегая на послѣднее слово.—Хорошо... Только исполните мою послѣднюю просьбу: дайте мнѣ въ послѣдній разъ побыть съ ней одному. Мнѣ нужно собраться съ мыслями, а потомъ я весь вашъ... Черезъ часъ вы придете...

Она поддалась его спокойному тону и согласилась уйти. Этого она никогда не могла себѣ простить... Такъ, накатилась минута затмѣнія, а главное, мелькнула мысль, что нужно съѣздить въ магазинъ и купить всего необходимаго, чтобы прилично одѣть

покойницу. Онъ такъ же спокойно проводилъ ее до дверей и уже на порогѣ спросилъ:

— Ребенокъ у васъ?..

— Да... пока.

— Назовите его: Любовь. Такъ хотѣла Надя... да, Любовь.

Вопросъ о ребенкѣ смутилъ Марью Сергѣевну, а еще больше смутило ее то, что дверь за ней сейчасъ же была плотно притворена и щелкнулъ ключъ въ замѣкъ. Она постучалась: отвѣта не послѣдовало. Предчувствіе чего-то нехорошаго мелькнуло у нея въ головѣ, но онъ былъ такъ спокоенъ. Затѣмъ, что же такого особеннаго въ этомъ желаніи побыть въ послѣдній разъ наединѣ съ покойницей? Для успокоенія совѣсти она подошла къ окну и заглянула. Онъ спокойно шагаль изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину, а потомъ замѣтилъ ее и улыбнулся. Марья Сергѣевнѣ сдѣлалось очень совѣстно за это подглядыванье, и она торопливо убѣжала къ себѣ.

Да, онъ улыбнулся, когда увидѣлъ въ окнѣ любопытное женское лицо. Чтò ей было нужно? Вѣдь онъ сказалъ ей все, чтò его мучило и убивало. Нѣтъ, не все... Развѣ бѣдное человѣческое слово въ состояніи выразить хотя приблизительно то, чтò онъ переживалъ сейчасъ? Жизнь идетъ скачками, и въ нѣсколько минутъ человѣкъ можетъ пережить все. Да, все... О, какъ все было ясно, просто и безжалостно, и какъ это все понималъ сейчасъ Аркадій Васильичъ! И всѣхъ онъ понималъ... Ему даже хотѣлось крикнуть:—чтò вы дѣлаете, безумцы?.. Да... Онъ видѣлъ всю эту паутину житейскихъ мелочей, дразгъ и несправедливости, которая опутываетъ каждую живую душу. Да... И все это только оттого, что никто не думаетъ о смерти, о днѣ итога. А между тѣмъ съ каждымъ человѣкомъ родится и умираетъ вселенная. Человѣческая воля затемнена звѣрскими инстинктами, умъ лжетъ, чувства тоже... Вѣдь страшно жить!.. А смерть не страшна... Вѣчный покой, вѣчное молчаніе, вѣчная правда.

Аркадій Васильичъ нѣсколько разъ подходилъ къ покойницѣ и подолгу всматривался въ нее. Нѣтъ рѣшительно ничего страшнаго... Въ этомъ застывшемъ лицѣ было столько спокойствія. Онъ поправилъ сбившіеся волосы на лбу, одѣяло, руки. Боже, какъ она хороша! Живая она никогда не была такой красивой... Это—послѣдній аккордъ, а тамъ—быстрое разрушеніе и уничтоженіе. Но и это не страшно...

— Милая... милая... милая... ты меня не слышишь?.. Смерть насъ разлучила, но она же и соединитъ... Мы опять будемъ вмѣстѣ и вмѣстѣ навсегда. И ничто, ничто насъ не разъединитъ...

Онъ былъ спокоенъ, потому что зналъ, что нужно дѣлать. Эта рѣшимость просвѣтила его. Да, такъ нужно—и только. Кому счастье, кому горе, а прежде всего нужно быть господиномъ самого себя. Воля выше смерти... Да, я такъ хочу, и ничто меня не удержитъ. Ничто...

О, да, онъ зналъ, что долженъ былъ дѣлать, и это наполнило его душу чуднымъ спокойствіемъ.

Онъ присѣлъ къ столу и перебралъ свои бумаги. Какъ все это ничтожно, ненужно, все чужое... Онъ даже взялъ бумагу и хотѣлъ что-то писать, но и писать было не нужно. Все равно, никто не пойметъ того настроенія, которое онъ переживалъ сейчасъ, его мыслей, его чувствъ... Довольно!.. Неисписанный листочекъ бумаги былъ разорванъ и брошенъ. Зачѣмъ еще эта послѣдняя ложь?..

IX.

Когда Марья Сергѣевна возвращалась съ покупками, она предчувствовала что-то недоброе. Зачѣмъ Аркадій Васильичъ заперъ за ней дверь? зачѣмъ онъ улыбнулся, когда она смотрѣла въ окно? зачѣмъ онъ спрашивалъ, гдѣ дочь, и просилъ назвать ее Любовью? Въ этомъ тревожномъ настроеніи она вернулась домой и прошла прямо во флигель, гдѣ все было тихо по прежнему, и дверь тоже была заперта по прежнему. На повторенный звонокъ никто не отозвался... Предчувствіе чего-то дурного охватило Марью Сергѣевну, и она въ ужасѣ бросилась къ себѣ.

Когда дверь во флигель была выломана полиціей, представилось „ужасное зрѣлище“, какъ сообщила мѣстная газетка: Аркадій Васильичъ лежалъ мертвый на постели, рядомъ съ женой. Онъ отравился ціанистымъ кали... Эта картина произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Вѣдь вчера оба были живы, а сегодня они лежали рядомъ мертвые. На лицѣ Аркадія Васильича застыла конвульсивная улыбка. Одной рукой онъ обнималъ свою жену... Даже Николай Яковлевичъ прослезился, глядя на эту счастливую парочку.

Два гроба провожала громадная толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ народа. Особенно надрывались и плакали простыя бабы... Откуда онѣ узнали все, зачѣмъ пришли, о чемъ плакали?.. Особенно удивляло это Николая Яковлевича. Мало этого,—на могилку счастливой парочки стали ходить послѣ влюбленные, покинутыя женщины, несчастные, точно ждали отъ нея чуда. Было

запрещено кладбищенскому сторожу показывать „счастливую могилку“. Но и это не помѣшало, потому что устроивались настоящія паломничества дамами пропадинскаго большаго свѣта, узнавшими печальную исторію двухъ возлюбленныхъ черезъ своихъ горничныхъ. Общее вниманіе было подогрѣто особенно тѣмъ, что фельдшеръ оказался не простымъ фельдшеромъ, а студентомъ. Наложённое запрещеніе на могилу dokonчило остальное. На могилѣ появились свѣжіе вѣнки, имморти, незабудки, и она сдѣлалась моднымъ мѣстомъ загородныхъ прогулокъ. Всѣхъ довольнѣе оказался, конечно, кладбищенскій сторожъ, на котораго посыпались двугривенные и пятиалтынные. Въ пылу усердія онъ даже попробовалъ сочинить легенду о какомъ-то синемъ огонькѣ, который каждую ночь горѣлъ на могилѣ, а потомъ—что къ немъ слышатся стоны. За это ему досталось отъ священника сугубо. Панихиды въ девятый, двадцатый и сороковой дни являлись настоящими событіями, и кладбище наполнялось самой избранной публикой. Дамы крестились маленькими крестиками и прикладывали бѣлые платки къ глазамъ; мужчины хмурились и принимали задумчивый видъ. Однимъ словомъ, продѣлывалась послѣдняя кладбищенская ложь.

Ребенокъ оставался у Горлицыныхъ и былъ окрещенъ тѣмъ именемъ, которое назначилъ отецъ. У Марьи Сергѣевны явилось нехорошее, почти злобное чувство, когда эта крошка сдѣлалась предметомъ празднаго любопытства, разговоровъ и пересудовъ. Нѣкоторыя дамы пріѣзжали нарочно только затѣмъ, чтобы взглянуть на „дѣтя любви“ и отереть слезу, обязательную въ такихъ случаяхъ. Сожалѣніямъ, охамъ и вздохамъ не было конца.

Интересная перемѣна произошла въ Николай Яковлевичѣ. Когда первая суматоха улеглась, онъ, по обыкновенію, скромно исчезъ изъ дому. Онъ даже былъ радъ, что теперь жена остается не одна, и, слѣдовательно, ей не будетъ скучно. Но, странная вещь, самъ онъ точно былъ другой. Завернулъ въ клубъ, посмотрѣлъ на партнёровъ и только пожалъ плечами: какіе они всѣ странные, т. е. другими словами, мерзавцы... Именно, мерзавцы!—Николай Яковлевичъ такъ прямо и подумалъ этимъ словомъ. Присиживать цѣлыя ночи въ этой помойной ямѣ, чтобы выиграть или проиграть нѣсколько сотенъ рублей—это, воля ваша, дѣйствительно мерзость. Онъ даже присѣлъ на одинъ роберъ и едва дождался конца—такъ ему сдѣлалось все противно. Изъ клуба онъ проѣхалъ къ ней, но и тамъ оставался не долго. Здѣсь его тоже корбило... Развѣ это женщина? развѣ это любовь? Къ одиннадцати часамъ онъ вернулся домой, чѣмъ больше всего по-

ражена была прислуга, а Марья Сергѣевна какъ-то даже не замѣтила его, когда онъ въ туфляхъ прокрался въ столовую, временно превращенную въ дѣтскую. Ребенокъ спалъ въ своей корзинкѣ. Марья Сергѣевна сидѣла у стола и что-то быстро работала. На столѣ валялись обрѣзки стараго заношеннаго полотна, какіе-то свертки и совсѣмъ скроенныя вещи дѣтскаго приданого.

— Послушай, ты только будешь мѣшать...—шопотомъ замѣтила Марья Сергѣевна, не поднимая отъ работы головы.—Я была такъ рада, что ты уѣхалъ къ себѣ въ клубъ...

„Къ себѣ“—это было не дурно сказано. Она была „такъ рада“—это ужъ совсѣмъ отлично... Николай Яковлевичъ почувствовалъ себя чужимъ именно здѣсь и даже вздохнулъ. Да вѣдь на него такъ и смотреть всѣ: и жена, и прислуга, и кормилица. Ему сдѣлалось обидно. Его не понимали. Да, онъ дѣлалъ ошибки, онъ былъ несправедливъ, но онъ не въ конецъ испорченный человекъ... да. Наконецъ, онъ можетъ исправиться и сегодня уже сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи.

Вызвавъ жену въ гостиную, Николай Яковлевичъ спросилъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Маня, а что мы будемъ дѣлать... ну, съ этимъ ребенкомъ?.. Нужно этотъ вопросъ разрѣшить...

Она подняла на него свои озабоченные глаза и спокойно отвѣтила:

— Какъ: что?.. Сегодня уже присылали отъ купца Мѣшкова... Они въ нашей улицѣ живутъ.

— Ну?

— Желаютъ взять на воспитаніе. Потомъ пріѣзжала третьяго дня жена воинскаго начальника и тоже согласна взять Любу...

— И ты... ты ничего мнѣ не сказала?

— Что же тутъ говорить?.. Куда мы съ нимъ, съ ребенкомъ? Ему нужно теплое гнѣздышко, гдѣ его любили бы, а это возможно только тогда, когда есть семья.. есть любовь, есть счастье... На дѣтяхъ это отражается больше всего. Ахъ, я такъ много передумала за эти дни и нахожу, что лучше всего Любѣ будетъ у Мѣшковыхъ. Конечно, они простые люди, необразованные, но семья хорошая и живутъ душа въ душу...

— Отдать такого ребенка купцамъ? Никогда...

— Какого *такого* ребенка? Всѣ дѣти одинаковы.

— Нѣтъ, извини, голубушка... Въ этомъ ребенкѣ столько заложено любви, чувства, вообще силы, что его нельзя сравнивать. Ты только подумай, чего онъ стоилъ своимъ несчастнымъ родителямъ... И вдругъ отдать какому-то купцамъ, чтобы изъ

Любы вышла толстая купеческая дочь.... Никогда... понимаешь?.. Если, наконецъ, ты несогласна взять его, то беру я... Я для него сдѣлаю все, что могу и умѣю. Да... Вообще, меня удивляетъ твое поведеніе...

Она ничего не отвѣтила, а только отвернулась и тихо заплакала: это были не обидныя, горькія слезы одиночества, а теплыя слезы радости, тотъ первый, теплый весенній дождь, отъ котораго зеленѣетъ первая весенняя травка, и развертываются набухшія почки.

— Маня... что съ тобой? Развѣ я сказалъ что-нибудь обидное тебѣ?..

Она такъ же безмолвно обняла его, и ея голова очутилась на его плечѣ. Онъ страстно цѣловалъ эти заплаканные глаза, мокрыя щеки и чувствовалъ, что еще никогда такъ не любилъ ее, свою бѣдную Маню. Потомъ она вдругъ вырвалась изъ его объятій и сказала:

— Мы воруетъ чужую любовь, Nicolas... *Это* принадлежит ей, нашей крошкѣ. Она принесетъ намъ счастье... Мнѣ все кажется, что ея мать, настоящая мать, незримо витаетъ надъ ребенкомъ печальной тѣнью. Вѣдь она должна быть здѣсь, гдѣ ея послѣдняя любовь, послѣднее счастье... Бѣдняжка, какъ я ее люблю!.. Она почти не видѣла своего ребенка, купленного такой дорогой цѣной... Это меня такъ гнететъ. Ахъ, какъ я плачу надъ этой крошкой Любой!.. Разъ ночью—ты спалъ—мнѣ показалось, что кто-то вошелъ въ дѣтскую. Понимаешь: легкіе женскіе шаги... Я увѣрена, что это была она... Она приходила къ своему ребенку... Что я говорю: приходила!.. Она постоянно съ нимъ... Нѣтъ, они оба тутъ... они все видятъ...

— Голубка моя, нужно успокоиться. Такъ нельзя... Что же дѣлать, мы не виноваты, если все такъ случилось. Постараемся съ своей стороны сдѣлать все для ребенка... Вѣдь онъ намъ нисколько не помѣшаетъ. Пока будетъ въ столовой... Рѣшительно не стѣснить. Много ли нужно такой крошкѣ?.. И, знаешь, мнѣ кажется, что она походить на мать; наша Люба будетъ такая же красивая.

— О, совершенная мать... Прехорошенькая дѣвчурочка. Я часто смотрю на нее и не могу налюбоваться. Еслибы жива была мать... Господи, сколько было бы у нея радости... Какъ бы она щебетала надъ колыбелькой своей малютки, какъ бы смѣялась, заботилась. Nicolas, ты не можешь себѣ представить, до чего я поглощена этой мыслью о матери...

Ребенокъ остался у Горлицыныхъ и постепенно наполнилъ

собой весь домъ. Случилось это какъ-то само собой, совершенно незамѣтно, такъ что никто этого даже не чувствовалъ. Первое перемѣщеніе изъ столовой произошло благодаря бронхиту. Марья Сергѣевна страшно перепугалась, когда ребенокъ началъ кричать, пересталъ брать грудь и вообще заболѣлъ. Много ли нужно такой крошкѣ... Первая мысль, которая мелькнула у нея въ головѣ, была та, что будь на ея мѣстѣ родная мать—этого не случилось бы. Да, она сумѣла бы уберечь ребенка отъ простуды... Приглашенный врачъ подтвердилъ эту мысль и замѣтилъ:

— Начать съ того, что мать не помѣстила бы ребенка въ проходную комнату, какъ ваша столовая...

— Но другихъ свободныхъ комнатъ у насъ нѣтъ!..

— А ваша спальня? а кабинетъ Николая Яковлевича?.. Я со- вѣтовалъ бы занять именно кабинетъ...

Когда Николай Яковлевичъ вернулся со службы домой, то на- шелъ свой письменный столъ въ гостиной. Сначала онъ даже какъ будто смутился, а потомъ весело замѣтилъ:

— Что же, я нахожу это очень разумнымъ... На кой мнѣ чортъ отдѣльный кабинетъ? Вѣдь я не министръ, да и работать можно въ гостиной такъ же хорошо... Дурацкая мода—непремѣнно устроить себѣ кабинетъ, и больше ничего. Отлично...

Марья Сергѣевна даже ухаживала за мужемъ въ теченіе нѣ- сколькихъ дней за эту маленькую уступку, а онъ про себя смѣялся надъ ея наивностью и дѣлалъ видъ, что принимаетъ ея нѣжности за настоящую монету. Онъ теперь часто такъ дѣлалъ, и это до- ставляло ему удовольствіе. Съ клубомъ все было кончено, а также и съ другими легкими удовольствіями. Когда старые знакомые встрѣчали Николая Яковлевича гдѣ-нибудь на улицѣ, то дѣлали большіе глаза и качали головами, точно онъ сошелъ съ ума.

— Что же это ты, братъ, того?..

— Нѣтъ, я *этою*... Занятъ. У меня завелась интрижка съ одной дѣвицей...

— Ну, и чортъ съ тобой...

Ужасные нахалы! и каждая такая вещь злила Николая Яковлевича, потому что онъ отлично зналъ, чтѣ думаютъ вотъ эти господа про него: обабился, распустилъ нюни, провнись... А за- тѣмъ каждый, вѣроятно, думаетъ про себя: посмотримъ, г. Гор- лицынъ, какъ вы разыграете козликомъ! Нѣтъ, рѣшительно на- халы... Когда вечеромъ Николая Яковлевича начинало тянуть куда- нибудь изъ дому, онъ сейчасъ же представлялъ себѣ фізіономіи этихъ безнадежно пропащихъ людей,—и все какъ рукой снимало. Долго имъ придется ждать... да. Довольно глупостей; пора и за

умъ взяться, тѣмъ болѣе, что теперь есть и обязанности, и известнаго рода отвѣтственность. Да, понимаете ли вы, чортъ васъ всѣхъ возьми, чтò такое отвѣтственность?..

А время летѣло такъ быстро. И каждый день приносилъ что-нибудь новое. Марья Сергѣевна получила на новый годъ педагогическій журналъ. Да, необходимо было серьезно подготовиться къ обязанностямъ матери. Она въ теченіе этихъ первыхъ мѣсяцевъ, несмотря на новыя заботы и безсонныя ночи, значительно поправилась и даже похорошѣла, — сказывалось отраженное материнство, смягчившее выраженіе всего лица, придавшее глазамъ такую милую своей тревогой задумчивость и вообще помолодившее ее. Да, это была уже другая женщина...

Пропадинская публика такъ же быстро забыла всю эту исторію несчастной четы, какъ быстро ею заинтересовалась, а о ребенкѣ — тѣмъ болѣе. Это несказанно радовало Марью Сергѣевну, которой хотѣлось схоронить свое счастье отъ всѣхъ постороннихъ глазъ. Истинное счастье всегда ищетъ укромныхъ уголковъ, потому что полно однимъ собой. Эта психологія счастья одинакова для всѣхъ: для богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ. Скупецъ прячетъ свое сокровище, чтобъ его не украли. Но рядомъ съ этимъ шель другой процессъ. Около маленькаго существа незамѣтно выросъ кружокъ тѣхъ близкихъ людей, которые дѣлятъ одни заботы, радости, интересы. Тутъ былъ и дѣтскій врачъ, тоже семейный человекъ, съ которымъ познакомились изъ-за дѣтскихъ болѣзней Любы, и семья одного инженера, ребенку котораго прививали оспу вмѣстѣ съ Любой, и т. д. Все это были скромные люди, которые сидѣли по своимъ домамъ, каждый за своимъ дѣломъ. Съ внѣшней стороны жизнь этихъ семей очерчивалась однимъ словомъ: дѣти...

У Горлицыныхъ теперь ввелась своя домашняя хронологія: это — было тогда, когда Люба въ первый разъ сказала „мама“; это, когда она сдѣлала свой первый зубъ. Да, она сказала это дѣтское словечко, и въ душѣ Марьи Сергѣевны оно отозвалось жгучей болью, незаслуженной обидой, самой ужасной изъ всѣхъ фальсификацій. Она нѣсколько разъ плакала. Ей казалось, что она не должна присвоивать этого святаго слова, не должна отнимать его у настоящей матери, которая одна должна была его слышать. Все старое опять поднялось въ душѣ Марьи Сергѣевны, и она нѣсколько дней ходила какъ потерянная. Ей опять слышались таинственные шаги, а ночью она просыпалась съ крикомъ:

— *Nicolas, она здѣсь... неужели ты ничего не чувствуешь?.. Она ревнуетъ меня... она сердится...*

— Это ты ее ревнуешь...—успокаивалъ Николай Яковлевичъ.
—Ахъ, ужъ эти нервы!..

Онъ угадалъ: это именно была ревность, ревность къ покойницѣ. И это чувство росло, развивалось и крѣпло вмѣстѣ съ ребенкомъ. Сначала, правда, Марья Сергѣевна стѣснялась присвоивать себѣ званіе матери. Какой-то тайный голосъ смутно говорилъ ей, что она не должна переходить извѣстныхъ границъ, и когда въ дѣтскихъ глазахъ засвѣтится первый лучъ сознанія, должна показать ей портретъ и сказать: вотъ твоя настоящая мать, а я... Чтѣ такое она?.. Дальше получалась очень сложная вещь. Да, у каждого ребенка по природѣ вещей одна мать, та мать, которая его выносила и произвела на свѣтъ. А безсонныя ночи, которыя другая женщина проводила у кровати вотъ этого чужого ребенка; а та любовь, которая осѣняла своимъ крыломъ это незащитное существо; а тѣ страхи, заботы, огорченія—развѣ это все не выше простого физическаго акта рожденія? Развѣ этотъ дѣтскій языкъ не повторялъ ея словъ, этотъ дѣтскій мозгъ не думалъ ея мыслями, это дѣтское сердце не наполнялось ея чувствами, и вообще вся эта молодая душа не отливалась по ея душѣ? Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе Марья Сергѣевна чувствовала себя матерью и въ свое время припрятала всѣ вещи, которыя могли бы напомнить дѣвочкѣ своимъ существованіемъ о настоящей матери.

— Вотъ она подростетъ, я ей все объясню,—говорила Марья Сергѣевна, когда Николай Яковлевичъ начиналъ опасаться.—Зачѣмъ лишать несчастнаго ребенка иллюзіи?.. Мы даже не имѣемъ на это права...

Эта отсрочка успокоила и Николая Яковлевича. Да, конечно, въ свое время все будетъ объяснено...

А время летѣло такъ быстро. Въ сущности, жизнь всѣхъ счастливыхъ семей никакого внѣшняго интереса не представляетъ, какъ не представляла она и у Горлицыныхъ. Да, они были счастливы, и это счастье принесла къ нимъ маленькая Люба. Часто Николай Яковлевичъ подходилъ къ зеркалу и подолгу наблюдалъ себя. Вѣдь совсѣмъ другое лицо, другой человѣкъ... Конечно, онъ быстро началъ старѣть, но такой хорошей, солидной старостью—это чувствовалось въ выраженіи глазъ, въ складѣ рта, въ общемъ очеркѣ лица. У него были солидныя привычки, манера себя держать, костюмы, знакомства, потому что была пара наблюдательныхъ дѣтскихъ глазъ, которые должны были видѣть въ немъ эту солидность. Съ какой гордостью онъ выходилъ гулять съ *своей* Любой, съ какой сдержанной снисходительностью

отвѣчалъ на ея дѣтскіе вопросы, съ какою радостью слѣдилъ за ея маленькими успѣхами и окончательно освоился съ своей ролью отца, не переживъ того мучительнаго процесса, которымъ Марья Сергѣевна дошла до своего материнства. Мысль о настоящемъ отцѣ приходила Николаю Яковлевичу очень рѣдко; онъ хмурился и отгонялъ ее какимъ-нибудь солиднымъ аргументомъ.

X.

Такъ время пронеслось до того рокового дня, въ который тѣни настоящаго отца и настоящей матери снова выплыли изъ пучины забвенія. Да, они пришли въ этотъ домъ, властно заняли свое мѣсто и потребовали отчета...

Послѣ рокового объясненія съ матерью, Люба заперлась въ своей комнатѣ и не выходила цѣлыхъ два дня. Къ ней входила одна старая кухарка Агаея, подававшая обѣдъ и чай. Старуха хмурилась и тяжело вздыхала. Люба повертывалась къ ней каждый разъ спиной, чтобы спрятать отъ нея свое опухшее отъ слезъ лицо. Господи, чего-чего она не передумала и не почувствовала вотъ за эти два дня!.. Въ головѣ вихремъ проносились самыя разнообразныя мысли, и она чувствовала, какъ сходить съ ума. Почему ей раньше ничего не сказали?.. Почему отъ нея скрывали эту печальную истину и заставляли жить обманомъ?.. Наконецъ, другіе знакомые знали всю исторію и тоже скрывали отъ нея. Однимъ словомъ, всѣ были въ заговорѣ, всѣ были противъ нея...

Отказавъ жениху, Люба первымъ дѣломъ потребовала себѣ у Марьи Сергѣевны портретъ своей настоящей мамы. Марья Сергѣевна ужасно смутилась и молча принесла двѣ выпѣввшіе фотографіи. Люба впиалась въ нихъ глазами. Да, вотъ она, бѣдная мама... Какая она была красивая даже на этой плохой фотографіи! Вотъ это тонкое лицо съ дѣтски-серьезнымъ выраженіемъ, небрежно зачесанными волосами и чуть замѣтной улыбкой. Ей было, вѣроятно, въ этотъ моментъ около двадцати лѣтъ, и она могла бы быть ея подругой. Другая фотографія была старше, уже снятая въ Пропадинскѣ. Лицо подернулось скрытой заботой—можетъ быть, она думала уже о будущемъ ребенкѣ, о своей Любѣ. Бѣдная, милая, несчастная, родная... Слезы душили Любу, и она съ рыданіями цѣловала эти фотографіи, единственное, что осталось отъ настоящей живой мамы. И нашлись люди, которые могли скрыть отъ нея это? Да, они принимали ея дѣтскія ласки,

любовались ею, были счастливы, а та, настоящая мама лежала забытой въ своей могилѣ. Нѣтъ, это жестоко, это несправедливо, этому нѣтъ названія...

— Мама, мама... милая, родная мама, слышишь ли ты меня? — вслухъ повторяла Люба, прижимая фотографіи къ своей груди. — Я — твоя Люба — навсегда твоя!.. Я никого больше не люблю, кромѣ тебя, моя страдальца, голубка!

Портретъ отца сохранился одинъ, — именно, студенческій. Онъ не нравился Любѣ. Худощавое лицо, тонкія губы, прищуренные глаза — все ей не нравилось, и она чувствовала себя чужой. Для отца, наконецъ, этотъ студентъ былъ слишкомъ молодъ. Другое дѣло мама — она была такая хорошая, милая, и Люба обливала горькими слезами ея фотографіи. Бѣдная даже не успѣла и приласкать своего ребенка, купленного цѣной жизни!.. Ахъ, какъ бы она ее любила, какъ ласкала, какъ цѣловала... Бѣдная настоящая мама!.. Но изъ-за этихъ фотографій выступало другое живое лицо, такое заплаканное и несчастное, которое вносило въ душу мучительное чувство раздвоенія. Господи, да что же это такое, наконецъ? И за что?.. Нѣтъ, теперь Люба больше не любить Марьи Сергѣевны, больше — она питала къ ней почти враждебное чувство. Воспользоваться чужимъ ребенкомъ и на забытой памяти настоящей матери построить свое собственное счастье — какъ это несправедливо, гадко, безчеловѣчно! Тѣхъ нѣтъ, они лежатъ въ своей могилѣ, а она зоветъ папой и мамой чужихъ людей... Развѣ такія слова покупаются?..

— Мама, дорогая, родная, приди ко мнѣ хоть во снѣ! — вслухъ умоляла Люба, протягивая руки. — Ты вѣдь со мной? да? О, мама, мама, мама...

Люба была убѣждена, что если будетъ упорно думать о матери, смотрѣть на ея портретъ и вообще всѣмъ существомъ сосредоточится на одной этой точкѣ, то мать придетъ. Пусть это будетъ галлюцинація, сонъ, туманная грѣза — все равно, только бы увидѣть ее, милую, родную, дорогую... Хотя бы издали увидѣть, — почувствовать ея присутствіе. Это было такое страстное желаніе, такой порывъ, такое сосредоточеніе, что Любѣ начинало казаться самой, что она сходитъ съ ума. Она по цѣлымъ часамъ горячо молилась Богу, полная хорошаго, благоговѣйнаго настроенія, — мысль и чувства отрѣшались отъ земли и витали внѣ времени и пространства, въ области вѣчной любви, красоты и правды. Ахъ, какъ хорошо она чувствовала себя въ эти минуты и даже закрывала глаза, чувствуя приближеніе чего-то такого, что ее точно приподнимало и дѣлало такой свѣтлой. Ка-

залось, что еще одно мгновение, только одно мгновение, и она войдетъ въ новый міръ, гдѣ ее уже ждетъ она, бѣдная страдалица. Это была скорбная, негодующая, полузабытая тѣнь, которая даже не могла защищаться, когда другіе люди присвоили себѣ ея святое имя матери, когда другіе присвоили себѣ ея ребенка.

Въ одну изъ такихъ минутъ религіознаго экстаза Люба ужасно испугалась. Она не слыхала, какъ въ комнату вошла Агаѣя и молча наблюдала ее, по-бабьи подперевъ щеку рукой.

— Чтѣ тебѣ нужно?—сурово спросила Люба. — Зачѣмъ ты лѣзешь безъ спросу?..

Дѣвушка подбирала слова, чтобы сказать Агаѣѣ что-нибудь очень обидное, но взглянула на ея лицо и остановилась: по лицу Агаѣи катились слезы...

— Ты это о чемъ плачешь?—спросила Люба, смягчая тонъ.

— А какъ же, барышня... Какъ я поглядѣла давѣ на васъ: вылитая мать. Вѣдь я тогда ее видѣла не одна, какъ она во флигелѣ у насъ, значить, жила. Такая же молоденькая была... Лицомъ-то ты вся въ нее издалась.

Раньше эта мысль ни разу не пришла въ голову Любѣ, именно, что вотъ эта самая Агаѣя жила у Горлицыныхъ съ незапамятныхъ временъ и была живымъ свидѣтелемъ разыгравшейся во флигелѣ драмы. Дѣвушка усадила ее и со слезами стала выпытывать все, чтѣ только могла сохранить старая бабья память, дополняя рассказомъ Агаѣи тѣ свѣденія, какія уже имѣла отъ Марьи Сергѣевны. Новаго ничего не было, но зато Агаѣя сообщила массу тѣхъ мелочей, которыя замѣчаютъ только простые люди. Старуха подробно рассказала, какъ пріѣхали новые жильцы, какъ устроились, какъ онъ хлопоталъ, какъ они гуляли вмѣстѣ, какъ перебивались и т. д.

— Они были очень бѣдные, Агаѣя?..

— Ахъ, какіе бѣдные, барышня!.. Одинъ чемоданишко да што на себѣ. Такъ, перебивались... Конечно, молодымъ-то это незамѣтно, потому какъ ужъ больно промежду себя-то дружно жили... Всѣ сусѣди на нихъ любовались, какъ парочкой, бывало, выдутъ гулять по тротуварамъ. Нашъ-то баринъ въ тѣ поры плохо жилъ,—ну, барыня и любитъся въ окошко, любитъся, а сама плачетъ. Дружно жили, нечего сказать. Только вотъ покойницѣ твоей маменькѣ Богъ вѣку не далъ... Это ужъ завсегда такъ: другой бы и самъ померъ, а смерти нѣтъ. А кому бы жить да радоваться—тѣхъ Богъ и приберетъ.

— Зачѣмъ же это такъ, Агаѣя?—машинально спрашивала Люба.

— А ужъ такъ, равняетъ Господь Батюшка богатаго съ бѣднымъ, несчастнаго съ счастливымъ... Отъ счастья человекъ забывается и даже не видитъ, а оглянулся—анъ, его и нѣтъ. Улетѣло... Покойничекъ-то родитель твой и не стерпѣлъ. Захожу я къ нимъ тогда, а они на одной кровати лежатъ... Обнялъ онъ ее одной ручкой... припалъ головушкой...

Люба выслушивала эту бабью болтовню съ жаднымъ вниманіемъ, стараясь уловить въ ней крупички истины. Простой умъ наблюдательнѣе, а память удерживаетъ массу мелочей, совершенно ускользающихъ отъ вниманія образованнаго человека. Иногда Агаея останавливалась и переиначивала уже рассказанное: это убивало Любу.

— Агаея, голубушка, ради Бога, хорошенько припомни...— умоляла дѣвушка, ломая руки.

— Стараюсь, барышня, да память-то наша, бабья, какъ худое рѣшето. Чего не надо, такъ помнишь, а вотъ тутъ и затемнишься. Бѣдные были твои родители—это вотъ помню. Куфарки даже не держали. Сами и въ куфнѣ страпали. Барыня-то веселая была...

Бѣдная... Да, а она, Люба, вырослена въ роскоши и въ гнѣ. Для чего? Развѣ ее отецъ желалъ этого? Никогда. Она выросла бы въ нуждѣ, въ самой трудовой обстановкѣ, и вышла бы замужъ за такого же труженика-бѣдняка, а не за господина Шерстнева. Люба отлично рисовала себѣ картину встрѣчи ее труженика-отца съ этимъ женихомъ... Съ какимъ презрѣніемъ отнесся бы простой фельдшеръ къ этому трутню, который гдѣ-то служить, что-то такое дѣлаетъ, а въ сущности—самая бесполезная тварь. Да, отецъ былъ строгій человекъ, и строго кончилъ. О, какъ она его понимала!.. Вотъ за что любила его мать, эта увлечающаяся, мягкая натура, опиравшаяся на чужую волю.

Потихоньку отъ всѣхъ Люба нѣсколько разъ уводила Агаею во флигель и просила указать, гдѣ и чтѣ стояло *тогда*, какія были занавѣски на окнахъ и вообще какой видъ имѣла обстановка. Флигель стоялъ пустой, и Агаея съ увлеченіемъ рассказывала всѣ подробности. А помнила она отлично въ этомъ случаѣ все... И кровать цѣла, и ситцевый диванчикъ, и стулья—на чердакѣ валяются. Люба упросила Агаею достать потихоньку всѣ эти вещи и разставить во флигелѣ, какъ онѣ стояли тогда. Ей хотѣлось хоть приблизительно возстановить все это. Вѣдь на каждой вещи останавливался ихъ взглядъ, и ей казалось, что каждая такая вещь сохраняетъ на себѣ таинственный отпечатокъ своихъ хозяевъ. Ахъ, какъ она плакала надъ этими инвалидами!..

На кругломъ столѣ, который стоялъ передъ диваномъ, оставались еще круги отъ горячихъ стакановъ, царяпины и полосы. Ночной столикъ былъ закапанъ стеариномъ и облитъ какимъ-то жидкимъ лекарствомъ. Да, вотъ на немъ стояла ночная лампочка и освѣщала молодое больное лицо... Вотъ по этой комнатѣ шагаль отецъ въ нѣмомъ отчаяніи. Милые, дорогіе, родные... Агаея заливалась дешевыми бабьими слезами, вмѣстѣ съ барышней Любой, и малую толику привирала для пущей жалости; она сама вѣрила въ эти поэтическія прибавки, что иногда случается съ очень добрыми людьми.

Чтобы провѣрить Агаею, Люба повезла ее на кладбище и просила указать могилку. Пришлось разыскивать довольно долго, и Агаея дѣлала отчаянныя попытки признать „счастливую могилку“. За шестнадцать лѣтъ и кладбище совершенно измѣнилось: гдѣ тутъ узнаешь... Кончилось тѣмъ, что Люба сама указала ей, благодаря тому, что каждый годъ осенью Марья Сергѣевна привозила ее сюда и заставляла молиться за какую-то „рабу Божию Надежду“. Ахъ, какая это возмутительная ложь, ложь даже надъ могилой родной матери!..

— Здѣсь, здѣсь...—умиленно повторяла Агаея, узнавъ, наконецъ, могилку. — Такъ радушкомъ и положили сердешныхъ. Попъ тогда сердитый былъ, отпѣвать, слышь, не хотѣлъ; ну, да ему полицмистеръ велѣлъ... Нехорошій попъ, и тоже умеръ давно.

Марья Сергѣевна не вмѣшивалась въ жизнь Любы, предпочитавъ все времени. Она мучилась и терзалась про себя. Кто бы могъ подумать, что эта кроткая и послушная дѣвушка начнетъ выдѣлывать такія штуки! Именно, штуки—такъ Марья Сергѣевна и говорила про себя, потому что какъ же назвать всѣ эти слезы надъ портретами, ежедневныя поѣздки на кладбище, реставрацію флигеля, а главное — отказъ жениху?

— Я—бѣдная дѣвушка и выйду за бѣднаго, — коротко объяснила Люба, отвѣчая на нѣмой вопросъ Марьи Сергѣевны.

— Какъ знаешь, Люба... — соглашалась Марья Сергѣевна, счастливая такой развязкой мучившаго ее рокового шага. — Время еще не ушло, а бѣдныхъ людей много.

Марья Сергѣевна ревновала теперь Любу къ ея покойной матери и, незамѣтно для самой себя, дѣлалась къ ней несправедливою. Это было тяжелое двойственное чувство. Оно съ особенной яркостью всплыло наружу, когда Люба заявила, что уѣзжаетъ.

— Можно, по крайней мѣрѣ, узнать: куда?—сухо спросила Марья Сергѣевна.

— Бъ роднымъ... — такъ же сухо отвѣтила Люба.

Марья Сергѣевна только пожала плечами. Люба, которая не выходила еще ни разу на улицу безъ строгаго присмотра, поѣдетъ одна, неизвѣстно куда... Этого еще не доставало!.. Отчаянію Марьи Сергѣевны не было границъ, хотя она по наружному виду и старалась не выдать себя. Произошелъ экстренный военный совѣтъ съ Nicolas.

— Д-да... положеніе...—мычать онъ, шагая по кабинету.— Если удерживать ее насильно, то выйдетъ, пожалуй, еще хуже. Дѣвица оказывается съ характеромъ...

— Да... Но вѣдь нужно же что-нибудь сдѣлать?.. Люба одна потащится за тысячу верстъ... Одна поѣдетъ по желѣзнымъ дорогамъ, одна на пароходѣ, одна на лошадяхъ — нѣтъ, это ужасно! И какіе родственники милые... Ни разу ни одна душа даже не вспомнила, что осталась дѣвочка-сирота.

— Всѣ родственники, Маня, одинаковы... Конечно, ты не сдѣлала бы такъ, но я говорю про другихъ людей.

— Я ни за что ее не отпущу...

— Гмъ... да... конечно... Но вѣдь она совсѣмъ взрослая.

Люба ожидала отчаяннаго сопротивленія, и поѣтому въ особенности стремилась проявить свою самостоятельность. Да, она поѣдетъ во что бы-то ни стало, и поѣдетъ одна. Марья Сергѣевна сначала старалась ее уговорить, даже плакала, а потомъ вдругъ согласилась совершенно спокойно.

— Что же дѣлать, Люба, если ужъ ты не хочешь слушать насъ...—проговорила она въ заключеніе.—Съѣзди, познакомься. У твоей матери большая родня... Я даже писала имъ нѣсколько разъ, но отвѣта не получила. Можетъ быть, ты будешь счастливѣе. Во всякомъ случаѣ, отъ души желаю тебѣ успѣха.

Это согласіе обидѣло Любу. Она невольно подумала: развѣ родная мать отпустила бы ее?.. Конечно, чужимъ людямъ все равно, а главное, была бы соблюдена форма. Вѣдь уговаривали, упрашивали, даже уронили слезу, однимъ словомъ, исполненъ весь репертуаръ,—чего же больше?.. Марья Сергѣевна сама уложила ее въ дорогу, собрала всѣ необходимыя вещи и переложила ихъ еще болѣе необходимыми наставленіями. Ахъ, какъ нужно быть осторожной въ дорогѣ, особенно когда такая молодая особа ѣдетъ одна.

— Мнѣ кажется, что вы даже рады выпроводить меня... — замѣтила Люба откровенно. — Я это чувствую.

— Нѣтъ, мы будемъ скучать и тревожиться о тебѣ, но путе-

шестіе для тебя необходимо... Надѣюсь, что мы понимаемъ другъ друга, и нѣтъ необходимости ставить надъ і точку.

Люба ничего не отвѣчала. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать. Планъ поѣздки былъ обдуманъ очень быстро. Нужно было увидать родныхъ матери, а потомъ разыскать отцовскую родню. Адресъ первыхъ былъ извѣстенъ. Эта помѣщичья семья хоть и разбилась, но два-три человека жили недалеко другъ отъ друга. У нихъ Люба надѣялась узнать исторію матери, именно то, чего не могли ей сообщить ни Марья Сергѣевна, ни Агаѣя. Дѣвушкѣ хотѣлось возстановить образъ матери по этимъ новымъ свѣдѣніямъ, чтобы потомъ увидѣть ее. На послѣднее она не теряла надежды. Объ отцѣ она вообще думала какъ-то мало, что ее въ теоріи огорчало,—она не чувствовала по отношенію къ нему кровной тяги.

Сборы были короткіе. Горлицыны проводили свою воспитанницу до вокзала. Николай Яковлевичъ имѣлъ нѣсколько смущенный видъ, старательно избѣгая привычныхъ нѣжностей. Марья Сергѣевна чувствовала себя совершенно спокойно. Она дорогой до вокзала давала послѣдніе совѣты съ такимъ видомъ, точно привыкла провожать Любу. Люба въ послѣднюю минуту чувствовала себя какъ будто виноватой. Въ ней все сильнѣй и сильнѣй поднималось чувство дѣтской привязанности. Близившаяся самостоятельность и радовала, и пугала ее. Во всякомъ случаѣ, это былъ рѣшительный шагъ. Даже можно и совсѣмъ не вернуться вотъ въ этотъ самый Пропадинскъ... Богъ съ нимъ совсѣмъ, а свѣтъ не клиномъ сошелся. Впрочемъ, тамъ увидимъ, что будетъ.

На вокзалѣ Люба храбрилась все время и вызывающе улыбалась Николаю Яковлевичу, когда его спрашивали, куда онъ провожаетъ дочь. Да, хороша дочь!.. Марья Сергѣевна кусала губы отъ волненія и старалась не встрѣчаться глазами съ знакомыми. Четверть часа, проведенныхъ на вокзалѣ, показались всѣмъ троемъ цѣлой вѣчностью—столько было всѣми пережито. Но вотъ звонокъ, поѣздъ тронулся, и Пропадинскъ точно отодвинулся назадъ, а люди на дебаркадерѣ казались такими маленькими и ничтожными. Люба облегченно вздохнула и даже закрыла глаза.

Три первыхъ станціи пролетѣли незамѣтно. На четвертой поѣздъ стоялъ семнадцать минутъ. Люба безучастно разсматривала публику, этихъ чужихъ людей, ѣхавшихъ неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ. Вѣроятно, кто-нибудь ихъ тоже провожалъ, а тамъ впереди кто-нибудь ждетъ. Разглядывая толпу, Люба вдругъ откинулась назадъ отъ окна и даже спряталась за косякъ. По платформѣ съ разсѣяннымъ видомъ проходилъ Шерстневъ. Онъ,

вѣроятно, и не подозрѣвать объ ея присутствіи. На слѣдующей станціи Люба совсѣмъ не подходила къ окну и встрѣтила неожиданно Шерстнева только ночью за общимъ столомъ буфета. Онъ издали раскланялся съ ней, какъ человѣкъ, который встрѣчалъ ее у знакомыхъ. Потомъ онъ подошелъ къ ней и заговорилъ:

— Вотъ неожиданная встрѣча, Любовь Николаевна... Я глазамъ своимъ не повѣрилъ. Надѣюсь, вы — недалеко?

— Да, къ знакомымъ.

— А я въ казанскую губернію, къ роднымъ.

Люба вся вспыхнула и посмотрѣла на Шерстнева злыми глазами.

XI.

Бываютъ такія полосы въ жизни, когда человѣкъ точно стряхиваетъ съ себя все прежнее и превращается во что-то новое. Вѣроятно, то же испытываетъ бабочка, которая вылетаетъ изъ своего кокона. Правда, такой опытъ старитъ человѣка, оставляетъ въ душѣ горькій осадокъ, лишаетъ иллюзій и юношескихъ грѣзъ, но только такой тяжелый опытъ дѣлаетъ человѣка человекомъ. Слабые люди его не выдерживаютъ и падаютъ, а сильные дѣлаются еще сильнѣе. Именно такую полосу переживала Люба и во времени, и въ пространствѣ. Дорога ее нѣсколько успокоила. Она могла теперь взглянуть на свое прошлое издали и отнестись къ нему безпристрастно. Да, въ сущности она была несправедлива, очень несправедлива именно къ Марьѣ Сергѣевнѣ, отплативъ ей за всю ея любовь, уходъ, ласки и вниманіе самой черной неблагодарностью. Ставя себя на ея мѣсто, Люба знала одно, что она, Люба, такъ никогда бы не сдѣлала, и этимъ много бы выиграла въ глазахъ сироты. Всѣ эти мысли и чувства дѣвушка везла съ собой, какъ застрахованный багажъ, который не могъ даже потеряться.

По желѣзной дорогѣ Люба ѣхала ровно сутки, а потомъ пересѣла на пароходъ. Все было ново и немного пугало ее. Шерстневъ очутился на томъ же пароходѣ. Это уже окончательно возмутило дѣвушку. Что это такое: преслѣдованіе? травля?.. Положимъ, что онъ держался на самомъ почтительномъ разстояніи и даже не подходилъ къ ней, но все-таки... Благодаря его присутствію, Люба весь первый день просидѣла въ дамской общей каютѣ и страшно скучала. Ей больше всего надоѣдало проклятое любопытство, съ какимъ разсматривали ее дамы. Всю съ ногъ до головы осматривали и дѣлали самыя глупыя лица, когда узнавали,

что она ѣдетъ одна, хотя и въ роднымъ. А тутъ еще молодой человекъ. Любопытныя дамы имѣли полное право на самыя игривыя предположенія, отъ которыхъ Любу впередъ коробило. И всѣ онѣ такія скучныя, глупыя, точно выжатыя. И всѣ походятъ одна на другую. Потомъ эта северная привычка приставать къ каждому новому человеку съ разспросами, кто, откуда, куда ѣдетъ, по какому дѣлу и т. д. На другой день Люба не выдержала и вышла въ рубку. Тамъ можно будетъ по крайней мѣрѣ ходить, и никто не пристаётъ. Пароходъ просто очаровалъ ее—такая могучая сила, и что-то такое въ ней бодрое и хорошее, какъ сама молодость. И рѣка отличная—широкая, вольная, настоящая русская рѣка. Правда, берега довольно пустынные, и попадающіяся селенія тоже ничего завиднаго не представляютъ.

„Ахъ, какъ хорошо!..“ думала Люба, съ наслажденіемъ представляя свое лицо встрѣчному вѣтру. „Вотъ это свобода, просторъ, ширь“.

Ей казалось, что она навсегда простилась съ Пропадинскомъ, и все, что тамъ осталось, представлялось ей такимъ маленькимъ, ничтожнымъ и жалкимъ, особенно по сравненію съ этимъ просторомъ и ширью. Вонъ и г. Шерстневъ прогуливается по палубѣ, и точно онъ тоже измѣнился за эти дни. Она теперь могла смотрѣть на него совсѣмъ спокойно, какъ смотрѣла на другихъ постороннихъ людей. Такой же, какъ всѣ. Вообще, самый обыкновенный человекъ. Удивительно, что она могла находить въ немъ тогда? Впрочемъ, вѣдь она же никого другого и не видѣла. Значить, просто сказала потребность кого-нибудь любить, и г. Шерстневъ оказался роковымъ номеромъ, на который палъ выигрышъ. И какая теперь неизмѣримая разница между той Любой и Любой настоящей, и г. Шерстневу никогда, никогда этого не понять. Онъ и теперь не понимаетъ, какъ ей рѣшительно все равно, существуетъ онъ на бѣломъ свѣтѣ или нѣтъ. Да. Она даже сердиться не можетъ, что онъ ѣдетъ: нравится, нужно — и пусть себѣ ѣдетъ, — ей-то какое дѣло? На Любу даже напало желаніе побравировать, и она сама заговорила съ нимъ, чтобы дать почувствовать, что онъ — чужой, совсѣмъ не страшный и еще разъ чужой. Но еслибы онъ позволилъ себѣ впасть въ нѣжность — ну, тогда извините, м-г Шерстневъ! Онъ, впрочемъ, держалъ себя по новому, ни однимъ движеніемъ не выдавая своего истиннаго настроенія. Просто, былъ вѣжливъ, внимателенъ и чуть-чуть холоденъ, какъ человекъ, которому тоже все равно.

„О, да онъ совсѣмъ не глупъ!“ думала Люба, нѣсколько обиженная такой быстрой переменной декораций.

Да, оно даже немножко обидно, что такіа горячія чувства и такъ быстро проходятъ. Впрочемъ, развѣ она въ правѣ что-нибудь требовать?.. Хорошо, что все это выяснилось въ свое время. Онъ первый сказалъ ей:

— Вы теперь совсѣмъ другая, Любовь Николаевна...

— А какая?..

— Вы очень много пережили за это время.

Незамѣтно они разговорились просто и спокойно, какъ старые хорошіе друзья. О прошломъ ни слова, какъ будто его и не существовало. Шерстневъ нѣсколько разъ путешествовалъ и дѣлился своей опытностью, какъ старшій братъ. Это выходило даже смѣшно, когда онъ начиналъ говорить тономъ старшаго и давалъ разные хорошіе совѣты, точно Марья Сергѣевна. Люба между прочимъ узнала, что Шерстневъ тоже думаетъ оставить Пропадинскъ и переселиться куда-нибудь въ университетскій городъ. Скучно въ этомъ провинціальномъ захолустьѣ, и только привычка засидѣвшагося человѣка удерживаетъ въ большинствѣ случаевъ. Кстати, онъ поинтересовался, какъ думаетъ Люба устроиться въ будущемъ.

— Пока я не имѣю еще опредѣленнаго плана,—призналась она.—Но всего вѣроятнѣе, что тоже не вернусь въ Пропадинскъ. Разыщу родныхъ, а затѣмъ... затѣмъ поступлю куда-нибудь на мѣсто учительницей, гувернанткой, телеграфисткой. Надо какъ-нибудь жить. Впрочемъ, все это еще въ будущемъ, а пока я меньше всего думаю именно о себѣ.

Въ Казани они расстались, расстались, какъ и слѣдуетъ хорошимъ знакомымъ—безъ особеннаго сожалѣнія и почти равнодушно. Впрочемъ, Люба почувствовала именно теперь свое полное одиночество, но въ этому нужно было привыкать. Она долго провожала глазами уѣзжавшаго на извозчикѣ Шерстнева и съ какимъ-то ужасомъ подумала, что вѣдь этотъ человѣкъ могъ быть ея судьбой. Какъ это глупо, когда цѣлый міръ сосредоточивается въ одномъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе глупо, что этого міра она даже и не знала. Мало ли хорошихъ людей на свѣтѣ, и почему именно отдать преимущество Шерстневу? Но этими размышленіями ей пришлось заниматься не долго, потому что она уже была въ районѣ своихъ дѣйствій. Приходилось расставаться съ пароходомъ и на лошадяхъ отправляться на поиски по старымъ адресамъ. Можно было, конечно, сначала остановиться въ Казани и разыскать тамъ семью Койранскихъ, но этому помѣшалъ Шерстневъ: Люба не хотѣла ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

Старушку Меркулову, мать отца, Любѣ приходилось разыскивать въ теченіе нѣсколькихъ дней. У нея было какое-то ма-

ленькое имѣніе, въ которомъ она и перебивалась съ двумя дочерьми, оставшимися въ дѣвушкахъ. Появленіе Любы произвело сенсацію. Маленькая квартирка Меркуловыхъ наполнилась новыми словами, о которыхъ уже давно здѣсь не было помину.

— Я ваша внучка...—говорила Люба, стараясь быть ласковой съ бабушкой. — Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть... обнять...

Старуха смотрѣла на нее какими-то испуганными глазами, точно она пришла съ того свѣта, а потомъ какъ-то вдругъ расплакалась, горько и неутѣшно, какъ плачутъ старые люди, много перенесшіе горя. Это была простая привычка плакать.

Отъ охватившаго ее волненія Люба въ первый моментъ не разсмотрѣла ни обстановки, ни самихъ родственниковъ. Это пришло ей въ голову, когда она уже лежала въ постели и почувствовала себя чужой, какъ никогда. Да, кругомъ чужая, и даже больше—ей показалось, что тетки смотрятъ на нее почти враждебно. Осмотрѣлась она только на другой день. Старый деревянный домикъ и покосился, и прогнилъ, и обветшалъ. Внутри царяла настоящая бѣдность, та бѣдность, которая лишена даже надежды на какое-нибудь будущее: его не было. Оно умерло вмѣстѣ съ Аркашей, и Люба поняла, почему ей показалось, что тетки смотрѣли на нее враждебно: она являлась невольной причиной страшной катастрофы. Затѣмъ, ея скромный дорожный костюмъ, щегольской чемоданчикъ, сакъ-вояжъ, ватеръ-пруфъ, шляпа, сапоги—все казалось здѣсь роскошью и, можетъ быть, вызывало въ старыхъ дѣвахъ смутное чувство ревнивой зависти. Да, вотъ она, хваленая честная бѣдность, и у Любы сжалось сердце... Бабушку звали Анфисой Аркадьевной, а тетокъ—Катериной Васильевной и Ольгой Васильевной. Въ ихъ лицахъ Люба еще разъ прослѣдила то жесткое и непріятное выраженіе, которое ей не нравилось у отца,—это была опять она же, бѣдность... Она придавала скорбную озлобленность и молчаливую натуру, она свѣтилась во взглядѣ, она складывала губы, она ложилась преждевременными морщинами и покрывала голову сѣдиной. Всѣ трое были такія худыя, изможденные, а своей работы платя изъ дешевой ливочей матеріи не придавали красоты. Это была застарѣлая бѣдность, державшая въ своихъ когтяхъ всю семью, и въ ней лежала разгадка суроваго характера представителей этой семьи.

Бабушка Анфиса Аркадьевна двигалась уже съ трудомъ, но неожиданное появленіе внучки распешило ее, поднявъ цѣлый рой старыхъ, полузабытыхъ воспоминаній. Да, она долго и напряженно всматривалась въ Любу и долго никакъ не могла что-то

припомнить. А потомъ воспоминанія хлынули рѣкой, точно прорвало плотину. Главнымъ образомъ, старушка рассказывала о дѣтствѣ своего Аркаши: какой онъ былъ серьезный да умный, да трудолюбивый. Она вытащила откуда-то связку пожелтѣвшихъ писемъ и, надѣвъ очки, принялась ихъ читать. Аркаша въ письмахъ являлся такимъ хорошимъ и заботливымъ сыномъ, и они вызвали новый потокъ слезъ.

— Развѣ мы такъ бы жили, еслибы Аркаша остался живъ... — заключила свои жалобы Анфиса Аркадьевна. — Господь судилъ другое.

Тетки какъ-то напряженно отмалчивались. Но ни бабушка, ни тетки ни слова не сказали про мать Любы, точно ея и не существовало на свѣтѣ. Понятно, что онѣ во всемъ винили ее: изъ-за нея Аркаша въ землю ушелъ... Это не было высказано прямо, но тѣмъ не менѣе чувствовалось между строкъ. Люба старалась настроить себя на болѣе откровенный разговоръ, но изъ этого ничего не выходило. Все-таки, всматриваясь въ обстановку своихъ родственницъ, ихъ фizioноміи и всѣ мелочи, Люба смутно стала возстановлять въ своемъ воображеніи портретъ отца, его характеръ, особенности ума и все то, что завершалось роковой катастрофой. Она незамѣтно прониклась къ нему горячей симпатіей и поняла ту силу, которая поработила чувства матери. Да, это была сила, настоящая, цѣльная сила... Но чего она не нашла здѣсь, это того тепла, къ которому рвалось ея молодое сердце.

Она уѣхала такой же чужой, какъ и пріѣхала, унося съ собою тяжелое чувство чего-то несправедливаго, холоднаго и безучастнаго. Старость ли, бѣдность ли, одиночество ли были этому виной, но это было такъ... Люба чувствовала, что и сама она холодѣетъ и стынетъ и не можетъ вызвать того настроенія, съ которымъ рвалась сюда.

Это былъ первый грустный опытъ, и Люба облегченно вздохнула, когда опять очутилась на пароходѣ. Это былъ эгоизмъ молодого, нетронутаго существа, и это ее огорчало до глубины души. Она думала, что было бы, еслибы она осталась жить у бабушки, и опять чувствовала холодъ, точно спускалась въ подполье. Нѣтъ, дальше, впередъ!..

Въ Казани разыскать Койранскихъ было совсѣмъ не трудно. Старикъ былъ еще живъ, хотя и лежалъ въ креслѣ, разбитый параличомъ. Первый, кто встрѣтилъ Любу, былъ Шмидтъ. Да, онъ жилъ у своего тестя, этотъ толстенькій, чистенькій, выбритый трутень, несмотря на то, что имѣлъ уже вторую семью. Люба отрекомендовалась.

— О, весьма пріятно! — осклабился Шмидтъ, прищуривая одинъ глазъ. — Весьма пріятно... да. Мы не совсѣмъ чужіе, хотя обстоятельства... гмъ... вообще, пріятно.

Любу такъ и обдало новымъ холодомъ. Но здѣсь ее пронизало такое чувство отвращенія и гадливости, какое она испытывала при видѣ всѣхъ пресмыкающихся. И этотъ человѣкъ могъ испортить жизнь матери капля по каплѣ... Она могла думать о немъ, плакала, отравлялась — нѣтъ, это уже слишкомъ! Можетъ быть, и Шерстневъ будетъ такимъ же... И это жизнь!.. Нѣтъ, это ужасно, ужасная вещь — жизнь, какъ обманъ, какъ иллюзія, какъ тяжелый призракъ. Бѣдная мама... Она должна была выпрашивать видъ на жительство у этого сытенкаго нѣмчурки, потомъ должна была скрываться безъ всякаго вида и вѣчно чувствовать себя въ фальшивомъ положеніи, особенно когда готовилась сдѣлаться матерью. Гдѣ же справедливость? Гдѣ простая порядочность? Гдѣ самыя простыя человѣческія чувства? И вотъ теперь этотъ Шмидтъ безсиленъ, онъ не имѣетъ права вытребовать жену по этапу, но для этого бѣдной мамѣ нужно было умереть: одна могила освободила ее отъ этихъ узъ... А Шмидтъ — такой жирненькій, довольный, и никогда, никогда въ немъ не шевельнется даже призракъ какой-нибудь совѣсти.

Благодаря лѣтнему времени, вся семья Койранскихъ была въ сборѣ. Дѣти были уже большія, и Люба познакомилась съ двумя дядями и новой теткой Лидіей, походившей лицомъ на сестру. Все это были жалкіе тунеядцы, объѣдавшіе парализнаго старика, получавшаго какую-то пенсію. Къ труду они всѣ питали фамиліное отвращеніе. Впрочемъ, тетка Лидія разыгрывала изъ себя актрису, а въ сущности это была одна маска. Дяди откровенно ничего не дѣлали и всяческими способами обирали больного отца. Эта дворянская поросль представляла собой яркую иллюстрацію безповоротнаго вырожденія. И чтѣ было всего хуже, такъ это то, что всѣ они поголовно были заражены жаждой лѣтнихъ нездоровыхъ удовольствій по разнымъ притонамъ. Нужно было и одѣться прилично, и имѣть карманныя деньги, а источникомъ всѣхъ благъ являлся только старикъ.

— Вы узнаете во мнѣ вашу внучку? — спрашивала Люба старика, глядѣвшаго на нее однимъ глазомъ, — другой былъ парализованъ.

— У меня нѣтъ дочери, — хрипѣлъ паралитикъ, кривя губы. — Была жена Шмидта, но я ее проклялъ... У меня нѣтъ внучки.

Этотъ семейный разговоръ происходилъ въ присутствіи Шмидта, который сохранялъ невозмутимый видъ. Люба тоже не смущалась,

охваченная общей атмосферой безцеремонности и холодного расчета.

— Да, нѣтъ дочери, а есть Шмидтъ... — продолжалъ старикъ. — Онъ терпѣливо ждетъ моей смерти, Шмидтъ... Онъ даже пытался меня отравить нѣсколько разъ, Шмидтъ.

— Папаша принимаетъ за отраву всѣ лекарства, — объяснилъ невозмутимо Шмидтъ. — У папашы голова не въ порядкѣ...

Старикъ захохоталъ. У него голова не въ порядкѣ? О, еслибы онъ могъ подняться съ своего кресла. А дочери все-таки нѣтъ. Да, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И Лидія тоже не дочь. Старикъ сказалъ такое слово, что Люба вся затряслась. Все это — дѣти жены, а кто ихъ отецъ — знала она одна. Эта запоздалая старческая ревность покрывала развѣдающей плесенью атрофированный мозгъ, и старикъ наслаждался тѣмъ, что могъ говорить ужасныя слова. Да, онъ ничему не вѣритъ, а женщинамъ — меньше всего. Когда умерла жена, то онъ нашелъ цѣлую переписку, и узналъ многое, что не мѣшало знать немного раньше. Проклятыя женщины!..

— Все это онъ вреть, — коротко объяснила Лидія, дѣвица безъ предрасудковъ. — У папа размягченіе мозга, и онъ галлюцинируетъ, создавая нелѣпости.

Люба прожила въ семьѣ милаго дѣдушки нѣсколько дней и почувствовала такой ужасъ, такое отвращеніе къ жизни, что ей сдѣлалось страшно. Но всѣхъ хуже былъ этотъ Шмидтъ, внушавшій ей непреодолимую гадливость, особенно когда онъ подходилъ къ ней съ своей улыбкой. Онъ часто и подолгу вглядывался въ нее, точно старался что-то припомнить, и опять улыбался. Что ему было нужно? Разъ онъ даже подсѣлъ на диванъ рядомъ съ Любой и проговорилъ ей:

— Я уже имѣлъ честь говорить вамъ, что мы не чужіе. А затѣмъ, вы забыли маленькую неудобность, именно, что носите мою фамилію, и, слѣдовательно, это даетъ мнѣ очень опредѣленныя права, которыми я не поступлюсь. Да...

Любѣ сдѣлалось и страшно, и гадко. Она убѣжала въ комнату Лидіи, закрылась и расплакалась. Господи, что же это такое? Куда она попала?.. Это какіе-то звѣри, а не люди. И хуже всѣхъ вотъ этотъ Шмидтъ съ его улыбкой. Затѣмъ она не мужчина — съ какимъ удовольствіемъ она бросилась бы на него и задушила собственными руками! Вѣдь убиваютъ же клоповъ и другихъ вредныхъ гадовъ и паразитовъ, а Шмидтъ — худшій изъ всѣхъ. Тетка Лидія, въ припадкѣ безшабашной откровенности, рассказала про него ужасныя вещи и вообще не довѣрала чистотѣ родственныхъ чувствъ Шмидта.

— О, для него ничего нѣтъ святого, и ты берегись его, какъ огня!—предупреждала Лидія.—Онъ на все способенъ. Пригласить полицію и отнять у тебя видъ на жительство.

— У меня?

— Да... У него всѣ права... Ахъ, ты ничего не понимаешь, точно съ того свѣта пріѣхала!..

ХП.

Въ домѣ Горлицыныхъ чувствовалась гнетущая пустота, точно послѣ покойника. Марья Сергѣевна собирала послѣднія силы, чтобы не выдать себя даже передъ мужемъ, и эти трогательныя усилія разрѣшались одинокими обидными слезами. Nicolas хмурился и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Теперь они садились обѣдать одни, за самоваръ одни,—вездѣ одни. Не слышно было молодого смѣха и той болтовни, которую вносить съ собой одна молодость. Въ солнечные яркіе дни иногда случается, что вдругъ набѣжить грозное облачко и бросить на землю тѣнь.

„Да, старики... одни... эхъ, жизнь!“ думали каждый про себя супруги.

Отсюда происходили легкія размолвки, старческое брюзжанье и глухое недовольство, окрашивавшія ежедневныя мелочи. Даже кухарка Агаѣя чувствовала этотъ гнетъ, сидя у себя въ кухнѣ, и тяжело вздыхала.

— Ну, что?—спрашивала Марья Сергѣевна каждое утро, когда получалась почта.

— Пока ничего особеннаго...

„Старики“ ѣхали мысленно вмѣстѣ съ Любой по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ, были вмѣстѣ съ ней у бабушки Меркуловой, а потомъ у дѣдушки Койранскаго и мучились неизвѣстностью. Всѣ извѣстія они получали черезъ Шерстнева, который настойчиво слѣдилъ за каждымъ шагомъ Любы. Такъ прошли три мучительныхъ недѣли, четыре, пять... Марья Сергѣевна похудѣла, осунулась и молчала. „Что же это такое? за что?“—спрашивала она себя и не находила отвѣта. Теперь даже она не боялась за мужа, что онъ уйдетъ куда-нибудь и натворитъ Богъ знаетъ что, какъ бывало прежде:—куда онъ пойдетъ, такой старый, опустившійся, размякшій? И его время ушло, да и привычки другія образовались. Свой уголъ сдѣлался дорогъ... Однимъ словомъ, вполне безвредное домашнее животное, какъ и слѣдуетъ быть порядочному мужу. Часто, наблюдая мужа за обѣдомъ, Марья

Сергѣевна даже удивлялась, что вотъ онъ, Nicolas, могъ когда-то такъ огорчать ее. А теперь запрется у себя въ кабинетъ и хнычетъ. Въ эти годы и горе дѣлается какимъ-то безцвѣтнымъ и не вызываетъ такого участія, какъ то же молодое горе.

— Все ли у нея есть?—иногда спрашивалъ Nicolas.—Однимъ словомъ, не забыла ли ты что-нибудь? Скоро осень... начнутся холода. Она можетъ схватить простуду, а молодые люди меньше всего думаютъ о своемъ здоровьѣ.

Здоровье было теперь слабостью Nicolas, которую Марья Андреевна эксплуатировала по-своему. Онъ боялся простуды, какъ огня, жаловался на печень, на желудокъ, считалъ себя постоянно пульсъ, мѣрилъ температуру и вообще находился подъ гнетомъ мысли о смерти. Это доходило до смѣшного, обнажая старческое безсиліе. Докторовъ Nicolas ругалъ, но это не мѣшало ему постоянно совѣтоваться съ ними по разнымъ вопросамъ. Иногда Марья Сергѣевна, желая его поугатъ, заводила разговоръ о какой-нибудь неожиданной смерти и улыбалась.

— Чему ты смѣешься?—сердился Nicolas.—Много ли нужно, чтобы умереть... Сегодня живъ, здоровъ, а завтра фюить—ничего.

— А развѣ ты боишься смерти?

— Бояться не боюсь, а все-таки оно... гмъ... Необходима прежде всего осторожность. Да... Ты какая-то странная, Маня. Право...

— Я тебя не понимаю, вотъ и все. Женщины вообще живутъ... Посмотри, сколько всегда вдовъ.

— Это оттого, что мужчины женятся поздно и берутъ женъ моложе себя минимумъ лѣтъ на десять.

— Нѣтъ, мужчины вообще менѣе жизненны. Что-жъ дѣлать, нужно быть готовой ко всему, и я, когда останусь вдовой...

Nicolas ужасно сердился и убѣгалъ въ себя въ кабинетъ. Помилуй, что это за разговоры? Живого человека въ гробъ владутъ.

А Марья Сергѣевна была какъ-то странно спокойна, точно она одна знала, что будетъ. Дѣйствительно, ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ отъѣзда Любы, утромъ, когда Nicolas былъ на службѣ, она получила какую-то таинственную телеграмму, поблѣднѣла, распечатала ее дрожащими руками, прочитала, перекрестилась и торопливо спрятала въ свой письменный столъ. Потомъ она нѣсколько разъ доставала ее и перечитывала съ большими предосторожностями.

— Что это отъ Шерстнева нѣтъ больше писемъ?—спрашивалъ Nicolas за обѣдомъ.—Онъ—того...

— Чего?

— А вотъ этого... Ума у него нѣтъ, да. Тоже дѣло не легкое... Оно только со стороны кажется, что взялъ да и конецъ дѣлу. Не тутъ-то было...

Марья Сергѣевна промолчала, внимательно разглядывая свою тарелку. Ее такъ и подмывало разсказать содержаніе телеграммы, но она выдержала характеръ: пусть Nicolas помучится. Она достаточно помучилась на своемъ вѣку...

Письма отъ Шерстнева совсѣмъ прекратились, и Nicolas началъ уже сердиться на него.

— Онъ рѣшительно глупъ, этотъ господинъ Шерстневъ!— ворчалъ Nicolas, шагая по комнатѣ.— Остается, чортъ возьми, мнѣ самому ѣхать... да. Нельзя же одну дѣвушку оставлять... Мало ли чтѣ можетъ случиться. Тоже, родственники называются. А Шерстневъ—размазня, и больше ничего. Самъ поѣду и привезу Любу домой.

— А какъ ты осенью на пароходѣ поѣдешь? Еще про-студишься.

Помучивъ недѣли двѣ, Марья Сергѣевна показала, наконецъ, полученную телеграмму. Nicolas какъ-то безсильно опустилсѣ на первый стулъ и горько-горько заплакалъ.

— Люба... Люба... Люба... — шепталъ онъ.— Ахъ, Люба, Люба...

Марья Сергѣевна отнеслась ко всему съ какимъ-то дѣловитымъ видомъ, точно такъ и должно было быть. Это даже обидѣло Nicolas.

— Что же мы теперъ будемъ дѣлать, Маня?

— Ждать... Молодые пусть одни порадуются. Имъ не до насъ... А тамъ увидимъ.

— И ты можешь говорить такъ спокойно объ этомъ? Полюжимъ, что Шерстневъ—хорошая партія, но... эхъ, Люба, Люба! Вѣдь она хорошая... Вся—огонь. Я такой же молодой былъ... Не чета Шерстневу. Да...

Телеграммой Шерстневъ извѣщалъ Марью Сергѣевну о своей женитьбѣ. Ему много помогъ Шмидтъ, дѣйствительно предъ-авившій свои отцовскія права на Любу. Въ этотъ критическій моментъ Шерстневъ явился спасителемъ, и Люба перемѣнила ненавистную фамилію съ легкимъ сердцемъ. Все случилось такъ неожиданно и быстро, что даже молодой мужъ удивлялся. На зиму молодые остались въ Казани, но Люба ничего не писала. Ей было стыдно, что все кончилось именно такъ.

— Я вышла за васъ замужъ по необходимости,—увѣрила она.—Такъ и знайте...

— Всѣ это дѣлають по необходимости, Люба... У меня одинъ недостатокъ: я простой человѣкъ и люблю тебя тоже просто. Когда-то и ты меня любила, т.-е. я такъ думалъ.

— Я ошибалась...

Nicolas очень былъ огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, что письма прекратились. Ну, Люба могла еще не писать. Она, вообще, какая-то странная, а Шерстневъ уже прямо невѣжа. Марья Сергѣевна и тутъ находила поводы оправдывать „зятя“: молодое счастье всегда эгоистично, да и вообще русскіе люди плохіе корреспонденты; наконецъ, имъ просто не о чемъ писать. Первое письмо было получено только на Рождествѣ, и то такое странное, что Nicolas только развелъ руками, подавая его Марьѣ Сергѣевнѣ.

— Вотъ удивительная фантазія!—бормоталъ онъ.—Если Люба сходить съ ума, то Шерстневъ могъ бы быть благоразумнѣе. Это, наконецъ, смѣшно...

Марья Сергѣевна прочла письмо и нашла, что ничего въ немъ страннаго нѣтъ. Шерстневъ извинялся, что такъ давно не писалъ, что жена здорова, что они, кажется, счастливы, и что даже былъ разговоръ о поѣздкѣ въ Пропадинскъ—первою заговорила объ этомъ Люба. Если послѣднее состоится, то онъ, Шерстневъ, желалъ бы *нанять* у нихъ подъ квартиру флигелекъ, который ему такъ нравился. На этомъ пунктѣ брови Марьи Сергѣевны немного сжались, а потомъ лицо сразу прояснилось, и даже появилась улыбка.

— Ему нравится нашъ флигелекъ, скажите пожалуйста!—волновался Nicolas, бѣгая по комнатѣ.—Онъ хочетъ *нанять* его у насъ!.. Точно мы содержатели меблированныхъ комнатъ... Господи, да пусть занимають хоть цѣлый домъ, если нравится. Пусть живутъ... Я даже готовъ самъ переѣхать во флигель, чтобы ихъ не стѣснять.

— Ну, я на это не согласна, мой милый... Я отвѣчу такъ Сергѣю Петровичу, что флигелекъ свободенъ и сдается нами по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ.

— Маня, да никогда этого не бывало: за семь сдавали.

— То было раньше, а теперь квартиры вздорожали. У насъ свои интересы, и флигелекъ не богадельня.

Это уже совсѣмъ было удивительно. Марья Сергѣевна—и вдругъ такіе расчеты подводить—нѣтъ, Nicolas отказывался понимать и махнулъ рукой. Пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ, а его все

это только волнуетъ напрасно и портитъ кровь. Онъ такъ и не поинтересовался, что отвѣтила жена. Вообще, день за днемъ накоплялись разныя мелкія непріятности... Что это такое, въ самомъ дѣлѣ! Люба — ни слова, точно чужая... нанимають квартиру, какъ у чужихъ... потомъ молчаніе на цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ, конечно, всему бываютъ границы! Такъ нельзя-съ... Что-жъ дѣлать, одни такъ одни — такъ ужъ на роду написано. Вотъ только передъ знакомыми совѣстно. А чортъ съ ними, съ знакомыми... Някого не нужно!..

Такъ протянулась зима, а въ мартѣ мѣсяцѣ неожиданно явился Шерстневъ. Пріѣхалъ вечеромъ къ чаю, какъ будто вчера разстались, рассказываетъ о дорогѣ, о погодѣ, о Казани, а о главномъ — ни слова.

— Вы гдѣ же остановились, Сергѣй Петровичъ? — спрашивала Марья Сергѣевна.

— Гмъ... Пока въ гостинницѣ. Знаете, тамъ есть свои удобства...

Nicolas такъ и рветъ: вотъ хорошъ!.. О Любѣ — хоть бы одно словечко.

— А вы давно изволили прибыть, Сергѣй Петровичъ? — ядовито спросилъ онъ.

— Да ужъ дня три...

Nicolas сердито двинулъ стулъ, вскочилъ, что-то хотѣлъ сказать, но только махнулъ рукой и убѣжалъ къ себѣ въ кабинетъ. Марья Сергѣевна проводила его улыбающимися глазами и тихонько проговорила:

— Тамъ все готово...

Шерстневъ молча поцѣловалъ ея руку. О, онъ былъ такъ счастливъ, что она понимала его безъ словъ. Да и какія могли быть тутъ слова? Просто, счастливъ, глупо счастливъ, безумно счастливъ... Понимала его еще старая Агаѣя, выглядывавшая въ дверь столовой. Старуха даже прослезилась отъ тайной радости. А старый баринъ — смѣшной: какъ есть ничего не понимаетъ! Ребеночекъ несмысленный...

Они переѣхали во флигелекъ вечеромъ. Марья Сергѣевна опять стояла у своего завѣтнаго окна и наблюдала, какъ загорѣлся веселый зеленый огонекъ, какъ это было давно-давно. Она вздохнула и перекрестилась. Во флигель торопливо перебѣгала только одна Агаѣя, принявшая такой озабоченно-важный видъ. Что то тамъ дѣлается?.. Nicolas не хотѣлъ ничего знать и перся у себя въ кабинетъ.

А стоявшій мертвымъ столько лѣтъ флигель точно ожилъ.

Слышались осторожные шаги, сдержанный шопотъ и тревожные вопросы.

— Люба... милая...

— Ахъ, оставьте меня!

Какая-то таинственная особа въ бѣломъ передникѣ входила въ спальню и возвращалась оттуда съ такимъ важнымъ видомъ. Люба лежала на старой кровати, съ закрытыми глазами, блѣдная, какъ наволочка подушекъ. Русые волосы прилипли къ бѣлому лбу спутанными завитками. О, она не спала уже вторую ночь, и никто не зналъ, какъ она мучилась. И къ чему имъ знать это? На стѣнѣ у изголовья висѣлъ знакомый образокъ—материнское благословеніе. Отверывавшіеся глаза искали его, а запекшіеся губы шептали молитву. Сергѣй Петровичъ подкрадывался къ двери, прислушивался и отступалъ еще осторожнѣе.

Какая безконечная, мучительная ночь!.. Къ утру Люба начала забываться. Одна, двѣ минуты тяжелаго забытья. И вотъ въ одну изъ такихъ минутъ она увидѣла, какъ отворилась дверь спальни, и въ нее вошли *они* вмѣстѣ. О, она узнала ихъ, узнала ее... Это лицо наклонилось надъ ней, родное, любимое, красивое, молодое, полное святой любви и тревоги. Люба протянула руки, хотѣла крикнуть, но голосъ замеръ въ груди. Все застлалось свѣтлымъ туманомъ и только яркими бликами горѣлъ одинъ образокъ. Въ ушахъ Любы еще стоялъ знакомый шопотъ...

— Мама... мама...

Агаѣя сидѣла въ кухнѣ, когда туда выскочилъ Шерстневъ, точно сумасшедшій, сначала пробѣжалъ мимо нея, а потомъ вернулся и проговорилъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Скорѣе... бѣги... Марья Сергѣевна...

На дворѣ онъ обогналъ старуху и, прыгая черезъ двѣ ступеньки, ворвался въ залъ, гдѣ стояла у своего окна Марья Сергѣевна. Онъ молча схватилъ ее за руку и потащилъ за собой, а потомъ вернулся въ кабинетъ и потащилъ Николая Яковлевича.

— Она желаетъ васъ видѣть... скорѣе... Слава Богу, все кончилось!.. О, какъ я боялся... Нѣтъ, извините, этого въ другой разъ не будетъ! Довольно...

Николай Яковлевичъ остался въ гостиной, гдѣ акушерка возилась около какой-то корзинки, прикрытой чѣмъ-то бѣлымъ. Марья Сергѣевна вошла въ спальню одна.

— Мама, милая мама!—шептала Люба, протягивая ей исхудавшую руку.—О, какъ я тебя люблю... всѣхъ люблю...

— Не волнуйся, родная моя.. тебѣ вредно...

— Нѣтъ, мнѣ хорошо...

Она закрыла глаза, перекатила голову на подушки и прошептала:

— Они были здѣсь... я ихъ видѣла... Ахъ, какая она молодая, красивая... да. Она наклонилась надо мной и сказала...

— Люба, не нужно волноваться...

— Всѣхъ люблю, мама...

Николай Яковлевичъ открывалъ въ это время корзину, въ которой лежалъ новорожденный. Шерстневъ выглядывалъ изъ-за его плеча и съ напряженнымъ видомъ слѣдилъ за его руками.

— Дѣвочка,—проговорила акушерка, помогая открыть личико ребенка.

— Мы ее назовемъ Любовью,—прошепталъ Шерстневъ.— Такъ хочетъ жена.

— О, да, именно, Любовь!—шопотомъ отвѣтилъ Николай Яковлевичъ, чувствуя, что у него мокрое лицо.

Д. МАМИНЪ-СИВИРЯКЪ.

ПИСЬМА С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

1877 г.

Окончаніе.

49 *).

Порадимъ. — 18-го октября, 1877 г. — Мнѣ нынче какъ-то особенно невесело на душѣ, и несмотря на это настроеніе, я прилежно засѣлъ за работу и съ 12 часовъ вплотную читалъ медицинскіе журналы, затѣмъ отправился завтракать и слушалъ съ величайшимъ удовольствіемъ нашъ саперный хоръ; саперы играютъ гораздо музыкальнѣе преображенцевъ, которые мнѣ надоели до-нельзя своей машинностью игры; эти подчасъ и со-врутъ, но играютъ какъ люди; солистъ на корнетѣ великолѣпный, и выборъ вещей прекрасный. Весь завтракъ я прослушалъ, какъ на концертѣ; отдохнули глаза, и я снова принялся за свои журналы; въ тремъ часамъ я былъ уже сытъ медициной, да и прохладно было сидѣть все время безъ движенія, — я отправился гу-лять, захвативъ съ собой Ковалевскаго. Вернувшись домой, мы застали передъ домою Государя возвратившихся изъ-подъ Плевны кубанскихъ казаковъ; они съ нами были все время, и только

---

*) См. выше: мартъ, 92; апр., 807; май, 246; іюнь, 747; окт., 526; ноябрь, 93.

передъ послѣднимъ дѣломъ ихъ отправили на софійскую дорогу; отдѣлялись очень счастливо—убиты только трое, раненъ мой хорошій знакомый полковникъ Жуковъ и одинъ милѣйшій запорожскаго типа казакъ В. С. Это чрезвычайно интересный типъ казака, дослужившагося изъ простыхъ рядовыхъ до подполковника; онъ очень красивъ собою, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, добръ, не глупъ, но наивенъ и несвѣдущъ, какъ новорожденный. Онъ обыкновенно составлялъ одно изъ пріятныхъ развлеченій нашего вечерняго чая своими разсказами. Онъ любитель женскаго пола, но не высокаго мнѣнія о болгаркахъ, которыхъ онъ нашелъ возможнымъ обстоятельно изучить въ какой-то деревнѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Горнаго-Студня, куда и ѣздили верхомъ. Попъ въ этой деревнѣ, за нѣсколько франковъ, давалъ возможность нашему В. С. ознакомиться съ этой стороной болгарскаго населенія. Когда С. приходилъ пить чай, то Рыльцевъ обыкновенно предлагалъ ему печенье, чтó здѣсь, какъ рѣдкость, подавалось въ небольшомъ количествѣ; В. С. забиралъ въ ручищи одну, другую и, наконецъ, оставлялъ двѣ штучки, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что онъ лишалъ остальныхъ рѣдкаго лакомства. Все это дѣлалось такъ наивно, просто, что, конечно, никто не жалѣлъ объ исчезнувшихъ сластяхъ. В. С. уплеталъ эти сласти какъ простую булку. Его, бѣднагу, теперь ранили, но къ счастью не тяжело, и вѣроятно онъ радъ-радѣхонекъ, что будетъ имѣть законное право отправиться въ семью; у него куча дѣтей на Кавказѣ.

Побесѣдовавъ съ казаками, я отправился наконецъ домой, но не долго отдыхалъ. Ко мнѣ явился главный врачъ госпиталя изъ Эгалевицы — Б., первый главный докторъ русскій, котораго я встрѣтилъ въ Болгаріи; это вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первый человѣкъ, который говорилъ совершенно откровенно; эти полчаса мнѣ разъяснили многое. Оказывается, что вся сила — въ смотрителяхъ: это первый крючокъ для вытягиванія денегъ изъ казны; статей дохода не мало; смотритель содержитъ 118 лошадей и получаетъ на фуражъ по справочнымъ цѣнамъ; это даетъ ему возможность класть въ карманъ около 400 рублей въ мѣсяцъ почти законно; повидимому, смотрителя — въ стачкахъ съ подрядчиками провизіи. На госпиталь отпускается должная сумма на различныя нужды, и эти деньги расходуются довольно либерально смотрителемъ, который подаетъ только свой счетъ и получаетъ деньги, хотя и съ разрѣшенія комитета, но это ни къ чему не ведетъ; проверка отчетовъ нерѣдко совершенно невозможна. Мнѣ кажется, что я скоро пойму наконецъ всю эту тонкую механику; во всякомъ случаѣ, теперь я на дорогѣ къ ея уразумѣнію. Въ

смотрителя назначаются обыкновенно такіе, которыми полки не дорожатъ; безъ сомнѣнія, попадають и хорошіе, но большая часть весьма невысокаго качества относительно человѣческихъ достоинствъ. При неблагонадежности смотрителя госпиталь можетъ вѣрно страдать. Въ мѣстахъ, гдѣ смотритель случайно честный и хорошій человѣкъ, да главный докторъ ему помогаетъ,—госпитали могутъ процвѣтать.

19-го октября.—Вчера я оборвалъ письмо, думая дописать нѣсколько строкъ послѣ чая, но засидѣлся у Адлерберга до 12-ти часовъ; пріѣхалъ курьеръ, и мнѣ принесли твое письмо... Весь день вчера мнѣ было невесело. Не упрекай меня въ донкихотствѣ; я стремился жить всегда въ согласіи съ своею совѣстью, самъ для себя, не думая о педагогической сторонѣ этого образа жизни; но теперь, не боясь упрека въ самохвальствѣ, я все-таки имѣю отрадное сознаніе, что принесъ свою лепту для того хорошаго нравственнаго уровня, на которомъ стояли наши врачи въ теченіе этой кампаніи. Эту мысль я позволяю высказать только тебѣ, зная, что ты не усмотришь въ этомъ и слѣда самообольщенія, которое мнѣ не было и никогда не будетъ свойственно. Смотря на труды нашей молодежи, на ихъ самопожертвованіе, на ихъ честное отношеніе къ дѣлу, я не разъ сказалъ себѣ, что не даромъ, не безплодно терялъ я свои нравственные силы въ различныхъ испытаніяхъ, которыя устраивала мнѣ моя судьба. Врачи-практики, стоящіе на виду у общества, вліяютъ на него не столько своими проповѣдями, сколько своею жизнью. З., поставившій своимъ идеаломъ жизни золотого тельца, образовалъ цѣлую фалангу врачей, первой задачей которыхъ—набить какъ можно скорѣе свои карманы. Если бы люди знали, что выполненіе моего долга не связано было ни съ какими для меня страданіями, мученіями, то, конечно, это выполненіе долга и не имѣло бы ничего поучительнаго для другихъ. Ты не повѣришь, какое внутреннее презрѣніе,—нѣтъ, не презрѣніе, а жалость—внушаютъ мнѣ люди, не умѣющіе выполнить своего долга. Такъ смотрѣлъ я по крайней мѣрѣ на каждаго дармоѣда, уѣзжавшаго отсюда. Ихъ было не мало; вѣдь не у многихъ хватило силъ выдержать теперешнюю жизнь безропотно и добросовѣстно относительно своего долга.

Сегодня я переѣхалъ въ палатку. Двѣ ночи я плохо спалъ въ своей землянкѣ—мало воздуха и сильно кашлялъ; вся семья болгаръ цѣлую ночь кашляетъ; я и рѣшился перебраться. Палатку устроили мнѣ великолѣпную: она изъ тѣса, врыта на полтаршина въ землю, снаружи обтянута двойнымъ полотномъ, встав-

лено окно, дверь; внутри обито ковромъ, и мнѣ теперь здѣсь великолѣпно; темпер. въ палаткѣ 11 градусовъ; большаго не нужно; дышется отлично, нѣтъ этого гнуснаго запаха каменной землянки съ плесенью. Хозяева спать въ первой комнатѣ около камина съ громадной дырой; тамъ тяга отличная и сыростью не воняетъ; кромѣ того, первая комната и не такъ глубоко врыта въ землю, какъ такъ называемая чистая, гдѣ я жилъ.

20-го октября. — Сейчасъ получено извѣстіе о взятіи Долъняго-Дубняка безъ выстрѣла; турки ушли безъ сопротивленія, увидя приближеніе русскихъ войскъ. Будутъ ли ждать сдачи Плевны? — неизвѣстно никому; желаніе уѣхать отсюда у всѣхъ такъ сильно, что мѣшаетъ здраво разсуждать объ этомъ вопросѣ. Одни сдѣлались фаталистами и ничего не думаютъ, не гадаютъ о времени выѣзда; другіе назначаютъ днемъ отъѣзда самыя позднѣйшіе сроки, внутренно думая о возможности пріятнаго сюрприза, который они себѣ готовятъ этой уловкой; есть такіе, которые совсѣмъ никакого мнѣнія не имѣютъ, какъ напр. Ковалевскій, и которымъ въ сущности все равно, гдѣ бы ни быть. Я принадлежу все-таки къ тѣмъ, которые назначаютъ извѣстный срокъ, и полагаю, что можемъ еще вернуться и неожиданно раньше этого поздняго срока, около 15-го ноября.

Вчера здѣсь привозили пашу изъ Телеша, что доставило около часа времени развлеченія нашей путешествующей колоніи. Это очень толстый, пузатый, маленькаго роста человѣчекъ съ очень добродушной и неглупой фізіономіей; онъ плохо говоритъ по-французски, едва понимаетъ, но лицо до такой степени подвижно и оживленно, что при разговорѣ съ нимъ черезъ переводчика не чувствуешь утомленія такимъ способомъ объясняться. До свиданія съ Государемъ онъ былъ нѣсколько сконфуженъ и безпокоенъ, но послѣ онъ совершенно разошелся. Оказывается, онъ служилъ профессоромъ въ военной академіи въ Константинополѣ и въ первый разъ пошелъ въ огонь; онъ искренно и простоудушно радовался, что отдѣлался дешево отъ гранатъ и повидимому съ большимъ удовольствіемъ уѣзжаетъ въ Россію. Говорятъ, при взятіи Телеша, когда отворились ворота редута и выѣхалъ на маленькой турецкой лошади этотъ толстенный паша съ короткими ногами, то все войско захохотало при видѣ этого героя. При папѣ былъ адъютантъ, но мнѣ казалось, что это просто его лакей, котораго онъ выдавалъ за адъютанта. По крайней мѣрѣ, по манеру себя держать, адъютантъ походилъ больше на лакея, чѣмъ на офицера. Сегодня привезли и пушки турецкія, взятые съ редутовъ.

У меня теперь стало совсѣмъ легко на душѣ. Я посидѣл

въ своей теплой палаткѣ,—нигдѣ не дуетъ, воздухъ прекрасный, легкій, ни слѣда сырости, ноги не зябнуть, кашля ни малѣйшаго, и я спѣшу порадовать тебя этимъ. Съ какимъ наслажденіемъ сижу я въ этой комнаткѣ, которая, несмотря на то, что такъ мала, что позволяетъ уставить только постель да маленькій мой столикъ и кресло, но тѣмъ не менѣе дѣлаетъ впечатлѣніе чрезвычайно уютнаго и даже красиваго помѣщенія; она обтянута коврами съ цвѣтами, представляющими какіе-то букеты розъ, пионовъ и чего-то бѣлаго, потолокъ обтянутъ бѣлымъ полотномъ съ четырьмя розетками по срединѣ,—просто роскошно. Самое отрадное въ ней то, что тишина такая, которая бываетъ вѣроятно только въ раю; слышенъ только издали лай собакъ. Въ хатѣ остался мой дворъ, тамъ и остались мои хозяева; я не слышу ни слѣда человѣческой жизни, ни храпа, ни кашля, ни разговора вплолоса моихъ придворныхъ. Не правда ли, какое это блаженство? Говоря о райской тишинѣ, я совсѣмъ забылъ, даже не слыжалъ, какъ постоянно палать изъ пушекъ подъ Плевной; сегодня цѣлый день безъ остановки тамъ стрѣляютъ, но такъ прислушиваешься къ этимъ постояннымъ выстрѣламъ, что перестаешь замѣчать. Мнѣ чутся, что Плевна скоро сдастся; говорить это, конечно, логика, а не мозгъ; впрочемъ, это не абсурдъ и для мозга.

50.

31-ю октября.—За завтракомъ сегодня слышалъ утѣшительное мнѣніе, что Плевна скоро сдастся; армія настолько уже деморализировалась, что офицеры турецкіе являются перебѣжчиками и описываютъ положеніе Плевны въ очень невеселомъ видѣ: ѣды мало. Османъ такъ гордо себя ведетъ, что его никто не видитъ; онъ къ себѣ и пашей даже не допускаетъ, такъ что врядъ ли имѣетъ, по словамъ турецкихъ офицеровъ, настоящее представленіе о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергается теперь турецкая армія. Вчера цѣлый день и, кажется, значительную часть ночи все слышны были выстрѣлы, а нынче—все утро; теперь только затихло. Сегодня я все время очень прилежно работалъ и радовался отъ всей души, что дурная погода остановила назначенную поѣздку въ Боготъ и вѣроятно на позиціи; эти поѣздки въ высшей степени для меня утомительны и въ физическомъ, и въ моральномъ отношеніи. Скука непомерная; невозможность читать, заниматься, въ эти дни удлинняютъ время до безконечности. Инте-

ресныхъ лицъ очень немного, да и повыходились всѣ при шестимѣсячномъ ежедневномъ свиданіи. Свѣже-подѣхавшихъ немного, да и нельзя сказать, чтобы эти свѣжіе много въ себѣ заключали условій для возбужденія интереса. Напр., Х., пріѣхавшій на смѣну У. адъютантомъ къ военному министру; вотъ вчерашній его разговоръ за завтракомъ. „Серг. Петр., скажите пожалуйста, а что вы вѣрите глазу?“ Видя мое удивленное лицо, почтенный полковникъ поспѣшилъ рассказать самый убѣдительный фактъ, который былъ съ нимъ. „Мнѣ удалось спасти отца моей жены отъ опасной и, можетъ быть, смертельной болѣзни тѣмъ, что зная, что онъ заболѣлъ съ глаза, я его sprysнулъ черезъ уголекъ“. Пошелъ длинный рассказъ этой операціи sprysкиванія черезъ уголекъ, что ежедневно продѣлывается въ его домѣ надъ дѣтьми. Затѣмъ полковникъ прибавилъ, что онъ вѣритъ тому, что можно глазомъ и вылечить; онъ самъ видѣлъ, какъ его лакей заговорилъ кровь, которая текла изъ порѣзанной раны.—Ну, а въ лѣшаго вѣрите?—спросилъ я. „Я его не видалъ, признаюсь,—говоритъ полковникъ,—но все-таки вѣрю“.—Въ 12 часовъ ночи не любите оставаться одни?—„Не только не люблю, но никогда и не остаюсь“.—Я только плечами пожималъ, другіе же всѣ слушали—и нисколько не удивлялись. Мнѣ, наконецъ, самому стало неловко, и чтобы выручить отервеннаго полковника, я спросилъ его, не воспитывала ли его старая няня, которая съ дѣтства внушила ему всю эту ерунду. Полковникъ покраснѣлъ до ушей: оказалось, что я не ошибся; эта няня, Аграфена, и до сихъ поръ еще здравствуетъ, и, очевидно, не безъ вліянія остается на своего воспитанника и до сихъ поръ. Какой уровень развитія! Все это для меня было новостью, открытіемъ; я думалъ, что такихъ лицъ уже не существуетъ, а оказывается, что они — въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. Понятно, почему наша знать лечится у вундерфрау и компаніи! Свѣтскій лоскъ даетъ возможность прикрыть свое содержаніе на очень короткое время, но при шестимѣсячномъ сожительствѣ оказывается эта прикрышка далеко не достаточной. Отсюда понятны и многіе наши герои, такъ охотно уѣзжающіе отсюда послѣ извѣстныхъ наградъ. Можно ли, при такомъ развитіи, относиться не только къ своему долгу, а къ чему-нибудь—серьезно? У такого человѣка понятіе о долгѣ совершенно своеобразное, по катехизису его корпуса; большая часть такихъ интересныхъ субъектовъ — изъ этого университета, и только теперь я понималъ вполнѣ, что такое это учебное учрежденіе. Одно время, судя по программѣ и по предметамъ, которые тамъ проходятся, я былъ недурного мнѣнія объ этомъ заведеніи, но теперь, по-

знакомившись поближе съ этими своего рода семинаристами, я поражаюсь недостаткомъ развитія; вѣдь есть между ними и не-глупые, и даже такіе, которые помнятъ все то, чему ихъ учили; но къ жизни это не прилагается, остается какимъ-то созершенно побочнымъ, ненужнымъ матеріаломъ въ головѣ; живутъ они по катехизису, составленному частью ихъ няньками, частью наемными гувернерами, отчасти ихъ дѣдами. Въ этой молодежи, по-видимому, мало задатковъ для будущаго; но не школу можно винить въ этомъ; она свое дѣлаетъ, даетъ извѣстную сумму свѣдѣній; главная вина, конечно, среды... Прости, что я такъ долго заставилъ тебя читать объ этой ерундѣ, но мнѣ хочется тебя по возможности держать au courantъ всего, чтѣ дѣлается около меня, тѣмъ болѣе, что это даетъ возможность понять многое, чтѣ дѣлается въ настоящее время, которое познакомило меня со многими, о чемъ я прежде зналъ больше теоретически, чѣмъ практически. Въ арміи гораздо больше утѣшительныхъ типовъ, чѣмъ въ штабѣ, куда прилѣпляется большая часть ненужностей.

22-ю октября 1877 г. — Сейчасъ прочелъ статью о Красномъ Крестѣ въ тылу арміи; до сихъ поръ я очень мало зналъ о дѣятельности Х., но, вѣря въ возможность всѣхъ обличительныхъ фактовъ, вмѣстѣ съ этимъ, однакоже, не могу никоимъ образомъ допустить сознательнаго воровства; очевидно, пользовались его довѣріемъ и воровали безъ удержа, но самъ онъ положительно не обладаетъ свойствомъ усвоивать чужое. Х. принадлежитъ къ числу людей, по-моему, очень ограниченныхъ: у него одна изъ тѣхъ головъ, работы Винтергальтера, которая обладаетъ очень большимъ лексикономъ словъ и цѣлыхъ фразъ, которыя произносятся въ различное время въ различномъ количествѣ, смотря по надобностямъ. Послѣдніе годы его дѣятельность была въ административномъ колесѣ, которое у него до сихъ поръ еще вертится. Приступивъ къ новой дѣятельности, онъ не могъ остановить своего колеса, и на немъ-то началась новая его дѣятельность, требующая человѣка всего менѣе рутиннаго—и умнаго; пошли канцелярскія упражненія, которыми и прикрывалось отсутствіе настоящихъ способностей. Какъ обыкновенно, на такихъ ограниченныхъ людей чрезвычайно легко могутъ вліять различные авантюристы; порядочные же люди обыкновенно отталкиваются этимъ колесомъ, въ зубцы котораго порядочная личность и не попадаетъ, а если попадетъ случайно, то не удержится. Подвернется какой-нибудь прозорливый архитекторъ, или какой-нибудь другой дѣлецъ—онъ уже знаетъ, какъ взяться за эту механику Винтергальтера, и дѣло идетъ бойко, къ обоюдному

удовольствію и полному согласію. Механическая голова находится въ упоеніи созерцанія своихъ собственныхъ доблестей и будущихъ наградъ, которыя неминуемо за симъ послѣдуютъ. Вѣдь, въ сущности, и Р.—такой же, но онъ кажется поскромнѣе, менѣе самонадѣянъ и у него кромѣ общечиновическаго колеса вертится еще колесо нѣмецкой обстоятельности, сдерживающее порывистость, излишнюю довѣрчивость. Ч.—другой типъ: это баринъ-помѣщикъ, крѣпостникъ, который и теперь еще выпоретъ, кого можно; у него голова настоящая, не работы Винтергальтера, а какой-то помѣщичьей пары, которая передала ему и властолюбіе, и самолюбіе; неудачная же карьера дала ему сухость, злость. Онъ бы могъ принести много пользы, еслибы вынесъ содѣйствіе хорошаго врача-товарища, но честнаго, знающаго. По организму, Ч. не выносить равнаго ему по силѣ и еще менѣе выдерживаетъ вышаго по силѣ; отъ этого и въ его отрядѣ много вышло ерунды.

24-го октября. — Сегодня вернулись съ Вятки; ко мнѣ зашелъ Милютинъ, такъ какъ я все скитаюсь по больнымъ; повидимому, его предположенія далеко не совпадаютъ съ моими относительно выѣзда отсюда. Раньше взятія Плевны не выѣдемъ, думаетъ Милютинъ; конечно, это мнѣніе самое распространенное и, можетъ быть, вѣрное. Теперь вопросъ: когда сдастся Османъ? Приѣхавшій сегодня кн. Грузинскій въ Систовѣ слышалъ отъ евреевъ, что дольше 27-го октября Плевна держаться не можетъ. Евреи эти, по словамъ Грузинскаго, люди значительные, имѣютъ какія-то большія дѣла на рукахъ и, конечно, вмѣстѣ съ этими имѣютъ и свою почту. Вечеромъ заходилъ ко мнѣ Адлербергъ и того же мнѣнія, что раньше 17-го ноября ничего не будетъ, но все это основано на такихъ же соображеніяхъ, для положительныхъ данныхъ, какъ и у насъ грѣшныхъ. Остается беречь свои силы и употреблять ихъ исключительно на одну добродѣтель человека — терпѣніе; безъ этого дѣйствительно обезсилѣешь и упадешь въ уныніе. Когда я прихворнулъ, то чувствовалъ, что недалеко отъ унынія, но теперь я снова приободрился, глубоко увѣренный, что въ ноябрѣ будемъ дома. Вѣдь вообще мы всѣ стали здѣсь раздражительны; очевидно, всѣ другъ другу надоели, всѣ потеряли свой ароматъ, выдохлись, между тѣмъ всѣ чувствуютъ себя на сборѣ, ни за что не хотятъ приняться, — ну и выполаскиваютъ свою злобу при всякомъ удобномъ случаѣ. Твое безпокойство о томъ, что я могу подвергаться опасности отъ пуль, меня просто заставляетъ смѣяться. Не только мы, — нечего и говорить обо мнѣ, — но, напримѣръ, адъютанты великаго князя Николая Николаевича, до сихъ поръ, въ добрый часъ сказать, ни одной царапины не

получили. Подъ Плевной распорядителемъ Тотлебенъ, и, несмотря на его старость, ему можно довѣриться гораздо больше, чѣмъ кому-либо; при объѣздѣ позицій Государемъ, онъ, понятно, никогда не повезетъ туда, гдѣ есть хотя какая-нибудь опасность. Жить же въ Порадимѣ такъ же безопасно, какъ въ Петербургѣ. Хотя бы было какое-нибудь несчастное дѣло, то при расположеніи нашихъ войскъ, батарей, и т. д., мы никогда ничѣмъ не рискуемъ; надо отдать полную справедливость Государю, онъ держитъ себя чрезвычайно благоразумно и никогда не противорѣчитъ, если авторитетный человѣкъ сдѣлаетъ ему замѣчаніе. Такъ напр., назначена была поѣздка на батарею; Тотлебенъ далъ ему знать, что старое мѣсто, гдѣ мы были, уже небезопасно, а новаго онъ еще вѣрнаго не нашелъ—и поѣздка была отменена. Для меня одна бѣда — я боюсь затосковать больше, чѣмъ слѣдуетъ, но и это, я думаю, какъ окончательно пройдетъ мой гриппъ, обойдется. Вѣдь это было бы въ высшей степени малодушно отчаяваться въ своихъ нравственныхъ силахъ именно тогда, когда осталось уже такъ немного нашего испытанія. Четырнадцать, двадцать дней—уже не шесть мѣсяцевъ со всѣми остальными мученіями. Но наше горе—ничто въ сравненіи съ массами несчастій. Теперь почувствовать и Петербургъ, какое ужасное бѣдствіе война; да, пока на своей шкурѣ не увидишь ранъ, пока во-очію не увидишь всю неизмѣримость зла,—говоришь о войнѣ, какъ о бѣдствіи, чисто теоретически. Платясь собственными боками, ковыряя свои раны не разъ, не два, а цѣлые длинные мѣсяцы, только тогда выучишься глядѣть на это бѣдствіе истинными глазами.

Сейчасъ приходилъ одинъ изъ здѣшнихъ маленькихъ чиновниковъ ради медицинскаго совѣта; перебросивъ съ нимъ нѣсколько словъ, я увидалъ, что эти бѣдняги еще больше страдаютъ, чѣмъ мы, въ этой походной жизни. Желаніе ѣхать у нихъ всѣхъ, кажется, доходитъ до болѣзненныхъ размѣровъ; всѣ заняты однимъ капитальнымъ вопросомъ: когда?—всѣ увѣрены, *все знаютъ*, что не зимуютъ, но теперь всякая лишняя недѣля отсрочки есть испытаніе; нѣкоторые говорятъ о днѣ отъѣзда со слезами на глазахъ; почти у всѣхъ семьи, и они отправились только на три недѣли, а теперь уже пять мѣсяцевъ прошло. Большая часть изъ нихъ работаетъ съ утра до ночи, неся, можетъ быть, вдвоемъ, троимъ трудъ цѣлыхъ канцелярій Петербурга: вѣдь всѣ дѣла государства идутъ черезъ военно-походную канцелярію.

На дняхъ сюда ждутъ Обручева, который, устроивъ побѣду на Кавказѣ, пріѣзжаетъ сюда на выручку. Кажется, это единственный человѣкъ нашего времени, который можетъ дѣйстви-

тельно выдвинуться изъ ряда вонъ. Справится ли онъ только здѣсь со многими препятствіями, которыя, вѣроятно, ему будутъ на дорогѣ? Говорятъ, Тотлебенъ уже вряхтитъ и жалуется на недостаточное содѣйствіе штаба; на его телеграммы отвѣтъ изъ штаба, вмѣсто 30 минутъ, идетъ 12 часовъ; на его требованіе прислать тысячу рабочихъ—присылаютъ двѣсти, и т. д. въ этомъ родѣ. Поговариваютъ здѣсь о корпусѣ, который идетъ на встрѣчу Осману со стороны Софіи; въ виду этого, конечно, дѣлаютъ свои распоряженія; кажется, наши двигаются къ Орханію.

Меня очень обрадовало письмо Богдановскаго; надѣюсь, что онъ, съ своей стороны, высказалъ Главному Обществу результаты своихъ наблюденій. Мнѣ было особенно пріятно встрѣтиться съ нимъ, съ выводами, которые онъ дѣлаетъ относительно призрѣнія раненныхъ: необходимость большаго числа госпиталей и вредное вліяніе форсированной эвакуаціи — для меня это непреложныя истины. Пироговъ, видя больныхъ въ Румыніи и не заставъ здѣсь эвакуаціи въ ея разгарѣ, повидимому, продолжаетъ поддерживать свою мысль. Сегодня я бесѣдовалъ съ главнымъ генераль-штаб-докторомъ и хирургомъ румынской арміи; оказывается, что онъ протестуетъ противъ эвакуаціи, смотря на нее какъ на величайшее зло—совершенно справедливо. Всякій, кто видѣлъ вблизи это дѣло, будетъ сочувствовать этому протесту.

51.

26-го октября.—Сегодня цѣлый день кислый; почти не спалъ изъ-за щеки: вѣроятно, нарываетъ поганая. Одѣвшись, вышелъ сидѣть на солнышкѣ у великолѣпнаго входа въ мою хату. Начались посѣщенія, которымъ, въ сущности, я былъ очень радъ: все равно, дѣлать ничего не хотѣлось; лучше уже болтать. Самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ у меня бываетъ Мезенцевъ, которому обыкновенно подносится сигара и заводится бесѣда о войнѣ, большею частью, конечно, съ послѣдняго событія. Я люблю его слушать, когда онъ толкуетъ о военныхъ дѣйствіяхъ; онъ знаетъ дѣло и всѣми мозгами работаетъ при разборкѣ какаго-нибудь факта; знаетъ исторію прошлыхъ войнъ съ Турціей; обо всемъ говорить чрезвычайно охотно. Около трехъ часовъ подошелъ Государь, объявилъ о новомъ дѣлѣ подъ Карсомъ; первое извѣстіе было утромъ о разбитіи соединенной арміи Мухтара и Измаила подъ Эрзерумомъ; былъ благодарственный молебенъ по случаю извѣстія о томъ, что наши подъ Карсомъ отбили небольшой при-

ступъ, ворвались на одно изъ укрѣпленій и заклепали пушки. Въ Малой Азии идетъ блистательно, авось и у насъ пойдетъ сносно. Около 4-хъ часовъ у моего крылечка на солнышкѣ образовался цѣлый клубъ; конечно, одинъ предметъ разговора — Плевна, когда сдастся; всякій дѣлаетъ свои соображенія, внося, конечно, свой личный характеръ въ окончательное заключеніе. Говорятъ, главнокомандующій утверждаетъ, что дальше 2-го ноября она не продержится; это повторяется во всѣхъ углахъ. Находятся такіе, которые возражаютъ, тѣ, кто, напр., видѣлъ около 2.000 головъ скота подъ Плевной; говорятъ, будто передъ дѣломъ 12-го числа турки провезли 600 повозокъ провіанта; что турки ѣдятъ мало и Богъ знаетъ чѣмъ могутъ быть сыты, и т. д. въ этомъ родѣ. Конечно, никто навѣрное ничего не знаетъ. Жаль только, что Тотлебена ушибла лошадь, и полагаютъ, что онъ недѣли на двѣ не будетъ въ состояніи садиться на лошадь; это особенно жаль потому, что онъ все-таки завелъ у Плевны извѣстный порядокъ, установилъ систему.

Передъ заходомъ солнца я ушелъ въ свою конуру; въ пять часовъ дали мнѣ ѣсть. Къ концу моего обѣда забѣжалъ и дипломатъ Г.; когда-нибудь познакомлю тебя и съ этой личностью. Послѣ обѣда общаго начались новыя посѣщенія тѣхъ, которые не успѣли забѣжать въ теченіе дня. Подъ вечеръ, между прочимъ, забѣгалъ и Меньшиковъ, совсѣмъ разстроенный; кажется, Шаховской оставляетъ свой корпусъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня К., съ которымъ мы прежде читали, а потомъ болтали, вспоминая академію съ ея различными представителями безобразія. Отдалясь отъ нѣкоторыхъ собратьевъ по академіи въ послѣдніе годы, я многого не зналъ сквернаго, что дѣлалось въ такъ называемой русской партіи; тогда К. былъ еще студентомъ, и сообщилъ мнѣ теперь нѣкоторые омерзительные факты. Я радовался, что чутье мое не обмануло меня, и я удался въ-время.

Богъ имъ судья—они много принесли вреда академіи, и еще болѣе—порядочнымъ русскимъ людямъ.

27-го октября.—Сегодня вся наша квартира уѣхала на позицію, на тотъ царскій валикъ, куда мы ѣздили съ 26-го августа, и который я называю горою Голговою. Теперь пятый часъ, но еще никто не возвращался. Вслѣдствіе отъѣзда почти всѣхъ, меня нынче посѣтили немногіе, и я провелъ день на солнышкѣ, ничего не дѣлая, смотря на дѣтей моихъ болгаръ. День такъ хорошъ, такъ пріятно было сидѣть на солнцѣ и вдыхать въ себя пріятнѣйшій воздухъ, что не хотѣлось за что-нибудь взяться. Вся семья

болгаръ также высыпала на солнце и тоже, очевидно, наслаждалась этимъ даровымъ тепломъ. Старый дѣдъ истощенный, тщедушный, все время лежалъ, жмурить глаза, снималъ свою шапку и грѣлъ свою бритую голову съ оставленной косичкой на затылкѣ; мать-вдова сучила нитки, а дѣти по-своему занимались; дѣйствительно, по-своему: я никогда не видалъ у насъ 4-хъ-лѣтняго ребенка валяющимся на солнцѣ; какъ большой, лежить, не спать и видимо наслаждается солнцемъ; младшій сынишка лѣтъ трехъ только, очевидно, еще не дошелъ до степени развитія старшаго—онъ оставался вполнѣ индифферентнымъ къ солнцу и больше интересовался пуговицами моего пальто; дѣвочка лѣтъ одиннадцати, но сложенная совершенно какъ взрослая, съ лохматыми длинными волосами, очевидно, не знала, чтѣ ей начать: то вымоетъ себѣ руки и высушитъ на солнцѣ, то выльетъ воду на собаку; наконецъ, она убѣжала къ сосѣдямъ. У насъ нынче второй день праздника приходскаго, потому вчера они уже не работали и обѣдали съ особеннымъ церемоніаломъ, такъ же, какъ всегда, на короточкахъ у огня своего камина, но былъ поставленъ деревянный кругъ, который замѣнилъ имъ столъ; испечены были хлѣбцы, въ которые они воткнули восковыя свѣчи, зажгли, помолились и приступили къ ѣдѣ; сегодня, какъ и всегда, всѣ разряжены; женскій костюмъ очень красивъ, и я хочу тебѣ его привезти; просилъ, чтобы мнѣ нашли порядочный; не знаю—соберутъ ли. Нація находится совершенно въ первоначальной степени развитія: нынче сдѣлали открытіе у моего хозяина—въ одномъ изъ его сараевъ на дворѣ валяется дохлый волъ; полагаютъ, что онъ издохъ уже дня два, а хозяинъ и знать ничего не хочетъ, утверждая, чтѣ волъ не его; еслибы волъ былъ живъ, то навѣрное онъ не отказался бы. Увидали совершенно случайно, а то онъ провалялся бы долго, до тѣхъ поръ, пока не пошла бы отъ него вонь, чтѣ всѣ бы замѣтили, да ходилъ бы имъ питаться нашъ пёсъ; кучами, вѣроятно, изъ деревни стали бы собираться товарищи его на лакомое блюдо. Нашъ пёсъ, проживающій у болгаръ, очевидно, уходитъ кушать куда-нибудь въ ресторанъ за городъ, отлучаясь время отъ времени изъ дому, гдѣ ему корма нивогда никакого не даютъ, да и жить-то онъ здѣсь какъ-то больше при домѣ, чѣмъ при людяхъ.

Сейчасъ отъ меня вышла больная дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, повидимому, изъ богатой болгарской семьи, разодѣтая, закрученная въ неизмѣримо длинный кушакъ; ее привела мать, и дѣвочка вошла, потупивъ глаза, какъ здѣсь принято для дѣвушекъ, хорошенькая собой, но слабогрудая; впрочемъ, пожалуй, въ этомъ

климатъ отгуляется за осень, которая здѣсь дѣйствительно хорошая, только ночи свѣжи; сегодня опять было все покрыто бѣлымъ по утру, но съ 10, 11-ти часовъ до 4-хъ—великолѣпно. Извѣстій изъ-подъ Плевны никакихъ новыхъ не имѣлъ, хотя и заѣзжалъ ко мнѣ корпусный врачъ, Голтовскій, изъ 4-го корпуса. Хвораютъ теперь меньше, тяжелыхъ лихорадокъ больше не встрѣчаютъ; по его словамъ, у нихъ въ корпусѣ говорятъ различно: одни—что Плевна сдастся черезъ недѣлю, другіе—черезъ мѣсяцъ. Перебѣжчиковъ стало оттуда меньше, вслѣдствіе того, будто бы, что 40 человекъ перебѣжчиковъ были возвращены румынами назадъ въ турецкій лагерь. Сомнительно, чтобы нашъ отъѣздъ состоялся раньше взятія Плевны; впрочемъ, вѣрнаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что не зимуетъ; этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; съ другой же стороны, врядъ ли еще черезъ три недѣли будетъ мыслимо здѣсь какое-нибудь движеніе и, слѣдовательно, военныя дѣйствія. Теперь, оправившись отъ своего нездоровья, я чувствую новыя нравственныя силы, чтобы нести свой крестъ; утѣшаю себя мыслью, что значительная часть уже пройдена, что виденъ, наконецъ, берегъ, мелькаетъ по временамъ и пристань. Признаюсь, въ началѣ моей маленькой болѣзни уныніе было такъ сильно, что я съ ужасомъ глядѣлъ на всякій лишній день, который мы здѣсь оставались; теперь я на опытѣ убѣдился, что такое уныніе не дало мнѣ лишнихъ силъ. Ты съ улыбкой смотришь на мой оптимизмъ, а между тѣмъ, благодаря, можетъ быть, этому свойству моего организма, я былъ въ состояніи выдержать все это испытаніе. У меня нервная система очень впечатлительна, и пессимистическое воззрѣніе дѣйствуетъ на нее чрезвычайно угнетающимъ образомъ.

Сейчасъ отъ меня вышла цѣлая компанія—пришли прямо съ обѣда и рассказали о томъ, какъ прошелъ у нихъ день; признаюсь, я былъ доволенъ, что остаюсь на больничномъ положеніи, и это удовольствіе прошло мимо меня. Они ѣздили верстъ 25 за Вербицъ; пришлось не по дорогѣ ѣхать верстъ двѣнадцать, и все это предпринято было, чтобы сдѣлать смотръ и визитъ румынскимъ войскамъ, которыя проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя. Принцъ Карлъ былъ хозяиномъ, *faisait les honneurs*, повелѣ показывать новый редутъ, выстроенный румынами и названный „Александръ“. Говорятъ, работа замѣчательная по чистотѣ, отчетливости въ отдѣлкѣ и, будто бы, далеко превосходить въ этомъ отношеніи наши редуты. Очевидно, какъ турки, такъ и сосѣднія съ ними національности, чрезвычайно умѣли въ земляныхъ работахъ; если зайдешь въ любую болгарскую дере-

вущу, то первое, что поражаетъ, это окопы кругомъ села, кругомъ cadaго отдѣльнаго хозяйства; хоть бы здѣсь, въ Порадимѣ: заборовъ нигдѣ нѣтъ, но отдѣльные дома, съ ихъ хозяйствами, раздѣлены земляными высокими насыпями, обыкновенно нѣсколько ниже человѣческаго роста; мѣстами со стороны улицы устроены еще ровы; въ нѣкоторыхъ деревняхъ этотъ ровъ такъ глубокъ, что человѣка въ немъ не видно; сдѣлано все это чрезвычайно ловко, ровно, чисто; углы срубаны, какъ будто выпилены. Однимъ словомъ, лопатой работаютъ, какъ самымъ знакомымъ инструментомъ; въ турецкой арміи чуть ли не на cadaго солдата приходится по лопатѣ, а у насъ подъ Плевной, въ дни нашего послѣдняго погрома, не было, кажется, одной тысячи лопатъ; теперь, ѣздя по позиціи, мы встрѣчали свѣжіе шанцевые инструменты, повидимому, недавно привезенные изъ Бухареста. Неудивительно, что и редутъ румынскій поражаетъ нашихъ своей отдѣлкой. Румынія, также какъ и Болгарія—страны безлѣсистыя, и здѣсь поневолю роются въ землѣ и выучиваются владѣть лопатой, какъ у насъ топоромъ. Конечно, главнаго вопроса о времени сдачи Плевны никто не можетъ рѣшить; экспедиція къ Орханію уже предпринята и вѣроятно будетъ не безъ успѣха. Османъ принужденъ будетъ сдаться, но когда? Малоазіатскіе успѣхи поддають, видимо, жару и здѣшнимъ начальствующимъ, но желательно было бы, чтобы излишнее усердіе не испортило. На мой вопросъ Голтовскому (корпусному доктору), много ли теперь заболѣваетъ въ день въ его корпусѣ? „150 человѣкъ въ одномъ только корпусѣ—гораздо меньше, чѣмъ прежде“,—прибавилъ онъ къ этому. По прежнимъ же отзывамъ начальства говорили, что подъ Плевной заболѣваетъ во всей арміи отъ 200 до 250 человѣкъ въ день. Можно ли теперь этому вѣрить? Очевидно, эта цифра была невѣрная,—только для Государя! Но такіе факты здѣсь нерѣдко приходится встрѣчать.

52.

28-го октября.—Сегодня у меня весь день ушелъ на визиты посѣщавшимъ меня во время болѣзни; утромъ былъ въ первый разъ у Государя; забѣжалъ домой позавтракать; выкуривъ сигару, отправился славить Христа, руководствуясь географическимъ расположеніемъ всѣхъ живущихъ въ Порадимѣ; при этомъ пришлось порядкомъ мнѣ побродить по здѣшнимъ дорогамъ, перелѣзать и карабкаться по канавамъ, но съ помощью палки съ острымъ концомъ путешествіе это совершилъ я вполне благополучно: пер-

выхъ еще заставлялъ дома, а по мѣрѣ приближенія времени къ 12-ти часамъ большая часть уже поразошлась къ завтраку, и гдѣ карандашомъ на стѣнѣ, гдѣ палкой на землѣ отмѣчалъ свою фамилію. Здѣсь улицы и переулки образуются окопами дворовъ; конечно, нѣтъ ни названій улицъ, ни нумеровъ домовъ; знаешь только, что такой-то живетъ въ той сторонѣ, а такой-то—въ другой. До 12-ти часовъ справлялъ это дѣло одинъ, а потомъ зашелъ за Ковал. и вторую половину визитовъ додѣлывалъ вмѣстѣ съ нимъ. Придя, во второй половинѣ своихъ визитовъ, къ Тучкову, мы застали за обычнымъ отдѣльнымъ завтракомъ хозяина, Рылѣва и Щелкова; этотъ визитъ продолжался всего долѣе, просидѣли все время завтрака и долго потомъ слушали повтореніе въ миллионный разъ нападокъ Тучкова на Щелкова за телеграфную его неспособность. Несмотря на однообразіе и постоянство нападокъ, старикъ все-таки каждый разъ очень серьезно сердится и обыкновенно настолько, что приходится вступаться въ разговоръ. Отъ Тучкова, по той же улицѣ, которая у насъ называется Невскимъ, отправились къ Меньшикову; тамъ радушный приѣмъ съ праздничной сигарой; туда пришелъ и Мезенцевъ; пошли толки о военныхъ дѣлахъ, счетахъ, пересчетахъ дивизій, корпусовъ, гдѣ что стоитъ. Ну и, конечно, все вниманіе обращено на Плеву и ея окружности. Послѣ Меньшикова, намъ предстояло отправиться съ Ковалевскимъ къ большому гр. Ч. К., который живетъ въ самомъ концѣ деревни; не успѣли сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по Невскому, какъ наткнулись на цѣлую компанію свитскихъ, остановившуюся у одного уличнаго продавца румына (здѣшній „Англійскій магазинъ“). Оказывается, что вся компанія направлялась къ гр. Ч., куда и мы отправились вмѣстѣ, постоявъ безъ толку около магазина, гдѣ все продается: тутъ и сапоги, и фуфайки, и письменныя принадлежности, и постель, и тулупъ, и ермолки, и стулики и пр.; все, конечно, въ высшей степени скверно и безъ всякаго выбора, по одной и по двѣ пары различныхъ предметовъ; цѣны, конечно, громадныя. Въ компаніи шести человѣкъ добрались до Ч. и вошли въ его конурку, тоже вырытую въ землѣ, съ однимъ маленькимъ окошечкомъ. Онъ командуетъ полкомъ и по болѣзни пріѣхалъ сюда, обрадовавшись этой конурѣ, какъ дворцу. Кажется, я тебѣ о немъ писалъ; это очень порядочный человѣкъ, честный, любитъ выпить и, выпивши, дѣлается чуть не атеистомъ, а въ трезвомъ видѣ остается заклятымъ поклонникомъ Редстока. Онъ всегда былъ кавалеристомъ, а теперь дали ему командовать полкомъ покойнаго Ш.; изъ страха, чтобы не приняли его за труса, онъ не отказался, и

теперь, ничего не понимая въ пѣхотной службѣ, волей или неволей сидитъ на позиціи; тутъ, кажется, отъ скуки и горя онъ сталъ прибѣгать къ единственному тамъ развлеченію и поддержкѣ въ слабости — къ вину и, повидимому, вѣрнѣе надорвалъ свое здоровье, живя постоянно въ палаткѣ въ эту сѣверную погоду. Гости сидѣли тутъ же, когда я его изслѣдовалъ, и принимали нѣкоторымъ образомъ участіе. Въ пятый часъ только я вернулся домой, мокрый, какъ мышь. Теперь иду обѣдать; до свиданія...

Съ 4-хъ часовъ сегодня пальба идетъ сильнѣйшая; послѣ обѣда получена депеша о томъ, что Скобелевъ атакуетъ Зеленую гору, приобрѣтеніе которой было необходимо для дальнѣйшихъ нашихъ инженерныхъ работъ, которыя будутъ подъ выстрѣлами. Пальба и до сихъ поръ идетъ, но ничего неизвѣстно, что изъ этого выйдетъ. Нынѣче, обходя нашу колонію, многое пришлось выслушать; сегодня пріѣзжалъ сюда съ донесеніемъ кн. И.; такъ какъ я не былъ за общимъ завтракомъ, то пришлось слышать его рассказы изъ различныхъ редакцій. Для характеристики времени и людей привожу слѣдующія двѣ редакціи: одна утверждаетъ, что И. говорилъ, что больше 10 дней Плевна держаться не можетъ, что въ Плевнѣ падежъ скота, что мясо выдается только офицерамъ каждые пять дней, что въ городѣ недостатокъ соли, — убивать скотъ и солить мясо нельзя, — что турки по ночамъ бродятъ по кукурузнымъ полямъ, отыскивая уцѣлѣвшіе или свалившіеся колосы кукурузы, но что одѣты перебѣжчики очень хорошо; другая редація утверждаетъ, что И. говоритъ, что Плевна можетъ держаться пять мѣсяцевъ, что запасовъ много и пр. въ этомъ родѣ. Какой редакціи вѣрить? Повидимому, дѣлая выводъ изъ всего, что говорится, что болтается и перевирается, нужно полагать, что Османъ ожидаетъ поддержанія и потому не прорывается; безъ попытки прорваться — врядъ ли онъ сдастся; въ силу этого предположенія, большое значеніе должна имѣть предпринятая экспедиція къ Орханію, около которой ожидаютъ встрѣтить идущее на помощь поддержаніе; если эта армія будетъ уничтожена, то Плевна падетъ сама собой; во всякомъ случаѣ, въ очень непродолжительное время должно ожидать рѣшительныхъ событій. Необходимость покончить съ войной во что бы то ни стало нынѣшней зимою, до наступленія весны, слишкомъ очевидна; протянется война дольше — весной она загорится не съ одной Турціей; Англія дѣлаетъ самыя серьезныя подготовленія... Впрочемъ, это — предположеніе дипломатовъ.

12 ч. ночи. — Не хочу лечь спать, не подѣлившись съ тобою отряднымъ впечатлѣніемъ: сейчасъ вернулся отъ Государя, кото-

рый получилъ депешу, что первая Зеленая гора занята нами съ малыми потерями; турки переколоты въ ложементѣхъ; наши обжигаются. Завтра вѣроятно ты прочтешь это въ газетахъ, можетъ быть, съ какими-нибудь дополненіями. Меня непріятно поразило то, что сказано въ телеграммѣ: первая Зеленая гора!—значить, есть и вторая, оказывается и третья; все это было въ нашихъ рукахъ 30-го августа, но не могли тамъ держаться.

Сейчасъ провѣрилъ у Адлерберга различныя редакціи показаній И. относительно срока: оказывается, что и 10 дней и 5 мѣсяцевъ, все это—прибавленіе „редакторовъ“, но остальное все вѣрно, только число головъ скота уже не три тысячи, а пять; какъ ни велико это число, но предполагая, что одинъ волъ идетъ приблизительно на 120 человѣкъ въ день и допуская возможность падежа скота,—при 60 тысячахъ войскъ эта порція уничтожится скоро, хотя бы и давали уменьшенныя количества. Выстрѣлы слышны почти до полуночи, но уже рѣдкіе. Туманъ продолжался цѣлый день—вечеромъ болѣе постоянно начала сыпать мелкими каплями наша петербургская изморозь. Несмотря на новолуніе, которое уже видѣлъ дня два назадъ, такъ темно, что безъ фонаря не было бы никакой физической возможности добраться до дому, несмотря на попытку освѣтить главную улицу стеариновыми свѣчами, воткнутыми въ разбитыя бутылки.

29-го октября. — Сегодня было заявлено, что поѣдемъ въ Питеръ прямо, не заѣзжая въ Систово, гдѣ были приготовлены для насъ помѣщенія. Еще не видалъ министра, не знаю подробностей этого заявленія, но говорятъ, что онъ въ духѣ, слѣдовательно поѣздка—не въ далекомъ будущемъ. Нынѣче Государь и между прочими и я—были въ Боготѣ; позавтракавъ, отправились въ госпиталь и заѣхали предварительно въ отдѣленіе Краснаго Креста Цесаревны; раненыхъ осталось уже немного отъ 12-го числа,—большинство эвакуировано на Зимницу и далѣе; остались наиболѣе тяжелые, которые задержаны, видимо, для выставки и отчасти для занятія Пирогова, да и не хотятъ очевидно теперь продолжать прежнее варварство эвакуаціи, благо есть свободныя мѣста. Раненые съ Зеленой горы отъ Скобелева еще не попали; говорятъ, ихъ немного; вся потеря, кажется, въ 120 человѣкъ.

Вчера вечеромъ еще въ 11 ч. и нынѣче утромъ турки дѣлали атаки на отнятую у нихъ позицію, но оба раза были отбиты; нынѣче пострѣливаютъ, но гораздо меньше вчерашняго. Въ штабѣ главнокомандующаго, сколько я могъ слышать, относятся разумно къ этому дѣлу; одни называютъ его новымъ блистательнымъ дѣломъ Скобелева, другіе--что это совершенно лишнее; разъ рѣшено брать

укрѣпленія голодомъ — къ чему эти, хотя и ничтожныя, потери людей? Такая существенная разниа возрѣній обусловливается не особенностями военныхъ соображеній, но болѣшимъ или мѣншимъ благорасположеніемъ къ Скобелеву со стороны говорящихъ. Повидимому, это послѣднее составляетъ главную и существенную основу оцѣнки самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Напримѣръ, если мнѣ кто-либо теперь говорить, что артиллерійскій огонь не приноситъ никакого вреда непріятелю, то я сейчасъ же справляюсь: а въ какихъ онъ отношеніяхъ съ кн. М., начальникомъ артиллеріи? — и такъ далѣе во всемъ остальномъ. Нѣкоторые вопросы только не представляются спорными и не спасаются даже и личными симпатіями и антипатіями: это — вопросы по интенданству; въ этомъ отношеніи люди разнятся только въ болѣшей или мѣншей смѣлости высказывать различные поучительные и, къ сожалѣнію, печальные факты; запасы, склады, повидимому, не сдѣланы; еле-еле успѣваютъ подвозить то, что и поѣдается тотчасъ же; наступить распутица — неизбѣжно будетъ ощущаться нужда въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Лошади и теперь почти не имѣютъ сѣна, которое замѣняется соломою. Сѣно погнѣбло несокошеннымъ, на корню сгорѣло или сгнило, благодаря намѣренной или ненамѣренной — неизвѣстно — небрежности кого-то. Видѣ лошадей, влекущихъ обозъ, самый печальный; онѣ едва имѣютъ силъ тащить свой собственный скелетъ, а ихъ заставляютъ тащить сухари; также печально тянутъ и заморенные, нескормленные волаы. Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, если вспомнишь, что все это въ значительной степени могло бы быть устранено, если бы только въ-время и хорошо трянули мозгами. Потребовался авансъ на два милліона для постройки бараковъ для больныхъ (ни съ однимъ врачомъ не посоветовались, какъ и что строить); это, какъ извѣстно, поручено Полякову. Авансъ разрѣшилъ министръ финансовъ, но спрашиваетъ, куда и какъ доставить сумму; на вопросъ нѣтъ отвѣта; тогда министръ финансовъ вторично телеграфируетъ, спрашивая: вѣроятно миновала надобность въ деньгахъ, если нѣтъ отвѣта? — но и это не ускорило дѣла. Не знаю, чѣмъ оно кончится. Съ другой стороны, заявляютъ сюда изъ главнаго штаба объ отправленіи трехъ госпиталей въ Болгарію; ихъ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ, но въ свое время, вмѣсто всего наличнаго состава госпиталей со всѣми принадлежностями, являются только три смотрителя, въ надеждѣ все недостающее получить въ дѣйствующей арміи!!! Фактъ этотъ сообщенъ мнѣ лично главнокомандующимъ. Въ Боготѣ, въ госпиталѣ, видѣлъ Пирогова, который ко времени пріѣзда туда Государя приготовилъ больного къ операціи при помощи Обермюллера, Березкина.

Пироговъ мнѣ показался какъ-то сконфуженнымъ; мнѣ кажется, онъ самъ чувствуетъ всю декоративность своего положенія. Не знаю, насколько онъ рѣшится продолжать пѣть дионирамбы медицинской администраціи; жаль будетъ, если онъ броситъ тѣнь на свое порядочное имя, можетъ быть, незадолго до своей смерти. Можно благоговѣть передъ врачами, передъ ихъ трудами, но непозволительно мириться съ административной стороною всего медицинскаго дѣла; нельзя было прятаться за ширмы такого неправимаго бѣдствія, какъ война, для того, чтобы не стремиться улучшить положеніе раненныхъ и больныхъ. Пироговъ, повидимому, дѣйствуетъ безъ достаточной энергіи и прямоты; но, кажется, онъ начинаетъ уступать въ вопросѣ объ эвакуаціи, уменьшивъ свою страстность защиты этого безобразія. Мнѣ интересны подробности, какъ попалъ Пироговъ въ это путешествіе, чтѣ могли ожидать отъ человѣка въ 74 года? Кого должно было прикрыть имя, которое всѣ привыкли уважать?

Послѣ первой хорошей удачи, мы идемъ; но вѣдь это можетъ долго не быть? Кто знаетъ!... Вотъ фразы, которыя я считаю въ правѣ занести въ мой дневникъ, какъ первыя слова, сказанныя положительно объ отъѣздѣ. Дорѣгой, кажется, предполагаютъ смотрѣть госпитали; вѣроятно, будетъ небольшая остановка въ Бухарестѣ, но врядъ ли это долго задержать.

30-го октября.—Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ сильнѣйшую бомбардировку, которая всѣхъ разбудила. Бомбардировка была такъ сильна, что у насъ начался переполохъ. Государь вышелъ на балконъ, позвалъ Милютину и отправили телеграмму главнокомандующему и дежурнаго флигель-адъютанта — въ 9-й корпусъ Крюднера. Черезъ часъ отъ него пришелъ отвѣтъ, что еще ничего неизвѣстно; полагаютъ, что стрѣляютъ по нашимъ батареямъ; въ 6 ч. утра вернулся и адъютантъ съ донесеніемъ, что Крюднеръ тоже ничего еще не знаетъ; разъяснилось окончательно все дѣло только нынче утромъ, когда получилось донесеніе отъ Скобелева, что турки дѣлали нападеніе на Зеленую гору; атака была блистательно отбита, безъ малѣйшей потери. Наши вырыли себѣ такую траншею на Зеленой горѣ, что въ ней помѣщается цѣлый полкъ; они подпустили турокъ на 100 шаговъ и только тогда сдѣлали первый залпъ. По всему вѣроятію, эта позиція очень важна для турокъ; они уже сдѣлали три серьезныя попытки, чтобы отнять ее у насъ. Говорятъ, что подъ Зеленой горой расположенъ весь турецкій лагерь, будто у подошвы горы протекаетъ рѣчка, которая приводитъ въ движеніе 20 мельницъ, и, наконецъ, что городъ съ этой горы можетъ быть весь обстрѣливаемъ. Начальникъ штаба

редута въ Телешѣ, взятый въ плѣнъ, очень интересовался узнать, въ чьихъ рукахъ Зеленая гора; когда ему сказали, что еще у турокъ, онъ очень обрадовался, прибавивъ къ этому, что дни Плевны будутъ сочтены, какъ только будетъ взята эта гора. Нынѣшнее же утро было еще хорошее извѣстіе о занятіи Враца частью нашей артиллеріи, которая при этомъ захватила хорошіе запасы провіанта и разныхъ обозъ. Дѣло, какъ видно, подвигается; сегодня съ утра пушки до такой степени ревуть, что я не могъ спокойно читать, и уже приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь, чтобы съѣздить въ сосѣдній госпиталь—въ Эгалевицу, какъ объявили, что Государь ѣдетъ на царскій валикъ. Въ два часа мы отправились на нашу бывшую Голгоу, которую я съ трудомъ могъ узнать—такъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась. Появился новый редутъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы трепали свои нервы; бывший крупный кустарникъ исчезъ; остался только мелкій, да и тотъ совершенно пожелтѣвшій, что совершенно измѣняло колоритъ пейзажа; оставался только старый контуръ дальнихъ горъ; надъ долиной стояла та мгла, которую видимъ въ зимніе дни надъ городами; долина значительно оживилась, стала люднѣе; цѣлая масса дымившихся костровъ; пушки казались стоявшими гораздо ближе къ Плевнѣ, чѣмъ прежде. Постояли у редута; какъ нарочно выстрѣлы совершенно стихли, только изрѣдка прорывалась канонада; вернулись въ экипажамъ и еще настолько до темноты были дома, что я успѣлъ сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ. Какъ пріѣхали домой, снова началась стрѣльба; теперь все стихло, но говорятъ, что съ часа ночи начнется жестокая пальба залпами.

Нынѣшній день замѣчательнѣе тѣмъ, что сюда пріѣхалъ Обручевъ; здѣсь, т. е. въ квартирѣ Государя, на него смотрятъ какъ на самаго талантливаго и дѣлового человѣка по военнымъ дѣламъ; всѣ убѣждены, что успѣхи въ Малой Азіи объясняются его участіемъ. Ему дали Георгія на шею, что, конечно, вызоветъ неудовольствіе во многихъ, составляющихъ штабъ главнокомандующаго. Теперь интересно знать, какое значеніе будетъ имѣть Обручевъ въ здѣшнемъ штабѣ, дадутъ ли ему возможность сдѣлать то, что онъ можетъ сдѣлать. Конечно, дѣла подъ Плевной врядъ ли онъ измѣнитъ; они стоятъ настолько впереди, что нельзя будетъ ничего мѣнять, но, безъ сомнѣнія, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ влияние Обручева отзовется прямо или посредственно. Такой талантливый человѣкъ не будетъ въ состояніи ходить съ хорошими идеями и держать ихъ у себя въ ящикѣ. Говорятъ, газеты наполнены толками о мирѣ. Пожалуй, послѣ паденія Плевны дѣйствительно заговорятъ объ этомъ серьезно. На вчерашнемъ завтракѣ въ Боготѣ

у великаго князя за столомъ сидѣлъ между прочимъ одинъ юный господинъ въ партикулярномъ платьѣ; оказалось, что это одинъ изъ тѣхъ англичанъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Телешѣ съ брассаромъ краснаго полулунія; взято было трое англичанъ и одинъ французъ, всѣ съ повязками; ихъ проѣкзаменовали, и оказалось, что въ медицинѣ понимаютъ кое-что только двое, а французъ и другой англичанинъ—самозванцы, авантюристы, военные съ туркофильскими убѣжденіями.

31-го октября.—Вчера меня прервали, я не могъ докончить писанія: пришли гости—это у меня большая рѣдкость; а тамъ долженъ былъ идти къ Государю, гдѣ узналъ, что въ часъ будетъ стрѣльба залпами изъ всѣхъ батарей; остался ждать; надоѣло однако и пошелъ-было домой, но дорогой—вдругъ свѣтъ и черезъ нѣсколько секундъ сильнѣйшій залпъ; можно было провѣрить наши часы, которые, оказалось, отстаютъ на $\frac{1}{4}$ часа; остался смотрѣть и слушать, но ничего особеннаго не было; самый сильный залпъ былъ первый; остальные, вѣроятно, изъ болѣе отдаленныхъ батарей, —гораздо слабѣе. Многіе не спали и высыпали тоже смотрѣть и слушать. Пришелъ домой усталый и не присѣлъ за бумагу. Къ своей хатѣ я теперь совершенно привыкъ, и она мнѣ кажется прекрасной, несмотря на то, что на два аршина она сидитъ въ землѣ и окна въ уровень съ землей; теперь же ее немного поубрали, натянули полотно на потолокъ надъ моей постелью, бока, т.-е. стѣны, обставлены рогожей, окно вставлено со стекломъ и подымается и опускается, смотря по надобности; дѣти и хозяйева перестали кашлять, храпятъ какъ-то меньше; кушаютъ они мало и не беспокоятъ меня кухонной вонью. Однимъ словомъ, привыкъ и къ этой гадости, привыкъ настолько, что переносишь ее не замѣчая...

8 $\frac{1}{2}$ вечера. — Сегодня поѣхали-было на позицію къ 4-му корпусу; хотѣли съѣздить на батарею, гдѣ были прежде, но оказалось, что туда сегодня попадали снаряды; остановились на редутѣ верстахъ въ полтора отъ батареи, которая пала залпами. На редутѣ встрѣтили весь штабъ главнокомандующаго, народищу куча; поторчали, постояли. Зеленая гора видна была издали, но ничего на ней не видно; Скобелевъ былъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало. Опять тѣ же вопросы, тѣ же отвѣты, у кого ни спросишь; кто три недѣли даетъ—минимумъ, кто три недѣли—максимумъ. Говорятъ, и совершенно достоверно, что сегодня послали къ Осману парламентаря съ предложеніемъ сдаться; положеніе Османа безвыходное: сдаться ему, конечно, можно будетъ, заручившись какими-нибудь выгодными условіями. Не знаю, какой будетъ отвѣтъ, но

нѣкоторые смѣются надъ этой мѣрой ускорить движеніе дѣла. Объ Османѣ рассказываютъ, что онъ собственноручно застрѣлилъ трехъ пашей, пришедшихъ его убѣждать сдаться, опираясь на деморализацію войска; другіе рассказываютъ, что Османъ цѣлые дни проводить одинъ и кусаетъ себѣ ногти, никого къ себѣ не допуская. Чтѣ бы онъ ни дѣлалъ, а мы все-таки пляшемъ передъ Плевной съ 8-го іюля до сихъ поръ, потерявъ болѣе корпуса людей, измѣнивъ весь планъ кампаніи и значительно уменьшивъ ея лавры, если бы и кончилось теперь удачно. — Вернулись сегодня уже въ шестомъ; было порядкомъ темно, и мнѣ гулять пѣшкомъ совсѣмъ не удалось; пришлось только прогалопировать добрые полчаса, гоняясь за Государемъ, который, подѣхавъ къ верховымъ лошадямъ, тотчасъ же сблъ — да и былъ таковъ. Чтобы не отстать отъ другихъ, чтобы не застрять въ полѣ среди кучеровъ съ обовомъ, по-неволѣ приходится гнать, чтобы не выпустить по крайней мѣрѣ изъ виду всю эту толпу всадниковъ. Верховъ я ѣзжу теперь съ большимъ удовольствіемъ, но, долженъ признаться, ѣздовъ я все-таки плохой и съ увѣренностью ѣзжу только на моемъ жеребчикѣ, который стоитъ въ Порадимѣ, а на этихъ экскурсіяхъ внѣ Порадима приходится ѣздить на лошади, которую оставилъ мнѣ Т., за что и считаетъ себя въ правѣ называть себя первымъ моимъ другомъ. Лошадь его въ сущности лучше моей, крѣпче на ноги, ничего не боится, а потому надежнѣе, но она болѣе трясетъ, я къ ней менѣе привыкъ, почему у меня съ ней очень часто недоразумѣнія: я хочу рысью, — она идетъ галопомъ; я хочу галопомъ — она идетъ рысью и сердится, когда ее сдерживаешь. Въ этихъ экскурсіяхъ въ хорошую погоду верховая ѣзда составляетъ главное для меня удовольствіе. Сегодня утромъ пришлось присутствовать на печальной церемоніи: пока я смотрѣлъ носилки Хилкова для раненыхъ, слышу вдали похоронный маршъ, звуки котораго постепенно приближались къ нашей главной квартирѣ. Наконецъ, показались двѣ телѣги, запряженные парой воловъ, а въ телѣгахъ — по одному простому деревянному гробу: въ одномъ везли Рунова, который былъ въ нашей сводной ротѣ и потомъ командовалъ своимъ павловскимъ батальономъ и убитъ въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ русской же гранатой, — когда онъ уже сидѣлъ на редутѣ; въ другомъ гробу везли какого-то гвардейскаго офицера, котораго, впрочемъ, я не зналъ; за телѣгами шли наши музыканты, а за ними — наша сводная рота. Все шествіе направлялось къ церкви. Мнѣ стало до такой степени жаль и тѣхъ, кого везли, и тѣхъ, которые провожали, и тѣхъ, которые остались тамъ далеко оплакивать никогда невозвратимыя утраты,

что я съ трудомъ удерживалъ слезы и не пошелъ на отпѣванье. Рунова я зналъ; это былъ чрезвычайно милый и умный человѣкъ; еще такъ недавно я съ нимъ говорилъ; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливецъ, которому удалось съѣздить къ женѣ во время похода. Возбравшись на редутъ, онъ упалъ, раненный турецкой пулей, но приподнялся и командовалъ что-то солдатамъ, когда наша граната его докончила, оторвавъ у него плечо. Пора, пора кончать съ этимъ ужасомъ! Неужели еще мало крови, мало несчастья, мало бѣдствія? Кому все это нужно? Несчастливымъ братьямъ, которые чуть не съ ненавистью глядятъ на насъ, посылая намъ проклятія и самыя северныя пожеланія?!.. Довольно на сегодня, пора перестать мнѣ строчить.

53.

1-го ноября. — ...Кажется идутъ переговоры о сдѣлѣ, что держится въ величайшемъ секретѣ. Вчерашній парламентаръ Османа не засталъ: онъ былъ на позиціяхъ; парламентаря просили пріѣхать сегодня въ два часа; цѣлый день нѣтъ выстрѣловъ; утромъ усиленно работалъ телеграфъ между Боготомъ и нашей квартирой; послѣ завтрака Государь уѣзжалъ въ Боготъ безъ свиты, только съ конвоемъ, дежурными и военнымъ министромъ; къ обѣду явился въ нашу квартиру Струковъ съ какимъ-то порученіемъ, будто къ принцу Карлу; около трехъ часовъ пріѣхали какіе-то казаки, утверждая, что Плевна сдастся, и плясали отъ радости. Что-то такое варится, готовится; приходится только догадываться, строить предположенія и терпѣливо выжидать. Плевна должна сдаться, — въ этомъ нельзя сомнѣваться; пробиться Осману теперь трудно: повидимому онъ пропустилъ удобное время, да и снарядовъ было у него, должно быть, мало; ѣда у нихъ давно, говорятъ, уменьшенная. Трудно передать то чувство, которое я здѣсь испытываю, всматриваясь, вслушиваясь во все, что кругомъ дѣлается и говорится. Конечно, знаютъ очень немногіе настоящее положеніе дѣла, но всѣ предполагаютъ и соображаютъ по-своему, ловя всякое движеніе, всякій звукъ тѣхъ лицъ, которыя знаютъ.

Госпиталь въ Эгалевицѣ сдѣлалъ на меня очень пріятное впечатлѣніе; главный докторъ русскій, Б., очень заботливый и шевелить мозгами, а не дѣйствуетъ исключительно XVI-мъ томомъ законовъ; больныхъ немного теперь; большая часть эвакуирована, новыхъ же кладутъ въ меньшемъ количествѣ; въ палаткахъ наконецъ поставлены желѣзныя печи, но еще не при-

ведены въ дѣйствіе, еще не проведены трубы. Въ этомъ госпиталѣ (№ 71) около ста слишкомъ человекъ помѣщается въ землянкахъ; больные довольны и врачи не жалуются; воздухъ въ нихъ порядочный, сухо; глина отвердѣла, какъ камень; десять человекъ на землянку; офицеры помѣщены тоже въ землянкахъ, которыя они и предпочитаютъ; у больныхъ видъ очень порядочный. Въ Згалевицѣ устроенъ также питательный пунктъ отъ Краснаго Креста, который накормилъ за это время около трехъ тысячъ человекъ; распорядился этимъ какой-то простенькій офицерикъ съ польской фамиліей и ведетъ дѣло, кажется, очень хорошо; хлѣбъ даетъ болгарскій, въ родѣ нашего сѣтнаго, а супъ варить изъ свѣжаго мяса, которое до прихода транспорта ходитъ у него по полю въ видѣ воловъ и барановъ; супъ выходитъ отличный, даже мало отзывается бараномъ; обходится ѣда, съ водкой и чаемъ, въ 17 коп. на человека — очень недорого. Изъ госпиталя мой жеребчикъ несъ меня какъ стрѣла; едва могъ сдерживать его порывы быть поскорѣе дома.

Не хочу лечь спать, не подѣлившись результатомъ моей вечерней провѣрки всего видѣннаго и слышаннаго днемъ; очевидно, дѣло идетъ, переговоры начались, въ этомъ я не сомнѣваюсь, хотя, конечно, никто объ этомъ официально не говоритъ. Въ цѣлый день не было ни одного выстрѣла тишина въ нашемъ Порадинѣ небывалая, какой давно уже не было. Государь смотритъ очень озабоченнымъ, но не тревожнымъ.

2-го ноября. — Цѣлый день сегодня было тихо, ни одного выстрѣла; я оставался все время дома до 4-хъ часовъ; подъ впечатлѣніемъ вчерашняго; все время такъ и казалось, что кто-нибудь зайдетъ съ благою вѣсточкой, но не было благовѣстителя; стало настолько темно въ моемъ подвалѣ, что работать было трудно, и я уже началъ собираться идти гулять, какъ пришелъ М.; отъ него я узналъ, что все вчерашнее рухнуло: Османъ отказался сдаваться, объявивъ, что пока у него есть провіантъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ сдаваться. Сиди у моря и жди погоды...

Всего меньше ты должна думать объ опасности для меня со стороны турокъ; въ этомъ отношеніи мы болѣе чѣмъ обеспечены; печальная исторія съ Сергіемъ Максимиліановичемъ, конечно, еще болѣе сдѣлала всѣхъ осторожными. Сегодня я только описъ отъ обманутыхъ надеждъ; мнѣ такъ казалось возможнымъ, что сегодня-завтра все дѣло разрѣшится, — а въ дѣйствительности еще надо терпѣть. Ты скажешь, что я всегда себя утѣшаю оптимистическими предположеніями; я не разъ объ этомъ думалъ, видя, какъ приходилось отказываться отъ различныхъ пріятныхъ пред-

положеній; но не знаю, что лучше, что легче вынести: жизнь съ сознаниемъ безвыходности положенія, или—съ надеждой на болѣе счастливое время. Вѣдь я бы эти пять мѣсяцевъ совсѣмъ погибъ, еслибы не имѣлъ въ виду то шесть недѣль, то мѣсяцъ, то двѣ, три недѣли—до выѣзда отсюда. Какъ ни уныло, какъ ни печально у меня на душѣ вслѣдствіе разрушившихся надеждъ на сдачу на-дняхъ, а все-таки я не падаю духомъ окончательно потому, что не теряю надежды еще къ 17-му ноября быть въ Питерѣ; но, конечно, признаюсь, что это предположеніе смѣло: чтобы быть 17-го, надо черезъ пять дней начать приготовляться къ отъѣзду; впрочемъ, когда спрашивали главнаго гофъ-фурьера, сколько ему нужно времени, чтобы собраться къ отъѣзду: „куда?“—спросилъ онъ, и на отвѣтъ:—въ Россію!—„два часа“,—отвѣтилъ онъ. Можешь себѣ вообразить, какъ всѣ жаждутъ возвратиться. Я не сомнѣваюсь, что и самъ Государь, по временамъ, страстно желаетъ вернуться, но, считая своимъ долгомъ не оставлять армію до рѣшительнаго дѣла, глушить въ себѣ это естественное желаніе и терпѣливо переносить всю тяжесть теперешней жизни.

При однообразной, монотонной здѣшной жизни, одинъ день такъ похожъ на другой, что я никогда не знаю, что нынче—пятница или понедѣльникъ; знаю только число, которое ежедневно отмѣчаешь на твоёмъ письмѣ; вслѣдствіе этого однообразія дни тянутся медленно, а нѣсколько дней вмѣстѣ сливаются въ одинъ тяжелый, длинный, сѣрый день. Сейчасъ приходитъ ко мнѣ Ков.; будемъ читать Щедрина, котораго ты мнѣ прислала; по утрамъ я себѣ не позволяю этихъ конфетокъ,—а то избалуешься,—сижу за медициной; вечеръ же отдаю тебѣ и литературѣ.

3-ю ноября.—Сейчасъ возвратились изъ Бюгата, куда послакали еще въ 10 часовъ ни съ того, ни съ другого. Была депеша объ атакѣ Скобелева на турокъ, слишкомъ приблизившихся къ его траншеѣ, затѣмъ объ атакѣ турокъ Скобелева, на котораго наступали будто бы два раза. Наши остались на старыхъ позиціяхъ,—уронъ небольшой; неизвѣстно почему, но это очень встревожило Государя,—вотъ мы и поѣхали; свита осталась, какъ обыкновенно, на дворѣ. Государь взомель въ палатку великаго князя, гдѣ и было какое-то совѣщаніе; рассказывали будто о томъ, какъ отправить Гурко, посылать ему обозъ или нѣтъ. Позавтракали и поѣхали домой; все время мелкій дождь, холодный вѣтеръ, грязь; въ теплой шинели и драповомъ новомъ скрутукѣ съ твоимъ жилетомъ было только-что такъ-себѣ. Видѣлъ одного изъ ѣздившихъ къ Осману; особенно интересныхъ подробностей не было; первый день, когда онъ подѣхалъ къ цѣпи и передалъ письмо

великаго князя, то Османъ отвѣтилъ по телеграфу, что онъ на позиціи въ полтора часахъ ѣзды отъ пріѣхавшихъ; что ему надо подумать, а потому онъ проситъ пріѣхать завтра, въ такомъ-то часу. Оказывается, у турокъ телеграфъ съ самаго начала былъ устроенъ между всѣми позиціями; на другой день онъ получилъ отвѣтъ, не выдавши ни Османа, никого изъ начальствующихъ. Въ отвѣтѣ было сказано, что до послѣдней капли крови турки будутъ защищать Плевну и не сдадутся, и онъ удивляется, что великій князь, отдавая полную справедливость турецкимъ войскамъ, сдѣлалъ предложеніе о сдачѣ; впрочемъ, благодарить за вниманіе.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о Скобелевѣ, котораго и въ Россіи дѣлая партія, и здѣсь (онъ родственникъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ) ставятъ героемъ войны. Нѣкоторые солидные люди смотрятъ на него иначе, не отнимая у него личной храбрости. Всѣ его донесенія, говорятъ, отличаются преувеличеніемъ; недавно онъ показывалъ, что на него дѣлали атаку пять таборовъ, а оказывается, что это не такъ. Говорятъ, нынче ночью Скобелевъ былъ контуженъ, упалъ, но скоро оправился и продолжалъ командовать. Передаю то, что слышалъ, пока воздерживаясь отъ всякаго заключенія; здѣсь идетъ такая вражда другъ на друга, столько зависти разлито въ видѣ какой-то гнусной, клейкой жидкости, замазывающей всѣ остальные человѣческія свойства, что во всякому факту надо относиться съ осторожностью. Пора, пора вонъ изъ этого ада тлѣсавія, зависти, сребролюбія и пр. и пр.! Многое обрушилось на Левицкаго, Непокойчицкаго, но это — „козлы отпущенія“, имя имъ — *leçons*. Вопросъ: кто же виноватъ во всѣхъ неудачахъ? Недостатокъ культуры, по-моему, лежитъ въ основѣ всего развернушагося передъ нашими глазами; слишкомъ легко сваливать все на одного человѣка; не надо себя убаюкивать подобными обвиненіями; слѣдуетъ каждому подѣлиться этой неудачей и, раздѣливъ ее на всѣхъ, приняться за честное исправленіе недостатковъ; надо трудиться, надо учиться, надо имѣть больше знаній, и тогда не придется получать уроковъ, ни отъ Османовъ, ни отъ Сулеймановъ. Какой-нибудь самоучка П—ковъ не будетъ поражать своими финансовыми и политико-экономическими соображеніями. Глядя на все совершающееся передъ моими глазами въ теченіе этихъ пяти мѣсяцевъ, несмотря на самое скорбное, горькое чувство, я все-таки долженъ сказать, что Россія счастлива этими неудачами; еслибы мы прошли побѣдителями черезъ всю Турцію такъ, какъ мы перешли Дунай, то всякій имѣлъ бы право сказать, что мы зрѣлые, готовые люди, а на повѣрку выходитъ, что намъ слѣдуетъ сѣсть

на школьную скамью, учиться географіи, исторіи и прочимъ премудростямъ, а потомъ надо выучиться умѣнью прилагать эти свѣденія къ дѣлу. Прости меня за эти разсужденія, но это успокоиваетъ мою нравственную изжогу, съ которой я обыкновенно возвращаюсь изъ Богота. До сихъ поръ я никакъ не могу себѣ уяснить вопроса: Плевна, какъ городъ, получаетъ наши снаряды, или нѣтъ? Одни штабные отвѣчаютъ утвердительно: „да, какъ же!“ — другіе же наоборотъ: „нѣтъ, гдѣ же, вѣдь далеко!“ Все это время палили, палили, выбрасывали денежки, но какой отъ этого вредъ непріятелю — одному Богу извѣстно; одни говорятъ: никакого; другіе же утверждаютъ, что это чрезвычайно важно, дѣйствуетъ на нравственную сторону. До сихъ поръ вопросъ о томъ, голодные или сытые приходятъ перебѣжчики — подлежитъ сомнѣніямъ; одни говорятъ одно, другіе — другое. Вѣрь тому, что нравится. Оказывается, что до сихъ поръ нѣтъ даже общихъ счетовъ перебѣжчикамъ въ различные отряды. Пока у насъ разсуждаютъ, толкуютъ, спорятъ, ссорятся, завидуютъ, румыны постепенно ведутъ свои земляныя работы и докопались уже на сотръ шаговъ отъ турокъ, да подводятъ мины подъ редутъ; говорятъ, завтра эти мины будутъ уже окончены. У насъ же, кажется, не окончательно рѣшенъ вопросъ, оставаться ли совершенно пассивно около Плевны и ждать, пока Османъ съѣстъ все, что приготовилъ, или же при этой блокадѣ дѣйствовать также и наступательно посредствомъ земляныхъ работъ.

8 час. вечера. — Сдѣлавъ прогулку, передъ обѣдомъ силился уснуть, но слишкомъ былъ возбужденъ; обѣдалъ опять у Рылѣва въ комнатѣ и ничего утѣшительнаго не слышалъ. Послѣ обѣда еще кой-кто подошелъ; всякій началъ передавать, что онъ слышалъ въ штабѣ; и оказалось тоже, — въ одной группѣ говорили одно, въ другой — другое. По пріѣздѣ въ Боготъ, Государь повидимому имѣлъ совѣщаніе, на которомъ былъ великій князь и Непокойчицей; въ это время военный министръ оставался съ нами на дворѣ. Что тутъ думать, что Обручевъ или кто другой принесетъ намъ какую-нибудь пользу. Возвращаясь съ прогулки домой, встрѣтилъ Мезенцева, который сообщилъ, что за Видомъ происходилъ бой, будто бы Османъ выходилъ противъ нашихъ войскъ; извѣстіе получено частнымъ путемъ и пока еще не подтвердилось. Толкуютъ еще о созрѣвающемъ будто бы планѣ — образовать корпусъ тысячъ въ 60 и отправить его, подъ командой Гурко, черезъ Балканы, оставя подъ Плевной извѣстную часть, которая бы держала Османа. Нынѣшнія всѣ впечатлѣнія не на меня одного произвели печальный эффектъ, но и на большую часть другихъ.

Вчера я провелъ чрезвычайно пріятный часъ при чтеніи Щедрина на досугѣ. Сколько ума и правды въ этомъ разсказѣ! Не забывая меня этими присылками, тѣмъ болѣе, что всѣмъ остальнымъ я вполнѣ снабженъ; сигаръ много, теплой одежды больше, чѣмъ нужно,—снабженъ роскошно. У меня рѣшительно есть все, но литературныя произведенія, особенно въ родѣ Щедрина, будутъ сокращать вечера. Чтеніе газетъ меня очень мало удовлетворяетъ; передовыя статьи замѣчательно слабы и пусты; весьма рѣдко встрѣчаются порядочныя корреспонденціи; „Новое Время“ я не просматриваю, довольно и „Голоса“, но и онъ такъ часто отдастъ „красой Демидрона“, что не всегда выносишь. Медицинскіе журналы выручаютъ, но все-таки литературныхъ хорошихъ вещей мнѣ недостаетъ.

4-ю ноября. — Сегодня мы опять были на такъ-называемой позиціи, т.-е. на редутѣ, который не вооруженъ; солдаты всѣ стояли въ строю, музыка играла; великій князь хотѣлъ встрѣтить Государя еще до редута, но не могъ дожидаться; свита его вся осталась—насъ привѣтствовать; тѣ же вопросы, тѣ же отвѣты и, конечно, такое же впечатлѣніе. Высказываются различныя предположенія, въ родѣ того, что сегодня ночью Османъ будетъ пробовать прорваться; будто видѣли откуда-то, гдѣ-то, какъ массируются войска, видѣли даже и обозъ,—слѣдовательно, онъ выходитъ, и жалѣютъ нѣкоторые, что двухъ гвардейскихъ дивизій за Виддомъ нѣтъ, что онѣ ушли на военную прогулку вмѣстѣ съ Гурко... Другіе скептически относятся къ выходу Османа, утверждая, что ему и въ Плевнѣ недурно.

Въ хорошую погоду съ редута видно довольно большое пространство, но сегодня съ самаго утра погода сѣрая, туманная, безъ всякихъ обѣщаній разгуляться; впередъ можно было сказать, что мы ничего не увидимъ, но тѣмъ не менѣе въ началѣ перваго часа потянулася длинная вереница колясокъ, запряженныхъ четверками, съ казацкимъ конвоемъ впереди; около полутора часа скакали и подѣхали въ экипажахъ къ малому редуту; видно было такъ мало, что я даже и не глядѣлъ; наши батареи начали стрѣлять залпами, на которые теперь турки обыкновенно и не отвѣчаютъ; полчаса съ небольшимъ палили и смолкли; мы сѣли въ коляски и поѣхали; при этомъ произошло открытіе; румынскій принцъ убѣдилъ ѣхать другой дорогой и доказалъ, что мы дѣлаемъ крюкъ каждый разъ по крайней мѣрѣ на двадцать минутъ скорой ѣзды, что въ дѣйствительности почти и подтвердилось; у кого есть карта Плевны, тотъ легко могъ убѣдиться, до какой степени мы каждый разъ колесили въ сторону и ѣхали по свер-

ной дорогѣ, чтобы попасть на этотъ редутъ; но, видно, уже такова наша судьба во всемъ, даже и въ такихъ мелочахъ.

Сегодня у моихъ хозяевъ какой-то праздникъ: хозяйка цѣлый день возилась съ варкой какой-то драни; въ одномъ горшкѣ—турецкіе бобы, въ другомъ—какая-то размазня съ стручковымъ перцемъ и лукомъ. Къ 12-ти часамъ пришли въ гости двѣ старыя, тощія старухи; бобы и размазню наложили въ болѣе мелкую посудину, зажгли также свѣчи на какомъ-то блюдечкѣ съ солью и хлѣбомъ, отламывали кусокъ хлѣба, крестились, солили и начинали ѣсть свои яства, но все это безъ ложекъ; кусочки хлѣба они обмакивали въ свои полужидкія варева и ѣли молча. По окончаніи обѣда старухи разошлись, и каждая унесла съ собою остатки размазни съ стручковымъ перцемъ,—очевидно, лакомое блюдо, которое варится не каждый день и не у всѣхъ. Вернувшись вечеромъ домой, я засталъ опять всю семью за большимъ огнемъ у ихъ камина: опять что-то варилось. Антонъ мнѣ сообщилъ, что у нихъ идетъ сегодня такое празднованіе, что вечеромъ даже барана зарѣзали, котораго, вѣроятно, будутъ ѣсть завтра: сегодня постъ. Пробовалъ я добиться у нихъ, чтѣ сегодня за праздникъ, но, конечно, ничего не могъ узнать; по первымъ словамъ показалось, что они празднуютъ день смерти старшаго сына, но потомъ это предположеніе не оправдалось. Эти славяне насъ совсѣмъ не понимаютъ, также какъ и мы ихъ; безъ всякаго сомнѣнія, ихъ симпатіи должны быть гораздо сильнѣе къ туркамъ, которыхъ они понимаютъ, съ которыми могутъ говорить. Черезъ братушекъ турки все знаютъ объ насъ, а намъ ничего неизвѣстно о туркахъ. Какое абсолютное было незнаніе той страны, въ которой мы теперь гноимся! И. говорилъ на той сторонѣ Дуная: „дайте намъ только перейти Дунай, и всѣ болгары подымутся!“ Вотъ, мы перешли Дунай, болгары грабили турокъ, но не поднялись за насъ; болгарская дружина, сформированная еще въ Кишиневѣ, росла не блистательно въ своемъ количествѣ; на этой сторонѣ Дуная, кажется, ихъ всего 12 тысячъ, между которыми, кажется, всѣ кадры русскіе; да еслибы она исключительно была болгарская,—неужели же только 12 тысячъ и можетъ дать эта страна? Ничего въ жизни не видалъ менѣе привѣтливаго въ манерѣ себя держать, какъ держать себя эти люди; никогда улыбки, всегда смотрять волкомъ; всегда со словами „нема“, „нѣтъ“ на устахъ; никогда онъ не глядитъ прямо въ глаза, всегда исподлобья; только одни маленькія дѣтки еще прямо смотрять на насъ-грѣшныхъ. Интересно было бы увидать ихъ при обычной турецкой обстановкѣ. Конечно, другой вопросъ, кого винить въ этой непривѣтливости;

разумѣется, всего меньше—болгаръ; виноваты турки, а потомъ и мы, съ постоянной нашей помощью, которая приносила болгарамъ пока больше вреда, чѣмъ пользы. Послѣ какой турецкой войны участь болгаръ улучшилась? Я не знаю. Пока до свиданія; не сердись за сегодняшнее посланіе; мнѣ ужъ очень бываетъ не понутру, когда приходится многихъ видѣть и слышать; какъ я завидую здѣсь одному глухому!

5-ю ноября. — Меня прервалъ кн. Г., который ходитъ ко мнѣ выполаскивать свои печали; онъ—хорошій семьянинъ, скромный человѣкъ, не любитель искать поддержки въ самомъ себѣ, но еще менѣе онъ можетъ удовлетвориться другими успокоивающими средствами, къ которымъ здѣсь нѣкоторые прибѣгаютъ; онъ не охотникъ играть въ карты и является ко мнѣ поплакаться. Вечеръ прошелъ въ томъ, что онъ хныкалъ, а я его ободрялъ. Утромъ мнѣ пришлось утѣшать еще одного несчастнаго. мужа, влюбленнаго въ свою жену, но она послѣ 14-мѣсячной съ нимъ разлуки прислала ему письмо, что со страхомъ ожидаетъ его возвращенія, что полюбила другого, что готова бросить дѣтей и пр. Этотъ больной былъ очень жалокъ; онъ плакалъ, бѣдняга, и просилъ у меня совѣта, что дѣлать. Конечно, рецептомъ поправить было нельзя его горя, но, сколько могъ, старался его утѣшить; впрочемъ, ему стало легче, когда онъ высказался.

За весь день сегодня стрѣльбы не слышно; пріѣзжалъ сюда за чѣмъ-то Имеретинскій,—я его, впрочемъ, не видалъ; изъ Богда только одно сообщеніе было, что главнокомандующій не такъ здоровъ, да кромѣ этого,—что контузія Скобелева никакой опасности не имѣетъ. Цѣлый день я провелъ въ чтеніи газетъ и журналовъ; въ четвертомъ часу отправился къ больному и сдѣлалъ при этомъ прогулку въ полѣ; наткнулся на роту, которая рыла себѣ землянки; конечно, остановился, сталъ калякать съ офицеромъ, осмотрѣлъ его землянку, полюбовался его хозяйствомъ въ этой норкѣ съ печкой, съ окномъ, съ хорошимъ спускомъ внизъ изъ четырехъ ступенекъ; но, признаюсь, входъ такой узенькій, что я съ своей фигурой не безъ труда прошелъ въ эту нору, куда маленькій офицеръ лазилъ, какъ кротъ. Оказалось, рота Скобелевской дивизіи назначена сюда для караула обоза дивизіи. Конечно, о Скобелевѣ офицеръ говорить съ увлеченіемъ, какъ о героѣ; солдаты его обожаютъ,—ужъ очень онъ умѣетъ съ ними говорить; начнетъ благодарить, скажетъ: „спасибо, ребята, были молодцами, ужъ такими, ну, настоящими молодцами!“—да при этомъ такъ улыбнется, что вся рота такъ и дрогнетъ. — А вотъ его тоже побраниваютъ,—говорю я.— „Да кто же?“—Ну,

вотъ въ штабахъ. — На это мой офицеръ улыбнулся, покаталъ головой. „Еще бы, какъ не бранить; вѣдь Зеленая-то гора была у насъ,—что же не поддержали?“

6-ю ноября.—Предполагалъ, ради воскресенья, съѣздить верхомъ въ госпиталь, моя лошадь была уже осѣдлана, какъ получилъ извѣщеніе, что туда ѣдетъ Государь; такъ какъ я небольшой охотникъ ѣздить верхомъ въ большихъ кавалькадахъ, то предпочелъ ѣхать туда въ экипажѣ. Во время обхода госпиталя, при выходѣ изъ одного изъ шатровъ, является Щелковъ съ телеграммой въ рукахъ; по лицу нашего духовника я видѣлъ, что вѣсточка хорошая, да и дѣйствительно оказалась недурной—взятіе Карса для насъ чрезвычайно важно. При чтеніи этой депеши, конечно, общій восторгъ, кричатъ „ура“ и здоровые, и больные; я теперь никогда не могу проявлять крикомъ „ура“ то чувство, которое у меня является при извѣстіяхъ о нашихъ успѣхахъ. Я такъ горячо, такъ страстно и такъ долго желалъ этихъ успѣховъ, что не ощущаю этого восторга при блистательныхъ извѣстіяхъ; чувствую только, что къ глазамъ подходятъ слезы, которыя слѣдуетъ удержать, какъ неправильное проявленіе чувства. Такъ это было и сегодня; конечно, разсудокъ беретъ верхъ и понимаешь, что это важно, что взятіе Карса несомнѣнно отразится и на нашихъ дѣлахъ въ Болгаріи; цѣлый день, конечно, чувствуешь себя веселымъ и бодрымъ. Сейчасъ же извѣстіе о Карсѣ отправлено было в. к. Николаю Николаевичу. Не успѣли мы вернуться изъ госпиталя, какъ подъ Плевной начали палить залпами изъ всѣхъ орудій,—очевидно, салютуя хорошей новости.

Что дѣлается въ Плевнѣ—никто не знаетъ. Сегодня стрѣляли, кажется, изъ осадныхъ цѣлый день, но не очень часто,—въ пятомъ часу жарили залпами. Обручевъ, вернувшійся сегодня изъ своего объѣзда всѣхъ позицій, говорилъ, что больше двухъ недѣль Плевна не продержится. Османъ надѣется, кажется, на подкрѣпленіе изъ Софіи, но эта надежда, почти навѣрное можно сказать, не оправдывается. Я же, съ своей стороны, въ такіе бодрые дни, какъ сегодня, разсчитываю все на сюрпризъ, какъ, напримѣръ, съ Карсомъ: всѣ здѣсь ждали прежде взятія Эрзерума, предполагая, что Карсъ можетъ держаться больше мѣсяца, и оказалось, что онъ взятъ штурмомъ, на что не смѣли и разсчитывать, такъ какъ Карсъ—чрезвычайно сильная крѣпость. Опытъ показываетъ, что при осадахъ крѣпостей всегда дѣлаются ошибочныя предположенія; осажденные всегда надѣются продержаться дольше, осаждающіе же, наоборотъ, всегда разсчитываютъ взять раньше, чѣмъ окажется на дѣлѣ. Мы же давно окончили срокъ, назначенный

для Плевны въ главномъ штабѣ; теперь подходимъ, вѣроятно, къ той средней пропорціональной, которая должна составить истину.

11^{1/2} вечера.—Чудная лунная ночь, темп. 0; только-что вернулся съ моего обычнаго вечерняго визита. Все подбодрилось, ожило; всякій прикладываетъ успѣхъ на Кавказѣ и къ здѣшнимъ дѣламъ. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени опустылились нравственно нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей, вслѣдствіе пяти-мѣсячнаго здѣсь пребыванія; нѣкоторые доходятъ рѣшительно до дѣтства въ своемъ отчаяніи; грѣшный человѣкъ, мнѣ иногда противно бываетъ глядѣть на это, и при видѣ этого нравственнаго киселя я обыкновенно сейчасъ же подбодряюсь, дѣлаюсь веселѣе!.. Хороши господа! Не забудь, что вѣдь все это специалисты, цѣлую жизнь занимавшіеся военными дѣлами, а между тѣмъ только и думаютъ о томъ, какъ бы вернуться. Что же ихъ такъ тянетъ домой?—Оказывается, ни сердце, ни умъ его не найдетъ пищи въ Петербургѣ, но кого тянетъ туда комфортъ, отсутствіе котораго вызываетъ отчаяніе, кого тянетъ власть, значеніе, чтѣ здѣсь ступшевывается. Какъ бы то ни было, но все это представляетъ въ весьма печальномъ видѣ нашихъ дѣятелей. Нужно отдать полную справедливость Государю, который до сихъ поръ героически переноситъ какъ физическія, такъ и нравственныя невзгоды; къ однимъ изъ крѣпкихъ нужно отнести еще Милютина, хотя я не могу сочувствовать его постоянному, упорному сохраненію своего принципа не вмѣшиваться. Одинъ человѣкъ, отъ котораго никто не слыхалъ ни малѣйшей жалобы на эти злополучные пять мѣсяцевъ, человѣкъ, который не измѣнялъ даже выраженія своего лица, переживая убійственныя жары, сырость, холодъ и оставаясь все время въ палаткѣ, это—Вердеръ. Все остальное находится въ состояніи нравственнаго упадка; ни у кого нѣтъ достаточнаго внутренняго содержанія, чтобы съ извѣстнымъ приличіемъ переносить въ сущности только не совсѣмъ удобную для нихъ жизнь. Въ этомъ отношеніи надо любоваться Государемъ, который такъ сумѣлъ себя поставить, что всѣ эти разлагающіеся человѣческіе остатки самымъ тщательнымъ образомъ скрываютъ передъ нимъ свое нравственное состояніе. Такія явленія, свойственныя, кажется, только намъ, объясняются всего легче некультурностью. Смотря на Вердера и даже на какого-нибудь Бергтольсгейма и Велеслея, невольно подумаешь, что ихъ нація живутъ и думаютъ больше и давнѣе, чѣмъ наша славянская раса. Еще много, много намъ учиться и думать, и работать, и жить. Очевидно, все это вырабатывается поколѣніями, а не одной только школой... Завтра

отправляемся на позицію (на редутъ) служить благодарственный молебень въ средѣ войскъ; вѣроятно, боготскаго штаба не будетъ, Вел. кн. Николай Николаевичъ не выѣзжаетъ еще; вернемся, должно быть, рано; день будетъ, кажется, хорошій, прогулка недурная.

7-ю ноября.—Погода теперь дѣйствительно прелестная, воз-
становляющая не только физику, но и духъ; ясно, свѣжо, но на ходьбѣ отлично; чувствуешь себя крѣпкимъ и бодрымъ. Сегодня въ двѣнадцатомъ часу мы покатали на редутъ, часа черезъ полтора приблизительно (немного меньше) были уже тамъ; войска были собраны; главнокомандующій съ своимъ штабомъ, духовенство, гвѣчье, все уже на своихъ мѣстахъ; Государь поздравилъ съ побѣдой, и за крикомъ „ура!“ былъ данъ залпъ изъ всѣхъ орудій въ Плевну; затѣмъ начали молиться, а изъ пушекъ все продолжали палить. День былъ ясный, картина чрезвычайно эффектная и красивая, но, признаюсь, я къ нимъ какъ-то присмотрѣлся и стоялъ довольно равнодушно, рассматривая только нѣкоторыя детали; молебень служили передъ образами, а за ними стояли наши знамена полковъ, которыя были на нашей позиціи; тутъ было знамя и Шлиттеровскаго полка, все изорванное и изстрѣленное пулями; невольно припомнилась вся исторія этого чловека, который такъ спокойно шелъ на вѣрную смерть. Затѣмъ смотрѣлъ — кто и какъ кому кланяется, и нашелъ въ этомъ большую переимѣну съ тѣхъ поръ, какъ перешли Дунай. Сколько разочарованій, сколько увядшихъ героевъ, едва успѣвшихъ расцвѣсть!

Гдѣ этотъ юпитерскій видъ Л., скромно стоящаго теперь въ толпѣ съ простыми смертными? куда дѣвались всѣ эти кандидаты на героевъ? Они стали всѣ меньше, тоньше, тише, ихъ и не видишь и не слышишь.—Когда-то вы намъ поднесете такую же новость? —спрашивалъ я С.— „Не велятъ штурмовать, а то бы и мы васъ порадовали“, —отвѣтилъ мнѣ, нисколько не конфузясь, этотъ историческій чловекъ. Вина, молъ-дескать, не наша, а вапа — въ переводѣ на обыкновенный языкъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, они устроили бы штурмъ, такъ какъ сами были бы далеко отъ него и въ мѣстѣ вполне безопасномъ, —но Государь ни за что не хочетъ. Потери были бы опять громадныя, а успѣхъ сомнительный.

Сегодня, наконецъ, благодаря ясной погодѣ, я разглядѣлъ Плевну и видѣлъ тамъ и минареты, и дома, но все это имѣло видъ декораціи; нигдѣ признака жизни, ни дымка, ни людей. Значительная часть домовъ, говорили, стоитъ съ разрушенными крышами и стѣнами; самъ этого я не могъ видѣть. Въ началѣ четвертаго часа мы были уже дома, что дало мнѣ возможность еще сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ. На дняхъ въ главную квартиру снова явился

гр. Соллогубъ; когда стало холодно, сыро и непривѣтливо въ Горномъ-Студнѣ, онъ уѣхалъ тогда въ Бухарестъ, чтобы писать исторію похода въ теплой комнатѣ, а не въ палаткѣ; одному изъ свиты онъ поручилъ доставлять ему матеріалы. Но этотъ свитскій тайный исторіографъ давнымъ-давно уѣхалъ съ порученіемъ на Кавказъ, а официальный исторіографъ продолжалъ наслаждаться удобствами Бухареста; узнавъ, что дѣло подходитъ къ развязкѣ, онъ снова явился. Какъ слѣдуетъ, онъ былъ также на молебнѣ, который, вѣроятно, явится въ свѣтъ описаннымъ его перомъ... Я теперь чрезвычайно счастливъ, что не вижу почти совсѣмъ наше почтенное общество, встрѣчая его только въ какихъ-нибудь общихъ поѣздкахъ; завтракать я не хожу, обѣдать продолжаю у Рыгѣва, а утромъ бываю такъ рано во дворцѣ, что весьма немногіе еще встали; вечеромъ прихожу, когда уже всѣ разошлись. Большая часть, впрочемъ, собирается по квартирамъ, а не въ общей столовой, несмотря на то, что теперь общая палатка получила нѣкоторую отдѣлку: обтянули ее рогожей, сукномъ, затанули бока, сдѣлали дверь; конечно стало теплѣе, но непривѣтливо. Сегодня, ѣдучи на редутъ, я встрѣтилъ военно-подвижной госпиталь, въ полномъ составѣ, въ движеніи къ мѣсту своего назначенія. Мнѣ въ первый разъ удалось это видѣть, и, признаюсь, я озадачился, встрѣтивъ цѣлый громадный рядъ вожовъ, запряженныхъ отличной четверкой лошадей; команда служителей въ полномъ составѣ около 300 человѣкъ; всѣ десять человѣкъ врачей, фармацевты и 10 сестеръ милосердія шли впереди этого безконечно длиннаго обоза. Госпиталь № 61 идетъ изъ Елисаветграда въ полномъ своемъ составѣ и развернется въ Боготѣ; сестры составлены изъ елисаветградскаго общества; старшей сестрой ѣдетъ жена главнаго доктора. Вся компанія, очевидно дѣлаетъ это путешествіе большею частию пѣшкомъ и, несмотря на это, видимо въ очень хорошемъ расположеніи духа; врачи большею частию молодые и дѣлаютъ самое пріятное впечатлѣніе.

54.

8-го ноября.—Сейчасъ вернулся домой; ночь чудная лунная; на крышахъ палатокъ, экипажей, блеститъ иней; къ утру покроется имъ и вся земля; свѣтло какъ днемъ; несмотря на это, три раза повторилъ сегодняшній пропускъ: „картечь“, хотя часовые каждаго изъ насъ—и съ своей стороны мы—часовыхъ всѣхъ знаемъ въ лицо, а они меня—даже и по имени, и по отчеству

знають. Не могу привыкнуть до сихъ поръ быть опрашиваемымъ; вѣдь чуть не со штыкомъ въ горлу подходить, требуя пропуска, а потомъ дѣлаетъ на караулъ генеральской формѣ. Новостей никакихъ; точно кость поперекъ горла застряла эта гнусная Плевна, ни взадъ, ни впередъ, ничего неизвѣстно; шпионство въ нашей арміи повидимому ниже всякой критики: изъ 50-ти тысячъ турокъ не находится ни одного подлеца, который бы могъ дать обстоятельныя свѣденія о состояніи гарнизона. Это почтенно для турокъ, но по меньшей мѣрѣ не рекомендательно для нашей распорядительности. Фактъ голоданія гарнизона до сихъ поръ еще не установленъ! Недостатокъ снарядовъ только вѣроятенъ, но турки все-таки—нѣтъ, нѣтъ, да и попалятъ. Вчера на Скобелевской позиціи праздновали взятіе Карса; выставили щитъ съ громадными буквами на турецкомъ языкѣ съ извѣщеніемъ о взятіи Карса; это разсердило турокъ, и они въ продолженіе $\frac{3}{4}$ часа угощали сильнѣйшимъ огнемъ изъ пушекъ, впрочемъ безъ всякихъ потерь.

9-го ноября.—Сегодня день особенно гадохъ: сыро и холодно; грязно такъ, что, вернувшись съ своего утренняго визита домой, я нигуда не выходилъ; выбѣгалъ только подъ навѣсъ крыльца, чтобы посмотриѣть на градусникъ, посогрѣть ноги, и опять въ свою норку. Мои болгарскіе сожители цѣлый день не отходятъ отъ огня; старый, еле дышащій хозяинъ—на корточкахъ около бѣдненькаго огонька; вокругъ него внучата; всѣ они остаются въ своихъ лѣтнихъ костюмахъ, безъ обуви и кашляютъ зато чуть не 24 часа въ сутки; у дѣтей подъ носомъ постоянная вода течетъ, а старикъ совсѣмъ окоченѣлъ; что ни спросишь, на все киваетъ головой, а это у нихъ равносильно отрицанію и нашему мотанію головы; спросишь его:—ты, старикъ, боленъ?—Киваетъ.—Ты здоровъ?—тоже киваетъ; наконецъ, когда начинаешь настойчиво спрашивать, тогда закиваетъ усиленно и прибавляетъ: „нема, нема, нема!“ Этимъ наши разговоры и оканчиваются. До четырехъ часовъ вся семья только грѣлась у огня; дѣти же съѣли по кукурузѣ, которую тутъ же поджигали на угляхъ, а затѣмъ повѣсили на огонь горшокъ, въ которомъ варится что-то къ ужину; а горшокъ прикрыли крышкой сигарнаго ящика; время отъ времени дѣтишки что-то лепечутъ, взрослые же все молчатъ, только кашляютъ; мать что-то штопала. Еслибы ты видѣла этотъ маленькій огонекъ, около котораго грѣлась вся семья,—два, три сучка, да и это они получаютъ, кажется, отъ нашихъ; лѣсовъ нѣтъ и здѣсь; кажется, и кизяка не видно; понятно, что они зарываются въ землю и живутъ въ землянкахъ, зимой безъ топки,

да съ плохенькими стѣнами было бы тяжеленько. Умѣнье разводить огонь и поддерживать, пользоваться при этомъ всякой соломёной—у нихъ замѣчательно развито. Меня поразили плѣнные турки, которые оставались ночевать въ открытомъ полѣ: они устраивали себѣ маленькіе кострики рѣшительно изъ ничего—нѣсколько маленькихъ сучковъ, соломы, высушенной здѣсь травы,—все это даетъ имъ возможность все поле устлать цѣлой массой маленькихъ огней. Какой-нибудь сучокъ грѣетъ, грѣетъ нашего старика, и, очевидно, ничего не пропадетъ у него изъ этого тепла; при своей слабости, старикъ просидѣлъ сегодня весь день на корточкахъ—положеніе, при которомъ наибольшая часть его тѣла пользуется лучистой теплотой; руки свои онъ подержитъ надъ огнемъ и ступни приблизитъ почти совсѣмъ къ горячимъ углямъ.

Сегодня съ самаго утра до перваго часа у меня все толкались посѣтители; первымъ явился главный врачъ госпиталя въ Эгалевицѣ, и пересидѣлъ почти всѣхъ. Это типъ семинариста, не потерявшаго даже особенностей своей рѣчи; говорить постоянно съ особымъ оживленіемъ и возбужденіемъ лица и всего тѣла; всю служебную жизнь онъ прослужилъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, и повидимому до сихъ поръ не овладѣлъ всѣми тайнами этой премудрости; хотя онъ и выучилъ XVI-й томъ наизусть, но не приобрѣлъ того юпитерскаго спокойствія, которое развивается у этихъ людей подъ ихъ старость, когда управленіе госпиталемъ входитъ у насъ въ рутину; очевидно, онъ честный человѣкъ и стремится вести дѣло законно и добросовѣстно. Каждый разъ мнѣ черезъ него приходится познакомиться съ новостью въ родѣ, на примѣръ, того, что *полковой* врачъ по закону, осматривая пищу, имѣетъ право дѣлать замѣчанія *о качествѣ*, а не *о количествѣ*; дежурный же врачъ по госпиталю обязанъ слѣдить за *качествомъ* и *количествомъ* пищевого матеріала. Въ силу этого полковой врачъ почти не имѣетъ права забраковывать пищу; она ему можетъ не нравиться, но вкусъ полкового командира, ротного—другой; имъ она нравится, и врачъ—молчи. Другая для меня новость—что дивизіонныя лазареты должны прокармливать своихъ больныхъ такъ, чтобы содержаніе ихъ обходилось въ 25 коп.; въ госпиталѣ же больные получаютъ по положенію столько-то мяса, столько-то хлѣба и пр.—сколько бы это ни стоило. Несомнѣнно, оба способа даютъ возможность злоупотребленіямъ, только при каждомъ изъ нихъ приемы къ этому должны быть свои.

Оставшись одинъ, я засѣлъ за свое чтеніе и сидѣлъ, пока не стало темнѣть; вмѣсто прогулки, походилъ по своей хатѣ,

сколько хватило терпѣнія двигаться въ комнатѣ съ самой длинной діагональю въ семь шаговъ.

8^{1/2} вечера. — Сегодня былъ здѣсь главнокомандующій; одного адъютанта и ординарца я встрѣтилъ на своемъ дворикѣ; новаго ничего нѣтъ, все тихо и ничего неизвѣстно; за обѣдомъ же узналъ, что Гурко встрѣтилъ въ Орханіэ 80 тысячъ турокъ и окопался передъ этимъ скопищемъ; конечно, покушеній братъ — дѣлать не будетъ, только постарается сдерживать движеніе турокъ въ Осману. Несомнѣнно, что это не ускоритъ взятія Плевны; кромѣ этого сообщенія, слѣдующій разсказъ: вчера на одну изъ нашихъ батарей лѣзетъ турецкій солдатъ, и влѣзъ прямо къ нашимъ, которые приняли его за пьянаго, но тѣмъ не менѣе закатали ему прикладомъ по головѣ, отчего турокъ упалъ безъ сознанія; но на другой день онъ очнулся и былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы. Онъ умолялъ, чтобы его отпустили въ Плевну назадъ; когда ему говорили, что тамъ скоро нечего будетъ ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что Османъ приготовилъ 27 подземныхъ выходовъ, черезъ которые всѣ спасутся, какъ только не будетъ припасовъ. Повидимому, Османъ пустилъ этотъ слухъ въ армію; можетъ быть, и турокъ попавшійся былъ подосланъ; кажется, вся выгода Османа — вызвать русскихъ на штурмъ, который, конечно, произведетъ тотъ же эффектъ, какъ и предшествующія три попытки. Относительно донесенія Гурко, Адлербергъ не подтвердилъ, но сказалъ, что Гурко еще далеко не дошелъ до Орханіэ, что онъ только-только въ Яблоницѣ. Было сегодня извѣстіе о занятіи румынами Ракова, но здѣсь всѣ обыкновенно относятся съ недоувѣріемъ къ румынскимъ побѣдамъ. Дѣйствительно, замѣчательно хвастливый народъ, и не разъ они уже обманывали. Здѣсь ходитъ классическій разсказъ объ одномъ изъ военныхъ румынъ, прикомандированныхъ къ главной квартирѣ главнокомандующаго. 30-го августа, во время штурма, его послали узнать, чтѣ и какъ идетъ на румынскомъ флангѣ; онъ возвращается довольно скоро назадъ и, приложивъ къ козырьку руку, докладываетъ Государю: „la redoute est prise, mais je n'en suis pas tout-à-fait sûr“. Это было сказано съ особымъ румынскимъ выговоромъ, и вся фигура этого тщедушнаго Марса съ желто-блѣднымъ лицомъ, на конѣ, была такъ комична, что немногіе удержались отъ смѣха, несмотря на очень серьезную минуту. Когда-то я писалъ, что у нихъ мина уже готова, а теперь окончаніе работы этой мины съ каждымъ днемъ все откладывается, то на пять, то на шесть дней. Вечеромъ сегодня мнѣ помѣшали писать — пришелъ опять Гр. набираться у меня успокоительныхъ принциповъ. Они всѣ завидуютъ моему спокой-

ствию и воображаютъ, что я знаю что-нибудь такое, чего они не знаютъ.

Нынѣшній день прошелъ, какъ и всѣ предъидущіе; обѣдали опять въ комнатѣ у Рылѣва. За обѣдомъ рассказывали самыя сладкія показанія перебѣжчиковъ, которыхъ сегодня опрашивали въ Порадимѣ;— всѣ безъ исключенія показывали, что въ Плевнѣ нечего ѣсть, что Османъ не продержится болѣе недѣли, что наша артиллерія наноситъ сильнѣйшее опустошеніе въ турецкихъ рядахъ, которые съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ, въ городѣ масса больныхъ и раненыхъ; перебѣжчиковъ, говорятъ, ежедневно до 30-ти человѣкъ. Все это очень утѣшительно, но сколько уже времени даются подобныя показанія, а встрѣчаются и противныя этимъ. Такъ или иначе, а все-таки въ дѣйствительности никто не знаетъ, когда Плевна сдастся: можетъ быть завтра, а можетъ быть черезъ три недѣли. Гурко, оказывается, не пойдетъ до Орханію; она уже занята, и его задачей будетъ стеречь дорогу къ Плевнѣ отъ подходящихъ къ ней подкрѣпленій, что онъ и дѣлаетъ въ Яблоницѣ, гдѣ сидитъ въ окопахъ. Вотъ все, что слышалъ сегодня.

55-е и — послѣднее.

11-го ноября.— Мнѣ кажется, что это письмо я привезу самъ, какъ заключительное слово моей полугодовой корреспонденціи. Утромъ разговоръ съ Государемъ, вполне удовлетворительный; здѣсь такъ всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что для излеченія отъ лихорадки необходимо уѣхать отсюда, что, конечно, всякій понимаетъ, какъ это для меня важно, тѣмъ болѣе, что Государь теперь совершенно здоровъ; относительно Головина улажено такъ, что онъ встрѣтится со мною въ Бухарестѣ, куда я выѣду къ назначенному дню. Теперь я думаю только объ одномъ, когда я приѣду въ Петербургъ на Галерную. Кажется, въ Бухарестѣ неизбежно ночевать, потому что изъ Фратешти обыкновенно поѣздъ опаздываетъ, въ силу стачки съ отелями, почему цѣлая масса путешественниковъ остается на ночевку въ Бухарестѣ и ждетъ слѣдующаго дня до 8 час. веч. Мнѣ совѣстно передъ Головинымъ, котораго я отрываю отъ семьи, отъ его дѣла; но приѣхать сюда съ увѣренностью остаться здѣсь не болѣе шести недѣль—чрезвычайно интересно; онъ во-очію увидитъ то, о чемъ слышалъ и читалъ съ наибольшимъ интересомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Интереснаго много; наконецъ, ему придется присутствовать при очень

важномъ событіи, когда пойдетъ, такъ сказать, ликвидация всего этого дѣла, когда сдастся Плевна, и когда, вѣроятно, приступать къ переговорамъ. Тутъ будутъ моменты чрезвычайно интересные, особенно для свѣжаго человѣка, не потрясеннаго крутыми шестью мѣсяцами. Безъ сомнѣнія, Плевна сдастся; но и до сихъ поръ, конечно, никто сказать не можетъ, когда развяжется этотъ гордіевъ узелъ; показанія перебѣжчиковъ слишкомъ недостаточны, чтобы выводить изъ нихъ какія-нибудь серьезныя заключенія. Последнее происшествіе подъ Плевной, вполнѣ вѣрное, носитъ на себѣ характеръ анекдота. Въ одинъ изъ прекрасныхъ здѣшнихъ туманныхъ дней, два молодыхъ офицера, сильно подгулявшихъ, заблудились и подѣхали прямо къ одному изъ турецкихъ редутовъ; увидавъ турецкіе плащи на часовыхъ и желая убѣдиться, куда именно они попали, они окликнули; на редутѣ тревога, и два героя оказались окруженными со стороны турокъ; нисколько не смущаясь, они вынули бѣлые платки и заявили себя парламентарями отъ двухъ полковъ, просящихъ Османа не стрѣлять въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ по случаю полковыхъ праздниковъ. Послали спросить Османа, который и далъ приказаніе не стрѣлять и отпустить офицеровъ. Единственное событіе подъ Плевной—около Орханіе разбили 10 турецкихъ таборовъ въ укрѣпленной позиціи, но, повидимому, съ нашей стороны было не мало войска въ этомъ дѣлѣ и дрались чуть не два дня. При настоящихъ средствахъ защиты нападеніе въ высшей степени мудрено; военная наука должна что-нибудь сочинить новое,—иначе война будетъ невозможна.

14-ю ноября.—Рѣшительно не въ состояніи писать,—до такой степени нахожусь подъ впечатлѣніемъ предстоящаго отъѣзда. Мои нервы слишкомъ натянулись за это время, чтобы сносить долѣе мое тяжелое положеніе лейбъ-медика. Обязанность врача мнѣ никогда не можетъ быть тяжела, но она иногда дѣлалась невыносимой въ моемъ положеніи. Въ 45-тъ лѣтъ лишиться самостоятельности, свободы дѣйствій, отчасти свободы мнѣній, слушать все, видѣть все и молчать—все это не только бесполезно, но и вредно не для одного меня, но и въ отношеніи моего медицинскаго дѣла. Пишу объ этомъ слегка; переговоримъ на словахъ при свиданіи.

Сегодня рано утромъ меня разбудило пѣніе, которое во снѣ показалось мнѣ даже не-непріятнымъ; оказалось, что пришла дочь моего умершаго вчера хозяина оплакивать своего отца. Умеръ этотъ человѣкъ настолько оригинально, настолько типично, что нельзя не отмѣтить этого въ дневникѣ наблюдателя.

Старичокъ уже вѣрѣе кашлялъ съ самаго начала нашего приѣзда сюда, хохлился, грѣлся на солнышкѣ или у огня, изрѣдка ворчалъ на своихъ внучатъ и мрачно поглядывалъ на все окружающее; не разъ я спрашивалъ его о здоровьѣ, но на все онъ кивалъ головой, и слѣдовательно все отрицалъ; наконецъ я началъ давать ему капли; денька два онъ принималъ безпрекословно, потомъ сталъ отмахиваться отъ нихъ и просилъ лучше давать ему чаю. Какъ-то вышелъ онъ на солнышко, смотрю—ноги опухли, пожелтѣлъ сильно, осунулся; спросишь людей:—что, какъ старикъ? — „да плохо, все хохлитсѣ“; а то, скажутъ, пришелъ вчера домой какъ будто на-веселѣ и наконецъ не дальше, какъ четвертаго дня отправился къ замужней дочери въ Згалевицу; дома говорили, что старикъ ходитъ прощаться, и, очевидно, всѣ готовились къ его скорой кончинѣ. Проведя у дочери ночь третьяго дня, старичокъ еще доплелся изъ деревни домой, едва подымался и цѣлый день просидѣлъ на корточкахъ у своего огня, очевидно, не будучи въ состояніи согрѣться; тутъ я его изслѣдовалъ, и оказалось, что у него старческая болѣзнь сердца въ разстройствѣ равновѣсія; прописалъ-было лекарство, но старичокъ не успѣлъ принять нѣсколько ложекъ, какъ свалился, дыханіе ухудшилось и онъ началъ терять сознаніе, но еще дышалъ, когда прибѣжали родственники, сосѣди; всѣ постоятъ, поплачутъ тихо и уйдутъ; приходили только бабы, но наконецъ пришелъ и мужчина, старый, типичный болгаринъ; дѣти всѣ улеглись спать на полу, подлѣ нихъ—умирающій ихъ дѣдъ; въ ногахъ его лежалъ его пріятель, старый, усатый, мрачнаго вида человекъ въ бараньей шапкѣ, въ широкихъ шароварахъ и въ здѣшней парадной курткѣ; невѣстка, пригорюнившись, стояла въ сторонѣ; на какомъ-то треножникѣ горѣла восковая свѣча и освѣщала эту печальную картину умирающаго полудикаго человека.

Наконецъ, раздается завываніе—старикъ умеръ; всталъ болгаринъ, подошелъ къ покойнику, положилъ его на спину, выправилъ усы, надвинулъ верхнія вѣки покойному на глаза, снялъ шапку, помолился, вздохнулъ и закурилъ трубку. Черезъ нѣсколько времени, при возвращеніи моемъ къ себѣ домой, картина была почти такая же: дѣти рядомъ съ покойникомъ, покрытымъ одѣяломъ, болгаринъ въ ногахъ и хозяйка въ сторонѣ—спали на полу. Всѣ спали, но свѣчка продолжала горѣть. Сегодня утромъ до разсвѣта бабы меня разбудили завываніемъ; затѣмъ набралась куча ихъ, и началась страпня подлѣ самаго покойника; пекли хлѣбы, въ родѣ лепешекъ, запекли въ хлѣбѣ рыбу (непремѣнная принадлежность здѣшнихъ похоронныхъ обра-

довъ), варили опять какой-то супъ съ перцемъ и лукомъ, ту-рецкіе бобы, и наконецъ явилось трое мужчинъ; когда трапеза была до нѣкоторой степени окончена, они вынесли покойника на дворъ, обмыли его теплою водою, одѣли въ парадный костюмъ и принесли назадъ, положивъ подъ навѣсъ крыльца. Тутъ началось заываніе дочери, потомъ подошла невѣстка, и наконецъ образовался хоръ изъ четырехъ сосѣдокъ старушекъ; мужчины не принимали въ этомъ участія; одинъ курилъ трубку у огня, другой приготовлялъ доску, которая должна была служить гробомъ; дома же приготовили и памятникъ изъ маленькой доски, на одномъ концѣ которой вырубилъ кругъ, а на кругу выдолбили крестъ. Во второмъ часу явился священникъ съ дьячкомъ, и началось отпѣваніе—на языкѣ, котораго, повидимому, народъ совсѣмъ не понимаетъ и относится, вѣроятно вслѣдствіе этого, очень небрежно къ религиозному дѣлу: бабы болтали; мужчины выходили, курили. Церковный языкъ чрезвычайно похожъ на напѣ; можно слѣдить за всѣми молитвами; иногда только искажаются слова произношеніемъ; слушая священника, дьячка, читающихъ совершенно почти по церковно-славянскому, поражаешься потомъ при разговорѣ съ ними: вчерашніе представители духовнаго слова рѣшительно ничего не понимали по-русски и сами ничего не могли объяснить. Очевидно, здѣсь и попы бываютъ такіе, которые ничего не понимаютъ, чтѣ они читаютъ,—иначе они могли бы поговорить съ нами. Нѣкоторыя бабы, молясь, дѣлали наши православные кресты; другія же молились по-католически. Самое отпѣваніе сопровождалось различными, своеобразными приѣмами: каждый изъ принимавшихъ участіе въ молитвѣ курилъ по очереди надъ покойникомъ ладаномъ, который клали въ особый глиняный горшечекъ съ ручкой; при прощаніи всякій дѣлалъ поклонъ покойнику, бралъ въ руки и цѣловалъ маленькій, деревянный крестъ, который лежалъ на усопшемъ; наконецъ, явилась телѣга, запряженная парой воловъ, положили покойника на доску, вмѣстѣ съ ней на телѣгу, въ которую сѣла и невѣстка, и процессія двинулась въ сопровожденіи только трехъ мужчинъ; всѣ остальные остались дома и дожидались возвращенія, чтобы начать трапезу, которая и открылась съ приходомъ попа.

Теперь моя болгарская семья, повидимому, начнетъ оживать, скоронивъ своего старика. Дѣти сегодня цѣлый день ворковали, хозяйка не смотрѣла такой угнетенной, какъ обыкновенно, въ ихъ убогой хатѣ стало какъ-то свѣтлѣе,—очевидно, убрался лишній человекъ изъ дома, лишній ротъ, который не работалъ и былъ только въ тягость своими старыми правами; дожилъ онъ до

внучать, совершилъ такимъ образомъ свое назначеніе, молодежи становилось тѣсно съ нимъ вмѣстѣ,—надо было умирать. У этихъ полудневныхъ людей дѣлается все чрезвычайно нормально: еслибы онъ жилъ, то дѣтямъ было бы хуже,—онъ имъ портилъ воздухъ въ хатѣ, мѣшалъ имъ грѣться у огня, и сегодня уже дѣти меньше кашляютъ, а мой пріятель, самый маленькій, смотритъ и веселѣе, и здоровѣе...

Вѣроятно, выѣду завтра, или послѣ-завтра, всего вѣрнѣе—завтра въ ночь, когда взойдетъ луна; дорога теперь отвратительная, и до Фратешти добраться будетъ не очень легко. Главное—дотащиться до чугулки; хотя румынскія желѣзныя дороги мало удобны, но послѣ здѣшнихъ грунтовыхъ, съ замученными лошадьми, все покажется прелестно...

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

— Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

ХІІ *).

Благодаря неизбѣжнымъ проволочкамъ, бракосочетаніе Джерарда съ Эдитой было отложено до конца Святой недѣли, и когда прошла паника, вызванная похороннымъ колокольнымъ звономъ и похоронными факелами, нетерпѣніе Джерарда улеглось; онъ готовъ былъ ждать естественнаго хода событій.

Со всѣмъ тѣмъ, хотя нетерпѣніе и улеглось, но мысли о прошломъ въ немъ не возбуждались; Джерарда нисколько не мучило раскаяніе, онъ вовсе не думалъ о той, чье доброе имя навѣки загубить своей женитьбой, или о будущемъ ребенкѣ, котораго онъ могъ бы спасти отъ злой участи незаконнорожденнаго.

Ни разу не подумалъ онъ о возможности откровеннымъ признаніемъ объ узахъ, связывавшихъ его съ другой женщиной, развязаться съ Эдитой Чампіонъ, которой чувство собственнаго достоинства не дозволило бы послѣ того настаивать на бракѣ съ нимъ. Совѣсть, всѣ инстинкты чести и состраданія были заглу-

---

*) См. выше: іюль, 293; авг., 677; сент., 188; окт. 656; нояб., 180 стр.

шены эгоизмомъ, желаніемъ оградить собственную жизнь и продлить ее сколько возможно.

Джерардъ очень поправился послѣ той прогулки въ Физоле и могъ сопровождать Эдиту и ея неутомимую кухню по всѣмъ флорентинскимъ церквамъ. Онъ встрѣтился съ ними у большихъ соборныхъ дверей въ Страстную пятницу, послѣ того какъ онѣ успокоили свою совѣсть, прослушавъ службу въ англиканской церкви—службу, которую Роза нашла очень вялой; онъ пошелъ съ ними слушать лitanію у алтаря подъ сводомъ Брунелески, торжественную и внушающую благоговѣніе церемонію, съ двойнымъ полукругомъ паторовъ и пѣвчихъ внутри мраморнаго навѣса и стеклянныхъ ширмъ, окружающихъ алтарь; сначала мрачное пѣніе безъ аккомпанимента органа, и затѣмъ, въ заключеніе службы, громовой и поразительный хоръ.

Послѣ того врата раскрылись, и духовенство съ своими прислужниками двинулось быстрой процессіей—духовенство въ богатомъ облаченіи, фіолетовомъ съ золотомъ, въ пурпурныхъ мантияхъ, опушенныхъ бѣлымъ мѣхомъ—и скрылось въ дверяхъ ризницы.

А затѣмъ толпа вторглась во святилище и поднялась на ступеньки алтаря. Джерардъ и его спутницы шли за толпой; онъ—движимый однимъ только любопытствомъ; онѣ—глубоко тронутыя стародавнимъ церемоніаломъ. И одинъ за другимъ набожные прихожане наклонялись, чтобы облобызать ашмовую плиту алтаря, на которомъ высился золотой, съ драгоцѣнными камнями, крестъ, содержащій обломовъ животворнаго креста, на которомъ умеръ Спаситель міра.

— Я надѣюсь, что я не согрѣшила, поступивъ какъ и всѣ другіе,—сказала Эдита, выходя изъ собора съ глазами, омраченными отъ слезъ.

— Согреѣшила!—воскликнула Роза, съ благоговѣніемъ исполнявшая католическій ритуалъ.—Разумѣется, нѣтъ. Я жажду дня, когда въ нашихъ церквахъ тоже будутъ реликвіи.

Въ Страстную субботу передъ соборомъ происходила живописная церемонія, и Джерардъ вынужденъ былъ на ней присутствовать и просидѣть около часа въ окнѣ, залитомъ солнцемъ, наблюдая за приличной толпой на Piazza, въ то время, какъ большой черный престолъ, покрытый искусственными розами и другими цвѣтами, сооруженъ былъ въ ожиданіи сошествія священнаго огня, который долженъ былъ зажечь фейерверкъ—пламя, спускавшееся точно молнія на крыльяхъ голубки изъ свѣтильника на алтарѣ внутри собора, священное, неугасимое пламя, прине-

сенное набожнымъ пилигримомъ изъ іерусалимскаго храма въ тосканскую столицу.

Голубка спустилась на невидимой проволоцѣ съ первымъ ударомъ полудня, и затѣмъ, съ веселой болтовней и смѣхомъ, толпа разошлась съ площади, а ландо м-съ Чампѣонъ, съ напудреннымъ кучеромъ и лакеемъ, медленно подъѣхало—къ немалому отвращенію уличныхъ итальянскихъ зѣвакъ, для которыхъ торжественность и медлительность англійскихъ слугъ казались нестерпимыми. — Только въ Англіи могутъ люди такъ копать!—думали зѣваки.

Въ воскресенье происходила торжественная обѣдня въ церкви St. Maria Annunziata, и Джерардъ съ двумя лэди засѣдалъ въ соборѣ, въ то время какъ Моцартовская двѣнадцатая месса благородно исполнялась отборнымъ хоромъ во Флоренціи и служили патеры въ облаченіи изъ золота и серебра, сверкавшемъ драгоценными камнями и шитьемъ,—облаченіи, напоминавшемъ жрецовъ египетскихъ, въ тѣ дни, когда египетское великолѣпіе было высшимъ великолѣпіемъ на землѣ, которому младшія націи могли подражать, но превзойти были не въ состояніи.

Музыка и блескъ, напряженіе глаза и уха, утомили Джерарда Гиллерсдона. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда сѣлъ въ ландо, напротивъ Эдиты и м-съ Грешамъ, которая угощала ихъ своими восторгами предъ хоромъ, голосами, удивительными трелями и великолѣпнымъ басомъ.

— А теперь надѣюсь, что мы покончили съ церквами,—сказалъ Джерардъ,—и можемъ провести остатокъ времени на солнечномъ свѣтѣ, пока не отплывемъ въ греческій архипелагъ.

— И пока я не отправлюсь въ Суффолкъ!—вздохнула м-съ Грешамъ.—Я буду очень рада увидѣться съ моимъ дорогимъ мужемъ; но, ахъ! какимъ скучнымъ покажется Сандигольмъ послѣ Флоренціи!

Приготовленія къ свадьбѣ опять замедлились, и день былъ снова отсроченъ. М-съ Чампѣонъ открыла, что ей невозможно выйти замужъ, не повидавшись предварительно съ своимъ „солиситоромъ“, а этотъ джентльменъ телеграфировалъ, что ему невозможно пріѣхать во Флоренцію раньше конца будущей недѣли.

— Онъ повѣренный по моимъ дѣламъ,—говорила она,—а я такъ непрактична, что вполнѣ отъ него завишу. Я знаю, что я богата, и что мои доходы получаются отъ разныхъ предпріятій въ Сити, желѣзныхъ дорогъ, иностранныхъ займовъ и т. д. Я пишу чеки, когда мнѣ нужны деньги, и м-ръ Мадиксонъ еще ни разу не упрекалъ меня въ расточительности, такъ что я увѣрена,

что очень богата. Но если я выйду за васъ замужъ прежде, чѣмъ онъ устроитъ мои дѣла, то можетъ выйти Богъ знаетъ какая путаница.

— Какая можетъ выйти путаница? И въ тому же я такъ богата, что мнѣ вашихъ денегъ совсѣмъ не надо.

— Мой дорогой Джерардъ, я не сомнѣвалась ни на одну минуту въ этомъ, но вѣдь нужно же законнымъ образомъ уладить всѣ дѣла.

— Пустяки. По моему мнѣнію мы свободны, какъ птицы небесныя, и всѣ эти отсрочки обижаютъ меня.

— Не говорите этого, Джерардъ. Вы знаете, какъ я твердо рѣшилась выйти за васъ замужъ по смерти бѣднаго Джемса; и если я уступаю въ этомъ пунетѣ, ради вашего каприза...

— Моего каприза? Какъ легко вы относитесь къ этому! Можетъ быть, вы больше не хотите выходить за меня замужъ?

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. Она покраснѣла и отвернулась.

— Правда?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ,—отвѣчала она:—мнѣ только не хочется, чтобы меня торопили съ замужествомъ.

— Торопили?!—нѣтъ, но вѣдь жизнь коротка. Если вы не рѣшитесь выйти за меня замужъ черезъ двѣ недѣли отъ сегоднешняго дня, то мы поплачемъ надъ моимъ трехгодичнымъ рабствомъ и разстанемся. Въ Англіи есть женщина, которая не станетъ создавать воображаемыхъ препятствій, если я предложу ей быть моей женой.

Голосъ его прервался при этихъ послѣднихъ словахъ.

— Какъ вы жестоки, Джерардъ!—воскликнула Эдита, смутясь при мысли потерять его:—безъ сомнѣнія, въ Англіи есть сотни женщинъ, которыя пойдутъ за васъ замужъ отъ того, что вы богаты, какъ есть сотни мужчинъ, которые по той же причинѣ увѣряютъ, что страстно влюблены въ меня. Мы оба можемъ, конечно, черезъ двѣ недѣли вступить въ бракъ. Но я снова телеграфирую м-ру Мадиксону и скажу ему, чтобы онъ пріѣзжалъ. Мнѣ надо также заказать подвѣчное платье. Вѣдь вы не хотѣли бы, чтобы я вѣнчалась въ черномъ?

— Мнѣ, право, кажется все-равно. Мнѣ хочется только, чтобы кончились всѣ эти нескончаемыя задержки. *Джерсейская Лилія* стоитъ въ Спеціи, дожидаясь насъ. Сегодня сюда прибудетъ Джерминъ.

— Джерминъ? Какъ странно, что вы такъ любите этого зловѣщаго человѣка!

— Я никогда не говорилъ, что люблю его. Онъ забавляетъ

меня—вотъ и все. Что касается зловѣщаго характера, то я думаю, что это просто была у него одна мода. Онъ теперь бросилъ читать судьбу людей у нихъ на лицахъ. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы заѣздить до смерти своего конька.

— И онъ дѣйствительно ничего не получилъ за свое прощательство?

— Онъ получилъ доступъ въ общество. Я думаю, что это все, что ему требовалось.

— Приведите его сегодня вечеромъ съ собой обѣдать, и пусть онъ намъ снова предскажетъ нашу судьбу.

— Только не мнѣ. Я предпочитаю блаженное невѣдѣніе.

Юстинъ Джерминъ внесъ своимъ появленіемъ значительное оживленіе въ общество трехъ лицъ, начинавшихъ уже сильно скучать другъ съ другомъ. Эдита стыдилась проявлять нѣжныя чувства при Розѣ Грешамъ. Роза очень скучала и очень надѣдала обоимъ имъ. М-съ Чампіонъ не хотѣла знакомить своихъ флорентинскихъ друзей съ своимъ женихомъ. Онъ казался такимъ больнымъ, былъ такъ своенравенъ и капризенъ, что она даже какъ будто стыдилась своего выбора. Не могла же она рассказать этимъ людямъ, какой онъ былъ красивый, блестящій, очаровательный молодой человекъ два или три года тому назадъ! Не могла же она повѣдать міру, что этотъ бракъ является эпилогомъ дѣвическаго романа. Она предполагала оставить своихъ флорентинскихъ знакомыхъ въ полномъ невѣдѣніи насчетъ предстоящаго событія. Успѣютъ они узнать о немъ послѣ, когда она съ Джерардомъ унесется на бѣлыхъ крыльяхъ *Джерсейской Лилии*. А позднѣе, когда онъ поправится, выздоровѣетъ и къ нему вернуться и прежняя красота, и прежнее хорошее расположеніе духа, когда онъ вмѣстѣ съ нею будетъ руководящимъ свѣтиломъ въ лондонскомъ обществѣ, она будетъ гордиться имъ и ихъ романтическимъ союзомъ.

Когда онъ выздоровѣетъ? Бывали моменты, когда она съ дрожью спрашивала себя: будетъ ли это когда-нибудь? Онъ, по-видимому, вѣрилъ въ свое выздоровленіе. Онъ говорилъ ей, что ему нужно только счастье и теплый климатъ; но она знала, что отличительнымъ признакомъ его роковой болѣзни является надежда пациента на выздоровленіе, несмотря на самые тревожные симптомы; а она видѣла много симптомовъ, наполнявшихъ ее тревогой.

— Какъ бы я желала, чтобы вы посоветовались съ д-ромъ Видсономъ! — сказала она разъ, когда онъ, задохшись, опустился

на мраморную скамью у фонтана, послѣ десятиминутной тихой прогулки.—У него громадный опытъ, что касается... что касается грудныхъ болѣзней. Я увѣрена, что онъ принесъ бы вамъ пользу.

— У меня есть собственный докторъ въ Лондонѣ,—отвѣчалъ коротко Джерардъ.—Вашъ флорентинскій врачъ ничего мнѣ не скажетъ такого, чего бы я самъ не зналъ; а что касается леченія, то мой лакей знаетъ, что нужно дѣлать. Я буду здоровъ, когда мы уѣдемъ дальше на югъ. Ваша Флоренція—такая же предательская, какъ и ея Медичи. Вѣтеръ съ Апеннинъ приноситъ всякія болѣзни.

Джерминъ, при существующихъ обстоятельствахъ, былъ рѣшительно пріобрѣтеніемъ. Его знакомство съ Флоренціей удивляло и восхищало обѣихъ лѣди. Онъ зналъ каждую церковь, каждый дворецъ, каждую картину, традиціи каждой знатной фамиліи, связанной съ исторіей города. Отъ подобнаго знанія каждый камень становится краснорѣчивымъ. Его просили участвовать во всѣхъ прогулкахъ, и присутствіе его придавало интересъ всякому сборищу: въ саду, за чаемъ, въ долгіе вечера въ гостиной, когда м-съ Грешамъ играла Шопена и Шуберта всласть, въ то время, какъ остальные трое сидѣли поодаль и бесѣдовали.

— Моя кузина удобнѣе оркестріона,—говорила м-съ Чампіонъ:—стоитъ только завести ручку, и она будетъ весь вечеръ играть и простить насъ за то, что мы ее не слушаемъ.

— Да; но я знаю, что въ глубинѣ души м-съ Грешамъ соболѣзнуетъ о насъ за отсутствіе въ насъ музыкальности,—сказалъ Джерминъ, но продолжалъ болтать, такъ же мало интересуясь изящной передачей Рубинштейновской „Rénégie“, какъ какой-нибудь полькой, исполняемой разстроенною шарманкою на улицѣ.

Вскорѣ всѣ трое отправились въ Спецію посмотреть на яхту; пришлось ѣхать нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ, по знойной, бесплодной мѣстности, и путешествіе жестоко утомило Джерарда и надобно остальнымъ тремъ.

— Кто можетъ пожелать жить въ Пизѣ?—сказалъ Джерминъ, когда поѣздъ остановился у станціи близъ этого древняго города.—Осмотрѣвъ соборъ, кривую башню и кладбище, человѣкъ долженъ почувствовать, что жизни наступилъ конецъ. Дѣлать больше нечего. И къ общей бѣдѣ, всѣ эти достопримѣчательности—почти рядомъ, такъ что нельзя даже и время протануть, осматривая ихъ.

М-съ Чампіонъ увѣряла, что въ восторгѣ отъ яхты. Она

осмотрѣла всѣ каюты и всѣ уголки. Былъ приглашенъ chef-французъ и буфетчикъ-итальянецъ; все было готово къ плаванію по Средиземному морю, и само Средиземное море было сегодня, въ солнцемъ залитой гавани Спеціи, такое лазурное и мирное, что казалось на немъ и немислимы бури. Джерминъ показать м-съ Чампіонъ ея будуаръ, съ остроумными вмѣстилищами для ея платьевъ и всякихъ другихъ нарядовъ, и каюту для горничной—миниатюрную, но комфортабельную. Онъ показалъ ей рояль, электрическія лампы, всю роскошь новѣйшей яхты. *Джерсейская Лилия* не могла подвергаться качкѣ. Устройство и комфортъ этой трехсотъ-тонной яхты не оставляли желать лучшаго, даже послѣ совершеннѣйшихъ континентальныхъ гостинницъ.

Эдита приходила отъ всего въ восторгъ; но даже среди восторговъ ледяной ужасъ охватывалъ ее при мысли о томъ, что Джерардъ будетъ лежать больной въ этой роскошной каютѣ съ шелковыми занавѣсками и атласными подушками, со стѣнами, выложенными фарфоромъ.

Она отвернулася съ смутнымъ страхомъ отъ этой роскошной обстановки.

— Вамъ не нравится стиль?—спросилъ Джерминъ, тотчасъ же уловившій ея тайныя ощущенія.

— Нѣтъ; это слишкомъ роскошно. Мнѣ кажется, яхта должна бы быть проще. Зачѣмъ этотъ колоритъ арабскихъ связокъ на морѣ? Представьте себѣ эту каюту во время бури, всѣ эти украшения—прыгающими въ бурномъ хаосѣ!

Она взглянула на Джерарда, который стоялъ рядомъ, не принимая участія въ спорѣ, очевидно, нисколько не интересуясь тѣмъ, нравится ей яхта или нѣтъ. На него находили такіе моменты полного равнодушія ко всему окружающему, и это мрачное, меланхолическое настроеніе повергало въ ужасъ Эдиту Чампіонъ.

Они позавтракали на *Джерсейской Лилии*, и завтракъ прошелъ довольно весело, но болтали Джерминъ и м-съ Грешамъ, и только смѣхъ Джермина сообщалъ веселье ихъ трапезѣ. Джерардъ былъ задумчивъ и молчаливъ; Эдита тревожно наблюдала за нимъ. Онъ скоро станетъ ея мужемъ, и его расположеніе духа будетъ сказываться на всей ея жизни. Возможно ли для нея счастье, если духовная атмосфера ея будетъ всегда скучная и мрачная? Сапфировыя воды залива, яркія Каррарскія горы казались тусклыми, холодными отъ мрачнаго настроенія духа ея возлюбленнаго, того самаго, который въ дни своей бѣдности умѣлъ быть такимъ веселымъ.

Она думала о Джемсѣ Чампіонѣ и объ однообразныхъ посѣ-

щеніяхъ дома въ Финчли, о тягостныхъ часахъ, которые ей приходилось проводить съ умирающимъ, стараясь развлекать его разговоромъ. „Неужели же и Джерардъ станетъ такимъ?—спрашивала она себя съ мучительнымъ страхомъ:—неужели и онъ, такъ же, какъ и Чампіонъ, будетъ медленно угасать?“ Она взглянула на его впалыя щеки и провалившіеся глаза; замѣтила его разсѣянность и безучастіе, и почувствовала, что ничто ей не гарантируетъ, что она будетъ избавлена отъ такой тяжелой участи.

Къ счастью, однако, мрачное настроеніе не долго длилось у Джерарда; онъ оживился на обратномъ пути и заговорилъ о будущемъ крейсерствѣ на *Джерсейской Лилии*. Они посѣтятъ Кипръ, Корфу. Часть осени проведутъ въ Палестинѣ, зиму—въ Египтѣ, а затѣмъ медленно вернутся въ Неаполь, проживутъ нѣкоторое время въ Ниццѣ, а затѣмъ—прощай *Джерсейская Лилия!*—они съ курьерскимъ поѣздомъ вернутся въ Лондонъ и вступятъ въ Гиллерсдонъ-Гаузъ какъ разъ въ разгаръ лондонскаго сезона.

Планъ былъ очень заманчивъ, пока Джерардъ, развеселясь, излагалъ его на пути между Пизой и Флоренціей. Къ несчастію, закончилось это невесело, такъ какъ смѣхъ Джерарда, вызванный одною изъ циничныхъ шутокъ Джермина, привелъ въ сильному припадку кашля, одного изъ тѣхъ убійственныхъ пароксизмовъ, которые до слезъ трогали чувствительную блѣлую нѣмочку.

ХІІІ.

М-ръ Мадиксонъ, солиситоръ и повѣренный по дѣламъ м-съ Чампіонъ, прибылъ на слѣдующей недѣлѣ—тремя днями раньше, чѣмъ считалъ это возможнымъ, поддаваясь на понуждательныя телеграммы.

Его пригласили на обѣдъ, на которомъ м-ръ Гиллерсдонъ и его пріятель Джерминъ были единственными гостями, чтобы обсудить все, что нуждалось въ обсужденіи, и познакомиться съ будущимъ мужемъ его довѣрительницы.

Былъ чудный вечеръ, теплѣе, чѣмъ бываетъ въ Англіи въ юлѣ мѣсяцѣ. Блѣдный новый мѣсяцъ серебрился на розоватомъ небѣ, и м-съ Чампіонъ вмѣстѣ съ Джерардомъ и Джерминомъ находились въ саду, когда явился законовѣдъ, чопорный и важный, въ безукоризненномъ вечернемъ нарядѣ.

Двое молодыхъ людей сидѣли на садовыхъ стульяхъ у фонтана, на фонѣ зеленыхъ кустовъ съ крупными піонами. Близорукій м-ръ Мадиксонъ принялъ громадныя розовыя цвѣты за ги-

гантскія розы, наивно воображая, что такія должны расти въ Италіи. Онъ не переводилъ глаза съ одного юноши на другого и тотчасъ же рѣшилъ въ умѣ, что fiancé милэди долженъ быть блѣдкурый юноша, съ розовыми щеками, прислонившійся къ фонтану и съ веселымъ смѣхомъ выслушивавшій, что ему говорила м-съ Грешамъ. „Какъ разъ такого типа молодой человѣкъ, чтобы понравиться вдовѣ!“ — подумалъ м-ръ Мадиксонъ, предполагавшій, что вдова должна быть легкомысленна.

Онъ содрогнулся, — къ счастью, незамѣтно для другихъ, — когда м-съ Чампюнъ представила ему м-ра Гиллерсдона, блѣднаго молодого человѣка, со впалыми щеками, провалившимися глазами, сутуловатыми плечами и несомнѣнно болѣзненнымъ видомъ. Онъ лишился обычнаго апломба и нѣсколько минутъ молчалъ послѣ этого представленія.

Позднѣ вечеромъ, обрученные и законовѣдъ потолковали о дѣлахъ, въ то время какъ Роза и м-ръ Джерминъ находились на балконѣ, — онъ курилъ, а она увѣряла, что обожаетъ запахъ табака.

— Затрудненій не можетъ быть никакихъ, — говорилъ м-ръ Мадиксонъ своей кліентѣ и ея жениху: — а контрактъ — простѣйшій. — Онъ предлагалъ, чтобы состояніе милэди было обезпечено за нею и ея дѣтьми, предоставляя ей полное право распоряжаться имъ по усмотрѣнію, если не будетъ дѣтей.

— Вы такъ богаты, м-ръ Гиллерсдонъ, — говорилъ законовѣдъ: — что эти подробности врядъ ли для васъ интересны.

— Нѣтъ, совсѣмъ не интересны. Я хочу, чтобы м-съ Чампюнъ вышла за меня замужъ черезъ десять дней, безъ всякихъ проволочекъ. Я думаю, что актъ объ имуществѣ замужнихъ женщинъ обезпечиваетъ ея имѣніе даже въ томъ случаѣ, еслибы я промоталъ все свое состояніе, чего я не могу сдѣлать.

— Всегда лучше спокойно обсудить эти дѣла, — отвѣчалъ м-ръ Мадиксонъ. — Торопливый бракъ рѣдко бываетъ разумнымъ бракомъ.

Онъ слегка вздохнулъ, высказывая это довольно банальное имѣніе, и всталъ, чтобы уходить, но прежде нагнулся къ м-съ Чампюнъ и вполголоса сказалъ ей.

— Мнѣ необходимо поговорить съ вами завтра. Найду ли я васъ дома?

— Только не днемъ. Мы ѣдемъ въ Чертозу.

— Тогда утромъ? Могу я прійхать до часу?

— Пріѣзжайте въ двѣнадцать и останьтесь съ нами завтракать. Мы завтракаемъ въ половинѣ перваго.

И доведя его до дверей гостиной, шопотомъ прибавила:

— Я заключаю изъ вашихъ словъ, что нѣтъ никакихъ препятствій къ моему браку?

— Никакихъ, кромѣ вашего собственнаго желанія. Я думаю, что вы слишкомъ торопитесь выходить замужъ. Но мы объ этомъ поговоримъ завтра.

Когда онъ ушелъ, она осталась съ смутнымъ чувствомъ, что онъ скажетъ ей что-нибудь непріятное, когда явится къ ней завтра утромъ. Люди, которые такъ настойчиво просятъ свиданія, рѣдко бываютъ пріятными вѣстниками. Она провела бессонную ночь, тревожимая смутными опасеніями.

М-ръ Мадисонъ былъ пунктуаленъ, какъ сами часы.

— Я провелъ утро въ Академіи,—объявилъ онъ:—и перешелъ на сторону первобытной итальянской школы. Я не удивляюсь Гонту, Миллэ и всѣмъ этимъ молодымъ живописцамъ, послѣ того, какъ видѣлъ эти двѣ чудныя стѣны — одну дивную, покрытую удивительными яркими произведеніями Джіотто, Боттичелли, Филиппо Липпи, Фра-Анжелико и ихъ послѣдователей, и другую, увѣшанную мрачными полотнами высшей классической манеры худшихъ живописцевъ школы, возникшей послѣ Рафаэля.

— Вы хотѣли сообщить мнѣ что-то серьезное? — перебила Эдита, которую нисколько не интересовали мнѣнія м-ра Мадисона объ искусствѣ.

— Да, очень серьезное.

— Тогда прошу васъ говорить поскорѣе, а не то моя кузина вернется съ прогулки, прежде чѣмъ мы успѣемъ кончить.

— Моя дорогая м-съ Чампіонъ, я не имѣю удовольствія быть лично съ вами знакомымъ, но я профессионально заинтересованъ вами съ самаго вашего замужства, и положеніе вашего довѣреннаго лица даетъ мнѣ право на нѣкоторые изъ привилегій дружбы.

— Пользуйтесь всѣми привилегіями дружбы, — нетерпѣливо вскричала она: — но только не томите меня!

— Вы серьезно привязаны къ м-ру Гиллерсдону?

— Конечно, иначе я бы не собиралась выйти за него замужъ до истеченія года траура по первомъ мужѣ. Мы были влюблены другъ въ друга, когда были еще совсѣмъ юными, и еслибы не мои родные, я бы вышла за него, хотя у него не было ни гроша въ карманѣ. Но они заставили меня выйти за м-ра Чампіона, и я была очень счастлива за нимъ; но старая любовь не забывается, и теперь, когда я свободна, естественно, что я хочу выйти за своего перваго возлюбленнаго.

— Вполнѣ,—но только тутъ есть одна бѣда.

— Какая же?

— Вы выходите замужъ за умирающаго. Неужели вы не видите, что этотъ бѣдный молодой человѣкъ—не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Я знаю, что онъ не совсѣмъ здоровъ; онъ небрежно относился къ своему здоровью, но когда мы обвиняемся—онъ поправится.

— Дорогая м-съ Чампюнъ, не обманывайте себя. Вы не воображаете, надѣюсь, что можете творить чудеса. Говорю вамъ—мой долгъ сказать вамъ это—онъ умираетъ. Ухаживайте за нимъ, лелѣйте его сколько угодно, а онъ все же скоро умретъ. Выходите за него, если хотите, но знайте, что до истеченія года вы снова овдовѣете.

Слезы текли по щекамъ м-съ Чампюнъ.

— Я много вытерпѣла за болѣзнь м-ра Чампюна,—вздыхнула она, послѣ минутнаго молчанія:—не думаю, чтобы я въ силахъ была вторично пройти черезъ такое испытаніе.

— Да; было бы жестоко подвергнуть васъ вторичному искусу,—сказалъ м-ръ Мадиксонъ, и м-съ Чампюнъ въ душѣ съ нимъ согласилась, что это было бы жестоко.

Она хотѣла радостей жизни, а не мученій и страха надвигающейся смерти.

Наканунъ вечеромъ, во время ихъ дѣловой бесѣды, рѣшено было, что свадьба произойдетъ въ слѣдующую субботу. М-ръ Мадиксонъ пытался всячески отсрочить эту церемонію, но Джерардъ былъ непреклоненъ, и ему уступили на этомъ пунктѣ. Черезъ три дня они должны были стать мужемъ и женой.

Джерардъ отказался отъ поѣздки въ Чертозу подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо писать письма, и ушелъ къ себѣ, обѣщая придти обѣдать на виллу, какъ обыкновенно. Эдита проводила его до воротъ и ласково поцѣловала на прощанье.

Когда стукъ колесъ его экипажа замеръ вдаль, она вернулась домой, прошла прямо къ себѣ въ комнату и, бросившись на диванъ, зарыдала такъ, точно сердце у нея разрывалось отъ тоски. Она плакала по немъ. Она оплакивала его уже какъ мертваго. Тяжко было сознаться въ этомъ, но она знала, что м-ръ Мадиксонъ правъ, и что выйти замужъ за Джерарда Гиллерсдона значило только взвалить на себя бремя неизбѣжнаго горя.

— Еслибы я могла вѣрить, что скрашу его послѣдніе дни,

я бы охотно вышла за него,—говорила она самой себѣ.—Я бы не думала о себѣ и о своемъ горѣ при второмъ вдовствѣ; но я достаточно видѣла его теперь, чтобы знать, что я не могу дать ему счастья. Онъ не счастливѣе со мною, чѣмъ безъ меня. Ему только скучно со мной и утомительно. Я—ничто для него, и его стремленіе жениться на мнѣ объясняется только желаніемъ сдержать свое обѣщаніе. Я думаю, что онъ обрадуется, если я освобожу его отъ этого обѣщанія. Съ моей стороны было дурно потребовать такое обѣщаніе; очень, очень дурно.

Она вспомнила тотъ день въ Гертфордъ-Стритъ, когда она потребовала отъ него вѣрности, когда она сказала ему въ отвѣтъ на его обѣщаніе:—Помните, это клятва!—Ахъ! какъ страстно она любила его въ то время и какимъ невозможнымъ казалось ей счастье безъ него! Она думала, что если онъ женится на другой женщинѣ—она умретъ. Ничто, ничто ее не утѣшитъ. Богатство и все, что на него можно купить, независимость, красота, молодость—все будетъ нулемъ безъ него. А теперь, размышляя объ этихъ словахъ, она придумывала, какъ бы половче освободиться отъ цѣпей, наложенныхъ ею на себя, отъ страшнаго союза между живымъ и мертвымъ. Предостереженіе м-ра Мадиксона не заронило въ нее новую мысль; мрачное сознаніе созрѣвало въ ея умѣ съ тѣхъ поръ, какъ Джерардъ прибылъ во Флоренцію. Она знала, что онъ приговоренъ—и смерть не за горами.

Джерардъ написалъ письма—матери, сообщая о предстоящемъ бракѣ, банкиру, стряпчему—и затѣмъ бросился на диванъ. Онъ проспалъ съ часъ и проснулся оттого, что кто-то вошелъ въ комнату. То былъ Джерминъ, который подошелъ къ нему съ раскрытымъ письмомъ въ рукѣ.

— Вы прямо изъ Чертозы или же пили чай на виллѣ?—спросилъ Джерардъ, и увидя, что стемнѣло, прибавилъ:

— Пора одѣваться къ обѣду.

— Не думаю, чтобы вамъ пошелъ сегодня на умъ обѣдъ,—отвѣчалъ Джерминъ.—Я пришелъ съ худыми вѣстами.

— Худыми вѣстами? для меня? Изъ Гельмсли?—нѣтъ! изъ Лоукомба?

— Да, изъ Лоукомба. Вѣсти пришли косвеннымъ путемъ, съ письмомъ отъ Матта Мюллера.

— Дайте мнѣ письмо!—закричалъ Джерардъ, смертельно блѣдный, и выхватилъ письмо изъ рукъ Джермина.

Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы сразу найти то мѣсто, гдѣ говорилось о обѣдствіяхъ, касавшихся его. Ему попадались разсужденія о домѣ, который строилъ для себя Мюллеръ—брань

на архитектора и подрядчика—одинъ дѣлалъ промахи, другой—вопался. Только когда Джерминъ заглянулъ ему черезъ плечо и указалъ пальцемъ на одно мѣсто въ мелко исписанной страницѣ, онъ прочиталъ худыя, но интересовавшія его вѣсти.

„Вы, сколько мнѣ помнится, принимали участіе въ хорошенькой, молодой женщинѣ, жившей въ Розовомъ Павильонѣ, хотя я и не могъ уговорить васъ познакомить меня съ нею. Вы съ огорченіемъ услышите, въ какую бѣду попала бѣдняжка, тѣмъ болѣе ужасную, что человѣкъ, называвшій себя ея мужемъ, по-видимому, ее бросилъ. Въ Розовомъ Павильонѣ родился младенецъ—раньше срока, бѣдняжка. Смерть старика-отца была, кажется, причиной такого преждевременнаго событія, а двѣ или три недѣли спустя по рожденіи младенца, молодая мать сошла съума и недавно убѣжала тихонько ночью изъ-подъ надзора двухъ сидѣлокъ, приставленныхъ къ ней, и бросилась въ рѣку, предполагая, вѣроятно, утопиться. Но младенецъ утонулъ, а мать спасли случайно плившіе по рѣкѣ гребцы изъ Оксфорда. Сегодня назначено слѣдствіе по поводу смерти ребенка; я не знаю, подѣ чьимъ надзоромъ находится теперь мать, но полагаю, что кто-нибудь за ней присматриваетъ. Жена моего подрядчика живетъ въ Лоукомбѣ, и онъ рассказывалъ мнѣ, что въ Лоукомбѣ всѣ возмущены поведеніемъ м-ра Ганли, который, говорятъ, такъ богатъ и бросилъ въ такое трудное для нея время и такъ жестоко эту бѣдную молодую женщину, все равно—жена она ему или не жена“.

— Жестоко,—пробормоталъ Джерардъ:—да, конечно, очень жестоко. Но вѣдь она не захотѣла со мной ѣхать. Она сама захотѣла остаться. Какъ могъ я знать!.. Да правда ли это, Джерминъ? Можетъ быть, это одинъ изъ вашихъ фокусовъ, чтобы напугать меня?

— Это не фокусъ. Я думалъ, что лучше вамъ показать письмо, чтобы вы сразу узнали худшее.

— Худшее, да. Эстеръ, можетъ быть, въ тюрьмѣ... и обвиняется въ убійствѣ своего ребенка! Худшее! О! какой же я былъ негодай!.. Когда я попаду къ ней? Какъ скоро могу я прибыть въ Лондонъ?

— Вы можете уѣхать изъ Флоренціи сегодня вечеромъ; я поѣду съ вами. Черезъ Монъ-Сенисъ всего короче, кажется. Я все устрою вмѣстѣ съ вашимъ слугой. Но вы повидаетесь до отъѣзда съ м-съ Чампіонъ?

— Нѣтъ. Къ чему же?

— Мы хотѣли обѣдать у нея сегодня вечеромъ. Написать мнѣ извинительное письмо отъ вашего имени?

— Да, да, напишите; скажите, что меня отозвали по вопросу крайней важности, и что я не знаю, когда вернусь назад во Флоренцію. Вы можете, если хотите, изливаться въ самыхъ униженныхъ извиненіяхъ. Я сомнѣваюсь, чтобы мы съ нею вновь увидѣлись.

— Вы слишкомъ волнуетесь, Гиллерсдонъ,—укорялъ Джерминъ.

— Не все ли теперь равно? Стоитъ ли беречь себя? О! какъ благородно и безкорыстно любила меня эта дѣвушка! И какъ она была великодушна и нетребовательна! И я убилъ ее! Сначала я убилъ ея доброе имя, а теперь ея ребенокъ убить... убить мною, не ею! а ей придется нести поворъ отверженія, какъ будто бы она была преступницей!

— Ее не обвинять. Она будетъ признана неотвѣтственной въ своихъ поступкахъ. Будьте увѣрены, что люди будутъ къ ней добры.

— А будетъ ли добръ къ ней законъ? Законъ, который не принимаетъ во вниманіе обстоятельствъ, а одни лишь голые факты. Завтра! мы не раньше послѣ-завтра поспѣемъ въ Лоукомбъ, какъ бы ни торопились. Ждать приходится цѣлый вѣкъ! Достаньте мнѣ телеграфный бланкъ. Я пошлю депешу ректору. Онъ добрый человѣкъ и можетъ намъ помочь.

„Помочь намъ“,—сказалъ онъ, объединяя себя съ Эстеръ въ бѣдѣ. Онъ забылъ въ своемъ испугѣ, какъ коварно поступилъ съ нею; забылъ, что собирался провести остатокъ дней вдали отъ нея. Въ несчастіи она снова стала ему дорога.

Онъ написалъ ректору въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, какія только пришли ему въ голову. Онъ умолялъ этого добраго человѣка, ради христіанскаго милосердія, быть добрымъ къ обиженной дѣвушкѣ, которую онъ зналъ подъ именемъ м-съ Гавли. Онъ просилъ его, не теряя времени, пригласить адвоката, если адвокат понадобится. Если она способна понимать, что ей говорить, то ее надо убѣдить, что ея мужъ вернется къ ней, не теряя ни минуты времени.

Онъ употреблялъ слово „мужъ“, не заботясь о послѣдствіяхъ, несмотря на то, что черезъ три дня собирался стать мужемъ другой женщины.

Въ то время, какъ онъ писалъ телеграмму, Джерминъ просматривалъ расписаніе желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Поѣздъ въ Туринъ отправлялся черезъ часъ. Лакею приказано было все уложить и велѣтъ экипажу пріѣхать черезъ три четверти часа.

— Вы, конечно, сначала пообѣдаете,—сказалъ Джерминъ.

— Неужели, вы думаете, я въ состояніи теперь ѣсть?

— Пожалуй, что и не въ состояніи; васъ постигло большое испытаніе; но было бы лучше вамъ подкрѣпиться въ виду долгаго пути.

— Заботьтесь о себѣ!—отвѣчалъ Джерардъ отрывисто.

— Благодарю васъ. Я себя никогда не забываю. Я сойду внизъ за табльдотъ, послѣ того какъ напишу м-съ Чампіонъ.

Онъ присѣлъ къ столу, но прежде чѣмъ успѣлъ взяться за перо, кельнеръ принесъ письмо м-ру Гиллерсдону. Джерарду былъ знакомъ и почеркъ, и толстая веленевая бумага съ узкимъ чернымъ бордюромъ и массивной черной монограммой; знакомъ былъ также и нѣжный запахъ, который всегда издавали эти письма, не то фіалки, не то лиліи.

Письмо было коротко:

„Милый Джерардъ!

„У меня страшная мигрень, и вообще я такъ дурно себя чувствую сегодня, что вынуждена просить васъ и вашего пріятеля отложить свое посѣщеніе. Я совсѣмъ не въ состояніи принимать гостей. Завтра утромъ я снова напишу. Мнѣ нужно многое вамъ сказать—это неизбѣжно. И легче это написать, нежели высказать.

„Преданная вамъ—Эдита“.

Любопытное посланіе отъ женщины, съ которой онъ разстался всего лишь нѣсколько часовъ назадъ!

— Вотъ письмо, которое избавитъ васъ отъ труда придумывать остроумныя и пространныя извиненія,—сказалъ онъ Джермину.—Я самъ отвѣчу на это письмо.

И наскоро нацарапалъ нѣсколько словъ, извѣщавшихъ объ его отъѣздѣ изъ Флоренціи.

„Вы два раза откладывали нашу свадьбу,—писалъ онъ.—Судьба вынуждаетъ меня отложить ее въ третій разъ. Я напишу вамъ изъ Лондона“.

XIV.

Джерардъ путешествовалъ такъ быстро, какъ только поѣзда и пароходы могли вести его, но только на второй день по выѣздѣ изъ Флоренціи, въ полдень, онъ подѣзжалъ къ станціи ближайшей къ Лоукомбу, причемъ ему предстояло еще часъ ѣхать на лошадахъ, прежде чѣмъ онъ попадетъ въ Розовый Павильонъ и узнаетъ худшее. Онъ былъ одинъ. Лакея своего онъ отослалъ въ Гиллерсдонъ-Гаузъ и рѣшительно отказался отъ общества

Джермина, хотя тотъ и настаивалъ на томъ, что ему трудно будетъ перенести скуку одинокаго путешествія или послѣдствія дурныхъ новостей.

— Если меня ожидаютъ еще худшія новости, — мрачно отвѣчалъ Джерардъ, — то ваша помощь будетъ недѣйствительна. Да и она не пожелаетъ васъ видѣть со мной. Она васъ никогда не любила, да, пожалуй, если бы не вы, то я бы ее никогда и не бросилъ.

Джерардъ достигъ Лоукомба въ полномъ невѣденіи всего, что случилось послѣ того, какъ было написано письмо м-ра Мюллера. Онъ проѣхалъ прямо въ Розовый Павильонъ, гдѣ садъ и боскеты показались скучными и мрачными подъ сумрачнымъ небомъ. Онъ какъ будто оставилъ лѣто по ту сторону Альпъ и прибылъ въ страну, гдѣ не бываетъ лѣта, а лишь какое-то неопредѣленное время года, въ Лондонѣ выражающееся мракомъ и дымомъ, а въ деревнѣ — сѣрымъ днемъ.

Сердце его похолодѣло, когда онъ взглянулъ на окошки дома. Сторы были спущены. Домъ или былъ необитаемъ, или же смерть обитала въ немъ.

Онъ сильно позвонилъ и не разъ, но ему пришлось прождать минутъ пять, пока служанка, наконецъ, отворила дверь, причемъ широкое и плоское лицо ея еще все расплывалось улыбкой отъ шутовъ хлѣбника, телѣжка котораго отъѣхала отъ заднихъ дверей въ то время, какъ служанка стояла у парадной двери и отвѣчала на торопливые вопросы пріѣзжаго.

— Гдѣ ваша хозяйка? Она... она не...

Онъ не могъ выговорить слова, въ которомъ воплощался весь его страхъ. Къ счастью, дѣвушка была добрая, хотя легкомысленная и охотно кокетничавшая съ хлѣбникомъ и мясникомъ. Она не продлила его агоніи.

— Ей не хуже, сэръ. Ей очень плохо, но не хуже, чѣмъ было.

— Могу я ее сейчасъ видѣть... ей не повредить мое появленіе? — спросилъ онъ, направляясь къ лѣстницѣ.

— Ея здѣсь нѣтъ, сэръ. Она въ ректоратѣ. М-ръ Гильстонъ увезъ ее туда послѣ того, какъ ее вытащили изъ воды два лондонскихъ джентльмена. Сестра ректора помогаетъ ходить за нею.

— Вотъ добрыя души! — вскричалъ Джерардъ. — Истинные христіане! „Что будемъ мы дѣлать въ горести, когда въ мірѣ не станетъ больше истинныхъ христіанъ?“ — подумалъ онъ, глубоко тронутый добротой челоуѣка, котораго онъ оттолкнулъ.

— Ваша госпожа опасно больна? — спросилъ онъ.

— Она была въ большой опасности, сэръ, да и теперь еще опасность не миновала. Я ходила вчера вечеромъ въ ректорскій домъ за справками, и одна изъ сидѣлокъ сказала, что положеніе весьма критическое. Но за ней хорошій уходъ, сэръ. На этотъ счетъ вы можете быть спокойны.

— О, я никогда больше не буду спокоенъ.

— О, нѣтъ, сэръ, вы успокойтесь, когда м-съ Ганли выздоровѣетъ. Я увѣрена, что ее вылечатъ.

— А ея ребенокъ...

— О, бѣдная крошка! Онъ былъ такой слабенькій, что на-вѣрное ему лучше на небесахъ; еслибы только и бѣдная мать могла такъ утѣшаться, когда опомнится.

— Было слѣдствіе, не правда ли?

— Да, сэръ, было слѣдствіе, и постановили, что смерть произошла отъ несчастнаго случая. Всѣ такъ жалѣли бѣдную молодую леди...

— Расскажите мнѣ все, что знаете. Что, м-ръ Давенпортъ умеръ скоропостижно?

— Да, сэръ, скоропостижно. Смерть отца такъ сильно повлияла на нее, что она разстроилась умственно. Но въ послѣднее время ей было лучше, и сидѣлки потому стали менѣе внимательны; одна изъ нихъ заснула на своемъ дежурствѣ, и больная могла убѣжать изъ дому незамѣченная. Обѣ сидѣлки съ ногъ сбились, сэръ, въ первую недѣлю ея болѣзни; отъ того одна изъ нихъ и заснула, сэръ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать, сэръ, да еще то, что м-ръ Давенпортъ похороненъ на лоукомб-скомъ кладбищѣ двѣ недѣли тому назадъ.

— Благодарю васъ за сообщенныя вами свѣденія. Вы добрая дѣвушка.

— Прикажете изготовить вамъ завтракъ, сэръ? Вы, кажется, очень устали и не совсѣмъ здоровы.

— Нѣтъ, благодарю васъ, Мэри. Я не въ состояніи ѣсть, пока не побываю въ ректоратѣ. До свиданія. Хорошенько смотрите за домомъ, чтобы все было въ порядкѣ; пока мы не вернемся сюда. Кстати, кто давалъ вамъ деньги послѣ того, какъ м-съ Ганли заболѣла? Вамъ трудно было справиться съ расходами?

— Нѣтъ, сэръ, кухарка знала, гдѣ госпожа прячетъ деньги, и взяла на себя смѣлость отпереть ящикъ и брать оттуда сколько нужно. Въ ящикѣ находилась пятидесяти-фунтовая ассигнація и нѣсколько золотыхъ. Этого было вполне достаточно, чтобы платить сидѣлкамъ и на всякія другія издержки. Кухарка ведетъ строгій

счесть деньгамъ. За похороны еще не платили—и доктору также, но вѣдь всѣ знаютъ, что деньги не пропадутъ.

Экипажъ былъ готовъ и повезъ Джерарда въ ректоратъ. Ректоръ принялъ его холодно и съ такимъ выраженіемъ лица, которое казалось очень страннымъ и непривѣтливымъ отъ сдержаннаго гнѣва. Когда добрый человѣкъ сердится, его гнѣвъ коренится глубже, а лицо принимаетъ болѣе отталкивающее выраженіе, чѣмъ то, какое придаетъ легкое раздраженіе менѣе добродушнымъ людямъ. Для м-ра Гильстона сердиться значило совершенно выйти изъ нормальнаго состоянія духа, исполненнаго симпатіи и состраданія. Теперь же передъ нимъ вдругъ появился человѣкъ, къ которому онъ чувствовалъ прямое отвращеніе.

— Что, она поправляется? могу я ее видѣть? — спросилъ Джерардъ, стоя на порогѣ кабинета ректора, смущенный его строгимъ видомъ, но слишкомъ занятый мыслью объ Эстеръ, чтобы медлить съ вопросами.

— Сегодня утромъ ей чуть-чуть лучше, — отвѣчалъ ректоръ холодно: — но она врядъ ли можетъ васъ видѣть... во всякомъ случаѣ, нужно спросить мѣнѣе доктора... и если онъ позволитъ вамъ ее видѣть, то все же сомнительно, чтобы она васъ узнала. Она витаетъ въ собственномъ мірѣ, мірѣ фантазій.

— Она совсѣмъ помѣшана? — пролепеталъ Джерардъ. — Докторъ боится...

— Докторъ боится больше за ея жизнь, нежели за ея умъ. Если намъ удастся спасти ея жизнь, умъ можетъ вернуть свое равновѣсіе. Таково мнѣніе доктора и мое. Я видалъ подобные случаи раньше... и исходъ обыкновенно бывалъ удачный; но въ тѣхъ случаяхъ намъ приходилось имѣть дѣло съ болѣе крѣпкой натурой. Тонкость организаціи этой дѣвушки мѣшаетъ ея выздоровленію. Вы тяжко согрѣшили относительно ея, м-ръ Ганли.

— Я знаю, знаю! — вскричалъ Джерардъ, отвернувъ лицо отъ ректора, чтобы скрыть смущеніе и муку, написанныя на немъ.

— Тяжко согрѣшили! — повторилъ ректоръ: — вы навлекли безчестіе на женщину, всѣ инстинкты которой рвались къ добродѣтели. Вы разбили ея сердце, бросивъ ее...

— Я не бросалъ ее...

— Можетъ быть, не въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ свѣтъ. Вы оставили ей домъ, слугъ и пачку банкнотовъ; но вы уѣхали отъ нея какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она всего сильнѣе нуждалась въ симпатіи... уѣхали при такихъ условіяхъ, когда сердце ваше должно было подсказать вамъ, что ваше мѣсто — при ней.

— Я былъ легкомысленъ, эгоистиченъ, жестокъ... Осыпайте меня самыми рѣзкими эпитетами!.. Я сознаю, что дурно поступилъ. Но я только-что оправился отъ тяжелой и опасной болѣзни.

— Во время которой она ухаживала за вами. Я слышалъ объ ея преданности...

— Да, она ухаживала за мной. Я былъ неблагодаренъ, но вѣдь доктора говорили мнѣ: будьте спокойны, будьте счастливы, будьте безмятежны, другими словами: не думайте ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ самого себя. И я долженъ былъ уфхатъ. Еслибы Эстеръ согласилась сопровождать меня на югъ...

— Она отказалась оставить отца?

— Да. Она предпочла его мнѣ, это былъ ея выборъ.

— Ну что-жъ, конечно, въ такомъ случаѣ для васъ есть оправданіе, а результаты вашего поведенія такъ ужасны, что всякія правоученія съ моей стороны излишни. Если у васъ есть сердце, то весь остатокъ вашихъ дней будетъ омраченъ угрызениями совѣсти.

— Позвольте мнѣ видѣть ее!—умолялъ Джерардъ.—Вы знаете, какъ она любитъ меня. Ея умъ проснется при звукахъ моего голоса.

— Проснется и вспомнить все, что она перестрадала. Будетъ ли это полезно для нея? М-ръ Миворъ—лучшій судья того, полезно ли ей васъ видѣть. Если онъ не воспрепятствуетъ...

— Когда онъ будетъ здѣсь?

— Не раньше вечера.

— Тогда я поѣду къ нему и привезу его сюда, если нужно. М-ръ Гильстонъ,—прибавилъ Джерардъ, остановившись на порогѣ въ то время, какъ ректоръ провожалъ его въ сѣни:—вы добрый человѣкъ. Какъ ни дурно вы обо мнѣ думаете, но ничто не ослабитъ моей къ вамъ благодарности... и скоро я вамъ докажу, что благодарность моя—не одно пустое слово.

Ректоръ молча протянулъ ему руку, и Джерардъ сѣлъ въ экипажъ, который привезъ его къ комфортабельному коттеджу м-ра Мивора, бѣлому домику съ соломенной крышей въ концѣ деревенской улицы.

М-ръ Миворъ былъ удивленъ, увидя его, но не сталъ ни о чемъ спрашивать.

— Я бы уже двѣ недѣли тому назадъ телеграфировалъ вамъ, еслибы зналъ, гдѣ васъ найти,—сказалъ онъ.—Я радъ, что вы вернулись. М-съ Ганли немножко лучше сегодня... только немножко. Мы должны быть рады и тому, и не должны рисковать.

— Она была очень опасно больна, мнѣ сказали.

— Опасно! О, да, я думаю. Она была не разъ на краю смерти со времени рожденія ребенка. А съ тѣхъ поръ, какъ горячка приняла опасный характеръ—въ ту ночь, когда она пыталась утопиться — положеніе ея стало почти безнадежнымъ, но вотъ вчера внезапно блеснулъ лучъ надежды.

— Могу я ее видѣть?

— Не думаю, чтобы это ей повредило. Она васъ не узнаетъ.

— Нѣтъ, узнаетъ! Она узнаетъ меня. Она можетъ не узнавать чужихъ для нея людей, но меня узнаетъ...

— Бѣдняжка! она и себя не сознаетъ. Спросите ее, кто она, и она вамъ разскажетъ странную исторію. Мы можемъ только надѣяться, что съ подкрѣпленіемъ физическихъ силъ вернется память и сознаніе. Я поѣду въ ректоратъ вмѣстѣ съ вами, и если найду, что она такъ же спокойна, какъ была сегодня утромъ, то вамъ можно будетъ ее видѣть.

Десять минутъ спустя, они уже были въ ректоратѣ, и на этотъ разъ ректоръ привѣтливо встрѣтилъ Джерарда. Онъ далъ волю негодованію, а теперь имъ уже овладѣла жалость къ расклевшемуся грѣшнику. Онъ принялъ Джерарда въ кабинетѣ, пока докторъ пошелъ взглянуть на пациентку.

— Вы не спрашиваете меня, почему я перевезъ м-съ Ганли къ себѣ въ домъ, вмѣсто того, чтобы оставить ее въ ея собственномъ домѣ,—сказалъ ректоръ.

— Мнѣ не зачѣмъ это спрашивать. Легко понять, что вы это сдѣлали по добротѣ. Вы не хотѣли, чтобы она переступила за порогъ дома, гдѣ такъ сильно страдала... вы хотѣли окружить ее новыми предметами, въ новомъ и мирномъ жилищѣ, гдѣ ничто не напоминало бы ей о прошлыхъ страданіяхъ.

— Да, это былъ одинъ мотивъ. Другой же—тотъ, что я желалъ отдать ее на попеченіе сестрѣ. Какъ бы ни были услужливы сидѣлки,—и я ничего не могу сказать противъ той, которая теперь ухаживаетъ за м-съ Ганли,—гораздо лучше, когда при больной есть человѣкъ, который ходитъ за нимъ изъ любви, а не за деньги. Моя же сестра полюбила эту бѣдняжку.

М-ръ Миворъ показался въ дверяхъ кабинета, которыя оставались раскрытыми, такъ какъ Джерардъ прислушивался къ малѣйшему звуку въ этомъ тихомъ, какъ могила, домѣ. Эта тишина давила Джерарда въ то время, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ съ удрученнымъ отъ страха сердцемъ. Что-то увидитъ онъ наверху!

Растворилась дверь—женщина въ бѣломъ чепцѣ и передникѣ взглянула на него внушительно и посторонилась. То была та

самая сидѣлка, которая ходила за Николаемъ Давенпортомъ, и даже въ этотъ моментъ это воспоминаніе заставило его вздрогнуть.

Затѣмъ, едва сознавая, какъ и что съ нимъ, онъ очутился въ залитой солнцемъ комнатѣ, гдѣ находилась молодая женщина въ бѣломъ пеньюарѣ, съ худыми щеками и мягкими, свѣтлыми и коротко остриженными волосами на красивой формѣ головеѣ. Она сидѣла около стола и играла цѣтами, которыми онъ былъ усыпанъ.

— Эстеръ, Эстеръ, дорогая моя! я вернулся назадъ къ тебѣ! — закричалъ онъ раздирающимъ сердце голосомъ и, упавъ на колѣни около ея кресла, пытался притянуть ея лицо къ своимъ трепещущимъ губамъ, но она вырвалась отъ него съ испуганнымъ взглядомъ.

Несмотря на предупрежденія доктора, онъ этого не ожидалъ. Онъ убаюкивалъ себя надеждой, что какъ бы ни было сильно ея помѣшательство, его она узнаетъ. Къ нему она останется неизмѣнной.

Синіе глаза, расширенные отъ безумія, глядѣли на него пристально, пристально, но не узнавали. Она съ недовѣріемъ отстранилась отъ него, собрала разбросанные цѣты въ подолъ своего кисейнаго платья и поспѣшно отошла отъ стола.

— Я пойду посажу ихъ около дома въ саду, — сказала она: — я хочу посадить ихъ прежде, нежели отецъ выйдетъ изъ бібліотеки. Это будетъ сюрпризъ для него, бѣдняжки. Онъ ворчалъ сегодня по-утру на пыль, и говорилъ, что это все дѣло портить, и ему пріятно будетъ видѣть, что садъ полонъ тюльпановъ и гіацинтовъ. Этотъ сортъ растетъ безъ корней... Не правда ли, вѣдь они растутъ безъ корней?

Она съ сожалѣніемъ глядѣла на цѣты и вдругъ съ неожиданнымъ порывомъ подбѣжала къ камину, гдѣ горѣлъ огонь, и побросала въ него тюльпаны и гіацинты.

— О! м-съ Ганли, какъ это дурно съ вашей стороны! — закричала сидѣлка, упрекая ее какъ ребенка: — зачѣмъ вы бросили въ огонь хорошенькіе цѣты, которые вамъ прислалъ сегодня утромъ ректоръ? Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Миѣ ихъ не надо. Они не будутъ расти. Сегодня у меня урокъ музыки, а я не приготовилась. Герръ Шутеръ очень рассердится!

Въ углу комнаты стояло небольшое старенькое фортепіано, на которомъ миссъ Гильстонъ играла гаммы сорокъ лѣтъ тому назадъ. Эстеръ подбѣжала къ фортепіано, поспѣшно сѣла за него и заиграла одинъ изъ ноктюрновъ Шопена — пьесу, съ дѣт-

ства заученную ею, и которую она могла играть даже машинально.

Она доиграла безъ ошибки первую часть нокturna, но вдругъ споткнулась и, заливаясь слезами, встала изъ-за фортепіано.

— Все забыла!—сказала она:—ничего не помню.

При всѣхъ этихъ переменахъ въ образѣ дѣйствій и настроеніи духа ничто не намекало на сознаніе присутствія Джерарда. Большіе, лучистые глаза глядѣли на него и не видѣли его, или видѣли въ немъ посторонняго, нисколько неинтереснаго человѣка.

Сидѣлка отерла слезы своей пациентки и стала утѣшать ее; и послѣ взрыва горести у фортепіано, нѣсколько минутъ спустя, Эстеръ стояла у окна и улыбалась.

— Какъ поздно!—говорила она:—а я приготовила ему такой вкусный обѣдъ. Я боюсь, что онъ испортится. Сегодня въ даровой библіотекѣ раздаютъ новые журналы. Онъ всегда въ эти дни запаздываетъ. Мнѣ слѣдовало объ этомъ помнить.

Она быстро отошла отъ окна и оглядѣла комнату.

— Куда дѣлась швейная машина? — спросила она.—Вы ее взяли?—обратилась она къ сидѣлкѣ.—Или вы?—повернувшись она къ Джерарду.—Пожалуйста, принесите ее немедленно, или я не кончу къ сроку работы.

Всѣ мысли ея блуждали въ прошломъ, въ эпохѣ, предшествовавшей трагедіи ея жизни, когда существованіе ея было безстрастно и посвящено терпѣливому исполненію долга.

— Она часто бываетъ такъ безпокойна?—спросилъ Джерардъ, мучительно взглядывая на доктора, стоявшаго у окна и спокойно наблюдавшаго за больной.

— Вы называете это безпокойствомъ? Что бы вы сказали, еслибы видѣли ее три дня тому назадъ, когда она металась въ жестокомъ бреду, и двѣ сидѣлки едва могли ее сдержать, чтобы она какъ-нибудь не причинила себѣ вреда. Ея положеніе съ тѣхъ поръ очень улучшилось, и я гораздо больше надѣюсь теперь на выздоровленіе.

— Вы совѣтовались еще съ кѣмъ-нибудь? Мнѣ кажется, слѣдовало бы пригласить на консилиумъ специалиста.

— Мы приглашали д-ра Кампбеля, знаменитаго психіатра, и его мнѣніе сходится съ моимъ. Дѣлать почти нечего. Требуется только зоркій надзоръ и заботливый уходъ... Природа — лучший цѣлитель. Я былъ правъ, какъ видите. Я говорилъ вамъ, что она васъ не узнаетъ, и что ваше присутствіе не принесетъ ни вреда, ни пользы.

— Да, вы были правы. Я—ничто для нея. Эстеръ!—обра-

тился онъ къ ней жалобнымъ тономъ:—неужели ты не узнаешь меня?

— Вы, вѣрно, новый докторъ?—спросила она. Все доктора да доктора и все сидѣлки... а я совсѣмъ здорова. Они обрѣзали мои волосы и обращаются со мной какъ съ ребенкомъ. А я совсѣмъ здорова и вовсе не нуждаюсь въ докторахъ.

— Вы видите, какова она,—сказалъ д-ръ Миворъ.—Я думаю, вамъ лучше теперь уйти. Ваше присутствіе волнуетъ ее, хотя она васъ и не узнаетъ. Все, что только можно для нея сдѣлать—дѣлается. Миссъ Гильстонъ — сама доброта. Она уступила свою спальню и гостиную для вашей жены, потому что эти комнаты—лучшія въ домѣ.

— Она ангелъ милосердія,—отвѣчалъ Джерардъ,—и я не знаю, чѣмъ отплатить ей за ея доброту.

— Она христіанка,—замѣтилъ д-ръ Миворъ,—и награды отъ васъ не ждетъ и не желаетъ. Для нея такъ же естественно дѣлать добро, какъ для цвѣтовъ—приносить плоды, когда наступитъ къ тому время.

Джерардъ Гиллерсдонъ не уѣхалъ въ Лондонъ немедленно послѣ того, какъ оставилъ домъ ректора. Онъ усталъ и ослабѣлъ отъ продолжительнаго и утомительнаго путешествія и отъ волненій, пережитыхъ имъ по пріѣздѣ домой. Но ему предстояло одно дѣло, которое онъ не хотѣлъ откладывать, а потому отказался отъ завтрака, гостепріимно предложеннаго ему ректоромъ, хотя ничего не ѣлъ послѣ нѣсколькихъ проглоченнаго обѣда вчерашнимъ вечеромъ въ Парижѣ.

Онъ отправился изъ ректората въ Лоукомбъ, въ трактиръ „Розы и Короны“, куда принесли Эстеръ вслѣдъ за тѣмъ, какъ ее вытащили изъ рѣки, и гдѣ производилось слѣдствіе объ утонувшемъ ребенкѣ. Онъ пошелъ туда въ надеждѣ получить свѣденія о человѣкѣ, который спасъ жизнь Эстеръ.

Жизнь была спасена, а рассудокъ могъ вернуться, и онъ хотѣлъ узнать имя человѣка, который спасъ Эстеръ, рискуя собственной жизнью. Онъ полагалъ, что въ трактиръ „Розы и Короны“ онъ всего скорѣе получитъ эти свѣденія. Онъ не ошибся. Хозяйка трактира, послѣ словеснаго разсказа о томъ, чему она была свидѣтельницей, вытащила жирное, черное in-quarto, въ которомъ среди хвалебныхъ отзывовъ ея мясу и пиву и многихъ фигтивныхъ счетовъ, поданныхъ яко бы герцогамъ и маркизамъ, знаменитымъ политикамъ и извѣстнымъ преступникамъ, оказалась слѣдующая скромная записка:

„Лоуренсъ Броунъ, 49, Парчментъ-Плэсъ, Инперъ-Темплъ“..

Джерардъ списалъ адресъ въ карманную книжку, подарилъ банкнотъ хозяйкѣ „Розы и Короны“ для раздачи тѣмъ слугамъ, которые помогали ей въ ночь катастрофы, попросился съ нею и усѣлся въ экипажъ, прежде нежели она успѣла украдкой взглянуть на банкнотъ и разсыпаться въ благодарностяхъ, увидя, что онъ не пяти, а двадцати-пяти фунтовый.

„Этотъ м-ръ Ганли, должно быть, страшно богатъ, если онъ такъ щедръ,—размышляла она:—но все-таки я не вѣрю, чтобы это хорошенькое юное созданіе была его жена. Она бы не бросилась въ воду съ своимъ младенцемъ, еслибы была его женой. Родильная горячка! увѣряетъ докторъ. Рассказывайте! Родильная горячка никогда не заставитъ почтенную замужнюю женщину забыться до такой степени“.

Два часа спустя, Джерардъ Гиллерсдонъ сидѣлъ напротивъ Лоуренса Броуна, адвоката, дѣла котораго очевидно не процвѣтали, въ Инперъ-Темплъ на Парчментъ-Плэсъ.

Комната была бѣдная, почти убогая; адвокатъ былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, съ грубыми чертами лица, но проницательными глазами, умнымъ лбомъ и черными волосами, уже подернутыми сѣдиной около висковъ.

Онъ принялъ заявленія благодарности со стороны м-ра Гиллерсдона вѣжливо, но сдержанно. Онъ не придавалъ большого значенія своему поступку. Каждый человѣкъ на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же. Ему жаль—и тутъ лицо его поблѣднѣло,—что онъ не могъ спасти другую жертву, бѣдную маленькую крошку.

— Пріятель мой и я услышали слабый дѣтскій крикъ,—говорилъ онъ,—и онъ привлекъ наше вниманіе къ тому мѣсту, откуда онъ раздавался, прежде нежели мы услышали плескъ воды. Теченіе въ этомъ мѣстѣ очень быстрое. Женщина всплыла на поверхность и снова погрузилась—и такъ два раза,—прежде нежели я успѣлъ ее схватить; но дитя уже было унесено теченіемъ. Тѣло нашли запутавшимся въ кустахъ, на полмили ниже того пункта.

Наступило молчаніе, во время котораго м-ръ Броунъ машинально набивалъ табакомъ пѣнковую трубку, глядя на жалкій огонекъ, горѣвшій въ каминѣ.

— М-ръ Броунъ,—началъ вдругъ Джерардъ,—я очень богатый человѣкъ.

— Радъ это слышать,—отвѣчалъ Броунъ.—Богатство доставляетъ такія утѣшенія, какихъ мы, бѣдняки, не можемъ себѣ и представить.

— Вы называли себя бѣднякомъ—значитъ, не разсердитесь на меня, если я признаю это за фактъ,—поспѣшно произнесъ Дже-

рардъ.—Я богатъ, но богатство доставляетъ мнѣ мало радости. Мнѣ уже подписанъ смертный приговоръ. Время тратитъ деньги для меня скоро минуетъ, и богатство мое перейдетъ въ другія руки. Я пришелъ сюда просить васъ принять отъ меня существенную награду за то, что вы спасли меня отъ бремени, которое было бы для меня нестерпимо — отъ мысли, что мое отсутствіе изъ Англіи причинило смерть особѣ, которая мнѣ дороже всего въ мірѣ. Дайте мнѣ, будьте добры, чернильницу.

Онъ протянулъ руку къ дрянной фарфоровой чернильницѣ, въ которой торчало съ подюжины истрепанныхъ перьевъ.

— Что вы хотите дѣлать, м-ръ Ганли?

— Я хочу написать чекъ, съ вашего позволенія,—чекъ на пять тысячъ фунтовъ, которыя будутъ уплачены вамъ по предъявленіи чека.

— Вы очень добры, но я не лодочникъ и не спасаю жизни по найму. У меня нѣтъ ни малѣйшаго права на вашъ кошелекъ. То, что я сдѣлалъ для вашей... для м-съ Ганли, я бы сдѣлалъ для первой попавшейся горничной, утопившейся отъ любви. Я слышалъ, какъ женщина упала въ воду, и вытащилъ ее. Неужели вы думаете, что я соглашусь взять за это деньги?

— Вы приняли бы большой гонораръ за то, чтобы употребить всѣ усилія для спасенія отъ висѣлицы какого-нибудь негодяя и грабителя,—сказалъ Джерардъ.

— Я сдѣлалъ бы это потому, что это входитъ въ кругъ моихъ обязанностей; моя профессія—защищать грабителей, лишь бы не кривить совѣстью,—стараться обѣлить ихъ.

— И вы не хотите принять вознагражденіе отъ меня... такое пустое вознагражденіе, сравнительно съ моимъ доходомъ? Вы не хотите позволить мнѣ думать, что хоть разъ богатство послужило мнѣ на то, чтобы оказать услугу хорошему человѣку?

— Благодарю васъ за доброе мнѣніе обо мнѣ и за желаніе оказать мнѣ услугу, но я не могу принять денегъ отъ васъ.

— Потому что вы дурного мнѣнія обо мнѣ?

— Я не приму денегъ ни отъ кого, кто мнѣ не родня по крови, или не связанъ со мной узами такой дружбы, что она устраняетъ всякую мысль объ обязательствахъ.

— Но тутъ нѣтъ обязательствъ съ вашей стороны; между тѣмъ вашъ отказъ принять выраженіе моей благодарности оставляетъ меня подъ бременемъ тяжкаго обязательства. Великодушно ли это съ вашей стороны?

— Я знаю только одно, м-ръ Ганли: я не могу принять отъ васъ подарка.

— Потому что вы дурного мнѣнія обо мнѣ? Послушайте, м-ръ Броунъ, скажите, какъ честный человѣкъ, вѣдь это—въ вашихъ глазахъ—причина?

— Вы принуждаете меня къ откровенности, — отвѣчалъ адвокат. — Да, это одна изъ причинъ. Я не могу принять одолженія отъ человѣка, котораго презираю, а я не могу не презирать человѣка, который бросаетъ въ тяжелую минуту безпомощную и несчастную дѣвушку... и доводитъ ее до того, что она съ отчаянія посягаетъ на свою жизнь.

— Вы очень поспѣшны въ своихъ сужденіяхъ о моемъ поведеніи. Я уѣхалъ—согласенъ; но я оставилъ м-съ Ганли окруженною должнымъ попеченіемъ...

— Вы хотите сказать, что оставили ее съ полнымъ кошелькомъ и тремя или четырьмя слугами. Неужели вы считаете это должнымъ попеченіемъ о женѣ, готовой стать матерью? Но деревенскія сплетни утверждаютъ, что она вамъ — не жена.

— Деревенскія сплетни говорятъ правду. Я былъ связанъ словомъ, даннымъ раньше, и не смѣлъ жениться на ней; но если останусь живъ и съ честью освобожусь отъ своего обязательства, она будетъ моей женой.

— Радъ это слышать. Но сомнѣваюсь, чтобы такое позднее раскаяніе могло загладить прошлое.

Этотъ человѣкъ былъ, очевидно, такъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ, что Джерардъ не рѣшился настаивать дольше на своемъ предложеніи, несмотря на убогую обстановку и потертый костюмъ своего собесѣдника. Пусть онъ богатъ, какъ Ротшильдъ, но человѣкъ этотъ не возьметъ отъ него ни копейки. Бываютъ люди съ сильными чувствами и предразсудками, для которыхъ деньги — не все въ жизни, — люди, которые довольствуются потертымъ платьемъ, живутъ въ бѣдной квартирѣ, курятъ дешевый табакъ, лишь бы быть въ мирѣ съ своей совѣстью и безъ стыда глядѣть въ глаза людямъ.

XV.

Джерардъ Гиллерсдонъ не желалъ занять коттеджъ, въ которомъ пережилъ краткую любовную мечту; онъ ежедневно ѣздилъ въ Лоукомбъ и просиживалъ въ кабинетѣ ректора, выслушивая мнѣніе доктора и доклады сидѣлокъ, и разъ въ день допускался на короткое время въ хорошенькую гостиную, гдѣ Эстеръ спокойно металась по комнатамъ или же какъ статуя сидѣла у открытаго окна, задумчиво глядя на кладбище или на рѣку.

Докторъ и сидѣлки говорили ему, что состояніе Эстеръ постепенно улучшается. Ночи она проводила спокойно, а днемъ могла принимать немного пищи. Вообще положеніе вовсе не было безнадежнымъ, и даже самая буйность первоначальной стадіи болѣзни предсказывала быстрое выздоровленіе.

— Еслибы она всегда была такой, какъ вы ее теперь видите, — говорилъ м-ръ Миворъ, взглядывая на неподвижную фигуру у окна, — то я бы считалъ дѣло почти безнадежнымъ; но та превеличенная дѣятельность мозга, которая пугаетъ васъ — симптомъ благоприятный.

Ректоръ былъ добръ и исполненъ симпатій, но Джерардъ замѣтилъ, что миссъ Гильстонъ избѣгаетъ его. Его никогда не приглашали въ гостиную, а всегда въ кабинетъ ректора, гдѣ онъ чувствовалъ себя какъ бы отчужденнымъ отъ общества, точно зачумленный. Въ третье свое посѣщеніе онъ сказалъ ректору, что желалъ бы поблагодарить миссъ Гильстонъ за ея доброту къ Эстеръ, но ректоръ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Лучше оставьте это пока, — сказалъ онъ: — сестра моя полна предрасудковъ. Она не любитъ, чтобы ее благодарили. Она очень полюбила эту бѣдную дѣвушку и считаетъ, что вы жестоко обошлись съ нею.

— Всѣ, кажется, сговорились на этотъ счетъ, — отвѣчалъ Джерардъ; — за мною не хотятъ даже признать смягчающихъ обстоятельствъ.

— Всѣ находятъ, что когда милая и невинная дѣвушка принесла такую жертву, какъ эта дѣвушка вамъ, то совѣсть мужчины должна подсказать ему, что онъ долженъ исправить причиненное зло, — хотя бы разница въ общественномъ положеніи и дѣлала это дѣломъ труднымъ. Но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ даже кастовыхъ преградъ. Ваша жертва — лэди, и ни одинъ мужчина не въ правѣ желать бѣдшаго.

— Есть преграда, — отвѣчалъ Джерардъ. — Я связанъ общаніемъ, *даннымъ* женщиной, которая много лѣтъ была мнѣ вѣрна.

— Но она не принесла себя въ жертву вамъ, какъ эта бѣдная дѣвушка. И вотъ потому, что та — умная, расчетливая, свѣтская женщина и сумѣла сохранить свою репутацію незапятнанной, вы скорѣе готовы сдержать слово, данное ей, нежели спасти дѣвушку, которая васъ беззавѣтно полюбила?

Джерардъ молчалъ. Да и чтѣ бы онъ сказалъ въ свое оправданіе?

Лондонскій сезонъ уже начался; многіе знакомые Джерарда

Гиллерсдона уже находились на-лицо и были бы рады его обществу послѣ такого долгаго исчезновенія его изъ свѣта, гдѣ онъ—или по крайней мѣрѣ его завтраки и обѣды—считались желанными. Но Джерардъ избѣгалъ извѣщать кого бы то ни было о своемъ возвращеніи въ Лондонъ. Ворота Гиллерсдонъ-Гауза были на за-порѣ, какъ и въ то время, когда его владѣлецъ находился въ Италіи, а единственный посѣтитель м-ра Гиллерсдона входилъ черезъ садовую калитку, выходящую на скромный переулокъ у задняго фасада дома.

Этотъ посѣтитель былъ Юстинъ Джерминъ, повѣренный и собесѣдникъ, общество котораго стало до нѣкоторой степени необходимымъ для Джерарда, съ тѣхъ поръ, какъ его разстроенные нервы не допускали одиночества. Они каждый вечеръ обѣдали вмѣстѣ, болтали, курили, играли въ пикетъ часъ или два послѣ полуночи. Деньги, которыя онъ выигрывалъ въ карты, были единственными, какія бралъ Джерминъ отъ своего пріятеля-милліонера; но онъ удивительно хорошо игралъ въ пикетъ, а Джерардъ—плохо и разсѣянно; они играли по большой, и выигрыши Джермина доставляли ему почтенный доходъ.

Джерминъ его дожидался, когда онъ вернулся, опечаленный и обезкураженный, изъ лоукомбскаго ректората, и валялся на софѣ въ зимнемъ саду, высоко задравъ ноги.

— Къ вамъ есть письмо,—сказалъ онъ между двумя лѣгкими затяжками огромной сигары:—письмо изъ Флоренціи... сюжетъ изъ Овидія, конечно. Дидона пишетъ Энею!

— Почему же вы не прочитали письма, если такъ любопытны?—уязвилъ Джерардъ.—Это было бы не хуже, чѣмъ выслѣдить адресъ и почеркъ.

— Зачѣмъ же мнѣ было его читать? я увѣренъ, что вы сообщите мнѣ его содержаніе сами.

Письмо было отъ м-съ Чампіонъ, и тяжелое письмо, такъ какъ эта леди пренебрегала экономіей на почтовыхъ издержкахъ, какую могла бы сдѣлать, употребляя не-англійскую бумагу.

„Мой дорогой Джерардъ,

„Я думаю, что мое предыдущее письмо до нѣкоторой степени подготовило васъ къ тому письму, какое я вынуждена написать вамъ сегодня. Быть можетъ, я бы колебалась и долѣе, если бы вы все еще были около меня; можетъ быть, я бы поставила на карту свою и вашу судьбу и дала бы вовлечь себя въ замужство, которое—я теперь въ этомъ увѣрена—не дало бы счастья ни вамъ, ни мнѣ. Прошли тѣ дни, когда вы и я были всѣмъ другъ для друга. Мы и теперь добрые друзья, и, надѣюсь,

останемся ими, пока будемъ живы; но къ чему же друзьямъ сочетаться бракомъ, если они счастливы свободной дружбой?

„Вашъ поспѣшный отъѣздъ облегчилъ мнѣ объясненіе съ вами и облегчаетъ наши дальнѣйшія дружескія отношенія. Когда мы снова встрѣтимся, мы встрѣтимся какъ друзья, и забудемъ, что были когда-то другъ для друга болѣе, чѣмъ друзья. День за днемъ и часъ за часомъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали во Флоренцію, для меня становилось все яснѣе и яснѣе, что мы оба пережѣнились за послѣдній годъ. Ни вы, ни я, въ этомъ не виноваты, Джерардъ. Очарованіе ушло изъ нашей жизни; мы „тѣ же, но не тѣ“. Я увидѣла холодъ и равнодушіе въ васъ тамъ, гдѣ все было когда-то жаръ и надежда; и сознаюсь, что ваша холодность сообщилась и моему сердцу. Еслибы мы сочетались бракомъ, то были бы оба несчастны и, можетъ быть, возненавидѣли бы другъ друга. Если же мы будемъ прямодушны и откровенны, въ настоящую критическую минуту нашей жизни, то можемъ сохранить уваженіе другъ къ другу.

„Я знаю, что я прочитала въ вашемъ сердцѣ такъ же вѣрно, какъ читаю въ своемъ сердцѣ, а потому не прошу у васъ прощенія. Мое освобожденіе будетъ и вашимъ освобожденіемъ. Будьте со мной такъ же откровенны, мой дорогой Джерардъ, какъ я была откровенна съ вами, и пришлите мнѣ нѣсколько дружескихъ строкъ въ удостовѣреніе, что вы по прежнему дружески относитесь къ искренно преданному вамъ другу—Эдитъ Чампіонъ“.

Смертельный холодъ охватилъ Джерарда, когда онъ прочиталъ это письмо до конца. Освобожденіе было, конечно, желанное, но скрытый смыслъ письма, чувство, продиктовавшее его, больно поразило его.

„Она прочитала смерть на моемъ лицѣ въ первый же день, какъ увидѣла меня во Флоренціи,—говорилъ онъ самому себѣ.— Я вѣрно понялъ взглядъ ужаса, удивленія и чуть не отвращенія, какимъ она окинула меня, когда я внезапно предсталъ передъ нею. Она сѣмъ-то справилась съ своими чувствами впослѣдствіи, но въ эту минуту любовь ея пропала. Она увидѣла во мнѣ пережѣнну, которая и ее измѣнила безусловно и навсегда. Я не былъ больше тотъ Джерардъ Гиллерсонъ, котораго она знала и ждала. Человѣкъ, представшій передъ нею, показался чужимъ и обреченнымъ на смерть, жалкимъ созданіемъ, цѣплявшимся за ея юбки, чтобы не упасть въ могилу,—воплощенное несчастье.“ Удивительно ли, что сердце ея измѣнилось къ тому, кого смерть измѣнила!“

Онъ прочиталъ письмо вторично и вдумчиво. Да, онъ могъ

читать между строчками. Онъ помчался на югъ, чтобы убѣжать отъ смерти—убѣжать подъ болѣе теплыя небеса, какъ ласточки улетають въ Африку.

Онъ думалъ, что, соединивъ свою судьбу съ ея здоровымъ и веселымъ существованіемъ, онъ спасется отъ когтей смерти, вернетъ юношескую любовь, и вмѣстѣ съ юношескими чувствами—къ нему вернется и сама юность. Онъ льстилъ себя этой надеждой, когда направился во Флоренцію; но женщина, которую онъ любилъ, женщина, воплощавшая собой жизнь и счастье, отворачивалась отъ него.

Что-жъ, пожалуй такъ лучше. Онъ можетъ теперь связать порванную нить другою и болѣе дорогою, болѣе обаятельной любовью. Но можетъ ли онъ? можно ли связывать порванные нити? Онъ подумалъ о своемъ ребенкѣ—о своемъ убитомъ ребенкѣ, убитымъ тѣмъ, что онъ бросилъ его мать. Ничто, никакое позднее вознагражденіе не могло вернуть этой погибшей жизни! Если даже судьба смилуется и здоровье и рассудокъ Эстеръ вернутся, эта утрата останется утратой навѣки и до конца будетъ омрачать жизнь матери.

Онъ зналъ, что умираетъ, что для Эстеръ и для него не наступитъ больше второй счастливой весны безавѣтной любви. Цвѣты луговые снова зацвѣтутъ; рѣка снова покатитъ волны въ берегахъ, поросшихъ травой и кустами; но его нога не будетъ попираетъ ихъ; его голосъ не будетъ раздаваться въ томъ уголкѣ, гдѣ Эстеръ и онъ провели нѣсколько мѣсяцевъ, забывъ о прошломъ, не думая о будущемъ и всецѣло поглощенные любовью.

Джерминъ зорко слѣдилъ за нимъ, прохаживаясь между грядой живыхъ тюльпановъ и стѣной высокихъ пальмъ.

— Письмо, кажется, разстроило васъ, — сказалъ онъ, наконецъ.—Что, она бранитъ васъ за то, что вы убѣжали передъ свадьбой? Кстати, вѣдь свадьба сегодня должна была произойти.

— Нѣтъ, она очень добра—и очень терпѣлива. Она ждетъ, пока я не вернусь.

— Это будетъ, вѣроятно, на будущей недѣлѣ? Вы все устроили въ Лоукомбѣ? *Джерсейская Лилія* будетъ для васъ пригодна, чѣмъ этотъ домъ—какъ онъ ни великолѣпенъ. А въ Специи и въ Сорренто климатъ здоровѣе, нежели въ Лондонѣ въ маѣ мѣсяцѣ.

— Я не тороплюсь ѣхать назадъ—и сомнѣваюсь, чтобы климатъ могъ что-либо для меня сдѣлать.

— Въ этомъ вы ошибаетесь. Воздухъ, которымъ дышетъ человекъ—дѣло первой важности.

— Я спрошу доктора на этотъ счетъ. А пока намѣренъ прозябать здѣсь.

Онъ пообѣдалъ съ Юстиномъ Джерминомъ. Никто другой не зналъ, что онъ находится въ Лондонѣ. Онъ даже сестрѣ не сообщилъ о своемъ возвращеніи, пугаясь встрѣчи съ этой счастливой матроной, полной жизни и склонной къ щекотливымъ разговорамъ объ исчезновеніи ея пріятельницы Эстеръ. Джерардъ отдѣливался, какъ могъ, отъ ея разспросовъ и толковъ, но чувствовалъ, что при настоящемъ настроеніи своемъ ему невыносимо будетъ слышать имя Эстеръ, и ему придется сбросить маску, когда при немъ заговорятъ объ его жертвѣ.

Попытка Эстеръ къ самоубійству и гибель ея ребенка не были подхвачены мѣстной прессой и не переданы столичной печати. Фактъ казался слишкомъ мелкимъ, чтобы привлечь вниманіе столичныхъ репортеровъ, а туземныхъ м-ръ Гильстонъ упрямилъ не упоминать объ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, семейная трагедія Джерарда ускользнула отъ столичной печати.

Послѣ обѣда молодые люди отправились наверхъ въ тѣ комнаты, которыя Джерардъ скопировалъ съ памятныхъ ему покоевъ въ Иннъ-Филдсѣ. Здѣсь они обыкновенно играли въ пикетъ, обогащавшій Юстина Джермина, не разоряя его менѣе счастливаго партнера.

Но сегодня Джерардъ былъ нерасположенъ играть. Нервы его были напряжены, а мозгъ утомленъ. Игра, вообще производившая на него успокоивающее впечатлѣніе, сегодня его раздражала; онъ бросилъ карты на столъ съ внезапной нетерпѣливостью.

— Не стоитъ играть, — сказалъ онъ. — Я не понимаю, что дѣлаю. Сегодня я играть не буду.

Онъ нетерпѣливо всталъ и заходилъ по комнатѣ, но вдругъ остановился передъ японской занавѣской и отдернулъ ее.

— Знаете ли, что это такое? — спросилъ онъ, указывая на листъ бумаги, исчерченный линіями, проведенными перомъ.

— Похоже какъ бы на карту. Вы такъ представляете себѣ Италію... или Африку... начерченную на память и не особенно достоверно?

— Это моя *reau de chagrin* — талисманъ, показывающій ослабленіе жизненной силы — силы, обозначающей саму жизнь и такимъ образомъ служащей лѣстницей къ могилѣ. Вы видите наружную линію. Она довольно тверда и пряма, не правда ли? Конечно, проведена рукой не Геркулеса, но все же не показываетъ настоящей слабости. Вы видите внутреннія линіи, слѣдующія одна

за другой все слабѣе и нерѣшительнѣе, а послѣдняя—такая трепетная, точно проведена на одрѣ смерти.

Онъ схватилъ перо со стола около себя, опустилъ его въ чернильницу и хотѣлъ провести смѣлую линію, но рука его была слишкомъ слаба, чтобы выдержать напряженное приподнятое положеніе и перо, скользя по бумагѣ, провело косую линію сверху внизъ.

— Видите ли вы это?—закричалъ онъ со взрывомъ истерическаго хохота. — Линія идетъ книзу—точно падающая звѣзда—какъ жизнь къ могилѣ.

— Полноте, полноте, дорогой другъ, все это женскія бредни!—проговорилъ Джерминъ своимъ мягкимъ, соннымъ голосомъ, въ которомъ было нѣчто успокоительное, какъ въ падающихъ капляхъ лѣтняго дождя.—Вы устали. Ложитесь на диванъ и постарайтесь уснуть подъ мою болтовню.

Онъ обнялъ дружескимъ движеніемъ Джерарда за плечи и подвелъ его къ просторной, итальянской софѣ, обитой старинной парчой, но все еще яркихъ, хотя и нѣжныхъ цвѣтовъ, несмотря на солнце и пыль временъ. Утомленный умственно и слабый тѣлесно, Джерардъ опустился на это роскошное ложе, какъ Эндиміонъ на ложе цвѣтовъ, и мягкій, тихій, музыкальный голосъ Джермина, говорившаго объ яхтѣ, о гаваняхъ, въ которыхъ они будутъ бросать якорь въ Средиземномъ морѣ, оказался такимъ же дѣйствительнымъ, какъ сонныя капли. Джерардъ погрузился въ сладкій сонъ—впервые послѣ того, какъ оставилъ Флоренцію.

Было десять часовъ, когда онъ уснулъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго онъ проснулся поглощенный одной властительною мыслью.

— Мое завѣщаніе!—сказалъ онъ:—я еще не составлялъ завѣщанія. Еслибы я вдругъ умеръ скоропостижно,—а съ слабымъ сердцемъ развѣ можно уберечься отъ скоропостижной смерти,—то умеръ бы безъ завѣщанія. Это было бы ужасно. Я оставилъ уже кое-что... но недостаточно (это онъ прибавилъ скорѣе про себя, нежели высказалъ Джермину, тихо сидѣвшему около софы, наблюдая за нимъ). Я долженъ написать завѣщаніе.

Такой мысли не было у него въ головѣ, пока онъ не заснулъ; онъ не видѣлъ ни малѣйшей въ томъ необходимости. Еслибы онъ поразмыслилъ хорошенько о своемъ имуществѣ,—какъ слѣдовало бы это милліонеру,—то сказалъ бы себѣ, что если онъ умретъ безъ завѣщанія, то отецъ его наслѣдуетъ всему его состоянію; а такъ какъ онъ уже обезпечилъ будущность Эстеръ, то бѣда не велика, если онъ умретъ и безъ завѣщанія. Немногіе случай-

ные друзья не получают ожидаемыхъ даровъ—но это не велика бѣда. У него не было друзей,—включая даже его alter ego, Юстина Джермина, разочарованіе котораго могло бы для него что-нибудь значить.

Но сегодня вечеромъ его умомъ всецѣло завладѣла мысль о необходимости распорядиться насчетъ своего имущества. Онъ не помнилъ себя отъ нетерпѣнія.

— Дайте мнѣ еще листъ этой бумаги большого формата!—сказалъ онъ, указывая на письменный столъ.—Я сейчасъ напишу завѣщаніе. Вы и слуга можете засвидѣтельствовать его. Собственно-ручное завѣщаніе такъ же дѣйствительно, какъ и всякое другое, и никто не станетъ оспаривать моего завѣщанія.

— Я надѣюсь, что вы не потребуете, чтобы я засвидѣтельствовалъ этотъ документъ,—сказалъ Джерминъ, кладя передъ Джерардомъ большой почтовый листъ бумаги Бата и придвигая чернильницу:—потому что это значило бы, что вы не оставите мнѣ даже траурнаго кольца на память.

— Вѣрно!—я долженъ вамъ что-нибудь оставить на память. Я завѣщаю вамъ вашъ бюстъ,—вонъ того фавна,—отвѣчалъ Джерардъ, глядя на бюстъ, мраморныя губы котораго такъ же широко раздвигались улыбкой, какъ и губы самого Джермина.

— Вы должны завѣщать мнѣ нѣчто получше этого бюста. Я бѣденъ, какъ Іовъ, и если я переживу васъ, то съ кого я буду выигрывать въ пикетъ? Оставьте мнѣ поскребышки отъ вашихъ золотыхъ мѣшекъ.

Джерардъ раскрылъ эмалированную шкатулку, мастерское произведеніе ювелира пятнадцатаго столѣтія, и вынулъ изъ нея длинный свертокъ бумаги со спискомъ всего, чѣмъ онъ владѣлъ, каталогомъ его акцій и облигацій, составленнымъ его собственною рукою.

„Моему отцу, достопочтенному Эдуарду Гиллерсдону, ректору въ Гельмсли, оставляю ... акцій консолидированнаго займа ... облигацій Юго-Западной дороги ... Большой Западной, Большой Восточной, Большой Сѣверной“ и т. д. и т. д., пока не составилъ одинъ миллионъ, причемъ Юстинъ Джерминъ стоялъ около него и слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ писалъ, положивъ ему руку на плечо.

Джерардъ писалъ уже не тѣмъ красивымъ мелкимъ почеркомъ, которымъ написалъ свой первый романъ, составившій ему имя въ литературѣ. Сегодня вечеромъ, въ волненіи и нетерпѣніи, онъ писалъ крупно и размахисто: первая страница была занята вся вступительными фразами о здоровомъ умѣ и трезвой памяти

и пр. и пр. — и именемъ отца. Затѣмъ пошли наименованія бумагъ, занявшія другую страницу; затѣмъ: „сестрѣ моей Лиліанѣ, женѣ Джона Кумберленда, викарія церкви св. Лаврентія въ Сого“... и еще рядъ названій бумагъ; — затѣмъ: „моей матери всю мою мебель, картины, посуду и домъ въ Найтбриджѣ, за исключеніемъ мраморнаго фавна въ моемъ кабинетѣ“; — затѣмъ: „моему милому другу Эстеръ Давенпортъ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ въ консоляхъ и мой домъ и садъ въ Лоукомбѣ со всѣмъ, что тамъ находится, и наконецъ, Юстину Джермину, котораго я назначаю всеобщимъ наслѣдникомъ, — мраморнаго фавна“.

Одну страницу за другой, по мѣрѣ того какъ онѣ выходили изъ-подъ пера, Юстинъ Джерминъ бралъ и сушилъ на огнѣ камина. Ночи были свѣжія, хотя уже наступилъ май мѣсяцъ, и софа Джерарда была придвинута къ камину.

Пробила полночь, когда завѣщаніе было готово для подписи.

— Позвоните, пожалуйста, Джерминъ. Мой камердинеръ, конечно, еще не спитъ, да и другіе слуги тоже вѣроятно: у насъ вѣдь беспорядочный домъ. Я часто слышу, какъ они въ полночь крадутся наверхъ спать, въ то время какъ я спокойно сижу здѣсь. Черная лѣстница расположена въ этомъ концѣ дома.

— Кстати о лѣстницахъ: вы не оставили Ларозу даже и вазы, — замѣтилъ Джерминъ, надавливая пуговку электрическаго звонка.

— Къ чему я буду оставлять ему что-либо? Онъ довольно заработалъ денегъ въ этомъ домѣ. Развѣ, вы думаете, мнѣ пріятно будетъ обрадовать его своей смертью?

— Я думалъ, вы его любите.

— Я никого не люблю передъ лицомъ смерти, — отвѣчалъ Джерардъ запальчиво. — Неужели, вы думаете, я могу любить людей, которые будутъ жить и радоваться, пожалуй, еще и въ будущемъ столѣтіи, — а затѣмъ въ „Times“ будетъ пропечатано въ отдѣлѣ некрологовъ, послѣ того какъ человѣкъ девяносто лѣтъ пилъ вино жизни: „Съ сожалѣніемъ извѣщаемъ о кончинѣ архидіакона такого-то на девяносто-первомъ году его жизни“!.. Сожалѣть о человѣкѣ, прожившемъ девяносто лѣтъ! И вы думаете, что я, осужденный умереть, не достигнувъ и тридцати лѣтъ, могу сердечно относиться къ своимъ долговѣчнымъ ближнимъ! Съ какой стати одному человѣку отпущено такъ много, а другому такъ мало?

— Отчего одинъ человѣкъ — батракъ землепашецъ, получающій пятнадцать шиллинговъ заработной платы въ недѣлю, между тѣмъ какъ у васъ — два милліона?

— Деньги! деньги — ничто! Жизнь — единственная драгоценная вещь! Смерть — единственная страшная вещь.

— Вѣрно; но я сомнѣваюсь, чтобы девяностолѣтній человѣкъ меньше боялся смерти, чѣмъ вы.

— О! но онъ уже отжилъ! онъ долженъ это знать. Машина отработала и перестаетъ дѣйствовать отъ того, что обветшала. Она не разрушается внезапно отъ того, что въ самомъ матеріалѣ есть изъянъ. Я сознаюсь: ужасна мысль, что жизни долженъ наступить конецъ... когда-либо; что Его, такое сильное, обособленное, живучее и всепоглощающее, должно исчезнуть въ невѣдомой тѣмѣ; но умереть молодымъ, умереть прежде, чѣмъ появились морщины на лицѣ и сѣдые волосы,—умереть, когда жизнь такъ еще свѣжа и хороша, — это тяжело! Я почти ненавижу своего отца, когда подумаю, сколькоими золотыми годами онъ переживетъ меня, и будетъ наслаждаться богатствомъ, которое принадлежитъ мнѣ. Они, быть можетъ, сдѣлаютъ его епископомъ,—кто знаетъ? Богатый человѣкъ всегда долженъ быть силой въ церкви. Мой отецъ будетъ великолѣпнымъ епископомъ. Онъ проживетъ такъ же долго, какъ Мартинъ Рутъ, доживетъ до двадцатаго столѣтія, богатый, важный, добродушный, счастливый... тогда какъ я буду прахомъ! О! подумайте, какъ тяжело такое различіе! Подумайте о Шелли, обратившемся въ прахъ подъ плитой римскаго кладбища, и о другѣ Шелли, прожившемъ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ него и положенномъ на покой уже тогда, когда испилъ чашу жизни до дна и утомился, возлѣ того, кто потухъ, какъ падучая звѣзда.

Джерминъ положилъ руку ему на плечо мягко, но повелительно проговоривъ:

— Успокойтесь; вамъ нужно еще подписать эти листы.

Дверь отворилась, и камердинеръ, на обязанности котораго лежало являться на звонокъ барина въ такіе поздніе часы, тихо вошелъ въ комнату.

— Кто-нибудь изъ слугъ еще не ложился? — спросилъ Джерминъ.

— Бартонъ еще не ложился, сэръ.

— Позовите сюда Бартона и будьте вмѣстѣ съ нимъ свидѣтелемъ подписи вашимъ господиномъ нѣкоторыхъ документовъ. Бартонъ, надѣюсь, настолько трезвъ, чтобы помнить о томъ, что дѣлаетъ?

— Трезвъ, сэръ?! Да, сэръ; я никогда не видѣлъ Бартона иначе, какъ трезвымъ,—отвѣчалъ камердинеръ съ достоинствомъ.

— Ну, такъ поторопитесь. Вашъ господинъ дожидается.

Джерардъ дождался очень терпѣливо, съ остановившимся, задумчивымъ взглядомъ; рука его вяло лежала на первомъ листѣ

завѣщанія, который Джерминъ положилъ передъ нимъ. Джерминъ стоялъ у его локтя, держа другіе листы завѣщанія въ лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ правая слегка опиралась на плечо Джерарда.

Камердинеръ вернулся въ сопровожденіи буфетчика, имѣвшаго величественный видъ, но избѣгавшаго раскрывать ротъ.

Онъ весь обратился во вниманіе, и хотя отъ него несло водкой, но онъ подписался подъ подписью господина довольно четко.

Подпись камердинера была также тверда и разборчива. Онъ также много пилъ, но былъ прихотливѣе въ напиткахъ, нежели его товарищи.

— Вы должны знать характеръ этого документа,—сказалъ Джерминъ свидѣтелямъ,—хотя законъ этого и не требуетъ. Это завѣщаніе вашего господина,—единственное, написанное вами, Гиллерсдонъ?—обратился онъ къ Джерарду, все еще не снимая руки съ его плеча,—руки съ ненормально длинными пальцами и смертельно блѣдной.

— Это единственное, составленное мною завѣщаніе,—медленно произнесъ Джерардъ.

— И вы не намѣрены писать другого?

— И я не намѣренъ писать другого,—повторилъ Джерардъ.

— Ступайте,—сказалъ Джерминъ слугамъ:—кстати, я останусь здѣсь ночевать.

— Слушаю, сэръ. Ваша комната готова. Я снесъ туда ваши вещи.

Со времени возвращенія изъ Италіи, Джерминъ проживалъ въ этомъ домѣ, хотя ежедневно толковалъ о томъ, что уѣдетъ къ себѣ на квартиру. У него была квартира гдѣ-то около Пиккадилли, но онъ неохотно сообщалъ свой адресъ, и если принималъ и угощалъ гостей, то не иначе, какъ въ клубѣ. Единственный разъ, когда Джерардъ пользовался его гостепріимствомъ, было въ тотъ достопамятный вечеръ, когда онъ отъуживалъ у него на квартирѣ въ восточной сторонѣ отъ Линкольнъ-Инна.

— Вы очень устали, мой дорогой другъ,—сказалъ Джерминъ, когда слуги ушли.—Вамъ бы лучше лечь.

Джерардъ всталъ со стула, оставивъ листы почтовой бумаги Бата лежащими на столѣ, и даже не взглянулъ на нихъ, между тѣмъ какъ Джерминъ продолжалъ руку вокругъ его талии и подвелъ его къ софѣ, куда тотъ опустился съ закрытыми глазами и черезъ нѣсколько секундъ погрузился въ глубокій сонъ.

Джерминъ взялъ листы почтовой бумаги, тщательно сложилъ ихъ и положилъ во внутренний карманъ своей обѣденной жакеты

и вышелъ вонъ изъ комнаты. Камердинеръ дожидался на площадѣ.

— Господинъ вашъ заснулъ на диванѣ,—сказалъ Джерминъ. —Онъ, повидимому, очень усталъ, и я думаю лучше оставить его проспать на диванѣ всю ночь, нежели будить его теперь. Покройте его одѣяломъ и оставьте такъ до утра. Онъ не боленъ, а только утомленъ. Я присмотрю за нимъ ночью. Я вѣдь очень чутко сплю.

Камердинеръ медлил. Ему очень хотѣлось идти спать, однако онъ колебался.

— Вы увѣрены, сэръ, что я не понадобитсяъ?

— Ему ничего не нужно, кромѣ какъ выспаться. Онъ очень усталъ. Хорошій сонъ его совсѣмъ оживитъ.

Камердинеръ повиновался приказанію Джермина. М-ръ Джерминъ коротко стригъ волосы, имѣлъ видъ ученаго и безъ сомнѣнія былъ на половину докторъ. Камердинеръ пошелъ взглянуть на спящаго и заботливо укрылъ его мягкой индійской шалью. Безъ сомнѣнія, такой мирный и глубокій сонъ не слѣдовало тревожить. Такой сонъ могъ исцѣлить человѣка.

Было уже десять часовъ утра, а Джерардъ все еще не проснулся. М-ръ Джерминъ нѣсколько разъ входилъ въ кабинетъ ночью, а въ десять часовъ утра вышелъ изъ дома, и лишь тогда только, когда входная дверь за нимъ затворилась, Джерардъ пошевелился во снѣ, наконецъ раскрылъ глаза и съ удивленіемъ увидѣлъ солнечный свѣтъ, пронизавшій сквозъ венеціанскіе ставни и ложившійся золотыми полосками на темномъ коврѣ.

Онъ поглядѣлъ на часы. Десять часовъ, бѣлый день давно уже на дворѣ. Онъ проспалъ девять часовъ, хотя ему казалось, что онъ задремалъ всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ. Онъ спалъ крѣпко и безъ сновъ, тѣмъ идеальнымъ сномъ, который Сократъ называлъ величайшимъ счастіемъ въ жизни.

— Я никогда такъ долго не спалъ подъ-рядъ, во всю свою жизнь,—говорилъ онъ самому себѣ, почти пугаясь такого ненормальнаго сна.

Онъ оглядѣлся вокругъ, медленно припоминая о томъ, что было вчера.

Поездка въ Лоукомбъ, возвращеніе въ городъ, письмо отъ Эдиты Чампіонъ.

Онъ нащупалъ въ карманѣ письмо. Да, оно тутъ. Онъ въ третій разъ поспѣшно прочиталъ его. Онъ хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что онъ—свободный человѣкъ.

— Свободенъ, какъ воздухъ,—говорилъ онъ себѣ.—Свобо-

день жениться на женщинѣ, которую люблю, свободенъ исправить причиненное ей зло.

Исправить причиненное ей зло! Могъ ли онъ вернуть въ жизни ребенка? Могъ ли онъ вернуть рассудокъ матери! Такое зло не-исправимо. Рубцы такихъ ранъ не залечиваются.

Онъ раздумался надъ письмомъ Эдиты, такимъ холоднымъ при всемъ его здравомысліи, и припомнилъ собственное лицо, какъ онъ увидалъ его, отраженнымъ въ зеркалѣ въ первое утро пріѣзда его на флорентинскую виллу. Одного взгляда на это лицо, на которомъ была написана смерть, было довольно, чтобы спугнуть любовь. Онъ презрительно и злобно думалъ теперь объ этой любви, такой требовательной и ревливой, пока солнце жизни и молодости высоко стояло и свѣтило въ небѣ, и такъ быстро испарившейся, когда сгустились сумерки.

О завѣщаніи, написанномъ наканунѣ, онъ ни разу не вспомнилъ. Этотъ пунктъ оставался пробѣломъ въ его памяти. Точно также онъ не спросилъ и про Джермина. Онъ одѣлся, позавтракалъ и направился въ Лоукомбъ до полудня.

Перемены въ положеніи больной не произошло, но докторъ не терялъ надежды. Улучшеніе можетъ быть медленное, но хорошо уже то, что нѣтъ никакого ухудшенія.

— Время—единственный цѣлитель, на котораго мы теперь можемъ рассчитывать,—говорилъ м-ръ Миворъ.

Въ ректорѣ произошла большая перемена послѣ получасового конфиденціального разговора съ Джерардомъ; и миссъ Гильстонъ, до сихъ поръ избѣгавшая м-ра Гиллерсона, приняла его въ своей гостиной и болѣе часу бесѣдовала съ нимъ, радушно принимая его благодарность за всю ея доброту къ Эстеръ.

— Будьте увѣрены, что я бы сдѣлала то же самое для бѣднѣйшей дѣвушки въ приходѣ,—говорила миссъ Гильстонъ:—но должна сознаться, что красота ея и кротость произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Бѣдняжка! даже въ худшія минуты, ея рѣчи были таковы, что обнаружили передъ нами всю кротость и непорочность ея натуры. Я могла бы только повторить то, что братъ Офелія говоритъ о сестрѣ:

„Тоску и грусть, страданья, самый адъ—
„Все въ красоту она преобразила“.

О! м-ръ Ганли, для васъ было бы ужасной мыслью со временемъ, что вы привели къ гибели такую дѣвушку и не исправили зла, причиненнаго ей всѣми средствами, какія были въ вашей власти.

— Да, — отвѣчалъ Джерардъ уныло: — вы совершенно правы. Моимъ единственнымъ желаніемъ теперь — это прожить настолько, чтобы успѣть обвѣнчаться съ Эстеръ. Въ тотъ день, когда она узнаетъ меня, когда она придетъ въ себя, — я готовъ жениться на ней. Ректоръ просилъ меня погостить у него пока, чтобы я могъ слѣдить за выздоровленіемъ ежечасно. Не помѣшаю ли я вамъ, миссъ Гильстонъ, если позволю себѣ принять это приглашеніе?

— Помѣшаете?! — нѣтъ, нисколько. То, чего желаетъ мой братъ, никогда не можетъ мнѣ помѣшать. Мы еще ни разу въ жизни не расходились во взглядѣ на какой-нибудь предметъ. Мы вѣдь не мужъ съ женой, которые рѣдко въ чемъ сходятся.

— Значить, я могу остаться.

— Разумѣется. Ваша комната уже готова, и вы можете, если пожелаете, привести съ собой слугу.

— Вы очень добры; но мнѣ не нуженъ слуга. Я не злоупотреблю вашимъ гостепріимствомъ.

Онъ гулялъ съ ректоромъ по кладбищу въ тихій часъ, предшествующій солнечному заходу, и сообщилъ м-ру Гильстону свое имя и свою исторію, откровенно и безъ утайки.

— Не считайте меня низкимъ человѣкомъ, если я сознаюсь, что завидовалъ моимъ богатымъ пріятелямъ и въ университетѣ, и въ свѣтѣ. Алчность и сребролюбіе — пороки нашего вѣка. Воздухъ напоенъ милліонами. Вся жизнь пропитана безумствами и расточительностью новыхъ богачей. Все продается и все прощается милліонеру. На одного Нерона съ его золотымъ дворцомъ мы насчитываемъ десятки Нероновъ и цѣлыя улицы съ золотыми дворцами. На одного Лукулла у насъ цѣлая армія людей, задающихъ обѣды и за чьимъ столомъ жирѣютъ паразиты. Молодому человѣку нельзя жить въ суетѣ лондонскаго свѣта и не гоняться за золотомъ, какъ за высшимъ благомъ, и не страдать отъ бѣдности. Былъ моментъ, когда я вознамѣрился убить себя, считая, что лучше лежать мертвымъ въ могилѣ, нежели жить въ бѣдности! И въ этотъ-то день какъ разъ фортуна повернула свое колесо, и я оказался милліонеромъ! Но не успѣлъ я насладиться богатствомъ, какъ мнѣ объявили, что я не долговѣченъ, и съ той минуты я живу съ мрачнымъ привидѣніемъ за спиной.

— Я столько видѣлъ умирающихъ, спокойно разстававшихся съ жизнью, — отвѣчалъ ректоръ, — что не могу почти представить себѣ, какъ можно бояться смерти, — какъ не понималъ бы, что можно бояться сна.

— Ахъ! но вѣдь это сонъ вѣчный, ненарушимый. Не та

дрѣма, о которой говоритъ Гамлетъ,—но нравъ безъ просвѣта. И каково же отъ всего на свѣтѣ отказаться!

— Тяжело, конечно, если не вѣрить въ лучший міръ.

— Вѣра!—скажите лучше: миражъ, м-ръ Гильстонъ. Я вполне понимаю, что вы по обязанности, какъ служитель алтара, ослѣпляете этимъ миражемъ глаза вашихъ умирающихъ прихожанъ. Но неужели же вы рѣшитесь сказать мнѣ, послѣ долгой жизни знанія и мышленія, что это фантастическое видѣніе будущей жизни васъ утѣшаетъ? Гдѣ звено, соединяющее прахъ подъ могильными плитами съ другими планетами или грядущими временами? Весьма возможно, что существуютъ лучшіе міры, чѣмъ нашъ, съ существами болѣе благородными, чѣмъ мы; но что въ томъ для васъ, для меня, когда мы-то обратимся въ прахъ?! Мы такъ же непричастны къ этимъ лучшимъ мірамъ, какъ однолѣтнія бабочки. Мы тоже живемъ одинъ день.

— Любезный другъ, я не допускаю, что на сторонѣ науки всѣ сильнѣйшіе аргументы, и что вѣрѣ остается только сидѣть сложа руки и ждать....

„The shadow, cloak'd from head to foot,
„Who keeps the keys of all the creeds“ ¹⁾.

Но я не діалектикъ, и не стану пытаться аргументировать противъ новой вѣры, которой новѣйшіе метафизики предаются съ такимъ же наслажденіемъ, какъ еслибы дарили намъ новую надежду, вмѣсто того, чтобы пытаться убить старую. Я только скажу, какъ говорилъ св. Павелъ: „Еслибы мы только въ здѣшней жизни вѣрили въ Христа, то были бы несчастнѣйшими изъ людей!“.

— Св. Павелъ былъ мечтатель и энтузіастъ,—возразилъ Джерардъ:—какъ разъ такой человѣкъ, который можетъ создать новую религію,—умственная сила, настолько крупная, чтобы измѣнить лицо Европы на тысячу-девятьсот лѣтъ. Но я боюсь, что сѣкира уже приложена къ корню дерева, и что еще до наступленія двадцатаго вѣка христіанство превратится въ государственную религію—систему церемоній и расшитыхъ облаченій, какъ было въ языческомъ Римѣ, и какъ мы это видимъ теперь въ папскомъ Римѣ...

Мирная монотонная жизнь въ лоукомбскомъ ректоратѣ была пріятна Джерарду. Его здоровье было слишкомъ слабо для лон-

¹⁾ „Тѣнь, закутанную съ головы до ногъ,
Которая хранитъ ключи отъ всѣхъ вѣрованій“.

донскихъ удовольствій. Ему пріятнѣе было проводить дни въ мечтательной праздности, сберегая остатки силъ, которымъ скоро суждено было изсякнуть. Онъ зналъ, что ему не долго остается жить. Онъ видѣлся съ д-ромъ Соутомъ по возвращеніи въ Англію, и услышавъ отъ него приговоръ, рѣшилъ, что онъ будетъ послѣднимъ. Больше онъ не хотѣлъ совѣщаться съ наукой, такъ какъ она ничего не могла для него сдѣлать. Онъ могъ прожить нѣсколько недѣль, могъ протянуть и долѣе, если судьба и климатъ будутъ къ нему милостивы.

Все это время онъ не сносился съ своими родными. Отецъ, мать, Лиліана и ея мужъ—не знали объ его возвращеніи въ Англію. Онъ намѣревался повидаться съ сестрой, но не прежде, чѣмъ женится на Эстеръ, когда ему можно будетъ представить сестрѣ свою жену. Онъ хотѣлъ, чтобы у Эстеръ былъ хоть одинъ вѣрный другъ на случай его смерти.

Наконецъ, послѣ долгаго мѣсяца ожиданій и надеждъ, наступилъ счастливый переворотъ. Измученный мозгъ Эстеръ медленно пробуждался отъ оцѣпенѣнія и сознанія, и память знакомыхъ лицъ проснулась въ ней въ одно прекрасное іюньское утро, вмѣстѣ съ распускающимися розами подъ ея окномъ.

— Джерардъ! — вскричала она, съ любовью взглядывая на него въ то время какъ онъ по обыкновенію стоялъ у ея стула, сторожа малѣйшій, хотя бы слабый проблескъ сознанія.—Ты вернулся, наконецъ, изъ Италіи? Какъ долго ты пробылъ въ отсутствіи, какъ страшно долго!

Онъ просидѣлъ съ ней часъ, разговаривая о постороннихъ вещахъ. Память возвращалась постепенно. Только на слѣдующій день она вспомнила про смерть отца, и докторъ надѣялся, что та ночь, какъ она блуждала по берегу рѣки, и гибель бебѣ будетъ вычеркнута изъ ея памяти. Но это было не такъ. По мѣрѣ того какъ въ ея умѣ восстанавлилось равновѣсіе, воспоминаніе обо всемъ, что она выстрадала, и что совершила въ припадкѣ безумія, вернулось съ мучительной ясностью. Она припомнила и зоркій надзоръ сидѣлокъ, который ей казался жестокой тиранніей. Она припомнила, какъ выскользнула изъ дому и пробралась сквозь темноту и сырость сада къ рѣкѣ, на свое любимое мѣсто, гдѣ проводила съ Джерардомъ столько счастливыхъ часовъ. Она припомнила, какъ ей показалось, что смерть—наилучшій исходъ для нея и для ея ребенка изъ міра, въ которомъ никто ихъ не любить, и никому они не нужны: она—брошенная любовница, опъ—незаконный ребенокъ, безъ роду и имени. Она припомнила, какъ бросилась въ воду, какъ вода сомкнулась вокругъ нея...

Дальше ничего не было; одно лишь однообразіе мирныхъ дней и добрыхъ лицъ, освѣщенныхъ солнцемъ комнатъ и благоухающихъ цвѣтовъ ректорскаго дома,—время, когда она считала себя счастливымъ ребенкомъ, съ дѣтскими, счастливыми мыслями...

Они обвѣнчались въ тѣнистой старинной церкви въ половинѣ девятаго, въ одно прекрасное іюньское утро. Эстеръ была блѣдна и худа, но, несмотря на истощеніе отъ болѣзни, красота ей не измѣнила. Она была одѣта въ сѣромъ дорожномъ платьѣ и небольшой хорошенькой шляпкѣ. Джерардъ, съ красными пятнами на щекахъ и тревожнымъ взглядомъ, съ провалившимися глазами и щеками, казался гораздо взволнованнѣе жены.

Они поѣхали изъ церкви на станцію желѣзной дороги, которая должна была отвезти ихъ въ Лондонъ,—напутствуемые благословеніями ректора и его сестры, который одинъ, вмѣстѣ съ приходскимъ клеркомъ, былъ свидѣтелемъ брака.

— Она теперь ваша жена, — объявилъ ректоръ, — и самая торжественная служба въ Вестминстерскомъ аббатствѣ не могла бы крѣпче связать вашихъ узъ.

Джерардъ телеграфировалъ сестрѣ, прося ее пріѣхать завтракать въ Гиллерсдонъ-Гаузъ, куда онъ прибудетъ съ Эстеръ между двѣнадцатью и часомъ.

Онъ провелъ часть до пріѣзда Лиліаны въ томъ, что показывалъ Эстеръ свой домъ.

— Онъ теперь твой, — сказалъ онъ, — также какъ и Розовый Павильонъ, который я купилъ тебѣ какъ игрушку. Надѣюсь, что ты много лѣтъ проживешь въ немъ, когда я буду уже покониться въ могилѣ.

Она бросила на него раздирающій сердце взглядъ. Неужели онъ думалъ, что это великолѣпіе можетъ утѣшить ее, когда его не будетъ въ живыхъ... что она когда-нибудь забудетъ его или ребенка... котораго она въ припадкѣ безумія погубила?! Но она не хотѣла огорчить его ни однимъ печальнымъ словомъ, въ особенности сегодня, когда онъ все сдѣлалъ, что могъ, чтобы вернуть ей доброе имя. Она ходила съ нимъ изъ комнаты въ комнату, хвалила его вкусъ, восхищалась то той, то другой вещью, пока, наконецъ, не пришла въ его святилище верхняго этажа.

Не успѣла она переступить черезъ порогъ, какъ увидѣла фавна и слегка вскрикнула, съ отвращеніемъ въ голосѣ, произнесла:

— М-ръ Джерминъ!

— Только случайное сходство... но очень большое, не правда ли?

— Затѣмъ ты хранишь его бюстъ въ своей комнатѣ? У него отвратительное лицо, и онъ—дурной человѣкъ. Не могу понять, какъ могъ ты выбрать его себѣ въ друзья!

— Онъ никогда не былъ моимъ другомъ, Эстеръ. У меня нѣтъ другого друга, кромѣ м-ра Гильстона. Этотъ старикъ—первый человѣкъ, въ которомъ я встрѣтилъ искреннее къ себѣ дружелюбіе съ тѣхъ поръ, какъ сталъ миллионеромъ. Джерминъ былъ моимъ собесѣдникомъ, и очень забавнымъ; къ тому же я ничего худого въ немъ не видѣлъ.

Эстеръ все осматривала съ живѣйшимъ интересомъ. Здѣсь онъ жилъ, прежде чѣмъ узналъ ее. Это роскошное жилище онъ покинулъ, чтобы поселиться съ нею на берегу рѣки. Она разсматривала книги, рѣдкости изъ бронзы, слоновой кости и яшмы; и, наконецъ, остановилась передъ японской вышитой занавѣской, висѣвшей на стѣнѣ.

— Что тамъ скрывается за этой занавѣской, картина?—спросила она:—вѣрно, картина, которую нельзя видѣть безъ позволенія?

— Нѣтъ, не картина. Погляди, если хочешь, Эстеръ. У меня нѣтъ секретовъ отъ другой половинки моей души.

Эстеръ раздвинула занавѣску и увидѣла большой листъ бумаги, испещренный черными линиями?

— Что за курьезная вещь!—вскричала она:—что это такое?

— Это хартія моей жизни, Эстеръ. Линія, которая ведетъ внизъ, означаетъ конецъ.

Онъ сорвалъ листъ со стѣны, разорвалъ его въ мелкіе клочки и бросилъ въ корзинку со рваной бумагой.

— Я примирился съ концомъ, Эстеръ,—сказалъ онъ мягко, въ то время какъ она, удерживая слезы, прильнула къ его плечу:—теперь, когда мы съ тобой вмѣстѣ и останемся вмѣстѣ до конца...

Онъ услышалъ шаги Лилианы на лѣстницѣ; черезъ минуту она уже была въ комнатѣ и съ радостнымъ удивленіемъ увидѣла Эстеръ.

— Эстеръ! такъ онъ нашелъ васъ и все обстоитъ благополучно!—вскричала Лилиана.—Но ахъ! моя бѣдняжка! какъ же вы блѣдны и худы! Вы, должно быть, были больны съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись?

— Не спрашивай ее ни о чемъ, Лилиана, но обними какъ свою сестру и мою жену.

— Твою жену?.. съ какихъ же поръ, Джерардъ?

— Это праздный вопросъ. Она моя жена—моя любимая и дорогая жена.

Лилиана съ удивленіемъ глядѣла на него съ секунду. Да,

онъ, очевидно, говорилъ серьезно, и этотъ бракъ, который ей никогда и не снился, былъ дѣйствительностью. Она, ни слова не говоря, повернулась къ Эстеръ и поцѣловала ее.

— Ты будешь мнѣ сестрой,—изглаголю произнесла она,—и я не стану разспрашивать, какое горе такъ извело тебя или почему братъ скрывалъ свой бракъ отъ меня до сегодня.

Послѣ того они сошли внизъ завтракать, и хотя всѣ ѣли мало, но для Джерарда то былъ пріятнѣйшій завтракъ изъ всѣхъ, какіе выпадали на его долю за послѣднее время.

Тѣнь, омрачавшая прошлую жизнь Эстеръ, мало смущала его. Для него будущее было такъ коротко, что прошлое значило мало. Онъ не могъ особенно горевать о ребенкѣ, котораго совсѣмъ не видѣлъ. Да еслибы этотъ ребенокъ остался въ живыхъ, то онъ не долго пользовался бы отцовскими попеченіями.

Они уѣхали въ Туринъ съ вечернимъ поѣздомъ, и только Лилиана провожала ихъ на станцію, гдѣ два блѣдныхъ лица, глядѣвшихъ на нее изъ вагона, медленно скрылись отъ ея глазъ. Одно изъ этихъ лицъ она почти не надѣялась снова увидѣть въ здѣшней жизни.

ЭПИЛОГЪ.

Лондонскій сезонъ истекалъ, и Юстинъ Джерминъ поговаривалъ о своемъ лѣтнемъ курсѣ леченія... О, ничего особенно интереснаго... поѣздка въ Пиренеи... Въ это время сплетники, собиравшіеся въ литературно-художественныхъ общественныхъ клубахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Sensorium“ и „Hertachord“, были заинтересованы слѣдующимъ краткимъ извѣщеніемъ въ отдѣлѣ некрологовъ „Times“:

„Іюля 19-го числа, на яхтѣ „Джерсейская Лилия“—въ Корфу, скончался Джерардъ Гиллерсдонъ, 29-ти лѣтъ отъ роду“.

— Вотъ и конецъ Гиллерсдонской удачѣ!—сказалъ Ларозъ:—и одинъ изъ прекраснѣйшихъ домовъ въ Лондонѣ поступить въ продажу. Всего лишь полтора года тому назадъ, какъ онъ былъ выстроенъ, и мы тратили деньги при его постройкѣ, не считая, увѣряю васъ. Чтобы угодить ему, мы должны были не стѣсняться въ расходахъ. Положеніе восхитительное по своей новизнѣ.

— А въ чемъ заключалась его удача? Онъ получилъ въ наследство миллионъ или около того, за то, что поднялъ зонтикъ, оброненный какимъ-то старикомъ, не правда ли?

— Нѣтъ; онъ спасъ жизнь старика и чуть-было не лишился его милостей за то, что не поднялъ зонтика.

— М-ръ Джерминъ лишается полезнаго друга въ его лицѣ. Онъ постоянно былъ съ Гиллерсдономъ. А кому достанутся его деньги? Или же Гиллерсдонъ ихъ всѣ промоталъ?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ одинъ джентльменъ, любитель скачекъ.—Онъ былъ жалкое существо, и не думаю, чтобы когда-либо садился на лошадь послѣ того, какъ оставилъ Оксфордъ. Такой человѣкъ не могъ промотать милліона, а тѣмъ менѣе двухъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые способны копить деньги и пускать ихъ въ ростъ. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ исторію.

— Онъ началъ свою карьеру строченіемъ романовъ,—замѣтилъ кто-то другой. — Сочинилъ какую-то сантиментальную исторію и очаровалъ ею всѣхъ женщинъ, а потомъ сталъ строчить въ газетахъ и совсѣмъ обнищалъ передъ тѣмъ, какъ получить милліоны.

— Ему бы слѣдовало открыть театръ.

— Онъ неспособенъ былъ къ этому! Этотъ человѣкъ не умѣлъ тратить денегъ. У него не было изящныхъ вкусовъ.

— Онъ давалъ восхитительные завтраки,—сказалъ Ларозъ.

— Да, полудюжинѣ краснобаевъ, какъ вы и Рубинъ Гамбьеръ. Я считалъ его жалкимъ созданіемъ, у котораго милліоны пропадали даромъ.

Таковъ былъ окончательный вердиктъ, произнесенный въ курительной комнатѣ клуба.

Въ тотъ же самый день въ м-ру Крафтону, фирмы „Крафтонъ и Кранберри“ въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсѣ, явился посѣтитель, извѣстившій о своемъ визитѣ по телеграфу. Посѣтитель былъ Юстинъ Джерминъ, котораго м-ръ Крафтонъ встрѣчалъ одинъ только разъ въ жизни на обѣдѣ, данномъ его кліентомъ, Джерардомъ Гиллерсдономъ.

Солиситоръ принялъ м-ра Джермина радушно, но серьезно, такъ какъ недавняя смерть значительнаго кліента требовала извѣстной торжественной грусти.

— Печальныя вѣсти изъ Корфу,—сказалъ Джерминъ:—вы читали объявленіе въ „Times“.

— Да; но это для меня не новость. Я получилъ телеграмму два часа послѣ событія... которое не было неожиданно. Нашъ кліентъ медленно угасалъ съ того самого момента, какъ оставилъ Англію въ іюнѣ мѣсяцѣ. Вы не были съ нимъ на яхтѣ, м-ръ Джерминъ?

— Нѣтъ; я писалъ ему два или три раза и предлагалъ свои услуги; яхту эту я вѣдь купилъ ему и завѣдывалъ ею снаряже-

ніемъ. Но отвѣты его были коротки и...—тутъ Джерминъ издалъ нѣчто въ родѣ обычнаго своего смѣха, но смягченнаго въ виду обстоятельствъ:—...онъ, очевидно, не желалъ моего общества; а такъ какъ въ дѣлѣ была замѣшана дама, то я и не обижался. Ну, а вотъ теперь онъ умеръ, бѣдняга. Блестящее существованіе, но слишкомъ кратковременное...

Наступило минутное молчаніе. М-ръ Крафтонъ вѣжливо ждалъ, что будетъ дальше. Но такъ какъ собесѣдникъ сидѣлъ, улыбаясь, и ничего не говорилъ, то онъ самъ началъ:

— Вы естественно думаете, что, какъ пріятель м-ра Гиллерсона, можете рассчитывать на то, что покойный оставилъ вамъ подарокъ или извѣстную сумму денегъ по завѣщанію; но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что такого подарка вамъ не оставлено. Покойный умеръ безъ завѣщанія.

— Какимъ образомъ вы это узнали... и такъ скоро?—спросилъ Джерминъ, все еще улыбаясь.

— У насъ фактъ подъ руками, въ письмѣ, написанномъ всего лишь за три дня до его смерти. Вотъ это письмо... онъ взялъ его изъ-подъ бронзоваго преспанья на столѣ.—Я прочитаю вамъ отрывокъ изъ него.

Онъ провапшлялся, вздохнулъ и прочиталъ слѣдующее.

„Мой докторъ, намекавшій мнѣ весь послѣдній мѣсяцъ про завѣщаніе, говоритъ мнѣ, что если я хочу составить завѣщаніе, то долженъ сдѣлать это, не теряя времени. Но я не хочу писать завѣщанія. Мое богатство перейдетъ въ тѣ именно руки, какъ мнѣ то желательно, и я могу положиться на то, что мои послѣдніе великодушно поступятъ и съ тѣми, кого я упомянулъ бы въ своемъ завѣщаніи, еслибы могъ настолько совладать съ своими нервами, чтобы его составить. Но для меня это равнозначуще тому, какъ если бы я самъ сталъ сколачивать себѣ гробъ. Я предоставляю отцу вознаградить васъ и м-ра Кранберри, какъ слѣдуетъ, за ваши безкорыстныя заботы о моемъ имуществѣ“... Гмъ, гмъ, гмъ...—пробормоталъ законовѣдъ, складывая письмо. Дальше читать не стоить.

— Нѣтъ. Но курьезная вещь, что человекъ, написавшій эти слова, за три мѣсяца передъ тѣмъ составилъ собственноручно завѣщаніе и засвидѣтельствовалъ его какъ слѣдуетъ въ моемъ присутствіи.

— Когда это было?

— Третьяго мая текущаго года.

— Вы удивляете меня. Вы были однимъ изъ свидѣтелей?

— Конечно нѣтъ.

— А почему же вы знаете про завѣщаніе?

— Я былъ при томъ, какъ оно писалось, и оно было поручено мнѣ на храненіе. Я привезъ его къ вамъ, м-ръ Крафтонъ, съ тѣмъ, чтобы вы оказали мнѣ такую же помощь, какъ, два года тому назадъ, моему глубоко-оплакиваемому другу Джерарду Гиллерсдону.

Онъ подалъ солиситору документъ, состоявшій только изъ двухъ листовъ почтовой бумаги фабрики Батъ. Каждый листъ былъ исписанъ почеркомъ Джерарда Гиллерсдона и каждый, какъ слѣдуетъ, подписанъ и засвидѣтельствованъ.

Въ первомъ листѣ перечислялись бумаги, находившіяся во владѣніи завѣщателя, а во второмъ—эти бумаги завѣщались „Юстину Джермину, 4, Норландъ-Кортъ, Пикадилли, котораго я назначаю всеобщимъ наслѣдникомъ“.

— Это завѣщаніе вполне законное, я думаю, м-ръ Крафтонъ?

— Прекрасное завѣщаніе, но оно не упоминаетъ и половины имущества.

— Нѣтъ; но я думаю, что слова: „всеобщій наслѣдникъ“—уладятъ все дѣло.

— Разумѣется. Что, онъ былъ въ своемъ умѣ, когда писалъ это завѣщаніе?

— Онъ никогда не терялъ ума, сколько мнѣ извѣстно. Спросите лучше свидѣтелей, камердинера и буфетчика, насчетъ состоянія его умственныхъ способностей въ вечеръ третьяго мая.

— Я не стану ихъ беспокоить. Мнѣ жаль васъ разочаровывать, м-ръ Джерминъ, хотя я бы еще больше жалѣлъ объ этомъ, будь вы родственникъ нашего покойнаго кліента. Это завѣщаніе не имѣетъ никакой цѣны.

— Чортъ возьми! Неужели же вы хотите сказать, что есть другое, позднѣйшее?

— Нѣтъ, если только онъ не составилъ его послѣ того, какъ написалъ письмо, прочитанное мною вамъ. Ваше завѣщаніе недѣйствительно, благодаря браку нашего кліента.

— Его браку?

— Да. Онъ женился третьяго іюня въ приходской церкви Лоукомба, въ Беркширѣ. Я знаю, онъ держалъ въ тайнѣ свой бракъ. О немъ не было объявлено въ газетахъ. Лэди, на которой онъ женился, была бѣдна, и вообще бракъ этотъ—чисто романическій. Она сопровождала его съ тѣхъ поръ на яхтѣ.

— Да, я знаю, что она была съ нимъ. Но чтобы она была его женой—это фикція.

— Если такъ, то свидѣтельство о бракѣ, которое у меня въ рукахъ, было бы весьма искусной поддѣлкой. А это свидѣтельство прислано мнѣ пасторомъ, который ихъ вѣнчалъ. М-ръ

Гиллерсдонъ умеръ безъ завѣщанія, а потому все его состояніе будетъ раздѣлено между его отцомъ и женой. Вамъ остается теперь только одинъ шансъ, м-ръ Джерминъ: попытайтесь жениться на вдовѣ.

— Благодарю за совѣтъ. Нѣтъ, я не думаю, чтобы мнѣ это удалось. Ну, что-жъ, я потерялъ друга и состояніе, но я живъ, а жизнь сладка. Я не сраженъ вашимъ извѣстіемъ, м-ръ Крафтонъ, хотя оно и удивительно. Прощайте.

Онъ засмѣялся своимъ демоническимъ смѣхомъ, взялъ шляпу въ одну руку, а другою махнулъ въ знакъ привѣта въ сторону юриста и исчезъ, такой же веселый и спокойный, какъ и пришель... человекъ безъ совѣсти и безъ страсти.

А чтѣ же случилось съ Эстеръ, обогащенной свыше мечтаній всякой алчности, но овдовѣвшей на утрѣ дней своихъ? Можетъ ли знать счастье вновь это одинокое сердце, испытавшее столько горькаго?

Да; она можетъ, по крайней мѣрѣ, узнать счастье жизни, посвященной добрымъ дѣламъ,—жизни, которая дѣлится между сельской тишиной деревеньки на берегу Темзы и людными, грязными улицами и жалкими вертепами, въ которыхъ трудятся Джонъ Кумберлендъ и его молодая жена, и гдѣ Эстеръ служить имъ преданнымъ и ревностнымъ помощникомъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ для обезпеченія невинныхъ маленькихъ дѣтей отъ нищеты и порока, спасенія павшихъ женщинъ и дѣвушекъ Эстеръ является толковой и дѣятельной помощницей. Она не бросаетъ слѣпо и зря денегъ направо и налево. Ее нельзя поддѣть на лесть и похвалы. Она вноситъ столько же ума, сколько и сердца въ дѣло филантропіи и во всѣхъ сношеніяхъ съ бѣдными проявляетъ даръ проникательности, вмѣстѣ съ даромъ симпатіи.

Если помогать другимъ въ несчастіи есть счастье, то Эстеръ счастлива. Но многіе читаютъ на красивомъ молодомъ личикѣ признаки преждевременной кончины, и, быть можетъ, въ тѣхъ тѣнистыхъ прибрежныхъ тропинкахъ, по которымъ она гуляла съ Джерардомъ въ краткую весну ихъ любви, ей мелькаетъ вдали тѣнь смерти.

Она перевезла тѣло своего мужа изъ прекрасной страны, гдѣ онъ умеръ, на лоукомбское кладбище, и лѣтнее солнце рѣдко заходитъ, не озаривъ послѣдними лучами тихой фигуры, сидящей или колѣнопреклоненной въ укромномъ убѣжищѣ подъ большимъ вязомъ, растущимъ надъ могилой Джерарда Гиллерсдона.

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

— Исторія казанской духовной академіи за первый (до-реформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы). П. Знаменскаго. Три выпуска. Казань, 1891—1892.

— Историческая записка о состояніи казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія. 1870—1892. С. Терновскаго. Казань, 1892. (Большой томъ).

— Къ юбилею казанской духовной академіи. Спб. 1892. (Брошюра).

Въ сентябрѣ нынѣшняго года казанская духовная академія праздновала свой пятидесятилѣтній юбилей, и ея исторіи посвящены два обширныя сочиненія, написанныя двумя ея нынѣшними профессорами. Подобные юбилеи каждый разъ неизбѣжно напоминаютъ о крайней молодости нашего просвѣщенія: въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее время мы читали, напримѣръ, о юбилеяхъ различныхъ западныхъ университетовъ—нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, и каждый разъ ихъ историческое существованіе считается многими сотнями лѣтъ, доходя не только до пятнадцатаго, но даже до двѣнадцатаго столѣтія; наши юбилеи, какъ недавно юбилей петербургскаго или одесскаго университета, или теперь казанской духовной академіи, простираются едва на десятки лѣтъ. Цифры, конечно, краснорѣчивы: мы не можемъ обманываться о количествѣ умственнаго труда, совершеннаго русскими силами, и о количествѣ результатовъ, пріобрѣтенныхъ этими трудами, — сколько бы ни были эти труды настойчивы и добросовѣстны. Для всякаго, кто не обманываетъ себя и другихъ мнимо-патріотическимъ самохвальствомъ и принимаетъ искренно къ сердцу инте-

ресы своего общества и народа, естественно является мысль о томъ, какъ много работы предстоитъ еще для того, чтобы просвѣщеніе въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ могло послужить нуждамъ общественной и народной жизни при усложняющихся все болѣе отношеніяхъ общественныхъ, экономическихъ и нравственныхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, это зрѣлище просвѣтительной работы, совершаемой въ нашихъ скромныхъ научныхъ учрежденіяхъ, внушаетъ тѣмъ болѣе уваженія къ тѣмъ дѣятелямъ, которые въ незавидныхъ условіяхъ нашей учено-литературной работы нерѣдко полагали всю жизнь, сопровождаемую лишеніями, на исполненіе своего долга.

Къ счастью, исторія нашихъ ученыхъ учреждений нигдѣ не лишена примѣровъ такого безкорыстнаго и убѣжденнаго исполненія этого долга.

Эта скудость средствъ нашего просвѣщенія сказывается и съ другой стороны. Наши молодые ученые учрежденія и по своей численности далеко не отвѣчаютъ громаднымъ размѣрамъ того района, которому они должны были бы служить питательными центрами. На громадную Россійскую имперію, которой населеніе считаютъ уже далеко за сотню милліоновъ, имѣется всего четыре высшія духовно-учебныя заведенія: въ то время какъ, напримѣръ, въ Германіи десятки ея университетовъ имѣютъ свои теологическіе факультеты, и протестантскій или католическій служитель церкви обыкновенно имѣетъ болѣе или менѣе широкое теологическое и иное образованіе, у насъ священникъ съ образованіемъ академическимъ есть только очень рѣдкій примѣръ въ массѣ пастырей, образованіе которыхъ не превышаетъ семинаріи. На памяти нынѣшнихъ старыхъ людей бывали по захоластнымъ селамъ совсѣмъ безграмотные священники, выучивавшіе службу наизусть... Въ прежнее время духовнымъ академіямъ поручалось между прочимъ завѣдываніе учебнымъ дѣломъ въ ихъ округахъ и, напримѣръ, до основанія казанской академіи учебный округъ московской академіи простирался отъ подмосковныхъ губерній на всю восточную Россію и Сибирь до Камчатки: размѣры округа, которымъ завѣдывать поручаемо было академическому правленію, сами по себѣ указываютъ, насколько могли быть распространены низшія духовныя училища и насколько возможенъ былъ дѣйствительный надзоръ и руководство высшаго учебнаго учрежденія. Съ учрежденіемъ казанской духовной академіи вѣдомство академіи московской было ограничено окрестными губерніями, но весь востокъ поволжской и кавказской Россіи и Сибирь были отнесены

опять въ управленіе одной казанской академіи — область управленія сократилась немногимъ.

Ко всему этому прибавляется еще крайняя скудость матеріальныхъ средствъ. Какъ жалко обставлены были издавна духовныя училища низшія и среднія—извѣстно. Достаточно припомнить автобіографическіе рассказы питомцевъ старинныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, — въ томъ числѣ и такихъ питомцевъ, которые потомъ стали видными людьми въ наукѣ, литературѣ или на поприщѣ администраціи, — чтобы видѣть, что матеріальное состояніе этихъ заведеній могло съ полнымъ правомъ назваться нищетой. Средства казанской духовной академіи, высшаго духовнаго учрежденія чуть не на половину части свѣта, были очень ограниченныя; историку академіи приходится говорить о „бѣдности наставниковъ“. Не говоря о томъ, что эта бѣдность сама по себѣ могла не очень способствовать успѣшности ихъ трудовъ, она между прочимъ должна была прямо отражаться на недостаточности научныхъ и учебныхъ пособій. Если замѣтить еще, что при немногочисленности образованныхъ лицъ, наполнявшихъ составъ академіи, преподаватели ея нерѣдко обременяемы были административными и другими, совсѣмъ не научными, занятіями (профессора бывали секретарями академическаго правленія, администраторами, бібліотекарями и т. п.), то окажется, что научная дѣятельность не была обставлена благопріятно и съ этой стороны.

Въ такихъ условіяхъ существовало и ученое учрежденіе, исторія котораго предлагается намъ по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея. Эта исторія не богата громкими подвигами науки (ими мы и вообще не богаты); но казанская академія тѣмъ не менѣе имѣетъ за собой значительныя заслуги въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, при всей малочисленности своихъ научныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, она не мало послужила распространенію духовнаго образованія въ той области, для которой она была научнымъ центромъ. Во-вторыхъ, она не мало послужила и нашей наукѣ въ тѣхъ особенныхъ условіяхъ, какія ей выпали на долю, какъ дальше увидимъ. Въ частности, съ казанской академіей такъ или иначе связаны имена, получившія и внѣ ея большую извѣстность въ наукѣ, въ іерархіи, въ публицистикѣ. Назовемъ имена А. П. Шапова, М. Я. Морошкина, А. С. Павлова, И. Я. Порфирьева, П. В. Знаменскаго, Г. С. Саблукова, А. А. Бобровникова, Н. И. Ильминскаго, Г. З. Елисеева; арх. Іоанна (Соколова), арх. Θεодора (Бухарева), пр. Никанора, недавно умершаго архіепископа херсонскаго.

Книга г. Знаменскаго еще не вышла въ свѣтъ сполна, какъ вызвала уже возраженія въ брошюрѣ, которой заглавіе приведено выше. Не назвавшій себя авторъ остался недоволенъ тѣми эпизодами сочиненія г. Знаменскаго, гдѣ, на основаніи отчасти личныхъ воспоминаній, отчасти сообщенныхъ г. Знаменскому воспоминаній другихъ лицъ, дѣлаются характеристики какъ старыхъ академическихъ порядковъ, такъ и нѣкоторыхъ лицъ, заправлявшихъ академіей въ прежніе годы. Въ предисловіи къ своему труду г. Знаменскій такъ опредѣляетъ историческое положеніе дѣла и свою собственную точку зрѣнія. „Время это,—говоритъ проф. Знаменскій,—настолько уже далеко отъ насъ, что мы имѣемъ, кажется, полную возможность взглянуть на него съ настоящей исторической точки зрѣнія. Всѣ специфическія принадлежности и черты тогдашней академической жизни, строй администраціи, строй курса, матеріальная обстановка жизни, дисциплинарный строй студенческаго общежитія,—все это измѣнилось теперь до неузнаваемости и въ прежнемъ своемъ видѣ еще съ 1870 г. почти разомъ сдано въ архивъ исторіи. Измѣнились и люди; многіе воспитанники и дѣатели до-реформенной академіи благополучно здравствуютъ и доселѣ, но болѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ настолько успѣли постарѣть и умудриться житейскими опытами, что, вѣроятно, всѣ уже смотрятъ на свои дѣла и на самыя свои личности того времени объективными глазами, какъ на нѣчто для нихъ теперь постороннее, что уже для нихъ прошло и надъ чѣмъ они уже духовно возвысились. Субъективность историка этой старой академической жизни, которую онъ когда-то и самъ переживалъ, можетъ выразиться не столько въ его отношеніи къ ея общему строю и теченію, сколько развѣ въ нѣкоторыхъ излишествахъ разсказа, свойственныхъ всѣмъ авторамъ мемуаровъ, въ излишнемъ увлеченіи знакомыми и еще слишкомъ живыми въ душѣ его образами, до которыхъ другимъ, можетъ быть, нѣтъ никакого дѣла, и въ невольномъ выраженіи до сихъ поръ еще не пережитыхъ личныхъ симпатій и антипатій. Но такая субъективность еще небольшая бѣда. Соединеніе исторіи съ мемуарами можетъ имѣть и свою прелесть, и свое даже научно-историческое достоинство, которое будущій, болѣе поздній по времени и болѣе научный по образованію историкъ академіи можетъ найти для себя даже особенно цѣннымъ“. Авторъ брошюры выискиваетъ въ книгѣ г. Знаменскаго подробности, которыя кажутся ему если не невѣрными, то неосмотрительно сказанными, во всякомъ случаѣ не подобающими достоинству учрежденія. Онъ приходитъ даже по ихъ поводу въ настоящее негодованіе и высказываетъ о трудѣ

историка академіи слѣдующій тяжелый приговоръ. „Въ душѣ автора (связаннаго, какъ признаетъ самъ критикъ, со старою академіею и временемъ студенчества, и нѣсколькими годами профессорства) не замерли и старыя симпатіи и антипатіи, и ихъ живучесть служить прямымъ доказательствомъ, что въ своемъ развитіи онъ не достигъ еще той высоты, которая могла бы обезпечить для него, какъ историка, возможность отнестись къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ совершенно объективно и трезво, безъ односторонности и узкости взглядовъ, безъ пристрастій и увлеченій, понятныхъ и естественныхъ въ разсказахъ и показаніяхъ непосредственныхъ свидѣтелей и участниковъ событій, но неумѣстныхъ и нежелательныхъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Къ тому же въ своемъ трудѣ профессоръ Знаменскій держится и писательской манеры, которой серьезные ученые избѣгаютъ: онъ роется на заднемъ академическомъ дворѣ (?), съ чернаго крыльца вторгается въ частную жизнь и въ частныя дѣла начальствующихъ въ академіи лицъ и профессоровъ, собираетъ и пересказываетъ ходившія когда-то на ихъ счетъ сплетни, пересыпаетъ свои повѣствованія анекдотами, въ большинствѣ случаевъ неостроумными и плоскими, напрягается потугами смѣшить читателя. Вслѣдствіе всего этого, восхваляемое имъ сочетаніе исторіи съ мемуарами отразилось на трудѣ его крупными недостатками. Подъ вліяніемъ своей писательской манеры и не пережитыхъ еще впечатлѣній и антипатій, авторъ постоянно впадаетъ въ тонъ глумленія и насмѣшекъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже какъ будто совершенно забываетъ, что онъ пишетъ исторію академіи, а не пасквиль на нее, не скандальную хронику, не фельетонъ, не сатирическій или юмористическій этюдъ (?). Вообще составленная имъ исторія казанской академіи не богата темами, пригодными для юбилейныхъ тостовъ, хотя писана была по поводу юбилея и въ ожиданіи его. За то въ ней много темъ, пригодныхъ для каррикатуры и пародій“.

Критикъ судить черезъ мѣру раздражительно. На нашъ взглядъ книга г. Знаменскаго ни мало не производитъ впечатлѣнія каррикатуры, какъ мы не согласимся и съ тѣмъ представленіемъ, что труды подобнаго рода должны писаться для тостовъ: именно въ тостахъ почти неизмѣнно происходитъ большое прикрашиваніе, если не извращеніе дѣйствительныхъ фактовъ. Можно согласиться, что кое-гдѣ историкъ дѣлаетъ ошибку, приводя инныя шутки, сатирическія замѣчанія, изъ своихъ и чужихъ школьныхъ воспоминаній,—ошибку потому, что подобныя шутки обыкновенно бываютъ понятны только въ данной обстановкѣ; безъ нея въ „исто-

рической“ передаѣ онѣ всего чаще теряютъ смыслъ, и даже кажутся поруганіемъ, какъ показались теперь упомянутому критику, когда на дѣлѣ онѣ бывали не больше, какъ шуткой, иногда совсѣмъ добродушной. Но затѣмъ, какъ дальше увидимъ, исторія академіи разсказывается не только со всею подобающей серьезностью, но и съ любовью къ учрежденію, котораго авторъ былъ питомцемъ и многолѣтнимъ дѣятелемъ, какимъ остается и понынѣ. Иначе, конечно, не могло быть, когда кромѣ этой личной связи, автора одушевляли и сознаніе многихъ благотворныхъ трудовъ академіи и память о многихъ, въ полной мѣрѣ достойныхъ лицахъ, въ ней работавшихъ.

Обращаемся къ самой исторіи. Казанская духовная академія основана была въ 1842 году. Прежде всего, 30-го апрѣля этого года синодальный оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ извѣстилъ казанскаго архіепископа Владимира „конфиденціальнымъ и секретнымъ письмомъ“, что признано необходимымъ учредить въ Казани особую духовную академію, „дабы сблизить и облегчить сношенія отдаленныхъ семинарій и притомъ имѣть болѣе средствъ къ лучшему за ними надзору“, и просилъ позаботиться о присканіи помѣщенія приблизительно для шестидесяти воспитанниковъ и главныхъ начальствующихъ лицъ; о томъ же гр. Протасовъ писалъ и казанскому губернатору Шипову. Казанскій архіепископъ принялся за дѣло очень ревностно: помѣщеніе (на первый разъ наемное) находилось; подыскано было и пустопорожнее мѣсто для будущей постройки собственныхъ зданій академіи. Въ теченіе лѣта гр. Протасовъ постоянно торопилъ архіепископа Владимира; 25-го мая сдѣлано было св. синодомъ формальное постановленіе, опредѣлены были штаты академіи, назначены начальствующія лица и профессора, посланы по епархіямъ предписанія о присылкѣ въ академію лучшихъ студентовъ семинарій учрежденнаго теперь казанскаго духовно-учебнаго округа, и т. д. Въ двадцатыхъ числахъ августа былъ готовъ контрактъ на наемъ помѣщенія для академіи,—будущіе питомцы съѣхались и съ началомъ учебнаго года курсъ долженъ былъ открыться.

Между тѣмъ 24-го августа разразился въ Казани страшный пожаръ, истребившій лучшую центральную часть города, и въ томъ числѣ зданіе духовной семинаріи и тотъ домъ, который былъ только-что законтрактованъ для помѣщенія академіи. Архіепископъ Владиміръ тотчасъ написалъ гр. Протасову, что потерялъ теперь всякую надежду найти помѣщеніе для академіи,—„всѣ уцѣлѣвшіе отъ сей гибели дома и домики наполнены народомъ, оставшимся безъ всякаго пріюта на обгорѣлыхъ ули-

цах", — открытіе академіи онъ считалъ возможнымъ только года черезъ четыре, по отстройкѣ ея собственныхъ зданій (между прочимъ, въ семинаріи сгорѣло и много вещей, заготовленныхъ къ приему студентовъ академіи). Но отъ 25-го августа изъ Петербурга пришли новыя распоряженія объ открытіи академіи, и архіепископъ Владиміръ отвѣчалъ на эту бумагу „съ замѣтнымъ волненіемъ“, что не можетъ ничего сдѣлать до разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе онъ ставилъ по поводу пожара.

„Но въ царствованіе Николая Павловича и при оберъ-прокурорѣ Протасовѣ, при исполненіи распоряженій высшаго начальства, говорить о невозможностяхъ и трудностяхъ дѣла не полагалось“. На всѣ возраженія арх. Владиміра получались все только новыя подтвержденія. Въ концѣ концовъ студентовъ размѣстили кое-какъ въ Спасскомъ монастырѣ, правленіе академіи помѣщено въ архіерейскомъ домѣ, и 21-го сентября совершенно было открытіе академическаго правленія. И послѣ того еще, въ октябрѣ, архіепископъ Владиміръ снова писалъ въ Петербургъ о невозможности удовлетворительно помѣстить академію, ея начальствующихъ лицъ и профессоровъ, но изъ Петербурга опять отвѣчали новыми приказами, — впрочемъ, также и назначеніемъ дополнительныхъ суммъ для устраненія нѣкоторыхъ особенныхъ затрудненій въ тогдашнемъ положеніи вещей. Архіепископъ Владиміръ долженъ былъ увидѣть, что петербургское рѣшеніе неизмѣнно, и 8-го ноября, послѣ молебна и литургіи въ Спасскомъ монастырѣ, академія была открыта. На другой день были открыты классы и начался первый академическій курсъ.

„Въ Спасскомъ монастырѣ академія провела цѣлыхъ два года, т.-е. пока въ ней учился одинъ только первый курсъ студентовъ; съ поступленіемъ второго курса, когда число студентовъ увеличилось вдвое, она перешла въ болѣе просторное наемное помѣщеніе въ домъ Мельниковыхъ на Проломной улицѣ, въ которомъ провела 4 года; наконецъ, уже въ 1848 г. водворилась въ своихъ собственныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ для нея за городомъ на Арскомъ полѣ, гдѣ продолжаетъ помѣщаться и доселѣ“.

Исторія академіи изложена г. Знаменскимъ за первый періодъ ея существованія до преобразованія ея въ 1870 году; новѣйшій періодъ, до настоящаго времени, рассказанъ въ „Исторической Запискѣ“ г. Терновскаго. Изложеніе г. Знаменскаго, какъ и естественно, распадается по различнымъ отдѣламъ академическаго управленія и дѣятельности. Онъ начинается съ состоянія административной части.

Духовнымъ академіямъ прежняго времени по ихъ уставу ста-

вилось три задачи: 1) образовывать духовное юношество въ высшимъ должностямъ, 2) распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ вѣреннаго каждой академіи округа, и 3) управлять духовными училищами своихъ округовъ,—а потому при академіяхъ было три главныхъ административныхъ учрежденія: 1) правленіе академіи внутреннее, 2) академическая конференція и 3) правленіе академіи вѣншее или окружное.

Внутреннее правленіе завѣдывало всею внутренней жизнью академіи, находясь само подъ непосредственнымъ начальствомъ мѣстнаго преосвященнаго. Правленіе составляли ректоръ, инспекторъ и экономъ; если послѣдній не имѣлъ академическаго образованія, то для сужденія объ учебныхъ вопросахъ въ составъ правленія приглашался еще одинъ профессоръ; наконецъ, членомъ академіи признавался и секретарь правленія. Ректоръ, стоявшій во главѣ правленія, былъ въ сущности,—отчасти и по уставу, а главнымъ образомъ по выработавшейся практикѣ,—единовластнымъ вершителемъ академическихъ дѣлъ, и значеніе его ограничивалось только властью архіерея.

Конференція составляла въ прежнее время существенную часть системы духовно-учебнаго управленія и находилась въ тѣсной связи съ духовно-учебными округами и комиссіей духовныхъ училищъ при св. синодѣ, которой принадлежало завѣдываніе всѣми дѣлами духовнаго просвѣщенія въ имперіи. Академіи стояли во главѣ учебныхъ округовъ, но учебная администрація въ округѣ принадлежала не собственно академіямъ, а особымъ коллегіямъ, учрежденнымъ при академіяхъ и состоявшимъ изъ ученыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, находившихся въ академическомъ городѣ, и въ томъ числѣ и самихъ членовъ академіи. Это и была конференція — коллегіальное начальство духовно-учебнаго округа. Конференція подчинялась прямо комиссіи духовныхъ училищъ. Когда основана была казанская академія,—говоритъ г. Знаменскій,—это прежнее устройство духовно-учебной администраціи „было (при гр. Протасовѣ) искажено новыми скороспѣлыми реформами и, вмѣсто прежней комиссіи духовныхъ училищъ, состоявшей изъ высшихъ ученыхъ іерарховъ и нѣкоторыхъ ученыхъ свѣтскихъ лицъ и пользовавшейся полнымъ уваженіемъ со стороны какъ представителей церковной іерархіи, такъ и представителей духовной учености, во главѣ учебной администраціи поставлено было духовно-учебное управленіе, имѣвшее не ученый, а канцелярскій характеръ и вносившее въ самую эту администрацію чуждые ей, чиновничьи элементы“. Имѣя такой характеръ, это управленіе въ ученыхъ и учебныхъ вопросахъ должно было само

обращаться къ зависящимъ отъ него учрежденіямъ, а для административнаго авторитета старалось пользоваться своей фиктивной связью съ св. синодомъ, хотя эта связь была только внѣшняя. Такимъ образомъ и академическая конференція начинала терять свое значеніе, и рѣшеніе дѣлъ стало просто зависѣть отъ ректора; такъ называемые посторонніе члены конференціи становились одной помѣхой, и когда въ 1860-хъ годахъ поднялся вопросъ о преобразованіи духовныхъ школъ, въ казанской конференціи большинство высказалось за устраненіе постороннихъ членовъ и за образованіе конференціи изъ однихъ членовъ академіи.

„Общей обязанностью конференцій, — говоритъ г. Знаменскій, — было распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ вѣреннаго ей округа; въ частности ея вѣденію подлежали: цензура духовныхъ сочиненій въ округѣ, производство экзаменовъ въ академіи и производство въ ученые академическія степени; кромѣ того, ея сужденію предлагались разные ученые и учебные вопросы по предписаніямъ высшаго начальства, по предложеніямъ мѣстнаго архіерея, какъ ея предсѣдателя, и по представленіямъ правленія самой академіи. Собранія ея были: а) общія изъ всѣхъ членовъ — для публичныхъ экзаменовъ и производства въ ученые степени, б) частныя изъ однихъ академическихъ членовъ — для производства внутреннихъ экзаменовъ и обсужденія разнаго рода дѣлъ по порученіямъ начальства и в) одно торжественное въ день академическаго публичнаго акта“¹⁾.

На первый разъ конференція казанской академіи составила изъ немногихъ лицъ, назначенныхъ первыми профессорами академіи; только въ слѣдующемъ году назначено было нѣсколько новыхъ членовъ изъ духовныхъ лицъ внѣ академіи, а въ 1844 году самъ св. синодъ назначилъ нѣсколько почетныхъ членовъ конференціи изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ²⁾.

¹⁾ Знаменскій, Исторія, выпускъ I, стр. 275.

²⁾ Г. Знаменскій сообщаетъ, что при образованіи перваго полного состава конференціи ея академическіе члены избрали въ числѣ постороннихъ лицъ одного мѣстнаго ученаго, извѣстнаго въ свое время архимандрита Зилантова монастыря Гавриила (Воскресенскаго). Это былъ магистръ II курса московской академіи, бывшій бакалавръ московской и петербургской академіи, ректоръ въ нѣсколькихъ семинаріяхъ, законоучитель 2-й казанской гимназіи и профессоръ богословія и каноническаго права въ казанскомъ университетѣ, проповѣдникъ и авторъ нѣсколькихъ извѣстныхъ сочиненій: обширной Исторіи философіи (Каз. 1839—1849), Философіи права (К. 1843), Опытной психологіи (К. 1858), Понятія о церковномъ правѣ (1844), Описанія Зилантова монастыря (1840); но при утвержденіи вновь избранныхъ членовъ конференціи св. синодъ его пропустилъ, какъ челоуѣка, бывшаго тогда на дурномъ счету у духовнаго начальства.

Въ дѣйствительности, не говоря о почетныхъ членахъ, только носившихъ титулъ, посторонніе мѣстные члены конференціи, обыкновенно заваленные собственными дѣлами, участвовали въ ней почти лишь номинально, и главная работа лежала на ея академическихъ членахъ. Но на первые годы и ихъ работа была не велика. „Болѣе трехъ лѣтъ конференція рѣшительно не находила себѣ дѣла и занималась почти однимъ только избраніемъ разныхъ своихъ членовъ, писала о нихъ представленія, выслушивала опредѣленія объ ихъ учрежденіи, составляла для нихъ латинскіе дипломы *ob splendidissima exquisitae eruditionis nec non sincerissimi orthodoxiam sustinendi atque promovendi ardentis studii specimina, honoris gratia*, и разсылала по адресамъ, потомъ слушала ихъ благодарственные отвѣты“¹⁾.

Собственно говоря, дѣлъ никакихъ не было. Въ 1844 году конференція будто бы собиралась на три засѣданія изъ-за выдачи магистерскаго креста одному профессору семинаріи; потомъ имѣла особое засѣданіе для выслушанія отвѣтовъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ по случаю избранія ихъ почетными членами конференціи, что, какъ мы видѣли, дѣлалось даже мимо ея самимъ синодомъ, и т. п. Когда однажды послали одному изъ постороннихъ членовъ конференціи, ректору семинаріи Клименту, фиктивный журналъ засѣданія по поводу одного плана катехизическихъ поученій, Климентъ безъ церемоніи написалъ въ журналъ: „Плана не видалъ; доклада о немъ не слушалъ; въ сужденіи не участвовалъ“, — послѣ чего ему, какъ человѣку неудобному, совсѣмъ перестали посылать журналы для подписи. „Само высшее начальство какъ будто забывало о существованіи конференціи при казанской академіи, обращаясь съ своими предложеніями и предписаніями прямо къ академическому правленію даже въ такихъ дѣлахъ, которыя, по своему характеру, должны были непременно подлежать конференціи“. И въ послѣдствіи дѣятельность конференціи не была велика и относилась, во-первыхъ, къ различнымъ временнымъ порученіямъ и вопросамъ, между прочимъ къ вопросу о преобразованіи академій, къ разсмотрѣнію сочиненій, предназначаемыхъ въ учебныя руководства, и т. п., и во-вторыхъ, къ дѣламъ духовной цензуры при академіи и производству въ ученые степени. Изъ обще-церковныхъ порученій единственное, въ которомъ приняла участіе казанская академія, было порученіе 1858 года принять вмѣстѣ съ другими академіями участіе въ предпринятомъ тогда св. синодомъ переводѣ священнаго писанія

¹⁾ Тамъ же, стр. 281.

на русскій языкъ. Раньше, въ 1847, при академіи предпринять былъ по высочайшему повелѣнію переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, но конференція въ этомъ дѣлѣ не участвовала. Теперь на долю казанской академіи вмѣстѣ съ петербургской назначенъ былъ переводъ Евангелія отъ Матфея, и къ началу 1859 года переводъ десяти главъ, сдѣланный двумя бакалаврами подъ надзоромъ особаго комитета, былъ посланъ въ Петербургъ, но въ это время въ синодѣ принято было другое распредѣленіе этого труда между академіями, причемъ казанской академіи назначенъ былъ переводъ Евангелія отъ Луки, посланія къ коринѳянамъ и Апокалипсиса: и въ 1860 году появился русскій переводъ Четвероевангелія. Впослѣдствіи казанская академія участвовала и въ трудахъ по переводу Ветхаго Заветъа.

Не лишены интереса и подробности о трудахъ духовной цензуры. Цензурный комитетъ при казанской академической конференціи учрежденъ былъ въ 1845 году; членами комитета бывали профессора академіи и постороннія духовныя лица. Но въ первые годы комитету, какъ и самой конференціи, дѣлать было совершенно нечего. „Хотя въ проектѣ устава духовныхъ академій всѣмъ академическимъ цензурнымъ комитетамъ предоставлялись разныя права, но на самомъ дѣлѣ правами этими въ полной мѣрѣ воспользовались только два комитета — петербургскій и московскій, казанскому же и кievскому, по уставу о дух. цензурѣ, изложенному въ XIV т. свода законовъ, предоставлено было право разсматривать только мелкія сочиненія, какъ-то: небольшія разсужденія, слова и программы, которыя поступали къ нимъ отъ лицъ собственно ихъ окружнаго училищнаго вѣдомства“. Должность цензоровъ опредѣлялась трехлѣтнимъ срокомъ, и такъ какъ работа ихъ была немногосложна, — имъ не полагалось никакого вознагражденія. Это и было совершенно справедливо. „Въ первое время послѣ открытія комитета, — говоритъ г. Знаменскій, — у него цѣлыхъ 10 лѣтъ не было почти никакого дѣла. Въ своихъ ежемѣсячныхъ донесеніяхъ конференціи онъ только и доносилъ о томъ, что ему ничего не приходилось разсматривать; въ 1847 г. конференція, соскучившись читать эти донесенія, распорядилась даже, чтобы онъ дѣлалъ ихъ не ежемѣсячно, а по третямъ года“. На разсмотрѣніе комитета поступали только кое-какія проповѣди и другія благочестивыя небольшія сочиненія. „При всей скудости литературныхъ работъ, поступавшихъ къ нему, онъ и изъ нихъ добрую половину или браковалъ для печати, или боязливо отстранялъ отъ себя. Литературное дѣло было тогда

дѣло необычное и весьма опасное; члены комитета, да и начальство академіи боязливо переворачивали каждую рукопись, и такъ и сякъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже годамъ, не зная, что съ ней дѣлать, обрывать или пропустить въ печать, особенно опасаясь пропустить, и нарочно придумывали разные предлоги для того, чтобы какъ-нибудь отсунуть ее отъ себя. Въ первый же годъ своего существованія комитетъ былъ обезпеченъ присылкой отъ попечителя казанскаго округа для цензуры программъ испытанія учениковъ уѣздныхъ училищъ и лицъ, экзаменуемыхъ для полученія перваго чина, по катехизису и священной исторіи: программы эти состояли изъ переписанныхъ въ отдѣльномъ видѣ оглавленій катехизиса митрополита Филарета и учебника священной исторіи для народныхъ школъ. И комитетъ, и конференція, съ которой онъ снесся по этому дѣлу, нашли, что такое требованіе попечителя превышаетъ ихъ полномочія, и отослали ему присланныя программы обратно, отказываясь ихъ одобрить для печати — „по неимѣнію въ виду правилъ касательно печатанія таковыхъ программъ отдѣльно отъ книгъ“... Робость академической цензуры была особенно замѣчательна при разсматриваніи ею рѣчей, читавшихся на академическихъ актахъ 8-го ноября и назначавшихся обыкновенно для напечатанія вмѣстѣ съ отчетомъ о состояніи академіи. Комитетъ рано или поздно все-таки еще пропускалъ эти рѣчи съ одобреніемъ, но потомъ ихъ задерживалъ у себя ректоръ Григорій. При отъѣздѣ послѣдняго изъ академіи конференція получила отъ него полностью и въ сохранности всѣ рѣчи и отчеты за все время его ректорства и начала было дѣло объ ихъ напечатаніи, но скоро бросила его за неблаговременностію уже такого печатанія¹⁾...

Такъ боялись въ тѣ времена соприкасаться съ чѣмъ-нибудь печатнымъ... Больше дѣла для казанской духовной цензуры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и больше храбрости явилось съ основаніемъ при академіи духовно-историческаго журнала „Православный Собесѣдникъ“, о которомъ скажемъ далѣе.

Наконецъ, третьимъ органомъ академической администраціи было такъ-называемое внѣшнее правленіе. По старому уставу академій, внѣшнее правленіе должно было составлять нѣчто въ родѣ административнаго отдѣла конференціи для управленія духовными заведеніями округа. Но — „Протасовская реформа духовно-учебнаго управленія, дурно отзывавшись на конференціяхъ, не могла не имѣть такого же дурнаго вліянія и на внѣшнія

¹⁾ Тамъ же, стр. 302—303.

правления академій. Послѣ упраздненія комиссіи духовныхъ училищъ и устройства духовно-учебнаго управленія на канцелярскихъ началахъ, и правленія эти вмѣстѣ съ конференціями стали развиваться въ бюрократическомъ направленіи, а между тѣмъ... сами по себѣ все болѣе и болѣе теряли свою административную компетентность, усвоивая себѣ чисто школьный характеръ и становясь только формальнымъ прикрытіемъ, ширмой единоличныхъ распоряженій ректора академіи или вообще начальства этой высшей школы. Неестественность и неудобства такого характера окружной учебной администраціи въ дѣлахъ внѣшняго правленія академіи обнаруживались еще рѣзче, чѣмъ въ дѣлахъ конференціи. Последняя еще мало имѣла непосредственнаго соприкосновенія съ округомъ, тогда какъ „внѣшнее правленіе“ имѣло хотя и не особенно властныя, тѣмъ не менѣе постоянныя административныя отношенія къ семинарскимъ начальствамъ и даже къ главнымъ начальникамъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній—епархіальнымъ архіереямъ. Отношенія эти были иногда крайне обидны и для семинарскихъ правленій, и для самихъ преосвященныхъ, когда, напр., правленіе рассматривало ихъ распоряженія, дѣлало имъ замѣчанія о неправильностяхъ ихъ дѣйствій, посылало имъ, какъ это особенно часто дѣлалось при ректорѣ Іоаннѣ, довольно рѣзкіе выговоры“ ¹⁾... Должно, впрочемъ, сказать, что академическое правленіе нерѣдко бывало совершенно право въ своихъ замѣчаніяхъ и выговорахъ.

Въ составѣ „внѣшняго правленія“ главными дѣйствующими лицами были тѣ же ректоръ, инспекторъ и секретарь академіи, и къ нимъ присоединялся еще только ректоръ семинаріи, а потомъ одинъ-два профессора академіи. Между тѣмъ трудъ, собственно говоря, предстоялъ очень большой, — и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ характерными чертами нравовъ и „просвѣщенія“ того времени. „Казанская академія, — говоритъ ея историкъ, — приняла свой округъ отъ московской академіи въ очень разстроенномъ и, можетъ быть, справедливѣе будетъ сказать—въ совершенно неустроенномъ еще состояніи. Не только на учительскихъ, но и на начальническихъ мѣстахъ по школамъ открывались такія личности, которыя, по своей дикости, теперь могутъ показаться совсѣмъ невозможными, и это не только гдѣ-нибудь въ Сибири, но и гораздо ближе, въ самой даже Казани. Дѣятельность окружнаго (внѣшняго) правленія съ самаго начала направлена была къ смѣнѣ разныхъ самодурныхъ смотрителей училищъ, къ слѣдствіямъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 320—321.

по разнымъ неисправностямъ семинарскихъ правленій, по предложеніямъ архіереевъ о незаконныхъ поступкахъ ректоровъ семинарій, по жалобамъ учителей другъ на друга и на свои начальства, по ссорамъ ихъ съ посторонними лицами, по проступкамъ учениковъ, иногда весьма серьезнаго, даже уголовного характера“¹⁾...

Правленіе нѣсколько лѣтъ билось изъ-за того, чтобы приучить подвѣдомственные ему семинаріи къ какой-нибудь правильной отчетности, и случалось даже, что семинарскія начальства оказывали просто пренебреженіе къ окружному академическому правленію. Только позднѣе значеніе правленія нѣсколько утвердилось, но роль его все-таки оставалась шаткой, такъ какъ въ сущности оно было только промежуточной инстанціей между управляемыми заведениями и высшимъ начальствомъ въ Петербургѣ. Епархіальные архіереи сами почти никогда не обращались по дѣламъ епархіальныхъ школъ къ окружному правленію.

Въ такихъ формахъ существовало академическое управление до преобразования въ 1870 году. Исторія академической администраціи занимаетъ первый томъ сочиненія г. Знаменскаго, гдѣ подробно разсказана біографія и дѣятельность всѣхъ ректоровъ академіи до 1870 года, а также инспекторовъ, которые были ихъ ближайшими помощниками. Авторъ упомянутой брошюры обвиняетъ г. Знаменскаго за неуважительное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ этой исторіи; указываетъ, напримѣръ, на отзывъ историка о первомъ ректорѣ казанской академіи архимандритѣ Іоаннѣ (Оболенскомъ), что это былъ человекъ „учености не дальней“, что должностію преподавателя онъ тяготился, въ учебную часть не вмѣшивался, и т. п. Но если въ данномъ случаѣ фактъ былъ дѣйствительно таковъ, то у историка не было ни надобности, ни права скрывать его, и ни въ какомъ случаѣ подобныя сообщенія не означаютъ неуваженія историка къ самому заведенію. Напротивъ, на нашъ взглядъ, историкъ былъ достаточно безпристрастенъ, и въ различныхъ случаяхъ старается, указавъ иные недостатки лицъ, указать и тѣ достоинства, которыя ихъ уравниваютъ, или тѣ обстоятельства, которыя иногда по крайней мѣрѣ ихъ объясняютъ. Лица наиболѣе замѣчательныя, дѣятельность которыхъ автору приходилось изображать въ описываемомъ періодѣ, находятъ у него самые сочувственные отзывы и похвалы, быть можетъ даже нѣсколько преувеличенныя. Укажемъ, напр., страницы, посвященныя одному изъ самыхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 324—325.

замѣчательныхъ ректоровъ академіи, другому Іоанну (Сokolову), или послѣднему ректору до-реформеннаго періода, Никанору (Бровковичу), извѣстному позднѣе архіепископу херсонскому. Изъ другихъ отзывовъ отмѣтимъ еще свѣденія, сообщаемыя г. Знаменскимъ объ инспекторѣ академіи архимандритѣ Теодорѣ (Бухаревѣ), который нѣсколько позднѣе приобрѣлъ большую извѣстность (уже находясь на службѣ въ Петербургѣ) своими мистико-поучительными сочиненіями, стремленіемъ возбудить и направить религиозно-нравственную жизнь общества, и, наконецъ, оставленіемъ своего сана.

Архимандритъ Никаноръ (уроженецъ западнаго края, род. въ 1827), питомецъ петербургской академіи, гдѣ онъ впервые сталъ преподавателемъ, назначенъ былъ ректоромъ казанской академіи въ 1862 году. Показанія историка академіи, которыя являются здѣсь свидѣтельствами очевидца, исполнены величайшаго къ нему сочувствія. „Личность этого, недавно только почившаго, знаменитаго херсонскаго и одесскаго святителя и всероссійскаго церковнаго вѣти, достаточно извѣстна всей Россіи. Въ казанскую академію онъ поступилъ въ полномъ мужествѣ своихъ силъ и въ лучшую пору жизни, для приложенія этихъ силъ къ научной и административной дѣятельности, и сразу твердою ногою всталъ на полной высотѣ своего положенія. Академія не имѣла еще ни одного ректора, такъ универсально образованнаго, въ полномъ смыслѣ челоуѣка науки, высокаго богослова и философа, и вмѣстѣ съ тѣмъ знатока нѣсколькихъ спеціальностей изъ области свѣтскихъ наукъ, сильнаго мыслителя, и вмѣстѣ эстетика, съ замѣчательно развитымъ вкусомъ, особенно въ музыкѣ и общей литературѣ. На первыхъ же порахъ, знакомясь съ состояніемъ учебной части въ академіи и входя въ близкія ученыя сношенія съ преподавателями во время бесѣдъ съ ними и посѣщенія ихъ аудиторій, онъ ясно показалъ, что будетъ не начальственно только завѣдующимъ учебною частью академической жизни, но вмѣстѣ личнымъ и живымъ участникомъ въ ея теченіи, даже главнымъ работникомъ въ достиженіи ея цѣлей, стоящимъ во главѣ прочихъ ея работниковъ“.

Съ ректорствомъ Никаноръ соединилъ и профессуру по основному богословію и принялъ также дѣятельное участіе въ академическомъ журналѣ. Во внутренній бытъ академіи онъ успѣлъ скоро проникнуть, посѣщая лекціи и бесѣдуя съ наставниками и съ студентами; каждое утро двое студентовъ, изъ младшаго и старшаго курса, должны были являться къ нему съ отчетами о прослушанныхъ наканунѣ лекціяхъ. „Собесѣдованія эти имѣли

какой-то почти дружескій характеръ и дѣлались тономъ не начальственнаго вмѣшательства въ наставническія дѣла, а глубокой личной заинтересованности въ научной жизни академіи. Много-сторонне развитой, много испытавшій и много потерпѣвшій на своемъ вѣку, хорошій психологъ и вмѣстѣ человѣкъ вполне сердечный и искренній, умѣвшій и понимать ихъ, и сочувствовать имъ, онъ невольно вызывалъ на откровенность и искренность и самъ до экспансивности былъ душой открытъ для всѣхъ. По самому своему характеру, онъ не любилъ что-нибудь дѣлать въ одиночку, единолично своею властью, какъ прежніе ректоры, а всегда въ каждомъ дѣлѣ стремился заинтересовать и другихъ, поставить это дѣло непременно въ значеніе дѣла общаго и вершить его общими единодушными усиліями. Эта почтенная и крайне еще рѣдкая въ тогдашнее время черта его административной дѣятельности какъ нельзя лучше сходилась съ новыми потребностями его времени, накануне академической реформы и установленія совѣтскаго самоуправления, и особенно дорогой оказалась во время самой реформы, которую потомъ въ 1870 г. пришлось ему же и осуществлять“.

„Своимъ живымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ служенія академіи, — продолжаетъ историкъ, — своимъ симпатичнымъ обращеніемъ со всѣми наставниками и почти товарищескою къ нимъ близостію онъ въ самое непродолжительное время успѣлъ сдѣлаться живымъ центромъ всей академической корпораціи и соединить ее около себя въ одну дружную и одушевленную семью“... Человѣкъ умѣренной жизни, онъ былъ и безсребренникъ, жилъ отъ жалованья до жалованья и тратилъ много своихъ денегъ на помощь нуждавшимся... „Съ такою же сердечностью относился онъ и къ студентамъ академіи, которыхъ зналъ всѣхъ до одного лично и весьма близко, вступая съ ними въ постоянное общеніе и въ аудиторіи, и въ ихъ помѣщеніяхъ, и на прогулкахъ въ часы отдыха отъ занятій“. Приводимъ еще указаніе на одну черту его характера и возрѣній, которая потомъ такъ рѣзко обнаружилась въ его проповѣдническо-литературной дѣятельности.

„Во всѣхъ требованіяхъ его (къ воспитанникамъ академіи), — говоритъ г. Знаменскій, — проявлялся замѣчательно широкій взглядъ на жизнь и ревность преимущественно о духѣ дисциплины, возведеніе послѣдней къ высокимъ идеямъ общечеловѣческаго развитія и преимущественно къ религіозности и церковности во всемъ поведеніи духовнаго воспитанника. Церковность была, можно сказать, чѣмъ-то въ родѣ знамени или девиза въ его административной дѣятельности. Идею церковности онъ внушалъ

студентамъ и въ своихъ частныхъ наставленіяхъ имъ съ глазу на глазъ, и въ своихъ поученіяхъ, съ которыми не разъ выступалъ въ академическомъ храмѣ“¹⁾).

Въ 1870 году арх. Никаноръ произнесъ оканчивавшимъ тогда курсъ студентамъ рѣчь, чрезвычайно замѣчательную по яркому выраженію этой исключительной, до ссловности, и любопытной также въ другихъ отношеніяхъ, точки зрѣнія. Онъ говорилъ объ ихъ призваніи — служить церкви:

„Ни одного атома въ вашемъ организмѣ нѣтъ, который не былъ бы церковнымъ и не принадлежалъ бы церкви, какъ собственность, купленная цѣною. Сообразите. Цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный. Въ домахъ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. За тѣмъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразите, на чей это счетъ цѣлую четверть чело-вѣческаго вѣка вы жили и получили ваше высшее блистательное образованіе? На счетъ пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго чело-вѣка — стародавняго крестьянина, всегдашняго неизмѣннаго христіанина. Отъ скуднаго прибытка чернаго труда своего онъ сегодня, завтра и послѣ-завтра несетъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни тысячъ жертвъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ церкви. И вотъ въ счетъ этихъ жертвъ съ минуты зарожденія вашего вы росли и выросли и стали носителями умственного свѣта, маяками, зажженными во мракѣ ночи... Можно ли послѣ этого кому-либо изъ васъ отрицать то, что вы — народная жертва Богу, что вы — собственность церкви до мозга вашихъ костей, что вы куплены потомъ и кровью темнаго русскаго православнаго люда для извѣстной церковной жертвенной цѣли, что вы — свѣчка, которую русскій чело-вѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее и глядя радуется, или плачетъ и умиляется!.. Вы—носители народной религіи, свѣточн божественнаго свѣта, который и передъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей жертвоприносящихъ отражать отблескомъ божественной истины и теплотою земной любви и назиданія“.

Очевидно, что это былъ тотъ самый сурово и исключительно церковный взглядъ, который впослѣдствіи неоднократно выражался въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ пр. Никанора уже не только въ примѣненіи къ собственно церковной средѣ, но и къ общественной

¹⁾ Тамъ же, стр. 252—260.

жизни и литературѣ. Очень извѣстно, что свой взглядъ онъ выражалъ съ тою послѣдовательностью, гдѣ она непосредственно граничила съ нетерпимостью.

Второй томъ сочиненія г. Знаменскаго вѣлгаетъ состояніе учебной части академіи въ ея до-реформенный періодъ. Указавъ общій составъ академическаго курса съ тѣми измѣненіями, каковы онъ подвергался за это время, авторъ переходитъ къ частному обзорѣ академическихъ кафедръ, личнаго состава преподавателей; далѣе, говоритъ объ ученыхъ средствахъ академіи и академическомъ журналѣ; наконецъ, указываетъ матеріальныя средства и бытъ наставниковъ академіи.

Основу академическаго преподаванія составляли, конечно, различные предметы богословскіе: священное писаніе и герменевтика; догматическое богословіе; основное и обличительное богословіе; нравственное богословіе; библейская и общая церковная исторія; патрологія; пастырское богословіе и гомилетика; литургия и каноническое право. Изъ предметовъ общеобразовательныхъ преподавались науки философскія, словесность, науки физико-математическія, исторія всеобщая и русская, науки естественныя и языки древніе и новыя. Былъ, наконецъ, еще особый отдѣлъ преподаванія, вызванный мѣстными условіями, именно отдѣлъ миссіонерскій.

Первая мысль объ учрежденіи этого отдѣла, именно о преподаваніи инородческихъ языковъ для цѣлей распространенія христіанства, высказана была въ предположеніяхъ св. синода еще при самомъ основаніи академіи. Академіи поручено было тогда же представить соображенія о томъ, какіе инородческіе языки и въ какомъ объемѣ должны быть преподаваемы въ академіи; она съ своей стороны потребовала мѣстныхъ свѣдѣній отъ подвѣдомственныхъ ей семинарій. Дѣло тянулось довольно долго и рѣшеніе о введеніи этого преподаванія было принято уже въ концѣ 1844 года. На первый разъ цѣлью преподаванія было приготовленіе нѣкоторыхъ воспитанниковъ академіи къ занятію кафедръ, которыя должны были основаться по этимъ предметамъ въ академіи и нѣкоторыхъ семинаріяхъ, и потому изученіе восточныхъ языковъ предоставлялось свободному выбору студентовъ, и обучавшихся этимъ языкамъ освобождали отъ изученія языковъ еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго. На первый разъ, въ теченіе полутора года, въ академіи преподаваемы были турецко-татарскій языкъ съ арабскимъ и монгольскій съ калмыцкимъ,

двумя профессорами (А. В. Поповымъ и Казембекомъ) казанскаго университета, гдѣ былъ еще восточный факультетъ, переведенный позднѣе въ Петербургъ. Эти первые курсы были весьма недостаточны: кромѣ того, что татарскій языкъ почти не читался, профессора только мимоходомъ, при переводахъ, сообщали отрывочныя свѣденія по исторіи и этнографіи восточныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе изъ числа студентовъ перваго академическаго курса, слушавшихъ эти уроки, авилось два замѣчательныхъ спеціалиста, которые много поработали потомъ для академіи и составили себѣ большое имя въ наукѣ. Это были Бобровниковъ и особливо Ильминскій. Они стали на первый разъ преподавателями восточныхъ языковъ въ академіи, а между тѣмъ подвинулся и самый вопросъ о расширеніи миссіонерскаго отдѣла въ академіи. При той трудности, съ какою вообще проводятся у насъ подобные вопросы, первые труды академіи въ этомъ миссіонерскомъ направленіи были поставлены очень странно. Когда Бобровниковъ и Ильминскій, по окончаніи курса, были признаны способными вести преподаваніе, академія не могла дать имъ даже тогдашняго ничтожнаго жалованья, и потому принята была слѣдующая мѣра: преподаватель монгольскаго и калмыцкаго языковъ Бобровниковъ по штату числился на кафедрѣ математики; преподаватель татарскаго и арабскаго языковъ Ильминскій получалъ жалованье по кафедрѣ библейской исторіи, которой вовсе не преподавалъ. Когда академія нашла нужнымъ отправить Бобровникова на нѣсколько мѣсяцевъ въ „ученую экспедицію“ въ калмыцкія степи для изученія калмыцкаго языка, она отпустила на эту экспедицію пѣлыхъ сто тридцать рублей; при всей умѣренности своихъ расходовъ, казанскій ученый не могъ путешествовать и существовать на эти деньги, сдѣлалъ долгъ и только по особому распоряженію св. синода къ упомянутой суммѣ прибавлено было для покрытія долга еще пятьдесятъ рублей.

Хлопоты о болѣе правильной постановкѣ дѣла продолжались нѣсколько лѣтъ и только въ маѣ 1854 года пришли указы объ открытіи новыхъ миссіонерскихъ отдѣленій, которыя и были открыты съ началомъ учебнаго курса этого года. На первое время учреждено было четыре этихъ отдѣленій: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддійское и 4) черемисско-чувашское; послѣднее было, впрочемъ, черезъ два года закрыто, какъ мало нужное. „Въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій положено преподавать по нѣскольку новыхъ предметовъ: въ первомъ—исторія раскола, полемику противъ раскола, миссіонерскую педагогику въ отношеніи къ расколу, славянскій языкъ и палео-

графію; въ трехъ остальныхъ, кромѣ языковъ, по три науки — миссіонерскую педагогикѣ, этнографію съ исторіей и подробнымъ изложеніемъ вѣрованій тѣхъ или другихъ инородцевъ и полемику противъ этихъ вѣрованій“.

Какъ мы замѣчали выше, списокъ профессоровъ казанской академіи представляетъ не мало именъ, получившихъ извѣстность далеко за предѣлами академіи, въ нашей наукѣ и въ литературѣ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которыхъ дѣятельность включаетъ характеристическія черты, имѣющія то или другое отношеніе къ самой академіи. Таковы были два замѣчательнѣйшіе ректора академіи въ до-реформенный періодъ, архимандритъ Іоаннъ (Соколовъ) и Никаноръ (Бровковичъ), оба занимавшіе богословскія кафедрѣ и оба оставившіе важные труды въ русской богословской и церковно-публицистической литературѣ. Мы называли также имя инспектора и профессора академіи Теодора Бухарева, И. Я. Порфирьева, преподававшаго гомилетику и особенно словесность. Въ миссіонерскомъ отдѣленіи отмѣтимъ имена профессоровъ А. И. Лилова, И. М. Добротворскаго, работавшихъ и въ литературѣ по расколу, и тѣхъ профессоровъ восточныхъ языковъ, о которыхъ мы уже имѣли случай упоминать.

Въ свое время немногимъ была извѣстна профессорская дѣятельность въ казанской академіи Г. З. Елисеева, котораго позднѣйшіе труды заслонили начало его литературнаго поприща. Въ книгѣ г. Знаменскаго мы находимъ обстоятельное свѣдѣніе о казанскомъ періодѣ его дѣятельности. Онъ преподавалъ здѣсь литургію, а также и русскую исторію. Сынъ священника томской епархіи, Елисеевъ (род. въ 1819) учился въ тобольской семинаріи и въ московской академіи, и по окончаніи курса въ 1844 году назначенъ былъ въ казанскую академію бакалавромъ по русской церковной исторіи и еврейскому языку; отъ преподаванія послѣдняго онъ былъ, впрочемъ, освобожденъ при соединеніи обѣихъ кафедръ русской исторіи (церковной и свѣтской). Историкъ академіи полагаетъ, что онъ былъ, вѣроятно, довольно подготовленъ къ преподаванію своего предмета, по крайней мѣрѣ принялся за него съ большимъ усердіемъ. Онъ оставался въ Казани около десяти лѣтъ. Сначала онъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ церковную исторію, затѣмъ чередовалъ ее съ исторіей гражданской. „Русскую гражданскую исторію онъ преподавалъ, близко держась Карамзина, Устрялова и Соловьева, въ сжатомъ фактическомъ разсказѣ, не производившемъ на студентовъ никакого впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ вскорѣ ими забытомъ; къ экзаменамъ они готовились по исторіи Устрялова. По исторіи церковной онъ сда-

валъ имъ собственныя записки, которыя съ каждымъ курсомъ усовершенствоваль, какъ и свои чтенія съ каѳедры. Курсы его, впрочемъ, и по этой наукѣ носили характеръ исключительно фактическій. Его программа была очень похожа на программу извѣстной Исторіи русской церкви архіепископа Филарета черниговскаго, съ которой онъ, вѣроятно, былъ знакомъ еще до ея появленія въ печати. Авторъ замѣчаетъ, что съ первыхъ же лѣтъ пребыванія въ Казани у Елисеева стали проявляться литературныя наклонности, и такъ какъ подъ руками не было средствъ для разработки нашей церковной исторіи, то онъ обратился къ разработкѣ мѣстной исторіи и археологіи. Въ 1845 году онъ заявилъ правленію академіи о своемъ намѣреніи написать исторію казанской іерархіи и просилъ оффиціальнаго содѣйствія для этого труда. По распоряженіямъ архіерея ему доставлены были изъ разныхъ мѣстностей казанской епархіи нѣкоторыя свѣденія по предмету его работы; съ разными лицами, имѣвшими соприкосновеніе съ мѣстными святынями казанскаго края, Елисеевъ и самъ вступалъ въ сношенія. „Плодомъ такихъ занятій мѣстной церковной исторіей были два первыхъ его сочиненія: „Исторія жизни первыхъ насадителей и распространителей казанской церкви — святителей Гурія, Варсонофія и Германа“ (Казань, 1847) и „Краткое сказаніе о чудотворныхъ иконахъ Казанской, Седмюзерной, Ранской и Мироносицкой пустыни“ (М., 1849). Новый казанскій архіепископъ Григорій остался не совсѣмъ доволенъ этими произведеніями. Первое показалось ему холодно и мало назидательно, что и заставило его въ 1853 г. издать свое собственное „Житіе св. святителей и чудотворцевъ Гурія и Варсонофія“ (Спб. 1853) съ разными правоучительными замѣтками и съ приложеніемъ чудесъ святыхъ“. Второе сочиненіе Елисеева возбудило въ архіепископѣ Григоріи другое недоумѣніе, именно тѣмъ, что къ нему приложены были изображенія чудотворныхъ иконъ Казанской Божіей Матери и Смоленской Седмюзерной, не съ подлинныхъ иконъ, находящихся въ Казани, а съ иконъ московскихъ, а это могло подтвердить ложное мнѣніе москвичей, что подлинныя иконы находятся въ Москвѣ. Елисеевъ объяснилъ, что это случилось только потому, что книга печаталась въ Москвѣ, троицкимъ іеромонахомъ Сергіемъ, который безъ его вѣдома приложилъ изображеніе ближайшихъ иконъ московскихъ. „Вопросъ о подлинности Казанской иконы Богоматери, находящейся въ Казани, сдѣлался въ то же время предметомъ интересной переписки Г. З. Елисеева съ московскимъ ученымъ Невоструевымъ, который стоялъ за подлинность Московской, а не Казанской

иконы; казанскій бакалавръ доказалъ подлинность послѣдней. Переписка эта хранилась въ библіотекѣ академіи; на основаніи ея ректоръ Іоаннъ распорядился составить статью о Казанской иконѣ въ „Прав. Собесѣдникъ“ (за 1858 г.), въ которой содержаніе этой переписки исчерпано все сполна и большею частью буквально“. Послѣ первыхъ указанныхъ трудовъ Елисеевъ продолжалъ работы по мѣстной церковной исторіи, дѣлалъ поѣздки по казанской епархіи для собиранія матеріаловъ, былъ съ тою же цѣлью въ Москвѣ и въ Петербургѣ и въ 1853 году представилъ архіепископу казанскому Григорію первую часть своего сочиненія: „Исторія распространенія христіанства въ краю казанскомъ“, но по какимъ-то „обстоятельствамъ“, которыя не выяснены г. Знаменскимъ, это сочиненіе не было напечатано и осталось въ рукописи въ библіотекѣ академіи. Послѣ новыхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ, сдѣланныхъ мѣстными учеными, трудъ Елисеева, по словамъ г. Знаменскаго, потерялъ все свое ученое значеніе; но долѣе сохранили цѣну собранные имъ архивные матеріалы, особенно изъ синодальнаго архива, которыми потомъ пользовались мѣстные изслѣдователи.

Эти работы Елисеева г. Знаменскій считаетъ самой важною заслугой его во время пребыванія въ казанской академіи. Относительно его профессорскихъ лекцій, г. Знаменскій замѣчаетъ, что онѣ прошли какъ-то мало замѣтно, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ довольно сухого археологическаго характера; онъ былъ въ ряду профессоровъ уважаемыхъ, „но его вліяніе все-таки далеко не было такъ велико, чтобы чѣмъ-нибудь могло отозваться на самомъ направленіи студенческихъ занятій“, — какъ отзывалось вліяніе нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Г. Знаменскій весьма рѣшительно отвергаетъ отзывъ Шелгунова объ Елисеевѣ, сдѣланный со словъ Пашкова (учившагося въ казанской академіи), будто-бы „раціональное слово его въ академіи, среди царившей до него схоластики, уже прокладывало путь новому умственному движенію и создавало новое направленіе“, и что „Пашковъ, слушавшій Елисеева въ казанской академіи, считалъ себя многимъ ему обязаннымъ“. „Въ этомъ извѣстіи, — говоритъ г. Знаменскій, — полномъ шаблонныхъ фразъ о царившей схолистикѣ, раціональномъ словѣ, новомъ пути, которыя давно бы пора уже бросить порядочнымъ людямъ, невѣрно все, начиная съ хронологіи: Г. З. Елисеевъ вышелъ изъ академіи въ 1854 г., а Пашковъ учился въ ней въ 1860—1861 годахъ. Замѣчательно, что во все время академической службы Елисеева студенты вовсе не занимались русской исторіей, и даже самый лучший его слуша-

тель и преемникъ А. П. Шаповъ оказался ничѣмъ ему не обязаннымъ въ своемъ историческомъ направленіи и пошелъ по своему собственному „новому пути“ ¹⁾.

Авторъ даетъ затѣмъ характеристику Елисеева, какъ профессора, отмѣчаетъ его уклончивую, недовѣрчивую манеру за тогдашнее время, „по памяти людей, лично его знавшихъ“; указываетъ въ немъ „скорѣе язвительнаго скептика, чѣмъ либерала, стоявшаго за какую-нибудь положительную либеральную идею“, и т. д. Поправки ошибокъ въ хронологіи, безъ сомнѣнія, необходимы, и личныя воспоминанія цѣнны, но историкъ, быть можетъ, слишкомъ рѣшительно обличаетъ тѣхъ, кто говорилъ о присутствіи схоластики въ академическомъ преподаваніи: примѣры ея можно прослѣдить по его собственнымъ показаніямъ. Относительно вліянія Елисеева онъ также самъ сообщаетъ потомъ нѣкоторые данныя... Г. Знаменскій поправляетъ и другой отзывъ Шелгунова, что Елисеевъ „вносилъ существенное содержаніе въ „Современникъ“ и затѣмъ былъ главнымъ руководителемъ и направителемъ „Отечественныхъ Записокъ“; что онъ развилъ извѣстный въ тогдашней литературѣ культъ русскаго мужичка и „сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душою... Елисееву мужикъ обязанъ болѣе всего, что къ нему повернулось общественное мнѣніе и что, наконецъ, явилась даже мужицкая внутренняя политика. Эта заслуга останется за Елисеевымъ“. Г. Знаменскій на это говоритъ: „Въ видѣ поправки къ этому отзыву можемъ замѣтить только то, что въ культѣ русскаго мужичка Г. З. едва ли могъ имѣть такое большое значеніе; культъ этотъ составлялъ современное теченіе, да и развился во всей своей силѣ еще задолго до выступленія на литературное поприще Елисеева, когда послѣдній былъ еще „сибирскимъ чиновникомъ“. Даже въ казанской академіи культъ этотъ восторженно проповѣдывался съ кафедры А. П. Шаповымъ еще съ 1856 г.“ ²⁾.

Послѣ небольшого промежутка, преемникомъ Елисеева на кафедрѣ русской исторіи сталъ извѣстный Шаповъ. Историкъ академіи какъ будто съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣчаетъ, что „личность Шапова въ нашей литературѣ удостоилась на рѣдкость полной и законченной обрисовки“. Шаповъ удостоился такой характеристики именно потому, что если это не былъ какой-либо чрезвычайный талантъ, если онъ не оставилъ крупныхъ трудовъ въ наукѣ, то во всякомъ случаѣ это была личность въ выс-

¹⁾ Внп. II, стр. 109—110.

²⁾ Тамъ же, стр. 112—113.

шей степени оригинальная и замѣчательная, какъ это можно видѣть и изъ самыхъ сообщеній г. Знаменскаго. Подробная біографія Шапова была написана его другомъ и почитателемъ, проф. Аристовымъ. Не повторяя извѣстныхъ фактовъ, укажемъ изъ сообщеній г. Знаменскаго еще новыя свидѣтельства современника и очевидца. Прежде всего Шаповъ былъ чрезвычайно интересенъ, такъ сказать, въ этнографическомъ отношеніи. По рожденію онъ представлялъ восточно-сибирскую помѣсь русской и бурятской крови: это оригинально отразилось на его физической и нравственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется, и на его умственной природѣ. Съ необычайнымъ упорствомъ въ трудѣ у него соединялась не европейская способность къ фантастическому увлеченію и непосредственность, достигавшая до настоящаго ребячества въ вопросахъ практической жизни. „Дѣтство свое, — говоритъ г. Знаменскій, — Шаповъ провелъ въ самой бѣдной обстановкѣ, потомъ съ 9-ти лѣтъ жилъ и учился среди не менѣе жалкой обстановки иркутской училищной и семинарской бурсы. Въ академію онъ поступилъ въ 1852 г. Здѣсь на него взглянули сначала какъ на какого-то юродиваго, человѣка невозможнаго въ обществѣ, и едва привыкли къ нему, для того, чтобы опѣнить его рѣдкія качества. Онъ былъ совершенное дитя природы, совсѣмъ не обдѣланный сибирскій самородокъ, натура страстная, увлекающаяся, прямая, неопытная до дѣтской наивности и горячая до самыхъ дикихъ выходовъ. Чтѣ было у него на умѣ, тѣ и на языкѣ, всегда и передъ кѣмъ угодно. Вслѣдствіе духовной чистоты своей онъ не понималъ, чтѣ такое интрига, скрытность, лицемеріе. Его манера говорить всегда отъ всей души, съ увлеченіемъ, размахивая руками, тряся лохматой головой, бормоча слова съ непостижимой быстротой... никого не слушая и ни на кого не обращая вниманія, возбуждала улыбки товарищей, но онъ этого не замѣчалъ; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ со сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ. Въ немъ не было и зародыша скептицизма, не зналъ онъ и нерѣшительности; — это была натура непосредственная, въ высшей степени цѣльная, вся наружъ и вся во всемъ. Совершенно чуждый вѣшной жизни, онъ весь погружился въ занятія, стоялъ передъ свей конторкой по 17-ти часовъ въ сутки, ничего не видя и не слыша; случалось, что инспекторъ приходилъ гнать его не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слыхалъ звонка и не замѣчалъ, что остался одинъ въ комнатѣ... Съ официальной точки зрѣнія онъ долго считался плохимъ студентомъ. Онъ занимался только тѣми пред-

метами, которые любилъ. Разные уставы, официальные требованія были какъ будто не про него писаны. На репетиціяхъ ему ничего не стоило отказаться отъ отвѣта, — скажетъ: „не готовился“, и сидеть, какъ ни въ чемъ не бывало“.

Всѣ его интересы сосредоточились на русской исторіи и онъ ревностно изучалъ ея источники, особливо въ актахъ и въ Полномъ Собраніи законовъ. Затѣмъ, „главными руководителями его въ историческихъ воззрѣніяхъ были славянофилы и „Исторія Россіи“ Соловьева, которую, хотя онъ и бранилъ за направленіе, чуждое будто бы народной жизни, но, прочитавъ усердно, съ жадностью встрѣчалъ каждый новый ея томъ и послѣ, когда былъ уже преподавателемъ исторіи. На послѣднемъ году его студенческаго курса въ академію привезена была Соловецкая бібліотека и всецѣло поглотила его вниманіе. Онъ постоянно возился съ ея рукописями, особенно житіями и сборниками, и дѣлалъ изъ нихъ большія выписки, которыми въ обиліи воспользовался для своего курсоваго сочиненія и которыя много пригодились ему и послѣ, на кафедрѣ и по увольненіи изъ академіи“. Его взгляды общественные были вполне произведеніемъ той эпохи — временъ Крымской войны и тѣхъ стремленій къ реформѣ, какія овладѣвали тогда русскимъ обществомъ. „Въ академіи появилось тогда нѣсколько секретныхъ записокъ, разоблачавшихъ разныя злоупотребленія военныхъ начальниковъ и общее нестройство дѣлъ въ Россіи; одна другой печальнѣе были и газетныя вѣсти. А. П. Щаповъ, читая все это съ увлеченіемъ, горевалъ, злился, ругался. Едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое горе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій преподаватель русской исторіи. Потомъ съ началомъ новаго царствованія пошли слухи о предстоящихъ реформахъ, объ освобожденіи крестьянъ, тоже сильно волновавшіе Щапова. Всѣ эти волненія, все либеральное возбужденіе этого переходнаго времени повсюднхъ обличеній и общаго недовольства старымъ имѣли дѣйствительно огромное вліяніе на характеръ молодого историка и принесли свои плоды въ скоромъ времени. Но теперь онъ слишкомъ былъ занятъ своимъ курсовымъ сочиненіемъ, да и область теперешнихъ его историческихъ занятій — церковная исторія — была довольно далека отъ политическаго либерализма. Онъ такъ былъ преданъ ученымъ занятіямъ, что, по предложенію ректора Агаѳангела, ради ученой карьеры соглашался даже принять на себя монашество, котораго вовсе не уважалъ. При той отчужденности отъ жизни, при той чистотѣ отъ всѣхъ ея грѣшныхъ прираженій, какою онъ отличался въ студенчествѣ, принятіе монашества было и въ самомъ дѣлѣ для

него не трудно; многие серьезно прочили его въ монахи. Къ счастію и для него, и для самаго монашества, дѣло опредѣленія его въ бакалавры устроилось и безъ постриженія его въ монахи". А именно, надо было замѣстить вакансію преподавателя русской исторіи.

Читатель найдетъ у г. Знаменскаго весьма обстоятельныя свѣденія о дѣятельности Щапова въ казанской академіи, отчасти заимствованныя изъ біографіи Аристова, отчасти по собственнымъ мѣстнымъ даннымъ. Мы приведемъ еще только одно указаніе, какъ намъ кажется требующее поправки. Г. Знаменскій говоритъ: „Онъ выступилъ на свое поприще историкомъ либеральнаго, крайне народническаго типа, но, какъ и слѣдовало ожидать, судя по его подготовкѣ къ дѣлу, историкомъ теоретикомъ и поэтомъ. Онъ самъ называлъ себя сыномъ народа, на самомъ себѣ испытаннымъ страданія и нужды послѣдняго, готовъ былъ во всякое время, отъ всего своего широкаго и необузданнаго сердца или злиться, или плакать изъ-за горькой судьбы забитаго русскаго мужичка, горой стоять за него, и въ самыхъ грубыхъ и глупыхъ явленіяхъ мужицкой жизни находить что-нибудь великое, широкое и могучее, готовъ былъ и на дѣлѣ отдать обѣднику послѣдній грошъ и сапоги. И все-таки это была у него только фантастическая экзальтація. Онъ зналъ народъ больше изъ книгъ, притомъ же книгъ главнымъ образомъ славянофильскаго характера, и изъ разговоровъ съ разными только городскими представителями простого народа, — служителями, мастеровыми, извозчиками; съ 9-ти лѣтъ, когда его заключили въ бурсу, въ рѣдкія и короткія побывки на родинѣ по вакантамъ онъ даже и не видалъ хорошенько деревни. Даже послѣ, будучи уже преподавателемъ и читая восторженные лекціи о міросозерцаніи русскаго народа, онъ, какъ великую для себя новость, выслушивалъ отъ студентовъ всякое, самое общезвѣстное, только еще не напечатанное, сообщеніе изъ круга народныхъ повѣрій... Далѣе, вслѣдствіе односторонности своего историческаго развитія, слабаго знанія общей исторіи, онъ не могъ изучать русской исторіи и народности сравнительно съ исторіей другихъ странъ и съ другими народностями. Отсюда неизбежныя промахи и фальшивыя приемы въ его историческихъ сужденіяхъ не только о государственныхъ и социальныхъ явленіяхъ народной исторіи, но даже о явленіяхъ религіозной жизни народа, болѣе знакомыхъ ему по самому уже характеру его духовнаго образованія". Последнее можетъ быть справедливо. Что же касается того, что Щапову недоставало непосредственнаго знанія народной жизни, что онъ хотя и былъ страст-

нымъ народникомъ, но зналъ народъ „больше изъ книгъ“, что онъ даже „не видалъ хорошенько деревни“, то это обстоятельство, повидимому столь важное въ данномъ случаѣ, не должно насъ вводить въ заблужденіе. Дѣло въ томъ, что если дѣйствительно одно только книжное знаніе народа способно вести къ слишкомъ теоретическимъ сужденіямъ о народѣ, лишеннымъ здоровой теоретической опоры (чему примѣровъ очень много въ исторіи нашего народолобія); то въ данномъ случаѣ укоръ, направленный противъ Щапова, мы не находимъ справедливымъ. Фантазія была его прирожденное свойство; но складъ его ума былъ таковъ, что ему очень мало помогло бы и болѣе близкое знаніе деревни. Въ то время и вообще для него шелъ вопросъ не объ этнографическомъ изученіи современнаго быта, а именно о томъ, чтобы уразумѣть историческіе процессы народной жизни въ ихъ общихъ широкихъ чертахъ. Знаніе какихъ-нибудь подробностей современнаго народнаго обычая помогло бы ему мало, и для его цѣли онъ искалъ данныхъ именно тамъ, гдѣ и слѣдовало искать ихъ, въ старыхъ актахъ и въ рукописяхъ Соловецкой бібліотеки: тамъ передъ нимъ вставалъ этотъ самый народъ, только въ его старомъ историческомъ бытѣ и обычаяхъ. И дѣйствительно тѣ, кому памятли сочиненія Щапова, могутъ припомнить, какъ оживлялась въ его изложеніи старая народная жизнь, въ какомъ богатствѣ раскрывались для него черты стараго народнаго быта и міровоззрѣнія. Г. Знаменскій въ частности упрекаетъ Щапова за его слишкомъ поспѣшные выводы о народномъ міровоззрѣніи, которое онъ думалъ извлекать „изъ древнихъ прологовъ, цвѣтниковъ и старчества, которые онъ безъ разбора принималъ за памятники древней русской литературы, — какъ, впрочемъ, и большинство тогдашнихъ историковъ народниковъ, не исключая Костомарова“. Но и здѣсь ошибка Щапова была не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: дѣло въ томъ, что эти памятники, при всемъ ихъ чужомъ происхожденіи, не остались безъ широкаго вліянія на народное міровоззрѣніе, и именно той эпохи, которую въ особенности Щаповъ изучалъ, эпохи православнаго и старообрядческаго двоевѣрія. Сколько чужого, заимствованнаго содержанія проникло издавна въ народное міровоззрѣніе, это не требуетъ теперь особыхъ объясненій: древнѣйшее міеологическое содержаніе народныхъ понятій намъ почти-что неизвѣстно, но чѣмъ дальше идутъ изслѣдованія, тѣмъ все болѣе разъясняется та масса заимствованій, какія стали наполнять съ историческихъ временъ и нашу народную поэзію, и нашу народную міеологию. Щапову, напротивъ, принадлежитъ не малая

заслуга въ томъ отношеніи, что въ свое время онъ привелъ изъ этой литературы старыхъ рукописей не мало данныхъ, тогда еще недостаточно извѣстныхъ. Недостатки его ученыхъ работъ не подлежатъ сомнѣнію, но они не должны скрывать отъ насъ того, что было его заслугой.

Далѣе, г. Знаменскій говорить еще: „Такое слабое и одностороннее знакомство съ русскою жизнью нисколько, однако, не мѣшало, а, нужно думать,—даже содѣйствовало развитію въ немъ самой восторженной къ ней любви со всѣми крайностями народническаго направленія. Въ его горячей головѣ постоянно стоялъ имъ самимъ созданный, идеальный образъ русскаго народа, съ которымъ онъ исключительно и имѣлъ дѣло, прилагая къ нему все, что находилъ въ памятникахъ исторіи, и не стѣсняясь при этомъ никакими помѣхами и ограниченіями со стороны дѣйствительной жизни дѣйствительнаго русскаго народа. Отсюда эта непосредственная простота всѣхъ его историческихъ построеній, удивительная прямолинейность его сужденій касательно не только прежней исторической жизни народа, но и желательнаго исторіку современнаго и даже будущаго его устройства, глубокая и непоколебимая энтузіастическая вѣра въ свою народническую утопію, восторженная до самоотверженія ея пропаганда, какой-то вдохновенно-пророческій тонъ этой пропаганды и экзальтирующее дѣйствіе ея на молодежь и на всѣхъ, способныхъ къ такой же прямолинейной и восторженной вѣрѣ“. Но изъ дальнѣйшихъ словъ самого автора оказывается, что этотъ же энтузіастъ, создававшій утопію, былъ „человѣкъ сильнаго синтеза и творческой фантазіи“, что „по временамъ его историческое ясновидѣніе доходило до изумительной степени и задолго предупреждало результаты серьезно-историческихъ изысканій даже его собственныхъ; студенты, слышавшіе отъ него его мечтанія о будущихъ трудахъ и обычныя закидыванія мыслей впередъ, имѣли случаи часто убѣждаться въ этомъ“. Самое чтеніе лекцій не было у Щапова правильно; программа его перваго двухгодичнаго курса, вслѣдствіе его историко-поэтическихъ увлеченій, не была выполнена, но тѣмъ не менѣе „направленіе и характеръ ея содержанія и приемовъ обозначились совершенно достаточно для того, чтобы студенты поняли, въ чемъ дѣло, и могли сами при случаѣ восполнить то, чего не успѣлъ сдѣлать преподаватель; новая струя проникла въ ихъ историческое образованіе и прошла послѣ того по всѣмъ ихъ собственнымъ трудамъ по предмету церковной русской исторіи“¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 117—120, 122, 126.

Эти послѣднія замѣчанія значительно видоизмѣняютъ то, что говорилъ г. Знаменскій прежде о характерной личности Шапова.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ академическихъ курсовъ найдется еще не мало интересныхъ свѣденій о ходѣ академическаго преподаванія; между прочимъ любопытны сообщенія о лекціяхъ основнаго богословія, читанныхъ арх. Никаноромъ. Мы остановимся еще только на одной біографіи, весьма характерной для исторіи нашей провинціальной науки. Это—біографія одного изъ достойнѣйшихъ профессоровъ казанской академіи по ея миссіонерскому отдѣлу, Г. С. Саблукова (1804—1880). Онъ былъ уроженецъ оренбургской губерніи, сынъ священника въ округѣ съ банкирскимъ мусульманскимъ населеніемъ. Онъ учился въ оренбургской семинаріи и въ московской академіи, приобрѣлъ въ послѣдней хорошее знаніе классическихъ и еврейскаго языковъ, и назначенный въ 1830 году учителемъ гражданской исторіи и еврейскаго языка въ саратовскую семинарію, онъ принялся здѣсь за изученіе татарскаго и арабскаго языка при самыхъ скудныхъ пособіяхъ, самоучкой. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ считался уже хорошимъ знаткомъ этихъ восточныхъ языковъ и ему поручено было преподаваніе татарскаго языка въ семинаріи. Нѣкоторое поощреніе своимъ трудамъ въ этомъ направленіи онъ встрѣтилъ у саратовскаго епископа (потомъ архіепископа нижегородскаго) Іакова; послѣдній самъ былъ любителемъ археологіи, интересовался восточными древностями нижняго Поволжья и давалъ Саблукову научныя порученія, такъ что извѣстность Саблукова стала распространяться. Разные любители и собиратели древностей, обыкновенно люди богатые и вліятельные, навязывали Саблукову опредѣленіе своихъ восточныхъ монетъ и т. п.; ему пришлось быть руководителемъ извѣстнаго Терещенки, которому было поручено изслѣдованіе древностей въ развалинахъ ханской столицы Сарая, и который самъ не зналъ ни татарскаго, ни арабскаго языка. Скромный профессоръ семинаріи, (получавшій 21 рубль жалованья въ мѣсяцъ), отдавалъ свое время на эту ничѣмъ неоплаченную работу. „Саблуковъ выучилъ Терещенку арабскому алфавиту, посылалъ ему въ Царевъ татарскую грамматику, словари... и щедро дѣлился съ нимъ своими богатыми свѣденіями по исторіи древней орды, по разнымъ подробностямъ древняго быта татаръ, по нумизматическимъ древностямъ... Сохранившаяся въ бумагахъ Саблукова обширная переписка съ Терещенкой за два года (его работъ) содержитъ въ себѣ множество дорогихъ для науки замѣчаній подобнаго содержанія и свидѣтельствуетъ о рѣдкой учености скромнаго учителя. Терещенко, надобно замѣтить, очень нетвердо знавшій

даже имя своего ученаго благодѣтеля... сильно налегъ на него и совершенно завалилъ посылками монетъ и древностей, которыя успѣвалъ откапывать, прося его все это опредѣлять и описывать и даже торопя его короткими сроками на томъ основаніи, что ему нужно въ такое-то время выслать найденныя вещи съ объясненіями къ министру. Саблуковъ трудился, насколько лишь могъ при своихъ служебныхъ занятіяхъ, чистилъ монеты, разбиралъ и объяснялъ ихъ надписи, составлялъ имъ ученые описанія. Какъ велики были эти совершенно безкорыстные его труды, видно, напр., изъ того, что всего въ три мѣсяца—іюнь, іюль и августъ 1843 г.—черезъ его руки прошло и опредѣлено 5053 монеты, кромѣ другихъ замѣчательныхъ предметовъ татарской старины... Изъ той же переписки узнаемъ, что Г. С. Саблуковъ занимался изученіемъ и русскаго народнаго быта и былъ много полезенъ Терещенкѣ и для другой его работы,—для собиранія матеріаловъ къ его изданію „Быта русскаго народа“. Въ 1843 г. онъ взялся собирать такіе матеріалы для Терещенки черезъ своихъ учениковъ и передъ отпускомъ послѣднихъ на вакачъ самъ составилъ имъ подробную инструкцію касательно того, на что они должны обращать вниманіе въ народной жизни и что записывать. Нѣкоторые ученики выполнили порученіе и ихъ записки были отправлены къ Терещенкѣ въ Царевъ,—описаны были весенніе, святочные и свадебные обряды и пѣсни. Самъ Саблуковъ написалъ для своего корреспондента статью: Весенній праздникъ въ деревнѣ, потомъ со словъ одной рассказчицы описалъ русскій семикъ и записалъ шуточную сказку о томъ, какъ хохлы на карсаковъ (киргизъ) ходили, и нѣсколько пѣсенъ. Этого мало,—онъ давалъ собирателю новыя мысли, которыя должны были расширять его тогда еще скудную программу сборника, напр. натолкнулъ его на мысль собирать данныя для народныхъ игръ и народной гимнастики и пѣсни переходящихъ каленъ, за что Терещенко много его благодарилъ“.

Въ 40-хъ годахъ узнали о трудахъ Саблукова въ академіи наукъ; ими заинтересованъ былъ извѣстный Френъ, при содѣйствіи котораго были посланы ему нѣкоторыя академическія изданія о Востокѣ, и самъ Френъ посылалъ ему для пользованія книги изъ своей библіотеки. Въ печать Саблуковъ пускалъ свои труды мало, по своей добросовѣстности считая ихъ недостаточно выработанными. Первые статьи его отданы были въ печать пр. Іаковомъ (въ „Ученыхъ Запискахъ“ казанскаго университета), и долго считались принадлежащими этому послѣднему; затѣмъ рядъ другихъ статей все по тому же предмету, о татарской исторіи,

Поволжья и современномъ татарскомъ населеніи того края, печатался въ саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, между прочимъ за то время, когда редакторомъ послѣднихъ былъ Костомаровъ. Наконецъ, ученая извѣстность Саблукова дошла и до казанской академіи, и въ 1849 году онъ былъ переведенъ въ Казань для преподаванія греческаго, потомъ и еврейскаго языка въ академіи, и татарскаго языка въ семинаріи. „Св. синодъ былъ такъ внимателенъ, что, по бѣдности его и по семейному положенію, кромѣ прогоновъ, назначилъ ему еще 35 р. (!) временнаго пособия на переѣздъ и квартирное пособіе на жительство въ Казань“. Вскорѣ потомъ Саблуковъ сталъ членомъ переводческаго комитета, учрежденнаго въ Казани для перевода священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, и въ самой академіи занялъ катедру восточныхъ языковъ. Эта послѣдняя его дѣятельность подробно изложена г. Знаменскимъ ¹⁾.

Послѣдняя глава второго выпуска книги г. Знаменскаго посвящена изложенію матеріальныхъ средствъ и быта наставниковъ академіи. По словамъ историка, денежные оклады, назначенные правителямъ и преподавателямъ академіи при ея основаніи по штату 1842 года, были очень умѣренны, чтобы не сказать скудны, даже для того времени. Напримѣръ, ректоръ академіи получалъ всего 1.200 рублей, ординарный профессоръ 715 (59 р. 58 в. въ мѣсяцъ), экстраординарный—358 р. и т. д.; такъ какъ всѣ преподаватели имѣли степень магистра, то кромѣ того они получали еще по 100 р. магистерскаго оклада; наконецъ, имъ полагалась казенная квартира или квартирное пособіе въ размѣрѣ 150 рублей, но всего этого было очень мало; цѣны на квартиры въ обгорѣвшей Казани были высоки; постоянно поднимались вообще цѣны на всякіе продукты хозяйства, и профессора не разъ обращались къ начальству съ просьбами объ улучшеніи ихъ быта, но только черезъ многіе годы ихъ просьба была удовлетворена небольшимъ возвышеніемъ ихъ окладовъ. Тѣ изъ профессоровъ, которые жили въ академіи въ особомъ флигелѣ, имѣли маленькія квартирки, собственно изъ одной комнаты въ четыре окна, раздѣленной перегородками на переднюю, залу и кабинетъ; средства ихъ были столь убогія, что они держали общее хозяйство и на всѣхъ одного повара и одного лакея. Жизнь была похожа на студенческую; зарѣдываніе хозяйствомъ велось по мѣсячной очереди. Въ одномъ изъ профессорскихъ флигелей, — рассказываетъ г. Знаменскій, — „лѣтъ 14 служили наставнической коммуны лакеи

¹⁾ Тамъ же, стр. 161—169, 403 и далѣе.

Антонъ Бѣляевъ и кухарка его жена Марья Петровна, первая женщина, которая проникла на жительство въ академію. На первыхъ порахъ она долго имѣла здѣсь весьма шаткое положеніе; несмотря на ея малую соблазнительность, начальство смотрѣло на нее косо; положеніе ея упрочилось только при ректорѣ Іоаниѣ, который сначала, правда, очень подозрительно освѣдомился у эконома: „Что это тамъ за бабенка вертится у бакалавровъ?“ Но потомъ оставилъ ее въ покоѣ“.

Академія была учрежденіе по преимуществу монашеское. Ректоры академіи были постоянно архимандриты; исключеніе составляетъ только нынѣшній ректоръ протоіерей А. П. Владимірскій; монахами были обыкновенно инспекторъ и экономъ; монахи дѣйствительные или предполагаемые въ будущемъ были профессора и бакалавры. Профессора семейные были, особливо въ первое время, исключеніемъ. Еще въ 1845 году, когда шло дѣло о постройкѣ наставническихъ флигелей, въ бумагахъ оберъ-прокурора на имя казанскаго преосвященнаго было сказано между прочимъ, что духовно-учебнымъ управленіемъ признано необходимымъ „вовсе не назначать помѣщеній семейнымъ наставникамъ, каковыхъ вообще при духовно-учебныхъ заведеніяхъ стараются избѣгать“. Семейные профессора жили обыкновенно внѣ академіи; какъ мы упоминали, не занимавшимъ казенной квартиры назначалось квартирное пособіе, но назначеніе его имѣло все-таки видъ особаго пожалованія и на каждый разъ испрашивалось ходатайствомъ передъ высшей властію черезъ преосвященнаго. „Семейное состояніе наставника само по себѣ не принималось въ расчетъ, потому что вступать въ это состояніе и чрезъ то лишиться казенной квартиры была его добрая воля, а со стороны начальства довольно было и той милости, что оно послѣ этого не „старалось избѣгать“ такового наставника“.

Вообще, по словамъ историка, „это была во всей формѣ жизнь бѣдныхъ ученыхъ тружениковъ, вполне преданныхъ своему высокому дѣлу, жизнь монотонная, бѣдная внѣшними фактами, вся ушедшая въ умственную работу и одинаковая у каждаго, какъ двѣ капли воды“. Члены „коммун“, какъ послѣ называли не-семейные профессора свое общежитіе, сходились у очереднаго амфитріона за обѣдомъ, и бесѣда длилась еще послѣ обѣда. „По рассказамъ современниковъ, особенно симпатично рисуется компанія первыхъ временъ наставническаго общежитія, когда ее составляли молодые бакалавры 1840-хъ и 1850-хъ годовъ. Люди на подборъ талантливые“ (авторъ называетъ Елисеева, Ильминскаго, Бобровникова, Гвоздева, Порфирьева и др.),

„отличавшіеся безпредѣльною любовью къ наукѣ, рѣдкимъ благородствомъ характеровъ и тѣми высокими идеальными стремленіями, которыя придавали такую обяательную духовную красоту лучшимъ людямъ 1840-хъ годовъ... Всѣ они часто собирались то у того, то у другого, сообща доставали и читали разныя литературныя новинки, пускались въ оживленные споры и бесѣды по разнымъ научнымъ и литературнымъ вопросамъ: литературный интересъ былъ господствующимъ въ кружкѣ, какимъ этотъ интересъ былъ тогда и во всемъ образованномъ русскомъ обществѣ“.

Отношеніе этого академическаго кружка къ „обществу“ было весьма характерное. Онъ, конечно, держался особнякомъ, его интересы поддерживались въ его собственной средѣ. Въ упомянутыхъ выше просьбахъ къ начальству, указывая на крайнюю скудость своего матеріальнаго положенія, профессора жаловались на происходящую отсюда „мрачную изолированность отъ общества“. Историкъ, хотя находить, что ея вредъ умѣрялся внутренней содержательностью кружка, но подтверждаетъ эту изолированность. „Профессора академіи (рѣчь идетъ о профессорахъ не-монахахъ) дѣйствительно почти совсѣмъ были чужды внѣшней общественной жизни, держались въ отношеніи къ ней далеко, съ застѣнчивой и робкой подозрительностью, какъ всякіе развитые и уважающіе себя бѣдняки, которые боязливо проходятъ мимо житейскаго пира, боясь или обидной насмѣшки богатаго невѣжества, или просто того, что у нихъ не хватитъ, можетъ быть, и средствъ заплатить за сѣденный на этомъ пирѣ кусокъ... Они жили уединенно, имѣя замѣчательно мало знакомствъ на сторонѣ, и то въ кругу своихъ же духовныхъ лицъ... Замѣчательно, что знакомыя съ ними и съ ихъ бѣднотой духовныя лица смотрѣли на профессорскую службу въ академіи, какъ на службу временную, переходную, и серьезно считали академическихъ наставниковъ какими-то еще непристроенными людьми, только еще ждущими болѣе опредѣленнаго служебнаго положенія. Да такъ смотрѣло на нихъ, кажется, и само духовное начальство, считая ихъ служеніе церкви только „косвеннымъ“ и стараясь привлекать ихъ къ служенію церкви „прямому“, въ монашествѣ или священномъ санѣ“. При бѣдности своей обстановки, при непрочномъ положеніи самыхъ кафедръ, которыя зависѣли отъ усмотрѣнія начальства, немудрено, что и сами профессора смотрѣли иногда подобнымъ образомъ на свою службу; поэтому наставники по нѣкоторымъ не особенно надежнымъ предметамъ, какъ кафедра физики, математики, естественныхъ наукъ, даже нѣкоторые миссіонерскіе предметы, должны были быть готовыми

къ выходу изъ академіи и присматриваться къ какой-нибудь другой службѣ; нѣкоторые съ самаго начала своей службы выходили изъ духовнаго званія въ свѣтское. Монашеское начальство считало причиною этого выхода честолюбіе, но дѣло было гораздо проще. Главная причина этого явленія состояла въ томъ, что выходъ въ свѣтское званіе сразу развязывалъ наставнику руки и давалъ ему большую свободу какъ на случай перехода изъ духовно-училищной службы на гражданскую, причемъ онъ все равно долженъ былъ обязательно пройти ту же процедуру увольненія изъ духовнаго званія, только не въ-время, и подвергнуться для этой процедуры болѣе или менѣе значительному перерыву въ своей службѣ, такъ и при дальнѣйшемъ прохожденіи самой духовно-училищной службы. Свѣтскій человѣкъ былъ въ меньшей зависимости отъ своего духовнаго начальства, что отражалось на множествѣ разныхъ служебныхъ мелочей¹⁾. Между прочимъ это необезпеченное положеніе заставляло вообще академическихъ наставниковъ воздерживаться отъ вступленія въ бракъ; они жили одинокими бобылями, аскетами науки; многіе даже старались убѣдить себя, что семейная жизнь вредитъ научнымъ занятіямъ. Когда въ 60-хъ годахъ два молодыхъ бакалавра надумали жениться, то „на рѣшимость ихъ предпринять такой важный и рискованный шагъ въ жизни товарищи ихъ смотрѣли съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже страхомъ за нихъ“. Это считалось геройскимъ подвигомъ. Распространеніе семейной жизни между профессорами началось только съ тѣхъ поръ, когда ихъ оклады были увеличены.

Въ шестидесятыхъ годахъ авторъ отмѣчаетъ, однако, упадокъ тѣхъ образовательныхъ и эстетическихъ интересовъ, какими отличалось старое „общество“. Наступалъ новый духъ времени. „Измѣнялся самый характеръ академическаго образованія: на первый планъ все болѣе и болѣе выступала спеціализація научныхъ знаній, сама по себѣ ослаблявшая общее гуманное образованіе и раздѣлявшая людей до того, что имъ не о чемъ стало толковать между собою. Многіе спеціалисты ничѣмъ не интересовались внѣ своей узкой области и ничего внѣ ея не читали. Упадокъ литературнаго интереса повлекъ за собой еще болѣе упадокъ общаго развитія, оскудѣніе эстетическихъ вкусовъ, психологической наблюдательности, мѣткости и извѣстнаго рода игры мысли, такъ нужной во всякомъ обществѣ, которое

¹⁾ Между прочимъ профессора, не вышедшіе изъ духовнаго званія, но вовсе не монахи, обязывались, по назначенію начальства, говорить въ церкви проповѣди.

желаетъ поддерживать свою жизнь самостоятельно, безъ помощи какихъ-нибудь грубыхъ суррогатовъ, въ родѣ водки и карты“.

Въ третьемъ выпускѣ „Исторіи“ г. Знаменскаго разсказывается, во-первыхъ, объ экономическомъ бытѣ академіи, объ ея денежныхъ средствахъ, объ ея зданіяхъ, внѣшней обстановкѣ содержанія студентовъ, и, во-вторыхъ, о жизни студентовъ: поступленіи въ академію, жизни студентовъ съ нравственной стороны, учебныхъ занятіяхъ, о выходѣ изъ академіи и дальнѣйшей судьбѣ студентовъ. Здѣсь опять среди специальныхъ подробностей, имѣющихъ болѣе или менѣе мѣстное и сословное значеніе, находятся и общія черты, имѣющія не малый интересъ для общей исторіи нашего просвѣщенія. Мы упоминали фактъ, впрочемъ общеизвѣстный, крайней бѣдности нашей духовной школы, низшей и средней, въ прежнія времена; мы видѣли также, что сама академія богатыми средствами не обладала,—но, несмотря на то, питомцы семинаріи, попадавшіе въ академію, считали жизнь въ ней полнымъ благополучіемъ сравнительно съ тѣмъ, что приходилось испытывать прежде. Чрезвычайно любопытны указанія историка о томъ благотворномъ значеніи, какое академія получала для нихъ и съ нравственной стороны.

„Составъ студенческаго общежитія,—разсказываетъ г. Знаменскій,—представлялъ собою довольно пеструю картину. Вслѣдствіе огромнаго протяженія казанскаго округа, въ каждомъ академическомъ курсѣ соединялись молодые люди изъ разныхъ концовъ восточной и юго-восточной Россіи и даже иногда разныхъ народностей, съ разными говорами, обличіями, нравственными свойствами и направленіемъ образованія, хотя послѣднее повидимому было одно и то же во всѣхъ семинаріяхъ. Тутъ были и забытые, но работающіе питомцы семинарскихъ бурсъ внутреннихъ епархій,—нижегородской, тамбовской, пензенской,—представители тогдашней бѣдности и низменной постановки многолюднаго духовенства этихъ краевъ, и дѣти болѣе богатыхъ духовныхъ лицъ епархій южнаго Поволжья, и добродушные вятичи съ ихъ своеобразнымъ пѣвучимъ говоромъ, большею частію люди тоже самостоятельные и чистенько воспитанные, и грубоватые питомцы пьянаго заводскаго Приуралья, и сибиряки,—большею частію независимыя дѣти природы полу-бурятскаго типа, прямые по характеру, рѣшительные и замѣчательно даровитые, и горячіе сыны Прикавказья, нѣкоторые даже инородческаго кавказскаго происхожденія, не совсѣмъ чисто говорившіе по-русски, рѣдко ужи-

вавшіеся съ своими русскими товарищами, готовые раздражаться изъ-за каждой шутки до того, что, того и гляди, схватятся „за ножики“; въ послѣднее время попадали въ академію даже питомцы западнаго края Россіи, тоже рѣдко подходившіе по характеру къ направленію студенческой братіи восточнаго края“.

Сначала новое студенчество держалось врозь и товарищескія отношенія ограничивались только тѣсными кружками земляковъ. Старшіе земляки руководили младшихъ. Но въ теченіе времени общіе интересы и занятія сближали студентовъ въ товарищескій союзъ цѣлаго курса. „Семинарская жизнь уходила назадъ, въ область смутныхъ, какихъ-то дѣтскихъ и во многихъ отношеніяхъ даже печальныхъ воспоминаній, особенно у студентовъ до 1860-хъ годовъ, которымъ дѣйствительно приходилось не всегда добромъ вспоминать свои семинаріи съ ихъ тогдашними грубыми нравами и скудной полуголодной жизнью“.

Авторъ собралъ изъ переписки студентовъ первыхъ курсовъ любопытныя черты тѣхъ впечатлѣній, какія производила академія на питомцевъ семинаріи. Ихъ поражала чистота академическихъ зданій, удобство помѣщеній, качество стола, отношенія къ товарищамъ и даже къ начальству. Въ одномъ письмѣ студента конца 50-хъ годовъ разсказывается, „какъ онъ съ своими земляками, попавши на академическій столъ, на первый разъ не зналъ, какъ и взяться за непривычныя кушанья, и, чтобы не попасть впросякъ, на всякій случай ни къ чему не притрогивался изъ подаваемого, сказавшись сытымъ, и только присматривался, какъ ѣдятъ старшіе студенты. Даже въ началѣ 1860-хъ годовъ были еще семинаріи, въ которыхъ воспитанники не имѣли и понятія объ особыхъ приборахъ за столомъ, кушали неизмѣнныя щи и кашу собственными деревянными ложками, прямо изъ общей миски, подававшейся на шесть человѣкъ, и вмѣсто тарелокъ знали только деревянные кружки для склада объѣдковъ. Первымъ дѣломъ питомцевъ такихъ семинарій въ академіи было дѣйствительно выучиться ѣсть, какъ ѣдятъ порядочные люди; этому же искусству на первыхъ порахъ старались выучить ихъ прежде всего и нѣкоторые представители академической инспекціи. Въ отношеніяхъ къ студентамъ начальства, новичковъ того времени поражала невиданная ими деликатность тона и вѣжливость въ самыхъ выговорахъ. Поступившаго въ академію питомца старыхъ семинарскихъ бурсы сразу окружала непривычная ему атмосфера какой-то общей порядочности, полная уваженія къ его студенческому достоинству, на каждомъ шагѣ напоминавшая ему о самоуваженіи и воспитаніи въ себѣ благородныхъ чувствъ и поступковъ. Переходъ изъ

семинаріи въ академію составлялъ поэтому въ жизни каждаго изъ ея питомцевъ весьма крупную и незабвенную эпоху, можно сказать, перваго пробужденія начатковъ благороднаго самосознанія“.

Это отражалось и на взаимныхъ отношеніяхъ студентовъ: эти отношенія были близки, дружны и деликатны. „Какъ-то самъ собою составилъ цѣлый кодексъ правилъ, какъ порядочный студентъ долженъ держать себя въ разныхъ случаяхъ своей многосложной студенческой жизни, кодексъ совершенно независимый отъ официальныхъ инструкцій и соблюдавшійся очень крѣпко... Каждый, вѣроятно, курсъ можетъ припомнить красно-рѣзчивые факты, какъ проявляло себя студенческое товарищество даже въ матеріальной поддержкѣ разныхъ бѣдняковъ, несмотря на то, что и само было далеко не богато средствами. Въ каждомъ курсѣ всегда было по нѣскольку неимущихъ студентовъ, которымъ не на что было напиться даже чаю въ какой-нибудь праздникъ. Товарищи, и сами немногимъ богаче ихъ, получавшіе скудные деньги отъ родныхъ или сами добывавшіе по нѣскольку десятковъ рублей въ годъ, напр., письмоводительскимъ трудомъ въ правленіи, охотно дѣлились съ этими бѣдняками всѣмъ, что случалось въ рукахъ, не ожидая за это никакой расплаты... Товарищескія отношенія не оканчивались между питомцами академіи даже и по выходѣ изъ академіи; они встрѣчались и встрѣчаются между собою совершенно по-студенчески, какъ бы ни много лѣтъ не видались между собою и какая бы разность положеній ни образовалась между ними въ долгіе годы ихъ службы“¹⁾.

Историкъ подробно рассказываетъ о бытѣ студентовъ, ихъ учебныхъ занятіяхъ и т. д. Съ послѣднихъ 50-хъ годовъ онъ отмѣчаетъ сильный упадокъ въ академической дисциплинѣ, который объясняетъ (намъ кажется, не вполне достаточно) духомъ времени, распространеніемъ нѣкоторой необузданности или вольнодумства,—когда этотъ упадокъ имѣлъ долю своихъ источниковъ въ данныхъ порядкахъ и понятіяхъ и когда, какъ можно видѣть изъ самой исторіи, самое управленіе академіи обнаружило не мало внутренняго разстройства. Г. Знаменскій подробно рассказываетъ надѣлавшую въ свое время много шума исторію о панихидѣ по крестьянамъ, убитымъ при усмирении волненій въ селѣ Безднѣ (спасскаго уѣзда, казанской губ.), причемъ Щаповъ произнесъ рѣчь, вслѣдствіе которой онъ былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ... Это состояніе упадка г. Знаменскій отмѣ-

¹⁾ Выпускъ III, стр. 146 и далѣе.

часть до конца 60-хъ годовъ, когда обновленію академіи содѣйствовало въ особенности управленіе арх. Никанора.

Въ 1869—1870 году, въ кратковременное управленіе Никанора, совершено было преобразование академіи по новому уставу; другое преобразование произведено было въ 1884, и исторію этого новаго періода казанской академіи, съ 1870 и до нынѣшняго юбилейнаго года, излагаетъ книга г. Терновскаго.

Преобразование состояло въ слѣдующемъ. По уставу 30-го мая 1869 года, академія раздѣлялась на три отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Каждое изъ этихъ отдѣленій имѣло свой кругъ предметовъ, отвѣчающихъ его основному характеру—спеціальному богословію, исторіи и церковной практикѣ, — и затѣмъ былъ рядъ общихъ предметовъ, обязательныхъ для всѣхъ слушателей ¹⁾. Каждое отдѣленіе въ составѣ его преподавателей представляло собой административную инстанцію, гдѣ подвергались предварительному обсужденію всѣ дѣла по учебной части, какъ, напр., замѣщеніе каедръ, разсмотрѣніе диссертаций на ученые степени, производство экзаменовъ, командировки профессоровъ за границу съ учеными цѣлями и т. д. Ученые диспуты происходили въ торжественныхъ собраніяхъ отдѣленій.

Надъ отдѣленіями стоялъ академическій совѣтъ. Руководителями отдѣленій и представителями ихъ въ совѣтѣ и правленіи были помощники ректора, избираемые на четыре года членами отдѣленія изъ своихъ ординарныхъ профессоровъ (что похоже на факультетскихъ декановъ въ университетѣ). Подъ предсѣдательствомъ помощниковъ ректора и по ихъ призыву составлялись всѣ засѣданія отдѣленій; по ихъ инициативѣ возбуждались всѣ вопросы, подлежащіе разрѣшенію отдѣленій, и разрѣшались при ихъ руководствѣ; помощники ректора предсѣдательствовали на всѣхъ тѣхъ экзаменахъ, которые были окончательными для студентовъ по той или другой наукѣ, входившей въ составъ наукъ отдѣленія; они же составляли всѣ донесенія совѣту отъ имени отдѣленій. Кромѣ помощниковъ ректора, каждое отдѣленіе выбирало отъ себя (также на четыре года) двухъ представителей въ совѣтъ академіи изъ числа своихъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ. Введенію совѣта академіи подлежали всѣ вопросы и дѣла по учебно-

¹⁾ Эти предметы были: 1) священное писаніе, 2) основное богословіе, 3) философія, логика, психологія и метафизика, 4) исторія философіи, 5) педагогика, 6) одинъ изъ древнихъ языковъ (греческій или латинскій) и его словесность, 7) одинъ изъ новыхъ языковъ (французскій, нѣмецкій и англійскій).

воспитательной и административной частямъ. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію совѣта, раздѣлены были на два рода: болѣе важныя вносились въ общее собраніе совѣта, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ академіи, другіе—въ обыкновенное собраніе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ помощниковъ его по учебной части, инспектора академіи и изъ шести профессоровъ, по два отъ каждаго отдѣленія. По уставу, совѣтъ долженъ былъ собираться не менѣ одного раза въ мѣсяцъ, но собранія происходили обыкновенно гораздо чаще, потому что въ совѣтъ набиралось множество дѣлъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію. Въ совѣтъ направлялись, сообщаемые епархіальнымъ преосвященнымъ, указы св. синода, бумаги синодальнаго оберъ-прокурора, учебнаго комитета и т. д., отношенія епархіальнаго начальства, семинарій, всякія просьбы на имя совѣта. Внутри самой академіи въ совѣтъ входили съ своими донесеніями всѣ представители академической администраціи и всѣ инстанціи управленія: ректоръ съ различными представленіями, касающимися академическаго благоустройства; инспекторъ съ его донесеніями о дѣлахъ академическаго благочинія; правленіе академіи съ донесеніями о дѣлахъ денежныхъ; затѣмъ отдѣленія академіи, цензурный комитетъ, разныя комиссіи, редакція академическаго журнала „Православный Собесѣдникъ“ и т. д.

Правленіе академіи, по уставу 1869 года состоявшее изъ ректора, инспектора, помощниковъ ректора по учебной части и почетнаго блюстителя академіи по хозяйственной части, заведывало исключительно экономической и денежной частью ¹⁾.

Новое измѣненіе академическаго устава произошло въ 1884 году. Въ первомъ академическомъ отчетѣ, говорившемъ о введеніи новаго устава, реформа 1884 года была по обыкновенію привѣтствована съ увѣренностью, что она „упрочитъ дальнѣйшее процвѣтаніе“ академіи. Новая реформа должна была, „не разрушая установившихся въ академіи традицій“, сохранить все, „что выдержало искусы опыта и оказалось цѣлесообразнымъ“. „И новый уставъ допускаетъ извѣстную мѣру участія профессорской корпорации въ управленіи дѣлами. Но теперь административная власть въ академіяхъ является болѣе сосредоточенною... Что касается учебной части, то новый уставъ устанавливаетъ такой планъ преподаванія, при которомъ учащіеся будутъ получать богословское образованіе болѣе полное и цѣлостное, чѣмъ при уставѣ 1869

¹⁾ Терновскій, „Историческая Записка“, стр. 21—22, 69—74, 80—81, 163—164.

года". Въ дѣйствительности, по учебной части произошла большая перемѣна въ томъ отношеніи, что прежнія три отдѣленія или факультеты академіи были уничтожены, и всѣ богословскія науки, за немногими исключеніями, и науки философскія, какъ вспомогательныя для богословскаго образованія, всего 17 предметовъ, сдѣланы обязательными для всѣхъ студентовъ; обязательнымъ было также изученіе одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ. Остальныя науки, входившія въ составъ академическаго курса, раздѣлены были по новому уставу на двѣ группы. Къ первой группѣ были отнесены: теорія словесности и исторія иностранныхъ литературъ, русскій и церковно-славянскій языкъ (съ палеографіей) и исторія русской литературы, еврейскій языкъ и библейская археологія. Ко второй группѣ были отнесены: исторія и разборъ западныхъ вѣроисповѣданій, исторія и обличеніе русскаго раскола, гражданская исторія общая и русская гражданская. Наконецъ, изъ прежнихъ миссіонерскихъ предметовъ составила третья группа, въ двухъ отдѣлахъ: татарскій и монгольскій. Два эти отдѣла, какъ и прежнее миссіонерское преподаваніе, составляютъ единственную въ своемъ родѣ особенность казанской академіи, обнимая изученіе многоразличныхъ восточно-російскихъ и сибирскихъ инородцевъ. Къ первому изъ этихъ отдѣловъ были отнесены: исторія и обличеніе магометанства, этнографія татаръ, киргизовъ, башкиръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и мордвы, исторія распространенія христіанства между означенными инородческими племенами, арабскій и татарскій языки съ общимъ филологическимъ обзоромъ языковъ и нарѣчій означенныхъ племенъ. Ко второму: исторія и обличеніе ламаѣства, этнографія монголовъ, бурятъ, калмыковъ, остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ, чукчей, тунгузовъ, манджуръ, корейцевъ, гольдовъ, гилъяковъ, коряковъ и др., исторія распространенія христіанства между означенными племенами, монгольскій языкъ съ его нарѣчіями, бурятскимъ и калмыцкимъ, и общій филологическій обзоръ языковъ и нарѣчій другихъ поименованныхъ племенъ.

Совѣтъ академіи по новому уставу завѣдуетъ исключительно дѣлами по учебной части и состоитъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ академіи: такъ, въ его вѣденіи находится избраніе почетныхъ членовъ, вопросы о замѣщеніи каеедръ, объ избраніи профессорскихъ стипендіатовъ и возведеніи въ ученыя степени и т. п. Правленіе академіи, состоящее, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора, трехъ членовъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ, почетнаго блюстителя по хозяйственной части и эконома, завѣдуетъ спеціально хозяйствен-

ною частью, какъ и прежде; но кромѣ того уставъ 1884 года предоставилъ правленію разсмотрѣніе вѣдомостей о поведеніи и проступкахъ студентовъ, разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся учебныхъ занятій студентовъ, наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ зданіяхъ, составленіе правилъ и инструкцій для помощниковъ инспектора и для студентовъ ¹⁾).

Планъ „Исторической Записки“ г. Терновскаго, по самому существу дѣла, тотъ же, какой принятъ г. Знаменскимъ. Онъ подробно излагаетъ дѣятельность академической администраціи, программы преподаванія, занятія наставниковъ и студентовъ, причемъ подробно перечисляетъ ученые труды, принадлежащіе дѣятелямъ академіи, и въ заключеніе перечисляетъ студентовъ, прошедшихъ академическій курсъ съ 1870 года.

Какъ мы уже говорили, научная дѣятельность академіи произвела обильную массу трудовъ по различнымъ отраслямъ богословія и исторіи русской церкви. Оцѣнка этихъ трудовъ была бы дѣломъ специальной критики. Мы укажемъ здѣсь только нѣкоторые факты, составляющіе опять специальную особенность казанской академіи. Въ 50-хъ годахъ, во время Крымской войны, специалисты и любители русской старины были очень заинтересованы перенесеніемъ въ Казань библіотеки Соловецкаго монастыря. Начало этого дѣла относится къ 1854 году, именно ко времени открытія въ казанской академіи миссіонерскихъ курсовъ и возникновенія мысли объ изданіи при академіи журнала противораскольническаго направленія. Библіотека Соловецкаго монастыря была вывезена тогда на материкъ въ Сіи́йскій монастырь для спасенія ея отъ нападенія англичанъ на Соловецкій монастырь. Чтобы доставить казанскимъ миссіонерамъ матеріалъ для борьбы съ расколомъ, на первый разъ св. синодомъ разрѣшено было отобрать изъ Соловецкой библіотеки нѣкоторое число рукописей для отправленія въ Казань; но затѣмъ, въ томъ же 1854 году, синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вся библіотека, какъ она есть, была отправлена въ казанскую академію для выбора изъ нея книгъ на мѣстѣ. Она отправлена была въ сопровожденіи соловецкаго іеромонаха, въ декабрѣ, и въ половинѣ января 1855 года была привезена въ Казань. Для бѣльшей основательности предоставленнаго академіи выбора книгъ, рѣшено было отложить этотъ выборъ до подробнаго описанія библіотеки, которое поручено было на первый разъ ректору Агаѣангелу съ нѣсколькими студентами. Описаніе продолжалось нѣсколько лѣтъ и одинъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 245—247, 265, 295—296.

изъ лучшихъ библиографовъ академіи, Лиловъ, только въ 1859 году могъ составить общее обзорѣніе Соловецкой и Анзерской библіотеки, которое и было тогда напечатано. Въ концѣ концовъ академія обратилась къ синоду съ ходатайствомъ о полномъ усвоеніи библіотеки въ собственность академіи, и въ сентябрѣ 1858 года синодъ рѣшилъ „навсегда оставить“ при академіи книги и рукописи Соловецкаго монастыря. Неопредѣленность выраженія дала возможность Соловецкому монастырю обратиться черезъ синодъ въ академію, въ 1881 году, съ просьбой о возвращеніи около 70 особенно важныхъ рукописей. Академія была въ недоумѣніи и исполнила эту просьбу менѣе чѣмъ на половину; но въ 1882 году новое постановленіе синода оставило за ней рукописи въ полную собственность.

Г. Знаменскій считаетъ, что научную цѣнность Соловецкой библіотеки нельзя назвать очень высокой. Рукописи ея довольно позднія, половина изъ нихъ богослужебная; какое-либо живое отношеніе Соловецкой обители къ исторической жизни древней Россіи не отразилось въ библіотекѣ ничѣмъ. Но авторъ сознается, что такое мнѣніе о ней можно высказать только теперь, когда мы имѣемъ множество изданныхъ памятниковъ; не то было въ пятидесятихъ годахъ. „Передача Соловецкой библіотеки въ академію составила настоящую эпоху въ научной жизни послѣдней. Лучшія научныя силы академіи восторженно устремились къ изученію драгоценныхъ рукописей. Здѣсь все было ново для академическихъ тружениковъ науки и прежде всего было ново лицомъ къ лицу встрѣтиться съ подлинными памятниками древняго русскаго слова и древней русской мысли. Интересъ къ древней русской письменности и къ русской исторіи сразу выросъ до такой степени, что даже надолго заслонилъ въ научной жизни академіи всѣ другіе интересы. Исторія русской письменности, русская исторія и исторія раскола, особенно въ рукахъ такихъ наставниковъ-руководителей, какъ бакалавры Порфирьевъ, Добротворскій, Лиловъ и Щаповъ, сдѣлались преобладающими предметами занятій студентовъ, которые и сами очень близко стояли къ Соловецкой библіотекѣ, составляя описанія ея сборниковъ. Увлеченіе ея рукописями отразилось и на литературныхъ трудахъ академическихъ ученыхъ“¹⁾.

Въ связи съ передачей въ академію Соловецкой библіотеки возникла мысль объ основаніи при академіи своего журнала. Въ первый разъ говорится объ этомъ въ ноябрѣ 1853 г. въ „се-

¹⁾ Знаменскій, вып. II, стр. 525—530.

кретномъ“ (по обыкновенію) распоряженіи оберъ-прокурора объ открытіи при академіи миссіонерскаго отдѣленія противъ раскола: академіи поручено было издавать въ этомъ смыслѣ журналъ, и на первый разъ представить соображенія объ его программѣ. Порученіе было исполнено: будущій журналъ былъ названъ „Православный Собесѣдникъ“ и программа его обнимала предметы догматическіе, правоучительные, исторію церкви, исторію и обличеніе раскола. Въ маѣ 1854 г., опять „секретно“, пришло отъ оберъ-прокурора разрѣшеніе журнала, и на изданіе его дозволялось употребить „заимообразно“ 1.000 р. изъ суммъ академіи. Въ августѣ того же года академическое правленіе постановило: учредить редакціонный комитетъ, пригласить профессоровъ къ сотрудничеству, усилить составъ цензурнаго комитета (!), извѣстить публику объ изданіи объявленіями, а также просить высшее начальство снабдить академію книгами до 1.700 названій, нѣсколько нужныхъ книгъ выписать изъ московской академіи и пр. Этимъ дѣломъ былъ очень заинтересованъ и архіепископъ казанскій, Григорій. Въ октябрѣ 1854 г. онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно сотрудниковъ: такъ какъ журналъ „назначенъ“ съ высочайшаго повелѣнія, то профессорамъ академіи предписывалось, чтобы каждый по своему предмету представлялъ ректору въ теченіе учебнаго года „не менѣе шести листовъ собственнаго своего сочиненія (именно листъ въ каждые два мѣсяца), въ такомъ совершенствѣ отдѣланные, чтобы могли быть съ честію и пользою отпечатаны“, — и въ исполненіи этого распоряженія со всѣхъ наставниковъ были даже взяты подписки.

Журналъ издавался сначала въ четыре книги въ годъ, а съ 1858 — въ двѣнадцать. Это сдѣлано было при ректорѣ Іоаннѣ, который хотѣлъ произвести въ изданіи и другое преобразование, а именно ему хотѣлось „вывести академическую науку изъ отвлеченной области въ область живой практики, сдѣлать ее положительной въ приложеніи къ жизни, и не духовной только, но и вѣйшей общественной, ибо начала религіозныя составляютъ основу всеобщей жизни народа“. Это было памятное время широкихъ готовившихся реформъ, и новому руководителю изданія казалось, что оно должно говорить свое слово по поводу тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые волновали тогда общество. Самъ арх. Іоаннъ много работалъ для „Православнаго Собесѣдника“ въ этой новой его формѣ и направленіи, и возбуждалъ другихъ ¹⁾.

¹⁾ Въ первыхъ же книжкахъ журнала за 1859-й годъ были помѣщены, напр., слѣдующія статьи: „Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ“

Но это было слишкомъ смѣло и необычайно, и въ мартѣ 1859 г. уже былъ полученъ синодальный указъ, гдѣ направленіе, принятое „Прав. Собесѣдникомъ“, найдено было несвойственнымъ духовному журналу, и въ статьяхъ его указывались „совершенно неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и такія явныя несообразности, которыя непріятно видѣть въ печати, особенно въ изданіи духовной академіи“. Слѣдовалъ рядъ примѣровъ и обличеній. Въ концѣ концовъ, редактору журнала, т.-е. ректору, и цензорамъ сдѣлано было замѣчаніе и самая цензура оригинальныхъ статей журнала переведена была въ московскій цензурный комитетъ. „Въ Москвѣ,—замѣчаетъ г. Знаменскій,—на стражѣ православія и строгой церковности въ мысляхъ и самыхъ выраженіяхъ духовной литературы недремлемо стоялъ тогда святитель московскій Филаретъ“. Указъ синода былъ тяжелымъ ударомъ для редакціи журнала. „Печальная судьба постигла его какъ разъ въ пору самаго пышнаго его расцвѣта и популярности, когда число его подписчиковъ доходило до самой высокой для духовнаго журнала цифры и когда гонораръ его сотрудникамъ возросъ до 100 р. за печатный листъ. Ректоръ Іоаннъ въ іюнѣ, когда все это выяснилось, дошелъ до такого душевнаго разстройства, что даже опасно захворалъ, и докторъ Скандовскій едва его отходилъ. Онъ и послѣ леченія долго страдалъ кровохарканіемъ и съ этого времени вовсе пересталъ заниматься наукой. Съ этого же особенно времени въ немъ постоянно замѣтна была какая-то тяжелая и гордая противъ всего озлобленность, продолжавшаяся почти до выхода его изъ академіи“.

Соловецкая бібліотека, какъ мы сказали, доставила массу матеріаловъ и вопросовъ для академическихъ ученыхъ. Историкъ академіи справедливо замѣчаетъ, что благодаря ихъ трудамъ, вызваннымъ памятниками Соловецкой бібліотеки, благодаря изданію этихъ памятниковъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, академическій журналъ занялъ видное мѣсто даже среди специально-историческихъ тогдашнихъ журналовъ. Кромѣ множества мелкихъ памятниковъ, здѣсь впервые изданы были многія обширныя произведенія древней русской литературы, какъ „Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго, сочиненія Максима Грека, Стоглавъ, Обличеніе ереси Косого—Зиновія Отенскаго, „Проскинитарій“ Арсенія Суханова, „Обличеніе на Соловецкую челобитную“ Крижанича, „Мечеть

людей“ Шапова, затѣмъ рядъ статей самого арх. Іоанна: „Нѣсколько словъ о вѣрѣ и народномъ просвѣщеніи въ Россіи“, „Общество и духовенство“, „Рожденіе Христа и возрожденіе человечества“, „Привѣтъ церкви и отечеству на новый годъ“, „Слово объ освобожденіи крестьянъ“...

духовный" и др. Къ этому присоединяется множество болѣе или менѣе крупныхъ изслѣдованій по исторіи русской церкви; подробное „Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря“¹⁾; наконецъ, множество трудовъ по исторіи церкви вообще, по исторіи русскаго раскола и по миссіонерству въ средѣ нашихъ инородцевъ, особливо мусульманскихъ.

Любопытно, что за послѣдніе годы возродилась опять и мысль о томъ, что духовный журналъ долженъ стоять ближе къ современнымъ интересамъ общества. Въ 1884 г., архіепископъ казанскій Палладій (потомъ экзархъ Грузіи, нынѣ митрополитъ с.-петербургскій) предложилъ совѣту академіи, для оживленія журнала, поручить изданіе не одному редактору, а, какъ было прежде, редакціонному комитету изъ трехъ лицъ, избираемыхъ профессорами академіи; мотивомъ было указано то, что пр. Палладій озабочивался тѣмъ, „чтобы издаваемый казанской академіей журналъ „Православный Собесѣдникъ“ не былъ только сборникомъ сухихъ ученыхъ статей и обширныхъ диссертаций, всегда имѣющихъ ограниченный кругъ читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже по преимуществу, живымъ печатнымъ органомъ, отвѣчающимъ на насущные вопросы изъ области текущей церковной и общественной жизни“²⁾.

„Печально и безславно прошлое академіи: таковъ долженъ быть выводъ изъ исторіи проф. Знаменскаго“,—такъ заключаетъ свои обвиненія авторъ упомянутой брошюры. Намъ это заключеніе представляется совершенной неправдой. Мы старались, на основаніи труда г. Знаменскаго, дать понятіе о судьбахъ казанской духовной академіи и нашъ выводъ былъ бы совсѣмъ иной. Самая книга кажется намъ весьма безпристрастной картиной исторической судьбы академіи и авторъ заслуживаетъ не осужденія, а похвалы, что не хотѣлъ дать обыкновеннаго панегирика, потому что такой панегирикъ бываетъ почти неизмѣнно преисполненъ исторической лжи. Самая судьба академіи могла иногда казаться печальной, и историкъ не долженъ скрывать этого, если не хочетъ говорить завѣдомой неправды. Читатель видѣлъ, однако, даже изъ нашего краткаго обзора, что это печальное въ жизни академіи всего чаще бывало дѣломъ тѣхъ общихъ условій, въ какихъ

¹⁾ Вышло, съ 1881, два тома и начало третьяго печатается теперь въ „Прав. Собесѣдникѣ“.

²⁾ Знаменскій, вып. II, стр. 625 и слѣд.; Терновскій, стр. 60—69.

находилось наше просвѣщеніе и духовное, и свѣтское; вмѣстѣ съ тѣмъ читатель могъ видѣть, что и среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при скудости матеріальныхъ средствъ, превышавшей иногда всякое вѣроятіе, дѣятели академіи были нерѣдко одушевляемы ревностными стремленіями къ исполненію своей задачи и внесли въ русскую науку не мало замѣчательныхъ трудовъ, которые вполне справедливо могутъ считаться исторической заслугой академіи для нашего просвѣщенія.

А. Пыпинъ.

ОБРЕЧЕННЫЯ

ИЗЪ Ф. КОПЕ.

1.—МАТЬ-КОРМИЛИЦА.

По случаю дождя, въ кафѣ провинціальный
Случилось мнѣ зайти. Съ поддѣлкою нахальной,
Нелѣпо жалкою, подѣ мавританскій стиль
(Хозяинъ публикѣ намѣревался пыль
Пустить въ глаза)—мнѣ былъ притонъ кафешантанный,
Интеллигенціей для отдыха избранный,
Противень. Предѣ большой эстрадой изъ досокъ
Виднѣлись зрителей подвыпившихъ фигуры:
Хлыщи дворянскіе, писцы изъ префектуры...
Умѣренный развратъ, расчетливый порокъ—
Что можетъ быть гнуснѣй, ужаснѣе, чѣмъ это?
А глупость каждаго пропѣтаго куплета,
А исполнители въ отрепьяхъ! Но когда
Я всталъ, чтобы уйти, явилась на эстрадѣ
Пѣвица новая, и я прочелъ во взглядѣ,
Въ улыбкѣ публики, что то была—звѣзда
И, безъ сомнѣнья, цѣль поползновеній грязныхъ
Со стороны кутиль. Пѣвица недурна
Была собою и—полуобнажена.
А видъ ея манерь задорно-гривуазныхъ,
Когда съ улыбкою раскланялась она,
У этой публики, развратной и вульгарной,
Исторгнувъ громкій крикъ: „Брависсимо! Шикарно!“—
И женщина, партеръ глазами обводя,

Запѣла, и ея безстыдное кривлянье
Собою вызвало восторга восклицанья.

Я всталъ, направаясь къ дверямъ. Но видъ дожда
Меня принудилъ сѣсть въ покинутой буфетной,
Казавшейся вдвойнѣ большой и непривѣтной.
И тутъ же дѣвочку въ промокшихъ башмакахъ,
Въ косынкѣ порванной увидѣлъ я—сестренку,
Иль няньку, съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ,
Завернутымъ въ тряпье и жалкую пеленку.
Не вѣрилось глазамъ... Возможно ль это? Какъ?
Ребенокъ принесенъ въ подобный часъ, въ кабакъ?
Но вотъ изъ смежнаго съ буфетомъ корридора
Открылась дверь, и я увидѣлъ предъ собой
Пѣвицу, чтѣ сейчасъ, предъ этою толпой,
Во всеоружіи являлася позора.
Теперь—поблѣвшая, безъ пудры, безъ румянъ,
Безъ пестрой мишуры и освѣщенья рампъ,
Она была иной, при тускломъ свѣтѣ лампы:
Исчезъ и связанный съ эстрадою обманъ.
Она вошла одна, поспѣшными шагами,
И осторожными, привычными руками
Взяла дитя, и съ нимъ присѣла въ сторонѣ,
У входа въ корридоръ, лицомъ почти къ стѣнѣ,
Разстегивая лифъ дрожащею рукою.

О, мать-кормилица! Я былъ передъ тобою
Неправъ. Въ паденіи, позорѣ и стыдѣ—
Ты одинаковой являешься вездѣ,
И материнство все собою искупило.
Вѣдь молоко твое ребенку нужно было
И ты для этого кормить себя должна.
Гетера въ обществѣ, бываешь ты одна,
Наединѣ съ собой лишь—матерью. И слава
Во-вѣки женщинѣ, сознавшей это право;
И какъ бы ни была душа ея мертва—
Оно пробудить въ ней хоть искру божества.

---

2. — НЕЧИСТЫЕ ЦВѢТЫ.

Былъ чудный день, и въ городскихъ садахъ
Кружилися и пѣли птицы звонко,
А факельщикъ, нетвердый на ногахъ,
Шелъ съ гробикомъ умершаго ребенка.

Онъ былъ одинъ. Никто, ничья рука
Малютки гробъ не убрала цвѣтами.
Ни зелени, ни скромнаго вѣнка,
Омытаго горячими слезами...

Печальный смыслъ угадывался тутъ:
Мать—дѣвушка, лежащая въ больницѣ,
Дитя—изъ тѣхъ, что словно мухи мрутъ
И сотнями хоронятся въ столицѣ.

Вдругъ женщина, съ любовникомъ своимъ
Гулявшая, смѣясь и болтая,
Прошла впередъ, за гробикомъ простымъ,
Его своимъ нарядомъ задѣвая.

Съ искусственнымъ румянцемъ на щекѣ,
Съ рѣсницами, что слишкомъ черны были,
Она несла, купивъ ихъ на лоткѣ,
Азали и желтые жонкили.

Не лишена природной доброты,
Несчастная ужъ сдѣлала движенье,
Чтобъ положить душистые цвѣты
На бѣдный гробъ,—но въ это же мгновенье

Ее инстинктъ невольный удержалъ.
Цвѣты ея упали въ пыль дороги,
А факельщикъ быстрѣе зашагалъ
По улицѣ—и гробъ исчезъ убогій.

Въ стыдѣ своемъ ты проблескъ чистоты
Хранишь въ душѣ: своей рукою грѣшной
Могла ль свои нечистые цвѣты
Ты возложить на этотъ гробъ безгрѣшный?

Свой блѣдный даръ обратно ты взяла,
 Когда въ тебѣ проснулось убѣжденье,
 Что мать его навѣрно бы сочла
 Обидою такое приношенье.

Но то дитя, предъ кѣмъ въ своихъ глазахъ
 Ты въ этотъ мигъ себя казнила строго, —
 Оно теперь давно на небесахъ
 И вымолить тебѣ прощеніе у Бога.

3. — БЛѢДНАЯ ЖЕНЩИНА.

Ее встрѣчалъ нерѣдко я
 На шумныхъ улицахъ столицы;
 У блѣлой мастерицы,
 Которую, какъ тѣнь ея,
 Жуиръ преслѣдовалъ упорно, —
 Былъ взоръ, свѣтившійся задорно.
 Какъ хороша была она
 И какъ божественно блѣдна!

Ее, въ сіяньѣ брилліантовъ
 И въ обществѣ блестящихъ франтовъ,
 Въ театрѣ видѣлъ я потомъ;
 Но съ измѣнившимся лицомъ,
 Съ большими впалыми глазами
 И утомленными чертами,
 Была по прежнему она
 Блѣдна, божественно блѣдна.

Въ лабораторіи столицы
 Ее вчера увидѣлъ я.
 Лежали темныя рѣсницы
 На мраморномъ лицѣ ея,
 Лицѣ ужасномъ, искаженномъ,
 Страданьемъ страшно измѣненномъ, —
 И какъ теперь была она
 Зловѣще, мертвенно блѣдна!

О. Михайлова.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

и

КУЛЬТУРА ЧАЯ ВЪ КИТАѢ.

Обработанныя пространства въ Срединной имперіи—будетъ ли то пашня, плантація, огородъ или садъ,—также своеобразны и характерны, какъ и все остальное въ этой любопытной странѣ. Особенно поражаютъ они насъ, русскихъ: въ нашей памяти невольно воскресаютъ родныя картины—безконечныя степи или лѣса, заливные луга, ельникъ на болотѣ и безграничный, безбрежный просторъ полей, съ разбросанными кое-гдѣ деревушками. Китайскій пейзажъ иной: лѣсовъ нѣтъ, нѣтъ и луговъ; поля же какъ будто принадлежать и обрабатываются лиллипутами—до того они малы, часто разграничены и пересѣчены миниатюрными канавками. Даже поверхностному наблюдателю видно, что здѣсь всякая пядь земли считается, тщательно эксплуатируется, цѣнится и приноситъ доходъ. Рядомъ съ такою экономіею, даже скупостью, замѣтна крайняя расточительность на землю: огромныя пространства ея непроизводительно теряются подъ обширными семейными кладбищами, могилами, дорогами и тропинками, которыя безпорядочно и безцѣльно между собою пересѣкаются и спутываются, образуя цѣлый лабиринтъ, не сокращающій, а удлинняющій путь. О просторѣ, по крайней мѣрѣ во внутреннемъ Китаѣ, нѣтъ и помину—все густо застроено и воздѣлано, и повсюду кипятъ люди. Людей такъ много, скученность ихъ такъ очевидна, что невольно задаешь себѣ вопросъ—какъ, гдѣ и чѣмъ они всѣ живутъ?

Скудость земли и чрезмѣрное населеніе принудили жителей Срединной имперіи ввести у себя интенсивную систему хозяйства и выработали въ китайскомъ земледѣльцѣ большую выносливость, трудолюбіе и способность приноравливаться къ обстоятельствамъ—качества поддерживающія его въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Китайскій земледѣлецъ хозяйничаетъ тамъ, гдѣ его западный собратъ и не рискнулъ бы взяться за соху. Для него, какъ мы увидимъ дальше, нѣтъ неудобной плохой почвы: онъ воздѣлываетъ склоны горъ и даже умудряется устроить поля на водѣ.

Служа главнымъ средствомъ пропитанія колоссальнаго населенія, земледѣліе пользуется здѣсь издавна значеніемъ и почетомъ. Въ главныхъ городахъ имѣются кумирни, посвященныя божеству земледѣлія, занимающему одно изъ первыхъ мѣстъ въ китайскомъ пантеонѣ. Земледѣлію оказывается офиціальное покровительство; ежегодно весною происходитъ торжественная церемонія вспахиванія земли самимъ богдыханомъ, примѣру котораго слѣдуютъ князья и сановники всей имперіи. Этотъ обрядъ, имѣющій глубоко символическое значеніе, долженъ служить доказательствомъ того, какъ высоко цѣнить трудъ земледѣльца глава государства и его сотрудники. Другое божество земледѣльца, пользующееся не меньшимъ почетомъ—великій Драконъ, податель дождя. Ему также приносятся умиловительныя жертвы самимъ монархомъ.

Крупныхъ землевладѣльцевъ и обширныхъ хозяйственныхъ предпріятій въ Китаѣ нѣтъ вовсе; почти вся площадь удобной земли раздѣлена между многими мелкими собственниками. Принадлежащіе имъ участки переходятъ обыкновенно отъ отца къ старшему сыну, обязанному уступить часть земли въ пользованіе другимъ членамъ семьи. Женатые сыновья не отдѣляются, а остаются жить въ своей семьѣ, которая такимъ образомъ постепенно увеличивается. Въ Китаѣ можно встрѣтить семьи, состоящія изъ четырехъ поколѣній, представители которыхъ живутъ въ одномъ домѣ и совмѣстно обрабатываютъ наслѣдственный кусокъ земли. Вообще желтокожій дорожитъ насыщеннымъ мѣстомъ не въ силу одной привычки; его привязываютъ къ родному участку могилы предковъ, которыя онъ обязанъ поддерживать, и на которыхъ совершаетъ ежегодное жертвоприношеніе; вотъ почему онъ только въ крайности разстается съ своею землею, предпочитая, въ случаѣ нужды, какъ-нибудь перебиться милостынею или заработкомъ въ другомъ мѣстѣ.

Правительственного контроля надъ способами обработки почти не существуетъ; въ крупныхъ селеніяхъ есть земледѣльческіе со-

вѣты, состоящіе изъ старыхъ, опытныхъ хозяевъ, слѣдящіе за тѣмъ, чтобы окрестные поселяне не отступали отъ традицій. Сельскіе старшины, завѣдывающіе хлѣбными магазинами, расположенными въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы мѣстные хозяева вносили слѣдующую съ нихъ часть зерна. Собираемое такимъ образомъ зерно поступаетъ въ общественное пользованіе во время голодовокъ ¹⁾).

Китайскою поземельною мѣрою считается „му“, равное 240 квадратнымъ шагамъ или „бу“. Одно „му“ составляетъ приблизительно $\frac{1}{18}$ часть нашей десятины. Сто „му“ образуютъ одинъ „цзынь“ или $5\frac{1}{2}$ русскихъ десятинъ. Пятьдесятъ „му“, т. е. меньше нашихъ 3 десятинъ, считается достаточнымъ надѣломъ средней семьи изъ пяти членовъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что выгонной или пастбищной земли, за немногими исключеніями, у мелкихъ собственниковъ не бываетъ. Размѣръ поземельной платы опредѣляется на 10 лѣтъ впередъ и вносится деньгами и хлѣбомъ (рисомъ, пшеницею, просомъ). Земля огородная, или находящаяся по близости большихъ городовъ и судоходныхъ рѣкъ, обложена болѣе высокимъ налогомъ. Недоимки—довольно рѣдкое явленіе и случаются лишь во время какихъ-нибудь общихъ бѣдствій, въ родѣ наводненія или пролета саранчи. Стоимость земли довольно высока; напр., въ провинціи Джили десятина обходится въ 150, 175 рублей. „Легче всего купить фунтъ чаю, и труднѣе всего—одно му земли“, гласитъ китайская пословица. Если китаецъ не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ собственникомъ, онъ обрабатываетъ землю на полувинныхъ условіяхъ или беретъ ее въ аренду, причемъ если плата высока—вступаетъ въ товарищество съ другими хозяевами.

Земледѣльческія орудія въ Небесной имперіи, изобрѣтеніе которыхъ исторія относитъ къ I-му вѣку до Р. Х., до-нельзя первобытны и дешевы. Кромѣ сохи, для обработки почвы употребляются мотыги, желѣзные лопаты и деревянные бороны съ желѣзными зубьями. Сверхъ того, для придавливанія разрыхленной почвы имѣются гладкіе и зубчатые каменные катки. Китайскія сѣялки, цѣпы (молотятъ также скотомъ), серпы, грабли и вилы—формою мало отличаются отъ тѣхъ, что употребляются нашимъ крестьянствомъ. Ихъ мельницы состоятъ изъ двухъ круг-

¹⁾ Кромѣ мелкихъ складовъ хлѣба, есть государственные магазины, куда свозится податной рисъ, поступающій въ государственный доходъ и идущій на содержаніе войскъ. Но такъ какъ въ Китаѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, практика далека отъ теоріи, то и въ данномъ случаѣ злоупотребленія, т. е. незаконная продажа зерна, взысканіе и хищенія совершенно извратили основную мысль этого установленія.

лыхъ жернововъ, приводимыхъ въ движеніе животнымъ. Вѣтряныхъ мельницъ китайцы не строятъ.

Отсутствіе пастбищъ позволяетъ земледѣльцамъ содержать лишь самое необходимое число скота, и владѣлецъ пары муловъ или буйоловъ считается состоятельнымъ хозяиномъ. Во многихъ мѣстностяхъ рабочій скотъ съ успѣхомъ замѣняютъ люди, содержаніе которыхъ обходится дешевле корма четвероногихъ. Въ полѣ зачастую можно увидѣть крестьянина, пахущаго на женѣ или наложницѣ, впряженной въ ярмо рядомъ съ муломъ или осломъ. Для полевыхъ работъ употребляются мулы, коровы, и на югѣ—буйволы. Лошадь и верблюдъ составляютъ достояніе Монголіи и сѣверо-западныхъ областей. Монголія и Манчжурія богаты рогаатымъ скотомъ, который размножаютъ не только ради мяса и кожъ, но также ради молока. Китайцы же не имѣютъ понятія о молочномъ хозяйствѣ и съ отвращеніемъ смотрятъ на людей, потребляющихъ молоко. На сѣверѣ разводятся также козы, шкуры которыхъ употребляются для одежды, и овцы съ курдюками (хвостовые наросты). Ихъ размножаютъ ради шерсти, которую снимаютъ довольно варварскимъ способомъ: ее не стригутъ, а вырываютъ при помощи инструмента въ формѣ руки. Роскошною, волнистою шерстью славятся тибетскіе бараны, шкуры которыхъ привозятся и къ намъ въ Россію и идутъ на выдѣлку дамскихъ ретондъ.

Въ числѣ домашнихъ животныхъ, разводимыхъ въ Китаѣ, видное мѣсто занимаетъ свинья. Природа снабдила китайскую свинью черною щетиною, очень низкими ногами и длиннѣйшими ушами. Мясо ея, подъ всевозможными приправами, считается наиболѣе лакомымъ блюдомъ, хотя по качеству оно несравненно хуже нашей свинины. Въ городахъ употребленіе свинины сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, въ виду того, что это животное питается исключительно экскрементами и отбросами. Въ составѣ каждаго, зажиточнаго хозяйства непременно фигурируетъ домашняя птица—куры, гуси и утки; послѣднихъ китайцы умѣютъ выводить искусственнымъ образомъ. Индеекъ мнѣ не приходилось встрѣчать.

Мѣстомъ родины китайской лошади считается Монголія и сѣверо-западные области. Оттуда табуны лошадей ежегодно пригоняются въ застѣнный Китай для ремонта китайской кавалеріи (какъ подать) и для продажи. Почти у всѣхъ монгольскихъ лошадей разрываны уши и ноздри. Разрываніе ноздрей производится для увеличенія дыхательной способности коня. Что же касается разсѣченія ушей, то это обыкновеніе введено въ царствованіе богдыхана Канси, открывшаго, что подобная опе-

рація будто предохраняетъ отъ молніи. Какъ бы то ни было, но разсѣченіе ушей не способствуетъ украшенію чумазыхъ, обросшихъ длинною шерстью лошадокъ. Впрочемъ, несмотря на малый ростъ и невзрачность, монгольскій конь рѣзовъ и выносливъ. Въ сѣверномъ Китаѣ лошадей куютъ на обыкновенныя желѣзные подковы, только значительно тоньше и меньше нашихъ, — на югѣ же ихъ совсѣмъ не куютъ. Способъ ковки довольно оригиналенъ: лошадь поднимаютъ на блокахъ, прикрѣпленныхъ къ деревяннымъ столбамъ, и куютъ въ висячемъ положеніи. Эта процедура объясняется тѣмъ, что большинство монгольскихъ лошадей обладаютъ дикимъ и злымъ нравомъ и не подпускаютъ близко человѣка. Кормятъ лошадей и другую скотину рубленною соломою съ ячменемъ, отрубями, кукурузою, просомъ и черными бобами. Сѣно совсѣмъ не употребляется для корма. Китайцы, выказывающіе полнѣйшее невѣжество при леченіи людей, остаются вѣрными себѣ и въ ветеринарномъ искусствѣ. Пользуя животныхъ, они употребляютъ два средства—кровопусканіе и акупунктуру. При ушибахъ, вмѣсто охлажденія, кладутъ горячія припарки и вообще поступаютъ какъ разъ наоборотъ тому, что мы привыкли дѣлать.

Желтокожіи вынуждены, благодаря недостатку земли, придерживаться плодоперемѣнной системы хозяйства, и надо воздать ему должное—онъ съ ничтожными средствами достигаетъ удивительныхъ результатовъ. Секретъ китайской обработки, кромѣ тщательности и старанія, кроется въ искусномъ орошеніи и умѣломъ удобреніи. Китаецъ, для полученія удобренія, пользуется рѣшительно всѣмъ, не пренебрегая такими отбросами, которые у насъ и не придетъ въ голову употреблять въ дѣло. Кромѣ помета животныхъ, птицъ, шелковистыхъ червей ¹⁾ и экскрементовъ и урины человѣка, занимающихъ первое мѣсто въ ряду удобрительныхъ веществъ, китайскій хозяинъ утилизируетъ золу, обрѣзки и остатки овощей, опилки, илъ, пласты дерна, листья, корни, всевозможную падаль, гнилую рыбу, кости, щетину, остатки волосъ отъ стрижки и бритья и массу иныхъ самыхъ неожиданныхъ веществъ. Все это собирается на улицахъ и дорогахъ членами семьи земледѣльца, обыкновенно стариками и дѣтьми и многочисленными спеціалистами, образующими особая артели.

Подобныхъ мусорщиковъ, съ корзинкою или кадкою за спиною и съ длиннымъ черпакомъ въ рукѣ, можно встрѣтить во

¹⁾ Пометъ лошадей, муловъ, верблюдовъ—употребляется китайцами какъ топливо и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ на удобреніе.

всякое время дня и ночи. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ на дорогахъ, собирая никому непринадлежащее; другіе заходятъ въ дома и за скромное вознагражденіе наполняютъ свою тачку. Усердіе этихъ субъектовъ подчасъ поразительно; нерѣдко цѣлую версту бѣжить собиратель за муломъ или за лошадей, ожидая заслуженной награды. Рачительные хозяева, земля коихъ расположена близъ дороги, ставятъ недалеко отъ нея небольшое „*bien-retiro*“ съ надписью, приглашающею прохожихъ остановиться и доставить владѣльцу земли удовольствіе, которое имъ ничего не стоитъ. Собранный навозъ высушивается на солнцѣ и затѣмъ обращается въ пудретто, которое, когда наступаетъ время удобрить поле, складывается на немъ небольшими кучками и затѣмъ смѣшивается съ мелко-разрыхленную почвую.

Кромѣ этого удобрения, у землевладѣльцевъ Срединной имперіи въ большомъ ходу удобреніе компостное. Во дворѣ каждой зажиточной фанзы имѣется обложенная кирпичомъ или обмазанная глиною яма, въ которой заготавливается компостъ. Туда валяютъ помои и всевозможные густые отбросы, получаемые въ хозяйствѣ, и изрѣдка всю эту массу, издающую зловоніе, не ощущаемое китайскими привыкшими носами, переворачиваютъ вилой. Для ускоренія разложенія, въ компостъ иногда подбавляютъ извести, а въ сухое время поливаютъ водою. Въ городахъ, по сторонамъ дороги вырыты такія же компостныя ямы, не мало способствующія зараженію воздуха. Весною ямы очищаются и содержимое ихъ поступаетъ на заводы, приготовляющіе удобрение; такія ямы есть въ окрестностяхъ почти всякаго города или большого села.

Послѣ неглубокой вспашки, удобрения и бороньбы, поле укатывается катками. Всѣ хлѣбные злаки высѣваются рядами; такой способъ даетъ больше простора корнямъ и позволяетъ земледѣльцу контролировать ростъ растений, вспахивая уплотнившуюся землю и вырывая сорныя травы. Рисъ сѣется очень густо на небольшомъ пространствѣ и затѣмъ пересаживается въ поле, увлажненное до состоянія болотистости. Для вызрѣванія этого растенія требуется стодневный періодъ, послѣ чего его выжуютъ въ снопы и молотятъ, ударяя о стѣнку большого чана.

II.

Послѣ удобрения, усилія земледѣльца направлены на своевременное и обильное орошеніе. Въ этомъ отношеніи китаецъ мало походитъ на рассчитывающаго исключительно на небесную воду

безпечнаго русскаго человѣка, борьба котораго съ засухою заключается лишь въ почесываніи затылка. Чтобы имѣть воду подъ рукою, желтокожій роетъ колодцы, каналы и водоемы и устроиваетъ всевозможныя водоподъемныя машины. Въ прежнее время наилучшею системою ирригаціи пользовался средній Китай, гдѣ въ X вѣкѣ была проведена цѣлая сеть большихъ и малыхъ каналовъ. Къ сожалѣнію, подобно всѣмъ капитальнымъ сооруженіямъ былаго времени, эти каналы представляютъ одни жалкіе остатки прежняго величія. Даже Императорскій каналъ, проведенный, чтобы служить торговою артеріею между сѣверомъ и югомъ, совершенно засоренъ и негоденъ къ плаванію.

Если поле, подлежащее орошенію, лежитъ выше уровня воды въ каналѣ или рѣкѣ,—желтокожій устраняетъ это затрудненіе, устроивая водоподъемныя машины и водокачки. Простѣйшій способъ накачиванія воды слѣдующій: къ плетенуому ведру (у китайцевъ нѣтъ металлическихъ ведеръ) прикрѣпляютъ пару веревокъ, за которыя берутся два человѣка, и раскачиваютъ ведро такъ, чтобы оно зачерпывало воду въ рѣкѣ или въ каналѣ и затѣмъ опрокидывалось въ желобъ, проведенный въ поле. Для подъема воды пользуются также цѣпью съ черпаками, которая движется конною тягою или людьми.

Когда по близости нѣтъ ни рѣки, ни канала,—роютъ колодезь, причемъ для опредѣленія мѣста нахожденія подземнаго источника приглашается гадальщикъ или колдунъ. Послѣдній вообще играетъ видную роль у китайцевъ, эксплуатируя въ свою пользу легковѣріе, невѣжество и суевѣріе, изъ которыхъ соткано міровоззрѣніе и характеръ не только простолюдина, но и китайскаго образованнаго человѣка, изучившаго классиковъ ¹⁾. При орошеніи поля, т.-е. при выпускѣ воды, земледѣлецъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы напоръ струи не уносилъ съ него удобренія. Во избѣжаніе этого, всѣ поля бывають разбиты на небольшіе четырехугольники, назы-

¹⁾ Эти субъекты опредѣляютъ благопріятное мѣсто или такъ называемый „фынь-шуй“ (вѣтеръ-вода) не только для рытья колодца, но также для постройки дома, разбитія сада, устройства кладбища и т. д. Фынь-шуй опредѣляется на основаніи расположенія мѣстности, направленія теченія рѣки или потока, заворота дороги, геологическаго строенія почвы и тому подобныхъ признаковъ. Если фынь-шуй почему-либо былъ опредѣленъ ошибочно, т.-е. для даннаго хозяйства пришли въ разстройство или въ домъ случилось несчастіе, хозяинъ отыскиваетъ новый фынь-шуй и, найдя такой, разбираетъ домъ и переноситъ его на другое мѣсто. Изъ-за фынь-шуя возникаетъ также не мало недоразумѣній между китайцами и европейцами, которые будто бы отнимаютъ его у данной мѣстности неумѣльнымъ расположеніемъ и вышнюю своихъ зданій. Особенно возстаютъ китайцы противъ высокихъ католическихъ соборовъ и двухъ-этажныхъ домовъ.

ваемые „ци“, раздѣленные маленькими земляными насыпями такъ, чтобы вдоль нихъ проходила оросительная канавка. Когда нужно увлажнить поле, въ канаву впускаютъ воду и затѣмъ послѣдовательно наполняютъ ею всѣ четырехугольники.

Стремясь извлечь выгоду по возможности изъ всякой почвы, граждане Срединной имперіи устраиваютъ поля на склонахъ горъ. Послѣднія перекапываются террасами въ горизонтальномъ, слегка возвышающемся направленіи и ограждаются каменными заборчиками. Если почва камениста, трудолюбивый китаецъ натаскиваетъ земли изъ долинъ. При устройствѣ горнаго поля, онъ соображается съ положеніемъ и направленіемъ ключей, воду которыхъ утилизируетъ для орошенія террасъ; если же послѣднія прерываются оврагами или расщелинами, препятствующими естественному стоку воды, черезъ нихъ перебрасываются легкіе бамбуковые желоба, и по нимъ вода безпрепятственно сбѣгаетъ съ одной террасы на другую. Издалека гора, изрытая террасами, покрытыми растительностью, имѣетъ видъ зеленой стѣны.

Желтый земледѣлецъ извлекаетъ выгоду изъ сыпучихъ песковъ, обращая ихъ въ плодородную землю путемъ орошенія и уплотненія, чтѣ достигается разведеніемъ особаго рода корнеплоднаго растенія, образующаго необходимый перегной. Но особенно рельефно проявляется старательность и прилежаніе китайскаго земледѣльца въ устройствѣ огородовъ. Аккуратныя грядки, переѣченные канавками и засѣяныя разнообразными овощами, среди которыхъ преобладаютъ лукъ, чеснокъ, сладкій картофель и капуста, могутъ возбудить зависть самаго требовательнаго европейскаго огородника. Для увеличенія производительности огородной земли, китайцы обильно поливаютъ ее жидкимъ удобреніемъ, и близость огорода чувствуется поэтому издалека. Почти всѣ китайскіе овощи вырастаютъ болѣе въ длину, чѣмъ въ толщину; нѣкоторымъ овощамъ, напр. огурцамъ, часто искусственно придается удлинненная форма черезъ подвязываніе къ нимъ какой-нибудь тяжести. Относительно вкуса китайскія овощи нельзя поставить высоко; всѣ онѣ отличаются чрезмѣрною прѣсною и водянистостью.

Въ плодоводствѣ желтокожіе могли бы, при благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ своей страны, достигнуть блестящихъ результатовъ, но, благодаря рутинѣ и невѣжеству, плоды, получаемые въ Небесной имперіи, довольно посредственнаго качества. Ягодъ въ Китаѣ совсѣмъ не растетъ, а изъ плодовъ довольно пріятны на вкусъ груши, абрикосы, персики, сливы и виноградъ, ввезенный, какъ говорятъ, іезуитами. Вино-

градъ идетъ только въ пищу; имъ не пользуются для приготовленія вина, которое китайцы замѣняютъ плохо перегнанными хлѣбными водками, напоминающими нашу сивуху. Въ южномъ Китаѣ растутъ въ дикомъ видѣ всевозможные тропическіе фрукты, какъ-то бананы, финики, ананасы, манго и другіе.

Около большихъ рѣкъ и озеръ, гдѣ земля дорога, а население густо, подданные богдыхана устраиваютъ такъ называемые пловучіе поля и огороды. Это не чтѣ иное, какъ большіе бревенчатые плоты или плетенки изъ ивовыхъ прутьевъ, съ загнутыми краями. Плоты покрываются иломъ со дна рѣки, удобряются и засѣваются. Рядомъ съ такимъ полемъ, въ лодкѣ помѣщается его владѣлецъ съ семьей, скарбомъ, домашнею птицею, а если позволяетъ мѣсто—съ парочкою свиней или барановъ. Преимущество пловучаго поля — въ его подвижности и въ томъ, что оно не боится засухи. Такимъ образомъ, въ рукахъ китайца самыя плохія почвы становятся производительными; на болотѣ онъ сѣетъ рисъ, на сухой землѣ разводитъ кунжутъ и хлопчатникъ. Даже дно рѣкъ, болотъ и озеръ несетъ ему свою дань въ видѣ водяныхъ каштановъ, считаемыхъ лакомымъ блюдомъ въ Китаѣ.

Кромѣ всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ хлѣбныхъ злаковъ, Среднняя имперія производитъ индиго, сахарный тростникъ, восковое дерево и множество иныхъ растений. Въ странѣ культивируется въ обширныхъ размѣрахъ макъ, ради добываемаго изъ него національнаго курева, тутовое дерево, дающее кормъ шелковичнымъ червямъ, и жень-шенъ — корень, растущій также въ дикомъ видѣ и высоко цѣнимый китайцами за его цѣлебныя свойства. Но главнѣйшее изъ китайскихъ растений, какъ по всемірной извѣстности, такъ и по доставляемой имъ выгодѣ, есть чай ¹⁾.

Чайное деревцо принадлежитъ къ роду камелій и растетъ между 23 и 35 градусами широты. Сѣмя чайнаго дерева даетъ на первый годъ маленькій ростокъ съ нѣсколькими листьями, который на третій годъ достигаетъ высоты 3—5 футовъ, послѣ чего пересаживается на плантацію. Деревцо имѣетъ глянцовитые темно-зеленые листья и небольшіе, скоро опадающіе, бѣлые цвѣты. Всѣхъ сборовъ листа бываетъ не больше четырехъ, причемъ лучшій чай получается изъ нѣжныхъ листиковъ перваго сбора. Въ культурѣ чая преобладаетъ обще-китайская система мелкихъ, дроб-

¹⁾ Несмотря на мѣры, принимаемыя китайскимъ правительствомъ для поддержанія чайнаго дѣла, вывозъ чая изъ страны уменьшается, отступая передъ конкуренціею индійскихъ и цейлонскихъ чаевъ (хотя и худшаго качества, но болѣе дешевыхъ), захватывающихъ съ каждымъ годомъ большее число рынковъ.

ныхъ хозяйствъ, и самостоятельнымъ плантаторомъ считается владѣлецъ нѣсколькихъ десятковъ кустовъ.

Изъ рукъ мелкихъ плантаторовъ чайная жатва переходитъ къ скупщикамъ-фабрикантамъ, которые, объѣздивъ извѣстный районъ и скупивъ нѣсколько партій чая, направляютъ ихъ въ свои чайныя заведенія. Здѣсь, при помощи нечистоплотныхъ, но расторопныхъ кули и крайне первобытныхъ снарядовъ, чайный листъ проходитъ чрезъ многочисленныя манипуляціи. Привнесенный изъ горъ, гдѣ преимущественно расположены плантаціи, онъ сваливается на циновки, во дворъ или въ сараѣ такъ называемой фабрики (въ сущности—обыкновенной фанзы) и, прежде всего, подвергается прессованію, т.-е. голые рабочіе топчутъ его ногами. Брезгливому человѣку лучше не смотрѣть на эту операцію, ибо онъ, пожалуй, почувствуетъ отвращеніе къ чаепитію. Ноги вообще не особенно чистоплотная часть тѣла; а тѣмъ болѣе ноги китайскихъ куліевъ, покрытыя грязнымъ пдгомъ и нерѣдко струпами и болячками, образующимися отъ дѣяго сока, выжимаемаго изъ сырого листа.

Размятые и потемнѣвшіе листья складываются въ корзины и въ теченіе нѣсколькихъ дней оставляются для броженія, послѣ чего сушатся на солнцѣ. Такъ какъ, подсохнувъ, листики свертываются въ трубки довольно неравномѣрной величины и формы, то для приданія болѣе однообразнаго вида, ихъ вновь подвергаютъ ножному прессованію. Затѣмъ слѣдуетъ сортировка, состоящая изъ послѣдовательнаго просѣиванія чая черезъ рѣшета разной величины, причемъ листки меньшаго формата, и слѣдовательно болѣе молодые, образуютъ высшій сортъ, листки покрупнѣе—второй, и т. д. Кромѣ того весь чай пропускается чрезъ вѣялку и очищается руками отъ сора, корешковъ и посторонней примѣси. Окончательное поджариваніе чая надъ углями, предшествующее его укупоркѣ въ свинцовые и затѣмъ деревянные ящики, требуетъ большой зоркости и опытности, ибо чай легко пережарить, и тогда онъ теряетъ всѣ свои качества.

Только пройдя черезъ всѣ эти мытарства, получается знакомый намъ по цвѣту, вкусу и аромату черный чай. Этотъ чай, а равно прессованные низшіе сорта — плиточный и кирпичный, не потребляются въ самомъ ¹⁾ Китаѣ и составляютъ предметъ вывоза. По китайскимъ понятіямъ, всякій сушеный листъ и даже

¹⁾ Монголы и сибирскіе инородцы, пьющіе кирпичный чай, варятъ его съ масломъ, молокомъ, солью и другими ингредиентами; получается гадкая, неаппетитная бурда, могущая удовлетворить развѣ дикаго номада.

травы, часто ничего общаго не имѣющіе съ чайнымъ деревомъ, съ прибавкою какихъ-нибудь душистыхъ цвѣтовъ, напр. жасмина или розы, есть чай. Другая особенность китайскаго чая—та, что онъ не поджаривается. Такой чай, будучи заваренъ по китайскому рецепту, имѣетъ палевый цвѣтъ, довольно непріятный, специфическій запахъ и почти никакого вкуса (его пьютъ безъ сахара). Чай, приготовленный по-европейски, кажется желтокожимъ непріятнымъ; онъ и не можетъ казаться инымъ—людямъ съ столь оригинальными вкусами.

Главнѣйшимъ центромъ чайнаго дѣла служитъ портъ Ханькоу на Янцекіангѣ. Этотъ крупный торговый пунктъ, подобно нашему Нижнему во время ярмарки, принимаетъ свою настоящую физиономію во время чайнаго сезона. Европейскій кварталъ наполняется тогда массою пріѣзжихъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ чаю, и жизнь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль доходитъ до высшей степени напряженія. Маклера, компраторы ¹⁾, коммиссіонеры всѣхъ національностей—послѣдніе съ пробами чая, —мечутся отъ одной фирмы къ другой, споря объ установленіи цѣнъ и объ открытіи рынка. Титестеры ²⁾ пробуютъ чай, а представители фирмъ торгуются съ капитанами пароходовъ изъ-за фрахта. Повсюду хлопоты, шумъ и лихорадочная суета. Рѣка, заставленная и океанскими пароходами, среди которыхъ виднѣется и нашъ доброволецъ, и китайскими лодками съ чайными ящиками, представляетъ также довольно оживленную картину. Каждый изъ этихъ морскихъ гигантовъ спѣшитъ скорѣе наполнить трюмы и раньше другихъ уйти въ Европу. Визгъ лебедокъ сливается съ монотонными криками голыхъ кули, таскающихъ чайные ящики, и съ окликами лодочниковъ. И всѣ эти мученики чайнаго дѣла хлопчутъ и мечутся въ раскаленной и въ тоже время сырой атмосферѣ, не находя покоя даже ночью, когда къ жару присоединяются міриады комаровъ и мошекъ.

Въ Ханькоу издавна существуетъ нѣсколько русскихъ коммиссіонерскихъ фирмъ, ведущихъ довольно крупныя дѣла. Наши чайныя фирмы есть ³⁾ также въ Фучжоу, Тяньцзинѣ и Калганѣ; онѣ являются въ послѣднихъ двухъ пунктахъ коммиссіонерами по отправкѣ караваннымъ путемъ. Караваны верблюдовъ, нагружен-

¹⁾ Китайцы-посредники, состоящіе при всѣхъ крупныхъ торговыхъ домахъ и банкахъ.

²⁾ Пробующіе чай, эксперты, опредѣляющіе качество чаевъ; ремесло это довольно прибыльно, но вредно отзывается на здоровьи, разстроивая нервы.

³⁾ Въ настоящее время ихъ пять. Всего же русскихъ въ Ханькоу—около 35 человекъ.

ныхъ преимущественно плиточнымъ и кирпичнымъ чаями, направляются изъ Тунчжоу (туда чай доходятъ на лодкахъ по рѣкѣ Пейхо), черезъ города Дунъ-Ба, Калчанъ и Ургу въ Кяхту. Этотъ длинный путь описанъ столько разъ и столькими путешественниками, что прибавить къ сказанному нечего. Къ сѣверу отъ Калгана разстилается дикая, безжизненная пустыня, безводная и безлѣсная, съ разбросанными кое-гдѣ грязными юртами, въ которыхъ ютятся номады, жалкіе потомки монголовъ. По этой-то пустынѣ, наводящей тоску и отчаяніе на всякаго, вереницами тянутся тысячи верблюдовъ нагруженныхъ чаемъ и другими товарами ¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о китайскихъ садахъ. Китайцы не любятъ гулять, и эта не-любовь къ гулянью сказалась въ устройствѣ ихъ садовъ, которые даже не располагаются вовлѣ дома, а устроиваются гдѣ-нибудь за городомъ, въ родѣ дачи, но безъ дома для житія. Широкія тѣнистыя аллеи, эффектные просѣки и перспективы, съ сочетаніемъ разныхъ тоновъ зелени, газоны и цвѣтники, однимъ словомъ—все, чтò по нашему составляетъ красу сада или парка, въ глазахъ желтокожихъ гражданъ является совершеннымъ уродствомъ и признакомъ варварскаго вкуса. Въ китайскихъ садикахъ перспектива закрыта поворотами и зигзагами мощеныхъ дорожекъ. Обѣ аллеяхъ или газонахъ нѣтъ и помину; трава гладко выщипана или растетъ какъ попало. Цвѣтники и клумбы совершенно отсутствуютъ, а изъ цвѣтовъ, до которыхъ желтокожіе большіе охотники, особеннымъ предпочтеніемъ пользуются—піонъ, кривантемы, гарденіи, и также цвѣты персиковые и вишневые,—всѣ они растутъ въ горшкахъ, установленныхъ вдоль дорожекъ или въ теплицахъ.

Изуродованныя (искусственно задержанныя въ ростѣ) деревья, лабиринты подстриженныхъ кустиковъ, затѣйливые мостики, перекинутые черезъ ручейки, миниатюрные акваріумы и пагоды, искусственные скалы и пещеры, и тамъ и сямъ развѣшенные таб-

¹⁾ Для этихъ громадскихъ четвероногихъ, путь чрезъ Гоби есть по истинѣ скорбный путь, на которомъ значительная часть ихъ гибнетъ отъ изнуренія. Несмотря на толстый веревочный потникъ, верблюды натираютъ себѣ спины до кости. Образуются язвы, въ которыхъ начинается гниеніе и заводятся черви. Ступни ногъ верблюда трескаются отъ ходьбы по раскаленному песку и камнямъ. Если больной верблюдъ начнетъ приставать или ложится, его бросаютъ въ пустынь въ добычу волкамъ и коршунамъ. Если же верблюдъ еще достаточно крѣпокъ, монголы валятъ его на землю, сшивають трещины на ногахъ, срѣзають и выскребивають гнилое мясо со спины и, наваливъ вьюкъ, заставляютъ идти съ караваномъ, пока несчастное животное не падетъ окончательно.

лички съ глубокомысленными изреченіями, въ родѣ: „уважайте генія сего мѣста“, или: „вино веселитъ сердце, а ученіе просвѣщаетъ умъ“ — таковъ долженъ быть садъ, чтобы заслужить одобреніе китайца. Сюда онъ пріѣзжаетъ пикиномъ въ компаніи пріятелей — повалякать, почифаниъ (пообѣдать), выпить нѣсколько десятковъ чашекъ безвкуснаго чая и выкурить множество трубокъ съ плохимъ табакомъ...

П. Коростовецъ.

Пекинъ, 30-го августа.

Н. А. Ж—ой.

Если счастье, какъ солнце, взойдетъ надъ тобой лучезарно,—
Я желалъ бы пожить, чтобы видѣть твое торжество;
И была бы ты мнѣ за участие мое благодарна,
Но могла бь обойтись безъ него.

Если—Боже, избави!—ты встрѣтишь невзгоды и горе,—
О, я жить бы хотѣлъ, чтобъ помочь тебѣ въ трудной борьбѣ;
Ты защиту нашла бы во мнѣ, твоей вѣрной опорѣ;
Расточалъ бы я ласки тебѣ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

1892 г.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ

Окончаніе.

III *).

Въ Ренанѣ мы видимъ рѣдкое сочетаніе качествъ, необходимыхъ для историка-мыслителя: тонкій и глубокій умъ, искусство психологическаго анализа, обширныя научныя знанія, способность къ точнымъ, положительнымъ изслѣдованіямъ, привычку къ строгой научной критикѣ, скептическій философскій взглядъ на міръ и—last not least—блестящій даръ изложенія, эстетическій вкусъ въ группировкѣ и обработкѣ матеріала. Ренанъ съ поразительною легкостью и изяществомъ носилъ подавляющее бремя многосторонней учености. Въ молодости, какъ мы знаемъ изъ его воспоминаній, онъ съ любовью занимался математикою и увлекался естественными науками, отчасти подъ вліяніемъ своего друга Берклѣ; это дало извѣстную „позитивную“ окраску его позднѣйшему міросозерцанію. Въ то же время онъ въ совершенствѣ владѣлъ и распоряжался огромнымъ балластомъ средневѣковой схоластики, старой и новой богословской литературы, былъ знатокомъ классической древности, отличался начитанностью въ области философіи и былъ, наконецъ, однимъ изъ лучшихъ специалистовъ по языкамъ тѣхъ именно восточныхъ народовъ, исторія которыхъ его наиболѣе занимала. Можно ли представить себѣ болѣе полное совмѣщеніе разнообразныхъ условій для плодотворныхъ историческихъ изслѣдованій?

Прежде всего, какъ историкъ-философъ, Ренанъ долженъ былъ выработать извѣстную „философію исторіи“; онъ не могъ, конечно,

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 332 и сл.

довольствоваться простымъ анализомъ и освѣщеніемъ фактовъ, а долженъ былъ стремиться къ извѣстнымъ теоретическимъ обобщеніямъ и выводамъ, чтобы очистить путь къ тому широкому синтезу, который является результатомъ и вѣнцомъ анализа. Въ этомъ отношеніи, однако, мы замѣчаемъ у Ренана странный, почти необъяснимый пробѣлъ. Въ своихъ историческихъ трудахъ онъ старательно анализируетъ и освѣщаетъ событія, даетъ отдѣльныя яркія характеристики и картинки, высказываетъ мимоходомъ остроумныя замѣчанія и дѣлаетъ неожиданныя сопоставленія; но у него нѣтъ определенной „философіи исторіи“, или, если она есть, то лишь въ неясныхъ, едва уловимыхъ очертаніяхъ. Въ предисловіи къ первому тому своей „Histoire du peuple d'Israël“ онъ говоритъ между прочимъ, что исторію евреевъ и грековъ можно назвать „провиденціальною“, потому что ихъ роль „какъ бы отмѣчена въ высшемъ планѣ, господствующемъ надъ колебаніями ихъ дѣйствительной повседневной жизни“. Въ чемъ заключается этотъ общій планъ исторіи, имѣетъ ли онъ провиденціальныя характеристики или зависитъ отъ естественныхъ, реальныхъ условий историческаго развитія народовъ,—объ этомъ основномъ, фундаментальномъ вопросѣ нѣтъ дальнѣйшихъ, болѣе точныхъ разъясненій у Ренана.

Повидимому, Ренанъ не придаетъ большого значенія теоретическому спору о методахъ и цѣляхъ историческаго изученія. „Исторія, — по его словамъ, — допускаетъ крайнее разнообразіе методовъ и даетъ мѣсто совершенно различнымъ способамъ изложенія. Начиная отъ самой отвлеченной теоріи, лишь бы она не была химерична, и кончая подробнѣйшимъ рассказомъ, лишь бы онъ былъ точенъ,—все имѣетъ свою цѣну и достоинство, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы прослѣдить безконечную цѣпь причинъ, имѣющую свое послѣднее звено въ настоящемъ. Если разсматривать движущуюся поверхность моря на небольшомъ пространствѣ, то можно принять это движеніе за случайную, беспорядочную смѣну частицъ, не поддающуюся никакому общему закону; но, расширивъ кругъ наблюденія, мы видимъ, что зыбь образуетъ волны, которыя соединяются въ волны болѣе значительныя; наконецъ, когда мы будемъ имѣть возможность обнять своимъ взоромъ всю совокупность водъ океана, мы замѣтимъ морскіе приливы и отливы, неодолимыя морскія теченія, переносящія отъ одного полюса до другого гигантскія массы. Такъ же точно въ исторіи смѣсь различныхъ событій, образующихъ ткань человеческихъ дѣлъ, кажется вначалѣ лишь беспорядочнымъ сплетеніемъ страстей и интересовъ, въ которомъ трудно уловить общее

движеніе. Но существованіе и формула этого движенія открываются тому, кто имѣетъ предъ собою болѣе широкую картину цѣлаго. Исторія — не геометрія, съ ея непреклонностью; она также не голый продуктъ человѣческой свободы и не игра слѣпого случая; она направляется глубокими основаніями, но эти основанія примѣняются людьми. Комедія этого міра—въ одно и то же время божественная и человѣческая. Одинаково существенно показать игру личностей и игру формулъ; исторія теоретическая и исторія повѣствовательная пополняютъ себя взаимно; одна предполагаетъ другую, и между ними нѣтъ ни противоположности, ни противорѣчія“. Ренанъ высоко ставитъ Гизд, который пытался установить общую формулу движенія европейской исторіи; но всѣ симпатіи Ренана—на сторонѣ Огюстѣна Тьерри, какъ историка-повѣствователя. У Гизд,—говоритъ онъ,—мы находимъ „законы, разсужденія, абстракціи, все вещи вполнѣ реальныя (ибо въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что абстракціи управляютъ міромъ), но не составляющія всей дѣйствительности. Напротивъ, Тьерри изображалъ понятныя намъ чувства и страсти, волновавшія прежнихъ людей; онъ видѣлъ въ исторіи борьбу свободныхъ дѣятелей, и высшимъ закономъ его была человѣческая природа; поэтому онъ былъ великимъ философомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова ¹⁾.—Сравненіе морскихъ волненій съ шумнымъ ходомъ исторіи должно бы привести совсѣмъ къ другому выводу. Когда изслѣдователь подмѣтилъ общія теченія океана, онъ не станетъ уже изучать отдѣльныя волны въ предѣлахъ этихъ теченій; философомъ будетъ не тотъ, кто останавливается предъ каждой волною и отыскиваетъ ея путь на шумной поверхности моря; истинной научной задачей будетъ тогда опредѣленіе общихъ путей движенія, не заботясь уже о мелкой и обманчивой борьбѣ частицъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, найдя формулу морскихъ теченій, изслѣдователь усмотритъ въ нихъ не законъ, а фактъ, имѣющій свои естественныя причины; онъ доберется до этихъ причинъ, отыщетъ связь замѣченныхъ движеній съ общими космическими законами, и тогда только будетъ считать свою цѣль достигнутою. Очевидно,—или сравненіе, приведенное Ренаномъ, невѣрно, или повѣствовательная исторія, которой онъ отдаетъ явное предпочтеніе предъ теоретическою, имѣетъ мало общаго съ наукою.

И въ самомъ дѣлѣ, картина волнующагося моря далеко не напоминаетъ собою обычныхъ историческихъ движеній. Въ человѣческой исторіи бываютъ такіа волны, которыя даютъ начало

¹⁾ *Essais de morale et de critique*, P., 1861, стр. 111—113.

и толчокъ цѣлымъ самостоятельнымъ теченіямъ; изслѣдованіе спеціальныхъ причинъ и способовъ возникновенія и дѣйствія этихъ исключительныхъ творческихъ волнъ представляетъ величайшій интересъ для потомства. Ренанъ выбралъ для своихъ изслѣдованій одинъ изъ важнѣйшихъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи человѣчества—появленіе и развитіе христіанства, и онъ могъ свободно углубиться въ частности, не задаваясь мыслью ни объ историческихъ законахъ, ни объ общемъ планѣ и ходѣ исторіи, ни о задачахъ и методахъ исторической науки. Внести духъ научной критики въ такую область, гдѣ кроются источники вѣры для многихъ милліоновъ людей, — это было уже само по себѣ великимъ дѣломъ, особенно въ католической Франціи. Задача, принятая на себя Ренаномъ, имѣла не только научно-историческое, но и первостепенное практическое значеніе, и этимъ именно обстоятельствомъ отчасти, быть можетъ, объясняется существованіе того пробѣла, на который мы указали выше. Ренанъ былъ не историкъ вообще, а спеціально историкъ религіи и религіознаго культа; христіанство было центральнымъ интересомъ его жизни съ юныхъ лѣтъ и неотразимо привлекало его къ себѣ до поздней старости, несмотря на всѣ перемѣны философскихъ убѣжденій. Въ этой области онъ не нуждался ни въ общей философій исторіи, ни въ теоретическихъ обобщеніяхъ и выводахъ; выясненіе фактовъ было для него болѣе чѣмъ достаточно: оно было несравненно важнѣе всякихъ абстракцій и составляло само по себѣ философскій подвигъ, съ точки зрѣнія бывшаго воспитанника семинаріи св. Сульпиція. Насколько взгляды на исторію зависѣли у Ренана отъ личныхъ его задачъ, какъ изслѣдователя историческихъ началъ христіанства, можно видѣть изъ радикальнаго различія его воззрѣній въ разные періоды его жизни: до завершенія своихъ главныхъ работъ онъ смотрѣлъ на исторію, какъ на главнѣйшую науку нашего вѣка, а впослѣдствіи, закончивъ свои труды на любимую тему, находилъ уже, что въ исторіи болѣе дѣлать нечего, что это лишь „маленькая условная наука“, которая черезъ сто лѣтъ будетъ исчерпана до дна и заброшена. „Историческія науки, какъ мнѣ кажется,—писалъ онъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ,—призваны замѣнить абстрактную философію въ разрѣшеніи современныхъ проблемъ, наиболѣе занимающихъ человѣческій умъ... Исторія изучаетъ человѣчество, какъ наибольшую реальность, доступную наблюденію, изслѣдуя законы его движенія и стараясь, по возможности, опредѣлить его происхожденіе и назначеніе. Исторія, понимаемая въ смыслѣ исторіи человѣческаго духа, есть истинная философія нашего времени. Всякій вопросъ

нашихъ дней неизбежно вырождается въ историческій споръ; всякое изложеніе принциповъ становится курсомъ исторіи“. Де-вятнадцатый вѣкъ будетъ вѣкомъ исторической науки, подобно тому какъ восемнадцатый—былъ вѣкомъ философіи¹⁾. Такъ какъ, по мнѣнію Ренана, впереди всѣхъ вопросовъ стоитъ вопросъ о религіи, который можетъ быть разрѣшенъ только документальною исторіею, то указанія на руководящую роль историческихъ изслѣдованій относятся прежде всего къ задуманнымъ тогда трудамъ самого Ренана и имѣютъ ближайшую связь съ его собственною научною программою; а когда программа была имъ исполнена, то значеніе исторіи для будущаго совершенно измѣняется въ его глазахъ: исторія уже не изучаетъ законовъ развитія человѣчества, не опредѣляетъ его происхожденія и назначенія, а собираетъ лишь фактическіе матеріалы, которые когда-нибудь будутъ исчерпаны. Можно думать, говорить Ренанъ, что черезъ сто лѣтъ всѣ факты прошлаго будутъ въ точности установлены, что всѣ памятники и документы будутъ изслѣдованы, и что не останется никакихъ темныхъ пунктовъ для изученія; тогда исторія будетъ закончена, и ничего не придется уже прибавить къ достигнутымъ результатамъ.

Съ перваго взгляда мысль о замѣнѣ абстрактной философіи фактическою исторіею человѣчества кажется загаочною; но она вполне понятна, если примѣнить ее спеціально къ вопросу о происхожденіи религіи. Въ этой исключительной области никакія собранія разработанныхъ фактовъ не замѣняютъ философіи; никакіе фактическіе матеріалы не закончатъ собою эры историческихъ изслѣдованій, по той простой причинѣ, что задачи исторіи идутъ далѣе и глубже непосредственнаго разбора и изложенія фактовъ. Можно утверждать, наоборотъ, что роль исторіи, какъ истинной науки, начнется лишь послѣ того, какъ завершены будутъ всѣ приготовительныя работы по собиранію фактическихъ данныхъ и по установленію и группировкѣ деталей. Для постройки зданія нужны кирпичи; но собраніе кирпичей, хотя бы въ надлежащемъ количествѣ, не замѣняетъ самого зданія. Факты могутъ быть установлены разъ навсегда; но въ пониманіи ихъ, въ способахъ ихъ анализа и обобщенія возможны безконечныя различія, въ зависимости объ общаго уровня научныхъ знаній, требованій и идей. Наше нынѣшнее пониманіе исторіи будетъ столь же недостаточно для нашихъ потомковъ, какъ для насъ представляются слабыми и устарѣвшими историческіе труды прошлаго вѣка. Со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 82—3, 104—5 и др.

временные ученые историки, конечно, не удовлетворятъ тѣхъ изслѣдователей и критиковъ, которымъ придется работать черезъ сто лѣтъ; этой общей судьбы не избѣгнетъ, вѣроятно, и Ренанъ. Но какъ ни передѣлываются и ни мѣняются историческія и социальныя науки, основныя приобрѣтенія и результаты ихъ остаются; имена Вико, Монтескьё и подобныхъ имъ теоретиковъ исторіи не будутъ забыты при дальнѣйшихъ попыткахъ историческихъ обобщеній.

Отдѣльныя замѣчанія Ренана объ общемъ ходѣ человѣческой исторіи едва ли могутъ быть приведены въ какую-нибудь опредѣленную философскую систему; это скорѣе отголоски чувства и настроенія, чѣмъ научные выводы. Чаше всего исторія рисуется автору въ видѣ преобладанія и торжества грубой силы, изъ-за которой пробиваются наружу умственные, духовныя стремленія немногихъ выдающихся единицъ. Избранная умственная аристократія ведетъ человѣчество впередъ, но встрѣчаетъ постоянное противодѣйствіе въ невѣжественныхъ массахъ демоса, которые все болѣе грозятъ овладѣть историческимъ движеніемъ государствъ. Внѣшняя культура, развитіе промышленности и торговли, матеріальное благосостояніе народовъ не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны; прочную, реальную цѣнность представляютъ лишь духовныя интересы и идеалы, подвиги самоотверженія, научное и религіозное совершенствованіе. Господство экономическихъ потребностей и расчетовъ ведетъ къ упадку умственного и художественнаго творчества. Всякія несправедливости и насилія естественны и неизбѣжны для поддержанія твердаго политическаго порядка и единства. Зло неизмѣнно сопутствуетъ добру, и возставать противъ этого бесполезно. Политическая свобода необходима для умственного прогресса; но она опасна, когда доходитъ до анархіи и подрываетъ могущество страны. Неравенство лицъ и общественныхъ классовъ основано на природѣ вещей. Просвѣщенная тираннія благотворительна, если она даетъ ученымъ возможность свободно заниматься наукою; только духовный деспотизмъ безусловно вреденъ. Однако, эти общія положенія, высказываемыя обыкновенно лишь въ видѣ бѣглыхъ замѣчаній, подвергаются разнымъ ограниченіямъ и противорѣчіямъ, смотря по тому, въ какое время и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ писалъ Ренанъ. Впечатлительность художественной натуры связывается тутъ въ полной мѣрѣ.

Когда Ренанъ говоритъ о человѣчествѣ, онъ подъ этимъ словомъ разумѣетъ Францію; французскую точку зрѣнія онъ распространяетъ на всѣ народы, французскія идеи и потребности дан-

ной минуты онъ переносить во всѣ времена. Даже древніе историческіе герои, начиная съ центральной фигуры въ „Vie de Jésus“, являются какъ бы французами подъ перомъ Ренана. Въ исторіи еврейства онъ находитъ матеріалъ для сопоставленій съ новѣйшими событіями Европы, какъ будто нѣтъ коренныхъ различій между положеніемъ древнихъ восточныхъ племенъ и современной европейскою жизнью. Разсуждая о жестокостяхъ узкаго племенного патріотизма въ старой Палестинѣ, Ренанъ вспоминаетъ о современной Германіи, которая обнаружила будто бы подобную же жестокость въ войнѣ съ Франціею; отсюда дѣлается выводъ, что всякая народность становится жестокою, когда превращается въ націю. Разсказъ о безпощадномъ истребленіи мирныхъ жителей завоевателями-пришельцами въ одной изъ мѣстностей Ханаана вызываетъ у автора слѣдующія строки: „исторія міра—это исторія Троппмана. Еслибы Троппману удалось спастись въ Америку, онъ сталъ бы консерваторомъ послѣ того, какъ былъ убійцею, и онъ сдѣлалъ бы весьма блестящее употребленіе изъ средствъ, добытыхъ другими“. Мечты еврейскихъ пророковъ въ эпоху вавилонскаго плѣна даютъ Ренану поводъ замѣтить, что „великій германскій идеализмъ Гердера и Гёте долженъ былъ привести къ желѣзному реализму, не признающему ничего другого, кромѣ дѣйствія силы“¹⁾. Принципъ силы, по Ренану, вполне законенъ и необходимъ вообще въ исторіи государствъ и народовъ; но онъ возмутительно несправедливъ въ рукахъ Германіи, такъ какъ нѣмцы-побѣдители отняли у французовъ Эльзасъ и часть Лотарингіи. Право войны и побѣды существуетъ; оно широко примѣнялось Франціею еще въ недавніе годы второй имперіи; но оно возмущаетъ французовъ, когда имъ успѣшно пользуются противники, слѣдуя ихъ собственному примѣру. Въ этомъ отношеніи Ренанъ раздѣляетъ обычныя одностороннія понятія и увлеченія французскаго патріотизма; онъ видитъ необычайную жестокость нѣмцевъ въ самомъ фактѣ ихъ военнаго торжества надъ Франціею и приписываетъ имъ исключительное поклоненіе грубой силѣ, безъ малѣйшаго къ тому основанія. Культъ военнаго могущества и военной славы выросъ и утвердился впервые во Франціи, а не въ Германіи. Общественное мнѣніе, печать и наука свободно развивались въ новой германской имперіи, не зная тѣхъ стѣсненій, которыя испытали французы при Наполеонѣ III. Оппозиція противъ милитаризма возникла и распро-

¹⁾ Histoire du peuple d'Israël, т. I, 1889, стр. 268—4, 353—4; т. III (1891 г.), стр. 495.

страняется въ Германіи, а не во Франціи. Нельзя серьезно говорить о томъ, что древнія идеи о войнѣ, какъ о нормальномъ способѣ истребленія сосѣднихъ племенъ, иноплеменныхъ или инородныхъ, имѣютъ что-либо общее съ нынѣшними международными отношеніями и обычаями. Всего менѣе можно обвинять Германію въ кровожадности или варварствѣ; повторять такого рода обвиненія, между прочимъ, въ обширномъ научномъ трудѣ—было, конечно, несправедливо. Изъ того, что Франція была побѣждена въ предпринятой ею войнѣ, вовсе еще не слѣдуетъ, что вся исторія человѣчества идетъ теперь мрачными, безнадежными путями; ибо то самое, что для французовъ было источникомъ патріотическаго негодованія и пессимизма, было для нѣмцевъ предметомъ высшаго національнаго удовлетворенія. Гдѣ одни видятъ торжество безправія и грубой силы, тамъ другіе привѣтствуютъ конецъ насилія и произвола, прекращеніе тягостной зависимости отъ чужихъ притязаній и посягательствъ. Безпристрастіе историка требовало бы признанія одинаковой законности обѣихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Тропманы нигдѣ не дѣлаютъ исторіи; простые убійцы, побуждаемые низменными эгоистическими мотивами, могутъ только въ исключительныхъ случаяхъ играть мимолетную политическую роль. Герои исторіи совершенно иначе характеризуются Ренаномъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. „Великія дѣла,—говоритъ онъ въ „Vie de Jésus“,—совершаются обыкновенно меньшинствомъ. Оппозиція всегда составляетъ славу страны. Величайшіе люди націи суть тѣ, которыхъ она обрекаетъ на смерть... Не слѣдуетъ искажать исторію для удовлетворенія нашихъ мелочныхъ самолюбій. Кто изъ насъ, пигмеевъ, могъ бы сдѣлать то, что дѣлали экстравагантный Францискъ Ассизскій и болѣзненно-нervная св. Тереза? Пусть медицина даетъ свои имена этимъ великимъ уклоненіямъ человѣческой природы; пусть она доказываетъ, что геній есть болѣзнь мозга, что извѣстная утонченность нравственнаго чувства есть начало истощенія, что энтузіазмъ и любовь принадлежать въ категоріи нервныхъ припадковъ;—это ничего не значитъ. Слова „здоровый“ и „больной“ вполне относительны. Кто не предпочелъ бы быть больнымъ, какъ Паскаль, вмѣсто того, чтобы быть здоровымъ, какъ заурядные люди? Узкія идеи, которыя въ наше время распространяются о помѣшательствѣ, вносятъ серьезную путаницу въ наши историческія сужденія по вопросамъ этого рода. Состояніе, въ которомъ высказывается что-нибудь бессознательно и мысль не регулируется волей, подвергаетъ теперь человѣка опасности быть заключеннымъ въ заведеніе для душевно-больныхъ; а нѣкогда это называлось пророче-

ствомъ и вдохновеніемъ. Прекраснѣйшія дѣла въ мірѣ исполнялись въ лихорадочномъ состояніи; всякое выдающееся творчество вызываетъ нарушеніе равновѣсія, горячее возбужденіе существа, извлекающаго изъ себя эту силу“ (изд. 1864, стр. 84—5 и 402). Судьба великихъ людей—считаться поочередно то безумцами, то мудрецами. Фанатики и насильники двигаютъ исторію, но дѣло ихъ удастся только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы отъ нихъ скорѣе избавились: карьеры этого рода должны быть короткими¹⁾. Самоотверженные порывы предполагаютъ вѣру и искренность, непоколебимый идеализмъ, который, конечно, совершенно чуждъ Троппманахъ.

Въ повдѣйшихъ отзывахъ Ренана о дѣйствующихъ лицахъ исторіи постоянно отражаются его спеціальныя взгляды на героевъ французской революціи и имперіи. Пока онъ смотрѣлъ на революцію какъ на грандіозное и шумное начало новой эпохи, онъ склоненъ былъ относиться сочувственно ко всякимъ вообще историческимъ героямъ, какъ къ великимъ энтузіастамъ, толкающимъ человѣчество впередъ; но когда революція превратилась для него въ сплошное безумное злодѣйство, обычные герои всемірной политической исторіи сразу упали въ его мнѣніи до уровня вульгарныхъ преступниковъ. Революція, по его словамъ, „была дѣломъ небольшого числа бѣснующихся, которые успѣли увѣрить всѣхъ, что увлекли за собою націю. Объ нихъ только и говорить; стадо барановъ служить лишь для увеличенія численности. Исторія занимается только честолюбцами и страстными людьми“. Успѣхъ революціонныхъ дней былъ достигнутъ какъ будто совмѣстною работою всякихъ преступленій и всякихъ сумасшествій; разные негодяи, дѣвцы вольнаго поведенія и обитательницы домовъ для умалишенныхъ нашли себѣ занятіе. Время нуждалось въ безумцахъ и злодѣяхъ, и они въ изобиліи явились на службу. Самъ народъ иногда направляетъ героевъ на преступную дорогу. „Есть люди, которыхъ заранѣе захватываетъ популярность, почти безъ ихъ участія; общественное мнѣніе беретъ ихъ, такъ сказать, за руку и предписываетъ имъ злодѣянія, для исполненія программы, которую само навязываетъ имъ. Таковъ былъ Бонапартъ. Преступникъ въ этомъ случаѣ—толпа, истинная леди Макбетъ, которая, выбравъ своего любимца, опьяняетъ его магическимъ словомъ: ты будешь повелитель“. Великій человѣкъ выдвигается настолько же своими недостатками, какъ и достоинствами.

¹⁾ Feuilles détachées, 1892, стр. 241 и сл.; Histoire du peuple d'Israël, т. 2 (1889), стр. 182 и др.

„Тѣ рѣзкія, жесткія черты, которыя такъ возмущаютъ Тѣна въ Наполеонѣ, составляли элементъ его силы. Хорошо воспитанный, вѣжливый, скромный, какъ мы, онъ не имѣлъ бы успѣха; онъ былъ бы безсиленъ такъ же, какъ и мы“ ¹⁾. Быть можетъ, это отчасти и вѣрно относительно Наполеона, хотя не мѣшаетъ вспомнить, что онъ приобрѣлъ славу полководца и достигъ положенія перваго консула республики безъ всякихъ преступныхъ покушеній на законный порядокъ страны; онъ могъ бы остаться на этомъ легальномъ пути, и положеніе его, какъ великаго чловека, отъ этого, разумѣется, не пострадало бы. Но типъ историческаго героя не исчерпывается Наполеономъ; рядомъ съ нимъ существуютъ другіе типы, съ не менѣе громкими именами, какъ Кромвель, Вашингтонъ, Лафайеттъ, Гарibaldi. Ставить общія положенія о великихъ людяхъ и о роли ихъ въ всемирной исторіи, на основаніи однихъ лишь фактовъ французской революціонной эпохи,—это, очевидно, приемъ далеко не научный. Философско-историческіе мотивы отсутствуютъ также въ объясненіяхъ Ренана по поводу коренной перемѣны въ его взглядахъ на революцію 1789 года. Перемѣна,—какъ онъ сообщаетъ съ откровенною точностью,—совершилась въ немъ послѣ 1851 года, когда „тяжелые уроки“ разсѣяли его иллюзіи насчетъ прочности либеральныхъ принциповъ, провозглашенныхъ революціею ²⁾. Другими словами, мнѣніе его объ историческихъ событіяхъ конца прошлаго вѣка радикально измѣнилось не потому, что онъ узналъ о нихъ что-нибудь новое, а только потому, что принцъ Луи-Наполеонъ устроилъ государственный переворотъ, которымъ были конфискованы въ его пользу принципы 1789 года. Такъ какъ Наполеонъ III насильственно уничтожилъ или извратилъ плоды революціи прошлаго столѣтія, то послѣдняя сама по себѣ сдѣлалась для Ренана нелѣпою и безумною; въ то же время онъ почувствовалъ прямую вражду къ демократіи, которая будто бы породила вторую имперію, благодаря плебисцитамъ. Ренанъ остался при своемъ новомъ взглядѣ и послѣ возстановленія республики на началахъ 1789 года; свою антипатію къ современному демократическому режиму онъ перенесъ цѣликомъ на сложный рядъ самыхъ крупныхъ событій новой западно-европейской исторіи. О правильномъ историческомъ методѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

¹⁾ Histoire du peuple d'Israël, т. I, стр. XII и 414—5, т. III, стр. 391; Feuilles détachées, стр. 242—3.

²⁾ Essais de morale et de critique, стр. IX — XI, 47 и др.; въ одной статьѣ этого сборника высказываются еще прежнія идеи Ренана о революціи (стр. 215), въ духѣ „Avenir de la science“.

Въ „Histoire du peuple d'Israël“ есть много блестящихъ, поэтическихъ страницъ; постепенныя метаморфозы религіозной идеи, подготовившія почву для христіанства, изображены ярко и красиво; дѣятельность пророковъ обрисована съ великимъ мастерствомъ. Но среди этихъ великолѣпныхъ описаній и характеристикъ, относящихся къ далекому прошлому Востока, попадаются крайне странныя сравненія и параллели съ современною Франціею; нынѣшнія французскія идеи извѣстнаго оттѣнка примѣняются прямо къ быту древняго еврейства, а изъ опыта палестинской жизни извлекаются неожиданныя соціально-политическіе выводы, имѣющіе будто бы силу для современной Европы. Отсутствіе исторической перспективы бросается здѣсь въ глаза; сравнительно-историческая точка зрѣнія какъ будто не существуетъ при этомъ для Ренана. Предполагается, что соціальный вопросъ и либерализмъ имѣли такое же значеніе въ Палестинѣ въ VIII или VII вѣкѣ до нашей эры, какъ въ теперешнемъ культурномъ мірѣ. Движеніе человѣчества, — говоритъ Ренанъ въ заключительной главѣ второго тома своей исторіи, — опредѣляется совмѣстнымъ дѣйствіемъ двухъ силъ — либерализма съ одной стороны, социализма съ другой; либерализмъ — происхожденія греческаго — стремится къ болѣе широкому человѣческому развитію; социализмъ — происхожденія еврейскаго — принимаетъ прежде всего во вниманіе интересы строгой справедливости и требованія народнаго благосостоянія, приносимыя часто въ жертву нуждамъ цивилизаціи и государства. Въ сущности, то, что Ренанъ называетъ социализмомъ, давно уже входитъ повсюду въ общую либеральную программу и можетъ быть скорѣе связано съ греческими понятіями о государствѣ, чѣмъ съ еврейскими; „либеральный“ же принципъ, который, по мнѣнію Ренана, заключается въ томъ, чтобы „не заботиться о своихъ ближнихъ“, все болѣе теряетъ почву даже среди упорныхъ французскихъ экономистовъ старой школы, безусловныхъ приверженцевъ невмѣшательства. Ренанъ полагаетъ, что по современнымъ понятіямъ государство не должно заниматься соціальными вопросами, такъ какъ благотворительность и право — двѣ области совершенно различныя; но эти понятія о либерализмѣ и социализмѣ перешли уже въ область легенды и держатся еще только въ наиболѣе консервативной части французской буржуазіи. Между тѣмъ эти идеи переносятся въ исторію древняго израильскаго народа, гдѣ „наилучше выясняется противоположность между вопросами соціальными и политическими“, и въ результатѣ получается крайне печальное, категорическое предостереженіе современнымъ народамъ: „націи, которыя отда-

дуться социальнымъ вопросамъ, погибнуть“. Еврейскіе пророки, которыхъ Ренанъ сравниваетъ съ горячими французскими радикалами нашихъ дней, мѣшали утвердиться государству своими постоянными протестами противъ несправедливостей, присущихъ всякой военно-политической организаціи; точно также и нынѣшніе демократы ослабляютъ страну своими социальными требованіями и нападками ¹⁾. Но между условіями еврейскаго царства и нашими экономическими порядками въ Европѣ лежитъ цѣлая пропасть, и маленькія причины, задерживавшія первобытную государственную машину въ тѣ времена, были бы совершенно незамѣтны въ государствахъ съ десятками миллионовъ населенія, съ обширною и сложною администраціею, съ организованнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Если социальный вопросъ существуетъ, если антагонизмъ между рабочими и хозяевами сдѣлался хроническимъ и грозитъ серьезными столкновеніями, вслѣдствіе сознательной настойчивости однихъ и близорукаго эгоизма другихъ, то скрывать отъ себя существованіе этого огромнаго факта было бы совершенно бесполезно. Отъ правительства, печати и ея маленькихъ „пророковъ“, радикальныхъ публицистовъ, не зависитъ уже — заниматься или не заниматься вопросомъ, который неустанно напоминаетъ о себѣ обширными стачками, беспорядками и волненіями, какъ во Франціи. Самою лучшею политикою въ этомъ случаѣ будетъ внимательное, заботливое отношеніе къ нуждамъ и требованіямъ трудящихся массъ и къ разумнымъ интересамъ предпринимателей-капиталистовъ; при такой системѣ исчезаетъ опасность остраго кризиса, или по крайней мѣрѣ опасность неизмѣримо меньше, чѣмъ при слѣпомъ отрицаніи и игнорированіи вопроса. Соціальныя задачи не выдумываются какими-нибудь пророками-мечтателями, а возбуждаются самимъ народомъ, рабочимъ классомъ и его представителями. Обобщеніе, построенное на судьбахъ еврейскаго царства, оказывается явно ошибочнымъ, какъ ошибочны вообще всѣ аналогіи между предметами и явленіями разнородными. Французскія политическія дѣла слишкомъ мало похожи на древне-еврейскія, и изъ простаго сопоставленія ихъ трудно извлечь что-либо поучительное. Исторіи другихъ народовъ, кромѣ французскаго, Ренанъ почти не вводитъ въ кругъ своихъ сравненій и параллелей; оттого односторонность и случайность выводовъ отбѣиваются еще больше.

Недостаточное вниманіе къ обстоятельствамъ и условіямъ отдѣльныхъ странъ и эпохъ находится у Ренана въ тѣсной ло-

¹⁾ Histoire du peuple d'Israël, т. 3, стр. VI, 175, 226, 277—9; т. 2, стр. 541.

гической связи съ его философскимъ мистицизмомъ, съ его пренебреженіемъ къ внѣшнимъ формамъ культуры и прогресса. Онъ вѣрнѣе въ духовное и умственное развитіе; нравственное совершенствованіе человѣчества онъ почти отрицаетъ, а матеріальнымъ успѣхамъ не придаетъ значенія. Въ области практической морали народы и правительства, на его взглядъ, стоятъ почти неизмѣнно на одной и той же низкой ступени; онъ не замѣчаетъ громадныхъ перемѣнъ, которыя дѣлаютъ, напримѣръ, немислимымъ въ настоящее время употребленіе жестокихъ кровавыхъ средствъ для достиженія какихъ-либо цѣлей, при обыкновенномъ ходѣ политическихъ дѣлъ. Теперь нельзя себѣ даже представить повтореніе не только царствованій Нерона и Калигулы или нашего Іоанна Грознаго, но и Людовика XV или Генриха VIII. Въ былое время государственный человѣкъ въ положеніи князя Бисмарка не могъ бы мирно жить въ отставкѣ и вести оппозицію противъ своихъ преемниковъ и тѣмъ болѣе противъ монарха; онъ, безъ сомнѣнія, скончался бы скорострѣжно въ нужный моментъ отъ неизвѣстной болѣзни. Грубая сила, оторвавшая Эльзасъ отъ Франціи, обошлась бы съ его населеніемъ совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь; туземные патриоты, которые осмѣлились бы открыто выражать свои чувства, были бы вѣроятно казнены, и во всякомъ случаѣ не могли бы пользоваться правомъ голоса среди побѣдителей въ общемъ имперскомъ сеймѣ. Ренанъ не останавливается на этихъ фактахъ и не анализируетъ ихъ, а чувство француза-патріота заставляетъ его думать и утверждать вопреки очевидности, что нравственнаго и политическаго прогресса не существуетъ, что въ мірѣ по прежнему господствуетъ грубая сила, ничѣмъ не стѣсняемая и не контролируемая. Отсутствіе исторической перспективы сказывается и въ политическихъ разсужденіяхъ Ренана, въ его мечтахъ объ англійскомъ монархическомъ строѣ во Франціи, въ его идеалѣ просвѣщеннаго деспота, которому онъ „охотно бы служилъ“, и наконецъ, въ его чисто французской способности прилагать свою личную или національную мѣрку ко всѣмъ странамъ и народамъ земного шара. Ренанъ, напримѣръ, сожалѣетъ о фанатическихъ мусульманскихъ расахъ; но фанатизмъ легко будетъ уничтоженъ, когда между мусульманами распространится французскій языкъ! „Есть также расы грустныя; ихъ тоже надо научить по-французски. Несчастные славяне такъ много страдали въ теченіе столѣтій, что ихъ особенно необходимо отвлечь отъ любви къ нирванѣ. Французскій языкъ и французское вино призваны и здѣсь играть свою гуманитарную роль. Великій недостатокъ варвара, особенно восточнаго, въ томъ, что онъ не умѣетъ

смѣяться. Нужно научить всѣ націи смѣяться по-французски¹⁾. Нельзя, разумѣется, серьезно предположить, что Ренанъ упустилъ изъ виду элементарные факты, въ родѣ того, что каждый народъ имѣетъ свой собственный языкъ, свои нравы и потребности, свои мотивы веселья и грусти, и что внѣшнее усвоеніе чужого нарѣчія не измѣнитъ темперамента и обычаевъ націи; но это легкое, игривое отношеніе къ индивидуальнымъ особенностямъ чужихъ народовъ въ высшей степени характерно для Ренана.

Еслибъ въ наукѣ и въ философіи существовалъ „субъективный методъ“, о которомъ у насъ когда-то разсуждали, то живымъ воплощеніемъ его слѣдовало бы признать Ренана. Когда мысль подчинена чувству и послушно идетъ за всѣми оттѣнками настроенія, она приобретаетъ характеръ крайней неустойчивости и создаетъ непримиримыя противорѣчія. Субъективизмъ становится вдвойнѣ опаснымъ, когда къ нему присоединяются артистическія наклонности, заботы о красотѣ формы, объ остроуміи и блескѣ словъ и фразъ. „Исторія,—говоритъ Ренанъ,—есть столько же искусство, сколько наука: совершенство формы въ ней существенно. Когда дѣло идетъ о предметахъ, касающихся морали и политики, мысль достигаетъ полноты не иначе, какъ только найдя для себя безукоризненную форму, даже съ точки зрѣнія гармоніи, и можно сказать безъ преувеличенія, что фраза, плохо построенная, всегда соотвѣтствуетъ неточной мысли²⁾. Часто бываетъ наоборотъ, что точность мысли приносится въ жертву изяществу формы и что красивая постройка фразы оставляетъ идею въ какой-то неопредѣленной полутѣмѣ. Иногда идея совершенно теряется, и невозможно отыскать ея слѣдъ въ гармоническомъ внѣшнемъ уборѣ писательской рѣчи. Автора-артиста можетъ соблазнить какой-нибудь оригинальный оборотъ или эффектный образъ, хотя и невѣрно выражающій его мысль или несогласный съ связаннымъ раньше; форма въ этихъ случаяхъ господствуетъ надъ содержаніемъ. Потребность „хорошо уравновѣшенной фразы“ нерѣдко увлекаетъ писателя въ сторону отъ путей обычной логики и вызываетъ невольныя уклоненія отъ истины, какъ сознается въ этомъ самъ Ренанъ въ своихъ „Souvenirs d'enfance et de jeunesse“. Интересенъ въ этомъ отношеніи отзывъ Ренана о Викторѣ Гюго. Гюго, говоритъ онъ, не принадлежитъ къ той или другой національности; „геній его возвышается надъ всякими различіями расъ; ни одно изъ семействъ, на которыя физически и

¹⁾ Feuilles détachées, стр. 282—3 (публичная рѣчь въ собраніи общества распространенія французскаго языка, въ февр. 1888 г.).

²⁾ Essais, стр. 151.

нравственно дѣлится человѣческій родъ, не можетъ приписать его себѣ". Нѣсколькими строками ниже мы читаемъ, что „главными и даже единственными предметами его культа были двѣ или три огромныя реальности, какъ Парижъ, Наполеонъ, народъ“ (разумѣется, французскій) ¹⁾. Другими словами, Гюго былъ весь по-ложъ Франціею, съ ея Парижемъ, Наполеономъ и народомъ; слѣдовательно, геній его вовсе не принадлежалъ одинаково всѣмъ націямъ, и французскій народъ могъ по праву считать его своимъ національнымъ поетомъ. Эти два мнѣнія противорѣчатъ одно другому, и однако они прекрасно укладываются вмѣстѣ въ эффектный изложеніи Ренана. По самымъ важнымъ вопросамъ взгляды Ренана колеблются и мѣняются, въ зависимости отъ перемѣнчивыхъ субъективныхъ мотивовъ и отъ случайныхъ условий „хорошо уравновѣшенной фразы“. Ренанъ много разъ повторяетъ слова Мальбранша, что въ мірѣ не проявляется никакой частной воли, которая нарушала бы дѣйствіе общихъ и постоянныхъ законовъ; это положеніе онъ считаетъ краеугольнымъ камнемъ современной научной философіи. Еще во второмъ томѣ своей „Histoire du peuple d'Israël“, вышедшемъ въ 1889 году, онъ высказываетъ эту же мысль; „никогда нельзя было наблюдать,—говоритъ онъ,—чтобы какая-нибудь высшая воля занималась дѣлами природы или дѣлами человѣчества“ (стр. III). А въ первомъ томѣ того же сочиненія онъ замѣчаетъ между прочимъ, что „справедливость, истина, добро требуются высшею силою“ (стр. XXVIII); о сущности и способѣ дѣйствія этой силы въ исторіи—не сказано однако ни слова. Неизвѣстно также, какъ примирить это замѣчаніе съ пессимистическимъ воззрѣніемъ на исторію, какъ на попріище свободнаго дѣйствія зла, несправедливости и насилія. Затѣмъ, въ „Feuilles détachées“ Ренанъ, опровергаетъ философское значеніе идеи, которую еще недавно признавалъ важнѣйшимъ приобретеніемъ философіи. Такихъ принципіальныхъ противорѣчій можно бы найти не мало въ сочиненіяхъ Ренана. Приведемъ еще одинъ примѣръ. Громадное большинство человѣчества есть, по Ренану, пассивная толпа, направляемая немногими умами; всѣ дѣла исторіи совершаются меньшинствомъ. Въ глазахъ философа,—говоритъ онъ,—„человѣчество состоитъ изъ нѣсколькихъ выдающихся личностей, свободныхъ отъ соблазновъ и недоразумѣній толпы“. Но, какъ объясняетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, философія есть едва замѣтный фактъ, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія исторіи человѣчества; можно пересчитать души, которыя она облагоро-

¹⁾ Feuilles détachées, стр. 280.

дила, можно было бы на четырехъ страницахъ написать исторію маленькой аристократіи, которая группировалась подъ ея знаменемъ: остальная масса, предоставленная потоку своихъ мечтаній, опасеній и обольщеній, беспорядочно двигалась по рискованнымъ долинамъ инстинкта и безумія, отыскивая основанія для своихъ дѣйствій и для своей вѣры исключительно въ ослѣпленіяхъ своего мозга и въ біеніи своего сердца ¹⁾. Съ одной стороны, большинство вовсе не участвуетъ активно въ ходѣ исторіи, а съ другой—оно идетъ своею самостоятельнымъ дорогою, не подчиняясь вліянію руководящихъ умовъ и создавая историческія событія по своему образу и подобию; эту послѣднюю теорію Ренанъ, какъ мы видѣли, специально примѣняетъ, между прочимъ, къ оцѣнѣ дѣйствій Наполеона III-го, которымъ будто бы руководила демократія. Нельзя требовать строгой логической послѣдовательности отъ блестящаго писателя, подверженнаго всѣмъ случайностямъ субъективныхъ внушеній; но и субъективизмъ имѣетъ свою прелесть и свою великую цѣну, когда онъ вытекаетъ изъ богато одаренной артистической натуры. Не слѣдуетъ искать у автора того, чего онъ дать не можетъ; у Ренана нѣтъ научно-историческихъ и философскихъ обобщеній, которые могли бы рассчитывать на прочное значеніе въ наукѣ. Зато у него есть много такого, что неотразимо влечетъ къ себѣ читателя, что чаруетъ умъ и окрыляетъ воображеніе, что переноситъ насъ невольно въ высшія сферы идеала.

IV.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того распространеннаго мнѣнія, что Ренанъ — представитель идей философскаго скептицизма и безвѣрія. Онъ не только былъ вѣрующимъ спиритуалистомъ, но въ сущности до конца жизни сохранилъ въ себѣ существенныя черты католическаго воззрѣнія на міръ и человѣчество. Многія его страницы, посвященныя христіанству, могли бы быть перенесены цѣликомъ въ какой-нибудь трактатъ богословія ²⁾. Не даромъ въ краткомъ поэтическомъ предисловіи къ „*Vie de Jésus*“ Ренанъ выражаетъ увѣренность, что книга его въ концѣ концовъ понравится истинно религіознымъ людямъ. Извѣстно, какъ неодобри-

¹⁾ *Études d'histoire religieuse*, 1858, стр. 2 и сл.; *Essais de morale et de critique*, стр. 78.

²⁾ См. особенно въ *Études d'histoire religieuse*, стр. 133—215: „*Les historiens critiques de Jésus*“ и др., а также: „*Vie de Jésus*“, стр. 407.

тельно отзывался онъ о болѣе смѣлыхъ критическихъ трудахъ своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ по исторіи христіанства, Давида Штраусса и особенно Бруно Бауера; критику послѣдняго онъ прямо называетъ „богохульствомъ“. Атеизмъ Фейербаха глубоко его возмущаетъ; онъ для него просто непонятенъ. „Дай Богъ, — восклицаетъ Ренанъ, — чтобы Фейербахъ погрузился въ болѣе богатые источники жизни, чѣмъ его исключительный и высокомерный германизмъ. О, еслибы, сидя на развалинахъ Палатинской горы, онъ слышалъ, какъ звуки вѣчныхъ колоколовъ раздаются протяжно и умираютъ на пустынныхъ холмахъ, гдѣ нѣкогда былъ Римъ; или еслибы съ набережной Лидо онъ прислушивался къ колокольному звону св. Марка, постепенно затихающему надъ лагунами; еслибы онъ видѣлъ Ассизъ и его мистическія чудеса, его двойной соборъ и великую легенду второго средне-вѣкового Христа (т.-е. св. Франциска), изображенную кистью Чимабуэ и Джіотто; еслибы онъ наслаждался долгимъ и мягкимъ взглядомъ дѣвственницъ Рафаэля, или въ храмѣ св. Доминика, въ Сіеннѣ, видѣлъ бы св. Катарину въ экстазѣ, — нѣтъ, онъ не бросилъ бы тогда словъ порицанія на половину человѣческой поэзіи“. Понятіе о Богѣ, продолжаетъ авторъ, есть существенный и характеристическій элементъ нашей природы; только божество существуетъ, а все остальное лишь кажется существующимъ. „Въ той или другой формѣ идея божества будетъ всегда выраженіемъ нашихъ сверхъ-чувственныхъ потребностей, составляя для насъ категорію идеала, подобно тому, какъ пространство и время суть категоріи вещественнаго міра. Человѣкъ, поставленный предъ лицомъ прекраснаго, добраго или истиннаго, выходитъ изъ обычнаго своего настроенія и, отдавшись небесному очарованію, сознаетъ ничтожество своей личности, воодушевляется, поглощается чѣмъ-то невѣдомымъ. Что это значитъ, какъ не боготвореніе?“ Доводы и образы, извлеченные изъ области личнаго чувства, имѣютъ рѣшающую силу для Ренана. Правда, онъ критикуетъ и отчасти отвергаетъ факты, на которыхъ основана католическая легенда; онъ выдѣляетъ религію изъ историческихъ ея основъ и примѣняетъ къ послѣднимъ приемы научной критики. Но, отрицая традиціонную теологію и подкапываясь такимъ образомъ подъ авторитетъ римской церкви, онъ никогда не доходитъ до отрицанія христіанства, какъ религіи. Въ этомъ отношеніи онъ далеко отсталъ отъ нѣмецкихъ философовъ, писавшихъ по тому же предмету, и если онъ надѣлалъ столько шума своими историко-критическими изслѣдованіями, то только благодаря общедоступной и привлекательной ихъ формѣ. Католицизмъ обладаетъ

во Франціи такой громадной силою и такимъ подавляющимъ нравственнымъ вліяніемъ, особенно среди женской части населенія, что всякая попытка поколебать его историческій фундаментъ должна была показаться чѣмъ-то необычайнымъ и чудовищнымъ въ глазахъ вѣрующей массы. Одни возвели Ренана на степень опаснѣйшаго противника и хулителя вѣры, осыпали его имя проклятіями, распространяли о немъ невѣроятные слухи, въ родѣ того, что онъ получилъ миллионъ отъ Ротшильда за свою „*Vie de Jésus*“; другіе съ восторгомъ привѣтствовали его, какъ смѣлаго борца свободной мысли противъ мертвящаго владычества клерикализма. Въ дѣйствительности онъ не заслуживалъ ни этихъ страстныхъ обвиненій, ни этихъ одностороннихъ похвалъ. Онъ не разъ заявлялъ, что желаніе ослабить религіозное чувство было ему совершенно чуждо, и что, напротивъ, онъ хотѣлъ способствовать его очищенію и возвышенію. Въ душѣ онъ былъ по прежнему поклонникомъ католическихъ преданій; онъ находилъ, что „для истиннаго философа тюремная келья, съ бібліотекою изъ ста-пятидесяти томовъ жизнеописаній святыхъ, была бы истиннымъ раемъ“. Онъ съ благоговѣніемъ преклоняется передъ личностями и дѣяніями святыхъ, даже такихъ, какъ Лойола, и серьезно скорбитъ объ измелчаніи и упадкѣ этого типа религіозныхъ героевъ въ новѣйшее время.

„Шестнадцатый вѣкъ,—говоритъ Ренанъ,—закончилъ собою эпоху большого стиля и вкуса въ этомъ отношеніи; тогда были еще удивительные святые: Лойола, безъ сомнѣнія, личность суровая и страшная; но—какое могущество, какое увлеченіе! Какое смѣлое и полное олицетвореніе своей эпохи и своей страны!.. Сравните съ этимъ исполиномъ честнаго и превосходнаго Винцента де-Поля: вмѣсто возвышеннаго энтузіаста, который силою своей страсти поднимается до степени генія, мы видимъ золотую душу, не знающую другой поэзіи, кромѣ добрыхъ дѣлъ, и другой теологіи, кромѣ милосердія. Это, конечно, лучшая изъ теологій; но по величію и авторитету—какая разница!“ Чувство „печали и внутреннего холода“ овладѣваетъ Ренаномъ, когда ему приходится говорить о скромномъ и честномъ американскомъ „святѣ“, проповѣдникѣ Чаннингѣ, и когда рядомъ припоминается фигура какого-нибудь Франциска Ассизскаго: Чаннингъ—„энтузіастъ, вдохновенный по своему, но безъ ореола чудесъ; самоотверженный, но безъ величія; благородный и нравственно чистый, но безъ поэзіи“; мечты его объ единой христіанской церкви представляются прозаическими, плоскими. Въ добродѣтельномъ мірѣ американца „можно было бы умереть со скуки“; неизмѣ-

римо выше и лучше даже средневѣковое папство. Ренанъ не останавливается передъ восхваленіемъ инквизиціи: „эти человѣческія жертвы, приносимыя истинѣ (или тому, что принималось за истину) имѣютъ свое величіе, и можно только на половину сожалѣть о тѣхъ, которые погибли въ этой грандіозной борьбѣ: вѣра подвергла ихъ казни, но вѣра и поддерживала ихъ. Абсолютная вѣра Испаніи покрываетъ нѣкоторымъ родомъ поэзіи пламя ея костровъ“¹⁾. Поэзія—въ сожженіи массы людей, ни въ чемъ неповинныхъ, подозреваемыхъ въ вольнодумствѣ и въ сношеніяхъ съ дьяволомъ! Это не случайная обмолвка, а результатъ фантастическаго идеализма, доведеннаго до послѣднихъ своихъ предѣловъ. И въ „*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*“ Ренанъ довольно легко говоритъ объ инквизиціи и сознается откровенно, что не она оттолкнула бы его отъ католичества. Съ его точки зрѣнія, заурядная будничная жизнь, какъ бы долго она ни тянулась, не стоитъ одной минуты высшаго просвѣтленія, сознанія смерти за идею. Въ „*Avenir de la science*“ онъ нападаетъ на англичанъ за то, что они, жалкіе коммерсанты, мѣшаютъ индусамъ наслаждаться самоотверженіемъ и пережить свѣтлый моментъ, выходясь подъ колесницу божества. По этой теоріи, Неронъ поступалъ вполне правильно, когда зажигалъ свои „свѣточа“ изъ человѣческихъ тѣлъ; онъ доставлялъ христіанамъ случай достигнуть блаженства и въ то же время удовлетворялъ свою потребность въ поэзіи особаго рода... Правъ, значитъ, былъ и Іоаннъ Грозный, когда упрекалъ Курбскаго за нежеланіе принять отъ него мученическій вѣнецъ. Ренанъ былъ человѣкъ мягкій и добрый; но вѣрующіе идеалисты, заимствующіе объекты для своихъ идеаловъ изъ міра отвлеченнаго, легко забываютъ о реальномъ человѣчествѣ и могутъ въ принципѣ допускать и оправдывать то, отъ чего ужаснулись бы на практикѣ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Ренанъ часто опровергалъ самого себя; поклоненіе добру и справедливости, въ прозаическомъ человѣческомъ смыслѣ этихъ словъ, занимаетъ выдающееся мѣсто въ его своеобразномъ міросозерцаніи.

Ренанъ былъ скептикъ только отчасти; онъ больше вѣровалъ, чѣмъ сомнѣвался. Колебанія въ его основныхъ идеяхъ зависѣли скорѣе отъ впечатлительности артиста, чѣмъ отъ логическихъ разсужденій философа. Иногда онъ подтверждалъ свое нравственное сredo въ такой категорической формѣ, которая удовлетворила бы самаго религіознаго человѣка²⁾; а иногда предавался сомнѣніямъ

¹⁾ *Études d'histoire religieuse*, стр. XVIII, 305—377, 403 и слѣд.

²⁾ См., напр., „*Histoire du peuple d'Israël*“, т. 1, стр. XXVIII.

и отыскивалъ разгадку великой проблемы въ разныхъ философскихъ комбинаціяхъ. На внѣшній міръ онъ смотрѣлъ глазами натуралиста; но вопросы о назначеніи человѣка и о духовномъ началѣ въ мірѣ постоянно возбуждали его мысль и фантазію въ томъ или иномъ направленіи. Онъ предлагалъ держаться въ этой области какой-то особой житейской дипломатіи. Внутренній голосъ говорить намъ одно; но, быть можетъ, вѣрно другое; а такъ какъ мы не знаемъ и не можемъ знать, которая изъ двухъ противоположныхъ гипотезъ соответствуетъ истинѣ, то мы должны сообразоваться съ ними обѣими и дѣйствовать такъ, чтобы во всякомъ случаѣ имѣть за собою частицу правды. Нужно имѣть двойственную систему, приспособленную къ обѣимъ возможнымъ рѣшеніямъ дилеммы. „Быть готовымъ ко всему,—таково правило мудрости. Проникаясь поочередно довѣріемъ, скептицизмомъ, оптимизмомъ и ироніею, мы приобретаемъ увѣренность, что по крайней мѣрѣ въ извѣстные моменты мы находимся на вѣрномъ пути“. Иронія и веселое настроеніе даютъ намъ наибольше шансовъ попасть въ тонъ міровой истины. Ренанъ серьезно утѣшаетъ себя этою оригинальною философіею, которая сводитъ міровые вопросы къ интересамъ личнаго настроенія обитателей нашей планеты. Наше настроеніе, конечно, безразлично для міра, и нѣтъ ни повода, ни возможности скрывать наше незнаніе отъ предполагаемой высшей силы; а тѣ гипотезы, до которыхъ можетъ додуматься человѣкъ для объясненія „непознаваемаго“, навсегда останутся столь же безконечно ниже истины, насколько ничтожно мѣсто, занимаемое землею въ общей системѣ вселенной.

Можно подумать, что двойственная житейская мудрость, направленная ироніею, имѣетъ у Ренана богословскую, догматическую подкладку; дѣло идетъ не о пониманіи міра, а о способахъ уклоненія отъ отвѣтственности, которою грозитъ церковь отступникамъ на томъ свѣтѣ. „Въ часы бессонницы,—говорилъ Ренанъ въ одной публичной рѣчи,—я забавляюсь сочиненіемъ петицій, съ которыми я думаю обращаться къ Всевышнему изъ глубины ада. Я доказываю въ нихъ, что мы не виноваты въ своей гибели, и что многое могло быть сдѣлано для насъ болѣе яснымъ. Въ числѣ этихъ петицій есть довольно забавныя, и я надѣюсь, что онѣ вызовутъ улыбку. Но онѣ теряютъ всю свою соль, если я обязанъ буду перевести ихъ на нѣмецкій языкъ. Избавьте меня отъ этого несчастья; постарайтесь, чтобы французскій говоръ сохранился до страшнаго суда и чтобы въ долину Іосафата не говорили по-нѣмецки“. Ренанъ былъ какъ будто подготовленъ и къ той гипотезѣ, что ему будетъ отведено мѣсто въ аду;

шутливыя замѣчанія его на эту тему показываютъ наглядно, какъ глубоко и крѣпко держался въ немъ осадокъ религіозно-католическаго воспитанія. Вліяніе другого элемента его воззрѣній—нѣмецкой философіи—отражается въ его странной теоріи саморазвивающагося божественнаго духа, который будто бы постепенно вырабатывается въ мірѣ и отъ темнаго сознанія перейдетъ со временемъ къ полному торжеству, при помощи безконечнаго ряда попытокъ осуществленія разума въ разныхъ частяхъ вселенной; въ этихъ вѣчныхъ усиліяхъ найти выходъ къ свѣту участвуютъ лучшіе представители человѣчества ¹⁾. Понятно, что сила, которая сама еще находится въ процессѣ зарожденія, не можетъ облегчить пониманіе существующаго уже міра, и при всемъ остроуміи этихъ философскихъ идей Ренана нельзя найти въ нихъ матеріалъ для опредѣленной и цѣльной доктрины.

Литературно-философское міросозерцаніе Ренана, какъ мы видѣли, сложилось изъ разнородныхъ элементовъ,—богословско-католической основы, положительныхъ научныхъ стремленій и природнаго дара художественнаго творчества. Самъ Ренанъ сравнивалъ себя съ сказочнымъ животнымъ, совмѣщающимъ въ себѣ козла и оленя, — *hirgocervus*, въ которомъ обѣ части грызутся между собою. Эти различные элементы, совмѣщавшіеся въ Ренанѣ, сталкиваясь и переплетаясь между собою, создавали удивительныя сочетанія, которыя иногда поражаютъ причудливостью и богатствомъ своихъ узоровъ, какъ, напр., особенно въ его „философскихъ драмахъ“.

Л. СЛОНИМСКІЙ.

¹⁾ Feuilles détachées, стр. 401—446 („Examen de conscience philosophique“), а также стр. 270, 391 и слѣд.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ за 1891 годъ.

Сведеніе государственнаго бюджета тяжелаго 1891 года, если принимать во вниманіе одни обыкновенные государственные доходы и расходы, должно быть признано довольно благопріятнымъ, хотя оно и далеко уступаетъ результатамъ трехъ предшествующихъ лѣтъ. По недавно вышедшему отчету государственнаго контроля объ исполненіи государственной росписи за 1891 годъ, исполненіе это сравнительно съ росписью представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Обыкновенныхъ:	Исчислено по росписи:	Оказалось:
	ру б л е й	
доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ) . . .	900.757.570 ¹⁾	895.781.590
расходовъ (прямыхъ и оборотныхъ). . .	898.889.021	875.348.831
Чрезвычайныхъ:		
поступленій.	13.750.139 ¹⁾	38.887.950
расходовъ	63.413.500	240.297.873

Такимъ образомъ, по обыкновенному бюджету оказалось превышеніе доходовъ въ размѣрѣ 20.432.759 р., а по чрезвычайному—недоборъ въ 201.409.923 р., что въ общемъ результатъ выражается превышеніемъ расходовъ надъ доходами въ суммѣ 180.977.163 рублей.

¹⁾ Въ сумму обыкновенныхъ доходовъ, а равно и чрезвычайныхъ поступленій, вошли остатки отъ прежнихъ заключенныхъ смѣтъ (около 4 и 1½ мил. р.), т.-е. остатковъ отъ такихъ кредитовъ, которые были въ одинъ възъ предшествующихъ годовъ посчитаны дѣйствительнымъ расходомъ, но оказались нестратченными. Они возмѣщаются приблизительно сумми, вошедшія въ расходы 1891 г., въ которыхъ впоследствии также не окажется надобности, и которыя въ видѣ остатковъ будутъ причислены къ доходамъ одного изъ слѣдующихъ годовъ.

Но не вся эта сумма должна считаться недоборомъ, такъ какъ изъ нея 94 м. р. слишкомъ пошло на выкупъ и конверсію прежнихъ займовъ. Недоборъ, слѣдовательно, равняется приблизительно $86\frac{1}{2}$ мил. р.; изъ нихъ 75 мил. руб. составляютъ расходы, вызванные неурожаемъ, т.-е. расходы настолько исключительные, что они не могутъ быть почислены въ обычный оборотъ росписи. По выдѣленіи ихъ, недоборъ понижается до $11\frac{1}{2}$ м. р., а именно: по обыкновенному бюджету оказывается избытка доходовъ около $20\frac{1}{2}$ м. р., а по чрезвычайному — недоборъ въ 32 м. рублей.

Пытаясь въ началѣ этого года, на основаніи предварительныхъ свѣдѣній министерства финансовъ, опредѣлить вѣроятный результатъ исполненія государственной росписи 1891 года, мы высказали предположеніе, что по обыкновенному бюджету долженъ оказаться излишекъ доходовъ не менѣе 12 м. р., а по чрезвычайному — недоборъ въ 26 м. р. (вмѣсто 50 м. р., исчисленныхъ по росписи) ¹⁾. Теперь изъ отчета государственнаго контроля мы видимъ, что расходъ въ $7\frac{1}{2}$ м. р. слишкомъ былъ переведенъ изъ обыкновенной росписи въ чрезвычайную. Если этотъ расходъ почислить такъ, какъ онъ былъ первоначально назначенъ, т.-е. не чрезвычайнымъ, а обыкновеннымъ (какъ это, по нашему мнѣнію, и слѣдуетъ по самому предмету расхода), то избытокъ обыкновенныхъ доходовъ составитъ около 13 м. р., а недоборъ по чрезвычайной росписи — $24\frac{1}{2}$ м. р.; въ общемъ, исполненіе росписи оказывается успѣшнѣе, нежели мы выводили по предварительнымъ свѣдѣніямъ, на $2\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Если принять во вниманіе, что по обыкновенному бюджету, выражающему итогъ съ одной стороны нормальныхъ средствъ государства въ данный періодъ, съ другой — текущихъ потребностей, оказался даже излишекъ доходовъ, то исполненіе росписи можетъ быть признано благопріятнымъ, особенно если вспомнить наши хроническіе, до 1888 года, дефициты, доходившіе до весьма большихъ цифръ даже по обыкновеннымъ бюджетамъ, не говоря о чрезвычайныхъ. Иной видъ, однако, принимаетъ это исполненіе по сравненію съ результатами трехъ предшествовавшихъ лѣтъ. Въ эти три года превышеніе въ обыкновенныхъ доходахъ надъ расходами составляло среднюю ежегодную цифру 73 м. р. и съ большимъ избыткомъ покрывало всѣ чрезвычайные расходы. Затѣмъ въ эти три года ²⁾ дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ значительно (въ средней цифрѣ 60 м. въ годъ) превышало предположеніе росписи,

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, май 1892 г., стр. 368 и 369.

²⁾ Въ 1887 году, съ половины котораго послѣдовало увеличеніе многихъ налоговъ, дѣйствительное поступленіе доходовъ также на 36 мил. р. превысило смѣтныя исчисления.

несмотря на ея весьма *скромныя* по многимъ статьямъ исчисления,—скромныя до того, что, напр., таможеннаго дохода поступило на 18 м. р. болѣе внесеннаго въ роспись. А это дурной признакъ, еще разъ свидѣтельствующій о присущей нашимъ государственнымъ доходамъ, неоднократно нами указанной, *косности*, которая доказываетъ, во-первыхъ, то, что между государственными налогами и народною производительностью не существуетъ надлежащаго соотвѣтствія, а во-вторыхъ, что платежныя силы населенія крайне напряжены.

Сравнительно съ доходомъ 1890 года, въ 1891 году поступило доходовъ менѣе на 55 мил. рублей, несмотря на то, что отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, преимущественно вслѣдствіе болѣе своевременнаго перечисленія доходовъ въ суммы государственнаго казначейства, поступило $60\frac{1}{2}$ мил. рублей,—болѣе предшествовавшаго года на 11 мил. рублей. Нѣкоторая часть этой разницы зависитъ, впрочемъ, отъ способа счетовъ: по росписи и по отчету 1890 года золотые рубли перечислялись въ кредитные за золотой рубль по 1 р. 70 коп., а въ 1891 г. по 1 р. 60 коп. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ году дохода золотомъ поступило около 85 м. р., т.-е., по перечисленію менѣе того, какое сдѣлано было бы въ 1890 году, на $8\frac{1}{2}$ м. р., то дѣйствительная разница между доходами двухъ лѣтъ составляетъ $46\frac{1}{2}$ м. рублей.

Главнымъ образомъ уменьшилось поступленіе окладныхъ сборовъ (податей, поземельныхъ, выкупныхъ платежей), нитейнаго и таможеннаго доходовъ.

Податей, поземельнаго сбора и выкупныхъ платежей поступило въ 1891 году около 110 м. р., менѣе противъ 1890 года на $21\frac{1}{2}$ м. р., причеиъ особенно (на 13 м. р.) уменьшилось поступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Причина этого несомнѣнно лежитъ въ крайнемъ неурожаѣ, постигшемъ около трети имперіи. По 17-ти пострадавшимъ губерніямъ недоимки перечисленныхъ сборовъ съ 44 м. р. возросли до 75 м. р., т.-е. на 31 м. р., что составляетъ болѣе 50% годовыхъ по этимъ губерніямъ окладовъ. Общая же сумма недоимокъ превышаетъ ихъ слишкомъ въ полтора раза. Въ наиболѣе печальномъ положеніи находятся губерніи самарская и казанская. По самарской губерніи недоимки за 1891 годъ возросли съ $11\frac{1}{2}$ до $14\frac{1}{2}$ м. р., и слѣдовательно почти въ четыре раза превысили годовой окладъ. По казанской губерніи съ 8 м. р. онѣ дошли до $11\frac{1}{2}$ м. р., втрое болѣе оклада. По тамбовской губерніи недоимка возросла съ 3 м. р. до $6\frac{1}{2}$ м. р., по саратовской—съ 2 до $4\frac{1}{2}$ м. р., по воронежской—съ $1\frac{1}{2}$ до 4 м. р.

Въ общемъ, недоимокъ по окладнымъ сборамъ къ 1891 году чи-

слилось 64 мил. р., а къ 1892 онѣ дошли до 94 м. р., болѣе на 30 м. р., что—съ $1\frac{1}{2}$ м. р., сложенныхъ за это по разнымъ поводамъ недоимокъ—совпадаетъ съ размѣромъ ихъ увеличенія по 17-ти упомянутымъ губерніямъ.

Питейнаго дохода поступило $247\frac{1}{2}$ м. р., противъ 1890 года менѣе на 21 мил. р., причемъ недоборъ этого дохода по неурожайнымъ губерніямъ составилъ всего 12 м. р., а остальная часть его распределяется почти по всѣмъ губерніямъ и происходитъ, по мнѣнію государственнаго контроля, отъ крайне возвысившихся, вслѣдствіе неурожая, цѣнъ на перекуриваемые матеріалы. Но такое объясненіе едва ли вполне точно: въ цѣнѣ спирта и водки самая незначительная доля принадлежитъ стоимости производства продукта, составляющей въ обыкновенное время не болѣе шестой или седьмой доли акциза, которымъ продуктъ обложенъ. Вѣрнѣе причину сокращенія питейнаго дохода искать вообще въ оскудѣніи средствъ населенія, особенно низшихъ слоевъ, главныхъ потребителей водки. По свѣдѣніямъ государственнаго контроля на мѣстное потребленіе было израсходовано безводнаго спирта въ 1887 году 25 мил. ведеръ, а въ 1888 г.—почти 26 м. вед. Постепенно уменьшаясь въ послѣдующіе годы, количество потребленнаго спирта въ 1892 году упало до 22 мил. ведеръ.

Въ предшествовавшихъ обзорѣніяхъ росписей мы нѣсколько разъ весьма подробно говорили о питейномъ налогѣ. Не повторяя сказаннаго, замѣтимъ только, что цифра поступленія 1891 года ниже дохода, доставленнаго этимъ налогомъ въ 1852 и 1853 годахъ (253 м. р. слишкомъ). Между тѣмъ тогда размѣръ этого налога былъ 8 р. съ ведра безводнаго спирта, а въ 1891 году—9 р. 25 к., болѣе на 1 р. 25 к., которые при 22 м. ведеръ расходящагося спирта составляютъ $27\frac{1}{2}$ м. р. излишне упдающаго на населеніе налога. И хорошо, если излишекъ этимъ ограничивается. Можно опасаться, что уменьшающееся количество явно отпускаемаго съ заводовъ спирта пополняется продуктомъ тайнаго винокурения или безавцизнаго выпуска спирта въ продажу, причемъ увеличенный акцизъ служить лишь къ возвышенію барышей злоупотребителей—на счетъ того же населенія.

По слухамъ, какъ кажется весьма достовѣрнымъ, существуетъ предположеніе дальнѣйшаго увеличенія авциза со спирта на $\frac{3}{4}$ коп. съ градуса, такъ что онъ будетъ доведенъ до 10 рублей съ ведра безводнаго спирта, а это, разумѣется, послужитъ новымъ стимуломъ для нарушителей питейнаго устава.

Насколько тароваты промышленники въ пользованіи любымъ обстоятельствомъ, сулящимъ наживу, доказываетъ любопытное свѣдѣніе,

приводимое въ отчетѣ. Почти повсемѣстно послѣдовало уменьшеніе питейнаго дохода, за исключеніемъ Туркестанскаго края, гдѣ онъ возросъ съ 315.000 р. до 1.203.000 р., *вслѣдствіе стремленія заводчиковъ внутреннихъ губерній уплачивать акцизъ въ кассы Туркестанскаго края мѣстною малоцѣнною монетою (кожаны и теньги)*. Это значитъ, повидимому, что заводчики, пользуясь правомъ вносить въ любое казначейство акцизъ за спиртъ, находящійся въ любой мѣстности, дешево приобрѣтаютъ у туркестанскаго населенія кожаны и теньги и по возвышенной цѣнѣ вносятъ ихъ въ мѣстныя казначейства. Рождается только вопросъ: почему же само населеніе не производитъ выгоднаго обмѣна, или почему казначейства засчитывали заводчикамъ эти монеты по цѣнѣ, превышающей дѣйствительный ихъ курсъ? Нынѣ, какъ мы слышали, по представленію государственнаго контроля — такой аферѣ положенъ конецъ.

Таможенный дохода за 1891 г. внесено въ отчетъ 128¹/₂ м. р., менѣе поступленія 1890 года на 13¹/₂ м. р.

Исчисленіе этого дохода въ росписяхъ и отчетахъ служить нагляднымъ примѣромъ запутанности, порождаемой пресловутымъ курсомъ нашего кредитнаго рубля, осложняемой еще тѣмъ, что для росписей и отчетовъ, при переложеніи „металлическихъ“ доходовъ и расходовъ въ кредитныя, принимается особый, впередъ устанавливаемый курсъ, не только не соответствующій существующему биржевому, но и не идущій съ нимъ въ параллель. Такъ, въ 1890 году, когда курсъ кредитнаго рубля былъ лучше (около 1 р. 40 к. въ среднемъ размѣрѣ за золотой рубль), для росписи онъ былъ установленъ въ 1 р. 70 к. за золотой рубль, а въ 1891 году, когда онъ упалъ (до 1 р. 50 к.) — въ 1 р. 60 к.

Но на пониженіи въ 13¹/₂ м. р. государственный контроль не останавливается: цифра эта — говорится въ отчетѣ — не можетъ служить выраженіемъ дѣйствительнаго пониженія дохода, такъ какъ въ отчетѣ 1890 г. металлическія поступленія перечислены въ кредитную валюту по 1 р. 70 к. за 1 р. зол. и по 1 р. 19 к. за 1 р. сер., тогда какъ въ отчетѣ за 1891 принятъ курсъ въ 1 р. 60 к. и 1 р. 12 к. Въ дѣйствительности же въ таможенный доходъ поступило:

	Золотомъ:	Серебромъ:	Кредитн. рублями:
въ 1890 году	82.875.744 р.	11.463 р.	1.619.156 р.
„ 1891 „	79.253.804 „	14.749 „	1.373.069 „

Изъ этихъ цифръ видно, что дѣйствительное пониженіе таможеннаго дохода въ 1891 г., сравнительно съ 1890 г., составляетъ 3.425.000 р. металлическихъ, безъ 246.000 р. кредитныхъ, т.е. около 5¹/₂ м. р. кредитныхъ.

Итакъ, по первому разсчету разница— $13\frac{1}{2}$ м. р., по второму— $5\frac{1}{2}$ м. р. Но возможенъ еще и третій счетъ—по дѣйствительному современному среднему курсу кредитнаго рубля сравнительно съ золотымъ: 1 р. 40 к. въ 1890 г., и 1 р. 50 к. въ 1891 году ¹⁾. Если, отбросивъ поступления въ серебряной и кредитной валютахъ, какъ незначительныхъ, остановимся на золотой, переведа золотые рубли въ кредитные по соответственному курсу, получается:

за 1890 годъ $82.675.744 \times 1 \text{ р. } 40 \text{ к.} = 115.746.041 \text{ р. кред.}$

за 1891 годъ $79.253.804 \times 1 \text{ р. } 50 \text{ к.} = 117.880.206 \text{ р. кред.}$

Въ результатѣ оказывается, что таможенный доходъ (при несомнѣнно уменьшившемся ввозѣ) не только не уменьшился, но повысился на 2 мил. рублей.

Если изъ трехъ разчетовъ первый очевидно неправиленъ, какъ основанный на произвольно установленномъ курсѣ рубля, то рѣшить, какой правильнѣе: второй или третій,—не совсѣмъ легко. Еслибы вмѣсто золотой монеты таможенные пошлины поступали по разсчету золотого рубля, но въ кредитныхъ знакахъ, по курсу дня (а это для желѣзнодорожныхъ разчетовъ признается нормальнымъ), то и вопроса бы не было о томъ, уменьшилось или увеличилось поступленіе: очевидно, увеличилось. Меньше—и въ то же время больше.

Мы подробнѣе остановились на этомъ примѣрѣ, чтобы еще разъ подтвердить необходимость устраненія двойственности изъ нашего денежнаго обращенія. Денегъ двухъ видовъ, съ постоянно измѣняющимся между ними отношеніемъ, не должно быть. Какъ извѣстно, даже серебряная монета перестала теперь играть роль денегъ и обратилась въ товаръ именно вслѣдствіе колебаній ея по отношенію къ золоту. Какъ и когда это будетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть сдѣлано, въ настоящее время предвидѣть трудно. Былъ періодъ,—съ 1881 по 1887 г., какъ помнится,—когда это входило въ программу министерства финансовъ. Затѣмъ этотъ вопросъ снятъ съ очереди ¹⁾.

¹⁾ Такой именно курсъ, близкій къ дѣйствительному, самымъ государственнымъ контролемъ принятъ для оборотовъ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ металлической валютѣ, „такъ какъ разсчеты съ ними обществами по металлическимъ суммамъ основываются на курсахъ дня вноса или расхода“ (Объяснит. записка къ отчету, за 1890 годъ, стр. 100).

²⁾ Насколько важна, по всеобщему сознанию, не колеблющаяся въ цѣнѣ денежная единица, обращающаяся въ народѣ, показываетъ, напримѣръ, манифестъ вновь избраннаго президента сѣверо-американскихъ штатовъ. По вопросу о монетной системѣ Кливлендъ говоритъ: „Народъ имѣетъ право на хорошія, честныя деньги, имѣющіяся въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія его дѣловыхъ потребностей. Пусть ходячая монета имѣетъ какую угодно форму, пусть она будетъ національной или государственной, пусть она будетъ золотая, серебряная или бумажная,

Но и до его рѣшенія—*крайне необходима*, не устанемъ мы повторять—въ отчеты по исполненію государственной росписи, относительно поступлений и расходовъ въ металлической валютѣ, слѣдовало бы внести нѣкоторое однообразіе. Можно бы разъ навсегда, какъ это и было до 1887 года, опредѣлять для росписи курсъ металлическихъ рублей въ 1 р. 50 к. кред. (такой курсъ кстати значительно бы облегчилъ счетоводство). Несомнѣнно, что этотъ курсъ можетъ разниться отъ дѣйствительнаго, но и теперь разница между дѣйствительнымъ курсомъ и принятымъ для росписи можетъ быть очень велика; за 1890 годъ она, какъ показано выше, была въ 30 коп. на рубль. Это дало бы возможность избѣжать перечисленія изъ одного курса въ другой государственныхъ долговъ, свободной наличности государственнаго казначейства и пр., —перечисленія, собственно говоря, празднаго, такъ какъ ни прежній, ни новый курсъ обыкновенно не совпадаютъ съ дѣйствительнымъ. Такъ, свободная наличность государственнаго казначейства въ концѣ 1890 года значилась въ размѣрѣ 234 м. р. кред., а черезъ нѣсколько часовъ, 1-го января 1891 г., нисколько не измѣнившись въ сущности, она уже числилась въ размѣрѣ 219 м. р., вслѣдствіе иного курса для золотыхъ рублей. Еслибы вмѣсто произвольнаго принять дѣйствительный средній курсъ золотого рубля по отношенію къ кредитному (1 р. 40 к. кред. для 1890 г. и 1 р. 50 к. для 1891 г.), то свободная наличность 1890 года составляла бы въ кред. рубляхъ 189 м. р., а въ 1891 г. она была бы переведена въ размѣрѣ 204 м. р., т.-е. не уменьшилась бы, а увеличилась на 15 м. рублей.

Возвращаясь къ таможенному доходу и останавливаясь на цифрѣ поступленія въ золотой валютѣ, придется признать, что доходъ этотъ понизился сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ на $5\frac{1}{2}$ м. р. кред. Это пониженіе объясняется государственнымъ контролемъ уменьшеніемъ ввоза товаровъ во второй половинѣ года въ связи съ послѣдовавшимъ въ то же время сокращеніемъ вывоза. Наибольшее уменьшеніе дохода оказалось по привозу чая (почти на 2 м. р.), желѣза и чугуна (на $1\frac{1}{2}$ м. р. слишкомъ), шерсти всякой и бумажной пряжи (до 900.000 р.). Значительное увеличеніе дохода дали лишь машины и аппараты, напитки и шерстяныя издѣлія, всего на 1.200.000 рублей.

Прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банко-

но, во всякомъ случаѣ, она должна быть охраняема заботами правительства или мудрыми и тщательно составленными законами, такъ, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно устойчивости ея цѣны. Каждый долларъ, попадающій въ руки народа, долженъ имѣть одну и ту же внутреннюю цѣнность и одну и ту же покупательную силу“.

отъ операций поступило 11 м. р. съ небольшимъ, менѣе 1890 г. почти на 5 м. р., вслѣдствіе сокращенія коммерческихъ прибылей государственнаго банка за 1889 годъ, перечисленныхъ въ казну въ 1891 году, противъ прибылей 1888 г., перечисленныхъ въ 1890 г. (съ 9 м. р. до 4.939.000 р.). Но причина самаго сокращенія въ отчетѣ не указывается.

Изъ другихъ понизившихся доходовъ нужно упомянуть еще о сахарномъ. *Акциза съ свеклосахарнаго производства* поступило около 21 м. р., менѣе предшествующаго года на 772.000 р., главнымъ образомъ вслѣдствіе большого вывоза сахара за границу съ возвратомъ акциза. Другими словами, сахарозаводчики отправляли побольше сахара за границу, по дешевой цѣнѣ, для того, чтобы, уменьшивъ предложение его внутри имперіи, возвысить тѣмъ цѣну продукта.¹⁾

Недавно состоявшимся Высочайшимъ повелѣніемъ положена нѣкоторая узда вожделѣніямъ сахарозаводчиковъ: министру финансовъ предоставлено покупать сахаръ за границей, съ тѣмъ, чтобы сахарный песокъ, вмѣстѣ съ пошлиной, обходился на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ не дороже 5 р. 10 к. Это должно, повидимому, повести къ тому, что розничная продажная цѣна песка не будетъ превышать 15 к. за фунтъ. Трудно заранѣе предсказать практическое вліяніе этой мѣры, во всякомъ случаѣ сопряженной съ большими осложненіями. Не слѣдовало ли бы къ этой мѣрѣ присоединить отмену возврата акциза за сахаръ, вывозимый за западную границу, какъ это сдѣлано для восточной? Это прежде всего отозвалось бы увеличеніемъ сахарнаго дохода, и вѣроятно предупредило бы необходимость казенной торговли сахаромъ, несомнѣнно весьма затруднительной, какъ вообще всѣ торговныя операціи, производимыя казною.

Увеличились нѣсколько доходы: *табачный, почтовый и телеграфный* (на сумму до милліона рублей каждый) и главнымъ образомъ *отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ*. Этого дохода поступило 60½ м. р., болѣе предшествовавшаго года на 11 м. р. Такое увеличеніе зависитъ отчасти отъ присоединенія къ казенной сѣти новыхъ линій, отчасти отъ болѣе своевременнаго поступленія дохода въ кассы государственнаго казначейства, но также въ значительной мѣрѣ и отъ повышенія доходности многихъ дорогъ: закавказской (съ 13½ м. р. почти до 16 м. р.), самаро-златоустовской (съ 860.000 р. до 1.809.000 р.), исково-рижской (съ 787.000 до 1.252.000 р.) и другихъ.

---

¹⁾ Два мѣсяца тому назадъ, при обзорѣ внѣшней торговли, мы подробно говорили объ этомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, октябрь, 1892 г.

Переходимъ къ обыкновеннымъ расходамъ. Ихъ произведено, какъ показано выше, 875.348.831 рубль, противъ 1890 года на 2.430.719 р. менѣе. Но это уменьшеніе составляетъ только результатъ прежде всего иного курса, принятаго при перечисленіи металлическихъ расходовъ въ кредитные: въ 1890 г. по 1 р. 70 коп. за зол. рубль, а въ 1891 г. по 1 р. 60 к., что при 60 мил. р., приблизительно, расхода какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ году, составитъ для 1891 г. фиктивное уменьшеніе на 6 м. р. Если добавить ихъ къ расходамъ 1891 года, то въ нихъ, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, окажется не уменьшеніе, а повышеніе на $3\frac{1}{2}$ мил. р. ¹⁾

Въ отчетѣ приводится интересное сопоставленіе обыкновенныхъ расходовъ за все десятилѣтіе 1882—1891 годовъ, сопоставленіе тѣмъ болѣе любопытное, что въ 1882 году послѣдовало значительное сокращеніе расходовъ (на $23\frac{1}{2}$ м. р. противъ 1881 года), причемъ расходы военнаго министерства были сокращены на 25 мил. рублей. Для болѣе правильнаго сравненія расходовъ въ нихъ уравнивъ курсъ при переложеніи металлическихъ рублей въ кредитные и исключены расходы по операціямъ, входившимъ въ роспись не за всѣ десять лѣтъ (выкупной, ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій). За такими измѣненіями для расходовъ въ десятилѣтіе получается, за округленіемъ, слѣдующій рядъ цифръ:

Года	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891
Мил. рублей .	709	723 $\frac{1}{2}$	728	749	780	769 $\frac{1}{2}$	778	796	821 $\frac{1}{2}$	829

Изъ этого видно, что за десять лѣтъ расходы увеличились на 120 м. р. Главное увеличеніе оказалось: 1) по министерству путей сообщенія, на 49 м. р., вслѣдствіе постройки казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и перехода въ казну многихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, расходы на эксплуатацію которыхъ въ болѣе или менѣе значительной степени покрываются получаемыми съ этихъ дорогъ доходами; 2) по морскому министерству, на $14\frac{1}{2}$ м. р., преимущественно вслѣдствіе усиленныхъ расходовъ на кораблестроительство; 3 и 4) по министерствамъ финансовъ (на $12\frac{1}{2}$ м. р.) и внутреннихъ дѣлъ (на 10 м. р.), вслѣдствіе расширенія подвѣдомственныхъ имъ учрежденій; 5) министерства юстиціи (на 5 м. р.), вслѣдствіе распространенія области преобразованныхъ судебныхъ учрежденій; 6) министерства народнаго просвѣщенія (на $3\frac{1}{2}$ м. р.); 7) государственнаго контроля (на 1.750.000 р.), преимущественно вслѣдствіе учрежденія мѣстнаго

¹⁾ Сверхъ того, какъ мы упомянули, изъ росписи обыкновенныхъ расходовъ перенесены въ чрезвычайную 7 м. р. слишкомъ, — изъ нихъ 6 мил. на перевооруженіе. О нихъ мы скажемъ при разсмотрѣніи чрезвычайнаго бюджета.

железнодорожного контроля, и наконец 8) военного министерства — почти на 20 мил. р.

Мы упомянули о военномъ вѣдомствѣ въ концѣ перечня именно для того, чтобы сказать о немъ подробнѣе. По сравненіи расходовъ 1882 г. (206 м. р.) съ расходами 1891 г., дѣйствительно оказывается тутъ возвышеніе расходовъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ 1882 г., сравнительно съ прежними годами, по военному вѣдомству послѣдовало значительное ихъ сокращеніе, вслѣдствіе: а) низкихъ цѣнъ на провіантъ; б) уменьшенія расходовъ на заготовленіе предметовъ вещевого довольствія, въ виду имѣвшагося въ сихъ предметахъ излишка отъ заготовокъ военного времени, и в) сокращенія штатнаго состава войскъ, ихъ управленій и заведеній (на сумму до 6½ м. р.). Такимъ образомъ видно, что 1882 годъ является исключительнымъ. Если же для сравненія взять не этотъ годъ, а предшествовавшій 1881-й, съ расходомъ по военному вѣдомству почти въ 230 мил. рублей, то оказывается, что расходы по этому вѣдомству не только не увеличились, но на нѣсколько миллионовъ уменьшились.

Правда, независимо отъ обыкновенныхъ расходовъ военного вѣдомства, въ послѣдніе годы были еще значительные чрезвычайные расходы по перевооруженію; эти расходы не служатъ къ численному усиленію боевой силы, но они увеличиваютъ ея качество примѣніемъ усовершенствованнаго оружія и пороха взамѣнъ стараго.

По системѣ государственнаго кредита расходы за 10 лѣтъ увеличились всего на 2.300.000 р.; въ 1882 г. израсходовано безъ малаго 200 м. р.; въ 1891 году — 248 м. р. Но изъ нихъ нужно вычесть составлявшіе въ 1882 году особый счетъ расходы по выкупной операціи (40½ м. р.) и разницу курса металлическихъ платежей, около 5 мил. рублей.

Сравнительно съ 1890-мъ годомъ, въ 1891 году преимущественно оказалось увеличеніе расходовъ: а) почти на 5 м. р. по морскому министерству, вслѣдствіе отпуска дополнительныхъ 5 м. р. на судостроеніе, подъ условіемъ соотвѣтственнаго уменьшенія цифры предѣльнаго бюджета морского министерства, начиная съ 1897 года; б) по министерству финансовъ на 4 м. р. слишкомъ, вслѣдствіе выдачи пособія обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода (2 м. р.), выдачи продовольственныхъ ссудъ нуждающемуся населенію (1.307.000) и на отпускъ пенсій и постоянныхъ пособій, и в) по министерству внутреннихъ дѣлъ на 4 м. р., вслѣдствіе, главнымъ образомъ, распространенія на 12-ть губерній третьей очереди (2.340.000) положенія о земскихъ начальникахъ. Уменьшились расходы по смѣтѣ системы государственнаго кредита, на 8.713.000 р., вслѣдствіе конверсіи 5%-ныхъ билетовъ государственнаго банка и перваго восточнаго займа и выкупа нѣкоторыхъ займовъ.

Для оцѣнки неточностей, порождаемыхъ въ результатахъ исполненія росписи произвольнымъ, не соответствующимъ дѣйствительности, назначеніемъ курса металлическаго рубля, необходимо знать размѣръ поступленій и расходовъ, по которымъ этотъ курсъ принимается. За послѣдніе три года въ отчетахъ государственнаго контроля находятся слѣдующія по этому предмету данныя:

	Въ металлической валютѣ рублей:		
	поступило:	израсходовано:	доходовъ болѣе:
Въ 1889 году	84.519.151	67.793.206	16.725.943
„ 1890 „	88.511.463	62.193.179	26.318.283
„ 1891 „	84.754.329	60.530.223	24.224.106

Изъ этихъ цифръ видно, во-первыхъ, что неточность за эти три года, когда назначенный курсъ былъ нѣсколько ниже дѣйствительнаго, склоняется въ пользу доходовъ; во-вторыхъ, что она вообще не велика, такъ что при самой большой разницѣ, въ 30 коп. въ 1890 году, составила всего около 8 м. рублей, а въ 1891 году не превышаетъ 2½ м. р. Но незначительная вообще для всей росписи, эта неточность является весьма замѣтной для отдѣльных доходныхъ или расходныхъ статей, какъ это и было показано относительно таможеннаго дохода. Оба указанныхъ обстоятельства равно побуждаютъ желать, чтобы при переложении металлическихъ поступленій и расходовъ въ кредитные рубли былъ принятъ постоянный курсъ. Если бы оказалось даже, что онъ и далеко отступитъ отъ дѣйствительнаго, то въ общемъ результатъ это отозвалось бы лишь небольшою разницею—между тѣмъ постоянство курса давало бы возможность слѣдить за движеніемъ изъ года въ годъ тѣхъ доходныхъ и расходныхъ статей, по которымъ поступаютъ или тратятся металлическіе рубли.

По чрезвычайной росписи поступленій (имѣющихъ характеръ дѣйствительныхъ доходовъ) было исчислено около 14 м. р., а поступило ихъ около 39 м. р., а именно:

	Предположено:	Поступило:
	р у б л е й	
Уплата съ хивинскаго хана	150.000	150.000
Уплата военнаго вознагражденія отъ Турціи	3.187.139	4.126.000 ¹⁾
Вклады въ госуд. банкъ на вѣчное время	713.000	1.843.288
Возвратъ позаймствованій желѣзныхъ дорогъ	3.700.000	24.267.421
Освободившихся специальныхъ капиталовъ	6.000.000	6.412.189

¹⁾ Въ отчетѣ за 1891 годъ впервые указана подлежащая еще уплатѣ сумма военнаго вознагражденія отъ Турціи и Хивы: остается къ 1-му января 1892 года: а) долга Турціи 185.691.009 рублей золотомъ; б) долга Хивы 1.255.760 руб. кредитныхъ.

Уплата долга взаимнаго позем. кредита . . .	—	63.340
Свободные остатки капиталовъ желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ казну . . .	—	338.650
Остатковъ по заключеннымъ смѣтамъ . . .	—	1.687.061
Итого . . .	13.750.139	38.887.949

Чрезвычайные расходы были исчислены въ размѣрѣ до 63¹/₂ м. р. По исполненію расходовъ оказалось 240 м. р. слишкомъ. По предметамъ, внесеннымъ въ роспись, расходы увеличились всего на сумму до 7¹/₂ м. р., которая была изъ обыкновенной росписи перенесена въ чрезвычайную, и составили, слѣдовательно, около 71 мил. р. Остальные 169 мил. рублей составляютъ расходъ по досрочному выкупу займовъ и траты, вызванныя неурожаемъ. Чрезвычайная роспись и ея исполненія представляются въ такомъ видѣ:

	Назначено по росписи: рублей	Исрас- довано: кредитныхъ
Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ .	42.913.500	44.297.210
На расходы по перевооруженію	20.000.000	26.154.023
На заготовленіе специальныхъ резервовъ про- довольствія	500.000	500.000
На выкупы займовъ	—	94.310.248
На расходы, вызванные неурожаемъ . . .	—	75.036.391
Итого . . .	63.413.500	240.297.872

Каждый разъ, когда намъ приходится говорить о чрезвычайномъ бюджетѣ, нами овладѣваетъ слѣдующее недоумѣніе: мы никакъ не можемъ выяснитъ себѣ тѣхъ основаній, на которыхъ происходитъ дѣленіе росписи на обыкновенную и чрезвычайную. Разсмотримъ, напримѣръ, чрезвычайную роспись 1891 года и начнемъ съ расходовъ. Распределеніе ихъ на ту или другую группу, очевидно, должно зависѣть отъ предмета расхода, отъ источника, которымъ онъ покрывается, отъ его размѣра, а иногда и отъ всѣхъ трехъ условій вмѣстѣ. Если разобрать расходы 1891 г., то несомнѣнно *чрезвычайными* должны считаться расходы, вызванные неурожаемъ, и именно на основаніи всѣхъ трехъ указанныхъ условій. Если бы размѣръ ихъ былъ незначителенъ, то онъ несомнѣнно могъ быть отнесенъ на смѣту или министерства внутреннихъ дѣлъ (напр., по ст. 8 пособій) или на смѣту департамента государственнаго казначейства. Но такъ какъ этотъ расходъ очень великъ, то покрыть его изъ обыкновенныхъ источниковъ государственныхъ средствъ было невозможно: нужно было отнести его на счетъ чрезвычайныхъ, которыми въ данномъ случаѣ оказались имѣвшаяся къ 1891 г. свободная наличность суммъ государственнаго казначейства; если бы не было ея, источникомъ долженъ

бы послужить заемъ. Самый предмет расхода является выходящимъ изъ ряда обычныхъ, тѣмъ болѣе, что это расходъ не безвозвратный, хотя способъ его возврата и размѣръ, въ какомъ онъ можетъ возмѣститься, остаются неопредѣленными.

Досрочная уплата по займамъ на крупную сумму 94 м. р., по нашему мнѣнію, не относится ни къ обыкновеннымъ, ни къ чрезвычайнымъ расходамъ. Для такихъ операций, для расходовъ по конверсіямъ, а равно и для суммъ, поступающихъ отъ займовъ, долженъ бы быть отдѣленъ особый отдѣлъ росписи: *кредитныя операции*.

Расходы на сооруженіе портовъ, простиравшіеся въ 1891 году до 4.900.000 р., уже десятки лѣтъ производятся приблизительно въ той же суммѣ, доходившей въ иные годы до 7 м. р., и относятся почти къ однимъ и тѣмъ же портамъ, въ размѣрѣ отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ тысячъ руб. на каждый портъ. Это—расходы, совершенно соотвѣтствующіе расходамъ на работы по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ и по шоссеинымъ сообщеніямъ—и значительно уступающіе имъ въ размѣрѣ (около 8 и 10 м. р.). Почему эти работы вошли въ обыкновенную смѣту, а устройство портовъ въ чрезвычайную—рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что въ расходной смѣтѣ министерства путей сообщенія есть особый параграфъ на ремонтъ портовыхъ сооружений и эксплуатаціонные по нимъ расходы.

Труднѣе разобраться въ расходахъ на желѣзныя дороги по ихъ разнообразію. Въ составъ входятъ расходы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, производство изысканій къ постройкѣ новыхъ дорогъ, изготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей, выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, улучшеніе и усиленіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ (по однимъ—съ стратегическою, по другимъ—съ коммерческою цѣлью) и пр. Если нѣкоторые изъ этихъ расходовъ и можно отнести къ чрезвычайнымъ, то есть и другіе, вполне соотвѣтствующіе обыкновеннымъ расходамъ.

Наконецъ, расходы по перевооруженію. Единственнымъ основаніемъ отнесенія ихъ въ чрезвычайный бюджетъ можетъ быть признанъ лишь крупный размѣръ расхода. Ни предметъ его, ни источникъ—не выделяютъ его изъ другихъ расходовъ военного министерства, какъ, напримѣръ, „приготовленіе и усовершенствованіе артиллеріи“, постройка и ремонтъ крѣпостей, и т. п. Крупный расходъ вызванъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ коренными измѣненіями системъ огнестрѣльнаго оружія, но при направленіи общей европейской политики можно ожидать дальнѣйшей, постоянной и все больше и больше прогрессирующей изобрѣтательности орудій смерти и разрушенія.

Неудовлетворительность дѣленія нашихъ бюджетовъ на обычно-

венный и чрезвычайный сознается самимъ министерствомъ финансовъ. Только въ виду ея и послѣдовало, несомнѣнно, извѣстное заявленіе бывшаго министра финансовъ, что задачу этого вѣдомства онъ только тогда почтетъ исполненною, когда избытками обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ будутъ вполне покрыты недоборы чрезвычайнаго бюджета. Очевидно, пожеланія министра не могли относиться ни къ такимъ расходамъ, какъ досрочная уплата займовъ, ни къ расходамъ въ родѣ прокормленія голодающаго населенія 17-ти губерній. Они несомнѣнно относились къ такимъ чрезвычайнымъ расходамъ, которые обычно, изъ года въ годъ, фигурировали, приблизительно въ одной и той же суммѣ, въ составѣ нашихъ бюджетовъ. Но при такой цѣли всего правильнѣе съюзить какъ можно болѣе область чрезвычайныхъ расходовъ, выдѣливъ въ нее только то, что никакимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ періодическимъ обыкновеннымъ расходамъ. Этимъ и самая цѣль будетъ легче достигнута.

Есть, напротивъ, въ обыкновенныхъ смѣтахъ обороты, которые всего болѣе подходили бы къ чрезвычайному бюджету: таковы, напримѣръ, расходы на счетъ постороннихъ источниковъ и суммы, поступающія на ихъ возмѣщеніе. Такихъ расходовъ,—преимущественно на пенсіи и пособія изъ эмеритальныхъ кассъ, изъ инвалиднаго капитала, на счетъ учрежденій императрицы Маріи, на счетъ земскихъ и городскихъ суммъ и пр. и пр.,—произведено въ 1891 году 11.657.000 р., а въ возмѣщеніе ихъ поступило 10.951.000 р., менѣе на 700.000 рублей, которые, слѣдовательно, ненадлежащимъ образомъ уменьшили благоприятный балансъ по исполненію обыкновенной государственной росписи.

Общіе результаты оборотовъ по росписи 1891 г. (обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ) выразились, какъ показано въ началѣ статьи, въ недоборѣ 181 мил. р., которые и предстояло покрыть изъ особаго источника. Этимъ источникомъ оказалась *свободная наличность* въ 1891 году суммъ государственнаго казначейства, т.-е. суммъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго назначенія. Такой наличности, накопившейся вслѣдствіе благоприятныхъ результатовъ по исполненію росписей предшествующихъ лѣтъ, состояло къ 1-му января 1891 года около 219½ м. р. (219.643.995 р.); но изъ нихъ 3 мил. р. были поглощены оборотами по произведеннымъ въ 1891 г. конверсіямъ и другимъ финансовымъ операціямъ, что уменьшило свободную наличность до 216½ мил. р., а за возмѣщеніемъ изъ нея 181 мил. р. излишка расходовъ 1891 года, къ 1-му января 1892 года свободная наличность государственнаго казначейства равнялась 35.364.920 руб.

При этомъ, какъ видно изъ отчета, оказывается, что по сравне-

ни съ лежащими на государственномъ казначействѣ обязанностями, кассовая наличность представляла въ 1-му января избытокъ золота въ размѣрѣ 85¹/₂ м. р., а избытокъ серебра—въ размѣрѣ почти до 6 м. р., при недостаткѣ кредитной валюты въ 108 мил. рублей.

Считаемъ не лишнимъ напомнить, что недоборъ въ 181 м. р., почти совершенно истощившій свободную наличность, есть результатъ *кассовыхъ* оборотовъ, а не *бюджетныхъ*. Если расходы на помощь пострадавшему отъ неурожая населенію, въ виду очень льготнаго, съ неопредѣленнымъ срокомъ, возврата ихъ всего правильнѣе считать безвозвратными, то 94¹/₂ мил. р., употребленные на досрочный выкупъ займовъ, не могутъ быть поставлены на счетъ ни бюджета 1891 года, ни бюджета иного года. Поэтому результатъ исполненія государственной росписи 1891 года наиболѣе близко къ дѣйствительности можно выразить въ слѣдующихъ цифрахъ:

По обыкновенному бюджету избытокъ доходовъ въ	20.432.759	рублей
по чрезвычайному недоборъ въ	107.099.675	„
<hr/>		
въ общемъ недоборъ въ	86.666.916	„

Неблагопріятное вліяніе постигшей насъ экономической невзгоды не ограничится, очевидно, бюджетомъ 1891 года, а отразится, быть можетъ, еще болѣе невыгоднымъ образомъ на бюджетѣ настоящаго года: по многимъ статьямъ обыкновенныхъ доходовъ поступленіе слабѣе прошлогодняго, а по чрезвычайному, сверхъ обычныхъ расходовъ на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, назначена приблизительно такая же сумма, какъ и въ 1891 году. Такимъ образомъ, 1891 годомъ какъ бы заканчивается серія необычайно удачныхъ для насъ бюджетныхъ годовъ (что было причиной удачі — другой вопросъ), и мы снова въ болѣе или мѣншей степени впадаемъ въ финансовыя затрудненія, напоминающія періодъ 1881 — 1887 годовъ. Не бесполезно поэтому возвратиться къ бюджетнымъ результатамъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что это время совпадаетъ съ дѣятельностью министра финансовъ, въ этомъ году оставившаго свой постъ.

1887-й годъ, съ котораго началась дѣятельность И. А. Вышнеградскаго, какъ извѣстно, былъ переходный: роспись, сведенная съ дефицитомъ въ 36¹/₂ м. р., при ея исполненіи, вслѣдствіе введенія среди года новыхъ налоговъ и возвышенія многихъ изъ существовавшихъ, завершилась дефицитомъ въ 3¹/₂ мил. р. по обыкновенному бюджету и обычнымъ недоборомъ по чрезвычайному. За послѣдующіе годы результаты исполненія росписи представляются въ круглыхъ цифрахъ слѣдующими ¹⁾:

¹⁾ Финансовыя операціи: займъ, конверсія, уплата долговъ—исключены.

Годы	1888	1889	1890	1891
избытокъ въ доходахъ.				
Обыков. роспись.	60 $\frac{1}{2}$ м. р.	86 $\frac{1}{2}$, ¹⁾ м. р.	73 м. р.	20 $\frac{1}{2}$ м. р.
недоборъ доходовъ				
Чрезвычайная.	26 м. р.	11 $\frac{1}{2}$ м. р.	25 м. р.	107 м. р.
<hr/>				
избытокъ поступлений				
недоборъ				
Всего . . .	34 м. р.	75 м. р.	48 м. р.	86 $\frac{1}{2}$ м. р.

Такимъ образомъ, трехлѣтній избытокъ доходовъ (157 м. р.) слишкомъ на половину уже поглощенъ; второй половины, какъ можно навѣрное предвидѣть, не станетъ на пополненіе недобора настоящаго года, и все это вслѣдствіе невзгоды, обрушившейся въ прошломъ году на третью часть Россіи, послѣ трехъ лѣтъ необыкновенно счастливыхъ въ экономическомъ отношеніи. Хуже всего то, что невыгодное положеніе государственныхъ финансовъ въ данномъ случаѣ — не болѣе какъ отраженіе, и притомъ еще слабое, неудовлетворительнаго экономическаго положенія населенія. Припомнимъ недалеко ушедшее отъ насъ время, когда необыкновенно удачное исполненіе нашихъ государственныхъ росписей встрѣчалось до крайности неумѣреннымъ официальнымъ и неофициальнымъ славословіемъ. Лишь немного голосовъ указывало на ненадежность успѣха, достигнутаго, при необычайно счастливыхъ обстоятельствахъ, путемъ чуть не сплошнаго возвышенія налоговъ и всегда рискованныхъ финансово-биржевыхъ спекуляцій, а не путемъ заботъ о развитіи народнаго труда и производительности. Замѣчательно, что И. А. Вышнеградскій, начавшій свою финансовую дѣятельность значительнымъ повышеніемъ налоговъ и не отступавшій отъ этой системы въ теченіе четырехъ лѣтъ, незадолго до оставленія имъ, по внезапной болѣзни, поста министра финансовъ, пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее увеличеніе налоговъ или введеніе новыхъ не только не необходимо, но, при экономическомъ потрясеніи, даже *крайне опасно*. Онъ пришелъ такимъ образомъ къ тому, что за четыре года передъ тѣмъ было высказано его предмѣстникомъ ²⁾. Но, къ сожалѣнію, устраненіе дефицитовъ и даже накопленіе избытковъ въ государственномъ казначействѣ повышеніемъ налоговъ — средство скорое и легкое, а усиленіе народной производительности — путь продолжительный и сложный. Оно требуетъ прежде всего настойчивой заботы о развитіи народнаго образованія общаго и техническаго, развитія сельско-хозяйственныхъ знаній, развитіе дешеваго и доступнаго для массъ кре-

¹⁾ Столь значительный избытокъ объясняется отчасти крупной суммой (17 $\frac{1}{2}$ м. р.) закрытыхъ въ этомъ году кредитовъ прежняго времени.

²⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1892 г., стр. 881 и 882.

дита, освобожденіе народнаго труда отъ стѣсняющихъ его условій, охраны массы отъ хищническихъ поплзновеній извнѣ и, наконецъ, нравственной охраны ея отъ ея собственныхъ пороковъ и дурныхъ привычекъ, порожденныхъ невѣжествомъ и бѣдностью.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ финансовыхъ результатовъ 1891 года, можно замѣтить, что сами по себѣ они вовсе не представились бы печальными: по обыкновенной росписи оказался избытокъ; по чрезвычайной,—если исключить помощь населенію, —небольшой дефицитъ покрывается произведенными полезными заботами: устройствомъ портовъ и сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Уменьшеніе въ поступленіи нѣкоторыхъ доходовъ явилось непосредственнымъ результатомъ случайнаго обстоятельства—неурожая; расходы вообще не увеличились или увеличились незначительно.

Необходимо, однако, не упускать изъ вида и обратной стороны: вліяніе прошлогодней невзгоды не ограничивается истекшимъ годомъ, но скажется еще болѣе невыгодно и въ нынѣшнемъ; относительно благопріятные результаты исполненія государственной росписи 1891 года составляютъ главнымъ образомъ слѣдствіе одного возвышенія налоговъ, при чемъ платежныя силы населенія настолько уже напряжены, что дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи если и не крайне опасно, по выраженію бывшаго министра финансовъ (разумѣвшаго именно экономическую опасность), то во всякомъ случаѣ нежелательно; какое-либо замѣтное сокращеніе расходовъ, при натянутомъ политическомъ положеніи Европы, невозможно; наконецъ, нашъ вѣншній кредитъ ослабленъ, при полномъ отсутствіи собственныхъ капиталовъ.

Всѣ указанная обстоятельства въ совокупности дѣлаютъ наше финансовое состояніе весьма серьезнымъ,—въ томъ смыслѣ, что оно требуетъ отъ финансоваго управленія въ одно и то же время болѣе энергіи и болѣе осмотрительности и напряженного вниманія ко всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства, а равно и къ многостороннимъ проявленіямъ народной экономической жизни.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1892 г.

Оскудѣніе земскихъ кассъ.—Государственный кредитъ, какъ единственная правильная форма помощи земству.—Возможныя послѣдствія закрытія земскихъ школъ.—Процессъ въ харьковской судебной палатѣ.—Юридическое и бытовое значеніе превышенія власти.

Наше земство переживаетъ теперь вдвойнѣ трудную эпоху. Поставленное въ необходимость приспособиться къ новымъ условіямъ, созданнымъ для него положеніемъ 1890 г., оно должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, бороться съ послѣдствіями народнаго обѣднѣнія, вызваннаго цѣлымъ рядомъ неурожайныхъ годовъ. Со всѣхъ сторонъ приходятъ вѣсти о пустотѣ земскихъ кассъ, о невозможности покрыть, безъ экстраординарныхъ средствъ, текущіе земскіе расходы. Такъ напримѣръ, шадринское земство (пермской губерніи) уже нѣсколько мѣсяцевъ не платитъ жалованья народнымъ учителямъ и мелкимъ служащимъ и нуждается въ ссудѣ 170 тыс. руб. Казанское уѣздное земство еще въ минувшемъ году заключило нѣсколько займовъ, на сумму до 195 тыс. руб.; недоимки земскаго сбора по этому уѣзду, къ началу текущаго года составлявшія 201 тыс., возросли, къ 1-му іюля, до 363 тыс. Очередное казанское уѣздное собраніе рѣшило ходатайствовать о выпускѣ двухсотъ-тысячнаго облигаціоннаго займа, заявляя, что въ случаѣ отказа земство, „въ виду полнаго экономическаго оскудѣнія, вынуждено будетъ прекратить отправленіе всѣхъ своихъ хозяйственныхъ функцій“. Такія же ходатайства возбуждены нѣсколькими уѣздными земствами въ губерніяхъ херсонской и таврической. Сомнѣваться въ ихъ удовлетвореніи едва ли возможно. Расходы обязательныя, составляющіе около половины всѣхъ земскихъ смѣтъ, ничѣмъ существенно не отличаются отъ общихъ государственныхъ расходовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить объ участіи земствъ въ содержаніи новыхъ судебно-административныхъ учреждений. Когда у насъ былъ введенъ судебно-мировой

институтъ, онъ былъ поставленъ въ тѣсную связь съ земствомъ: земскимъ собраніямъ предоставлено было избраніе мировыхъ судей, а также опредѣленіе цифры ихъ содержанія, ограниченной только извѣстными предѣлами, минимальнымъ и максимальнымъ. Отъ земства зависѣло, отчасти, и самое число мировыхъ участковъ. Сообразно съ этимъ весь расходъ на мировыхъ судей и на мировой сѣздъ былъ отнесенъ на земскія средства, хотя должность мирового судьи имѣла, конечно, не только мѣстное значеніе. По той же причинѣ возложено было на земскій счетъ и содержаніе уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, большинство въ которыхъ принадлежало лицамъ, избраннымъ земскими собраніями (непремѣнный членъ, предсѣдатель управы, почетный мировой судья). Со времени упраздненія мирового института и крестьянскихъ присутствій вся сумма земскихъ расходовъ по этому предмету обязательно вносится въ земскую смѣту, какъ пособие государственному казначейству въ содержаніи земскихъ начальниковъ и уѣзднаго сѣзда. Не ясно ли, что это расходъ—земскій только по имени? Земскіе начальники—такія же должностныя лица, какъ исправникъ, уѣздный казначей, податной инспекторъ и т. д.; если они получаютъ большую часть своего жалованья изъ земскихъ суммъ, то это объясняется исключительно обстоятельствами, предшествовавшими учрежденію этой должности. Такой же общегосударственный характеръ имѣютъ земскіе расходы на подводную повинность, главный предметъ которой—разѣзды чиновниковъ; на содержаніе дорогъ и мостовъ (земскими дорогами считаются, обыкновенно, только тѣ, которыя имѣютъ не исключительно мѣстное значеніе), на содержаніе воинскаго присутствія и т. п. Менѣе очевидно, но не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, реально общегосударственное свойство необязательныхъ земскихъ расходовъ. Нужно ли доказывать, что, заботясь о народномъ образованіи и о народномъ здоровьѣ, земство способствуетъ исполненію задачи, которая иначе всей своей тяжестью легла бы на правительство? Прежде можно было, хотя и съ большой натяжкой, отрицать государственное значеніе расхода на содержаніе земскихъ управъ; теперь и это немислимо, такъ какъ новое земское положеніе приравниваетъ предсѣдателя и членовъ управъ къ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. Въ общемъ строѣ управленія трудъ земскихъ управъ необходимъ, конечно, отнюдь не меньше, чѣмъ трудъ другихъ учреждений, содержимыхъ на государственныя средства.

Итакъ, земство имѣетъ беспорное право на государственную поддержку; остается только показать, что она не можетъ быть замѣнена для него ничѣмъ другимъ. Своихъ капиталовъ уѣздныя земства не имѣютъ или не могутъ трогать, въ виду спеціальнаго ихъ назначенія (напр. капиталы продовольственный или на устройство мѣстъ заклю-

ченія). Капиталы губернскихъ земствъ также, въ большинствѣ случаевъ, неприкосновенны; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нѣтъ на-лицо даже самаго необходимаго изъ нихъ — страхового. Помощь уѣзднымъ земствамъ со стороны губернскаго, поэтому, рѣдко можетъ выразиться въ чемъ-либо иномъ, кромѣ разрѣшенія краткосрочныхъ и небольшихъ позаймствованій изъ губернскаго сбора или изъ страховыхъ по уѣзду платежей. Земскій заемъ у частныхъ лицъ или у кредитныхъ учреждений возможенъ и цѣлесообразенъ только въ двухъ случаяхъ: когда онъ совершается на короткое время и для покрытія его имѣются въ виду вѣрные и близкіе ресурсы (напр. земскіе сборы, плохо поступающіе въ первой половинѣ года, но обильно вносимые во второй), или когда онъ предназначается для какой-нибудь крупной единовременной затраты (напр. для постройки земской больницы, дома умалишенныхъ и т. п.) и подлежить погашенію небольшими взносами, въ теченіе продолжительнаго срока. Ни тому, ни другому условію не соответствуютъ займы, необходимые для земства нуждающихся уѣздовъ. Въ близкомъ будущемъ здѣсь нельзя ожидать исправнаго поступленія земскихъ сборовъ — а между тѣмъ цѣлью займа служить покрытіе текущихъ, обыкновенныхъ расходовъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ земства либо вовсе не найдутъ кредита, либо найдутъ его на условіяхъ до разорительности тяжелыхъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, частный заемъ, не обезпеченный доходами и не основанный на нихъ, былъ бы только отсрочкой неминуемаго банкротства. Едва ли, поэтому, можно придавать серьезное значеніе предложеніямъ нѣкоторыхъ частныхъ банковъ открыть земствамъ кредитъ подъ ихъ бюджеты. Воспользоваться такимъ кредитомъ могутъ развѣ *состоятельныя* земства, т.-е. не тѣ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Остается, слѣдовательно, только государственная помощь, которая можетъ быть оказана также въ видѣ кредита, но кредита льготнаго, долгосрочнаго, безпроцентнаго или оплачиваемаго самымъ небольшимъ процентомъ. Какъ и „Русскія Вѣдомости“, мы отказываемся вѣрить слуху, сообщенному недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ — будто бы земскимъ собраніямъ предложено, въ виду обремененія государственнаго казначейства, не возбуждать ходатайствъ о правительственныхъ ссудахъ, а изыскивать средства путемъ займа у частныхъ лицъ и въ частныхъ банкахъ.

Наименѣе обезпечено, въ обѣднѣвшихъ уѣздахъ, положеніе земскихъ школъ; на нихъ, прежде всего, отразилась бы безнадежная несостоятельность земства. Обязательные расходы должны быть производимы во что бы то ни стало; земскія управы не могутъ прекратить свою дѣятельность — и вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ продолжать ее, если она не будетъ оплачиваема; неудобно, наконецъ — особенно

въ виду возможнаго возобновленія холеры, — закрывать больницы и распускать врачебный персоналъ. Остаются только школы, участь которыхъ во многихъ мѣстностяхъ виситъ на волоскѣ. Если вѣрить слухамъ, кое-гдѣ этотъ волосокъ уже оборвался. Въ газетахъ было сообщено, что моршанское земство (тамбовской губерніи) рѣшило закрыть половину своихъ школъ. Мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что это сообщеніе невѣрно; вопросъ о закрытіи 33 школъ (изъ 72) дѣйствительно возникалъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ моршанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, но, послѣ довольно упорной борьбы, разрѣшенъ отрицательно. Состоялось закрытіе земскихъ школъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, въ елатомскомъ уѣздѣ (тамбовской губерніи); проектировалось оно и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ пензенской губерніи. Объясненіемъ этому можетъ служить только крайній недостатокъ средствъ, потому что сочувствіе къ земской школѣ почти вездѣ перешло, какъ драгоцѣнное наслѣдство, отъ прежнихъ земскихъ учрежденій къ новымъ. Опасаться переменъ въ отношеніяхъ земства къ земской школѣ можно было по двумъ причинамъ: вслѣдствіе уменьшенія и ослабленія крестьянскаго элемента, всегда поддерживавшаго земскую школу, и вслѣдствіе замѣны безусловнаго представительства землевладѣльцевъ сословнымъ представительствомъ дворянъ. До сихъ поръ, однако, эти опасенія оправдываются только въ незначительной степени: старый земскій духъ еще не угасъ ни въ избранникахъ дворянства, ни въ уполномоченныхъ отъ крестьянъ. Противоположныя стремленія безспорно существуютъ, но, въ большинствѣ случаевъ, еще не высказываются прямо и открыто—или встрѣчаютъ отпоръ со стороны большинства. Тамъ, гдѣ не было неурожая, дѣло земской школы не только не двигается назадъ, но часто расширяется и совершенствуется. Въ рязанскомъ уѣздѣ, напримѣръ, ассигновано 960 рублей на открытіе четырехъ новыхъ школъ. Въ лужскомъ уѣздѣ (с.-петербургской губерніи) также открываются вновь четыре земскія школы. Въ уѣздахъ вятскомъ, семеновскомъ (нижегород. губ.), корочанскомъ (курской губ.), елецкомъ (орлов. губ.) назначены новыя ассигновки на школьныя бібліотеки. Весьма любопытно было бы узнать, что сдѣлано земскими собраніями вслѣдствіе предъявленнаго имъ предложенія оберъ-прокурора св. синода, содержаніе котораго изложено въ нашей ноябрьской „Общественной Хроникѣ“. Рязанская уѣздная управа — пишетъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 311)—предлагала отпустить въ распоряженіе епархіальнаго училищнаго совѣта 150 рублей, „но возникъ вопросъ, о земскихъ ли или церковно-приходскихъ школахъ грамотности идетъ рѣчь. Гласный отъ духовенства разъяснилъ, что земству не дано право открывать школы грамотности. Одинъ гласный указалъ на то, что нельзя

требовать назначенія суммъ на расходы по церковно-приходскимъ школамъ, когда земству не предоставлено участвовать въ надзорѣ за этими школами; другой гласный заявилъ, что уѣздное земство уже тратитъ болѣе 30 тыс. рублей ежегодно на народное образованіе, и что ему предстоитъ еще увеличеніе этихъ расходовъ на новыя земскія школы; третій напомнилъ собранію, что земство выработало извѣстную организацію школьнаго дѣла, и такъ какъ этимъ путемъ достигнута несомнѣнно хорошіе результаты, то отступать отъ него нѣтъ оснований. Когда предсѣдатель собранія поставилъ на баллотировку вопросъ, угодно ли оказать какую-либо помощь училищному совѣту по церковно-приходскимъ школамъ для устройства школъ грамотности, то собраніе, большинствомъ 35 голосовъ противъ 5, постановило отказать въ этомъ. Лужское уѣздное земское собраніе уже пять лѣтъ сряду отпускаетъ нѣсколько сотъ рублей въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности. Въ нынѣшнемъ году ассигновка на этотъ предметъ нѣсколько уменьшена, въ виду открытія новыхъ земскихъ школъ; вѣстѣ съ тѣмъ собраніе постановило возбуждать, черезъ губернское земство, ходатайство о предоставленіи земству открывать школы грамоты и завѣдывать ими на томъ же основаніи, на какомъ оно открываетъ и вѣдаетъ земскія школы. Это разрѣшеніе вопроса кажется намъ единственнымъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, вопреки аксіомѣ: *qui peut plus, peut moins*, — оказывать земству въ правѣ менѣе важно, сохраняя за нимъ болѣе важное? Если земство признается компетентнымъ учреждать начальныя школы высшаго типа и управлять ими въ хозяйственномъ отношеніи, то гдѣ же основаніе устранять его отъ завѣдыванія начальными школами простѣйшаго, низшаго типа, т.-е. школами грамоты? Интересъ ко всякому дѣлу прямо пропорціоналенъ степени активнаго, самостоятельнаго, непосредственнаго участія въ немъ. Сильно двинутся впередъ школы грамоты только тогда, когда онѣ перестанутъ быть чужими для земства. О пользѣ конкуренціи въ школьномъ дѣлѣ мы говорили много разъ; она неизбежно подняла бы не только количество, но и качество школъ грамоты.

Возвратимся, однако, къ опасности, угрожающей земскимъ школамъ вслѣдствіе оскудѣнія земскихъ кассъ. Изъ того, что вредъ закрытія школъ былъ бы менѣе замѣтенъ, чѣмъ вредъ закрытія больницъ, еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ менѣе серьезенъ. Холерные безпорядки минувшаго лѣта показали съ ясностью, что между школами и больницами существуетъ тѣсная внутренняя связь. Къ чему больницы, если ихъ боится народъ, къ чему врачи, если онѣ имъ не довѣряетъ и всегда готовъ принять ихъ за отравителей? Съ дру-

гой стороны, можно ли искоренить эти предразсудки безъ широкаго распространенія образованія, т.-е. безъ правильной постановки и безостановочнаго развитія начальной школы?.. Всякая задержка въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе всякій шагъ назадъ увеличиваетъ опасность, таящуюся въ глубинѣ народнаго невѣжества. Чтобы принести наибольшую сумму пользы, каждая начальная школа должна пустить корни въ данной мѣстности, воспитать цѣлый рядъ поколѣній, сродниться съ старыми и молодыми, сдѣлаться драгоценнымъ достояніемъ всего населенія. То открываемая, то закрываемая, переносимая изъ одной деревни въ другую, руководимая сегодня однимъ, завтра — другимъ учителемъ, школа можетъ кое-кого кое-чему обучить, но ни на кого не можетъ оказать нравственнаго вліянія, т.-е. не можетъ достигнуть своей главной цѣли. Ошибочно было бы думать, поэтому, что закрытіе школъ и сопряженное съ нимъ увольненіе преподавателей было бы зломъ скоропреходящимъ, легко поправимымъ при первой переимѣнѣ къ лучшему въ земскихъ финансахъ. Можно, черезъ нѣсколько лѣтъ, вновь открыть, на томъ же мѣстѣ, школу, но это будетъ уже не прежняя школа; нить окажется порванной, дѣло опять придется начинать съ самаго начала, непроизводительно затрачивая массу силъ на преодоленіе затрудненій и препятствій, однажды уже устраненныхъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ возвратится въ школу прежній учитель—да и тотъ, можетъ быть, въ сущности не будетъ прежнимъ; выбитый изъ колеи, потерявшій вѣру въ прочность и непрерывность своей работы, онъ будетъ, можетъ быть, видѣть ремесло въ томъ, что прежде было для него призваніемъ. Между крестьянами временное закрытіе школы непременно увеличитъ число тѣхъ, которые считаютъ ее лишней роскошью. „Жили мы безъ школы нѣсколько лѣтъ,—станутъ говорить они,—проживемъ и еще; не надобно намъ этихъ затѣй“. Отсюда только одинъ шагъ до отказа въ матеріальной поддержкѣ школы со стороны волости или сельскаго общества—а между тѣмъ такая поддержка признается теперь почти вездѣ условіемъ *sine qua* попъ земской ассигновки на открытіе и содержаніе школы. Представимъ себѣ, что деревня, въ которой закрывается училище, потратила не мало денегъ на устройство и обзаведеніе училищнаго зданія; каково будетъ ей сознавать, что всѣ ея затраты пропали даромъ, и скоро ли она рѣшится, послѣ этого, вновь пожертвовать что-нибудь на школьное дѣло? А что сказать о положеніи тѣхъ учителей и учительницъ, которые очутились бы безъ занятій и безъ средствъ къ жизни, вслѣдствіе одновременнаго закрытія нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ земскихъ школъ? Куда пристроились бы эти труженики, сразу выброшенные на мостовую и не подготовленные ни къ какой другой работѣ? Гдѣ нашли бы для

себя занятія многочисленные молодые люди, ежегодно оканчивающіе курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ? Не ясно ли, что сокращеніе числа земскихъ школъ было бы общенароднымъ и государственнымъ бѣдствіемъ, противъ котораго должны быть, въ случаѣ надобности, приняты государственныя мѣры?

До какой степени важно продолжительное и непрерывное существованіе школы въ одной и той же мѣстности—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему факту. Въ лужскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи 1891 г. обращено было вниманіе на нѣкоторое уменьшеніе числа учащихся въ земскихъ школахъ. Было выражено предположеніе, что это зависитъ отъ слишкомъ продолжительнаго пребыванія школы въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Вопросъ, такимъ образомъ возбужденный, былъ переданъ на обсужденіе уѣзднаго училищнаго совѣта. Здѣсь первоначально поддерживалась мысль о періодическомъ перемѣщеніи школъ, основываемая въ особенности на томъ, что платять за содержаніе земскихъ школъ крестьяне цѣлаго уѣзда или цѣлой волости (если школы содержатся отчасти на волостной счетъ), а пользуются ими только нѣкоторыя деревни. Въ концѣ концовъ, однако, одержало верхъ противоположное мнѣніе, указывавшее именно на нравственныя и экономическія преимущества школъ, прочно связанныхъ съ данною мѣстностью. Училищный совѣтъ предложилъ собранію допускать переводъ земскихъ школъ изъ одной деревни въ другую только въ тѣхъ случаяхъ, когда школа не имѣетъ собственнаго зданія или сада на школьной землѣ, если, притомъ, число учащихся не достигаетъ тридцати. Предложеніе совѣта было принято собраніемъ единогласно и почти безъ преній. Средствомъ уменьшить, по возможности, неудобства, обусловливаемые доступностью земскихъ школъ только для одной части уѣзднаго населенія, собраніе признало широкое распространеніе школъ грамотности. Между гласными, подавшими голосъ противъ систематическаго передвиженія школъ, было не мало крестьянъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, быть можетъ, передвижныя школы и были бы выгоднѣе—но они съумѣли оцѣнить хорошія стороны существующаго порядка и не захотѣли способствовать коренной его передѣлкѣ, которая слишкомъ легко могла бы оказаться его искаженіемъ.

Во время послѣдней сессіи московскаго уѣзднаго земскаго собранія разсматривался вопросъ о способахъ ускорить постройку зданій для земскихъ школъ, изъ которыхъ многія до сихъ поръ еще помѣщаются въ наемныхъ домахъ или квартирахъ. Комиссія, занимавшаяся предварительною разработкой этого вопроса, находила, что къ постройкѣ школьныхъ зданій необходимо привлечь частныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, и что попеченіе объ

этомъ должно быть возложено собраніемъ на земскую управу. Мѣніе комиссіи встрѣтило съ одной стороны слишкомъ усердную защиту, съ другой — довольно настойчивыя возраженія. Гласный Алексѣевъ (московский городской голова) рекомендовалъ управѣ энергично искать жертвователей и не стѣсняться даже „опубликованіемъ въ газетахъ мѣстностей, гдѣ необходимо построить школьныя зданія, и развѣра пожертвованій для этой цѣли“. Гласный Шаховской возставалъ противъ такихъ „газетныхъ рекламъ“ и находилъ, что если земскія средства недостаточны для постройки школьныхъ зданій, то слѣдуетъ повысить земское обложеніе. Собраніе, большинствомъ 15 голосовъ противъ 10, поручило управѣ принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ устройству собственныхъ помѣщеній для земскихъ школъ, путемъ привлеченія частной благотворительности. Намъ кажется, что такому разрѣшенію вопроса можно только сочувствовать. „Газетныя рекламы“ были бы, безспорно, неумѣстны; но призывъ къ пожертвованіямъ, облеченный въ болѣе подходящія формы, нисколько не унизителенъ ни для управы, ни для земства — и выѣстъ съ тѣмъ исполнѣнъ цѣлесообразенъ. Какъ ни полезны школьныя зданія, выстроенныя ad hoc и приспособленныя къ требованіямъ педагоги и гигиены — это, во всякомъ случаѣ, роскошь, сравнительно съ другими насущными нуждами земства. Повышать земское обложеніе можно для открытія новыхъ школъ, но не для предоставленія школамъ уже существующимъ такихъ удобствъ, безъ которыхъ онѣ обходились и могутъ обходиться. Дѣло земства — создать безусловно *необходимое*; дѣло достаточныхъ классовъ мѣстнаго населенія — прибавить къ этому *необходимому желательное*. Земская управа, горячо преданная своимъ задачамъ, можетъ достигнуть, въ этомъ отношеніи, весьма многого, отнюдь не прибѣгая къ выпрашиванью, а просто призывая къ общей, дружной работѣ. Именно этимъ путемъ идетъ управа въ хорошо знакомомъ намъ уѣздѣ одной изъ сѣверныхъ губерній — уѣздѣ несравненно болѣе бѣдномъ и рѣже населенномъ, чѣмъ московскій. Въ продолженіе трехъ лѣтъ она сумѣла привлечь землевладѣльцевъ и сельскія общества къ значительнымъ пожертвованіямъ на починку дорогъ и на устройство волостныхъ пріемныхъ покоевъ. Общія платжныя средства населенія, въ виду безъ того уже высокой земской смѣты, не выдержали бы дальнѣйшаго напряженія — а съ помощью добровольныхъ сборовъ, ни для кого не обременительныхъ, различныя отрасли земскаго хозяйства расширяются все больше и больше. Упадая преимущественно на людей достаточныхъ, добровольные сборы вносятъ въ земскіе финансы начало прогрессивности — вносятъ его, конечно, въ весьма небольшой, почти микроскопической дозѣ; но лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Пускай хоть этимъ путемъ, за не-

имѣніемъ, пока, другихъ, распространяется у насъ та простая, но для многихъ непривычная мысль, что кому больше дано, отъ того сравнительно больше и требуется... Даже „газетная реклама“, направленная къ вызову пожертвованій, имѣла бы, въ нашихъ глазахъ, несомнѣнное преимущество передъ такими средствами увеличенія земскихъ доходовъ, какъ, напримѣръ, назначеніе платы за ученіе въ земскихъ школахъ. Къ этой послѣдней мѣрѣ прибѣгло недавно, какъ мы слышали, боровичское (новгородской губерніи) уѣздное земское собраніе. Плата за ученіе въ боровичскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовала, потомъ была отмѣнена, теперь восстановлена вновь, большинствомъ только одного голоса. Если принять во вниманіе это послѣднее обстоятельство и вмѣстѣ съ тѣмъ припомнить, что при дѣйствіи прежняго земскаго положенія гласныхъ отъ крестьянъ въ боровичскомъ уѣздѣ было 15 (изъ 40, т.е. $37\frac{1}{2}\%$), а теперь ихъ 10 (изъ 36, т.е. 28%), то нетрудно понять, почему такое рѣшеніе сдѣлалось возможнымъ. Само собою разумѣется, что всѣ крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, стояли за бесплатность обученія въ начальной школѣ.

Въ какой бы степени ни измѣнилось положеніе земства со времени изданія закона 12-го іюня 1890 г., земскія губерніи и въ настоящее время находятся въ условіяхъ несравненно лучшихъ, чѣмъ не-земскія. Любопытное доказательство этому мы нашли недавно на страницахъ газеты, извѣстной своимъ нерасположеніемъ къ земскимъ учрежденіямъ, не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 305) напечатано письмо изъ Минска, сообщающее слѣдующія свѣденія о земскихъ и мірскихъ сборахъ въ одномъ изъ уѣздовъ минской губерніи. Земскій сборъ взимался въ этомъ уѣздѣ, въ 1890 г., въ размѣрѣ 6 коп. съ десятины, что составляетъ, съ $186\frac{1}{2}$ тысячъ десятинъ крестьянской земли, около 11.200 рублей. Мірскихъ сборовъ крестьяне въ томъ же уѣздѣ платили 71 тыс. руб. Изъ этой суммы 31 тыс. шли на содержаніе волостныхъ правленій, ремонтъ церквей и содержаніе запасныхъ магазиновъ, а 40 тыс. (болѣе 21 коп. на дес.) — на народное образованіе, врачебную часть, добавочное содержаніе полиціи, содержаніе почтовыхъ лошадей и пути сообщенія. Въ расходахъ второй категоріи безспорно заинтересовано все населеніе уѣзда; ихъ слѣдовало бы, поэтому, отнести на земскій сборъ, послѣ чего на долю крестьянъ пришлось бы земскаго сбора около 13 коп. съ десятины (вмѣсто 6), но зато мірской сборъ понизился бы съ 36 до 15 коп. Всего крестьянамъ пришлось бы платить 28 коп. съ десятины, вмѣсто

42, которыя они платятъ теперь. Все это совершенно справедливо—и можно только удивляться, что благой примѣръ, давно поданный земскими губерніями, до сихъ поръ остается, во многомъ, совершенно безплоднымъ по отношенію къ губерніямъ не-земскимъ. Читатели, однако, очень ошиблись бы, еслибы подумали, что корреспондентъ московской газеты выводитъ изъ своихъ посылокъ естественное ихъ заключеніе, т.-е. высказывается за введеніе въ западномъ край земскихъ учреждений. Наоборотъ, онъ спѣшитъ оговориться, что „вовсе не расположенъ проливать слезы гражданской скорби отъ отсутствія тамъ земства“. „Упаси Господи,—восклицаетъ онъ,—отъ введенія *школокъ (?) парламентаризма*; это было бы величайшей ошибкой, хотя нѣкоторые близорукіе дѣятели недавно еще расточали медоточивыя завѣренія о своевременности... Мы нуждаемся въ правительственномъ—но въ живомъ, а не бумажномъ—земскомъ органѣ, съ допущеніемъ къ участію въ немъ лишь здоровыхъ элементовъ краевой интеллигенціи, т.-е. тѣхъ, которые искренно сознаютъ, что будущее края разрѣшится не въ Берлинѣ, а на берегахъ Невы“. Итакъ, земскія учрежденія, даже преобразованныя закономъ 1890 г., все еще остаются „школами парламентаризма“?! Удовлетворить нашихъ газетныхъ реакціонеровъ до крайности трудно; имъ подозрительна и ненавистна даже тѣнь самостоятельности, несимпатично выборное начало даже въ его сословной оболочкѣ. „Интеллигенція“ допускается ими къ участію въ общественномъ дѣлѣ—конечно, съ совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ—лишь подъ условіемъ корректнаго образа мыслей, предварительно удостовѣреннаго администраціей. Но вотъ что непослѣдовательно: ожидая спасенія только отъ „правительственныхъ органовъ“, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ предъявляетъ къ нимъ требованія, мало соотвѣтствующія административнымъ обычаямъ и правамъ. „Мы рискнули бы просить губернскіе распорядительные комитеты“—такъ заканчивается корреспонденція—„не дѣлать изъ земскихъ смѣтъ непроницаемой тайны. Мы, частные люди—не контролеры, но очень пріятно и, смѣемъ увѣрить, даже не бесполезно прочесть въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ утвержденную министерствомъ финансовъ смѣту земскихъ сборовъ на каждое трехлѣтіе. Согласитесь, что плательщики въ правѣ знать, на что расходуются взимаемыя съ нихъ деньги“. Мы съ этимъ совершенно согласны; мы думаемъ даже, что плательщики въ правѣ не только узнавать, *post factum*, о судьбѣ вносимыхъ ими платежей, но и участвовать въ опредѣленіи этой судьбы, равно какъ и въ установленіи количества взимаемыхъ сборовъ. Напрасно только корреспондентъ упустилъ изъ виду, что къ „школкамъ парламентаризма“ ему незачѣмъ было бы и обращаться съ ходатайствомъ о

гласности; у нихъ она разумѣлась бы сама собою. Органамъ самоуправленія „непроницаемая тайна“ на столько же несвойственна, на сколько она дорога и привычна бюрократическимъ учрежденіямъ. Для первыхъ полнѣйшая гласность—нормальное условіе; для послѣднихъ — нѣчто необычное и непріятное. Первымъ ограниченія гласности предписываются, послѣдними — испрашиваются или по меньшей мѣрѣ весьма охотно принимаются... Не всѣ же плательщики такъ умѣренны въ своихъ желаніяхъ, какъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“; ему „пріятно и не бесполезно“ прочесть въ губернскихъ вѣдомостяхъ утвержденную министерствомъ финансовъ смѣту земскихъ сборовъ—но другимъ „пріятно и небезполезно“ познакомиться поближе и съ самымъ составленіемъ, обсужденіемъ и исполненіемъ земской смѣты.

Замѣчательное дѣло разсматривалось недавно харьковскою судебною палатою. Бывшій земскій начальникъ 2-го участка харьковскаго уѣзда, В. А. Протопоповъ, кандидатъ правъ и дворянинъ, 30-ти лѣтъ, обвинялся въ томъ, что въ сентябрѣ 1890 г., при исполненіи обязанностей земскаго начальника, выступилъ изъ законныхъ предѣловъ и круга дѣйствій своей должности тѣмъ: а) что грозилъ полицейскимъ городовымъ гор. Золочева „бить морды“, если не будутъ дѣлать ему чести; б) что на сельскомъ сходѣ въ Золочевѣ грозилъ, если будетъ продолжаться шумъ, перебить половину собравшихся на сходѣ крестьянъ, а крестьянамъ, которые будутъ обращаться съ жалобами и прошеніями, угрожалъ, что „жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія — на задней части тѣла“; в) что на сельскомъ сходѣ въ селѣ Мироновѣ объявилъ крестьянамъ, что cadaго совершившаго похищеніе и неуважающаго родителей и старшихъ будетъ до суда жестоко бить; г) что въ Золочевѣ ударилъ крестьянина Григорія Ворвуля за то, что тотъ не замѣтилъ его, Протопопова, и не снялъ передъ нимъ шапки; д) что арестовалъ на нѣсколько часовъ крестьянина Василя Слѣпущенка, безъ соблюденія установленныхъ 61 ст. полож. о зем. нач. правилъ; е) что нанесъ тому же Слѣпущенко побои; ж) что нанесъ побои крестьянину Михаилу Сѣрому; з) что арестовалъ на нѣсколько часовъ Сѣраго, безъ соблюденія установленныхъ для того правилъ, и, наконецъ, и) что въ с. Должикѣ, на сельскомъ сходѣ, ударилъ палкою крестьянина Тимофея Старченко. Обвиняемый, не отрицая нѣкоторыхъ изъ числа вышеприведенныхъ фактовъ (нанесенія побоевъ крестьянину Сѣрому, лишенія его свободы, а также произнесенія угрожающихъ словъ на сходѣ въ Мироновѣ), виновнымъ себя на судѣ не призналъ. Онъ объяснял свои поступки непрактичностью, ставившею его въ затруднительное поло-

женіе и вызывавшею горячность, которую онъ самъ впоследствии осуждалъ. На судѣ обнаружилось, что въ селѣ Должикѣ образъ дѣйствій Протопопова имѣлъ весьма серьезныя послѣдствія. Когда крестьянину Старченко былъ нанесенъ ударъ палкою по головѣ, крестьяне стали кричать: „за что, за что зачали драться?! ничего не разъяснили, а сунулись биться! бьютъ насъ, бьютъ, бей его!“—и направились всей массой на Протопопова, окружили и сдавили его до такой степени, что волостному старшинѣ Долгополову и полицейскому уряднику Прибыткину съ большими усилиями удалось освободить Протопопова, который вскочилъ въ комнату и заперся тамъ изнутри. Отсюда возникло обвиненіе крестьянъ села Должика въ безпорядкахъ и сопротивленіи властямъ; въ село были посланы войска, нѣкоторые крестьяне подверглись административнымъ карамъ, другіе (а можетъ быть и тѣ же самые) были преданы суду и приговорены, въ числѣ 14, къ разнымъ наказаніямъ по ст. 263, 265 и 266 улож. о наказ. ¹⁾). Приговоръ надъ ними былъ постановленъ харьковской судебной палатой, съ участіемъ сословныхъ представителей, 30-го марта 1891 г. На судѣ два свидѣтеля говорили въ пользу Протопопова: дворянинъ Вѣльченко, показаніе котораго „дышало открытой солидарностью съ подсудимымъ“, и крестьянинъ Миронъ Сѣрый, отецъ потерпѣвшаго Михаила Сѣраго, „восхвалявшій благожелательнаго начальника и обратившійся къ суду съ ходатайствомъ о восстановленіи во главѣ ихъ земскаго начальника, желавшаго имъ добра, но съ нѣкоторой горячностью принявшагося *учить* ихъ“ ²⁾). Обвинитель признавалъ безусловно доказаннымъ превышеніе власти, выразившееся въ нанесеніи побоевъ и неправильномъ лишеніи свободы. Иначе посматрѣлъ на дѣло защитникъ обвиняемаго, профессоръ уголовного права въ харьковскомъ университетѣ, Л. Е. Владиміровъ. Признавая, что подсудимый допустилъ „кулачную расправу“, заявляя, что „защита строго осуждаетъ примѣненіе кулака при отправленіи обязанностей службъ“, г. Владиміровъ находилъ, однако, что побои, нанесенные Сѣрому (остальные онъ считалъ недостаточно доказанными), составляютъ не превышеніе власти, а только оскорбленіе дѣйствіемъ. Не усматривалъ онъ превышенія власти и въ другихъ поступкахъ Протопопова. „Превышеніе власти,—говорилъ защитникъ,—есть выходъ дѣйствіемъ изъ предѣловъ, указанныхъ закономъ данному должностному лицу. Слова же, приписываемыя Протопопову, могутъ быть названы непристой-

¹⁾ Наказанія, опредѣляемыя этими статьями — каторжная работа, арестантскія отдѣленія и тюрьма.

²⁾ Мы заимствуемъ эти подробности изъ отчета, напечатаннаго въ харьковскомъ „Южномъ Краѣ“ и перепечатаннаго въ № 5994 „Новаго Времени“.

ностью, если хотите — угрозою, но ужъ никакъ не превышеніемъ власти. Они — въ родѣ криковъ: я кожу сдеру, сошлю въ Сибирь, и т. д. Придавать подобнымъ словамъ серьезное значеніе совершенно невозможно. При постоянномъ обращеніи съ крестьянами иное грубое слово вовсе не имѣетъ того значенія, какое ему приписываютъ здѣсь. Это вовсе не *profession de foi*, а просто дурныя слова“. Что касается ареста, то, по мнѣнію защитника, „нужно различать взятіе подъ стражу административное или судебное—и тотъ арестъ, который упомянуть въ ст. 61 полож. о земскихъ начальникахъ. Здѣсь дается право земскому начальнику наложить взысканіе арестомъ, безъ всякаго формальнаго производства. Это—дисциплинарное взысканіе, которое не можетъ быть обжаловано; и если законъ требуетъ составленія протокола, то вовсе не въ огражденіе подвергаемаго аресту — онъ вѣдь не имѣетъ права жаловаться — а скорѣе для того, чтобы власть вообще имѣла данныя въ порядкѣ ревизіонномъ... Что положеніе о земскихъ начальникахъ различаетъ арестъ отъ взятія подъ стражу, видно изъ ст. 187 того же положенія ¹⁾, гдѣ говорится о взятіи подъ стражу земскимъ начальникомъ и подробно описывается самое содержаніе постановленія. Статья же 61 описываетъ даже не суммарное наложеніе наказанія, а просто дисциплинарное, практикуемое и въ другихъ сферахъ, гдѣ дисциплинарное производство вообще имѣетъ примѣненіе“. „Положеніе Протопопова“—таковы были заключительныя слова защитника — „на столько тяжело, что ему достаточно одною *юрицанія суда*, и если вы выберете ему, гг. судьи, самую мягкую мѣру наказанія, вы поступите только справедливо!“ У судебной палаты оказался другой критерій справедливости, чѣмъ у защитника; она не только признала Протопопова виновнымъ въ превышеніи власти, но и приговорила его не къ самому легкому изъ наказаній, назначенныхъ за это преступленіе (отрѣшеніе отъ должности), а къ одному изъ болѣе тяжкихъ—къ исключенію изъ службы. Еслибы палата исполнила желаніе защитника и признала подсудимаго виновнымъ *только* въ оскорбленіи дѣйствіемъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, то *высшей* мѣрой ответственности, которой могъ бы подвергнуться Протопоповъ, оказался бы *арестъ*, на срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ (улож. о наказ. ст. 347 и уст. о наказ. налаг. миров. суд. ст. 135)!

Остановимся прежде всего на юридической сторонѣ дѣла. Чиновникъ, облеченный обширными полномочіями, говорить подчиненнымъ

¹⁾ Здѣсь очевидная ошибка: не *того же положенія*, а правилъ 29-го декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подѣлкомъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ.

ему крестьянамъ: „жалобы (съ которыми они будутъ обращаться) будутъ на мордѣ, а прошенія — на задней части тѣла“. Простой здравый смыслъ подсказываетъ всякому, что такія рѣчи не могутъ оставаться безнаказанными; профессору уголовного права кажется, наоборотъ, что это просто „дурныя слова“, или, самое большее, непристойность, угроза. О „непристойности“ здѣсь могла бы быть рѣчь только тогда, еслибы неприличныя выраженія были употреблены *en passant*, въ видѣ „ораторскаго приѣма“, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія. Въ данномъ случаѣ мы видимъ совсѣмъ не то: они были сказаны съ цѣлью предупредить подачу жалобъ, съ цѣлью внушить крестьянамъ „спасительный страхъ“, вызвать въ нихъ слѣпое и безпрекословное подчиненіе начальнической волѣ или, въ этомъ случаѣ, начальническому произволу. Понятію объ угрозахъ вышеприведенныя слова соответствуютъ, конечно, больше; но ни подъ одно изъ общихъ узаконеній о наказуемыхъ угрозахъ (улож. о наказ. ст. 1545 — 48, уст. о наказ. налаг. мир. суд. ст. 139 — 141) ихъ подвести нельзя, потому что ни одно изъ этихъ узаконеній непримѣнимо къ должностнымъ лицамъ. Остается, затѣмъ, только одно: признать ихъ превышеніемъ власти. И дѣйствительно, чиновникъ, грозящій наказаніемъ за подачу прошенія или жалобы—т.-е. за пользованіе безспорнымъ, законнымъ правомъ—несомнѣнно выходитъ „изъ предѣловъ и круга дѣйствій, которые предписаны ему по его должности“, несомнѣнно поступаетъ „вопреки существующимъ учрежденіямъ и уставамъ“, т.-е. совершаетъ явное превышеніе власти (улож. о наказ. ст. 338). Есть случаи, въ которыхъ слова равносильны дѣйствию—и съ однимъ изъ такихъ случаевъ мы встрѣчаемся въ дѣлѣ Протопопова. Представимъ себѣ, что его рѣчи на сельскихъ сходахъ въ Золочевѣ и Мироновкѣ остались бы неизвѣстными высшему начальству (что, вѣроятно, и случилось бы, еслибы онъ не перешелъ тотчасъ же отъ теоріи къ практикѣ); вѣдь крестьяне, запуганные и сбитые съ толку, могли бы въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ подачи жалобъ на его рѣшенія и распоряженія—и земскій начальникъ, вопреки закону, обратился бы, *de facto*, въ инстанцію безапелляціонную. Неужели, для привлеченія Протопопова къ отвѣтственности, нужно было бы выжидать, пока какой-нибудь смѣльчакъ отважится пренебречь его угрозами, подастъ ему жалобу и получить обѣщанное возмездіе?.. Раздаваясь въ средѣ, мало знакомой съ своими правами, такіе крики, какъ: „я кожу сдеру, въ Сибирь сошлю“, имѣютъ весьма „серьезное значеніе“. Крестьянину трудно вообразить себѣ, что начальникъ только страшитъ его „дурными словами“; онъ не знаетъ съ точностью, гдѣ оканчивается власть начальника, и всегда склоненъ вѣрить въ ея безграничность. Припомнимъ, наконецъ, что всѣ

грозныя рѣчи Протопопова были произнесены вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ, когда, съ одной стороны, крестьяне не успѣли еще выяснитъ себѣ значеніе новой должности, съ другой — земскіе начальники не успѣли еще въ „постоянномъ обращеніи“ съ крестьянами приобрѣсти (по теоріи г. Владимірова) навыкъ къ произнесенію „грубыхъ словъ“ и приучить крестьянъ къ мысли, что эти слова — только *façon de parler*, въ родѣ извѣстныхъ простонародныхъ ругательствъ.

Еще менѣе удачной должна быть признана, какъ намъ кажется, попытка г. Владимірова обѣлить своего кліента по вопросу о противозаконномъ арестѣ. Статья 61 положенія 12-го іюля 1889 г. уполномочиваетъ земскаго начальника подвергать аресту, безъ всякаго формальнаго производства, виновныхъ въ неисполненіи законныхъ его требованій или распоряженій, причемъ *о каждомъ случаѣ наложенія такого взысканія долженъ быть составленъ особый протоколъ*. Статья 348 улож. о наказ. предусматриваетъ взысканіе кого-либо подѣ стражу *безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ*. Простое сопоставленіе этихъ двухъ статей показываетъ съ полною ясностью, что арестованіе кого-либо на основаніи ст. 61-й, безъ составленія о томъ протокола, подходитъ подѣ дѣйствіе ст. 348-й. И въ самомъ дѣлѣ, ни дисциплинарный характеръ ареста, ни его безапелляціонность не освобождаютъ земскаго начальника отъ обязанности письменно мотивировать принимаемую имъ мѣру, такъ чтобы высшая власть всегда могла судить о степени ея законности. Вѣдь арестъ или штрафъ, по ст. 61-й, налагается не на того, кто не понравился земскому начальнику или показался ему заслуживающимъ отеческаго внушенія; онъ налагается на *виновнаго въ неисполненіи законнаго распоряженія*. Въ протоколѣ должно, поэтому, быть указано какъ самое распоряженіе, такъ и дѣйствіе (или бездѣйствіе), въ которомъ выразилось его неисполненіе. Нѣтъ протокола — нѣтъ и законнаго повода къ аресту, а есть превышеніе власти. Чѣмъ шире дискреціонная власть земскаго начальника, тѣмъ болѣе обязательно для cadaго, кому доступно понятіе о законности и законѣ, настаивать на необходимости точнаго соблюденія границъ, въ которыя заключена эта власть, условій, которыми обставлено ея примѣненіе. Въ высшей степени прискорбно видѣть, что прямо въ разрѣзъ съ этою обязанностью идетъ профессоръ университета, учитель права, наставникъ юношества, призванный укоренить въ немъ тѣ принципы, безъ которыхъ невозможна борьба съ житейской неправдой.

Защитникъ Протопопова не останавливается на полѣ-дорогѣ. Превышенія власти онъ не хочетъ видѣть не только въ угрозахъ, не только въ противозаконномъ лишеніи свободы — онъ не усматриваетъ

его даже въ *побояхъ*, сводя ихъ на оскорбленіе дѣйствіемъ. Неужели профессору уголовного права не извѣстно, что для оскорбленія необходимо, прежде всего, *намѣреніе оскорбить*? Должностное лицо встрѣчается, при исполненіи своихъ обязанностей, съ человѣкомъ, давно ему несимпатичнымъ; послѣдній о чемъ-нибудь проситъ перваго, первый рѣзко отказывается въ этой просьбѣ: происходитъ крупный разговоръ, оканчивающійся, со стороны должностного лица, обиднымъ дѣйствіемъ или словомъ. Къ этому случаю и всѣмъ ему подобнымъ статья 347 вполне примѣнима; но она вовсе не предусматриваетъ побоевъ, наносимыхъ съ цѣлью причиненія физической боли ¹⁾, побоевъ, имѣющихъ характеръ самовольной кулачной *расправы*. Такие побои составляютъ именно одну изъ формъ превышенія власти. Профессоръ Владиміровъ счелъ нужнымъ „громко и опредѣленно заявить, что строго осуждаетъ примѣненіе кулака при отправленіи обязанностей службы“. Не знаемъ, какъ согласить это заявленіе съ стараніями доказать, что „примѣненіе кулака“, субъектъ котораго—земскій начальникъ, объектъ—подвластный ему крестьянинъ, есть не болѣе какъ обыкновенная обида... Вполнѣ сочувствуя рѣшенію судебной палаты, мы не можемъ не замѣтить, что Протопоповъ не былъ однако преданъ суду по 2 ч. ст. 341, предусматривающей *особенно важные случаи* превышенія власти; между тѣмъ важность этого преступленія, какъ видно изъ ст. 343, опредѣляется также и его послѣдствіями,—а послѣдствія дѣйствій Протопопова были крайне тяжки для крестьянъ с. Должика, подвергшихся, какъ мы уже видѣли, административнымъ и судебнымъ карамъ ²⁾.

Еще важнѣе юридической бытовая, житейская сторона разбираемаго нами процесса. Молодой, образованный юристъ, прямо начинающій свою дѣятельность въ качествѣ земскаго начальника цѣлымъ рядомъ грубыхъ правонарушеній—это явленіе по меньшей мѣрѣ своеобразное, заслуживающее тщательнаго изученія. Посмотримъ, какъ объясняетъ его защитникъ Протопопова. Онъ начинаетъ свою рѣчь съ похвальнаго слова судебно-административной реформы 1889 г., котораго мы не приводимъ, потому что это повтореніе всѣмъ извѣстныхъ и тысячу разъ появлявшихся газетныхъ разсужденій. Основная идея реформы—учрежденіе попечительства надъ сельскимъ населеніемъ, *неспособнымъ еще къ самостоятельному развитію*—была понята, по словамъ г. Владимірова, не вполнѣ правильно и сдѣлалась

¹⁾ По словамъ обвинительнаго акта, Протопоповъ билъ Стѣраго въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, такъ что у него отъ этого разболѣлась рука, и онъ долго не могъ снять перчатки.

²⁾ Земскіе начальники предаются суду по постановленіямъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

предметомъ страстной партійной борьбы въ нашихъ органахъ печати. „Охранительные органы—я нисколько не сомнѣваюсь въ ихъ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ — нѣсколько извратили идею патріархальнаго попечительства, положенную въ основу учрежденія земскихъ начальниковъ. Изъ того факта, что попечительство это поручено сословію дворянскому, сдѣланы были неподходящіе выводы. Идея попечительства, конечно, связана была съ широкою дискреціонною властью. Для того, чтобы подобная широкая власть была не тяжела и не противна народу, ее именно и нужно было отдать дворянскому сословію, которое исторически жило съ крестьянствомъ, имѣло общую судьбу. Если въ отношеніяхъ между этими сословіями и бывали иногда дурные моменты, то были и хорошіе, было долгое историческое сожительство. Къ сожалѣнію, въ этомъ законномъ попечительствѣ дворянства надъ крестьянствомъ нѣкоторые увидѣли какую-то тѣнь удовлетворенія за понесенныя дворянствомъ историческія разочарованія. Съ другой стороны, либеральные органы—я ихъ такъ называю, потому что ихъ обыкновенно такъ именуютъ—увидѣли въ учрежденіи земскихъ начальниковъ нарушеніе основныхъ началъ правильнаго судоустройства. Они не обратили вниманія на то, что соединеніе административной и судебной властей въ учрежденіи земскихъ начальниковъ именно имѣло въ виду устранить то, что прежде составляло самое трудное въ крестьянской жизни—множество начальствъ: бѣдный мужикъ въ разныхъ мѣстахъ долженъ былъ искать помощи власти, а теперь онъ знаетъ одну власть, очень близкую къ нему. Далѣе, либеральные органы не поняли, что основная задача земскихъ начальниковъ именно отвѣчаетъ тому общему ходу развитія современной идеи государства который, въ европейскомъ возрѣніи на государство, составляетъ послѣдній шагъ впередъ. На современное государство уже больше нельзя смотрѣть какъ на страховую компанію безопасности, которой нѣтъ дѣла до того, что какой-нибудь классъ народа идетъ къ своей гибели вслѣдствіе темноты и угрожающей прогрессирующей бѣдности. Современное государство стремится къ отеческому управленію; оно не выбрасываетъ людей на улицу, на томъ-де основаніи, что на немъ одна лишь забота—о безопасности. Нѣтъ, государство беретъ на себя попечительство, государственную опеку, когда какой-нибудь классъ народа, подобно малолѣтнимъ, не можетъ жить и конкурировать самостоятельно при своей немощности и темнотѣ“. Какъ бы то ни было, идея новаго учрежденія была до извѣстной степени затемнена, извращена. „Вокругъ учрежденія образовалась какая-то особая атмосфера: выходило такъ, что одинъ классъ шелъ обуздывать, а другой какъ будто готовился защищать свои человѣческія права. Въ этой неблагоприятной атмосферѣ начали дѣй-

ствовать первые земскіе начальники. Къ сожалѣнію, контингентъ людей опытныхъ, знающихъ жизнь и службу, былъ сравнительно не великъ; пришлось брать въ земскіе начальники людей неопытныхъ, молодыхъ, на которыхъ окружающая атмосфера сильно вліяла. Нѣкоторымъ показалось, что идея патріархальнаго попечительства даетъ право на такія дѣйствія, которыя напоминаютъ темныя стороны прежней патріархальности и которыхъ никто не можетъ одобрить. Дальше слѣдуетъ знакомое уже намъ заявленіе противъ кулачной расправы...

Любопытно видѣть, что кое въ чемъ сходится съ аргументаціей г. Владимірова два столь мало похожіе другъ на друга органа печати, какъ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ ¹⁾—и „Недѣля“. „Харьковскія Губ. Вѣдомости“ прямо находятъ въ дѣйствіяхъ г. Протопопова отраженіе формулы „Гражданина“: „земскій начальникъ долженъ въ своихъ рѣшеніяхъ руководиться не закономъ, а личнымъ усмотрѣніемъ“. „Недѣля“ также считаетъ весьма вѣроятнымъ, что Протопоповъ испытывалъ вліяніе „нѣкоторой части печати“; къ этому присоединились еще невѣрные ходячія представленія о *сильной власти*, смѣшивающія ее съ чиновничьимъ произволомъ. Исключительною собственностью г. Владимірова остается попытка привлечь къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемыхъ, „либеральное“—или „именуемые либеральными“—органы печати.

До сихъ поръ принято было утверждать, что институтъ земскихъ начальниковъ—институтъ специально-русскій. Точки соприкосновенія его съ чѣмъ-нибудь западно-европейскимъ или отрицались вовсе, или отыскивались гдѣ-нибудь далеко въ прошедшемъ, въ давно закончившихся фазисахъ западно-европейской жизни. Оказывается, что это не такъ: „основная задача земскихъ начальниковъ отвѣчаетъ послѣднему шагу впередъ въ европейскомъ возрѣніи на государство“. Чтобы придти къ этому смѣлому выводу, г. Владиміровъ смѣшалъ два совершенно различныя понятія: попечительство, выражающееся въ заботѣ о матеріальномъ и умственномъ благосостояніи народа — и попечительство, выражающееся въ ограниченіи его гражданскихъ правъ, въ предоставленіи одному сословію власти надъ другими. Пускай г. Владиміровъ назоветъ въ современной западно-европейской исторіи хотя одинъ случай попечительства послѣдняго типа — или пускай онъ докажетъ, что не таково попечительство земскихъ начальниковъ надъ крестьянами. Гдѣ, въ какомъ современномъ государствѣ существуетъ *классъ народа*, который, подобно *малолѣтнимъ*, „не можетъ жить самостоятельно, при своей немогущности и темнотѣ“ и надъ которымъ, вслѣдствіе этого, учреждена „государственная

¹⁾ См. № 809 „Новостей“.

опека"? Быть можетъ, здѣсь разумѣется классъ фабричныхъ рабочихъ, интересы которыхъ охраняются фабричными инспекторами? Но вѣдь аналогію этимъ инспекторамъ слѣдуетъ искать, въ Россіи, не въ земскихъ начальникахъ, а именно въ нашей фабричной инспекціи, соединяющей въ себѣ всѣ характерныя черты попечительства перваго типа. Такому попечительству „либеральные“ органы всегда горячо сочувствовали, въ прямую противоположность органамъ „не-либеральнымъ“. Нужно ничего не видѣть или не хотѣть видѣть, чтобы утверждать, что русскій „либерализмъ“ признаетъ государство только „страховой компаніей безопасности“ и проповѣдуетъ пассивное, безучастное отношеніе къ обездоленнымъ классамъ общества, къ темной народной массѣ. Если „либеральная“ печать не восторгалась и не восторгается учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, то это зависитъ отъ совершенно другихъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ формулой: *laissez faire, laissez aller*. Она стояла и стоитъ за раздѣленіе властей, потому что удобство обращенія, по всякому дѣлу, къ одному и тому же должностному лицу—*если даже и признать, что такое удобство дѣйствительно существуетъ*—далеко перевѣшивается, въ ея глазахъ, другими, слишкомъ извѣстными неудобствами соединенія функцій судебныхъ и административныхъ. На самомъ дѣлѣ удобство, столь высоко цѣнимое г. Владиміровымъ, относится къ области призраковъ и фикцій. Въ дѣлахъ судебныхъ крестьянину и теперь приходится ориентироваться между волостнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ членомъ окружного суда (не говоря уже о дѣлахъ болѣе важныхъ, подвѣдомственныхъ судебному слѣдователю или окружному суду), въ дѣлахъ административныхъ—между земскимъ начальникомъ, полиціею и земскою управой.

Итакъ, „либеральную печать“ г. Владиміровъ могъ бы оставить совершенно въ сторонѣ; все сказанное имъ объ „органахъ, именующихъ либеральными“, свидѣтельствуетъ только о благонамѣренности защитника, но ни на волосъ не подвигаетъ впередъ защиту. Нѣсколько больше относится къ дѣлу ссылка г. Владимірова на охранительные органы печати, въ „добрыя намѣренія“ которыхъ онъ такъ глубоко вѣритъ. Безспорно, вопли и крики, неустанно раздающіеся на страницахъ реакціонныхъ газетъ, могли внести нѣкоторую смуту въ воззрѣнія земскихъ начальниковъ. Большою несправедливостью было бы, однако, взвалить на нее всю нравственную отвѣтственность за дѣйствія Протопопова. Во всей своей полнотѣ и всемъ блескѣ теорія „усмотрѣнія“ проявилась не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ печать стали проникать свѣденія о разныхъ направленіяхъ среди земскихъ начальниковъ и членовъ уѣздныхъ съѣздовъ. Въ помѣху и стѣсненіе законъ, съ точки зрѣнія петер-

бургскихъ и московскихъ „гражданъ“, обратился только тогда, когда на его почвѣ завязалась, кое-гдѣ, борьба между приверженцами и противниками произвола. Дѣянія земскаго начальника 2-го участка харьковскаго уѣзда совершены въ первые мѣсяцы примѣненія новаго положенія ¹⁾—и уже по тому одному не могутъ быть приписаны всецѣло газетному подстрекательству. Неужели, притомъ, достаточно было нѣсколькихъ газетныхъ статей, чтобы вскружить голову человѣка, получившаго университетское образованіе и достигшаго тридцатилѣтняго возраста? Чтобы подойти ближе къ истинѣ, необходимо имѣть въ виду, что въ духѣ Протопопова, не заходя только такъ далеко, поступали и нѣкоторые другіе земскіе начальники, вовсе или почти вовсе оставшіеся свободными отъ отвѣтственности. Случаи этого рода были приведены, въ свое время, въ нашихъ обзорѣяхъ ²⁾; особенно характеристиченъ одинъ изъ нихъ, происшедшій въ курскомъ уѣздѣ. Крестьянинъ, побранившійся, въ предѣлахъ городской черты, съ кучеромъ земскаго начальника, доставляется послѣднимъ въ волостной судъ, хотя дѣло было подсудно городскому суду; волостной судъ признаетъ крестьянина виновнымъ въ буйствѣ и присуждаетъ его къ тѣлесному наказанію, которое, по требованію земскаго начальника и несмотря на протестъ старшины, немедленно и исполняется. Губернское присутствіе ограничилось объявленіемъ земскому начальнику *замѣчанія*, хотя въ дѣйствіяхъ его заключался, очевидно, цѣлый рядъ превышеній власти. Припомнимъ еще рѣчи земскихъ начальниковъ, въ разное время проникавшія въ печать—рѣчи, въ которыхъ власть земскаго начальника изображалась въ самыхъ яркихъ, кричащихъ краскахъ; припомнимъ приказаніе снимать шапки не только передъ земскимъ начальникомъ, но и передъ всѣми дворянами (см. „Внутр. Обзор.“ въ № 9 „В. Е.“ за 1891 г.); припомнимъ обязательное введеніе мѣстоименія *ты* въ обращеніи земскаго начальника къ крестьянамъ — и сопоставимъ съ этимъ дѣло Протопопова, который грозитъ „бить морды“ городovýmъ за несниманіе передъ нимъ шапокъ, за то же самое онъ бьетъ Ворвуля, бьетъ Скрипку (волостного писаря) за „предписаніе“, написанное дворянину, бьетъ Старченко за возраженіе, сдѣланное ему на сходѣ, бьетъ Сѣраго, чтобы выучить его „знать новыя права“, грозитъ бить до суда за „неуваженіе старшихъ“. Не ясно ли, что Протопоповъ, какъ и многіе другіе земскіе начальники, находился подъ вліяніемъ преувеличенныхъ представленій о своей власти и о значеніи своей должности

¹⁾ Въ харьковской губерніи положеніе о земскихъ начальникахъ введено въ дѣйствіе 1-го сентября 1890 г., т. е. приблизительно черезъ полгода послѣ первыхъ опытовъ его примѣненія.

²⁾ См. №№ 11 и 12 „В. Европы“ за 1890 г., №№ 1 и 2 за 1891 г.

—и, если можно такъ выразиться, „преуменьшенных“ представлений о правахъ и о достоинствѣ крестьянъ? Совокупное дѣйствіе этихъ представлений выразилось у него въ такихъ явныхъ правонарушенияхъ, которыя не могли остаться безъ уголовной кары ¹⁾; но отношеніе между общими воззрѣніями на власть земскаго начальника и вытекающими изъ нихъ дѣйствіями остается, во всякомъ случаѣ, отношеніемъ между причиною и результатомъ. Недостаточно реагировать противъ результата, если остается въ силѣ причина. Поступки въ родѣ тѣхъ, которые привели Протопопова на скамью подсудимыхъ, сдѣлаются немислимыми только тогда, когда измѣнятся господствующіе взгляды на земскихъ начальниковъ и на крестьянъ. Что необходимо для такой перемѣны — это давно извѣстно нашимъ читателямъ.

Намъ остается только отмѣтить одну любопытную подробность въ процессѣ Протопопова: это заявленіе отца одного изъ побитыхъ крестьянъ, въ которомъ восхвалялся „доброжелательный“ земскій начальникъ и заявлялась просьба о возвращеніи его на прежнее мѣсто. Удивительнымъ оно можетъ показаться только съ перваго взгляда. Кто жила въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что между пожилыми крестьянами попадаются вездѣ — конечно, въ видѣ исключенія — систематическіе поклонники „сильныхъ мѣръ“, отъ кого бы онѣ ни исходили. Объясняется это отчасти стариковскою раздражительностью, склонною смѣшивать молодой задоръ — съ дерзостью, самостоятельностью — съ непочтительностью, отчасти — оптическимъ обманомъ, въ силу котораго давно прошедшее облекается въ розовыя краски „добраго стараго времени“. Нѣкоторые изъ послѣднихъ могибанъ крѣпостной эпохи чистосердечно вѣрятъ, что тогда и люди были лучше, и жизнь — привольнѣе; они наивно убѣждены, что доля утраченнаго блаженства можетъ быть восстановлена „отеческимъ исправленіемъ“ заблудшихъ. Миронъ Сѣрый принадлежитъ, очевидно, къ этимъ антикамъ. Весьма вѣроятно, что у него были, вдобавокъ, какія-нибудь семейныя непріятности съ сыномъ, и что въ рукѣ земскаго начальника, обрушившейся на Михаила Сѣраго, онъ усмотрѣлъ руку карающей Немезиды. Само собою разумѣется, что не въ такихъ крѣпостныхъ взглядахъ выражается „общественное мнѣніе“ деревни, рассматриваемой какъ одно цѣлое.

Между тѣмъ до крайности странно разсуждаютъ иногда не по

¹⁾ Намъ неизвѣстно, почему между дѣйствіями Протопопова и судомъ надъ нимъ прошло болѣе двухъ лѣтъ, между тѣмъ какъ судъ надъ крестьянами за „сопротивленіе“ Протопопову происходилъ полгода спустя послѣ событія. Изъ обвинительнаго акта видно, что Протопоповъ еще до суда оставилъ должность земскаго начальника; но когда именно и какимъ образомъ — этого мы также не знаемъ.

разуму усердные ревнители „сильной власти“. Въ гор. Новоржевѣ разсматривалось недавно дѣло о „сопротивленіи“ крестьянъ земскому начальнику, выразившемся, будто бы, въ томъ, что когда земскій начальникъ приказалъ писарю записать крестьянъ, шумѣвшихъ на сходѣ, то одинъ изъ нихъ толкнулъ писаря, а когда велѣно было арестовать буйна, крестьяне отбили его у сотскаго. На судѣ писарь показалъ, что его никто не толкалъ, а только мѣшали ему записывать; сотскій удостовѣрилъ, что крестьяне не отбивали у него своего односельца, а только сказали ему: „если хочешь одного арестовать, арестуй всѣхъ, мы всѣ одинаково виновны“. Судъ, въ виду такихъ показаній, оправдалъ подсудимыхъ. Понятно,—замѣчаютъ по этому поводу „Московскія Вѣдомости“,—„какъ ложно положеніе земскаго начальника послѣ такого приговора. Если крестьяне точно не виноваты *совсѣмъ*, земскій начальникъ очевидно долженъ быть смѣщенъ. Если же крестьяне *сколько-нибудь* виноваты, судъ долженъ получить надлежащее внушеніе. Ставить же земскаго начальника въ столь странное положеніе — просто невозможно“. Намъ кажется, что въ положеніи земскаго начальника, послѣ оправданія крестьянъ, нѣтъ ничего ни ложнаго, ни страннаго. Онъ могъ быть введенъ въ ошибку первоначальными заявленіями писаря и сотскаго, выставившими образъ дѣйствій крестьянъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ показало его судебное слѣдствіе. Толчки писарю, *отбиваніе* арестованнаго крестьянина у сотскаго — всему этому, повидимому, земскій начальникъ самъ свидѣтелемъ не былъ; онъ основывался на томъ, что ему передавали—и потому не отвѣчаетъ за обнаружившуюся впоследствии неточность передачи. Что касается до суда, то кто же будетъ повѣрять его рѣшеніе, кто будетъ разслѣдовать, *совсѣмъ ли невиноваты* крестьяне, или *сколько-нибудь виноваты*? Одно изъ двухъ: или рѣшеніе суда (состоявшееся безъ участія присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей) опротестовано прокуратурой, или не опротестовано. Если опротестовано, то оно будетъ пересмотрѣно судебной палатой, которая можетъ и отмѣнить его, конечно — не дѣлая суду никакого *внушенія*; если оно не опротестовано, то оно вошло въ законную силу и никакихъ вопросовъ о правильности или неправильности его даже возбуждаемо быть не можетъ. Во что обратилось бы правосудіе, еслибы судебное рѣшеніе подлежало еще какой-то внѣ-судебной повѣркѣ, результатомъ которой могло бы быть *надлежащее внушеніе* судьямъ?..

Чрезвычайно интересной иллюстраціей отношеній, установившихся или устанавливающихся, кое-гдѣ, между крестьянами и ихъ начальствомъ, служить слѣдующій фактъ, сообщаемый „Недѣлей“ (№ 46), со словъ „Смоленскаго Вѣстника“ (№ 113). Юхновское земство (смо-

ленской губ.) учредило въ 1891 г. уѣздный сельскохозяйственный советъ для улучшенія экономическаго положенія уѣзда. Советъ устроилъ два склада улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, сталъ распространять улучшенные сѣмена, выписывать и продавать искусственныя удобрения и т. д. Первые шаги дѣятельности совета имѣли большой успѣхъ; не только весь пріобрѣтенный имъ запасъ сельскохозяйственныхъ орудій, сѣмянъ и фосфоритной муки былъ раскупленъ населеніемъ, но послѣднее сдѣлало заказы, превышавшіе въ нѣсколько разъ запасъ совета. И вдругъ совершенно неожиданно явилось препятствіе. При обсужденіи въ советѣ ходатайства крестьянъ дер. Сидоровской о выпискѣ для нихъ 100 пудовъ улучшенныхъ сѣмянъ ржи и 100 пудовъ фосфоритовъ, мѣстный земскій начальникъ, г. Титовъ, заявилъ совету слѣдующее: „не признавая цѣлесообразности предложенія крестьянамъ примѣненія фосфоритовъ, разныхъ улучшенныхъ сортовъ ржи и тому подобныхъ *затѣй*, я, какъ земскій начальникъ, обязанный охранять интересъ населенія, *воспреищу* крестьянамъ ввѣреннаго мнѣ участка производство подобнаго рода *непроизводительныхъ* затратъ“. Нужды нѣтъ, — замѣчаетъ по этому поводу „Недѣля“, — „что крестьяне пожелали ввести въ свое хозяйство улучшенныя сѣмена и воспользоваться искусственными удобрениями; что советъ созданъ земскимъ собраніемъ, т. е. учрежденіемъ официальнымъ; что, наконецъ, польза распространенія улучшенныхъ сѣмянъ и искусственныхъ удобрень признана и правительствомъ, органъ котораго, департаментъ земледѣлія, самъ дѣлаетъ въ этомъ направленіи что можетъ, — г. Титовъ уничтожаетъ все начатое дѣло, находя, что это даже не дѣло, а „*затѣи*“. Вотъ къ чему приводитъ защищаемое г. Владиміровымъ воззрѣніе на крестьянъ какъ на малолѣтнихъ, не понимающихъ своего собственнаго интереса!.. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что распоряженіе г. Титова будетъ отмѣнено высшею властью. Не говоря уже объ очевидной его нецѣлесообразности — особенно въ настоящее время, когда неурожайные годы слишкомъ ясно доказали необходимость болѣе рациональнаго хозяйства, — оно совершенно незаконно: земскій начальникъ никѣмъ и ничѣмъ не уполномоченъ опредѣлять, производительна или непроизводительна затрата, предпринимаемая крестьянами на собственные средства. Не мѣшало бы почаще вспоминать простую истину, что крестьянинъ — *собственникъ* своего движимаго имущества (въ томъ числѣ, конечно, и своихъ денегъ), а въ составъ права собственности входитъ, по закону, право распоряженія...

ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ

ВЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ПРАВА *)

(1867—1892 г.).

Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, юношею, я вступилъ на эту каеедру. Много разъ мѣнялась съ тѣхъ поръ моя аудиторія. Далеко, по всей Руси разошлись мои слушатели, трудясь въ различныхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности; не прошли, конечно, безслѣдно и для меня эти годы: много упованій, надеждъ, унесъ опытъ жизни; отрезвляющая дѣйствительность понудила на многое измѣнить уголъ зрѣнія, измѣнить оцѣнку многихъ учрежденій, началъ. Измѣнялся преподаватель, — могло ли не измѣняться преподаваніе?

И вотъ теперь, призванный благосклоннымъ снисхожденіемъ со-вѣта къ продолженію преподавательской дѣятельности, начиная новое 25-ти-лѣтіе, я предположилъ сегодня, въ бесѣдѣ съ вами, оглянуться на прошлое, посмотреть, — измѣнился ли, и въ чемъ именно, матеріалъ, мною вамъ сообщаемый, и приемы его обработки; измѣнились ли, за этотъ срокъ, требованія, примѣняемыя къ научному изложенію уголовного права? Я предположилъ свести, такъ сказать, на очную ставку мои курсы 1867-го и 1892-го годовъ.

Но пригодна ли, возможна ли даже такая тема для лекціи? Можно ли найти сколько-нибудь существенныя перемены въ правѣ, законодательствѣ, въ наукѣ, — за такой, сравнительно, короткій промежутокъ времени? Двадцать-пять лѣтъ — это большая величина въ скоро-преходящей жизни личности, этой однодневки мірозданія; но что такое подобный срокъ для вѣковыхъ институтовъ права, переживающихъ иногда не только поколѣнія, но и цѣлые народы; побѣдоносно передаваемыхъ, какъ наслѣдіе, отъ одной исторической эпохи жизни человѣчества — другой?..

Сознаюсь, такая попытка была бы, можетъ быть, бесплодна, если бы вопросъ не относился къ уголовному праву, — тому праву, которое недавно почившій, великій мастеръ правовѣденія, Іерингъ, мѣтко характеризировалъ тѣмъ, что оно вмѣстѣ съ народомъ переживаетъ всѣ

*) Вступительная лекція проф. Н. С. Таганцева, 26-го сентября 1892 г., которою открывалось второе двадцатипятилѣтіе его профессорской дѣятельности по каеедрѣ уголовного права въ училищѣ правовѣденія. — *Ред.*

фазисы его соціального развитія; что, мягкое и гибкое, какъ воскъ, оно податливо воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія окружающей жизни.

А минувшая четверть вѣка не бѣдна событіями, оставившими глубокія борозды въ исторіи народовъ и государствъ.

Стѣдуетъ вспомнить—въ области политической—пруско-австрійскую, франко-прускую и русско-турецкую войны, такъ измѣнившія политическую карту Европы; образованіе воинствующей германской имперіи; созданіе и ростъ республики во Франціи; воцарившуюся нынѣ въ международныхъ отношеніяхъ систему вооруженнаго мира и дружественной вражды. Въ области соціальной жизни—все сильнѣе и сильнѣе растущее значеніе рабочаго вопроса, вопроса объ обезпеченіи труда, и—какъ вышнее проявленіе начинающагося измѣненія экономическаго строя—развитіе интернаціональныхъ союзовъ, поражающій ростъ социалистической партіи, грозныя, кровавыя вспышки анархической дѣятельности. Наконецъ, въ области умственнаго труда—побѣдоносное шествіе опытнаго знанія, примѣненіе къ изученію психологіи личности, къ сферѣ общественныхъ и государственныхъ явленій—методовъ и приѣмовъ изученія природы.

Если справедливъ отзывъ Іеринга, то могло ли остаться безъ измѣненій уголовное законодательство Европы?

Дѣйствительно, даже бѣглый обзоръ западно-европейскихъ законодательствъ вполне подтвердитъ правильность высказанной Іерингомъ мысли.

Когда я началъ мои чтенія по уголовному праву, въ Германіи дѣйствующее законодательство составляло смѣсь самыхъ разнообразныхъ законоположеній. Въ четырехъ областяхъ: въ Мекленбургѣ, Лауенбургѣ, Шаумбургъ-Липпе и Бременѣ, сохраняло силу обще-германское право, т.-е. „Каролина“, нѣсколько поглаженная и приспособленная къ потребностямъ времени. Въ другихъ частяхъ Германіи дѣйствовали (послѣ 1867 г.) десять отдѣльныхъ кодексовъ, большинство которыхъ, какъ, напр., саксонскій, баденскій, виртембергскій, носили явные слѣды нѣмецкой доктрины начала нынѣшняго столѣтія; а два, наиболѣе вліятельныя уложенія, прусское 1851 г. и баварское 1861 г., пересадили въ Германію начала иноземнаго, французскаго права. Совершившееся объединеніе Германіи замѣнило все это разнообразіе единымъ уложеніемъ, сдѣлавшимся съ 1872 г. кодексомъ для всей германской имперіи. Но уже и этотъ, повидимому, столь юный кодексъ, подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ 1876 г., былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ специальныхъ карательныхъ законовъ, а нынѣ слышатся весьма вѣскіе голоса, требующіе новаго коренного пересмотра кодекса 1872 г.

На сѣверѣ къ тому времени только-что появились новые кодексы:

въ Даніи 1866 г., Швеціи 1865 г.; эти кодексы остаются дѣйствующими и понынѣ, но въ Швеціи и Норвегіи выработаны уже проекты новыхъ уложеній.

Въ Венгріи новый кодексъ былъ изданъ въ 1878 г. и вступилъ въ силу съ 1880 года. Австрія за этотъ періодъ представила рядъ проектовъ 1867, 1874, 1881 и 1889—1891, не получившихъ примѣненія, благодаря трудности подвести подъ одно германское законодательство разноплеменное населеніе имперіи.

Попытки объединенной Италіи создать общетальянское уголовное уложеніе увѣнчались во многихъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія кодексомъ 1890 г.

Въ Голландіи съ 1886 г. вступилъ въ силу новый превосходный кодексъ 1881 г.

Франція, правда, сохранила прежнее уголовное законодательство; но со времени республики послѣдовалъ цѣлый рядъ существенныхъ измѣненій по всѣмъ наиболѣе важнымъ отдѣламъ, а съ 1889 образована коммиссія для выработки новаго уложенія, представившая уже крайне интересный проектъ общей части.

Даже въ Англіи, въ 1878 и 1880 гг., были сдѣланы попытки кодификаціи, и въ парламентъ были вносимы проекты уголовного уложенія.

Еще интереснѣе было бы прослѣдить соотношеніе соціально-политическихъ измѣненій послѣднаго двадцатипятилѣтія съ отдѣльными уголовными узаконеніями; но ограниченное время не позволяетъ мнѣ войти въ этотъ разборъ: я позволю себѣ только упомянуть о наиболѣе типичныхъ явленіяхъ съ этой точки зрѣнія, — какъ напр., объ узаконеніяхъ о шпіонствѣ въ мирное время; о законахъ о соціалистахъ; о постановленіяхъ относительно наказуемости взрывовъ, изготовленія и пользованія взрывчатыми веществами и т. д.

Итакъ, матеріалъ курса 1892 г., относящійся къ дѣйствующимъ иностраннымъ уголовнымъ законодательствамъ, совершенно преобразился сравнительно съ курсомъ 1867 г. Перейду къ главному матеріалу лекцій, къ русскому законодательству.

„Нѣтъ поры краше утренней зари“, — говоритъ народная пѣсня. Оттого такъ радостно вспоминать пору молодости, когда кровь кипячѣе кипитъ, а „силушка по жилушкамъ переливается“. Но особенно красно вспоминается минувшая молодая пора нашему поколѣнію, такъ какъ она совпала съ эпохою обновленія Россіи, съ тою эпохою великихъ преобразованій, откуда, по выраженію моего покойнаго друга, профессора Градовскаго, „пошло все, чѣмъ красна наша жизнь“. Трудно всецѣло, пластически передать обаятельную силу того вре-

мени, юношески-возбужденное состояніе общественной жизни въ тѣ года, когда мнѣ пришлось выступить преподавателемъ. Я могу сравнить его развѣ съ подъемомъ жизни, испытаннымъ, вѣроятно, тѣми изъ васъ, которымъ посчастливилось переживать первыя проявленія нашей южной весны гдѣ-нибудь въ Ялтѣ или на побережьѣ Кавказа, когда жизнетворною силою проникнуть каждый атомъ мірозданія, когда гулко и весело бьется пульсъ жизни во всей расцвѣтающей природѣ.

Державная воля Царя только-что разбила ледяную кору ерѣ-постничества, и подъ горячимъ солнцемъ свободы заискрились и засверкали омертвѣлыя дотолѣ волны народной жизни. Законъ 1-го января 1864 г. призвалъ къ работѣ мѣстныя силы, указавъ имъ путь совмѣстной дружной дѣятельности для улучшенія экономическаго положенія страны, потрясаемаго совершавшимся переворотомъ; на тѣхъ же началахъ подготовлялось преобразование городского управленія.

Наконецъ, незадолго до начала моихъ лекцій, въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ зазеленѣла сочная молодая листва, казалось, столь крѣпко взрожденнаго дуба судебной реформы.

14-го іюня 1866 г. было первое засѣданіе въ Петербургѣ вновь открытаго суда; въ іюлѣ состоялся первый разборъ дѣла съ присяжными, а 15-го августа 1866 происходило первое засѣданіе уголовного кассационнаго департамента. Все въ обществѣ было полно новымъ судомъ: о немъ, о затронутыхъ первыми засѣданіями юридическихъ вопросахъ трактовали въ спеціальныхъ журналахъ; имъ посвящали свои сочувственныя статьи только-что сбросившіе ярмо предварительной цензуры общіе журналы и газеты; они служили тѣмою для болтовни въ гостиной. Всѣ вѣрили, восторгались, рисовали вновь возникшую дѣятельность судовъ въ особыхъ, розовыхъ перспективахъ; но особенно было дорого вѣское слово тѣхъ, кто пережилъ старый, беспросвѣтный, подъяческій порядокъ, — увы! — рисуемый нынѣ многими, его не испытавшими, какъ желанное и дорогое наслѣдіе предковъ!

Не могло остаться безотвѣтнымъ на всѣ эти видоизмѣненія жизни и уголовное законодательство.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., когда съ церковнаго аналоя призывался русскій народъ „освѣтить себя крестнымъ знаменіемъ“, призывая благословеніе Божіе на свой свободный трудъ, — появилась многоизвѣстная записка князя Орлова о несовмѣстимости тѣлесныхъ наказаній съ разумными условіями развитія государственной жизни, — записка, встрѣченная столь сочувственно большинствомъ представителей нашихъ правящихъ тогда сферъ и вызвавшая законъ 17-го апрѣля 1863 г., въ корень расшатавшій лѣстницу наказаній по уложенію 1845 г.

Затѣмъ, составители судебныхъ уставовъ предположили вслѣдъ за уставами приступить къ переработкѣ существующихъ уголовныхъ законовъ; но это ихъ предположеніе не осуществилось. Они удовлетворились лишь частичными поправками—составленіемъ устава о наказаніяхъ и послѣдовавшимъ, на основаніи закона 27-го декабря 1865 г., новымъ переизданіемъ уложенія о наказаніяхъ,—и это неисполненіе ихъ предположеній даетъ право, по моему мнѣнію, сдѣлать тяжкій упрекъ составителямъ уставовъ. Въ немъ, думается мнѣ, кроется одно изъ главныхъ оснований позднѣйшихъ нареканій на наше новое уголовное судопроизводство: нельзя было жизненепригодному, иссыхающему продукту канцеляризма щеголять въ платьѣ, скроенномъ на растущій живой организмъ.

Съ изданіемъ устава о наказаніяхъ, впрочемъ, не кончились заботы нашихъ правительственныхъ сферъ о переработкѣ уголовныхъ законовъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи смѣнялись одна комиссія за другою, стремившіяся къ сближенію съ жизнью нашихъ карательныхъ мѣръ, къ пересмотру нашей дѣстницы наказаній, и, наконецъ, было приступлено, къ составленію проекта новаго уложенія.

Въ мертвящій, кровавый день 1-го марта 1881 г., на бывшемъ въ университетѣ диспутѣ, за нѣсколько часовъ до мученической кончины Царя-Преобразователя, мнѣ было передано отъ министра юстиціи приглашеніе принять участіе въ работахъ по составленію новаго уголовного уложенія. Комиссія официально образовалась только въ апрѣлѣ, но предположеніе о ней было однимъ изъ послѣднихъ плановъ преобразованія жизни Россіи, получившихъ благословеніе покойнаго Государя.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, и вѣрится, что эта работа, оконченная нынѣ вчернѣ, на которую потрачено такъ много заветныхъ думъ,— не сгинетъ безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, работы комиссіи, ея объяснительныя записки, составляютъ опредѣленный вкладъ въ разработку русскаго уголовного права. Тѣ части труда комиссіи, которыя были переведены на нѣмецкій языкъ, получили крайне лестную оцѣнку выдающихся представителей нѣмецкой доктрины. Въ новѣйшихъ учебникахъ уголовного права—Листа, Мейера—объяснительныя записки комиссіи цитируются въ числѣ пособій; не могли, конечно, эти работы не отразиться и на лекціяхъ русскихъ криминалистовъ.

Не могли не отразиться еще и потому, что за послѣднее пятилѣтіе появился цѣлый рядъ законовъ, дополняющихъ уложеніе, основанныхъ на предположеніяхъ комиссіи.

И въ этомъ отношеніи, очевидно, матеріалы моего курса 1867 г. существенно разнствуютъ отъ настоящаго.

Перехожу къ еще болѣе краткому обзору измѣненій въ научной работѣ матеріала.

Сто лѣтъ назадъ, наши предки были свидѣтелями грознаго явленія въ исторіи человѣчества. На западной окраинѣ Европы сгустились столѣтіями накопившіеся непорядки соціальной жизни; скопились горючіе, легко воспламеняющіеся матеріалы, образовавшіеся отъ отбросковъ и осадковъ гнета высшихъ сословій, отсутствія гарантій личныхъ правъ, обезпеченности личнаго труда, свободы обмѣна продуктовъ мысли и знанія. Произошло потрясающее изверженіе скорби человѣчества, предъ которымъ являются столь ничтожными всѣ исторически извѣстныя изверженія вулкановъ природы. Оно засыпало пепломъ, сожгло своею лавою, уничтожило, не только мѣстечки, города, но—принципы, учрежденія, вѣрованія, считавшіеся незыблемыми устоями общественной жизни; оно потрясло весь „старый порядокъ“. Его громовые раскаты, его подземные удары разстроили или внесли сматеніе не только въ со-предѣльныя государства, но даже и въ далекія, чуждыя ему по всѣмъ видимостямъ страны.

Въ видѣ кучи хаотическихъ обломковъ оставила революція и систему дѣйствовавшихъ дотолѣ уголовныхъ постановленій. Устраненіе членовредительныхъ наказаній, квалифицированной смертной казни, пытокъ, системы формальныхъ доказательствъ и другихъ основъ инквизиціоннаго процесса—сводило, повидимому, къ нулю все существующее уголовное право.

Разбивая въ настоящемъ ненавистное прошлое, революція отрицательно отнеслась къ исторіи и ея завѣтамъ. Въ правѣ, какъ и повсюду, водворялся культъ богини разума, съ ея ослѣпляющимъ гармонією сочетаній торсомъ, обнаженнымъ отъ условно классическихъ покрововъ.

И когда, затѣмъ, доктрина XIX вѣка стала разбираться въ уцѣлѣвшихъ обломкахъ стараго порядка, то она, въ свою очередь, отвернулась отъ этой минувшей судебно-законодательной практики, преслѣдуя другія, по ея мнѣнію, болѣе важныя цѣли.

Лейзеръ былъ послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ криминалистовъ-теоретиковъ, писавшихъ для практики. Мѣсто комментаріевъ заняли учебники; уголовное право разрабатывалось внѣ условій мѣста и времени. Философія была объявлена не только источникомъ, но и главнымъ источникомъ дѣйствующаго права. Изъ добытой путемъ философическихъ пріемовъ идеи права выводилась идея преступленія и кары, какъ его послѣдствія, а изъ установленнаго понятія преступленія, путемъ дедукціи, устанавливались не только признаки преступнаго дѣянія, но и опредѣленія родовъ и видовъ преступленій и мѣры налагаемыхъ за нихъ взысканій.

Наступила эпоха созданія всевозможныхъ системъ теорій наказуемости, эпоха горячей и ожесточенной борьбы между ними; юристы-практики принимали въ борьбѣ не менѣе живое участіе, стремясь провести въ жизнь принципы тѣхъ или другихъ абстрактно созданныхъ построеній.

Въ Германіи это направленіе доктрины было господствующимъ и въ 60-хъ годахъ.

Когда я въ 1863 году поѣхалъ въ Германію для продолженія научныхъ занятій подъ руководствомъ нѣмецкихъ ученыхъ,—распредѣленіе корифеевъ этого направленія представлялось въ такомъ видѣ. Въ Тюбингенѣ незадолго передъ тѣмъ скончался талантливейшій представитель абстрактнаго метода—Кестлинъ, и его мѣсто занялъ его ученикъ и другъ—Геслеръ; въ Берлинѣ увлекалъ строгостью и логичностью построеній молодой гегеліанецъ—Бернеръ, а рядомъ съ нимъ излагалъ въ томъ же направленіи основы уголовного права маститый представитель той же школы—Гефтеръ; въ Кенигсбергѣ читалъ уголовное право гегеліанецъ Абергъ; въ Боннѣ былъ Гельшнеръ, въ Іенѣ—Мареполь, въ Лейпцигѣ—Вехтеръ.

Только въ жизнерадостномъ Гейдельбергѣ, гдѣ природа соперничаетъ въ красотѣ съ творчествомъ человѣка, привлекалъ массу слушателей глашатай иного направленія, маститый уже въ то время Миттермайеръ, пользовавшійся громадною извѣстностью за предѣлами Германіи, но едва признаваемый своими нѣмецкими коллегами.

По складу своего ума Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ условіемъ всякаго юридическаго метода его примѣнимость къ жизни; у него нельзя встрѣтить ни одной работы чисто кабинетной, ни въ философской, ни въ исторической сферѣ права. Онъ не высказывалъ ни одного юридическаго положенія, не подкрѣпивъ его примѣрами изъ дѣйствительной жизни; даже той или другой научной теоріи отдавался онъ настолько, насколько она оправдывалась и была осуществима на практикѣ. Признавая право жизненнымъ явленіемъ, онъ требовалъ, чтобы и его высшія основныя начала были раскрываемы путемъ анализа жизненныхъ юридическихъ отношеній. Не отрицая значенія дедукціи при разработкѣ законовъ социальныхъ явленій, онъ считалъ необходимымъ провѣрять дедуктивные выводы изъ установленныхъ уже принциповъ и началъ права — эмпирическими обобщеніями, добытыми изъ жизни путемъ наблюденій и опыта. Онъ не отрицалъ въ принципѣ значенія ни философіи, ни исторіи; напротивъ того, онъ отводилъ надлежащее мѣсто не только исторіи догмы, но и исторіи правовыхъ институтовъ, какъ необходимаго подспорья раскрытія законовъ общественной жизни. Онъ возставалъ только противъ исключительнаго

преобладанія философскаго элемента въ разработкѣ права, онъ возставалъ противъ исключительнаго примѣненія отвлеченнаго метода, забывавшаго, что право—не геометрическая формула, а жизненное явленіе, созидающееся и развивающееся не подѣ влияніемъ одного какого-либо принципа, а являющееся продуктомъ сложнаго механизма, взаимодѣйствія различныхъ силъ.

Миттермайеръ былъ центромъ этого направленія; его ученики уже выдвигались и въ другихъ университетахъ, какъ недавно умершій проф. Гольцендорфъ, бывшій тогда приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ, проф. Вальбергъ—въ Вѣнѣ.

Семестръ, проведенный мною въ Гейдельбергѣ, въ уютной комнатѣ на Pleckgass'ѣ, съ неизмѣнно ласкающимъ видомъ на Schloss и Königstuhl, остался лучшимъ воспоминаніемъ моего заграничнаго студенчества. Подѣ руководствомъ Миттермайера выбралъ я тему для магистерской диссертациі; ему я представилъ въ извлеченіи переводъ основныхъ положеній нашего проекта уголовного судопроизводства, вызвавшаго сочувственный его отзывъ, столь извѣстный нашимъ юристамъ; отъ него получилъ я и незабвенное для меня теплое напутствіе на дальнѣйшую педагогическую дѣятельность.

Въ Россіи въ ту эпоху шла, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, борьба тѣхъ же направленій.

Когда мнѣ пришлось слушать въ университетѣ курсъ уголовного права, въ основу изложенія былъ положенъ юнымъ еще тогда профессоромъ петербургскаго университета, В. Д. Спасовичемъ, курсъ гегелянца Бернера, а въ 1863 г. талантливый нашъ криминалистъ, въ предисловіи къ своему учебнику, уже заявилъ: что ему „пришлось отказаться отъ всего абсолютнаго, отвергнуть всѣ отвлеченности и, ставъ на почвѣ реализма, цѣль и задачу науки поставить въ неуклонномъ наблюденіи живой дѣйствительности“.

Его преемникъ по кафедрѣ въ петербургскомъ университетѣ, А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ, въ 1859 г., въ рѣчи о правѣ наказанія, читанной имъ въ Ярославлѣ, являлся простымъ компиляторомъ трудовъ одного изъ самыхъ ярыхъ послѣдователей метафизическихъ построеній уголовныхъ институтовъ Геппа, а въ 1862 г. Чебышевъ-Дмитріевъ выступилъ съ своимъ талантливымъ трудомъ о преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, и въ этомъ историческомъ трудѣ сумѣлъ блистательно примѣнить жизненный приѣмъ изслѣдованія юридическихъ явленій.

Для меня, предѣ началомъ преподаванія, выборъ направленія былъ ясенъ: его подсказывала сама юридическая жизнь того времени, требовавшая неустанной разработки дѣйствительности. Насколько оказался я годенъ для осуществленія этихъ требованій, судить не мнѣ; но не могу не вспомнить, что наиболѣе отрадною на-

градомъ для меня въ этомъ отношеніи была оцѣнка моей докторской диссертации о преступленіяхъ противъ жизни, сдѣланная на моемъ диспутѣ моимъ учителемъ В. Д. Спасовичемъ, высказавшимъ, что эпиграфомъ моей работы можно было бы поставить: „изъ жизни для жизни“.

Такова была постановка вопроса о методѣ разработки уголовного права, съ которою я приступалъ къ моимъ чтеніямъ въ 1867 году.

Тотъ жизненный матеріалъ, который мы наблюдали случайно, на которомъ мы провѣряли пригодность законодательныхъ постановленій, было преступное дѣяніе,—то особое юридическое отношеніе, въ которое становилось лицо, посягнувшее на общественный порядокъ, къ этому порядку, къ государству; тѣ отношенія, которыя возникали затѣмъ между преступникомъ и властнымъ, карающимъ его органомъ правосудія.

Конечно, анализируя эти отношенія, мы не забывали, что всякое преступленіе есть выраженіе личности; что, карая, государство причиняетъ страданіе не абстракціи, а живому организму, человеку; что безъ всесторонней оцѣнки преступника немислима никакая разумная теорія наказуемости; но мы этимъ проявленіемъ преступной личности и ограничивали сферу нашихъ изслѣдованій.

Между тѣмъ уже давно въ литературѣ стали появляться попытки изученія преступленія и преступника не съ юридической, а, такъ сказать, съ социальной точки зрѣнія. Въ трудахъ публицистовъ конца XVIII в. нерѣдко можно встрѣтить разсужденія о зависимости преступленій отъ этнографическихъ, и въ особенности культурныхъ условій общежитія; сопоставленіе преступленій съ общественными и экономическими неурядицами; соображенія объ особенностяхъ преступнаго населенія, о нравахъ и привычкахъ отдѣльных классовъ преступниковъ; но всѣ эти разсужденія строились а priori, являлись большею частью общими мѣстами, непригодными для потребностей дѣйствительной жизни.

Только появленіе точныхъ статистическихъ данныхъ, въ особенности статистическихъ отчетовъ французскаго министерства юстиціи, поставило изученіе преступленія, какъ продукта общественной жизни, на болѣе твердую почву. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ появляются важнѣйшіе труды родоначальника моральной статистики бельгійскаго астронома Кетлѣ: въ 1836 г.—его изслѣдованіе о человѣкѣ и его способностяхъ, а въ 1848 г.—„Système sociale“; провозглашается знаменитый афоризмъ Кетлѣ о томъ, что нѣтъ бюджета, который бы общество выполняло съ такою точностью, какъ бюджетъ, платимый преступленіями.

Но уголовная доктрина долго, даже до 60-хъ годовъ, относилась безучастно къ этимъ изслѣдованіямъ. Извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ

учебниковъ конца 50-хъ годовъ, учебникъ Бернера, только парой словъ обмолвился о моральной статистикѣ, упомянуть о ней въ числѣ второстепенныхъ вспомогательныхъ наукъ для изученія уголовного права. Когда у насъ, въ 1866 г., одинъ изъ талантливейшихъ нашихъ криминалистовъ, Н. Неклюдовъ, представилъ свое статистическое изслѣдованіе о соотношеніи возраста съ преступностью для приобрѣтенія степени магистра уголовного права, то въ юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета возбудился даже вопросъ о самой пригодности такой тѣмы для магистерскаго сочиненія по уголовному праву.

Но какъ измѣнилось значеніе такихъ изслѣдованій съ того времени! Сколько именъ, выдающихся между юристами, посвятили свои труды изученію законовъ, управляющихъ преступностью, какъ социальнымъ явленіемъ. Рядомъ съ изслѣдованіями біологической стороны—вліянія пола, возраста, расы—появились работы о космическихъ условіяхъ преступности, о вліяніи временъ года, температуры, географическихъ условій; о соотношеніи преступленія съ цѣнами на хлѣбъ, съ колебаніями предложенія и спроса на рабочемъ рынкѣ, и т. д. Въ 1872 г. молодой доцентъ ярославскаго лицея, М. Духовской, въ своей вступительной лекціи по уголовному праву, — даже этою социальною стороною изученія преступленія опредѣлялъ все содержаніе своихъ будущихъ лекцій.

Всѣми этими изслѣдованіями затрогивалась, однако, только одна сторона социальнаго изученія преступленія, затрогивался вопросъ о соотношеніи объема условій и движенія преступности съ даннымъ состояніемъ общества и его культуры; но оставалась нетронутою другая сторона — вопросъ о той средѣ, которая поставляетъ требуемый общественною жизнью контингентъ преступниковъ и вноситъ ту роковую подать, отъ которой не свободно ни одно человѣческое обществитіе. Оставались неизслѣдованными тѣ условія и данныя человѣческаго организма, которыя дѣлали его пригоднымъ для культивированія — выражаясь языкомъ современной эпидемиологіи — бациллы преступности.

Эту задачу взяла на себя антропологическая школа. Отдѣльныя изслѣдованія по анатоміи и физиологіи преступниковъ встрѣчались и ранѣе, но первымъ систематическимъ трудомъ, послужившимъ основнымъ базисомъ всего направленія, было сочиненіе врача Ломброзо — „L'Uomo delinquente“, появившееся въ 1876 г. Къ Ломброзо применилъ рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей — юристовъ, естествоиспытателей, врачей, всего болѣе въ Италіи, затѣмъ во Франціи, отчасти въ Германіи и у насъ въ Россіи. Насколько многоплодна дѣятельность этой школы, можно видѣть изъ того, что, по свидѣтельству Луккини, въ послѣднія шесть лѣтъ до 1892 г., въ одной Италіи появилось до трехсотъ сочиненій, вызванныхъ новымъ на-

правленіемъ, его борьбою со старою, такъ называемою классическою школою.

Изучая анатомическое строеніе преступниковъ, въ особенности ихъ черепъ, ихъ фізіологическія отправления, отличительныя черты ихъ моральной и духовной жизни, ихъ привычки, нравы, жаргонъ, одежду, ихъ литературное творчество,—на основаніи этихъ изысканій новая школа пыталась обрисовать не только типъ преступнаго чело-вѣка, прирожденнаго преступника, но и указать специфическіе признаки отдѣльных видовыхъ типовъ — воровъ, убійцъ и даже политическихъ преступниковъ.

Новая школа пыталась также подыскать хотя и весьма разнообразныя объясненія существованія преступнаго типа въ современномъ обществѣ. Одни сопоставляли преступниковъ съ душевно-больными, видя въ нихъ особый типъ „преступника-помишаннаго“; другіе видѣли въ нихъ продуктъ „наслѣдственнаго вырожденія поволѣній“, резуль-татъ пьянства, разврата и сумасшествія ихъ родичей; третьи, наобо-ротъ, сближали ихъ съ нашими до-историческими предками, видя въ нихъ примѣръ физическаго и нравственнаго атавизма. Стоя на этой поспѣдней точкѣ зрѣнія, одинъ изъ ярыхъ адептовъ школы, Альбрехтъ, на римскомъ антропологическомъ конгрессѣ высказалъ довольно смѣ-лую гипотезу, что собственно преступникъ и есть нормальный чело-вѣкъ, котораго наказываютъ за то, что онъ не хочетъ сдѣлаться не-нормальнымъ.

Нельзя не сказать, — въ значительной части выводы новой школы страдаютъ отсутствіемъ серьезности изслѣдованія, скороспѣ-лостью, преобладаніемъ фантазіи надъ дѣйствительностью. Объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ и расколъ, происшедшій въ самой школѣ и выразившійся на ея послѣднихъ конгрессахъ, изъ которыхъ на бруссельскій—Ломброзо и его ближайшіе друзья даже вовсе отказа-лись явиться. Самая идея—сыскать естественно-историческій типъ прирожденнаго преступника, или построить такія обобщенія, какъ типъ убійцы, государственнаго преступника,—вызываютъ невольную улыбку. Даже болѣе прочно стоящія статистическія изслѣдованія со-ціологіи преступленій страдаютъ въ самомъ корнѣ, въ неопредѣлен-ности и неудобосравнимости изучаемыхъ данныхъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что это новое направленіе значительно повліяло на уголовное право, и не только теоретически, но и практически.

Я позволю себѣ бѣгло указать на измѣненіе постановки вопроса о виѣняемости въ новѣйшей доктринѣ и на введеніе позитивнаго критерія виѣняемости въ новомъ итальянскомъ уложеніи и въ на-шемъ проектѣ,—на столь практически важную классификацію преступ-никовъ привычки и преступниковъ случайныхъ, отразившуюся на новыхъ законахъ: французскомъ 1885 г.—о рецидивистахъ, бельгій-

скомъ 1888 г. и французскомъ 1891 г. объ условныхъ приговорахъ и т. п.

Особенно важныя услуги уголовному праву можетъ оказать то болѣе трезвое направленіе новой школы, которое выдвинулось за послѣднее время во Франціи, съ Жоли и Тардомъ во главѣ, и попытки воспользо-ваться социологическими и антропологическими работами въ области преступленій для построенія теоріи уголовного права, сохраняя, однако, за нимъ первенствующее значеніе юридической науки, — попытки, дѣлаемыя нынѣ школою Листа въ Германіи и Гаррбъ во Франціи.

Итакъ, кипучая работа охватила въ послѣднее десятилѣтіе всю область уголовного права. Будущему и, можетъ быть, близкому будущему суждено разобраться въ этой массѣ новыхъ понятій, взглядовъ, наблюденій накопившагося опыта; сблизить, взаимно освѣтить и въ то же время размежевать понятія о преступленіи, какъ противосоціальномъ наказуемомъ дѣяніи, съ понятіемъ о преступленіи, какъ проявленіи общественной и личной преступности. Завидная участь будущихъ работниковъ!...

Обзоръ мой конченъ; думаю, что сдѣланное мною хотя и общее сопоставленіе курсовъ 1867 и 1892 гг., не было бесполезно, и достаточно подтвердило правильность приведеннаго мною въ началѣ за-мѣчанія Геринга о жизнеотзывчивости уголовного права.

Позвольте мнѣ окончить мою бесѣду пожеланіемъ, также почерпнутымъ изъ воспоминаній минувшаго, изъ воспоминаній о томъ путешествіи, съ которымъ въ лѣтній семестръ 1864 г. обратился къ своей аудиторіи маститый Миттермайеръ, прощаясь съ нею.

... Чредою пролетать года, неустанная коса смерти сброситъ насъ съ жизненной арены. Вы вступите въ дѣйствительную жизнь: помимо практики, непосредственнаго приложенія закона къ жизни, многіе изъ васъ будутъ призваны къ участию въ законодательныхъ работахъ, къ пересмотру того, что создаемъ мы нынѣ, къ перестройкѣ законодательства на основаніи новыхъ данныхъ, по новымъ началамъ; можетъ быть, сбудется и мое сердечное желаніе, и кто-нибудь изъ васъ займетъ эту кафедру, посвятивъ себя культурѣ вѣчно юнаго древа познанія... Да не поростетъ у васъ быльемъ забвенія память о нашемъ учителѣ, и при всякомъ движеніи впередъ мысли и знанія, при всякой борьбѣ за развитіе человѣчности въ правѣ, за охрану правъ личности, за прогрессъ, — вспоминайте вашего стараго преподавателя, — и мое сочувствіе и благословеніе будетъ всегда съ вами!.."

Н. Таганцевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1892.

Политическія дѣла въ Европѣ.—Настроеніе германской печати и новыя военныя законопроекты.—Вопросъ объ Эльзасѣ.—Полемика о „поддѣлкѣ“ депешъ въ 1870 году.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Динамитныя взрывы и законы о печати.—Разсѣяніе по дѣлу панамскаго общества и паденіе кабинета Лубэ.

Тягостное политическое настроеніе господствуетъ по разнымъ причинамъ въ большей части государствъ: въ Германіи новый военный законопроектъ возбуждаетъ сильное и всеобщее неудовольствіе; во Франціи непріятныя „инциденты“ слѣдуютъ одинъ за другимъ и, наконецъ, ниспровергаютъ честное, но вялое министерство Лубэ; въ обѣихъ половинахъ Австро-Венгріи разыгрываются министерскіе кризисы, въ связи съ шумными парламентскими битвами; въ Италіи, несмотря на побѣду Джіолитти, чувствуется всеѣмъ необходимость найти какой-нибудь выходъ изъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, вызванныхъ ошибками и увлеченіями прежней предприимчивой политики; только въ Англіи замѣчается затишье, въ ожиданіи реформаторской дѣятельности либеральнаго министерства, съ открытіемъ парламентской сессіи. Чтобы найти народъ дѣйствительно удовлетворенный, нужно обратиться развѣ въ Америку, въ Соединенные-Штаты, гдѣ большинство населенія привѣтствуетъ теперь торжество демократической партіи въ лицѣ ея представителя, Кливленда, избраннаго на постъ президента (съ 4-го марта будущаго года). Американцы не знаютъ ни разорительныхъ военныхъ бюджетовъ, ни финансовыхъ недочетовъ, ни тягостей податной системы; они имѣютъ возможность рѣшать свои государственные вопросы исключительно съ точки зрѣнія внутреннихъ интересовъ страны, не заботясь о международныхъ отношеніяхъ и союзахъ, о дружбѣ или враждѣ чужихъ державъ.

Нѣмецкіе патріоты гордятся внѣшнимъ величіемъ и могуществомъ Германіи; но они постоянно жалуются на неизбѣжныя послѣдствія и принадлежности этого величія, на возрастающіе государственные расходы и налоги, на увеличивающіяся изъ года въ годъ требованія военнаго вѣдомства. Значительная часть нѣмецкой печати высказываетъ убѣжденіе, что дѣла идутъ теперь несравненно хуже, чѣмъ прежде, и что замѣна князя Бисмарка генераломъ Каприви была

роковою ошибкою Вильгельма II. Нѣмцы, — какъ говорить берлинская „National-Zeitung“, — не привыкли къ тому, чтобы во главѣ правительства стояли люди среднихъ способностей, какъ въ другихъ государствахъ. Нынѣшній канцлеръ не пользуется общественнымъ довѣріемъ, въ качествѣ руководящаго политическаго дѣятеля и дипломата, хотя никто не отрицаетъ его достоинствъ и заслугъ, какъ хорошаго генерала и добросовѣстнаго, правдиваго человѣка. Нѣмецкія газеты особенно возстаютъ противъ крайней неопредѣленности и неустойчивости „новаго курса“, противъ частыхъ колебаній и противорѣчій въ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ правительства по самымъ важнымъ государственнымъ вопросамъ. Еще не такъ давно императоръ Вильгельмъ II высказалъ публично, что онъ предпочитаетъ имѣть небольшую армію опытныхъ солдатъ, чѣмъ многочисленное войско, напоминающее милицію; а генералъ Каприви объяснялъ въ имперскомъ сеймѣ, что не слѣдуетъ увлекаться цифрами въ дѣлѣ военной организціи, что качество арміи важнѣе количества, что возможность скораго сосредоточенія арміи и разумное предводительство имѣютъ гораздо больше значенія для успѣха войны, чѣмъ простой численный перевѣсъ, существующій часто лишь на бумагѣ. Канцлеръ указывалъ также на несомнѣнный вредъ той „бациллы безпокойства“, которая искусственно распространяется извѣстною частью журналистики по поводу мнимыхъ воинственныхъ намѣреній и приготовленій сосѣднихъ державъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ печати настойчиво передавались слухи о крупной военной реформѣ, направленной къ увеличенію численности германской арміи, и затѣмъ существованіе новаго военного законопроекта стало безспорнымъ, официально признаннымъ фактомъ. Проектъ сдѣлался достояніемъ гласности раньше, чѣмъ того желало правительство, и всѣ газеты могли заняться подробнымъ обсужденіемъ реформы, благодаря нескромности „Kölnische Zeitung“. Очень немногіе одобряли предположенное преобразование или допускали его цѣлесообразность съ военно-патріотической точки зрѣнія; большинство отнеслось къ проекту съ скрытымъ или явнымъ раздраженіемъ. Князь Бисмаркъ выразился о проектѣ отрицательно; въ то же время онъ неожиданно далъ новый щекотливый матеріалъ для общественнаго обсужденія и неудовольствія. Въ разговорѣ съ однимъ публицистомъ, бывшій канцлеръ коснулся событій 1870 года и упомянулъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ рѣшена была война. При этомъ онъ счелъ почему-то нужнымъ, съ обычною своею откровенностью, приписать себѣ честь возбужденія войны; послѣ извѣстныхъ попытокъ французскаго дипломата, графа Бенедетти, достигнуть соглашенія съ прусскимъ королемъ, находившимся тогда въ Эмсѣ, кризисъ грозилъ затянуться и не привести ни

къ чему серьезному; тогда получена была изъ Эмса телеграмма о дальнѣйшихъ настойчивыхъ требованіяхъ Франціи и объ отказѣ короля вести о нихъ переговоры съ Бенедетти; князь Бисмаркъ воспользовался этой депешей для того, чтобы сдѣлать разрывъ безповоротнымъ,—онъ придавъ ей болѣе рѣзкій оттѣнокъ и въ такомъ видѣ разослалъ въ газеты и ко всѣмъ представителямъ Пруссіи за границей. Графъ Мольтке находился у Бисмарка при полученіи эмской телеграммы, изложенной въ весьма сдержанномъ тонѣ; прочитавъ же редактированный текстъ депеши, онъ выразился, что „то былъ отбой, а это призывъ къ выступленію“. Изъ-за этого эпизода, рассказаннаго Бисмаркомъ, загорѣлась теперь цѣлая полемика въ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ. Поднятъ былъ вопросъ о поддѣлкѣ столь важной депеши, послужившей поводомъ къ войнѣ; въ европейской печати раздавались голоса о преступности Бисмарка, о страшной ответственности его за происшедшее по его винѣ кровопролитіе. Нѣмецкихъ патріотовъ крайне смущало сознаніе, что національный порывъ Германіи въ іюлѣ 1870 года вызванъ былъ не совсѣмъ чистыми средствами; многихъ непріятно поражала мысль, что великій государственный человѣкъ могъ рѣшиться на поддѣлку документа ради какихъ бы то ни было цѣлей. Горячіе споры объ эмской депешѣ отчасти заслонили собою обсужденіе военнаго законопроекта. Французскія газеты не находили достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить поступокъ Бисмарка въ іюлѣ 1870 года; эти газеты, не только умѣренно-республиканскія, но и радикальныя и социалистическія, готовы были объявить тогдашнее правительство Наполеона III совершенно неповиннымъ въ происшедшихъ кровавыхъ событіяхъ; Франція была только несчастною жертвою прусскаго коварства, и тяготѣвшее надъ нею обвиненіе должно быть теперь снято. Дѣятели нѣмецкой оппозиціи возобновили свои нападки на Бисмарка, какъ на представителя извѣстной политической системы, основанной на обманѣ народа; а если нельзя быть увѣреннымъ въ правильномъ употребленіи военныхъ силъ страны, то нѣтъ также основанія доводить до крайности милитаризмъ, усиливающий лишь положеніе правительства и истощающій народныя средства подъ предлогомъ мнимыхъ опасностей. Полемика противъ бывшаго канцлера была направлена косвенно и противъ дальнѣйшихъ вооруженій Германіи и такимъ образомъ еще болѣе способствовала неблагоприятной встрѣчѣ новаго военнаго законопроекта со стороны нѣмецкаго общественнаго мнѣнія.

Среди шума, вызваннаго этой полемикой, открылись засѣданія имперскаго сейма, 22-го ноября (нов. ст.). Въ тронной рѣчи, прочитанной Вильгельмомъ II, сообщалось о предполагаемомъ военномъ

преобразованіи и о новыхъ налогахъ на покрытіе нужныхъ по этому предмету расходовъ. Въ ближайшемъ же засѣданіи, 23-го ноября, канцлеръ Каприви внесъ въ имперскій сеймъ свои проекты законовъ о мирномъ составѣ арміи и способѣ ея пополненія. Въ мотивахъ, приложенныхъ къ проекту, объяснено довольно обстоятельно нынѣшнее военное положеніе Германіи. Правительство открыто заявляетъ, что при существующихъ условіяхъ „военная безопасность Германіи не можетъ считаться обезпеченною“, что „численный перевѣсъ, которыми прежде обладала Германія, вслѣдствіе введенной ею впервые всеобщей воинской повинности, теперь исчезъ“ и что „въ примѣненіи этой повинности сосѣднія государства обогнали“ нѣмцевъ. Нѣсколько разъ уже германское правительство увеличивало составъ своей арміи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, и всегда оказывалось, что предѣлъ еще не достигнутъ, не смотря на болѣе или менѣе положительныя обѣщанія и надежды. Закономъ 1887 года мирный составъ германской арміи опредѣленъ въ 468.409 чел., до 31-го марта 1894 года; но, не дождавшись этого срока, правительство въ 1890 году потребовало новаго увеличенія до 486.983 чел., срокомъ до 1894 года; теперь же, за два года до назначеннаго срока, предполагается опять возвысить численность арміи до 492.068 чел., на срокъ отъ октября будущаго года до 31-го марта 1899 года. Дѣло въ томъ, что „во Франціи, съ изданіемъ закона 15-го іюля 1889 года, система всеобщей воинской повинности проведена съ безпоощадной послѣдовательностью. Связанныя съ этимъ закономъ ожиданія не только вполнѣ осуществились, но еще были превзойдены. Мирный составъ французской арміи за послѣдніе три года составляетъ среднимъ числомъ 519.000 человекъ“. Число рекрутъ на 1890 годъ опредѣлено было круглой цифрой 230.000, такъ что, за вычетомъ обычной убыли, общее количество обученныхъ французскихъ солдатъ за 25 лѣтъ составитъ больше четырехъ милліоновъ. Точно также и въ Россіи „численность мирнаго состава арміи возрастаетъ съ каждымъ годомъ“; въ 1889 году она доходила до 926.000, а теперь доходить уже до 987.000. Чтобы достигнуть увеличенія военныхъ силъ Германіи, рѣшено прибѣгнуть къ сокращенію срока службы въ дѣйствующей арміи отъ трехъ до двухъ лѣтъ; армія будетъ чаще обновляться, и для пополненія ея будетъ привлекаться большее число рекрутъ. Предложенная цифра мирнаго состава превышаетъ существующую на 83.894 человекъ, причемъ понадобится излишекъ рекрутъ въ 60.000 чел.; въ теченіе 25 лѣтъ получается такимъ образомъ, по приблизительному разсчету, свыше 4.400.000 обученныхъ солдатъ, т.-е. уже больше, чѣмъ во Франціи, которая „дошла до крайней границы привлеченія къ службѣ лицъ, подлежащихъ воин-

ской повинности". На осуществленіе этой мѣры потребуется единовременно 67.800.000 марокъ, и ежегодно 64 милліона, всего новыхъ расходовъ на будущій годъ 131.800.000 марокъ.

Представляя имперскому сейму свои военные проекты, генералъ Каприви произнесъ длинную рѣчь, продолжавшуюся болѣе двухъ съ половиною часовъ. Онъ подробно доказывалъ, что Германія не желаетъ войны и стремится исключительно къ сохраненію мира, что другія великія державы, особенно Россія, также проникнуты миролюбіемъ, и что тѣмъ не менѣе германская имперія должна во всякомъ случаѣ быть готовою къ войнѣ на два фронта. Нація, по словамъ канцлера, должна сознательно принять проекты, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ полезности и необходимости; правительство не станетъ употреблять искусственныхъ мѣръ воздѣйствія, въ родѣ созданія воинственной тревоги офиціозными статьями и бряцаніемъ оружія; нужно только сказать обществу всю истину и объяснить положеніе, какъ оно есть въ дѣйствительности. Этотъ намекъ на способы, практиковавшіеся въ былое время княземъ Бисмаркомъ, вызвалъ рукоплесканія палаты; и въ самомъ дѣлѣ, теперь нѣтъ той ядовитой офиціозной прессы, которая систематически отравляла международныя отношенія и то грозилъ призракомъ войны, то оберегала миръ отъ мнимыхъ нарушителей, смотря по удобствамъ и желанію бывшаго канцлера. Генералу Каприви совершенно несвойственны эти рискованные политическіе приемы; онъ излагаетъ свои доводы съ военнымъ прямотишемъ и въ предѣлахъ возможной откровенности. Но его доводы слабы, и онъ какъ будто думаетъ сдѣлать ихъ убѣдительными, развивая ихъ болѣе пространно. Германія, по его мнѣнію, потеряла то военное первенство въ Европѣ, которое принадлежало ей въ 1870—71 годахъ; нѣмецкая армія сама по себѣ стоитъ выше всякой другой, но ей недостаетъ силъ и организаціи. „Мы слишкомъ слабы, слишкомъ стары и мягки въ нашей военной организаціи,—говорилъ канцлеръ,—и мы должны укрѣпиться, освѣжить и исправить ее“.

Но откуда взялась эта слабость, когда еще два года тому назадъ правительство признавало нѣмецкую военную организацію образцовою и не предполагало дѣлать въ ней никакихъ перемѣнъ? Каждые два-три года предпринимается усиленіе арміи для того, чтобы она была крѣпче и могущественнѣе, а потомъ вдругъ оказывается, что этой арміи недостаетъ силъ и организаціи. Если теперь будутъ приняты правительственные проекты, то такъ же точно черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ заявлено, что армія все еще нуждается въ увеличеніи и укрѣпленіи, что нація опять должна принести новыя жертвы для обезпеченія своей безопасности, и такъ далѣе безъ конца. Гдѣ тотъ

предѣлъ, далѣе котораго не пойдутъ военные руководители Германіи?

Генералъ Каприви рѣшительно возражаетъ тѣмъ увлекающимся патриотамъ, которые находятъ болѣе цѣлесообразнымъ сразу покончить съ невыносимымъ положеніемъ посредствомъ предупредительной войны, пока еще Германія пользуется многими военными и политическими преимуществами предъ сосѣдними государствами. Такая война, во-первыхъ, была бы безнравственна, а во-вторыхъ, она давала бы нѣмцамъ мало шансовъ успѣха; французы выставятъ въ поле вдвое или втрое больше войскъ, чѣмъ въ 1870 году; они будутъ опираться на множество новыхъ или болѣе сильныхъ крѣпостей, а Парижъ превращенъ въ укрѣпленный центръ, какого еще міръ не видалъ, — съ 56 фортами и съ окруженностью въ 130 километровъ. Потребуются колоссальныя усилія, чтобы пробиться до Парижа, и еще болѣе колоссальныя, чтобы справиться съ нимъ; во всякомъ случаѣ война будетъ несравненно тяжелѣе и продолжительнѣе, чѣмъ въ 1870 году, и силы побѣдителей будутъ до того истощены, что для другихъ державъ явился бы соблазнъ воспользоваться обстоятельствами для собственныхъ выгодъ. Наконецъ, что могла бы взять Германія у побѣжденной Франціи? Присоединять территорію съ чужимъ и враждебнымъ населеніемъ было бы крайне неразсчитливо и безразсудно; чужихъ земель вообще не нужно Германіи, а что касается милліардовъ, то сдѣланный въ этомъ отношеніи опытъ также привелъ къ разочарованію. Въ результатѣ не достигнуто было бы даже обезпеченіе мира на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и по твердому убѣжденію генерала Каприви, „состояніе, въ которомъ очутились бы нѣмцы послѣ побѣдоноснаго окончанія предупредительной войны, было бы несравненно тяжелѣе, чѣмъ нынѣшнее положеніе“. Оппозиція говорить о всепоглощающемъ „Молохѣ милитаризма“, но, — спрашиваетъ канцлеръ, — гдѣ этотъ Молохъ, какъ не въ потребности охраны отечества отъ внѣшнихъ нападеній и военныхъ неудачъ? Мимоходомъ упомянувъ о французской жадѣ возмездія, канцлеръ выразился, что и безъ присоединенія Эльзаса къ Германіи французскія чувства и усилія остались бы тѣ же. Такъ какъ нельзя сомнѣваться въ симпатіяхъ и расчетахъ, соединяющихъ Францію съ Россіею, то Германія должна напирать всѣ свои средства, чтобы быть въ состояніи успѣшно вести войну на два фронта.

Но, по признанію самого Каприви, нѣмецкія войска едва могли бы справиться съ одною Франціею, при величайшемъ напряженіи своихъ силъ; какимъ же образомъ они дѣйствовали бы одновременно и противъ Россіи, въ союзѣ съ Австро-Венгріею? Если побѣда достигается вѣрнѣе всего численнымъ перевѣсомъ, то какой шансъ можетъ имѣть

Германія въ предполагаемой будущей борьбѣ съ соединенными силами двухъ сосѣднихъ державъ, населеніе которыхъ почти вдвое превосходитъ населеніе германской имперіи? Не очевидно ли, что путь непрерывнаго вооруженнаго соперничества приводитъ къ цѣлому ряду страшныхъ и разорительныхъ несообразностей? Никакія военныя усилія Германіи не будутъ достаточны для того, чтобы въ будущемъ обезпечить ей прочный успѣхъ въ одновременномъ столкновеніи съ Франціею и Россіею, при нормальномъ ростѣ населенія послѣднихъ; временныя успѣхи вполнѣ возможны, но они не остановили бы естественнаго внутренняго развитія сосѣднихъ странъ и неизбежно привели бы къ дальнѣйшимъ войнамъ, которыя могли бы имѣть уже другой результатъ, неблагоприятный для нѣмцевъ. Нѣтъ ли дѣйствительнаго способа избѣгнуть этой ужасной перспективы цѣлаго ряда безмысленныхъ войнъ на два фронта? Хотя, по мнѣнію Каприви, французы думали бы о войнѣ независимо отъ Эльзаса, но самъ германскій канцлеръ утверждаетъ, что одна лишь Франція имѣетъ въ виду измѣнить карту Европы въ свою пользу, т.-е. обратно завоевать потерянные провинціи. Германія „вполнѣ сыта“ относительно своихъ территоріальныхъ границъ, по словамъ генерала Каприви; это же самое много разъ заявлялъ князь Бисмаркъ. Россія навѣрное не нуждается въ чужихъ территоріяхъ; только Франція имѣетъ основаніе желать возвращенія земель, отнятыхъ у нея по франкфуртскому договору 1871 года. Очень можетъ быть, что французы мечтали бы о реваншѣ для восстановленія своей военной славы, даже еслибы у нихъ не были отобраны Эльзасъ и часть Лотарингіи; но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что съ 1871 года они ни о чемъ другомъ не мечтаютъ, кромѣ лишь возврата отнятыхъ областей, и что дальше этой завѣтной мечты не идутъ самыя горячіе патріоты современной Франціи. Съ устраненіемъ вопроса объ Эльзасѣ и Лотарингіи исчезли бы главнѣйшіе, основные мотивы той невозможной системы безконечныхъ вооруженій, которая все болѣе подавляетъ и разоряетъ народы и доходитъ на практикѣ до явныхъ абсурдовъ.

Генералъ Каприви рисуетъ нѣмцамъ такую картину: въ случаѣ побѣды надъ Франціею, Германія будетъ страшно истощена и уже не въ состояніи будетъ противиться другимъ державамъ, сохранившимъ свои военныя и экономическія силы; а въ случаѣ побѣды французовъ, нѣмецкій народъ будетъ поставленъ въ необходимость бороться за свое національное существованіе и независимость. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и при счастливомъ, и при несчастномъ ходѣ военныхъ событій, Германія подвергнется страшному кризису и будетъ ослаблена надолго. Ради чего же нѣмецкая нація должна непрерывно готовиться къ этимъ убійственнымъ случайностямъ? Исклю-

чительно ради удержанія Эльзаса и Лотарингіи въ своихъ рукахъ. Нѣмцы имѣютъ, конечно, безусловное формальное право на обладаніе провинціями, уступленными имъ по договору послѣ пораженія Франціи; но стоятъ ли эти провинціи того, чтобы ради нихъ вся Европа подвергалась постоянной опасности всеобщаго разрушительнаго пожара? Если сосчитать тѣ миллиарды, которые до сихъ поръ брошены были на вооруженія съ цѣлью охраны этого приобрѣтенія Германіи, то получилась бы баснословная сумма, далеко превышающая всю реальную цѣнность Эльзаса и Лотарингіи для побѣдителей. А нѣмецкому народу предлагаютъ не просто охранять присоединенныя земли съ оружіемъ въ рукахъ, а быть непрерывно наготовѣ, рисковать всѣмъ своимъ національнымъ существованіемъ и вести борьбу на жизнь и смерть, въ теченіе неопредѣленнаго числа лѣтъ. Можно ли представить себѣ болѣе отчаянную и безумную политику, болѣе противорѣчащую всѣмъ дѣйствительнымъ стремленіямъ и интересамъ передовыхъ культурныхъ націй западной Европы?

Конечно, было бы крайне несправедливо считать генерала Каприви отвѣтственнымъ за систему, логическія послѣдствія которой онъ по-своему защищалъ и оправдывалъ въ своей длинной рѣчи. Нынѣшній канцлеръ цѣликомъ унаслѣдовалъ эту систему отъ своего знаменитаго предшественника, князя Бисмарка, самаго яркаго и энергическаго выразителя идей вооруженнаго международнаго соперничества и вѣшняго искусственнаго мира. Генераль Каприви является лишь мягкимъ пассивнымъ истолкователемъ того порядка вещей, который такъ рѣзко характеризовалъ князь Бисмаркъ своими періодическими угрозами и фразами въ родѣ: „saigner à blanc“. Бисмаркъ, какъ дипломатъ, не сталъ бы столь откровенно высказываться о сравнительной слабости германской военной организаціи, о трудности и безцѣльности наступательной войны противъ Франціи, о малыхъ шансахъ окончательной побѣды надъ врагомъ даже въ случаѣ борьбы одинъ-на-одинъ; онъ прикрывъ бы свои опасенія какими-нибудь громкими формулами и комбинаціями, повторилъ бы еще разъ, что „нѣмцы никого, кромѣ Бога, не боятся“, и счумѣлъ бы внушить публикѣ увѣренность, что Германія не испытаетъ никакихъ неудачъ и справится съ какими угодно врагами, если только имперскій сеймъ не будетъ отказывать въ требуемыхъ финансовыхъ средствахъ, какъ бы велики послѣднія ни были. Рѣчь Каприви не внушила этой увѣренности нѣмецкому обществу и произвела непріятное впечатлѣніе на патріотовъ; извѣстно, что патріотизмъ не любитъ трезвыхъ указаній на дѣйствительность, хотя бы и печальную, и допускаетъ лишь самообольщеніе и восхваленіе. Въ трезвомъ и холодномъ изложеніи генерала Каприви сильнѣе бросаются въ глаза

тѣ особенности существующей системы, которая въ рѣчахъ князя Бисмарка замаскированы сложною и эффектною аргументаціею, обиліемъ неожиданныхъ оборотовъ и сопоставленій, оригинальнымъ блестящимъ отдѣльными замѣчаній и доводовъ.

Если вопросъ объ Эльзасѣ есть главнѣйшій и очевидный для всѣхъ источникъ непрерывно возрастающихъ вооруженій въ западной Европѣ, то простой здравый смыслъ предписывалъ бы допустить его спокойное обсужденіе, чтобы отыскать какую-нибудь почву для компромисса. Германія не можетъ, разумѣется, отдать присоединенныя провинціи обратно французамъ, безъ новой войны; но она могла бы устроить въ этой области плебисцитъ, чтобы населеніе, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, выразило свою волю относительно принадлежности къ Германіи или отдѣленія отъ нея. Въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. еслибы большинство жителей Эльзаса и Лотарингіи не пожелало остаться подъ властью имперіи, можно было бы образовать изъ бывшихъ французскихъ земель самостоятельную нейтральную территорію, съ особымъ управленіемъ, подъ общою гарантіею великихъ европейскихъ державъ. Національное чувство нѣмецкаго общества не могло бы пострадать отъ такого признанія мѣстной автономіи, ибо этотъ шагъ былъ бы лишь уступкою эльзасцамъ, а не французамъ, и въ то же время послужилъ бы новымъ подтвержденіемъ того принципа, что жители территоріи, составляющей предметъ международнаго соглашенія, должны имѣть право голоса при рѣшеніи своей политической судьбы. Такъ какъ французскіе протесты противъ отобранія Эльзаса и части Лотарингіи основаны именно на нарушеніи правъ заинтересованнаго населенія, то добровольное восстановление этихъ правъ германскимъ правительствомъ вполне удовлетворило бы Францію и во всякомъ случаѣ отняло бы у нея основаніе стремиться къ пересмотру франкфуртскаго трактата. Подобное рѣшеніе—еслибы оно было возможно со стороны Германіи—было бы не только актомъ великодушія и высокой справедливости, но и актомъ политической дальновидности и истиннаго самосохраненія. Тогда былъ бы положенъ конецъ нынѣшней всеобщей погонѣ за недостижимымъ идеаломъ всегдашней боевой готовности, одинаково напряженной и все болѣе возрастающей въ теченіе многихъ лѣтъ.

Но отъ настоящаго нѣмецкаго поколѣнія нельзя ожидать сознательнаго отказа отъ военно-политическихъ традицій, не допускающихъ никакихъ уступокъ относительно сдѣланныхъ разъ навсегда національныхъ приобрѣтеній. Западная Европа по прежнему будетъ изображать изъ себя вооруженный лагерь, всегда готовящійся къ войнѣ и старательно избѣгающій ея наступленія; неисчислимыя массы народныхъ силъ и средствъ будутъ тратиться по прежнему изъ года

въ годъ, въ усиливающейся прогрессіи, безъ всякой опредѣленной цѣли и безъ разумнаго смысла, въ ожиданіи будущей катастрофы, которой всѣ боятся и которую можно легко предупредить при добромъ желаніи. Генераль Каприви тутъ, конечно, не при чемъ; а между тѣмъ недовольство общественнаго мнѣнія направляется теперь противъ него не только за его личные промахи и недостатки, но и за всю политику вооруженій, которая составляетъ наиболѣе прочное наслѣдіе Бисмарка.

Критическія замѣчанія бывшаго канцлера противъ военнаго законопроекта должны были особенно задѣть его преемника, такъ какъ военныя мѣры и безъ того вызываютъ сильную оппозицію, и поддержаніе этого общаго неблагопріятнаго настроенія авторитетомъ князя Бисмарка было для правительства неожиданнымъ и серьезнымъ ударомъ. Тѣмъ не менѣе, генераль Каприви въ своей рѣчи заступился весьма убѣдительно за своего предшественника, по поводу обвиненія въ поддѣлкѣ знаменитой эмской депеши 1870 года. Съ подлинными документами въ рукахъ канцлеръ возстановилъ факты, какъ они были: подлинная телеграмма отъ состоявшаго при Вильгельмѣ I дипломатическаго чиновника сообщаетъ Бисмарку о дальнѣйшихъ домогательствахъ Бенедетти послѣ благополучнаго устраненія гогенцоллернскій кандидатуры, объ отказѣ короля продолжать переговоры на этой почвѣ и о соотвѣтственномъ извѣщеніи французскаго посланника черезъ флигель-адъютанта. Въ концѣ депеши Бисмарку предоставляется отъ имени короля полномочіе, если онъ найдетъ это нужнымъ, опубликовать свѣденія о томъ, что произошло въ Эмсѣ. Бисмаркъ такъ и сдѣлалъ: онъ обнародовалъ сущность эмской депеши, не измѣнивъ ни одной подробности въ изложеніи дѣла. Разумѣется, онъ обнародовалъ это только для того, чтобы заклеить передъ Европою явную отвѣтственность Франціи за возбужденіе войны. Еслибъ онъ тогда приписалъ французской дипломатіи такіа дѣйствія, въ которыхъ она была вовсе неповинна, или намѣренно преувеличилъ бы вызывающій, рѣзкій характеръ послѣднихъ ея требованій, то, безъ сомнѣнія, французское правительство немедленно возстановило бы истину, чтобы снять съ себя отвѣтственность за событія въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Франція этого не сдѣлала и сдѣлать не могла, и желаніе ея дипломатовъ довести дѣло до войны было ясно для всѣхъ, какъ видно изъ тогдашнихъ официальныхъ заявленій иностранныхъ правительствъ, особенно англійскаго. Нынѣшняя полемика о виновности князя Бисмарка въ печальномъ ходѣ и исходѣ дипломатическаго конфликта 1870 года производитъ вообще крайне странное впечатлѣніе. Французскія газеты, даже такіа серьезныя какъ „Temps“, горячо разсуждаютъ о

„поддѣлкѣ“ эмской депеши и усматриваютъ въ этомъ фактѣ доказательство того, что война была вызвана сознательною недобросовѣстностью Бисмарка, а не вызывающими дѣйствіями и требованіями Наполеона III и его совѣтниковъ. Парижскія газеты какъ будто забываютъ теперь, что эмская депеша была лишь заключительнымъ эпизодомъ столкновенія, которому былъ сразу приданъ французскими дипломатами рѣшительно непріязненный, воинственный оборотъ. Допустимъ, что Бисмаркъ въ своемъ изложеніи эмской депеши рѣзче отгвѣнилъ неумѣстность и несправедливость послѣднихъ французскихъ домогательствъ, приведшихъ непосредственно къ разрыву; но вѣдь самыя домогательства онъ передалъ вполне вѣрно, и никто не обвиняетъ его въ извращеніи ихъ фактическаго содержанія. Почему же теперешнія французскія газеты, говоря объ отвѣтственности за событія 1870 года, не упоминаютъ вовсе о невозможныхъ притязаніяхъ, предъявленныхъ графомъ Бенедетти прусскому королю въ Эмсѣ и переданныхъ еще слишкомъ кратко въ сообщеніи князя Бисмарка? Фактъ остается тотъ, что послѣ добровольнаго устраненія самой причины спора — гогенцоллернской кандидатуры на испанскій престолъ, когда всѣ уже радовались благополучному разрѣшенію опаснаго конфликта, и когда эта мирная развязка была публично подтверждена самимъ главою французскаго министерства, Эмилемъ Оливье, въ законодательномъ корпусѣ, вдругъ поднятъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Граммономъ, вопросъ о необходимости потребовать отъ прусскаго короля положительныхъ обязательствъ и гарантій относительно поведенія его на будущее время. Самая постановка этого вопроса, по существующимъ дипломатическимъ обычаямъ, несомнѣнно означала уже войну. Графу Бенедетти поручено было вдругъ объявить прусскому королю, что устраненіе гогенцоллернской кандидатуры еще не удовлетворяетъ Франціи, что король долженъ еще отречься на будущее время отъ подобной кандидатуры кого-либо изъ членовъ его фамиліи, и что въ этомъ смыслѣ онъ долженъ написать успокоительное (или, въ сущности, извинительное) письмо Наполеону III. Впрочемъ, Франція довольствовалась бы простою передачею такого обѣщанія прусскаго короля по телеграфу въ Парижъ. Нужно только возстановить въ памяти эти безспорные историческіе факты, чтобы видѣть всю нелѣпость недавнихъ газетныхъ толковъ о намѣренномъ вовлеченіи Франціи въ войну со стороны коварнаго Бисмарка. Депеша, разосланная прусскимъ министромъ-президентомъ и сообщавшая объ этомъ неожиданномъ поворотѣ дѣла, констатировала только то, что совершилось по винѣ герцога Граммона и другихъ тогдашнихъ дѣятелей французскаго двора. Претензія вышедшихъ французскихъ газетъ, почему князь Бисмаркъ

обнародовалъ тогда эти факты въ краткой и рѣзкой формѣ, а не въ болѣе мягкомъ и пространномъ изложеніи, представляется просто удивительною и непонятною съ точки зрѣнія людей, столь чувствительныхъ ко всякимъ національнымъ обидамъ и посягательствамъ, какъ французы. Бисмаркъ былъ тогда руководителемъ прусской политики; онъ видѣлъ, что война неизбежна, и нельзя было считать для него обязательнымъ, чтобы онъ заглушилъ въ себѣ національное патріотическое чувство и скрылъ свое естественное негодованіе по поводу оскорбительныхъ французскихъ требованій. Быть можетъ, онъ былъ радъ тому, что Франція дала ему такой прекрасный предлогъ возбудить живой патріотизмъ Германіи и достигнуть фактическаго ея объединенія; онъ былъ радъ тому, что война, начатая французами при столь неудачныхъ для нихъ обстоятельствахъ и при всеобщемъ осужденіи Наполеона III въ Европѣ, приведетъ, наконецъ, къ завѣтной цѣли прусской политики — къ созданію единого и могущественнаго германскаго государства подъ главенствомъ Пруссіи. Но этимъ не измѣняется отвѣтственность тогдашнихъ правителей Франціи за затѣянную съ „легкимъ сердцемъ“ войну, которая, по ихъ мнѣнію, была необходима для окончательнаго укрѣпленія династіи. Странно вообще обвинять Бисмарка за то, что онъ опубликовалъ извѣстные факты въ видѣ сообщенія, адресованнаго къ представителямъ Пруссіи за границей и въ редакціи газетъ, а не въ какомъ-нибудь другомъ видѣ, съ сохраненіемъ подлиннаго текста частныхъ депешъ, полученныхъ имъ изъ Эмса. Дѣло нисколько не измѣнилось бы, еслибы онъ цѣликомъ напечаталъ всѣ телеграммы, которыя теперь прочиталъ въ имперскомъ сеймѣ генералъ Каприви; нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній редактированы въ гораздо болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ краткая депеша, разосланная Бисмаркомъ. Толки о „поддѣлкѣ“ какой-то эмской депеши не имѣютъ вообще никакого смысла, если никто не оспариваетъ безусловной точности тѣхъ фактовъ, которые обнародованы были на основаніи телеграммъ изъ Эмса къ прусскому министру-президенту въ Берлинъ. Французы слишкомъ скоро забываютъ исторію, даже свою собственную; любопытнымъ образчикомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить газетная полемика ихъ о причинахъ и виновникахъ злосчастной войны 1870 года. Выходитъ какъ будто, что не императрица Евгенія называла войну „своею“, не въ Парижѣ раздавались крики: „à Berlin!“, не французскій министръ заявлялъ въ палатѣ объ оскорбленной будто бы національной чести, и не французскій дипломатъ „назойливо“ (по выраженію Вильгельма I) пристаивалъ къ прусскому королю съ невозможными требованіями, а напротивъ, все это дѣлала сама Пруссія, въ лицѣ ея коварнаго министра,

Бисмарка. По крайней мѣрѣ отъ такихъ газетъ, какъ „Temps“, можно было ожидать болѣе серьезнаго отношенія къ событіямъ новѣйшей французской исторіи.

Французскія дѣла начинаютъ снова занимать европейскую публику своими быстрыми поворотами и перемѣнами, не затрагивающими, впрочемъ, ни одного изъ основныхъ вопросовъ политической жизни Франціи. Едва окончилась стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Кармо, причинявшая столько хлопотъ и безпокойства министерству Лубэ, какъ вдругъ опять напомнили о себѣ динамитчики, о которыхъ стали уже забывать въ обществѣ и печати. Взрывчатый снарядъ, предназначенный для администраціи копей Кармó въ Парижѣ, произвелъ свое разрушительное дѣйствіе въ другомъ мѣстѣ—въ полицейскомъ участкѣ улицы Bons-Enfants, куда былъ доставленъ полицейскими служителями, въ сопровожденіи одного разсыльнаго компаніи. Пять человекъ погибло отъ взрыва, происшедшаго при разсмотрѣніи снаряда въ участкѣ, и публика опять съ негодованіемъ заговорила о виновникахъ этихъ возмутительныхъ покушеній, чтобы снова забыть о нихъ черезъ недѣлю или двѣ. Въ первый день послѣ взрыва 8-го ноября (нов. ст.) всѣ радикальныя и социалистическія газеты выражались о случившемся въ такомъ же духѣ и тонѣ, какъ и умѣренная республиканская печать. Въ ближайшемъ засѣданіи палаты депутатовъ, 10-го ноября, министръ-президентъ Лубэ предложилъ назначить день для обсужденія законопроекта, внесеннаго уже давно, послѣ дѣяній Равашоля съ компаніей, и съ тѣхъ поръ забытаго по обыкновенію. Этотъ законопроектъ долженъ былъ служить необходимымъ дополненіемъ къ общему закону о печати, изданному въ 1881 году. Существующее законодательство признаетъ проступкомъ или преступленіемъ призывъ къ убійству, грабежу или поджогу, даже когда исполненіе не слѣдовало непосредственно за воззваніемъ. По новому проекту, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ убійствѣ, поджогѣ или динамитномъ взрывѣ, судъ и полиція могутъ тотчасъ прибѣгнуть къ предварительному секвестру печатныхъ произведеній, заключающихъ въ себѣ такіе призывы, и немедленно арестовать виновныхъ Радикалы заранѣе возставали противъ всякихъ вообще новыхъ постановленій о печати; но въ первые дни послѣ cadaго взрыва они соглашались на уступки, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, а затѣмъ, когда впечатлѣніе проходитъ, продолжаютъ по прежнему смѣшивать свободу печати съ свободою печатныхъ призывовъ къ опаснѣйшимъ преступленіямъ. Проектъ еще въ іюнѣ былъ рассмотрѣнъ и одобренъ парламентарской комиссіей; обстоятельный докладъ представленъ былъ

палатѣ, но другія заботы поглощали вниманіе парламентскихъ дѣятелей, и дѣло было отложено въ долгій ящикъ, пока не выдвинулось вновь на первый планъ послѣ взрыва 8-го ноября. Такъ же точно и теперь проектъ могъ бы своевременно пройти, еслибы окончательное обсужденіе его состоялось подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ первыхъ дней; но дѣло затянулось, и противники закона успѣли настолько измѣнить его содержаніе, что не стоило его и принимать. Въ видѣ поправки къ проекту, предложено было, вмѣсто предварительнаго секвестра и ареста, предоставить суду назначить немедленное исполненіе рѣшенія, несмотря на заявленія сторонъ о переносѣ дѣла въ высшую инстанцію. Въ такой формѣ законъ былъ принятъ большинствомъ палаты, въ засѣданіи 19-го ноября.

Любопытно все, что противъ правительственнаго законопроекта наиболѣе дѣйствовали оппозиціонные консерваторы и монархисты, которые пока не имѣютъ другой цѣли, кромѣ ослабленія республики и ея государственной власти, хотя бы къ явному вреду для жизненныхъ интересовъ общества. Реакціонные элементы всегда готовы поддерживать самыя худшія проявленія злобы и вражды ко всему общественному строю жизни, когда власть находится въ чужихъ рукахъ. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію такъ называемыхъ консерваторовъ, призывы къ динамитнымъ взрывамъ по прежнему будутъ печататься и распространяться въ газеткахъ извѣстнаго рода, и ни судъ, ни полиція—не будутъ имѣть права немедленно останавливать распространеніе этихъ преступныхъ воззваній, пока дѣло не дойдетъ до формальнаго судебного разбора и рѣшенія. Французскіе радикалы хотятъ увѣрить публику, что своими протестами противъ предположенныхъ мѣръ они оберегаютъ священные принципы свободы мнѣній и печати; но эти же мнимые радикалы первые выдвинули впередъ генерала Буланже и готовы были отдать въ его руки не только свободу прессы, но и всю судьбу страны, когда онъ еще считалъ нужнымъ выдавать себя за ихъ вѣрнаго единомышленника и друга. Французскій радикализмъ легко переходитъ въ реакцію противъ всякой свободы и принимаетъ черты самаго узкаго и упорнаго консерватизма; оттого крайняя лѣвая въ палатѣ депутатовъ постоянно дѣйствуетъ за-одно съ крайней правою, и совмѣстными усиліями обѣихъ этихъ частей парламента достигается обыкновенно низверженіе министерствъ.

Кабинетъ Лубэ палъ не потому, что совершилъ какую-нибудь крупную ошибку или провинился въ чемъ-либо предъ палатою, а просто потому, что насталъ такой психологическій моментъ, когда парижская публика нуждается въ перемѣнѣ министерства. Буланжистъ Делагэ, въ засѣданіи 21-го ноября, публично раскрылъ систему под-

куповъ, которая практиковалась обществомъ панамскаго канала и которая хорошо извѣстна была большинству. Делагэ обвинилъ въ продажности почти цѣлую половину палаты и значительную часть республиканской печати, причемъ, однако, не называлъ именъ, а ограничился требованіемъ о назначеніи парламентской слѣдственной коммиссіи, которая уже найдетъ всѣ нужныя свѣденія и имена. Дѣло въ томъ, что въ іюнѣ 1891 года начато было формальное судебное преслѣдованіе противъ правленія панамскаго общества, по обвиненію въ растратѣ громаднхъ суммъ, собранныхъ въ видѣ публичныхъ займовъ для продолженія и окончанія начатаго предпріятія. Такъ какъ во главѣ общества стоитъ знаменитый Фердинандъ Лессепсъ, который въ качествѣ обладателя „большаго креста почетнаго легіона“ не подлежитъ обыкновенному уголовному суду, то министръ юстиціи Рикаръ недавно потребовалъ отъ палаты устраненія этого легальнаго препятствія, чтобы облегчить ходъ правосудія, и парламентъ принялъ соотвѣтственное рѣшеніе. Судебная власть энергически взялась за дѣло, которое должно было выяснить и обнаружить множество печальныхъ фактовъ, погубившихъ въ концѣ концовъ панамское предпріятіе; но въ это время выступилъ съ своими разоблаченіями депутатъ Делагэ и побудилъ палату вмѣшаться въ судебное производство, приближающееся уже къ законной развязкѣ,—какъ бы для того, чтобы конфисковать въ пользу буланжистовъ заслугу „правственнаго оздоровленія“, о которомъ съ пафосомъ говорилъ Делагэ. Назначена была парламентская коммиссія изъ 33 членовъ, и скандальныя разоблаченія, составляющія спеціальность нѣкоторыхъ буланжистскихъ листовъ, посыпались со всѣхъ сторонъ. Банкиръ Рейнакъ, служившій посредникомъ въ подкупахъ вліятельныхъ лицъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ, и дѣло принимаетъ крайне тягостный оборотъ для очень многихъ дѣятелей, пользовавшихся доннѣ безупречною репутаціею. Панамскому обществу приходилось подкупать не отдѣльныхъ сановниковъ, могущихъ вліять на его судьбу, а неограниченную массу лицъ, особенно изъ среды парламента и ежедневной печати; но разоблаченія не коснулись ни одного изъ министерствъ, ни одного изъ членовъ правительства и даже ни одного изъ должностныхъ лицъ администраціи вообще; о судѣ и говорить нечего, хотя органы судебной власти имѣютъ все дѣло въ своихъ рукахъ и располагаютъ матеріалами и документами, касающимися чести многихъ дѣльцовъ финансоваго и политическаго міра. Дѣльцы, заинтересованные въ спекуляціяхъ панамскаго общества, не могли загрязнить ни администраціи, ни судебного вѣдомства; они дѣйствовали успѣшно только въ обществѣ такихъ же дѣльцовъ и искателей легкой наживы, которыхъ оказалось не мало въ числѣ депутатовъ парламента.

Конечно, продажность депутатовъ не есть доводъ противъ парламентаризма, точно такъ же, какъ продажность отдѣльныхъ административныхъ дѣятелей не служитъ еще доказательствомъ негодности самой администраціи вообще; но крайне непріятный эффектъ произведенъ, и, по обыкновенію, жертвою сдѣлалось министерство, которое въ лицѣ министра юстиціи Рикара наиболѣе способствовало энергическому раскрытію злоупотребленій панамскаго общества. Повидимому, сами обвиняемые, руководители общества, доставили буланжистамъ матеріалъ для разоблаченій, чтобы отомстить правительству и особенно министру юстиціи Рикару, и это имъ вполне удалось. Для низверженія кабинета былъ выбранъ предлогъ довольно мелкій, относившійся спеціально къ тому же министру Рикару, который не принялъ немедленныхъ мѣръ для опечатанія бумагъ умершаго Рейнака и для удостовѣренія причины его смерти. Палата, въ засѣданіи 27-го ноября, высказалась по этому поводу противъ министерства, которое и подало въ отставку; порученіе составить новый кабинетъ дано было сначала Бриссону, а за его неудачею—Казиміру Перье. Пройдетъ еще недѣля или двѣ,—и скандальныя разоблаченія по панамскому дѣлу, можетъ быть, будутъ такъ же легко забыты, какъ бывались неоднократно динамитные взрывы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1892.

— *Опытъ русской исторіографіи. В. С. Иконникова*, профессора университета св. Владимира. Томъ первый. Книги первая и вторая. Киевъ, 1891—1892.

Въ правильной постановкѣ исторической науки великую важность имѣютъ тѣ предварительныя свѣденія, которыя сами по себѣ составляютъ особаго рода науку и въ прежнее время назывались обыкновенно „пропедевтикой“. Здѣсь собираются указанія и о самомъ значеніи науки, ея содержаніи и объемѣ; указанія источниковъ, на которыхъ основывается ея построеніе; указанія о приѣмахъ изслѣдованія этихъ источниковъ и вообще о методѣ исторической критики; наконецъ, указанія о предшествовавшихъ работахъ, какъ въ области самой исторіи, такъ и въ сопредѣльныхъ съ нею наукахъ. Въ пропедевтикѣ найдется такимъ образомъ и опредѣленіе современнаго состоянія научной разработки и важное руководство для вновь начинающихъ изслѣдователей. Подобные обзоры становятся, конечно, тѣмъ болѣе необходимы, когда историческая литература, т.-е. литература источниковъ и изслѣдованій, разрастается до значительныхъ размѣровъ, такъ что обзорѣніе ея въ цѣломъ составѣ становится трудомъ непосильнымъ для ученаго, имѣющаго обыкновенно ту или другую спеціальную задачу. Литература западная, особливо нѣмецкая, давно уже производитъ обширные труды подобнаго рода, составляющіе исторію науки и вмѣстѣ указанія для ея дальнѣйшаго движенія, притомъ не только для исторіи, но и для разныхъ иныхъ наукъ; у насъ такіе труды еще весьма немногочисленны и до сихъ поръ были почти всегда только эпизодическими изображеніями того или другого отдѣла нашей исторіографіи. Кромѣ этихъ отрывочныхъ опытовъ, сдѣлано было только одно общее обзорѣніе подобнаго рода, въ сжатомъ очеркѣ, въ первомъ томѣ „Русской Исторіи“ г. Бестужева-Рюмина (1872). Уже много лѣтъ назадъ обширный

обзоръ нашей исторіографіи предпринять былъ г. Иконниковымъ, трудъ котораго, законченный въ одномъ его отдѣлѣ, вышелъ теперь въ свѣтъ двумя книгами перваго тома.

Трудъ—громадный. Каждая изъ „книгъ“ своимъ объемомъ равняется двумъ хорошимъ томамъ обыкновеннаго размѣра, такъ что первый „томъ“ составитъ четыре добрыхъ тома. Всего въ двухъ вышедшихъ теперь книгахъ находится до 2.225 страницъ: эта цифра можетъ одна дать понятіе о громадности труда, вложеннаго здѣсь г. Иконниковымъ, если обратить вниманіе на то, что все изложеніе состоитъ изъ безконечной массы цитатъ и библіографическихъ указаній. Это вѣроятно понятно будетъ и каждому обыкновенному читателю при взглядѣ на книгу г. Иконникова; тѣмъ больше обширность работы будетъ очевидна для специалистовъ.

Мы предполагаемъ впослѣдствіи остановиться съ нѣкоторой подробностью на книгѣ г. Иконникова, а теперь приведемъ лишь указанія объ ея содержаніи.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ теченіе своей преподавательской дѣятельности ему не однажды приходилось излагать курсъ исторіографіи или спеціальныя его отдѣлы; видѣвъ съ тѣмъ онъ слѣдилъ за текущей литературой своего предмета; во время поѣздокъ на археологическія съѣзды ему удавалось собрать не мало библіографическихъ рѣдкостей и мѣстныхъ изданій, не всегда проникающихъ въ другіе концы Россіи. Такъ постепенно сложился матеріалъ, послужившій матеріаломъ для его труда. Онъ начиналъ работу въ то время, когда еще не появлялись въ свѣтъ многія новѣйшія библіографическія работы и описанія архивовъ и библіотекъ, а съ другой стороны онъ не находилъ на мѣстѣ, въ Кіевѣ, многихъ необходимыхъ изданій. Эти и подобныя обстоятельства сдѣлали необходимыми массу дополненій (до 370 стр.), которыя автору пришлось внести въ первый томъ своего труда. Поэтому авторъ предпочелъ назвать свой трудъ только „опытомъ“; онъ готовъ считать его даже только „материалами“ для будущей исторіографіи. Онъ полагаетъ, впрочемъ, что его трудъ можетъ представить интересъ и кромѣ чисто библіографическаго. „При внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его можно составить сводъ данныхъ о многихъ малозвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новый періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также, на основаніи сообщаемыхъ данныхъ, можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху и какіе умственные или литературные вкусы существовали въ средѣ его предста-

вителей и общественных дѣятелей. Но, предлагая въ своей книгѣ библиографическія указанія по тому или другому вопросу, о томъ или другомъ памятникѣ, авторъ считалъ уже излишнимъ сообщать перечень всѣхъ сочиненій и статей, если они указаны въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, приведенныхъ у него". Какъ увидимъ далѣе, скромность автора побуждаетъ его уменьшать интересъ его труда, который, кромѣ частныхъ вопросовъ нашей исторіографіи, затрогиваетъ и общіе вопросы историческаго знанія и критики, представляющіе интересъ не для однихъ специалистовъ.

Таковы три первыя главы перваго отдѣла сочиненія, посвященные именно этимъ общимъ вопросамъ исторіографіи. Содержаніе ихъ слѣдующее. Во-первыхъ: предметъ исторіи; взгляды на нее въ разныя эпохи; отношеніе къ историческому матеріалу; общій ходъ исторической критики; положеніе исторіи въ ряду другихъ наукъ; оцѣнка свидѣтельствъ; относительное значеніе источниковъ; преданія и мѣны; значеніе скептицизма; условія разработки русской исторіи. Далѣе: вспомогательныя знанія; способы примѣненія ихъ въ исторической критикѣ; архивныя матеріалы и ихъ изданія; письменныя и вещественныя памятники; прагматическое изученіе ихъ. Наконецъ: вопросы внутренней исторической критики; воспроизведеніе фактовъ; причины и слѣдствія; сравнительный методъ; гипотезы; культурная исторія; философія исторіи; изложеніе; значеніе личности; единство въ исторіи; историческій законъ; статистическій методъ; прогрессъ; субъективизмъ; вліяніе времени; національныя черты; качества историка; значеніе исторіи.

Эти общіе вопросы историческаго знанія (въ объясненіе которыхъ авторъ вводитъ примѣры изъ русской исторіографіи) очень рѣдко поднимались въ нашей литературѣ; въ изложеніи ихъ г. Иконниковъ старается воспользоваться новѣйшей иностранной литературой по этому предмету, такъ что уже этотъ вводный трактатъ является у насъ довольно новымъ и весьма любопытнымъ. Затѣмъ авторъ обращается къ самымъ предметамъ русской исторіографіи, и ихъ систематическое изложеніе, со множествомъ литературныхъ указаній, заключаетъ массу свѣденій, чрезвычайно полезныхъ для тѣхъ, кто посвящаетъ свои сочиненія тѣмъ или другимъ эпохамъ нашей исторіи.

Г. Иконниковъ начинается съ исторіи книжнаго дѣла въ Россіи, гдѣ сначала исключительно господствовала рукопись и гдѣ книгопечатаніе явилось гораздо позднѣе, чѣмъ въ западной Европѣ, и затѣмъ излагаетъ заботы правительства, со времени Петра Великаго, и частныхъ лицъ для собиранія и сохраненія памятниковъ древности — до новѣйшей дѣятельности археографической комиссіи и мѣстныхъ комиссій для собиранія и изданія историческихъ памятниковъ. Осо-

бая глава посвящена исчисленію ученыхъ обществъ русскихъ, занимающихся вопросами русской исторіи, и обществъ иностранныхъ, касающихся этого предмета; далѣе, перечисленію періодическихъ изданій и сборниковъ, заключающихъ историческіе памятники и материалы.

Весь второй отдѣлъ первой книги въ пяти главахъ заключаетъ изложеніе архивнаго дѣла въ Россіи. Это — архивы правительственные и центральные; губернскіе, областные, городскіе, войсковые и сословные; архивы церковные, православные и иновѣрные; библіотеки духовнаго вѣдомства; наконецъ правительственныя и общественныя библіотеки, какъ императорскій Эрмитажъ, Публичная библіотека, московскій Публичный и Румянцовскій музей, мѣстныя библіотеки. Четыре главы того же отдѣла наполняютъ вторую книгу перваго тома. Это — описаніе библіотекъ, архивовъ и музеевъ академій наукъ, университетовъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ; коллекцій статистическихъ комитетовъ, археографическихъ комиссій, археологическаго института, губернскихъ архивныхъ комиссій. Обширная глава посвящена фамилнымъ и частнымъ библіотекамъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе музеевъ, какъ хранилищъ памятниковъ вещественной древности и искусства: музеи правительственные, общественные, церковные и частные въ Россіи; Оружейная палата; Императорскій Россійскій историческій музей; Императорскій эрмитажъ; Императорская Академія художествъ; музеи разныхъ вѣдомствъ; городскіе музеи; церковные музеи и коллекціи; частные музеи. Послѣдняя глава посвящена иностраннымъ архивамъ, библіотекамъ и музеямъ, касающимся Россіи, правительственнымъ, общественнымъ, церковнымъ и частнымъ, въ Италіи, Австріи, Саксоніи, Пруссіи, Швеціи, Даніи, Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи, Бельгіи и Швейцаріи. Наконецъ — обзоръ славянскихъ земель, Востока и Аеона.

Второй томъ книги г. Иконникова составляютъ систематическій обзоръ источниковъ и исторія самой разработки русской исторіи. Отдѣльныя части ихъ уже обработаны, но авторъ въ состояніи приступить къ изданію этого продолженія только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, — необходимость этого отдыха будетъ совершенно понятна, если только взглянуть на громадныя книги перваго тома, испещренныя безконечными цитатами.

— *Всеобщая Исторія литературы.* Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. О. Корша. Окончена подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXVII и XXVIII. Слб. 1892. Изданіе К. Риккера.

Этими послѣдними выпусками закончено многолѣтнее предпріятіе, выполненіе котораго составляетъ большую заслугу издателя для нашей литературы. Первые выпуски явились въ свѣтъ въ 1880 году; смерть В. О. Корша внесла нѣкоторое замедленіе въ исполненіе начатаго труда, но къ счастью ему нашелся преемникъ въ лицѣ А. И. Кирпичникова, который ревностно взялся за изданіе, самъ въ немъ много писалъ и довелъ теперь изданіе до конца. Мысль изданія была весьма счастливая. До тѣхъ поръ у насъ было изложеніе всеобщей литературы только въ переводной книгѣ Шерра, имѣющей свои достоинства полнаго обзора, но все-таки не удовлетворяющей тому требованію, которому хотѣло служить предпріятіе гг. Корша и Риккера. Переводная книга по такъ называемымъ нравственнымъ и гуманистическимъ наукамъ при всѣхъ ея достоинствахъ можетъ служить только на худой конецъ, никогда не замѣняя самостоятельнаго труда, еслибы онъ былъ возможенъ. Чужой писатель исходитъ всегда изъ иного состоянія идей и опирается на иной уровень образованія у читателей, чѣмъ тѣ, какіе имѣются на лицо въ нашемъ обществѣ и литературѣ. Собственная работа въ этихъ отрасляхъ науки почти всегда будетъ ближе и къ требованіямъ нашей литературы, и къ уровню читателей: общія привычки мысли, извѣстное сознательное или инстинктивное отношеніе къ жизни собственнаго общества, всегда или почти всегда будутъ больше сближать читателя съ авторомъ-соотечественникомъ, чѣмъ съ авторомъ-иностранцемъ, которому не было до этого читателя никакого дѣла. Во многихъ случаяхъ собственный трудъ надъ изученіемъ чужой исторіи, чужой мысли или искусства способенъ внести чрезвычайно цѣнные указанія, параллели, противоположенія, которыя помогутъ понимать чужое съ помощію своего, или наоборотъ. Безъ сомнѣнія, подобныя соображенія являлись при первомъ планѣ законченнаго теперь предпріятія. Въ предисловіи къ первому выпуску мы читаемъ: „Руководствуясь для предлагаемой работы трудами западныхъ и русскихъ изслѣдователей, мы не сочли, однакоже, возможнымъ исключительно придерживаться какого-нибудь одного изъ немногихъ существующихъ сочиненій по общей исторіи литературы. Писанныя для иной публики, эти сочиненія едва ли удовлетворили бы русскихъ читателей, какъ не удовлетворили они и насъ самихъ. Одни явленія намъ пришлось изложить подробно, другія короче; нѣкоторыя нуждались, по нашему

мнѣнію, въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ то, какое дано имъ въ томъ или другомъ сочиненіи по исторіи литературы". Правда, не всѣ, довольно многочисленные сотрудники изданія достаточно вникали въ этотъ планъ, но во всякомъ случаѣ полезно было и то, что здѣсь явились самостоятельныя работы по такимъ предметамъ, на которыхъ безъ этого специалисты не думали останавливаться. Таковы, напримѣръ, изложенія исторіи литературъ востока.

Изданіе начиналось въ такое время, которое не казалось благопріятнымъ для такого предпріятія. „Признаемся,—говорилось въ томъ же предисловіи,—мы не безъ опасенія приступали къ настоящему труду нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда общіе интересы какъ будто изсякли въ русскомъ обществѣ. Не разъ приходилось намъ ощущать на себѣ всю трудность идти противъ теченія. Попутный вѣтеръ не облегчалъ нашей работы. Намъ поддерживало только убѣжденіе, что близка реакція противъ того печальнаго, безъидейнаго и бездушнаго настроенія, которое приводитъ въ отчаяніе всякаго мыслящаго человѣка въ Россіи. Признаки спасительной реакціи уже даютъ себя знать, и мы надѣемся, что еслибы намъ удалось удовлетворительно исполнить нашу задачу, то нашъ скромный трудъ не пропадетъ совсѣмъ безслѣдно". Нельзя сказать и теперь, черезъ двѣнадцать лѣтъ, чтобы „настроеніе" измѣнилось къ лучшему: если и не заглохло совсѣмъ стремленіе къ лучшимъ интересамъ просвѣщенія и общественности, то съ другой стороны двѣнадцать лѣтъ тому назадъ едва ли доходила до такой безцеремонности проповѣдь мракобѣсія и застоя, какъ въ послѣдніе годы. Но труды этого рода не должны останавливаться на подобныхъ сомнѣніяхъ: въ концѣ концовъ, въ общественной массѣ сохраняются инстинкты просвѣщенія, для которыхъ такіа историческія напоминанія о судьбахъ науки и искусства не утрачиваютъ своего значенія даже въ самыя неблагопріятныя времена.

Въ этомъ предпріятіи русскія научныя силы приняли очень дѣятельное участіе. Въ первомъ томѣ, послѣ вводныхъ популярныхъ статей самого редактора о языкѣ, письменности и общихъ законахъ историческаго движенія литературъ, помѣщенъ цѣлый рядъ статей о древнихъ литературахъ востока: санскритской—И. П. Минаева, древне-персидской или иранской—К. Г. Залемана, древне-египетской и ассирійско-вавилонской—Эд. Мейера, древне-еврейской—И. С. Якимова, китайской—В. П. Васильева и древне-армянской—К. П. Патканова.

Во второй книгѣ перваго тома заключается исторія греческой литературы, популярно составленная по новымъ изслѣдованіямъ самими редакторами, и исторія римской литературы, В. И. Модестова.

Во второмъ томѣ заключается изложеніе средневѣковыхъ литературъ западной Европы и востока. За исключеніемъ нѣсколькихъ эпизодическихъ статей, доставленныхъ И. М. Волдаковымъ, исторія средневѣковой западной литературы въ Германіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Византіи составлена А. И. Кирпичниковымъ. Очеркъ исторіи арабской литературы составили И. Н. Холмогоровъ и Г. А. Муркозь, и очеркъ исторіи славянскихъ литературъ до конца XIV столѣтія—г. Морозовъ.

Третій томъ посвященъ новымъ славянскимъ и ново-греческой литературамъ, и западно-европейской литературѣ въ эпоху возрожденія и въ вѣкъ псевдо-классицизма. Славянскія литературы изложены опять г. Морозовымъ; краткій очеркъ исторіи ново-греческой литературы составилъ д-ръ Перваноглосъ. Затѣмъ большинство статей по западно-европейской литературѣ итальянской, нѣмецкой, французской принадлежитъ г. Кирпичникову, и нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ эпизодовъ принадлежатъ другимъ писателямъ: англійская драма до смерти Шекспира—Н. И. Стороженку; драматургии, современные Шекспиру, и школа Шекспира—С. Варшеру; англійская литература въ періодъ республики и реставраціи и въ XVIII вѣкѣ—Алексѣю Веселовскому; эпизоды изъ нѣмецкой и англійской литературы—г. Морозову.

Послѣдній, четвертый, томъ заключаетъ литературу „просвѣщенія“, литературу нидерландскую, скандинавскую, турецкую и очеркъ литературы XIX столѣтія. Большая часть тома относительно литературъ западно европейскіхъ написана опять г. Кирпичниковымъ, за исключеніемъ эпизода о французской литературѣ XVIII вѣка—Алексѣя Веселовскаго. Изложеніе скандинавской литературы принадлежитъ Э. М. Диллену, и турецкой—В. Д. Смирнову. Въ концѣ четвертаго тома помѣщенъ указатель къ цѣлому сочиненію.

Въ послѣсловіи къ изданію г. Кирпичниковъ говоритъ о трудности исполненія этой работы и, можетъ быть, слишкомъ настаиваетъ на признаніи, что исполненіе представляетъ много недостатковъ: между прочимъ, по обстоятельствамъ дѣла, „торопясь окончаніемъ и сберегая мѣсто“, онъ „не могъ раздать специалистамъ отдѣльныя главы“ и принужденъ былъ взять многое на себя; кромѣ того промахи и недочеты были неизбежны тамъ, „гдѣ автору или, вѣрнѣе, составителю приходится сводить къ системѣ и нѣкоторому единству безконечное разнообразіе явленій, которыя, такъ сказать, располагаются во всѣ стороны, гдѣ ему постоянно надо дѣлать выборъ изъ безчисленнаго множества фактовъ, изъ которыхъ каждый можетъ и даже долженъ разсматриваться со многихъ точекъ зрѣнія, гдѣ онъ поставленъ въ необходимость въ мѣсяцъ добыть результаты изъ того,

надѣ чѣмъ надо бы работать десятки лѣтъ, и изложить на двухъ-трехъ листахъ то, для чего мало десятковъ томовъ“...

Но во всѣхъ этихъ обезкураживающихъ соображеніяхъ, къ которымъ пришелъ г. Кирпичниковъ, есть сильное недоразумѣніе. Во-первыхъ, много ли у насъ „спеціалистовъ“, между которыми можно было бы раздѣлить трудъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ? Эти спеціалисты извѣстны всѣ наперечетъ, и по свойству ихъ трудовъ и ученыхъ пристрастій можно думать, что г. Кирпичниковъ едва ли могъ бы воспользоваться ихъ содѣйствіемъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Во-вторыхъ, г. Кирпичниковъ недостаточно различаетъ условія общихъ, болѣе или менѣе популярныхъ обзорѣній, какія требовались для настоящаго изданія, и работъ чисто спеціальныхъ. Очевидно, совершенно различны условія тѣхъ и другихъ работъ, и различны требованія, какія возможно къ нимъ предъявлять. Пусть самъ онъ посудитъ: чѣмъ стало бы это изданіе, еслибы въ самомъ дѣлѣ „два-три листа“ его нынѣшняго текста замѣнять „десятками томовъ“?—Вмѣсто теперешней, обширной, но все-таки доступной читателю книги вышла бы громадная серія спеціальныхъ трактатовъ, читателю обыкновенному уже совершенно недоступная—и по спеціальности, и по объему, и даже, наконецъ, по цѣнѣ. Преувеличенный взглядъ г. Кирпичникова въ этомъ случаѣ — довольно распространенъ въ нашихъ учено-литературныхъ кругахъ: наши спеціалисты, кажется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, ограничиваютъ свои изученія какимъ-либо однимъ кругомъ явленій и отвыкаютъ какъ отъ широкихъ обобщеній въ самой своей спеціальности, такъ и отъ пониманія необходимости общихъ обзорѣній и руководствъ, которыя столько же должны присутствовать въ литературѣ, какъ и спеціальныя изысканія, и, по настоящему, должны бы служить преддверіемъ для этихъ послѣднихъ. Дѣйствительно, у насъ крайне мало собственныхъ, не переводныхъ книгъ этого рода.

Въ настоящемъ случаѣ именно не требовалось „десятковъ томовъ“, и г. Кирпичниковъ оказалъ русской образовательной литературѣ большую услугу, взявши на себя довершеніе этого прекраснаго предпріятія. Для подробныхъ спеціальныхъ работъ остается безконечное поприще впереди.

— *Историческая географія Европы*. Эдуарда Фримана. Въ двухъ томахъ. Томъ I. Текстъ. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Томъ II. Карты (и къ нимъ объяснительная тетрадь). Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1892.

„Издавая настоящее сочиненіе,—говоритъ г. Лучицкій въ предисловіи,—мы имѣли въ виду главнымъ образомъ педагогическую цѣль: дать и учащимся, и вообще образованной публикѣ такую книгу, которая въ точной и цѣльной, но въ то же время и сжатой картинѣ представила бы ходъ всѣхъ географическихъ измѣненій, происшедшихъ на картѣ Европы, начиная съ самаго ранняго времени, со времени возникновенія культуры на берегахъ Средиземнаго моря, и кончая настоящимъ временемъ“. Въ европейской литературѣ, составляющей у насъ единственное прибѣжище въ подобныхъ случаяхъ, г. Лучицкій остановился на книгѣ г. Фримана. „Затрудненій въ выборѣ подходящей книги не было и быть не могло. До послѣдняго времени историческая географія, какъ нѣчто цѣльное, охватывающее всѣ измѣненія, происшедшія на картѣ Европы, ни разу не была предметомъ изложенія. Въ европейской исторической литературѣ существуетъ, правда, громадная масса изслѣдованій, но онѣ касаются всѣ либо отдѣльныхъ странъ или одного какого-нибудь періода, либо затрагиваютъ (какъ напр. Маннертъ или Форбигеръ и др.) лишь географію древняго міра, классическихъ народовъ. Правда, Himly сдѣлалъ-было попытку дать подробный обзоръ географическихъ измѣненій въ границахъ европейскихъ государствъ, и въ средніе вѣка, и въ новое время, но онъ не пошелъ далѣе обзора государствъ лишь центральной Европы. Фриманъ первый изъ историковъ взялся пополнить этотъ крупный пробѣлъ въ исторической литературѣ, и въ значительной мѣрѣ, какъ намъ казалось, достигъ этой цѣли“.

Для самого Фримана его работа представлялась какъ бы дополненіемъ къ его обозрѣнію европейской исторіи. „Цѣль моего труда,—говоритъ онъ,—въ сущности очень скромна. Я принялъ на себя задачу указать размѣръ различныхъ государствъ въ различные времена, опредѣлить различныя переимѣны, происходившія въ нихъ, указать ихъ взаимныя отношенія и уяснить ихъ причины. Я не пишу исторію въ полномъ смыслѣ этого слова. Я лишь слабо касаюсь внутреннихъ дѣлъ каждой страны. Я рассматривалъ извѣстныя событія только по отношенію къ тому дѣйствию, какое они оказали на европейскую карту. Это заставило меня дѣйствовать совершенно обратно тому, чтó считается истиннымъ порядкомъ вещей. Въ конституціонной исторіи Европы Великобританія заняла бы первенствующее мѣсто. Между тѣмъ, рассматривая вопросъ о первен-

ствѣ съ чисто географической точки зрѣнія, я отвелъ ей послѣднее мѣсто, и я думаю, что былъ вполне правъ". Въ этомъ нѣтъ сомнѣній, потому что географическое значеніе страны можетъ легко не совпадать съ политическимъ развитіемъ.

Задача была, конечно, весьма сложная, и англійскій ученый, ни мало не стѣсняясь и видимо не чувствуя никакихъ угрызений совѣсти, признаетъ, что въ такой сложной работѣ не могъ одинаково владѣть всѣми отдѣлами предмета. „Врядъ ли нужно прибавлять,—говоритъ онъ,—что относительно нѣкоторыхъ частей моего труда я былъ болѣе компетентенъ, нежели относительно другихъ. Никто не можетъ питать одинаковаго интереса ко всѣмъ отраслямъ такого обширнаго предмета, какъ исторія, или имѣть равныя въ нихъ познанія". Онъ указываетъ даже, что недостатокъ знаній былъ для него особенно ощутителенъ относительно Германіи... Между прочимъ, Фриманъ старался обстоятельно изложить географическія отношенія славянскаго племени; съ этой цѣлью онъ обращался ко многимъ славянскимъ ученымъ и, по словамъ его, получалъ указанія совершенно противоположнаго характера: „когда учителя высказываютъ такую рознь, ученикъ, надѣюсь, заслужитъ снисхожденіе, если результатъ окажется у него нѣсколько хаотическій". Между прочимъ, и въ англійскомъ литературномъ кругу нашлись люди, которые въ славянскихъ вопросахъ могли быть его совѣтниками: Рольстонъ, Морфильтъ и Артуръ Джонъ Ивенсъ, извѣстный своими цѣнными трудами о балканскомъ славянствѣ.

Книга Фримана есть, безъ сомнѣнія, полезное приобрѣтеніе для нашей литературы, которая до сихъ поръ не имѣла подобнаго спеціальнаго сочиненія, т.-е. переводнаго,—о собственномъ нечего и говорить. Текстъ переведенъ съ англійскаго, но атласъ взятъ изъ французскаго перевода книги Фримана: дѣло въ томъ, что англійскій атласъ даетъ только самый общій обзоръ перемѣнъ въ границахъ государства и далеко не соответствуетъ тексту; въ немъ опущены многія названія мѣстностей, о которыхъ въ текстѣ говорится. Французскій атласъ полнѣе, и онъ повторенъ и въ русскомъ изданіи прямо по французскимъ клише, а для облегченія русскаго читателя для каждой карты составленъ особый указатель названій съ русскимъ переводомъ. Напрасно только этотъ указатель (подъ неточнымъ названіемъ „атласъ", а атласъ названъ „карты") напечатанъ не въ одинаковомъ форматѣ съ картами, такъ что цѣлое сочиненіе потребуетъ трехъ переплетовъ, въ три разные формата—вмѣсто двухъ. Всего проще было бы, еслибы листъ „указателя" слѣдовалъ тотчасъ за картой, которую онъ объясняетъ.

— *Біографія Александра Ивановича Кошелева. Томъ II. Возвратъ къ общественной и литературной дѣятельности (1832—1856 г.)* (Н. П. Колюпанова). М. 1892.

Сороковые года, и даже эпоха реформъ прошлаго царствованія начинаютъ совсѣмъ отдаляться въ исторію! Объ этомъ напоминаетъ и біографія Кошелева, составляемая г. Колюпановымъ. Это—прошедшія времена, забытыя понятія и стремленія, сошедшія со сцены (въ большинствѣ) дѣйствующія лица. Но эпоха такова, что рассказъ о ней можетъ и теперь, и особенно теперь, служить благотворнымъ напоминаніемъ. Второй томъ книги представляетъ множество интереснаго—между прочимъ, въ этомъ отношеніи, кромѣ интереса чисто историческаго.

Когда вышла первая книга перваго тома біографіи, она удивила многихъ несоразмѣрностью тѣхъ подготовленій, какія дѣлалъ авторъ, приступая къ своему сочиненію. Эту цѣлую первую книгу авторъ наполнилъ историческимъ обзоромъ русской журналистики съ прошлаго столѣтія. Упреки, которые были ему сдѣланы по поводу этой несоразмѣрности, авторъ признаетъ справедливыми. „Но я тогда же высказалъ причину,—говоритъ г. Колюпановъ.—Чтобы вполнѣ толково исполнить задачу, мнѣ приходилось сдѣлать много предварительныхъ работъ, не столько по тѣсной связи съ самымъ вопросомъ, сколько по незнакомству моему съ исторіей литературы и въ особенности журналистики, гдѣ А. И. Кошелевъ является крупнымъ дѣятелемъ. Не считая себя въ правѣ ограничиться чужою разработкою, я просмотрѣлъ всѣ наши старые журналы и, естественно, не хотѣлъ бросить безъ всякаго вниманія матеріалъ, который можетъ пригодиться другому. Обработать и издать отдѣльно весь этотъ сырой матеріалъ я не имѣлъ ни времени, ни возможности“.—Но его можно было издать—съ другимъ заглавіемъ; иначе могли бы произойти, пожалуй, и другія странности; такъ какъ А. И. Кошелевъ въ своей публицистической дѣятельности касался въ особенности вопросовъ учреждений, и особенно крѣпостнаго права, то съ тѣмъ же правомъ въ качествѣ введенія въ біографію могла бы быть введена и исторія этого вопроса и т. д. Но исторія старой журналистики, г. Колюпанова, есть все-таки цѣнная работа.

Настоящій второй томъ біографіи заключаетъ періодъ времени съ начала тридцатыхъ годовъ до 1857 года, или собственно до 1859, до изданія газеты „Парусъ“, И. С. Аксакова. Авторъ рассказываетъ о путешествіяхъ Кошелева за границу, о занятіяхъ его откупными дѣлами, объ умственномъ движеніи московскаго общества въ сороковыхъ годахъ, о первыхъ занятіяхъ Кошелева крестьянскимъ вопросомъ

и о сближеніи его съ славянофилами, особливо Хомяковымъ и Кирѣевскимъ, которое потомъ опредѣлило его общественные взгляды и литературную дѣятельность.

Эта біографія за тридцатые и сороковые года представляетъ между прочимъ тотъ особенный интересъ, что по ней, какъ и другимъ подобнымъ, можно наблюдать, какъ жизнь умственная и общественная продолжала дѣйствовать внутри, несмотря на обставлявшія ее внѣшнія преграды. Основные вопросы общественности и науки бывали крайне стѣснены въ литературномъ обсужденіи, или даже совсѣмъ устранены изъ него, но тѣмъ не менѣе они продолжали жить въ умахъ и успѣвали—мимо литературы—развиваться въ цѣлыя системы. Такъ именно развивались тѣ взгляды, которые складывались въ то время въ двухъ группахъ людей „сороковыхъ годовъ“, и особенно взгляды такъ называемаго славянофильства. Если судить только по фактамъ печатнымъ, то можно подумать, что славянофильство явилось тогда вдругъ, готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера: но подготовительная работа была, — она шла только незамѣтно, въ личной уединенной работѣ, въ бесѣдахъ ближайшихъ друзей, въ устныхъ дебатахъ съ теоретическими противниками. Когда кое-что изъ этого проникало въ печать, посвященные понимали то цѣлое, изъ котораго выходили эти отдѣльныя положенія; для непосвященныхъ, иное въ тогдашней полемикѣ должно было, вѣроятно, казаться мало-вразумительнымъ. Біографъ Кошелева сообщилъ для этой внутренней исторіи славянофильскаго кружка не мало весьма цѣнныхъ данныхъ, какъ увидимъ.

О пятидесятихъ годахъ авторъ рассказываетъ весьма подробно. Четвертая глава излагаетъ издательскую дѣятельность Кошелева, именно изданіе „Сборника“ 1852 г. и основаніе „Русской Бесѣды“, перваго широкаго славянофильскаго органа. Авторъ исчисляетъ вопросы, поднятые „Русской Бесѣдой“, и въ особенности подробно останавливается на вопросѣ о сельской общинѣ, который получалъ перво-степенную важность въ виду предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Въ внѣшней литературѣ можно было не разъ замѣчать, что это, еще не очень давнее, прошедшее начинаетъ забываться: быть можетъ, для нѣкоторыхъ нынѣшнихъ специалистовъ по народнымъ вопросамъ, — между прочимъ о самой общинѣ, — рассказы г. Колюпанова объ этомъ предметѣ будутъ имѣть прелесть новизны...

Одну изъ самыхъ цѣнныхъ сторонъ книги г. Колюпанова составляютъ приложенія. Во-первыхъ, какъ изслѣдователь аккуратный и, кажется, успѣвшій пристраститься къ бібліографіи, онъ помѣстилъ въ приложеніяхъ списокъ статей, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ за время редакторства Андросова (1835—37): этотъ

журналъ есть теперь большая библиографическая рѣдкость, и г. Колюпановъ могъ составить свой списокъ лишь по сборному экземпляру изъ разныхъ библіотекъ. Далѣе — списокъ лицъ, участвовавшихъ въ „Р. Бесѣдѣ“, и ихъ сочиненій, за 1856 — 60 годы. Далѣе, двѣ небольшія статьи Кошелева изъ сороковыхъ годовъ: обѣ имѣютъ отношеніе къ крестьянскому вопросу, и одна явилась въ свое время укороченною цензурой, другая совсѣмъ не была пропущена. Затѣмъ, документы по тремъ проектамъ обѣ улучшеніи быта крестьянъ, которые Кошелевъ представлялъ, по разнымъ случаямъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1847, 1850 и 1857 годахъ. Чрезвычайно любопытны довольно многочисленныя письма Кошелева къ разнымъ членамъ славянофильскаго круга и ихъ отвѣты: здѣсь находимъ письма Кошелева, Константина и Ивана Аксаковыхъ, Хомякова, Ивана Кирѣевскаго. Это нерѣдко цѣлые трактаты по вопросамъ, которые занимали и волновали друзей и не всегда могли находить мѣсто въ печати: вопросамъ философскимъ и религіознымъ, о Гегелѣ, о русской церкви, о русской народности, обѣ общинѣ и пр. Письма относятся почти исключительно къ первымъ пятидесятымъ годамъ.

Наконецъ, помѣщено въ приложеніяхъ нѣсколько отрывковъ изъ дневниковъ Кошелева во время заграничныхъ путешествій въ 1849 и въ 1857 годахъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ путешествій Кошелевъ посѣтилъ славянскія земли въ Австріи. Эти славянскія земли, знакомыя у насъ немногочисленнымъ (хотя теперь все-таки болѣе многочисленнымъ, чѣмъ прежде) славистамъ, для обыкновенной „большой публики“ все еще остаются въ большой мѣрѣ terra incognita. Мы выучили нѣсколько Болгарію и Сербію, благодаря послѣднимъ войнамъ, но славянскія земли въ Австріи, ихъ исторія, современное положеніе, ихъ руководящіе дѣятели — о которыхъ, однако, пишутъ газеты — остаются въ полу-мракѣ; самыя имена дѣятелей постоянно перевираются: Важатый или Вашатый; Мазарикъ, Мазарикъ (см. газету „Новости“), Массарикъ, Масарикъ и т. д. Такъ и здѣсь. Не знаемъ, кому принадлежать ошибки въ написаніи славянскихъ именъ, Кошелеву или его біографу; но ошибокъ не мало, хотя названо всего нѣсколько именъ. „Русская Бесѣда“ говорила однажды о своихъ славянскихъ сочувствіяхъ и сношеніяхъ: „думаемъ, что никто не станетъ отрицать то важное общественное значеніе, которое имѣло для славянъ существованіе собственно „Русск. Бесѣды“ и о которомъ *иромко свидѣтельствуютъ* и Бѣлградъ, и Загребъ, и Тырновъ, и Прага“. Біографъ выписываетъ эти слова (стр. 256), а на слѣдующей страницѣ вопіютъ изуродованныя имена славянскихъ дѣятелей. Именно: „Раевскій рекомендуетъ редакціи „Р. Бесѣды“ слѣдующихъ славян-

скихъ литераторовъ: въ Кроаціи — Берлинъ (?! вѣроятно: Берличъ), въ Сербіи — Медаловичъ (читай: Медаковичъ) и Субботичъ, изъ русняковъ — Радлинскій и Дурновичъ (читай: Духновичъ), въ Лембергѣ (т.-е. Львовѣ) — Петрашевичъ (читай: Петрушевичъ), ревностѣйшій галицкій писатель, изъ словаковъ проф. Кузмани и Горбакъ" (читай: Гурбанъ). Въ дневникѣ Кошелева (приложеніи, стр. 150—153) опять славянскія имена пишутся (или читаются біографомъ?) невѣрно: Шумовскій (читай: Шумавскій), Томакъ (читай: Томекъ), Пуркинъи (читай: Пуркинъе), Рителсбергъ (читай: Риттерсбергъ), Кузминъ (читай: Кузмани), Гурбакъ (читай: Гурбанъ). — А. В.

Въ теченіе ноября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андреевская, В. П. — Дѣтская радость. Разказы изъ дѣтской жизни. Съ 6-ю раскраш. рис. Спб. 92. Стр. 76.

——— *Васильки*, собраніе разказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 4 раскраш. рис. Спб. 92. Стр. 39.

Артемеѣвъ, А. П. — Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженницами, родильницами и новорожденными. Брянскъ, 92. Стр. 190. Ц. 1 р.

Безаловъ, Н. Л. — Сборникъ постановленій Сиб. губернскаго земскаго собранія съ 1890 по 1892 г. Спб. 92.

Бекетовъ, А. Н. — VIII-ой Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Спб. Т. II, дополнительный. Спб. 92. Ц. 2 р.

Бракетеймеръ, П. — Грамматика древне- (церковно) славянскаго языка для средне-учебныхъ заведеній. Од., 92. Стр. 54.

Висковатовъ, П. А. — Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы, съ бібліографич. примѣчаніями. Дербитъ, 92. Стр. 75.

Гвоздевъ, И. М. — Систематическій перечень судебно-медицинскихъ данныхъ въ практическомъ, преимущественно, примѣненіи ихъ къ общественнымъ потребностямъ. Кав. 92. Стр. 84. Ц. 50 к.

Гейеръ, И. И. — Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Т. II. Ташкентъ, 92. Стр. 514. Ц. 2 р.

Гершельманъ, Э. Ф. — Историческій очеркъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Спб. 92. Стр. 102.

Горбъ-Ромашкевичъ, О. — Поземельный кадастръ, ч. I. Варшава, 92. Стр. 281. Ц. 2.

Гранстремъ, М. — Въ степи. По Куперу. Разказы для юношества. Съ нѣм., съ 4 раскраш. рис. Спб. 92. Стр. 202.

Грибоѣдовъ, А. С. — Полное собраніе сочиненій, изд. п. р. Арс. И. Введенскаго, съ біографическимъ очеркомъ и съ портретомъ А. С. Грибоѣдова. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 92. Стр. 392. Ц. 2 р. 50 к.

Джаншиевъ, Гр. — Изъ эпохи великихъ реформъ (Освобожденіе крестьянъ. — Отмена тѣлеснаго наказанія. — Цензурная реформа. — Новый судъ и пр.). Исто-

рическія справки. 3-е, вновь дополненное изданіе. М. 92. Стр. 383. Ц. 1 р. 50 к. Съ благотворительною цѣлью.

Дубровинъ, Н.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 5. Спб. 92. Стр. 524.

Дюрингъ, Евг.—Курсъ національной и соціальной экономіи, со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и социализма. Перев. съ 3-го изд. Спб. 93. Стр. 556. Ц. 3 р. 50 к.

Етифановъ, Ив.—Изъ прошлаго земли русской: I. Александръ Невскій (Ледовое побоище). Разсказъ. Съ рис. Н. Каразина. Спб. 92. Стр. 54.

Знаменскій, П.—Исторія Казанской Духовной Академіи, за первый (до-реформенный) періодъ ея существованія (1842-1870 гг.), въ 3-хъ выпускахъ. Каз. 91 и 92. Стр. 380, 592 и 466. Ц. 6 руб.

Кабановъ, Н.—Начатки знанія. Кн. 1 и 2. М. 93. Стр. 107 и 126.

Карышевъ, Дж.—Совѣтъ, этюдъ. Спб. 92. Стр. 79.

Картегъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній. Т. I: Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 92. Стр. 558. Ц. 3 р.

Кирпичниковъ, А.—Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Начата п. р. В. Θ. Корша, оконч. п. р. проф. А. Кирпичникова. Вып. 27 и 28: Очеркъ исторіи литературы XIX ст. (окончаніе), А. И. Кирпичникова. Указатель. Спб. 92. Стр. 1080.

Козловъ, И. И.—Стихотворенія. Изданіе исправл. и значит. дополненное. Арс. И. Введенскаго, съ біографич. очеркомъ и съ портретомъ Козлова. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 92. Стр. 344. Ц. 2 р. 50 к.

Кольцовъ, А. В.—Полное собраніе стихотвореній, изд. п. р. Арс. И. Введенскаго. Съ біографич. очеркомъ и съ портретомъ Кольцова. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 92. Стр. 160.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Пособіе къ лекціямъ. Т. I: Введеніе и Общая часть. Спб. 92. Стр. 402. Ц. 2 р. 50 к.

Креминскій, В. А.—Замѣтка по подводному плаванію и о возможности устройства подводнаго судна. Од., 92. Стр. 24.

Крюковъ, Н. А.—Нѣкоторые данныя объ урожаѣ хлѣбныхъ растений въ Приамурскомъ краѣ въ 1891 г. Благовѣщенскъ, 92. Стр. 39.

Ламаискій, Евг. И.—Индіа: I. О неурожаяхъ въ Индіи. II. Современная Индіа. Съ картою желѣзныхъ дорогъ въ Индіи. Экономическій этюдъ. Спб. 93. Стр. 441. Ц. 1 р. 50 к.

Лонтиновъ, А. В.—Историческое изслѣдованіе: Сказаніе о походѣ Сѣверскаго Князя Игоря Святославича на Половцевъ въ 1185 г. Од. 92. Стр. 261. Ц. 2 р.

Ляшенко, М. М. (М. М. Правдинъ).—На зарѣ новой жизни. Ром. въ 2 ч. Рев. 92. Стр. 435. Ц. 2 р. 50 к.

Мышъ, М. И.—Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Спб. 92. Стр. 571. Ц. 2 р. 70 к.

Пантюховъ, И. И.—Населеніе Кутаисской губерніи. Спб. 92. Стр. 81.

Плотниковъ, С. Н.—Систематическая Азбука. Руководство къ обученію первоначальной грамотѣ дома и въ школѣ. Ч. I (первая 1/4 учебнаго года). Тамбовъ, 92. Стр. 34. Ц. 30 к.

Полежаевъ, А. И.—Полное собраніе сочиненій, издан. п. р. Арс. И. Введенскаго, съ біографич. очеркомъ и съ портретомъ А. И. Полежаева. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 92. Стр. 327. Ц. 2 р. 50 к.

Прайсъ, Г. М.—Русскіе евреи въ Америкѣ. Очерки изъ исторіи, жизни и быта русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки. Съ 1861 г. по 1891 г. Спб. 93. Стр. 121 и 41. Ц. 1 р.

Растеръ, Евгений.—Соціально-демократическія картины будущаго въ Германіи. Вольное сатирическое подражаніе Бебелю. Спб. 93. Стр. 93. Ц. 50 к.

Рогова, Ѳ. И.—Слѣпой Домрачей. Историческіе рассказы для юношества изъ русской, турецкой и молдавской жизни. Съ рис. Л. Бакста. Спб. 92. Стр. 261.

С.—Тріумфы женщины. Изъ міра пѣсенъ и любви: Овидій, Данте, Петръ и Боккаччо. Спб. 93. Стр. 584. Ц. 2 р.

Ситичкинъ, А. П., зубной врачъ.—О зубо-врачебной помощи въ школахъ. Спб. 92. Стр. 12.

Смирнова, В.—Вѣра, Надежда, Любовь. Собраніе рассказовъ для маленькихъ дѣвочекъ. Съ 4 раскраш. рис. Спб. 152.

Степаниковъ, М. И.—Основы и предѣлы самоуправленія. Опытъ критическаго разбора основныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія въ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Спб. 92. Стр. 296, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ съ данными о составѣ земскаго представительства въ 34 губерніяхъ Россіи.

Станюковичъ, К. М.—Пассажира. Рассказъ изъ морской жизни. Спб. 93. Стр. 187. Ц. 1 р.

Терновскій, С.—Историческая записка о состояніи Казанской Духовной Академіи послѣ ея преобразованія. 1870-1872 г. Каз. 92. Стр. 152. Ц. 2 р.

Тихомировъ, В. А.—Ботаническіе сады тропиковъ. Воспоминанія кругосвѣтнаго плаванія 1891 г. М. 93. Стр. 47. Ц. 50 к.

Тхоржевскій, И. Ф.—Полное собраніе пѣсенъ Беранже (по парижскому изданію 1867 г.) въ переводѣ русскихъ писателей. Вып. 1—11. Тифл. 92. Каждый вып. 20 коп.

Трубецкая, Евг. кн.—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I: Міросозерцаніе бл. Августина. М. 92. Стр. 271. Ц. 1 р. 50 к.

Хмѣльницкій, И.—Сборникъ законовъ по уголовному праву и процессу, содержащій въ себѣ измѣненія и дополненія: 1) въ Уставѣ уголовного судопроизводства, 2) Уложеніи о наказаніяхъ и 3) Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ 1886 г. по самое послѣднее время. Од. 92. Стр. 155. Ц. 75 к.

Ярошъ, К. Н.—Современныя задачи нравственнаго воспитанія. Харьк. 93. Стр. 163.

Эйторъ, Виталій.—Иванъ Андреевичъ Шматковскій, протопопъ глуховскій и его сношеніе съ московскимъ правительствомъ (1653—73 гг.). Страничка изъ исторіи малорусскаго духовенства. Киевъ, 92. Стр. 19.

Эрисманъ, Ѳ. Ѳ.—Первый годовоі отчетъ московской городской санитарной станціи, устроенной при гігіеническомъ институтѣ Имп. Москов. университета. М. 92. Стр. 210.

Chambrun, le comte de.—Aux montagnes d'Auvergne. Mes conclusions sociologiques. Par. 93. Стр. 148. Ц. 2 фр.

— Дешевая Библіотека: № 2. Д. И. фонъ-Визинъ, Бригадиръ и Недоросль. № 167. Плутархъ, сравнительныя жизнеописанія, Филопоментъ и Титъ Фламиній. № 230. Дж. Элиотъ, Ромола, ром. № 231. Фламмаріонъ Уранія № 232.

Андроникъ Комненъ, пов. изъ визант. исторіи. № 244. Мольеръ, Тартюфъ. № 234. Бернарденъ де С.-Пьеръ, Павелъ и Виргинія. № 235. Ж. Зандъ, Бъсе-нокъ, ром. Спб. Ц. отъ 15 до 25 коп.

— Докладъ Предсѣдателя Высочайше учрежденной въ 1888 г. Комиссіи по поводу паденія цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія въ пятилѣтіе (1883—1887 г.). Спб. 92. Стр. 140.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. VII: Крестьянское хозяйство въ царскосельскомъ уѣздѣ. Спб. 92. Стр. 176. Ц. 1 р. 50 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Изд. бывш. Товар. А. Гарбель и К°. Вып. 53 и 54 (Куколи—Ланггансъ). 5 портр. въ текстѣ. М. 92. Стр. 2493—2608. Ц. по 40 коп.

— Общи резултати отъ преброяваніе на населеніето въ княжество България на 1-й януарій 1888 година. София, 90. Стр. 287. Цѣна 6 лева.

— Отчетъ Александровской уѣздной земской управы за 1891 г. Александровскъ, 92. Стр. 173.

— Повторительный курсъ краткой русской грамматики, составл. по программѣ школъ жен. Патриот. Общества. Спб. 92. Стр. 54. Ц. 20 к.

— Почтово-телеграфная статистика за 1890 г. Изданіе Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ. Спб. 92. Стр. 31.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 35: Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ польско-литовскимъ государствомъ, т. I, 1487—1533 гг. Т. 71: Тоже, т. III, 1560—1571 гг. Т. 82: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I, т. III, 1806—1808 гг. Спб. 92. Ц. по 3 р.

— Семейная Библіотека. № 35: В. Гюго, Десяносто-третій годъ, ром. Т. II. Спб. 92. Стр. 78. Ц. 25 к.

— Стасина Библіотечка. Разсказы, стихотворенія, пословицы. Сост. М. М. Ледерле. Рис. бар. М. II. Кюдта. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 56.

— Что за прелесть! Подарокъ маленькимъ послушнымъ дѣтямъ. Шестнадцать раскрашенныхъ картинъ на картонѣ. Спб. 1892 г.

ВОПРОСЪ О „САМОЧИННОМЪ УМСТВОВАНИИ“.

— Л. Тихомировъ, Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи.
М. 1892.

Вопросъ этотъ, поставленный нынѣ на очередь самобытнымъ развитіемъ русскаго сознанія, имѣетъ уже свою исторію. Почва для его возникновенія въ нашей литературѣ была подготовлена профессоромъ Владиславлевымъ, который въ своей *философіи о ранахъ* установилъ принципъ чинопостепенности въ значеніи истины всѣхъ истинъ. Но проф. Владиславлевъ, какъ настоящій Гегель здѣшнихъ мѣстъ, возвелъ только на высоту логической формулы то дѣйствительное сознаніе, которое господствовало въ чиновномъ мірѣ Коломны и Пескова; изъ этой общей формулы онъ не дѣлалъ никакихъ опредѣленныхъ выводовъ сокрушительнаго свойства. Переходъ въ область „конкретнаго“ былъ совершенъ недавно мыслителемъ того же направленія, но другого темперамента,—именно, г. Д. Щегловымъ, который жестоко обличалъ разныхъ вольнодумныхъ литераторовъ, въ особенности Гоголя, Достоевскаго и Льва Толстого, за то, что „не по чину берутъ“: будучи людьми совершенно партикулярными, они не довольствуются тѣмъ, что своими „мерзкими“ романами вводятъ въ соблазнъ даже генераловъ и высшихъ духовныхъ особъ, но держатъ еще вмѣшиваться въ вопросы государственные и религіозные, выстукая какими-то пророками и учителями. Обличенія г. Щеглова были сокрушительны, но нѣсколько односторонни: имъ подвергались безнравственные романисты да еще почему-то тѣ лица, которыя непочтительно отзывались о собственныхъ произведеніяхъ г. Щеглова. Между тѣмъ настоящая всесторонняя постановка нашего вопроса уже была (какъ и многое другое) художественно провидѣна покойнымъ Салтыковымъ. Въ его „Пошехонской Старинѣ“ кто-то утверждаетъ, что особы, достигающія высшаго духовнаго сана, обязаны будто бы проклинать „всѣхъ партикулярныхъ вообще“. Я не знаю, какого сана достигъ г. Левъ Тихомировъ, но во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ заслуга вполне серьезнаго и пространно мотивированнаго примѣненія того принципа, который мимоходомъ былъ предугазанъ нашимъ Щедриннымъ. „Всѣ партикулярные вообще должны быть прокляты за *самочинное умствование*“ — вотъ идея г. Л. Тихомирова. Частные люди неспособны сами по себѣ, внутреннею работою своего

духа, достигать истины и добра, а должны безусловно подчиниться въ этомъ отношеніи руководству „законныхъ пастырей“, или „пойти на выучку къ духовенству“, какъ выражается г. Тихомировъ. Только духовенство обладаетъ истиной, „знаетъ вѣру“, и носитъ въ себѣ вѣковую церковную мудрость — оно одно только составляетъ саму церковь *in concreto*. „Нашему образованному обществу,—говоритъ г. Тихомировъ,—нужно поэтому искать помощи *извне* (курсивъ его). самостоятельно, добровольно подчинившись оздоравливающему влиянію церкви, или, говоря конкретнѣе, — *духовенства*“ (курс. его) ¹⁾. А такъ какъ „наше образованное общество“ ищетъ религіозной истины помимо официальнаго руководства, такъ какъ оно предается „самовольной и самочинной работѣ духа“ и стремится „умствовать“ вмѣсто того, чтобы просто и „скромно подчиниться“,—то г. Тихомировъ и подвергаетъ его безусловному осужденію, безо всякихъ даже смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ проклинаетъ уже не однихъ извѣстныхъ романистовъ, какъ его предшественникъ г. Д. Щегловъ, а прямо—всѣхъ партикулярныхъ вообще, безъ различія профессій и убѣждений. Онъ осуждаетъ „современное религіозное движеніе“ не за то, что выдвинутыя имъ идеи *ложны по своему содержанію* (этого содержанія онъ не касается ни однимъ словомъ), а единственно только за то, что въ немъ проявляется самостоятельная работа духа, а не простое подчиненіе официальному авторитету. Не упоминая ни единымъ словомъ о существенномъ содержаніи религіи вообще и христіанства въ особенности, г. Тихомировъ опредѣляетъ религію съ внѣшней и случайной стороны, какъ *исканіе знаменій* (по евангельскому выраженію) или (по его собственному выраженію) какъ подчиненіе Богу въ томъ (внѣшнемъ) проявленіи, „какое угодно было Ему дать“, или въ которомъ Ему „угодно было Самому показать Себя“; а такое проявленіе дано именно въ духовенствѣ, какъ увѣренъ г. Тихомировъ. Вотъ его слова: „Для возстановленія правильнаго развитія нашему обществу необходимо *воспитаніе чувства вѣры* и стало быть отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубоко-ошибочной привычки *разсудкомъ* самочинно искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства *вѣры* есть скромное обращеніе за *наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было Самому показать Себя, т.-е. въ церковь (какую?), къ духовенству, которому вѣрено *наученіе*“ ²⁾. Выходитъ такъ: человекъ, у котораго еще нѣтъ настоящей вѣры, который нуждается еще въ воспитаніи чувства вѣры, долженъ прежде всего обратиться къ духовенству, потому что въ немъ Богъ

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“, № 9, стр. 289.

²⁾ Тамъ же; курсивы—г. Тихомирова.

Самъ показаль Себя; значить, сначала нужно повѣрить въ духовенство, а потомъ уже отъ него получить и вѣру въ Бога. Но г. Тихомирову слѣдовало бы показать, по какому чувству и вообще на какихъ если не логическихъ, то психологическихъ и нравственныхъ основаніяхъ человѣкъ, не вѣрящій или плохо вѣрящій въ Бога, можетъ серьезно и искренно повѣрить въ божественный характеръ духовенства, и притомъ именно этого опредѣленнаго? Вѣсто того, чтобы какъ-нибудь разъяснить эту несообразность, къ которой привело его собственное самочинное умствование, онъ предпочитаетъ изливать свое негодованіе на всякое умствование вообще, на всякое „партикулярное“ разсужденіе о религіозныхъ предметахъ. „Въ исторіи возсоединенія образованнаго общества къ христіанству (?),—говоритъ онъ,—учительство мірянъ почти заслоняетъ церковь ¹⁾. Миссіонерами общества съ самаго начала являются: журналисты, романисты, „вольные пророки“. Это ненормальное явленіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что въ религіозныхъ спорахъ много интеллигентнаго кружка не услышишь другихъ ссылокъ, какъ на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева и т. д. Словно они имѣютъ хотя тѣнь церковнаго авторитета!“ ²⁾. Что значить это восклицаніе? Если, какъ надо надѣяться, эти „интеллигентныя“ бесѣды происходили не въ городской больницѣ св. Пантелеймона, то, конечно, никто изъ собесѣдниковъ не приписывалъ названнымъ писателямъ собственно церковнаго, іерархическаго авторитета. Значить, г. Тихомировъ негодуетъ на то, что міряне въ частныхъ разговорахъ о религіозныхъ предметахъ ссылаются на мнѣнія свѣтскихъ писателей. Это очень строго. Черезъ страницу г. Тихомировъ проявляетъ еще бѣльшую строгость: онъ осуждаетъ даже простое чтеніе этихъ писателей: „Общество читаетъ гг. Достоевскихъ ³⁾ и Соловьевыхъ, а о. Климентъ даже не знаетъ“. Но какъ же быть обществу: вѣдь о. Климентъ Зедергольмъ, какъ извѣстно и г. Тихомирову, никакихъ сочиненій не оставилъ. Строгость строгостью,—однако, нельзя же требовать отъ людей, чтобы они читали только тѣхъ авторовъ, которые никогда ничего не писали!

Еслибы г. Тихомировъ разсуждалъ не „отъ своего чрева“, какъ говорятъ семинаристы, а добросовѣстно ознакомился съ относящимися къ дѣлу историческими фактами, то онъ увидалъ бы, что вопросъ рѣшается вовсе не такъ просто и легко. На первый разъ, для примѣра, укажу ему нѣкоторые характеристичные факты, о которыхъ, какъ извѣстно, сообщилъ не такъ давно въ нашей печати покойный Н. П. Ги-

¹⁾ Значить, міряне,—въ церкви?

²⁾ „Р. О.“, стр. 225.

³⁾ Это множественное число для *исподъ* Достоевскихъ очень мило подъ перомъ единственнаго Льва Тихомирова!

ляровъ-Платоновъ. Дѣло касается ближайшимъ образомъ митрополита московскаго Платона, но Гиляровъ начинаетъ издадека, — съ прежней полемики между старообрядцами и духовенствомъ. „Эпоху въ этомъ отношеніи, — пишетъ онъ, — составили *Поморскіе Ответы* ¹⁾. Съ неумолимою логикою, шагъ за шагомъ разобраны въ нихъ главнѣйшіе пункты разногласія, и хронологическимъ перечнемъ свидѣтельствъ доказывалось, что древность на сторонѣ раскола. Силу особенную *Поморскимъ Ответамъ* дали притомъ фальсификаціи Питирима ²⁾, который въ своей *Працицѣ* не стѣсняясь ссылался на сфабрикованныя *Дѣянія Собора противъ Мартина Армянина* и на *Θεομυστοσὶν Τρεβνικῶν*. Подложность той и другой рукописи доказана въ *Поморскихъ Ответахъ* и исторически, и филологически.

„Позиція православными полемиками, — продолжаетъ Гиляровъ-Платоновъ, — была такимъ образомъ потеряна. Ссылаться на древность стало имъ до времени невозможно. Оружіе, приготовленное въ видѣ *Дѣлій на Мартина* и *Θεομυστοσὶν Τρεβνικῶν*, передомилось въ ихъ рукахъ. Они приняли новое положеніе. „Древне ли, ново ли — это до вѣры не касается“. Съ этой точки зрѣнія и въ кроткомъ, примирительномъ духѣ была написана книга митрополита Платона: *Утѣшаніе Вселенской Церкви ко всѣмъ отлучившимся ея*. На эту книгу отвѣчалъ старообрядческій (поповщинскій) инокъ Никодимъ сочиненіемъ *о преданіяхъ церковныхъ*, гдѣ священными авторитетами доказывалъ, что обряды вовсе не безразличны.

„Рукопись столь убѣдительная съ точки зрѣнія раскола и столь затруднительная для православнаго увѣщателя была поднесена митрополиту Платону. Общій смыслъ ея выходилъ таковъ: вотъ, ваше высокопреосвященство, вы говорите, что все равно, а по вашимъ же книгамъ не все равно. Мы судили на основаніяхъ, вами же признаваемыхъ. Какъ же быть и чему вѣрить?

„Прочелъ митрополитъ Платонъ книгу, почувствовалъ ея жало, и на первомъ ея листѣ, передъ заглавіемъ, начерталъ:

„Церкви Христовой пастырю, и самому просвѣщенному, невозможно имѣть съ раскольниками преніе и ихъ въ заблужденіи убѣдить. Ибо въ преніяхъ съ обѣихъ сторонъ должно быть едино начало или основаніе, на которомъ бы утверждались всѣ доказательства. Но ежели у одной стороны начало будетъ иное, а у другой другое, то согласиться никогда будетъ невозможно. *Богословственный христіанскій богословъ для утвержденія всѣхъ истинъ вѣры Христовой не иное признаетъ начало, какъ едино слово Божіе или писанія*

¹⁾ Сочиненіе извѣстнаго старообрядческаго учителя Денисова.

²⁾ Нижегородскій епископъ при Петрѣ В., съ особымъ усердіемъ борозшійся противъ раскола.

Ветхую и Новую Заветы; а раскольникъ кромѣ сего начала, которое и мало уважаетъ, ибо мало понимаетъ, признаетъ еще за равносильныя слову Божію начала и всякія правила соборовъ, и всякія писанія церковныхъ учителей, и всякія повѣсти въ книгахъ церковныхъ обрѣтаемыя, да еще ихъ и болѣе уважаетъ, нежели слово Божіе, ибо они для него понятнѣе. Но какъ и правила соборовъ или относились къ тѣмъ временамъ, или писаны по пристрастію и непросвѣщенному невѣжеству, и въ писаніяхъ церковныхъ учителей много погрѣшительнаго, и съ самими собою и съ словомъ Божіимъ несогласнаго, а въ повѣстяхъ и зѣло много басней, небылицъ и безмѣстностей,—то и слѣдовало бы правила и отцы и повѣсти не иначе принять, какъ когда они согласны съ словомъ Божіимъ и служатъ тому объясненіемъ. Но раскольникъ сего не пріемлетъ и почитаетъ худю, когда бы ему открытъ, что соборы или отцы въ иныхъ мнѣніяхъ погрѣшили, а повѣсти многія невѣроятны. „Какъ, — воскликнетъ онъ, — отцы святыя погрѣшили? Да мы ихъ святыми почитаемъ, они чудеса творили, ихъ писанія суть богодухновенны“. Чтò на сіе богословъ? Легко можетъ возразить, но не посмѣетъ, дабы не только раскольниковъ, но и своихъ малосмысленныхъ не соблазнить и не сдѣлать зла горшаго. „Вотъ, провозгласятъ, отцовъ святыхъ не почитаетъ, соборы отвергаетъ, повѣстямъ церковнымъ смѣется!“ Итакъ, богословъ богоспросвѣщенный молчи, а раскольникъ ври—и другихъ глупыхъ удобно къ себѣ склоняй“.

Какъ же полагаетъ г. Тихомировъ: „зналъ вѣру“ митрополитъ Платонъ, или не зналъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ взглядъ нашего автора обличается во лжи. Если митрополитъ зналъ вѣру и правильно судилъ о значеніи слова Божія, то самъ г. Тихомировъ, не считающій священное писаніе единственнымъ и самодовлѣющимъ критеріемъ религіозной истины, долженъ быть отнесенъ если не къ „врущимъ“ раскольникамъ, то къ „малосмысленнымъ“ и „глупымъ“, удобно склоняемымъ ко всякому „вранью“. Если же г. Тихомировъ вздумаетъ признать, что митрополитъ Платонъ ошибался, то значить уже не нужно подчиняться законнымъ пастырямъ и даже архипастырямъ, какъ таковымъ, а нужно обращаться за наученіемъ только къ тѣмъ изъ нихъ, которые согласны съ г. Тихомировымъ,—но тогда уже не духовенство, а этотъ свѣтскій писатель, самъ г. Л. Тихомировъ, окажется „тѣмъ проявленіемъ, въ которомъ Богу угодно было показать Себя“. — Если же конкретное духовенство замѣнить абстрактнымъ „ученіемъ церкви“, то это будетъ только осложненіемъ, а не рѣшеніемъ задачи. Ибо отъ кого же узнать истинное ученіе церкви по тому или другому предмету? Отъ „законныхъ пастырей“?—Но вотъ, оказывается, они могутъ заблуждаться.—Разобрать самимъ?—Но это,

во-первыхъ, было бы узаконеніемъ „самочиннаго умствования“, прямымъ отрицаніемъ взгляда г. Тихомирова, а во-вторыхъ, не давало бы практическаго исхода. Ибо если мы, вѣстѣ съ митрополитомъ Платономъ, станемъ искать критерія истиннаго ученія въ словѣ Божіемъ, а г. Тихомировъ, вѣстѣ съ инокомъ Никодимомъ, въ разныхъ „басняхъ, небылицахъ и безмѣстностяхъ“, — то это же по праву насъ разсудить?

Мнѣніе г. Тихомирова, будто вообще духовенство имѣетъ исключительную привилегію „знать вѣру“ и быть „носителемъ вѣковой церковной мудрости“ — не только разрушаетъ само себя, но и прямо обличается извѣстнымъ заявленіемъ восточныхъ патріарховъ, которые въ 1848 г. соборно писали: „у насъ (т.-е. въ православіи) хранитель религіи (ὑπερασπιστὴς τῆς θρησκείας) есть самое тѣло церкви, т.-е. самый народъ“. Посланіе, гдѣ находятся эти слова, подписано четырьмя патріархами и 29 митрополитами ихъ синодовъ. Кромѣ своей авторитетности, это заявленіе совершенно согласно и съ историческою истинной, ибо извѣстны цѣлыя эпохи, когда сама восточная іерархія впадала въ ересь (напр. моноелитскую въ VII вѣкѣ, иконоборческую — въ VIII-мъ), такъ что по-неволѣ приходилось признать мірянъ за хранителей религіи.

Впрочемъ, г. Тихомировъ, очевидно, самъ плохо вѣрить въ то, чтó говорить. Заявляя съ одной стороны, что Самому Богу угодно было показать Себя въ духовенствѣ, онъ, съ другой стороны, присоединяется къ опасеніямъ проф. Кояловича, какъ бы въ наше духовенство при измѣненныхъ внѣшнихъ порядкахъ не проникли разныя не-православныя и даже не-христіанскія воззрѣнія, приемы дѣйствія и привычки, — а всѣ свои разсужденія г. Тихомировъ заканчиваетъ такимъ сомнѣніемъ: „Сохранитъ ли само духовенство въ отношеніи шатающихся свое твердое положеніе, безо всякихъ недозволительныхъ уступокъ и компромиссовъ?“ Самъ этотъ вопросъ есть явный и недозволительный компромиссъ между вѣрою (въ духовенство) и шатаніемъ. Умствования г. Тихомирова, несогласныя съ церковными авторитетами, оказываются несогласны и сами съ собою.

„Самочинное умствование“ есть, конечно, великій грѣхъ, но самочинное умствование г. Тихомирова вполне искупило свой грѣхъ тѣмъ, что само себя уничтожило.

Владиміръ Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1892 г.

„Раздуты“ ли у крестьянъ „аппетиты на казенныя пособія“? — Л. Н. Толстой о положеніи восточныхъ уѣздовъ тульской губерніи. — Походъ противъ сакантаго времени въ начальныхъ школахъ въ г. Шуѣ. — Административныя мѣропріятія въ Харьковѣ. — Печальная газетная полемика и утѣшительное слово науки. — А. Д. Галаховъ и А. А. Фетъ †.

Въ то самое время, когда со всѣхъ сторонъ идутъ и официальные, и не-официальные вѣсти о безотрадномъ положеніи многихъ мѣстностей, пораженныхъ неурожаемъ, известная часть печати направляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы погасить только-что пробуждающееся чувство, заглушить только-что возникающую заботу. Въмѣсто призыва къ помощи раздаются здѣсь призывы къ недоувѣрію; вмѣсто активнаго участія къ чужой бѣдѣ проповѣдуется подозрительность и индифферентизмъ. Извращается, съ этою цѣлью, исторія прошлогодней борьбы съ голодомъ, извращается и картина настоящаго положенія вещей. „Никто въ Россіи—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 307)—не можетъ и не долженъ забывать, что размѣры несомнѣннаго бѣдствія и въ прошломъ году были чрезвычайно *раздуты*, чѣмъ правительство было введено въ *расходы несоответственно большіе*. Правительственныя пособія нерѣдко получали употребленіе совершенно неподлежащее. Преувеличенные крики о недостаткѣ въ Россіи запасовъ продовольствія приводили къ спѣшнымъ закупкамъ, на радость спекуляціи. Въ довершеніе, мы потрясли свой заграничный хлѣбный рынокъ... Что мы имѣемъ на пассивѣ? *Какъ всегда*, имѣемъ *нѣсколько мѣстностей* съ плохимъ урожаемъ, причемъ положеніе населенія въ нихъ особенно печальное, если это неурожай повторный. Затѣмъ мы имѣемъ на пассивѣ *раздутые прошлымъ годомъ аппетиты на казенныя пособія*... Правительство, конечно, должно оказать помощь населенію тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительная *бѣдственность*. Но попытки раздувать эту безпомощность могутъ возбуждать лишь негодованіе или презрѣніе. Негодованіе—если въ основѣ агитаціи лежатъ стремленія, давно выраженные въ формулѣ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Презрѣніе—если эта агитація вызывается стремленіемъ такъ или иначе нагрѣть руки, около ли газетнаго пятачка, около ли казенной субсидіи“.

Мы, не обинуясь, назовемъ эту статью „Московскихъ Вѣдомостей“ не только словеснымъ грѣхомъ противъ правды, но и дурнымъ дѣ-

ломъ. Кто знакомъ съ прошлогоднимъ бѣдствіемъ хотя бы по однимъ официальнымъ источникамъ, тотъ не можетъ не видѣть—если только онъ *хочетъ* видѣть,—что размѣры бѣдствія не были „раздуты“, что они представлялись скорѣе въ уменьшенномъ, чѣмъ въ преувеличенномъ видѣ. Это въ особенности несомнѣнно по отношенію къ осеннимъ мѣсяцамъ, когда земскія ходатайства о ссудахъ удовлетворялись только въ малой долѣ, когда губернаторы, за немногими исключениями, оптимистически смотрѣли на будущее, и оптимизмъ ихъ не встрѣчалъ противодѣйствія со стороны хозяйственного департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, когда организація частной помощи, опять-таки за немногими исключениями, встрѣчала на каждомъ шагѣ препятствія и помѣхи. Но даже и впослѣдствіи, когда существованіе голода стало общепризнаннымъ фактомъ, нужда постоянно перерѣшивала помощь, продовольственные ссуды нигдѣ не могли удовлетворить всѣхъ потребностей населенія. Отсюда дѣятельность Особаго Комитета, отсюда широкое развитіе частной инициативы въ устройствѣ столовыхъ, пекаренъ, даровой или дешевой раздачи хлѣба. Расходы правительства не были, очевидно, *несоответственно-большими*, если понадобилось прибавить къ нимъ еще немало милліоновъ, заимствованныхъ изъ другого источника. Что эта прибавка была безусловно необходима—ручательствомъ въ томъ служатъ, между прочимъ, отчеты уполномоченныхъ Особаго Комитета. Ясно, впрочемъ, и безъ всякихъ доказательствъ, что ссуда отъ 10 до 30 фунтовъ въ мѣсяцъ, выдаваемая, притомъ, далеко не на всѣхъ фдоковъ и только въ концѣ голоднаго періода доведенная, и то не вездѣ, до одного пуда, не могла быть достаточной даже для прокормленія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. А вѣдь кромѣ пищи для людей крестьянская семья, въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, нуждалась рѣшительно во всемъ—въ кормѣ для скота, въ топливѣ, въ обуви, въ одеждѣ! Позволительно ли, въ виду всего этого, говорить о *раздутыхъ прошлымъ годомъ аппетитахъ на казенныя пособія*? Позволительно ли увѣрять, что для крестьянъ—за исключеніемъ развѣ немногихъ нищихъ или отпѣтыхъ тунеядцевъ—привлекательно скудное пособіе, едва спасающее отъ голодной смерти и подлежащее, вдобавокъ, возврату, фактически, во многихъ мѣстахъ, уже и начавшемуся? Не значить ли это открывать ворота и двери взгляду, безъ того уже слишкомъ у насъ распространенному—взгляду на крестьянъ, какъ на хитрыхъ и лукавыхъ лѣнтыевъ, только и помышляющихъ о томъ, какъ бы попасть на казенныя харчи или на „царскій паекъ“?.. Совершенно невѣрно и то, что „преувеличенные крики о недостаткѣ продовольственныхъ запасовъ“ привели къ развитію спекуляціи, похившей пѣны на хлѣбъ. Подъ именемъ этихъ „криковъ“ пони-

мается, безъ сомнѣнія, извѣстный фельетонъ гр. Л. Н. Толстого: „Страшный вопросъ“; но этотъ фельетонъ появился въ печати около 1-го ноября — а спекулятивное повышение цѣнъ началось гораздо раньше, вслѣдъ за воспрещеніемъ вывоза ржи (въ концѣ іюля), которое, если не измѣняетъ намъ память, одобрялось и „Московскими Вѣдомостями“. „Страшный вопросъ“, котораго опасался Л. Н. Толстой, на самомъ дѣлѣ не возникъ, хлѣба въ Россіи оказалось достаточно; но развѣ это можно было знать заранѣе, развѣ мысль о принудительной покупкѣ хлѣба не высказывалась, въ тяжелые и мрачные ноябрьскіе дни 1891 г., и консервативными органами печати?.. Позволительно ли утверждать, наконецъ, что въ настоящее время, *какъ всегда*, у насъ имѣется *нѣсколько мѣстностей* съ плохимъ урожаемъ? Къ числу этихъ *нѣсколькихъ мѣстностей* принадлежатъ цѣлыя губерніи, и между ними много такихъ, которыя сильно пострадали отъ прошлогодняго неурожая ¹⁾; отсюда невозможность разсматривать положеніе дѣлъ какъ нѣчто обычное, примѣнять къ нему охлаждающія, убавливающія слова: *какъ всегда*. Опытъ прошлаго года показалъ, что нельзя и не слѣдуетъ ждать наступленія совершенной *беспомощности*, т. е. распродажи послѣдняго имущества, разстройства здорова недостаточнымъ количествомъ и дурнымъ качествомъ пищи; нужно предупреждать *крайнюю нужду*, чтобы облегчить послѣдующую поправку хозяйства, столь важную и съ общегосударственной точки зрѣнія. Московская газета рекомендуетъ систему прямо противоположную. Отодвигая какъ можно дальше государственное вмѣшательство, она дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вовсе устранить частную помощь. Мотивы этой помощи заранѣе заподозриваются; кто *раздучаетъ беспомощность*, тотъ провозглашается политически или нравственно неблагонадежнымъ—а подъ понятіе о *раздучаніи* подводится всякое указаніе на народное бѣдствіе, направленное къ вызову частныхъ и общественныхъ пожертвованій. Это видно изъ начала статьи, прямо обвиняющей Л. Н. Толстого въ намѣреніи „повторить прошлогоднюю исторію“. Посмотримъ поближе, въ чемъ выразилось столь зловредное намѣреніе.

„Урожай въ нынѣшнемъ году,—пишетъ Л. Н. Толстой,—въ мѣстности нашей дѣятельности такой: въ кругѣ съ діаметромъ около 50 верстъ, въ центрѣ котораго мы находимся, урожай ржи хуже прошлогодняго. Во многихъ деревняхъ по Дону, въ которыхъ я былъ въ первыхъ числахъ сентября, ржи уже не было ничего. Что было, то посѣяно и съѣдено. Овса не родилось совсѣмъ, рѣдко у кого достанетъ на сѣмена. Есть овсяныя поля, кото-

¹⁾ Перечень ихъ см. въ нашемъ сентябрьскомъ Внутреннемъ Обзорѣніи.

рия вовсе не косили. Картофель и просо хороши, и то не у всѣхъ. Кромѣ того, просо сѣютъ не всѣ... Въ урожайные годы въ четырехъ уѣздахъ: богородицкомъ, епифанскомъ, ефремовскомъ и новосильскомъ, въ среднемъ, съ 1886 по 1890 г., умирало въ 5 мѣсяцевъ, отъ февраля до іюня включительно, 9.761 человекъ и рождалось 12.069 челов. Въ неурожайномъ 1892 г. въ тѣхъ же уѣздахъ, въ тѣ же 5 мѣсяцевъ, умерло 14.309 человекъ, а родилось 11.383. Въ обыкновенные годы рождаемость превышала смертность въ среднемъ на 2.308 челов., въ нынѣшнемъ же неурожайномъ году смертность превысила рождаемость на 2.926, такъ что послѣдствіемъ неурожая въ этихъ четырехъ уѣздахъ было уменьшеніе населенія противъ обыкновенныхъ годовъ на 5.234 челов. По сравненію же съ другими урожайными уѣздами выходитъ слѣдующее. Въ четырехъ урожайныхъ уѣздахъ: тульскомъ, каширскомъ, одоевскомъ, бѣлевскомъ, въ 1892 г., въ продолженіе тѣхъ же 5 мѣсяцевъ, родилось 8.268 человекъ, умерло 6.468. Другими словами, въ урожайныхъ уѣздахъ рождаемость относится къ смертности приблизительно какъ 4 : 3, въ неурожайныхъ — какъ 5 : 7. Въ одномъ іюнѣ мѣсяцѣ въ епифанскомъ уѣздѣ умерло на 60%, въ богородицкомъ на 112% и въ ефремовскомъ на 116% больше, чѣмъ въ обыкновенные годы. Таковы были послѣдствія неурожая прошлаго года, несмотря на усиленную помощь отъ правительства, Краснаго Креста и частной благотворительности. Что же будетъ въ нынѣшнемъ году въ нашей мѣстности, гдѣ рожь родилась хуже прошлаго года, овса совсѣмъ не родилось, топлива совсѣмъ нѣтъ и послѣдніе запасы силъ населенія вытнуты прошлымъ годомъ? "... Таковы простыя, несомнѣнныя, бьющія въ глаза факты. И ихъ-то московская газета имѣетъ смѣлость называть *раздуваніемъ* нужды! Это нѣчто гораздо худшее, чѣмъ простое охлажденіе къ „надоѣвшимъ“ голодающимъ, предусматриваемое Л. Н. Толстымъ; это—желаніе привить къ другимъ собственную свою черствость, желаніе остановить протянутую руку или, пожалуй, даже добиться запрещенія ее протягивать... „Еслибы кто-нибудь изъ городскихъ жителей,—продолжаетъ Л. Н. Толстой,—пришелъ въ сильные морозы въ избу, топлennую слегка только наканунѣ, и увидалъ бы обитателей избы, выдѣзающихъ не съ печки, а изъ печки, въ которой они, чередуясь, проводятъ дни, такъ какъ это единственное средство согрѣться; или то, что люди сжигаютъ крыши дворовъ и сѣни на топливо, питаются однимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ равныхъ частей муки и послѣдняго сорта отрубей, и что взрослые люди спорять и ссорятся о томъ, что отрѣзанный кусокъ хлѣба не доходить до опредѣленнаго вѣса на осьмушку фунта, или то, что люди не выходятъ изъ избы, потому что имъ не во что одѣться и обуться,

—то они были бы поражены видѣннымъ. Мы же смотримъ на такія явленія какъ на самыя обыкновенныя; мы притерпѣлись и уже ничего не видимъ“. Само собою разумѣется, что этихъ словъ нельзя понимать буквально. Л. Н. Толстой все видитъ и, благодаря своему великому искусству, заставляетъ и насъ переживать вмѣстѣ съ нимъ картины, проходящія передъ его глазами. Кто читалъ отчетъ Л. Н. Толстого въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 301), тотъ не скоро забудетъ, напримѣръ, лицо мальчика, пришедшаго къ нему вмѣстѣ съ отцомъ изъ „нищенской деревни“... А между тѣмъ Л. Н. Толстой совершенно чуждъ сентиментальности и прекраснодушія. Онъ вовсе не отрицаетъ „возможность самыхъ большихъ злоупотребленій, всегда сопутствующихъ даровой или даже живообразной раздачѣ“; но онъ хорошо понимаетъ, что эта возможность — не аргументъ противъ самой раздачи. Мы видимъ здѣсь наглядно, какъ различно отражаются одни и тѣ же факты въ различно мыслящихъ умахъ, въ различно чувствующихъ сердцахъ. Сухой, бездушный формализмъ, встрѣчаясь съ нѣсколькими случаями обмана, спѣшитъ вывести изъ нихъ общее заключеніе о „раздутыхъ аппетитахъ“, подлежащихъ сокращенію и подавленію; братское, теплое отношеніе къ народу подсказываетъ, наоборотъ, что за вину немногихъ — или хотя бы даже многихъ — не могутъ отвѣчать всѣ, что избытокъ помощи гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ ея недостатокъ. Извѣстная формула: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“ — примѣнима не къ одному только уголовному праву; изъ общаго начала, въ ней выразившагося, вытекаетъ съ такою же необходимостью, что лучше дать хлѣба десяти не совсѣмъ голоднымъ, чѣмъ не дать его одному совсѣмъ голодному. Есть, впрочемъ, криминалисты, готовые признать — или, по крайней мѣрѣ, подумать про себя, — что лучше осудить десять невинныхъ, чѣмъ оправдать одного виновнаго; есть, какъ оказывается теперь, и публицисты, предпочитающіе отказать десяти нуждающимся, чѣмъ удовлетворить просьбу одного не особенно нуждающагося... Мы вовсе не проповѣдуемъ раздачу ссудъ и пособій направо и налево, съ закрытыми глазами, безъ всякаго разбора; мы хотимъ только выставить на видъ громадное значеніе общаго настроенія, руководящаго раздачей. Чтобы пояснить нашу мысль, приведемъ еще одно сравненіе изъ области уголовного права. Представимъ себѣ, что изъ двухъ судей одинъ, приступая къ разсмотрѣнію дѣла, отправляется отъ предположенія о невинности обвиняемаго, другой, вопреки старинному, глубоко-вѣрному афоризму (*quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium*) — отъ предположенія о его виновности. Не очевидно ли, что въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ же обстоятельства получать, въ глазахъ

каждаго изъ судей, совершенно различную окраску и привести ихъ въ прямо противоположнымъ заключеніямъ? Столь же вѣроятно разогласіе между двумя наблюдателями народной нужды, изъ которыхъ одинъ увѣровалъ въ существованіе „раздутыхъ аппетитовъ“, а другой свободенъ отъ предвзятаго недовѣрія къ народу.

Въ числѣ признаковъ, указывающихъ на возможность „повторенія прошлогодней исторіи“, передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ приводила, между прочимъ, ходатайство орловскаго земства о трехмилліонной ссудѣ. Не прошло и десяти дней со времени напечатанія этой статьи, какъ на страницахъ той же газеты появилось официальное подтвержденіе фактовъ, на которыхъ основано земское ходатайство. Орловскій корреспондентъ московской газеты (№ 316) сообщилъ ей циркуляръ орловскаго губернатора на имя земскихъ начальниковъ, въ которомъ прямо сказано, что „неурожай нынѣшняго года *вызвалъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ почти общую нужду*, въ другихъ же—нужду частичную“... „Согласно ходатайству губернскаго и уѣздныхъ земскихъ собраній,—читаемъ мы дальше въ этомъ циркулярѣ,—правительство предполагаетъ придти на помощь нуждающимся выдачей вновь ссуды какъ на продовольствіе, такъ и на яровое обсемененіе“. Наблюденіе за тѣмъ, „чтобы никто не получалъ ссуды зря, но съ другой стороны и дѣйствительная нужда не оставалась неудовлетворенною“, возложено на земскихъ начальниковъ. Подъ ихъ предсѣдательствомъ должны быть образованы въ каждомъ участкѣ продовольственныя попечительства, въ составѣ избранныхъ земскимъ собраніемъ попечителей. Официально выдаваемой ссудѣ должно, конечно, соответствовать и официально организованное учрежденіе, завідующее ея раздачей; но борьба съ народнымъ бѣдствіемъ будетъ вполне успѣшна только тогда, когда ближе къ населенію—по возможности, въ каждой нуждающейся деревнѣ или въ небольшой группѣ деревень—явится частная помощь, индивидуальная или коллективная, дополняющая официальную, берущая на себя все то, на что не хватаетъ у послѣдней личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ.

Если у насъ, въ послѣднее время, такъ замѣтно ослабло чувство законности, то причину этому слѣдуетъ искать, отчасти, въ массѣ обязательныхъ постановленій, инструкцій, приказовъ, распоряженій, объясняющихъ, дополняющихъ, а иногда, *de facto*, и измѣняющихъ законъ. Законъ, сплошь и рядомъ, трудно и разсмотрѣть сквозь длинный рядъ накопившихся вокругъ него наслоеній. Мода на то, что можно назвать „законодательствомъ внѣ законодательства“, такъ велика, что проникаетъ даже и въ сферы, вовсе не призванныя къ

подобной дѣятельности. До насъ дошла, напримѣръ, вѣсть о существованіи школьнаго регламента, составленнаго шуйскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и утвержденнаго, въ маѣ нынѣшняго года, владимірскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Шуйскій уѣздный предводитель представилъ губернскому училищному совѣту — не отъ имени уѣзднаго училищнаго совѣта, а *отъ себя лично* — „мнѣніе объ обязанности народной школы въ учебное и неучебное время“. Исходная точка этого мнѣнія заключается въ томъ, что возложенная на начальную школу забота о религіозно-нравственномъ, умственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей должна проявляться постоянно, т.-е. не только въ классѣ, но и внѣ его, не только въ учебные дни, но и въ праздничное и вакаціонное время. Учителямъ и учительницамъ слѣдуетъ, поэтому, вмѣнить въ обязанность: 1) неуклонно, въ теченіе всего года, посѣщать вмѣстѣ съ учащимися въ воскресные, праздничные и царскіе дни храмъ Божій, какъ это дѣлается въ учебное время; 2) въ вакаціонное время не менѣе одного раза въ недѣлю быть въ школѣ для выдачи книгъ учащимся, для бесѣдъ и чтеній съ ними, а также для занятій гимнастикою, церковнымъ пѣніемъ и проч.; 3) установить между учениками, съ предварительнаго согласія ихъ родителей, очередь для работъ въ школьномъ огородѣ, саду и пр., подъ руководствомъ самихъ учащихся; 4) вести о своихъ занятіяхъ подробную записку, копію съ которой представлять въ училищный совѣтъ въ началѣ сентября мѣсяца. Сообразно съ этимъ, ни одинъ учащійся, за исключеніемъ случаевъ болѣзни, не долженъ быть уволенъ въ отпускъ болѣе чѣмъ на четыре недѣли въ продолженіе года. Во время отпуска обязанности учителя или учительницы (если въ школѣ только одинъ учащійся) должны быть исполняемы законоучителемъ. Посѣщеніе церкви въ воскресные и праздничные дни не вмѣстѣ съ учащимъ можетъ быть разрѣшаемо только тогда, когда родители ученика или ученицы лично заявятъ объ этомъ учащему и обяжутся лично наблюдать за исправнымъ посѣщеніемъ дѣтьми церкви. Заявление родителей должно быть внесено въ особую книгу, съ указаніемъ, когда и кто именно сдѣлалъ заявление и какое послѣдовало распоряженіе учащаго. Губернскій училищный совѣтъ, рассмотрѣвъ этотъ проектъ, постановилъ утвердить его и просить ввести въ дѣйствіе, а также сообщить его председателямъ другихъ училищныхъ совѣтовъ владимірской губерніи, съ тѣмъ, не найдутъ ли они возможнымъ принять и у себя подобныя мѣры.

Важно, прежде всего, опредѣлить, въ какой мѣрѣ образъ дѣйствій шуйскаго уѣзднаго предводителя дворянства и владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта соответствуетъ закону. Положе-

ніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г. перечисляетъ всѣ случаи, въ которыхъ уѣздному предводителю дворянства предоставляется дѣйствовать отдѣльно отъ состоящаго подъ его предсѣдательствомъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Отъ соглашенія уѣзднаго предводителя съ инспекторомъ народныхъ училищъ зависитъ открытіе начальныхъ школъ, о которомъ только доводится до свѣденія училищнаго совѣта (ст. 10); отъ нихъ же зависитъ *временное* закрытіе школы (ст. 11) и *временное* устраненіе учителя (ст. 24), впредь до окончательнаго о томъ рѣшенія училищнаго совѣта. Разногласіе между предводителемъ и инспекторомъ по всѣмъ этимъ вопросамъ разрѣшается губернскимъ училищнымъ совѣтомъ (ст. 25). Предводитель дворянства посѣщаетъ, по мѣрѣ возможности, начальные училища своего уѣзда, вникая во всѣ ихъ нужды и изыскивая всѣ мѣстные способы къ ихъ удовлетворенію (ст. 38); онъ всѣми зависящими отъ него способами содѣйствуетъ поддержанію существующихъ начальныхъ училищъ и открытію новыхъ, равно какъ и правильному посѣщенію ихъ учащимися (ст. 39). При посѣщеніи училищъ онъ удостовѣряется въ нравственныхъ качествахъ преподавателей и въ полезномъ вліяніи ихъ на учащихся (ст. 40); онъ избираетъ себѣ въ помощники по школьному дѣлу, съ согласія губернскаго училищнаго совѣта, мѣстныхъ жителей, огранчивающихся, впрочемъ, сообщеніемъ ему своихъ наблюденій и предположеній (ст. 41); онъ можетъ, по всѣмъ заслуживающимъ особеннаго вниманія дѣламъ, входить въ сношенія съ попечителемъ учебнаго округа и даже съ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 42). Ни одно изъ этихъ постановленій ¹⁾ не уполномочиваетъ уѣзднаго предводителя проводить чрезъ губернской училищный совѣтъ, помимо уѣзднаго, какія-либо общія мѣры по устройству занятій въ начальныхъ школахъ. Столь же несомнѣнно и то, что губернской училищный совѣтъ, утверждая правила, составленныя предводителемъ, высылаетъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Губернской училищный совѣтъ разрѣшаетъ, по закону (ст. 32, пун. 3), представленія *уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ*, а не предсѣдателей ихъ, за исключеніемъ тѣхъ лишь случаевъ, когда дѣло переносится въ губернской совѣтъ за разногласіемъ между предсѣдателемъ и большинствомъ членовъ уѣзднаго совѣта (ст. 32, пун. 6). Постановленіе владимірскаго губер-

¹⁾ Статья 19-я положенія, возлагающая попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о *надлежащемъ нравственномъ его направленіи* на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, составляетъ только какъ бы введеніе ко всѣмъ послѣдующимъ и не даетъ предводителю дворянства такихъ правъ, которыя не принадлежали бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уѣздному училищному совѣту.

скаго училищнаго совѣта вводить совершенно новые порядки, закономъ не предусмотрѣнные или, лучше сказать, несогласные съ закономъ; оно приглашаетъ и другихъ уѣздныхъ предводителей дворянства послѣдовать примѣру шуйскаго предводителя, т.-е. прямо вызываетъ и поощряетъ превышеніе власти.

Такова формальная сторона дѣла; но еще важнѣе внутреннее его содержаніе. Извѣстно, какъ тяжело и печально у насъ вообще положеніе учащихъ въ начальныхъ школахъ, особенно сельскихъ. Ничѣмъ не обезпеченные въ будущемъ, плохо вознаграждаемые въ настоящемъ, отъ всѣхъ зависимые, лишены, сплошь и рядомъ, самыхъ элементарныхъ удобствъ жизни, они трудятся иногда съ утра до вечера, не отдыхая—если къ обычнымъ занятіямъ ихъ присоединяется еще воскресная или вечерняя школа—даже по праздникамъ. Нѣсколько облегчаетъ ихъ участь лишь одно: продолжительность вакаціоннаго времени ¹⁾, дающая имъ возможность не только хорошенько отдохнуть отъ неустанныхъ зимнихъ трудовъ, повидаться съ близкими имъ людьми, побывать на родинѣ, но и увеличить свои скудные средства какою-нибудь постороннею работой. На это единственное утѣшеніе, на эту единственную поддержку посягаютъ правила, составленныя въ Шуѣ и утвержденныя во Владимірѣ. Учители и учительницы обращаются въ своего рода *glebae adscripti*; отлучка изъ мѣста службы разрѣшается имъ только на самый короткій срокъ, половина котораго, для многихъ изъ нихъ, уйдетъ на одно путешествіе къ роднымъ и обратно. Учителю изъ крестьянъ нельзя будетъ возвратиться въ семью на все время полевыхъ работъ; невозможнымъ сдѣлается поступленіе на лѣтнія кондичіи, принятіе на себя какой бы то ни было работы (напр. по земской статистикѣ), требующей разѣздовъ или продолжительной отлучки изъ мѣста жительства. И что же будетъ этимъ выиграно для школы? Ничего или очень мало. Трудно предположить, чтобы крестьянскія дѣти стали лѣтомъ хотя бы разъ въ недѣлю собираться въ школу, заниматься гимнастикой (лѣтомъ, въ деревнѣ, гимнастика! не явный ли это плеоназмъ?), брать и читать книги. Что касается до огорода и сада, то при многихъ ли школахъ они существуютъ? А если существуютъ—благодаря, конечно, доброй волѣ учащихся, которыхъ нельзя же обратить въ садовниковъ или огородниковъ *malgré eux*, на подобіе мошеровскаго доктора,—то учащихся и самъ, вѣроятно, не подумаетъ

¹⁾ Учителя среднихъ школъ и профессора высшихъ учебныхъ заведеній поставлены во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше учащихся въ начальной школѣ; но что подумали и почувствовали бы они, еслибы вакаціонное время было ограничено для нихъ четырьмя недѣлями? Учительскій трудъ, по самому своему свойству, требуетъ продолжительныхъ и полныхъ перерывовъ.

объ отъѣздѣ на продолжительное время; любимое дѣло, требующее особеннаго ухода именно въ теплые мѣсяцы, привяжетъ его къ школѣ вѣрнѣе и лучше всякаго начальническаго предписанія... Требовать обязательной явки учителя въ церковь, вмѣстѣ съ учащимися, можно только тамъ, гдѣ церковь недалеко отъ школы. Вполнѣ достаточно, притомъ, если это требованіе исполняется въ учебное время; приучившись, подъ вліяніемъ учителя, посѣщать церковь аккуратно и держаться въ ней благоговѣйно, учащіеся не потеряютъ этой привычки и въ отсутствіе учителя, въ особенности если ее будетъ поддерживать въ нихъ законоучитель. Насколько, вообще, желательно и важно создать внутреннюю связь между учащимъ и школой, настолько бесполезно или даже вредно стремленіе привязать его къ ней насильственно, путемъ угрозъ и приказаній. Поставьте учащаго такъ, чтобы у него не было ни надобности, ни охоты оставлять школу въ лѣтнее время—но пока этого нѣтъ, не предъявляйте ему жестокой дилеммы: или уходи, или откажись отъ всего, что дѣлало сноснымъ твое существованіе. Вынужденный лѣтній трудъ учащаго неминуемо повлечетъ за собою упадокъ энергіи его въ учебное время, и школа не только ничего не приобрететъ отъ лишеній, возложенныхъ на учащаго, но, напротивъ, многое теряетъ. Усилится формализмъ, менѣе всего умѣстный въ начальной школѣ; появятся новыя „записи“ и „особыя книги“—но увеличится, зато, число отиѣтокъ, не соответствующихъ дѣйствительности. Притѣсненіе—здѣсь, какъ и вездѣ—послужитъ стимуломъ къ лицемерію и обману. Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы постановленіе владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта было отмѣнено со всѣми его послѣдствіями. Мы слышали, что управленіе московскаго учебнаго округа обратилось уже къ директору народныхъ училищъ владимірской губерніи съ вопросомъ, на какомъ основаніи совѣтъ утвердилъ единоличное мнѣніе шуйскаго уѣзднаго предводителя дворянства объ обязанностяхъ народной школы въ неучебное время... Шуйское уѣздное земское собраніе, въ которомъ, на основаніи новаго земскаго положенія, гласные отъ дворянъ составляютъ ровно половину, сочувствуетъ, повидимому, образу дѣйствій предводителя: оно постановило, какъ мы слышали, отпускать ежегодно по восьмисотъ рублей на награды учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ въ распоряженіе предводителя, которому предоставить право выдавать, по своему усмотрѣнію, награды учащимъ и тѣхъ школъ, которыя содержатся исключительно на средства частныхъ лицъ и учрежденій. Намъ сообщаютъ, что постановленіе это опротестовано губернаторомъ на основаніи пун. 1 ст. 87 полож. о земск. учрежд. 1890 года (т.-е. какъ несогласное съ закономъ).

Въ городѣ Харьковѣ, въ 1872 г., издано было городскою думою, по соглашенію съ полиціей, обязательное постановленіе о ярмарочной торговлѣ, разрѣшавшее устройство для нея балагановъ, между прочимъ, на торговой (Павловской) площади. Правительствующій сенатъ неоднократно признавалъ, что это постановленіе сохраняетъ силу впредь до замѣны его другимъ, изданнымъ въ томъ же порядкѣ. Новаго постановленія до сихъ поръ нѣтъ; между тѣмъ харьковскій полиціймейстеръ, въ августѣ нынѣшняго года, сообщилъ управѣ, что не допустить застройки Павловской площади балаганами, и распорядился перенесеніемъ на другое мѣсто одного изъ торговыхъ помѣщеній, построенныхъ здѣсь на основаніи аренднаго договора съ городской управой. Въ то же самое время полиція воспретила разнымъ лицамъ производить торговлю на отведенныхъ имъ городомъ мѣстахъ, перенесла нѣсколько построекъ, безъ соглашенія съ городскимъ управленіемъ, на новыя мѣста, уничтожила цѣлый рядъ подвижныхъ ларей, съ давнихъ поръ существовавшихъ на торговой площади. Мы слышали, что на всѣ эти дѣйствія полиціи харьковская дума постановила принести жалобу губернатору, а въ случаѣ неудовлетворенія ея—сенату. Не входя въ разборъ юридической стороны вопроса, мы не можемъ не замѣтить, что авторитетъ администраціи ни въ какомъ случаѣ не пострадалъ бы отъ меньшей стремительности мѣропріятій, отъ готовности идти рука объ руку съ городскимъ управленіемъ. Нельзя же допустить, чтобы городъ вовсе не имѣлъ голоса въ вопросахъ городского благоустройства. Они не изъяты изъ его вѣденія даже новымъ городовымъ положеніемъ, въ Харьковѣ, притомъ, еще не введеннымъ.

Административно-карательныя распоряженія высшей полицейской власти въ обѣихъ столицахъ сдѣлались, въ послѣднее время, настолько многочисленными и частыми, что перестали обращать на себя общественное вниманіе. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ далеко за обычные предѣлы административныхъ каръ. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ приказѣ спб. градоначальника, напечатанномъ въ № 288 „Новостей“. „Содержатель мясной лавки въ домѣ № 80 по Выборгскому шоссе, крестьянинъ Егоровъ, нанесъ оскорбленіе городовому Федорову, безъ всякаго съ его стороны повода, и намѣревался нанести оскорбленіе дѣйствіемъ какъ ему, такъ и околотовому надзирателю, явившемуся въ лавку для разслѣдованія дѣла, выказавъ при этомъ упорное нежеланіе подчиниться законнымъ его требованіямъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что Егоровъ и ранѣе отличался грубостью характера, признаю необходимымъ лавку его закрыть, исполненіе чего возлагаю на пристава Лѣснаго участка“. Судя по тексту приказа, единственная реаль-

ная вина Егорова заключалась въ нанесеніи городскому оскорбленію словами; тахішимъ наказанія за этотъ проступокъ—арестъ на одинъ мѣсяцъ или сторублевый денежный штрафъ (уст. о наказ., налаг. миров. суд., ст. 31). *Намѣреніе* нанести оскорбленіе, *нежеланіе* подчиниться законному требованію вовсе не составляютъ проступка, если первое не выразилось въ *покушеніи*, остановленномъ помимо воли виновнаго, второе—въ дѣйствительномъ *неисполненіи* требованія къ назначенному для того сроку. Допустимъ, однако, что на самомъ дѣлѣ со стороны Егорова было *покушеніе* на оскорбленіе дѣйствіемъ, *неисполненіе* законнаго требованія полиціи. И за то, и за другое онъ подлежалъ законной отвѣтственности, но она ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть послѣдствіемъ закрытіе его лавки, какъ потому, что эта мѣра вовсе не соотвѣтствуетъ характеру взведенныхъ на Егорова обвиненій, такъ и потому, что она вообще не принадлежитъ къ числу взысканій за проступки, подсудные мировому суду. Статья 34-я устава уголовного судопроизводства вовсе исключаетъ изъ вѣденія мировыхъ учреждений дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою закрытіе торговаго или промышленнаго заведенія ¹⁾. И это вполне понятно: закрытіе лавки или мастерской, какъ возможный источникъ невоснаградимаго имущественнаго ущерба или даже полного разоренія, должно быть примѣняемо только въ случаяхъ особенно важныхъ и съ особенною осторожностью. Уложеніе о наказаніяхъ угрожаетъ этой мѣрой или за неоднократное повтореніе извѣстныхъ проступковъ, прямо къ торговлѣ или промыслу относящихся (ст. 1174², 1175, 1176, 1390, 1399), или за открытіе безъ надлежащаго разрѣшенія или безъ принятія всѣхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности какого-либо опаснаго производства (ст. 1350¹, 1350²). Въ сферѣ административно-карательной закрытіе лавокъ, трактировъ, бань и т. п. мотивируется обыкновенно—особенно во время эпидеміи—опасностью для общественнаго здоровья. Въ оправданіе подобныхъ распоряженій можно ссылаться на неотложную необходимость, на *regiculum in toga*, хотя, конечно, и здѣсь правильнѣе было бы идти путемъ судебнымъ или хотя бы предоставлять суду *окончателное* утвержденіе мѣры, *временно* принятой администраціею. Но вѣдь *грубость* хозяина лавки не имѣетъ ничего общаго съ недоброкачественностью продуктовъ или нечистотою помѣщенія. Общественный интересъ не требуетъ, въ такихъ случаяхъ, прекращенія торговли; совершенно достаточно привлеченія виновнаго къ личной отвѣтственности по суду, если его грубость выразилась въ формѣ проступка, запрещеннаго закономъ

¹⁾ Эта статья примѣнима и къ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, въ виду ст. 162 правилъ 29-го декабря 1889 г.

подъ страхомъ наказанія. Мы помнимъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ самыя явныя нарушенія гигиеническихъ правилъ приводили только къ *временному* закрытію торговаго заведенія, впредь до устраненія замѣченныхъ недостатковъ; справедливо ли, затѣмъ, *совершенно* закрывать лавку только потому, что хозяинъ ея обидѣлъ городского и намѣревался обидѣть околоточнаго? Удобно ли дѣлать полицію судьей въ собственномъ дѣлѣ, признавая доказаннымъ, на основаніи одного только полицейскаго разслѣдованія, что обида была нанесена городскому безъ всякаго съ его стороны повода? Не развивается ли въ обществѣ, подъ вліяніемъ крутыхъ и посиѣшныхъ административныхъ мѣръ, пренебреженіе къ чужому праву? Закрытіе, гдѣ-то въ захоластѣ, какой-то мясной лавки—это, повидимому, мелочь, пустяки; но только повидимому. Не мелочь, во-первыхъ, внезапное отнятіе у человѣка, хотя бы и самаго „маленькаго“, обычныхъ средствъ къ жизни; не мелочь, во-вторыхъ, распространеніе, въ средѣ такихъ же маленькихъ или даже не совсѣмъ маленькихъ людей, чувства неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе необезпеченности самыхъ элементарныхъ благъ жизни—свободы въ выборѣ занятій и распоряженіи имуществомъ.

Какъ далеко мы шагнули назадъ въ послѣднее время, это видно съ особенною ясностью изъ газетной полемики по вопросу: сѣчь или не сѣчь? Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ обсуждался только въ примѣненіи къ дѣтямъ—и все-таки за утвердительное его рѣшеніе не высказывался почти никто; теперь онъ обсуждается въ примѣненіи къ взрослымъ людямъ—и розги находятъ защитниковъ не въ одномъ лишь „Гражданинѣ“. О, еслибы за нихъ стоялъ только кн. Мещерскій, столь неудачно доказывающій ихъ спасительную силу собственнымъ своимъ примѣромъ! Но нѣтъ: ихъ рекомендуетъ извѣстная московская газета, беззапѣтливо возвращаясь, по этому поводу, къ терминологіи „добраго стараго времени“; аргументы въ ихъ пользу черпаются изъ недавнихъ статей газеты, теперь возражающей кн. Мещерскому, или по крайней мѣрѣ изъ книги, принадлежащей сотруднику этой газеты (см. „Дневникъ“ въ № 317 „Гражданина“). Въ рѣчахъ противниковъ тѣлеснаго наказанія насъ поражаетъ иногда недостатокъ откровенности. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одинъ изъ нихъ: „есть вещи, которыя, будучи отмѣнены разъ, не могутъ быть возобновлены никогда. Теперь животныхъ перестаютъ истязать и мучить, и не можетъ быть, чтобы когда-нибудь чело-вѣка поставили опять ниже животнаго“. Эти слова были бы вполнѣ умѣстны, еслибы рѣчь шла о восстановленіи отмѣненныхъ формъ тѣ-

леснаго наказанія (кнута, плетей и т. п.); но вѣдь этого не предлагаетъ даже кн. Мещерскій, и весь споръ идетъ о розгахъ, до сихъ поръ у насъ не отиѣненныхъ. Это хорошо понимаетъ другой сотрудникъ той же газеты. „Князь Мещерскій, — замѣчаетъ онъ, — какъ будто еще самъ не увѣренъ, можно ли пороть. Очень ужъ преувеличенно-возвышенный тонъ у него. Можно подумать, что онъ говорить о недостижимомъ счастьи“. Вполнѣ справедливое замѣчаніе; но вотъ что мы читаемъ дальше у того же автора: „недавно въ судѣ, разбиравшемъ дѣло о холерныхъ безпорядкахъ, цѣлая группа мужиковъ заявила свое недоумѣніе. — Ваше благородіе, насъ уже выпороли за это, такъ не будетъ ли милости отпустить насъ... — Предсѣдатель основательно разъяснилъ: то было воздѣйствіе, а здѣсь рѣчь идетъ о наказаніи. Такимъ образомъ становится ясно, что пороть вовсе не значить наказывать. И если мужика приговорятъ къ наказанію *чуждому* (курсивъ въ подлинникѣ), аресту или штрафу, онъ съ полнымъ удовольствіемъ ляжетъ подъ розги, лишь бы *воздѣйствіе* засчиталось въ наказаніе“. И это говоритъ противникъ розогъ! Неужели онъ не видитъ, что послѣднія его слова — вода на мельницу кн. Мещерскаго?.. Если только-что приведенный разговоръ между мужиками и предсѣдателемъ суда происходилъ на самомъ дѣлѣ, онъ доказываетъ только одно — что здравый смыслъ крестьянъ подсказалъ имъ истину, выраженную въ цитированной нами недавно юридической формулѣ: *non bis in idem*. Никакой охоты ложиться подъ розги, никакого предпочтенія ихъ другимъ, „гуманнымъ“ наказаніямъ слова крестьянъ не обнаруживаютъ.

Отъ дѣйствительности, со всѣми ея печальными сторонами, утѣшительно иногда укрыться въ свѣтлую область науки. Отвратительнымъ крикамъ „Гражданина“ и неумѣлымъ на нихъ отвѣтамъ отчаянно противопоставить такіа разсужденія о тѣлесномъ наказаніи, какія мы встрѣчаемъ въ вышедшемъ недавно четвертомъ томѣ „Лекцій по русскому уголовному праву“ Н. С. Таганцева. „Сила и значеніе тѣлесныхъ наказаній, — говоритъ проф. Таганцевъ, — зависятъ отъ такихъ привходящихъ условій, которыя предвидѣть и устранить не можетъ законодатель. Такова, во-первыхъ, полная зависимость тяжести наказанія отъ исполнителя, его физической силы, въ особенности отъ его воли и желанія; во-вторыхъ, организмъ самого наказаннаго. Въ ощущеніи позора и униженія является новый, столь же мало поддающійся опредѣленію, индивидуальный факторъ: степень развитія сознанія о личномъ достоинствѣ. Но еслибы даже законодатель или судъ и были въ состояніи оцѣнить всѣ эти отѣнки, то затѣмъ возникаетъ другой, столь же трудно разрѣшаемый вопросъ: когда именно должно примѣнять это наказаніе? Слѣчь — по дѣлу или

по человѣку глядя? Естественнѣе казалось бы первое, но исторія тѣлесныхъ наказаній указываетъ иное. Вездѣ, гдѣ практиковались тѣлесныя наказанія, возникало различіе наказуемости по сословіямъ и классамъ. Вездѣ появлялся классъ избранныхъ, которыхъ не должна касаться рука палача. Тѣлесныя наказанія, какъ замѣчаетъ Спасовичъ, предназначались для черни, т.-е. для той грязной гущи народонаселенія, которую въ теченіе многихъ вѣковъ законодатель не считалъ способною къ образованію, къ сознанію чести личной, а лишь пригодною къ такой дрессировкѣ, какой подвергаютъ лошадей и собакъ посредствомъ хлыста. Едва ли нужно говорить, насколько не соответствуетъ такое сословное неравенство понятію правосудія. Нужно ли серьезно опровергать, что проѣвшійся и пропившійся потомокъ столбового рода, собирающій по дворамъ подачки, или хотя бы и титулованная, но попавшая въ списки проституированныхъ женщина, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податного сословія. Дальше почтенный авторъ указываетъ на то, что объ устрашительномъ характерѣ тѣлесныхъ наказаній не можетъ быть болѣе и рѣчи, со времени отмѣны ихъ публичности. „Чѣмъ болѣе,—продолжаетъ онъ,—падала вѣра въ устрашительность розги, тѣмъ сильнѣе обрисовывался весь вредъ этого наказанія съ точки зрѣнія пенитенціарной. Наказаніе тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ выше былъ нравственный уровень наказываемаго, такъ что для лицъ, давно утратившихъ сознаніе стыда и позора, репрессивная сила легкихъ тѣлесныхъ наказаній сводится къ нулю. Высѣченный теряетъ способность сознавать позоръ, теряетъ сознаніе своего личнаго достоинства — а поднятіе этого сознанія составляетъ одну изъ задачъ правоохранительной дѣятельности государства. Спорить противъ того, что тѣлесное наказаніе нужно сохранить въ интересахъ самихъ наказываемыхъ, такъ какъ денежное взысканіе или лишеніе свободы можетъ оказаться слишкомъ разорительнымъ наказаніемъ для неимущихъ классовъ, едва ли необходимо, ибо такой аргументъ противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ карательной политики. Если наказаніе является необходимымъ зломъ, то можно ли защищать карательную мѣру тѣмъ, что она неощутительна для наказываемаго? Не лучше ли тогда вовсе не наказывать преступника, не возбуждать противъ него дорого стоящаго государству уголовного преслѣдованія? Остается еще дешевизна тѣлеснаго наказанія для государства; но едва ли можно говорить о значеніи этого довода. Плохъ тотъ хозяинъ, который необходимый, но не произведенный расходъ зачислить на дѣйствительный приходъ“. Въ наше время подобныя страницы, когда онѣ принад-

лежать лицу высоко поставленному въ служебномъ мірѣ, могутъ быть названы по истинѣ добрымъ дѣломъ.

Другая гémінісепсе изъ прошлаго, еще недавно казавшагося окончательно забытымъ и похороненнымъ,—это выходы противъ судебной гласности, которыми разразился „Гражданинъ“ по поводу процесса Протопопова ¹⁾. Мы опять встрѣчаемся здѣсь съ старыми, отжившими понятіями о необходимости охранять авторитетъ власти, скрывая *промахи* (кулачная расправа земскаго начальника—это только „промахи“?) ея представителей. По мнѣнію кн. Мещерскаго, „губернаторъ, ясно понимающій значеніе правительственной власти, долженъ былъ ею съ тактомъ воспользоваться, чтобы промахи земскаго начальника по судамъ и газетамъ не таскать, а взыскать съ него такъ, чтобы взысканіе было дѣйствительно (т.-е. какъ же это?), а престижъ земскаго начальника, какъ представителя власти, не ронялся“. Въ данномъ случаѣ земскій начальникъ былъ преданъ суду совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ—и если министерство находило неудобнымъ разсмотрѣніе дѣла при открытыхъ дверяхъ, ничто не мѣшало ему просить министра юстиціи о закрытіи дверей засѣданія. Если оно этого не сдѣлало, то не могъ, очевидно, ходатайствовать о томъ же губернаторъ—и упрекъ въ безтактности, посылаемый по его адресу „Гражданиномъ“, падаетъ самъ собою. Не въ этомъ, однако, поучительная сторона претензій, заявляемыхъ кн. Мещерскимъ. Онѣ были бы немислимы, еслибы гласность уголовного процесса не была ограничена закономъ 12-го февраля 1887 г. Этотъ законъ предоставилъ суду закрывать двери засѣданія, если публичное изслѣдованіе подлежащихъ судебному разсмотрѣнію обстоятельствъ не можетъ быть допущено *въ видахъ охраненія достоинства государственной власти*; тотъ же законъ уполномочилъ министра юстиціи устранять, *на основаніи дошедшихъ до него свѣдѣній*, публичность засѣданія. Отсюда, съ одной стороны, возможность утверждать, что достоинство власти *можетъ* пострадать отъ разоблаченія противозаконныхъ дѣйствій ея агентовъ, съ другой стороны—возможность домогаться административнаго распоряженія, устраняющаго гласность, а слѣдовательно и возможность упрековъ за непредъявленіе такого домогательства. Въ послѣднее время сама высшая администрація нѣсколько разъ признавала полезнымъ оглашеніе обстоятельствъ, которые, съ точки зрѣнія бюрократической рутины, подлежали бы сохраненію въ строжайшей тайнѣ. Таково, напримѣръ, извѣстное заявленіе министерства путей сообщенія о злоупотребленіяхъ, раскрытыхъ въ могилевскомъ

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

окрытъ этого вѣдомства, или не менѣе извѣстное заявленіе военнаго министерства о стачкѣ трехъ крупныхъ заводовъ — путиловскаго, брянскаго и александровскаго, — угрожавшей казнѣ крупными убытками. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которыхъ подобное официальное обращеніе къ гласности приводитъ въ восторгъ и умиленіе; мы считаемъ его слишкомъ естественнымъ, чтобы видѣть въ немъ какую-то особенную заслугу — но оно возбуждаетъ въ насъ надежду, что все рѣже и рѣже будутъ встрѣчаться чрезвычайныя ограниченія публичности въ уголовныхъ процессахъ. Совершенно прекратиться они могутъ, конечно, только тогда, когда будетъ измѣненъ законъ 12-го февраля 1887 г. Интересно было бы знать, сколько разъ, со времени изданія этого закона, были закрываемы двери засѣданія (не считая дѣлъ, по которымъ гласность и прежде, на основаніи текста судебныхъ уставовъ, не допускалась) по распоряженію самого суда и по распоряженію высшей судебной администраціи?.. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ необходимо было бы, впрочемъ, опредѣлить еще одно: сколько разъ распоряженіе суда состоялось по собственной инициативѣ судей, и сколько разъ было внушено имъ со стороны или свыше.

Мы прочли недавно въ „Недѣль“ (№ 47) слѣдующее сообщеніе изъ Каргополя (олонецкой губерніи), которымъ дополняется сказанное выше, во Внутреннемъ Обзорѣ, объ отношеніи земства къ церковно-приходской школѣ. „На послѣднемъ (каргопольскомъ) земскомъ собраніи былъ поднятъ споръ о типѣ земскихъ школъ. Инспекторъ народныхъ училищъ доложилъ, что сорокъ двѣ земскія школы, стоящія ежегодно земству до 20 тысячъ рублей, обставлены довольно хорошо и сельское населеніе относится къ нимъ съ видимымъ сочувствіемъ. Инспекторомъ было выражено пожеланіе учредить еще нѣсколько земскихъ и образцовыхъ училищъ. При всемъ сочувствіи этой мысли, за неимѣніемъ средствъ, земство рѣшило ограничиться открытіемъ въ двухъ деревняхъ по школѣ грамотности. Черезъ нѣсколько дней, когда вопросъ о народномъ образованіи считался уже исчерпаннымъ, депутатъ отъ духовнаго вѣдомства¹⁾, протоіерей Стручковъ, прочиталъ (отъ имени членовъ ревизіонной совѣщательной комиссіи) докладъ о нецѣлесообразности земскихъ школъ и о необходимости преобразованія всѣхъ ихъ

¹⁾ Изъ присутствія въ земскомъ собраніи депутата отъ духовенства слѣдуетъ заключить, что въ каргопольскомъ уѣздѣ уже введено новое земское положеніе.

въ церковноприходскія. Докладъ этотъ своею неожиданностью поразилъ всѣхъ. Предсѣдатель собранія, г. Страховскій (непремѣнный членъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія), указалъ, какъ опасно ломать порядки, съ которыми народъ свыкся, и высказалъ, что не представляется никакой надобности прибѣгать къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какія рекомендуются комиссіей. Собраніе, подавляющимъ большинствомъ, отклонило предложеніе комиссіи. На прошлогоднемъ земскомъ собраніи со стороны того же протоіерея Стручкова была попытка въ указанномъ направленіи; тогда земскія школы отстоялъ бывшій инспекторъ народныхъ училищъ, г. Острогскій, убѣдившій земское собраніе, что въ 11-ти существующихъ въ уѣздѣ церковноприходскихъ школахъ (на содержаніе которыхъ отпускается отъ земства по 1.320 рублей въ годъ) ученики и ученицы не только малограмотны, но, въ большинствѣ случаевъ, плохо знакомы даже съ общеупотребительными церковными молитвами¹⁾. Нельзя не пожелать, чтобы разъ навсегда прекратились попытки поколебать существованіе земскихъ школъ—попытки, къ которымъ не даетъ никакого повода послѣдній, извѣстный нашимъ читателямъ, циркуляръ оберъ-прокурора св. синода.

Еще въ среду, 11-го ноября, Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ читалъ лекцію по каѳедрѣ русскаго языка и словесности въ здѣшней николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ болѣе 35 лѣтъ (начиная съ ноября 1856 г.); въ то же время онъ читалъ лекціи, по тому же предмету въ теченіе 25 лѣтъ, въ здѣшнемъ историко-филологическомъ институтѣ (съ 1867 г.), и состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія около 30 лѣтъ (съ 1863 г.). Въ субботу, 14-го ноября, на той же недѣлѣ, когда читалъ лекціи, А. Д. Галаховъ скончался безъ всякой болѣзни, неожиданно и для собственной семьи. Онъ родился почти вмѣстѣ съ началомъ нашего вѣка (1-го января 1807 г.), и умеръ, немного не доживъ до его конца. Имя его принадлежитъ къ самымъ популярнымъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, такъ какъ всѣ поколѣнія, начиная съ 1843 года (первый годъ изданія его „Русской хрестоматіи“, достигшей нынѣ 21-го изданія), въ теченіе цѣлаго полу столѣтія, учились родному языку и словесности по хрестоматіи Галахова¹⁾. Этотъ его трудъ, можно сказать, началъ собою новый пе-

¹⁾ Кроме того, покойнымъ изданы: „Историческая хрестоматія ц.-слав. и русскаго языка“ (1848 г.); „Историческая хрестоматія новаго періода русской словес-

ріодъ въ школьномъ преподаваніи, смѣнивъ періодъ эпохи хрестоматіи Пенинскаго, которую уже немногіе помнятъ въ настоящее время: въ противоположность ей, новая хрестоматія ввела въ учебный обиходъ матеріалы изъ современной ей новѣйшей литературы въ болѣе-шемъ количествѣ, сравнительно съ прежнимъ—и въ этомъ состоитъ ея главная заслуга, независимо отъ лучшаго литературнаго вкуса, который былъ обнаруженъ при этомъ ея составителемъ.

Кромѣ такихъ фундаментальныхъ трудовъ, А. Д. Галаховъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ различныхъ вопросовъ по филологіи и педагогіи, и помѣщалъ свои труды и замѣтки въ поврежденныхъ изданіяхъ. Укажемъ, съ своей стороны, на одну изъ такихъ его статей, помѣщенную въ нашемъ журналѣ, въ самый первый годъ его существованія, написанную имъ по поводу столѣтняго юбилея Н.М. Карамзина: „Обзоръ мыслей Н. М. Карамзина, какъ историка“ (1866 г., т. IV, стр. XXXIII). Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, покойный издалъ свои весьма интересныя воспоминанія изъ лучшей эпохи своей жизни, которая была вмѣстѣ и лучшею эпохою въ исторіи нашей современной литературы, — эпохи, извѣстной подъ именемъ „сороковыхъ годовъ“ („Историч. Вѣстн.“, 1892, янв. и февр.). Въ Москвѣ онъ провелъ около 35 лѣтъ своей жизни (1822—1856 гг.), тамъ же кончилъ курсъ въ университетѣ, по физико-математическому отдѣленію, что не помѣшало ему оказать въ послѣдствіи весьма значительныя услуги нашей учебной литературѣ по русскому языковѣденію. Долго не могъ покойный забыть московской эпохи своей жизни: „и дѣйствительно,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—жизнь въ Петербургѣ долгое время была подобіемъ сумрачной, непривѣтливой осени послѣ благо-датнаго лѣта“. Но особенно А. Д. Галаховъ любилъ мѣсто своего рожденія, рязанскую губернію, и былъ очень счастливъ, когда ему удавалось на лѣто уѣзжать туда къ роднымъ, гдѣ онъ могъ, „хоть разъ въ году, взглянуть на мѣсто своего бывшего рая“, видѣвшаго его дѣтство и юность. Продолжительная жизнь въ Петербургѣ, съ 1856 г., хорошо ознакомила съ нимъ и здѣшнее общество, и тѣ, которые имѣли случай сблизиться съ покойнымъ хоть сколько-нибудь лично,—такъ же, какъ и московскіе его друзья,—сохранять надолго о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ добра и правды.

ности“ (1861 г.); „Исторія русской словесности древней и новой“ (1868 г.), и „Исторія русской словесности“ (1879 г.), въ объемѣ гимназическаго курса.

Русская литература понесла большую потерю въ лицѣ А. А. Фета (Шеншина), скончавшагося, 72-хъ лѣтъ отъ роду, 21-го ноября. Несмотря на преклонный возрастъ, онъ не прекращалъ своей поэтической дѣятельности, пятидесятилѣтній юбилей которой былъ отпразднованъ почти четыре года тому назадъ, въ январѣ 1889 г. ¹⁾ Конечно, лучшее время его творчества давно миновало; „вечерніе огни“ его горѣли не такъ ярко, какъ „первый разсвѣтъ“—но и въ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ не мало проблесковъ блестящаго таланта. Фетъ-лирикъ, поэтъ любви и природы, долго не будетъ забытъ поклонниками чистой поэзіи.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

---

¹⁾ См. статью: „Литературный юбилей“, въ № 3 „В. Е.“ за 1889 г.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1892 году.

Въ 1892-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	257	23. Волынская .	69	45. Сибирская .	44
2. Кіевская. .	238	24. Примор. об.	66	46. Сыръ-Д. об.	43
3. Харьковск..	178	25. Тверская . .	65	47. Витебская .	42
4. Екатериносл.	159	26. Новгородск.	62	48. Терская об.	41
5. Таврическ..	130	27. Московская .	61	49. Бакинская .	39
6. Тифлисская.	129	28. Нижегород.	60	50. Ковенская .	38
7. Полтавская.	124	29. Лифляндск.	58	51. Бутанская .	38
8. Варшавск. .	109	30. Иркутская .	57	52. Могилевск..	38
9. Саратовск. .	108	31. Обл. В. Дон.	57	53. Калужская .	36
10. Черниговск.	101	32. Рязанская .	56	54. Уфимская .	36
11. Пермская. .	99	33. Вятская . .	52	55. Оренбургск.	32
12. Бессарабск.	98	34. Гродненская	51	56. Эстляндская	32
13. Курская . .	79	35. Кубанск. об.	50	57. Закасп. об.	31
14. Тамбовская.	89	36. Виленская .	49	58. Астраханск.	30
15. Казанская .	88	37. Пензенская .	48	59. Акмол. об.	28
16. Воронежск..	86	38. Ярославская	48	60. Ломжинская.	28
17. Тульская . .	78	39. Костромская	47	61. Люблинская	26
18. Орловская .	74	40. Забайк. об.	46	62. Амурск. об.	25
19. Владимірск.	73	41. Псковская .	46	63. Сувалкская .	24
20. Подольская.	72	42. Самарская .	46	64. Тобольская .	23
21. Смоленская.	71	43. Томская . .	45	65. Архангельск.	22
22. С.-Петербур.	70	44. Минская . .	44	66. Вологодская	22

67. Курляндск.	22	78. Карсская об.	14	89. Якутск. об.	6
68. Ставропол.	22	79. Дагест. обл.	13	90. Тургайск. об.	3
69. Плоцкая	21	80. Ферганская	13	91. С.-Михельск.	3
70. Енисейская	20	81. Балишская	12	92. Улеаборгск.	1
71. Эриванская	19	82. Елисаветпол.	12	93. Тавастгусск.	1
72. Петроковск.	18	83. Сѣдлецкая	12	94. Закав. окр.	1
73. Семирѣч. об.	17	84. Самарк. об.	12	95. Вазаская	1
74. Олонецкая	16	85. Вѣлецкая	8		
75. Семипал. об.	16	86. Выборгская	7		4.761
76. Нюландская	15	87. Черном. окр.	7		
77. Радомская	14	88. Уральск. об.	6		

II. Въ С.-Петербургѣ 1.380

III. Въ Москвѣ 522

IV. За границей:

Австрія	20
Америка	5
Англія	6
Болгарія	58
Германія	22
Голландія	1
Греція	2
Данія	1
Египетъ	3
Испанія	1
Италія	6
Китай	3
Португалія	1
Румынія	1
Сербія	1
Турція Европ.	1
„ Азіат.	6
Франція	26
Швейцарія	10
Швеція	2
Японія	1

177

Всего: экз. 6.840

А. Хомиховскій

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ»

въ 1892 году.

Андреевичъ, В.—Литературныя впечатлѣнія. „Жерминаль“, ром. Эм. Золя (іюль, 131).

Аниенковъ, Н. М.—Успѣхи географіи, какъ основа эмиграціи и колонизаціи (январь, 407).

Арешевъ, К. К.—Изъ недавней поездки въ тамбовскую губернію (февр., 835).—„Цвѣтущая старость“, собраніе стихотвореній А. М. Жемчужникова (окт., 879).

Бальмонтъ, К.—Мимоза, поэма Шелли (дек., 478).

Боръ, Бернсъ.—Магали, провансальская пѣснь (май, 112).

Боборыкинъ, П. Д.—Василій Теркинъ, ром. въ 4 ч. (январь, 49; февр., 494; мартъ, 5; апр., 534; май, 5; іюнь, 441).

Боткинъ, С. П.—Письма изъ Болгаріи. 1877-й годъ (мартъ, 92; апр., 807; май, 246; іюнь, 747; окт., 526; нояб., 93; дек., 603).

Брандтъ, А. Ф.—На Аѳонѣ (февр., 745; мартъ, 195; апр., 511; май, 187).—Наша первная система (сент., 262).

Булгаковъ, В.—Стихи: Изъ зимнихъ пѣсень (мартъ, 299).—На рубежѣ двухъ годовъ (апр., 805).—I. Призракъ счастья.—II. Возрожденіе природы.—III. Весенняя ночь (іюнь, 743).—I. Развалина.—II. Мимолетная дума (сент., 326).

Буслаевъ, Ф. М.—Мои воспоминанія (февр., 569; мартъ, 160).

Васильевъ, А.—Законы случайнаго и математическая статистика (окт., 630).

Величко, В. Л.—Стихи: I. Въ деревнѣ.—II. Серенада.—III. На мотивъ Микель-Анджело (апр., 758).—Изъ Микель-Анджело: I. Флоренція и изгнанники.—II. Сенать.—III. Отвѣтъ на письмо.—IV. *Santare-vivere* (май, 243).—I. Предъ разсвѣтомъ.—II. Изъ признаній.—III. Донныѣ.—IV. Отойдите, думы неотвязныя (іюль, 159).—Тамара, истор. драма кн. Церетели (окт., 577).

Венгерова, Зина.—Поэты-символисты во Франціи (сент., 115).

В — иъ, А.—Валеріанъ Майковъ (февр., 810).—Вопросы общественнаго образованія (іюль, 355).—Теорія народничества (окт., 704).—Внѣшнія условія литературы (нояб., 280).—

Волконскій, кн. С. М.—Художественное наслажденіе и художественное творчество (іюнь, 657).

Герье, В. И.—Торжество теократическаго начала на западѣ: Папа Иннокентій III (январь, 5; февр., 461).—Францискъ Ассизскій (май, 86; іюнь, 519).—Катарина Сиенская (сент., 5; окт., 429).

Гессенъ, В.—I. Стихи: Подражаніе псалму ХСІ.—II. Если могучее солнце.

—III. У яркихъ звѣздъ.—IV. Небо лазурью сверкало. — V. Побѣжденный вѣтъ (январь, 324). — I. Лѣтняя ночь.—II. Только тамъ, гдѣ море мелко.—III. Изъ восточныхъ притчъ.—IV. Вънокъ изъ лнлій.—V. Жизнь.—VI. Зарница (февр., 192). — I. Ливень. — II. Море (июль, 351).

Гриневичъ, Т.—Народная медицина (авг., 806).

Д.—Новый трудъ о Петровской реформѣ (авг., 819).

Дингельштедтъ, Н. А.—Поземельныя недоразумѣнія въ Туркестанѣ (июнь, 768).—Наша колонизація въ Средней Азій (нояб., 231).

Джонстонъ, Вѣра.—Въ ирландской глуши, пов. (авг., 571).

Е.—L'Aggabbia, П. Гейзе (июль, 276).

Жемчужниковъ, А. М.—Стихи: Не сиѣша, мѣняйтесь, картины, (январь, 172). —I. Новая вариация на старую тему.—II. Я помню дни (мар., 365).—Деревья: I. Весна.—II. Послѣ кратковременнаго отсутствія.—III. Новая бѣда (окт., 769). —Н. А. Ж-ой (дек., 756).

Жирковичъ, А. В.—Противъ убѣжденія, рассказъ (мар., 130).

И-ва, З.—Столпы общества, др. въ 4-хъ д., Г. Ибсена (июль, 46).—Шелли и столѣтній его юбилей (авг., 794).

Ивановскій, И.—Конституціонализмъ и кн. Бисмаркъ (июнь, 613).

Ивашевичъ, Як.—Изъ грузинской поэзіи: I. Любовь—божественный заветъ.—II. Переселенцы (май, 342).

Исаевъ, А. А.—По вопросу о конверсіи государственныхъ займовъ (апр., 824).

Кар., Ник.—Приподнятая завѣса, рассказъ (январь, 187; февр., 595).

Каренинъ, Влад.—Изъ дѣтскаго міра. Этюды: I. Забыла!—II. Своею дорогою (июнь, 546).

Картанцовъ, Е. Э.—Наше законодательство о народномъ продовольствіи (февр., 628).

Ковалевскій, М. М.—Англоманія и Американофильство во Франціи XVIII-го вѣка (нояб., 5; дек., 445).

Ковалевская, С. В.—Посмертное стихотвореніе (февр., 832).

Коростовецъ, П.—Образованіе въ Китаѣ (сент., 172).—Сельское хозяйство и культура чая въ Китаѣ (дек., 743).

Ладыженскій, В. Н.—Стихи: I. Сегодня въ облакахъ.—II. Когда зимой (январь, 228). — I. Памяти ребенка.—II. Я помню дни (мар., 344).

Лунинъ, Р. М.—Блѣсъ Паскаль (январь, 122).

Маминъ, Д. Н.—Любовь, рассказъ (дек., 518).

Мережковский, Д. С.—Антигона, траг. Софокла (апр., 457).

Михайлова, Ф. Н.—Стихи: Машинистъ, поэма Ф. Коппе (февр., 785).—Венгерскіе поэты: I. Изъ Петёфи.—II. Изъ А. Сабо (июнь, 654).—На мотивъ Теннисона, стих. (авг., 791).—I. У моря.—II. Ты не любишь меня (окт., 750).—Изъ Теннисона: I. Двѣ сестры.—II. Лэди Клэра Веръ-де-Веръ (нояб., 131).—Обреченныя, изъ Ф. Коппе: 1. Мать-кормилица. 2. Нечистые цвѣты. 3. Блѣдная женщина (дек., 739).

Наумовъ, Н.—Въ глухомъ мѣстечкѣ, рассказъ (нояб., 36).

Нежданова, Л.—Подъ „Ивана Постнаго“, разск. (июль, 215).

Ф.—Обороты и операціи казны въ 1890 г. по отчету государственнаго контроля (январь, 362).—Государственная роспись на 1892 г. (февр., 871). — По исполненію государственной росписи на 1891 г. (май, 365).—Наша вѣтшняя торговля въ 1891 г. (окт., 812). — Исполненіе государственной росписи за 1891 г. (дек. 778).

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.—Религія индусовъ въ эпоху вѣдъ (апр., 662; май, 217).

Петрушевскій, А. П.—Русская Ривьера. Крымскіе очерки и замѣтки (апр., 620).

Мелетаева, О. — По вопросу о при-
знаніи бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ (мар.,
370).

Итницкѣ, В. — Буддизмъ въ Забай-
кальѣ (январь, 173).

Ишенинъ, А. Н. — Русская народность
въ Сибири (январь, 276). — Шестнадцатый
вѣкъ и реформа (февр., 722). — П. В.
Анненковъ (мар., 301). — Теорія обще-
славянскаго языка (апр., 762; май, 302).
— Иранскіе источники русской былинны
(іюнь, 702). — Новыя изысканія въ на-
родной старинѣ (авг., 722). — Два сло-
варя русскаго языка (сент., 283). — Ка-
занская духовная академія (дек., 693).

Р. — „Возвратные“ переводы на рус-
скій языкъ въ „Московскихъ Вѣдомо-
стяхъ“ (мар., 402).

Резовъ, А. — Оригинальныя мѣста
(сент., 239).

Саломонъ, А. Н. — Личное совершен-
ство и гражданская жизнь (іюнь, 571).

С., Л. — Война въ романѣ Золя
(сент., 329).

Сленинскій, Л. З. — Нашъ торговый
балансъ (февр., 792). — Лжепротекціо-
низмъ и его результаты (мар., 346;
апр., 742). — Экономическая программа
(май, 345). — Новые матеріалы для ста-
раго спора (авг., 754). — Французскія и
нѣмецкія идеи о войнѣ (окт., 753). —
Эрнестъ Ренанъ (нояб., 332; дек., 757).

Слѣпцовъ, П. А. — Катерина — боль-
ная, очеркъ (апр., 650).

Сокеловскій, Н. М. — Исторія одного
хозяинства и крестьянскій банкъ (январь,
327).

Соловьевъ, Вл. С. — Стихи: Тамъ, гдѣ
семьей столпились ивы (авг., 752). —
Зачѣмъ слова? (окт. 811). — Мнимыя и
дѣйствительныя мѣры къ подъему на-
роднаго благосостоянія. Очеркъ (нояб.
353). — Вопросъ о „самочинномъ ум-
ствованіи“ (дек., 863).

Сѣверовъ, Н. — Въ глубь жизни,
разск. (сент., 144).

С., О. — Двадцатипятилѣтіе нашихъ
государственныхъ бюджетовъ (авг., 834).

Таганцевъ, Н. С. — Последнее двадца-
типятилѣтіе въ исторіи уголовного
права (дек., 818).

Темловъ, В. А. — Кылычъ-Алай (іюль,
163; авг., 628).

Тихомировъ, В. А. — Ботаническіе
сады тропиковъ (іюль, 228).

Т., О. — Гогія-пѣвецъ, перев. съ груз.,
кн. Церетели (сент., 697).

Трубецкой, кн. С. Н. — Разочарован-
ный славянофилъ (окт., 772).

Утинъ, Е. Н. — Гамбетта (нояб., 136;
дек., 488).

Ф., С. — Конецъ дневника (сент., 57).

Фругъ, С. — Стихи: I. Не имщегъ. —
II. Закатъ горѣлъ (май, 215).

Х. — У источника. Наброски и встрѣ-
чи (окт., 497).

Шапиръ, О. А. — Вернулась!.. рассказъ
(май, 115).

Шепрокъ, В. Ш. — Н. В. Гоголь, въ
періодъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“
(іюль, 5; авг., 519).

Шуфъ, В. — Бакианъ, поэма (авг. 477).

Языковъ, М. Д. — Стихотворенія
(авг., 815).

Я., Р. — Новыя движенія среди рус-
скихъ галичанъ (нояб., 258).

Э., А. — Вилетта Меріанъ, ром. Ог.
Филона, съ франц. (январь, 230; февр.,
679; мар., 238). — Виноградики Наву-
ея, ром. Сомервилля и Росса, пер.
съ англ. (апр., 702; май, 268; іюнь,
587). — Джерардъ, ром. м-съ Брэддонъ
(іюль, 293; авг., 677; сент., 188; окт.,
656; нояб., 180; дек., 645).

Хроника.

I. Внутреннее Обзорѣніе.— Общая характеристика минувшаго года. — Правительственныя мѣры по обеспеченію народнаго продовольствія. — Дѣятельность нижегородской губернской продовольственной комиссіи. — Рѣчь нижегородскаго губернатора при открытіи губернскаго земскаго собранія. — Постановленія Особаго Комитета. — Циркуляръ саратовскаго губернатора (*Январь, 374*). — Кончина Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. — Вѣдомость о положеніи продовольственнаго дѣла. — Народъ и государство. — Голодъ или „обостренная нужда“? — Газетный обвинительный актъ противъ земства. — Нападенія на земскую статистику. — Журналы нижегородской продовольственной комиссіи. — Переимѣна въ управленіи министерствомъ путей сообщенія (*Февраль, 451*). — Положеніе продовольственнаго дѣла въ январѣ 1892 г. — Вопросъ объ обязательныхъ общественныхъ запашкахъ и вообще объ обязательномъ крестьянскомъ трудѣ — Последняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Экономическія нужды петербургской губерніи. — Организациа земскаго экономическаго дѣла въ московской губерніи. — Отвѣтъ „Новостямъ“. — Переимѣна въ личномъ составѣ высшаго управленія мин. путей сообщенія (*Мартъ, 380*). — Программа вопросовъ, относящихся къ заповѣдности дворянскихъ имѣній. — Указъ 1714 г. объ единонаслѣдіи, какъ основаніи дворянскихъ ходатайствъ по этому предмету. — Вопросы объ условіяхъ учрежденія заповѣдныхъ имѣній. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1 марта (*Апрѣль, 389*). — Земскія изслѣдованія о причинахъ, обострившихъ влияние неурожая. — Исторія продовольственной организации въ лукояновскомъ уѣздѣ. — Общія заключенія, къ которымъ эта исторія приводитъ. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1-му апрѣля. — Приостановка переселенческаго движенія (*Май, 372*). — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1888 и 1889 г. — Русскій народъ и русское общество. — „Привилегія“ раскольниковъ. — Штундизмъ и „панковщина“. — Католицизмъ и лютеранство. — Организациа добровольческаго надзора надъ сектантами. — Слухи о предположеніяхъ комиссіи Н. С. Абазы. — Вопросъ о сенаторскихъ ревизіяхъ. — Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1-му мая (*Юнь,*

806). — Правительственное сообщеніе о ходѣ продовольственнаго дѣла, и правительственныя предположенія по этому предмету. — Разногласіе въ средѣ нижегородской продовольственной комиссіи по вопросу объ организации продовольственнаго дѣла. — Толки о подоходномъ налогѣ. — Вѣды на урожай озимыхъ хлѣбовъ (*Юль, 401*). — Двадцатипятилѣтіе нашихъ государственныхъ бюджетовъ. — О. С. (*Августъ, 834*). — Новое городовое положеніе и отзывы о немъ въ печати. — „Постепенное развитіе“ или коренная переимѣна? — Главныя различія между окончательнымъ текстомъ новаго закона и первоначальнымъ его проектомъ. — Неудачная апологія. — Циркуляръ о способѣ возврата продовольственныхъ ссудъ. — Новыя законодательныя мѣры (*Сентябрь, 349*). — Кончина митрополита Исидора. — Переимѣна въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія. — Правила объ упрощенномъ городскомъ управленіи и о городскихъ сѣткахъ. — Правила о военномъ положеніи. — Вопросы, относящіеся къ дѣятельности земскихъ начальниковъ (*Октябрь, 825*). — Отголоски, не соответствующіе звуку. — Жалобы „Гражданина“ на зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора. — Рѣчь г. Дерожинскаго и запрѣтъ на крестьянское пиво-вареніе. — Вопросъ о назначеніи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. — Два способа производства городскихъ выборовъ (*Ноябрь, 362*). — Оскуднѣе земскихъ кассъ. — Государственный кредитъ, какъ единственная правильная форма помощи земству. — Возможныя послѣдствія закрытія земскихъ школъ. — Процессъ въ харьковской судебной палатѣ. — Юридическое и бытовое превращеніе власти (*Декабрь, 795*).

II. Иностранное Обзорѣніе. — Политическія событія 1891 года. — Взаимныя отношенія великихъ державъ и франко-русскій союзъ. — Политическія дѣла въ Германіи и нѣмецкое общественное мнѣніе. — Старый и новый канцлеръ. — Торговыя трактаты и ихъ значеніе. — Положеніе дѣлъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. — Дополнительные свѣденія о бернскомъ конгрессѣ географовъ (*Ян., 395*). — Парламентскіе и политическіе вопросы въ Пруссіи. — Новый законопроектъ о народныхъ школахъ,

его достоинства и недостатки. — Польскій вопросъ въ Познани и его особенности. — Французскія дѣла. — Жалобы „Славянскихъ Извѣстій“ на несочувствіе къ нимъ австрійскихъ властей (*Февраль*, 886). — Переимѣна министерства во Франціи. — Вопросы внѣшней политики и внутреннія французскія дѣла. — Политическія партіи и религіозный вопросъ. — Возможныя послѣдствія кризиса. — Пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, по поводу военныхъ злоупотребленій. — Застольная рѣчь имп. Вильгельма II (*Мартъ*, 405). — Особенности новѣйшаго рабочаго движенія въ Германіи. — Паденіе школьнаго закона и министерскій кризисъ. — Новые министры и старій „курсъ“. — Стачка углекоповъ въ Англіи. — Болгарскія и сербскія дѣла. — Новый органъ нашего славянофильства „Славянское Обозрѣніе“. — Идеи г. Будиловича и В. И. Ламанскаго (*Апрѣль*, 858). — Празднованіе перваго мая въ рабочемъ населеніи западной Европы. — Характеръ и смыслъ этого праздника. — Попытки крайнихъ элементовъ рабочаго движенія. — Анархисты и динамитныя покушенія. — Дѣйствительная роль динамитчиковъ во Франціи и въ другихъ странахъ. — Министерскій кризисъ въ Италіи (*Май*, 395). — Особенности политическаго настроенія въ Германіи. — Причины существующаго недовольства. — Личныя дѣйствія Вильгельма II и необходимыя уступки общественному мнѣнію. — Агітація по поводу дѣлъ Кунце и Лука. Избирательное движеніе въ Англіи. — Министерскіе кризисы въ Италіи и Греціи (*Іюль*, 829). — Свиданія въ Килѣ и въ Нанси. — Путешествіе князя Бисмарка. Заявленія бывшаго канцлера и ихъ особенности. — Критическія замѣчанія его о политикѣ Вильгельма II и объ отношеніяхъ съ Россіею. — Вѣнскіе поклонники кн. Бисмарка. — Русскій ораторъ въ Клермонъ-Ферранъ (*Іюль*, 420). — Политическіе результаты англійскихъ выборовъ. — Дѣятельность Гладстона и его противниковъ. — Эпизоды избирательной кампаніи. — Князь Бисмаркъ и генералъ Каприви. Отношеніе бывшаго канцлера къ парламентаризму. — Процессъ Каравелова и значеніе его для Болгаріи. — Г. Стамбуловъ и „Московскія Вѣдомости“ (*Августъ*, 860). — Либеральное министерство въ Англіи. — Политическая дѣятельность Гладстона. — Кабинетъ лорда Сольсберн и его значеніе. — Парламентскія пренія и новые министры. — Болгарскіе „документы“. — Еще о г. Стамбуловѣ (*Сентябрь*, 374). — Международная равнѣ и ея неизбежные результаты. — Чувство солидарности передъ опасностью холерной эпидеміи. — Вопросъ о международныхъ мѣрахъ са-

нитарной охраны, и разсужденія нѣмецкихъ газетъ по этому предмету. — Недовольство нѣмецкихъ патриотовъ нѣкоторыми особенностями „новаго курса“ въ Германіи. — Франкофильскія демонстраціи въ Генуѣ и ихъ значеніе. — Французскія дѣла (*Октябрь*, 846). — Особенности французской политической жизни и вопросъ о Кальвиньякѣ. — Стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Кармо. — Соціальный вопросъ во Франціи. — Внутреннія дѣла въ Италіи и Австро-Венгріи (*Ноябрь*, 382). — Политическія дѣла въ Европѣ. — Настроеніе германской печати и новыя военные законопроекты. — Вопросъ объ Эльзасѣ. — Полемика о „подѣлкѣ“ денегъ въ 1870 г. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Динамитные взрывы и законы о печати. — Разоблаченіе по дѣлу панамскаго общества, и паденіе кабинета Лубэ. (*Декабрь*, 830).

III. Литературное Обозрѣніе. — Национальная система политической экономіи, Фр. Листа. — Л. С. — А. Харузинъ. По поводу брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ“. — Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. росс. при москв. университетѣ. — А. П. (*Январь*, 418). — „Помощь голодающимъ“. Научно-литературный сборникъ, изд. „Русскихъ Вѣдомостей“. — П. В. Анненковъ и его друзья, т. I. — А. П. — Новыя книги и брошюры (*Февраль*, 902). — Памятники древней русской письменности смутнаго времени, т. XIII. — „Историческое Обозрѣніе“, т. III. — Черная вѣра, Д. Банзарова, п. р. Г. Н. Потанина. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. I. — Историческія чтенія М. Масперо. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 5. — А. В. — Толковій тарифъ, Д. Менделѣева, вып. 2 и 3. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (*Мартъ*, 416). — М. Бобринскій, Очеркъ исторіи Польши, перев. Н. И. Карѣва. — Вл. Штейнъ, Графъ Джакомо Леонарди. — С. М. Середонинъ. Сочиненія Дж. Флетчера. — А. В. — Г. Е. Афанасьевъ, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (*Апрѣль*, 874). — Сочиненія Н. В. Гоголя. Дополн. томъ, вып. I. — Очерки Гоголевскаго періода, изд. М. Чернышевскаго. — Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншѣва. — Кіевскій Сборникъ, п. р. И. Луцинскаго. — А. П. — Новыя книги и брошюры (*Май*, 405). — Книга о книгахъ, п. р. И. И. Анжуа. — Собѣстіанскій, И. М., Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. — Докучаевъ, проф. В. В., Наши степи прежде и теперь. — А. В. — Новыя книги

и брошюры (*Июль, 848*). — Памятная книжка воронежской губернии на 1892 годъ. Вып. второй. — М. А. Дикаревъ, Воронежскій этнографическій Сборникъ. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. — Пермскій край. Сборникъ свидѣній о пермской губернии, издаваемый пермскимъ губ. стат. комитетомъ, подъ редакц. д. члена-секретаря комитета Смышляева. Томъ первый. — Очерки по исторіи византійской образованности, О. Успенскаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Июль, 431*). — Исторія запорожскихъ казаковъ. Д. Эварницкаго. — Сибирь какъ колонія. 2-е изданіе, Н. Ядринцева. — Россія и Востокъ, царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, П. Парлинга. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Августъ, 878*). — Сочиненія Гете, изд. Гербеля, 2-е изд. подъ редакціей П. И. Вейнберга. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, книга шестая. — Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. томъ 4-й. — Сборникъ матеріаловъ для статистики Сирь-Дарьинской области. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Сентябрь, 386*). — Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 4, гр. И. Толстого и Н. Кондакова. — А. Сорель, Европа и французская революція, т. 1. — И. Я. Львовъ, Новое время, новыя пѣсни. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Октябрь, 861*). — Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, Н. Покровскаго. — Очерки исторіи русской цензуры, А. М. Сябичевскаго. — Критическія статьи, изд. М. Н. Чернышевскаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Ноябрь, 396*). — Опытъ русской историографіи, В. С. Иконникова, т. 1, кн. 1 и 2. — Всеобщая исторія литературы. В. О. Корша, п. р. А. Кирпичникова, вып. 27 и 28. — Историческая географія Европы, Эд. Фримава, т. 1 и 2. — Биографія А. И. Коселева, т. II, Н. П. Колупанова. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Декабрь 846*).

IV. — Новости иностранной литературы. — I. Le socialisme moderne, par M. Block, membre de l'Institut. — II. Die Lügen unserer Socialdemokratie, von H. Blum. — Л. С. (*Январь, 436*). — I. La femme du vingtième siècle, par J. Simon. — II. Histoire des doctrines économiques, par A. Espinas. — Л. С. (*Февраль, 912*). — I. Le pessimisme, par L. Jouvin. — II. L'avenir de l'Europe, par C. E. Vigoureux. — Л. С. (*Мартъ, 435*). — I. Religion, par G. de Molinari. — II. Agnosticisme, par E. de Roherty. — III. Kaiser Wilhelm II und seine Leute. — Л. С. (*Апрѣль, 894*). — I. La démocratie

libérale, par E. Vacherot. — La Transcaucasie et la péninsule d'Archeron, par C. Guilbenkian. — Л. С. (*Май, 424*). — I. La morale dans l'histoire, par R. Lavoie. — II. La femme au point de vue du droit public, par M. Ostrogorsky. — Л. С. (*Июль, 861*). — I. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. — II. La papauté, le socialisme et la démocratie, par A. Leroy-Beaulieu. — Л. С. (*Июль, 446*). — I. Leon. Tolstoj, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung. Von Raphael Löwenfeld, Erster Theil. — К. - д. — II. Paul Desjardins. Le devoir présent. — Л. С. (*Августъ, 890*). — I. Socialdemokratischen Zukunftsbilder. Frei nach Bebel. Von Eugen Richter, Mitglied des Reichstages. — II. La législation internationale du travail, par Paul Boileau. — Л. С. (*Сентябрь, 406*). — I. Ferdinand de Hénaut, par P. Laffitte. — II. Triple alliance et Alsace-Lorraine, par J. Heimweh. — Л. С. (*Ноябрь, 412*).

V. Изъ Общественной Хроникъ. — Декабрскія сессіи губернскихъ земскихъ собраній. — Нѣчто о докторскихъ „дошечкахъ“ и о желѣзнодорожныхъ буфетахъ. — Опасный избытокъ усердія. — Неожиданный результатъ недавняго сноса. — Церковная школа и г. Горбовъ. — Двадцатипятилѣтіе дѣятельности В. А. Манаскина и А. М. Унковскаго. — Начало дѣла въ дѣлшней Думѣ о мужѣ (*Январь, 441*). — Газетный походъ противъ частной помощи и даровой раздачи хлѣба. — Формула: сачеат consules, въ новѣйшей передѣлкѣ гг. Шатокина, Семеновича и К°. — Взаимное отношеніе государственной и частной помощи. — Странный эпизодъ, связанный съ диспутомъ г. Гилярова (*Февраль, 916*). — Минувала ли крайняя нужда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ? — Организація помощи въ одной изъ волостей николаевскаго уѣзда. — Различныя виды помощи и ихъ сравнительное значеніе. — „Гражданинъ“ въ новой для него роли. — Земскіе выборы по новому закону. — Тридцать-первая годовщина 19-го февраля. — О. Л. Барыковъ †. — Окончаніе дѣла по хлѣбной операціи въ городской Думѣ (*Мартъ, 440*). — Признаки нужды въ главной области неурожаа. — „Крикуны“ на сельскихъ сходахъ. — Новыя обмолки реакціонной прессы. — Тверское губернское земство и „интересы мѣстнаго населенія“. — Саратовскій инцидентъ и разложеніе его толкованія. — Новый перлъ добровольческаго усердія. — М. И. Самевскій † (*Апрѣль, 899*). — Новый видъ „откровеннаго направленія“. — Прововѣдники „казенности“ и „подчиненности“. — Борьба

противъ „формъ“, ограничивающихъ „усмотрѣніе“. — Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей. — Графиня Е. В. Саллясъ † (Май, 428). — Последний фазисъ труднаго періода. — Отчетъ уполномоченнаго Особого комитета по губерніямъ тамбовской и казанской. — Разные виды частной помощи голодающимъ. — Продолженіе „лукояновской исторіи“ и вызванная ею полемика съ „Гражданиномъ“. — Авторитетное свидѣтельство о разнѣрахъ прошлагодняго бѣдствія. — По вопросу объ экзаменахъ. — Отставка городского головы въ Петербургъ. — Н. Е. Петропавловскій (Корниль) † (Іюль, 867). — „Еврейская колонизаціонная ассоціація“. — Проектируемая „общественная крестьянская лавка“. — Еще о „лукояновской исторіи“. — Отчетъ уполномоченнаго Особого Комитета по пензенской губерніи. — Воспоминанія присяжнаго засѣдателя изъ сотрудиниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (Іюль, 462). — Очеркъ хода пяти холерныхъ пандемій нынѣшняго вѣка и выводъ изъ него: борьба съ холерою должна быть международнымъ дѣломъ. — Отсталость нашихъ городовъ въ благоустройствѣ и причины того. — По вопросу о необходимости экстраординарныхъ мѣръ. — По поводу астраханскихъ и саратовскихъ звѣрствъ. — Отвергъ „Московскихъ Вѣдомостей“. — О предложеніи гг. гласнымъ здѣшной Думы. — Печальное положеніе дѣла „городскихъ“ училищъ (Августъ, 895). — Дальнѣйшій ходъ холерной эпидеміи. — Вопросы о „подчиненности“ и о „фальшивой гуманности“. — Различная административная практика по отношенію къ способамъ предупрежденія безпорядковъ. — Нѣчто о „либерализмѣ“ и о панегирикахъ. — „Жестокіе нравы“ (Сентябрь, 416). — Судебное разбирательство по дѣлу о безпорядкахъ въ тамбовскомъ уѣздѣ. — Главныя причины безпорядковъ, насколько онѣ обнаружены этимъ процессомъ. — Земскіе выборы и земскія собранія на почвѣ положенія 1890 г. — Кое-что объ излюбленнымъ и не-излюбленнымъ людямъ. — Смерть Ревана (Октябрь, 886). — Положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ прошлагодняго неурожая. — Письмо госпожи Сѣровой о селѣ Судоселѣ. — Земство и школы грамотности. — Школа или мѣръ къ увеличенію „престижа“ власти? — Интересный процессъ. — Характеристика двухъ газетъ (Ноябрь, 418). — „Раздута“ ли у крестьянъ „аппетитъ на казенныя пособія“? — Л. Н. Толстой о положеніи восточныхъ уѣздовъ тульской губерніи. — Походъ противъ вѣжливаго времени въ начальныхъ школахъ въ г. Шуѣ. — Административныя мѣропріятія въ Харьковѣ. — Печальная газетная полемика и утѣшительное слово

наукъ. — А. Д. Галаховъ и А. А. Фетъ † (Декабрь, 869).

VI. Библиографическій Листокъ. — Всеобщая исторія, Г. Вебера. т. XIV. — Исторія англійскаго народа, Дж.-Рич. Грина, т. I. — Очеркъ теоріи государственнаго кредита, А. Залшунина. — О сельскомъ хозяйствѣ, В. Д. Кренке. — Русскій Календарь на 1892 г. А. Суворина. — Наука о мысли, М. Мюллера, перев. В. В. Чуйко. — А. С. Гольтвейзеръ, Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи (Январь). — Сочиненія С. О. Шаранова, кн. 1. — Исторія русской этнографіи, А. Н. Пыпина, т. IV. — Фабричная гигиена, В. В. Святловскаго. — Душа женщины, Ф. Фендта. — Сinee знамя, разсказъ М. Гранстремъ. — С. В. Ковалевская, А. Столѣтова, Н. Е. Жуковскаго и Н. А. Некрасова (Февраль). — По Египту и Палестинѣ, Е. Э. Карташова. — Педагогическія сочиненія В. Я. Стоюнина. — Изъ эпохи великихъ реформъ. Гр. Джамшьева. — Въ Сербіи, Г. И. Бобрикова. — Адресная Книга г. С.-Петербурга на 1892 годъ (Мартъ). — Гр. А. К. Толстой, Князь Серебряный, роскоши. изданіе. — Имп. Марія Феодоровна, т. I, К. С. Шумигорскаго. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза, п. р. К. К. Арсеньева и О. О. Петрушевскаго, т. V, а. — А. Г. Лякидъ, Въ океанѣ звѣздъ. — А. В. Яворовскій, Сказки попугая. — Л. Бертенсона, Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала (Апрѣль). — Стихотворенія А. М. Жемчужникова. — О сношеніяхъ Россіи съ Франціей, П. В. Безобразова. — Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ, Э. К. Ватсона. — Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 81. — Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій, т. I, II и III (Май). — Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. — Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, М. Корелина. — Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, т. IX. Состав. Ф. Мартенсъ. — Фортунатовъ, А., и В. В., Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. — Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 годъ (Іюль). — Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки Е. И. Утина. — Собраніе сочиненій Гете, второе изданіе, п. р. П. И. Вейнберга. — Дж.-Рич. Гринъ, Исторія англійскаго народа, т. III, перев. П. Николаева. — Сорель, А., Европа и французская революція, т. I и II съ предисл. Н. И. Карѣева (Іюль). — А. С. Ионинъ. По Южной Америкѣ. Въ двухъ томахъ. Изданіе „Русскаго Вѣстника“. — Активъ

ный прогрессъ и экономическій материализмъ. Соціологическій этюдъ П. Николаева. — Г. Гефдингъ, проф. копенгагенскаго университета. Очерки психологін, основанной на опытѣ. Пер. съ нѣмец. — Слѣва Россійская. Комедія 1724 г., съ предисл. М. И. соколова. — Педагогическій Календарь на 1892—93 годъ. Годъ третій. Составилъ В. А. Воскресенскій (*Августъ*). — М. И. Галаганъ. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основы. — Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры. Д-ра В. Гольмстена. — Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. — К. Головинъ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе (*Сентябрь*). — Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. VI. — Архивъ кн. О. А. Куракина, кн. III. Біографія А. И. Кошелева, т. II. — Вопросы дѣла и жизни, В. Гольцева. — М. В. Безобразова. Философскіе этюды (*Октябрь*). — Кредитъ для земствъ и городовъ, М. Я. Герценштейна. — Жизнь животныхъ, А. Э. Брэма. Т. I. — Исторія западной Европы въ новое время, Н. И.

Карѣва, т. II. — Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки, Дж. Уинсора. — Суворовъ, Н. А. Орлова. — Записная книга на 1893 г., изд. К. Риккера (*Ноябрь*). — Основы и предѣлы самоуправленія М. И. Свѣшниковъ. — Методика грамоты, І. Паульсона. — Современныя задачи нравственнаго воспитанія К. Н. Яроша. — Поземельный кадастръ, О. Горбъ-Романъевича. — (*Декабрь*).

VII. Извѣщенія. — О сѣздѣ по пожарному дѣлу въ Россіи (*Январь, 459*). — I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. — II. Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества (*Мартъ, 455*). — Отъ Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1898 г. (*Іюль, 475; августъ, 909*). — Отъ Россійскаго Общества Пчеловодства (*Октябрь, 897*). — I. Отъ Комиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ въ Москвѣ. — II. Отъ Спб. Общества архитекторовъ въ Спб. о первомъ сѣздѣ русскихъ зодчихъ. — III. Уставъ Спб. Общества пособія потерпѣвшимъ отъ пожарнаго бѣдствія въ С.-Петербургѣ (*Ноябрь, 434*).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОВЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1892.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
АНГЛОМАНИЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО во Франціи XVIII-го вѣка. — Очерки. — I-III. — М. М. КОВАЛЕВСКАГО	5
Въ глухомъ мѣстечкѣ. — Разсказъ. — Н. НАУМОВА.	36
Письма С. П. Боткина изъ Волгаринъ—1877 г.—43-48	93
Изъ Теннисона. — I. Дѣв сестры, баллада. — II. Лэди Кэвара Веръ-де-Веръ. — О. МИХАЙЛОВОЙ	132
Гамбетта. — Первое десятилѣтіе французской республики. — Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta. — Е. И. УТИНА.	136
Джигардъ. — Романъ въ двухъ частяхъ, м съ Бреддонъ. — Часть вторая: VII-XI. — Съ англійскаго. — А. Э.	180
Наша колонизація въ Средней Азии. — Русскіе поселки въ Туркестанѣ. — Н. А. ДИНГЕЛЬШТЕДТА.	231
Новыя движенія среди русскихъ галичанъ. — Р. Я.	258
Важныя условія литературы. — Очерки исторіи русской цензуры (1700—1868 г.), А. М. Скабичевскаго. — А. В.—НѢ	280
Стихотворенія. — I. Микель Анджело. — II. Пареевъ. — Д. МЕРЕЖКОВСКАГО.	328
Эфемеръ Ренанъ. — Очеркъ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	332
Хроника. — Мнѣнія и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія. — В. Л. С. СОЛОВЬЕВА	353
Внутреннее Овозрѣніе. — Отголоски, не соответствующіе звуку. — Жалобы „Гражданина“ на зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора. — Рѣчь г. Держинскаго и запретъ на крестьянское пивовареніе. — Вопросъ о назначеніи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. — Два способа производства городскихъ выборовъ	362
Иностранное Овозрѣніе. — Особенности французской политической жизни и вопросъ о Кальвиннѣхъ. — Стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Кармѣ. — Соціальныя вопросы во Франціи. — Внутреннія дѣла въ Италіи и Австро-Венгріи	382
Литературное Овозрѣніе. — Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, Н. Покровскаго. — Очерки исторіи русской цензуры, А. М. Скабичевскаго. — Критическія статьи, изд. М. Н. Чернышевскаго. — А. В. — Новыя книги и брошюры	396
Новости иностранной литературы. — I. Ferdinand de Hénaut, par P. Laffitte. — II. Triple alliance et Alsace-Lorraine, par J. Heimweh. — Л. С.	412
Изъ Ообщественной Хроники. — Положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ прошлагодняго неурожаа. — Письмо госпожи Сѣровой о селѣ Судосевѣ. — Земство и школы грамотности. — Школа или мѣры къ увеличенію „престижа“ власти? — Интересный процессъ. — Характеристика двухъ газетъ	418
Изъ Озвѣщенія. — I. Отъ Коммиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ въ Москвѣ. — II. Отъ Спб. Общества архитекторовъ въ Спб. о первомъ съѣздѣ русскихъ водныхъ. — III. Уставъ Спб. Общества пособія потерпѣвшимъ отъ пожарнаго бѣдствія въ С.-Петербургѣ	434
Изъ Озвѣщенія. — Иконографическій Листокъ. — Кредитъ для земствъ и городовъ, М. Я. Герценштейна. — Жизнь животныхъ, А. Э. Брэма. Т. I. — Исторія западной Европы въ новое время, Н. И. Карѣева, т. II. — Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки, Дж. Уинсора. — Суворовъ, Н. А. Орлова. — Записная книга на 1893 г., изд. К. Риккера.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

	стр.
АНГЛОМАНИЯ И АМЕРИКАНОФИЛЬСТВО ВО ФРАНЦИИ XVIII-го вѣка. — IV. — Окончаніе.	
— М. М. КОВАЛЕВСКАГО	445
МИМОЗА. — Изъ Шелли. — К. БАЛЬМОНТА.	478
ГАМБЕТТА. — Первое десятилѣтіе французской республики. — Окончаніе. — Е. И. УТИНА	488
ЛЮБОВЬ. — Разсказъ. — Д. МАМИНА-СИБИРЯКА	518
ПИСЬМА С. П. БОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ. — 1877 г. — 49-55. — Окончаніе	608
ДЖЕРАРДЪ. — Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ. — Часть вторая. XII-XV. — Окончаніе. — Съ англійскаго. — А. Э.	645
КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ. — Очерки. — А. Н. ПЫШИНА	693
ОВРЕЧЕННЫЯ. — Изъ Ф. Ковиэ. — О. Н. МИХАЙЛОВОЙ	739
СѢЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ЧАЯ ВЪ КИТАЕ. — П. КОРОСТОВЦА.	743
Н. А. Ж.-ой. — Стихотвореніе А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	756
ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО	757
ХРОНИКА. — Исполненіи государственной росписи за 1891 г. — О.	778
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Осудѣніе земскихъ кассъ. — Государственный кредитъ, какъ единственная правильная форма помощи земству. — Возможныя послѣдствія закрытія земскихъ школъ. — Процессъ въ харьковской судебной палатѣ. — Юридическое и бытовое значеніе превращенія власти	795
ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИЛѢТІЕ ВЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ПРАВА. — 1867-1892 гг. — Лекція Н. С. ТАГАНЦЕВА	818
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Политическія дѣла въ Европѣ. — Настроеніе германской печати и новыя военныя законопроекты. — Вопросъ объ Элизасѣ. — Полемика о „поддѣлкѣ“ денегъ въ 1870 г. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Динамитныя взрывы и законы о печати. — Разоблаченія по дѣлу панамскаго общества, и паденіе кабинета Лубэ	830
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Опытъ русской исторіографіи, В. С. Иконникова. — Всеобщая исторія литературы, В. О. Корша, подъ ред. А. Керичникова, вып. 27 и 28. — Историческая географія Европы, Эд. Фримана, т. I и II. — Биографія А. И. Кошелева, т. II. — А. В. — Новыя книги и брошюры.	846
Вопросъ о „самочинномъ умствованіи“. — Л. Тихомировъ, Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. — В. С. СОЛОВЬЕВА	863
Изъ Общежитной Хроники. — „Раздуты“ ли у крестьянъ „аппетиты на казенныя пособія“? — Л. Н. Толстой о положеніи восточныхъ уѣздовъ тульской губерніи. — Походъ противъ вакантнаго времени въ начальныхъ школахъ въ г. Шуѣ. — Административныя мѣропріятія въ Харьковѣ. — Печальная газетная полемика и утѣшительное слово науки. — А. Д. Галаховъ и А. А. Фетъ †	869
МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы“ за 1892 г.	889
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1892 г.	891
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Основы и предѣлы самоуправленія, М. И. Сѣми-никова. — Методика грамоты, І. Паульсона. — Современныя задачи нравственнаго воспитанія, К. Н. Яроша. — Поземельный кадастръ, О. Горбъ-Ромашкевича.	

Объявленія.

Конецъ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОГО ГОДА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления въ законодательствѣ вѣжжайшихъ европейскихъ государствъ. М. П. Свѣтшкова. Сб. 92. Стр. 295.

Этотъ обширный трудъ является плодомъ не только многолѣтнихъ кабинетныхъ занятій, но и личнаго знакомства автора на мѣстѣ съ организациою и дѣйствіемъ самоуправления въ многихъ европейскихъ государствахъ, причемъ сравниваются взгляды законодательства такихъ монархическихъ государствъ Европы, какъ Англія, Австрія, Пруссія, Італія, ниренскія и скандинавскія государства, — съ нашими дѣйствующимъ законодательствомъ по земскому и городскому общественному управленію. Въ своемъ заключеніи, авторъ пришелъ къ такимъ выводамъ, а именно, что „система централизациі и бюрократической опеки, существовавшая въ большинствѣ европейскихъ государствъ, предѣло отражалась на самостоятельности мѣстныхъ учреждений вообще“, а слѣдовательно и на общественномъ хозяйствѣ; что „отношеніе правительственной администрации должно быть контролирующее, а не опекающее“, а потому она „во всѣхъ допускахъ закономъ случаяхъ вмешательства (неутвержденіе должностныхъ лицъ или постановленій; роспускъ собраній; исполненіе за счетъ органовъ самоуправления) не должна имѣть диспозитивной власти“, но зато „мѣстной администраціи должно принадлежать право протеста и возбужденія вопроса объ отвѣтственности органовъ самоуправления... Правильное же устройство контроля надъ самоуправленіемъ — заключается авторъ — „мыслимо лишь при независимости суда и устройствѣ ряда самостоятельныхъ административно-судебныхъ коллегій“. По отношенію выборовъ представителей, авторъ формулируетъ свой выводъ такъ: „территориальность для избирателя и экстерриториальность для избираемаго“, т. е., выборы должны протекать по округамъ, но при этомъ избираемый не долженъ непременно принадлежать своему округу. — Въ концѣ своего труда авторъ помѣстилъ въ особомъ приложеніи 34 таблицы съ распредѣленіемъ, въ 1883—86 гг., земскихъ избирателей, гласныхъ и должностныхъ лицъ, въ каждой губерніи, по сословіямъ. Такъ, въ петербургской губерніи, въ половинѣ 80-хъ годовъ, было всего уѣздныхъ избирателей 5.765; изъ нихъ принимали участіе въ выборахъ 1216, и 289 были избраны въ уѣздные гласные; губернскихъ гласныхъ было 65, а по положенію 1890 г. — 32.

Методика грамоты, по историческимъ и статистическимъ даннымъ изложилъ І. Паулсонъ. Ч. II, съ политическими, Сб. 92. Стр. 514. Ц. 3 р., съ приложеніемъ букваря.

Первая часть труда имѣла въ виду руководить преподавателей методики въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ; настоящій выпускъ предназначается для самихъ учителей и учительницъ начальныхъ школъ, желающихъ ближе ознакомиться съ процессомъ обученія грамотѣ. Авторъ поставилъ себя задачею убѣдить въ томъ, что „чтеніе есть дѣятельность не свѣтнеческая, а аналитико-синтетическая, и что, слѣдовательно, главною основою обученія чтенію долженъ служить анализъ, и притомъ двойной: анализъ уснаго слова и морфологическій съ нимъ

анализъ письменнаго слова“. При такомъ взглядѣ учащій, по убѣжденію автора, не будетъ „безполезно тратить время ни на предварительныя звуковыя упражненія въ томъ видѣ, какъ они дѣлаются по произволу, ни на звукослѣніе, столь же безцѣльное, какъ и буквосложеніе. Въ книгѣ уделено значительное мѣсто фонетикѣ и графикѣ русскаго языка съ тѣмъ, чтобы учащій получилъ возможность знакомить учащихся съ существенными основами этихъ отраслей лингвистическаго изученія.

Современныя задачи нравственнаго воспитанія. Проф. К. Н. Яромъ. Харьковъ. 93. Стр. 163.

Посвятить начало трактата своему, — какъ выражается самъ авторъ, — „блужданію среди безконечныхъ противорѣчій, разногласій и гаданій, относительно основнаго идеала воспитанія“, онъ, кажется намъ, такъ и окончилъ трудъ, не избравшись на торную дорожку. То онъ не отрицаетъ значенія науки эллинизма, то тутъ же напоминаетъ, что классическія произведенія Греціи „принадлежатъ племеню, которое отличалось именно безхарактерностью, слабою устойчивостью въ добротѣ, изысканностью сердца, живостью языка“ и т. д., а слѣдовательно, едва ли пригодны для воспитанія нашего юношества. Отсюда выводъ: „руководство нравственнымъ созрѣваніемъ юношества имѣть лучшія средства, чѣмъ чужая старина; школа, какъ мнѣстическій Антей, сильна лишь — стои на родной землѣ, на національной почвѣ“. Хотѣлъ ли авторъ, говоря такъ, еще разъ подтвердить сказанное имъ выше, а именно, что современная намъ западная образованность не сдѣлала ничего другого, какъ только „вознесла духъ эллискаго древности (въ эпоху „возрожденія“ классицизма) и нанесла христіанской школѣ тяжелейшій ударъ, отъ котораго этой школѣ еще предстоитъ оправиться (возвратившись къ схоластики?) въ будущемъ“, — или авторъ хотѣлъ подготовить читателя къ защитѣ „Домостроя“, который онъ ниже весьма серьезно рекомендуетъ нашимъ педагогамъ, — это трудно рѣшить! Справедливости, однако, требуетъ замѣтить, что въ отрывкѣ о воспитательныхъ наказанияхъ авторъ, не сказавъ ничего противъ телесныхъ наказаній, также и не рекомендуетъ ихъ, даже приводить такое глубоко справедливое замѣчаніе Локка: „стыдъ у дѣтей занимаетъ такое же мѣсто, какое у женщинъ стыдливость, которая обращается въ безстыдство, если ее часто и грубо оскорбляютъ“. Указавъ на такую мысль, авторъ не менѣе вѣрно замѣчаетъ и отъ себя, что въ дѣтствѣ „порочность нуждается во времени для своего утвержденія — и еще въ большемъ времени для искорененія“.

Позиционный кадастръ. — О. Горько-Ромашкевича. Ч. I. Варшава, 92. Стр. 281. Ц. 2 р.

Въ настоящемъ выпускѣ авторъ ограничивается исторіею поземельнаго кадастра въ теоріи и практикѣ одной первой половины текущаго столѣтія. Не имѣя въ виду дать окончательное рѣшеніе вопроса о поземельномъ кадастрѣ, т. е. способѣ опредѣленія чистаго дохода съ земли на обложеніи налогомъ, или прямо путемъ исчисленія его, или косвенно — изъ цѣны земли и аренды, — авторъ предположилъ лишь пока сгруппировать матеріалъ для рѣшенія такого вопроса.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1893 г.

(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Съ перваго декабря открыта подписка на первую четверть 1893 года. —

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкамъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранцы*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителѣства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ сѣтномъ мѣстожителѣствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

UCKER
JAN 29 1981

